Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Obrazovanie
1/4 6 1
7:1-4
(L51
O35) v.7:1/4

LIBRARY
DEC 21 1961
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
BERKELEY

Digitized by Google

Digitized by Google

ОБРАЗОВАНІЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ
И
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

ЯНВАРЬ.

1898.

№ 4323 отс

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая ул., д. 15.
1898.

Digitized by Google

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 10 января 1898 г.

Digitized by Google

L51
035
v. 7:1-4

Оглавленіе журнала за 1898 годъ.

Педагогическій отдѣлъ.

	отр.
Основы воспитанія по взглядамъ Добролюбова А. Коллонтай № 9, 1—15, № 10, 1—19, № 11	1— 16
Огюстъ Контъ и его педагогическія идеи Н. Васильнова. № 1	1— 13
Изъ области практической педагогики П. Каптерева № 1	53— 59
Идеалы женскаго образованія Его же. № 3	1— 20
Современное англійское воспитаніе. Его же № 7—8	36— 43
Къ вопросу о народныхъ чтеніяхъ В. Вахтерова № 4	25— 35
Организація общественныхъ развлеченій проф. Н. Сумцова № 1	29— 43
Поэзія Майкова съ педагогической точки зрѣнія. Его же. № 3	40— 54
Наши школьные пасынки и страдальцы А. Синдѣева. № 1	81 - 96
Образовательное значеніе исторіи Л. Д. № 1	44— 52
Преподаваніе исторіи въ нашей средней школѣ какъ примѣръ педагогической рутины Я. Галишкина. № 4	76— 93
Что долженъ дать школьный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ Его же. № 10	111—125
Кое что о педагогическихъ выставкахъ В Воскресенскаго № 10	60— 69
Что такое городскія училища по положенію 1872 года С. Бобровскаго. № 9	95—107
Народное образованіе въ Швейцаріи И. Берлина. № 2	11— 35
Клерикально-антисемитское движеніе и народная школа въ Австріи П. Теплова. № 5—6	127—140
Посѣщеніе начальныхъ школъ въ Парижѣ С. М, № 5—6	150—159
Фулье о школѣ В. Гольцева. № 3	55— 57
Лѣтніе вакаціонные курсы въ Парижѣ и Марбургѣ (къ вопросу о подготовкѣ преподавателей новыхъ языковъ) В. Струве. № 3	83— 95
Одна изъ педагогическихъ несообразностей М. Лысковскаго. № 2	54— 65
Новыя министерскія программы для начальныхъ школъ Н. Ахутина. № 2	66— 73
Народное образованіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ М. Вруцевича. № 5—6	105—126
Наши модныя увлеченія въ области народнаго образованія В. Василевича. № 7—8	44— 64
Научное образованіе въ женскихъ профессіональныхъ школахъ Н. Лесютьевой. № 7—8	86— 96
Изъ воспоминаній сельскаго учителя П. Шестеринина. № 9	107—116
Народныя чтенія, картины и волшебный фонарь М. Круковскаго. № 7—8	112—118
Книжное дѣло у евреевъ Н. Пружанскаго. № 5—6	159—166

Digitized by Google

Къ вопросу о развитіи самодѣятельности у учащихся Н. Л. № 5—6 . . . . . 190—193
Къ вопросу объ учительскихъ съѣздахъ В. Василевича. № 5—6. 193—198
Еще о модныхъ увлеченіяхъ въ области народнаго образованія ***) № 10 . . . . . 47— 59
Какъ распространять земству книги въ народѣ? В. Солдатова. № 11 . . . . . 100—111
Что даетъ средняя школа (мнѣнія нѣмецкихъ профессоровъ о классическомъ образованіи П. Звѣздича № 11—73—85, № 12. 1— 16
Швейцарское просвѣтительное общество А. Слетовой. № 12 . . 50— 61
О нѣкоторыхъ законахъ психическаго утомленія Н. Вечеслова. № 11 . . . . . 33— 55
Воскресная школа въ деревнѣ Е. Урсыновичъ. № 7—8 . . . . . 187—212
Историческое освѣщеніе комедіи «Горе отъ ума» А. Хаханова № 7—8 . . . . . 181—186
О гражданскомъ воспитаніи Н. Дружинина. № 9 . . . . . 51— 55
О нехристіанскомъ патріотизмѣ, Симбирца № 12 . . . . . 120—121
Нѣсколько словъ въ защиту Череповской семинаріи. (письмо въ редакцію) К. Левина. № 2 . . . . . 125—128
Что намъ нужно? П. Д. № 7—8 . . . . . 1— 11
Неудача съ преміей Петра Великаго (письмо въ редакцію) Е. Звягинцева. № 9 . . . . . 116—120
О положеніи учителей женскихъ гимназій (письмо въ редакцію) Р. А. П. № 7—8 . . . . . 111—112
О школьныхъ врачахъ (письмо въ редакцію) В. И. № 11 . . . 126—128
Значеніе и роль учебника въ дѣлѣ школьнаго преподаванія Его же. № 12 . . . . . 36— 50
Педагогическое отдѣленіе Неофилогическаго общества при Спб. университетѣ А. Брауна. № 4 . . . . . 103—109
Судьба естествознанія въ нашихъ школахъ и обществѣ С. Бобровскаго. № 12 . . . . . 80— 92

Научный отдѣлъ:

Задачи всеобщей исторіи какъ науки проф. Д. Петрушевскаго № 2 . . . . . 1— 10
Судьбы русскаго романа П. Морозова № 1 . . . . . 13— 29
Генрихъ Гейне Его же. № 2 . . . . . 74— 94
Политическая доктрина пессимизма прив.-доц. Новгородцева № 1. 97—106
Исторія позитивной философіи проф. Г. Геффдинга перев. съ нѣм. Д. Викторова № 1—60—80, № 2—94—116, № 3 96—115, № 5—6—38—59, № 7—8—129—147, № 9—77—94, № 10, 126—140, № 11, 122—125, № 12 . .
О сознаніи у простѣйшихъ животныхъ прив.-доц. В. Вагнера № 3 . . . . . 21— 40
Западникъ Петровскаго времени Ѳ. Нелидова № 4—35—46, № 5—6 91—104
Англійскіе писатели XIX ст. проф. Ч. Териера № 4—47—50, № 7—8 . . . . . 166—180
Народъ и нація прив-доц. В. Гессена № 4—59—75, № 5—6 . . 59— 72
Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Очеркъ жизни и дѣятельности Ч. Вѣтринскаго № 5—6 . . . . . 1— 38
Владиміръ Короленко, характеристика М. Плотникова № 10 . . 20— 34
Что такое юморъ? А. Налимова № 7—8 . . . . . 119—128
Пятилѣтіе Московской Комиссіи по организаціи домашняго чтенія Сторожева. № 2 . . . . . 36— 54
Одинъ изъ опытовъ University Extension въ Россіи А. Горбунова. № 10—81—94, № 11 . . . . . 17— 32
Генрикъ Ибсенъ Н. Міровичъ. № 7—8 . . . . . 11— 35
Эволюція экономическаго строя и ея дѣленіе на періоды Макс. Ковалевскаго. Перев. съ франц. № 7—8 . . . . . 97—112

Digitized by Google

Феминизмъ и женская свобода З. Венгеровой № 5—6 . . . . . 73— 90
О самоубійствѣ (соціологическій этюдъ) А. Р. № 5—6 140-149
Что такое статистика? проф. Н. Райхесберга № 5—6 . . . . . 167—177
Для чего у человѣка два глаза? Н. Маха (перев. съ нѣмецк.) № 5—6 . . . . . 178—190
О нехристіанскомъ патріотизмѣ. Педагогическая замѣтка Симбирца № 12 . . . . . 120—121
Одна изъ бурныхъ натуръ реформаціонной эпохи В. Ивановскаго № 10—95—110, № 11 86—106, № 12 . . . . . 61— 79
Очеркъ соціальнаго развитія Англіи до XVIII ст. В. Дрелинга № 7—8—147—165, № 10 35—46, № 11 . . . . . 56— 72
Метафизика и наука. В. Вагнера. № 9 . . . . . 16— 34
Гр. Джіакомо Леопарди П. С. Когана № 9 . . . . . 34— 50
Историческіе романы Генрика Сенкевича проф. Шепелевича № 9. 57— 76
Л. Н. Толстой. П. Морозова. № 10 . . . . . 70— 80
Наставники человѣчества А. Хирьякова № 3 . . . . . 116—126
Успѣхи современной соціологіи въ ихъ соотношеніи съ исторіей прив.-доц. Н. Рожкова № 12 . . . . . 17— 36

На Западѣ.

Письма изъ Германіи: Литературные поминки и юбилеи: Т. Моммзенъ, А. Беклинъ и Г. Гейне. Г. Гроссмана. № 1 . . . . 1— 13
Современный нѣмецкій театръ. Его же. № 3—17—32, № 4—1—9. № 5—6—1— 14. Нѣмецкіе драматурги № 10 . . . . . 1— 14
О народной гордости и любви изъ отечеству № 11 . . . . . 1— 14
Газетная индустрія въ Германіи В. Турковскаго. № 9 . . . . . 1— 17
Изъ Австріи: Новыя направленія въ искусствѣ П. Звѣздича № 7—8 . . . . . 1— 21
Изъ Англіи: Новая женщина въ Англіи Л. Б. № 7—8 . . . . . 21— 40
Изъ Америки: Изъ жизни американскихъ университетовъ И. Гурвича. № 5—6 . . . . . 14— 20
Изъ Франціи: Французскія студенческія общества М. Г. № 12 . 1— 8
Изъ Англіи: Международный зоологическій и физіологическій конгрессы. К. Сентъ-Илера № 12 . . . . . 20—
Смерть Додэ З. Венгеровой № 1 . . . . . 13— 17
Парламентскіе нравы и обычаи въ Англіи. № 4 . . . . . 10— 17
Интеллигентный пролетаріатъ во Франціи.—Женскій вопросъ въ германскомъ рейхстагѣ и въ средѣ профессоровъ № 2 . . . . . 1— 18
Бисмаркъ и Гладстонъ (сравнительная характеристика) В. Поссе № 9 . . . . . 17— 22

Изъ иностранныхъ журналовъ:

Современная французская журналистика и вопросъ объ отвѣтственности печати. № 3 . . . . . 33— 43
Дѣтство Вольтера.—Сорель объ изученіи соціальныхъ наукъ.—О художественномъ образованіи.—Клерикалы и народное образованіе въ Англіи № 1 . . . . . 25— 34
Новые французскіе романисты.—Стихотворенія Нитцше № 2 . 36— 43
Современная нервность, ея характеръ и причины. № 5—6 . . 31— 51
Вырожденіе Франціи. № 4 . . . . . 18— 26
Классическое образованіе съ точки зрѣнія опытной психологіи.—Изъ жизни одного англійскаго педагога. № 10 . . . . . 14— 21
Газетная индустрія во Франціи.—Къ вопросу о классическомъ образованіи. № 11 . . . . . 14— 23
Новѣйшая мадьярская литература № 12 . . . . . 21— 31

Digitized by Google

Изъ жизни и литературы:

Художникъ переходнаго времени. А. Хирьякова.—Толки о молодежи. В. Ангарскаго. — Новые люди и новыя вѣянія въ прошлогодней беллетристикѣ. Н. Коробка № 1. . . . 34— 52
Современная англійская живопись. З. Венгеровой.—Поэтъ-учитель. А. Хирьякова. № 2 . . . . . 44 - 55
В. М. Гаршинъ (по поводу десятилѣтія со дня смерти). П. Морозова.—Къ воспоминаніямъ о Гаршинѣ. А. Калинова. № 4 43— 53
Былъ ли Бѣлинскій чуждъ русскому народу? В. Чернова. № 7—8 41— 51
Итоги дней Бѣлинскаго. А. Е. № 9 . . . . . 30— 40
Пѣвецъ протестующей тоски. В. Поссе.—Н. Г. Помяловскій (къ тридцатипятилѣтію его смерти). П. Морозова. № 11 . . . 38—59
Послѣдній поэтъ (памяти Полонскаго). П. Морозова. № 12 . . . 31—44

Письма изъ провинціи:

Изъ Лебедяни: Земство и народное образованіе. С. И.—Изъ Иркутска: Народные учителя въ Сибири. И. К. № 1 . . . . . 53— 60
Изъ Череповца: О народномъ образованіи И. А—ъ. Изъ Пскова. Послѣднія земскія собранія. В. Т. № 3 . . . . . 43— 58
Изъ Смоленска. Культурно-просвѣтительныя начинанія Н. Сиворцова.—Изъ Тамбова: Странные порядки въ просвѣтительномъ обществѣ В. Чернова. № 4 . . . . . 26— 43
Изъ Владимірской губ.: Школа и земство Б. У.—Изъ Харькова: Праздникъ древонасажденія проф. Н. Сумцова.—Изъ Самары: Кому нуженъ въ Самарѣ высшій сельскохозяйственный институтъ. —ъ. № 5—6 . . . . . 52— 61
Изъ Тулы: Дѣятельность Чернскаго земства по народному образованію С. Соинна.—Изъ Новгорода. Общество взаимнаго вспомоществованія учащимъ въ Новгородской губ. П. А.—
Изъ Самары. Общество поощренія образованія В. Пан—ъ. № 7—8. 52— 65
Изъ Рязани. Просвѣтительное движеніе Чужого.—Изъ Иркутска.—О положеніи народнаго образованія И. К. № 9 . . . . . 41— 49
Изъ Тамбова. Публичныя и народныя чтенія въ Тамбовѣ и отношеніе къ нимъ населенія. В. Черкова. № 10 . . . . . 22— 41
Изъ Кунгура. Замѣтки сельскаго учителя. З. У. М.—Изъ Гдовскаго уѣзда. Голодное житье. М. Храмцова. № 11 . . . . . 59— 65
Изъ Калуги. Просвѣтительныя начинанія Н. Фосса.—Изъ Сарапула: Своеобразная гигіена въ Сарапульской женской гимназіи Елеонскаго № 12 . . . . . 44— 54

Новости иностранной литературы

J. Milthaler. Das Rätsel des Schönen—J. Baumann. Ueber Willens-und Charakterbildung. П. Каптерева
V. Charbonnel La volonté' de vivre З. Венгеровой № 1 . . . . . 17— 74
G. Properzio. Gabriele d'Aununzio. З. Венгеровой
R. Günther. Allgemeine Kultugreschichte H. Geikie Founders of GeologyД. Коропчевскаго № 2 . . . . . 69— 35
Stanley de Brath. The foundations of success П. Шестакова
R. de Sizeranne. Ruskin et la religion de la beauté З. Венгеровой № 5—6 . . . . . 21— 30
Revue dramatique. Henric Ibsen. З Венгеровой.
R. Eucken Die Lebensanschauungen der grossen Denker.—M. Dessoir Geschichte der neueren deutschen Psychologie П. Каптерева
№ 9 . . . . . 23— 29

Digitized by Google

Изъ области знаній.

Успѣхи естествознанія проф. В. Шимкевича. № 1 . . . . . 60— 70
Искусственное золото (очеркъ изъ исторіи химіи) О. М. П. № 3. 1— 16
Въ какой мѣрѣ необходимы и допустимы чувственныя возбужденія? Д-ра Н. Зеланда. № 5—6 . . . . . 62— 76
О происхожденіи пола у животныхъ проф. В. Шимкевича. № 10. 42— 50
Успѣхи экспериментальной психологіи Л. Жирарда. № 11 . . . 23— 38

Хроника:

Тѣлесныя наказанія въ школѣ.—О дѣтскомъ отдыхѣ.—Учительскіе съѣзды.—Картинка съ натуры.—Примѣръ достойный подражанія. № 2 . . . . . 84— 96
Надежды и ожиданія.- О положеніи учителей нашихъ гимназій. Общеобразовательные курсы въ С.-Петербургѣ. № 3. 101—110
Грустная повѣсть.—Необходимая реформа нашей средней школы.—Дарованіе правъ женщинамъ врачамъ.— «Неудобныя» чтенія для народа.—Два сенатскихъ разъясненія по народному образованію.—Земскіе книгоноши. № 5—6 . . . 115—124
Какъ улучшить положеніе народнаго учителя? Простое рѣшеніе этого вопроса. Необходимая мѣра.—Разъясненіе Сената о библіотекахъ для учителей. № 7—8 . . . . . 101—111
Лѣтніе земскіе педагогическіе курсы.—О женскомъ медицинскомъ образованіи.—Куда дѣваться?—Крупныя мелочи.—Церковно-приходскія школы и школы грамоты. . О допущеніи учительницъ въ мужскія гимназіи.—Фабричные школы.—О законоучителяхъ въ народныхъ школахъ № 9. 85—100
О предстоящемъ чествованіи Пушкина. Циркуляръ о подготовкѣ учителей.—Важное разъясненіе Сената.—Обученіе дѣвочекъ въ сельскихъ школахъ.—О внѣшкольныхъ читальняхъ.—Печальная картина. Вопросы народнаго образованія на послѣднихъ земскихъ собраніяхъ № 12 . . . . . 97—112

Статистика образованія.

Народное образованіе въ Нижегородской губ. въ 1897 году. № 5—6. . . . . 77— 81
О положеніи народнаго образованія въ Самарской губ. А. Ш. № 4. . . . . 98—102

Книжный листокъ.

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія № 1—104—112, № 2—97—103, № 3—94—100, № 4—94—98, № 5—6—110—114, № 7—8—96—100, № 9—79—85, № 10—80—86, № 11—92—95, № 12 . . . . . 8— 97
Брошюры и статьи, допущенныя для произнесенія въ народныхъ аудиторіяхъ № 7—8. . . . . 113—115
Извѣщенія: отъ Харьковскаго университета № 7—8. . . . . —116
Отъ Комитета для помощи пострадавшимъ № 5—6. . . . . —125
Пожертвованія № 1 . . . . . —112

Критика и библіографія.

Литература русская и иностранная.

О. Петерсонъ и Балабанова. Западно-европейскій эпосъ и средневѣковый романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ. Зин. Венгеровой.

Digitized by Google

№ 1.—Е. Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ. З. Венгеровой. З. Гиппіусъ. Зеркала. А. Хирьякова. А. Сорель. Монтескье. П. Когана. № 2.—Кальдеронъ. Жизнь есть сонъ. З. Венгеровой. В. Стороженко проф. Вольномудрецъ эпохи Возрожденія. В. Леоновича. № 4.— К. Скальковскій. Въ Парижѣ. Зин. Венгеровой. Привѣтъ. Художественно-научно-литературный сборникъ. З. В. № 5—6.—Левесъ Женскіе типы Шекспира. П. Когана. М. Каррьеръ. Драматическая поэзія. З. Венгеровой. № 9.—А. Шаховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX в. П. С. Когана. Тенъ Бринкъ. Шекспиръ. М. Плотникова. № 10. — Юбилейныя изданія сочиненій Бѣлинскаго: 1. Сочиненія Бѣлинскаго, изд. Ф. Павленкова. Избранныя сочиненія Бѣлинскаго, изд. О. Поповой. Семь статей Бѣлинскаго. подъ ред. Ефремова и Якушкина. Изъ сочиненій Бѣлинскаго, избранныя статьи для семьи и школы подъ ред. В. Острогорскаго. Эстетика Бѣлинскаго, избранныя статьи и отрывки. Ц. Балталона. Систематическое собраніе сочиненій Бѣлинскаго изд. Н. Зинченко Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ Е. Соловьева. Бѣлинскій біографич. очеркъ, И. Иванова. В. Г. Бѣлинскій, А. Алферова. Альбомъ выставки Бѣлинскаго изд. Фишера.—П. Морозова. Луи Рейбо. Жеромъ Патюро въ поискахъ за общественнымъ положеніемъ. З. Венгеровой. № 11.—Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій т. I — Ш. Бичеръ Стоу. Хижина дяди Тома. З. Венгеровой. № 12.

Исторія и исторія культуры.

С. В. Сперанскій. Къ исторіи нищенства въ Россіи. Ал. Кизеветтера. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Вас. Сторожева. Д. Я. Самоквасовъ. Архивный инвентарь. В. Сторожева. № 1.—А. Трачевскій. Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе Н. Лазаревскаго. № 2.—Н. Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе т. II. А. Кизеветтера. Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія съ IV ст. до нашего времени т. I—Ш. М. Хвостова. А. Мечниковъ. Цивилизація и великія историческія рѣки. М. Плотникова. № 3.—Т. Циглеръ проф. Нѣмецкій студентъ въ концѣ XIX ст. В. Сторожева. Янсенъ. Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа М. Хвостова. К. Бюхеръ. Происхожденіе газеты. В. Ангарскаго № 4.—И. М. Ивановъ. Петръ Великій. Его жизнь и государственная дѣятельность. Ал. Кизеветтера. Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. М. М. Хвостова. № 5 - 6.—Н. Переферковичъ. Талмудъ, его исторія и содержаніе. А. Н.—Р. Андерсенъ. Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. Л. Купріянова. Современная Бельгія. Ст. Гулишамбаровъ. Всемірная торговля въ XIX вѣкѣ М. Плотникова. № 9.—Финляндія подъ ред. Д. Протопопова. П. Морозова. Норденъ. Итоги вѣка. П. Ганзенъ. Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи. М. Плотникова. № 10.—А. Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ. А. Кизеветтера. П. Гиро. Фюстель де Куланжъ. М. Хвостова. № 11. — Н. Дашкевичъ. Литературныя изображенія Имп. Екатерины II и ея царствованія. А. Кизеветтера. Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа вып. I и II. М. Хвостова. Ф. Паульсенъ. Нѣмецкіе университеты и ихъ историческое развитіе. Н. Сперанскаго. № 12.

Философія, психологія и этика.

Фридрихъ Кирхнеръ. Путь къ счастью. П. Каптерева. № 1. — Густавъ Гирнъ. Анализъ вселенной въ ея элементахъ. Д. Викторова. № 2.—Э. Крепелинъ. Умственный трудъ. Къ вопросу о переутомленіи.—Ѳ. Телятникъ. О психическомъ переутомленіи учащихся. П. Каптерева. Геффдингъ проф. О принципахъ этики. П. Каптерева № 3.—Гевлокъ Эллисъ. Мужчина и женщина. Этюдъ о вторичныхъ половыхъ признакахъ у человѣка. Э. Бемъ. Воспитаніе сына. Педагогическія письма къ молодой матери. Кн. Ек. Кудашева. Умственныя способности женщины. П. Каптерева. № 7—8.

Естествознаніе и географія.

А. Брантъ. Проф. Учебникъ зоологіи для студентовъ. Проф. В. Шевякова. Г. Паркеръ. Лекціи по элементарной біологіи. Проф. В. Шимке-

Digitized by Google

вича. 11. Грантъ-Алленъ Бесѣды о растеніяхъ и ихъ жизни. Пер. Фрейберга. Жизнь растеній, популярныя бесѣды Грантъ Аллена пер. Д. Прянишникова. Пр.-доц. К. Деккенбаха. Д-ръ І. Л. А. Кохъ. Нервная жизнь человѣка въ дни здоровья и болѣзни В. Батя. № 1.—Э. Реклю. Земля и люди. Вып. І и ІІ, Д. Коропчевскаго. № 3.—А. Н. Красновъ проф. Основы землевѣдѣнія. К. Чепурковскаго. Э. Гофманъ. Атласъ бабочекъ. Г. Якобсона. В. Богдановская. Учебникъ химіи. О. Прокофьевой. Федо. Научныя забавы.—Вагнеръ Фрейеръ. Развлеченія изъ міра науки. Т. Петрусевича. № 4.—Клейнъ. Астрономическіе вечера. К. Покровскаго. К. Крепелинъ. Природа въ комнатѣ. Вечернія бесѣды для юношества. Алекс. Ященко. № 7—8. Фабръ. Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. В. Варпаховскій. Опредѣлитель пресноводныхъ рыбъ Европ. Россіи. Проф. В. Шимкевича. № 9.—Проф. Павловъ Морское дно. Л. Кено. Вліяніе среды на организмы. Ложель. Что такое жизнь. Проф. В. Шимкевича. № 11.—А. Черевкова. Очерки современной Японіи. Д. Шрейдеръ. Страна восходящаго солнца. Н. Березина. Ф. Ле. Дантекъ. Живое вещество проф. В. Шимкевича. № 12.

Общественныя науки.

Вертильонъ. Курсъ административной статистики. Проф. И. Миклашевскаго. Т. Осадчій. Образованные земледѣльцы въ южной Руси. С. Касимова. № 1.—А. Эсменъ. Общія основы конституціоннаго права. Н. Лазаревскаго. № 3.—В. Романовскій. Государственныя учрежденія древней и новой Россіи. Н. Лазаревскаго. № 4.—Н. П. Дружининъ. Общепонятное законовѣдѣніе. Н. Лазаревскаго. Эрнестъ Энгель. Цѣнность человѣка. А. Налимова. № 7—8. Ф. Регельсбергъ. Общее ученіе о правѣ. Переводъ И. А. Богданова подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова. Н. Лазаревскаго № 10.

Вопросы народнаго образованія и педагогики.

Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Руководство къ устройству и веденію публичныхъ чтеній. С. Касимова. № 1.—М. Демковъ. Исторія русской педагогіи. П. Каптерева. В. Вахтеровъ. Народныя чтенія. В. Сторожева. № 2.—Отчетъ о дѣятельности воронежской коммисіи народныхъ чтеній за 1896—97 г. Вас. Сторожева. № 5—6. Е. Ловичъ. Прогрессъ и педагогика: Одна изъ новыхъ педагогическихъ теорій. А. Налимова. Начальное народное образованіе въ Тульской губерніи въ 1867-97 учебн. году. П. Каптерева. № 7—8. П. Мижуевъ. Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. П. Каптерева № 10. Образовательно-воспитательныя учрежденія для рабочихъ, изд. Е. Лавровой и Н. Попова. № 12.

Медицина и гигіена.

Граціанскій. Бесѣды о заразныхъ болѣзняхъ. Доценко. О вредѣ сифилиса Д-ра Д. Никольскаго. № 9.—Л. Рабининъ. Элементарная гигіена и основы анатоміи и физіологіи. Первыя понятія о томъ, какъ живетъ наше тѣло. Спутникъ здоровья. Популярная гигіеническая и медицинская библіотека. В. Рахмановъ. Совѣты о томъ какъ лѣчить накожныя болѣзни. Д-ра Д. Никольскаго № 10. Д-ръ Клейнзоргенъ. Гигіена зубовъ. Д-ра Никольскаго. № 12.

Учебники.

К. Петровъ. Русскій языкъ. Ѳ. Нелидова. М. Гусева. Родная нива. Н. Леонтьевой. Е. Жадовскій Курсъ ботаники. Б. Исаченко. № 2.—Терешкевичъ. Начала географіи. Н. Березина. № 3.—Басни И. А. Крылова. А. Налимова № 7—8. М. Острогорскій. Учебникъ русской исторіи. А. Кизеветтера. № 9.—П. Боркаковскій. Краткія біографіи русскихъ писателей А. Налимова. Титъ Ливій XXII книга, текстъ и комментаріи. Сост. Из. Виноградовъ. М. Р. А. Штакельбергъ. Первый годъ. Книга для обученія чтенію и письму. Н. Некрасовъ. Домашнее чтеніе. Н. Леонтьевой. № 12.

Digitized by Google

Книги для дѣтей.

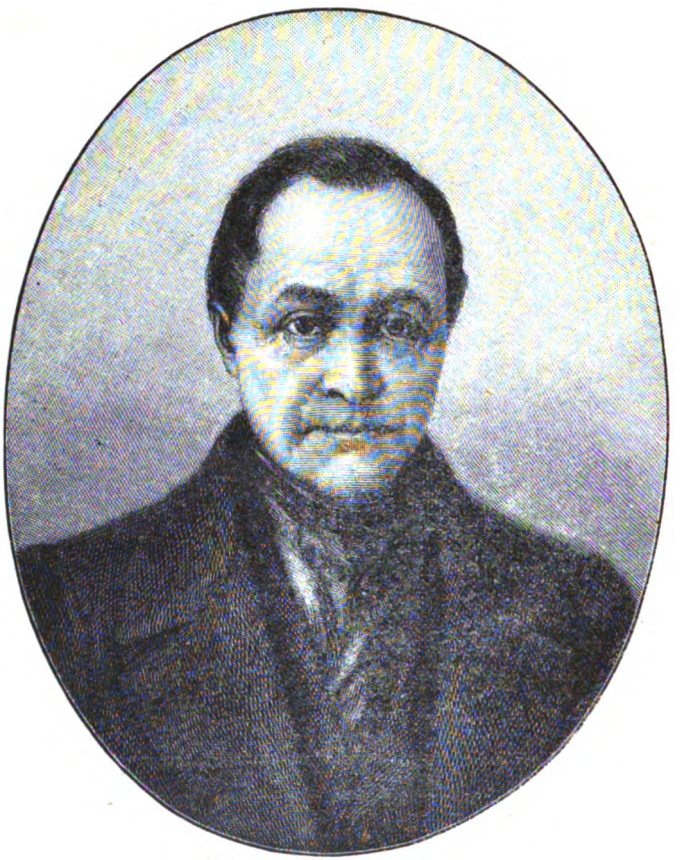
Сынъ Гетмана. Историческая повѣсть для юношества. О. И. Роговой. Почитать-бы. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Н. И. Познякова. О. Лорисъ-Меликовой. Д. Н. Маминъ Сибирякъ. Бѣлое золото. Повѣсть. В. Ангарскаго. № 1.—О. Григорьева. Коралы. Разсказы для дѣтей. Н. Познякова. Рейнике-Лисъ-Хитродумъ. Н. Леонтьевой. А. Алтаевъ. Снѣжинки. В. Стодоартъ. Сынъ оружейника. А. Налимова. № 2.—Н. Ласъ. Подъ счастливой звѣздой. Эли Берте. Маленькія школьницы пяти частей свѣта. Аскотъ Гоопъ. Семь мудрыхъ школяровъ. О. Лорисъ-Меликовой. В. Желиговская. Мала былинка да вынослива. Н. Леонтьевой. № 3.—Е. Садовниковъ. Наши земле-проходцы. Разсказы. Ч. Вѣтринскаго. В. Авенаріусъ. Гоголь-студентъ. Н. Леонтьевой. А. Линдбергъ. Разсказы гнома-сказочника. О. Лорисъ-Меликовой. Г. Дорофѣевъ. Кавказскія сказки и преданія. В. Ангарскаго. № 4.—Собраніе сочиненій Фенимора Купера. А. Налимова. А. Алтаевъ. Сборникъ занятій, игръ, пѣсенъ, разсказовъ, стихотвореній и шутокъ. П. Каптерева. № 5—6. Ясное солнышко и другіе повѣсти и разсказы для дѣтей средняго возраста. Клавдія Лукашевичъ. О чемъ куковала кукушка. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для маленькихъ дѣтей. О. Лорисъ-Меликовой. Ив. Смирнова. Изъ дѣтской жизни разсказы. Добрыя души. Чтенія для дѣтей и для народа. Утро. Разсказъ Н. Леонтьевой. № 7—8. П. Засодимскій. Дѣдушкины разсказы и сказки. А. Налимова. Библіотека нашихъ дѣтей. Изд. Е. Лавровой Н. Попова. А. Острогорскаго. № 10.—Библіотека дѣтскаго чтенія: Пумъ. В. и П. Маргеритъ. И. Потапенка. Два таланта. А. Налимова. А. Смирновъ. Школьные годы. М. Васильевъ. Изъ природы. О. Лорисъ-Меликовой. № 11.—С. Бобровскій разсказы моимъ дѣтямъ. Н. Березина. Н. Александровъ Народы Россіи. О. Лорисъ-Меликовой. № 12.

Журнальное обозрѣніе.

Что такое искусство Л. Н. Толстого. № 3. — «Міръ Божій» и «Русская Мысль» о литературѣ минувшаго года. Женскій типъ. В. Микуличъ.—Символизмъ г. Елпатьевскаго. Пробы пера. № 4.—«Парижъ» Зола. № 9.—Послѣдніе разсказы А. Чехова. № 10—«Тяга» Воборыкина.—«Лиза» Гр. Е. В. Т.—«Прелюдія Шопена» Гр. Толстого сына В. Поссе.—Университетъ и среднеобразовательная школа В. Вагнера, проф. В. Шимкевича. № 7—8.

Digitized by Google

Digitized by Google



Огюстъ Контъ

1798—1857.

Digitized by Google

Огюстъ Контъ и его педагогическія идеи.

(По случаю 100-лѣтія со дня рожденія).

19 января настоящаго (1898) года исполнится ровно столѣтіе со дня рожденія извѣстнаго мыслителя-позитивиста Огюста Конта. Мѣстомъ его родины была Франція, и въ частности, Монпелье, но онъ жилъ и работалъ для всего человѣчества. Его имя болѣе, чѣмъ какое либо другое, соединяется съ тѣмъ «позитивнымъ образомъ мышленія», который нынѣ овладѣлъ почти всѣми науками и вліяетъ на практическую область жизни. Здѣсь мы намѣрены напомнить читателю о взглядахъ великаго мыслителя на образованіе и воспитаніе, которые американскій ученый Уордъ называетъ «здравыми воззрѣніями». Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о его трудахъ по распространенію позитивнаго образованія въ западномъ обществѣ.

Французская революція завершила критическую работу передовыхъ мыслителей XVIII вѣка: устарѣлыя формы общественной жизни и мышленія были разрушены; чувствовалась нужда въ новыхъ болѣе разумныхъ и прочныхъ формахъ. Прежнія отрицательныя ученія не годились для созданія новаго общественнаго организма: они способны были только расчистить почву для него. На мѣсто ихъ должны были явиться новыя *положительныя* ученія. И дѣйствительно, въ первой половинѣ XIX столѣтія мы видимъ цѣлый рядъ мыслителей, выступившихъ съ положительными проектами общественнаго преобразованія человѣчества, таковы: Сенъ Симонъ, Фурье, Кабэ. Въ роли такого же реформатора выступилъ и Контъ. На него еще въ молодости произвела потрясающее впечатлѣніе анархія, царившая въ мысляхъ и дѣлахъ современниковъ, и онъ рѣшилъ объявить ей войну. Эта идея стала цѣлью всей его жизни и дѣятельности. Умственная анархія, вызвавшая безпорядокъ въ общественной жизни, явилась какъ результатъ упадка прежнихъ вѣрованій и истощенія высшихъ теологическихъ мотивовъ. Нужны были новыя вѣрованія и новыя раціональныя человѣческія основанія для дѣя-

Digitized by Google

тельности. Соціальную эволюцію Контъ ставилъ въ зависимость отъ эволюціи этической. Не придавая большого значенія общественнымъ учрежденіямъ и формамъ правленія, вообще внѣшнимъ условіямъ человѣческой дѣятельности, онъ весь центръ тяжести видѣлъ во внутренней природѣ человѣка, въ его понятіяхъ и нравственной настроенности. Онъ поставилъ себѣ задачей замѣнить отжившія понятія научными понятіями, расположенными въ одной стройной системѣ, и привести такимъ образомъ умы, отказавшіеся отъ мистическихъ и метафизическихъ вѣрованій, къ единству, затѣмъ распространить эти понятія не только среди привилегированныхъ классовъ общества, но и среди простого народа, который былъ лишенъ доселѣ почти всякаго образованія. По его мнѣнію, только личность, воспитавшаяся на новыхъ позитивныхъ воззрѣніяхъ, возродившаяся умственно и нравственно изъ анархіи разлагавшагося общества, возстановившая гармонію между своей личной и общественной жизнью, воодушевленная любовью къ другимъ, можетъ явиться истиннымъ дѣятелемъ на пользу общественнаго порядка и прогресса. Этимъ объясняется происхожденіе его замѣчательнаго *курса позитивной философіи* (Cours de philosophie positive) и основанной на немъ *системы позитивной политики* (Système de politique positive), и его энергическая дѣятельность по распространенію научнаго образованія.

Въ своемъ адресѣ королю Луи-Филиппу, поданному отъ имени постояннаго комитета политехнической ассоціаціи по поводу іюльской революціи (1830 г.), Контъ указывалъ между прочимъ на необходимость бороться съ анархіей при помощи широкой и прогрессивной реформы въ народномъ образованіи. Онъ выражалъ сожалѣніе и досаду, что палаты и министры Франціи небрежно относятся ко всему тому, что касается народныхъ знаній, народнаго умственнаго развитія, и просилъ короля привлечь низшій классъ общества къ участію въ соціальной волюціи поднятіемъ его умственнаго уровня. Контъ выяснялъ, что всѣ выгоды общественнаго обновленія выпадаютъ на долю привилегированныхъ лицъ, стоящихъ у правленія, а не на долю народа, который не участвуетъ въ обновленіи. Несмотря на общее умственное оживленіе XVIII вѣка, народныхъ школъ, въ которыхъ преподавались-бы свѣтскія науки, дѣйствительно, въ то время почти совсѣмъ не существовало: были частные пансіоны, но въ нихъ обучали только иностраннымъ языкамъ и свѣтскимъ манерамъ и притомъ дѣтей только состоятельныхъ родителей. При церквахъ и монастыряхъ продолжали существовать духовныя училища съ ихъ латинскими и греческими грамматиками, св. Писаніемъ и схоластическимъ направленіемъ въ преподаваніи. Такимъ образомъ получать свѣдѣнія о природѣ и человѣческой жизни народу было негдѣ. Контъ высказалъ въ адресѣ свою основную мысль, которая стала потомъ руководить его собственной дѣятельностью.

Digitized by Google

Въ 1831 году онъ началъ читать свои популярныя безплатныя лекціи по астрономіи въ зданіи мэріи, продолжавшіяся до 1848 года. На эти лекціи, происходившія въ воскресные дни, собиралась разнообразная и многочисленная публика, большую часть которой составляли рабочіе и мастеровые съ парижскихъ фабрикъ, заводовъ и изъ мастерскихъ. Публику привлекала, конечно, не столько астрономія, сколько тѣ общія основныя идеи позитивизма, которыя философъ излагалъ попутно. Философскія и соціальныя воззрѣнія Конта находили сочувствіе и одобреніе въ публикѣ, но вызывали вмѣшательство администраціи. Разъ онъ позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько ироническихъ замѣчаній по поводу того лицемѣрія, которое такъ часто выдается за религіозное чувство. Духовные журналы забили тревогу. Министръ народнаго просвѣщенія послалъ на лекцію инспектора послушать, что говоритъ философъ. Это былъ Жоффруа Сентъ-Илеръ. Онъ далъ заключеніе въ пользу Конта, и тотъ могъ безпрепятственно продолжать чтенія. Но въ другой разъ ему сдѣлали замѣчаніе, чтобы онъ не выходилъ изъ предѣловъ своего предмета, и на его стремленія превратить лекціи по астрономіи въ лекціи по позитивной философіи пригрозили прекратить ихъ совсѣмъ *).

Не довольствуясь личной дѣятельностью, философъ задумалъ основать общество для распространенія образованія въ народѣ. Съ этой цѣлью онъ выпустилъ въ 1848 году прокламацію ко всему Западу, въ которой говорилось: «Предварительная переработка убѣжденій и нравовъ составляетъ единственное прочное основаніе для постепеннаго преобразованія учрежденій; преобразованіе это будетъ совершаться по мѣрѣ того, какъ общество будетъ свободно усваивать основные принципы того окончательнаго устройства, къ которому всегда стремились всѣ лучшія силы человѣчества. Такимъ образомъ, *разумное народное образованіе* становится теперь главной, дѣйствительно необходимой, мѣрой для естественнаго завершенія великой революціи. Эта необходимость хорошо понимается самими пролетаріями, которые, несмотря на все удивительное благородство своихъ непосредственныхъ инстинктовъ, сознаютъ, какъ необходимо для нихъ систематическое развитіе» **). Свободная ассоціація подъ характернымъ девизомъ *Порядокъ и Прогрессъ* имѣла цѣлью распространять это «разумное образованіе» въ народѣ и содѣйствовать его «систематическому развитію». На призывъ Конта вступить въ члены этого общества откликнулись его бывшіе товарищи по Политехнической школѣ, врачи, натуралисты. И вотъ въ скромной квартирѣ философа, на улицѣ Принца, открылъ свои засѣданія небольшой кружокъ лицъ, задумавшихъ реформировать общество, не прибѣгая

*) В. Яковенко. О. Контъ, его жизнь и философская дѣятельность. Спб. 1894 г. Стр. 60.

**) Dr. Robinet. Notice sur l'oeuvre et sur la vie d'Auguste Comte, Paris. 1864. p. 439.

Digitized by Google

ни къ какимъ насильственнымъ дѣйствіямъ, а пользуясь исключительно силой убѣжденія и слова. Кружокъ выдѣлилъ изъ себя коммиссію для составленія плана позитивной школы. Казалось бы, что позитивное общество, задавшееся цѣлью преобразовать человѣчество путемъ вліянія на его вѣрованія и убѣжденія, выступитъ съ проектомъ широкихъ и глубокихъ измѣненій въ школьномъ дѣлѣ. Но этого не случилось. Коммиссія предложила лишь прибавить къ программамъ существовавшей уже Политехнической школы біологію и соціологію, а къ программамъ медицинской школы—физико-математическія науки и надѣялась, что изъ такихъ школъ выйдутъ люди съ новыми воззрѣніями на жизнь,—люди, способные отдать свои силы на служеніе человѣчеству. Но это было заблужденіемъ. Извѣстно, что самыя точныя познанія въ біологіи и соціологіи могутъ уживаться съ совершенно нечеловѣколюбивыми, анти-соціальными стремленіями.

Но какъ бы то ни было общество работало: оно издавало книги и брошюры по разнымъ вопросамъ, устраивало публичныя чтенія и бесѣды. Болѣе выдающимися дѣятелями его были извѣстные позитивисты того времени: Литтре, Лафитъ, Фабьенъ, Магненъ, Робинэ, Лонгшампъ. Главная и большая часть трудовъ ложилась, конечно, на самого основателя и предсѣдателя общества О. Конта.

Въ 1849 году ему удалось получить разрѣшеніе читать публичныя лекціи во «дворцѣ кардиналовъ». Свободомыслящій министръ и сенаторъ Вилярдъ позволилъ ему на этотъ разъ читать уже не по астрономіи, а по «Общей исторіи человѣчества». Теперь философъ могъ высказывать до конца свои завѣтныя убѣжденія: онъ развивалъ свою теорію соціальнаго развитія человѣчества, касался его прошедшаго и настоящаго состоянія и рисовалъ картину будущаго окончательнаго устройства. На публику эти лекціи производили сильное впечатлѣніе. Такъ, одинъ изъ его слушателей и послѣдователей замѣчаетъ о нихъ: «Впечатлѣніе отъ этихъ лекцій не могло изгладиться съ теченіемъ времени, и до сихъ поръ еще, т. е. по прошествіи сорока лѣтъ, воспоминаніе о нихъ глубоко трогаетъ сердце наше... Да, въ эти исключительные часы, когда возвѣщались столь великія судьбы, мы чувствовали дыханіе человѣчества, мы предвосхищали его реальность, его величіе, мы убѣждались въ немъ, и священный энтузіазмъ доказанной вѣры навѣки возгорался въ нашихъ сердцахъ» *). Понятіе объ этихъ чтеніяхъ можно составить себѣ по «*Позитивному катехизису*», вышедшему въ 1852 году и представляющему ихъ резюме.

Въ 1854 году Контъ выпустилъ списокъ книгъ для чтенія, который предназначался спеціально для простого народа, какъ это видно изъ его первоначальнаго заглавія «Bibliothéque du proletaire au XIX siècle», и только впослѣдствіи измѣненнаго въ болѣе

*) Robinet. Not. p. 273.

Digitized by Google

общее названіе «Bibliothéque positiviste». Списокъ состоитъ изъ 150 томовъ, раздѣленныхъ на четыре отдѣла: первый заключаетъ въ себѣ поэзію; второй—науку; третій—исторію; четвертый—синтезъ (философію и религію).

Философъ желалъ, чтобы пріобрѣтеніями человѣческаго ума пользовались всѣ классы общества, чтобы образованіе простиралось на все человѣчество, а не ограничивалось лишь одной воображаемой аристократіей. «Важно никогда не забывать,—писалъ онъ,—что система позитивнаго воспитанія непремѣнно назначается для прямого и постояннаго пользованія не въ одномъ какомъ-либо исключительномъ классѣ, сколь бы обширнымъ онъ ни предполагался, но во всей совокупности населенія по всему протяженію Европейской республики... Ничто не можетъ столь глубоко охарактеризовать настоящую анархію, какъ позорный индифферентизмъ, съ какимъ современные высшіе классы смотрятъ обыкновенно на полное отсутствіе народнаго образованія... Первое существенное условіе позитивнаго воспитанія, одновременно умственнаго и нравственнаго, разсматриваемаго какъ необходимая основа истинной соціальной реорганизаціи, должно непремѣнно состоять въ его безусловной всеобщности». Онъ высказывался за неизмѣнную однородность человѣческаго ума и вѣрно замѣчалъ, что низшіе классы гораздо болѣе нуждаются въ общественномъ образованіи, котораго не могутъ замѣнить ихъ частныя средства, и въ то же самое время значительно болѣе подвержены тѣмъ несправедливостямъ, избѣжать которыхъ можно лишь при помощи болѣе высокаго развитія.

Въ построеніи общаго плана раціональнаго образованія Контъ придавалъ большое значеніе своей *позитивной классификаціи наукъ*. Всякую науку можно плодотворно изучать, лишь изучивши предварительно тѣ основныя науки, которыя предшествуютъ ей въ порядкѣ его положительной іерархіи. Такъ, для надлежащаго изученія общественныхъ явленій и правильнаго ихъ пониманія нужно предварительно изучить астрономію, физику, химію и біологію, потому что въ соціальныя явленія привходятъ законы явленій біологическихъ и физическихъ. На этой идеѣ должно быть построено и будущее научное образованіе человѣчества. «Если лучшей классификаціей,—говоритъ Милль,—должна считаться та, которая обоснована на свойствахъ наиболѣе важныхъ для нашихъ цѣлей, то классификація Конта вполнѣ соотвѣтствуетъ этому требованію. Располагая науки въ порядкѣ сложности ихъ предметовъ, она представляетъ ихъ въ порядкѣ трудности. Каждая наука предлагаетъ себѣ задачу болѣе трудную, чѣмъ та, какую имѣютъ науки, предшествующія ей, и слѣдовательно, совершенство останется для нея всегда менѣе доступнымъ и если будетъ достигнуто, то вѣроятно позже. Вдобавокъ къ этому, каждая наука для установки своихъ истинъ нуждается въ истинахъ предыдущихъ наукъ». Научный рядъ Конта состоитъ изъ астрономіи, физики, химіи, біологіи и соціологіи. Въ началѣ этого ряда онъ ставилъ еще

Digitized by Google

математику, какъ науку, занимающуюся самыми общими и менѣе сложными явленіями, каковы, напр., понятіе о числѣ (ариѳметика), протяженіи (геометрія) и движеніи (механика). Впослѣдствіи къ этому ряду была прибавлена седьмая наука—позитивная этика; нѣкоторые послѣдователи Конта признавали необходимыхъ ввести еще психологію и политическую экономію. «Какой бы просторъ ни былъ допущенъ въ построеніи системы воспитанія, основывающейся на практическихъ соображеніяхъ, одно условіе, во всякомъ случаѣ, должно быть соблюдаемо, — замѣчаетъ Лестеръ Уордъ, *)—и на него то Контъ указываетъ съ особымъ удареніемъ,—именно, что ни одинъ учитель не долженъ пытаться излагать законы науки, болѣе сложной, чѣмъ его спеціальность, и что никто не долженъ считаться пригоднымъ для преподаванія какой-либо науки, если онъ не ознакомился сначала со всѣми науками, предшествующими ей въ научной іерархіи... Конечно, нѣтъ нужды, чтобы онъ зналъ всѣ эти науки одинаково хорошо или во всѣхъ ихъ деталяхъ,—это было бы выше человѣческихъ силъ,—но полное пониманіе общихъ принциповъ всѣхъ предшествующихъ наукъ, по мнѣнію Конта, необходимо для права преподавать какую-либо изъ нихъ. Это можетъ показаться весьма строгимъ требованіемъ, но если мы не отрицаемъ подчиненія наукъ другъ другу, то мы неизбѣжно должны признать его логичность. И если мы примемъ во вниманіе огромныя преимущества, которыя обезпечитъ для воспитанія всеобщее признаніе подобнаго требованія, мы вполнѣ можемъ предположить, что исполненіе его окупитъ трудности. Во всякомъ случаѣ, какъ идеальная система воспитанія, оно даетъ кое-какую пищу для ума, и единственное возраженіе, какое мы можемъ сдѣлать противъ него, есть указаніе на его практическую неприложимость».

Контъ называетъ воспитаніе первымъ изъ всѣхъ искусствъ, которое «совершенствуетъ всего человѣка и потому отличается своей общностью». Но задача воспитанія, по нему, состоитъ прежде всего «въ совершенствованіи человѣческой воли»,—въ томъ, чтобы сдѣлать ее твердой и подвижной ко всему доброму и прекрасному **). Внося полное единство въ индивидуальную жизнь человѣка развитіемъ ума, сердца и воли, воспитаніе въ то же время принимаетъ спеціально *нравственный* характеръ, пріучая насъ «жить для другого» (vivre pour autrui). Оно должно приготовлять слугъ человѣчеству и потому въ немъ долженъ преобладать болѣе этическій элементъ, чѣмъ интеллектуальный. Воспитаніе основывается на дѣйствительномъ существованіи въ природѣ человѣка симпатическихъ наклонностей, и потому оно должно подчинять

*) Л. Уордъ. Крат. обзоръ поз. философіи Конта. См. кн. О Контѣ и позитивизмѣ, М. 1897 г. Стр. 325—326.

**) A. Comte. «Système de politique positive». Paris 1854 г Томъ IV стр. 249.

Digitized by Google

этимъ симпатическимъ наклонностямъ всѣ личные, т. е. эгоистическіе инстинкты *).

Воспитаніе начинается въ нѣдрахъ семьи, подъ благотворнымъ вліяніемъ матери, и продолжается въ школѣ, подъ воздѣйствіемъ развитыхъ, высоко-нравственныхъ воспитателей. Въ теченіе періода семейной и школьной жизни нужно развивать въ каждомъ питомцѣ два главныхъ чувства—*любовь и вѣру*. Средствами къ развитію благородныхъ чувствъ должны служить, по Конту, изящныя искусства и очищенная идеальная религія. Поэзія (стихи), музыка, пѣніе, рисованіе содѣйствуютъ развитію наклонности къ изящному и прекрасному въ дѣтяхъ. Женщина, какъ послѣднее слово изящнаго въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ, особенно благотворно вліяетъ въ этотъ періодъ жизни. Не даромъ мать называютъ лучшей воспитательницей дѣтей. Въ женщинѣ, по Конту, преобладаютъ нѣжныя, альтруистическія чувства, и потому подъ ея воздѣйствіемъ сердце дитяти развивается въ добромъ, симпатическомъ направленіи. Ребенокъ привыкаетъ принимать близко къ сердцу несчастія ближняго, принимать участіе въ страданіяхъ другого и дѣлается отзывчивымъ ко всему доброму, истинно-человѣческому. Контъ глубоко сожалѣлъ, что ему самому недолго пришлось пользоваться благотворнымъ вліяніемъ своей доброй и вѣрующей матери Розаліи, что его рано оторвали отъ вліянія родной семьи и отдали въ школу. Ему казалось, что онъ много потерялъ отъ этого въ развитіи своей сердечности. Изъ своего личнаго опыта онъ вынесъ то убѣжденіе, что «основательное воспитаніе чувствъ должно предшествовать воспитанію ума и всѣхъ жизненныхъ силъ» **). Итакъ, воспитаніе должно сначала носить характеръ «*нравственно-эстетическій*» ***). Въ развитіи умственныхъ способностей дѣтей слѣдуетъ прибѣгать, по Конту, къ «*наглядности*», въ воспитаніи же воли нужно обращаться къ «*непосредственности*» ****).

Въ основѣ педагогики и дидактики этого возраста у Конта лежитъ тотъ взглядъ, что возрастъ дѣтей, по своимъ многимъ характернымъ проявленіямъ, напоминаетъ первоначальное состояніе человѣчества въ періодъ «*фетишизма*». Извѣстно, что Контъ развитіе индивидуальнаго человѣка приравнивалъ къ развитію человѣчества и находилъ такъ же у него, какъ и въ исторіи человѣчества, три стадіи: теологическую, метафизическую и позитивную. Теологическій періодъ жизни начинается фетишизмомъ, продолжается въ политеизмѣ и заканчивается монотеизмомъ. Въ начальную пору жизни болѣе, чѣмъ въ какое-либо другое время, народы склонны къ непосредственному, чувственному, воспріятію впечатлѣній. Въ это же время болѣе всего проявляются у нихъ

*) Jbid. стр. 260.
**) Предисловіе къ *Позитивному Катехизису*
***) A. Comte. Système de pol. posit. Paris 1851 г. Т. I. Стр. 12, 98 et seq. 202, 242. Т. IV. Стр. 163.
****) Ibid. Томъ IV. Стр. 261—263.

Digitized by Google

и грубыя, эгоистическія чувства и наклонности. Дѣти, по мнѣнію Конта (которое раздѣляется многими путешественниками и учеными, въ родѣ Спенсера, Дрепэра, Леббока и Тэйлора) въ ранней молодости своей напоминаютъ именно это первоначальное, дикое, состояніе народовъ. Кто не знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, дикихъ выходокъ нашихъ мальчиковъ, этихъ маленькихъ фетишистовъ и политеистовъ, главныя развлеченія которыхъ заключаются въ борьбѣ, войнѣ, шумѣ и гвалтѣ? Кого не поражалъ ихъ неровный, пылкій, характеръ, на который такъ сильно и такъ кратковременно дѣйствуютъ внѣшнія впечатлѣнія? Безграничная удаль, щеголянье выносливостью боли, одинаково характеризуютъ и нашего школьника и индѣйца, считающаго постыднымъ выказать страданье. Склонность разсуждать съ помощью рукъ, употреблять пальцы въ счисленіи, наглядное изображеніе всѣхъ происходящихъ кругомъ явленій и событій, самая конкретность представленій о нихъ, любовь къ блестящимъ предметамъ,—все это одинаково свойственно и дѣтямъ, и дикарямъ. Дѣтскія игры, по мнѣнію Тейлора, составляютъ остатокъ обычаевъ, бывшихъ у взрослыхъ въ употребленіи въ отдаленныя времена и сохранившихся донынѣ у разныхъ дикихъ племенъ. Леббокъ сообщаетъ много фактовъ, доказывающихъ основное сходство многихъ языковъ первобытныхъ народовъ съ языкомъ нашихъ дѣтей, заключающееся въ стремленіи къ повторенію слоговъ. Подобныя слова въ европейскихъ языкахъ являются скорѣе исключеніями (напр. въ англ. яз. adsititiens, adventitiens), у дѣтей же они составляютъ главную часть лексикона: папа, мама, няня, дядя, ляля, вава и пр. *)

«Въ семьѣ начинаетъ постепенно воспитываться чувство общественности,—говоритъ Контъ.—Самый фактъ рожденія невольно связываетъ насъ съ прошедшимъ и заставляетъ тотчасъ же чувствовать зависимость отъ него. Въ этомъ сознаніи зависимости заключается первый фазисъ нравственнаго развитія. Дитя невольно подчиняется родителямъ, съ которыми оно связано своей жизнью и языкомъ, и потомъ уже развивается у него чувство сыновняго почтенія. Уваженіе и благодарность растутъ въ немъ по мѣрѣ того, какъ оно видитъ удовлетвореніе старшими своихъ личныхъ потребностей. Оно привыкаетъ относиться съ почтеніемъ и признательностью не только къ современникамъ, но и ко всѣмъ предшествующимъ поколѣніямъ. Далѣе, отношенія къ братьямъ и сестрамъ развиваютъ въ немъ чувства солидарности, равенства, братства и любви. Съ переходомъ въ школу чувство общественности развивается еще болѣе; здѣсь являются: товарищество, дружба» **).

Семейное воспитаніе подготовляетъ къ школьному воспитанію,

---

*) Дж. Леббокъ. Начало цивилизаціи 1870 г. Стр. 402–403. Тэйлоръ. Первобытная культура. Т. I. гл. 3 и ж. «Вѣстникъ Европы» 1874 г. Т. I. Стр. 235 ст. Мечникова.

**) A. Comte. Système de pol. pos. Т. II. 1852 г. Стр. 184—186; 196—197.

Digitized by Google

которое характеризуется постепеннымъ расширеніемъ умственнаго кругозора. Мальчикъ въ теченіе 6 лѣтъ изучаетъ послѣдовательно науки въ томъ систематическомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ расположены Контомъ. Онъ идетъ постепенно отъ одной науки къ другой, отъ менѣе сложныхъ и болѣе общихъ явленій къ болѣе сложнымъ и частнымъ явленіямъ, возвышаясь, наконецъ, до понятія о человѣчествѣ, его историческомъ прошлотъ и современномъ положеніи. Юноша въ 14—20 лѣтъ переживаетъ то переходное *метафизическое* состояніе, въ которомъ находилось нѣкогда и все человѣчество. Этотъ періодъ умственнаго развитія характеризуется вѣрой въ *отвлеченныя* существа, которыя невидимо скрываются за явленіями. Результаты чувственныхъ впечатлѣній, преобладавшихъ въ періодъ грубаго фетишизма, теперь стягиваются вмѣстѣ и группируются въ отдѣльные смутные образы и представленія. Сердце полно таинственной неизвѣстности и мучительнаго ожиданія. Есть желаніе сдѣлать шагъ впередъ, но вопросъ, куда идти и что дѣлать, остается нерѣшеннымъ, открытымъ вопросомъ. Въ юности всѣ отрывочныя впечатлѣнія дѣтства собираются въ одну общую умственную и нравственную настроенность, которая выражается вѣрой непремѣнно въ какой-нибудь идеальный предметъ. На этомъ большей частью отвлеченномъ предметѣ и сосредоточиваются всѣ первыя мечты и лучшія желанія. Контъ говоритъ, что въ это время почти каждая юная душа переживаетъ мистическое состояніе и ищетъ нравственнаго возвышенія или въ религіи, или въ платонической любви, гдѣ идеально возвышается она до милаго образа обожаемой женщины. Одновременно усиливается вѣра и вдохновеніе, и желаніе что-нибудь любить и чему-нибудь служить. Этотъ періодъ соотвѣтствуетъ среднимъ вѣкамъ съ ихъ мистическо-романтической настроенностью. Воспитатели должны, по Конту, помочь воспитаннику перейти отъ этого пустаго и безплоднаго метафизическаго состоянія къ положительному и создать себѣ прочный и вѣрный идеалъ, чтобы ему посвятить потомъ всѣ лучшія свои силы.

Но что можетъ быть лучше и благороднѣе идеала служенія человѣчеству, которому мы обязаны и жизнью, и счастьемъ, и талантами, и энергіей, и любовью? Вѣдь мы не только въ дѣтскомъ, но и въ юношескомъ, и зрѣломъ возрастѣ нуждаемся въ содѣйствіи «другихъ»; этимъ содѣйствіемъ обусловливается богатство и разнообразіе нашихъ знаній, успѣхъ нашихъ занятій, самое здоровье наше и жизнь. Нужно внушить тогда каждому юношѣ, сколько усилій и размышленій, и геніальности, слезъ и крови было потрачено на достиженіе тѣхъ благъ, которыми онъ пользуется; сколько благодѣтелей трудилось для него, многочисленныхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ тружениковъ на поприщѣ промышленности и мысли, и что только слѣпая гордость въ состояніи забыть всѣхъ этихъ тружениковъ, терпѣливыхъ изобрѣтателей, смѣлыхъ реформаторовъ, самоотверженныхъ и благородныхъ мучениковъ! Нужно пробудить тогда въ юной душѣ

Digitized by Google

твердое намѣреніе внести также и свою лепту, доставить и свою долю труда и мысли, вложить и свой, хотя незначительный, однако полезный, камень въ общее зданіе цивилизаціи. Пусть она знаетъ при этомъ, что «своего» ничего не имѣетъ, а что имѣетъ, то принадлежитъ человѣчеству, прошедшимъ или настоящимъ поколѣніямъ, что трудами цѣлой жизни никто изъ насъ не возвратитъ и ничтожной доли изъ того, что получилъ, и пусть, поэтому, каждый знаетъ только *долгъ*, а не личныя какія либо заслуги или права. Итакъ, будущій гражданинъ долженъ всегда помнить, что «*жить для другого*» есть прямая обязанность честнаго человѣка (vivre pour autrui), вытекающая изъ того неопровержимаго факта, что каждый «*живетъ при содѣйствіи другого*» (vivre par autrui) *). Такой взглядъ на сущность образованія и воспитанія напоминаетъ намъ мысли великаго Шекспира, который также называлъ *воспитаннымъ* человѣкомъ только того, кто благодаренъ человѣчеству или, выражаясь его языкомъ, «платитъ проценты» за пользованіе благами культуры. «Предметы, растущіе только для себя, есть злоупотребленіе растительной силы», говоритъ онъ. Мы рождены для того, чтобы дѣлать добро», и «умъ данъ намъ для того, чтобы свѣтить другимъ». Вы спросите, какъ же собственно дѣйствовать на волю питомца, когда уже достаточно развитъ и облагороженъ умъ? Нужно, отвѣчаетъ Контъ, дѣйствовать на нее посредствомъ *привычки*. Нужно показать молодому существу, что торжество надъ собой, надъ своими личными наклонностями, надъ своей лѣнью и апатіей достигается привычкой, которая крѣпнетъ постепенно, благодаря прелести симпатическихъ чувствъ **). Нужно показать всю эту прелесть и красоту чувствъ, — показать, что альтруистическія дѣйствія, исполненіе долга или «un effort sur soi même en faveur des autres» даютъ высшее наслажденіе. Въ самомъ дѣлѣ, какое удовольствіе можетъ сравниться съ удовольствіемъ исполненія долга?! «Quels plaisirs peuvent l'emporter sur ceux du devouement?» спрашиваетъ Контъ.

Чтобы облегчить дѣло, онъ совѣтуетъ на первыхъ порахъ учиться «*воздержанію*», потому что принципъ «жизни для другого» запрещаетъ всякія излишества и особенно строго запрещаетъ то, что ведетъ прямо къ пониженію жизнедѣятельности и къ потерѣ здоровья. Пусть юноша не употребляетъ вина и не ведетъ развратной жизни, потому что то и другое одинаково понижаютъ нашу природу, «деградируютъ нашъ умъ». Тѣмъ болѣе нужно беречь свою жизнь и жизнь другихъ ***). Англійскій мыслитель Милль раздѣляетъ мнѣніе Конта, что «главныя предпи-

---

*) A. Comte. Catéhisme positiviste. Стр. 276 и слѣд.

**) В. Шекспиръ говоритъ о привычкѣ въ своемъ Гамлетѣ (Дѣйствіе 3, явл. 3):

«Чудовище привычка, но добра губитель
«Намъ Ангеломъ Спасителемъ быть можетъ
«И къ добродѣтели насъ можетъ пріучить».

***) A. Comte. Catechisme positiviste. Стр. 280—284.

Digitized by Google

санія гигіены должны внушаться не только какъ правила благоразумія, но и какъ сущность нашего долга къ другимъ, такъ какъ, теряя свое здоровье, мы ставимъ себя въ невозможность оказать нашимъ ближнимъ тѣ услуги, на какія они имѣютъ право». Онъ говоритъ, что одного мотива благоразумія недостаточно потому, что личныя страданія, связанныя съ пренебреженіемъ къ требованіямъ здоровья, бываютъ обыкновенно отдаленны, а также болѣе или менѣе неопредѣленны, и нуждаются поэтому въ добавочномъ и болѣе непосредственномъ подкрѣпленіи со стороны *нравственной отвѣтственности* *). Переходя, затѣмъ, къ положительно альтруистическимъ дѣйствіямъ, каждый можетъ вступить въ свѣтлую область идеала служенія человѣчеству, вся безпредѣльная жизнь котораго представляетъ чудную картину прогрессивнаго развитія умственнаго и нравственнаго величія, и стоитъ поэтому, чтобы любить ее, охранять и содѣйствовать всѣми силами души, всѣми нашими способностями ея безконечному росту и развитію. «Мы одинаковаго мнѣнія съ Контомъ,—замѣчаетъ Миль,—что развитіе альтруизма и подчиненіе эгоизма далеко за предѣлы безусловнаго нравственнаго долга должны быть одной изъ главнѣйшихъ задачъ воспитанія какъ личнаго, такъ и коллективнаго... Мы не сомнѣваемся, что придетъ время, когда дѣти и молодые люди будутъ снова систематически воспитываться въ подавленіи своей личности, и будутъ пріучаться, какъ нѣкогда въ древности, управлять своими желаніями, пренебрегать опасностями и охотно переносить страданія, и все это въ качествѣ простыхъ средствъ воспитанія... Не надо щадить никакихъ усилій, чтобы связать въ умѣ ученика уваженіе къ самому себѣ и желаніе уваженія со стороны другихъ—съ идеей услугъ, оказанныхъ человѣчествомъ коллективно, когда это можно, но во всякомъ случаѣ въ лицѣ его отдѣльныхъ членовъ, что уже всегда возможно **).

Позитивная стадія развитія человѣчества характеризуется процвѣтаніемъ точнаго наблюденія и опыта, замѣчательными открытіями и научными обобщеніями. Въ эту пору жизни человѣчество не задается уже вопросомъ о конечныхъ и начальныхъ причинахъ или сущностяхъ вещей, но, считая справедливо подобный вопросъ праздднымъ, изучаетъ только законы существующаго. Позитивное воспитаніе пріучаетъ каждый индивидуальный умъ къ подчиненію могущественному вліянію окружающаго порядка природы и наполняетъ сердце любовью къ человѣчеству, какъ Великому Существу. Оно заполняетъ пустоты, образовавшіяся отъ паденія шаткой метафизической постройки, положительными и прочными знаніями, которыхъ не поколеблетъ никакой критицизмъ. Научно обоснованная идея человѣчества служитъ единственно прочнымъ основаніемъ для нравственнаго вос-

*) О. Контъ и позитивизмъ. Стр. 157.
**) Контъ и позитивизмъ. Стр. 156—157.

Digitized by Google

питанія людей. Такъ называемая «религія человѣчества» вліяетъ преимущественно своимъ нравственнымъ элементомъ или лучше воплощеніемъ своей альтруистической философіи въ живой поэтическій образъ человѣчества, который подчиняетъ и увлекаетъ своими совершенствами.

Что касается *физическаго* воспитанія, то оно должно, по Конту, преслѣдовать не только индивидуальныя цѣли, но и общія, т. е. улучшеніе личностей должно совершаться ради улучшенія цѣлыхъ поколѣній. «Тысячи дѣтей,—говоритъ Контъ,—рождаются такъ плохи, что почти тотчасъ умираютъ. Дѣйствительно, имъ жизнь была бы въ тягость! Въ современной цивилизаціи, одинаково покровительствующей всѣмъ бракамъ, эти печальные результаты увеличились значительно въ сравненіи съ древними цивилизаціями. Разсматривая этотъ великій вопросъ, можно заключить, что четвертая часть западнаго населенія должна была бы удержаться отъ такого воспроизведенія. Когда будутъ заботиться о распространеніи нашего рода ,такъ же, какъ заботятся нынѣ о разведеніи домашнихъ животныхъ, тогда сознаютъ необходимость такого урегулированія» *).

Съ проведеніемъ въ педагогику принципа *vivre pour autrui* и съ приближеніемъ къ указанной цѣли воспитанія, возможно будетъ, по Конту, осуществленіе другого великаго принципа *vivre au grand jour*, обязательнаго также для каждаго истиннаго слуги человѣчества. Позитивное воспитаніе вырабатываетъ людей съ твердыми убѣжденіями и правилами жизни, отъ которыхъ они не отступаютъ даже въ виду опасностей. Истинные слуги человѣчества живутъ «для другихъ», работаютъ для ихъ благополучія и счастья, и за это получаютъ безсмертіе въ потомствѣ.

Педагогическія идеи великаго мыслителя заслуживаютъ названія здравыхъ, справедливыхъ, неопровержимыхъ идей, какъ называетъ ихъ Уордъ. Можно не согласиться съ авторомъ ихъ относительно какихъ нибудь частностей, но нельзя не принять этихъ воззрѣній въ цѣломъ, потому что общія основанія ихъ правильны. Контъ поставилъ наукѣ нравственныя задачи, безъ которыхъ она легко можетъ превратиться въ безполезное дѣло или въ пустую шахматную игру, по выраженію Льюиса. Изученіе наукъ или образованіе должно также преслѣдовать нравственныя задачи, т. е. возбуждать и укрѣплять дѣятельную любовь къ народу, отечеству и всему человѣчеству. Контъ на своей личности показалъ примѣръ такого образованія: съ необыкновеннымъ умомъ и познаніями онъ могъ бы составить себѣ выгодную карьеру, но благородный мыслитель отказался отъ личныхъ интересовъ ради служенія благу народа и всего человѣчества. Въ борьбѣ за новыя положительныя начала знанія онъ лишился профессорскаго мѣста въ Политехнической школѣ, жилъ и умеръ въ

*) A. Comte. Catechisme positiviste. Стр. 287.

Digitized by Google

бѣдности. Но своими публичными чтеніями въ зданіи Парижской мэріи онъ положилъ начало высшему народному образованію и потому можетъ быть названъ основателемъ перваго народнаго университета.

Н. Васильковъ.

Судьбы русскаго романа.

(К. Головинъ. Русскій романъ и русское общество. Спб. 1897. Ц. 3 р.).

Куда и какими путями шла и идетъ наша литература въ самой популярной, распространенной и вліятельной ея области,— въ романѣ?

Отвѣтить на этотъ вопросъ значитъ—показать куда и какими путями шло и идетъ въ своемъ развитіи русское общество, потому что у насъ романъ во всѣ времена служилъ и живымъ отраженіемъ дѣйствительности, и выраженіемъ общественныхъ идеаловъ. Отличительными особенностями русскаго романа всегда были богатство и задушевность внутренняго содержанія; даже въ самыхъ грубыхъ произведеніяхъ, навѣянныхъ идеями чисто-протокольнаго матеріализма,—даже и въ нихъ чувствуется, хотя бы отдаленное, исканіе идеала. Русскій романъ гораздо чаще грѣшилъ неряшливостью формы, отсутствіемъ художественной отдѣлки, чѣмъ холоднымъ безучастіемъ къ житейскому горю и отсутствіемъ идейныхъ мотивовъ. Наши беллетристы нерѣдко хвастались своимъ презрѣніемъ къ «салонности» и къ литературному изяществу, но никогда не бывали равнодушными протоколистами «человѣческихъ документовъ» или эстетическими гурманами.

И это совершенно понятно и вполнѣ естественно при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ развивалась наша «изящная» литература. Извѣстно, что дѣятельность писателя въ Россіи слишкомъ долго была единственно возможною, единственно терпимою формою общественной дѣятельности; наша литература, хотя и «ручная», являлась единственнымъ поприщемъ, на которомъ человѣкъ имѣлъ хоть какую-нибудь возможность высказывать свои задушевныя мысли, надежды, опасенія, учить и проповѣдывать. Это особенное, серьезное положеніе нашей литературы налагало на нее и серьезныя обязанности въ отношеніи къ обществу, для котораго она работала. Въ то время, какъ повсюду на Западѣ, среди широко развитой политической и общественной жизни, поэзія играетъ лишь

Digitized by Google

второстепенную роль и въ наше время смѣло можетъ ограничиваться однѣми рамками чисто-художественнаго творчества, служа удовлетворенію исключительно эстетическихъ вкусовъ и потребностей, у насъ поэтъ всегда являлся носителемъ извѣстнаго «знамени»,—пророкомъ, призваннымъ «глаголомъ жечь сердца людей». Повсюду въ Европѣ поэтъ могъ оставаться равнодушнымъ созерцателемъ окружающей дѣйствительности и быть только учителемъ литературнаго мастерства; въ Россіи онъ непремѣнно долженъ былъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и учителемъ жизни. Оттого и литературная критика наша, въ пору своего зрѣлаго мужества, никогда не задавалась цѣлями отвлеченной, исключительно эстетической оцѣнки писателя, а всегда имѣла дѣло главнымъ образомъ съ идеальной стороной его произведеній, съ тѣми политическими, общественными и нравственными воззрѣніями, представителемъ и проповѣдникомъ которыхъ онъ являлся.

Эта характерная особенность нашей, такъ называемой, изящной словесности и была, какъ извѣстно, главной причиной того, что ею въ послѣднее время стали все больше и больше интересоваться западные читатели. Русскій романъ завоевалъ себѣ этихъ новыхъ читателей и почитателей не совершенствомъ техники, не внѣшнею занимательностью, а именно тѣмъ, что онъ прежде всего являлся отраженіемъ душевнаго склада русскаго человѣка—и человѣка вообще. Особенная симпатія къ намъ французскихъ критиковъ многими изъ нихъ объясняется именно тѣмъ, что ихъ собственная литература, при всемъ совершенствѣ внѣшнихъ формъ, страдаетъ недостаткомъ внутренняго содержанія, глубокихъ идей, отзывчивости на затаенныя потребности души современнаго человѣка. Какъ ни далеко зашелъ французскій романъ въ изображеніи болѣзненныхъ явленій жизни,—въ его картинахъ всегда есть что-то безстрастное, холодное, равнодушное къ радостямъ и страданіямъ человѣка... Послѣдніе эпигоны романтизма, въ произведеніяхъ которыхъ преобладаетъ эстетическій идеализмъ, останавливаются преимущественно на воспроизведеніи блестящей внѣшности и потому изображаютъ, главнымъ образомъ, лишь представителей высшихъ общественныхъ классовъ. Стремясь, прежде всего, пріятно щекотать избалованный вкусъ, они склонны прикрывать картины разврата и страданій наружнымъ изяществомъ обстановки и блестками остроумія. Другіе, гораздо болѣе многочисленные писатели не скупятся, правда, на отталкивающія изображенія наружнаго и внутренняго безобразія, но видятъ въ своихъ герояхъ не живыхъ людей съ больною душою, а только продукты общественной порчи, вызывающіе холодную и презрительную пытливость изслѣдователя. Тѣ струны сердца, которыя звучатъ участіемъ и состраданіемъ, остаются при этомъ незатронутыми... Понятно, что у чуткаго читателя должна была, рано или поздно, проснуться потребность чего-то большаго, — потребность живого душевнаго волненія,—и русскій романъ пришелъ впору, чтобы ей удовлетворить...

Digitized by Google

Такая характеристика русскаго романа, противъ которой, конечно, едва ли кто станетъ спорить, положена въ основу любопытной книги г. Головина. Авторъ задался цѣлью прослѣдить историческій ходъ нашего романа, въ связи съ развитіемъ общества, начиная съ 40-хъ годовъ и до настоящаго времени,—можно сказать, до вчерашняго дня. Г. Головинъ, болѣе извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Орловскаго, принадлежитъ къ кругу писателей «Русскаго Вѣстника»; но въ изложеніи историческихъ судебъ русскаго романа онъ старался сохранять безпристрастіе, и если, несмотря на то, специфическій духъ московскаго журнала, все-таки, мѣстами даетъ себя чувствовать, то это отзывается только на нѣкоторыхъ частныхъ сужденіяхъ, а не на общихъ выводахъ книги. Выводы же эти, въ которыхъ заключается главный интересъ всего труда, нельзя не признать совершенно правильными. Автору удалось вѣрно схватить и освѣтить постепенныя измѣненія умственной физіономіи нашего общества въ теченіе 60-лѣтняго періода и указать, какъ отражались эти послѣдовательныя измѣненія въ литературѣ, спеціально — въ романѣ, который у насъ всегда служилъ отголоскомъ общественныхъ идеаловъ и всѣхъ перемѣнъ общественнаго настроенія.

Такая оглядка на длинный пройденный путь, всегда интересная сама по себѣ, въ наше время пріобрѣтаетъ особенную поучительность. Историкъ русскаго романа не можетъ обойти тотъ несомнѣнный фактъ, что наша литература, именно въ то время, когда ею такъ живо заинтересовался Западъ, словно готова измѣнить какъ разъ тому свойству, которое обезпечило за нею этотъ успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашей литературѣ послѣднихъ лѣтъ замѣчается «что-то новое, до сихъ поръ невиданное»: цѣлая группа писателей, не лишенныхъ дарованія и встрѣчающихъ въ публикѣ сочувствіе, какъ бы на зло всему нашему литературному прошлому силится показать, что содержаніе литературнаго произведенія «безразлично», и предметомъ творчества можетъ быть что угодно. По мнѣнію этихъ писателей, «нѣтъ никакой надобности одухотворять идеей причудливыя созданія фантазіи или воспроизведенія схваченной налету жизненной мелочи. Лишь бы эрокъ и красивъ былъ полученный образъ, — нѣтъ надобности доискиваться его смысла, требовать отъ художника глубокаго захвата жизни или сильной работы ума, а тѣмъ менѣе—отзывчивости сердца. Душа его можетъ оставаться совершенно невозмутимою, лишь бы онъ обладалъ способностью зорко наблюдать и выпукло рисовать. Мелкая жанровая картинка, даже эскизъ, не менѣе цѣнны, чѣмъ картина, потрясающая насъ драматизмомъ содержанія... И наше разсѣянное, вѣчно торопящееся среди бездѣлья общество потворствуетъ этомъ новому направленію, повидимому, находя удовольствіе въ бѣглыхъ наброскахъ, не тревожащихъ ни ума, ни сердца»...

Въ чемъ же причина этого печальнаго паденія литературныхъ идеаловъ?

Digitized by Google

Г. Головинъ, варьируя пословицу: «по Сенькѣ и шапка», говоритъ, что «измельчавшему обществу, очевидно, по вкусу и мелкое художество»; что такъ какъ спросъ вызываетъ предложеніе, то «мелкимъ людямъ и ничтожнымъ страстямъ по плечу и мелкая литература». Въ объясненіе же того, почему Сенька умалился и прежняя шапка стала для него слишкомъ велика, авторъ указываетъ на характерное различіе въ ходѣ нашей и западной литературы: на Западѣ движеніе 40-хъ годовъ, т. е. послѣдняя фаза романтизма, привело сперва къ революціонному взрыву, а потомъ—къ скептическому утомленію; у насъ это движеніе было сперва подавлено извнѣ, а потомъ, десятилѣтіе спустя, переродилось въ ту ярко демократическую форму, которая отмѣтила собою наши 60-е годы. Наше движеніе происходило медленно, и вмѣсто пламеннаго взрыва, огонь у насъ тлѣлъ подъ наружнымъ видомъ полицейскаго порядка. Оттого-то у насъ движеніе и затянулось на цѣлыя двадцать лѣтъ, и разочарованіе наступило значительно позже, чѣмъ на Западѣ. Но за то теперь, когда тамъ возрождается романтическій идеализмъ, у насъ, наряду съ послѣдними вѣяніями 60-хъ годовъ, расцвѣтаетъ одна безъидейность, и индивидуалистическія стремленія выражаются пока только въ довольно мизерной формѣ мѣщанскаго эгоизма...

Эти основныя общія положенія книги г. Головина подтверждаются подробнымъ анализомъ постепеннаго развитія нашей поэзіи и тѣхъ направленій, которыя въ ней другъ друга смѣняли, начиная съ 20-хъ годовъ, т. е. съ эпохи перваго появленія романтизма на русской почвѣ. Эта эпоха совпала съ сильнымъ подъемомъ у насъ національнаго чувства, возбужденнаго наполеоновскими войнами. Но—«послѣ взятія Парижа мы вернулись домой не завоевателями, а завоеванными духовно, пристыженными за свою отсталость,.. Немудрено, что мы привезли въ Россію не весь романтизмъ, а только одну сторону его двойственной натуры, его, такъ сказать, оппозиціонную струю, и что изъ всѣхъ его представителей всего болѣе плѣнилъ наше воображеніе Байронъ».

Любимой темой западнаго романтизма была противоположность между сильною личностью, исключительнымъ характеромъ, и заурядной толпой. Эта же тема нашла себѣ всего болѣе мѣста и въ нашей литературѣ, особенно охотно изображавшей протестъ личности противъ условій общественной жизни. Но при этомъ нашъ романтизмъ съ самаго начала отличался реальностью и жизненностью своихъ изображеній. Передъ воображеніемъ нашихъ писателей носился типъ «лучшаго человѣка», какъ своего рода общественный идеалъ; но въ то же время критическое отношеніе къ этому типу, замѣтное уже у Пушкина и Лермонтова, мало-помалу заставляло его все больше и больше утрачивать свое превосходство надъ окружающей средой,—и по мѣрѣ того, какъ понижалось это идеальное представленіе о лучшемъ человѣкѣ, все сильнѣе и сильнѣе стало занимать литературу именно изученіе и изображеніе «среды», т. е. бытовой стороны жизни. Другими

Digitized by Google

словами, заурядная толпа понемногу овладѣвала сценой, какъ бы заслоняя собою, какъ бы переростая крупную личность. Въ этомъ возростающемъ преобладаніи среды надъ центральной фигурой героя выразилась исконная демократическая тенденція нашей литературы и сказался переходъ отъ романтическаго направленія къ реальному.

«Струны романтизма, говоритъ авторъ, прозвучали въ нашей литературѣ несравненно трезвѣе или, если можно такъ выразиться, реальнѣе, чѣмъ на Западѣ». Да иначе и быть не могло—по самому характеру нашей жизни и всего нашего міросозерцанія. Рыцарство и католицизмъ,—вся поэтическая декорація среднихъ вѣковъ, были до такой степени чужды русской дѣйствительности, что не могли надолго приковать къ себѣ воображеніе нашихъ поэтовъ: «Въ первые годы своего творчества Пушкинъ заигралъ было на этой струнѣ, но заигралъ неувѣренно, почти неискренно, и потомъ уже не возвращался къ этой темѣ. Лермонтовъ, гораздо больше Пушкина находившійся подъ обаяніемъ романтизма, искалъ пищи для своего вдохновенія въ нашемъ родномъ прошломъ и нашелъ въ немъ сперва блѣдную фигуру боярина Орши, потомъ—мощный и вполнѣ реальный образъ купца Калашникова». Но наше собственное прошлое было слишкомъ бѣдно красками и потому не могло надолго привлечь къ себѣ нашу поэзію. Гораздо сильнѣе и громче проявилась въ ней другая черта романтизма—поклоненіе Востоку, благодаря тому, что у насъ имѣлся налицо свой собственный Востокъ на Кавказѣ, богатомъ примѣрами настоящаго, а не сказочнаго только молодечества. Пушкинъ отдалъ дань этому Востоку въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» и «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», а Лермонтовъ до конца жизни оставался подъ обаяніемъ кавказской природы и кавказскихъ нравовъ...

Г. Головинъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что изъ всѣхъ разнообразныхъ темъ романтической поэзіи всего больше мѣста нашла себѣ въ нашей литературѣ тема самая реальная и современная,—протестъ противъ условій общественной жизни, несогласныхъ съ идеаломъ мыслящаго человѣка; само собою разумѣется, что не только по требованіямъ господствовавшаго тогда литературнаго вкуса, но и по другимъ условіямъ нашей литературы, эта живая тема облекалась въ самыя общія и притомъ—иносказательныя формы. Но даже и тамъ, гдѣ наши романтики уходили въ даль прошлаго или носились съ образами полудикихъ горцевъ, ихъ творчество было несравненно ближе къ дѣйствительности, несравненно конкретнѣе и реальнѣе творчества большей части западныхъ романтиковъ. Мистицизмъ былъ имъ не по сердцу, ихъ воображенію грезились не фантастическіе, произвольно придуманные герои вродѣ восточныхъ удальцовъ Байрона или разбойниковъ Виктора Гюго или Нодье, а настоящіе, подлинные горцы или настоящіе московскіе удальцы прежнихъ вѣковъ... Да и самая форма романтическихъ произведеній, съ обычно свойственными имъ крайними преувеличеніями чувствъ и выраженій, была слишкомъ

Digitized by Google

не ко двору нашей простой, искони реальной и конкретной литературѣ. Передовые люди 20-хъ годовъ уже смѣялись надъ этимъ приподнятымъ, театральнымъ тономъ романтиковъ, у которыхъ «герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами» и пр. Нашъ романтизмъ очень скоро отбросилъ всю эту мишурную шелуху, все далекое, экзотическое, сверхъестественное, чтобы заняться близкою современностью и представить на своей, родной почвѣ конфликтъ между сильною личностью и пошлостью общественной среды. Это стремленіе и сказалось въ двухъ крупнѣйшихъ произведеніяхъ нашего романтизма,—въ «Евгеніи Онѣгинѣ» и «Героѣ нашего времени».

Говоря о пушкинскомъ романѣ, авторъ дѣлаетъ любопытное обобщеніе: въ лицѣ Онѣгина и Ленскаго онъ видитъ первообразы двухъ типовъ, прошедшихъ чрезъ всю нашу литературу, отъ Пушкина до настоящаго времени. Въ Онѣгинѣ «олицетворяется натура, гордая своимъ умственнымъ превосходствомъ и вслѣдствіе того презрительно относящаяся къ прочимъ людямъ, принимая отъ нихъ въ даръ поклоненіе и любовь, какъ законную дань. Онѣгинъ и его преемники считаютъ себя вполнѣ свободными отъ всякихъ обязанностей къ людямъ и кичатся невозмутимостью своего сердца, не знающаго обычныхъ слабостей заурядныхъ людей. Къ такимъ слабостямъ они причисляютъ, между прочимъ, и сочувствіе чужому горю. Больше того,—эти люди возводятъ свою холодность въ принципъ, видятъ въ ней признакъ собственной силы духа, и не разъ критика наша преклонялась передъ этимъ свойствомъ ихъ натуры, какъ передъ законнымъ превосходствомъ сильнаго человѣка надъ слабымъ. Отъ самаго Пушкина до нашихъ дней русская литература находилась въ погонѣ за сильнымъ человѣкомъ, готовая любоваться его безжалостнымъ эгоизмомъ,—оттого, должно быть, что въ русскомъ обществѣ она видѣла полное отсутствіе сильной воли и крѣпости духа. Качество это она возвела въ идеалъ, принося ему въ жертву все слабое и безхарактерное, какъ нѣкогда приносились человѣческія жертвы языческимъ богамъ. Давно установилось мнѣніе, будто русская литература отличается состраданіемъ къ слабымъ и забитымъ людямъ. На самомъ дѣлѣ, однако, рядомъ съ проповѣдью состраданія къ униженнымъ и оскорбленнымъ идетъ у насъ иная — проповѣдь уваженія къ силѣ или, говоря попросту, къ эгоизму, конечно, подъ условіемъ, чтобы эта сила заявляла протестъ противъ общественной пошлости и неправды. Сознаніе непоправимой дряблости русской природы было у насъ такъ сильно, что заставляло нашу критику преклоняться передъ каждымъ проявленіемъ энергіи и ряди одного этого качества прощать его обладателю даже полное безсердечіе».

«Въ Ленскомъ олицетворяется, наоборотъ натура, одаренная цѣлымъ рядомъ симпатичныхъ качествъ, — воспріимчивою нѣжностью, отзывчивостью къ природѣ и людямъ, словомъ — богатствомъ сердца и воображенія, но при роковомъ отсутствіи воли.

Digitized by Google

Это — натура славянская по преимуществу, хоть и окрашенная въ нѣмецкую сентиментальность. И Ленскимъ, которыхъ въ нашей литературѣ немало, всегда суждено уступать и стушевываться передъ Онѣгиными. Такова судьба длиннаго ряда тургеневскихъ «лишнихъ людей», и въ томъ числѣ — послѣдняго изъ нихъ, — Нежданова. Такъ было вплоть до Льва Толстого, который впервые, въ лицѣ Пьера Безухаго и Константина Левина, преклонился передъ внутреннимъ превосходствомъ слабой, но мягкой натуры предъ сильной и гордой. Но чаще всего случалось, что оба эти близнеца какъ бы сливались въ одну фигуру, у которой подъ наружнымъ выраженіемъ силы таится внутренняя неизлечимая слабость. Таковы: Бельтовъ, Тамаринъ, Рудинъ, Райскій, Лаврецкій...»

Сорокалѣтній періодъ отъ начала 20-хъ годовъ до конца 50-хъ годовъ былъ въ нашей литературѣ сплошнымъ «дворянскимъ» періодомъ. Не только почти всѣ выдающіеся писатели этой эпохи, но и всѣ выведенные ими типы принадлежали къ дворянской средѣ. За всю эту эпоху общественный строй оставался неизмѣннымъ; одинъ и тотъ же классъ составлялъ подавляющую массу читающей публики и, вслѣдствіе этого, естественно, хотѣлъ видѣть и въ литературѣ свое отраженіе. Въ Россіи не произошло ничего подобнаго тому соціальному перевороту, который съ большею или меньшею рѣзкостью совершился на рубежѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ въ разныхъ странахъ Европы; оттого и въ литературѣ нашей въ это время не произошло никакого замѣтнаго перелома; г. Головинъ находитъ, что даже огромный талантъ Гоголя не оказалъ на его современниковъ особеннаго воздѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, Гоголь вовсе не былъ основателемъ какого-нибудь новаго «литературнаго толка»; натурализмъ начался у насъ прежде него потому, что реальное отношеніе къ жизни подсказывалось нашей литературѣ какъ національнымъ нашимъ характеромъ, такъ и духомъ русскаго языка, не допускающаго отвлеченностей и эвфемизма; притомъ же, самъ Гоголь въ значительной степени находился еще подъ вліяніемъ романтическихъ пріемовъ творчества,—особенно тамъ, гдѣ онъ впадалъ въ лирическое настроеніе. Слѣдовательно, оригинальность Гоголя и то недосягаемо высокое мѣсто, какое онъ занимаетъ въ нашей литературѣ, зависятъ вовсе не отъ того, что онъ былъ художникомъ-реалистомъ. Его отличительное свойство,—та черта его таланта, съ которой ни одинъ изъ нашихъ писателей, кромѣ развѣ Л. Толстого, состязаться не можетъ,—это необыкновенная чуткость въ пониманіи свойствъ человѣческой натуры, поразительное умѣнье схватывать эти чувства и отливать ихъ въ живые, цѣльные образы...

Несмотря, однако, на неподвижность общественныхъ условій, наша литература пушкинско-гоголевскаго періода, несомнѣнно, росла и развивалась. Ея главною, руководящею темою по-прежнему оставалось изображеніе крупной личности, — того лучшаго человѣка, который не переставалъ носиться, какъ идеалъ, передъ

Digitized by Google

воображеніемъ тогдашнихъ нашихъ писателей. Въ этомъ отношеніи литература не измѣняла завѣтамъ романтизма; но самый типъ «лучшаго человѣка» подвергался внутренней переработкѣ, все дальше и дальше уклоняясь отъ первоначальнаго байроновскаго героя. Критическое отношеніе къ этому типу, замѣченное уже у первыхъ нашихъ романтиковъ, постепенно низводило его съ первоначальнаго пьедестала; «лучшій человѣкъ» понемногу мельчалъ, все болѣе и болѣе утрачивая свое превосходство надъ общественной средой. И по мѣрѣ того, какъ понижалось идеальное представленіе о героѣ, литература все внимательнѣе присматривалась къ окружающей его средѣ, т. е. къ бытовой сторонѣ жизни. Другими словами,—заурядная толпа понемногу овладѣвала сценой, какъ бы заслоняя собою, какъ бы переростая даже, крупную личность. Въ этомъ постепенно возрастающемъ преобладаніи среды надъ центральной фигурой героя и сказался у насъ переходъ отъ романтическаго направленія къ реальному,—переходъ, совершившійся дотого незамѣтно, что трудно указать тотъ моментъ, когда второе изъ этихъ направленій одержало верхъ надъ первымъ. Г. Головинъ характеризуетъ этотъ переходъ слѣдующими замѣчаніями:

«Въ началѣ 40-хъ годовъ,—говоритъ онъ,—герои великосвѣтскихъ повѣстей Сологуба и Павлова все еще заражены нѣкоторымъ, довольно напускнымъ, байронизмомъ; они охотно становятся въ трагическую позу и съ демонической ироніей осмѣиваютъ и общество, среди котораго живутъ, и отчасти—самихъ себя, въ сущности не дѣлая ровно ничего, чтобы доказать свое превосходство надъ окружающей средой. Ихъ исключительное поприще—успѣхи по части любовныхъ приключеній, къ которымъ они, впрочемъ, относятся все съ той же напускной ироніей. Они уже не стремятся уйти куда-то въ невѣдомую даль, совершать подвиги, которые имъ, очевидно, не подъ силу, и довольствуются комфортабельнымъ глумленіемъ и сибаритскою скукою. Но мало-по-малу, съ половины 40-хъ годовъ, типъ начинаетъ видоизмѣняться. Герои понемногу демократизуются, изъ петербургскихъ салоновъ уходятъ въ деревню и тамъ предаются либеральному резонерству, въ сущности продолжая скучать и бездѣйствовать. Ихъ оппозиціонныя стремленія остаются довольно безобидными и никогда не переходятъ отъ словъ къ дѣлу, вслѣдствіе чего ихъ обычная судьба—быть въ концѣ концовъ развѣнчанными и получать отъ особъ прекраснаго пола, въ которыхъ они влюбляются, довольно таки назидательные уроки. Такимъ образомъ, изъ женскихъ любимцевъ и безжалостныхъ сердцеѣдовъ Печорины новой формаціи превращались въ неудачниковъ даже по части женской любви»...

Что касается руководящихъ идей 40-хъ годовъ, то эта эпоха, по справедливому замѣчанію историка, отличается смѣлостью отвлеченной мысли—и крайнею робостью на практикѣ. Вся литература того времени занималась исключительно вопросами теоретическими, потому что всѣ практическія дѣла были совсѣмъ

Digitized by Google

изъяты изъ ея круга. По существу своихъ теорій, эта литература представляетъ собою какъ бы сплошную попытку отвѣтить на вопросъ: что дѣлать? каковы обязанности порядочнаго человѣка, принадлежащаго къ привилегированному классу, если онъ хочетъ искупить передъ родиной тяжкій грѣхъ владѣнія крѣпостными людьми и посвятить на ея пользу другую свою неоцѣнимую привилегію—образованіе?

Отвѣтовъ на этотъ вопросъ было дано въ то время два: лучшій человѣкъ долженъ быть носителемъ европейскаго просвѣщенія и оправдывать свое духовное превосходство на словахъ и въ жизни, говорили одни; онъ долженъ прежде всего отбросить пустую сентиментальность и стать человѣкомъ дѣла, или, по-просту, дѣловитости, говорили другіе. Въ примѣръ перваго изъ этихъ двухъ мнѣній или направленій, которое авторъ называетъ «западническимъ идеализмомъ», приводится Тургеневъ; примѣромъ второго, — «западническаго реализма», — служатъ Гончаровъ и Писемскій. Третье направленіе, славянофильское, совершенно устраняло самый вопросъ, рѣшая его въ смыслѣ безусловнаго преклоненія личности передъ толпою и подчиненія своихъ индивидуальныхъ идеаловъ и стремленій общей волѣ.

Дѣлая характеристику «западническаго идеализма» и подробно разсматривая произведенія Тургенева до конца 50-хъ годовъ, авторъ, однако же, замѣчаетъ, что не Тургеневу пришлось дать въ литературѣ самое полное изображеніе «человѣка 40-хъ годовъ», такъ несправедливо обиженнаго нашей критикой позднѣйшаго періода. Задачу эту выполнилъ Герценъ въ своемъ романѣ «Кто виноватъ?» Въ лицѣ его героя Бельтова совмѣщаются всѣ главныя черты передового человѣка 40-хъ годовъ,—образованіе, гражданская честность, готовность безкорыстно служить родинѣ, смѣлый и мѣткій умъ, и—заодно съ этими качествами—рядъ недостатковъ, парализующихъ его дѣятельность,—неумѣнье обращаться съ людьми, скорое охлажденіе къ начатому труду и неспособность приложить на практикѣ свои недюжинныя познанія. Вотъ почему Бельтовъ не только на службѣ, но и въ частной дѣятельности оказывается несостоятельнымъ. Его романъ съ Круциферской, на который критика всегда обращала особенное вниманіе,—не больше, какъ частный случай, въ которомъ проявляется его характеръ, неустойчивый и неспособный на продолжительное увлеченіе однимъ и тѣмъ же. Но если въ этой неохотѣ вступать въ активную борьбу и обнаруживается внутренняя несостоятельность типа, то заодно съ нею здѣсь чувствуется и другая черта,—нравственная брезгливость, благородная боязнь испортить чужую жизнь возможнымъ разочарованіемъ, недовѣріе къ себѣ. И если такое недовѣріе часто осуждаетъ на бездѣятельность,—зато оно же и предохраняетъ отъ тѣхъ некрасивыхъ поступковъ, на которые такъ легко рѣшаются иной разъ черезчуръ размашистыя натуры. Въ концѣ концовъ, по заключенію г. Головина, «Бельтовы все-таки были лучшими людь-

Digitized by Google

ми своего времени. Ихъ уклоненіе отъ прямой борьбы было результатомъ не трусости, а развѣ неохоты марать себѣ руки, да вдобавокъ—на такомъ дѣлѣ, отъ котораго практической пользы тогда не предвидѣлось. Что отъ настоящаго, плодотворнаго дѣла они умѣли не уклоняться, — Бельтовы доказали впослѣдствіи, когда, въ роли членовъ законодательныхъ коммиссій, посредниковъ, судей и земскихъ дѣятелей, они провели въ жизнь идеалы 40-хъ годовъ...»

Представители «западническаго реализма» смотрѣли на дѣло совсѣмъ иначе. Для нихъ «лучшимъ человѣкомъ» являлся не тотъ, кто стоитъ выше толпы въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, хотя это его превосходство не приноситъ никакихъ практическихъ плодовъ,—а тотъ, кто умѣетъ одолѣвать трудности жизни и достигнуть заранѣе себѣ поставленной, вполнѣ опредѣленной и осязательной цѣли; другими словами, заслуга человѣка заключается не въ прекраснодушіи, а въ дѣловитости, и правъ тотъ, кто въ жизненной борьбѣ остался побѣдителемъ. «Тургеневъ и писатели его школы считали достойными воспроизведенія только крупныя явленія жизни, какъ и въ природѣ искали только выдающихся по красотѣ ландшафтовъ. Гончаровъ и Писемскій, а вслѣдъ за ними и большинство позднѣйшихъ нашихъ писателей, наоборотъ, не только не считали недостойными воспроизведенія заурядныхъ фактовъ и заурядныхъ людей, но все выдающееся или, по крайней мѣрѣ, все претендующее на исключительность имъ казалось вычурнымъ и нѣсколько комичнымъ».—Это заключеніе г. Головина, разумѣется, можно принять только съ большими оговорками, потому что—какія же особенно крупныя явленія русской жизни воспроизводятся, напр., въ «Запискахъ охотника» и гдѣ же Гончаровъ или Писемскій занимаются «развѣнчиваніемъ» идеалистовъ? Ссылки на Александра Адуева и Калиновича ничего не доказываютъ, потому что къ такимъ типамъ и не могло быть со стороны автора иного отношенія, кромѣ отрицательнаго или слегка ироническаго. Писатели указаннаго направленія «развѣнчиваютъ» не идеалистовъ вообще, а тѣхъ мнимо-лучшихъ людей, которые претендуютъ на превосходство, не имѣя на него, въ дѣйствительности, никакихъ правъ; спасенія они ждутъ отъ людей совсѣмъ иного рода: ихъ герои не должны отличаться геройскими порывами и высокимъ полетомъ мысли; отъ нихъ требуется только трезвый взглядъ на жизнь и умѣнье стряхнуть съ себя завѣтную русскую лѣнь, которая только прикрывается наклонностью къ мечтательному идеализму, нѣжничаньемъ и резонерствомъ. Положительные типы Гончарова и Писемскаго—Петръ Ивановичъ Адуевъ въ «Обыкновенной исторіи», Штольцъ—въ «Обломовѣ», Бѣлавинъ—въ «Тысячѣ душъ»—прежде всего, обладатели «змѣиной мудрости», сыны вѣка сего; они ставятъ себѣ не мечтательную, а вполнѣ реальную, осязательную цѣль и, главное, умѣютъ ее достигать; они, конечно, и честные люди, но честность ихъ—сухая и дѣловитая;

Digitized by Google

они приносятъ съ собою не какія-нибудь новыя идеи, а только новые пріемы, несвойственные природѣ русскаго человѣка,—практическую смѣтливость, аккуратность и энергію. Въ этомъ отношеніи они—представители европейской культуры даже въ гораздо большей степени, чѣмъ тургеневскіе передовые мечтатели, наклонность которыхъ къ безплодной рефлексіи тоже, вѣдь, чисто-русская черта...

Такимъ образомъ, романисты 40-хъ годовъ заимствовали у Европы двѣ различныя стороны ея жизни: одни преклонялись передъ *идеями* Запада, другіе—передъ его *нравами*. И то, и другое, конечно, по отношенію къ тогдашней Россіи являлось прогрессомъ, но прогрессомъ одностороннимъ, такъ какъ ни безпочвенный идеализмъ безъ примѣненія на практикѣ, ни энергія безъ внутренняго содержанія ничего существеннаго принести съ собою не могли. Каждое изъ этихъ свойствъ представляло собою лишь половину западнаго культурнаго человѣка и, перенесенное на русскую почву, оставалось одинаково безплоднымъ.

Обѣ названныя литературныя школы, при всей своей противоположности, имѣли, тѣмъ не менѣе, одну общую точку соприкосновенія: обѣ онѣ въ одинаковой мѣрѣ отрицательно относились къ русской дѣйствительности, другими словами,—обѣ онѣ были западническими. Но наряду съ ними—и въ противорѣчіи съ главнымъ теченіемъ нашей литературы—развилась литературная школа славянофильская. Мы видѣли, что основное теченіе нашей литературы относилось къ русской дѣйствительности отрицательно и сообразно этому представляло себѣ задачу лучшихъ людей какъ борьбу или противъ общественнаго склада, или противъ дурныхъ сторонъ національнаго характера. Понятно, что славянофилы не могли сдѣлать ни того, ни другого: они уважали общественные порядки, при всѣхъ ихъ несовершенствахъ, какъ продуктъ исторіи, а народный характеръ былъ имъ дорогъ, какъ проявленіе самобытности. Недостатки того и другого они приписывали только извращенію родного склада, а потому задача истинно-русскаго человѣка представлялась имъ какъ возвращеніе къ родной почвѣ, какъ строгое соблюденіе національныхъ обычаевъ. А въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ требованій общечеловѣческой нравственности, они указывали на одну преобладающую черту въ народномъ характерѣ, на которой, по ихъ мнѣнію, должно быть основано нравственное совершенствованіе: это—смиренное незлобіе русскаго человѣка и его способность къ всепрощенію. Эта черта и служитъ главнымъ мотивомъ не только въ творчествѣ единственнаго романиста, прямо примыкающаго къ славянофильству,—Сергѣя Аксакова, но и двухъ писателей, имѣющихъ съ славянофильствомъ лишь косвенную связь,—Достоевскаго и Льва Толстого.

Въ концѣ 50-хъ годовъ въ нашемъ обществѣ и литературѣ происходитъ крутой поворотъ: измѣняется идейное содержаніе литературы, измѣняется кореннымъ образомъ составъ и харак-

Digitized by Google

теръ читателей: въ литературу широкой толпой входитъ «разночинецъ». Авторъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что движеніе 60-хъ годовъ вовсе не выдвинуло новой литературной школы, какъ это принято думать, а выдвинуло только новый общественный классъ. Оно было гораздо болѣе политическимъ и соціальнымъ, чѣмъ литературнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова; а такъ какъ новый общественный классъ относился къ дворянству только отрицательно, то не могъ онъ иначе отнестись и къ литературѣ прежняго періода,—литературѣ исключительно дворянской,—тѣмъ болѣе, что всѣ свойства блестящаго, но въ сущности пустого, романтическаго героя послѣдней формаціи сводились къ изящной пресыщенности, погонѣ за сильными ощущеніями, презрительному отношенію къ заурядным людямъ и полной неспособности къ труду. На подобныя качества «разночинецъ» не могъ смотрѣть иначе, какъ съ полнымъ осужденіемъ. Единственное проявленіе силы духа, за которымъ онъ готовъ былъ признать извѣстное значеніе, заключалось въ заступничествѣ за «интересы народа»; но такъ какъ, съ одной стороны, для подобной постановки сюжета въ началѣ 60-хъ годовъ не имѣлось почвы въ русской дѣйствительности, а съ другой,—герои этого рода натолкнулись бы на цензурныя неудобства, то и оставалось только одно: старательно и подробно рисовать народный бытъ, а грозное столкновеніе героя съ темными силами ограничить скромными рамками семейной жизни, т. е. недоразумѣніями между супругами или между родителями и дѣтьми. Эти два вида борьбы, да въ придачу къ нимъ еще неизбѣжная борьба между исполненнымъ безкорыстія и твердости молодымъ чиновникомъ и зараженнымъ всякими пороками начальникомъ,—и составляютъ главное содержаніе романовъ и повѣстей 60-хъ годовъ. Беллетристика этой эпохи «бури и натиска» распадается по своему содержанію на двѣ довольно рѣзко очерченныя группы: съ одной стороны, ея предметомъ является борьба «новыхъ людей» съ прежнимъ строемъ жизни и понятій въ сферѣ культурнаго общества: это—литература *разночинская* по преимуществу; съ другой стороны, передъ нами выступаетъ безконечно видоизмѣняющійся образъ мужика и болѣе или менѣе вѣрное воспроизведеніе народнаго быта: это—литература *народническая*. Понятно, что различіе въ обстановкѣ вызывало такое же различіе и въ самой обработкѣ сюжетовъ: тамъ, гдѣ выступаютъ дѣйствующія лица изъ образованной среды, идетъ горячая борьба противоположныхъ взглядовъ на жизнь и, несмотря на обиліе мелкихъ бытовыхъ чертъ, передъ нами зачастую является вмѣсто типическихъ фигуръ отвлеченная идея въ лицахъ. Тамъ же, гдѣ рисуется среда исключительно народная,—наоборотъ, уже нѣтъ мѣста для идейныхъ столкновеній, и авторы поневолѣ вынуждены ограничиваться болѣе или менѣе правдивымъ воспроизведеніемъ быта. Для характеристики эпохи въ особенности важною представляется первая группа произведеній, такъ какъ

Digitized by Google

въ ней-то именно и сказалось все то новое, что принесла съ собою эта эпоха.

Новыми здѣсь были не только идеи, но и самыя лица. Романъ и повѣсть 60-хъ годовъ, насколько они вращаются въ высшихъ и среднихъ классахъ, носятъ на себѣ отпечатокъ двухъ главныхъ теченій эпохи — практическаго реализма съ одной стороны, революціоннаго идеализма съ другой, и, смотря по тому, которое изъ этихъ теченій преобладаетъ въ героѣ, онъ является или побѣдителемъ, или побѣжденнымъ. Содержаніе этихъ повѣстей и романовъ представляетъ безчисленныя варіаціи все на одну и ту же тему — борьбу «новыхъ людей» за «новую правду». Эта новая правда—не что иное, какъ попытка коренного пересмотра всѣхъ установившихся людскихъ отношеній, всѣхъ вѣрованій, привычекъ и жизненныхъ правилъ, съ цѣлью пересоздать все это на строго раціональной основѣ. Прежнее общество подраздѣлялось на классы, границы которыхъ опредѣлялись не только сословными отличіями, но еще болѣе—особенностями образа жизни, обычаевъ, культуры. Сообразно съ этимъ установилась общественная іерархія, вызывавшая въ отношеніяхъ между людьми цѣлую сложную систему условныхъ приличій и формальныхъ пріемовъ. Все это новые люди отрицали безусловно, такъ какъ, съ ихъ точки зрѣнія, никакихъ различій между людьми не должно было быть. Точно также отрицали они и принятыя отношенія между полами, утверждая, что женщина—такой же человѣкъ, какъ и мужчина, что способности у нихъ совершенно одинаковы, а потому одинаковы должны быть и занятія, и обязанности. До сихъ поръ этого не было только вслѣдствіе недостаточнаго умственнаго развитія женщинъ; женское воспитаніе новаго времени должно быть направлено къ тому, чтобы устранить это ненормальное различіе. Въ обращеніи съ женщиной развитой нелѣпо и оскорбительно все, отмѣчающее ее какъ существо слабое, требующее отъ мужчинъ какого-то особеннаго къ себѣ вниманія; настоящее, а не притворное уваженіе къ женщинѣ требуетъ не приторной деликатности, а признанія за нею полной свободы въ бракѣ: женщина имѣетъ не только право, но и обязанность открыто слѣдовать влеченіямъ своего сердца, и укорять ее за это никто не смѣетъ. Опредѣляя на новыхъ основаніяхъ отношенія дѣтей къ родителямъ, литература 60-хъ годовъ отрицала законность жизни на чужой счетъ, хотя бы на счетъ отца и матери, и потому ставила дѣтямъ въ обязанность добывать хлѣбъ собственнымъ трудомъ, но за то открывала имъ полную свободу въ выборѣ призванія и въ устройствѣ жизни по своему. Наконецъ,—даже въ житейскія мелочи, въ условные пріемы уваженія и вѣжливости, «новая правда» вносила радикальную перемѣну, устраняя эту условность и осмѣивая внѣшнія приличія, какъ нелѣпый церемоніалъ.

Такимъ образомъ, бѣллетристика 60-хъ годовъ явилась выраженіемъ стремленія къ полному переустройству общества, отъ самыхъ коренныхъ соціальныхъ условій и нравственныхъ понятій до

Digitized by Google

самыхъ незначительныхъ мелочей повседневной жизни. Она рисовала не дѣйствительность, а идеалы,—«примѣрныхъ» людей, одаряя ихъ всѣми высокими качествами физическими и душевными и представляя ихъ противниковъ умственно ограниченными и если не физически, то нравственно уродливыми. Ея цѣли и пріемы были вовсе не художественные, а чисто публицистическіе, а такъ какъ тогдашняя публицистика все время «била въ одну точку», то понятно, что и беллетристическіе пріемы не могли быть разнообразны. Оттого масса романовъ и повѣстей той поры просто поражаютъ своимъ однообразіемъ: прочитавъ одно изъ этихъ произведеній, вы смѣло можете сказать, что знаете ихъ всѣ. Наиболѣе популярныя и вліятельныя изъ нихъ—«Что дѣлать?», «Трудное время» Слѣпцова, «Свѣтловъ» Омулевскаго и еще два-три другихъ—служили своего рода камертономъ для остальныхъ, въ которыхъ варіировалась все одна и та же основная тема. Г. Головинъ дѣлитъ всѣ эти романы, по ихъ содержанію, на двѣ группы: романы, въ которыхъ герой торжествуетъ и является побѣдителемъ,—если не практически, то нравственно, — и романы, какіе онъ ихъ называетъ, «мрачно-пессимистическаго» направленія, въ которыхъ герой гибнетъ въ непосильной борьбѣ съ тупымъ равнодушіемъ общества. Произведенія второй группы, главными представителями которой являются В. Крестовскій-псевдонимъ и г. Шеллеръ, имѣютъ несомнѣнный численный перевѣсъ...

Умственное движеніе 60-хъ годовъ распространилось и на слѣдующее поколѣніе,—совершенно такъ же, какъ случилось это съ предшествовавшимъ ему движеніемъ 40-хъ годовъ. Въ литературѣ 70-хъ годовъ мы встрѣчаемся съ главными чертами «эпохи бури и натиска»,—съ поклоненіемъ естествознанію, господствомъ позитивизма и демократическими симпатіями; но въ сущности, это направленіе начало уже мало-по-малу перерождаться. Радикализмъ начала 60-хъ годовъ, по существу своему, не былъ строго народнымъ, и только что освобожденное крестьянство, о которомъ такъ много говорилось въ тогдашней печати, на самомъ дѣлѣ оставалось для коноводовъ движенія отвлеченной величиной. Новый общественный слой, выдвинутый измѣненіемъ условій общественной жизни, вербовался преимущественно изъ рядовъ духовенства и мелкаго чиновничества, и главнымъ предметомъ своихъ заботъ и симпатій, естественно, ставилъ самого себя. Правда, существовала и чисто-народная беллетристика: мужикъ и тогда уже былъ любимцемъ передового нашего лагеря, хотя любимцемъ довольно платоническимъ, котораго большею частью просто выводили на показъ, какъ рѣдкостнаго звѣря. Но, во-первыхъ, народническая беллетристика на страницахъ тогдашнихъ журналовъ занимала гораздо болѣе скромное мѣсто, чѣмъ впослѣдствіи, а во-вторыхъ мужикъ въ ней являлся только въ одномъ изъ двухъ видовъ: или какъ предметъ слезливой идеализаціи, или—какъ мало знакомый и потому интересный чудакъ, дававшій мотивы для забавныхъ эскизовъ. Интересъ къ народу въ нашей литературѣ становит

Digitized by Google

шире и серьезнѣе только съ начала 70-хъ годовъ, когда, рядомъ съ научнымъ изслѣдованіемъ разныхъ сторонъ народнаго быта, развивается и народническая беллетристика съ вполнѣ опредѣленными задачами и идеалами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, литература 70-хъ годовъ, подводя итоги только что пережитому движенію, отличается болѣе вдумчивымъ и болѣе практичнымъ отношеніемъ къ различнымъ новымъ сторонамъ жизни, уже успѣвшимъ къ этому времени заявить себя съ достаточной опредѣленностью. Этотъ вдумчивый анализъ, заступившій мѣсто прежняго юношескаго увлеченія, мало по-малу привелъ къ скептицизму, затѣмъ—къ разочарованію и, наконецъ, породилъ то полное равнодушіе къ общественнымъ вопросамъ и задачамъ, то нѣсколько даже презрительное отношеніе къ широкимъ идеаламъ, какимъ отличается наше скучное и сѣрое время. Новая европейская литература подсказала требованіе полной свободы личности и стремленіе какъ можно скорѣе и полнѣе дисконтировать жизненное счастье, — и суровый аскетизмъ 70-хъ годовъ смѣнился индифферентизмомъ ко всякимъ убѣжденіямъ, беззастѣнчивой погоней за случаемъ и неутолимой жаждой матеріальныхъ благъ, этими — увы! — характерными чертами нынѣ дѣйствующаго поколѣнія...

Физіономія нашего общества за послѣдніе 18 лѣтъ опредѣляется, по мнѣнію г. Головина, двумя главными стимулами: требованіемъ нравственной свободы и желаніемъ какъ можно скорѣе «дисконтировать жизненное счастье». Этотъ индивидуализмъ новаго пошиба по плечу натурамъ самымъ заурядным. Никакихъ высокихъ доблестей онъ не требуетъ и позволяетъ самымъ обыкновеннымъ людямъ удовлетворять своимъ наклонностямъ какъ можно шире: вѣдь ничто не препятствуетъ такимъ людямъ воображать себя избранниками судьбы и обладателями крупнаго характера, въ силу чего они представляются въ собственныхъ глазахъ маленькими Неронами, имѣющими право ничѣмъ не стѣсняться. Вотъ почему онъ и въ литературѣ не въ состояніи вызвать сколько-нибудь крупныхъ явленій.

У насъ много писалось объ упадкѣ беллетристики. И въ самомъ дѣлѣ, если современный романъ сравнить съ романомъ предыдущей эпохи, то ничего особенно крупнаго, выдающагося, въ немъ отмѣтить нельзя. Однако, не совсѣмъ справедливо было бы ставить этотъ нынѣшній упадокъ литературы въ вину однимъ только писателямъ: воспроизводя нашу мелкую жизнь, писатели поневолѣ имѣютъ дѣло только съ мелкими людьми, съ мелкими страстями, съ мелкими идеями; что же удивительнаго, если у нихъ нѣтъ глубокаго захвата и если всѣ ихъ произведенія имѣютъ неизмѣнно одинъ и тотъ же тускло-сѣрый колоритъ?

Широкая волна сочувствія нынѣшней публики идетъ вовсе не въ сторону «идейной» литературы. Среднему читателю больше всего приходится по вкусу та группа беллетристовъ, несомнѣнно талантливыхъ, которая характеризуется нравственнымъ и идейнымъ безразличіемъ. «Если бы кто-нибудь постарался изъ про-

Digitized by Google

изведеній ихъ вывести формулу того литературнаго исповѣданія, котораго они придерживаются, то ее пришлось бы выразить приблизительно такъ: все, что дается жизнью, одинаково достойно изображенія; нѣтъ крупныхъ и мелкихъ явленій, или, вѣрнѣе,— всѣ явленія одинаково мелки; задача писателя — не выбирать между сюжетами, и въ особенности—не приступать къ нимъ съ готовымъ запасомъ тревожныхъ вопросовъ и волнующихъ идей, а по-просту, не мудрствуя лукаво, рисовать то, что попадется на глаза въ пестрой сутолокѣ жизни». «Иногда какъ будто чуется и въ произведеніяхъ этой школы какой-нибудь обрывокъ идеи, затрогиваются ими даже глубокіе вопросы, но авторъ какъ будто пугается вызваннаго имъ призрака и тотчасъ отступаетъ, не додумавъ своей мысли и не разрѣшивъ вопроса. Бываетъ и такъ, что онъ словно и не догадывается о серьезномъ значеніи проблемы, мимо которой прошелъ, еле коснувшись ея. Отчетливость рисунка, блескъ изображенія, порой—тонкость юмора и мѣткая наблюдательность обманываютъ читателя насчетъ бѣдности внутренняго содержанія: ему кажется, что самая жизнь раскрыта передъ нимъ до самаго дна, что изъ нея выхвачена сердцевина. А на самомъ дѣлѣ, его вниманіе только скользитъ, заодно съ авторомъ, по ея поверхности, удовлетворенное пріятнымъ развлеченіемъ, не тревожащимъ ни ума, ни сердца. Есть, въ самомъ дѣлѣ, особенное удовольствіе въ мѣткомъ изображеніи знакомыхъ мелкихъ чертъ обыденныхъ нравовъ, когда это изображеніе сдѣлано умѣлою рукою, схватывающею налету характеристическія особенности рисуемаго предмета. И невзыскательный читатель восхищается созданнымъ будто бы типомъ, не подозрѣвая даже, что типъ этотъ не идетъ далѣе внѣшней оболочки и выросъ въ умѣ художника, какъ случайный плодъ мимолетнаго наблюденія»...

Такимъ образомъ, это новое направленіе нашей литературы создано не писателями, а публикой. Мелкое, поверхностное творчество вызвано нетребовательностью спроса. Однимъ словомъ,— «самъ читатель развратилъ литературу». Происшедшая реакція и заключается именно въ этомъ измельчаніи вкуса, а вовсе не въ принципіальной измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ. Современное направленіе въ искусствѣ характеризуется стремленіемъ удовлетворить вкусамъ средняго люда, успѣвшаго подняться до того, что онъ уже предъявляетъ требованія къ искусству, но требованія эти соразмѣряетъ съ своимъ идеаломъ умѣренности и аккуратности. «И нечего удивляться, — заключаетъ авторъ свою книгу, — если литература, въ угоду читателю, уже не умѣетъ разбирать, что среди жизненныхъ явленій достойно воспроизведенія, если она заразилась мѣщанской посредственностью, не примѣчая даже, какъ низокъ уровень этой посредственности. Спросъ вызываетъ предложеніе: мелкимъ людямъ и ничтожнымъ страстямъ по плечу и мелкая литература».

Нельзя не сознаться, что строгій критикъ правъ въ своей

Digitized by Google

безотрадной характеристикѣ современнаго плачевнаго положенія нашей «изящной словесности». Но все-таки, думается, эта характеристика не совсѣмъ свободна отъ односторонности: вѣдь если, говоря словами Щедрина, нынѣшнее господство писателя, который только «пописываетъ», вызвано тѣмъ, что черезчуръ расплодился читатель, который только «почитываетъ», то лучшія силы литературы могли бы, кажется, дать этому явленію болѣе или менѣе серьезный отпоръ. Но въ томъ-то и бѣда, что этихъ «лучшихъ силъ» уже не хватаетъ: указанный *читатель* самъ сдѣлался теперь *писателемъ*; а настоящій писатель понемногу перевелся... Отъ какихъ причинъ это произошло,—г. Головинъ даетъ на этотъ вопросъ лишь очень неясные отвѣты. Можетъ быть, — на него отвѣтитъ будущее.

П. Морозовъ.

Организація общественныхъ развлеченій.

Съ каждымъ годомъ въ обществѣ все болѣе и болѣе обнаруживается сознаніе пользы раціональной организаціи увеселеній, что выражается главнымъ образомъ въ устройствѣ чтеній съ туманными картинами, любительскихъ спектаклей и домашнихъ концертовъ. Отдѣльные случаи устройства сценическихъ представленій на фабрикахъ и въ деревняхъ показали большое расположеніе народа къ подобнаго рода развлеченіямъ. Но всѣ начинанія и попытки еще такъ слабы, случайны и разрозненны, особенно по сравненію съ тѣмъ, что́ и какъ дѣлается по этой части въ Западной Европѣ. Тамъ, на далекомъ Западѣ, даже представители высшаго духовенства подали голосъ за общественныя развлеченія. Въ Англіи недавно бедфордскій епископъ въ прекрасной рѣчи говорилъ: «Каждый человѣкъ, будь онъ духовное лицо или свѣтское, который по силѣ возможности вноситъ оживленіе въ общественную жизнь, дѣлаетъ доброе дѣло, потому что онъ ослабляетъ этимъ дурные инстинкты. На землѣ достаточно грѣха и горя для того, чтобы испортить сердце каждаго христіанина. По истинѣ почтенная дѣятельность тѣхъ, кто старается облегчить трудный путь своихъ товарищей по жизни или развеселить ихъ сердце, когда оно страдаетъ или томится.

Digitized by Google

Насколько позволяетъ мнѣ судить мой опытъ, продолжаетъ этотъ достойный представитель англиканской церкви, я могу сказать, что никогда не находилъ, чтобы нравственность и религію можно было поддержать суровымъ стѣсненіемъ естественныхъ стремленій нашей природы къ отдыху и развлеченію. Если и есть люди склонные увлекаться опасными и вредными удовольствіями, то дѣло разума и доброты открыть имъ болѣе невинные источники развлеченій. Можно расходиться въ мнѣніяхъ относительно нѣкоторыхъ развлеченій, можно спорить о ихъ пользѣ и вредѣ, но никто не можетъ сомнѣваться въ необходимости развлеченій вообще и каждый въ особенности долженъ стараться доставлять ихъ тѣмъ бѣднымъ людямъ, на долю которыхъ выпало такъ мало свѣтлыхъ дней и жизнь которыхъ такъ скучна и монотонна».— Во Франціи среди многихъ голосовъ въ пользу народныхъ развлеченій въ особенности выдается голосъ талантливаго философа и поэта Гюйо. Онъ исходитъ изъ того положенія, что человѣкъ получаетъ чувство удовольствія, когда приходитъ къ сознанію, что жизнь его одновременно личная и собирательная. Мое я для современной психологіи одна иллюзія: обособленныхъ личностей нѣтъ; мое удовольствіе не существуетъ безъ удовольствія другихъ. — Съ другой также весьма интересной стороны трактуетъ этотъ вопросъ хорошо извѣстный публицистъ Максъ Нордау въ публичной лекціи объ общественныхъ задачахъ искусства, недавно прочитанной въ Туринѣ, по приглашенію Ломброзо. Указавъ на то, что въ старое время художникъ работалъ лишь для церкви и дворца, а въ новое работаетъ преимущественно для общества и народа, Нордау говоритъ, что цѣлью искусства должно быть возвышеніе народа въ его собственныхъ глазахъ; лишь придерживающееся реальной почвы идеальное искусство можетъ дать современному человѣчеству то, въ чемъ оно болѣе всего нуждается— средство достигнуть полноты жизни. Другими словами, въ основу организаціи народныхъ и общественныхъ развлеченій должно быть положено искусство.

Таковы задачи и стремленія западно-европейскихъ мыслителей, а какъ далеко пошло практическое осуществленіе ихъ—видно изъ грандіозныхъ народныхъ домовъ, устраиваемыхъ въ Англіи, изъ того, что для рабочаго сословія открыты художественные общественные и частные музеи, устроены парки и сады, устраиваются концерты съ входной платой отъ 3 коп.

Все сказанное, выработанное и примѣненное на Западѣ еще въ большей степени идетъ къ нашей странѣ, къ нашему народу, при общемъ сѣромъ колоритѣ нашей сѣверной природы, при той скучной, безцвѣтной и однообразной жизни, которая столь характерна для русскаго города, не говоря уже о русской деревнѣ.

Въ Западной Европѣ гораздо болѣе благопріятныхъ условій для радости, чѣмъ въ Россіи. Климатъ тамъ мягче, небо синѣе, природа живописнѣе, горы и моря подъ рукой, растительность разнообразная и роскошная; въ городахъ множество зданій раз-

Digitized by Google

нообразнаго архитектурнаго стиля, множество исторически накопленныхъ художественныхъ произведеній. Тамъ, на Западѣ на каждомъ шагу разнообразіе и красота. Совершенно правъ былъ Пушкинъ, когда онъ природу Италіи обрисовалъ такимъ образомъ:

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись...

Въ прекрасномъ стихотвореніи Надсона:

Есть страны, гдѣ люди отъ вѣка не знаютъ
Ни вьюгъ, ни сыпучихъ снѣговъ;
Тамъ только нетающимъ снѣгомъ сверкаютъ
Вершины гранитныхъ хребтовъ...
Цвѣты тамъ душистѣе, звѣзды—крупнѣе,
Свѣтлѣй и наряднѣй весна,
И ярче тамъ перья у птицъ, и теплѣе
Тамъ дышетъ морская волна...

Иначе у насъ на родинѣ. Суровый климатъ, огромныя однообразныя пространства, крайняя бѣдность пейзажа, монотонность всей жизни, безцвѣтность и однообразіе въ всѣхъ проявленіяхъ быта, въ постройкахъ, одеждѣ. Вездѣ тяжелый трудъ, чтобы поддержать существованіе, чтобы запастись теплой одеждой и топливомъ на зиму. Сколько изнашивается платья, истаптывается калошъ, сожигается дровъ и угля, затрачивается усилій и труда въ такое время, когда западный человѣкъ можетъ работать при открытомъ окнѣ, на свѣжемъ воздухѣ. Все это мелочи, но ихъ страшно много, и въ совокупности они имѣютъ громадное подавляющее значеніе, придавая всей нашей жизни характеръ убійственной монотонности.

И если на Западѣ общество стремится увеличить сумму доступныхъ удовольствій, развить и осложнить чувство радости, сдѣлать его доступнымъ для людей всѣхъ сословій, возрастовъ и состояній, то тѣмъ болѣе приходится позаботиться о томъ русскому обществу, столь скучающему и столь нуждающемуся въ правильной организаціи общественныхъ развлеченій. Такого рода организація представляется тѣмъ болѣе настоятельной и даже необходимой, что при ней одновременно достигаются цѣли просвѣщенія и морали. Хорошо организованное удовольствіе укрѣпляетъ физически, умственно и нравственно. Въ такомъ укрѣпленіи духа нуждаются города и села. Большинство нашихъ городовъ представляютъ тѣ же села, лишь съ добавкой каменныхъ строеній и желѣзныхъ крышъ, тѣ села, о которыхъ поэтъ Тютчевъ сказалъ: «эти бѣдныя селенія, эта скудная природа, край родной долготерпѣнія, край ты русскаго народа», а немного ранѣе Пушкинъ говорилъ:

Смотри: какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ, равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса...

Digitized by Google

Мало утѣшительнаго въ поясненіи Тютчева, что въ наготѣ народа сквозитъ духовное смиреніе. Не хороша гордыня, но и въ смиреніи нѣтъ блага. Нужно бодрое настроеніе духа. Знаменитый украинскій философъ Сковорода основательно утверждалъ, что «жизнь не то значитъ, чтобы только ѣсть и пить, но быть веселымъ и куражнымъ... Веселіе сердца есть то животъ человѣку»... Въ настоящее время, при огрубѣніи и упадкѣ народной поэзіи, веселіе за исключеніемъ отдѣльныхъ религіозно-нравственныхъ проблесковъ, исходитъ лишь изъ питейнаго дома. Великая, сложная, трудная и въ то же время весьма благодарная и плодотворная задача внести въ низшіе слои общества и въ народъ нравственно-чистыя и облагораживающія сердце «веселіе и куражъ», путемъ постепеннаго пріобщенія народа къ живымъ культурнымъ интересамъ образованнаго общества. Одновременно должны возрастать интересы самого культурнаго общества, въ частности должны расширяться и улучшаться существующія формы развлеченій.

Общественные нравы и обычаи улучшаются подъ воздѣйствіемъ хорошо ортанизованнаго интеллигентнаго труда, и настоятельно необходимо намѣтить главныя формы, главныя задачи для дѣятельности въ этомъ направленіи. Въ большихъ университетскихъ городахъ накоплено уже много благопріятныхъ элементовъ для организаціи развлеченій, въ видѣ существующихъ уже общественныхъ учрежденій, въ видѣ значительного запаса интеллигентныхъ силъ. Что такія силы есть—можно подтвердить нѣсколькими проявленіями ихъ въ жизни, напр., г. Харькова. Въ коронаціонные дни для желѣзнодорожныхъ служащихъ были устроены хорошія гулянья, по разнообразной обдуманной программѣ, и все это было устроено на почвѣ доброжелательства и усердія немногихъ лицъ желѣзнодорожнаго вѣдомства. Лѣтомъ 1896 г. явилась возможность провезти учащахся безплатно на Нижегородскую выставку, и среди педагогическаго персонала нашлись энергическіе и доброжелательные руководители. Весьма успѣшно работаетъ коммиссія по устройству народныхъ чтеній съ туманными картинами. Недавно возникли общество хороваго пѣнія, музыкальный кружокъ; все это разбросано и многое случайно. Нѣтъ такого общества, которое объединяло бы разнородныя попытки организаціи общественныхъ и народныхъ развлеченій, старалось закрѣпить и развить далѣе добрыя начинанія частныхъ лицъ, которое сплотило бы разрозненные общественные элементы и направило ихъ къ общей дѣятельности по части широкой организаціи развлеченій. Прежде всего нужно намѣтить основныя задачи, планъ. Человѣкъ тогда чувствуетъ подъ собой твердую почву, когда онъ дѣйствуетъ по опредѣленному плану. То же приложимо ко всякому просвѣтительному обществу. Въ самихъ уставахъ и программахъ нужно установить нѣчто такое—широкое и увлекательное—чему нельзя не симпатизировать съ первыхъ шаговъ, съ перваго момента вступленія въ общество. Такъ, глав-

Digitized by Google

ными задачами обществъ организаціи народныхъ развлеченій можно признавать народные театры, общедоступные концерты, хорошо обставленныя панорамы, чтенія съ туманными картинами, библіотеки и читальни, путешествія и пр. т. п. Въ частности должны быть организованы развлеченія для дѣтей—игры, загородныя прогулки, развлеченія для учащихся въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, преимущественно въ видѣ литературныхъ вечеровъ зимой и образовательныхъ экскурсій лѣтомъ. О многомъ нужно еще разузнать въ странахъ болѣе пожившихъ въ культурномъ отношеніи, узнать путемъ собиранія свѣдѣній, отчетовъ, частной переписки, путемъ командировки наиболѣе заинтересованныхъ лицъ, причемъ расходы по командировкамъ вполнѣ или частью могли бы покрывать городскія общественныя управленія, какъ изрѣдка и бывало уже кое-гдѣ. Вообще, требуется по возможности болѣе широкая постановка вопроса, широкая организація, по крайней мѣрѣ такая, какая въ послѣдніе годы возникла въ Москвѣ, въ частности, въ приложеніи къ организаціи домашняго чтенія. Господствующая точка зрѣнія на самообразованіе нѣсколько односторонняя. Можно подумать, что только и свѣта въ окнѣ, что книги да лекціи, лекціи да книги, но, и помимо книгъ, велики запасы культуры и цивилизаціи, великъ, разнообразенъ и поучителенъ Божій міръ. Самообразованіе нужно черпать не въ однѣхъ библіотекахъ и аудиторіяхъ, но и въ созерцаніи природы, въ знакомствѣ съ памятниками искусства, въ разумной организаціи общественныхъ развлеченій, въ живой общественной дѣятельности.

Среди возможныхъ возраженій скорѣй всего можно встрѣтиться съ мнѣніемъ, что участіе рабочихъ, при ихъ экономической и соціальной зависимости, представляется проблематичнымъ. Прежде всего нужно имѣть въ виду, что рабочіе нуждаются болѣе, чѣмъ какой-либо другой классъ общества въ организаціи развлеченій, съ цѣлью ослабленія пагубнаго для нихъ и для всего общества пристрастія къ водкѣ. Затѣмъ, множество развлеченій можетъ быть такого рода, гдѣ невозможно да и безбожно проводить какія либо сословныя разграниченія. Наконецъ, главное, въ послѣднее время и правительство, и лучшіе люди общества принимаютъ мѣры къ подъему техническаго и ремесленнаго образованія. На послѣднемъ торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ прочитанъ былъ цѣлый рядъ цѣнныхъ докладовъ по вопросамъ о подъемѣ образованія фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Характеренъ уже и тотъ фактъ, что рабочимъ былъ разрѣшенъ безплатный проѣздъ на Нижегородскую выставку; правительство въ этой мѣрѣ сравняло ихъ съ гимназистами и студентами. Здѣсь обнаружилось свѣжее и здоровое вѣяніе европейской цивилизаціи, и смотрѣть послѣ всего этого на русскаго фабричнаго, какъ на парію, по меньшей мѣрѣ нелѣпо.

Народныя театры у насъ въ зародышѣ. На Нижегородской выставкѣ было представлено нѣсколько любопытныхъ данныхъ по

Digitized by Google

этому поводу, въ видѣ моделей сценъ, данныхъ о расходахъ по постановкѣ представленій, общихъ наблюденій устроителей и т. д. На основаніи этихъ данныхъ недавно изданъ сборникъ «Народный театръ». Здѣсь есть статьи общаго свойства, трактующія вопросъ о народномъ театрѣ съ принципіальной точки зрѣнія, и статьи по отдѣльнымъ вопросамъ практической постановки дѣла. Въ Сборникѣ указаны отчасти и пьесы, пригодныя для народнаго театра.

При дальнѣйшей разработкѣ многочисленныхъ вопросовъ по устройству общедоступныхъ спектаклей придется города отдѣлить отъ селъ, въ виду того, что городское населеніе въ значительной степени разнится отъ сельскаго, и потому еще что при устройствѣ народныхъ театровъ въ городахъ можно разсчитывать на содѣйствіе со стороны городскихъ управленій, тѣмъ болѣе, что и закономъ (Город. Полож. 1892. ст. 2. п.п. IX и X) думамъ предоставлено попеченіе объ устройствѣ общественныхъ театровъ.

Въ виду того, что устройство народнаго театра требуетъ крупныхъ затратъ и, главное, въ виду еще большей трудности содержанія хорошей труппы, нельзя не пожелать, чтобы до открытія народныхъ театровъ облегчено было пользованіе уже существующими, въ видѣ соглашенія съ дирекціями относительно пониженія цѣнъ на мѣста въ извѣстные дни или для извѣстной части населенія. Въ провинціальныхъ городахъ оперныя и театральныя удовольствія большей частью оплачиваются такъ дорого, что ими можетъ пользоваться лишь небольшая обезпеченная часть населенія, да и та къ концу сезона начинаетъ ослабѣвать, и тогда антрепренеры—въ видѣ сильнаго средства—пускаютъ въ ходъ разныхъ гастролеровъ и прибѣгаютъ къ широковѣщательнымъ рекламамъ.

Въ южной Россіи къ народному театру близко подходитъ театръ малорусскій, по составу пьесъ и отчасти по болѣе дешевой платѣ за мѣста. При доброжелательномъ посредничествѣ и здѣсь можно кое-что улучшить, напр., при выборѣ пьесъ устранять слишкомъ грубыя «убійственныя» пьесы, «Помста», «Кляте сердце» и др. т. п. съ чисто внѣшними и грубыми драматическими эфектами.

Что касается до устройства театра въ селахъ, то въ этомъ отношеніи поучительный опытъ данъ Н. Ѳ. Бунаковымъ въ одномъ селѣ Воронежской губ.: зрительный залъ представляетъ собой комнату въ 10 аршинъ длины и 9 ширины. Мѣста расположены рядами, причемъ мѣстъ по 1 коп.—66, по 5 коп.—10, по 10 коп.—20 и по 20 коп.—20. Цѣны, очевидно, общедоступныя. Исполнителями служатъ бывшіе ученики и ученицы, окончившіе курсъ мѣстнаго училища. Они дѣлятъ между собой каждый сборъ пропорціонально, причемъ на участника приходится въ зиму отъ 1 до 5 руб. Обстановка, костюмы, освѣщеніе даются попечителемъ школы и основателемъ театра безплатно. Были поставлены «Недоросль», «Жизнь за Царя», «Не такъ живи, какъ хочется» и др. пьесы. Театръ всегда былъ полонъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ по своей широтѣ иниціатива

Digitized by Google

пермскаго губернскаго попечительства о народной трезвости. Попечительство предположило устроить въ большихъ селахъ помѣщенія для театра вмѣстимостью до 1000 чел. Нѣкоторые заводовладѣльцы сочувственно отнеслись къ этому доброму начинанію и ассигновали значительныя средства.

Ошибочно думать, что съ устройствомъ помѣщенія для народнаго театра кончаются главныя о немъ заботы. Важно не только наладить дѣло, обезпечить его возникновеніе, но и направить его, укрѣпить и регулировать, что требуетъ постоянной заботливости и цѣлаго ряда дополнительныхъ мѣръ по организаціи дѣла. Нужно выработать репертуаръ изъ лучшихъ пьесъ общаго высокаго достоинства, причемъ одного репертуара для всей Россіи не можетъ быть. Въ южной Россіи, напр., значительное мѣсто можетъ быть отведено малорусскому театру. Затѣмъ, нужно заботиться объ удовлетворительномъ составѣ труппы: нужно систематически противодѣйствовать попыткамъ къ пониженію уровня народной сцены, устранять шутовство, гаерство, шаржъ, все, что тянетъ на сторону наиболѣе грубыхъ вкусовъ. Вообще устройство и надлежащая постановка народнаго театра требуетъ большаго вниманія и многихъ усилій.

Гораздо легче устройство общедоступныхъ *концертовъ*, тѣмъ болѣе, что тутъ можно пользоваться кое-какими существующими пособіями, напр., церковными хорами, странствующими музыкантами, любителями пѣнія съ хорошимъ голосомъ.

Въ селахъ возможна даже опера, какъ это доказано недавно такимъ характернымъ случаемъ: самарское попечительство о народной трезвости выдало г-жѣ Сѣровой субсидію въ 450 руб. для постановки оперныхъ спектаклей въ с. Языковѣ Бугурусланскаго уѣзда. Были поставлены сцены изъ оперы «Князь Игорь». Спектакль прошелъ съ успѣхомъ при 300 зрителяхъ. Хоръ изъ крестьянъ пѣлъ тепло и съ увлеченіемъ. Трудныя роли Игоря и Ярославны исполняли, впрочемъ, интеллигентныя лица. Въ Малороссіи по селамъ бываютъ домашніе концерты: въ церковные праздники или на именины «батюшки» или «матушки» поютъ церковные хоры; солистами бываетъ кто-нибудь изъ гостей священниковъ или дьяконовъ. Вообще, среди сельскаго духовенства держится мѣстами любовь къ музыкѣ, какъ остатокъ лучшихъ старыхъ традицій.

Въ городахъ, при извѣстной организаціи дѣла и доброжелательной иниціативѣ, не трудно устраивать общедоступныя оперныя представленія, съ привлеченіемъ лучшихъ силъ, въ существующихъ уже оперныхъ театрахъ. Въ Харьковѣ въ 1896 г. были сдѣланы попытки этого рода—утренніе дешевые спектакли, съ платой за мѣста отъ 15 коп. Нужно стремиться къ тому, чтобы бѣднымъ хотя бы изрѣдка были доступны художественно эстетическія удовольствія богатыхъ. Въ Англіи, въ Австріи (Вѣна) въ этомъ отношеніи сдѣлано уже многое въ видѣ устройства концертовъ съ входной платой отъ 3 коп.

Въ газетахъ нѣтъ-нѣтъ и промелькнетъ извѣстіе объ

Digitized by Google

открытіи *чайной* въ видѣ противовѣса кабаку. Такъ, недавно открылась такая чайная въ Херсонѣ и при ней библіотека. Въ Харьковѣ Благотворительное Общество предполагаетъ устроить народный залъ. По праздникамъ здѣсь будетъ играть музыка; въ будни залъ этотъ будетъ представлять собой обыкновенную чайную. Стѣны его будутъ увѣшаны олеографіями историческаго и религіознаго содержанія, преимущественно копіями съ картинъ великихъ мастеровъ; на столахъ въ сосѣдней комнатѣ будутъ лежать иллюстрированные журналы и книги, разрѣшенныя и доступныя для чтенія. Предполагается современемъ по вечерамъ показывать туманныя картины. Удачный опытъ сдѣланъ въ видѣ чайной при первой читальнѣ.

Какъ мало нужно средствъ, чтобы устроить въ селѣ чайную, и какъ полезно можетъ быть такое скромное учрежденіе, можно видѣть на слѣд. примѣрѣ: въ одномъ селѣ Лохвицкаго у., Полтавской губ. доброжелательная помѣщица дала для чайной квартиру, столы, скамьи, освѣщеніе, отопленіе и на первое время прислугу; затраты на устройство и обзаведеніе чайной вылились въ такія цифры: патентъ 2 р. 20 коп., кубъ для кипяченія воды 6 р. 60 к., самоваръ 5 р., чайникъ 90 коп., 2 дюж. чашекъ 3 р. 50 к., часы 3 р., картины 2 р. 70 к., термометръ 1 р. 25 к. Въ теченіе перваго года на покупку чая, сахара и бубликовъ истрачено 168 р. 4 к., жалованье женщинѣ-хозяйкѣ · 25 руб., всего 193 р. 4 к. Доходъ же чайной за то же время выразился въ суммѣ. 281 р. 73 к. Итакъ, доходъ вернулъ оборотный капиталъ, покрылъ основныя затраты и далъ чистой выручки 23 р. 54 к. Условія продажи чая такія: за *одну* копѣйку дается кусокъ сахару и сколько угодно чаю, на 2 коп.—2 куска сахару и сколько угодно чаю, на 3 коп.—4 к. сахару. Кромѣ того, продаются булки по базарной цѣнѣ. При чайной открыта библіотека и устраиваются съ разрѣшенія мѣстныхъ властей чтенія. Кто-нибудь изъ грамотныхъ крестьянъ громко читаетъ, остальные слушаютъ. Изъ того, что чайная въ небольшомъ и небогатомъ селѣ на продажѣ чая въ первый годъ получила доходъ, легко видѣть, что это далеко не такое благотворительное учрежденіе, которое нуждалось бы въ постоянной поддержкѣ. Это маленькое дѣло, хорошее само по себѣ, пріютило возлѣ себя еще и библіотечку, и коллекцію улучшенныхъ образцовъ гончарныхъ издѣлій.

Народныя чтенія съ туманными картинами ведутся въ многихъ городахъ, Одессѣ, Харьковѣ, Курскѣ, Елисаветградѣ и др., но по внѣшнимъ тормазамъ, въ деревню они почти совсѣмъ не проникли. Въ 1896 г. въ Харьковѣ чтенія шли въ 3 пунктахъ: въ зданіи реальнаго училища, въ москалевской школѣ и въ ночлежномъ домѣ. Чтенія въ ночлежномъ домѣ шли первый годъ, и наплывъ простой публики былъ такъ великъ, что пришлось даже отказывать въ выдачѣ билетовъ вслѣдствіе крайней переполненности аудиторіи. Кромѣ того, коммиссіей народныхъ чтеній организованы чтенія въ селѣ Деркачахъ, въ 13 верстахъ отъ Харькова, и въ харьковскихъ

Digitized by Google

казармахъ для солдатъ Пензенскаго полка. Въ послѣднее время комиссія предоставляла свои картины для чтеній, устроенныхъ въ женскомъ отдѣленіи харьковскаго тюремнаго замка, и посылала ихъ въ Богодуховъ, села: Барвенково, Уды и въ нѣкоторыя другія мѣста, гдѣ чтенія только возникали. Комиссія въ минувшемъ году сдѣлала интересный опытъ приготовленія картинъ для фонаря собственными средствами и изготовила удешевленный фонарь. Стекла для фонарей выписаны были изъ Лондона, а остальныя части (металлическія и деревянныя) изготовлены на мѣстѣ. При такомъ способѣ приготовленія стоимость фонаря упала до 70 руб.

Нѣтъ надобности доказывать, какъ много можно достигнуть, при удешевленіи и усовершенствованіи фонаря, посредствомъ чтеній или даже простыхъ объясненій къ хорошо подобраннымъ картинамъ. Такъ, въ одно чтеніе можно объяснить путь богомольцевъ отъ Одессы до Яффы, въ другое—палестинскія святыни, въ третье—египетскія древности, въ четвертое—картины греческой природы и искусства, далѣе въ ряду картинъ ознакомить зрителя съ русскимъ югомъ (Крымъ и Кавказъ), съ Днѣпромъ и Кіевомъ, съ Волгой и Нижнимъ-Новгородомъ, съ Москвой, Петербургомъ, русскимъ сѣверомъ и т. д. Могутъ быть чтенія и картины, такъ сказать, болѣе спеціальнаго свойства—по астрономіи и геологіи, о горахъ (преимущественно русскихъ), степяхъ, лѣсахъ и т. д., по этнографіи—о типѣ и бытѣ народовъ, по русской исторіи, по исторіи искусства (архитектурные стили, Мадонны и пр.); выборъ громадный, образовательное средство весьма сильное и благотворное.

Легче всего, кажется, было бы устраивать общественные и семейные *литературные вечера*, такъ какъ для такого устройства нужно располагать лишь нѣсколькими хорошими чтецами, а, между тѣмъ, изъ всѣхъ общественныхъ развлеченій литературные вечера составляютъ наибольшую рѣдкость. Это странное и печальное явленіе объясняется многими причинами. Прежде всего легко выдѣляются разныя внѣшнія опасенія и ограниченія. Здѣсь является подчасъ много цензоровъ-добровольцевъ. Извѣстны случаи воспрещенія чтеній «Зимняго Вечера» Пушкина и «Ревизора» Гоголя. Въ первомъ стихотвореніи найдены были предосудительными слова «выпьемъ, добрая подружка!», а въ «Ревизорѣ» подъ охрану былъ взятъ городничій. Но еще бо́льшимъ препятствіемъ служитъ отсутствіе программъ и пособій. Что выбрать для чтенія на одинъ вечеръ, часа на три? вопросъ затруднительный, если принять во вниманіе извѣстный размѣръ статьи, законченность, приличіе стиля. Одно слишкомъ длинно, другое кратко, третье мрачное, пессимистическое, четвертое съ фривольными мѣстами. Многое хорошее достать трудно, особенно въ провинціальной глуши. Всѣ или почти всѣ неудобства и препятствія можно устранить путемъ созданія ряда программъ и передвижныхъ библіотекъ, причемъ въ программахъ должны быть отмѣчены лучшія статьи,

Digitized by Google

мѣсто напечатанія ихъ, время, потребное для прочтенія, и указанъ извѣстный порядокъ, въ интересахъ самообразованія, въ родѣ того, какой указанъ въ «Пособіи для устройства чтеній», изданномъ въ 1896 г. въ Харьковѣ. При хорошемъ чтеніи общеизвѣстныя литературныя произведенія получаютъ новую привлекательность. Литературные вечера разовьютъ любовь къ живому слову, чувство добра и красоты. Хорошіе разсказчики и чтецы не рѣдкость; они встрѣчаются во всѣхъ слояхъ образованнаго общества, но ими мало пользуются, и немногіе рѣшаются выступать передъ публикой. Нужна извѣстная гражданская смѣлость даже въ такомъ скромномъ дѣлѣ. Такую смѣлость заявилъ, напр., покойный даровитый профессоръ И. И. Дитятинъ въ 70-хъ годахъ, когда онъ въ Харьковѣ на многолюдныхъ вечерахъ въ дворянскомъ собраніи 17 января читалъ извѣстный монологъ Мармеладова въ «Преступленіи и наказаніи» Достоевскаго. Чтеніе, правда, нѣсколько теряло, при вокальной и инструментальной музыкѣ, хотя Дитятинъ читалъ прекрасно. Музыка на литературныхъ вечерахъ допустима лишь въ извѣстномъ соотношеніи къ чтеніямъ, въ концѣ вечера. При надлежащей организаціи, литературные вечера могутъ быть въ высшей степени полезными развлеченіями. Въ большихъ городахъ можно воспользоваться содѣйствіемъ опытныхъ людей изъ драматическихъ артистовъ.

Кто знакомъ съ странствующими по провинціальнымъ городамъ *панорамами*, тотъ навѣрно составилъ очень дурное о нихъ мнѣніе. Какой только грубой жизни ни преподносятъ захолустные панорамщики. На грязныхъ и выцвѣтшихъ балаганныхъ полотнахъ изображены большею частью разныя мученія и казни— пытки испанской инквизиціи, индійская казнь преступниковъ въ видѣ растаптыванія слонами, избіеніе христіанъ турками въ Дамаскѣ, кораблекрушенія, вездѣ мученія и смерть. И за такую мерзость взимается съ довѣрчивой провинціальной публики копѣекъ по 30 за входъ. А между тѣмъ въ хорошихъ рукахъ панорама можетъ быть полезнымъ образовательнымъ средствомъ, даже самая маленькая и, такъ сказать, спеціальная. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, укажемъ на панораму нобелевскихъ заводовъ въ Баку, съ которой навѣрно многіе ознакомились на послѣдней нижегородской выставкѣ. Нобелевскій павильонъ былъ двухъ-этажный; внизу находились образцы бакинской почвы, нефти, орудія производства и т. п., наверху панорама. Посѣтитель входилъ въ темную комнату, и здѣсь онъ видѣлъ въ оптическомъ отдаленіи одну ярко-освѣщенную картину Каспійскаго моря въ ясный солнечный день, съ пароходомъ, направляющимся въ Баку. Поднявшись по узенькой лѣстницѣ вверхъ на круглую площадку, посѣтитель находилъ превосходную панораму всѣхъ нобелевскихъ сооруженій и въ перспективѣ г. Баку, съ массой реальныхъ подробностей. Здѣсь приставленное къ панорамѣ лицо давало объясненія, гдѣ добывается нефть, куда она перегоняется для очистки и т. д., все въ высшей степени ясно и наглядно. Такая па-

Digitized by Google

норама почти равносильна путешествію въ Баку. Подобнаго рода панорамы весьма желательны, въ виду несомнѣннаго образовательнаго ихъ значенія.

Къ числу весьма интересныхъ и поучительныхъ общественныхъ развлеченій принадлежатъ *иногородныя экскурсіи* или *путешествія*. Я не буду здѣсь говорить о наслажденіяхъ, доставляемыхъ хорошо обставленнымъ путешествіемъ. Объ этомъ въ печати уже такъ много говорилось. Достаточно будетъ сослаться на прекрасныя популярныя книги Леббока «Радости жизни» и «Красоты природы», хорошо извѣстныя въ русскихъ переводахъ. Книжки эти нужно имѣть во всякой домашней библіотекѣ. Для насъ не важно, когда какой-нибудь праздный господинъ съ толстымъ бумажникомъ срываетъ цвѣты удовольствія, созерцая въ Италіи и Швейцаріи красоты природы и искусства. Важна для насъ такая организація экскурсій, когда красоты природы и искусства станутъ доступными людямъ средняго и даже малаго достатка, когда наслажденіе этими красотами получитъ широкое нравственно-воспитательное и образовательное значеніе. Теперь мы иногда созываемъ своихъ добрыхъ знакомыхъ на спектакль, концертъ, публичную лекцію, пойдемъ далѣе — соберемъ ихъ для осмотра швейцарскихъ ледниковъ, римскихъ древностей, сначала поближе—начнемъ съ Кіева, Крыма, Кавказа. Экскурсіи могутъ быть разнаго рода и разныхъ группъ—учениковъ и взрослыхъ, экскурсіи религіозно-нравственныя для поклоненія святынямъ, дѣловыя—для ознакомленія съ образцовыми больницами, фабриками, заводами, лечебно-гигіеническія или увеселительныя для освѣженія или укрѣпленія здоровья. Во всѣхъ случаяхъ можетъ понадобиться предварительная подготовка, собраніе справочныхъ свѣдѣній, опредѣленіе расходовъ, попытки къ возможному сокращенію ихъ, безъ ущерба для дѣла. Послѣднюю нижегородскую выставку посѣтило всего 900,000 чел. съ небольшимъ, а будь у насъ болѣе общественной жизни, болѣе организаціи, число посѣтителей могло бы удесятериться. Масса скромныхъ тружениковъ — рабочихъ, мелкихъ чиновниковъ, ремесленниковъ, могли бы побывать въ Нижнемъ, въ Москвѣ, проѣхать по Волгѣ и Окѣ, затративъ на это недѣлю времени и ничтожную сумму—при безплатности проѣзда отъ 5 до 10 руб., въ зависимости отъ величины группы, или отъ 10 до 30 руб. при платности съ пониженнымъ тарифомъ. Нижегородскія удешевленныя поѣздки были первымъ опытомъ, и, какъ благопріятный прецедентъ, онѣ заслуживаютъ добраго слова; при повтореніи сходныхъ обстоятельствъ о нихъ навѣрно вспомнятъ. Групповыя поѣздки для всѣхъ оказались выгодными. Учащаяся молодежь расширила кругъ своихъ свѣдѣній. Для рабочихъ пріоткрытъ былъ край широкаго міра.

Есть особаго рода путешествія, весьма обычныя въ Западной Европѣ, и, къ сожалѣнію, совсѣмъ неизвѣстныя у насъ—путешествія мѣстныя, въ предѣлахъ ближайшаго роднаго края. Какъ ни просты по существу *мѣстныя экскурсіи*, на скорое осу-

Digitized by Google

ществленіе ихъ въ Россіи трудно разсчитывать, при общихъ довольно еще суровыхъ условіяхъ нашего быта, при сравнительной бѣдности и однообразіи нашей природы и, главное, при существующей общественной обособленности, розни и апатіи. Изъ всѣхъ формъ общественныхъ развлеченій, мѣстныя экскурсіи—музыкальныя и литературныя—могли бы принести большую пользу въ дѣлѣ сближенія интеллигенціи и въ дѣлѣ живаго и наглядnаго изученія роднаго края. Въ сосѣдней съ Россіей Галиціи, въ восточной ея малорусской части, мѣстныя увеселительныя экскурсіи легко устраиваются, большей частью учащеюся молодежью. Составляется кружокъ лицъ изъ музыкантовъ, пѣвцовъ и чтецовъ, разучатъ нѣсколько пьесъ, составятъ нѣсколько программъ, и въ свободное отъ занятій лѣтнее время артистическій кружокъ объѣзжаетъ рядъ мѣстечекъ и селъ. Молодыхъ людей дружелюбно встрѣчаютъ и ласково провожаютъ, особенно молодое женское общество. Какъ ни какъ, а въ деревенскую глушь вносится много милаго оживленія, добраго чувства и искренняго веселія. У молодыхъ людей постепенно накапливается значительный запасъ свѣдѣній о родномъ краѣ, много добрыхъ знакомыхъ, и если кому либо изъ учащейся молодежи придется попасть сюда на службу, онъ будетъ чувствовать себя какъ-бы дома среди земляковъ. У меня были какъ-то подъ руками галицкія афишки 1884 г. Изъ нихъ видно, что львовскій комитетъ вандровниковъ отъ 15 августа по 8 сентября устроилъ рядъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ въ 6 мѣстечкахъ, именно 15 авг. въ Дрогобычѣ, 18 въ Корчинѣ, 22 въ Калуши, 24 въ Станиславовѣ, 26 въ Коломнѣ и 8 сент. въ Выжницѣ. Заранѣе были разосланы программы. Каждый концертъ состоялъ изъ 8 №№: первымъ № шло какое нибудь популярное научное чтеніе, напр., въ Дрогобычѣ «Про знесене панщины», въ Корчинѣ «Галицки Русины въ 1848 роци». Далѣе декламаціи, напр., въ Калушѣ прочитаны были. «Дума о побѣгѣ Самуила Кошки» и глава изъ «Гайдамакъ» Шевченка о титарѣ. Далѣе шли хоровыя пѣсни. Въ заключеніе танцы. Гдѣ являлась возможнымъ, приглашаемъ былъ военный оркестръ музыки. Входъ платный, въ однихъ мѣстахъ въ пользу участниковъ, въ другихъ въ пользу мѣстныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Нѣтъ надобности доказывать, какъ много содѣйствуетъ развитію здравыхъ общественныхъ убѣжденій и привязанностей такое общеніе молодежи съ обществомъ и народомъ, такое проникновеніе въ деревенскую глушь, независимо отъ книжныхъ теорій. Не знаю почему, должно быть по противоположности, мнѣ приходитъ на мысль одинъ мой университетскій товарищъ, медикъ, широкая великорусская натура изъ семинаристовъ Саратовской губ. Онъ считалъ себя чуть не прямымъ продолженіемъ Чернышевскаго, который, какъ извѣстно, также учился въ саратовской семинаріи. Однимъ словомъ, это былъ убѣжденный прогрессистъ, ярый либералъ краснаго оттѣнка, большой народолюбецъ, въ общемъ добрякъ и теоретикъ. По окон-

Digitized by Google

чаніи курса онъ занялъ мѣсто земскаго врача въ мѣстности чисто малорусской и въ письмахъ ко мнѣ иначе не отзывался о своихъ паціентахъ, какъ «проклятые хохлы». Этотъ хорошій человѣкъ—миръ его почившему праху!—не ударился бы въ такія крайности при постепенномъ болѣе близкомъ знакомствѣ съ народомъ.

Роль развлеченій въ *воспитаніи* огромная, и разумная педагогика находитъ невозможнымъ провести строгую границу между обученіемъ и развлеченіемъ. Почему, напр., прочитать въ классѣ толково басню Крылова непремѣнно должно считаться только обученіемъ, а толковое чтеніе или игра въ лицахъ той же басни на литературномъ вечерѣ идетъ за развлеченіе? На первыхъ порахъ обученіе и развлеченіе совершенно сливаются, но затѣмъ житейская или правильнѣй школьная практика начинаетъ налегать лишь на обученіе и пренебрегаетъ часами досуга. Подросткамъ предоставляется наполнять досугъ, какъ и чѣмъ знаютъ, и такъ какъ они въ этомъ дѣлѣ еще совсѣмъ неопытны и безсильны, то имъ остается лишь скука, пустословіе, карты. И литература, и дѣйствительность представляютъ множество печальныхъ примѣровъ огрубѣнія и искаженія человѣческой личности на почвѣ жизни безсодержательной и бѣдной впечатлѣніями *). Картежная игра, пьянство, сквернословіе, крайнее увлеченіе спортомъ въ мужской молодежи, мелочность и сплетничество въ женской—всѣ эти недостатки въ значительной степени обусловлены отсутствіемъ хорошихъ совмѣстныхъ развлеченій: каковы—хоровое пѣніе, совмѣстная музыка, литературные вечера, спектакли. Организаціей подобнаго рода общественныхъ развлеченій можно достигнуть многаго—общаго подъема умственныхъ и нравственныхъ силъ, развить чувство дружелюбія и общественной солидарности, поднять оцѣнку значенія искусства, корпоративной дѣятельности, общества, вообще жизни.

Наши дѣти имѣютъ мало развлеченій; у дѣтей интеллигентныхъ родителей много времени и силъ уходитъ на ученіе, у дѣтей простыхъ классовъ на работу. И семейная, и школьная педагогія охотно жертвуютъ настоящимъ для будущаго. А между тѣмъ въ жизни все одинаково важно, и всякій возрастъ имѣетъ свою самостоятельную цѣнность. Никто и ничто не вознаградитъ дѣтей за потерянныя радости. Общество организаціи развлеченій могло бы кое-что сдѣлать, по крайней мѣрѣ, для дѣтей сравнительно бѣдныхъ семей изъ рабочаго класса и мелкаго чиновничества. Оно могло бы весной и лѣтомъ предоставлять дѣтямъ то, что особенно имъ нужно для укрѣпленія духа и тѣла—загородныя прогулки, чистый полевой воздухъ, шумъ зеленаго лѣса, купанье въ текущихъ рѣкахъ на золотистомъ песку, море волнующихся хлѣбовъ, душистый запахъ цвѣтущей гречихи, общую картину трудового сельскаго быта, общее знакомство съ роднымъ

*) Хорошая ст. о роли развлеченій въ воспитаніи во 2 кн. „Образованія“ 1897 г.

Digitized by Google

краемъ. Нашлось бы не мало добрыхъ людей изъ среды землевладѣльцевъ, которые разобрали бы на лѣто ослабѣвшую и захирѣвшую молодежь къ себѣ въ имѣнія и хутора на поправку на мѣсяцъ, на два, по одному, по 2 или по 3 человѣка, пристроивъ ихъ къ какому-нибудь легкому, здоровому и поучительному сельскохозяйственному дѣлу. Здѣсь много полезнаго можно сдѣлать, безъ малѣйшихъ затратъ, лишь путемъ доброжелательныхъ соглашеній.

Организація общественныхъ развлеченій можетъ найти и другія весьма разнообразныя выраженія, въ зависимости отъ культурнаго роста общества, отъ запаса матеріальныхъ и нравственно-общественныхъ силъ. Возможно ввести въ кругъ общественныхъ развлеченій общедоступныя безплатныя библіотеки и читальни. Умственное просвѣтленіе и самообразованіе приносятъ много чистой духовной радости. Возможно устроить семейные танцовальные вечера въ мѣстностяхъ съ значительнымъ фабричнымъ населеніемъ, или клубы для фабричныхъ дѣвушекъ, какія въ большомъ ходу въ Западной Европѣ, или воскресные классы рисованія, или безплатные уроки хороваго пѣнія, многое другое въ томъ же родѣ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и средствъ по указаніямъ компетентныхъ лицъ, согласно съ потребностями среды, при одномъ непремѣнномъ условіи, чтобы всякое общественное развлеченіе давало веселіе здоровое, свѣжее, укрѣпляющее физически и нравственно, по возможности болѣе высокое въ умственномъ отношеніи.

Нельзя не пожелать, чтобы во всѣхъ городахъ и въ наиболѣе крупныхъ торгово-промышленныхъ селахъ, на первое время, по крайней мѣрѣ, въ большихъ университетскихъ городахъ, возникли общества организаціи развлеченій. Въ настоящее время, послѣ всего вышесказаннаго, не трудно намѣтить приблизительно, въ общихъ чертахъ, главные пункты устава проектируемыхъ обществъ. Каждое такое общество главной цѣлью въ 1 § должно поставить общее положеніе—заботу объ организаціи развлеченій, полезныхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Вторымъ параграфомъ можно намѣтить болѣе частныя задачи: устройство народнаго театра, выработка репертуара, устройство общедоступныхъ концертовъ, чтеній съ туманными картинами, панорамъ, библіотекъ и читаленъ, дѣтскихъ игръ, организацію путешествій и экскурсій—послѣднее, можетъ быть, съ спеціальными подраздѣленіями на коммиссію изученія родного края, на отдѣлъ пѣшеходовъ, для которыхъ далекія прогулки могутъ служить своего рода спортомъ. Третьимъ параграфомъ можно поставить изученіе существующихъ общественныхъ развлеченій, собраніе свѣдѣній о постановкѣ этого дѣла заграницей, критика мѣстныхъ общественныхъ и народныхъ развлеченій, указаніе на безцеремонныя попытки эксплуатировать обывателя на почвѣ грубой балаганщины. Тутъ пропасть живого, интереснаго, плодотворнаго дѣла, и когда возникнутъ подобнаго рода общества, простой голосъ благоразумія

Digitized by Google

и общая польза заставятъ ихъ войти во взаимныя сношенія и одолженія. Весьма возможно, понадобятся спеціальные печатные органы, напр., «Ежегодники», гдѣ могутъ быть сгруппированы и освѣщены съ морально-общественной точки зрѣнія всѣ попытки и достигнутые успѣхи по организаціи развлеченій, выдающіяся статьи періодической печати, корреспонденціи и пр. т. п. Нѣтъ надобности доказывать, что при умѣломъ и усердномъ веденіи дѣла собраніе и группировка надлежащихъ свѣдѣній, указаній и адресовъ были бы весьма полезны и во многихъ отношеніяхъ интересны и поучительны. Тѣмъ болѣе, что въ настоящее время совсѣмъ нѣтъ библіографіи литературы объ общественныхъ развлеченіяхъ, и масса интересныхъ статей погибаетъ въ ворохахъ газетной бумаги.

Скажутъ, что общества организаціи развлеченій будутъ бѣдны и слабы, при слабости всей нашей внутренней жизни. Дѣйствительно, проектируемыя общества могутъ быть и бѣдны и слабы... но не всегда и не вездѣ. Средства накопляются съ годами. Личный составъ и опытность формируются постепенно. Серіозная творческая дѣятельность всегда и вездѣ обусловливалась счастливыми обстоятельствами притока энергичныхъ личностей. Но нужно создать почву для дѣятельности, нужны мотивы. Во всякой общественной организаціи есть нѣчто напоминающее и обязывающее. Недавно въ египетскомъ саркофагѣ найдены были колосья пшеницы. Положены они были задолго до Рождества Христова. И—о чудо скрытой жизни!—когда ихъ положили во влажную почву—они проросли. Просвѣтительныя мысли и гуманныя чувства отличаются не меньшей живучестью. Къ тому же и современная намъ русская жизнь—не египетскій саркофагъ. Свѣтъ, солнце, живительная влага проникаютъ тысячью видимыхъ и невидимыхъ путей. Они идутъ къ намъ отъ ближайшихъ хорошихъ историческихъ традицій, изъ многочисленныхъ уже запасовъ художественной литературы, изъ лучшей части современной прогрессивной печати, изъ лучшихъ воздѣйствій семьи и школы. Нѣтъ и быть не можетъ такой темной силы, которая вырвала бы у насъ возможность меліоризма и уничтожила стремленіе къ полной радостной жизни. Будемъ же жить и жить, а такъ какъ для жизни нужно веселіе сердца, нужна радость, то будемъ всячески стремиться къ радости и веселію, введемъ радость въ число необходимыхъ задачъ и стремленій и общими силами облегчимъ доступъ къ ней.

Проф. **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

Digitized by Google

Образовательное значеніе исторіи.

Georg. Stoeckert: «Der Bildungswerth der Geschichte».

I.

Брошюра г. Штеккерта посвящена разработкѣ вопроса о томъ, какое значеніе имѣетъ изученіе исторіи для общаго образованія. Имѣетъ-ли исторія вообще образовательное значеніе? Большинство, конечно, даетъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, но есть также замѣчательные мыслители, отвѣчающіе на него отрицательно. Къ числу ихъ принадлежитъ извѣстный нѣмецкій философъ-пессимистъ Нитцше, написавшій цѣлый трактатъ о пользѣ и вредѣ исторіи для жизни. *) Нитцше находитъ, что изученіе исторіи вредно отражается на современномъ человѣчествѣ. «Въ настоящее время, говоритъ онъ, исторія находится въ большемъ почетѣ, чѣмъ сама жизнь. Люди торжествуютъ по поводу того, что наука начинаетъ господствовать надъ жизнью; можетъ быть, когда-нибудь это и будетъ достигнуто. Но несомнѣнно, что такая жизнь не будетъ имѣть большой цѣны, потому что она гораздо менѣе будетъ *жизнью*, и будетъ заключать въ себѣ менѣе жизни для будущаго, чѣмъ прежняя жизнь, управляемая не знаніемъ, а инстинктами и могущественными призраками. Но какъ уже сказано, наступающій вѣкъ не будетъ вѣкомъ законченныхъ и созрѣвшихъ гармоническихъ личностей, а вѣкомъ обыденной, наиболѣе полезной работы. Другими словами: люди должны быть приспособлены къ цѣлямъ времени, чтобы какъ можно своевременнѣе прилагать къ нимъ свой трудъ: они должны работать на фабрикѣ всеобщихъ полезностей, прежде чѣмъ они созрѣютъ, и даже для того, чтобы они никогда не созрѣли—такъ какъ это было бы излишней роскошью». Короче говоря, Нитцше считаетъ изученіе исторіи вреднымъ потому, что оно будто-бы подавляетъ индивидуальность человѣка, налагаетъ на него оковы, опутываетъ его традиціями прошлаго и мѣшаетъ свободному проявленію его силъ. По-

*) Fr. Nietzsche: Unzeitgemässe Betrachtungen: Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben.

Digitized by Google

добные взгляды высказывались и другими писателями; такъ, напр., Гриммъ, обращаясь къ своимъ соотечественникамъ, говоритъ: «Вы никакъ не можете отдѣлаться отъ того, что было установлено еще со временъ 30-лѣтней войны или реформаціи; вы влачите за собой безконечный шлейфъ историческихъ воспоминаній, который мѣшаетъ вамъ двигаться».

Д-ръ Штеккертъ ставитъ себѣ задачей доказать несправедливость этихъ обвиненій, взводимыхъ на исторію, и выяснить, въ чемъ заключается ея образовательное значеніе. Прежде всего онъ считаетъ нужнымъ разграничить исторію въ собственномъ смыслѣ слова (Geschichte) отъ исторической науки (Historie). Подъ исторіей (Geschichte) онъ понимаетъ тѣ событія, которыя совершались въ дѣйствительности. Но очевидно, что не всѣ событія въ жизни людей и народовъ могутъ быть названы историческими. Историческое значеніе имѣютъ только тѣ факты и событія, которые такъ или иначе касаются *общественной* жизни человѣка, поскольку она воплощается въ такихъ общественныхъ союзахъ, какъ семья, родъ, народъ, община, государство. Такимъ образомъ, развитіе, дѣятельность и жизнь этихъ общественныхъ союзовъ и составляетъ содержаніе исторіи. Каковы же тѣ силы, которыя создаютъ эти союзы и управляютъ ими? Существуютъ ли какіе-нибудь законы, въ силу которыхъ совершается историческое развитіе человѣчества, или же оно является продуктомъ свободной дѣятельности людей; въ какой мѣрѣ на него воздѣйствуютъ оба эти фактора?

Основными и наиболѣе могущественными мотивами къ человѣческой дѣятельности являются влеченія, вытекающія изъ потребностей. Наиболѣе элементарныя изъ нихъ и наиболѣе сильныя— голодъ и любовь; за ними слѣдуетъ тщеславіе. Развитіе культуры заключается въ развитіи *новыхъ* потребностей въ человѣкѣ, которыя заставляютъ его выискивать новыя средства для ихъ удовлетворенія. Потребности эти дѣлятся на матерьяльныя и духовныя, хотя иногда онѣ не поддаются строгому разграниченію въ этомъ смыслѣ (напр., семейныя отношенія). Удовлетвореніе матерьяльныхъ потребностей составляетъ предметъ хозяйства, а историческое описаніе его — предметъ науки о народномъ хозяйствѣ. Съ помощью статистики можно открыть законы, управляющіе народнымъ хозяйствомъ, и законы эти до извѣстной степени аналогичны съ законами природы. Но въ общественной жизни дѣйствіе этихъ законовъ постоянно видоизмѣняется и усложняется вліяніемъ права и произвола, и обычая; поступки людей, направленные къ удовлетворенію ихъ потребности, являются проявленіями ихъ личной воли, а слѣдовательно, они имѣютъ случайный характеръ. Не касаясь философскаго вопроса о свободѣ воли, Штеккертъ замѣчаетъ, что въ мірѣ явленій, въ которомъ разыгрываются историческія событія, мы повсюду видимъ проявленія свободной воли. Исторія человѣчества до извѣстной степени подчинена необходимости (Naturnothwendigkeit), но эта необходимость, какъ въ жизни отдѣльныхъ людей, такъ и въ жизни народовъ, постоянно сталки-

Digitized by Google

вается со случаемъ. Случай въ данномъ смыслѣ есть не что иное, какъ совпаденіе или столкновеніе двухъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга, явленій. Каждое явленіе само-по-себѣ обусловливается необходимостью, но встрѣча его съ другимъ явленіемъ уже зависитъ отъ случая. Въ результатѣ получается то, что въ физикѣ называется равнодѣйствующей нѣсколькихъ силъ. Среди случайностей въ этомъ смыслѣ наибольшую роль въ исторіи играетъ случайность появленія выдающихся личностей. Нельзя не признать основательности ходячей фразы, что если бы Наполеонъ умеръ отъ какой-нибудь дѣтской болѣзни, то не было бы битвы при Лейпцигѣ.

Это соединеніе необходимости и случая въ жизни народовъ и образуетъ содержаніе исторіи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Изученіе ея составляетъ предметъ *исторической науки*, которая можетъ быть названа наукой о совмѣстной жизни (Gesamtleben) людей.

Здѣсь намъ представляются два вопроса: во-первыхъ, въ какой мѣрѣ эта жизнь поддается изслѣдованію; и во-вторыхъ, какія проявленія ея должны считаться по существу историческими? Историческая наука разсматриваетъ не самыя событія, а то, что отъ нихъ осталось въ видѣ языка и литературы, закона и обычая, архитектурныхъ произведеній и археологическихъ предметовъ. Событія, создавшія ихъ, прошли, отошли въ вѣчность; историкъ, на основаніи ихъ, долженъ возсоздать самыя событія. Въ этомъ отношеніи историческая наука имѣетъ нѣкоторое сходство съ астрономіей. Астрономъ также наблюдаетъ не самыя небесныя тѣла, составляющія объектъ ея изученія, а ихъ отраженія въ зрительныхъ трубахъ, причемъ ему нерѣдко приходится созерцать такія свѣтила, которыя въ дѣйствительности уже угасли, но свѣтъ ихъ, лишь спустя много лѣтъ, достигаетъ земли.

Итакъ, работа историка—въ научномъ изслѣдованіи тѣхъ отпечатковъ, которые оставляетъ за собою человѣчество. Какъ же пользуется историческая наука своимъ матеріаломъ?

Всякая наука заключается въ установленіи причинной связи явленій. Историкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи крайне отрывочный матеріалъ. Изъ различныхъ обломковъ прошлаго онъ долженъ прежде всего установить внѣшнюю сторону событій—битвы, договоры, хронологію. Чтобы понять самыя событія, онъ долженъ установить ихъ связь съ другими событіями. Но простое соединеніе послѣдовательныхъ и сосуществующихъ событій еще не можетъ быть названо исторической наукой. Нужно еще выяснить, какое значеніе имѣли эти событія для общественной жизни, и показать ихъ внутреннюю связь. А это возможно лишь тогда, когда уже будетъ установленъ рядъ отдѣльныхъ фактовъ, находящихся въ отношеніяхъ причины и слѣдствія. Существованіе такой непрерывной связующей цѣпи между событіями, которая проходитъ черезъ всѣ столѣтія, является неопровержимой научной аксіомой. Человѣкъ, конечно, не въ состояніи цѣликомъ прослѣдить эту связь

Digitized by Google

отъ самаго начала и до нашего времени, но установить ее въ общихъ чертахъ онъ можетъ. Исторія ставитъ себѣ задачей открыть порядокъ и связь въ отрывочномъ хаосѣ историческихъ явленій.

Къ этой цѣли стремился Ранке въ своей «Всеобщей Исторіи». Онъ говоритъ: «Всеобщая исторія вовсе не представляетъ собою такого случайнаго столкновенія, паденія и смѣны государствъ и народовъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Точно также и часто столь сомнительное развитіе культуры не составляетъ ея единственнаго содержанія. Въ ея развитіи мы видимъ силы, и силы духовныя, производящія жизнь; творческія силы, которыя и суть сама жизнь, нравственныя энергіи (Moralische Energien). Опредѣлить эти силы, свести ихъ къ абстракціямъ—нельзя; мы можемъ только созерцать, воспринимать ихъ... Онѣ расцвѣтаютъ, обнимаютъ собою міръ, проявляются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, борются, ограничиваютъ и побѣждаютъ другъ друга. Въ ихъ смѣнѣ и послѣдовательности, въ ихъ жизни, въ ихъ угасаніи и оживаніи... и лежитъ тайна міровой исторіи».

Нравственныя энергіи или «идеи», какъ ихъ называетъ Гумбольдтъ, проявляются не только въ отдѣльныхъ индивидуальностяхъ. Совокупности людей также движутся этими энергіями и создаютъ идеи, опредѣляющія жизнь. Таковы, напр., идеи семьи и государства, права и совѣсти, идеи красоты, истины и добра, а также и всѣ религіозныя представленія. Идеи эти являются движущими силами исторіи, и реальность ихъ является такой же несомнѣнной и въ то же время загадочной, какъ и реальность самой жизни. Никто изъ насъ не сомнѣвается въ реальности жизни, а между тѣмъ, развѣ мы можемъ опредѣлить, что такое жизнь? Что случается съ тѣломъ, когда человѣкъ умираетъ? Всѣ составныя части остаются тѣми же, какими были за минуту передъ тѣмъ, пока человѣкъ еще жилъ; недостаетъ только чего-то, чего никто постигнуть не можетъ. Та же тайна окружаетъ и идеи, являющіяся движущими силами исторіи.

Историческая наука имѣетъ дѣло только съ такъ называемыми культурными народами. Она начинается съ исторіи народовъ Востока египтянъ, халдеевъ, ассирійцевъ, сирійско-финикійскихъ племенъ. Первая историческая эпоха заканчивается появленіемъ иранцевъ. Въ 500 г. до Р. Хр. произошло первое столкновеніе Востока и Запада. Второй періодъ всемірной исторіи охватываетъ собою исторію Греціи, заканчивающуюся походами Александра. За нимъ слѣдуетъ періодъ Римской имперіи, мірового владычества Рима. Центръ исторической жизни все болѣе и болѣе подвигается на западъ, а Востокъ теряетъ историческое значеніе. Но вотъ на Востокѣ появляется христіанство, и выростаетъ новая сила, преобразующая міръ. Въ то же время у сѣверныхъ границъ стараго культурнаго міра появляются германцы, которые воспринимаютъ новое міровоззрѣніе и создаютъ новый міръ, смѣняющій древній. Съ этого времени начинается вторая главная эпоха міровой исторіи, которая и до сихъ поръ еще не закончилась. Создаются новыя

Digitized by Google

формы жизни и общества, новая романо-германская культура, противоположная древней, эллинской культурѣ.

II.

Историческая наука ведетъ свое начало отъ культа героевъ. Представители господствующихъ классовъ вездѣ и всегда чувствовали потребность знакомиться съ героическими подвигами своихъ предковъ и оставлять въ назиданіе потомству разсказы о своихъ собственныхъ подвигахъ. Культъ героевъ возникаетъ только тамъ, гдѣ уже образовалось господствующее сословіе, аристократія, гдѣ уже есть зачатки государства. Наряду съ потребностью преклоняться передъ героями, источникомъ исторической науки является и практическая необходимость. Составляются списки, чиновники, календари, хронологическія таблицы. Мало-по-малу, прошлымъ стали заниматься ради него самого, пробудился безкорыстный интересъ къ исторіи.

Теперь мы подходимъ къ основному вопросу: какое же образовательное и воспитательное значеніе имѣетъ изученіе прошлаго, занятіе исторіей? Штеккертъ, слѣдуя Нитцше, разсматриваетъ отдѣльно монументальное, антикварное и критическое изученіе исторіи. Монументальное изученіе исторіи, т. е. изученіе великихъ памятниковъ и великихъ дѣяній прошлаго, имѣетъ огромное воспитательное значеніе. Оно пробуждаетъ уваженіе къ человѣческой личности, выясняетъ силу и мощь человѣка. Въ этомъ отношеніи исторія имѣетъ нѣчто общее съ поэзіей. Исторія имѣетъ своей задачей изобразить историческую жизнь даннаго народа или даннаго времени, и опредѣлить силы, движущія ее. Поэтому хорошо изложенное историческое произведеніе производитъ на насъ то же дѣйствіе, какъ геронческая поэма. Мы живемъ и страдаемъ съ сильными и могущественными людьми, и расширяемъ такимъ образомъ узкій кругъ нашей дѣятельности и нашего мышленія. Трудно сказать, какое произведеніе заставляетъ насъ глубже проникать въ трагедію всемірной исторіи: «Валленштейнъ» Шиллера, или «Валленштейнъ» Ранке.

Наряду со стремленіемъ преклоняться передъ героями, первые историки руководились еще любознательностью и практическими соображеніями, заставлявшими ихъ записывать всевозможные мелкіе факты, имѣвшіе значеніе для государственной и общественной жизни. Такимъ образомъ возникли хронники и лѣтописи. Нитцше называетъ ихъ антикварной исторіей. Антикварная исторія тоже имѣетъ воспитательное значеніе: она учитъ съ уваженіемъ относиться къ прошлому и выясняетъ самый процессъ развитія исторической жизни. Кромѣ того, она помогаетъ намъ лучше понимать современность. Всякій государственный человѣкъ непремѣнно долженъ заниматься исторіей, потому что она указываетъ ему границы возможнаго и достижимаго.

Для каждаго образованнаго человѣка изученіе исторіи важно

Digitized by Google

потому, что оно способствуетъ *выработкѣ его убѣжденій*. Основныя убѣжденія человѣка—(не говоря о религіи, которая для большинства является дѣломъ вѣры), его эстетическіе и политическіе взгляды вырабатываются имъ съ помощью исторіи. Эстетическія стремленія бываютъ двоякія: стремленія къ художественному творчеству и стремленія къ художественному наслажденію. Первое не всякому дается и зависитъ отъ природнаго дарованія. Второе же присуще всѣмъ, но оно удовлетворяется различнымъ образомъ, въ зависимости отъ условій времени и мѣста. Художественные вкусы и идеалы мѣняются, и потому также должны разсматриваться исторически. Штеккертъ считаетъ излишнимъ для своей цѣли входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса о томъ, какое значеніе имѣетъ историческое изученіе предмета для эстетическаго образованія. Достаточно только указать, что исторія искусства является необходимымъ элементомъ изученія искусства и выработки художественнаго идеала. Многіе, и между прочимъ многіе художники, отрицаютъ эту необходимость; но даже и они признаютъ, что всякіе эстетическіе или художественные взгляды и убѣжденія могутъ быть выработаны только съ помощью изученія исторіи искусствъ.

Но обыкновенный, средній человѣкъ не имѣетъ никакихъ ни эстетическихъ, ни философскихъ убѣжденій. Онъ отдается непосредственнымъ впечатлѣніямъ и находитъ одно — красивымъ, а другое—некрасивымъ. Религіозныя и политическія убѣжденія тоже въ большинствѣ случаевъ у него отсутствуютъ или замѣняются догматами. Иначе обстоитъ дѣло съ образованнымъ человѣкомъ. Онъ свободенъ отъ всякихъ догматовъ, какъ въ религіи, такъ и въ политикѣ. Для него религія и философія сливаются въ одно и онъ доходитъ до религіозно философскихъ убѣжденій путемъ долгихъ и мучительныхъ сомнѣній и внимательнаго изученія вопроса. Но изученіе это непремѣнно должно быть историческимъ: только съ помощью такого изученія можно прослѣдить, какъ одно міросозерцаніе развивается изъ другого, и какая между ними существуетъ взаимная связь.

Но особенное значеніе имѣетъ исторія при выработкѣ политическихъ убѣжденій. Политическое образованіе немыслимо безъ исторіи. Исторія учитъ насъ понимать государство, какъ нѣчто большее, чѣмъ простую машину, устроенную для обезпеченія человѣческаго благополучія. Она показываетъ намъ, какъ физическія и духовныя потребности человѣка влекли его къ созданію союзовъ, которые, по мѣрѣ развитія, все усложнялись и расширялись; какъ возникали понятія права и закона, отечества и націи; какъ эти представленія постепенно выяснялись и превращались въ идеи, которыя въ свою очередь дѣлались движущими силами исторіи. Современная историческая наука указываетъ также на могущественное значеніе экономическаго фактора, хозяйственныхъ отношеній въ развитіи политической жизни.

Такое изученіе прошлой жизни человѣчества Ницше называетъ

Digitized by Google

критической исторіей, потому что она старается представить критическую оцѣнку отдѣльныхъ фактовъ, учрежденій и событій. Эта критическая оцѣнка можетъ исходить изъ двоякой точки зрѣнія: практической и теоретической. Теоретическая критика указываетъ на историческое значеніе какого-нибудь факта въ ряду другихъ сопутствующихъ ему фактовъ; она объясняетъ его причины и опредѣляетъ его слѣдствія. Оцѣнка историческихъ явленій имѣетъ значеніе и для современности, потому что всѣ современныя учрежденія являются продуктами прошлаго.

Обращаясь затѣмъ къ обвиненіямъ, возводимымъ Ницше на историческую науку, Штеккертъ замѣчаетъ, что эти обвиненія до извѣстной степени примѣнимы ко всякой наукѣ вообще, а не только къ исторіи, и что они во всякомъ случаѣ чрезвычайно преувеличены. Ницше скорбитъ о томъ, что изученіе исторіи приводитъ къ торжеству демократическихъ идей, что оно понижаетъ общій уровень человѣчества и дѣлаетъ невозможнымъ появленіе сильныхъ, аристократическихъ личностей. Штеккертъ справедливо замѣчаетъ, что если бы даже это и было такъ, то въ этомъ не было бы ничего дурного. Если бы пришлось выбирать между распространеніемъ общаго благосостоянія и образованія среди большинства людей, и гармоническимъ развитіемъ отдѣльныхъ, выдающихся личностей, достигнутымъ на счетъ остальной массы—то, вѣроятно, пришлось бы избрать первое. Но въ дѣйствительности исторія вовсе не имѣетъ такой уравнивающей, рѣзко—выраженной демократической тенденціи. Самъ Ницше говоритъ:—«Исторію выносятъ на своихъ плечахъ сильныя личности; слабыхъ она совершенно уничтожаетъ». Вообще же можно сказать, что изученіе исторіи не только не подавляетъ индивидуальности, а напротивъ того, содѣйствуетъ ея развитію. Исторія на каждой страницѣ своей даетъ доказательства могущества и силы личности, поэтому изученіе ея въ этомъ смыслѣ имѣетъ чрезвычайно полезное воспитательное значеніе. Она является необходимымъ дополненіемъ нашего личнаго опыта и расширяетъ кругъ нашего житейскаго обихода.

Далѣе Ницше указываетъ на то, что «историческая гипертрофія, которою, по его мнѣнію, характеризуется наше время, разрушаетъ вмѣстѣ съ иллюзіями и инстинкты, являющіеся побудительными мотивами ко всякой успѣшной дѣятельности. Но тотъ же Ницше можетъ представить себѣ «исторію, превращенную въ художественное произведеніе», которая не только не будетъ сдерживать инстинкты, а даже будетъ пробуждать ихъ. Но допустимъ, что современная историческая наука дѣйствительно оказываетъ смягчающее вліяніе на человѣка и сдерживаетъ его инстинкты. По мнѣнію Штеккерта, это скорѣе можно поставить ей въ заслугу, чѣмъ обвинять ее за это. «Мы не можемъ убить звѣря въ человѣкѣ», говоритъ онъ, «но мы хотимъ смягчить его съ помощью образованія, и, главнымъ образомъ, съ помощью историческаго образованія».

Digitized by Google

Въ то же время Штеккертъ не отрицаетъ извѣстной доли справедливости въ замѣчаніяхъ Ницше по поводу «исторической гипертрофіи», характеризующей наше время. Эта гипертрофія накладываетъ свою печать на все наше образованіе и дѣлаетъ насъ какими-то стариками, относящимися ко всему на свѣтѣ съ циническимъ равнодушіемъ и считающими эгоизмъ—единственнымъ двигателемъ всякой дѣятельности. Въ наше время такое настроеніе болѣе распространено, чѣмъ въ прежнія историческія эпохи, за исключеніемъ эпохи разложенія древняго міра. Но наше время характеризуется и совсѣмъ другими чертами и совсѣмъ другимъ настроеніемъ. Каждая эпоха подобна двуликому Янусу. «Во всякомъ случаѣ мы не можемъ отрицать» говоритъ Штеккертъ, «что наша общественная жизнь, въ политическомъ, хозяйственномъ и соціальномъ отношеніяхъ непрерывно идетъ на встрѣчу коренному, глубокому преобразованію. Даже старческія черты нашей культурной эпохи являются яснымъ показателемъ того, что мы стоимъ у порога новой эпохи». И тутъ-то, при вступленіи въ новую жизнь, изученіе исторіи окажетъ намъ неоцѣнимыя услуги.

III.

Затѣмъ нашъ авторъ переходитъ къ вопросу о томъ, какъ должно быть поставлено преподаваніе исторіи. Историческій интересъ долженъ возбуждаться прежде всего съ помощью такъ наз. антикварной исторіи. Различные мѣстные памятники старины—старыя зданія, старинные обычаи, празднества, костюмы, и пр.—являются чрезвычайно полезными въ этомъ отношеніи. Они наводятъ дѣтей на сравненіе прошлаго съ настоящимъ и пробуждаютъ въ нихъ интересъ къ исторіи. Они являются прекраснымъ вспомогательнымъ средствомъ при изученіи исторіи, но сами еще не составляютъ историческаго образованія. Историческое образованіе достигается двумя путями: преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ и самостоятельнымъ изученіемъ, причемъ однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ является также историческое искусство.

При элементарномъ преподаваніи исторіи выступаетъ на первый планъ такъ называемая монументальная исторія. Дѣтямъ слѣдуетъ давать прежде всего біографическій матерьялъ, возбуждать ихъ интересъ разсказами о герояхъ. Нужно стараться представить историческихъ героевъ по возможности въ живыхъ, художественныхъ образахъ, которые вліяли-бы на дѣтскую душу, возбуждая въ ней чувства любви, восторга, преклоненія, или-же наоборотъ—ненависти и презрѣнія. Нужно, чтобы ребенокъ сжился съ историческими героями, чтобы они сдѣлались частью его внутренняго міра. Отсюда онъ долженъ почерпнуть уваженіе къ храбрости, справедливости, любви къ отечеству. Эти достоинства являются существеннымъ элементомъ въ современномъ понятіи чести. Элементарное преподаваніе имѣетъ значеніе и въ томъ

Digitized by Google

отношеніи, что оно сообщаетъ множество историческихъ знаній, являющихся необходимыми не только для позднѣйшаго критическаго изученія исторіи, но и для пониманія многихъ явленій современности. Безъ этихъ знаній немыслимо никакое общее образованіе.

Понятно, что и на высшихъ ступеняхъ преподаванія исторіи въ среднихъ и старшихъ учебныхъ заведеніяхъ не слѣдуетъ пренебрегать антикварнымъ и монументальнымъ изученіемъ исторіи. Но на этихъ ступеняхъ главное вниманіе должно быть сосредоточено на введеніи въ критическое изученіе исторіи. Самое критическое изученіе возможно только для зрѣлаго человѣка, работающаго самостоятельно. Учебное заведеніе должно только ввести его въ кругъ этихъ занятій, подготовить его къ нимъ. Главной задачей такого критическаго изученія является разсмотрѣніе движущихъ силъ исторіи. Школа можетъ считать свою задачу выполненной, если она выяснитъ значеніе главнѣйшихъ изъ такихъ силъ—потребностей, вызвавшихъ образованіе государства, и идей, ведущихъ къ развитію культуры. Но не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться этою стороной исторіи, иначе преподаваніе можетъ сдѣлаться слишкомъ абстрактнымъ. Учитель исторіи никогда не долженъ забывать, что главной задачей его является воспроизведеніе передъ учениками *жизни* прежняго времени. Онъ по возможности долженъ заставлять событія и лицъ говорить самихъ за себя, и критическая оцѣнка должна вытекать непосредственно изъ самихъ фактовъ. Въ этомъ смыслѣ имѣетъ большое значеніе пользованіе такими источниками, какъ рѣчи, письма, и пр., разумѣется въ тѣхъ предѣлахъ, какіе умѣстны въ средней школѣ. Хорошимъ пособіемъ являются также историческіе романы и историческія картины.

Г. Штеккертъ заканчиваетъ свою брошюру заявленіемъ, что современная жизнь вся проникнута исторіей, подобно тому какъ прежнее время было проникнуто теологіей, и позднѣе философіей. Это направленіе въ естественныхъ наукахъ выражается въ господствѣ теоріи эволюціи. Наше время является по преимуществу переходной эпохой, и потому всѣ мыслящіе люди естественно обращаютъ взоры къ прошлому, ища въ немъ разгадки будущаго, Этимъ объясняется чрезвычайное развитіе исторической науки и историческаго искусства, и то почетное мѣсто, которое удѣляется исторіи въ общей системѣ образованія.

Л. Д.

Digitized by Google

Изъ области практической педагогики.

(О способахъ измѣрять умственныя способности и степень утомленія учащихся).

Практическая педагогическая дѣятельность очень часто встрѣчается съ чрезвычайно сложными и трудными вопросами. За недостаткомъ твердыхъ научныхъ данныхъ для ихъ разрѣшенія, практика рѣшаетъ ихъ на основаніи приблизительныхъ и вѣроятныхъ соображеній, оказывающихся подчасъ весьма шаткими и мало достовѣрными. Но на нѣтъ и суда нѣтъ. . . . . .

. . . . . .

Одинъ изъ спорныхъ вопросовъ, не разрѣшенныхъ еще теоріей педагогіи, но давно разрѣшаемыхъ практикой, есть вопросъ о количествѣ допустимыхъ съ гигіенической и педагогической точекъ зрѣнія упражненій и занятій въ школахъ въ день и о способѣ измѣрять умственныя способности учащихся. Практика давнымъ давно разрѣшила эти вопросы. Исконъ вѣка въ школахъ существуютъ росписанія занятій, которыми и опредѣляется число учебныхъ часовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приблизительно и количество домашнихъ упражненій. Твердой нормы въ данномъ случаѣ нѣтъ. Въ одно время и у одного народа требовали отъ учащихся столько-то часовъ занятій въ день, а въ другое время и у дру-

Digitized by Google

гого народа—иное. Но опредѣленныя требованія, хотя и различныя, предъявлялись постоянно къ учащимся.

А какъ скоро дѣти учатся, то нужно же знать и опредѣлять, какъ они учатся: хорошо или худо, успѣшно или неуспѣшно; каковы ихъ способности и какъ сравнительно можно опредѣлить умственныя дарованія каждаго.

Педагогическая практика справлялась и съ этимъ послѣднимъ вопросомъ. Создана была система отмѣтокъ за успѣхи въ наукахъ, вниманіе, прилежаніе, поведеніе, на каждую сторону духовнаго существа человѣка наклеивался ярлыкъ съ цифрой и съ помощью этихъ цифръ измѣрялась и взвѣшивалась духовная личность человѣка. Очень просто и очень точно, потому что путемъ такой цифири завѣрялось, что ученикъ А. имѣетъ познаній по математикѣ болѣе, чѣмъ ученикъ Б., на полъединицы или даже на $^{10}/_{100}$, а нравственность ученицы Г. выше нравственности ученицы Е. на цѣлую единицу.

Много комичнаго и явно нелѣпаго было въ школьной цифирной системѣ и въ школьныхъ росписаніяхъ учебныхъ занятій, но дѣлать было нечего. Практически было необходимо требовать отъ учащихся извѣстнаго количества занятій и опредѣлять степень успѣшности ихъ занятій. Теорія не давала средствъ къ такому опредѣленію, и вотъ практики сами открыли Америку, какую могли.

Въ настоящее время практики начинаютъ сознавать, что ихъ дѣятельность въ указанныхъ отношеніяхъ имѣетъ мало основаній; съ другой стороны теоретики приходятъ къ убѣжденію въ необходимости помочь практикамъ въ ихъ затруднительномъ и неловкомъ положеніи. Особенно смущаетъ практиковъ вопросъ о раціональной продолжительности классныхъ занятій и о способѣ ихъ расположенія: всѣ ли ихъ назначать до обѣда или раздѣлить на дообѣденныя и послѣобѣденныя.

Теоретики, взявшись за разрѣшеніе предложеннаго имъ вопроса, сейчасъ же его расширили и въ то же время поставили его научно. Они обратились прежде всего къ опредѣленію тѣхъ

Digitized by Google

способовъ, которыми можно было бы дойти до правильнаго разрѣшенія вопроса объ утомляемости учащихся занятіями, а слѣдовательно, и до опредѣленія времени, которое могло бы быть отведено на эти занятія. Способы были предложены разные, главнымъ образомъ, двухъ типовъ: наблюдали или утомительность занятій какимъ либо извѣстнымъ предметомъ въ теченіе опредѣленнаго времени или же утомительность занятій цѣлымъ кругомъ школьныхъ предметовъ. Въ первомъ случаѣ учащихся заставляютъ въ теченіе извѣстнаго времени рѣшать простыя ариѳметическія и алгебраическія задачи, заучивать греческія глагольныя формы, писать подъ диктовку. Результаты подобныхъ изслѣдованій таковы: въ количественномъ отношеніи дѣти быстрѣе совершаютъ работу подъ вліяніемъ практики, упражненій. Напримѣръ, при складываніи цифръ они въ послѣднія 10 минутъ часа сосчитываютъ гораздо больше, чѣмъ въ первыя, приблизительно на 40%. Но за то качество работы значительно понижается, количество ошибокъ увеличивается вдвое, многіе ученики отстаютъ отъ работы и даже почти прямо отказываются отъ нея.

Причины ухудшенія качества работы съ продолженіемъ практики могутъ быть указываемы различныя, но самая главная состоитъ въ томъ, что при такихъ занятіяхъ дѣти ставятся въ неестественное положеніе. На обыкновенномъ урокѣ дѣти бываютъ заняты разнообразно: учитель то объясняетъ, то спрашиваетъ, спроситъ то того, то другого. Все это вноситъ разнообразіе и оживленіе въ занятія даже однимъ и тѣмъ же предметомъ, вниманіе направляется въ разныя стороны. Когда же отъ человѣка требуютъ, чтобы онъ цѣлый часъ рѣшалъ ариѳметическія задачи или писалъ подъ диктовку или заучивалъ греческія вокабулы, тогда работа быстро ему надоѣдаетъ, утомляетъ его, онъ начинаетъ относиться къ ней небрежно, и въ результатѣ масса ошибокъ. Поэтому предпочтительнѣе другой способъ изслѣдованія, по которому наблюдается степень утомительности занятій цѣлымъ кругомъ предметовъ и когда, слѣдовательно, учащійся не ставится въ искусственное положеніе, а остается въ

Digitized by Google

такомъ, въ какомъ онъ находится обыкновенно. Такого способа изслѣдованія держался Гризбахъ въ своихъ работахъ по данному вопросу.

По наблюденіямъ Гризбаха, духовное напряженіе понижаетъ чувствительность кожи, вслѣдствіе чего два конца циркуля, соприкасающіеся съ кожей, менѣе отчетливо различаются какъ именно два раздраженія. При утомленіи двѣ ножки циркуля должны быть удалены одна отъ другой на болѣе значительное разстояніе, чѣмъ при состояніи духовной свѣжести и бодрости, если раздраженія, вызываемыя ножками въ кожѣ, требуется сознать, какъ два, а не какъ одно. Гризбахъ изслѣдовалъ многихъ учащихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ предъ вступленіемъ въ школу и по окончаніи школьныхъ занятій и нашелъ, что обученіе значительно притупляетъ кожную чувствительность. Самое наибольшее притупленіе чувствительности замѣчалось въ концѣ третьяго часа занятій, оно было въ три раза болѣе, чѣмъ утромъ предъ началомъ работы. На четвертый и пятый часы занятій часто наблюдалось улучшеніе чувствительности, каковое явленіе можно объяснить болѣе легкими предметами занятій въ эти часы.

Не смотря на видимую точность и научность метода изслѣдованія Гризбаха, онъ оказывается, при ближайшемъ обсужденіи дѣла, далеко неудовлетворительнымъ. Допуская, что есть связь между умственнымъ утомленіемъ и притупленіемъ чувствительности, остается еще задача формулировать эту связь. Въ какой мѣрѣ и постепенности притупляется кожная чувствительность вслѣдъ за увеличеніемъ умственнаго утомленія? Если человѣкъ вдвое хуже различаетъ кожныя раздраженія ножекъ циркуля, то слѣдуетъ ли заключать, что и утомленіе его увеличилось ровно въ два раза? При томъ утомленіе ко всякой умственной работѣ или только къ опредѣленной? Эти и подобные другіе вопросы остаются неразрѣшенными, а потому и самый методъ изслѣдованія неприводящимъ къ какому-либо опредѣленному результату.

Коммиссія изъ педагоговъ, врачей и ученыхъ, работавшая въ одномъ нѣмецкомъ городѣ по возбужденному вопросу, рѣшилась

Digitized by Google

вести изслѣдованіе болѣе широко и болѣе разнообразными методами, она старалась ознакомиться не только съ способностью счета учащихся, но и съ ихъ способностями запоминанія и соображенія. Для достиженія такой сложной цѣли были употреблены три метода. Первый состоялъ въ предложеніи легкихъ задачъ на сложеніе и умноженіе. Въ такой работѣ дѣти упражнялись въ теченіе извѣстнаго времени по 10 минутъ предъ началомъ обученія и въ концѣ каждаго учебнаго часа. Второй методъ состоялъ въ томъ, что дѣтямъ въ различномъ порядкѣ и съ опредѣленною скоростью произносились однозначныя числительныя, которыя, непосредственно по окончаніи произношенія каждаго ряда такихъ числительныхъ, и нужно было записать. Ряды числительныхъ заключали отъ 2 до 6 и отъ 2 до 7, до 8, до 9 и до 10 цифръ. Наблюдались числа удержанныхъ памятью цифръ, число ошибокъ, а равно уклоненія отъ того порядка, въ которомъ числительныя произносились. Но такъ какъ упражненія въ счетѣ и запоминаніи, несомнѣнно, суть относительно низшіе и односторонніе процессы нашего ума, то былъ употребленъ еще третій методъ для ознакомленія съ сообразительностью дѣтей. Онъ состоялъ въ томъ, что дѣтямъ для чтенія предлагался соотвѣтствовавшій ихъ возрасту прозаическій текстъ, въ которомъ были сдѣланы маленькіе пропуски. Опускались то отдѣльные слоги въ концѣ и срединѣ слова, то части слога, то цѣлыя слова. Каждый пропускъ обозначался чертой и учащемуся ставилась задача: возможно быстро, осмысленно и сообразно недостающему числу слоговъ пополнить пропуски текста.

Мы не будемъ излагать результатовъ предпринятаго изслѣдованія. Желающихъ ознакомиться съ ними мы отсылаемъ къ брошюрѣ Еббингауза (H. Ebbinghaus Uber eine neue Methode zur Prüfung geistiger Tätigkeiten und ihre Anwendung bei Schulkindern-Hamburg und Leipzig 1897). Вообще же о результатахъ можно сказать, что они не особенно важные по многимъ причинамъ. Мы хотѣли бы обратить вниманіе читателя не на результаты, а на принципіальное значеніе изслѣдованій такого рода.

Digitized by Google

Указанные три метода изслѣдованія уменьшенныхъ способностей дѣтей собственно весьма недостаточны для достиженія поставленной цѣли. Что можно узнать помощью такихъ методовъ? Если дитя будетъ довольно удачно вставлять пропущенные въ текстѣ слоги и слова, то можно ли заключить, что это умное дитя, что оно окажется способнымъ и къ литературѣ, и къ филологіи, и къ исторіи? Такихъ выводовъ сдѣлать нельзя, и вообще никакія опредѣленныя и сколько нибудь въ то же время широкія сужденія на основаніи подобныхъ фактовъ невозможны, такъ какъ изслѣдованіе имѣло слишкомъ частный характеръ.—Можно ли сдѣлать какія либо твердыя заключенія о свойствахъ памяти человѣка, если онъ бойко воспроизводитъ только что сейчасъ названныя ему числительныя? Очевидно, нельзя, такъ какъ изслѣдованіе касается лишь одного изъ многихъ свойствъ хорошаго запоминанія и притомъ свойства далеко не самаго главнаго.—Быстрое или медленное, правильное или неправильное рѣшеніе простѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ при условіяхъ изслѣдованія, т. е. въ теченіе 10 минутъ въ концѣ каждаго урока, также ничего не можетъ говорить о математическихъ способностяхъ дѣтей. Для рѣшенія вопроса о наличности математической способности и ея степени необходимы изслѣдованія болѣе серьезнаго и широкаго рода.

Но всѣ упомянутые опыты изслѣдованія умственныхъ способностей учащихся далеко небезполезны.

Сразу создать вполнѣ удовлетворительные способы изслѣдованія какихъ либо явленій невозможно. Все дѣлается постепенно. Начинаютъ съ мало удовлетворительныхъ способовъ и помаленьку переходятъ къ болѣе совершеннымъ. Предлагаемые способы все же дадутъ нѣкоторые результаты. Если изслѣдованіе по этимъ методамъ будетъ произведено въ широкихъ размѣрахъ и съ необходимою осторожностью, то оно кое-что разъяснитъ и установитъ. Но важно здѣсь то, что теоретическая наука—психологія и педагогія—идетъ на помощь практикѣ, старается путемъ примѣненія строгихъ методовъ разрѣшить задачу, не поддававшуюся

Digitized by Google

усиліямъ практиковъ многихъ вѣковъ и народовъ. Сознано значеніе такого рода теоретическихъ изслѣдованій, начинаетъ создаваться ихъ методологія. Нынѣ она несовершенна. Но несовершенная методологія есть начало совершенной, появленіе этой болѣе зрѣлой и совершенной методологіи, а вмѣстѣ и болѣе твердыхъ и опредѣленныхъ результатовъ изслѣдованія, вѣроятно, не заставитъ очень долго ждать.

П. Каптеревъ.

Digitized by Google

Исторія позитивной философіи.

Проф. Г. Геффдинга.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Исторія позитивной философіи, переводъ которой мы предлагаемъ здѣсь, принадлежитъ перу извѣстнаго у насъ въ Россіи датскаго психолога Геффдинга. Она представляетъ девятую книгу его обширнаго труда—«Исторія новѣйшей философіи», переведеннаго въ прошломъ году при участіи автора на нѣмецкій языкъ. Отдѣлъ, посвященный позитивной философіи, образуетъ самостоятельное до извѣстной степени цѣлое и безъ особеннаго ущерба для сущности дѣла можетъ быть отведенъ въ особое русло изъ общаго историческаго потока философскихъ системъ.

Авторъ вкладываетъ въ понятіе позитивизма болѣе широкое содержаніе, чѣмъ это принято. Обыкновенно съ терминомъ «позитивная философія» связывается представленіе о специфической системѣ Аристотеля нашего вѣка, Огюста Конта: позитивизмъ отожествляется съ контизмомъ. Порывая съ традиціонной изоляціей позитивизма, Геффдингъ включаетъ въ число послѣдователей этого направленія и представителей современной англійской философіи—Милля, Дарвина и Спенсера, несмотря на протестъ со стороны этихъ послѣднихъ. Въ этомъ мы видимъ главный интересъ его работы. Раздвигая обычные предѣлы позитивизма и стараясь сгладить придаваемый ему специфическій характеръ, авторъ обнаруживаетъ историческій тактъ и оказываетъ безспорную услугу философіи самого Конта. Самъ сторонникъ позитивной философіи, въ широкомъ смыслѣ этого слова, Геффдингъ понялъ, что въ цѣляхъ надлежащей оцѣнки позитивизма необходимо узаконить за нимъ его потомство. Если слить философію Конта, эволюціонныя системы и міросозерцаніе Ст. Милля въ одно общее направленіе, то можно будетъ рельефнѣе обрисовать его типическія черты и очистить контизмъ отъ односторонникъ крайностей и несомнѣнныхъ ошибокъ.

При оцѣнкѣ настоящаго труда слѣдуетъ все-таки помнить, что мы имѣемъ дѣло не съ самостоятельной монографіей. Для

Digitized by Google

того, чтобы написать полную исторію позитивной философіи, какъ ее понимаетъ Геффдингъ, слѣдовало бы начать по крайней мѣрѣ съ Локка и Юма, такъ какъ они имѣютъ, конечно, не меньшее право считаться родоначальниками современной англійской философіи, чѣмъ О. Контъ. Но подобная задача не могла войти въ одинъ изъ отдѣловъ общаго курса исторіи философіи.

Спеціалистъ психологъ, Геффдингъ обращаетъ больше другихъ историковъ вниманіе на психологическія проблемы. Біографическій элементъ стоитъ также не на послѣднемъ мѣстѣ въ его сочиненіи. Встрѣчаются и данныя общественной жизни, но не въ значительной дозѣ. Мы не хотимъ, однако, ставить это въ упрекъ автору. Вправить философію въ широкія рамки общественной жизни, отыскать ея соціальный субстратъ, и локализировать въ нервной системѣ общественнаго организма—крайне привлекательная и крайне сложная задача будущаго.

Для духовной жизни XIX-го вѣка характерны два направленія мысли: романтизмъ и позитивизмъ. Первое беретъ своимъ отправнымъ пунктомъ запросы духа и идеальныя требованія мысли: второе ищетъ себѣ опоры въ фактически данномъ, потому что названіе «*позитивный*» понимается прежде всего въ смыслѣ «*дѣйствительный*». Такимъ образомъ оба направленія стоятъ, повидимому, въ возможно большомъ контрастѣ. Ихъ точки отправленія противоположны. Тѣмъ не менѣе между ними есть внутреннее родство. Оба направленія поддерживаются однимъ и тѣмъ же интересомъ и покоятся на одномъ и томъ же предположеніи. Оба они воодушевлены стремленіемъ наполнить духъ обильнымъ содержаніемъ и углубиться въ безбрежную реальность. Романтизмъ, совершенно подобно позитивизму, стремится постичь дѣйствительность; онъ думаетъ только достигнуть этого на почвѣ субъективныхъ данныхъ, между тѣмъ какъ позитивизмъ хочетъ возводить зданіе на объективныхъ фактахъ. Предположеніе, общее каждому изъ нихъ, состоитъ въ томъ, что идеалъ, стоящій совершенно внѣ дѣйствительности, ложенъ. Поэтому оставляютъ въ сторонѣ критику познавательныхъ способностей, процвѣтавшую въ XVIII-омъ столѣтіи, и углубляются въ изученіе великаго хода развитія природы и исторіи. Особенное стараніе прилагается къ тому, чтобы отыскать непрерывную связь въ области историческихъ явленій, связь, разорванную эпохами просвѣщенія и революціи. Болѣе основательное пониманіе прошлаго и условій развитія духовной жизни составляетъ существенную часть того значенія, которое имѣютъ оба направленія въ исторіи мышленія. Если даже мы должны сказать, что въ теченіе нашего вѣка все болѣе и болѣе обострялись противоположности въ сферѣ духовной жизни—противоположности на почвѣ вѣрованій и убѣжденій, то мы все-таки обязаны обоимъ направленіямъ мысли уже тѣмъ

Digitized by Google

значительнымъ успѣхомъ, что они научили насъ становиться на такія точки зрѣнія, которыя представляютъ существенныя отличія отъ нашей собственной. Съ помощью историческаго чувства, которое есть не что иное, какъ форма обще-человѣческой симпатіи, были поставлены въ взаимную связь противорѣчія, не поддававшіяся примиренію путемъ логическаго обсужденія. Это отмѣчаетъ поворотный моментъ въ исторіи духовной жизни человѣчества. Такимъ образомъ былъ пріобрѣтенъ новый органъ. То, что Иммануилъ Кантъ выставилъ, какъ программу гуманитарной науки: отыскать движущія силы, вызвавшія дѣянія прошлаго, опредѣлить ихъ законы и значеніе и направить ихъ этимъ путемъ такъ, чтобы совершить дѣло будущаго—то пытались осуществить, каждый по своему, романтизмъ и позитивизмъ.

Было бы поэтому ошибочно видѣть въ позитивизмѣ только реакцію противъ философіи романтизма. Это было бы не вѣрно уже въ хронологическомъ отношеніи, потому что возникновеніе позитивизма предшествуетъ по времени полному развитію романтизма. Не пресыщеніе романтизмомъ вело отъ одного направленія къ другому, хотя правда условія распространенія въ болѣе широкихъ кругахъ сдѣлались болѣе благопріятными для позитивизма съ тѣхъ поръ, какъ было низвергнуто господство романтизма.

Тѣмъ не менѣе есть одинъ очень важный пунктъ, въ которомъ оба направленія уклоняются другъ отъ друга въ самомъ началѣ. Романтизмъ, добиваясь съ воодушевленіемъ единства мысли, не замѣтилъ разнообразія дѣйствительности, и, твердо убѣжденный въ истинности идеала, упустилъ изъ виду строгую механическую закономѣрность, подчиняющую себѣ все, что должно постоянно пребывать въ мірѣ дѣйствительности. Такъ какъ позитивизмъ беретъ за исходную точку фактически данное, то онъ идетъ на встрѣчу разнообразію и контрастамъ дѣйствительности и старается отыскать тѣ законы, которымъ слѣдуютъ явленія реальнаго міра въ своемъ возникновеніи и развитіи. Въ силу этого онъ встрѣчаетъ другія затрудненія и ставитъ другія проблемы, чѣмъ романтизмъ. Позитивизмъ старается достичь единства мысли и законности идеала, исходя изъ фактически даннаго, между тѣмъ какъ романтизмъ шелъ противоположнымъ путемъ. Великіе философы позитивизма столь же увѣренно отправляются отъ мысли, что можно подняться снизу вверхъ, какъ романтики исходили изъ мысли, что нужно умѣть спуститься сверху внизъ.

Въ то время какъ философія романтизма считаетъ своей родиной Германію, позитивизмъ составляетъ туземную философію Франціи и Англіи. Національныя различія проявляются здѣсь характернымъ образомъ. Англійская философія, нашедшая себѣ до извѣстной степени завершеніе въ Юмѣ, снова оживаетъ теперь и выступаетъ въ новыхъ формахъ, которыя несутъ всегда отпечатокъ реализма, составляющій отличительную черту англійской философіи, начиная со среднихъ вѣковъ. Терминъ—«позитивизмъ»—обнимаетъ и главное направленіе англійской философіи XIX-го

Digitized by Google

вѣка только въ томъ случаѣ, если мы будемъ брать его въ болѣе широкомъ смыслѣ. Главнѣйшіе сторонники англійской философіи нашего вѣка протестовали противъ того, чтобы ихъ называли позитивистами, но они имѣли при этомъ въ виду болѣе узкій смыслъ этого термина, въ которомъ онъ употребляется для обозначенія философіи Огюста Конта. Мы не сузимъ значенія современной англійской школы, представляя ее, какъ усовершенствованіе и расширеніе воззрѣній, широкія очертанія которыхъ были выработаны Огюстомъ Контомъ, самымъ выдающимся—наряду съ Декартомъ и Руссо—философомъ Франціи; тѣмъ болѣе, что самъ Контъ былъ очень многимъ обязанъ прежней англійской школѣ.

Какъ Франція, такъ и Англія сдѣлали въ нашемъ столѣтіи очень цѣнные вклады въ развитіе философской мысли, которыхъ нельзя отнести къ позитивизму, даже если брать этотъ терминъ въ болѣе широкомъ смыслѣ. Въ общей исторіи философіи однако мы должны сосредоточить центръ тяжести на самомъ важномъ направленіи, и поэтому тотъ отдѣлъ ея, который посвященъ обзору французской и англійской философіи, будетъ носить названіе этого направленія въ своемъ заглавіи.

А. Контъ и французская философія.

1. Философія во Франціи въ теченіе первыхъ десятилѣтій нашего вѣка.

а. *Возстановленіе принципа авторитета.*

Французская революція хотѣла разрушить позади себя мостъ, связывавшій настоящее съ прошлымъ. Времена господства церкви и старой вѣры прошли, казалось. Однако, обнаружилось — и даже раньше, чѣмъ противники революціи успѣли одержать верхъ съ внѣшней стороны,—что церковь, какъ духовная сила, осталась непоколебимой. Выдающіеся писатели восхваляли религію за ея значеніе на службѣ человѣчеству и за ту поэзію, которую она проливаетъ въ жизнь; во время сильныхъ переворотовъ было много людей, искавшихъ среди всеобщаго волненія безусловно твердой точки опоры. Когда же революція потерпѣла погромъ и съ внѣшней стороны, то кромѣ того и идеи 18-го вѣка, въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились у французскихъ философовъ и ихъ англійскихъ предшественниковъ, сыграли, казалось, свою роль. Имъ было не подъ силу — что́ доказывала, повидимому, исторія — установить надежный общественный порядокъ, между тѣмъ какъ церковь, «несмотря на силлогизмъ, эшафотъ и эпиграмму»—какъ говоритъ *Жозефъ де Местръ*, главный представитель принципа авторитета (см. его сочиненіе Le pape, стр. 447, изд. 14)—укрѣпилась и помолодѣла. Выступая противъ всего того, до чего додумался и что завоевалъ 18-ый вѣкъ, богословская школа старалась теперь свести всякій порядокъ человѣческой жизни и всякое пониманіе бытія къ сверхъестественнымъ принципамъ. Эта школа представляетъ боль-

Digitized by Google

ше интереса для исторіи литературы, чѣмъ для исторіи философіи, и поэтому мы ограничимся здѣсь воспроизведеніемъ нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ, заимствуя ихъ изъ главныхъ произведеній де-Местра; для ознакомленія съ направленіемъ въ его цѣломъ мы отсылаемъ читателя къ труду *Георга Брандеса*: «*Реакція во Франціи*».

Если новѣйшая философія опирается на естествознаніе, отчасти пользуясь его выводами для дальнѣйшихъ заключеній, отчасти выясняя дѣлаемыя имъ самимъ предположенія, то де-Местръ старается лишить ее этой опоры. Онъ оспариваетъ возможность чисто физическихъ каузальныхъ толкованій. То, что матеріально, не можетъ быть причиной. Физическая причина есть самопротиворѣчащее понятіе *). Всякое матеріальное движеніе должно выводиться изъ такихъ первоначальныхъ импульсовъ, которые могутъ исходить только отъ духовнаго существа. Сознаніе вліянія нашей собственной воли служитъ намъ доказательствомъ, что движеніе начинается хотѣніемъ. Естественно-научныя объясненія, въ родѣ, напр., объясненія образованія воды соединеніемъ кислорода и водорода, происхожденія приливовъ и отливовъ вліяніемъ солнца и луны, вліяніе химическихъ процессовъ на образованіе земныхъ пластовъ, де-Местръ объявляетъ «догматами», въ истинности которыхъ можно поэтому усумниться съ полнымъ правомъ. Онъ охотно предоставляетъ однако ученымъ удовольствіе заниматься въ области естествознанія, лишь бы только они не осмѣливались примѣнять какихъ-нибудь выводовъ его къ соціальнымъ и религіознымъ отношеніямъ! Не наука, но вѣра должна руководить человѣчествомъ. Богъ возвѣщаетъ истины, поддерживающія жизнь, не черезъ посредство академій, а черезъ посредство авторитета церкви и государства. Прелаты, дворянство и высокопоставленные государственные люди должны наставлять народъ въ томъ, что̀ правильно и ложно въ области нравственной и духовной жизни. Исторія дала теперь доказательство тому, что человѣческій разумъ не способенъ руководить людьми. Вѣдь какъ мало людей, способныхъ правильно мыслить! И никто не можетъ мыслить правильно обо всемъ. Поэтому всего лучше начинать съ авторитета. Корень всѣхъ золъ въ томъ, что была допущена свобода слова. Начало всему этому положила реформація—величайшее святотатство, совершенное людьми по отношенію къ Богу! Ея дѣло продолжала философія 18-го вѣка—одинъ изъ самыхъ позорныхъ эпизодовъ въ исторіи человѣческой мысли! Философы 18-го

*) Напоминая своимъ принципомъ авторитета и своей апологіей войны Гоббса, своимъ ученіемъ о причинности де-Местръ напоминаетъ Мальбранша. Онъ и упоминаетъ о послѣднемъ съ большимъ уваженіемъ и слѣдуетъ ему въ мистически-пантеистическомъ направленіи своего мышленія, говоря, напр., о божественномъ океанѣ, который поглотитъ со временемъ всѣхъ и все. Онъ чувствуетъ самъ, что стоитъ здѣсь близко къ ереси, потому что непосредственно затѣмъ прибавляетъ: «Я никоимъ образомъ не хочу касаться вопроса о личности, безъ которой безсмертіе обращается въ ничто» (*Les soirées de St. Petersbourg.* 7 изд. II. стр. 203).

Digitized by Google

вѣка проповѣдовали заблужденіе, какъ религію. И они дѣлали это не по убѣжденію, но потому что предали проклятію (la cabale) все святое. Вольтеръ—этотъ паяцъ-богохульникъ (bouffon sacrilége)—дѣлалъ видъ, что выступаетъ защитникомъ невинности, хотя невиновность Каласа не была доказана. Воздвигнувъ памятникъ Локку, онъ обнаружилъ только свой фанатизмъ и въ то же время недостатокъ патріотизма. — Конецъ всѣмъ злоключеніямъ будетъ положенъ только тогда, когда будетъ признана безусловная непогрѣшимость папы. Безъ этого нельзя закрѣпить универсальнаго характера церкви, нельзя сохранить соціальнаго мира, нельзя провести суверенитета княжеской власти. Это представляетъ, правда, апелляцію къ мистическому принципу; но вѣдь въ мірѣ соціальномъ и физическомъ все есть тайна. Разумъ проклинаетъ войну — и тѣмъ не менѣе война господствуетъ во всей природѣ, какъ средство поддержанія жизни. Палачъ —страшилище для общества, но въ то же время и сила, не дающая обществу пасть: устраните этотъ загадочный соціальный факторъ, и порядокъ уступитъ мѣсто хаосу! Только авторитетъ и преданіе могутъ руководить нами въ этомъ мірѣ, гдѣ все полно страшныхъ тайнъ. Поэтому нѣтъ ничего смѣшнѣе предположенія, что человѣкъ поднялся постепенно отъ варварства до науки и цивилизаціи.

Эти идеи, которыя развивались де-Местромъ особенно въ его сочиненіи «*Soirées de St. Petersbourg*», представляющемъ рядъ діалоговъ, написанныхъ еще въ 1809 году, но изданныхъ только въ 1821, послѣ его смерти, опрокидываютъ все то, что старалась создать человѣческая мысль со временъ Возрожденія. Здѣсь можно найти, какъ это очень часто случается, родство между крайностями. Какъ философы 18-го вѣка безразсудно выступали вопреки смыслу исторіи противъ церкви и средневѣковья, совершенно также неисториченъ и безразсуденъ былъ протестъ де Местра и людей его направленія противъ философіи 18-го вѣка,—съ тѣмъ только различіемъ, что виновниками всѣхъ бѣдствій они выставляли не злыхъ пасторовъ, а злыхъ философовъ. Въ философіи 18-го вѣка они видѣли процессъ, обязанный чистому произволу, видѣли сознательное проклятіе авторитета. Отсюда вытекало въ свою очередь новое сходство съ философіей 18-го вѣка, потому что, если все знаніе должно опираться на авторитетъ, то придется придавить ярмомъ его самодѣятельность, отрицать свободное развитіе его внутренней возможности. Де-Местръ приходитъ поэтому послѣдовательно—совершенно такъ же, какъ и Кондильякъ—къ признанію полной пассивности человѣка. Насъ не удивляетъ поэтому, если ему представляется нелѣпой возможность того, чтобы человѣкъ путемъ естественнаго развитія дошелъ до цивилизаціи.

6. *Психологическая школа.*

Значеніе школы авторитета заключалось въ томъ, что она страстно выдвигала на первый планъ важность историческихъ силъ въ

Digitized by Google

противоположность психологіи эпохи просвѣщенія и революціи, видѣвшей въ сердцѣ и разумѣ отдѣльнаго индивидуума самостоятельную силу. Но принципъ авторитета въ томъ видѣ, какъ его понимала эта школа, былъ внѣшнимъ, грубымъ началомъ; его внутренняя связь съ душевной жизнью не была, да и не могла быть, подвергнута разсмотрѣнію съ этой точки зрѣнія, потому что всякое самостоятельное значеніе, признанное за внутреннимъ содержаніемъ индивидуума, должно было бы повлечь за собой ограниченіе абсолютнаго авторитета. Въ философскомъ отношеніи школа авторитета стояла (за исключеніемъ нѣкоторыхъ уклоненій въ сторону мистицизма, отъ которыхъ она сама открещивалась), какъ уже было сказано, на точкѣ зрѣнія Кондильяка. Тѣмъ бо́льшій интересъ представляетъ посмотрѣть, какъ изъ школы самого Кондильяка развивается, при помощи психологическаго наблюденія и рефлексіи, болѣе глубокая психологія, которая становится въ открытую оппозицію какъ къ французской философіи эпохи просвѣщенія, такъ и къ новой школѣ авторитета.

Когда вспыхнула революція, Кондильякъ одержалъ побѣду. Его философія сдѣлалась оффиціальной, и сторонники ея заняли философское отдѣленіе въ національномъ институтѣ, учрежденномъ конвентомъ. Зимою между 1797 и 1798 годами врачъ *Петръ-Жанъ-Георгъ-Кабанисъ* сдѣлалъ въ этой философской академіи рядъ сообщеній объ отношеніи души и тѣла, которыя были напечатаны въ мемуарахъ академіи, а затѣмъ (въ 1802 г.) вышли въ болѣе полномъ видѣ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «*Rapports du physique et du moral de l'homme*». Кабанисъ относится къ Кондильяку съ большимъ уваженіемъ, но видоизмѣняетъ его ученіе въ существенныхъ пунктахъ. Кондильякъ придаетъ значеніе исключительно внѣшнимъ чувствамъ; по его мнѣнію, человѣкъ получаетъ все содержаніе и всѣ формы своего сознанія пассивно изъ внѣшняго міра. Кабанисъ упрекаетъ его, что онъ не обратилъ вниманія на то въ сознаніи, что́ соотвѣтствуетъ собственнымъ внутреннимъ состояніямъ организма. Изъ различныхъ внутреннихъ органовъ должны постоянно приходить впечатлѣнія въ мозгъ, а кромѣ того должно вліять и состояніе самаго мозга и нервовъ. Должно существовать смутное чувство или неясное ощущеніе, стоящее, независимо отъ внѣшнихъ чувственныхъ впечатлѣній, въ непосредственной связи съ поддержаніемъ жизни; оно должно быть поэтому на лицо до рожденія, прежде чѣмъ индивидуумъ успѣетъ вступить въ отношеніе съ безпредѣльнымъ внѣшнимъ міромъ, изъ воздѣйствія котораго Кондильякъ выводилъ все, что заключаетъ въ себѣ сознаніе. Кабанисъ ввелъ въ новѣйшую психологію понятіе «органическаго чувства». Этимъ уже ограничивалась пассивность по отношенію къ внѣшнему міру, потому что въ органическомъ чувствѣ индивидуумъ владѣетъ такимъ изначальнымъ основнымъ капиталомъ, который оказываетъ воздѣйствіе на все то, что́ впослѣдствіи воспринимается человѣкомъ, сообщая опредѣленную окраску и извѣстный характеръ. Въ тѣсную связь съ этимъ орга-

Digitized by Google

ническимъ чувствомъ Кабанисъ ставитъ инстинктъ. И въ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ онъ находитъ такіе факты, которые несовмѣстимы съ теоріей Кондильяка. Инстинктъ предполагаетъ запасъ изначальной силы, которая проявляется подъ воздѣйствіемъ впечатлѣній отъ внутреннихъ жизненныхъ функцій, какъ то видно на инстинктахъ воспроизведенія и родительской любви. Кабанисъ приписываетъ такое большое значеніе понятію инстинкта, что у него проскальзываетъ даже мысль, что во всѣхъ процессахъ природы проявляетъ свою дѣятельность универсальный инстинктъ, мысль, за которую въ немъ справедливо видѣли предшественника философіи природы Шопенгауэра. Кабанисъ не имѣлъ, однако, намѣренія построить философскую систему. Онъ хочетъ держаться психологіи и физіологіи и не собирается рѣшать конечные вопросы Хотя онъ высказываетъ одинъ только разъ совершенно матеріалистическій взглядъ (утверждая, что мозгъ выдѣляетъ мысль подобно тому, какъ печень выдѣляетъ желчь), было бы однако неправильно причислять его сочиненіе къ литературѣ подлиннаго матеріализма. Его точка зрѣнія характеризуется слѣдующими словами: «Много времени прошло, прежде чѣмъ дошли до признанія въ природѣ одной только силы; еще болѣе долгое время потребуется, можетъ быть, для того, чтобы безповоротно признать, что мы не въ состояніи образовать правильное представленіе о свойствахъ этой силы, такъ какъ намъ не съ чѣмъ сравнивать ее». (*Rapports*, XI, 8 изд. Peisse, стр. 597). Въ своемъ послѣдующемъ сочиненіи (*Lettre sur les causes premières*) онъ подробнѣе развилъ свои мысли, которыя еще болѣе, чѣмъ его знаменитое главное сочиненіе, уклоняются отъ матеріализма.

Наполеонъ относился къ школѣ Кондильяка несочувственно. Она не ограничивалась изученіемъ нашихъ ощущеній и представленій; кромѣ своей *идеологіи* (такъ называлъ *Дестютъ де Траси*, горячій сторонникъ Кондильяка, ученіе о происхожденіи представленій), она занималась, и притомъ въ духѣ 18-го вѣка, теоріями морали и права. Наполеонъ приписывалъ идеологамъ всѣ бѣдствія во Франціи, и ему хотѣлось во всякомъ случаѣ не только дѣйствовать за Францію, но и думать за нее. Онъ упразднилъ учрежденную конвентомъ Академію нравственныхъ и политическихъ наукъ, и сочиненія свободнаго философскаго содержанія, не могли болѣе появляться во Франціи. Дестютъ де Траси принужденъ былъ напечатать свой комментарій къ Монтескьё анонимно въ англійскомъ переводѣ въ Америкѣ. Идеологи замкнулись въ болѣе узкіе кружки. Именно, около Кабаниса и Дестютъ де Траси собралась въ Отейлѣ кучка молодыхъ людей, интересовавшихся философскими занятіями. Изъ этого кружка вышелъ *Менъ де Биранъ* (1766—1824), самый значительный психологъ Франціи текущаго столѣтія.

Биранъ занималъ во время революціи, имперіи и реставраціи различныя административныя должности и былъ членомъ законодательныхъ собраній. Но его занимали не великія внѣшнія событія

Digitized by Google

того времени. Онъ былъ хорошимъ патріотомъ, но у него не было ни охоты, ни способностей, нужныхъ для того, чтобы выступить на широкую арену общественной дѣятельности. Великая историческая драма дѣйствовала на него тѣмъ, что она усиливала волненія его собственнаго духа, волненія, которыя онъ наблюдалъ уже съ ранняго возраста съ интересомъ теоретика и въ то же время съ томительной жаждой внутренняго мира и гармоніи. Его организація была такъ устроена, что отношенія пассивнаго къ активному, непроизвольнаго къ произвольному, или, какъ онъ самъ мѣтко выражался, темперамента къ характеру, служило для него теоретической и практической проблемой въ теченіе всей его жизни. Это доказываетъ его «*Journal Intime*», самое замѣчательное изъ числа оставленныхъ имъ произведеній (изданное *Э. Навилемъ* въ его трудѣ: «Maine de Birane. Sa vie et ses pensées. 1857); онъ содержитъ въ себѣ различныя замѣтки мыслителя, относящіяся какъ къ началу, такъ и къ серединѣ, и къ концу его жизни. Какъ рано и какъ рѣшительно возставала передъ нимъ его своеобразная проблема, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ, относящихся къ тому періоду, когда еще онъ былъ поклонникомъ ученія Кондильяка: «что же такое, собственно говоря, такъ называемая душевная дѣятельность? Я ощущаю состоянія души, опредѣляемыя всегда тѣмъ или другимъ состояніемъ тѣла... Если бы мнѣ удалось когда-нибудь приняться за какую-нибудь цѣльную и законченную работу, то интересно было бы опредѣлить, въ какой степени душа активна, и въ какой мѣрѣ она можетъ видоизмѣнять внѣшнія впечатлѣнія, сила которыхъ увеличивается или ослабляется обращеннымъ на нихъ вниманіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить, поскольку она можетъ распоряжаться этимъ вниманіемъ...—Было бы очень желательно, чтобы кто-нибудь опытный въ наблюденіи подвергъ волю такому же анализу, какому Кондильякъ подвергъ разсудокъ». (27 мая 1794). Въ то же время онъ жалуется на неустанную смѣну и теченіе своихъ внутреннихъ состояній (cette révolution perpétuelle, cette roue toujours mobile de l'existence), препятствующее стойкости настроенія, и порождающее сомнѣніе и колебаніе даже въ томъ, въ чемъ онъ искренно старался оставаться стойкимъ.

Въ своихъ первыхъ произведеніяхъ Биранъ придерживался ученія Кондильяка и Кабаниса. Но со временемъ онъ все болѣе и болѣе настаиваетъ на активности, сказывающейся, по его мнѣнію, непосредственно въ нашемъ сознаніи, благодаря усиліямъ воли. «*Я*» познаетъ само себя при помощи внутренняго чувства, благодаря усилію или движенію воли, которое воспринимается (aperçoit) въ тайникахъ души какъ продуктъ ея дѣятельности, какъ дѣйствіе, вызванное ея волей». (*Rapports du physique et du moral de l'homme*. Oeuvres philos. 1841. IV. стр. 75). Въ этомъ Биранъ видитъ первичный фактъ, окончательно подрывающій ученіе Кондильяка о пассивности. Но онъ не забываетъ—посто-

Digitized by Google

янное обращеніе къ внутреннему опыту предохраняетъ его отъ этого—непроизвольно возникающихъ ощущеній и настроеній. Онъ упрекаетъ моралистовъ, посвящающихъ свои сочиненія проблемѣ счастья, въ томъ, что они слишкомъ довѣряются общимъ соображеніямъ и постулатамъ и думаютъ, что можно непосредственно управлять своими чувствами и наклонностями. Въ глубинѣ нашей души протекаетъ совершенно независимо отъ нашей сознательной воли масса смѣняющихъ другъ друга явленій, которыя затрогиваютъ наше *Я,* доходя до его сознанія, и которыя должны зависѣть не отъ него, а отъ другой внутренней причины. Слѣдовательно, кромѣ нашего *Я* или сознанія и независимо отъ отношеній къ внѣшнему міру, существуетъ рядъ внутреннихъ явленій, открываемыхъ самонаблюденіемъ, но могущихъ протекать и безъ него. (Journal intime. 24 oct. 1814). Эта теорія ощущеній, существующихъ якобы за предѣлами *Я*, обратила на себя большое вниманіе и нашла себѣ сильный отпоръ въ маленькомъ философскомъ обществѣ, которое Биранъ собралъ около себя въ Парижѣ, и въ засѣданіяхъ котораго принимали участіе такіе люди, какъ физикъ Амперъ, историкъ Гизо и философъ Руайе-Коляръ. Одинъ только Амперъ рѣшительно склонялся на сторону Бирана. Оба они выставляли, какъ центральный психологическій фактъ, непосредственное сознаніе волевой энергіи. Но отправляясь отъ этого факта, душевная жизнь сливается съ областью безсознательнаго, и когда совершается этотъ актъ самосознанія, *Я* находитъ цѣлый рядъ уже наличныхъ элементовъ—въ немъ отдается во всякомъ случаѣ ихъ эхо. Въ одномъ изъ своихъ неипечатанныхъ до сихъ поръ произведеній, «*Mémoire sur les perceptions obscures*» (оно относится къ 1807 г.), которое сдѣлалось извѣстнымъ благодаря А. Бертрану (*La psychologie de l'effort et les doctrines contemporaines. Chap. 2*), Биранъ дѣлаетъ попытку объяснить эту противоположность пассивнаго и активнаго въ душевной жизни, предполагая совмѣстное дѣйствіе различныхъ физіологическихъ нервныхъ центровъ. Онъ пользуется также явленіями сомнамбулизма, чтобы пролить свѣтъ на двойственность нашего существа. Благодаря своему старанію ввести методъ точнаго самонаблюденія и дополнить его другими источниками психологическаго знанія, Биранъ является предшественникомъ новѣйшей психологіи. Со своей психологической точки зрѣнія онъ рѣшительно высказывается противъ школы авторитета, не признающей никакого значенія за свободной самодѣятельностью человѣка. Только путемъ глубокаго изслѣдованія природы и законовъ душевной жизни можно, какъ онъ утверждаетъ, отыскать условія возникновенія моральныхъ и религіозныхъ отношеній. Адепты школы авторитета, совершенно не принимавшіе въ расчетъ индивидуальной природы души и провозглашавшіе «ex abrupto» авторитетъ основаніемъ всякаго знанія, страдали недостаткомъ любви къ истинѣ, ими руководило только стремленіе дѣйствовать и вліять на людей. Кромѣ того, считая душу со-

Digitized by Google

вершенно пассивной и опредѣляя направленіе всего развитія ея извнѣ, авторитетомъ, они становились скептиками и матеріалистами! (Journal intime. 28 іюля 1823).

Непосредственное сознаніе самодѣятельности Биранъ считаетъ первичнымъ и основнымъ принципомъ всего нашего знанія. Благодаря ему, мы не только познаемъ наше собственное *я*, но и получаемъ кромѣ того сознаніе о существованіи матеріальнаго міра, когда самодѣятельность встрѣчаетъ какое-нибудь сопротивленіе. Сознаваемая нами самодѣятельность и есть именно дѣйствіе души на организмъ, при которомъ приходится всегда преодолѣвать сопротивленіе. Биранъ даетъ, слѣдовательно, спиритуалистическое объясненіе сознанію нашей дѣятельности и тѣмъ задержкамъ, которыя она можетъ встрѣтить; тѣмъ же самымъ онъ объясняетъ и противоположность между сферой дѣйствія нашей воли въ строгомъ смыслѣ этого слова и непроизвольностью нашихъ внутреннихъ состояній. Однако, онъ не согласенъ съ картезіанскимъ ученіемъ о душѣ, какъ о субстанціи: мы знаемъ наше *я* только какъ дѣйствующую силу; непосредственнаго сознанія субстанціи не можетъ быть. Сила или дѣятельность, которую мы такимъ образомъ ощущаемъ въ себѣ, служатъ для насъ типомъ, подъ который мы подводимъ всѣ внѣшнія явленія. Собственное самосознаніе даетъ намъ понятія силы, причины, единства и тожества, и только благодаря тому, что мы можемъ выводить эти понятія,—въ высшей степени отличныя отъ понятій о качествахъ,—изъ внутренняго изначальнаго факта, мы въ состояніи прилагать ихъ къ явленіямъ опыта. Не внѣшнее воспріятіе и не авторитетъ, но непосредственное сознаніе нашей самодѣятельности лежитъ въ основаніи всей совокупности нашего знанія. Что касается реальности этого базиса, то у Бирана нѣтъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній; но новѣйшая психологія навряд ли согласится съ нимъ въ томъ, что ему удалось разсѣять сомнѣніе Юма относительно возможности непосредственнаго воспріятія причинности *).

Самыя важныя произведенія Бирана были изданы только долго спустя послѣ его смерти. Одно время онъ работалъ надъ составленіемъ большого труда, который долженъ былъ обнять всѣ его психологическія изслѣдованія (*Essai sur les fondements de la psychologie*); но политическія условія не позволили ему напечатать это произведеніе, а впослѣдствіи онъ оставилъ первоначальный очеркъ его, съ тѣмъ, чтобы подвергнуть его новой обработкѣ (*Nouveaux essais d'anthropologie*). Оба произведенія были изданы

*) Относительно этого вопроса сравни мои *Психологическія изслѣдованія* («О воспризнаніи и т. д.» въ Vierteljahrsschrift f. wiss. Philos. XIV, 3, стр. 293—316). Когда Биранъ говоритъ объ ощущеніяхъ, лежащихъ якобы внѣ нашего *я*, то подъ этимъ послѣднимъ онъ подразумѣваетъ преимущественно то, что я назвалъ въ своей *Психологіи* (V B, 5) реальнымъ *я*, центральную и болѣе активную часть содержанія сознанія. Внѣ формальнаго *я*, выражающаго связь и единство сознанія, ощущенія находиться не могутъ.

Digitized by Google

Навилемъ въ 1859 г. (Oeuvres inédites de M. de Biran). Причиной, почему онъ отказался въ послѣдніе годы своей жизни отъ болѣе ранней редакціи, было то, что ему удалось открыть болѣе глубокій слой души, чѣмъ тѣ, которые онъ изучалъ до сихъ поръ. До сихъ поръ онъ описывалъ тѣ теченія, которыя, исходя изъ органическаго чувства, разливались по всей области внутренней жизни, и,—какъ состоянія противоположныя имъ,—сознаніе энергіи, въ которомъ наше *я* стремится высвободиться изъ сферы пассивнаго и непроизвольнаго. Во время внутреннихъ и внѣшнихъ волненій онъ искалъ себѣ стоически убѣжища въ сознаніи энергіи. Но со временемъ это убѣжище перестало удовлетворять его. Оно не могло служить ему достаточно надежной охраной отъ волненій внутренняго и внѣшняго міра. У него явилась потребность отыскать безусловно стойкую точку опоры, отдаться настроенію другого и болѣе высокаго порядка, чѣмъ настроеніе, связанное съ органическимъ чувствомъ, отдаться чему-то такому, что было бы независимо отъ собственной ограниченной активности души, но исходило бы тѣмъ не менѣе не изъ внѣшняго, а изъ внутренняго міра. Онъ пользуется кантовскимъ различеніемъ ноуменовъ и феноменовъ и ищетъ себѣ надежную точку зрѣнія въ отношеніи къ чему-то такому, что лежитъ совершенно внѣ міра феноменовъ. Основныя мысли его религіозной мистики, найденныя имъ путемъ личнаго самостоятельнаго опыта, представляются ему надежной пристанью; въ то же время онъ погружается въ изученіе Евангелія отъ Іоанна, книги «О подражаніи Христу» и произведеній Фенелона—вмѣсто Декарта и Лейбница, которые тоже въ свое время отвлекли его отъ изученія Кондильяка и Кабаниса. Религіозность Бирана не носила конфессіональнаго характера. Онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что религіозное чувство не можетъ имѣть внѣшняго происхожденія; оно должно возникать непроизвольно, и столь же непроизвольно складываются подъ его вліяніемъ тѣ образы, въ которыхъ душа находитъ выраженіе своихъ представленій о вѣчномъ и безконечномъ. Религія по своей природѣ скорѣе чувство, чѣмъ вѣра: вѣра подчиняется чувству. Задача нашей духовной дѣятельности состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы подготовить воспріимчивость къ болѣе высокой жизни, къ жизни духовной въ подлинномъ смыслѣ этого слова, *la vie de l'esprit* въ противоположность активной волевой жизни въ разумѣ, *la vie humaine*, которая противопоставляется въ свою очередь теченіямъ органическаго чувства, *la vie animal*. Эту болѣе высокую жизнь Биранъ называетъ также «мистической жизнью энтузіазма», «высшей ступенью, которую можетъ достичь душа человѣка, отожествляя себя, поскольку это въ ея власти, съ своимъ высшимъ объектомъ и возвращаясь такимъ образомъ къ тому источнику, изъ котораго она вышла» (Oeuvres inédites. III, стр. 541, 520).

Дневникъ Бирана свидѣтельствуетъ, однако, о томъ, что переходъ къ мистикѣ не заглушилъ его страсти къ психологическому наблюденію и рефлексіи. Онъ продолжаетъ все обсуждать вопросъ,

Digitized by Google

какъ далеко можетъ обнимать психологическое каузальное объясненіе наиболѣе интимныя и высокія состоянія. Иногда онъ говоритъ, что тѣ, которые стремились объяснить все естественными причинами, не должны были затрудняться вопросомъ, не слѣдуетъ ли объяснять дѣятельностью органическихъ настроеній и высшее состояніе блаженнаго покоя и созерцанія, когда душа впадаетъ въ экстазъ и находится подъ вліяніемъ Божества, такъ что съ измѣненіемъ органическаго состоянія небесное блаженство освобождается отъ волненій и страстей. Иногда онъ считаетъ рѣшеннымъ, что та идея, или то чувство, которую имѣетъ душа о совершенномъ, великомъ, прекрасномъ и вѣчномъ, не можетъ имѣть начала въ ней самой; что нравственныя и религіозныя истины имѣютъ другой источникъ, чѣмъ истины психологическія (Journal intime, 26 авг. 1818 и 19 сент. 1818 гг.). Еще на послѣднихъ страницахъ дневника подвергается спеціальному обсужденію вопросъ, какъ наша личная психологическая дѣятельность мышленія и сосредоточенія духа прокладываетъ въ насъ—среди неустаннаго взаимодѣйствія активнаго и пассивнаго—дорогу къ тому болѣе высокому, захватывающему настроенію; и онъ ставитъ здѣсь вопросъ, какъ отличить то, что вытекаетъ изъ собственнаго содержанія души, благодаря этому сосредоточенію, отъ того, чѣмъ мы обязаны воздѣйствію силы божества? Дальше нерѣшительнаго «или-или» (soit-soit) Биранъ не идетъ, несмотря на свое непоколебимое убѣжденіе, что истина, когда мы стремимся проникнуть въ нее, сама будетъ стремиться проникнуть въ насъ (Journal intime, октябрь 1823 г.).

Немногіе были знакомы съ мыслями Бирана, прежде чѣмъ были изданы его работы (большая часть ихъ была издана долго спустя послѣ его смерти). Къ числу ихъ принадлежалъ прежде всего *А. М. Амперъ*, знаменитый физикъ (1775—1836), который поддерживалъ съ нимъ оживленныя личныя и письменныя сношенія и подобно ему считалъ за исходный пунктъ философіи непосредственное сознаніе энергіи нашего *я*. Амперъ признавалъ первенство въ этой мысли за своимъ другомъ, но въ то время какъ Биранъ кружилъ въ продолженіе всей своей жизни около этой мысли, Амперъ старался дать законченную психологическую и теоретико-познавательную теорію. Занятія философіею привлекали его въ высшей степени; кромѣ своихъ лекцій по естествознанію и математикѣ, онъ читалъ также по философіи. Открытіе Эрштедтомъ электро-магнетизма привело его къ ряду блестящихъ изслѣдованій, особенно прославившихъ его имя; но прежняя склонность къ философскимъ занятіямъ не оставила его, и въ позднѣйшіе годы своей жизни онъ занимался энциклопедіей и классификаціей наукъ; результатомъ этихъ занятій былъ его *Essai sur la philosophie des sciences* (первый томъ 1834 г., второй съ введеніемъ Ст. Бёва и Литтре 1843), въ которомъ нашли себѣ выраженіе многія его интересныя психологическія и философскія мысли. Позднѣе *Бартелеми Ст.-Илеръ* издалъ его пе-

Digitized by Google

переписку съ Бираномъ и нѣкоторые отрывки одного произведенія, снабженные предисловіемъ его сына, подъ заглавіемъ «*Philosophie des deux Ampère* (Paris, 1866 г.). (О философіи сына говорится однако мало въ этой книгѣ).

Амперъ-философъ относится къ Бирану приблизительно такъ же, какъ Амперъ физикъ—къ Эрштедту. Въ открытіи Эрштедта онъ предугадывалъ единичный примѣръ общаго закона, и ему удалось математически развить и экспериментально установить этотъ послѣдній. Онъ расширилъ электромагнетизмъ въ электродинамическую теорію. Вліяніе электрическаго тока на магнитную стрѣлку дало поводъ къ открытію имъ взаимнаго вліянія электрическихъ токовъ и вліяніе земли на электрическіе токи. Наблюденіе Бирана надъ активной и пассивной сторонами душевной жизни привело его къ двоякаго рода изслѣдованіямъ: отчасти къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какъ устанавливается непроизвольная связь нашихъ ощущеній и представленій до и независимо отъ сознательной активности; отчасти же къ изслѣдованію того, какъ возможно научное познаніе міра на почвѣ сознательнаго употребленія духомъ его способностей. Благодаря изслѣдованіямъ перваго рода, онъ внесъ интересныя данныя въ психологическое ученіе объ ассоціаціяхъ; благодаря изслѣдованіямъ второго рода, онъ оказалъ услуги теоріи познанія.

Въ психологіи Амперъ примѣняетъ тотъ же методъ, что и англійскіе психологи ассоціаціонисты. Онъ не ограничивается простымъ описаніемъ подобно Бирану и большинству другихъ французскихъ психологовъ, но старается объяснить возникновеніе болѣе сложныхъ явленій сознанія сліяніемъ и соединеніемъ простѣйшихъ элементовъ. Сліяніе (concrétion) происходитъ, напримѣръ, между ощущеніемъ цвѣта и ощущеніемъ сопротивленія; между этими ощущеніями устанавливается столь тѣсная связь, что мы бываемъ обыкновенно склонны считать подобныя сложныя соединенія за простыя и первичныя ощущенія. Только анализъ открываетъ намъ, что здѣсь произошло сліяніе, и что при этомъ играла существенную роль наша собственная непроизвольная активность въ свойственныхъ ей предѣлахъ. Другимъ примѣромъ подобнаго сліянія служатъ акты воспризнанія, когда наличное ощущеніе предмета сливается съ воспроизведеніемъ прежняго ощущенія. Тѣмъ же процессомъ объясняетъ Амперъ далѣе и тотъ фактъ, что если имѣть предъ собою во время выполненія оперы текстъ, то можно непосредственно *слышать* слова, между тѣмъ какъ безъ помощи текста нельзя было бы разслышать ихъ. Слова, которыя мы читаемъ, и звуки, которые мы слышимъ, сливаются непосредственно другъ съ другомъ *). Подобныя объясне-

*) О явленіяхъ сліянія см. «Philosophie des deux Ampère», стр. 316 и д. «Essai sur la philosophie des sciences» (1834), стр. LVIII и д.) *А. Бертранъ* («La psychologie de l'effort, стр. 62) дѣлаетъ неправильное примѣненіе термина c o n c r é t i o n, употребляя его въ смыслѣ ассоціаціи между

Digitized by Google

нія дѣлали, по свидѣтельству Ст.-Бёва, очень привлекательными лекціи Ампера по психологіи.

Въ самóмъ основномъ фактѣ, признаніе котораго было у него обще съ Бираномъ, въ непосредственномъ сознаніи самодѣятельности, Амперъ усматриваетъ различныя стороны, чего не хотѣлъ допустить Биранъ. Онъ различаетъ между самосознаніемъ и мускульнымъ ощущеніемъ, показывая, что ощущеніе послѣдняго рода мы имѣемъ и тогда, когда нашу руку или ногу приводитъ въ движеніе кто нибудь другой. При активномъ движеніи самосознаніе есть то явленіе, которое содержитъ въ себѣ причину, мускульное ощущеніе то, въ которомъ выступаетъ слѣдствіе. Именно потому, что мускульное ощущеніе можетъ быть вызвано и другимъ лицомъ, я открываю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ я самъ бываю причиною его. Этотъ опытъ служитъ мнѣ образцомъ причиннаго отношенія. Непосредственно оно дано мнѣ только въ моей личной дѣятельности и всякую другую дѣятельность я истолковываю по аналогіи съ этой. Въ связи съ непосредственнымъ сознаніемъ, на фактѣ котораго остановился Биранъ, дѣйствуетъ, согласно Амперу, способность воспринимать отношенія, что́ и составляетъ подлинную познавательную способность. При помощи этой способности мы воспринимаемъ отношеніе между причиной и дѣйствіемъ, между мѣстами въ пространствѣ и моментами времени и т. д. И только благодаря этой способности, намъ дано познавать болѣе, чѣмъ простыя явленія. Какъ ни стойко убѣжденіе Ампера въ томъ, что все наблюдаемое нами есть только явленіе, тѣмъ не менѣе онъ убѣжденъ, что отношенія (rapports, relations), существующія между явленіями, имѣютъ абсолютную (noumenale) правомѣрность, независимо отъ качественной природы явленій. Простыя понятія о качествахъ, полученныя путемъ сравненія и отвлеченія, отличаются не большей реальностью, чѣмъ тѣ чувственныя качества, которыя составляютъ ихъ содержаніе. Но тѣ понятія, которыя выражаютъ чистыя отношенія и способы координаціи явленій, каковы—причинность, количество, время и пространство, имѣютъ абсолютную правомѣрность и образуютъ мостъ, ведущій наше познаніе изъ міра феноменовъ въ міръ ноуменовъ. Въ этомъ отношеніи Амперъ высказывается рѣшительно противъ Канта, котораго вообще онъ ставитъ очень высоко. Не менѣе рѣшительно онъ высказывается и противъ Рида, допускающаго непосредственное воспріятіе внѣшней реальности;

двумя различными представленіями; для соединеній подобнаго рода Амперъ употребляетъ терминъ commémoration. Когда я узнаю дерево, то происходитъ concrétion; когда я при видѣ дерева вспоминаю о собакѣ, лежавшей прошлый разъ подъ нимъ, то происходитъ commémoration.—Мнѣ жаль, что я не былъ знакомъ съ изслѣдованіями Ампера въ то время, когда я писалъ главу о непосредственномъ воспризнаніи въ своихъ «Психологическихъ изслѣдованіяхъ». Но мнѣ было очень пріятно увидѣть, какое полное согласіе существуетъ между моими воззрѣніями и тѣми, которыя были развиты имъ.

Digitized by Google

онъ смѣшиваетъ такимъ образомъ, по мнѣнію Ампера, «сліяніе» (concrétion) съ элементарнымъ ощущеніемъ. Нуменальную реальность (матерія сама въ себѣ, какъ причина чувственныхъ впечатлѣній; душа сама въ себѣ, какъ причина нашей личной дѣятельности, какъ причина универсальная) мы открываемъ только путемъ умозаключенія и въ формѣ гипотезы. Непосредственно мы воспринимаемъ только явленія, но усматриваемыя нами, независимыя отъ качествъ, взаимныя отношенія явленій сохраняютъ свое значеніе и для ноуменовъ. Подъ отношеніями Амперъ понимаетъ приблизительно то же самое, что Бойль и Локкъ называли первичными качествами.

Биранъ склонялся сначала въ этомъ вопросѣ на сторону ученія Рида. Когда его другъ философъ, усиленно побуждалъ его къ изученію Канта, то онъ сдѣлался кантіанцемъ въ большей степени, чѣмъ того хотѣлъ Амперъ. Противъ теоріи отношеній этого послѣдняго онъ замѣчаетъ (это было сказано въ одной изъ ихъ бесѣдъ, упомянутой въ Journal intime 30 окт. 1816 г.), что переходъ отъ сознанія нашей собственной активности (основной фактъ, признаніе котораго обще Амперу и Бирану) къ допущенію внѣшнихъ причинъ связанъ съ нѣкоторыми трудностями. Здѣсь, по мнѣнію Бирана, существуетъ пропасть, черезъ которую насъ не можетъ перевести никакой анализъ и никакая индукція. Изъ того, что я—не причина пассивнаго состоянія моего *Я*, нельзя вѣдь заключать, что существуетъ необходимая причина, производящая все, что бы я ни дѣлалъ. Мы сами играемъ роль причинъ и поэтому вполнѣ естественно, что мы смотримъ и на другіе предметы, какъ на причины; но вѣдь это не доказательство!

Если, по мнѣнію Ампера, абсолютная правомѣрность отношеній доказывается тѣмъ, что какихъ бы слѣдствій мы ни выводили изъ нашихъ теорій отношеній, они бы нашли себѣ подтвержденіе въ опытѣ, то Биранъ возражаетъ на это слѣдущимъ образомъ въ одномъ изъ своихъ ненапечатанныхъ до сихъ поръ писемъ, которымъ воспользовался Бертанъ въ сочиненіи—«La psychologie de l'effort» (стр. 188): «Какой опытъ можетъ отвѣтить намъ, существуютъ-ли формы координаціи явленій абсолютно въ вещахъ или только въ воспринимающемъ духѣ? Можетъ-ли внѣшній опытъ пролить когда-нибудь свѣтъ на это сомнѣніе рефлексіи? Не одинаково-ли согласимы обѣ возможности съ явленіями?»—Навряд-ли Амперъ могъ бы дать на это удовлетворительный отвѣтъ съ точки зрѣнія своей теоріи отношеній *)

По своему міровоззрѣнію Амперъ картезіанецъ. Онъ дѣлитъ науки на космологическія и ноологическія; первыя обнимаютъ матеріальныя явленія, послѣднія—духовныя. Ноологическія на-

*) Амперъ преувеличиваетъ, впрочемъ, различіе своей теоріи и теоріи Канта, приписывая послѣднему мнѣніе, что отношенія, формы координаціи стоятъ якобы внѣ всякой связи съ вещами самими въ себѣ.

Digitized by Google

уки слѣдовало бы изучать только послѣ космологическихъ, отчасти потому, что эти послѣднія дали намъ образецъ того, какъ нужно употреблять способности человѣческаго разума для познанія природы, и пролили такимъ образомъ свѣтъ на природу этихъ способностей, отчасти потому, что то познаніе міра, именно—физической природы человѣка, которое дается ими, представляетъ не послѣднюю важность для пониманія интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей человѣка. Что касается классификаціи наукъ, предложенной Ампером, въ ея частностяхъ, то она очень сложна и запутана; классификація, установленная почти въ то же время Огюстомъ Контомъ, совершенно несоизмѣрима съ ней по своей простотѣ и ясности. Но въ его «*Essai sur a philosophie des sciences*» встрѣчается много интересныхъ замѣчаній, и если бы ему удалось привести въ исполненіе свое намѣреніе не ограничиться одной классификаціей наукъ, но представить также изложеніе важнѣйшихъ истинъ, методовъ, проблемъ игипотезъ въ различныхъ областяхъ знанія, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что такой выдающійся мыслитель и изслѣдователь далъ бы важный трудъ и внесъ бы интересныя поправки въ систему Конта.—Мысль о ходѣ развитія наукъ въ его связи съ мѣриломъ истины, лежащимъ въ природѣ человѣческаго познанія, занимала почти одновременно съ Ампером и Контомъ женщину математика *Софію Жермень* (1776—1831). Подъ очевиднымъ вліяніемъ Канта она указываетъ на то, что въ силу природы нашего сознанія мы чувствуемъ потребность въ единствѣ, порядкѣ и связи, потребность, руководящую нами не только при научныхъ изслѣдованіяхъ, но и въ области нравственности и эстетики. Ея философское произведеніе *Considérations générales sur l'état des sciences et des lettres aux differentes époques de leur culture* (появилось въ 1833 г.; вновь было издано H. Stupuy въ «Oeuvres philosophiques «de Sophie Germain» въ 1879 г.) имѣетъ цѣлью показать, что въ наукѣ, нравственности и искусствѣ, нами руководитъ одинъ и тотъ же типъ. «Существуетъ одинъ только типъ истины. Въ нравственности, наукѣ, литературѣ и искусствѣ мы ищемъ всегда между частями одного и того же цѣлаго единства, порядка и соразмѣрности бытія». Начало причинности есть только спеціальная форма этого общаго принципа. Мы примѣняемъ начало причинности, если объектъ, подлежащій изслѣдованію, не встаетъ передъ нами во всей своей цѣлости. Онъ является намъ какимъ-то обрывкомъ, и мы задаемся вопросомъ, какое единство обнимаетъ его. Мы смотримъ на него, какъ на часть, и ищемъ цѣлое, къ которому онъ относится. Эта потрѣбность въ единствѣ и цѣлостности привела къ смѣлымъ системамъ, къ произвольному употребленію аналогій и къ допущенію мистическихъ причинъ. Но она привела также и къ многимъ счастливымъ идеямъ, и прогрессъ науки обусловливается тѣмъ, что эта потребность остается живой. Она поддерживаетъ связь въ исторіи наукъ. Но мало по малу приходятъ къ убѣжденію, что си-

Digitized by Google

стемы слѣдуетъ дополнять методами, и вмѣсто вопроса *почему*, ставить вопросъ, *какъ* и *какъ много*. Вмѣсто того, чтобы вымышлять міръ по прихотямъ своей фантазіи, люди научились отыскивать дѣйствительную связь явленій въ мірѣ, и если этимъ путемъ удастся постепенно открыть всеобщее широкое единство, то воображеніе получитъ обратно въ болѣе надежной формѣ все, потерянное ею благодаря тому, что критическое изслѣдованіе вытѣснило его смѣлые образы.

Въ то время какъ въ небольшихъ философскихъ кружкахъ Бирана и Ампера развивалось мышленіе, освобождавшееся изъ подчиненія господствовавшему ученію Кондильяка, Руайе-Коляръ и Викторъ Кузенъ, выступивъ въ качествѣ преподавателей философіи, взяли надъ нимъ рѣшительный перевѣсъ. Лекціи Руайе-Коляра въ Сорбоннѣ (1811—1814) ввели во Франціи философію Рида, какъ классика въ исторіи философіи. Въ направленіи Шотландской школы онъ придавалъ большое значеніе психологическому изслѣдованію и выдвигалъ важность инстинктивнаго пониманія и непосредственнаго нравственнаго убѣжденія противъ узости воззрѣній и абстрактнаго анализа идеологіи. Это не благопріятствовало опредѣленной постановкѣ проблемъ; ссылки на здравый человѣческій смыслъ должны были слишкомъ часто замѣнять аргументы. Однако онъ ввелъ новое направленіе, открывавшее глаза на такія стороны духовной жизни, которыя оставлялись до сихъ поръ господствующей школой въ тѣни. Выдающееся положеніе и вліятельность Руайе-Коляра придали особое значеніе тому, что онъ выступилъ въ качествѣ философа. Его послѣдователь Кузенъ (1792—1867) былъ увлекательнымъ ораторомъ и имѣлъ большой талантъ вызывать интересъ среди молодежи. Будучи самъ еще молодымъ человѣкомъ, онъ раздѣлялъ ожиданіе молодежи, что вмѣстѣ со свободой и низверженіемъ военнаго деспотизма настанетъ для Франціи блестящее время духовной жизни. Его преподаваніе носило совершенно историческій характеръ. Онъ ввелъ во Франціи въ академическое преподаваніе исторію философіи. Свои философскія воззрѣнія онъ заимствовалъ отчасти у шотландцевъ и Руайе-Коляра, отчасти у Бирана и Ампера, въ философскихъ собраніяхъ которыхъ онъ принималъ участіе. Биранъ замѣчалъ, конечно, что Кузенъ «становится ему поперекъ дороги», но надѣялся получить свою долю въ общей жатвѣ, потому что преподаваніе Кузена должно было подготовить благосклонный пріемъ для его собственнаго большого психологическаго сочиненія, когда оно выйдетъ въ свѣтъ (что случилось, къ сожалѣнію. только спустя тридцать лѣтъ съ лишнимъ послѣ смерти Бирана). Кузенъ комбинировалъ теорію Рида о непосредственномъ воспріятіи абсолютной реальности съ ученіемъ Бирана о сознаніи нашей собственной самодѣятельности и съ ученіемъ Ампера объ абсолютныхъ отношеніяхъ. Съ этимъ онъ связалъ еще впослѣдствіи ученіе Шеллинга и Гегеля объ абсолютномъ разумѣ. Во время своихъ поѣздокъ въ Германію,

Digitized by Google

онъ познакомился съ нѣмецкой спекулятивной философіей, послѣ того какъ г-жа *Сталь* дала въ своей книгѣ *De l'Allemagne* общее представленіе о нѣмецкой философіи послѣ Канта. Философія Кузена представляла собою эклектизмъ, заимствовавшій изъ различныхъ системъ все, что должно было, казалось, имѣть непреходящее значеніе: каждая изъ системъ, взятая сама по себѣ, несовершенна, но нѣтъ ни одной, которая была бы совершенно ложной! Критеріемъ для выбора служило сначала психологическое воспріятіе по образцу Рида и Бирана, затѣмъ—универсальный разумъ Шеллинга и Гегеля, а за послѣдній періодъ дѣятельности Кузена—когда онъ послѣ революціи 1830 года сдѣлался оффиціальнымъ руководителемъ философскаго преподаванія во всей Франціи—главнѣйшія ученія естественной религіи и картезіанскаго спиритуализма. Смѣлость и воодушевленіе его перваго дебюта *) въ качествѣ преподавателя философіи были умѣрены его историческими занятіями и его оффиціальнымъ положеніемъ. Ренанъ, который, впрочемъ, много лѣтъ спустя послѣ смерти Кузена говорилъ въ теплыхъ словахъ обо всемъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ ему, ставитъ его очень мѣтко въ примѣръ того, что слишкомъ полная побѣда не приноситъ большой пользы для философіи. Слѣдуетъ добавить, что и побѣда была только внѣшняя. Наполеонъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на то, что Руайе-Колляръ выступаетъ въ качествѣ профессора философіи, а іюльская монархія укрѣпила положеніе Кузена.

Главное произведеніе Кузена: *Du vrai, du beau, du bien*; это лекціи, читанныя имъ въ 1818 г. и изданныя двадцать лѣтъ спустя въ ихъ первоначальномъ видѣ Гарнье. Но въ послѣдующихъ изданіяхъ самъ Кузенъ, которому были неудобны еретическіе взгляды юности, изуродовалъ свои лекціи. Именно это произведеніе оказало такое сильное вліяніе на Ренана. Кромѣ того, изложеніе его мыслей можно найти въ предисловіяхъ къ 5-ти томамъ *Fragments philosophiques*, въ которыхъ онъ обсуждаетъ вопросы исторіи философіи. Въ предисловіи къ первому тому (1826) онъ излагаетъ свое характерное ученіе о «безличномъ разумѣ», въ которомъ онъ сочеталъ Рида, Ампера и Шеллинга. Онъ думаетъ, что съ помощью психологическаго метода, путемъ болѣе

*) Интересную характеристику этого дебюта Кузена въ качествѣ преподавателя философіи даетъ Жуфруа въ своихъ *Nouveaux mélanges philosophiques* (2. éd. p. 85—95).—Ренанъ (*Feuille s détachées*, 4. éd. 1892, p. 288 и слѣд.) говоритъ о Кузенѣ и о томъ, чѣмъ онъ ему обязанъ, слѣдующее: «Среди массы недостатковъ, какое высокое чувство безконечнаго! Какое пониманіе произвольнаго и безсознательнаго! Какое религіозное воодушевленіе, неслыханное со временъ Мальбранша, когда онъ говоритъ о разумѣ! Представьте, какіе глубокіе слѣды оставляло въ людяхъ, подобныхъ Жуфруа, это первое преподаваніе! Я познакомился съ курсомъ 1818 г. около 1842 г. въ Исси. Впечатлѣніе, произведенное имъ на меня было однимъ изъ самыхъ глубокихъ. Я сознаю, что многіе запросы моего духа пошли отсюда... Кузенъ не былъ отцомъ моей мысли, но пробудилъ ее».

Digitized by Google

глубокаго самонаблюденія, онъ достигъ такого пункта, куда не проникалъ даже самъ Кантъ; здѣсь, по его мнѣнію, исчезаетъ кажущаяся субъективность и относительность необходимыхъ принциповъ, причемъ оказывается, что въ основѣ всякой логической рефлексіи и всякой установки понятій лежитъ непосредственное схватываніе истины. Разумъ становится субъективнымъ только тогда, когда онъ дѣлается объектомъ рефлексіи; самъ по себѣ онъ есть свѣтъ, который, независимо отъ всѣхъ личныхъ особенностей, свѣтитъ во внутреннемъ мірѣ всякаго человѣка, какъ универсальное откровеніе.

Въ то время какъ Кузенъ, хотя и думалъ, что опирается на психологическое наблюденіе, однако скоро оставилъ почву его, благодаря полету своей реторики и фантазіи, Теодоръ Жуфруа (1796 — 1842) чувствовалъ бо̀льшій и болѣе близкій интересъ къ психологическимъ изслѣдованіямъ. Онъ впалъ правда въ односторонность, ограничиваясь самонаблюденіемъ и пренебрегая другими источниками психологическаго знанія, потому что онъ разграничивалъ психологію и физіологію въ духѣ строгаго спиритуализма, какъ два предмета, не имѣющіе ничего общаго между собою. Однако онъ серьезно старался выяснить— объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ изслѣдованій—отношеніе между самонаблюденіемъ съ одной стороны, естествознаніемъ и философскимъ умозрѣніемъ съ другой. Онъ не отличался романтической виртуозностью Кузена, съ какою этотъ послѣдній перекидывалъ мосты черезъ пропасти. Его философія вытекла изъ чисто личной потребности добиться ясности знанія, съ тѣхъ поръ какъ послѣ упорной борьбы онъ убѣдился, что теологическія представленія потеряли для него свое значеніе. Хотя такимъ образомъ въ его мышленіи проглядываетъ сильный личный интересъ, однако это не заставляетъ его выторговывать что-нибудь въ свою пользу или довольствоваться рѣшеніями, не вполнѣ удовлетворявшими его разумъ. Въ такихъ случаяхъ онъ предпочитаетъ останавливаться передъ тѣмъ убѣжденіемъ, что рѣшеніе проблемы недоступно для насъ. «Существуютъ два пути.—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ лекцій (*Mélanges philosophiques.* 3 *éd.* p. 350 и д.),—слѣдуя которымъ мыслящій человѣкъ можетъ водворить миръ въ своей душѣ и успокоить свой духъ; одинъ состоитъ въ томъ, чтобы обладать или только быть увѣрену въ томъ, что обладаешь, истиннымъ рѣшеніемъ вопросовъ, интересующихъ человѣчество; другой—въ ясномъ сознаніи того, что эта истина недоступна намъ, и знаніи того, почему это такъ... Такъ какъ факты, доступные нашему наблюденію, ограничены, то также ограничены и тѣ заключенія, которыя мы можемъ вывести изъ этихъ фактовъ. Наука имѣетъ, слѣдовательно, извѣстный горизонтъ, дальше котораго она не можетъ видѣть; она должна опредѣлять мало-по-малу этотъ горизонтъ. Эта крайняя граница отдѣляетъ владѣнія науки отъ области поэзіи; только этой послѣдней дано идти дальше. Такое разграниченіе

Digitized by Google

составляетъ долгъ науки по отношенію къ человѣчеству; она несетъ обязанность открыть истину человѣчеству, которое слишкомъ часто страдало отъ того. что чаяло найти и искало истину тамъ, гдѣ она была и всегда будетъ недоступна ему. «Скорѣе по своему мужественному отношенію къ проблемамъ вообще, чѣмъ по анализу отдѣльныхъ проблемъ, Жуфруа представляетъ въ исторіи французской философіи красивую и интересную фигуру. Поскольку онъ намѣчаетъ опредѣленные результаты, они идутъ въ направленіи того эклектизма, начало которому положилъ Кузенъ. Въ одной изъ своихъ работъ, относящихся къ болѣе раннимъ годамъ (1825) его дѣятельности, онъ высказывалъ даже мысль, что французская философія, только что переставшая присягать Кондильяку, будетъ въ состояніи,—отыскивая повсюду истину и углубляясь въ изученіе человѣческой природы, представляющей собою философскую реальность,—подготовить въ тишинѣ мирный договоръ между всѣми системами, договоръ, который могъ бы даже быть заключенъ въ Парижѣ!—Но мѣстъ, гдѣ слѣдуетъ искать истину, существуетъ больше, чѣмъ думалъ эклектизмъ, а человѣческая природа слишкомъ сложна, чтобы ее можно было заключить въ рамки эклектизма, даже если онъ вырабатывается съ такими добрыми намѣреніями, какія были у Теодора Жуфруа. Философскій мирный договоръ заставитъ еще поэтому долго ждать себя.

Пер. Д. **Викторовъ**.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

Наши школьные пасынки и страдальцы.

(Къ 25-лѣтнему юбилею городск. по Пол. 1872 г. училищъ).

Въ прошломъ году исполнилось 25 лѣтъ, какъ у насъ въ Россіи появился новый типъ школы—городскія по Положенію 1872 года училища. За это время многое въ жизни городскихъ училищъ выяснилось съ достаточною ясностью, но, къ сожалѣнію, не многое поднималось и разработано нашею печатью. За послѣдніе годы о нихъ совсѣмъ и не вспоминаютъ, общество и педагогическая литература какъ будто и забыли объ этихъ скромныхъ школахъ за разговорами и заботами почти исключительно о средней и сельской школахъ. А между тѣмъ, городскія училища имѣютъ свое значеніе въ русской жизни, они даютъ образованіе большинству дѣтей уѣздныхъ городовъ, которыя обыкновенно въ своемъ образованіи дальше и не идутъ. Значительная часть этихъ питомцевъ гор. училищъ впослѣдствіи является тѣмъ большинствомъ, которое наполняетъ наши уѣздныя городскія думы, засѣдаетъ въ земскихъ собраніяхъ и всякихъ комитетахъ и коммиссіяхъ, служитъ во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ уѣздныхъ городовъ, однимъ словомъ, является въ нашей провинціи обыкновеннымъ среднимъ дѣятелемъ, отъ котораго въ жизни города и уѣзда зависитъ очень многое. Слѣдовательно, городскія училища, какъ учрежденія, призванныя дать этому среднему дѣятелю хорошую подготовку къ жизни, развивъ его умъ и возбудивъ стремленіе къ нравственному совершенствованію — являются вовсе не такою малою величиною, чтобы на нихъ не стоило обращать вниманія; въ ихъ жизни есть много достойнаго вниманія, много трагическаго и грустнаго, наводящаго на невеселыя размышленія. И жаль, что эти незамѣтныя, но носящія въ себѣ свои немалыя горести и печали учрежденія, мало удостоиваются общественнаго вниманія.

Эта статья и ставитъ себѣ задачей затронуть одинъ изъ такихъ замалчиваемыхъ вопросовъ: о положеніи ученика и учителя въ нашихъ захолустныхъ городскихъ училищахъ.

Сколько было говорено объ ученикѣ средней школы! Сколько собрано матеріала о ненормальности постановки въ школахъ его

Digitized by Google

умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія—одно «переутомленіе» заняло солидное мѣсто и въ педагогической, и не педагогической литературѣ! Ученику средней школы было отведено видное мѣсто на бывшемъ въ прошломъ году съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію!.. А объ ученикѣ городского училища, такомъ же ребенкѣ и будущемъ гражданинѣ, для котораго также строятся школы, тратятся казенныя и общественныя деньги, существуетъ цѣлое сословіе учителей-воспитателей, о которомъ также матери и отцы болѣютъ душою,—о немъ-то,—кромѣ какъ вскользь, отчасти,—почти ничего не говорилось, а если и говорилось, то очень немного.

Въ настоящей статьѣ мнѣ и хотѣлось бы по возможности очертить то положеніе, въ которомъ находится ученикъ городского училища, касательно физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія.

На «Второмъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію», бывшемъ въ прошломъ году въ Москвѣ, указывались между прочимъ слѣдующія характерныя черты ненормальности постановки умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія въ средней школѣ: почти ежедневныя занятія въ продолженіе 8—12 час. и притомъ не всегда въ спокойномъ состояніи духа; нерѣдкое сокращеніе въ пользу учебныхъ работъ времени необходимаго для отдыха и сна; умственное утомленіе и разстройство нервной системы, какъ результатъ продолжительныхъ занятій; не принятіе питательной, а иногда и всякой пищи въ теченіе цѣлой половины дня; классный воздухъ, отравленный углекислотою; плохія школьныя помѣщенія; нецѣлесообразно устроенные столы и неправильное положеніе туловища во время занятій; система антигигіеническихъ наказаній; обширность программъ съ массою непригодныхъ къ жизни знаній, система экзаменовъ, неподготовленность учителя-воспитателя, непосильность его труда и крайняя необезпеченность и пр. и пр.

Вотъ къ какимъ неутѣшительнымъ выводамъ пришелъ съѣздъ относительно теперешней постановки воспитанія дѣтей въ средней школѣ. Но если таковы выводы для средней школы, въ которой воспитываются, обыкновенно, дѣти состоятельныхъ родителей, и которая сама располагаетъ, сравнительно. огромными средствами къ постановкѣ воспитанія своихъ питомцевъ въ лучшія условія, то къ какимъ же безутѣшнымъ выводамъ долженъ прійти всякій, кто дастъ себѣ трудъ посмотрѣть и вдуматься въ положеніе ученика городского училища, питомца такого учрежденія, которое и не располагаетъ почти никакими средствами, и занимается воспитаніемъ дѣтей бѣдныхъ родителей! Выводы получатся поистинѣ безутѣшные!..

Начну съ физическаго воспитанія.

День ученика городского училища начинается, обыкновенно, въ 7 час. утра. Полусонный, вялый, часто съ тяжелою головой, поднимается онъ съ большимъ неудовольствіемъ, послѣ нѣсколь-

Digitized by Google

ихъ приказаній, просьбъ и увѣщаній родителей или квартирной хозяйки. Наскоро умывшись и помолившись Богу, онъ тотчасъ же принимается за книгу, такъ какъ, не повторивши урока, идти въ училище нельзя: «уроковъ много и трудные»... На повтореніе уроковъ уходитъ около часа и никакъ не менѣе получаса. Покончивъ съ уроками и наскоро напившись чаю, онъ въ морозъ, метель и вьюгу, въ дождь и осеннюю непогодь, зачастую въ плохой одеждѣ и рваныхъ сапогахъ, бѣжитъ въ училище, до котораго ему иногда приходится пройти не малое разстояніе: въ нашемъ, напримѣръ, училищѣ были и есть случаи, что ученики ходятъ за двѣ и болѣе верстъ... Не разъ содрогнется родительское сердце: «здоровъ ли придетъ? Не простудитъ ли горло!»—самый воспріимчивый ко всякаго рода болѣзнямъ органъ, «не принесетъ ли дифтерита, кори, или еще, что и того хуже, скарлатины! А это такъ естественно, такъ возможно при необходимости, едва напившись чаю, или позавтракавъ горячимъ,—бѣжать съ разгоряченнымъ горломъ по холоду, вѣтру и вьюгѣ...

Въ 9 часовъ начинаются уроки въ училищѣ, гдѣ съ небольшими перерывами ученикъ работаетъ умственно до 2 или $2^1/_2$ ч. дня. Для оставленныхъ же «безобѣда» этотъ умственный трудъ продолжается до $3^1/_2$—4 часовъ, такъ, что ученикъ возвращается домой не раньше 3-хъ часовъ; а около 6 час. вечера онъ уже опять принимается за работу и сидитъ за уроками нерѣдко до 9 и 10 час. вечера. И только послѣ 10 часовъ утомленный непривычною умственною работою засыпаетъ онъ съ тѣмъ, чтобы чувствовать себя свѣжимъ, бодрымъ, веселымъ,—встать наутро и опять приниматься за тотъ же тяжелый десятичасовый умственный трудъ...

Такой собственно громадный для дѣтскаго возраста трудъ влечетъ за собою, конечно, и громадную потерю энергіи и жизненныхъ силъ. И потеря эта въ большинствѣ случаевъ вознаграждается чрезвычайно плохо: ни чистоты воздуха, тепла, свѣта и сухой квартиры, ни питательной и удобоваримой пищи съ небольшими промежутками между принятіями ея, какъ и требуетъ дѣтскій организмъ, ни достаточнаго отдыха и сна,—ничего этого ученики городскихъ училищъ не имѣютъ, ибо они въ большинствѣ случаетъ дѣти бѣдныхъ родителей (изъ 200 учащихся въ нашемъ училищѣ болѣе 50 чел. не въ состояніи вносить 6-рублей ежегодный взносъ за право ученія)! Дома—зачастую въ сыромъ, низкомъ, холодномъ и полутемномъ нижнемъ этажѣ въ одну-двѣ комнаты, съ многочисленнымъ населеніемъ братьевъ и сестеръ ученика,—о чистотѣ воздуха, теплѣ и свѣтѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Недостатокъ воздуха, тепла и свѣта не восполняется и питаніемъ. Съ этой стороны ученики находятся едва ли не въ худшемъ положеніи: обыкновенною предъурочною утреннею пищею является чай, или собственно горячая вода, заболтанная иногда молокомъ и кусокъ булки или чернаго хлѣба. Съ этимъ чаемъ большинство учащихся остается до 2—3 час., такъ какъ въ

Digitized by Google

училищѣ завтракаютъ немногіе: мнѣ рѣдко приходилось видѣть болѣе 10—15 учен. (изъ 200), дѣтей богатыхъ родителей, завтракающихъ кускомъ сухой булки и въ рѣдкихъ случаяхъ пирогомъ, а остальные почти никогда не ѣдятъ въ это время, поэтому совсѣмъ нерѣдкость видѣть ежедневно такія, напримѣръ, курьезныя, но, если вдуматься, поистинѣ тяжелыя сцены: едва окончится урокъ и дѣти высыпятъ изъ класса, какъ въ корридорѣ то тамъ, то сямъ начинаютъ собираться тѣсно сплоченныя группы учениковъ—это они окружили счастливца съ булкою и, наперерывъ одинъ передъ другимъ со всевозможными обѣщаніями, перечисленіями своихъ заслугъ передъ обладателемъ булки, вымаливаютъ у него «хоть кусочекъ булочки». И только тогда эта толпа расходится, когда булка роздана и въ рукахъ счастливца ничего не остается... Посмотришь, посмотришь, и тяжело, и обидно станетъ за этихъ невольныхъ «тружениковъ науки»! Потеря жизненныхъ силъ въ дѣтскомъ возрастѣ и такъ велика, дѣти поминутно ѣдятъ, что показываетъ на повышенное требованіе питанія,—здѣсь же при несоотвѣтственномъ дѣтскому организму трудѣ и трудѣ тяжеломъ, потребность эта еще болѣе усиливается; естественно, что 6-часовой промежутокъ времени въ такомъ случаѣ является мучительно продолжительнымъ, чтобы иногда съ однимъ «голымъ» чаемъ не захотѣть ѣсть и удержаться отъ выпрашиванія у товарища «кусочка булочки»... Голоданіе ученика въ классѣ не прекращается дома: дѣтскій желудокъ часто переполняется грубою, неудобоваримою пищею, о кускѣ говядины, яйцѣ или стаканѣ молока иногда и помину нѣтъ. Можно съ увѣренностію сказать, что и, помимо тѣхъ 50 учениковъ, которые не въ состояніи заплатить 6 руб. за право ученія,—и многіе другіе ѣдятъ щи «пустыя» въ постные дни и съ саломъ въ скоромные дни, жаренный или вареный картофель и кашу—это и есть самая обыкновенная пища. Но, вѣдь, такая пища не въ состояніи восполнить всѣ потери дѣтскаго организма въ трудовое время!.. Если ребенокъ чувствуетъ себя сытымъ, то, вѣдь, голодъ удовлетворяется и глиною... Вечеромъ, обыкновенно, пьется чай, но булки уже не полагается, а передъ сномъ ужинъ, состоящій изъ остатковъ обѣда: вотъ и все суточное довольствіе ученика

Въ 9—10 час. ученикъ ложится спать. Но врядъ ли отдохнетъ въ теченіе 8—9 часовъ сна дѣтскій организмъ, уставшій за 10 час. умственной работы и не получившій въ возмѣщеніе затраченныхъ жизненныхъ силъ должнаго количества и качества питательныхъ веществъ! 8—9 часовъ сна достаточно для взрослаго, но не 10—12-лѣтняго ребенка, да еще при условіи непосильнаго труда, испорченности воздуха, холода, сырости, плохого питанія и при прочихъ спутникахъ не только бѣдности, но и невѣжественнаго богатства.

Вотъ какъ обставлено физическое воспитаніе ученика городского училища дома, въ его семьѣ, которая часто и не подозрѣваетъ всей вредности такого воспитанія, не знаетъ о существо-

Digitized by Google

ваніи гигіены, лишена разумныхъ свѣдущихъ совѣтовъ... Но не лучше обставлено физическое воспитаніе въ школѣ, которая отлично знаетъ самыя послѣднія гигіеническія требованія, имѣетъ своего спеціальнаго врача и нѣкоторыя средства къ болѣе правильной его постановкѣ: коверкая по своему занятія и домашній распорядокъ времени, являясь главнымъ виновникомъ непосильности труда и отнимая въ пользу его время, необходимое для отдыха и сна, училище не только ничего лучшаго не даетъ ученику, а, напротивъ, дополняетъ нецѣлесообразность и вредность домашней обстановки для ребенка.

Съ 8 или 8½ ч. утра и до 2—3 час. дня заставляютъ ученика просиживать въ одномъ положеніи, въ тѣсныхъ, неудобныхъ, холодныхъ (до + 8° R.) и пыльныхъ классахъ. При тѣснотѣ, скученности, что въ особенности наблюдается въ послѣднее время, когда выраженіе—«приходится отказывать въ пріемѣ за недостаткомъ мѣстъ», сдѣлалось обычнымъ для всѣхъ безъ исключенія россійскихъ учебныхъ заведеній,—при обиліи накожныхъ испареній нечистоплотно содержимыхъ дѣтей (въ осеннее и весеннее время вся уличная грязь приносится въ классъ, такъ какъ калоши въ городскихъ училищахъ большая рѣдкость), при невозможности заниматься въ классѣ при открытыхъ дверяхъ, воздухъ въ классахъ до того портится, что, мнѣ думается, дѣлается несравненно вреднѣе домашняго, не смотря на всю антигигіеничность послѣдняго. Училище, конечно, принимаетъ мѣры къ провѣтриванію комнатъ, къ освѣженію въ нихъ воздуха: гдѣ есть корридоры, ученики во время перемѣны выходятъ туда, а классы запираются, и въ нихъ открываются форточки; но во многихъ училищахъ и корридоровъ не имѣется помѣстительныхъ, почему ученики и во время перемѣнъ остаются въ классахъ и къ совершенно испорченному воздуху углекислотой и накожными испареніями прибавляется еще пыль... Можно себѣ представить, какимъ воздухомъ дышитъ ученикъ въ такихъ училищахъ къ концу уроковъ!

И при такихъ условіяхъ ученику часто приходится сидѣть на совсѣмъ нецѣлесообразно устроенныхъ и не приспособленныхъ къ его возрасту «партахъ», со сломанными и неисправляемыми по мѣсяцамъ откидными крышками, въ какомъ-нибудь неестественно-согнутомъ положеніи, опершись грудью о край стола, безъ опоры для спины, и мало того, что сидѣть, а еще—внимательно слушать и понимать преподаваемое, а это исключаетъ возможность встать, пройтись, размять уставшіе члены, да это запрещается и школьными правилами...

Не можетъ также не отзываться вредно на здоровьи ученика отсутствіе въ школѣ гигіеническихъ наказаній съ широкою практикою традиціоннаго «оставленія безъ обѣда», т. е. собственно *голоданія* ученика... Не можетъ также не вліять и очень вредно на здоровье ученика и ежегодное отбываніе имъ убійственной «страдной поры», въ видѣ ничѣмъ не оправдываемыхъ экзаме-

Digitized by Google

новъ, когда о должномъ отдыхѣ и снѣ въ теченіе 2-хъ—3-хъ недѣль и помину нѣтъ. Если же ко всему этому прибавить вполнѣ вѣроятную возможность для ученика городского училища заразиться въ школѣ во время эпидемическихъ болѣзней (дифтеритъ, корь, скарлатина и жаба въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ не прекращаются въ теченіе цѣлаго года: мой сынъ въ теченіе 3-хъ лѣтняго пребыванія въ городскомъ училищѣ приносилъ оттуда дифтеритъ и корь, а дочь — изъ прогимназіи—дифтеритъ) —и остаться со слѣдами болѣзни иногда на цѣлую жизнь,—то получится очень близкая къ дѣйствительности картина физическаго воспитанія ученика городского училища. Не естественно-ли, послѣ этого, видѣть въ школѣ—не здоровыхъ, бодрыхъ, жизнерадостныхъ дѣтей, а блѣдные, худые, утомленные полутрупы со всѣми признаками непосильности труда и скудости питанія!

Перейду теперь къ умственному и нравственному воспитанію.

Развитіе духовныхъ способностей ученика городского училища находится врядъ-ли въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ его физическое воспитаніе: множество учебныхъ предметовъ, сравнительно большими программами, вынуждаютъ, какъ мы видѣли, ученика много работать умственно и въ классѣ, и дома, хотя необходимость домашнихъ самостоятельныхъ работъ, какъ будто бы и устраняется системою получасовыхъ уроковъ. Но это только въ теоріи, въ жизни же мы видимъ противное: программы нѣкоторыхъ предметовъ настолько обширны, что при томъ маломъ количествѣ недѣльныхъ уроковъ, какое дается на прохожденіе курса, врядъ ли возможно обойтись безъ самостоятельныхъ домашнихъ занятій. Возьмите, напримѣръ, исторію съ географіей—развѣ возможно въ 64 получасовыхъ урока съ учителемъ—проработать съ учениками всю ту массу матеріала, который требуется ихъ программами и, настолько основательно, чтобы домашнее и притомъ усидчивое ихъ повтореніе сдѣлалось излишнимъ. Едвали. Вѣдь, хотя въ «объяснительной запискѣ» къ программѣ исторіи для городскихъ училищъ и говорится, что—«какъ количество времени, удѣляемое въ городскихъ училищахъ преподаванію исторіи и степень развитія учащихся, и характеръ курса исторіи въ этихъ училищахъ, и наконецъ, цѣль элементарнаго курса исторіи, всѣ эти условія указываютъ на необходимость сокращенія курса исторіи въ объемѣ, т. е. ограниченіе его лишь наиболѣе выдающимися и доступными дѣтскому возрасту разсказами о главныхъ дѣятеляхъ и явленіяхъ преимущественно изъ отечественной исторіи»,—но взгляните въ самую программу:—въ ней для 5-го и 6-го отдѣленій городскихъ училищъ обозначено на каждое болѣе 100 отдѣльныхъ, довольно объемистыхъ историческихъ разсказовъ, съ немалымъ количествомъ собственныхъ именъ, годовъ и мелкихъ событій. Выходитъ, что на каждый получасъ (на практикѣ меньше 25 минутъ) приходится разсказать ученикамъ не менѣе двухъ исторій, провѣрить, усвоено ли учениками разсказанное и, кромѣ того, удостовѣриться, знаютъ ли

Digitized by Google

они прошлый урокъ. А вѣдь нѣкоторыя изъ исторій, какъ напримѣръ—«крестовые походы», «Арабы и Магометъ», «изобрѣтенія и морскія открытія» и многія другія занимаютъ каждая по нѣсколько страницъ! Или—возьмите географію: при одномъ недѣльномъ и 32 годовыхъ получасовыхъ урокахъ, въ 4-мъ отдѣленіи полагается пройти полный курсъ русской географіи. При всемъ этомъ, нельзя не принять во вниманіе, что и безъ того небольшое количество класснаго учебнаго времени для нѣкоторыхъ предметовъ сокращается еще праздниками, временемъ, уходящимъ на періодическое повтореніе пройденнаго и на задаваніе самостоятельныхъ работъ, болѣзнью учителя и другими непредвидѣнными обстоятельствами, самые же самостоятельные (безъ учителя) получасы, которыми возможно пользоваться для приготовленія учениками уроковъ на слѣдующій день, на практикѣ сокращаются на половину, такъ какъ—на самостоятельную работу ученикамъ въ 1-й получасъ не задается обыкновенно—и совершенно правильно—матеріалъ, еще не проработанный съ учениками,—волею-неволею количество работы на домашнее время увеличится...

Выходитъ, что ученикъ городского училища занимается въ сутки не менѣе 8—10 час. умственнымъ и притомъ не легкимъ и занимательнымъ, а тяжелымъ и скучнымъ трудомъ! И замѣтьте, по стольку занимаются не только 15—16-лѣтніе подростки шестого отдѣленія, но и десятилѣтніе мальчуганы 3 отдѣленія и у нихъ проходится: *Законъ Божій* (довольно подробно ветхій Завѣтъ), *русскій языкъ* (этимологія и церковно-славянское склоненіе и спряженіе въ правильныхъ формахъ), *ариѳметика* (дѣйствія съ именованными и отвлеченными числами), *геометрія* (знакомство съ основными геометрическими понятіями на разсмотрѣніи геометрическихъ тѣлъ), *исторія* (русская), *географія* (выясненіе географическихъ понятій изъ разсмотрѣнія своей губерніи), *естествовѣдѣніе* (довольно объемистый курсъ зоологіи, ботаники и минералогіи)—для чего назначается 24 урока въ недѣлю, кромѣ того 2 урока (а въ нашемъ училищѣ даже 4) гимнастики и пѣнія и 1 урокъ объясненія Евангелія, а всего слѣдовательно 27—29 уроковъ въ недѣлю, т. е. не менѣе 5—6 часовъ классныхъ занятій! И это наваливается на ученика послѣ 2—3 часовыхъ занятій въ классѣ предыдущаго, второго года (2-го отдѣленія) съ тремя всего предметами: чтеніемъ и письмомъ, Закономъ Божіимъ и ариѳметикой. Развѣ это не громадный и не вредный въ развитіи умственныхъ способностей скачекъ? Но кромѣ классныхъ занятій, съ 3-го отдѣленія начинаются и домашнія работы, и 10 лѣтнимъ мальчуганамъ 3 отдѣленія задаются и письменные, и устные уроки на домъ. А между тѣмъ, что легко и исполнимо для 15—16 лѣтняго подростка, то можетъ быть непосильнымъ для 10 лѣтняго и, если объ ученикѣ 6 отдѣленія можно сказать, что онъ, пробывши въ школѣ 5—6 лѣтъ, привыкъ къ 6 часовымъ занятіямъ въ классѣ и 3—4 часовымъ домашнимъ и втянулся въ свой тяжелый трудъ, то совсѣмъ нельзя того же ска-

Digitized by Google

зать о 10 лѣтнихъ мальчуганахъ, еще не успѣвшихъ забыть свои дѣтскія игры, шумъ и бѣготню... Естественно ли такое, напримѣръ, явленіе: просидѣвъ въ училищѣ 5 часовъ сряду и утомившись до того, что еле плетешься, я прихожу домой почти въ 2 часа, а 10 лѣтній сынъ мой, ученикъ 3 отдѣленія, приходитъ почти въ 3 часа, т. е. позже меня на цѣлый часъ и только 2 раза въ недѣлю приходитъ вмѣстѣ со мною. Нормально ли это? Вѣдь, десятилѣтній мальчикъ—совсѣмъ еще ребенокъ, для котораго только одно лишеніе движенія и необходимость просиживать цѣлые часы—уже есть тяжелое наказаніе!.. Но и съ этимъ можно было бы помириться, еслибы съ приходомъ его домой кончались бы и его ученыя занятія, но ничуть не бывало; въ 7 часовъ вечера онъ опять садится за работу и рѣдко-рѣдко кончаетъ ее раньше 10 часовъ! и это при благопріятныхъ условіяхъ, въ какомъ находятся ученики нашего училища: у насъ введена предметная система преподаванія и получасовые уроки замѣнены часовыми. Слѣдовательно, у насъ вмѣсто 3-хъ получасовыхъ уроковъ, хотя бы естествовѣдѣнія, бываетъ три урока часовыхъ съ учителемъ, а это даетъ возможность послѣднему проработать съ учениками матеріалъ, назначенный къ слѣдующему уроку гораздо основательнѣе, а ученикамъ—приготовить урокъ съ наименьшею затратою силъ и времени. Что же можно сказать о домашнихъ занятіяхъ учениковъ громаднаго большинства училищъ, гдѣ ведутся получасовые уроки? Въ состояніи ли, напримѣръ, ученикъ такого училища скоро приготовить хотя бы слѣдующіе уроки, заданные 3 отдѣленію нашего училища на завтра (6 марта):

По Закону Божію: «Навуходоносоръ видитъ во снѣ огромный истуканъ, Ананія и Михаила въ пещи огненной, Навуходоносоръ видитъ во снѣ огромное дерево, наказаніе его за гордость и другіе грѣхи, Валтассаръ и паденіе царства Вавилонскаго». (И это по малопонятной и совсѣмъ не дѣтской «Свящ. исторіи вет. завѣта. Пр. Н. Попова).

по исторіи: «Бородино, совѣтъ въ Филяхъ»—до исторіи «Народной войны». (Ист. Рождественскаго для нар. школъ).

по русскому языку: повторить: «особенности склоненія и правописанія именъ числительныхъ и мѣстоименій». (Этимологія Кирпичникова).

по ариѳметикѣ: рѣшить и переписать въ бѣловую тетрадь задачи №№ 1005 и 1006 (задачникъ Евтушевскаго).

Нѣтъ сомнѣнія, что домашнее повтореніе этихъ уроковъ, хотя бы и проработанныхъ въ классѣ, займетъ не менѣе 2—3 часовъ времени.

Въ суммѣ же домашняя и классная работа составятъ довольно большой и, что всего главнѣе, несвойственный дѣтскому возрасту

Digitized by Google

умственный трудъ, а такой трудъ чрезмѣрно утомляетъ умъ и пагубно отражается на умственномъ и нравственномъ развитіи учениковъ: непосильный трудъ часто развиваетъ поверхностное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, желаніе какъ нибудь свалить данную работу; но съ другой стороны, и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу нерѣдко является причиною переутомленія, а послѣднее влечетъ за собою равнодушіе, вялость или же болѣзненную нервность. Современная система экзаменовъ дополняетъ, или лучше сказать, доканчиваетъ начатое въ году; ученику, дошедшему къ концу года до послѣдней степени утомленія, даютъ въ заключеніе такую работу, которая требуетъ отъ него прямо-таки нечеловѣческихъ усилій ума и заставляетъ его нравственно страдать и волноваться въ теченіе 3-хъ и больше недѣль; поэтому то всегдашними спутниками экзаменовъ бываютъ головныя боли, слезы, обмороки, болѣзненная нервность и пр.

И, какъ нарочно, такой непосильный умственный трудъ пріуроченъ къ такому времени года, когда не только дѣти, но и старики стремятся на воздухъ, когда и обыкновенный умственный трудъ дѣлается невыносимымъ даже и для взрослаго, такъ или иначе привыкшаго къ нему. Никогда я не забуду тѣ чувства, какія возбуждало во мнѣ всякое напоминаніе объ экзаменахъ. Я учился хорошо и бояться экзаменовъ мнѣ не было никакихъ основаній, что я и понималъ тогда, но тѣмъ не менѣе мысли о нихъ являлись обыкновенно еще задолго и не разъ отравляли самые веселые и пріятные часы дѣтской жизни; о времени же самихъ экзаменовъ и говорить нечего. Тогда, какъ нарочно, все дѣлалось, да и теперь дѣлается, такъ, чтобы устрашить, взволновать, подвинтить и такъ уже неспокойную и измученную душу ученика: особо торжественныя молитвы и объявленія, столы съ краснымъ или синимъ сукномъ съ серебряными кистями, принесенныя по случаю экзаменовъ изъ смотрительской или инспекторской квартиры кресла, таинственные билеты на столахъ, ассистенты, «хранящіе молчаніе въ своемъ олимпійскомъ величіи», взволнованные и суетящіеся экзаменаторы, почетные гости духовнаго и не духовнаго званія,—все это не можетъ не сильно вліять на бѣднаго ученика. И вотъ онъ, въ угнетенномъ состояніи духа, съ боязнью за свою судьбу выжидаетъ съ замираніемъ сердца, пока его позовутъ къ страшному столу. Во время такихъ тяжелыхъ ожиданій предъ глазами его совершается какая то глупая игра судьбы: благодаря случайно взятому «хорошему» билету «выѣзжаетъ» малознающій, плохой ученикъ и, благодаря той же случайности, «срѣзывается» хорошій ученикъ, взявшій именно тотъ билетъ, который онъ зналъ «хуже всего». Развѣ это хорошо вліяетъ на молодую, впечатлительную душу дѣтей? Не порождаетъ ли это въ тайникѣ души ребенка сомнѣнія въ высшей справедливости? Вѣры въ какое-то слѣпое счастье, а не въ честный добросовѣстный трудъ? Не порождаетъ ли это злобу, за-

Digitized by Google

висть, разочарованіе?.. А развѣ желательно поддерживать и развивать въ дѣтяхъ эти чувства?

Но есть и еще одно, и едва ли не самое важное изъ всѣхъ ранѣе указанныхъ условій, вредно отзывающихся на умственномъ и нравственномъ развитіи питомцевъ город. училищъ, условіе это—*ненормальность* положенія учителя-воспитателя. Часто говорятъ: «каковъ учитель — таковы ученики», и это глубоко справедливо: отъ учителя зависитъ все: и успѣхъ занятій, и нравственность учениковъ,—учитель истинная душа школы, онъ идеалъ учениковъ! Но есть два могучихъ условія въ жизни учителя городского училища, которыя неодолимо препятствуютъ ему всегда благотворно вліять на умъ и душу ученика,—одно—*непосильность труда* учителя, а другое—его *матеріальная необезпеченность*. Эти условія настолько могучи и сильны, что являются иногда и роковыми въ жизни учителя, способными измѣнить и весь его нравственный строй, вплоть даже до «сжиганія того, чему поклонялся»...

«Господа, что вы Бога гнѣвите! Ну, какой вашъ трудъ: работаете только 7—8 мѣсяцевъ, а остальное отдыхаете? Этакій трудъ хоть бы всякому!» нерѣдко приходится слышать отъ обремененнаго почтоваго, казначейскаго чиновника. Но есть древняя и хорошая поговорка: «въ чужихъ рукахъ всегда пирогъ мягокъ»...

Поднявшись въ 8 часовъ утра и наскоро напившись чаю, учитель спѣшитъ въ училище, гдѣ онъ, если онъ дежурнымъ (а дежуннымъ бываетъ два раза въ недѣлю) прежде всего совершаетъ молитву, продолжающуюся четверть часа, а затѣмъ идетъ на уроки. Здѣсь онъ почти безъ перерыва, въ нѣсколько подвинченномъ и напряженномъ состояніи, работаетъ съ учениками въ теченіе 5, а если остается съ «безобѣдниками», то 6 часовъ. Меньше онъ работать не можетъ, такъ какъ въ теченіе недѣли онъ обязанъ дать не менѣе 21—22 уроковъ. Пятичасовой, или шестичасовой, хотя бы и умственный трудъ, не великій трудъ, конечно, а между тѣмъ, проработавши въ спертомъ, переполненномъ углекислотою, пылью и органическими испареніями воздухѣ, съ 50—60 учениками эти пять-шесть часовъ добросовѣстно, съ желаніемъ *научить* и *наставить*,—учитель чувствуетъ себя до того утомленнымъ и разбитымъ физически и нравственно, что, безъ преувеличенія можно сказать, по окончаніи уроковъ усталый съ землистымъ цвѣтомъ лица еле плетется домой. Но и здѣсь не успѣетъ онъ пообѣдать и отдохнуть полчаса, какъ является репетируемый имъ ученикъ, въ большинствѣ «тупица», съ которымъ, въ силу полнѣйшей необходимости, за 10—12 руб. въ мѣсяцъ онъ, усталый, разбитый садится заниматься и добиваетъ свою нервную энергію еще двумятремя часами работы,.. Такъ почти въ непрерывномъ умственномъ трудѣ время проходитъ до чая. Послѣ же чая работа опять готова: на столѣ лежитъ цѣлый ворохъ тетрадей, которыя необходимо поправить къ слѣдующему дню; безъ этой работы

Digitized by Google

при системѣ получасовыхъ уроковъ съ самостоятельными работами учениковъ въ классѣ обходится рѣдкій день; а тамъ надъ головою виситъ необходимость хоть немного приготовиться къ завтрашнимъ урокамъ... Часа 2—3 займетъ поправка тетрадей и подготовка къ уроку... Но надо же учителю просмотрѣть газету, журналъ какой-нибудь, а то, вѣдь, оторвешься, отстанешь отъ всего остального міра, одичаешь и забудешь, гдѣ живешь... нельзя также оставаться учителю равнодушнымъ и къ движенію родного, близкаго ему дѣла—науки воспитанія и обученія и довольствоваться тѣми скудными знаніями, какія даетъ учительскій институтъ, нельзя потому, что «кто не движется впередъ—движется назадъ»; а это въ такомъ живомъ дѣлѣ едвали хорошо... Вотъ и опять умственный трудъ, и такъ ежедневно до 11 часовъ, когда душа и тѣло совершенно утомлены. Вотъ каковъ трудъ учителя! Посиленъ-ли онъ въ обыкновенное учебное, т.-е. именно то время, когда учитель, имѣя постоянное общеніе съ учениками, оказываетъ на нихъ громадное вліяніе? Конечно, нѣтъ. А вотъ въ какомъ положеніи находится учитель со стороны матеріальной обезпеченности. За разными вычетами онъ получаетъ 600 руб. жалованья въ годъ и, не смотря на то, что живетъ въ большинствѣ случаевъ въ уѣздныхъ, иногда очень захолустныхъ, городахъ, гдѣ цѣны на все не такъ высоки, какъ въ городахъ бойкихъ, губернскихъ,—онъ все-таки не въ состояніи удовлетворить получаемымъ жалованьемъ самыхъ скромныхъ, самыхъ необходимыхъ и законныхъ жизненныхъ потребностей. Его, напримѣръ, учили и онъ самъ учитъ, преподавая естествовѣдѣніе, что первое условіе для здоровья—теплая, свѣтлая. сухая и просторная квартира и свѣжій и чистый въ ней воздухъ. Зная хорошо все это и нуждаясь во всемъ этомъ предпочтительно предъ другими, какъ человѣкъ, принужденный полдня проводить въ училищѣ съ его вреднымъ воздухомъ,—онъ, тѣмъ не менѣе, лишенъ этого необходимаго условія жизни и здоровья трудового человѣка, такъ какъ хорошая, сухая, просторная квартира съ отопленіемъ даже и въ захолустномъ городѣ стоитъ никакъ не менѣе 250 руб., т.-е. почти половину получаемаго имъ жалованья, а такую сумму расходовать учителю на квартиру ни въ какомъ случаѣ не возможно: ему на квартиру выдается 75 руб.; эту сумму онъ, собственно говоря, и можетъ расходовать, за эти же деньги нельзя имѣть даже сносную квартиру. Вторымъ условіемъ здоровья человѣка, живущаго умственнымъ трудомъ, является здоровая и питательная пища, затѣмъ идетъ теплая и приличная званію одежда, но чтобы не вдаваться въ долгія сужденія о каждомъ изъ многочисленныхъ условій сносной жизни, приведу здѣсь для интересующихся примѣрный годовой расходъ женатаго учителя съ тремя дѣтьми:

Digitized by Google

Квартира съ отопленіемъ (100+50	150	р.	— к.
Освѣщеніе	7	»	20 »
Вода	10	»	— »
Прислуга	30	»	— »
Хлѣбъ бѣлый и ржаной	60	»	— »
Чай (10 ф. г.) и сахаръ сах. песокъ (18 ф. мѣс.)	51	»	68 »
Говядины (4 ф. день) 100 р. и рыба 10 р.	110	»	— »
Овощи: капуста, картоф., огурцы, лукъ и пр.	15	»	— »
Соль	1	»	— »
Масло коров. (4 ф. мѣс.) 12 руб., постн. 4 р.	16	»	— »
Яйца (360 въ годъ и 150 къ пасхѣ)	7	»	— »
Молоко, сметана, творогъ	54	»	— »
Мука пшенич. въ годъ (съ куличами)	5	»	20 »
Мука гречневая (20 ф.)	1	»	— »
Карица, гвоздика, изюмъ, миндаль, черносливъ	3	»	— »
Масло дерев. (½ ф. мѣс.)	1	»	80 »
Свѣчи восков. церковь и говѣнье	5	»	— »
Уголья, вѣники	6	»	50 »
Мыло личное и для бѣлья	8	»	64 »
Баня (2 раза въ мѣс.)	7	»	20 »
Самоваръ полудить	1	»	— »
Чайникъ (40 к. на 4 года)	—	»	10 »
Дюжину стакановъ	1	»	25 »
» блюдцевъ	1	»	25 »
3 чашки съ блюдцами дѣтямъ	—	»	45 »
1 чашку съ блюдцемъ	—	»	15 »
Дюжину тарелокъ	1	»	20 »
Кухонная посуда	1	»	— »
Щетка половая (на два года)	—	»	50 »
Стеколъ на лампу	—	»	50 »
Починка кадокъ	1	»	— »
Яблоки, груши, арбузы, дыни и пр.	5	»	— »
Лѣкарства (необходим. въ домашн. быту)	1	»	— »
Дюж. ножей, вил на 10 лѣтъ	—	»	60 »
Непредвидѣнныя расходы	15	»	— »
Одежда учителю: приличная пара и домашн. на 1 г.	13	»	33 »
Вицмундиръ съ жилетомъ (25 руб. на 5 лѣтъ)	5	»	— »
Ботинки съ калошами (8 руб. 50 к.) ботинки зимн. на 2 г.	11	»	— »
Бѣлье	12	р.	20 к.
Пальто: лѣтнее 20 руб. на 3 года и зимн. съ вор. 35 р. на 4 года	15	р.	42 к.
Фуражка лѣтняя и зимняя на 2 года	2	»	50 »
Женѣ: 2 платья ситц., 2 шерст. и 1 бумазейн.	12	»	— »
Ботинки съ калошами	8	»	— »
Бѣлье	4	»	40 »
2 платка (тепл. 6 руб. на 3 года и легкій 3 руб. на 3 г.)	3	»	— »
2 шляпки (лѣтн. и зимн. 9 руб. на 2 г.)	4	»	50 »
2 пальто лѣт. 10 руб. на 3 года, осеннее 15 р. на 3 года	8	»	33 »
Шуба (25 р. на 5 лѣтъ)	5	»	— »
Сыну: 2 пары зимнихъ	3	»	75 »
2 пары лѣтнихъ	2	»	50 »
2 пары сапогъ	7	»	— »
Бѣлье	5	»	45 »
Теплая поддевка (5 руб. 2 года)	2	»	50 »
2 фуражки (лѣт. и зимн.)	1	»	50 »
Дочерямъ: 6 платьевъ лѣтн. и 4 зимн.	6	»	80 »
Башмаки (по 3 пары)	7	»	50 »
Бѣлье	5	»	60 »
2 пальто (зимн. на 2 г.)	4	»	— »
2 платка (по 1 р. 50 к. на 3 года)	1	»	— »
2 платка лѣтнихъ	1	»	— »
Столовое бѣлье: 4 скатерти (6 р. на 8 лѣтъ)	—	»	75 »
12 салфетокъ (3 р. 60 к. на 6 лѣтъ)	—	»	60 »
30 полотенецъ личныхъ, чайн. и посуд. на 5 л.	2	»	52 »
Постел. бѣлье: наволочки и простыни и дѣтямъ на 6 л.	4	»	93 »
5 одѣялъ лѣтн. на 4 г.	2	»	87 »
5 одѣялъ зимн. на 5 л.	4	»	50 »
Проч. бѣлье: 1 дюжина платковъ носовыхъ	2	»	— »
2 платья въ годъ: прислугѣ (подарки)	3	»	20 »
2 зонтика (муж. и дам. на 4 г.)	1	»	25 »
Иголки, нитки, булавки, тесьма, резин. пугов.	3	»	— »
Бумага, чернила, перья, каранд., марки и пр.	3	»	— »
А всего	762	р.	72 к.

Digitized by Google

Изъ этого видно, что по самому дѣйствительно скромному расчету обыкновенный неотложный житейскій расходъ превыситъ приходъ на 162 руб. 72 к. Отказать учителю въ чемъ либо изъ перечисленнаго такъ же невозможно, какъ невозможно отказать ему въ воздухѣ: все это—расходъ на насущный хлѣбъ. Если же принять во вниманіе, что въ число расходовъ мною не включены, не говоря уже о табакѣ, который иногда дѣлается полною необходимостью, вслѣдствіе привычки, водкѣ, винѣ и пр.—расходы, напримѣръ, на праздники, именины, гостей, на учебники и тетради дѣтямъ, на лѣченіе и другіе предметы, являющіеся иногда неизбѣжными, то перерасходъ значительно возрастетъ и превыситъ 200 руб., и это при 3-хъ дѣтяхъ, а если ихъ есть 5—6? Откуда брать эти 200 р.? жить скромно? Но вѣдь я рѣшительно ничего лишняго не писалъ, я сократилъ желанія учителя до невозможности, я ставилъ только то, что необходимо ему, чтобы жить по-человѣчески, я отказалъ ему въ самомъ невинномъ удовольствіи—побывать два-три раза въ театрѣ, проѣхаться куда-либо на каникулахъ, да и вообще я отказалъ ему и семьѣ его во всякихъ удовольствіяхъ, но, какъ видите, и въ такомъ случаѣ у него не достанетъ около 200 руб.! и вотъ естественно, чтобы хоть какъ нибудь свести концы съ концами, учителю необходимо имѣть уроки... А уроки въ уѣздномъ городѣ, это нѣчто совсѣмъ непохожее на уроки! Для характеристики приведу слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто съ однимъ изъ моихъ товарищей: родитель одного изъ учениковъ,—человѣкъ очень богатый, обращается къ учителю съ просьбою приготовить его сына въ 5-е отдѣленіе. Срокъ назначается по нѣкоторымъ соображеніямъ 3-хъ мѣсячный. Учитель назначаетъ 15 руб. Когда черезъ три мѣсяца ученикъ сдалъ экзаменъ и возникъ вопросъ о гонорарѣ, то возникло недоразумѣніе: родитель думалъ, что учитель назначалъ 15 руб. за все время, т. е. за 3 мѣсяца! Вотъ каковы уроки въ уѣздныхъ городахъ! И вотъ такихъ то уроковъ учителю приходится искать самому, неся иногда чрезвычайно крупныя непріятности, иначе онъ и не сведетъ концы съ концами...

Передо мною два очень рельефныхъ факта изъ самаго послѣдняго времени, какъ нельзя лучше иллюстрирующихъ сказанное о ненормальности положенія учителя городского училища со стороны труда и обезпеченности.

13 февраля 1897 года умеръ отъ бугорчатки легкихъ учитель нашего училища М. Н. Ш., оставивъ безъ крова и средствъ жену, сына, мать и сестру. На похороны дѣлалась по городу подписка... Сынъ бѣдной мѣщанской семьи, онъ рано окончилъ курсъ въ городскомъ училищѣ и самъ пробился въ учительскій институтъ. Здѣсь онъ учился хорошо, въ 20 лѣтъ окончилъ съ золотою медалью. Тотчасъ же по окончаніи курса былъ назначенъ въ наше училище и пріѣхалъ на мѣсто уже женатымъ. Съ самаго начала повелъ онъ тихую, скромную, уединенную жизнь, проводя время въ училищѣ—среди дѣтей и дома—

Digitized by Google

въ семьѣ. Будучи въ душѣ педагогомъ съ искрою Божіей, онъ съ перваго же раза какъ-то пылко, какъ-то неразсчетливо бросился въ дѣло и отдался ему, насколько было возможно. Эта пылкость и безразсчетность, въ связи съ расшатаннымъ здоровьемъ еще въ ученическіе годы—сначала въ городскомъ училищѣ, а затѣмъ въ институтѣ,—при неблагопріятной обстановкѣ труда учителя,—имѣли слѣдствіемъ именно тотъ исходъ, котораго, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, и нужно было ожидать: ежедневный тяжелый трудъ, скудное вознагражденіе, необходимость даже отказывать себѣ въ лѣченіи (онъ все ожидалъ «пособія», чтобы тогда позвать къ себѣ доктора... это фактъ), постоянная забота о завтрашнемъ днѣ съ его неумолимымъ вопросомъ: «ну, а сегодня все-ли есть?», довели его до полной потери здоровья: онъ началъ часто хворать; силы его замѣтно на нашихъ глазахъ стали падать. Съ ноября 1896 г. началось повышеніе температуры: каждый вечеръ она поднималась до 39° Ц., а ночью не давали ему спать приступы мучительнаго кашля. Но, несмотря на это, онъ школу не оставлялъ и только въ концѣ декабря 1896 г., по настоятельной просьбѣ товарищей, онъ прекратилъ свои посѣщенія. До самой смерти онъ мечталъ о своей дѣятельности, когда поправится здоровьемъ. Тяжело было провожать безвременно угасшаго хорошаго товарища и честнаго труженика... ему было всего 22 года!..—Едва успѣли мы похоронить Ш., какъ получаю письмо (26 февраля) отъ товарища: «долгъ товарищества,—пишетъ онъ,—налагаетъ на меня нравственную обязанность извѣстить васъ о смерти общаго нашего товарища по институту И. П. Р., который скончался 10 февраля отъ хроническаго воспаленія легкихъ, осложнившагося инфлуэнціей. Послѣ покойнаго осталась вдова съ пятью малолѣтними дѣтьми безъ всякихъ средствъ. Покойный умеръ состоя на службѣ и не успѣлъ подать въ отставку; на полученіе пенсіи вдовѣ съ сиротами разсчитывать трудно» (а онъ прослужилъ 16 лѣтъ!). «Мы сослуживцы и знакомые на первое время оказали вдовѣ съ сиротами посильную помощь, но эта помощь въ сравненіи съ большими предстоящими расходами недостаточна, поэтому я, во имя долга товарищества и исполняя просьбу сиротъ, обращаюсь къ вамъ съ усердною просьбой — помогите и вы сиротамъ, чѣмъ можете: «съ насъ по ниткѣ, а имъ рубаха»... Въ письмѣ отъ 13 марта то же лицо пишетъ: «положеніе сиротъ въ настоящее время поистинѣ невыносимо тяжелое: лишившись отца, они остались безъ крова и средствъ къ существованію. Къ довершенію горя, мать во время болѣзни отца сильно простудилась и вотъ уже 3-я недѣля идетъ, какъ она слегла въ постель въ темной убогой квартирѣ, окруженная кучею ребятишекъ одинъ другого меньше»... Болѣзнь, повидимому, очень опасная: больная ощущаетъ сильную боль въ груди и кашляетъ съ кровью... Сохрани и помилуй Богъ, если болѣзнь обострится и сведетъ больную въ могилу»...

Digitized by Google

Энергія, бодрость и жизнерадостность—живитъ занятія, придаетъ имъ смыслъ, возбуждаетъ интересъ у учениковъ. Но возможно ли бодрое настроеніе духа при той непосильности труда, который взваленъ на учителя въ учебное время, т. е. самое нужное, самое критическое время? Возможна ли ровность духа и жизнерадостность, если учитель, вслѣдствіе своей необезпеченности, зависимъ и если онъ не въ состояніи удовлетворить самымъ законнымъ своимъ потребностямъ и хоть какъ нибудь обезпечить будущее семьи? Нѣтъ: непосильный трудъ, забота о сведеніи концовъ съ концами, отыскиваніе насущнаго хлѣба, неимѣніе и нужда въ самомъ необходимомъ и отсутствіе средствъ къ удовлетворенію этой нужды, назойливая мысль, что надломленное здоровье во всякое время можетъ измѣнить, а семья останется безъ средствъ ничѣмъ необезпеченная («на полученіе пенсіи вдовѣ съ сиротами разсчитывать трудно», пишетъ о Р. товарищъ, а вѣдь Р. прослужилъ 16 лѣтъ, получилъ хроническій катарръ легкихъ на службѣ!) — все это слишкомъ всесильные жизненные вопросы, чтобы не отражаться совсѣмъ въ нежелательномъ смыслѣ на душѣ и состояніи учителя, чтобы не отвлекать его отъ того дѣла, которое ему вручено государствомъ. И въ классѣ, и дома, и въ гостяхъ, и въ дорогѣ, вездѣ преслѣдуютъ его эти мелочные житейскіе вопросы,—какое же тутъ можетъ быть жизнерадостное настроеніе? И кто въ состояніи при такихъ условіяхъ отдаться труду, хотя бы и любимому, всецѣло, съ свѣтлымъ взглядомъ въ будущее, съ бодрымъ настроеніемъ и надеждами на плодотворность труда! Не скорѣе ли и вѣроятнѣе, что энергичный, любящій свое дѣло учитель, съ теченіемъ времени подъ давленіемъ всѣхъ этихъ обязательствъ, устанетъ, изнеможетъ и—одно изъ двухъ: или,—разстроивъ свое здоровье, умретъ отъ «бугорчатки легкихъ» или «хроническаго воспаленія легкихъ», или—превратившись въ чиновника—формалиста, въ «евангельскаго наемника», считающаго прежде любимое и дорогое дѣло «тяжелымъ бременемъ», «обузой», станетъ равнодушно «отбывать свою повинность»: ходить въ училище, сидѣть на урокахъ, заниматься съ учениками, засѣдать въ совѣтахъ—и все это безучастно, какъ заведенная машина...

Какое воспитательное вліяніе на учениковъ будутъ имѣть тотъ и другой типъ учителя? Самое нежелательное, самое плачевное. И въ самомъ дѣлѣ, благотворно ли будетъ на учениковъ вліяніе Ш:, этого страстнаго, увлекающагося юноши, носящаго въ душѣ своей высокій идеалъ учителя, если жизнь его и самъ онъ полонъ тяжелыми мыслями о разстроенномъ здоровьи и пособіи, какъ единственномъ средствѣ возстановить его? или вліяніе Р., этого талантливаго учителя, но съ хроническимъ воспаленіемъ легкихъ, съ жалованьемъ, котораго не хватаетъ на хлѣбъ насущный, съ пятью малолѣтними дѣтьми и мыслью оставить семью безъ всякихъ средствъ! Но если не благотворно воспитательное значеніе этихъ симпатичныхъ наставниковъ, то вліяніе на учени-

Digitized by Google

ковъ учителя второго типа, учителя-наемника, безучастнаго и къ школѣ, и къ ученику, и къ своему дѣлу,—прямо-таки деморализующе! Такого учителя, по настоящему, и пускать въ школу нельзя: до того вредно, до того пагубно его вліяніе на умственное и нравственное развитіе учениковъ. А между тѣмъ, при томъ положеніи, въ какое въ настоящее время поставленъ учитель гор. училища со стороны труда и обезпеченности, оно неизбѣжно, а потому неизбѣжно и ихъ вредное воспитательное вліяніе на ученика городского училища. И все это всею тяжестью обрушивается на ученика! Все это онъ выноситъ на своемъ здоровьи и душевномъ состояніи! Коверкая его дѣтскій возрастъ, отравляя ему самую счастливую пору жизни, эти ненормальности школы роковымъ образомъ вліяютъ и на всю послѣдующую жизнь, дѣлая изъ ребенка часто болѣзненнаго, нервнаго, слабаго душою и тѣломъ и поверхностнаго человѣка, съ отсутствіемъ интереса къ наукѣ и знанію и неимѣніемъ въ душѣ путеводнаго идеала.

Вотъ каково положеніе ученика и учителя городского училища! Положеніе, глубоко печальное и заслуживающее самаго серьезнаго, самаго глубокаго вниманія общества, какъ одна изъ самыхъ коренныхъ ненормальностей въ постановкѣ воспитанія и обученія нашихъ дѣтей и въ низшей, и въ средней школѣ.

А. Синдѣевъ.

Digitized by Google

Политическая доктрина пессимизма *).

(Опытъ характеристики политическаго ученія Макіавелли).

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, грусть, переходящая въ уныніе, и сомнѣніе, граничащее съ отчаяніемъ, неразлучно сопровождаютъ человѣка на его жизненномъ пути. Мечты о золотомъ вѣкѣ, въ которомъ люди наслаждались когда-то полнымъ довольствомъ и гармоническимъ согласіемъ съ собою, оказываются въ дѣйствительности только мечтами; и человѣческая исторія началась скорѣе желѣзнымъ вѣкомъ, тягостныя условія котораго увеличивались неувѣренностью первыхъ исканій и безпомощностью первыхъ усилій. Сомнѣнія Гамлета и стоны Манфреда вырывались изъ человѣческой груди съ тѣхъ самыхъ поръ, когда человѣкъ вступилъ въ міръ съ своимъ высокимъ призваніемъ—«мыслить и страдать».

Когда отчаяніе проникаетъ въ человѣческую душу, обыкновенно все мертвѣетъ вокругъ: природа утрачиваетъ свою прелесть, люди кажутся неинтересными и ненужными, жизнь становится безцѣльной и пустой.

Was ist innen, das ist draussen.

Внутренняя гармонія утрачена, и внѣшній міръ представляется лишеннымъ смысла и порядка. Человѣкъ приходитъ къ тому состоянію, когда онъ, какъ Манфредъ, чувствуетъ:

.....Good, or evil, life
Powers, passions, all I see in other beings,
Have been to me as rain unto the sands,
Since that all-nameless hour. I have no dread,
And feel the curse to have no natural fear,
Nor fluttering throb, that beats with hopes or wishes,
Or lurking love of something on the earth.
(Byron, Manfred).

.....Добро и зло,
Власть, страсти, жизнь, все, что въ другихъ я вижу,
Все было для меня, какъ дождь въ пустынѣ
До этихъ поръ. Не вѣдалъ страха я,
Въ моей груди не трепетало сердце,
Желаній и надеждъ оно не знаетъ,
Нѣтъ ничего на всей землѣ обширной,
Къ чему любовь меня бы приковала.
(Переводъ г. Янъ-Рубана. Москва 1898).

*) Публичная лекція, читанная въ Твери 11 декабря 1897 года.

Digitized by Google

Пессимизмъ и отчаяніе, развивая въ человѣкѣ надежды и желанія, стремленія и порывы, приводятъ его къ апатіи и бездѣйствію. Бѣгство изъ міра, забвеніе Нирваны, вотъ послѣдовательный выходъ и конечный идеалъ пессимистическаго настроенія. Но если такъ, то какая же можетъ быть политика у пессимизма, какой планъ дѣятельности у философіи бездѣйствія?

Если бы всѣ пессимисты оставались послѣдовательными и могли всецѣло отрѣшиться отъ міра и его задачъ, намъ, конечно, не приходилось бы говорить о политической доктринѣ пессимизма. Однако, очень часто случается, что непосредственная воля къ жизни, какъ называлъ это Шопенгауэръ, беретъ верхъ надъ самыми мрачными выводами: хочется остаться въ этомъ мірѣ, какъ бы ни былъ онъ дуренъ, хочется дѣйствовать среди людей, какъ бы ни были они несовершенны. И если подобная дѣятельность не является однимъ естественнымъ истеченіемъ природной потребности, если она отражаетъ на себѣ въ томъ или другомъ видѣ основныя воззрѣнія пессимизма и пріобрѣтаетъ извѣстный теоретическій отпечатокъ, тогда мы получаемъ возможность говорить о томъ, съ перваго взгляда незаконномъ, сочетаніи понятій, которое указано въ заглавіи моей лекціи.

Было бы чрезвычайно любопытно сопоставить всѣ главнѣйшія ученія, которыя выросли на этой почвѣ и такимъ образомъ дать полную характеристику политики пессимизма. Но эта привлекательная задача, по сложности своей, совершенно недоступна для краткой лекціи. Мнѣ приходится ограничиться лишь одной исторической иллюстраціей, однимъ конкретнымъ примѣромъ. Я хочу предложить вашему вниманію очеркъ политическаго ученія Макіавелли, которое для нашихъ цѣлей является особенно подходящимъ. Трудно придумать другого писателя, который въ такой мѣрѣ соединялъ бы отчаяніе съ энергіей, мрачное міросозерцаніе съ жаждой дѣятельности и у котораго, при этомъ, вся политическая программа была бы до такой степени обусловлена его пессимистическими воззрѣніями.

Но поставивъ своей цѣлью ознакомить васъ съ политическимъ ученіемъ Макіавелли, я счелъ совершенно необходимымъ включить въ планъ своей лекціи и общую характеристику эпохи Возрожденія. Ибо первый вопросъ, который представлялся мнѣ въ данномъ случаѣ естественнымъ, есть вопросъ о связи писателя съ своей эпохой. Какимъ образомъ среди радостной и бодрой атмосферы Возрожденія могла зародиться политическая доктрина пессимизма?—Вотъ на что прежде всего мнѣ хотѣлось бы отвѣтить. Припомнимъ для этого основныя черты эпохи Возрожденія и подчеркнемъ въ нихъ тѣ элементы, которые способны освѣтить происхожденіе разсматриваемой доктрины.

I.

Когда мы знакомимся съ умственными движеніями Западной Европы въ эпоху Возрожденія, мы чувствуемъ, что европейская

Digitized by Google

мысль прошла чрезъ нѣкоторый внутренній кризисъ, испытала какой-то переломъ. Среди оживленія и шума внѣшней жизни всюду сказываются симптомы новаго внутренняго настроенія. Цѣлостность средневѣкового міросозерцанія утрачивается и становится преданіемъ; вмѣсто прежняго обладанія законченной догмой, обращаются къ исканію новой истины. Пора безусловнаго господства католической церкви надъ умами проходитъ безвозвратно. Многіе сознаютъ, что для папства насталъ часъ расплаты за старые грѣхи. «Когда припоминаешь первоначальный духъ церковныхъ установленій и сравниваешь, насколько удалилась отъ него практика, начинаешь понимать, что мы находимся наканунѣ крушенія или возмездія», такъ писалъ въ началѣ XVI вѣка Макіавелли, какъ бы предсказывая близкое наступленіе протестантизма. Распространеніе новаго духа свидѣтельствуется самой силой реакціи, съ помощью которой папство хочетъ поддержать свой падающій авторитетъ. Папскія судилища съ особымъ усердіемъ произносятъ теперь свои грозные приговоры надъ заблудшими умами, и костры инквизиціи въ разныхъ концахъ Европы сжигаютъ въ своемъ пламени если не идеи, то, по крайней мѣрѣ, тѣла смѣлыхъ новаторовъ, пытающихся вступить на новые пути. Но никакія мѣры не могли сдержать могучаго потока новаго развитія. Когда Галилей, одинъ изъ корифеевъ новаго движенія, принужденный словесно отречься отъ своей теоріи движенія земли, воскликнулъ въ порывѣ благородной настойчивости: «а всетаки она движется», его устами говорила цѣлая эпоха, которая, не смотря ни на что, продолжала идти собственными путями. Мысль отрѣшалась отъ средневѣковыхъ преданій и переходила къ новымъ точкамъ зрѣнія.

Этотъ процессъ умственнаго перелома былъ особенно усиленъ нѣкоторыми внѣшними обстоятельствами. Бѣжавшіе изъ Византіи, послѣ завоеванія ея турками, греки привезли съ собой въ Италію богатыя сокровища античной мудрости и поэзіи, неизвѣстныя прежде на Западѣ. Почти одновременно съ этимъ совершился цѣлый рядъ открытій, астрономическихъ, географическихъ, физическихъ и иныхъ. Наступила эпоха необыкновеннаго оживленія мысли, которую очень хорошо назвали эпохой Возрожденія. Да, это было дѣйствительно Возрожденіе! Послѣ медленнаго и почти незамѣтнаго движенія, которое было единственно возможнымъ въ средніе вѣка, теперь наступаетъ пора смѣлыхъ предпріятій и геніальныхъ изслѣдованій, самая мысль о которыхъ являлась ранѣе невозможной. Всюду пробиваются новые пути, и открываются невѣдомые горизонты. Всюду обнаруживаются стремленія въ загадочную даль. Это было проявленіе того Фаустовскаго порыва, который выражается у Гёте словами:

Flieh! Auf! Hinaus ins weite Land!

Книжная мудрость, затверженная вѣками, не удовлетворяетъ никого болѣе. Всѣ стремятся къ новому и неизвѣданному.

Когда обществомъ овладѣваютъ подобныя стремленія, какой-то бодростью и энергіей вѣетъ отъ него. Историкъ съ отраднымъ

Digitized by Google

чувствомъ удовлетворенія останавливается на подобныхъ эпохахъ, въ которыхъ проявляются скрытыя силы человѣческаго духа, въ которыхъ обнаруживается обыкновенно столько жизни и движенія. Но гдѣ движеніе и смѣлые порывы, тамъ и возможность разочарованій и неудовлетворенности. Гдѣ отрѣшеніе отъ старыхъ преданій, тамъ и поводы къ разладу и унынію. А именно въ эпоху Возрожденія все отрѣшало мысль отъ средневѣковыхъ преданій, все колебало вѣковые устои и заставляло искать новыхъ путей.

И прежде всего, въ этомъ смыслѣ воздѣйствовало на умы увлеченіе античными идеалами. Какимъ неожиданнымъ откровеніемъ были для европейскаго общества классическая литература, чуждая всякихъ шаблоновъ и ограниченій, идущая свободными путями, повинующаяся одному голосу свободнаго творчества! Послѣ схоластическаго педантизма, послѣ сухой формалистики старой философіи все это было такъ ново и такъ оригинально. Съ древними писателями были отчасти знакомы и прежде; въ особенности предъ Аристотелемъ благоговѣли и преклонялись и въ средніе вѣка. Но это благоговѣніе нисколько не мѣшало приспособлять великаго философа къ потребностямъ церковной догмы, при чемъ въ результатѣ этого приспособленія отъ философіи Аристотеля оставалась часто одна тѣнь, едва напоминавшая ея дѣйствительный обликъ. Не то въ эпоху Возрожденія! Великіе гиганты древняго міра вновь встаютъ здѣсь во весь свой ростъ, чтобы совершенно заслонить всѣ воспоминанія среднихъ вѣковъ. Всѣ жадно набрасываются на классическихъ писателей и увлекаются античными идеалами. Общественная жизнь и политическая мысль, искусство и литература, все проникается античнымъ духомъ. Наступаетъ вѣкъ гуманизма, когда классическая литература вновь оживаетъ, для того чтобы съ неслыханной силой завладѣть умами.

Въ исторіи бываютъ эпохи, когда мысль человѣческая, не удовлетворяясь существующимъ, уносится въ область грезъ и воспоминаній. Человѣку дана эта способность—улетать силою творческаго воображенія изъ печальной обстановки, которая иногда его тяготитъ, въ иные болѣе свѣтлые міры. Именно это происходитъ въ эпоху Возрожденія. Гуманисты XV и XVI вѣковъ живутъ не въ современной имъ Италіи или Германіи: они всецѣло принадлежатъ другому міру—античному, который становится ихъ настоящей родиной. Всѣ идеалы ихъ заимствуются отсюда; всѣ представленія ихъ подвергаются воздѣйствію древнихъ образовъ и понятій. Намъ странно теперь слышать, какъ даже при описаніи жизни Христа фантазія гуманистовъ, насыщенная миѳологическими представленіями, выводитъ на сцену горгонъ и гарпій, кентавровъ и гидръ, какъ хлѣбъ является подъ именемъ «чистой Цереры», а вино, смѣшанное съ желчью, называется «бокаломъ испорченнаго Вакха». Еще болѣе странно встрѣчать въ описаніи кардинала Бемьо разсказъ о томъ, какъ венеціанскій совѣтъ проситъ папу довѣриться безмертнымъ богамъ, намѣстникомъ которыхъ онъ является на землѣ. Папа—намѣстникъ безсмертныхъ боговъ! Это сочетаніе христіан-

Digitized by Google

ских понятій съ языческими, какъ нельзя лучше, свидѣтельствуетъ о томъ, насколько сильно было возрожденіе античныхъ понятій. Но это возрожденіе древней мысли было вмѣстѣ съ тѣмъ крушеніемъ прежнихъ интересовъ и стремленій. Отъ Божественнаго перешли теперь къ изученію человѣческаго; отъ аскетическихъ идеаловъ обратились къ земнымъ интересамъ и радостямъ.

Въ области научной, быть можетъ, ни въ чемъ такъ рѣзко не обнаруживается этотъ поворотъ въ умахъ, какъ въ томъ усиленномъ изученіи природы, которое является столь характернымъ для этой эпохи. Для средневѣковаго человѣка, преданнаго изученію Божественнаго, природа была закрытой книгой. Таинственныя силы ея считались управляемыми діаволомъ, вслѣдствіе чего стремленіе овладѣть ими казалось грѣховнымъ. Въ эпоху Возрожденія натуръ-философія становится однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ предметовъ изученія, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть новый признакъ отрѣшенія отъ старыхъ стѣсненій. Та область, которая до сихъ поръ осталась неинтересной, вдругъ предстаетъ человѣческому вниманію со всѣмъ богатствомъ ея сокровенныхъ силъ, со всей заманчивостью ея неизвѣданныхъ тайнъ. Послѣ догматическаго спокойствія среднихъ вѣковъ всѣ эти новые интересы отзываются въ человѣческой душѣ какимъ-то тревожнымъ и неспокойнымъ исканіемъ, которое для многихъ является источникомъ тягостныхъ мученій. Фаустовскіе порывы и Фаустовскія печали всегда чередуются другъ съ другомъ. Вотъ почему и въ эпоху Возрожденія жажда знанія часто отравляется муками сомнѣнія. Безконечность стремленій и незначительность средствъ, глубина интересовъ и недостатокъ познаній, все это создаетъ тотъ привлекательный образъ мученика мысли, который такъ классически изображенъ въ геніальномъ произведеніи Гёте.

Я указалъ на эти новыя умственныя движенія для того, чтобы подготовить отвѣтъ на вопросъ, поставленный выше: какимъ образомъ среди радостей Возрожденія могло обнаружиться пессимистическое настроеніе? Но пессимизмъ всегда предполагаетъ развитіе личности; ибо онъ возникаетъ въ тайникахъ личнаго сознанія, въ неудовлетворенныхъ запросахъ индивидуума. Чтобы дополнить нашу бѣглую характеристику, мы должны отмѣтить въ эпохѣ Возрожденія и эту ея основную черту. Въ средневѣковомъ укладѣ жизни личность тонула въ безчисленныхъ корпораціяхъ и союзахъ; а личная мысль была успокоена и подавлена наивнымъ подчиненіемъ церковному авторитету. Теперь и въ наукѣ, и въ политикѣ выступаютъ на сцену титаническія личности, съ смѣлыми начинаніями, съ неслыханными предпріятіями. Коперники и Колумбы были немыслимы прежде: теперь они, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуютъ отважному духу эпохи. Личность разрываетъ узкія рамки тѣсныхъ союзовъ и замкнутыхъ корпорацій. Человѣкъ начинаетъ чувствовать себя гражданиномъ міра. «Развѣ не вездѣ могу я видѣть свѣтъ солнца и звѣздъ, и развѣ не всюду могу я размышлять о благороднѣйшихъ истинахъ?» спрашиваетъ еще Данте. «Тотъ, кто все изучилъ»,

Digitized by Google

замѣчаетъ другой гуманистъ этой эпохи, «нигдѣ не можетъ оказаться чужимъ. Лишенный имущества и безъ друзей, онъ же все будетъ гражданиномъ въ каждомъ городѣ. Разрывая стѣсненія внѣшнія, личность домогается вмѣстѣ съ тѣмъ и внутренней свободы и начинаетъ жить собственной жизнью. Стремленія къ внутренней свободѣ выростали одновременно съ тѣми новыми умственными интересами, которые мы ранѣе отмѣтили: одно обусловливало другое. Но эти стремленія, какъ и тѣ интересы, одинаково лишали человѣка прежняго равновѣсія и спокойствія. Для тѣхъ, кто могъ воспользоваться ея плодами, эпоха Возрожденія принесла съ собой много новыхъ поученій и много умственныхъ радостей. Но она не могла сразу создать, на мѣсто утраченной гармоніи и цѣльности душевной, новую гармонію и новую цѣльность. Напротивъ, въ указанныхъ выше условіяхъ новаго развитія скрывались поводы для унынія и душевнаго разлада. Когда отъ обладанія твердой вѣрой переходятъ къ исканію новыхъ путей, какъ бы ни было сладостно порою подобное исканіе, оно надѣляетъ нерѣдко ищущихъ горькими минутами безвыходнаго унынія. Человѣкъ склоняется предъ силою пробудившихся въ немъ сомнѣній, какъ Фаустъ передъ грознымъ призракомъ вызваннаго имъ духа. И въ эти минуты страха такъ умѣстенъ тотъ вопросъ, который духъ обращаетъ къ Фаусту:

Wo ist der Seele Ruf?
Wo ist die Brust, die eine Welt in sich erschuf
Und trug und hegte? Die mit Freudebeben,
Erschwoll, sich uns, den Geistern, gleich zu heben?
(Goethe, Faust)

Гдѣ мощный зовъ души? Гдѣ тотъ титанъ могучій,
Что міръ весь обнималъ, что мыслію кипучей
Въ духовный міръ и рвался, и летѣлъ?
(Переводъ Н. Холодковскаго).

Порывы, исканія, сомнѣніе и отчаяніе,—такова въ немногихъ словахъ психологія эпохи Возрожденія,—психологія, которая свойственна всѣмъ критическимъ эпохамъ исторіи. Она даетъ намъ ключъ къ пониманію и радостей, и печалей подобныхъ историческихъ моментовъ,—радостей юношески-добрыхъ исканій, печалей сомнѣнія и усталости, овладѣвающихъ иногда умами, стремящимися къ высшему познанію.

Таковы основныя условія, объясняющія пессимизмъ эпохи Возрожденія. Но если гдѣ-либо въ это время пессимизмъ принималъ особенно острую и тягостную форму, такъ это именно въ Италіи, родинѣ Макіавелли. Разложеніе средневѣковыхъ преданій, которому въ такой мѣрѣ способствовала эпоха Возрожденія, нигдѣ не совершалось такъ быстро, какъ здѣсь, въ этой классической странѣ Возрожденія. Нигдѣ сила новыхъ стремленій не проявилась такъ рано, и нигдѣ ихъ неудовлетворенность не вызывала такихъ мучительныхъ сомнѣній, какъ въ Италіи. Но къ ряду упомянутыхъ выше условій умственнаго развитія здѣсь присоединялись свои особенные поводы къ пессимистическому настроенію. Для итальянскаго общества этой эпохи не только внутреннее равновѣсіе было утрачено; но и внѣшняя жизнь представ-

Digitized by Google

ляла собою печальное зрѣлище какоко-то хаоса и разрушенія, когда, казалось, всѣ устои общественности расшатались, и общество возратилось къ тому состоянію броженія и неустроенности, съ котораго оно начинаетъ свою исторію.

При отсутствіи въ Италіи твердой и единой политической власти, при слабости тѣхъ небольшихъ государствъ, изъ которыхъ слагалась тогда Италія, она представляла собою и легкую добычу для сосѣднихъ странъ, и удобное поприще для всякихъ политическихъ замысловъ. Вражда отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ между собою, доходившая до предательства Италіи въ руки иноземцевъ, борьба партій въ предѣлахъ каждаго города, совершенно истощавшая мелкія политическія единицы, все это создавало въ этой несчастной странѣ какую-то нескончаемую войну всѣхъ противъ всѣхъ, порождавшую въ отдѣльныхъ лицахъ страшную неувѣренность существованія. Надо ли говорить, что въ этой неувѣренности заключалось новое условіе для тягостнаго настроенія? Когда человѣкъ сознаетъ себя членомъ великаго и могучаго цѣлаго, когда онъ съ спокойной гордостью можетъ сказать о себѣ, какъ древній римлянинъ: «civis Romanus sum»—«я гражданинъ римскій», это одно сообщаетъ увѣренность его поступкамъ, словамъ и дѣйствіямъ. Но когда онъ не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, когда его отечеству ежеминутно грозятъ опасности и, можетъ быть, гибель, это тягостное сознаніе должно отражаться и на его настроеніи. Но именно въ такомъ состояніи необезпеченности и неопредѣленности находилось итальянское общество въ эпоху Возрожденія.

Когда-то папство и католическая церковь представляли для итальянцевъ вѣрную опору среди мятущихся земныхъ страстей, надежную пристань среди житейскихъ бурь. Но что сталось съ папствомъ въ эпоху Возрожденія? На престолѣ Св. Петра сидѣли коварные политики и безнравственные дипломаты, люди разгульной жизни и легкихъ нравовъ, которые и подъ папской тіарой не пытались скрывать своей распущенности. Но позвольте мнѣ, вмѣсто длинной характеристики, привести одну конкретную иллюстрацію. Я хочу разсказать одинъ частный случай, имѣвшій мѣсто въ папскомъ дворцѣ въ 1501 году. Папа даетъ у себя пиръ, послѣ котораго присутствующимъ предлагается новое и рѣдкое развлеченіе. Одинъ изъ гостей приказываетъ привести шесть несчастныхъ, которые должны умереть. Зачѣмъ и за что?—никто не знаетъ. Приведенные къ папскому балкону, на глазахъ у папы и всего знатнаго общества, они служатъ мишенью для искуснаго стрѣлка, который, чтобы доказать свою ловкость, пронзаетъ ихъ стрѣлами. Ихъ страхъ, ихъ крики и судороги только увеселяютъ блестящее собраніе. Все это почти невѣроятно. Но мы перестанемъ удивляться и легко повѣримъ разсказу, когда узнаемъ, что папа, о которомъ идетъ рѣчь, былъ Александръ VI Борджіа, а стрѣлокъ—его сынъ Цезарь.

Что же удивительнаго, если при такомъ состояніи Италіи, при

Digitized by Google

такомъ упадкѣ папства и общества, тѣ, кто размышлялъ въ это время о мірѣ и его судьбахъ, говорили объ этомъ съ тягостнымъ чувствомъ разочарованія и пессимизма. Что удивительнаго, если писатели этой эпохи такъ часто высказываютъ соображенія, которыя способны напомнить намъ безысходную тоску Леопарди или мрачный пессимизмъ Шопенгауэра. «Что такое этотъ міръ», говоритъ, напримѣръ, одинъ изъ этихъ писателей, для кого и для чего онъ созданъ, мы не знаемъ этого. Мы чувствуемъ только и на каждомъ шагу убѣждаемся, что онъ не созданъ любящимъ Творцомъ на благо человѣчества. Человѣкъ повсюду встрѣчается съ враждебными силами; и какимъ бы умомъ, какой бы житейской опытностью онъ ни обладалъ, онъ не можетъ достигнуть прочнаго счастья. Міръ, въ которомъ человѣку живется такъ плохо, въ которомъ побѣда остается не на сторонѣ праваго дѣла, а выпадаетъ на долю ловкихъ и сильныхъ, такой міръ не можетъ быть цѣлесообразнымъ порядкомъ. Жестоко ошибаются тѣ, которые вѣрятъ въ конечное торжество справедливости: не разумъ управляетъ міромъ, а ловкость, грубая сила и слѣпая судьба».

Этотъ безотрадный взглядъ на міръ сопровождается такимъ же мрачнымъ взглядомъ на человѣческую природу. Итальянскіе писатели этой эпохи не вѣрятъ, чтобы человѣкъ былъ склоненъ къ добру. Смутная и печальная обстановка, въ которой они жили, заставляетъ ихъ разочароваться въ людяхъ. И когда они говорятъ о характерѣ человѣческомъ, то въ ихъ описаніи выходитъ, что человѣкъ есть неисправимый эгоистъ, лишь изъ корыстнаго расчета принимающій иногда на себя личину добродѣтели. Человѣкъ завистливъ и мстителенъ, трусливъ и злобенъ, неблагодаренъ и злопамятенъ, корыстолюбивъ и алченъ. Читая эти мрачныя характеристики, мы съ удивленіемъ спрашиваемъ: а гдѣ же добрыя свойства человѣческой природы? Ужели человѣкъ представляетъ изъ себя лишь вмѣстилище всѣхъ пороковъ? Но итальянскіе пессимисты не поняли бы нашего удивленія. Тягостное разочарованіе во всемъ легло мрачной тѣнью на всѣ ихъ воззрѣнія, отравило ихъ лучшія надежды и отняло у нихъ самыя дорогія вѣрованія.

Тяжело жить во время общественныхъ неустройствъ и неурядицъ; но когда вѣра въ человѣкѣ остается, нѣтъ еще мѣста для пессимизма. Но что дѣлать, когда и эта вѣра изсякла? На тѣхъ, кому были ранѣе дороги нравственные идеалы и возвышенныя стремленія, подобное разочарованіе кажется тяжкимъ и удручающимъ гнетомъ, при которомъ опускаются руки, отнимается способность дѣйствовать. Надо имѣть большой запасъ нравственнаго индифферентизма и большую потребность къ дѣйствію, чтобы не отойти, при такихъ условіяхъ, отъ людей, отъ ихъ жизни и отъ ихъ интересовъ.

Подобное сочетаніе пессимизма съ нравственнымъ индифферентизмомъ и съ жаждой дѣятельности мы находимъ у Макіавелли. Всѣ же скорбные мотивы времени: и философскій пессимизмъ, и практическое недовольство итальянской дѣйствительностью, и разочарованіе въ прошломъ сочетались въ его настроеніи, чтобы придать всѣмъ

Digitized by Google

его выводамъ пессимистическій характеръ. Вѣра въ человѣка была и для Макіавелли какой-то полузабытой сказкой, которую повторяли нѣкогда мечтатели. Настоящее казалось ему горестнымъ царствомъ порока; а то прошлое, которымъ жили недавно итальянцы, представлялось ему причиной всѣхъ бѣдствій Италіи. Итальянское общество отвыкло отъ почтенія къ папамъ, но и для него было, вѣроятно, новостью, когда изъ устъ Макіавелли, вмѣсто смиренныхъ молитвъ, къ папскому престолу неслись одни негодующія обвиненія, когда Макіавелли, возставая противъ церкви, склоненъ былъ отрицать и самое христіанство. Какъ странно должны были звучать для христіанскаго общества порицанія христіанству и похвалы язычеству, которыя мы находимъ у Макіавелли. «Пріучивъ людей къ смиренію, къ пренебреженію земными благами, она сдѣлала то, что міръ сталъ добычею злыхъ, безпрепятственно господствующихъ надъ добрыми, которые, изъ стремленія спасти душу, болѣе склонны терпѣть зло, чѣмъ мстить за него. Она расшатала государственный порядокъ и ослабила въ людяхъ привязанность къ мірскимъ почестямъ и государственному служенію. Языческая религія, напротивъ, воспитывала въ гражданахъ мужественныя добродѣтели, пріучала ихъ любить отечество и выше всего ставить служеніе государству». Такимъ образомъ, отъ старыхъ вѣрованій у Макіавелли не остается и слѣда. Авторитетъ церкви, святость религіозныхъ завѣтовъ, идеалъ внутренняго самоусовершенствованія вдали отъ мірской суеты, все, что было столь дорого для средневѣковаго человѣка, для Макіавелли повергнуто во прахъ и разбито. Мало того: разбита и его вѣра въ человѣка вообще. Остается у него, правда, одна вѣра и одинъ культъ: но мы сейчасъ увидимъ, какъ въ самой этой вѣрѣ весь ея символъ былъ опредѣленъ мрачными предпосылками пессимизма. Я имѣю въ виду вѣру Макіавелли въ силу учрежденій и въ значеніе государственнаго порядка, отъ котораго онъ ожидаетъ для человѣка всѣхъ возможныхъ благъ. Вѣра въ государство встрѣчаетъ насъ у самыхъ разнообразныхъ мыслителей: Платонъ и Аристотель, Кантъ и Гегель также возлагаютъ большія надежды на государственное общеніе, какъ на среду нравственнаго развитія личности. Но ихъ надежды находятъ для себя опору въ ихъ довѣріи къ человѣческой природѣ: если есть въ человѣкѣ добрые задатки, то для ихъ развитія требуется лишь создать соотвѣтствующую обстановку. Тогда естественно думать, что и самое государство способно стать нравственнымъ общеніемъ, средой для нравственнаго воспитанія людей и для ихъ справедливаго умиротворенія. Но какъ надѣяться на государство, когда воспитываемый матеріалъ безусловно негоденъ, когда человѣкъ представляетъ изъ себя нѣкотораго звѣря, съ трудомъ обуздываемаго силой внѣшнихъ законовъ? Остается и на государство перенести этотъ взглядъ и видѣть въ немъ суровую узду, набрасываемую на человѣка, карающій мечъ, готовый каждую минуту пресѣчь злыя проявленія человѣческой воли. Таково, въ концѣ концовъ, воззрѣніе Макіавелли. Но чтобы не подводить заранѣе итоговъ своего изложенія, я долженъ предварительно выяс-

Digitized by Google

нить основныя черты его доктрины, въ связи съ конкретными условіями ея образованія. Для этого скажемъ, прежде всего, два слова о самомъ Макіавелли, о его жизни. Не имѣя въ виду дать вамъ его полную біографію, я ограничусь одними общими чертами и важнѣйшими моментами. Мнѣ хотѣлось бы при помощи этихъ біографическихъ справокъ, разъяснить основные мотивы его воззрѣній и показать, какимъ образомъ онъ связывалъ свой пессимизмъ съ жаждой дѣятельности и съ потребностью борьбы.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

П. Новгородцевъ.

Digitized by Google

О необходимости собиранія сказокъ.

(По поводу новаго изданія «Народныхъ Русскихъ сказокъ» И. Н. Афанасьева).

Лѣтъ сорокъ назадъ на археологію смотрѣли, какъ на праздную, ни кому ненужную науку, и называли занятіе ею не иначе, какъ «гробокопательствомъ». Такъ было до тѣхъ поръ, пока геологи, восходя отъ древнѣйшихъ формацій къ верхнимъ новѣйшимъ, не достигли до самыхъ верхнихъ потретичныхъ пластовъ и въ уровнѣ такъ называемаго археологами «культурнаго слоя» земли не столкнулись съ раскопками археологовъ. Занимаясь изслѣдованіемъ животныхъ, вымершихъ въ самую позднюю эпоху, геологи наткнулись на слѣды одновременно жившаго съ ними человѣка; передъ ними всталъ важный въ біологіи вопросъ о древности человѣка и ярко освѣтилъ важное для раціоналистическаго мышленія значеніе этой промежуточной между геологіей и археологіей науки о «древнѣйшемъ» человѣкѣ. Послѣдовала моментальная перестановка симпатій; наука, которая до тѣхъ поръ была въ загонѣ, стала вдругъ модною; въ музеяхъ, въ святая святыхъ геологіи, трилобиты и спириферы потѣснились и дали мѣсто топорамъ, стрѣламъ и другимъ каменнымъ орудіямъ; въ университетахъ появились курсы исторіи доисторическаго человѣка; для общей публики профессора начали читать популярныя лекціи о каменномъ вѣкѣ. Словомъ, за археологіей признанъ самый животрепещущій интересъ.

Фольклористика еще не дожила до такихъ счастливыхъ дней. Она все еще для большого общества наука, лишенная жизненнаго интереса; на увлеченіе ею все еще смотрятъ, какъ на тихое умопомѣшательство, хотя и безвредное для общества, но для самого одержимаго во всякомъ случаѣ не желательное. Примѣръ археологіи даетъ намъ, однако, предостереженіе не принимать настоящее отношеніе къ этой наукѣ за вѣчно неизмѣнное. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли мы не наканунѣ такого же коренного измѣненія отношеній общества къ этой наукѣ, какое совершилось сорокъ лѣтъ назадъ относительно археологіи. Археологія не единственный примѣръ въ этомъ родѣ. Еще не такъ давно въ Запад-

Digitized by Google

пой Европѣ ученые не придавали значенія лубочнымъ романамъ, которые издавались только для народа; на нихъ смотрѣли, какъ на произведенія рыночныхъ писакъ, наполненныя ихъ собственными фантазіями, не имѣющими никакого интереса для науки. Но теперь эти романы, Фіэрабрасъ, Гюо де Бордо, Валентинъ и Орсонъ и друг. издаются съ щепетильностью, какая требуется отъ научныхъ изданій, и снабжаются анализами и комментаріями; объ нихъ есть уже большая литература монографій. Изученіе средневѣковой романтики, которая обильно черпала въ народныхъ сказкахъ и преданіяхъ, придало особенный интересъ фольклору.

Пока, однако, интересъ этотъ остается въ тѣсныхъ предѣлахъ спеціальной науки. Онъ долженъ расшириться; уже теперь можно предвидѣть, что фольклористика можетъ получить такую же важность въ глазахъ раціоналистовъ, какъ и доисторическая археологія. Фольклоръ всегда былъ спутникомъ религіи отъ перваго пробужденія религіозной мысли въ человѣкѣ до эпохи сложенія міровыхъ религій; участіе его въ развитіи этихъ религій продолжалось гораздо дольше и было гораздо значительнѣе, чѣмъ обыкновенно привыкли думать.

Послѣднее десятилѣтіе отмѣчено въ европейской наукѣ особенно сильнымъ интересомъ къ народному преданію. Стали усиленно записывать сказки. Появились новыя слова: фольклоръ и фольклористика для обозначенія новой науки. Въ Англіи, откуда и взялось это слово, въ Италіи, въ Испаніи основались общества для собиранія фольклора; стали выходить журналы, исключительно посвященные фольклору; въ одной Франціи было основано такихъ журналовъ три; явились ученые, которые свой трудъ посвящаютъ преимущественно сличенію редакцій сказокъ; о нѣмецкомъ ученомъ Келлерѣ разсказываютъ, что онъ сличилъ до двухъ тысячъ сказокъ; издаются руководства для собиранія сказокъ вродѣ того, какъ есть руководства для собиранія насѣкомыхъ и растеній; сказки подвергаются анализу, разсѣкаются на составныя части, на формулы, которыя классифицируются; предвидится въ будущемъ составленіе и изданіе такой классификаціи формулъ, которая такъ же помогала бы ориентироваться въ безбрежномъ морѣ этихъ человѣческихъ вымысловъ, какъ ботаникъ или зоологъ ориентируется въ растительномъ или животномъ царствѣ посредствомъ флоръ или фаунъ.

Это фольклористическое оживленіе пока еще мало отразилось у насъ въ Россіи. Слово фольклоръ у насъ на первыхъ порахъ встрѣчено было даже недружелюбно; появились два журнала *), но не спеціально назначенные для фольклора; новые сборники сказокъ послѣ перваго выхода сборника Афанасьева появились только въ Южной Россіи (сборники Чубинскаго и Манжуры) и въ Бѣлоруссіи (сборники Романова, Добровольскаго и Шейна); въ

*) «Этнографическое Обозрѣніе» въ Москвѣ и «Живая Старина» въ Петербургѣ.

Digitized by Google

великорусскихъ же губерніяхъ за это время замѣчается положительный застой; кромѣ сборника сказокъ изъ Самарскаго края, составленнаго Садовниковымъ, здѣсь ничего не явилось.

Недавно профессоръ московскаго университета В. Ѳ. Миллеръ занялся географіей и статистикой записей русскихъ былинъ. Это изслѣдованіе показало, что былины имѣютъ свою географію, что онѣ не повсемѣстны; нѣкоторыя былины поются или пѣлись только въ извѣстныхъ районахъ, а въ другихъ, повидимому, ихъ никогда и не знали. То же самое, вѣроятно, окажется и при изслѣдованіи сказокъ. Такое изслѣдованіе необходимо, такъ какъ послѣднія изысканія о былинахъ показали, что между былинами и сказками нѣтъ той пропасти, которая прежде предполагалась.

Записываніе былинъ завершилось: все, что народъ сохранилъ въ своей памяти, записано и болѣе записывать нечего; записано не все, что когда-то пѣлъ народъ, но то, что осталось незаписаннымъ, уже совершенно забыто народомъ и утрачено для науки безвозвратно. Со сказками дѣло обстоитъ, кажется, иначе. Тутъ еще не мало сохранилось въ народной памяти образцовъ, которые еще не попали въ печать, но могутъ попасть, если ученыя общества и частные собиратели приложатъ усердіе къ собиранію ихъ.

Былинное богатство теперь намъ выяснилось; мы знаемъ его внѣшнее очертаніе и внутреннее содержаніе. Не то со сказками. Мы не имѣемъ списка сказочныхъ типовъ извѣстныхъ нашему народу; мы не знаемъ, имѣемъ ли мы такіе сюжеты, которые извѣстны только одному нашему народу; не знаемъ, какіе сюжеты у насъ общіе съ западными нашими сосѣдями, какіе съ восточными; съ которыми сосѣдями у насъ родство, богаче ли мы сосѣдей сказками, или бѣднѣе. И у кого форма сказокъ архаичнѣе, у насъ, или у западныхъ народовъ, или у тюрко-монголовъ? Эти вопросы, столь важные для исторіи разселенія сюжетовъ, совпадающей съ исторіей культурныхъ заимствованій вообще, могутъ быть разрѣшены только тогда, когда изъ народной памяти будетъ исчерпанъ весь запасъ сказокъ, какъ исчерпанъ пока только былинный запасъ.

Нужно спѣшить собирать сказки, потому что онѣ быстро исчезаютъ съ наступающими новыми условіями народной жизни. Умноженіе школъ въ деревняхъ и распространеніе грамотности, сокращеніе срока военной службы, которое имѣетъ то послѣдствіе, что масса народа проходитъ черезъ военную службу, гдѣ тоже устроено обученіе грамотѣ, ростъ заводской и фабричной промышленности, привлекающей множество народа изъ деревни въ города, желѣзныя дороги, облегчающія подобное перемѣщеніе, развитіе отхожихъ промысловъ,—все это такія обстоятельства, которыя не способствуютъ сохраненію прежнихъ вкусовъ и облегчаютъ замѣну прежней духовной пищи новою—городскими продуктами.

Для сохраненія отъ утраты реальныхъ памятниковъ древности устраиваются особыя учрежденія; предметы древней культу-

Digitized by Google

ры, орудія каменнаго вѣка и всякіе другіе результаты раскопокъ хранятся въ музеяхъ; для сохраненія письменныхъ памятниковъ существуютъ архивы. Для устныхъ памятниковъ нѣтъ соотвѣтствующихъ учрежденій. А между тѣмъ разница между этими двумя родами памятниковъ такая: предметы, добываемые изъ раскопокъ, тѣмъ сохраннѣе сберегутся, чѣмъ дольше пробудутъ въ землѣ, въ мѣстахъ своего нахожденія; перенесенные въ музей, они подвергаются порчѣ, выцвѣтаютъ или вывѣтриваются; устные же памятники наоборотъ; имъ грозитъ опасность безслѣдно исчезнуть, если они будутъ оставлены въ мѣстахъ своего нахожденія, т. е. въ умахъ народа.

Организовать спасеніе устныхъ памятниковъ отъ безслѣднаго исчезновенія можно только посредствомъ основанія въ провинціальныхъ городахъ фольклористическихъ кружковъ изъ любителей этой старины, которые бы согласились или сами записывать преданія и сказки, или находили бы другихъ записывателей. Лучше всего эту задачу могли бы выполнить народные учителя, которые ближе, чѣмъ кто-либо, стоятъ къ народу. Примѣръ того, какую въ этомъ родѣ услугу могутъ оказать народные учителя, представляетъ кавказскій учебный округъ, благодаря иниціативѣ попечителя округа г. Яновскаго. Попечитель округа пригласилъ народныхъ учителей собирать свѣдѣнія о народной жизни и экономическихъ условіяхъ ея, описывать обряды, записывать сказки и пр. Матеріалы, поступавшіе въ управленіе учебнаго округа, печатались въ особомъ изданіи подъ названіемъ «Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа». Теперь издано уже восемнадцать томовъ этого «Сборника», которые заключаютъ въ себѣ огромный матеріалъ по этнографіи и фольклору.

Нельзя не выразить сожалѣнія, что примѣръ кавказскаго учебнаго округа не вызвалъ подражанія въ другихъ частяхъ имперіи, хотя въ журналистикѣ на него обращалось вниманіе и даже въ министерскомъ органѣ были похвальные отзывы. Привлеченіемъ народныхъ учителей къ литературному труду г. Яновскій не одной наукѣ оказалъ услугу; и учебное дѣло въ округѣ отъ этого могло только выиграть. Многіе изъ учителей имѣли при этомъ возможность обнаружить свои таланты, и управленію округа легче стало судить о способностяхъ учителей. Занятія этого рода вызвали у учителей потребность совѣтоваться съ болѣе свѣдущими людьми, слѣдить за работами товарищей, прочитывать литературу о Кавказѣ; все это усилило взаимныя сношенія между учителями и установило духовную связь между ними и управленіемъ. Наконецъ, это приподняло значеніе жизни для учителя. Тѣ изъ народныхъ учителей, которымъ пришлось послужить на Кавказѣ, съ удовольствіемъ вспоминаютъ года своей кавказской службы.

Столичнымъ ученымъ обществамъ, въ задачи которыхъ входитъ собираніе этнографическихъ свѣдѣній, слѣдуетъ обратить

Digitized by Google

вниманіе на народныхъ учителей, какъ на орудіе для спасенія устныхъ памятниковъ старины отъ ихъ окончательнаго исчезновенія. Посылкой экспедицій для собиранія фольклорнаго матеріала нельзя получить тѣхъ результатовъ, какіе могутъ быть достигнуты посредствомъ учрежденія сѣти фольклористическихъ станцій. Конечно, для записыванія пѣсенныхъ мотивовъ требуются особо подготовленные спеціалисты, и «пѣсенныя экспедиціи» еще имѣютъ нѣкоторое оправданіе, но для остального фольклора стаціонарный способъ собиранія будетъ плодотворнѣе. Ученая экспедиція, впереди которой летитъ открытый листъ отъ губернатора и по пріѣздѣ которой въ село полицейскіе чины сбиваютъ крестьянъ на сходку для пѣсеннаго дѣйствія, а десятскіе съ тою же цѣлью сгоняютъ деревенскихъ дѣвицъ, не смотря на усердіе властей, не въ состояніи будетъ собрать того, что соберетъ народный учитель, живущій года бокъ-о-бокъ съ населеніемъ, сжившійся съ нимъ и пользующійся у него довѣріемъ—особенно въ той области фольклора, которая имѣетъ сокровенный характеръ, какъ напримѣръ, заговоры. Для записыванія сказокъ нужна подготовка, но ее пріобрѣсть не такъ трудно, какъ для записыванія пѣсенныхъ мотивовъ. Народные учителя могли бы оказать неоцѣненную услугу въ этомъ дѣлѣ, нужно только призвать и сплотить ихъ въ кружки. Починъ сдѣлать должны столичныя общества.

Г. Н. Потанинъ.

Digitized by Google

Предполагавшіяся къ помѣщенію въ № 1 статьи «Генрихъ Гейне», «Два деревенскихъ публициста» и «Любитель поэзіи» по непредвидѣннымъ редакціей обстоятельствамъ отложены и замѣнены другими.

Digitized by Google

На Западѣ.

Юбилеи и поминки.

(Письмо изъ Германіи)

Изъ несмѣтнаго числа всевозможныхъ нѣмецкихъ юбилеевъ, которыми такъ обиленъ былъ только-что истекшій 1897 годъ, нѣкоторые по своему интересу безусловно заслуживаютъ вниманія и далеко за предѣлами Германіи уже по одному тому, что касаются лицъ, сдѣлавшихся, такъ сказать, достояніемъ всего просвѣщеннаго человѣчества. Сверхъ того юбилейныя торжества даютъ нерѣдко основанія для сужденія объ уровнѣ просвѣщенія даннаго народа въ той или иной области. Остановимся поэтому на этотъ разъ на нѣкоторыхъ изъ нѣмецкихъ юбилеевъ. Имена, около которыхъ они сосредоточиваются,—все это, или близкіе знакомые всякаго русскаго образованнаго человѣка, или такіе, съ которыми не мѣшаетъ познакомиться поближе.

1. Теодоръ Моммзенъ.

Кто хоть разъ видѣлъ эту сѣдую голову съ длинными, бѣлоснѣжными локонами съ совершенно бритымъ лицомъ, съ пронизывающими глазами и своеобразными складками у рта,—тотъ никогда не забудетъ ея. Не нужно быть большимъ физіономистомъ, чтобы съ перваго-же взгляда въ этомъ сравнительно маленькомъ человѣкѣ подмѣтить крупный геній, обширную энергію мысли, охватывающей всегда самую суть изслѣдуемаго предмета, и творческую фантазію, способную изъ мрака временъ вызывать къ жизни полные жизненной осязательности образы. Въ этой необыкновенной головѣ заключено такое богатство знаній, въ такомъ образцовомъ систематизированномъ порядкѣ, что нѣтъ ни одного письменнаго вещественнаго памятника изъ всей области стараго римскаго владычества, нѣтъ ни одного новаго взгляда, относящейся до этой исторической эпохи, которые бы уже не имѣли своихъ первоисточниковъ въ работахъ этого рѣдкаго ученаго старца. Таковъ Теодоръ Моммзенъ, 80-лѣтнюю годовщину рожденія котораго отпраздновалъ только что весь ученый и образованный міръ.

Digitized by Google

По своему происхожденію, сынъ бѣднаго діакона небольшого мѣстечка въ теперешней Шлезвигъ-Голштиніи, Моммзенъ (род. 30 ноября 1817 г.) провелъ дѣтство полное лишеній. Только въ 1834 г., слѣдовательно въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ возможно было отправить дьяконскаго сына въ гимназію, гдѣ Моммзенъ получилъ свое первоначальное образованіе. Начало же серьезнаго образованія знаменитаго теперь историка относится къ 1838 году, когда онъ поступилъ студентомъ-юристомъ въ университетъ въ Кілѣ. Но изъ юриста Моммзенъ постепенно становился филологомъ и историкомъ, благодаря отчасти вліянію своихъ читателей, частью-же—собственному убѣжденію, что «познаніе и проникновеніе въ суть римской исторіи не возможно безъ органической связи и содѣйствія филологіи, исторіи и правовѣдѣнія».

Было бы удивительно, если бы такая поэтическая натура, какъ у Моммзена, не имѣла бы и своей поэтической, вѣрнѣе, стихотворной поры. Изъ этой поры сохранился еще стихотворный «Сборникъ пѣсенъ трехъ друзей» (Liederbuch dreier Freunde), сочиненный сообща съ младшимъ братомъ историка и его другомъ молодости Теодоромъ Штормомъ, какъ извѣстно, развившимся впослѣдствіи до степени одного изъ самыхъ крупныхъ нѣмецкихъ художниковъ-писателей. Объ этомъ «доисторическомъ» періодѣ своей жизни, какъ онъ самъ его называлъ, Моммзенъ еще недавно вспоминалъ въ письмѣ къ своему другу Шторму въ слѣдующемъ миломъ двустишіи.

Zuweilen gedenkt man aus guten Gründen
Nicht ungern alter Iugendsünden.

Превосходно сдавъ докторскій и государственный экзаменъ, Моммзенъ еще нѣкоторое время прослужилъ учителемъ въ женскомъ училищѣ въ Альтонѣ близъ Гамбурга, а затѣмъ снабженный стипендіей датскаго короля, отправился въ свое первое путешествіе по Италіи. Ему было всего 27 лѣтъ, когда онъ въ первый разъ очутился на итальянской почвѣ, съ которою онъ впослѣдствіи такъ тѣсно сроднился. Онъ оставался здѣсь, а затѣмъ и во Франціи три года. Главнѣйшая его работа заключалась въ собраніи и истолкованіи надписей на каменныхъ обломкахъ. Уже издавна итальянская наука указывала, какъ на непочатый уголъ историческаго знанія, на снабженные надписями каменные памятники, въ теченіе столѣтій извлекавшіеся изъ нѣдръ земли на свѣтъ божій. Когда Моммзенъ прибылъ въ Италію, то во главѣ римской эпиграфики стоялъ извѣстный археологъ графъ Бартоломэо Богези. Онъ сдѣлался тотчасъ руководителемъ и близкимъ другомъ Моммзена. Большая проницательность, разсудительность и упорство необходимы были для успѣшной работы. Послѣ болѣе двухъ лѣтъ такой работы надъ каменнымъ матеріаломъ Моммзенъ вернулся въ 1847 году на родину. Уже въ этомъ году онъ представилъ берлинской академіи наукъ проектъ Corpus Inscriptionum Latinarum, въ которомъ намѣтилъ во всѣхъ главнѣй-

Digitized by Google

шихъ частяхъ планъ этого съ давныхъ поръ вожделѣннаго гигантскаго труда.

По возвращеніи Моммзена въ Германію, не оказалось тотчасъ подходящей для него сферы ученой дѣятельности. Пришлось волей-неволей обратиться къ журнальной работѣ, для которой у этого разносторонняго дарованія также не было недостаточно способностей. Отъ кропотливаго шифрованія каменныхъ надписей Моммзенъ обратился къ суетливой дѣятельности газетнаго публициста въ качествѣ редактора «Шлезвигъ-Гольштейнской газеты», органа родного его края. Но только одинъ годъ продолжалась эта газетная дѣятельность, послѣ чего, благодаря участію его ученыхъ друзей, онъ былъ призванъ въ качествѣ экстра-ординарнаго профессора на каѳедру римскаго права при лейпцигскомъ университетѣ. Молодой ученый, зарекомендовавшій себя уже въ средѣ спеціалистовъ своей необыкновенно плодотворной дѣятельностью эпиграфика, рядомъ ученыхъ статей и академическихъ отчетовъ, былъ встрѣченъ въ крупнѣйшемъ въ то время нѣмецкомъ университетѣ, какъ величайшая надежда нѣмецкой науки.

Недолго суждено было Моммзену профессорствовать на лейпцигской каѳедрѣ. Но это было хорошее время его зрѣлыхъ лѣтъ и интимнаго знакомства съ массой выдающихся и симпатичныхъ людей. Бурная эпоха политическаго движенія конца сороковыхъ годовъ захватила и Моммзена съ нѣкоторыми изъ его ближайшихъ друзей. Хранить про себя свои убѣжденія никогда не было въ натурѣ Моммзена, хотя непосредственнаго участія въ политическомъ движеніи онъ въ сущности и не принималъ. Противъ него и его двухъ ближайшихъ друзей-профессоровъ Гаупта и Іана—былъ возбужденъ процессъ. Въ первой инстанціи Моммзенъ былъ присужденъ къ продолжительному заключенію въ крѣпости, но во второй—оправданъ. Но мудрое саксонское министерство народнаго просвѣщенія нашло все таки нужнымъ оправданныхъ профессоровъ «для блага университета» удалить оттуда, потому что во время майскихъ стычекъ «они возбуждали публичное огорченіе и давали плохой примѣръ академической молодежи»... Этимъ путемъ были на долгое время устранены изъ Лейпцигскаго университета лучшія ученыя силы.

Политическія замѣшательства нѣсколько замедлили выполненіе задуманной Моммзеномъ работы. Съ издателемъ велись уже давно переговоры, касавшіеся перваго и послѣдующихъ томовъ «Римской Исторіи»... «Въ кутузкѣ, писалъ Моммзенъ своему издателю,-я ужъ навѣрно не напишу исторіи, по крайней мѣрѣ не напишу такой исторіи, которую могъ бы предложить вамъ для изданія».

Но «исторіи» суждено было появиться не въ подневольныхъ стѣнахъ кутузки, а на просторѣ вольной Швейцаріи, гдѣ Моммзенъ съ 1852 по 1854 годъ былъ профессоромъ цюрихскаго университета. Въ 1854 г. появился 1-ый томъ знаменитой «Римской Исторіи», а въ слѣдующіе два

Digitized by Google

года, когда Моммзенъ уже перевелся профессоромъ въ бреславльскій университетъ, появились томы 2-ой и 3-ій.

Со времени замѣчательной Римской исторіи Нибура, слѣдовательно въ теченіе почти цѣлой половины столѣтія, ни въ Германіи, ни внѣ ея не появилось историческаго изслѣдованія, которое хотя бы приблизительно могло сравниться съ успѣхомъ труда 36-лѣтняго автора. Его имя сдѣлалось сразу извѣстнымъ, и весь образованный міръ находился подъ обаяніемъ классическаго произведенія Моммзена. Онъ самъ былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ успѣхомъ; и традиціонная гордость нѣмецкаго ученаго нѣсколько смущалась при видѣ всеобщихъ рукоплесканій. Ему слышались въ этихъ рукоплесканіяхъ не столько похвалы ему, какъ ученому изслѣдователю, сколько—какъ художнику.

По первоначальному плану «Римская Исторія» Моммзена должна была обнимать время до паденія западно-римской имперіи. Она остановилась однако на болѣе раннемъ моментѣ. Тѣмъ не менѣе и въ этихъ сокращенныхъ рамкахъ трудъ Моммзена представилъ свидѣтельство изумительнаго гигантскаго прилежанія, удивительной учености и еще небывалой въ этой области художественности изображенія... «Въ вашей «Римской Исторіи»,—такъ писали ему его товарищи по берлинской академіи наукъ къ 50 лѣтнему юбилею его докторскаго званія, — этомъ проникнутомъ широкой исторической перспективой изслѣдованіи, гдѣ тонкая критика связана съ геніальной композиціей мысли, а художественная образность дополняется рѣдкимъ блескомъ изложенія,—въ этомъ чудномъ твореніи вы принесли нѣмецкому народу даръ, который и для всѣхъ другихъ народовъ сдѣлался богатѣйшимъ элементомъ образованія и таковымъ остался на всѣ времена».

«Римская Исторія» въ дѣйствительности переведена на всѣ европейскіе языки, и всякій заглянувшій въ нее тотчасъ подпадалъ удивительной мощи этой книги, которая, будучи свободна отъ всякаго ненужнаго ученаго балласта, отъ утомительныхъ цитатъ, даже самому неученому читателю съ наглядностью указывала все значеніе Римской исторіи для пониманія общихъ судебъ человѣчества.

Описанія политическихъ событій, экономическихъ отношеній, литературы и искусства, жизненность и рельефность его характеристикъ дѣятелей стараго Рима, захватывающія главы о Суллѣ и Маріи, Катонѣ и Цицеронѣ, Помпеѣ и въ особенности Цезарѣ—эти перлы художественнаго изображенія въ связи съ геніальной обработкой большей частью имъ самимъ добытаго изъ первоисточниковъ матеріала увлекали цѣлыя поколѣнія читателей и будутъ увлекать, каковы бы ни были отдѣльныя поправки и дополненія прогрессирующей науки.

Легко себѣ представить то нетерпѣніе, съ которымъ ожидалось въ образованномъ мірѣ продолженіе труда Моммзена. Послѣ болѣе 25 лѣтъ такого ожиданія казалось, что авторъ отказался отъ мысли продолжать свою исторію. Самъ Моммзенъ въ предисловіи ко второму изданію «Рим-

Digitized by Google

ской исторіи» заявилъ, что разныя другія занятія мѣшаютъ ему довести до конца свой трудъ съ желательной быстротой. А въ шестидесятилѣтнюю годовщину своего рожденія онъ разослалъ своимъ друзьямъ маленькую брошюру съ шутливымъ заглавіемъ «Римская исторія, томъ IV» и съ гетевскимъ мотто: «gerne hätt'ich fortgeschrieben, aber es ist, liegen blieben»... И вотъ вдругъ въ 1885 г. почти достигши 70 лѣтъ Моммзенъ выпускаетъ въ свѣтъ новый томъ своего труда, но вмѣсто всѣми ожидаемаго прямого продолженія «Римской исторіи» съ блестящими характеристиками римскихъ императоровъ и римской жизни въ эту пору, сдѣланъ былъ скачекъ черезъ 4-ый томъ прямо къ 5-му, изображающему исторію римскихъ провинцій. Моммзенъ какъ бы самъ чувствовалъ разочарованіе своихъ читателей, когда во введеніи къ 5-му тому писалъ: «Съ самоотреченіемъ писалась эта книга, я бы желалъ, чтобы она и читалась съ такимъ же самоотреченіемъ. Захватывающихъ деталей, описаній и характеристикъ въ ней читатель не найдетъ»... Но эта была скромность знаменитаго ученаго: достаточно припомнить чудную характеристику Плутарха, или ландшафтныя описанія провинцій Востока. Замѣчательнѣе-же всего то, что и этотъ томъ не носилъ никакихъ слѣдовъ старѣющагося автора и стоялъ на одинаковой критической и стилистической высотѣ съ первыми тремя томами.

Изъ Бреславля Моммзенъ перевелся въ 1858 г. въ Берлинъ, гдѣ онъ сперва работалъ въ качествѣ члена академіи наукъ, и затѣмъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ при берлинскомъ университетѣ. Въ качествѣ академика онъ главнымъ образомъ работалъ надъ Corpus Inscriptionum Latinarum. Рядомъ съ этимъ онъ опубликовалъ многочисленный рядъ классическихъ изслѣдованій, изъ которыхъ каждое могло бы составить славу ученаго. Здѣсь были изслѣдованія итальянскихъ діалектовъ, римской хронологіи, римской монеты, нумизматики и т. д. Много лѣтъ онъ состоитъ главнымъ сотрудникомъ въ изданіи Autores antiquissimi въ Monumenta Germaniae historica

Грандіознымъ его трудомъ является его «Римское государственное право», потребовавшее отъ него 16 лѣтъ упорнѣйшаго труда. Еще теперь онъ занятъ дополненіемъ этого труда, а именно: объемистымъ изслѣдованіемъ старо-римскаго уголовнаго права. Десять лѣтъ тому назадъ, во время 70-лѣтней годовщины рожденія Моммзена, былъ сдѣланъ подсчетъ трудамъ историка; библіографія насчитывала свыше 1000 нумеровъ, заключавшихъ около 16.000 страницъ. За послѣднія 10 лѣтъ прибавилось, конечно, нѣсколько сотъ новыхъ нумеровъ и при томъ далеко не худшихъ.

Казалось бы, что одна такая ученая и профессорская дѣятельность способна наполнить самую богатую и продолжительную человѣческую жизнь. Но Моммзенъ, начавшій свою жизненную карьеру газетнымъ публицистомъ, оставался всегда чуткимъ къ живымъ нуждамъ общественной жизни. Онъ былъ депутатомъ ландтага и рейхстага и даже разъ привлекался къ суду за оскорбленіе кн. Бисмарка. На него, какъ и на Вирхова, часто

Digitized by Google

роптали, пускай бы они искать лучше оставались въ своихъ ученыхъ кабинетахъ. Но Моммзенъ на такія вылазки всегда обрушивался со всей силой своего ядовитаго сарказма. Такъ. напр., въ одномъ циркулярѣ къ своимъ избирателямъ онъ говоритъ: «мнѣ хорошо извѣстно, что по мнѣнію охранительной прессы ученому не слѣдъ вмѣшиваться въ общественныя дѣла,— особенно, если онъ принадлежитъ къ такъ называемымъ либераламъ. Но я не смущаясь открыто заявляю себя ординарнымъ профессоромъ,—а вѣдь извѣстно, что только самый послѣдній газетный писака признается политически правоспособнымъ»... Въ другой разъ, въ одномъ письмѣ онъ говоритъ о «плебейскихъ душахъ», удивляющихся, какъ можетъ ученый, у котораго такъ много болѣе благодарной для него работы пуститься въ политику. «Быть можетъ, я не свободенъ отъ ошибокъ въ моей политической дѣятельности,—пишетъ Моммзенъ.—Но самая грубая ошибка та, если снимаешь съ себя сюртукъ гражданина, чтобы не скомпрометировать шлафрокъ ученаго мужа»...

Съ именемъ каждаго нѣмецкаго ученаго связано всегда большее или меньшее число всякаго рода забавныхъ анекдотовъ. Вотъ одинъ изъ моммзеновскихъ анекдотовъ. Судьба дала нашему ученому очень счастливую семейную жизнь, наградивъ его чуть ли не 14 дѣтьми. Когда родился двѣнадцатый ребенокъ, то одинъ изъ мальчиковъ Моммзена, явившись въ школу, поднимаетъ вдругъ въ началѣ классныхъ занятій палецъ кверху, прося слова. «Что ты хочешь сказать?—спросилъ мальчика ректоръ. Herr Rektor! заявилъ маленькій Моммзенъ,—der Vater liess sagen: das Dutzend ist voll».

А вотъ еще подробность, характеризующая нашего профессора въ отличіе отъ большинства его коллегъ, падкихъ до орденовъ и титуловъ. Разсказываютъ, что къ 80-й годовщинѣ рожденія Моммзена, имѣлось въ виду наградить его званіемъ высокопревосходительства—Excellenz. Старикъ отклонилъ однако эту честь, какъ раньше отклонилъ предложенный ему титулъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника: онъ гордъ и довольствуется своимъ званіемъ нѣмецкаго профессора.

2. Арнольдъ Беклинъ.

На берегу Рейна, въ старомъ промышленномъ Базелѣ, на самой границѣ между романской и германской культурой родился 16 октября 1827 года художникъ Арнольдъ Беклинъ. Странная судьба: такой трезвый піетистскій городъ подарилъ міру такого генія фантастики! Но къ сѣверу тянется Шварцвальдъ, къ югу высятся Альпы, и солнце Италіи бросаетъ сюда свои живительные лучи. Да и самый городъ не лишенъ поэтическихъ прелестей: широкимъ потокомъ катятся посреди самаго города зеленыя волны Рейна, старинныя церкви и башни упираются своими вершинами высоко надъ уровнемъ домовъ, многія черты вызываютъ вос-

Digitized by Google

• поминанія о другомъ болѣе раннемъ сынѣ того же города — художникѣ Гольбейнѣ.

Между тѣмъ имя Беклина стало извѣстнымъ далеко за предѣлами его родного города и сдѣлалось гордостью не только нѣмецкой Швейцаріи, но всѣхъ нѣмцевъ, всего нѣмецкаго искусства. Болѣе того: собственная Германія считаетъ его своимъ по преимуществу; и, пожалуй, имѣетъ на то право, если принять въ соображеніе, какъ она лелѣяла и взлелѣяла геніальнаго базельскаго уроженца. Теперь трудно себѣ представить, что этотъ въ своемъ родѣ единственный художникъ современности въ началѣ своей карьеры долженъ былъ испытать большія матеріальныя лишенія. Извѣстный мюнхенскій меценатъ графъ Шакъ пришелъ ему на помощь какъ и многимъ другимъ впослѣдствіи знаменитымъ художникамъ какъ, напр., извѣстному мюнхенскому портретисту Францу - фонъ - Ленбаху

Теперь странно себѣ представить это въ виду того факта, что всѣ художественныя предпріятія истекшаго года, всѣ многочисленныя художественныя національныя и интернаціональныя выставки (въ одной Германіи ихъ было три: въ Берлинѣ, Дрезденѣ и Мюнхенѣ) блѣднѣли передъ художественнымъ праздникомъ, который сосредоточивался и продолжаетъ еще сосредоточиваться около имени одного Арнольда Беклина. Беклину исполнилось 70 лѣтъ, и по этому случаю отъ Рейна до Шпре на протяженіи всѣхъ нѣмецкихъ земель чествуется на разные лады имя юбиляра. Его чествуютъ въ родномъ Базелѣ спеціальной выставкой его картинъ, его чествуютъ въ Мюнхенѣ, гдѣ въ картинной галлереѣ его покойнаго покровителя Шака заключены почти всѣ работы первой поры его творчества, а въ Новой Пинакотекѣ — имѣется нѣсколько чудныхъ картинъ его зрѣлыхъ лѣтъ; его чествуютъ въ Берлинѣ, гдѣ съ 1-го декабря мѣстная академія художествъ собрала на спеціальную выставку въ своихъ стѣнахъ около ста оригинальныхъ и до 300 снимковъ съ картинъ юбиляра; его чествуютъ повсюду въ Германіи, гдѣ имѣются художественные интересы и шевелится художественная жизнь. А шевелится такая жизнь теперь во многихъ пунктахъ Германіи, и это одно изъ любопытныхъ явленій, которое бросается въ глаза наблюдателю нѣмецкой жизни. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ области духовной жизни конецъ вѣка для Германіи характеризуется рѣдкимъ и преобладающимъ пристрастіемъ нѣмцевъ къ живописи, которая отодвинула на второй планъ прежнія пристрастія къ литературѣ и музыкѣ.

Только ростомъ этого интереса къ живописи и одновременнаго съ этимъ роста художественнаго развитія объясняется нѣсколько запоздалое признаніе художественнаго генія Беклина. Трудно назвать другого нѣмецкаго художника, который бы подвергся такимъ кривотолкамъ, какъ Беклинъ. Воспитанные во всякаго рода предвзятыхъ мнѣніяхъ публика и художественные круги останавливались передъ этой самобытной силой съ недоумѣніемъ и это свое недоумѣніе разрѣшали отрицаніемъ то техническихъ, то идейныхъ качествъ за творчествомъ Беклина. Отъ этого отри-

Digitized by Google

ланія не осталось теперь и намека, и каждый непредубѣжденный зритель, стоя передъ картинами Беклина, чувствуетъ, правда, что стоитъ передъ загадкой, но въ то же время ощущаетъ на себѣ прелесть и обаяніе этой загадки.

Беклина то называли поэтомъ, миѳологомъ среди художниковъ, то натуръ-фантастомъ. Всѣ эти и другія обозначенія быть можетъ и подойдутъ къ нему, но во всякомъ случаѣ не исчерпаютъ сущности и богатства его творчества. Натуръ-фантастъ онъ, пожалуй, въ томъ смыслѣ, что, благодаря своему необыкновенному дарованію, онъ какъ бы разрѣшаетъ то противорѣчіе, которое имѣется между природою и фантазіей. Онъ какъ бы творитъ средствами самой природы. Его художественные образы на первый взглядъ превышаютъ всѣ границы нашихъ представленій, а между тѣмъ при ближайшемъ разсмотрѣніи нельзя не подчиниться убѣдительной реальной мощи этихъ созданій художественной фантазіи.

Никто съ такой силой не рисовалъ земли, воды, огня—какъ Беклинъ. Огню посвященъ цѣлый циклъ картинъ, изображающихъ благодѣянія и злодѣянія этой стихіи, похищенной титаномъ у неба. Къ числу этихъ картинъ принадлежатъ между прочимъ грандіозная фантазія Беклина о прикованномъ Прометеѣ и разныя модификаціи пожара горнагозамка.

Землю Беклинъ рисуетъ во всемъ блескѣ ея материнскихъ сокровищъ, то грозную, когда всѣ прочія стихіи природы точно бушуютъ вокругъ нея, то торжественно умиротворенную, когда лѣсъ, долины, скалы и холмы точно дышатъ радостной улыбкой,—и все это съ той исключительно беклиновской яркостью красокъ, которая не знаетъ себѣ ничего равнаго. Особенно любитъ Беклинъ весну. Поэзію весенняго настроенія природы, нѣжныя дыханія весеннихъ вѣтровъ, пѣнящіеся ручейки, сверкающіе подъ солнечными лучами ключи и весь рой рѣзвящихся на этомъ привольѣ спеціальныхъ беклиновскихъ животныхъ тварей,—никто въ этомъ отношеніи не превзошелъ Беклина.

Когда же онъ рисуетъ воду, то здѣсь особенно проявляется магическая сила художника. Достаточно посмотрѣть на его картину «Игра волнъ» въ мюнхенской Новой Пинакотекѣ, или «Морскую тишь» и многія другія на туже тему, но всегда съ новыми и оригинальными варіаціями.

Кто такъ глубоко проникъ въ тайны природы, какъ Беклинъ, тотъ можетъ смѣло довѣряться своей творческой фантазіи. Поэтому всѣ тѣ сказочныя существа, которыми Беклинъ населяетъ въ своихъ картинахъ землю и воду, производятъ впечатлѣніе чего-то вѣроятнаго, реальнаго. Удивительнѣе всего его центавры, тритоны и прочія получеловѣческія, полуживотныя существа, которыя у Беклина являются съ отпечаткомъ жизненной реальности, потому что образы эти художникомъ не взяты въ томъ видѣ, какъ ихъ завѣщало намъ античное искусство, а формируются имъ сообразно съ представленіемъ о прошедшихъ геологическихъ эпохахъ. Къ тому же художникъ даетъ этимъ образамъ всегда своеобразную юмористическую окраску, что ихъ дѣлаетъ еще болѣе доступными нашему пониманію.

Digitized by Google

Портреты Беклина особенно поражаютъ своимъ идейнымъ выраженіемъ. Чрезвычайно оригинальны его изображенія одинокихъ, кочующихъ, печалующихся и безпокоющихся людей, всякаго рода искателей приключеній. Какъ чудесенъ напр., его старикъ «отшельникъ», играющій на скрипкѣ передъ своей мадонной и пытливо наблюдаемый группою ангеловъ. Или его картина искателя приключенія «Abendteuer», изображающая рыцаря, блуждающаго на изможенномъ конѣ среди безлюдной пустыни.

Зная прекрасно всѣ изгибы жизни природы и людей, Беклинъ также хорошо знаетъ и всѣ изгибы смерти и страданій. Стоитъ посмотрѣть на его картину «Островъ Смерти», или на его «Pietà», находящуюся въ «Національной Галлереѣ» въ Берлинѣ.

Такъ глубоко рисовать страданіе матери по своемъ сынѣ, какъ въ «Pietà» можетъ только такой оригинальный геній какъ Беклинъ. Вечерній сумракъ спустился на землю. Изъ него вырисовывается цвѣтами усѣянная мраморная плита, на которой лежитъ окоченѣлое тѣло Спасителя. Надъ трупомъ послѣдняго опустилась мадонна, вся покрытая черной шалью, и только видна ея рука, охватившая шею мертваго сына. Сквозь облака опускается къ низу окруженный ангелами Гавріилъ, чтобы утѣшить плачущую Марію...

Двадцать лѣтъ прошло со времени выполненія этой грандіозной картины. Съ тѣхъ поръ Бёклинъ не переставалъ работать, что доказываетъ уже самое число его картинъ. Въ нихъ заключена красота, какая только доступна воспріимчивой и впечатлительной природѣ человѣка. Болѣе того: онъ своими картинами какъ бы расширилъ область этихъ человѣческихъ воспріятій и чувствъ. Отсюда, можно сказать, громадное культурное значеніе картинъ Бёклина. Германія имѣетъ теперь выдающихся художниковъ въ лицѣ Адольфа Менцеля или Макса Либермана. Но идеалы, воплощенные въ работахъ этихъ художниковъ должны будутъ со временемъ уступить мѣсто новымъ идеаламъ, между тѣмъ какъ геніальныя творенія Бёклина носятъ на себѣ печать вѣчности.

Любопытно, между прочимъ, какъ этотъ художникъ шелъ во всю жизнь своей особой дорогой, оставаясь въ сторонѣ отъ всѣхъ партійныхъ споровъ различныхъ художественныхъ школъ и даже нисколько не прислушиваясь къ нападкамъ на его собственную личность. Ему 70 лѣтъ, и о немъ только знаютъ, что онъ неустанно работалъ и творилъ.

Глубоко поэтическая натура и въ то же время замкнутая въ самой себѣ. Никто не знаетъ о немъ ничего, кромѣ его художественныхъ твореній. Въ этомъ отношеніи онъ очень напоминаетъ другого геніальнаго художника современности — Ибсена Генриха.

Арнольдъ Бёклинъ въ концѣ 50-хъ годовъ былъ нѣкоторое время профессоромъ художественной академіи въ Веймарѣ. Но затѣмъ все время жилъ свободнымъ художникомъ въ Мюнхенѣ, Базелѣ и наконецъ въ Италіи. Здѣсь же онъ женился на итальянкѣ и послѣднія двадцать лѣтъ живетъ въ собственной виллѣ близъ Флоренціи.

Digitized by Google

Въ юбилейныхъ торжествахъ, устроенныхъ повсюду его многочисленными почитателями, онъ лично не принималъ, конечно, почти никакого участія, и тѣ многочисленные адресы, которые въ концѣ прошлаго года сыпались на его сѣдую голову, вѣроятно, составили только короткую паузу въ его плодотворной жизни.

3. Генрихъ Гейне.

Если образы двухъ названныхъ и еще живущихъ юбиляровъ являются въ представленіи своего времени и своихъ современниковъ полными нераздѣльнаго и единодушнаго очарованія, то о третьемъ юбилярѣ уже спустя долгое время послѣ смерти приходится сказать, что его образъ колеблется— «von der Parteien Hass und Gunst verwirrt». Даже на счетъ времени его рожденія мы не имѣемъ точной даты, что служитъ лишнимъ аргументомъ еще многочисленныхъ противниковъ и враговъ геніальнаго поэта, увѣряющихъ, будто подлинный возрастъ Гейне былъ въ свое время измѣненъ его родителями, чтобы избавить сына отъ прусской солдатчины.

Большинство біографовъ поэта склоняются въ пользу 13 Декабря 1797 года, какъ времени его появленія на свѣтъ Божій. Но имѣются также убѣдительные доводы въ пользу 1799 года. Самъ Гейне указывалъ то на 1797-ой, то на 1799 годъ, то наконецъ на 1 января 1800 года съ извѣстной шутливой добавкой, что онъ родился однимъ изъ первыхъ людей новаго столѣтія. Не подлежитъ сомнѣнію, что черезъ два года будутъ снова справляться поминки по Гейне, такъ какъ многочисленные круги нѣмецкаго общества считаютъ 1799 годъ за годъ рожденія поэта и точно изъ глубокаго благоговѣнія къ его памяти остались въ сторонѣ отъ юбилейныхъ поминокъ по случаю предполагаемой сотой годовщины его рожденія.

Какъ бы то ни было, можно съ легкимъ сердцемъ присоединиться и къ предстоящимъ въ 1899 юбилейнымъ поминкамъ, не отказываясь въ то-же время отъ повода, какой даетъ намъ 1897 годъ, чтобы возстановить въ памяти нѣкоторыя черты *) столь прославленнаго и столь оклеветаннаго поэта. Любопытно между прочимъ то обстоятельство, что внѣ Германіи юбилей Гейне былъ отпразднованъ съ гораздо большимъ достоинствомъ, чѣмъ въ отечествѣ многострадальнаго поэта. Я знаю по газетамъ о литературныхъ вечерахъ, устроенныхъ въ Россіи въ память Гейне; знаю о торжествахъ въ Австріи, гдѣ, какъ извѣстно, императрица является горячей и восторженной поклонницей поэта, знаю о такихъ же торжествахъ въ Парижѣ, гдѣ покоится его прахъ; даже въ Америкѣ, куда на этихъ дняхъ отправленъ изъ Европы грандіозный памятникъ для постановки въ Нью-Іоркѣ. Но мнѣ неизвѣстно ни одного случая, чтобы въ

*) Болѣе подробную характеристику знаменитаго поэта читатель найдетъ въ выше помѣщенной статьѣ проф. Даудена.

Ред.

Digitized by Google

самой Германіи столѣтняя годовщина рожденія Гейне ознаменовалась чѣмъ нибудь большимъ, нежели нѣсколькими газетными статьями и то какого то расплывчатаго извинительнаго характера. Причина этого понятна: внѣ Германіи Гейне знаютъ, любятъ и цѣнятъ какъ одного изъ величайшихъ поэтовъ 19-го столѣтія; въ Германіи же и спустя сорокъ лѣтъ послѣ его смерти идетъ ожесточенный споръ изъ за невыясненныхъ еще качествъ Гейне какъ человѣка и патріота. Среди этого разгара націоналистическихъ, патріотическихъ и тому подобныхъ тенденцій остается еще открытымъ вопросъ о формальномъ памятникѣ поэта, тогда какъ созданный имъ себѣ нерукотворный памятникъ уже давно воздвигнутъ прочно— подчасъ безсознательно—въ памяти и сердцахъ его соотечественниковъ—какъ поклонниковъ, такъ равно и противниковъ.

Еще не такъ давно можно было видѣть даже среди нѣмецкой интеллигенціи въ Берлинѣ, до какой интенсивности можетъ доходить ненависть къ давно усопшему поэту. Это было по случаю вновь возбужденнаго вопроса о постановкѣ памятника Гейне въ его мѣсторожденіи— Дюссельдорфѣ. Извѣстный проповѣдникъ Штекеръ былъ еще тогда въ апогеѣ своей печальной славы, и въ многолюдномъ собраніи въ берлинской Тонгаллѣ собралась подъ его команду пресловутая и на всякое человѣконенавистничество падкая «академическая молодежь». Съ присущей этому проповѣднику тетральностью продекламировалъ онъ собранію нѣсколько «возмутительныхъ» гейневскихъ стихотвореній и для вящаго эффекта держался за носъ, желая какъ бы охранить себя отъ зловонія гейневской поэзіи. И когда желательное настроеніе въ слушателяхъ было вызвано, то съ трибуны раздались громовыя слова возмущеннаго оратора: «И этому человѣку поставить памятникъ! Да! если угодно— памятникъ изъ грязи»!.. Послѣдовавшій за тѣмъ дикій взрывъ ненависти согласнаго съ ораторомъ собранія интеллигентной публики и академической молодежи не поддается описанію.

А между тѣмъ удивительное дѣло! Тѣ самые люди, которые свирѣпѣютъ отъ злости, когда заходитъ рѣчь о памятникѣ Гейне, ни на одну минуту не могутъ освободиться отъ очаровательнаго наслѣдія поэта. Взгляните на консервативную антисемитическую нѣмецкую прессу: передовицы полны негодованія противъ «разрушителя всякихъ святынь», а внизу подъ чертой, въ фельетонномъ отдѣлѣ того же нумера газеты, этотъ разрушитель и богохульникъ царитъ во всей своей поэтической неуязвимости и величіи. То и дѣло герои и героини этихъ разсказовъ и повѣстей «подъ чертой», чтобы выразить то или иное охватившее ихъ чувство, прибѣгаютъ къ художественной сокровищницѣ разносимаго въ передовицѣ поэта... Что это значитъ? Это значитъ, что вопреки всѣмъ моралистамъ, поэзія Гейне сдѣлалась общимъ достояніемъ души и сердца и не вытравить это достояніе никакими лицемѣрными аппеляціями къ низменнымъ инстинктамъ «академической молодежи». При такихъ условіяхъ нелѣпый и злосчастный споръ о памятникѣ Гейне теряетъ всякій не только формальный, но и идеальный смыслъ и значеніе.

Digitized by Google

Жизнь Гейне была полна противорѣчій, также противорѣчивы мнѣнія и тѣхъ партій, которыя еще по сіе время судятъ и рядятъ надъ многогрѣшной и многосложной душой поэта. Одни превозносятъ его до небесъ, другіе считаютъ его исчадіемъ ада. Тогда какъ многіе его современники уже очищены отъ всякаго наноснаго сора и объяснены изъ духа и особенностей своего времени, надъ памятью Гейне тяготѣютъ еще разные «моральные масштабы», и то оплакивается его нравственный характеръ, то подвергается сомнѣнію его политическая устойчивость. При этомъ забывается, что онъ былъ человѣкъ и какъ таковой—сложное нравственное существо. Забывается сверхъ того, что онъ былъ необыкновенно художественная воспріимчивая и впечатлительная натура, легко воспламеняющаяся и легко возмущающаяся. Его великимъ несчастіемъ было то обстоятельство, что онъ былъ рожденъ евреемъ. Его племя было только что эмансипировано, а онъ, еще будучи подросткомъ, былъ свидѣтелемъ въ Гамбургѣ самыхъ потрясающихъ сценъ антисемитическаго изувѣрства. Со всей страстью своей поэтической и лирической натуры хотѣлъ онъ раствориться въ нѣмецкой народности. Вмѣсто того ему пришлось испытывать одни униженія. Отсюда источникъ дисгармоніи во всей его жизни. Онъ былъ рожденъ пролетаріемъ, а между тѣмъ не былъ способенъ нести крестъ лишеній. Ему пришлось поэтому еще юношей отдать себя въ распоряженіе богатаго родственника, а затѣмъ пойти на службу журналистики. Не будь онъ обреченъ на эту изнурительную и изнервничивающую работу, быть можетъ, многое изъ того, что служитъ теперь пятномъ на его памяти, осталось бы не написаннымъ.

Ему ставятъ въ упрекъ его эгоизмъ, его безчувственность ко всему, что обыкновенно считается дорогимъ. Но ближайшее изслѣдованіе его отношеній къ людямъ, друзьямъ и роднымъ служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ противнаго.

Его обвиняютъ въ пристрастіи ко Франціи и во враждебности къ своему отечеству. Но и это обвиненіе разлетается въ дребезги въ виду тѣхъ положительныхъ свидѣтельствъ горячей привязанности къ родинѣ, какими изобилуютъ его произведенія. Что же касается его пристрастія къ Франціи, то какъ было ему не любить эту страну, гдѣ онъ нашелъ себѣ такой гостепріимный пріютъ, гдѣ его личность и его произведенія встрѣчали такое восторженное признаніе, тогда какъ на родинѣ его личность подвергалась поношенію, а произведенія воспрещались еще до появленія своего въ свѣтъ.

Своей популярностью въ Германіи, какъ и повсюду, Гейне главнымъ образомъ обязанъ своимъ лирическимъ произведеніямъ. Противники поэта очевидно не задаются вопросомъ, что сталось бы съ нѣмецкой литературой и жизнью, если бы по ихъ желанію удалось вычеркнуть Гейне изъ памяти народа. Пѣсни Гейне съ ихъ сладкой мелодичностью—это народное достояніе, а его тонко отшлифованныя эпиграммы чуть что не ходячая монета. Достаточно указать на то, что на текстъ гейневскихъ пѣ-

Digitized by Google

сенъ сложено болѣе 3.000 музыкальныхъ композицій, тогда какъ пѣсни Гете представлены лишь въ 1.700 мотивахъ.

Придетъ время, когда около имени Гейне прекратится партійный споръ, и этому многострадальцу будетъ прощена его многогрѣшность. Тогда не станутъ спорить о томъ, былъ-ли Гейне аристократъ или демократъ, іудей или христіанинъ, Всѣ согласятся на томъ, что онъ всегда и вездѣ былъ свѣточемъ и носителемъ лучшихъ надеждъ и стремленій; что при всѣхъ своихъ человѣческихъ слабостяхъ онъ былъ поэтомъ въ возвышеннѣйшемъ смыслѣ слова.

Г. Гроссманъ.

Во Франціи

Альфонсъ Додэ.

16 Декабря 1897 года умеръ внезапно отъ разрыва сердца Альфонсъ Додэ. Ему было пятьдесятъ восемь лѣтъ. Въ послѣдніе годы онъ работалъ меньше, страдая отъ тяжкаго нервнаго недуга, который и былъ причиной его преждевременной смерти. Въ Додэ умеръ писатель очень популярный, но въ сущности болѣе цѣнимый своими читателями, чѣмъ критикой. Причина его популярности очень понятна и не идетъ въ разрѣзъ съ литературными достоинствами его произведеній — какъ это бываетъ съ другими романистами, вродѣ напр. Жоржа Онэ: Романы Додэ привлекательны для многихъ читателей тѣмъ, что въ нихъ отсутствуетъ внѣшняя реалистическая грубость, свойственная большинству французскихъ романовъ. Додэ можно читать, не наталкиваясь постоянно на оскорбительную наготу картинъ и выраженій—это писатель для всѣхъ возрастовъ, одинъ изъ немногихъ во Франціи въ этомъ родѣ. Существуютъ, конечно, во Франціи ремесленныя повѣсти «для молодыхъ дѣвушекъ», но они ютятся въ семейныхъ журналахъ и «книгахъ для подарковъ», и никакого литературнаго значенія не имѣютъ. Романисты же, которые не имѣютъ въ виду опредѣленнаго круга читателей, а слѣдуютъ только своей писательской манерѣ, непремѣнно уснащаютъ романы однѣми и тѣми же прискучившими подробностями Парижской деморализаціи, Додэ же отличается тѣмъ, что, оставаясь бытописателемъ Парижа, онъ не искалъ дешевыхъ пикантныхъ эффектовъ, а изображалъ жизнь серьезно, оставаясь при этомъ въ кругу опредѣленныхъ нравственныхъ понятій. Романы Додэ нравственны «honnêtes», какъ называютъ французы. Но въ то время какъ широкій кругъ читателей цѣнитъ Додэ за примирительно-нравственные идеалы, критика обвиняетъ его въ слащавости и сентиментальности. На самомъ дѣлѣ Додэ по своему міросозерцанію истинный оптимистъ; онъ любитъ людей, отыскиваетъ въ нихъ идеальныя черты характера и думаетъ, что торжество добра возможно въ жизни. Эта вѣра составляетъ центръ не особенно широкаго міросозерцанія художника. Додэ не идеалистъ — въ немъ нѣтъ высокаго пониманія нравственности и красоты, которая дѣ-

Digitized by Google

лала бы невозможнымъ примиреніе съ тѣмъ, что въ ограниченныхъ людскихъ отношеніяхъ считается истиной, добромъ и красотой. Онъ мирится съ мелкими людскими представленіями объ идеальныхъ качествахъ души и потому такъ легко находитъ ихъ въ жизни. Его романы наполнены типами идеальныхъ людей, и вслѣдствіе этого Додэ кажется критикѣ сентиментальнымъ, т. е. въ сущности не особенно строгимъ въ своихъ умиленіяхъ передъ добродѣтелью; вотъ почему также онъ пришелся такъ по сердцу большому кругу читателей, которые счастливы, находя откликъ на свои ограниченныя требованія въ области достижимой житейской добродѣтели. Эта добродѣтель торжествуетъ или, напротивъ того, терпитъ пораженіе, смотря по тому, какъ складываются обстоятельства, но торжество ея всегда несомнѣнно въ душѣ художника, который вѣритъ въ возможность добра на землѣ и отрицаетъ такимъ образомъ трагическую основу жизни.

Додэ оптимистъ — въ этомъ его сила, какъ доступнаго и пріятнаго людямъ моралиста. Въ этомъ же его недостатокъ съ точки зрѣнія литературной. Все великое въ литературѣ исходило изъ пессимизма, насколько дѣло касалось изображенія жизни, или изъ идеализма, когда вѣра въ жизнь покоится на пониманіи божественнаго начала бытія. Оптимизмъ же, т. е. примиреніе съ ограниченными житейскими идеалами, былъ всегда удѣломъ второстепенныхъ художниковъ, къ числу которыхъ приходится отнести и Додэ. Но идейная второстепенность Додэ выкупается чисто художественными качествами его таланта. Онъ не стоитъ высоко, какъ моралистъ, но онъ высоко талантливый бытописатель, понимающій всю пестроту жизни. Онъ создалъ цѣлую галлерею литературныхъ типовъ и изображалъ французскую дѣйствительность съ необычайнымъ богатствомъ колорита, и обнаруживалъ глубоко поэтическую натуру. Додэ, какъ философъ жизни стоитъ гораздо ниже многихъ современныхъ ему представителей натуралистической школы, къ которой онъ примкнулъ, слѣдуя за своими учителями. Флоберомъ и Гонкуромъ, и идя рядомъ съ другимъ болѣе крупнымъ талантомъ и болѣе выдержаннымъ въ идейномъ отношеніи—Зола.

Но, какъ художникъ, онъ стоитъ высоко, и многія, чисто оригинальныя свойства его таланта создаютъ ему особое положеніе въ французской литературѣ.

Романы Додэ можно раздѣлить на двѣ группы: къ первой относятся его парижскіе романы. Они принадлежатъ къ болѣе зрѣлому періоду его дѣятельности. Додэ уроженецъ Юга, родился въ Нимѣ въ 1840 г.; первую молодость онъ провелъ тоже на Югѣ, главнымъ образомъ въ Ліонѣ, гдѣ сначала учился, а потомъ былъ учителемъ, и гдѣ испыталъ много жизненныхъ лишеній въ виду печальныхъ матеріальныхъ обстоятельствъ своихъ родителей и многочисленности семьи, въ которой онъ выросъ. Но эта трудовая жизнь обогатила его художественную память широкимъ знаніемъ жизни и богатымъ душевнымъ опытомъ. Поселив-

Digitized by Google

шись въ Парижѣ, онъ тоже еще долго боролся съ обстоятельствами, прежде чѣмъ сталъ на ноги и пріобрѣлъ твердое литературное положеніе. Все это отразилось въ его романахъ, дѣлая ихъ эпопеей французской жизни, преимущественно средняго круга, гдѣ чувства, страданія и радости обусловливаются въ значительной степени обстоятельствами и необходимостью бороться за жизнь, за положеніе въ обществѣ, за отношеніе другихъ людей къ себѣ. Всѣ его романы рисуютъ людей таковыми, какими ихъ дѣлаютъ удачи или-неудачи въ жизни, причемъ сентиментальность моралиста побуждаетъ его разбивать людей на удачниковъ и неудачниковъ, къ первымъ онъ причисляетъ людей съ сильной волей, холоднымъ умомъ и жестокой душой, въ то время, какъ неудачники являются большею частью жертвами своего любящаго сердца и своего безкорыстія. Во всѣхъ Парижскихъ романахъ Додэ изображается эта борьба за жизнь, всегда въ центрѣ дѣйствія не душевныя переживанія, а заботы о внѣшнихъ условіяхъ жизни. Какъ у Бальзака, деньги и общественное положеніе составляютъ главный мотивъ дѣйствій героевъ Додэ.—Чувства и страсти уже обусловливаются этимъ основнымъ элементомъ Парижской жизни, какъ она отразилась въ душѣ и воображеніи южанина, наблюдающаго за лихорадочной столичной жизнью. Лучшіе парижскіе романы Додэ «Nouma Roumestan», «Fromont jeune et Risler Ainé», «Le Nabab», «Jack», «Les Rois en exil», L'Immortel», «Sapho». Въ нихъ рисуется парижская жизнь и ея странное свойство создавать могущество на часъ, возвеличить человѣка, сдѣлать его идоломъ низкопоклонической борьбы, окружить его, какъ въ сказкѣ, богатствомъ, славой и могуществомъ—и потомъ, сразу, все отнять, развѣнчать и превратить вчрашняго героя толпы въ забытаго, затертаго въ толпѣ зрителя новыхъ феерій судьбы. Эти чисто парижскія coups de fortune и простыя житейскія драмы, которыя таятся за ними, погоня за возможными удачами и банкротство благородныхъ побужденій въ этой погонѣ за призраками—вотъ содержаніе романовъ Додэ, изображающихъ главнымъ образомъ общую атмосферу дѣлового и политическаго Парижа и всѣ вплоть до малѣйшихъ колесъ громадной общественной машины. Особенно занимаютъ Додэ драмы возникающихъ и падающихъ величій въ столичной жизни, которая неизмѣнно спѣшитъ дальше, равнодушная и къ минутнымъ героямъ и къ жертвамъ. «Nabab» одна изъ сильныхъ вещей въ этомъ родѣ—Le Nabab — гдѣ вокругъ добродушнаго и случайно разбогатѣвшаго южанина выростаетъ какъ по волшебству цѣлый міръ людей, видящихъ въ немъ добычу, создаются цѣлыя существованія, зависящія отъ него, расцвѣтаетъ счастье мелкихъ, невѣдомыхъ самому «волшебнику-набабу» тружениковъ — и начинается какая то бѣшеная скачка къ неминуемой катастрофѣ, одинаково проглатывающей и виновныхъ и невинныхъ. — Въ «Rois en Exil» представляется противоположная картинка павшаго величія—для котораго Парижъ является опять единственно подходящей ареной, гдѣ

Digitized by Google

ежеминутно возникаютъ тысячи возможностей стать изъ побѣжденныхъ побѣдителями. Въ другихъ романахъ Додэ открываетъ новыя стороны той же напряженной до крайнихъ предѣловъ Парижской жизни, гдѣ ежеминутно готовятся катастрофы, и гдѣ безпечные и безумные люди продолжаютъ искать минутнаго счастья или замѣну его—удовольствій. Фабричный бытъ съ его царями и рабами изображенъ въ «Fromont Jeune et Risler Aîné», ученый міръ съ его интригами и стяжательствами въ «Immortel» и драмѣ «Struggle for Life», которая составляетъ продолженіе романа «Nouma Roumestan»—картина тѣхъ же приливовъ и отливовъ въ политической жизни. И повсюду, во всѣхъ этихъ романахъ, бытописательная сторона выше чисто психологической; Додэ опытный художникъ толпы, каковая бы она ни была, отдѣльные же характеры выходятъ у него, за немногими исключеніями, односторонне очерченными—въ ту или другую сторону: или непорочными и невинно страдающими ангелами, или жестокими угнетателями.

Вторая группа произведеній Додэ—его романы, повѣсти и сказки изъ провансальской жизни и природы. «Nouma Roumestan» отчасти принадлежитъ къ этой группѣ, потому что тамъ изображенъ южанинъ, внесшій въ разсудочный Парижъ свою южную горячность и фантастичность и увидѣвшій—на одно мгновеніе, какъ всѣ герои Парижа—у ногъ своихъ весь Парижъ. Но въ этомъ романѣ главную роль играютъ еще парижскіе нравы съ ихъ яркой пустотой. Въ другихъ же произведеніяхъ Додэ воспроизводилъ совершенно иную дѣйствительность—людей, живущихъ только собой, своей фантазіей, своими страстями, беззаботныхъ относительно завтрашняго дня, не знающихъ борьбы и погони за возможнымъ будущимъ благомъ, всецѣло проникнутыхъ минутой, наслаждающихся всѣмъ, что приноситъ жизнь. Непосредственныя южныя натуры, съ ихъ страстностью и безкорыстіемъ, съ ихъ природнымъ непониманіемъ опредѣленной житейской морали,—съ ихъ открытой душой и пылкимъ воображеніемъ—вотъ типы близкіе Додэ, и въ изображеніи ихъ онъ становится тонкимъ психологомъ. Созданный имъ типъ Тартарена—лгуна по темпераменту, героя и въ тоже время труса, великодушнаго и мелкаго, озареннаго южнымъ солнцемъ, которое все дѣлаетъ прекраснымъ—останется вѣчнымъ въ литературѣ. Всѣ другіе герои его безчисленныхъ провансальскихъ разсказовъ, новостей и сказокъ (Petit chose, Lettres de Mon Moulin, Tresor d'Arlatan, драма Arlesienne и мн. др.) принадлежатъ къ той же категоріи непосредственныхъ натуръ, умѣющихъ сильно и красиво чувствовать. Додэ истинный поэтъ въ этихъ произведеніяхъ, гдѣ южная природа становится частью всей жизни, гдѣ люди живутъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ подъ мягкій акомпаниментъ синихъ волнъ и подъ ласковымъ взоромъ всепрощающаго яркаго солнца, вѣчно сулящаго радость.

Додэ былъ истиннымъ художникомъ въ своемъ умѣніи изображать югъ, т. е. стихійное начало въ жизни и людяхъ. Въ этомъ его глав-

Digitized by Google

ная литературная заслуга, выкупающая его философскую узость и сентиментальность его парижскихъ романовъ.

Послѣдними произведеніями Додэ былъ романъ La Petite Paroisse и повѣсть Le Trésor d'Arlatan. Въ настоящее время печатается еще Le Soutien de famille.

Зин. Венгерова.

Новости иностранной литературы.

Julius Milthaler, Das Rätsel des Schönen. Eine Studie über die Principien der Aesthetik. Leipzig.

Въ наукѣ, взятой въ цѣломъ, а равно въ частяхъ ея и отдѣльныхъ доктринахъ можно ясно различать, по мнѣнію автора, двѣ ступени развитія: метафизическую и позитивную. Эти ступени развитія характеризуются методами изслѣдованія: въ метафизической преобладаніемъ дедукціи въ позитивной—индукціи. Метафизическая наука предполагаетъ постановкой всеобъемлющей гипотезы объяснить всю область данныхъ явленій; позитивная же убѣждена, что вѣрнаго знанія возможно достигнуть, подвигаясь впередъ лишь помаленьку, шагъ за шагомъ. Она отдѣляетъ себѣ самымъ опредѣленнымъ образомъ извѣстную область, строго формулируетъ свою главную задачу и ищетъ разрѣшенія ея, помощью находящихся въ ея распоряженіи средствъ. Въ обработкѣ эстетики можно отчетливо различать указанные два метода.

Главнѣйшія положенія метафизической эстетики слѣдующія: художественное произведеніе должно быть совершенно само по себѣ и должно быть разсматриваемо отдѣльно отъ наслаждающагося имъ субъекта; опредѣленіе художественнаго произведенія не должно основываться на дѣйствіи, производимомъ художественной работой на зрителя или слушателя, такъ какъ это дѣйствіе можетъ быть совершенно случайнымъ.—Главныя положенія позитивной эстетики совершенно противоположны: подъ зрителемъ художественнаго произведенія слѣдуетъ понимать средняго человѣка, одареннаго нормальными духовными способностями и владѣющаго образованіемъ, свойственнымъ опредѣленной эпохѣ. Такихъ лицъ существуетъ много, и къ нимъ художникъ обращается съ своими произведеніями. Характерное дѣйствіе, необходимо производимое художественнымъ произведеніемъ на нормальныхъ зрителей, бываетъ одинаково. Ни зулусъ, ни какой либо другой африканскій дикарь не признаетъ прекрасной бетховенскую сонату и софокловскую трагедію, потому что не получитъ отъ нихъ никакого эстетическаго впечатлѣнія. Художественное произведеніе

Digitized by Google

не мыслимо отдѣльно отъ наслаждающагося субъекта. Какъ краски цвѣтка перестаютъ быть красками и остаются лишь движеніями частицъ эфира, если отсутствуетъ ощущающій глазъ, такъ и художественное произведеніе остается лишь извѣстнымъ образомъ расположенною матеріею, извѣстною послѣдовательностью колебаній воздуха, какъ скоро исчезаетъ зритель или слушатель.

Въ построеніи позитивной эстетики можно идти двумя путями. Первый путь есть путь индуктивнаго изслѣдованія большого числа признанныхъ художественныхъ произведеній въ видахъ отысканія свойствъ прекраснаго и опредѣленія отдѣльныхъ видовъ искусства. Этимъ путемъ анализа художественной техники Аристотель пришелъ къ своимъ главнѣйшимъ положеніямъ объ искусствѣ и о прекрасномъ, которыя онъ изложилъ въ Поэтикѣ. Тѣмъ же путемъ позднѣе шли Лессингъ и Фехнеръ. Указанный методъ имѣетъ существенные недостатки. Съ его помощью можно достигнуть безспорныхъ положеній относительно понятія о прекрасномъ, но невозможно убѣдиться, чтобы эти положенія вполнѣ исчерпывали свойства прекраснаго, чтобы они были достаточны. Второй путь не прямой. Держащіеся его не прямо анализируютъ художественное произведеніе, но исходятъ отъ разсмотрѣнія духовнаго процесса въ наслаждающемся субъектѣ и отсюда уже выводятъ существенныя свойства художественнаго произведенія. Аристотель случайно касался и этого пути, его знаменитое опредѣленіе трагедіи основывается на дѣйствіи, производимомъ ею на зрителя. Кантъ въ своей «Критикѣ способности сужденія» основалъ эстетику на разсмотрѣніи субъекта; ему слѣдовалъ Шиллеръ въ своихъ эстетическихъ сочиненіяхъ. Спенсеръ далъ твердую основу этой системѣ, привлекши къ дѣлу эволюціонную психологію.

Съ точки зрѣнія кантовско-спенсеровской теоріи Мильталеръ и написалъ свою книжку по эстетикѣ. Въ ней онъ часто вступаетъ въ споръ съ Гюйо, который въ книгѣ «Les problèmes de l'esthétique contemporaine» (1884 г.) не одинъ разъ высказалъ сужденія, несогласныя со взглядами Канта и Спенсера. Главнѣйшіе вопросы, которые авторъ обсуждаетъ въ своей книгѣ, слѣдующіе три: въ чемъ состоитъ художественное наслажденіе, какія главныя свойства художественнаго произведенія и какъ слѣдуетъ классифицировать виды прекраснаго и искусствъ. Чтобы ознакомить нѣсколько ближе со взглядами автора, мы приведемъ результаты его изслѣдованій, содержащихся въ первой главѣ, самой важной въ его сочиненіи.

Исходнымъ пунктомъ разсужденій этой главы послужилъ вопросъ: чѣмъ отличается эстетическое удовольствіе отъ другихъ удовольствій? Эстетическое удовольствіе связано съ духовною дѣятельностью, которая имѣетъ характерные признаки игры, а эта послѣдняя отличается отсутствіемъ цѣли, утомительности, сопровождающей трудъ, и многосторонностью. Проводниками эстетическихъ впечатлѣній служатъ лишь зрительныя и слуховыя ощущенія. Поэтому художественное наслажденіе

Digitized by Google

можетъ быть опредѣльно такимъ образомъ: оно состоитъ въ безцѣльной игрѣ ощущеній и ассоціативныхъ представленій, возникшихъ изъ зрительныхъ и слуховыхъ раздраженій, и которыя какъ бы сами собой въ пестрой смѣнѣ стремятся къ общей цѣли. Въ виду спенсеровскаго положенія о томъ. что каждая игра есть подраженіе дѣятельности, полезной индивидууму или роду, авторъ пытался доказать, что эстетическое наслажденіе есть въ нѣкоторомъ родѣ подражаніе дѣятельности научнаго изслѣдователя. Исходя изъ этого положенія, авторъ находитъ, что нашъ интересъ къ метафизическимъ и религіознымъ міровоззрѣніямъ по своему существу есть эстетическій, потому что религіозныя и метафизическія системы суть величественныя разсудочныя поэмы, увлекающія насъ своимъ прекраснымъ настроеніемъ.

Многія сужденія Мильталера могутъ вызывать возраженія, возбуждать сомнѣнія; но написана книга очень толково, просто и ясно.

Julius Baumann, Ueber Willens-und Charakter bildung auf hysiologisch-psychologischer Grundlag. Berliu, 1897.

Въ Германіи, въ мірѣ психологовъ и педагоговъ, господствуютъ разныя теоріи о волѣ. Оказывается еще сильной, имѣющей много послѣдователей, теорія Гербарта, по которой воля есть не что иное, какъ показатель борьбы представленій, явленіе такимъ образомъ чисто психологическое и выводное, имѣющее корнемъ дѣятельность представленій; въ новѣйшее время распространяется «волюнтарная психологія» Вундта, дающая волѣ видное мѣсто во всей духовной жизни человѣка, выдвигающая ее на первый планъ.

Бауманъ смотритъ на волю такъ: воля, если подъ нею разумѣютъ не только выборъ, но и сознательную цѣль, принадлежитъ къ наиболѣе сложнымъ и выводнымъ душевнымъ дѣятельностямъ, но не въ смыслѣ Гербарта. Воля вполнѣ обусловлена физіологическими данными, находится въ несравненно большей зависимости отъ тѣла, чѣмъ полагали прежде. Самыя разнообразныя движенія прямо обусловлены цѣлостью двигательнаго физическаго аппарата, разныя его разстройства неизбѣжно влекутъ за собой задержку и разстройство движеній. У дѣтей въ первое время жизни аппаратъ движеній не организованъ еще вполнѣ, многія движенія оказываются невозможными, а потому у нихъ нѣтъ и воли, такъ какъ первоначальныя основы воли заключаются въ непроизвольныхъ элементарныхъ дѣятельностяхъ и движеніяхъ. Собственно воля возникаетъ тогда, когда первоначальная самопроизвольная дѣятельность организма соединяется съ представленіями и оцѣнкой, относящимися къ данной дѣятельности и вызывающими эту послѣднюю. То явленіе, когда за представленіемъ и оцѣнкой слѣдуетъ духовная или духовно-тѣлесная дѣятельность, мы и называемъ волей и произвольнымъ дѣйствіемъ. Въ волѣ органическія и элементарныя психическія явленія всегда предшествуютъ презставленіе и оцѣн-

Digitized by Google

кѣ, относящимся къ этимъ явленіямъ. Гдѣ нѣтъ предшествующихъ органическихъ и элементарныхъ душевныхъ дѣятельностей, тамъ нѣтъ и воли. Человѣкъ, лишенный музыкальнаго слуха, никакимъ рѣшеніемъ воли не можетъ почувствовать радостей и удовольствій музыканта, онъ можетъ только повѣрить, что такое удовольствіе существуетъ. Иногда органическія основы воли являются слабыми, тогда и относящіяся къ нимъ представленія и сужденія, хотя и возникаютъ, но вызываютъ по естественному порядку лишь слабыя дѣйствія. Въ такихъ случаяхъ и сказывается особенно рельефно ложная теорія воли. Такъ какъ представленіе и оцѣнка здѣсь есть, то думаютъ помочь дѣятельности воли тѣмъ, что стараются сдѣлать болѣе яснымъ представленіе и болѣе сильной оцѣнку, указывая и ссылаясь на разныя разумныя соображенія. Если при этомъ безсознательно не прилагаютъ правильныхъ средствъ развитія воли, то въ результатѣ ничего цѣннаго не получается. Это все равно, какъ еслибы человѣку для усиленія его памяти произнесли рѣчь о свойствахъ и преимуществахъ хорошаго запоминанія.

Сообразно съ сущностью воли, условія ея развитія будутъ заключаться въ запасѣ мускульной и нервной силы для дѣятельности, а потому въ надлежащемъ, цѣлесообразномъ уходѣ за физическимъ организмомъ. При недостаточномъ питаніи, волевая энергія бываетъ слаба, переутомленіе и всякаго рода излишества ослабляютъ волю и у сильныхъ людей. Въ развитіи воли важную роль играетъ чувство удачи при дѣятельности. Оно привлекаетъ вниманіе къ дѣятельности, дѣлаетъ болѣе ясными и отчетливыми представленіе и оцѣнку, сопровождающія движенія. Неудача же, особенно у дѣтей, на долго подрываетъ энергію и задерживаетъ соотвѣтствующія движенія. Забравъ въ голову, что они не могутъ чего нибудь сдѣлать, дѣти отказываются даже отъ такой дѣятельности, которая имъ вполнѣ по силамъ. «Скажи дядя Людвигъ», пристаютъ къ одному дитяти. «Я не могу сказать: дядя Людвигъ» отвѣчаетъ оно. Но самымъ главнымъ правиломъ развитія воли будетъ ея упражненіе въ произведеніи извѣстной дѣятельности силой представленія и оцѣнки. Здѣсь представляется задача естественную ассоціацію пустить въ дѣйствіе съ конца, съ послѣднихъ членовъ, такъ какъ по естественному порядку въ развитіи воли впереди стоитъ органическая дѣятельность, а потомъ уже къ ней прибавляются представленія и оцѣнка.

Высшій пунктъ развитія воли есть характеръ, представляющій собою гармоническое развитіе и взаимодѣйствіе собою всѣхъ главныхъ сторонъ человѣческаго существа при достиженіи какой либо цѣли. При сложности человѣческаго организма и при возможности для каждой стороны его развиваться самостоятельно и болѣе или менѣе независимо отъ другихъ сторонъ, образованіе характера представляетъ трудную задачу. Въ древности и въ средніе вѣка образованіе характера было легче, чѣмъ теперь. Въ древности все образованіе носило политически-гражданскую печать и совершалось подъ преобладающимъ вліяніемъ государства; въ средніе вѣка

Digitized by Google

оно было сословнымъ (рыцарское воспитаніе, духовенства, горожанъ). Въ новое время личное развитіе сдѣлалось гораздо шире и сложнѣе, число элементовъ, изъ которыхъ слагается духовная жизнь личности, значительно увеличилось, самые элементы разнородны. Поэтому достигнуть взаимодѣйствія и большей или меньшей гармоніи всѣхъ сторонъ человѣческаго существа стало очень трудно; поэтому же въ дѣтствѣ и юности не бываетъ никакого характера. Въ это время различныя стороны человѣческаго существа выступаютъ отдѣльно, вырабатываются и только мало по малу возникаютъ между ними связь и порядокъ.

Дальнѣйшій шагъ въ развитіи воли будетъ состоять въ сообщеніи ей опредѣленнаго содержанія, каковымъ является пріобрѣтеніе главнѣйшихъ нравственныхъ свойствъ. Такихъ свойствъ, способствующихъ нравственному образу жизни, три: навыкъ къ дѣятельности, благожелательность и практическое пониманіе причины и дѣйствія, цѣли и средствъ.

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшее изложеніе содержанія книжки Баумана. Изъ сказаннаго видно, что разсужденія автора о волѣ и характерѣ и ихъ образованіи по существу своему здравы; но набросанныя имъ мысли составляютъ лишь бѣглый эскизъ работы. Особенно недостаточно развито ученіе о характерѣ, его элементахъ, исторіи развитія. Согласиться съ Бауманомъ, что въ дѣтствѣ и юности еще отсутствуетъ характеръ, довольно трудно, а между тѣмъ его взглядъ на характеръ, какъ на нѣчто весьма сложное, требующее для своего возникновенія подготовки и предварительнаго развитія, справедливъ. Но вообще все сочиненіе написано недостаточно рельефно, тѣ же мысли можно было бы высказать гораздо опредѣленнѣе и сильнѣе, указавъ точно особенности защищаемаго взгляда на волю и характеръ по сравненію съ другими господствующими.

П. Каптеревъ.

Victor Charbonnel. La Volonté de vivre. Paris, 1897.

Викторъ Шарбонель всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ началъ писать и проповѣдывать свои, для Франціи очень непривычныя, идеи и за это время составилъ себѣ громкое имя и своими писаніями и, главнымъ образомъ, своей общественной дѣятельностью. Въ русскую печать тоже уже проникли извѣстія объ этомъ молодомъ писателѣ, еще недавно католическомъ аббатѣ, сбросившемъ рясу и ставшимъ врагомъ католической церкви лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда вышла въ свѣтъ его новая книга—«La Volonté de vivre».

Бывшій аббатъ Шарбонель—очень интересная и своеобразная личность «молодой Франціи». Но и среди литературной и университетской молодежи, съ которой онъ связанъ общимъ отрицаніемъ буржуазнаго міросозерцанія, Шарбонель стоитъ обособленно. Въ то время какъ въ литературѣ и искусствѣ господствуетъ искусственность, изломанность—Шарбонель отличается искренностью непосредственныхъ

Digitized by Google

натуръ, съ полной откровенностью говоритъ онъ о своихъ религіозныхъ увлеченіяхъ, о сомнѣніяхъ, и поступаетъ согласно съ колебаніями своихъ убѣжденій: искренность беретъ въ немъ вверхъ надъ постоянствомъ и цѣльностью. Кромѣ того онъ одинъ изъ немногихъ истинно религіозныхъ молодыхъ писателей. Во Франціи существуетъ двоякое отношеніе къ религіи: невѣріе и равнодушіе, или же преданность католичеству и мистицизмъ. Среди новѣйшихъ поэтовъ и романистовъ Верлэнъ и Гюисмансъ выказали эту склонность къ католицизму французскихъ религіозно настроенныхъ писателей. Шарбонель же, въ противоположность національной чертѣ, проникнутъ вѣрой и тяготѣніемъ къ божественному внѣ всякихъ положительныхъ церковныхъ ученій. Отъ католичества онъ ушелъ къ чистой и свободной вѣрѣ, не подчиняющейся никакимъ догматамъ. Такой же оригинальной для французскаго писателя чертой является у Шарбонеля всякое отсутствіе замкнутости—онъ очень чутко относится къ идеямъ, приходящимъ извнѣ, и весь его умственный складъ отражаетъ вліяніе Толстого и отчасти американскаго моралиста Емерсона. Эти свойства натуры и ума сдѣлали Шарбонеля писателемъ, идущимъ противъ общаго теченія во Франціи, но сумѣвшимъ пріобрѣсть много приверженцевъ и осуществить нѣкоторые свои общественные замыслы.

Шарбонель родился и воспитался въ свободомыслящей семьѣ, внѣ всякихъ религіозныхъ вліяній, и по собственному влеченію, противъ желаній семьи, посвятилъ себя духовному званію. Молодой аббатъ очень строго относился къ католической церкви, считалъ ея назначеніе очень высокимъ, но измельчавшимъ и извращеннымъ ея недостойными представителями. Онъ мечталъ о возстановленіи церкви первыхъ вѣковъ христіанства—и считалъ возможнымъ очистить католичество отъ всѣхъ наслоеній, позднѣйшей догматики и такъ сказать, кастоваго характера—защиты своихъ интересовъ противъ государства. Въ самой средѣ католичества Шарбонель основалъ партію свободнаго духовенства, признающаго церковь безъ обязательства догматовъ и, главное, не признающую неизмѣнность церкви. Напротивъ, Шарбонель считаетъ церковь живымъ организмомъ, требующимъ тѣхъ измѣненій, которыя приноситъ сама жизнь. Къ партіи реформаторской кромѣ Шарбонеля примкнули еще нѣсколько талантливыхъ и просвѣщенныхъ представителей католичества, какъ напр. извѣстный аббатъ Феликсъ Клейнъ и др. Ихъ возвышенное отношеніе къ церкви вызвало сочувствіе литературной и университетской молодежи—образовался между прочимъ журналъ «L'art et la Vie», гдѣ прямо защищались и защищаются реформаторскія попытки молодой католической партіи.

Члены этой партіи, какъ напр. аббатъ Клейнъ, умѣютъ соединять свободомысліе съ вѣрностью католической церкви—но такая страстная и прямая натура, какъ Шарбонель, неминуемо шла къ разрыву съ оффиціальной церковью. Борьба Шарбонеля противъ установленной

Digitized by Google

церкви началась съ первыхъ шаговъ молодого аббата на общественномъ поприщѣ. Выступилъ онъ съ очень оригинальной для современной Франціи идеей: онъ высказалъ мысль объ устройствѣ, по примѣру конгресса религій на выставкѣ въ Чикаго, конгресса религій въ Парижѣ, на выставкѣ 1900 года. Не утративъ вѣру въ просвѣщенность католической церкви, онъ надѣялся, что конгрессъ этотъ состоится, какъ и въ Америкѣ, подъ патронатомъ католической церкви. Заручившись благоволеніемъ папы, Шарбонель обратился къ церковнымъ властямъ во Франціи—но тутъ его ждали только суровые отказы и насмѣшки. Шарбонель обратился ко всѣмъ выдающимся людямъ Франціи, къ представителямъ всякихъ политическихъ, общественныхъ и литературныхъ группъ и у всѣхъ собиралъ мнѣнія о возможности и желательности конгресса. Самъ онъ въ рядѣ газетныхъ и журнальныхъ статей, а также въ лекціяхъ, читанныхъ въ Бельгіи и Швейцаріи, излагалъ свои взгляды на церковь и религію, высказывалъ вѣру въ возможность единенія между отдѣльными вѣроученіями, въ то, что возможно свободное изложеніе всякихъ религіозныхъ ученій—и что миролюбивый съѣздъ представителей всевозможныхъ религій будетъ достойнымъ начала вѣка зрѣлищемъ вѣротерпимости.

Отвѣты, полученные Шарбонелемъ на его запросы о конгрессѣ, онъ изложилъ вмѣстѣ со своими статьями въ книгѣ «Le congrès des réligions en 1900—Histoire d'une idée». Книга эта оказалась чрезвычайно любопытной—въ ней отразилось общественное настроеніе Франціи. Вопросы чисто религіозные, которые лѣтъ десять тому назадъ встрѣтили бы только полное равнодушіе, теперь интересуютъ умы: Шарбонель получилъ обстоятельные и, большей частью, сочувственные отвѣты отъ людей самыхъ различныхъ: депутаты, журналисты, романисты, критики—всѣ считаютъ обсужденіе вопросовъ вѣры—свободное и миролюбивое—дѣломъ чрезвычайно важнымъ и полезнымъ. Любопытнѣе всего въ книгѣ однако отношеніе парижскаго архіепископа и другихъ членовъ высшаго французскаго духовенства. Всѣ они считаютъ католическую церковь единственно истинною, и самый фактъ единенія съ другими вѣроученіями имъ кажется святотатствомъ. Такая нетерпимость и косность звучитъ въ каждомъ письмѣ католическихъ пастырей въ книгѣ Шарбонеля. Всѣ стремленія послѣдняго къ обновленію духа католичества, къ свободѣ въ лонѣ церкви, разбиваются о сопротивленіе его непосредственнаго начальства. Въ то время какъ общество съ радостью откликнулось на идею конгресса, церковь рѣзко отвергла ее. Но этотъ—отчасти ожидаемый протестъ не погубилъ идеи Шарбонеля, а только измѣнилъ характеръ ея осуществленія. Конгрессъ вѣроятно состоится, но уже не подъ патронатомъ католической церкви, а внѣ всякаго подчиненія интересамъ католичества. Соберутся интересующіеся вопросами религіи, представители церквей христіанскихъ и нехристіанскихъ вмѣстѣ съ философами, занятыми вопросами бытія. Въ этомъ новомъ видѣ, освобожденный отъ

Digitized by Google

католическаго воздѣйствія, конгрессъ обѣщаетъ быть гораздо болѣе интереснымъ. Уже образовался международный комитетъ, который будетъ управлять дѣлами конгресса—и въ немъ, въ числѣ главныхъ участниковъ, намѣчены Левъ Толстой и Гладстонъ.

Книга о конгрессѣ сильно пошатнула отношенія Шарбонеля съ католической церковью. Онъ увидѣлъ тщетность своихъ надеждъ на обновленія и реформы. Въ другой книгѣ «Les Mystiques dans la littérature présente», Шарбонель обращаетъ вниманіе на религіозные элементы въ духовной жизни Франціи, на религіозныя настроенія, сгущающіяся внѣ церкви—главнымъ образомъ въ литературѣ. Онъ очень строго судитъ такъ наз. мистиковъ среди декадентовъ—но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ возможность говорить объ очень серьезныхъ и талантливыхъ писателяхъ мистикахъ, имѣющихъ сильное вліяніе на умы. Нѣсколько замѣчательныхъ очерковъ въ книгѣ Шарбонеля посвящены Гелло, Шефэ, Гюисмансу, Реми де Гурмону и нѣкоторымъ другимъ.

Третья книга, «La Volonté de Vivre», отмѣчаетъ собой разрывъ Шарбонеля съ его католическимъ прошлымъ. Онъ увидалъ безполезность борьбы съ косностью въ самой церкви и проповѣдуетъ теперь религію внѣ католической церкви, самоуглубленіе, исканіе Бога въ себѣ, тишину молитвенныхъ настроеній. Въ его разсужденіяхъ чувствуется сильное вліяніе Метерлинка и книги послѣдняго «Trésor des humbles», но искренность Шарбонеля и особенность настроеній, усложненныхъ впечатлѣніями борьбы, придаетъ его книгѣ особый интересъ.

Зин. Венгерова.

Digitized by Google

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Въ послѣдней книжкѣ Zukunft напечатанъ отрывокъ изъ имѣющаго выйти новаго сочиненія о Вольтерѣ. Авторъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о дѣтствѣ и отрочествѣ Вольтера и останавливается на «средѣ», которая подготовила знаменитаго «Фернейскаго философа». Вольтеръ по рожденію своему принадлежалъ французской буржуазіи; онъ былъ младшимъ сыномъ королевскаго совѣтника Франсуа Аруэ. Послѣдній сначала занималъ должность королевскаго нотаріуса. Должность эта считалась видной и привилегированной и приносила немалый доходъ. Ежегодный доходъ нотаріуса, въ концѣ семнадцатаго столѣтія, доходилъ до 80,000 франковъ. Въ качествѣ королевскаго нотаріуса Аруэ зналъ съ первыми дворянскими фамиліями страны. Аруэ былъ исполненъ сознанія собственнаго дворянскаго достоинства, вовсе не чуждался высшихъ умственныхъ интересовъ и являлся свѣтскимъ человѣкомъ. Мать Вольтера также отличалась интеллектуальными склонностями и любила свѣтскую жизнь. Хотя Людовикъ XIV отдался съ 1685 г. строго-церковному направленію, во французскомъ обществѣ замѣтно обозначались совершенно иныя вѣянія. Новыя идеи, которыхъ еще никакой философъ не привелъ въ систему, въ концѣ столѣтія, въ особенности пропагандировались Société du Temple и салономъ Нинопы Де Ланкло. «Общество храмовниковъ» состояло изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, принадлежавшихъ къ дворянству, но привлекало къ себѣ съ большимъ гостепріимствомъ выдающихся писателей того времени. Общество получило свое имя потому, что собиралось въ такъ называемомъ Temple. Temple до 1312 г. мѣстопребываніе французскихъ рыцарей-храмовниковъ, тампліеровъ послѣ упраздненія ордена перешелъ къ мальтійцамъ. Мальтійскіе рыцари владѣли во Франціи семью великими пріорствами. Одно изъ нихъ, включая въ себѣ Иль-де-Франсъ съ Парижемъ, называлось великимъ пріорствомъ Франціи. Съ 1694 по 1728 г. т. е. въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, «Великимъ Пріоромъ Франціи числился—принцъ Вандомъ, членъ королевскаго дома и правнукъ Генриха IV. Онъ былъ человѣкъ свободомыслящій и собиралъ въ чисто кня-

Digitized by Google

женскихъ палатахъ Temple всѣхъ, сочувствовавшихъ Вандому. Умѣренность въ удовольствіяхъ не принадлежала къ числу добродѣтелей такихъ собраній. Домъ Нинопы Де Ланкло являлся до извѣстной степени дополненіемъ къ Société du Temple, и тамъ и тутъ предавались радостямъ жизни довольно поязычески. Но то, что въ Société du Temple творилось грубо и рѣзко, принимало у Нинопы, по единогласному свидѣтельству современниковъ вполнѣ благопристойный видъ. Біографы сообщаютъ, что Нинона была необычайно красивая и даровитая дочь одного дворянина. Въ началѣ 17 столѣтія Де Ланкло жилъ съ своимъ семействомъ въ Парижѣ, вращаясь въ лучшемъ обществѣ. Мать Нинопы, благочестивая женщина, хотѣла воспитать свою дочь, въ крещеніи Анну, въ правилахъ католической церкви. Попытка не имѣла успѣха. Бывая въ обществѣ, молодая дѣвушка подмѣтила, что всѣ выгоды въ сущности на сторонѣ мужчинъ. И она рѣшила «сдѣлаться мужчиной» — de se faire homme. Не къ воинскимъ почестямъ, не къ государственнымъ должностямъ, не къ ученымъ титуламъ стремилась въ этомъ случаѣ Нинонъ. Она добивалась только права, не навлекая порицанія свѣта, дарить свою благосклонность кому и сколько хочетъ. Въ своей молодости она видѣла вокругъ себя главныхъ представителей той знати, что предпринимала Фронду — съ горячностью и задоромъ. Салона Де Ланкло искали и Ларошфуко, и Мольеръ и т. д. Въ концѣ 17 вѣка начинается ея знакомство и съ членами общества храмовниковъ. Съ годами принимаетъ Нинонъ въ своемъ Салонѣ не только мужчинъ, но и женщинъ изъ «лучшаго парижскаго общества». Изъ дамъ представительницъ буржуазіи посѣщала Нинонъ г-жа Аруэ. Она подражала «первымъ дамамъ общества»: попасть въ салонъ ей было тѣмъ легче, что мужъ состоялъ нотаріусомъ Ланкло. Здѣсь свободно велись разговоры на самыя возвышенныя темы: обсуждались вопросы религіи и морали; критиковалась та «церковность», которая оффиціально столь поощрялась. Ораторы ничуть не отрицали Бога, они возражали только противъ тѣхъ церковныхъ ученій, которыя находились въ противорѣчіи и съ требованіями человѣческаго разума, и съ долгомъ по отношенію къ своему ближнему. Ихъ воззрѣнія сводились къ признанію Бога — не карающаго, а кроткаго къ религіи, заключающейся въ моральныхъ законахъ, въ терпимости. Эти три принципа, обосновывая собою такъ называемый деизмъ, естественную религію и свободу совѣсти — и составили главное содержаніе эпохи просвѣщенія; они главнѣйше распространялись, а затѣмъ и господствовали въ 18 столѣтіи. Въ томъ кругу, гдѣ уже бродили подобныя идеи, въ 1694 г. родился и знаменитый впослѣдствіи Вольтеръ. Онъ явился на свѣтъ Божій слабымъ ребенкомъ; его болѣзненное состояніе приписывали тому, что незадолго до рожденія мальчика — г-жа Аруэ упала. Будучи еще очень юнымъ, Вольтеръ могъ прислушиваться къ характернымъ толкамъ участниковъ домашняго салона. Здѣсь представители образованнаго духовенства, тонкіе свѣтскіе люди, значительныя особы изъ судебнаго вѣдомства обмѣнивались новостями, цитировали

Digitized by Google

изящные стихи, обсуждали текущія событія и, такіе вопросы, какъ существованіе Бога, откровенія религіи и ея догматы. Крестный отецъ Вольтера, аббатъ Шатонефъ, очень рано сталъ знакомить питомца съ отвлеченными вопросами, толкуя ихъ во вкусѣ салоновъ Нинопы и т. п. Мальчикъ разумѣется многаго не понималъ, но первыя впечатлѣнія запали прямо въ душу и позднѣе возродились сознательными протестами противъ ханжества, нетерпимости и т. д. Въ родительскомъ-же домѣ наслушался Вольтеръ разговоровъ и на политическія темы.

Факты и событія изъ войны, начатой Людовикомъ XIV въ 1701 г. изъ за испанскаго наслѣдства, войны, повысившей налоги и увеличившей финансовыя затрудненія страны, служили естественнымъ поводомъ для гостей Аруэ къ разсужденіямъ, въ которыхъ выяснилась и экономическая и политическая роль парламента. Служебное положеніе отца давало Вольтеру возможность ежедневно видѣть членовъ парламента, и такимъ образомъ политическія бесѣды взрослыхъ оживлялись и закрѣплялись для юнца личными наглядными впечатлѣніями. Интересъ къ политикѣ рано зародился въ Вольтерѣ и всю жизнь поддерживался въ немъ.

Въ дѣтскіе же годы началось для Вольтера и литературное образованіе и воспитаніе. Съ дѣтства сильнѣе всего могли воздѣйствовать на Вольтера—такъ называемый классическій французскій театръ, съ создателями его Корнелемъ, Расиномъ, Мольеромъ; посланія и сатиры Буало и оды Ж. Ж. Руссо. Поэзія представлена была въ легкомъ «анакреонтическомъ» родѣ - у Шолье, Лафара и пр. Это было художество разсудочное, придворное, свѣтская галантность и дидактика. Подобные и только подобные образцы вліяли на Вольтера. Господствовавшая современная теорія искусства придавала возможнымъ дѣлать поэзію по правиламъ, въ такихъ взглядахъ развивались литературныя дарованія и у Вольтера. Впрочемъ, и вообще изъ всѣхъ духовныхъ способностей у Вольтера главнымъ образомъ воспитывали умъ. Легендами, народными пѣснями, наивною вѣрою не затрагивали его души.

Въ «Revue internationale de l'enseignement» мы находимъ рѣчь извѣстнаго историка — Альбера Сореля, который произнесъ ее при открытіи университета въ Лиллѣ. «Прежде, замѣчаетъ ораторъ, говорили про время пребыванія въ коллежѣ—faire ses humanités, нынѣ, кажется, приходится опасаться, что постепенно это прекрасное выраженіе утратитъ свой точный смыслъ и глубокое значеніе. Современное общество слишкомъ нетерпѣливо, слишкомъ коротко размышляетъ, слишкомъ обрывисто говоритъ на телеграфный ладъ, читаетъ только послѣднія новости послѣдняго изданія газетъ, путешествуетъ по ночамъ ради сбереженія времени, не имѣя ни случая, ни досуга—думать, и присмотрѣться къ пейзажу. Люди мало по малу словно пренебрегаютъ всѣмъ остальнымъ ради однихъ только непосредственно практическихъ знаній. И первое дѣло универси-

Digitized by Google

тета собрать, охранить humanités, которымъ угрожаютъ общественныя теченія. Съ усиленіемъ неблагопріятныхъ вліяній извнѣ—обязанность истиннаго общеобразовательнаго заведенія тѣмъ съ большимъ воодушевленіемъ и усердіемъ высоко держать свое настоящее знамя. Вы должны, продолжаетъ Сорель, возвѣстить, показать, что разставаясь съ коллежемъ ничего еще не кончаютъ, а только все начинаютъ. Необходимо научиться быть самимъ собою и гражданиномъ, человѣкомъ для человѣчества, сдѣлаться лучшимъ французомъ во Франціи и поддерживать въ ней традицію высшей мысли, свободныхъ изслѣдованій. Обращаясь затѣмъ, въ качествѣ спеціалиста, къ исторіи—Сорель подчеркиваетъ ея многостороннее соціальное значеніе. Надо, разсуждаетъ онъ, чтобы молодой историкъ, желая быть соціологомъ, изучалъ право и углублялся въ соціальную сущность исторіи; чтобы юристъ проходилъ курсъ исторіи и выискивалъ живого человѣка за текстами законовъ; чтобы юный философъ не оставался чуждъ юриспруденціи и исторіи и знакомился бы съ реальнымъ человѣчествомъ. Все связано въ человѣческихъ дѣлахъ, и тутъ имѣется только одинъ методъ для пріобрѣтенія знаній. И если настанетъ день, когда объявится соціальная наука въ собственномъ смыслѣ этого слова, процессъ произойдетъ тѣмъ же обычнымъ путемъ—путемъ приложенія пріемовъ точныхъ наукъ, природовѣдѣнія къ соціальнымъ фактамъ. И на первомъ планѣ потребны наблюденія, тогда только и станутъ невозможными теоріи, витающія гдѣ-то далеко и высоко надъ человѣчествомъ, пригвожденнымъ къ землѣ. Какъ и всегда и вездѣ, и соціальныя изслѣдованія принесутъ плоды только у однихъ ученыхъ: у тѣхъ, кто обѣщаетъ мало и даетъ много; кто зачастую сомнѣвается, особливо въ самомъ себѣ; кто не отдѣляется отъ общей жизни; кто открываетъ и въ каплѣ воды образъ міра и кто подымаетъ глаза отъ своего микроскопа къ звѣздамъ; кто не допускаетъ ни въ чемъ произвола.

Сорель проситъ молодыхъ людей, стремящихся къ знанію и вмѣстѣ съ тѣмъ желающихъ облегчать соціальныя тягости, прежде всего шире раскрывать глаза на всю окружающую жизнь; открывать глаза, чтобы замѣчать и душевныя движенія у людей. Какъ ни тяжки сами по себѣ тѣ или другія матеріальныя обстоятельства—еще осязательнѣе моральныя, часто поражается тѣло, но всегда страждетъ душа. Изучать людей слѣдуетъ безъ всякой профессіональной гордости. Объекты наблюденій въ этомъ случаѣ имѣютъ гораздо болѣе основанія гордиться. Вы изучаете соціальные вопросы—они переживаютъ ихъ: вы разсуждаете—они страдаютъ. Первѣйшее зло, отъ котораго болѣетъ человѣчество—это недостатокъ справедливости. И насытивъ вполнѣ потребности благосостоянія—мы можемъ оставить человѣка—требующимъ и неудовлетвореннымъ.

Наша душа тяготѣетъ къ добру, какъ грудь наша подымается отъ дыханія. Пускай мы не въ состояніи осуществить абсолютнаго добра, не будемъ терять мужества въ поискахъ лучшаго. Станемъ желать, можемъ-ли,

Digitized by Google

или не можемъ. Намъ суждено искать и добиваться. Если это и натуральное условіе жизни, оно вмѣстѣ съ тѣмъ и ея высшее велѣніе.

Не лишена интереса статейка во 2 октябр. № Zukunft о художественномъ образованіи въ школѣ. По мнѣнію автора, въ Германіи нынѣ сильно пренебрегаютъ эстетическимъ воспитаніемъ. «А между тѣмъ мы наканунѣ великой экономической борьбы, и будущее отечественной промышленности приметъ то или другое направленіе въ зависимости отъ нашего умѣнія поставить воспитаніе глаза и чувства въ школѣ». Слишкомъ много читающій городской ребенокъ еще дома отвыкаетъ упражнять свой глазъ, онъ не идетъ въ своихъ наблюденіяхъ далѣе родной улицы. И очень хорошо, если картина, по крайней мѣрѣ, заставитъ его нѣчто пережить и перечувствовать помимо книги. Какъ поэзія начинается съ эпическихъ формъ, такъ и художество должно заинтересовать школьника—разсказами въ краскахъ и очертаніяхъ. Наблюдающій юнецъ дастъ себѣ точный отчетъ съ маломалѣйшими подробностями, относительно содержанія картины. Каждая отдѣльная фигура, каждое движеніе, каждый жестъ разъяснятся ему. Передъ картиной для ученика разовьется цѣлая маленькая драма въ представленіи со всею прелестью импровизаціи. Какъ и всегда, для достиженія желательныхъ результатовъ, учитель долженъ быть хозяиномъ въ соотвѣтствующемъ матеріалѣ. Непосредственный опытъ ребенка долженъ играть первую роль. Иначе—онъ уйдетъ изъ школы все знающимъ и ничѣмъ отъ души неинтересующимся, ибо сердце то его ничему не научилось Въ ребенкѣ слѣдуетъ развивать душевныя силы. Для учителя нѣтъ побужденій стѣснять критическія проявленія у того или у другого юнаго наблюдателя, невольно вдающагося въ оцѣнку картины. Но самъ педагогъ обязанъ всемѣрно остерегаться собственныхъ обмолвокъ въ этомъ направленіи. Ученикъ еще только учится наслаждаться. Въ немъ развиваютъ желательныя привычки, пробуждаютъ чувства—художественное воспитаніе на этой ступени не сообщаетъ знаній, хотя, впрочемъ, и вездѣ знаніе только средство, а не самая цѣль.

Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда при подобномъ разсмотрѣніи произведеній искусства, дѣло, дѣйствительно, идетъ о пріобрѣтеніи *сегодняшнихъ*, таковыя какъ бы добываются самимъ ученикомъ, а не извнѣ передаются ему. Ученикъ вырабатываетъ, переживаетъ свои познанія—они поистинѣ для него плодотворны въ этомъ случаѣ. По мнѣнію нѣмецкаго автора,—изучать художественныя произведенія необходимо исключительно въ оригиналахъ. Только въ старшихъ классахъ гимназіи возможно пользованіе фотографическими снимками. Школьникъ долженъ знакомиться съ важнѣйшими произведеніями искусства, имѣющимися въ родномъ городѣ, съ глазу на глазъ—въ цѣляхъ точнѣйшаго ихъ изученія.

Въ «Educational Review» помѣщена, статья своеобразнаго содержанія: авторъ ея бесѣдуетъ съ тѣнью Сократа! Оказывается, что древ-

Digitized by Google

ній мудрецъ и педагогъ, признавая всѣ заслуги современности по части развитія положительныхъ наукъ и разныхъ техническихъ усовершенствованій, находитъ, однако, въ нынѣшней школѣ еще не мало схоластическаго. Сократъ поясняетъ, что онъ въ свое время училъ слушателей, обращаясь къ ихъ памяти, въ виду отсутствія книгъ, теперь столь распространенныхъ, благодаря книгопечатанію. Школа, по его мнѣнію, въ новѣйшую эпоху должна знакомить съ настоящимъ назначеніемъ книгъ, сохраняющихъ всѣ полезныя и важныя свѣдѣнія; а не томить ученика чрезмѣрнымъ упражненіемъ такой измѣнчивой и ненадежной умственной способности, какъ память. Школьникъ тратитъ дорогое время и свѣжія духовныя силы свои на усвоеніе, что называется, отъ доски до доски, пугемъ одного почти запоминанія—такой-то книги, къ которой въ дальнѣйшей своей жизни вовсе даже и не притронется. Сократъ удивляется, что еще не отошли въ вѣчность старые схоластическіе порядки; что и посейчасъ деньги *всего* народа (среди котораго вовсе неравномѣрно распредѣлено просвѣщеніе) расходуются на созиданіе какой-то особой аристократической, не то секты, не то гильдіи — *словозатоминательной* (word-memorizing). Такая странная умственная каста не практикуетъ, зачастую, воспринятаго въ школѣ на жизненномъ поприщѣ, а между тѣмъ въ обществѣ отличаетъ и возвышаетъ людей—степень утрудженія памяти въ юности.

Въ прошломъ декабрѣ, какъ сообщаетъ англійская печать, въ Лондонѣ происходили выборы въ «школьный совѣтъ» (London School Board), вызвавшіе чрезвычайно горячую политику въ газетахъ и ожесточенную борьбу партій. Выборы эти происходятъ черезъ каждые три года и на этотъ разъ они имѣли потому особенное значеніе, что тутъ рѣшался вопросъ о клерикальномъ вмѣшательствѣ въ дѣло народнаго образованія.

Лондонскій школьный совѣтъ началъ свою дѣятельность съ 1871 года, послѣ того какъ былъ принятъ биллъ объ обезпеченіи народнаго образованія, составленный знаменитымъ Форстеромъ, который стоялъ тогда во главѣ комитета по народному образованію. Этотъ биллъ ввелъ обязательность обученія въ Англіи, вслѣдствіе чего вся страна была раздѣлена на школьные округи и организованы школьные комитеты, обязанные заботиться объ учрежденіи школъ. Что касается системы преподаванія въ школахъ, выбора учебниковъ и т. п., то въ это дѣло школьные комитеты не вмѣшиваются и не стѣсняютъ народныхъ учителей, тѣмъ больше, что въ Англіи нѣтъ одобренныхъ правительствомъ книгъ. Однако послѣ открытія въ 1871 году школьнаго совѣта въ Лондонѣ, въ составъ котораго вошли разные выдающіеся дѣятели и между прочимъ знаменитый Гексли, была выработана подъ его руководствомъ программа элементарнаго образованія, въ основу которой поставлены были естественныя науки, при чемъ одни предметы были обязательными, другіе же

Digitized by Google

необязательными. Кромѣ того въ программу элементарной школы вошли также алгебра, геометрія, политическая экономія, латынь и т. д.

Принявъ программу Гексли какъ цѣль, къ которой должна стремиться школа, Лондонскій совѣтъ постепенно расширялъ область преподаваемыхъ предметовъ въ школахъ и постоянно заботился объ улучшеніи методовъ преподаванія и тщательномъ выборѣ учителей. Дѣйствительно, дѣятельность совѣта могла называться плодотворной. Школьная статистика указываетъ, что въ 1871 году, въ годъ учрежденія школьнаго совѣта, въ элементарныхъ Лондонскихъ школахъ обучалось 261,158 дѣтей; въ 1896 году число это возросло до 832,966 дѣтей.

Школьнымъ закономъ 1870 года обученіе сдѣлано обязательнымъ и школьный возрастъ установленъ отъ 5 до 13 и иногда до 14 лѣтъ. Однако уклоненія отъ соблюденія этого закона вовсе не составляютъ рѣдкости, и родители иной разъ сами не посылаютъ своихъ дѣтей въ школу, предпочитая платить штрафъ и находя выгоднѣе для себя отдавать своихъ дѣтей на фабрики, такъ какъ такимъ образомъ дѣти уже становятся источникомъ дохода для семьи. Но бываютъ и такіе случаи, что дѣти не посѣщаютъ школу только потому, что родители не въ состояніи сдѣлать имъ теплой одежды и дать имъ завтракъ. Въ виду этого въ Лондонѣ образовалось благотворительное общество, которое носитъ названіе «Schools Dinner Association» и заботится о томъ чтобы такія дѣти особенно бѣдныхъ родителей получали горячій обѣдъ и имѣли бы теплую одежду для посѣщенія школы.

Лондонскій школьный совѣтъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы содѣйствовать успѣхамъ народнаго образованія, и разумѣется его дѣятельность встрѣчала сочувствіе во всѣхъ слояхъ общества, за исключеніемъ клерикаловъ, которые желали забрать въ свои руки школьное преподаваніе. Дѣло въ томъ, что успѣхъ и процвѣтаніе свѣтскихъ общественныхъ школъ долженъ былъ вызывать у клерикаловъ всѣхъ оттѣнковъ чувство досады уже на томъ основаніи, что по мѣрѣ того какъ расширялась дѣятельность этихъ школъ, клерикальныя (confessional schools) падали и число посѣщающихъ ихъ дѣтей уменьшалось. Это было совершенно понятно, такъ какъ преподаваніе въ свѣтскихъ школахъ было поставлено гораздо лучше и шире, чѣмъ въ клерикальныхъ. Недовольные этимъ клерикалы стали всѣми силами стараться пріобрѣсти большинство въ школьномъ совѣтѣ и такимъ образомъ забрать въ свои руки все дѣло школьнаго преподаванія и понизивъ уровень народныхъ школъ сравнить ихъ съ клерикальными. На выборахъ въ школьный совѣтъ въ 1885 году имъ удалось взять верхъ надъ противоположною партіей, благодаря тому, что они выдвинули на сцену вопросъ объ экономіи расходовъ и успѣли убѣдить избирателей, что школьный совѣтъ, въ его прежнемъ составѣ, дѣлалъ слишкомъ большія и непроизводительныя затраты, отъ сокращенія которыхъ дѣло преподаванія пострадать не можетъ.

Digitized by Google

Экономія въ расходахъ всегда и вездѣ составляетъ наиболѣе чувствительное мѣсто избирателей, и на этотъ разъ избиратели пошли на приманку и такимъ образомъ «умѣренные» т. е. тѣ, кто проповѣдовалъ умѣренность въ расходахъ, получили въ совѣтѣ большинство, а «прогрессисты», находившіе, что въ дѣлѣ народнаго образованія нельзя думать объ экономіи, лишились своего прежняго преобладающаго положенія въ совѣтѣ.

Однако клерикалы, добившіеся господства въ совѣтѣ, конечно не столько помышляли объ экономіи, сколько о проведеніи своихъ идей въ совѣтѣ. Но въ началѣ они всетаки сдерживались и не раскрывали своихъ картъ, выдвигая постоянно на первый планъ свой девизъ: «экономія расходовъ». Имъ нужно было прежде хорошенько утвердиться на своихъ мѣстахъ и тогда уже добиваться превращенія свѣтской школы въ клерикальную. Такая осторожная политика привела къ тому, что и на слѣдующихъ выборахъ клерикалы снова получили большинство. Въ первое трехлѣтіе «умѣренные» воздерживались отъ открытой борьбы съ «прогрессистами», но получивъ большинство голосовъ во второй разъ, они уже попробовали слегка выпустить когти и подъ видомъ экономіи урѣзывали гдѣ возможно кредиты на расширеніе народнаго образованія, возставали противъ устройства школъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ уже существуютъ клерикальныя школы и кромѣ того начали уже заявлять нѣкоторыя требованія, касающіяся преподаванія богословія въ школахъ. До сихъ поръ въ школахъ, находящихся подъ вѣдомствомъ совѣта не было введено преподаваніе религіи, какъ опредѣленной формы вѣроисповѣданія. Совѣтъ держался того принципа, что школа, которая устроена на общественный счетъ, не можетъ отдавать предпочтеніе какой нибудь одной религіи и преподавать ея догматы, а должна заботиться только о развитіи религіознаго чувства. Поэтому въ программу школъ было введено только чтеніе отрывковъ изъ Священнаго писанія, такъ что ни одному изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій не отдавалось предпочтенія и учителямъ строго на строго воспрещалось толковать эти отрывки въ духѣ той или другой религіи и вообще стараться повліять на своихъ учениковъ въ этомъ отношеніи. Разумѣется клерикаламъ такія правила были очень не по нутру, и они поэтому больше всего стремились измѣнить ихъ и ввести догматичное преподаваніе религіи въ школѣ и притомъ конечно въ духѣ англиканской церкви. Но съ предложеніемъ ввести такую коренную перемѣну въ программу школьнаго преподаванія клерикалы рѣшились выступить лишь послѣ того какъ въ третій разъ одержали побѣду на выборахъ. Тогда въ совѣтѣ завязалась ожесточенная борьба. Прогрессисты конечно ни за что не хотѣли допустить такого измѣненія установленной программы и горячо отстаивали прежній порядокъ преподаванія. Въ данномъ случаѣ общественное мнѣніе оказалось на сторонѣ прогрессистовъ и они могли вполнѣ расчитывать на его поддержку. Но клерикалы, увѣренные въ своихъ силахъ, не уступали и послѣ очень

Digitized by Google

бурныхъ засѣданій наконецъ рѣшено было разослать всѣмъ учителямъ циркуляръ, предлагающій имъ преподавать Законъ Божій въ духѣ извѣстной религіи, но при этомъ имъ предоставлялась полная свобода отказаться отъ такого преподаванія, если только оно идетъ въ разрѣзъ съ ихъ собственными убѣжденіями. Никто изъ партіи умѣренныхъ однако не ожидалъ, что такое огромное большинство учителей и учительницъ откажется ввести предлагаемыя измѣненія въ системѣ школьнаго преподаванія. Рѣшительный отказъ прислали болѣе 3000 учителей и учительницъ. Такая цифра была во всякомъ случаѣ неожиданностью для клерикаловъ и имъ волей неволей приходилось подождать со своими преобразованіями. Циркуляръ былъ положенъ подъ сукно до слѣдующихъ выборовъ, которые должны были рѣшить его судьбу.

Однако выборы эти, состоявшіеся въ 1894 году, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; тѣмъ не менѣе «умѣренные» все таки остались и на этотъ разъ въ выигрышѣ. Они опять составили большинство въ совѣтѣ, но такъ какъ это большинство не опиралось въ данномъ случаѣ на общественное мнѣніе, то оно и было лишено необходимаго авторитета. Все это сообразилъ и бывшій англиканскій пасторъ Дигль, руководитель партіи умѣренныхъ, три раза подрядъ попадавшій въ совѣтъ. Онъ видѣлъ, что положеніе умѣренныхъ нѣсколько пошатнулось на послѣднихъ выборахъ въ 1894 году и довѣріе общества къ нимъ уже поколебалось. Поэтому Дигль рѣшилъ вернуться къ прежней программѣ, ставившей во главѣ экономію, надѣясь укрѣпить такимъ путемъ свое положеніе въ совѣтѣ. Однако такое поведеніе Дигля вызвало расколъ въ средѣ умѣренныхъ, многіе изъ членовъ этой партіи, найдя, что Дигль слишкомъ легко уступаетъ давленію, рѣшили образовать новый союзъ, который они назвали «союзомъ защиты клерикальныхъ школъ». Въ этотъ союзъ вошли всѣ клерикалы, требовавшіе введенія и распространенія конфессіональныхъ школъ и разумѣется, главнымъ образомъ, всѣ сторонники англиканской церкви. Но расколъ этотъ повелъ лишь къ тому, что ослабилъ партію умѣренныхъ и что конечно немедленно отразилось на выборахъ.

Борьба между партіями, умѣренной и прогрессистской, приняла такимъ образомъ вполнѣ опредѣленный характеръ. Избирателямъ, которыхъ соблазняла перспектива экономіи расходовъ, теперь уже стало вполнѣ ясно, что тутъ дѣло не въ сокращеніи расходовъ, а въ сокращеніи числа свободныхъ школъ и, если это возможно, то въ замѣнѣ этихъ школъ клерикальными. Какъ только вопросъ этотъ выяснился окончательно и, такъ сказать, поставленъ былъ ребромъ, то немедленно оказалось, что англійское общество вовсе не сочувствуетъ узкимъ клерикальнымъ тенденціямъ и понимаетъ дѣло народнаго образованія въ болѣе широкомъ смыслѣ. Что населеніе предпочитаетъ свободныя народныя школы клерикальнымъ сказалось уже въ томъ, что число обучающихся въ этихъ школахъ дѣтей возросло въ 1896 году до 511,566, тогда какъ въ 1871

Digitized by Google

году оно равнялось только 1,117! Это прогрессъ во всякомъ случаѣ весьма знаменательный, особенно если принять во вниманіе, что изъ 1001 лондонскихъ школъ, только 448 народныя и слѣдовательно число клерикальныхъ школъ больше. Число дѣтей, посѣщающихъ эти школы остается болѣе или менѣе постояннымъ. Въ 1871 году оно было: 221,401; въ 1896—227,364. Никакого сомнѣнія слѣдовательно не можетъ быть относительно того, на чьей сторонѣ симпатіи населенія. Тѣмъ не менѣе борьба на выборахъ была очень жаркая и какъ всегда пущена была въ ходъ газетная полемика и ораторское искусство. Чисто парламентскія партіи также принимали участіе въ школьной избирательной борьбѣ и при этомъ многіе члены англійской консервативной партіи оказались на сторонѣ прогрессистовъ, получившихъ такимъ образомъ весьма основательную поддержку съ совершенно неожиданной стороны. Въ результатѣ оказалось, что умѣренные были сбиты съ занимаемой ими позиціи, а въ совѣтъ были избраны 31 прогрессистъ и только 24 умѣренныхъ. Такимъ образомъ дѣло клерикаловъ въ школьномъ образованіи въ Англіи надо считать проиграннымъ.

Изъ жизни и литературы.

Художникъ переходнаго времени.

«Вѣчное движеніе—вотъ законъ земной жизни» восклицаетъ Байронъ. Но если жить значитъ двигаться, если жизнь есть вѣчное движеніе, вѣчное измѣненіе, то можно ли назвать какое либо время переходнымъ временемъ? Вѣдь не только всякое новое поколѣніе приноситъ съ собой въ жизнь что либо новое, но каждый день, каждый часъ въ нашемъ непостоянномъ мірѣ происходятъ перемѣны. Не значитъ ли это, что особыхъ переходныхъ моментовъ въ жизни общества не существуетъ и что всякое время переходное, а спеціально переходнаго времени не существуетъ? И тѣмъ не менѣе мы всетаки привыкли говорить о переходномъ времени, привыкли выдѣлять это время изъ общаго теченія жизни и дѣлаемъ это, вѣроятно, не безъ нѣкотораго основанія.

Въ жизни каждаго общества, не смотря на постоянныя мало замѣтныя перемѣны, бываютъ періоды такъ называемаго покоя, т. е. такіе періоды, во время которыхъ формы общественной жизни болѣе или менѣе удовлетворяютъ членовъ общества. Такова, напримѣръ, была эпоха расцвѣта греческой культуры, когда даже мудрый Сократъ настолько удовле-

Digitized by Google

творялся современнымъ ему строемъ общественной жизни, что подтвердилъ своей смертью свою солидарность съ обществомъ.

Но бываютъ и такіе періоды, когда люди перестаютъ удовлетворяться современными формами жизни, когда ихъ нравственное чувство перерастаетъ тѣ формы общественной жизни, въ которыхъ имъ пришлось вырости и жить, когда каждый новый день приноситъ съ собою новыя доказательства обветшалости жизненныхъ формъ, но когда для большинства еще не ясны формы грядущей жизни и они стараются изо всѣхъ силъ сохранить, уберечь отъ разрушенья старые кумиры, въ которыхъ въ глубинѣ души почти не вѣрятъ. Такое время можетъ быть названо переходнымъ временемъ по преимуществу.

Въ такое время болѣзненно чуткимъ художественнымъ натурамъ приходится служить проводниками для своихъ менѣе чуткихъ согражданъ. Богато одаренный чуткій человѣкъ стоитъ на распутьи между старой и новой жизнью. Онъ одинъ можетъ по достоинству оцѣнить все доброе, что дѣйствительно хранила въ себѣ прежняя жизнь, и онъ же пророческимъ взоромъ угадываетъ пути новой жизни и тѣ новыя формы, въ которыя она должна вылиться, и тѣхъ новыхъ людей, которые дадутъ жизни и смыслъ, и значеніе.

Художникъ переходнаго времени стоитъ среди хаоса и въ немъ видитъ все то великое, что составляло гордость отжившихъ міровъ и прозрѣваетъ красоту грядущаго мірозданія. Но онъ только угадываетъ будущее, образы, которые онъ рисуетъ, представляются въ видѣ туманныхъ видѣній. Великое дѣло созданія новаго міра еще не началось, и художникъ переходнаго времени смиренно ждетъ своего преемника, который разгонитъ сумерки и словами: «да будетъ свѣтъ» положитъ начало новой эпохѣ.

Характернымъ художникомъ переходнаго времени является въ наше переходное время Николай Николаевичъ Златовратскій, тридцатилѣтіе литературной дѣятельности котораго недавно отпраздновали въ Москвѣ.

Очень можетъ быть, что многимъ почитателямъ Н. Н. Златовратскаго покажется страннымъ, что этого писателя мы называемъ художникомъ переходнаго времени и изображаемъ его чѣмъ то вродѣ символиста или мрицателя, рисующаго что-то туманное неясное, какъ слова оракула или пиѳіи. Съ именемъ Златовратскаго, этого писателя народника, соединяется представленіе чего то чрезвычайно простого, здороваго. Съ именемъ Златовратскаго какъ-то невольно связано представленіе о деревенскомъ просторѣ, привольѣ, о здоровомъ деревенскомъ воздухѣ, о зелени и солнцѣ. Это деревенское приволье и здоровье вы дѣйствительно можете найти въ сочиненіяхъ Златовратскаго. Онъ весьма подробно рисуетъ весь строй крестьянской жизни, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь на ея двухъ коренныхъ основахъ-устояхъ—на общинѣ и артели, но его деревенская идиллія непродолжительна. Въ деревенскій міръ врывается потокъ новой жизни, и художнику переходнаго времени приходится изображать это крушеніе старыхъ устоевъ, этотъ хаосъ промежуточныхъ формъ.

Digitized by Google

Остановимся на одномъ изъ лучшихъ произведеній Златовратскаго «Скиталецъ», въ которомъ съ такой мучительной правдивостью изображено наше переходное время съ его разладомъ, съ его идеалами, надеждами, исканіемъ правды и разочарованіемъ.

Герой разсказа Русановъ вспоминаетъ о томъ началѣ крушенія старинныхъ устоевъ, тѣсно связанномъ съ великой реформой, въ которой принималъ такое дѣятельное участіе его дядя, умный и благородный франкъ-масонъ, самоотверженный дѣятель эпохи освобожденія. И этотъ человѣкъ сдѣлался одной изъ первыхъ жертвъ наступившей катастрофы.

«Чѣмъ больше торопился старикъ сбросить съ себя и съ своего народа «клеймо рабства», чѣмъ усерднѣе онъ хлопоталъ объ этомъ, тѣмъ ближе становился къ пропасти, тѣмъ быстрѣе увлекалъ его въ бездну потокъ житейскихъ противорѣчій... Онъ, безкорыстный рыцарь «освобожденія», съ донъ-кихотскою беззавѣтностью откликнулся на «призывъ», и когда ударилъ часъ этого освобожденія, ему сказали: «довольно, даже слишкомъ!»—и предложили вкусить плодовъ этого освобожденія среди своихъ крѣпостныхъ, въ глуши собственнаго помѣстья. Онъ здѣсь сразу почувствовалъ исчезающую гармонію... Глухое, холодное одиночество наплывало на него съ каждымъ годомъ все настойчивѣе, какъ холодная весенняя вода разлива, охватывающая своими ледяными объятіями береговые дома».

Но хотя послѣдніе годы старика и были омрачены нѣкоторымъ диссонансомъ, онъ всетаки чувствовалъ свою органическую связь съ деревней, точно такъ же какъ и деревня еще считала его до нѣкоторой степени своимъ. У его наслѣдника не было и этого.

Русановъ, унаслѣдовавшій отъ своего дяди всѣ его идеальные порывы, чувствовалъ до болѣзненности живо, что на немъ лежитъ неоплатный долгъ этому народу, онъ чувствовалъ себя какъ бы виноватымъ и страстно желалъ уплатить этотъ долгъ и возстановить утраченную гармонію отношеній, согласуя ее въ то же время съ высшими принципами добра и правды. Но отдавая крестьянамъ послѣднія крохи дядюшкинаго наслѣдства и неся въ своемъ сердцѣ какъ святыню любовь къ народу, этотъ типичный герой переходной эпохи страстно ждалъ отвѣта на свое чувство къ народу. Самъ того не сознавая, онъ мучительно нуждался въ благодарности тѣхъ людей, передъ которыми онъ считалъ себя виноватымъ и которыхъ онъ такъ сильно любилъ, даже не зная ихъ. И такъ съ одной стороны простой актъ справедливости—отдача долга, а съ другой, жажда благодарности, жажда признанія своихъ заслугъ и помощи въ дѣятельности.

«Вижу я, оцѣниваетъ Русанова мѣстный священникъ, какъ будто въ вашемъ сердцѣ какое затмѣніе... Вотъ поэтому единственно... Вѣдь я понимаю-съ... Конечно, вы желаете людямъ добро сдѣлать, а замѣсто того... Конечно, конечно, всякому пріятно за свое сочувствіе получить должное... Но что же дѣлать, милостивый государь, народъ у насъ... черствый народъ-съ, черствый!..»

Digitized by Google

И представитель интеллигенціи чувствуетъ, что народъ, дѣйствительно, какъ будто, черствый; но крайней мѣрѣ, между нимъ и народомъ лежитъ какая то бездонная пропасть, въ которую ушло дядюшкино наслѣдство. а пропасть не сдѣлалась отъ этого мельче и народъ не сталъ относиться болѣе довѣрчиво къ потомку своихъ прежнихъ господъ.

Но что же дѣлать этому одинокому человѣку, который такъ страдаетъ отъ своей отчужденности, котораго такъ угнетаетъ сознаніе розни съ народомъ? Единственный понимавшій его крестьянинъ нищій старикъ Нилъ убѣждаетъ его вернуться къ *своимъ*. Но интеллигентному человѣку казалось, что у него могутъ быть только одни *свои*, именно тѣ, любовь которыхъ, единеніе съ которыми онъ хотѣлъ завоевать во что бы то ни стало... Еще одно усиліе—и все кончено! отрясти послѣдній прахъ съ своихъ ногъ и расплыться, раствориться, растаять въ могучемъ океанѣ массы, въ великомъ общемъ массовомъ сознаніи...» И такъ средство найдено, надо сбросить съ себя все, что напоминало прежняго человѣка и войти въ народъ въ качествѣ не потомка прежнихъ господъ, а простой рабочей единицы безъ того тяжелаго прошлаго, которое, какъ казалось герою, одно мѣшало его единенію съ народомъ.

Но прошлое не такъ то легко было сбросить, потому что оно гнѣздилось и въ крови, и въ костяхъ. «Великій человѣкъ сказался съ первыхъ же шаговъ по новой дорогѣ: подвернулось мѣсто волостнаго писаря. Я туда, говоритъ Русановъ, конечно съ пламенемъ въ сердцѣ... ну и вышибли сразу же! Потому опять кто же это для моего «стараго поведенія» обязанъ былъ изготовлять почву?.. Я хочу дѣлать добро, а мнѣ вмѣсто того, чтобы мои «добрыя» предначертанія исполнить, въ шею, да въ шею, и доносомъ, и клеветой, и прямымъ издѣвательствомъ!.. То ли дѣло было у дяди-масона: бывало, захотѣлъ доброе дѣло сдѣлать, приказалъ старостѣ, и мигомъ все готово, и никто ослушаться не смѣлъ. Ну а теперь, кто же будетъ для насъ распинаться, чтобы помогать намъ «добрыя чувства» изливать?..» Казалось бы, что это должно быть такъ ясно, что прежнія добродѣтели все-таки росли на почвѣ крѣпостного права и что благодѣтельный староста теперь немыслимъ, но дѣятелямъ, искателямъ правды среди хаоса переходнаго времени было въ высшей степени трудно отрѣшиться отъ мысли, что кто то долженъ быть благодаренъ, что кто то долженъ оказать содѣйствіе и сочувствіе.

«— Зачѣмъ я здѣсь, восклицаетъ другая разочарованная героиня, зачѣмъ?.. Я—генеральская дочь. Я шла сюда, чтобы принести свѣтъ и добро... Я для этого всѣмъ пожертвовала... Я имѣла право разсчитывать, что мнѣ помогутъ, окажутъ сочувствіе всѣ, всѣ... И гдѣ же плоды?.. Я спрашиваю, покажите мнѣ плоды моихъ трудовъ, моихъ жертвъ!..» Но деревня оставалась равнодушной, и на всѣ добрыя дѣла и на жертвы смотрѣла или какъ на прихоть обезпеченныхъ людей или какъ на обязанность, за которую или заплачено или предстоитъ полученіе платы. Для хорошихъ людей было величайшей трудностью понять, что однихъ

Digitized by Google

словъ еще не достаточно, что нужна возможность осуществить эти слова, что нужна сила.

«Да мы «хорошіе люди», говоритъ герой переходнаго времени, но будемте настолько смѣлы нравственно, по крайней мѣрѣ, чтобы смиренно преклониться передъ тѣмъ, что выше насъ, и сознать, что бываютъ времена, когда мало, безконечно мало быть хорошимъ, и когда надо, кромѣ того и прежде всего, *быть сильнымъ*! Съ жизнью надо вести крупные счеты... А чтобы быть сильнымъ надо стоять не внѣ этого «процесса жизни», а занять въ немъ подобающее мѣсто, какъ живая, органическая струя».

Къ сожалѣнію, люди переходнаго времени сами чувствуютъ свою слабость, чувствуютъ свою неспособность къ энергичной борьбѣ за свое мѣсто въ жизни, они слишкомъ много и долго жили исключительно головной жизнью, чтобы успѣшно дѣйствовать. Но у нихъ есть надежда на будущее поколѣніе. Они воспитаютъ это поколѣніе бодрымъ и сильнымъ, они вдохнутъ въ него свои выстраданныя убѣжденія, они зажгутъ въ душѣ молодыхъ людей тотъ священный огонь Прометея, безъ котораго жизнь теряетъ свой смыслъ. Но для того, чтобы зажигать сердца настоящимъ неугасимымъ огнемъ, надо самому быть настоящимъ носителемъ огня. Надо имѣть непоколебимую вѣру въ свое дѣло, вѣру, не знающую никакихъ сомнѣній, потому что только такая вѣра можетъ двигать горы. Можно быть одностороннимъ, даже ограниченнымъ, но необходимо имѣть вѣру, потому что только чуждая сомнѣній вѣра обладаетъ способностью внушенія, способностью передачи идей, только она одна носитъ въ себѣ психическую заразу.

И вотъ этой то вѣры и не хватаетъ людямъ переходнаго времени, этой вѣры ищутъ эти сомнѣвающіеся люди, и въ этомъ исканіи, въ этой страстной жаждѣ вѣры доходили до того, что забывали, что и вѣры бываютъ разныя и начинали думать, что безразлично во что вѣрить, лишь бы вѣрить. «Объ одномъ прошу: не разбивайте этого свѣтлаго у него, *во что бы онъ не вѣрилъ... все одно...* Но только бы искренно. Только бы не уныніе, не отчаянье».

Эта вѣра для вѣры, это ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ наивное признаніе въ своемъ нравственномъ банкротствѣ—явленіе очень распространенное среди людей переходнаго времени. Понятно, что такіе банкроты способны воспитать и торжествующихъ свиней, полныхъ непоколебимой вѣры въ свое предназначеніе слопать весь міръ. И эти банкроты дѣйствительно готовы завидовать торжествующимъ свиньямъ, такъ жадно хочется имъ хоть минутку прожить безъ разъѣдающаго душу сомнѣнія. Въ эти то тяжелыя минуты сомнѣнія, болѣе слабые изъ представителей переходной эпохи и могутъ восклицать: во что бы ни вѣрить, лишь бы вѣрить.

Болѣе сильныя натуры переживаютъ періоды духовнаго обнищанія, сохраняя для передачи будущимъ поколѣніямъ уцѣлѣвшія духовныя сѣмена для грядущихъ посѣвовъ. Если бы не было этихъ несчастныхъ

Digitized by Google

людей, то, какъ говоритъ поэтъ, «заглохла-бъ нива жизни». Но эти неудачники, эти герои переходнаго времени разбрасываютъ духовныя сѣмена, и идейная жизнь зарождается тамъ, гдѣ бы ея никто не могъ ожидать. Среди торжествующихъ буржуевъ, которые свысока и съ сожалѣніемъ посматриваютъ на несчастнаго неудачника, попадаютъ эти сѣмена, и духовная жизнь возрождается съ новой силой, изумляя самихъ торжествующихъ свиней своей живучестью. Въ этихъ духовныхъ посѣвахъ и заключается задача переходнаго времени. Разрушать уже нечего, такъ какъ все и такъ разрушено, созидать нельзя, потому что нѣтъ еще духа творчества и кругомъ царитъ хаосъ. Остается подготовительная работа: посѣвъ идей и собираніе силъ.

Въ хаотическое переходное время жизнь не выдвигаетъ сильныхъ положительныхъ типовъ. Энергіей и прямолинейностью, правда, отличаются хищники, но и ихъ дѣятельность не отличается выдержанностью сознающихъ свои стремленія людей. Они разрушаютъ устои, рвутъ куски, но прочнаго будущаго нѣтъ и у нихъ. Что же касается до положительныхъ типовъ, до любимцевъ автора вродѣ Русанова, то всѣ они не отличаются здоровьемъ: въ нихъ всѣхъ что то надломленное, болѣзненное. Да это и понятно, они вѣдь не дѣятели, они люди переходнаго времени, они хранители сокровищъ, которыми должно воспользоваться на благо людямъ грядущее поколѣніе.

Въ былинѣ «Безумецъ» Н. Н. Златовратскій аллегорически такъ изображаетъ передачу этихъ духовныхъ сокровищъ отъ одного поколѣнія другому:

«И когда двое—юноша и дѣвушка, его дѣти—бросились къ нему, цѣлуя прахъ его ногъ, онъ, безумецъ старый, упалъ и обезсилѣвшею рукой едва успѣлъ передать съ груди своей драгоцѣнный кладъ.

— Это—перлы, которые досталъ я съ глубины народнаго моря... Въ нихъ залогъ его и нашего спасенія.

И когда увидѣлъ онъ, какъ благоговѣйно приняли они эти перлы на свои груди, онъ радостно улыбнулся имъ и едва слышно прошепталъ:

— Я чувствую,—мой конецъ близокъ... Мои силы изсякли... Взлелѣйте же вы эти перлы въ своей душѣ... Освятите ихъ творчествомъ мысли и теплотою сердца... Когда же вы будете достойны, чтобы возвратить ихъ народу въ блескѣ и сіяніи творчества и славы,—скажите тогда: *твоя отъ твоихъ тебѣ приношу...*»

Какъ художникъ переходнаго времени Златовратскій описываетъ крушеніе устоевъ и у интеллигенціи, и у народа; но рисуя картину разрушенія, онъ всетаки не впадаетъ въ пессимизмъ, не приходитъ въ отчаяніе, и указываетъ тѣ пути, которыми могутъ выбраться на свѣтъ Божій изъ тьмы хаоса и народъ и интеллигенція. Для послѣдней онъ отводитъ роль посѣвщика и хранителя духовныхъ сокровищъ. Народу же нужно пріобщеніе къ этимъ духовнымъ сокровищамъ, которыя улучшатъ и утвердятъ созданныя народомъ формы общественной жизни. «Та же обы-

Digitized by Google

ковенная русская мужицкая община, та же семья, тѣ же идеалы труда, земледѣлія, патріархальной чистоты нравовъ—но только все это, приподнято, одухотворено, просвѣтлено...»

Со взглядами Златовратскаго на роль и будущность народа можно соглашаться и не соглашаться, но надо его брать такимъ, каковъ онъ есть, художникомъ переходнаго времени, любящимъ и страдающимъ среди окружающаго хаоса и ожидающимъ съ глубокой вѣрой, когда раздастся голосъ: «да будетъ свѣтъ» и начнутся дни творенія.

А. Хирьяковъ.

Толки о молодежи.

Почти ежегодно на страницахъ нашихъ газетъ возникаютъ разговоры и споры о современной учащейся молодежи.

Возникали они и нынѣ.

Мы не думаемъ дѣлать подробный обзоръ всѣмъ газетнымъ статьямъ и замѣткамъ по этому вопросу, но на нѣкоторыхъ изъ нихъ остановиться положительно необходимо. И вотъ почему. Вопросъ о молодежи, безспорно, есть важный общественный вопросъ. Поэтому игнорировать его нѣтъ никакой возможности. Вѣдь представители молодежи—это грядущіе члены общества. Глядя на нихъ теперь, можно легко выяснить себѣ физіономію общественной жизни недалекаго будущаго.

И такъ, познакомимся-же со взглядами на современную молодежь, поскольку они выразились въ текущей печати.

Начало разговорамъ о молодежи положилъ напечатанный не особенно давно въ «Новостяхъ» фельетонъ: «Ташкентцы на новый ладъ». Фельетонъ этотъ написанъ коллективно и направленъ главнымъ образомъ противъ того, что «часто общество судитъ о молодежи не на основаніи знакомства съ нею, вообще, а только на основаніи знакомства съ тѣми ея элементами, которые всего больше бросаются въ глаза. А бросаются въ глаза студенты, учащіеся только ради диплома, посѣтители увеселительныхъ заведеній, бѣлоподкладочники,—бросаются по той простой причинѣ, что они больше всего шатаются по Невскому и Морской, являются завсегдатаями кафе-шантановъ, модныхъ кабаковъ и тому подобныхъ злачныхъ мѣстъ». Авторы фельетона высказали, въ сущности, простую и всѣмъ извѣстную истину, что по отдѣльнымъ исключеніямъ и уродливымъ наростамъ на тѣлѣ университетской молодежи нельзя судить о свойствахъ всего этого тѣла...

Подъ названіемъ «уродливыхъ наростовъ» авторы названнаго фельетона разумѣли, между прочимъ, часть студентовъ-юристовъ, занятую мечтами о собственной карьерѣ и т. д.

Въ защиту этой части молодежи выступилъ, въ одномъ изъ своихъ воскресныхъ фельетоновъ въ «Новомъ Времени», г. Фингалъ, побужденный къ тому будто бы просьбами многихъ студентовъ.

Digitized by Google

Защита г. Фингала мало правдива, мало интересна и еще менѣе того остроумна, но есть въ ней отдѣльныя мѣста, которыя весьма любопытны. Вотъ одно изъ нихъ.

Рѣчь идетъ между г. Фингаломъ и обратившимися къ нему студентами.

Г. Фингалъ спрашиваетъ:

— Но, все-таки, вы, не имѣя влеченія къ юридическимъ наукамъ и юридическимъ занятіямъ, поступаете на этотъ факультетъ. Значитъ, для карьеры?...

— «Но какая-же это карьера?—отвѣчаютъ студенты. — Для куска хлѣба, для пропитанія, это вѣрно. Въ карьерѣ могутъ быть увѣрены только немногіе, у которыхъ заранѣе есть увѣренность, что они получатъ хорошія мѣста, а мы, большинство, не имѣющіе связей и благосклонныхъ рукъ—насъ выпускаютъ изъ университета нагруженными дипломами, которые, въ концѣ-концовъ, стоютъ очень мало. Мы начинаемъ метаться, искать мѣста съ такими-же шансами, какъ будто никогда нигдѣ не учились и никакихъ дипломовъ не добывали. И такъ какъ ѣсть и пить надо, а у нѣкоторыхъ есть еще влеченіе къ семейной жизни, то поневолѣ беремся за что попало. И не угодно-ли вамъ посмотрѣть гдѣ, на какихъ только поприщахъ нѣтъ юристовъ! Кандидаты правъ служатъ въ департаментахъ съ названіями, не имѣющими ничего общаго съ юриспруденціей, работаютъ въ коммерческихъ конторахъ, банкахъ, пишутъ (не имѣя талантовъ) статьи въ журналахъ, переводятъ, служатъ по акцизу, по казенной продажѣ вина. *Немногіе получаютъ сносные оклады*, а большинство *нищенскіе*, а о карьерѣ — въ чужой спеціальности, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Лишь-бы на сегодня устроиться, а о завтра и думать нечего. И вѣдь худо то, что все это мы знаемъ въ стѣнахъ университета, знаемъ, что изучая энциклопедію права, римское право и т. д., мы, въ сущности, готовимъ себя для измѣренія количества градусовъ въ спиртѣ на какомъ-нибудь еврейскомъ винокуренномъ заводѣ, для уличенія въ контрабадной торговлѣ и составленіи протоколовъ»...

Таковы взгляды защищаемыхъ г. Фингаломъ студентовъ. Комментаріи къ нимъ излишни.

Только и можно сказать, что «все это было-бы смѣшно, когда-бы не было такъ гнусно»!..

Правъ былъ г. Cardanus, сказавшій по поводу фельетона г. Фингала слѣдующія слова:

«Будь г. Фингалъ дѣйствительно, «радѣтелемъ» молодежи, какимъ онъ, повидимому, старается себя изобразить, онъ долженъ былъ закрыть всѣ двери, опустить шторы, чтобы никто, хотя-бы случайно, не услышалъ ни одного слова, чтобы никто не увидѣлъ этихъ юношей. Вотъ, что онъ долженъ бы сдѣлать, а не предавать всего разговора гласности... И если-бы г. Фингалъ зналъ молодежь, то онъ не счелъ-бы

Digitized by Google

явившихся къ нему юношей представителями студенчества и устыдился-бы предавать гласности ихъ неприличную исповѣдь»...

Въ защиту-же молодежи выступилъ и самъ представитель ея, приславшій въ редакцію газ. «Народъ» (см. № 283) письмо за подписью «Студентъ». Онъ недоволенъ нападками на молодежь и обвиненіями ея въ пошломъ времяпрепровожденіи, въ бездѣятельности, въ инертности и проч. всѣмъ извѣстныхъ «качествахъ». Правда, онъ не отрицаетъ наличности этихъ «качествъ», но всю вину за нихъ сваливаетъ на головы старшихъ и требуетъ отъ нихъ поболѣе такта, который воздержалъ-бы ихъ отъ привлеченія молодыхъ людей къ развлеченіямъ винномъ, картами и развратомъ. Доброжелательная аргументація автора не лишена вмѣстѣ съ тѣмъ и значительной доли наивности.

«Въ большинствѣ случаевъ, говоритъ онъ,—молодой человѣкъ входитъ въ жизнь чистымъ, не испорченнымъ, съ хорошими, добрыми задатками. Проходитъ годъ, и прошлогодняго гимназиста не узнать. Скажите, неужели въ годъ, въ одинъ годъ онъ такъ понаторѣлъ въ жизни, такъ искусился въ ней? Неужели изъ чистаго ребенка (вѣдь, есть молодые люди, кончающіе гимназію въ 16—17 лѣтъ, хоть это и рѣдко, но бываетъ) могла выработаться такая пародія на человѣка. Что это пародія, вотъ вамъ доказательство: семейный домъ, гости, среди которыхъ попадается студентикъ. Ужинъ, по обыкновенію, съ выпивкой, и этотъ философъ, въ прошломъ году совѣстившійся закурить при взрослыхъ, важно пьетъ рюмку за рюмкой и по просьбѣ рядомъ сидящихъ, и вслѣдствіе упрашиваній радушнаго хозяина. И пьется водка, пьется сегодня по просьбѣ Ивана Ивановича, завтра Петра Петровича и т. д., и т. д. Сегодня, завтра, недѣлю и мѣсяцъ все по просьбамъ, а тамъ явилась привычка, чувство потребности выпить рюмочку, и человѣкъ сталъ пьющимъ. Что же это? Человѣкъ? Самъ онъ сталъ пить? Нѣтъ, онъ подражаетъ и только подражаетъ. Это—пародія. Или картина другого рода: ломберный столъ и обязательно за нимъ хоть одинъ студенческій мундиръ. И винтятъ, винтятъ вечеръ, винтятъ ночь и такъ до слѣдующаго дня. Что же, опять виноватъ студентъ, что такъ безплодно проводитъ время? Нѣтъ, простите, не согласенъ! Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ видѣлъ такого рода картины. Съ дѣтства *глазенки* его привыкли къ блеску графиннаго стекла; съ дѣтства обоняніе привыкло и сроднилось съ запахомъ алкоголя, или съ дѣтства предъ нимъ мелькало зеленое сукно и пара свѣчей».

«Скинутъ ученическій мундиръ, и, по понятіямъ, вбитымъ въ голову смолоду, ученикъ, мѣсяцъ тому назадъ считавшійся мальчикомъ, вдругъ становится взрослымъ человѣкомъ, созрѣвшимъ, полнымъ гражданиномъ своего отечества. Отецъ предлагаетъ выпить рюмку водки за обѣдомъ, старшій братъ тащитъ къ «Неметти», дядя-холостякъ угощаетъ заграничными сигарами и ведетъ «въ веселое общество». Господа, развѣ это не правда, развѣ нѣтъ такихъ типовъ? А эти типы заражаютъ

Digitized by Google

другихъ, и колесо вертится. Сегодня попойка, завтра картежная игра, потомъ «веселыя мѣста», а по утрамъ утомленіе и до ученія ли тутъ. Какія лекціи пойдутъ въ голову? А результатомъ является проваливаніе ⅔ на экзаменахъ, зимовки на курсахъ, болѣзни, преждевременные выходы изъ учебныхъ заведеній и темная, темная будущность».

Печатая настоящее письмо г. «Студента» редакція «Народа» не будучи съ нимъ согласна, предпосылаетъ ему нѣсколько существенныхъ замѣчаній, въ видѣ отдѣльной статейки г. Omnibus'а съ заголовкомъ «Наша молодежь». Указавъ на односторонность мнѣнія г. «Студента» авторъ замѣчаній вполнѣ основательно говоритъ такъ:

«Дѣйствительно, къ великому сожалѣнію, уровень большинства нашей молодежи не высокъ, но ужели причина этого заключается лишь въ томъ, что старшіе не гонятъ учащихся молодыхъ людей отъ винныхъ буфетовъ и отъ карточныхъ столовъ. Если молодежь такъ бѣдна умственными интересами и запросами, то отсутствіе приглашенія старшихъ не помѣшаетъ ей самостоятельно и пить, и играть въ карты, и бѣгать по вертепамъ. Отвратительно не то, что юноша-студентъ сидитъ за карточнымъ столомъ. Отвратительно то, что онъ въ своемъ долгомъ сидѣніи за винтомъ ничѣмъ не отличается отъ своего партнера геморроидальнаго статскаго совѣтника, изсохшаго или ожирѣвшаго въ мертвомъ воздухѣ канцелярій. Отсутствіе порыва, увлеченія въ дѣлѣ и въ бездѣльи, въ наукѣ и въ кутежѣ, флегматичная спячка, автоматичность усталаго ума и дряблаго ранѣе времени тѣла—вотъ что гадко, что ужасно».

Далѣе, констатируя поразительную безличность современнаго студенчества, г. Omnibus продолжаетъ:... «физіономіи своей, собственной теперешній студентъ не имѣетъ. Идеаловъ, къ сожалѣнію, мы не видимъ: мы не видимъ любви къ наукамъ, интереса къ вѣчнымъ вопросамъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ человѣчество призвано думать. А все это было, все это мы, будучи студентами переживали...

«Во время оно статья Бѣлинскаго, живое слово Грановскаго отвлекали юношу отъ кутежа и картъ. Неужели времена эти, и впослѣдствіи повторявшіяся, исчезли безвозвратно? Еще такъ недавно въ душахъ учащейся молодежи теплился огонь чистаго стремленія къ области идей. Неужели онъ погасъ? Неужели пошлость объявила и сдѣлала новому поколѣнію большой шлемъ безъ козырей? Мы этому не вѣримъ и не хотимъ вѣрить. Лѣкарства отъ спячки умственной надо искать не въ приглашеніи старшихъ къ тактичному поведенію относительно молодежи, а въ поднятіи самаго духа университетовъ, въ поднятіи профессорской корпораціи, въ исправленіи всѣхъ тѣхъ дефектовъ университетскаго строя, о которыхъ мы уже многократно говорили и еще будемъ говорить».

Приведенныя замѣчанія вызвали въ свою очередь новыя замѣчанія выраженныя въ письмѣ одной матери, помѣщенномъ въ томъ-же «Народѣ», (см. № 285).

Digitized by Google

Авторъ этого письма понимаетъ вопросъ о молодежи гораздо глубже и опредѣленнѣе всѣхъ своихъ разнообразныхъ предшественниковъ. Кромѣ того письмо его запечатлѣно искренностью и безпристрастностью. Поэтому, мы позволимъ себѣ познакомиться съ нимъ поближе.

Начинается оно въ шутливомъ тонѣ:

«Барыня прислала сто рублей, что хотите, то купите но...» далѣе слѣдуетъ масса ограниченій. Нельзя говорить: ни да, ни нѣтъ, нельзя покупать ни бѣлаго, ни чернаго, словомъ, запретъ на каждомъ словѣ. Такова игра въ фанты. Она для того и устраивается, впрочемъ, чтобы провинившихся было побольше, такъ какъ сущность, интересъ игры въ выполненіи всяческихъ дурачествъ виновникомъ, нарушителемъ закона «о фантахъ». Мнѣ невольно вспоминается эта игра, когда я слышу горячія нападенія на молодежь и страстные или горестные отвѣты порицаемыхъ. Малое и великое имѣютъ нѣчто общее. И здѣсь, какъ въ игрѣ въ фанты, получается странное впечатлѣніе. Ты свободенъ, говорятъ юношѣ-студенту, занимайся чѣмъ хочешь, но... За тѣмъ слѣдуютъ ограниченія, много, много ограниченій. Занимайся вѣчными вопросами, читай статьи Грановскаго и Бѣлинскаго, интересуйся наукой, но... но...

Читая серьезныя произведенія, юноша неизбѣжно наталкивается на тѣ мысли, на длинную цѣпь такихъ вопросовъ, о которыхъ думать ему не совѣтуютъ, естественно опасаясь за вѣковѣчную способность юности увлекаться и за неумѣніе «холодно горячиться», какъ продѣлываютъ это отцы, дядюшки и знакомые, люди въ годахъ и съ положеніемъ... Люди семидесятыхъ годовъ, подавленные мрачными призраками, они ударились въ противоположную крайность и, боясь воспитать протестанта, воспитали безличное существо. Сами много читавшіе и много думавшіе родители отнеслись спокойно, именно спокойно, видя и слыша, что ихъ дѣти даже съ русской литературой знакомы только по христоматіямъ, по краткимъ образцамъ. Будущіе дѣятели, мужья, отцы, они выросли не вѣдая не только естественныхъ наукъ, но даже исторія организаціи собственнаго тѣла чужда имъ какъ китайская грамота... И вотъ годъ за годомъ усердно приготовляя уроки, они окончили курсъ ученья. Что осталось въ ихъ головѣ, знаютъ ли они родную грамоту, не спрашиваю, но они входятъ въ жизнь ограбленными. У нихъ нѣтъ ни любви къ русской литературѣ, ни знанія языковъ, открывающаго горизонты для ознакомленія съ культурой другихъ странъ, ни любви къ природѣ, но зато въ нихъ больше всего развито желаніе: «быть какъ всѣ». Самобытность и оригинальность были уничтожены еще въ раннемъ дѣтствѣ отупляющими мозгъ фребелевскими играми, въ неумѣломъ примѣненіи невѣдающей что творитъ маменькой.

Страшный призракъ, встающій передъ глазами отцовъ и матерей, отпускающихъ сыновей въ столицу, заставляетъ ихъ просить и умолять будущихъ студентовъ «не якшаться Богъ вѣсть съ кѣмъ! Лучше пове-

Digitized by Google

селись. ну, купи, только не того... Смотри!» Юноша обѣщаетъ быть осторожнымъ и, какъ водится, пересаливаетъ. Современные студенты очень туго знакомятся между собою и держатся кружками. по выпускамъ изъ гимназіи, иногда какъ граждане одного города. Былого пріятельства между цѣлымъ курсомъ не существуетъ, и совѣты родителей исполняются. Недовѣріе, выжидательная политика, даже подозрительность,— все это, навѣянное чуждыми опытами, примѣняется въ студенческой средѣ и порождаетъ охлажденіе».

Все это, къ сожалѣнію, горькая правда. Авторъ письма, разумѣется, за многое обвиняетъ представителей предыдущихъ поколѣній, но мотивы его обвиненій носятъ совершенно иной характеръ и не имѣютъ ничего общаго съ обвиненіями цитированнаго выше «студента». Особенно это видно изъ слѣдующихъ строкъ:

«Можетъ быть, современная студенческая молодежь представляетъ печальное зрѣлище, но кто же, кто эта милая, свѣжая молодежь, какъ не живые результаты нашего жестокаго, мертвенно чиннаго воспитанія и образованія? Обожглись на молокѣ и стали такъ усиленно дуть на воду, что отучили людей, цѣлое поколѣніе будущихъ дѣятелей, считать воду необходимѣйшимъ элементомъ существованія.

«Нѣтъ у нихъ идеаловъ, говоритъ почтенный г. Omnibus, нѣтъ любви къ наукѣ»,—но гдѣ же, кто, когда вкладывалъ нашимъ дѣтямъ эти симпатіи, вкусы, потребности? Наши дѣти — самые строгіе и справедливые наши судьи, и они произнесутъ вполнѣ заслуженное нами осужденіе. Но они будутъ благородно мстить намъ. Они совершенно иначе станутъ воспитывать будущее поколѣніе, и внуки, избавившіеся отъ недостатковъ и крайностей дѣдовъ,—возродятъ въ себѣ угаснувшіе свѣточи...

«Врачу, исцѣлися самъ», хочется сказать порицающимъ. Наша вина... нашъ грѣхъ!.. Не мы ли еще въ семьѣ научили ихъ надъ всѣмъ подсмѣиваться, иронизировать; не мы ли, боясь увлеченія, спрятали отъ нихъ все дорогое и влекущее; не мы ли подготовляли все то, что поражаетъ насъ теперь, когда результаты кропотливаго труда каждой семьи слились въ одно общее, и подъ милымъ названіемъ «наша молодежь» мы увидѣли... печальную картинку... юношей со старческими вкусами, молодость безъ упованій, возмужалость безъ здоровья, зато есть у нихъ готовность служить и получать хорошіе оклады безъ всякой любви, безъ интереса даже къ дѣлу: есть гнетущая тоска, порожденная отсутствіемъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ».

Итакъ, вотъ каковы обвиненія, выраженныя авторомъ письма «Еще о молодежи». Просто какъ-то даже не вѣрится, чтобы ихъ могла высказать современная мать. Слишкомъ ужъ часто намъ «подъ кровлею отеческой» приходится слышать самыя заурядныя, благонамѣренно-обывательскія рѣчи!.. Однако фактъ на лицо: предъ нами мать, которая су-

Digitized by Google

мѣла взглянуть на дѣло прямо, сумѣла отнестись къ нему съ высокой объективной точки зрѣнія.

Конечно, примѣръ такого отношенія—это рѣдкій примѣръ, но намъ думается, что только при такомъ отношеніи и возможно благое рѣшеніе вопроса о современной молодежи. А рѣшить этотъ вопросъ необходимо. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Необходимо узнать, справедливы-ли нареканія на молодежь за отсутствіе идеаловъ и стремленій. Не является-ли это «отсутствіе» результатомъ внѣшнихъ причинъ. И если такъ, то нельзя-ли найти мѣры для устраненія этихъ причинъ... Необходимо также выяснить, насколько «старики» могутъ способствовать молодежи въ дѣлѣ преемственности и усвоенія лучшихъ идеаловъ прошлаго...

Мы, быть можетъ, еще вернемся къ этому крайне интересному вопросу.

Сердца русскихъ обывателей обыкновенно скоро обрастаютъ мохомъ инерціи и апатіи... Но мы вѣримъ, что найдутся и у насъ живые люди, которые, вспоминая свои молодые годы, не побоятся сказать представителямъ грядущихъ поколѣній слѣдующія слова поэта *):

«Пусть увлекаются всегда,
Пусть чуждо будетъ имъ безстрастье.
Въ порывахъ чистыхъ нѣтъ вреда:
А пострадаютъ—не бѣда:
Невзгоды въ молодости счастье»...

В. Ангарскій.

Новые люди и новыя вѣянія въ прошлогодней беллетристикѣ.

Читателю можетъ быть приходилось бывать въ картинной галлереѣ, составленной умнымъ любителемъ, не обладающимъ большими средствами. Передъ вами картины посредственныхъ мастеровъ, нѣтъ «гвоздя», нѣтъ ничего такого, что бы поражало васъ своимъ величіемъ, приводило въ восторгъ, не найдете ничего безобразнаго, наивнаго, все болѣе или менѣе прилично, одно лучше, другое хуже, въ общемъ все сѣро; но если вы всмотритесь въ эту галлерею, вы увидите, что въ цѣломъ она не сѣра, что въ ней есть нѣчто неуловимое объединяющее, что придаетъ ей опредѣленную физіономію, часто весьма характерную. Это нѣчто—индивидуальность собирателя, его вкусъ, его запросы, кругъ его интересовъ. Такое впечатлѣніе производитъ обозрѣніе того, что напечатано въ нашихъ лучшихъ журналахъ за минувшій годъ. Ничего яркаго, ничего великаго, даже просто крупнаго, пока читаешь, все время чувствуешь, что все сѣро, сѣро, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того какъ прочитываешь цѣлый рядъ вещей, начинаешь ощущать присутствіе чего-то далеко не сѣраго, чего то трудноуловимаго, но весьма своеобразнаго, окрашивающаго подобно вкусу соби-

*) «Надъ Днѣпромъ», стих. Л. Медвѣдева см. «Новое Слово» 1896 г. № 8.

Digitized by Google

рателя, всю эту галлерею посредственныхъ произведеній своеобразнымъ колоритомъ, быть можетъ непріятнымъ, но оригинальнымъ. Это нѣчто— время. Наше время, кажущееся столь тусклымъ, безцвѣтнымъ, въ сущности очень интересно. Кругомъ насъ на каждомъ шагу совершается весьма важная подготовительная работа, характеръ которой пока трудно уловить, но которой обусловливается то или другое рѣшеніе весьма важныхъ проблемъ. Пока вокругъ насъ происходятъ скрытые процессы. Литература не улавливаетъ еще ихъ, но не свободна отъ ихъ вліянія. Замѣчательно, что цѣнность и интересъ современной литературы въ цѣломъ—въ изображеніи общества, тогда какъ отдѣльныя изрѣдка встрѣчающіяся попытки изображать современное общество—неуказаны.

Такова напримѣръ попытка Боборыкина изобразить новѣйшія теченія русскаго общества въ романѣ «По другому» («Вѣстникъ Европы»). Чего здѣсь нѣтъ? и борьба марксистовъ съ народниками, и декаденты, и атлеты и профессоръ новѣйшей формаціи, съ его почитательницами. Но въ то же время вмѣсто картины общества получается какой то калейдоскопъ лицъ, набранныхъ съ бору да съ сосенки, вмѣсто голоса бытописателя слышится какой то гулъ вродѣ того, который вы слышите ожидая вашего собесѣдника у телефона. Кое что здѣсь срисовано съ натуры, и притомъ съ любопытнѣйшихъ оригиналовъ, близость рисунка къ оригиналу подчасъ даже превышаетъ мѣру, допустимую въ искусствѣ, но срисованы только отдѣльные образы. Передъ романистомъ очевидно развертывается картина, которая привлекаетъ его, но понять суть которой онъ не въ силахъ, онъ наскоро набрасываетъ на бумагу нѣсколько замѣченныхъ имъ образовъ, не заботясь о томъ, соотвѣтствуетъ ли то взаимное отношеніе, въ которое ставитъ онъ эти образы, ихъ внутреннему содержанію, не заботясь о томъ, что, благодаря шаблонности сюжета, къ которому приклеены эти образы, теряется всякій смыслъ «народничества», «неомарксизма» и т. д. всѣхъ этихъ съ бору да съ сосенки набранныхъ героевъ, и самое «народничество» и «марксизмъ» ихъ становится пустыми кличками, не обусловливающими ничего въ развитіи романа. Но автору этого романа нельзя не отказать въ желаніи наблюдать жизнь общества и воспроизводить ее, его мысль скользитъ по поверхности, но обращена на направленія общественныхъ теченій, если его романъ не дастъ намъ того, чего бы мы желали, если прочтя его, мы не уяснимъ себѣ ни на іоту вопроса, какой же характеръ имѣетъ процессъ, происходящій въ нашемъ современномъ обществѣ, то мы увидимъ тѣ лица, съ которыми придется встрѣтиться, услышимъ тѣ слова, которыя придется слышать чаще всего. Въ общемъ романъ г. Боборыкина даетъ намъ то, что даетъ перелистыванье книги — мы не узнаемъ ея содержанія, ея мысли, но узнаемъ, о чемъ приблизительно въ ней идетъ рѣчь.

Въ романѣ г. Боборыкина мы не видимъ художественной цѣльности, естественности развитія дѣйствія, но отдѣльные типы очерчены очень хорошо и полны живого интереса. Таковы напр. главные герои Разсудинъ

Digitized by Google

и Студенцова. Народникъ Разсудинъ въ «По другому» фигура задуманная очень хорошо, выполненная недурно, но поставленная въ совершенно несвойственныя ей условія. Писатель народникъ, семидесятникъ, побывавшій въ ссылкѣ, вернувшійся оттуда надломленнымъ физически, но столь же вѣрующимъ, убѣжденнымъ, сталкивается съ новыми людьми, выработанными эпохой реакціи, не понимающими его, и чуждымъ ему. Сколько трагизма въ этомъ положеніи, какая великолѣпная канва для картины общества! но г. Боборыкинъ увлекся паточной любовной интригой. Увлеченіе Разсудина декаденткой Студенцовой нѣчто совершенно нелѣпое и невѣроятное: такой человѣкъ какъ Разсудинъ долженъ бы съ отвращеніемъ отойти отъ гнили декадентства, Студенцову онъ могъ бы пожалѣть, какъ жалѣютъ больного, покрытаго гнойными язвами, но не увлечься ею. Какъ могъ допустить такую психологическую нелѣпость опытный романистъ, трудно понять, единственное объясненіе такой ошибки можно видѣть развѣ въ желаніи во чтобы то ни стало, хотя бы за волосы привлечь какъ можно больше новенькихъ типовъ. Между тѣмъ даже тотъ кругъ наблюденій, которымъ несомнѣнно обладалъ романистъ, давалъ ему возможность вполнѣ естественной, хотя совсѣмъ не романической коллизіи. Между его героями есть два лица, которыя неизбѣжно должны столкнуться и столкновеніе которыхъ было бы своеобразно драматично. Эти лица: Разсудинъ и Шемадуровъ. Шемадуровъ типъ вполнѣ современный; это продуктъ реакціи, какъ и Студенцова, Анемоновъ и tutti quanti, но онъ въ другомъ родѣ и, конечно гораздо лучше ихъ. Шемадуровъ книжникъ, для котораго книга заслоняетъ жизнь. Онъ человѣкъ съ добрыми намѣреніями, но только потому что, эти намѣренія вытекаютъ изъ научной доктрины, составляющей его спеціальность. Людей онъ не любитъ, быть можетъ нѣсколько презираетъ ихъ, глядя на нихъ съ высоты своего кабинетнаго величія, но скорѣе всего онъ тупо равнодушенъ къ нимъ. Авторъ старается сдѣлать Шемадурова катедеръ-карьеристомъ, но это у него не выходитъ. Шемадуровъ совсѣмъ не карьеристъ, будучи карьеристомъ онъ избралъ бы совсѣмъ иной путь, но Шемадуровъ вполнѣ честенъ, онъ только черствъ и черствъ потому, что онъ чистый книжникъ. Онъ всегда жилъ книжной жизнью, люди всегда скрывались для него за цифрами. Силы творчества нѣтъ у Шемадурова, какъ вообще у людей его поколѣнія, онъ вынужденъ исходить отъ старой уже доктрины, той самой доктрины, которая легла въ основу міросозерцанія Разсудина и людей лагеря имъ представляемаго. Тѣ и другіе въ сущности ученики одного учителя, но эпоха наложила на нихъ глубокій отпечатокъ. Энтузіасты народолюбцы семидесятыхъ годовъ искали въ доктринѣ спасенія для своего кумира мужика, люди поколѣнія Шемадурова видятъ въ мужикѣ матерьялъ, на которомъ долженъ быть продѣланъ экспериментъ, доказывающій правильность теоріи. Столкновеніе между представителями такихъ двухъ родственныхъ, но противоположныхъ общественныхъ теченій, между «отцами и дѣтьми» нашего времени было бы полно глубокаго

Digitized by Google

художественнаго интереса, если бы было положено въ основу романа вмѣсто банальной любовной канители. Столкновеніе это только набросано г. Боборыкинымъ, но набросано живо и ярко. Вызывающій тонъ Шемадурова, для котораго все ясно, все укладывается въ формулу, его презрѣніе къ кумиру предшественниковъ—мужику: все это въ высокой степени характерно для современныхъ кандидатовъ на вакантное амплуа «властителей думъ»...

Другую попытку изображенія общества, на этотъ разъ провинціальнаго, находимъ въ повѣсти г. Свѣтлова «Уголокъ Колхиды» («Русская Мысль»). Эта попытка скромнѣе, но удачнѣе. Тутъ нѣтъ ни марксистовъ, ни народниковъ, какъ нѣтъ ихъ вообще въ провинціи, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, куда въ силу обстоятельствъ направленъ невольный отливъ столичной интеллигенціи, но есть нѣсколько жизненныхъ типовъ, находящихся въ характерныхъ для провинціальной жизни положеніяхъ. Это конечно не картина общества въ истинномъ значеніи этого слова, но и за то спасибо. Въ «Уголкѣ Колхиды» является передъ нами одинъ типъ весьма характерный для нашего времени. Это провинціальная дѣвица Лиза Хомякова или Лиза fin de siècle, какъ ее зовутъ въ «Уголкѣ Колхиды». Это Печоринъ въ юбкѣ, разочарованная демоническая натура, не лишенная ума, склонности къ болѣе серьезнымъ интересамъ, чѣмъ тѣ, которыми ей приходится жить, но ведущая такую же пустую и пошлую жизнь, какъ всѣ окружающіе, и даже не стремящаяся вырваться изъ подъ гнета ея. Этотъ продуктъ «безочарованія» весьма характеренъ для нашего fin de siècle'а: лѣтъ 20 тому назадъ такая дѣвушка была бы энтузіасткой, она бредила бы наукой, общественнымъ дѣломъ, теперь... она влюбляется въ петербургскихъ фатовъ, которыхъ не можетъ не презирать. Образъ Лизы Хомяковой, очерченный г. Свѣтловымъ довольно слабо, очень интересный жизненный образъ. Онъ заставляетъ подумать о многомъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ образѣ ничего нѣтъ уродливаго, кричащаго, бьющаго на эффектъ, какъ напримѣръ въ образѣ героини романа Боборыкина Жени Студенцовой. Безъидейность современнаго общества, сожженіе русской интеллигенціей того, чему она недавно поклонялась, отсутствіе какой бы то ни было свѣжей струи въ жизни нашего общества, особенно провинціальнаго, вотъ условія, которыя способствовали созданію Жени Студенцовой и цѣликомъ создали Лизу Хомякову. Это тѣ же причины, которыя когда-то плодили Печориныхъ—свѣту, воздуху мало; оттого-то то, что развивается при такихъ условіяхъ, уродливо. Печать развинченности, едва замѣтная въ Лизѣ Хомяковой, ярко бросается въ глаза въ другихъ женскихъ типахъ, являющихся въ новѣйшей беллетристикѣ. Передъ нами цѣлая галлерея типовъ женщинъ, которыя къ чему то стремятся, чего-то ищутъ, но, не находя ничего живого, бросаются на то, что привлекаетъ ихъ своимъ блескомъ, и гибнутъ, какъ бабочки. Такова Студенцова въ романѣ Боборыкина «По другому», таковы героини повѣстей г-жи Анненковой-Бернаръ «Она» и г-жи Лѣтковой—«Мертвая зыбь». Всѣ эти жен-

Digitized by Google

щины, какъ и Лиза Хомякова, продуктъ безтолковости нашихъ условій жизни, нашей безъидейности и безпринципности. Всѣ онѣ смутно, но сильно стремились ко свѣту, не нашли этого свѣта и бросились на первую пеструю приманку. Студенцова увлекается декадентствомъ, извращающимъ всю ея нравственную личность, и кончаетъ тѣмъ, что идетъ въ содержанки къ богачу князю Дашеву, все въ поискахъ за «свѣтомъ», которымъ подъ вліяніемъ декадентскихъ идей въ ея глазахъ становится все новое и «пикантное»; героиня повѣсти «Мертвая зыбь», послѣ мечтаній о трудѣ на благо народа становится женой красиваго пустого гвардейца, который скоро ей наскучилъ и смѣненъ старымъ декадентомъ, наконецъ героиня повѣсти «Она» ищетъ лавровъ Герострата, ея мечта быть Геростратомъ—прославиться во что бы то ни стало. Все это женщины съ богатыми натурами, не знающія куда направить свои силы, мечущіяся, ищущія и въ концѣ концовъ совершенно изломанныя. Этотъ «геростратизмъ», это исканіе во что бы то ни было новаго, неизвѣданнаго, черта, которую можно прослѣдить во всей нашей современности. Современный русскій человѣкъ, недавно сжегшій то, чему поклонялся, разочаровавшійся въ лучшихъ своихъ ожиданіяхъ, проведя томительное десятилѣтіе общественной летаргіи, страстно стремится вырваться изъ окружающихъ его сумерекъ, вырваться за предѣлы окружающей его будничной жизни. Отсюда происходятъ нервные истеричные поиски новаго, каково бы оно ни было, преклоненіе передъ новымъ, потому что оно ново, увлеченіе новыми идеалами, потому что они противоположны старымъ. Этой тревожной погоней за новизной во имя новизны окрашена вся современная общественная жизнь. Самыя противоположныя, повидимому, явленія исходятъ изъ этого стремленія къ новизнѣ. Что такое увлеченіе декадентствомъ, какъ не стремленіе къ новизнѣ во имя новизны? Почему такой острый характеръ приняли отношенія между народниками и неомарксистами, какъ не вслѣдствіе возникшаго въ обществѣ почти стихійнаго стремленія сжечь то, чему вчера поклонялись. Предшествовавшее намъ поколѣніе провозгласило торжество науки, идейнаго искусства, общественныхъ запросовъ—это поколѣніе пришло къ неудачамъ, ergo—будемъ презирать разумъ, науку, идейность—идемъ «за предѣлы» въ область грезъ и смутныхъ чувствъ; прежнее поколѣніе преклонялось передъ мужикомъ, оно испытало неудачу,—ergo будемъ оплевывать и мужика и его поклонниковъ и создадимъ себѣ новый кумиръ въ лицѣ фабричнаго. Таковъ приблизительно процессъ мысли представителей «новыхъ вѣяній» въ нашемъ обществѣ. Надо добавить, что процессъ этотъ характеризуется, кромѣ того, нейрастеничностью, свойственной эпохѣ, безпокойной страстностью не глубокой убѣжденности, а легкой раздражаемости, а также свойственной нейрастеничности отсутствіемъ созидающей, творческой работы. Творчества нѣтъ у современнаго человѣка, оттого онъ такъ охотно лѣзетъ въ Геростраты. Отсутствіе творчества—это черта, которая проявляется на каждомъ шагу въ современномъ обществѣ. Богатство его—богатство старьевщика. Всѣ тѣ

Digitized by Google

пестрые наряды, въ которыхъ щеголяютъ передъ нами «новые» люди, сшиты изъ старыхъ лохмотьевъ: въ плащѣ декадента нетрудно разсмотрѣть клочки старинаго романтизма, значительно поношенные, потрепанные и засаленные, костюмъ г. Бельтова напоминаетъ слегка перешитый камзолъ француза 18-го вѣка.

Любопытный типъ современнаго человѣка безъ творчества даетъ г. Тимковскій въ разсказѣ «Приватъ-доцентъ». Герой этого разсказа приватъ-доцентъ Корнильевъ типичнѣйшій современный книжникъ «безъ руля и безъ вѣтрилъ». Этотъ человѣкъ воспитался внѣ вліяній жизни, это чисто кабинетный продуктъ, что такое жизнь, какъ нужно ею пользоваться, что въ теченіи ея нужно сдѣлать—эти вопросы не приходили въ голову Корнильеву очень долго. Онъ учился въ университетѣ потому, что его толкнулъ туда случай, зналъ нѣсколько больше, чѣмъ товарищи, потому что, будучи сыномъ профессора, жилъ среди ученыхъ въ «ученой» атмосферѣ, остался при университетѣ, потому что ему это предложили, а его самого никуда не влекло; и началъ злосчастный «приватъ-доцентъ» изучать гвоздеобразныя надписи, до которыхъ ему никакого дѣла не было, изучалъ долго, даже сдѣлался приватъ-доцентомъ и всетаки не могъ понять толкомъ, что ему до науки никакого въ сущности дѣла нѣтъ, что его наука не интересуетъ, да и ничто на свѣтѣ не интересуетъ. Тепличная жизнь тянулась ровно и спокойно до тѣхъ поръ, пока «приватъ-доцентъ» не влюбился; этотъ первый толчокъ, который ему пришлось испытать, заставилъ его очнуться, и тутъ то онъ понялъ, что вся его жизнь ошибка, что онъ ненавидитъ свои гвоздеобразныя надписи, но что кромѣ ихъ изученія онъ ни на что не годится. Какъ ни разнообразны такіе люди, какъ приватъ-доцентъ Корнильевъ и Шемадуровъ,—между ними есть нѣчто общее. Это люди книги, люди, которые вслѣдствіе вялости общественной жизни, воспитались внѣ вліянія жизненныхъ факторовъ; и Шемадуровы и Корниліевы—продуктъ общественнаго застоя и школьной схоластики. Мысль современнаго юноши слишкомъ долго не выходитъ за предѣлы чисто книжной области, она не въ состояніи окрѣпнуть на наблюденіи жизненныхъ фактовъ, она остается анемичной, непродуктивной, усвоивъ чисто книжные схоластическіе методы.

Наряду съ книжниками—Шемадуровыми и Корниліевыми современная беллетристика даетъ отраженіе совершенно противоположнаго имъ типа людей съ «подножнаго корму», совсѣмъ чуждыхъ какой бы то ни было книжности. Это—«Миши». «Миша», герой разсказа г. Елпатьевскаго, озаглавленнаго такъ же, происходитъ отъ Хлестакова и Ноздрева, какъ говоритъ авторъ, онъ какъ будто бы сродни и тургеневскому Чертопханову, хотя поплоше. Это человѣкъ «безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія», какъ характеризуетъ его авторъ, человѣкъ безсознательный. Миша жилъ бариномъ, «округлялъ свои землицы, продавая пустошь за пустошью, вѣчно получалъ наслѣдства отъ разныхъ тетушекъ и знать не зналъ, что такое законъ. Такъ жилъ Миша припѣваючи, былъ лучшимъ танцо-

Digitized by Google

ромъ въ уѣздѣ, консерваторомъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи и либераломъ въ губернскомъ. И вдругъ Мишу смертельно обидѣла судьба—запасъ во время умиравшихъ тетушекъ истощился, и Миша разорился. Попробовалъ онъ было служить—не вышло, и вотъ Миша сталъ взывать къ охраненію основъ. Какъ охранять и отъ кого онъ точно не зналъ, но чувствовалъ, что необходимо охранить свои права на полученіе некстощимыхъ тетушкиныхъ наслѣдствъ. Для обезпеченія этого своего права Миша придумываетъ смѣлый государственный проэктъ—выпустить какъ можно больше кредитныхъ билетовъ, чтобы на долю каждаго Миши хватило. Но этого мало, Миша, подъ вліяніемъ своихъ неудачъ, становится подозрителенъ и обидчивъ, его обижаетъ, что могутъ другіе люди жить безъ выпуска кредитныхъ билетовъ въ неограниченномъ количествѣ и ему кажется, что эти то люди и виноваты въ его Мишиныхъ бѣдахъ. Онъ становится «на стражѣ» и «обличаетъ» всѣхъ и каждаго: сегодня поляковъ, завтра финляндцевъ, послѣзавтра Сибирь и Малороссію. Подумаешь, Миша человѣконенавистникъ, а Миша просто «человѣкъ безъ заранѣе обдуманныхъ намѣреній».

Книжники—люди «гвоздеобразной жизни», «геростратики» и Миши—таковы новые люди въ современной беллетристикѣ. Скучная картина! Но она скучна такъ же, какъ и современная жизнь. Слишкомъ долго тянутся наши «сумерки», свѣту, воздуху мало, оттого такъ уродливо развивается наша жизнь. Но какъ ни уродлива эта картина, она не безотрадна: все кругомъ томится настоящимъ, стремится вырваться изъ подъ гнета сумерекъ. Даже Миши чего то ищутъ, очевидно въ обществѣ еще много жизненныхъ силъ, и нужны лишь болѣе благопріятныя условія, чтобы имъ развиться.

Н. Коробка.

Digitized by Google

Письма изъ провинціи.

Изъ Лебедяни, Тамб. губ.

(Земство и народное образованіе).

Наблюденіе, сдѣланное въ № 11 «Образованія» о нѣкоторомъ пониженіи интереса къ народному образованію въ средѣ уѣздныхъ земцевъ, къ сожалѣнію, примѣнимо и къ сессіи нашего земскаго собранія, бывшаго въ октябрѣ мѣсяцѣ. Правда, наше собраніе никогда не отличалось особымъ рвеніемъ и внимательной разработкой вопросовъ о начальномъ обученіи, но общее оживленіе послѣдняго времени въ этомъ отношеніи не прошло безслѣдно и для насъ: и на земскихъ сессіяхъ 95 и 96 годовъ появились доклады по этимъ вопросамъ, были оживленные споры и состоялись хоть нѣкоторыя симпатичныя постановленія, напр. о періодическомъ увеличеніи жалованія учителямъ за выслугу лѣтъ, объ устройствѣ библіотекъ при школахъ, объ открытіи склада книгъ, устроены вечернія занятія при 5 школахъ, рѣшено принять участіе въ снабженіи школъ учебниками и пр. Въ этомъ году не сдѣлано ни единаго шага впередъ. Мало того, слышались непріятныя и странныя рѣчи. Такъ, прошлогоднее постановленіе о снабженіи школъ учебниками на счетъ земства нѣкоторымъ вліятельнымъ гласнымъ очень не понравилось и предлагалось отмѣнить его. Въ заключеніе произошелъ компромиссъ: сельскія общества сами должны пріобрѣтать учебники и учебныя пособія, земство же ассигнуетъ по 1500 р. въ годъ имъ въ пособіе. Въ увеличеніи числа вечернихъ занятій отказано вслѣдствіе недоказанности пользы отъ нихъ и слѣдовательно производительности расхода на ихъ веденіе (по 67 р. въ годъ на школу). Отказано и въ устройствѣ педагогической библіотеки для учителей, о чемъ просилъ училищный совѣтъ. — При обсужденіи ходатайства уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта о выдачѣ пособія на церковныя школы, если возможно, въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ это было сдѣлано въ прошломъ году, когда земствомъ впервые было выдано отдѣленію 500 р., Предсѣдатель управы, (онъ же и предводитель дворянства, Д. А Жемчужниковъ) въ принципѣ вполнѣ сочувствуя увеличенію субсидіи церковнымъ школамъ, находилъ это только трудно выполнимымъ въ виду неурожайнаго года. Другой вліятельный гласный гр. Толстой

Digitized by Google

(М. П.) находилъ возможнымъ неувеличеніе размѣра пособія церковнымъ школамъ ставить въ зависимость отъ неурожая только въ томъ случаѣ, если по той же причинѣ не будетъ сдѣлано никакихъ прибавокъ по смѣтѣ народнаго образованія; если же имѣется въ виду испросить у собранія новые кредиты на нужды земскихъ школъ, то, по его мнѣнію, первѣе всего надо удовлетворить ходатайство отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта, оставивъ нужду земскихъ школъ, въ крайнемъ случаѣ неудовлетворенными, такъ какъ церковныя школы преслѣдуютъ ту же цѣль, что и земскія, а стоятъ много дешевле. Послѣ возраженія, что не все то хорошо, что дешево и что достоинство и качество школы нельзя измѣрять дешевизной ея содержанія, сопряженной съ недостаткомъ учебниковъ и неподготовленностью учителей, собраніе назначило пособіе церковнымъ школамъ въ прежнемъ размѣрѣ. — Члены училищнаго совѣта отъ земства въ своемъ докладѣ указывали на нѣкоторыя мѣстности совершенно обездоленныя школами и предлагали въ двухъ мѣстахъ теперь-же открыть училища исключительно на земскій счетъ и поручить управѣ къ будущему году разработать вопросъ объ открытіи школъ и въ др. мѣстностяхъ, а также и вопросъ о постройкѣ школьныхъ зданій. Собраніе похоронило этотъ вопросъ, не сдѣлавъ никакого опредѣленнаго постановленія по существу и только поручивъ управѣ собрать по этому поводу необходимыя справки *). Во время обсужденія этого предложенія предсѣдатель управы высказалъ, что открытіе школъ по иниціативѣ земства безъ матеріальнаго участія со стороны сельскихъ обществъ прямо таки нежелательно, такія школы — вредны. Въ томъ же духѣ высказывался и гр. Толстой, не смущаясь тѣмъ, что самъ же признавалъ церковныя школы очень полезными, хотя онѣ открываются почти всегда помимо иниціативы и денежнаго участія со стороны мѣстнаго общества. Еще стоитъ указать на вопросъ объ участіи губернскаго земства въ расходахъ на начальное образованіе въ уѣздахъ. Вопросъ этотъ, возбужденный губернскимъ земствомъ, обсуждался въ прошломъ году и большинствомъ противъ одного голоса рѣшенъ положительно. Въ томъ же духѣ высказалось и большинство другихъ уѣздныхъ собраній, и губернское собраніе большинствомъ 21 голоса противъ 15 постановило: произведя дополнительную раскладку на общихъ основаніяхъ губернскаго сбора въ размѣрѣ 20% общей суммы смѣтъ на на народное образованіе по всѣмъ уѣздамъ, распредѣлять полученную сумму въ пособіе уѣздамъ на народныя школы въ количествѣ 20% собственной смѣты каждаго уѣзда на этотъ предметъ. Постановленіе это, опротестованное губернаторомъ, было отмѣнено губернскимъ присутствіемъ потому, что 1) одна и та же повинность одновременно является и губернскою, и уѣздною: 2) губернское земство забирается въ

*) Хотя помимо подробныхъ указаній относительно нѣкоторыхъ мѣстностей въ управѣ имѣлись еще заявленія изъ 7 волостей о недостаточномъ числѣ школъ и о желательности устройства новыхъ.

Digitized by Google

сферы вѣдѣнія уѣзднаго, 3) въ виду того, что губернскій сборъ будто бы можетъ быть расходуемъ только на губернскія повинности, а не на пособія уѣздамъ и наконецъ вслѣдствіе неуравнительности обложенія (?) и несправедливости переплаты одного уѣзда въ пользу другого. Курьезно, что почти одновременно тѣмъ же присутствіемъ по протесту того же губернатора было отмѣнено другое постановленіе губернскаго собранія о дорожномъ капиталѣ, которымъ (постановленіемъ) указывалось, что изъ дорожнаго капитала образуемаго не по общимъ правиламъ губернскаго сбора на основаніи доходности уѣздовъ, а особымъ порядкомъ, каждый уѣздъ можетъ получать не болѣе того, что вноситъ. Одинъ изъ главныхъ мотивовъ отмѣны—тотъ, что собраніе въ своемъ постановленіи нарушило «основной принципъ губернскаго земскаго ходайства—приходить на помощь уѣздамъ соотвѣтственно губернскимъ нуждамъ въ ихъ ходайствахъ, а не платежамъ, поступающимъ съ нихъ въ губернскій сборъ».

Такимъ образомъ, губернское присутствіе, повидимому, считаетъ позволительнымъ этотъ «основной принципъ губ. земск. хозяйствъ» употреблять въ прямомъ, неизмѣнномъ видѣ, а при случаѣ и въ вывороченномъ наизнанку.—Вотъ вслѣдствіе отмѣны постановленія губ. собранія объ участіи въ расходахъ на народное образованія въ уѣздахъ, уѣздныя собранія сессіи нынѣшняго года и были запрошены губерн. земской управой: слѣдуетъ ли по ихъ мнѣнію обжаловать рѣшеніе губернскаго присутствія или же согласиться съ нимъ? И хотя вопросъ объ участіи губернск. земства принципіально былъ уже рѣшенъ почти единогласно въ прошломъ году и теперь слѣдовало бы обсуждать его съ точки зрѣнія правильности отмѣны постановленія губернскаго собранія, тѣмъ не менѣе наша управа въ своемъ докладѣ затронула главнымъ образомъ принципіальную сторону. Вопреки своему прошлогоднему мнѣнію и докладу, составленному послѣ обсужденія вопроса въ училищномъ совѣтѣ, который, въ виду неудовлетворенности многихъ нуждъ школы, находилъ вмѣстѣ съ управой, что участіе губ. земства желательно въ расходахъ вообще на начальное образованіе, а не на удовлетвореніе какой-нибудь одной стороны его,—не смотря на это управа настаивала, что теперь, въ виду предполагаемаго безплатнаго отпуска казеннаго лѣса на постройку училищъ, нѣтъ никакой нужды въ участіи губернск. земства въ расходахъ уѣздовъ на народное образованіе.

Земское собраніе, внявъ должно быть такой убѣдительной аргументаціи рѣшило, что слѣдуетъ согласиться съ губернскимъ присутствіемъ, отмѣнивъ постановленіе губернскаго собранія. Курьезъ получился и здѣсь: собраніе перерѣшило вопросъ принципіально, разсматривало его со стороны выгодности уѣздному земству, а въ заключеніе согласилось съ губернск. присутствіемъ, разбиравшимъ его съ формальной стороны, признало слѣдовательно правильными доводы и мотивы присутствія. О послѣднихъ на собраніи было упомянуто только однимъ гласнымъ, но этотъ гласный въ своей обширной запискѣ оспаривалъ основательность ихъ.

Digitized by Google

Въ концѣ концовъ сессія земскаго собранія оказалась совершенно безплодной въ дѣлѣ народнаго образованія. Единственно, что сдѣлано—это расширеніе склада книгъ. Открытъ онъ былъ по постановленію прошлогодняго собранія, но въ мизерномъ видѣ, теперь же отпущено ему въ оборотный капиталъ 2400 р. Впрочемъ и при этомъ въ собраніи высказались не культурные, образовательные мотивы, а соображенія до нѣкоторой степени торговыя: въ складѣ будутъ продаваться писчебумажныя принадлежности; бумага требуется въ очень большомъ количествѣ не только въ школы, но и въ управу, уѣздный съѣздъ, волостныя правленія; ergo—оборотъ предвидится большой и можно вести дѣло безъ убытка, покрывая расходы по содержанію склада получаемой прибылью.

С. И.

Изъ Иркутска.

(Народные учителя).

Положеніе народнаго образованія въ Иркутской губерніи гораздо ниже положенія его въ земскихъ губерніяхъ. Громадныя и мало населенныя пространства, неблагопріятныя культурныя условія, отсутствіе общественной самодѣятельности, хотя бы въ видѣ земства, и излишняя административная опека—всѣ эти условія тормозили развитіе народной школы. До сихъ поръ большая часть населенія остается неграмотной, и довольно трудно опредѣлить то время, когда все населеніе получитъ возможность учиться.

Въ сущности говоря, на правильное развитіе народной школы начали обращать вниманіе только въ восьмидесятыхъ годахъ, когда было открыто нѣсколько министерскихъ училищъ. Затѣмъ лѣтъ десять тому назадъ начали возникать церковноприходскія школы, занявшія, покрайней мѣрѣ по числу, довольно видное мѣсто.

Въ 1895 году въ губерніи было уже 78 министерскихъ и 94 церковноприходскихъ школы и кромѣ того 211 школъ грамоты.

Изъ этихъ цифръ видно, что преобладающими являются школы грамоты, хотя по количеству учащихся онѣ значительно уступаютъ министерскимъ и церковноприходскимъ школамъ. Уступаютъ онѣ послѣднимъ и по постановкѣ обученія, такъ какъ не имѣютъ ни порядочныхъ учебныхъ пособій, ни помѣщеній, ни болѣе или менѣе сносныхъ учителей. Несмотря однако на эти недостатки, школы грамоты продолжаютъ существовать и развиваться, такъ какъ условія сибирской жизни не даютъ возможности пользоваться другими типами школъ. Громадныя пространства, на которыхъ разбросана масса мелкихъ селеній-заимокъ, отсутствіе хорошихъ школъ и учителей съ одной стороны и желаніе населенія учиться съ другой вызвали и вызываютъ даже теперь появленіе школъ грамоты. Эти школы еще задолго до появленія организованныхъ школъ служили разсадниками грамотности въ губерніи, хотя никогда оффиціально не признавались и

Digitized by Google

даже нерѣдко преслѣдовались. Эти школы были понятнѣе для населенія и находились даже подъ его контролемъ, такъ какъ ученіе происходило на глазахъ родителей учениковъ. Въ большинствѣ случаевъ такія школы образуются случайно, благодаря появленію въ селеніи грамотнаго человѣка: поселенца, солдата и др. Не захотѣлъ учитель жить въ селеніи и школа закрылась до появленія другого случайнаго учителя. Помѣщается школа въ болѣе просторной избѣ или перекочевываетъ изъ одной хаты въ другую.

Учатся отъ двухъ до десяти и болѣе дѣтей, причемъ за каждаго родители платятъ отъ 50 коп. до 1 р. въ мѣсяцъ. Опредѣленной программы не существуетъ, а учатъ тому, что знаютъ сами учителя. Но въ общемъ ученики, пробывшіе въ школѣ грамоты два-три года, выдерживаютъ экзаменъ по курсу начальной школы.

Преобладающее количество школъ грамоты должно, конечно, сильно вліять на составъ учителей и при томъ въ отрицательномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что между учителями школъ грамоты значительный процентъ составляютъ ссыльные. Благодаря имъ и безъ того невысокій составъ сельскихъ учителей еще болѣе понижается, а вмѣстѣ съ тѣмъ понижаются и успѣхи преподаванія.

Первое мѣсто занимаютъ учителя министерскихъ школъ, хотя и въ настоящее время составъ ихъ оставляетъ желать многаго. Большинство ихъ получило образованіе въ Иркутской учительской семинаріи, уѣздныхъ и городскихъ училищахъ (болѣе $^2/_3$), часть окончила курсъ въ гимназіяхъ и епархіальномъ училищѣ, а остальные не имѣютъ средняго образованія.

Составъ учителей и учительницъ началъ улучшаться лишь послѣ открытія въ Иркутскѣ въ 1883 году учительской семинаріи. До этого времени учителями были лица, «не имѣющія опредѣленныхъ занятій», отъ которыхъ требовалась только грамотность. Опытныхъ педагоговъ не было совсѣмъ, но зато нерѣдко учителя пропивали стекла изъ оконъ училища (Чечуйскъ 79 г.), истязали учениковъ (Витимъ, Петропавловскъ), поручали занятія сторожу (Марково) и т. п. Каковы были прежніе педагоги, показываетъ тотъ фактъ, что даже въ уѣздныя училища попадали учителя съ отмѣткой въ формулярѣ: «по службѣ нерадивъ и поведенія весьма сомнительнаго». Хотя подобные факты есть «дѣла давно минувшихъ дней, преданье старины глубокой», но и въ настоящее время нерѣдко въ школахъ учатъ люди совершенно неподготовленные.

Не получивъ подготовки въ училищѣ, учителя могли бы пріобрѣсти ее въ школѣ, на практикѣ, но условія жизни нерѣдко лишаютъ ихъ этой возможности. Дѣло въ томъ, что около половины учителей женаты и имѣютъ дѣтей. Между тѣмъ жалованье въ среднемъ равняется 375 руб. въ годъ, т. е. такой суммѣ, прожить на которую, при сибирскихъ цѣнахъ, невозможно. Особенно трудно стало жить учителямъ въ настоящее время, когда цѣны на жизненные припасы сильно вздорожали.

Digitized by Google

Благодаря недостаточному жалованью, учителя ищутъ посторонних занятій или пріискиваютъ болѣе выгодную работу: поступаютъ въ волостные писаря, приказчики и т. п.

Къ этому присоединяются еще и отсутствіе въ деревняхъ какихъ либо развлеченій, книгъ, общества. Хотя при всѣхъ министерскихъ училищахъ существуютъ библіотеки, но онѣ состоятъ исключительно изъ учебниковъ и учебныхъ пособій. Въ 11 учительскихъ библіотекахъ Киренскаго округа было въ 1896 году 1457 школъ, причемъ въ самой большой изъ нихъ было 318, а въ маленькой 26 томовъ. Библіотеки наполняются совершенно случайно, такъ какъ особыхъ средствъ на это не ассигнуется. Для учителей выписываются только «Русскій Начальный Учитель» и «Читальная Народной Школы» и въ нѣкоторыхъ «Родникъ». Сами же учителя, по недостатку средствъ, выписываютъ книги и журналы очень рѣдко. Изъ всѣхъ учителей менѣе одной пятой части выписываютъ больше одного изданія, причемъ 12 человѣкъ выписываютъ толстые журналы: «Русск. мысль», «Русск. Богатство» и «Сѣв. Вѣст.». Большинство выписываютъ иллюстрированныя изданія.

Такимъ образомъ, духовную пищу учителей министерскихъ школъ нельзя назвать разнообразной и полезной. Попавъ обыкновенно въ глухую деревню, отстоящую на десятки, а то и сотни верстъ отъ города, учитель быстро опускается и тупѣетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него пропадаетъ также и интересъ къ школѣ.

Еще печальнѣе положеніе учителей церковно-приходскихъ школъ. Эти школы начали открываться съ 1884 года, но очень многія изъ нихъ существуютъ непостоянно, а въ зависимости отъ присутствія въ селѣ учителей. До сихъ поръ въ этихъ училищахъ занимаются ссыльные, и съ уходомъ ихъ школа закрывается. Но даже и въ тѣхъ училищахъ, гдѣ учителями состоятъ духовныя лица, ученье идетъ неблестяще, такъ какъ они обременены своими спеціальными обязанностями и на школу удѣлять времени не могутъ. Это особенно замѣтно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ учительствуютъ священники и діаконы. Большіе приходы, раскинувшіеся на десятки верстъ, заставляютъ ихъ употреблять на разъѣзды по нѣсколько дней, что, конечно, должно отразиться на успѣшности обученія. Между тѣмъ среди учителей въ церковно-приходскихъ школахъ преобладаютъ лица изъ сельскаго духовенства. При этомъ нужно замѣтить, что больше половины ихъ не окончили курса ни въ какомъ учебномъ заведеніи и не имѣютъ спеціальнаго образованія. Такое явленіе будетъ вполнѣ понятно, если принять во вниманіе сравнительно низкій уровень образованія сибирскаго духовенства и то ничтожное вознагражденіе, которое получаютъ учителя церковно-приходскихъ школъ. Жалованье учащимъ крайне неравномѣрно и мало: отъ 25 до 360 р. въ годъ; обыкновенно же 100 — 150 рублей. Найти хорошаго учителя на такое жалованье крайне трудно и потому обученіе въ школахъ ведется съ перерывами и

Digitized by Google

плохо. Этимъ также объясняется и то, что среди учителей церковно-приходскихъ школъ 5,7% составляютъ поселенцы.

При той постановкѣ дѣла, которая замѣчается въ этихъ школахъ, крайне странна претензія на главенство, проявляемая мѣстнымъ духовенствомъ. Невысокій образовательный уровень учащихъ, недостаточное содержаніе, плохая обстановка, короткое время ученія—все это ставитъ церковно приходскую школу въ невыгодное положеніе по сравненію съ министерской. А совмѣщеніе обязанностей священника и учителя ведетъ еще къ большему пониженію достигаемыхъ ею результатовъ.

Перейдемъ теперь къ послѣдней категоріи учащихъ—учителямъ школъ грамоты. Какъ мы уже говорили, такими учителями являются обыкновенно люди, случайно попавшіе въ деревню и болѣе или менѣе знакомые съ грамотой. Въ большинствѣ случаевъ такими учителями являются ссыльные. Такъ, въ Киренскомъ округѣ изъ 37 учителей 31 были ссыльные, 2 отставныхъ низшихъ чиновника, 1 крестьянинъ и 3 духовнаго или неопредѣленнаго званія. По образованію: 6 изъ среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, 1 изъ учительскаго института, 18 изъ городскихъ, уѣздныхъ и другихъ училищъ и 12 съ низшимъ образованіемъ. Въ другихъ округахъ губерніи поселенцы составляли $^3/_4$ всѣхъ учителей грамоты, затѣмъ $^1/_{10}$ учителей были духовнаго званія. Большинство ихъ хорошо знаютъ грамоту, но есть и такіе, которые сами лишь съ трудомъ разбираютъ печатное; но зато есть и такіе, которые не уступаютъ учителямъ оффиціальныхъ школъ, а иногда и превосходятъ ихъ. Благодаря тому, что крестьяне сами слѣдятъ за обученіемъ, плохіе учителя попадаются въ ничтожномъ числѣ.

Всѣ учителя школъ грамоты являются людьми кочующими и рѣдко остаются на одномъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ. Такъ, въ Киренскомъ округѣ оставались на мѣстахъ одну зиму 16 человѣкъ, 2—3 зимы 13 человѣкъ, болѣе 3 зимъ 8 человѣкъ. Такое переселеніе учителей вызывается общими ненормальными условіями ссылки, а съ другой стороны, необходимостью искать заработка въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Если учитель неспособенъ къ крестьянской работѣ и не можетъ наняться въ батраки, то ему волей-неволей приходится уходить на работу въ другое мѣсто. Хотя нѣкоторые изъ нихъ опять возвращаются на зиму, но большинство все-таки остается на новомъ мѣстѣ.

Едвали нужно говорить о ненормальности такого порядка, при которомъ человѣкъ, высланный какъ вредный членъ общества, въ Сибири является просвѣтителемъ населенія. Такой порядокъ создаетъ крайне ненормальныя отношенія между учителями и населеніемъ и уничтожаетъ благородное вліяніе первыхъ на второе.

Необходимость улучшенія состава сельскихъ учителей сознана уже давно, но до сихъ поръ для этого ничего не сдѣлано. Существующая въ Иркутскѣ учительская семинарія даетъ учителей для всей Восточной Си-

Digitized by Google

бири, и понятно, что ихъ не хватаетъ даже для министерскихъ школъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается.

Въ виду увеличенія числа школъ необходимо какъ можно скорѣе открыть еще нѣсколько такихъ семинарій, такъ какъ иначе дѣло народнаго образованія едвали подвинется впередъ.

И. К.

Изъ области знаній.

Успѣхи естествознанія.

Общая біологія.

Чѣмъ больше изучается организмъ біологами, тѣмъ болѣе и тѣмъ прочнѣе устанавливается идея о взаимной связи и соподчиненіи отдѣльныхъ частей организма. Уже давно, еще Этьенъ Жофруа Сентъ-Илеръ обратилъ вниманіе на извѣстное соотношеніе между органами, которое онъ назвалъ «*balancement des organes*». Если одинъ органъ ростетъ, и получаетъ болѣе сильное развитіе, то онъ это дѣлаетъ всегда въ ущербъ другому. Въ октябрьскомъ нашемъ обзорѣ мы видѣли напр., что усиленное развитіе яицъ у самокъ бабочекъ, по предположенію Кеннеля, обусловливаетъ недоразвитіе у нихъ красящаго вещества, а иногда крыльевъ и усиковъ. Такихъ примѣровъ можно привести массу, и всѣ они имѣютъ одинъ и тотъ-же смыслъ. Каждый организмъ располагаетъ опредѣленнымъ количествомъ строительнаго матерьяла и усиленная затрата его въ одномъ пунктѣ неизбѣжно вызоветъ экономію въ другомъ. Но есть кромѣ этого зависимость между органами другого рода. Иногда эта зависимость ясна и понятна, а иногда таинственна. Понятно вполнѣ, что усиленный ростъ роговъ оленя сопровождается усиленнымъ развитіемъ мышцъ, поддерживающихъ голову, а это послѣднее сопровождается усиленнымъ развитіемъ на костяхъ гребней и выступовъ, къ которымъ мышцы прикрѣпляются.

Правда, біологи расходятся при истолкованіи вопроса о томъ, какимъ путемъ означенная зависимость реализируется, иначе говоря въ объясненіи самого механизма зависимости, но полезность и даже необходимость такой зависимости ясна и понятна. Но рядомъ съ этимъ есть зависимость намъ совершенно непонятная. Такова зависимость напр. между голубоглазостью и глухотой у собакъ и кошекъ, извѣстная еще

Digitized by Google

Бюффону и послужившая недавно предметомъ изученія Равитца. Равитцъ изслѣдовалъ случай глухоты у одной собаки далматской породы. Собака не была совершенно бѣлой, какъ это обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ, а имѣла темное пятно на головѣ, а глаза были свѣтло-голубые съ очень широкими зрачками. При жизни она обнаруживала глухоту, что отразилось и на манерѣ лаять. При вскрытіи оказалось, что обѣ ушныя улитки весьма слабо развиты и лѣвая слабѣе правой. Находящійся внутри ихъ органъ, служащій по предположенію Гельмгольца, для разложенія звуковъ на составные тоны (Кортіевъ органъ), отсутствовалъ вовсе; нѣкоторыя волокна слухового нерва подверглись перерожденію, а равно и въ мозгу тѣ части полушарій, которыя считаются завѣдующими слуховой функціей, тоже были атрофированы.

Однимъ словомъ, глухота въ данномъ случаѣ есть результатъ сильнаго и глубокаго измѣненія въ строеніи не только слухового органа, но и мозга, измѣненія, выразившагося главнымъ образомъ въ исчезновеніи или атрофіи нѣкоторыхъ частей.

Но почему эта атрофія сопровождается недоразвитіемъ красящаго вещества, недоразвитія, выражающагося въ свѣтлой окраскѣ глазъ и бѣлизнѣ шерсти? на это мы не имѣемъ отвѣта. Нѣсколько болѣе разработана зависимость *функціональная*, т. е. такая, когда отправленіе одного органа зависитъ отъ правильной функціи другого. На этихъ фактахъ, мимоходомъ нами упомянутыхъ въ октябрьскомъ обозрѣніи, когда мы говорили о слабомъ развитіи бороды и особенностяхъ голоса у скопцовъ, мы теперь остановимся болѣе подробно. Такъ какъ при этомъ намъ придется косвенно коснуться вопроса о лѣченіи различными вытяжками изъ органовъ животныхъ, то спѣшу оговориться, что я вовсе не буду имѣть въ виду степень удачности примѣненія того или другого метода. Это дѣло врачей. Для насъ всѣ эти факты интересны лишь по стольку, по сколько они указываютъ на функціональную связь между органами. Иногда результаты весьма гибельные для паціента могутъ оказаться интересными съ теоретической точки зрѣнія. Отмѣтимъ сначала, что многія железы нашего тѣла, какъ напримѣръ печень, поджелудочная и др. помимо тѣхъ отдѣленій, которыя они выводятъ черезъ свои протоки наружу или въ кишечникъ, какъ печень—желчь, поджелудочная железа — поджелудочный сокъ, помимо этого отдѣлительнаго процесса, называемаго *наружнымъ*, отдаютъ еще нѣкоторое количество веществъ въ кровь, иначе говоря, обладаютъ еще отдѣленіемъ *внутреннимъ*. Печень кромѣ желчи выработываетъ еще гликогенъ, который всасывается потомъ кровью и служитъ какъ бы запаснымъ горючимъ матерьяломъ для животнаго организма.

Но есть и такія железы въ организмѣ, которыя протоковъ, открывающихся наружу или во внутренніе органы, не имѣютъ вовсе и слѣдовательно наружнаго отдѣленія также вовсе не имѣютъ. Такова напримѣръ щитовидная железа, лежащая около гортани; надпочечныя железы,—

Digitized by Google

помѣщающіяся, какъ показываетъ названіе, надъ почками; особый придатокъ на нижней поверхности мозга или питуитарная железа; зобная железа (*gl. thymus*), которая у человѣка развивается лишь до $1^1/_2$ года, а потомъ атрофируется почти совсѣмъ. Эта послѣдняя железа, представляющая сильное развитіе у теленка, извѣстна подъ кухоннымъ названіемъ сладкаго мяса. Тѣмъ не менѣе всѣ эти железы, какъ это видѣлъ Hurtle на щитовидной железѣ, все таки выдѣляютъ нѣкоторое вещество, которое вымывается кровью и котороо иногда оказывается весьма важнымъ для организма. Такимъ образомъ, эти железы имѣютъ лишь внутреннее отдѣленіе и не имѣютъ, да и не могутъ имѣть, наружнаго. Особенное вниманіе на процессы внутренняго отдѣленія было обращено со времени всѣмъ извѣстныхъ опытовъ Броунъ-Секара. Исходя изъ того факта, что скопцы и оскопленныя животныя, помимо указанныхъ выше особенностей представляютъ общій упадокъ нервной дѣятельности, онъ дошелъ до идеи искусственнаго введенія въ организмъ экстракта воспроизводительныхъ железъ. Онъ наблюдалъ, что если заставлять животныхъ умирать вслѣдствіе истеченія и потери крови, то животныя, подвергшіяся такому впрыскиванію, дольше сопротивляются неизбѣжному упадку силъ и умираютъ не такъ скоро. Затѣмъ, другіе наблюдатели путемъ довольно точныхъ измѣреній показали, что люди, подвергшіеся впрыскиваніямъ, обнаруживаютъ довольно долгое время послѣ этого увеличеніе мышечной силы, и это увеличеніе не можетъ быть объяснено самовнушеніемъ, какъ думали сначала.

Извѣстно, что женщины, у которыхъ были удалены путемъ операціи яичники, обнаруживаютъ иногда весьма существенныя нарушенія въ дѣятельности нервной системы, выражающіяся въ ипохондріи, потерѣ памяти, безсонницѣ, а равно и другихъ болѣе тяжелыхъ явленіяхъ. Цѣлый рядъ врачей сообщаетъ объ ослабленіи этихъ явленій или впрыскиванія вытяжекъ изъ яичниковъ животныхъ. Изъ подобныхъ фактовъ Броунъ-Секаръ вывелъ заключеніе, что половыя железы обладаютъ способностью внутренняго отдѣленія и что продукты этой отдѣлительной дѣятельности вліяютъ на организмъ. Самое вліяніе можетъ происходить двояко: или оно сказывается на нервной системѣ и черезъ нее уже передается на другіе органы, или же вліяніе можетъ быть непосредственное, т. е. дѣйствовать прямо на клѣтки другихъ тканей. Самая идея о практическомъ примѣненіи этихъ впрыскиваній была встрѣчена съ большой осторожностью и до сихъ поръ не вышла изъ области спорныхъ вопросовъ, но идея о функціональной зависимости нашла себѣ богатую почву. Показано напримѣръ, что кастрація вызываетъ атрофію предстательной железы и были попытки примѣнить кастрацію какъ средство противъ болѣзненнаго разростанія этого органа. Удаленіе яичниковъ, какъ показали д-ръ Соколовъ и Эйгардъ, вызываетъ иногда атрофію матки. Если эту операцію произвести надъ беременной собакой, то развитіе беременности останавливается и начавшія развиваться яица погибаютъ.

Digitized by Google

Съ другой стороны, если пересадить кусочекъ яичника отъ одной особи къ другой, лишенной его, т. е. сдѣлать прививку, какъ у растеній, то многія явленія, наблюдавшіяся у послѣдней, исчезаютъ. Д-ръ Моррисъ сообщаетъ, что одна женщина послѣ такой прививки забеременѣла и такимъ образомъ ей предстояло произвести на свѣтъ ребенка, развившагося изъ чужого яйца. Подобный случай имѣлъ-бы громадное значеніе для рѣшенія многихъ вопросовъ изъ области наслѣдственности, но плодъ былъ недоношенъ.

Не менѣе интересны наблюденія надъ ролью щитовидной железы. Гофмейстеръ показалъ, что молодые кролики съ удаленной щитовидной железой дѣлались вялыми, оставались маленькими, волосы теряли отблескъ и дѣлались грубыми, всклокоченными. Чѣмъ раньше была сдѣлана операція, тѣмъ больше была разница въ вѣсѣ между оперированными кроликами и ихъ однопометниками, оставленными для контроля безъ операціи. Главнымъ образомъ наблюдались задержки въ ростѣ костей и въ замѣнѣ хрящей костной тканью, замѣнѣ, происходящей съ возрастомъ у всѣхъ позвоночныхъ.

То же самое наблюдалъ Эйзельсбергъ надъ овцами, козами и поросятами. Остановка въ развитіи въ случаѣ удаленія щитоводной железы отзывается не только на развитіи костной системы, но повидимому всѣхъ тканей, въ томъ числѣ и органовъ воспроизводительныхъ.

У человѣка прирожденное отсутствіе или атрофія щитовидной железы вызываетъ тоже болѣзненныя явленія и кретинизмъ. Отсюда естественно было уже придти къ попыткѣ лѣчить эти явленія введеніемъ въ организмъ больного вытяжекъ изъ щитовидныхъ железъ животныхъ, а также путемъ пересадки кусочковъ этого органа отъ здоровой особи къ той, которая лишена его, и во многихъ случаяхъ, говорятъ, было замѣчено ослабленіе или даже исчезновеніе болѣзненныхъ явленій. При пораженіяхъ питуитарной железы у человѣка наблюдалось ненормальное разростаніе костей (акромегалія), но этотъ вопросъ совсѣмъ еще не разработанъ.

Самое развитіе зобной железы въ теченіе утробной жизни показываетъ, что она играетъ какую-то важную роль въ это время, какова эта роль мы покуда не знаемъ. Для рѣшенія вопроса надо обратиться къ тѣмъ животнымъ, которыя имѣютъ эту железу и въ взросломъ состояніи, какъ тюлени, дельфины изъ млекопитающихъ, а равно и другія позвоночныя. Теперь обратимся къ железамъ съ выводящими протоками и слѣдовательно съ наружными отдѣленіями. Во первыхъ, очень часто отдѣленіе железы является стимуломъ для отдѣлительной дѣятельности другой. Такъ слюна вызываетъ усиленное отдѣленіе желудочнаго сока, а желудочный сокъ усиленное отдѣленіе поджелудочной железы и т. п. Въ лабораторіи проф. Павлова въ Институтѣ экспериментальной медицины произведенъ цѣлый рядъ изслѣдованій въ этомъ направленіи, но они слишкомъ спеціальны, чтобы ихъ здѣсь излагать. Для насъ являются болѣе интересными другіе факты: такъ въ 1889 г. Мерингъ и Минковскій показали, что

Digitized by Google

если удалить поджелудочную железу, то въ крови появляется большое количество сахара, который и удаляется съ мочей, т. е. появляется т. наз. сахарная болѣзнь или *діабетъ*.

Такъ какъ образованіе сахара въ крови ставятъ въ связи съ дѣятельностью печени, а именно съ образованіемъ въ ней гликогена, то естественно предположить, что въ данномъ случаѣ внутреннія отдѣленія поджелудочной железы вліяютъ на дѣятельность печени.

Если животному съ вырѣзанной поджелудочной железой вводить въ кровь вытяжки изъ наджелудочной железы или передать въ брюшную полость кусочекъ поджелудочной железы другого животнаго, то явленія сахарной болѣзни значительно ослабѣваютъ, слѣд. небольшого количества вытяжки или того небольшого количества продуктовъ выдѣленія, которыя можетъ дать пересаженный кусочекъ, достаточно, чтобы возстановить нарушенныя функціи печени.

Такимъ образомъ, всѣ эти факты дѣлаютъ вѣроятнымъ, что отправленія всѣхъ органовъ стоятъ съ особой въ извѣстной связи. Бушаръ идетъ еще дальше: каждая клѣтка организма, по его мнѣнію, вліяетъ на всѣ другія клѣтки, и не только на клѣтки нервной системы, но и другихъ тканей. Опираясь на подобныя данныя, болонскій проф. Эмери построилъ свою гипотезу наслѣдственности.

Вмѣстѣ съ Вейсманомъ онъ принимаетъ, что носителемъ наслѣдственныхъ свойствъ потомства является ядерное вещество половыхъ клѣтокъ, но чтобы объяснить, какимъ образомъ климатическія и другія вліянія, напримѣръ, болѣзненныя состоянія, передаются черезъ родительскій организмъ дѣтямъ, онъ дѣлаетъ слѣдующее предположеніе. Допустимъ, что органы, входящіе въ составъ тѣла животнаго, выдѣляютъ особыя вещества—«*цимоплазмы*», какъ ихъ называетъ Эмери; эти вещества, попадая въ кровь, приносятся къ половымъ клѣткамъ и могутъ вліять на нихъ чисто химически. Такимъ образомъ, каждое измѣненіе клѣтокъ, входящихъ въ составъ тѣла родительскаго организма, можетъ быть передано половымъ клѣткамъ, а слѣдовательно и потомству. Такимъ образомъ, половыя клѣтки обладаютъ весьма большимъ количествомъ различныхъ цимоплазмъ.

Противъ этой гипотезы, мнѣ кажется, говоритъ одно соображеніе. Безспорно, что функціональная зависимость существуетъ между органами, но каковы измѣненія, вызываемыя этими внутренними выдѣленіями железъ? Измѣненія эти сводятся къ усиленію или прекращенію той или другой функціи органа, къ усиленію или прекращенію роста, т. е. въ сущности питанія органа. Но не было еще замѣчено, чтобы эта зависимость выражалась въ измѣненіи строенія органовъ или измѣненія признаковъ видовыхъ, т. е. отличающихъ данное животное, какъ представителя вида, отъ другого, иного животнаго.

Этимъ вліяніемъ можно объяснить, напримѣръ, почему иммунитетъ, или сопротивленіе заразнымъ болѣзнямъ, пріобрѣтенное, напримѣръ, путемъ

Digitized by Google

искусственной прививки бактеріальной культуры, передается отъ матери, а иногда и отца, повидимому дѣтямъ.

Тицони и Чентанни утверждаютъ, что иммунитетъ противъ яда собачьяго бѣшенства передается не только матерью, но и отцомъ; точно такимъ передавался иммунитетъ отцомъ въ аналогичныхъ опытахъ Шарэна и Глей, но передача была непостоянна и степень невоспріимчивости была слабѣе у потомства. Въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ опытахъ Вальяра (Vaillard) иммунитетъ передавался только одной матерью. Такъ какъ опыты дѣлались надъ млекопитающими, то, когда иммунитетъ наслѣдуется отъ матери, возможно вліяніе крови матери во время утробной жизни плода и даже нѣкоторые допускаютъ такое вліяніе при кормленіи молокомъ матери, но въ случаѣ передачи иммунитета отцомъ, надо допустить, что введенное въ кровь отца вещество вліяетъ на половую клѣтку, т. е. на живчикъ и дѣлаетъ его невоспріимчивымъ къ заразѣ, какъ и всякую другую клѣтку тѣла. Ничтожнѣйшаго количества вещества, проникшаго въ живчикъ, достаточно, чтобы передать эту невоспріимчивость яйцу и всѣмъ клѣткамъ будущаго зародыша. Точно также на этой же почвѣ можно себѣ объяснить передачу по наслѣдству болѣзней не бактеріальнаго характера, какъ сифилисъ и т. п.

Но пригодны-ли приведенные факты для устраненія возможности передачи, этимъ путемъ, морфологическихъ отличій и видовыхъ признаковъ—это еще вопросъ, который требуетъ для доказательства дальнѣйшихъ опытовъ и притомъ опытовъ чрезвычайно трудныхъ для зоолога. Въ болѣе удобныхъ условіяхъ находятся ботаники, и продолженіе опытовъ Даніеля надъ прививкой у растеній, описанныхъ въ октябрьской книжкѣ, должно пролить свѣтъ на эту темную область.

Другой рядъ явленій, на которомъ мы здѣсь остановимся, касается пересадки или прививки частей одного животнаго другому. Эти явленія мы можемъ съ полнымъ правомъ сопоставить съ прививкой у растеній, о которой мы говорили прошлый разъ.

Изученіе этихъ феноменовъ имѣетъ цѣлью, во-первыхъ, опредѣлить степень самостоятельности отдѣльныхъ частей организма и способности ихъ жить на новой почвѣ; во-вторыхъ, желательно рѣшить, насколько близкое должно быть родство между двумя животными, чтобы часть, пересаженная отъ одного, привилась у другого. О. Гертвигъ утверждалъ недавно, что для успѣшности прививки необходимо, чтобы оба животныя принадлежали къ одному и тому же виду. Вѣрно-ли это? Кромѣ того, съ этими опытами связанъ еще рядъ вопросовъ: всѣ-ли ткани относятся одинаково въ случаѣ пересадки ихъ на другой организмъ? не замѣчается-ли при пересадкѣ частей животнаго на тѣло другого, принадлежащаго къ иному виду, какихъ-либо измѣненій въ пересаженныхъ частяхъ, вызванныхъ вліяніемъ со стороны новаго кормильца этихъ частей?

Результаты пересадки могутъ быть сами по себѣ различны.

Или пересаженная часть не будетъ воспринята организмомъ и бу-

Digitized by Google

детъ такъ или иначе удалена имъ. Чаще всего образуется при этомъ нагноеніе или нарывъ, и пересаженная часть удаляется вмѣстѣ съ гноемъ.

Или часть можетъ срости съ другой, жить на ея счетъ нѣкоторое время, но потомъ она вытѣсняется тканью самого животнаго, которому сдѣлали прививку.

Такъ, въ случаѣ вырѣзки кости, при операціи, возможно вставить вмѣсто недостающей части кость другого субъекта. Сростаніе при этомъ бываетъ настолько полно, что если мы въ каналы, пропитывающіе кость оперированнаго животнаго, введемъ какую-нибудь окрашенную жидкость, то потомъ, по вскрытіи, замѣтимъ, что жидкость проникла и во вставной участокъ кости. Однако Бартъ (Barth) показалъ, что не смотря на такое сростаніе, эта вставная кость, въ концѣ концовъ, разрушается и замѣщается новой костной тканью.

Она служитъ какъ-бы только проводникомъ для новообразующейся ткани. Дѣйствительно, хирурги вмѣсто живой кости для вставокъ могутъ съ успѣхомъ примѣнить мертвую кость или даже просто какое-нибудь пористое тѣло, и результатъ будетъ тотъ-же.

Точно также можно вызвать сростаніе двухъ отрѣзковъ дождевого червя, при чемъ одного червя можно повернуть на нѣсколько градусовъ, т. е. такъ, чтобы срединная спинная линія одного отрѣзка не совпадала съ таковой другого. Если поворотъ не великъ, напримѣръ, на 10 — 30°, то это нисколько не мѣшаетъ сростанію и органы примутъ постепенно нормальное положеніе. Если же повернуть одинъ отрѣзокъ на 90 или 180°, т. е. такъ, чтобы срединная спинная линія одного соотвѣтствовала боковой или брюшной линіи другого, то тогда сначала тоже происходитъ сростаніе, но нервная система одного отрѣзка не можетъ срости съ таковой другого, такъ какъ у одного отрѣзка она будетъ на одной, положимъ, нижней сторонѣ, и у другого на верхней. Мало по малу задній отрѣзокъ червя начинаетъ возстановлять недостающій у него хвостъ, а передній — недостающую голову. Оба отрѣзка въ концѣ концовъ расходятся. Таковы интересные результаты опытовъ Іеста.

Но можетъ быть и третій случай: когда пересаженная ткань, напримѣръ, кусочекъ стѣнки тѣла земляного червя, вставленная въ рамку на тѣлѣ червя, совершенно сростается съ окружающими тканями и дѣлается составной частью тѣла этого послѣдняго. Никакой регенераціи или возстановленія тканей, которое могло-бы вытѣснить этотъ вставной кусочекъ, не происходитъ.

Поль Бэръ различалъ два рода прививокъ: наружныя (*greffes extérieures*) и внутреннія (*greffes intérieures*). Что касается до наружныхъ прививокъ, то онѣ съ успѣхомъ совершаются, повидимому, не только между двумя родственными животными, но и между довольно отдаленными. Легче всего прививка совершается той же самой особи, которой принадлежитъ органъ. Такъ, П. Бэръ обнажалъ конецъ хвоста бѣлой крысы отъ

Digitized by Google

сти и вводилъ его въ отверстіе подъ кожу спины, а потомъ, по прошествіи 10 дней, перерѣзалъ хвостъ посрединѣ. Этотъ новый хвостъ приросъ къ спинѣ, сталъ увеличиваться въ ростѣ и даже обнаружилъ явственную чувствительность. Въ другихъ опытахъ П. Бэръ пересаживалъ отрѣзанные хвосты на другихъ крысъ, причемъ сначала хвостъ лежалъ на холоду (не выше 12° С.) около семи дней, или подвергался дѣйствію паровъ эфира, фенола, амміака и т. п. и во всѣхъ этихъ случаяхъ хвостъ сохранялъ живучесть и способность къ пересадкѣ на другія особи.

Есть указанія, что хвостъ молодого котенка, крыло чижика, человѣческій зубъ можно привить къ гребню пѣтуха, и это удавалось въ опытахъ Купера, Бароніо и Броунъ-Секара. Однако, эти опыты слѣдовало бы подвергнуть провѣркѣ и посмотрѣть, насколько тѣсно происходитъ сростаніе столь разнородныхъ тканей, принадлежащихъ столь отдаленнымъ животнымъ. При внутренней прививкѣ близкое родство видовъ, повидимому, одно изъ главныхъ условій успѣшности прививки, хотя близость вовсе не должна доходить до принадлежности къ одному и тому-же виду.

Еще въ 1860 г. Филиппо и Вульпьянъ вырѣзали у собаки часть язычнаго нерва и перенесли его кусочки подъ кожу, а также въ паховую область того-же животнаго. Черезъ полгода нервъ, бывшій подъ кожей, хотя и представлялъ явленіе перерожденія старыхъ волоконъ, но будто-бы образовалъ между старыми новыя. Этотъ опытъ, однако, вовсе неубѣдителенъ. Мы знаемъ, что нервъ получаетъ свои волокна только отъ нервныхъ клѣтокъ находящихся въ спинномъ или головномъ мозгу, а вырѣзанный нервъ лишенъ сообщенія съ мозгомъ, откуда-же онъ могъ-бы получить эти новыя волокна? Слѣдовательно, ихъ появленіе въ отрѣзанномъ нервѣ представляется весьма страннымъ, если только не допустить, что они вросли въ нервъ изъ кожи, но и это весьма мало вѣроятно.

Убѣдительнѣе опыты П. Бера, который, обнажалъ отъ кожи крысиный хвостъ, вводилъ его подъ кожу крысы-же, тогда мускулы и нервы хвоста подвергались перерерожденію, а хрящевая и соединительная ткань росли, такъ что кусочекъ хвоста выросталъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ вдвое, втрое. Однако, если крысиный хвостъ переносился на особь другого вида и иногда другого отряда, напримѣръ на бѣлку, кролика, собаку, кошку, и т. п., то организмъ относился къ нему какъ къ постороннему тѣлу: ткани хвоста всасывались или же образовывалось нагноеніе, какъ около занозы, и хвостъ удалялся съ гноемъ.

Хвостъ черной крысы пересаживался легко въ тѣло сѣрой (пасюка), но не удавалась пересадка съ лѣсной мыши на черную крысу, т. е. если имѣемъ дѣло съ двумя близкими видами, то пересадка идетъ удачно. Точно также Олье, обнаживъ кость, снялъ съ нея ея обкладку, такъ называемую надкостницу, и перенесъ кусочекъ ея въ кожу другого животнаго. Если оба животныхъ были одного вида, та надкостница прививалась, получала изъ окружностей ткани сосуды и начинала обра-

Digitized by Google

зовывать кость, въ видѣ небольшой костной корочки, лежащей подъ надкостницей. Если-же пересадка совершалась между отдаленными животными (собака и кроликъ, собака и верблюдъ и т. д.), то кругомъ кусочка надкостницы образовывалось нагноеніе, или пересаженная ткань всасывалась, или окружалась цистой, какъ это бываетъ часто съ посторонними тѣлами, попавшими подъ кожу.

Точно также опыты Понфика и Ландуа надъ переливаніемъ крови показали, что только при переливаніи крови животнаго отъ другого животнаго того-же вида или стоящаго очень близко оказывается благодѣтельное дѣйствіе, при переливаніи же крови отъ болѣе отдаленной формы, она переносится животными, но нужно извѣстное время для усвоенія ея. Чѣмъ дальше стоятъ другъ отъ друга оперируемыя животныя, тѣмъ вреднѣе дѣйствіе переливанія и иногда она приводитъ къ смерти.

Изъ этихъ данныхъ возможно заключить, что въ одномъ случаѣ, въ случаѣ пересадки между отдаленно стоящими формами, ткани относятся враждебно одна къ другой. Ткань животнаго, получившаго чужой кусочекъ, относится къ нему совершенно такъ же, какъ къ постороннему тѣлу. Когда-же животныя принадлежатъ къ одному виду или къ очень близкимъ видамъ или только разновидностямъ одного и того же вида, то ткани сживаются, одна питаетъ другую, и прививка удается. Однако, послѣднее время два изслѣдователя, а именно Борнъ и Коршельтъ, заставили отчасти измѣнить этотъ взглядъ,

Борнъ сращивалъ части головастиковъ амфибіи не только сосѣднихъ видовъ и иногда даже совершенно различныхъ родовъ и отрядовъ, напримѣръ: жерлянки и лягушки, лягушки и тритона, двухъ заднихъ концовъ, двухъ переднихъ, такъ что получались особи составленныя изъ двухъ хвостовыхъ половинъ, и особи — изъ двухъ головныхъ половинъ; сростался передній конецъ одной особи съ заднимъ другой; сростались два головастика своими брюшными сторонами и т. п.

Точно также Коршельтъ сращивалъ у дождевыхъ червей, иногда двухъ различныхъ видовъ, два хвоста между собой, и они жили безъ пищи мѣсяцами, или два головныхъ конца, причемъ такой червякъ принималъ пищу съ двухъ концовъ, но не имѣя задняго прохода, погибалъ отъ разрыва кишечника и т. д.

Подобные же отчеты, но еще болѣе разнообразные опубликованы недавно Іестомъ (Joest). Этотъ изслѣдователь сращивалъ одного или двухъ червей въ видѣ замкнутаго кольца или параллельно одного къ другому, или перпендикулярно и вообще произвелъ цѣлый рядъ весьма разнообразныхъ опытовъ въ этомъ направленіи, причемъ сращиваніе отрѣзковъ особей различныхъ видовъ происходитъ труднѣе, чѣмъ отрѣзковъ одного и того же вида, а равно и молодые черви срастаются легче, чѣмъ старые.

Все же опыты показываютъ, что для успѣшности прививки далеко

Digitized by Google

не у всѣхъ животныхъ родство должно быть такъ близко, какъ думалъ Гертвигъ. Въ личиночномъ состояніи, напр. въ стадіи головастика, сростаніе происходитъ гораздо легче и прививка удается не только между близкими, но даже между весьма отдаленными формами. Однако, нужно и здѣсь сдѣлать оговорку. Не всѣ ткани одинаково способны къ пересадкѣ: мы видѣли выше, что мускулы и нервы перерождаются, а хрящъ и соединительная ткань—растутъ и развиваются.

Но все-таки при этомъ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, сходнымъ съ паразитизмомъ: ткань растетъ и питается насчетъ тканей того животнаго, къ которому ее пересадили, но все-таки не дѣлается составной частью его тѣла. Всѣ приведенные выше случаи удачныхъ наружныхъ и внутреннихъ прививокъ между отдаленными формами должны быть отнесены именно къ категоріи такихъ паразитическихъ явленій. Но рядомъ съ этимъ, мы видимъ случаи иного сростанія. Когда пересаживается кусокъ кожи со лба или съ руки для образованія недостающаго носа, или когда переносятся куски кожи съ одного субъекта на другого, или когда части двухъ головастиковъ или червей сростаются такъ, что устанавливается между ихъ кровоносной, нервной и прочими системами такая же связь, какая существуетъ у цѣльной особи, тогда мы, очевидно, имѣемъ случаи полнаго и интимнаго сростанія, при чемъ часть одного животнаго дѣлается частью другого и замѣняетъ недостающую.

Успѣшность опыта зависитъ отъ того, съ какой тканью мы имѣемъ дѣло, затѣмъ, въ какомъ возрастѣ были взяты животныя.

Во всякомъ случаѣ, всѣ эти явленія доказываютъ съ чрезвычайной наглядностью, что каждая клѣтка животнаго организма обладаетъ своей собственной вполнѣ самостоятельной жизнедѣятельностью, и, если дать ей болѣе или менѣе подходящія условія, то она продолжаетъ жить. Чѣмъ ближе оба оперируемыя животныя, тѣмъ ближе условія, находимыя клѣткой при пересадкѣ, къ нормальнымъ и тѣмъ удачнѣе идетъ прививка. Еще разъ подтверждается основное положеніе современной біологіи, что организмъ есть колонія клѣтокъ, а его жизнь составляется изъ суммы отдѣльныхъ клѣточныхъ жизней.

Кромѣ этого всѣ эти опыты должны получить современемъ особое значеніе: этимъ путемъ мы можемъ рѣшить вопросъ о вліяніи животнаго организма на привитую ему часть, вопросъ, разрабатываемый теперь ботаниками. Въ то время какъ ботаники, какъ мы видѣли въ октябрьскомъ обозрѣніи, приходятъ къ заключенію, что привитая часть можетъ измѣняться подъ вліяніемъ воздѣйствія со стороны того растенія, на которое его пересадили, зоологи покуда констатируютъ лишь противуположные факты: такъ во всѣхъ опытахъ Іеста, когда онъ сращивалъ двухъ червей разныхъ видовъ, или пересаживалъ даже небольшіе кусочки, вырѣзывая изъ стѣнки тѣла особи одного вида въ ранку особи другого вида, иначе окрашеннаго, во всѣхъ этихъ случаяхъ видовыя различія сохранялись во всей ихъ неприкосновенности, хотя бы

Digitized by Google

такіе черви жили иногда болѣе года. Это противорѣчіе между результатами, полученными зоологами и результатами, полученными ботаниками, должно имѣть свой опредѣленный смыслъ. Но какой?—на чемъ оно основано? Очевидно, на какой-то разницѣ въ самой природѣ растительныхъ и животныхъ тканей — вотъ и все, что мы можемъ сказать покуда.

Проф. **В. Шимкевичъ.**

Digitized by Google

Критика и библіографія.

О. Петерсонъ и Е. Балабанова. Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ. Т. II. Скандинавія СПБ. 1898.

Второй томъ чрезвычайно интереснаго и полезнаго изданія г-жъ Петерсонъ и Балабановой посвященъ Скандинавіи и состоитъ изъ пересказовъ главнѣйшихъ пѣсней и сказаній Эддъ и изъ другихъ цѣльныхъ произведеній древней скандинавской литературы, какова сага о Велозунгахъ (второй половины XIII вѣка),—первоисточникъ позднѣйшихъ сказаній о Нибелунгахъ. Пересказы—и отчасти переводы—сдѣланы по оригинальнымъ текстамъ и соединяютъ такимъ образомъ научность и достовѣрность содержанія съ художественностью и доступностью изложенія. Сѣверный эпосъ наиболѣе интересный изъ всѣхъ по сосредоточенности и силѣ страстей и по своеобразности сѣвернаго колорита—подвиги героевъ и непреклонность ихъ какъ въ ненависти такъ и въ любви кажутся болѣе значительными и внушительными. Среди безмолвныхъ и грозныхъ льдинъ и мрачной природы, вѣчно вызывающей человѣка на борьбу, заставляющей его отвоевывать себѣ каждый шагъ, каждый клочекъ земли для жизни, страна, созданная упорной борьбой человѣка съ природой, должна была породить героическій эпосъ особаго рода—воинственный и величавый, и таковымъ является въ самомъ дѣлѣ общій характеръ пѣсней Эдды и другихъ скандинавскихъ сказаній. Книга г-жъ Балабановой и Петерсонъ даетъ возможность ознакомиться съ ними какъ съ художественнымъ произведеніемъ, безъ спеціальнаго «изученія текстовъ», каковымъ дѣлается обыкновенно всякое чтеніе древнихъ литературныхъ памятниковъ. Мы чувствуемъ истинную признательность къ составительницамъ, которыя извлекли изъ ученыхъ изданій съ ихъ спеціальными комментаріями то, что есть живаго и вѣчнаго въ сказаніяхъ старины и представляетъ чисто художественный интересъ, помимо всякихъ филологическихъ и теоретическихъ выводовъ.

Скандинавскій эпосъ снабженъ интереснымъ введеніемъ, сжато и ясно излагающимъ исторію Исландіи, родины всѣхъ сказаній. Первые обитатели Исландіи явились туда въ VIII вѣкѣ. Это были ирландскіе монахи, подвергавшіеся гоненіямъ и искавшіе убѣжища на пустынномъ до того островѣ. Въ Исландіи они не могли уже снова создать общинъ и мона-

Digitized by Google

стырей и жили отшельниками, составляя ужасъ позднѣйшихъ поселенцевъ, называвшихъ ихъ *папарами*. Исторія Исландіи, впрочемъ, начинается со второго открытія острова норманами въ IX вѣкѣ. Тогда одинъ норвежскій викингъ назвалъ ее сначала «страной снѣговъ»—*Снеландъ*, потомъ «страной льдовъ»—*Исландіей*. Всѣ древнія описанія острова сводятся къ изумленію передъ этой своеобразной жизнью льдовъ, то пустынно молчаливыхъ, безнадежныхъ и вѣчныхъ, то вдругъ разсѣкаемыхъ какимъ нибудь разрушительнымъ горнымъ потокомъ, вносящимъ грохотъ и движеніе. И среди вѣчныхъ льдовъ—огневыя горы, горячіе ключи, превращающіе страну въ мѣсто неописуемыхъ контрастовъ и ужасовъ—огня и льда—въ величественную и безнадежную картину ада на землѣ. Авторы предисловія приводятъ описаніе Исландіи, сдѣланное епископомъ Гудмундомъ, Арасономъ и оно, какъ и всѣ другія, подтверждаетъ необычайность контрастовъ въ природѣ Исландіи.—Кромѣ описанія внѣшней природы Исландіи, обусловившей въ значительной степени характеръ ея культуры, въ предисловіи есть краткое изложеніе юридическаго и общественнаго строя древней Исландіи: первобытной манеры овладѣвать землей (человѣкъ, стоявшій во главѣ переселенцевъ, съ горящимъ факеломъ въ рукѣ обходилъ вокругъ намѣченнаго участка и этимъ обрядомъ освящалъ свое право на землю), общиннаго быта, судьбищъ тинговъ, входящихъ въ общенародный судъ—*альтингъ*, во главѣ котораго стоялъ всегда вѣщатель закона и т. д. Давая опредѣленіе нормандской поэзіи, г-жи Петерсонъ и Балабанова отмѣчаютъ ея искусственный характеръ. Поэтическое искусство скальдовъ—придворныхъ пѣвцовъ—состояло въ умѣніи пользоваться особымъ риторическимъ языкомъ, щеголять замысловатыми метафорами и сравненіями (*кеннингары*), которые затрудняютъ чтеніе древнихъ скандинавскихъ памятниковъ.—Главный памятникъ сѣверной поэзіи, стихотворная и прозаическая Эдда, былъ найденъ въ Исландіи въ 1625—1641 г. Первая—стихотворная Эдда приписывается исландскому ученому Сэмунду Сигфуссону (1056—1133), вторая, прозаическая, другому исландскому ученому, Снорри Стурлусоны (1178—1241). Послѣдняя называется также младшей Эддой по отношенію къ стихотворной—старшей. Различіе этихъ двухъ памятниковъ представляетъ одинъ изъ самыхъ запутанныхъ вопросовъ въ исторіи литературы; въ послѣднее время наиболѣе распространена теорія, которая видитъ въ Эддахъ два послѣдовательныхъ наслоенія: сказанія, порожденныя народнымъ культомъ Тора и второе наслоеніе—придворный военный культъ Одина.

Первымъ помѣщено въ сборникѣ сказаніе подъ заглавіемъ „Видѣніе короля Гульфи“. Оно обнаруживаетъ—какъ это отмѣчено въ предисловіи—слѣды христіанскаго вліянія, но представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сводъ миѳическихъ представленій, знакомящій со скандинавской миѳологіей. Очень характернымъ и поэтичнымъ является въ этомъ сказаніи чисто сѣверный колоритъ представленія о сотвореніи міра. Холодъ и льды являются въ воображеніи сѣверянина тѣмъ началомъ, которое положило вѣчныя преграды между отдѣльными стихіями и внося раздѣленіе создало существующее: на сѣверѣ существовало еще „до того какъ выкована земля“, царство мрака и холода—*Нифльгеймъ*; на южномъ же концѣ лежалъ *Муспельгеймъ*—царство свѣта и радости, сіяющее, окруженное пла-

Digitized by Google

менемъ и никому недоступное. Нифльгеймъ отдѣляется отъ Муспельгейма страшной бездной, *Гиннунга-гап*; въ бездну эту устремилось изъ источника Гвергельмира двѣнадцать шумныхъ потоковъ; изъ нихъ *Гйёль* протекалъ всего ближе къ вратамъ въ преисподнюю. По мѣрѣ того какъ потоки удалялись отъ своего источника, они утрачивали теплоту, и вода въ нихъ постепенно превращалась въ ледъ. Когда льду накопилось, наконецъ, такъ много, что онъ не могъ уже двигаться, онъ остановился и заполнилъ всю бездну между свѣтлымъ царствомъ и царствомъ мрака и холода. Надъ этими грудами льда сталъ скопляться туманъ и, замерзая, тоже превращался въ ледъ и нагромождался надъ бездной слой за слоемъ. Съ тѣхъ поръ на сѣверномъ концѣ этой бездны все покрыто льдомъ и снѣгомъ, и царствуютъ тамъ мятели, бури и непогоды. На южномъ же концѣ, обращенномъ къ Муспельгейму, все было свѣтло и радостно отъ искръ, залетавшихъ туда изъ этого свѣтлаго царства. Искры падали на снѣгъ и иней; снѣгъ и иней таяли, превращались въ капли, которыя, оживая, соединялись, и приняли, наконецъ, гигантскій человѣческій образъ, получившій имя *Имира*. Имиръ заснулъ, и изъ пота его выросли мужчина и женщина, отъ которыхъ произошло все поколѣніе великановъ, духовъ мороза и инея".

Наиболѣе интересной и цѣльной является въ книгѣ г-жъ Балабановой и Петерсонъ сага о Вользунгахъ, гдѣ разсказывается послѣдовательная судьба этого племени героевъ, таинственно связанныхъ съ племенемъ боговъ. Рожденіе Вользунга предвѣщено было его родителямъ валькиріей, ниспосланной на землю Одиномъ и уронившей яблоко въ щитъ короля. Таже валькирія стала потомъ женой Вельзунга—и дѣти Сигмундъ и Сигна начали собой исторію борьбы, въ которой замѣшаны были люди и боги.

Отмѣтимъ въ книгѣ, среди другихъ интересныхъ сказаній, миѳъ о Бальдурѣ и о смерти его отъ коварства врага его Локки.

Зин. Венгерова.

С. В. Сперанскій. Къ исторіи нищенства въ Россіи. Спб. 1897 г. ц. 40 к.

Прекрасно составленная брошюра С. В. Сперанскаго представляетъ сжатый, но весьма основательный очеркъ развитія самого нищенства, какъ соціальнаго явленія, общественныхъ взглядовъ на значеніе милостыни и правительственныхъ мѣропріятій по отношенію къ нищенству на всемъ пространствѣ нашей исторіи. Этотъ очеркъ вдвойнѣ интересенъ. Во первыхъ, онъ развернетъ передъ читателемъ характерную культурную картинку изъ прошлаго русскаго общества, во вторыхъ, онъ можетъ послужить полезной исторической справкой при разработкѣ тѣхъ вопросовъ общественнаго призрѣнія, которые теперь ставятся на очередь. Авторъ весьма хорошо освѣдомленъ въ области своего спеціальнаго вопроса. Конечно у него были предшественники, особенно въ отношеніи древняго періода исторіи русскаго нищенства, назовемъ извѣстную работу Прыжова «Нищіе на святой Руси», труды Костомарова по бытовой исто-

Digitized by Google

ріи Великороссіи и т. п. Опираясь на труды этихъ предшественниковъ, авторъ однако обнаруживаетъ и непосредственное знакомство съ первоисточниками.

Главная задача очерка—показать эволюцію общественныхъ взглядовъ на нищенство и милостыню и отраженіе этой эволюціи на ходѣ правительственныхъ мѣропріятій. Этотъ историческій обзоръ объяснитъ читателю причины нашей современной отсталости въ борьбѣ съ нищенствомъ, какъ съ соціальнымъ зломъ, и покажетъ въ то же время, какъ глубоко архаичны и анахронистичны многія ходячія и теперь воззрѣнія на формы и цѣли милостыни. Показать то и другое какъ нельзя болѣе кстати именно теперь, когда въ двери русской жизни повидимому постучалась реформа системы призрѣнія.—Вопросъ о нищенствѣ, какъ о язвѣ общественнаго порядка, отнюдь не можетъ быть отнесенъ къ числу нашихъ старыхъ вопросовъ. Древняя, до-Петровская Русь почти совершенно была чужда этого вопроса. Г. Сперанскій очень отчетливо обнаружилъ основные корни того своеобразнаго положенія, какое заняло нищенство въ ряду явленій древне-русской жизни. Эти корни крылись въ религіозномъ пониманіи акта благотворенія. Милостыня разсматривалась не столько какъ средство улучшить положеніе благотворимаго, сколько какъ благочестивое упражненіе добрыхъ душевныхъ чувствъ благотворящаго. Изъ этого основного положенія вытекалъ рядъ практическихъ выводовъ: 1) нищенство не только не истреблялось, но культивировалось, какъ необходимый элементъ благоустроеннаго общества, какъ—беремъ цитируемыя г. Сперанскимъ слова проф. Ключевскаго—«состоящій при Церкви практическій институтъ общественнаго благонравія. Какъ въ клиникѣ необходимъ больной, чтобы научиться лѣчить болѣзнь, такъ въ древнерусскомъ обществѣ необходимъ былъ спрый и убогій, чтобы воспитать умѣнье и навыкъ любить человѣка»; 2) милостыня не сопровождалась никакимъ контролемъ надъ ея употребленіемъ. Такая постановка благотворенія не менѣе различныхъ стихійныхъ, политическихъ и экономическихъ потрясеній сама по себѣ уже приводила къ страшному размноженію нищенствующей массы.—Не ранѣе конца XVII ст. неблагопріятныя практическія послѣдствія такого размноженія порождаютъ реакцію противъ крайностей предшествующаго порядка. Г. Сперанскій усиленно подчеркиваетъ, что наступившая съ того времени правительственная реакція ударилась въ противоположную крайность. Поощреніе нищенства смѣнилось системой карательнаго преслѣдованія.—г. Сперанскій приводитъ любопытнѣйшій проектъ указа, относящійся къ 1682 г., гдѣ развивалась въ высшей степени здраво составленная программа борьбы съ нищенствомъ. Въ этомъ проектѣ мы уже находимъ всѣ руководящіе принципы раціональной системы общественнаго призрѣнія: принципъ сортировки нищенствующей массы на бѣдняковъ и симулянтовъ, принципъ замѣны индивидуальной помощи системою общественныхъ благотворительныхъ учрежденій, наконецъ принципъ предупрежденія нищенства путемъ развитія въ низшихъ классахъ какъ профессіональныхъ знаній, дающихъ заработокъ, такъ и общаго образованія. Несомнѣнно, что этотъ проектъ народился въ связи съ преобразовательными стремленіями русскихъ западниковъ конца XVII в.: проектъ прямо ссылается на примѣръ «еуропскихъ государствъ». Приводя

Digitized by Google

этотъ проектъ, г. Сперанскій разсматриваетъ его, какъ замѣчательный, но одинокій проблескъ здравыхъ филантропическихъ идей, одинаково чуждый, какъ предшествующей, такъ и послѣдующей эпохѣ. Практика правительственныхъ мѣропріятій прошлаго вѣка вплоть до царствованія Екатерины II не отразила на себѣ, по мнѣнію г. Сперанскаго, его вліянія Старая точка зрѣнія на нищенство была оставлена.—Нищенству впервые была объявлена борьба. Но единственнымъ средствомъ борьбы былъ избранъ правительственный запретъ. Идея оздоровленія и пре дупрежденія нищенства не получила признанія.

Г. Сперанскій приводитъ въ подтвержденіе такого вывода многочисленные правительственные указы исключительно карательнаго характера. Соглашаясь въ общемъ съ правильностью, этого наблюденія, мы все же считаемъ необходимымъ ввести въ него нѣкоторое ограниченіе. Пріурочивая къ царствованію Екатерины II первоначальное возникновеніе общественныхъ органовъ призрѣнія и разумѣя подъ этимъ прежде всего приказы общественнаго призрѣнія, на которыхъ была возложена обязанность устраивать работные дома, авторъ забываетъ постановленіе магистратскаго регламента Петра I, подтвержденнаго Елизаветой; здѣсь между прочимъ предписывалось городскимъ магистратамъ устраивать на градскіе доходы школы, госпитали, больницы, а также *богадѣленные* и *сиропитательные* дома. Правда, предписаніе регламента осталось почти всецѣло мертвой буквой, но принципъ былъ высказанъ. При томъ же и Екатерининскія начинанія въ этой области авторъ не считаетъ богатыми практическими послѣдствіями.—Царствованіе Александра I и Николая I отмѣчены стремленіемъ развить на практикѣ начинанія Екатерины II.—Но вплоть до послѣдняго времени это стремленіе не нашло себѣ полнаго осуществленія. Г. Сперанскій даетъ намъ весьма грустную характеристику дѣятельности двухъ столичныхъ комитетовъ по разбору нищихъ, учрежденныхъ при Николаѣ I. Предполагалось, что эти комитеты выработаютъ общее положеніе о мѣрахъ борьбы съ нищенствомъ. Это порученіе такъ и не было выполнено. Текущая работа комитетовъ шла чисто бюрократическимъ путемъ, не давая осязательныхъ результатовъ въ смыслѣ сокращенія нищенства. Страннымъ образомъ дѣло общественнаго призрѣнія сохранило свой дореформенный характеръ и послѣ преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ.

Въ Петербургѣ *до сихъ поръ* во главѣ этого дѣла стоитъ тотъ же Комитетъ, который былъ установленъ еще въ 1837 г. въ качествѣ *временнаго* учрежденія впредь до выработки общаго плана борьбы съ нищенствомъ. Въ Москвѣ въ 1893 г. Комитетъ былъ ликвидированъ и замѣненъ городскимъ присутствіемъ по разбору и призрѣнію нищихъ, въ 1894 г.—открыты городскія участковыя попечительства о бѣдныхъ.—Но и московская реорганизація, по справедливому замѣчанію г. Сперанскаго, несовсѣмъ покончила съ старыми преданіями, такъ напр., она не устранила прежняго дореформеннаго права администраціи всякаго, заподозрѣннаго въ профессіональномъ нищенствѣ, выслать изъ Москвы или заключить въ работный домъ, безъ ограниченія срока и безъ возможности обжалованія такихъ постановленій. Г. Сперанскій заключаетъ свой очеркъ указаніемъ, что такое право должно быть присвоено лишь судебнымъ органамъ,—

Digitized by Google

мировымъ судьямъ, а никакъ не городскому присутствію по разбору нищихъ. Къ сожалѣнію, говоря о положеніи нищенства въ XIX столѣтіи, авторъ ограничился данными, касающимися столицъ, и совершенно оставилъ въ сторонѣ русскую провинцію.

Ал. Кизеветтеръ.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей профессора П. Г. Виноградова. Удостоена большой преміи имени императора Петра Перваго. Выпускъ второй. М. 1897. in 8—vo. Стр. IV+968 съ 8 таблицами и 54 рисунками въ текстѣ. Ц. 3 руб. 30 коп.

Первый выпускъ хрестоматіи г. Виноградова, посвященный образованію средневѣковаго міра и состоящій изъ 18 статей, вышелъ ровно годъ ому назадъ; мы имѣли случай говорить о немъ въ февральской книжкѣ «Образованія» за прошлый годъ (стр. 213—218). Теперь предъ нами *второй* выпускъ хрестоматіи, посвященный средневѣковому строю, состоящій изъ 31 статьи, болѣе чѣмъ вдвое бо́льшій по объему и по цѣнѣ и, конечно, подобно первому усердно нами рекомендуемый. Вся хрестоматія расчитана на четыре выпуска, и если два слѣдующихъ будутъ появляться въ свѣтъ съ такой же быстротой, или правильнѣе съ такой же осторожливой медленностью, то четвертый выпускъ читатели получатъ лишь въ первые дни XX-го вѣка, какъ пріятное воспоминаніе о предпріятіяхъ, затѣвавшихся еще въ прошломъ столѣтіи; если два слѣдующихъ выпуска по объему будутъ не менѣе (а что если болѣе!) двухъ первыхъ, т. е. будутъ заключать въ себѣ не болѣе 118 печатныхъ листовъ или 1885 страницъ, то и тогда все «*элементарное*» руководство по одной только средней исторіи (включая учебникъ того же г. Виноградова) обойдется ученику, учителю или читателю, ищущему самообразовательнаго чтенія, почти въ 6 руб. и въ трудъ прочитать почти 2200 страницъ. Каковы же въ двадцатомъ столѣтіи должны быть историческія программы въ нашей средней школѣ, каковы матеріальныя средства у обучающихся въ школѣ или дома, каковъ наконецъ досугъ, чтобы для «*элементарнаго*» только ознакомленія съ исторіей, какъ разъ въ той мѣрѣ, сколько нужно для образованнаго человѣка вообще, рискнуть на пріобрѣтеніе хрестоматіи по среднимъ вѣкамъ г. Виноградова, къ тому же какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, и историческое руководство въ особенности, старѣющее очень быстро. Крайняя *медленность* въ изданіи всей книги, ея ничѣмъ не оправдываемая *громоздкость* являются весьма существенными недостатками: благодаря имъ она большинству становится недоступной и по цѣнѣ, и объему, и по своей отрывочности, все ея значеніе заключается въ цѣломъ ея составѣ, который важно теперь же имѣть въ рукахъ, а пока онъ попадетъ въ свѣтъ, многое успѣетъ устарѣть. Что въ самомъ дѣлѣ у насъ за страсть читателя, ищущаго общаго научнаго образованія, загромождать ученѣйшими фоліантами! Пора усвоить себѣ тѣ общеизвѣстные для популяризаціи научнаго знанія принципы, какъ живость, научность, доступность (послѣдняя въ смыслѣ объема, внутренняго содержанія и цѣны). Разбирая *первый* выпускъ, мы видѣли, что г. Виноградовъ отказался отъ помѣщенія въ немъ необходимой и

Digitized by Google

важной статьи, которая давала бы общую картину итоговъ античнаго міра; просматривая *второй*, видимъ, что г. Виноградовъ не только былъ щедръ на помѣщеніе въ немъ большого количества и очень длинныхъ статей, но даже рискнулъ на то, что раньше принципіально исключалось. На V-ой страницѣ предисловія къ 1-му выпуску г. Виноградовъ противопоставляетъ свою хрестоматію таковой же г. Стасюлевича и отказывается отъ помѣщенія „вырѣзокъ изъ памятниковъ и историческихъ сочиненій"; раскрываемъ II-й выпускъ (стр. 133—220), проглядываемъ оглавленіе и видимъ статью (25-ая) П. А. Лаврова „Свв. Кириллъ и Меѳодій первоучители славянскіе". Каково же наше удивленіе, когда вмѣсто статьи мы нашли по просту паннонскія житія въ переводѣ и съ учеными примѣчаніями. Гдѣ же обѣщаніе не помѣщать вырѣзокъ изъ источниковъ и почему выборъ палъ на паннонскія житія, которыя, конечно, пропадутъ въ хрестоматіи, оставшись никѣмъ не разрѣзанными? Для чего печатались эти ученыя примѣчанія со многими ссылками на литературу предмета, которая спеціалистамъ и безъ того хорошо извѣстна, а обычному читателю совсѣмъ не нужна? Славянству вообще посчастливилось въ хрестоматіи г. Виноградова: статья 48-ая М. И. Соколова (стр. 913—931) посвящена болгарской письменности (тутъ частью затронуто богомильство, о которомъ еще разъ читаемъ въ 40-ой статьѣ М. Н. Покровскаго стр. 644—687— „средневѣковыя ереси и инквизиція") и статья 26-ая М. Н. Покровскаго (стр. 221—246)—Симеону, царю болгарскому. Всѣ эти 130 страницъ съ успѣхомъ можно было бъ замѣнить одной статьей страницъ въ 30, болѣе цѣльной и хорошо обнимающей предметъ. Не менѣе посчастливилось въ ущербъ дѣлу и Византіи. Не говоря уже о совершенно необходимыхъ страницахъ (853—870) посвященныхъ въ статьѣ 47-ой византійскому искусству, мы находимъ въ хрестоматіи статью 27-ую Д. Д. Каринскаго о Никифорѣ Фокѣ (стр. 247—274) и статью 37-ую Ѳ. А. Смирнова (стр. 543—599) объ Андроникѣ Комнинѣ. Наше замѣчаніе по адресу этихъ слишкомъ 80 страницъ, что это нѣсколько много, едва ли нуждается въ аргументаціи. Удѣляя столько мѣста Византіи и славянамъ, г. Виноградовъ отдавалъ, если не ошибаемся, невольную дань тѣмъ требованіямъ, какія были предъявлены къ нему ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, ибо самъ то онъ отлично понимаетъ всю устарѣлость гимназическихъ программъ по исторіи, даже самое изданіе учебниковъ и хрестоматіи затѣялъ ради борьбы съ ними, ради протеста противъ одного изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ современнаго преподаванія исторіи — „его отрывочности и безсвязности", какъ выразился онъ въ предисловіи къ первой части „учебника всеобщей исторіи".

Другіе недостатки „книги для чтенія" г. Виноградова стоятъ въ связи съ черезчуръ большимъ составомъ ея сотрудниковъ, не вызываемымъ существомъ дѣла, и разнообразіемъ цѣлей, ею преслѣдуемыхъ: сотрудники далеко не одинаковы по своему научному развитію и литературному таланту, скажемъ болѣе, по направленію ученой мысли, а что касается цѣлей, то имѣлись въ виду какъ ученики средней школы, такъ и сами учителя, наконецъ просто читатели „изъ народа". На практикѣ отсюда рядъ неожиданностей. Какъ рекомендовать пріобрѣтеніе „книги для чте-

Digitized by Google

нія“ г. Виноградова ученикамъ, когда въ цѣломъ она излишня, а во многихъ отношеніяхъ отдѣльными своими частями недоступна. Кажется, что это—скорѣе пособіе для учителей, особливо провинціальныхъ, а не для учениковъ и не для *самообразованія*. Провинціальные учителя, несомнѣнно, должны ею обзавестись. Мы не будемъ останавливаться на разборѣ отдѣльныхъ статей: среди нихъ есть очень слабоватыя, есть и прямо превосходныя, какъ напр. статьи 19-ая и 20-ая (стр. 1—15, 16—30) г. Виноградова о подготовкѣ феодализма и Альфредѣ Великомъ, 40-я г. Виппера о возникновеніи нищенствующихъ орденовъ (стр. 631—643), 49-ая г. Вормса о Болонскомъ университетѣ и римскомъ правѣ въ средніе вѣка (стр. 982—956) и др. За то объ Оттонѣ Великомъ слѣдовало бы дать что нибудь гораздо болѣе серьезное, чѣмъ изложеніе 29-ой статьи (стр. 283—313), равно какъ и о средневѣковомъ міровоззрѣніи можно бы было позаботиться нѣсколько иначе и не представлять его такъ, какъ это сдѣлано въ статьѣ 39-ой (стр. 620—630), совершенно излишней при очень хорошихъ статьяхъ 41-й и 42-й М. Н. Покровскаго и В. Н. Ивановскаго.

„Средневѣковое искусство“ представлено въ книгѣ для чтенія“ г. Виноградова статьей г. Тарасова (стр. 853—904), который изложилъ здѣсь византійское искусство, романскій стиль и готическій стиль, предоставивъ слово о мавританскомъ стилѣ В. П. Боткину (стр. 905—912). Ученики нашей средней школы объ искусствѣ и литературѣ, при прохожденіи курса всеобщей исторіи, обыкновенно не получаютъ никакихъ впечатлѣній. Въ отношеніи перваго у насъ нѣтъ ни подходящихъ пособій, ни иллюстрацій. Статья г. Тарасова и имѣетъ поэтому въ нашихъ глазахъ очень большую цѣну, и цѣнность ея тѣмъ выше, что она отлично иллюстрирована. Находя очень многіе недостатки въ „книгѣ для чтенія“ г. Виноградова, находя ихъ во второмъ выпускѣ болѣе, чѣмъ въ первомъ, мы далеки отъ непризнанія ея крупныхъ достоинствъ и отъ нерекомендаціи ея читающей публикѣ, мы видимъ въ ней фактъ большого общественно-литературнаго интереса, даже болѣе: намъ хочется видѣть въ изданіяхъ г. Виноградова и въ трудахъ лучшихъ изъ его сотрудниковъ явные признаки приближенія научной исторіи къ нашей средней школѣ.

Вас. Сторожевъ.

Д. Я. Самоквасовъ. Архивный инвентарь Спб. 1897. in 8-vo. Стр. 24. Ц. не озн.

Содержаніе брошюрки узко-спеціальное,—надо ли архивамъ издавать описи и какія,—но для спеціалистовъ она не имѣетъ никакого значенія, потому что вопросъ въ ней поставленный давно разрѣшенъ и наукой, и практикой, и законодательствомъ: всѣмъ извѣстна аксіома, что архивы должны быть учрежденіями учено-археографическими и издавать, во первыхъ, научныя и систематическія описи, а во вторыхъ, обработанные тексты документовъ. Не знаетъ этого одинъ г. Самоквасовъ, ибо архивъ и архивный документъ для него—terra incognita, а между тѣмъ у него есть своя крошечная публика, которую онъ хочетъ во что бы то ни стало поразить открытіемъ въ этой области Новаго Свѣта... Для современной пуб-

Digitized by Google

лики и представляютъ громадный интересъ тѣ пріемы, помощью которыхъ нашъ почтенный авторъ пытается открыть этотъ Новый Свѣтъ; они, эти пріемы, близкая родня тѣмъ, которыми нынѣ иногда пользуются для пріобрѣтенія ученыхъ степеней. только нѣсколько погрубѣе и на практикѣ поядовитѣе. Г. Самоквасовъ вѣщаетъ, что архивъ долженъ быть простой канцеляріей, а архивные труженики—канцеляристами и составлять инвентари безъ всякой системы, безъ всякой классификаціи по родамъ и видамъ документовъ и по учрежденіямъ, безъ всякаго хронологическаго и топографическаго подбора, безъ точно обработанной терминологіи, описывать не мудрствуя лукаво—по порядку полокъ и шкафовъ, при чемъ непремѣнно исписать возможно болѣе бумаги, а для этого описывать ту бѣлую бумагу, которую оставили незаписанной подъячіе XVI и XVII вѣка.

Тщательно, господа, опишите бѣлую бумагу, на которой ничего нѣтъ, и подсчитайте, сколько ея въ архивахъ... Вотъ Новый Свѣтъ, открытый г. Самоквасовымъ! Вы думаете, это шутка наклоннаго къ юмору рецензента. Ничуть. На 9 стр. брошюрки это открытіе изложено г. Самоквасовымъ съ важностью, достойною лучшаго примѣненія, причемъ для устраненія «малыхъ сихъ», для которыхъ пущена въ ходъ брошюрка, нашъ авторъ говоритъ, что бѣлую бумагу надо описать для того, чтобъ на ней кто нибудь чего нибудь не написалъ... Risum teneatis amici! Итакъ, первый пріемъ морочить читателя. Новый Свѣтъ г. Самоквасова вызвалъ рѣшительныя выраженія и протестъ со стороны современныхъ ученыхъ архивистовъ, и между прочимъ Н.Н. Оглоблина, который съ своей обычной основательностью и вмѣстѣ ядовитостью назвалъ пропагандируемые нашимъ авторомъ инвентари *примитивными*. Да вѣдь я Новый Свѣтъ открылъ, заявляетъ тогда нашъ авторъ, а вы возражаете,—и пускаетъ въ ходъ два слѣдующихъ своихъ литаратурныхъ пріема. Пріемъ первый: г. Самоквасовъ старается набросить тѣнь на нравственную личность г. Оглоблина, откровенно говоря, просто опорочить. Не вѣрьте, господа, моему критику, говоритъ авторъ, вѣдь онъ вотъ каковъ,... и дальше слѣдуютъ обвиненія (на стр. 16—17), подъ которыми порой можно подразумѣвать, что угодно. Г. Оглоблинъ занимался въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи обзоромъ всѣхъ дѣлъ Сибирскаго приказа и издалъ работу, увѣнчанную академической преміей, при чемъ подробно описалъ въ ней безпорядочное состояніе документовъ Сибирскаго приказа. Г. Самоквасовъ тогда пишетъ такое, простите за выраженіе, нелѣпое обвиненіе, что въ Архивѣ теперь послѣ изданія труда г. Оглоблина не хотятъ заниматься этими документами, ибо ими нельзя заниматься по ихъ безпорядочности. Какой ужасный ученый г. Оглоблинъ: всѣ документы Сибирскаго приказа испортилъ и не замѣтилъ, что это недобросовѣстно, можно ли послѣ этого ему въ чемъ любо довѣрять! По нашему мнѣнію, съ такимъ обвиненіемъ надо идти въ судъ, а не печатать брошюрки. Плохо же у насъ охраняются документы, если по составленіи имъ «Обозрѣнія», научныя занятія надъ ними становятся невозможными. Пріемъ второй: г. Самоквасовъ, чтобы показать продолжительность занятій г. Оглоблина, не долго думая, печатаетъ безъ его разрѣшенія отрывокъ изъ частнаго письма къ нему послѣдняго, любезно сообщая даже хронологическую дату письма. Не будучи юристомъ, не знаю, на сколько это законопротивно, могу только сказать, что въ литературѣ

Digitized by Google

для разъясненія истины нельзя прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ *морочить* читателя, т. е. затемнять дѣло или бросать грязью на нравственную личность своего критика вмѣсто того, чтобъ доказывать, или наконецъ... прибѣгать къ тому, что будто бы законопротивно.

В. Сторожевъ.

Фридрихъ Кирхнеръ Путь къ счастью. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1898. Изд. Ф. Павленкова. Ц. 60 к.

Содержаніе этой, довольно большой (165 стр.), книжки весьма разнообразно: въ ней говорится о міровой скорби, высшемъ счастьи, самопознаніи и самовоспитаніи, о героизмѣ, о трудѣ и отдыхѣ, объ идеалахъ и заблужденіяхъ, о любви и бракѣ, о религіи и философіи и о многомъ другомъ. Обо всемъ этомъ говорится съ тою цѣлью, чтобы указать читателю путь къ счастью. Авторъ думаетъ, что указываемый имъ путь вѣрно ведетъ къ цѣли; но многообразіе предметовъ, трактуемыхъ въ книжкѣ, свидѣтельствуетъ, что не такъ-то легко по указываемому пути добраться до счастья.

Сочиненіе имѣетъ практическій характеръ, авторъ задался цѣлью нѣсколько осмыслить и оцѣнить по отношенію къ счастью важнѣйшія стороны и явленія въ человѣческой жизни. Кирхнеръ затрогиваетъ и теоретическіе вопросы, столь тѣсно связанные съ вопросомъ о счастьи, но обсуждаетъ ихъ съ недостаточною основательностью. Такъ онъ ставитъ вопросъ о томъ, что такое высшее счастье или высшее благо? и отвѣчаетъ такъ: «нравственное усовершенствованіе человѣка составляетъ высшее, благо». Нельзя сказать, чтобы отвѣтъ блисталъ философской глубиной и новизной мысли. Обзоръ разныхъ мнѣній о высшемъ счастьѣ, сдѣланный авторомъ для полученія приведеннаго результата, отличается бѣглостью и краткостью. Такъ упоминая о мнѣніи позитивистовъ Конта, Бокля и другихъ, что высшее благо есть цивилизація, авторъ, для опроверженія этого мнѣнія, ограничивается такимъ утвержденіемъ: исторія, будто бы, показываетъ, что цивилизація вовсе не содѣйствовала ни развитію нравственности, ни довольству. Наоборотъ, съ развитіемъ цивилизаціи, повидимому, люди сдѣлались менѣе счастливыми. Очевидно, такія утвержденія, высказываемыя притомъ не вполнѣ рѣшительно (повидимому—такъ говоритъ авторъ) никого ни въ чемъ убѣдить не могутъ.—Авторъ полагаетъ, что нравственное можетъ быть и непріятнымъ и безполезнымъ (15 стр.) а нравственное благо должно доставлять такъ или иначе удовольствіе (16 стр.), а высшее благо должно быть въ высшей степени полезно (17 стр.) На трехъ страницахъ, слѣдующихъ одна за другой, высказываются несогласные взгляды объ одномъ и томъ же предметѣ, причемъ авторъ допускаетъ какую то непонятную наивность. Замѣчая, что нравственное благо должно быть слѣдствіемъ нравственныхъ поступковъ, онъ прибавляетъ, что нравственное благо «поэтому не можетъ быть ни украдено, ни получено въ наслѣдство». Для кого авторъ пишетъ: для младенцевъ или для взрослыхъ?

Мы не будемъ много распространяться о теоретической сторонѣ со-

Digitized by Google

чиненія, приведемъ лишь еще нѣсколько сужденій автора по теоретическимъ вопросамъ. „Міровую скорбь“ авторъ признаетъ широко распространенной болѣзнью нашего времени и полагаетъ, что имѣетъ право считать „міровую скорбь безсмыслицею“. — По мнѣнію автора, у насъ есть прирожденный характеръ, который начинаетъ реагировать извѣстнымъ образомъ не тогда, когда въ насъ пробуждается сознаніе, но еще до нашего появленія на свѣтъ, какъ это установлено учеными“. Можно только руками развести, прочитавъ такую тираду.—Кромѣ характера, намъ врождена, по мнѣнію автора, и свобода, а послѣднюю авторъ опредѣляетъ такъ: «познанная и признанная необходимость есть свобода». И такая свобода, будто бы, врождена. — Говоря о герояхъ и героизмѣ, авторъ утверждаетъ, что черты истиннаго героя блистательно соединены въ лицѣ Бисмарка.

Приведенныхъ примѣровъ за глаза достаточно, чтобы не искать у Кирхнера рѣшенія какихъ либо теоретическихъ вопросовъ, связанныхъ со счастьемъ и нравственною дѣятельностью человѣка. Философскій полетъ нашего автора очень не высокъ, его сужденіямъ по теоретическимъ вопросамъ вѣрить совсѣмъ нельзя, по временамъ отъ него разитъ даже специфическимъ нѣмецкимъ патріотизмомъ, что крайне непріятно въ разсужденіи общаго характера, а не въ прославленіи нѣмецкихъ добродѣтелей и самоновѣйшихъ нѣмецкихъ героевъ.

Къ счастью, Кирхнеръ сравнительно мало пускается въ теоретическія изслѣдованія, его больше занимаютъ практическіе вопросы, которымъ и посвящена большая часть главъ его сочиненія. Въ этихъ послѣднихъ главахъ онъ не проповѣдуетъ какой либо особо глубокой премудрости, но разсуждаетъ здраво, и излагаетъ просто и живо; онъ затрогиваетъ разнообразныя стороны жизни и даетъ по поводу разныхъ фактовъ человѣческой дѣятельности продуманные совѣты опытнаго и благожелательнаго человѣка. Напримѣръ, его замѣчанія о важности выбора призванія прекрасны. Кирхнеръ вполнѣ справедливо правильность выбора призванія считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій самопознанія, такъ какъ ничего не можетъ быть ужаснѣе ошибки въ своемъ призваніи. Нерелигіозный священникъ, трусливый офицеръ, безталанный писатель и т. п. суть жалкія существа. А между тѣмъ у каждаго человѣка по природѣ есть призваніе и способность къ чему нибудь.—Замѣчанія Кирхнера о благахъ непосредственнаго общенія съ природой, о значеніи для многихъ одиночества, разсужденія о любви и бракѣ, о самопознаніи и самовоспитаніи, о тактѣ и другія могутъ быть прочитаны съ пользою молодежью, воспитанниками и воспитанницами старшихъ классовъ учебныхъ заведеній. Общій тонъ разсужденій автора бодрый, мужественный и даже жизнерадостный, по временамъ только авторъ, должно быть, чрезмѣрно старался быть вполнѣ понятнымъ и убѣдительнымъ для массы, говоритъ наивности и банальности.

Хорошія цитаты, мѣткія, приводитъ нерѣдко Кирхнеръ изъ разныхъ авторовъ. Напримѣръ изъ Рюккерта: «орелъ летаетъ въ одиночку, вороны—стаями; въ обществѣ нуждается глупецъ, въ одиночествѣ—мудрецъ» Изъ Гердера: «Герой не тотъ, кто въ гнѣвѣ вызываетъ на бой льва, но тотъ, кто и въ гнѣвѣ удерживается отъ жесткаго слова». — «Отваженъ

Digitized by Google

укротитель львовъ, еще отважнѣе покоритель народовъ, но еще мужественнѣе побѣдившій себя» (неизвѣстно откуда).

П. Каптеревъ.

А. Погодинъ. Основной курсъ общаго языкознанія. Руководство къ самообразованію. СПБ. 1897. Ц. 80 к.

Разсматриваемая нами книга, какъ это видно изъ предисловія автора и самаго заглавія не имѣетъ значенія самостоятельнаго научнаго труда, а представляетъ собой изложеніе основъ науки о языкѣ съ учебной цѣлью, имѣя притомъ въ виду главнымъ образомъ читателя, самостоятельно пополняющаго свое образованіе. Съ этой точки зрѣнія я и постараюсь дать здѣсь оцѣнку этого сочиненія.

Сочиненіе, излагающее въ цѣляхъ самообразованія основы какой нибудь науки должно, мнѣ кажется, удовлетворять слѣдующимъ основнымъ требованіямъ:

1) Быть глубоко продуманнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ, чтобы вызвать въ читателѣ размышленіе о сообщаемыхъ фактахъ. Въ отношеніи пробужденія мысли не менѣе чѣмъ въ чувствѣ имѣетъ силу прецептъ Горація si vis me flere dolendum est primum ipsi tibi. Исключительный читатель, мысль котораго пробудится и правильно заработаетъ подъ вліяніемъ какого нибудь случайнаго намека въ книгѣ, или логическаго противорѣчія въ ней, или просто на основаніи полученныхъ свѣдѣній, понятно не можетъ приниматься въ расчетъ при оцѣнкѣ книги: для него всякая можетъ оказаться полезной, въ силу не ея достоинствъ, а его собственной исключительности.

2) Быть осмотрительнымъ въ выборѣ сообщаемыхъ свѣдѣній, чтобы возбужденная книгой мысль могла опираться на возможно точно установленные и достовѣрные факты.

3) Не только возбуждать размышленія читателя, но и дать имъ извѣстное направленіе, помогая читателю продѣлать и усвоить себѣ тотъ кругъ представленій и разсужденій, который выработался благодаря изслѣдованіямъ спеціалистовъ и въ которомъ вращается наука въ данный моментъ. Только при такомъ условіи книга внесетъ въ духовный міръ читателя дѣйствительно прочный и цѣнный вкладъ. Возбужденіе мысли надъ какимъ нибудь предметомъ безъ такой опеки можетъ быть очень удачно для завербованія новаго самостоятельнаго изслѣдователя, но не отвѣчаетъ на запросы самообразованія.

Разсматриваемая здѣсь книга не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ.

Она, во-первыхъ, полна непродуманныхъ утвержденій. Частью непродуманность сказывается только въ туманности и сбивчивости изложенія, частью, мнѣ кажется, зависитъ отъ того, что авторъ не далъ себѣ труда вполнѣ уяснить себѣ то, о чемъ пишетъ. Вотъ примѣры этого второго рода:

1) Говоря о связи мышленія съ рѣчью, авторъ не уяснилъ себѣ понятія знакъ; онъ не утверждалъ бы иначе (стр. 8) что „слово само

Digitized by Google

по себѣ не имѣетъ никакого значенія» въ противоположность цвѣту, который, если его употребить какъ знакъ какого нибудь понятія «и самъ по себѣ есть *нѣчто*». Знакомъ понятія или представленія можетъ быть только представленіе-же и слово въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ цвѣта. Примѣръ, приведенный въ скобкахъ для разъясненія этого непродуманнаго утвержденія, представляетъ собой грубую логическую ошибку. Желая доказать, что слово само по себѣ, т. е. независимо отъ тѣхъ представленій, знакомъ которыхъ служитъ, не имѣетъ значенія въ сознаніи, онъ указываетъ, что слово charactère, имѣющее значеніе во французскомъ языкѣ (т. е. употребляемое французами въ качествѣ знака такихъ-то представленій) не имѣетъ значенія въ нѣмецкомъ (т. е. не употребляется здѣсь въ качествѣ знака какихъ нибудь представленій).

2) На страницѣ 111 въ § 45 выясняется, что авторъ не далъ себѣ отчета въ методѣ сравнительнаго изученія языковъ. Онъ говоритъ: «При изученіи родственныхъ языковъ изслѣдователи нашли возможнымъ возстановлять древнюю форму слова. При этомъ *оказалось*, что эта древняя форма является общей для всей группы родственныхъ языковъ, такъ что ея существованіе необходимо предположить и въ пра-языкѣ, изъ котораго развились—сначала, какъ діалекты—родственные языки». Замѣтивъ сходство нѣсколькихъ языковъ, ученые создали гипотезу ихъ происхожденія изъ одного общаго для всѣхъ нихъ праязыка и на основаніи этой гипотезы такъ возстановляютъ формы этого праязыка, чтобы они могли служить древнѣйшими формами, изъ которыхъ развились исторически извѣстныя различныя формы сходныхъ языковъ.. Весьма естественно, что такія формы *оказываются* общими для всѣхъ данныхъ языковъ.

3) Къ непродуманностямъ этого рода слѣдуетъ отнести и внесеніе въ разсужденіе телеологическихъ соображеній (на стр. 67), употребленіе термина *психическій* въ слишкомъ узкомъ и неясно ограниченномъ значеніи (на стр. 25—26), употребленіе для объясненія изложеннаго образныхъ выраженій, имѣющихъ слишкомъ мало опредѣленнаго смысла (стр. 27 «предшествующій ударный гласный какъ бы подкрѣплялъ артикуляцію слѣдующаго согласнаго») и др. Но наиболѣе рѣзкимъ примѣромъ является мысль, лежащая въ основѣ изложенія главы VII, гдѣ авторъ ищетъ раціональныхъ объясненій грамматическихъ категорій вродѣ: частей рѣчи, родовъ, падежей, залоговъ и т. п. Только отсутствіе внимательнаго размышленія надъ этими вопросами могло, мнѣ кажется, привести къ такимъ объясненіямъ какъ напр. на стр. 83: «При совершеніи дѣйствія насъ можетъ интересовать: *кто* совершилъ дѣйствіе, *съ какою цѣлью* или *въ чью пользу*, *почему* или *изъ за чего*, *при помощи* чего или кого, *гдѣ* или *когда*, и ближайшее опредѣленіе отвѣтовъ на эти вопросы. Эти психологическія категоріи легли въ основу нашего склоненія...» Это перечисленіе или заключаетъ въ себѣ совершенно несостоятельное утвержденіе, что система склоненій въ языкѣ является прямымъ результатомъ законовъ нашего мышленія, естественное отраженіе его формъ, или есть праздное дѣло, такъ какъ безъ этого предположенія логическое содержаніе понятій падежей слѣдуетъ искать не помощью касающихся всѣхъ

Digitized by Google

языковъ априорныхъ соображеній о томъ, что насъ можетъ интересовать въ дѣйствіи, а помощью анализа употребленій тѣхъ или другихъ формъ въ тѣхъ или другихъ языкахъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ указанное мѣсто является плодомъ непродуманности, которая выступаетъ тутъ тѣмъ рѣзче, что психологическое содержаніе перваго же разсматриваемаго далѣе авторомъ подробнѣе падежа, понятіе *исходной точки* не нашло себѣ мѣста въ приведенномъ перечисленіи. Подобнаго-же рода непродуманныя утвержденія дѣлаются и для объясненія залоговъ глагола (стр. 93), его временъ (стр. 94), степеней сравненія (стр. 90), частей рѣчи (71—81). О логической нестройности этихъ объясненій можетъ дать понятіе слѣдующій отрывокъ: Разъяснивъ, что существительное означаетъ предметъ или свойство и дѣятельность, понятыя какъ предметъ. а прилагательное и глаголъ означаютъ качество предмета и дѣятельность его, авторъ, формулируя эту мысль продолжаетъ: (стр. 73) «Другими словами, предметъ является въ предложеніи основой мысли, тѣмъ, о чемъ говорится, что желается, что приводится въ связь съ другимъ (подлежащимъ или дополненіемъ, прямымъ или косвеннымъ). Глаголъ и имя прилагательное выражаетъ тѣ качества и дѣятельности, какія приписываются нашею мыслью этимъ предметамъ (а потому они бываютъ сказуемыми и опредѣленіями). *А отсюда слѣдуетъ*, что предметы мы можемъ мыслить въ разныхъ числахъ, родахъ и отношеніяхъ другъ къ другу (падежахъ), качества въ разныхъ степеняхъ (степеняхъ сравненія), дѣйствія въ разныхъ временахъ, видахъ и отношеніяхъ къ предмету (залогахъ)».

Еще болѣе многочисленны такіе примѣры, гдѣ авторъ желаетъ высказать мысль самому себѣ можетъ быть и уясненную, но дѣлаетъ это такъ, что получается или неясность, или необоснованность. или логическая несостоятельность изложенія.

Въ высшей степени неясно объясненіе звуковыхъ законовъ (на стр. 24), темно и необосновано изложеніе звуковыхъ измѣненій (стр. 25 26 и слѣд. и стр. 104). Весьма сбивчиво и разъясненіе понятія корня (стр. 50, 51), потому что здѣсь собственно вызываются въ умѣ читателя два совершенно разныхъ понятія (корня психологическаго и историческаго, если можно такъ выразиться), различіе которыхъ не формулируется. Наконецъ изложеніе ученія объ аналогіи и контаминаціи не удовлетворяетъ требованіямъ логики. Психологическое разъясненіе процесса образованія новыхъ формъ по аналогіи дано на стр. 64 подъ заголовкомъ: § 26 «Переживаніе стараго», но слово аналогія здѣсь не упоминается; двумя страницами ниже мы находимъ заголовокъ: § 28 «Новообразованіе по аналогіи». Уже это распредѣленіе заглавій и вступительныя замѣчанія, которыя авторъ предпосылаетъ въ § 28 приводимымъ имъ примѣрамъ, заставятъ читателя признать въ этихъ случаяхъ (примѣрахъ § 28) результаты дѣйствія какихъ-то другихъ психическихъ законовъ, чѣмъ тѣ, которые упоминались въ § 26; и между тѣмъ это будетъ совершенно ошибочно. Но путаница идетъ дальше; опредѣливъ довольно смутно на стр. 68 понятіе контаминаціи, авторъ на стр. 69 въ качествѣ примѣровъ ея приводитъ случай новообразованія по аналогіи (совпаденіе склоненій основъ на *и* и *о* въ русскомъ языкѣ). Отнести сюда этотъ послѣдній примѣръ автора побудилъ очевидно одинъ признакъ (сліяніе

Digitized by Google

двухъ системъ (склоненія въ одно общее, смѣшанное изъ нихъ), но настолько несущественный, что присутствіе его не помѣшало автору странницей выше (стр. 68) отнести слияніе двухъ другихъ склоненій въ одну схему къ примѣрамъ не контаминаціи, а аналогіи.

Второе выставленное мною требованіе отъ книги, назначенной для самообразованія—чтобы доставляемыя ею свѣдѣнія были достовѣрны и точны—также не выполнено въ достаточной мѣрѣ. Вотъ примѣры невѣрныхъ утвержденій и неточныхъ выраженій:

1) (стр. 112) Шрадеръ не помѣщаетъ прародину индо-германцевъ въ южную Россію; тѣмъ менѣе могъ онъ *доказать*, какъ выражается авторъ, что она тамъ помѣщалась. Кстати, для характеристики необдуманности изложенія: заявивъ, что Шрадеръ доказалъ, что нераздѣльный индо-европейскій народъ жилъ гдѣ-то въ *южной Россіи*», авторъ продолжаетъ: «Мы можемъ до сихъ поръ видѣть остатки его культуры, доставая со дна *швейцарскихъ* озеръ вещи, которыя упали съ такъ называемыхъ свайныхъ построекъ. Культура свайныхъ построекъ и есть культура индоевропейцевъ».

2) Неточно изложено дѣленіе индоевропейскихъ языковъ на группы (стр. 58 и 59) (напр. языкъ авесты и италійская группа).

3) Невѣрно на стр. 21 отнесеніе звуковъ п, б и м къ зубногубнымъ.

4) Можетъ породить недоразумѣнія выраженіе на стр. 16: «Сила звука зависитъ отъ длины колебаній звучащаго тѣла» вмѣсто амплитуды.

Наконецъ и третье требованіе не находитъ себѣ удовлетворенія. Книга, здѣсь разбираемая, не развертываетъ передъ читателемъ стройной системы науки о языкѣ, не указываетъ важнѣйшей логической связи отдѣльныхъ ученій—для этого въ ней недостаетъ плана. Въ этомъ легко убѣдиться просматривая оглавленіе: Глава I—Происхожденіе языка II—Физіологія звука III—Измѣненія звуковъ IV—Значеніе слова V—Типы и семьи языковъ VI—Развитіе формальной стороны языка VII—части рѣчи VIII—Предложеніе Глава IX (безъ заглавія) Единственная мысль, связывающая эти отдѣльныя статьи, выражена въ скобкахъ подъ заглавіемъ книги, гдѣ стоитъ: происхожденіе, развитіе и распространеніе языка. Но недостаточно сначала поговорить о происхожденіи языка, потомъ объ его развитіи и затѣмъ о распространеніи, чтобы дать очеркъ системы науки о языкѣ. Характернымъ примѣромъ, ближе иллюстрирующимъ эту безсистемность изложенія, можетъ служить глава IX, въ которой говорится о распространеніи языка, о діалектахъ и смѣшеніяхъ языковъ; и вотъ здѣсь между § 42 трактующимъ о смѣшеніи языковъ и заимствованіяхъ изъ одного въ другой и § 44, озаглавленномъ: Развитіе діалектовъ и архаическіе діалекты, мы находимъ § 43, посвященный изложенію отличія поэтическаго языка отъ прозаическаго.

Не давъ стройнаго обозрѣнія всѣхъ отдѣловъ системы языкознанія, авторъ не вводитъ читателя и въ кругъ тѣхъ вопросовъ и мыслей, которыя, если и не занимаютъ въ системѣ преобладающаго мѣста, то фактически при современномъ состояніи науки господствуютъ надъ умами ученыхъ. Такое практическое, такъ сказать, ознакомленіе съ научной работой, могло бы замѣнить отсутствіе теоретической схемы науки; но, какъ я уже сказалъ, и этого нѣтъ. Фактически языкознаніе теперь сво-

Digitized by Google

дится на сравнительную грамматику индоевропейскихъ языковъ, и главнѣйшіе вопросы этой дисциплины не затронуты въ разбираемой книгѣ (системы такъ называемаго аблаута, удареніе въ праязыкѣ, употребленіе основъ настоящаго времени и др.).

Въ виду вышеуказаннаго мнѣ кажется, что разбираемая книга не можетъ быть названа хорошей книгой для самообразованія.

Н. Усовъ.

Т. Осадчій. Образованные земледѣльцы въ Южной Руси. (Общественно экономическій этюдъ). По личному опыту 1894 — 1896 гг. Стр. 60 ц. 40 к. Кіевъ, 1897.

Г. Осадчій, по личному опыту,—какъ любитъ онъ выражаться,—взялъ на себя новѣйшую попытку обосновать теоретически деревенское культуртрегерство; къ несчастію, разобраться-то въ этой попыткѣ представляетъ немало затрудненій, такъ какъ сужденія автора не могутъ похвалиться логичностью и самымъ рѣшительнымъ образомъ побиваются взаимно, одни другими.

Кому изъ «интеллигентовъ» идти въ деревню? Съ какимъ запасомъ багажа и оружія? зачѣмъ: спасать ли собственную душу, поучать ли другихъ, или для того и другого? въ какой степени, наконецъ, плодотворно «хожденіе»?—всѣ подобные, несомнѣнно, существенные для дѣла, вопросы если и затрогиваются авторомъ, то разрѣшаются до крайности смутно, неясно и противорѣчиво. Вотъ его данныя.

«Въ движеніи на землю, — говоритъ онъ, — многіе видятъ напрасную растрату и безъ того слабаго состава нашихъ умственныхъ силъ. Съ этимъ трудно согласиться... Люди стремятся къ такимъ условіямъ жизни, которыя сближаютъ образованнаго человѣка съ населеніемъ, даютъ почву для труда личнаго и общественнаго. Образованный человѣкъ, этотъ двигатель общества, по собственному опыту начинаетъ глубже понимать интересы трудящагося класса и ту землю, которая питаетъ человѣчество—и трудящееся, и празднующее на пиру жизни.» «Что бы тамъ ни говорили люди, для которыхъ важна лишь мишура жизни, стремленіе образованнаго человѣка къ земледѣльческому труду, при соотвѣтствующихъ общественныхъ и экономическихъ условіяхъ, и весьма почтенно, и весьма полезно. Это уже болѣе совершенная форма и жизни и труда, чѣмъ вѣчная подневольная его дѣятельность въ городѣ, иногда не приносящая людямъ никакой реальной пользы.» Интеллигенты должны идти въ деревню «въ силу того, что они не могутъ въ городѣ работать производительно въ пользу нуждающагося въ подобной работѣ населенія, — въ силу того, что такой трудъ, обставленный данными условіями и препятствіями, не даетъ никакихъ результатовъ и страшно утомляетъ»; съ другой стороны, къ тому же побуждаетъ сознаніе необходимости «добывать своими руками тотъ хлѣбъ, который раньше производился другими, и вмѣстѣ съ тѣмъ посильно служить распространенію знаній вообще и сельскохозяйственныхъ въ особенности»... Въ связи съ этимъ, «на людей», отказывающихся отъ удовольствій города и обрекающихъ себя всѣмъ случайностямъ въ цѣляхъ распространенія болѣе высокой сельскохозяйственной и вообще матеріальной

Digitized by Google

культуры и здоровыхъ понятій о жизни въ медвѣжьихъ углахъ, — нужно смотрѣть какъ на соль земли».

Можно бы было надѣяться, что разъ работа въ городахъ непродуктивна, трудна, неблагодарна, то рекомендуемая болѣе совершенная форма жизни и труда во всякомъ случаѣ способна содѣйствовать развитію культуры; нужно было бы расчитывать, что почва для труда личнаго и общественнаго въ деревнѣ благопріятнѣе по сравненію съ подневольною городскою обстановкою; слѣдовало-бы, словомъ, ждать, что работа и существованіе интеллигента-земледѣльца въ достаточной мѣрѣ выкупается извѣстными положительными результатами,—ибо, въ противномъ случаѣ, къ чему же огородъ городить и бѣжать отъ мишуры городовъ? Но, повидимому, даже самъ авторъ не рѣшается настаивать на такихъ предположеніяхъ, при всемъ своемъ оптимизмѣ, вопреки даже собственнымъ желаніямъ, заявленіямъ и симпатіямъ. Въ самомъ дѣлѣ. «Постоянный физическій трудъ, напоминаетъ онъ—и вѣчныя мелкія заботы по хозяйству будутъ у него (интеллигента) всецѣло заполнять голову, а тотъ кратковременный досугъ, который выпадаетъ на долю образованнаго земледѣльца, при отсутствіи всякаго общенія съ подобными себѣ людьми, не доставитъ ему никакихъ удовольствій высшаго порядка и не послужитъ ему на развитіе умственныхъ способностей». «Одна постройка сноснаго училища составляетъ для него большій трудъ, чѣмъ составленіе цѣлаго научнаго изслѣдованія». «Цѣлый день, цѣлую недѣлю нестерпимо жжетъ его солнце на степи и на гумнѣ, по цѣлымъ недѣлямъ онъ вынужденъ глотать пыль при молотьбѣ и носить на своемъ тѣлѣ слой грязи»,—и вотъ «воскресенье должно дарить ему отдыхъ на лонѣ природы; но насколько бываетъ бѣдна эта природа, настолько неудовлетворителенъ бываетъ и отдыхъ натруженнаго интеллигента».

И послѣ подобныхъ краснорѣчивыхъ и категорическихъ утвержденій авторъ беретъ еще смѣлость увѣрять, будто „для того, чтобы увлечься картиной жизни образованнаго земледѣльца, не нужно обладать большимъ запасомъ идеализма“... Но коли такъ хороша картина жизни, то, спрашивается,—насколько же привлекательны ея послѣдствія?

„У интеллигента, оставляющаго городъ и идущаго въ деревню,—отвѣчаетъ здѣсь, по личному опыту, г. Осадчій,—эти задачи («будить сонныхъ, защищать слабыхъ, останавливать несправедливыхъ и такимъ образомъ поднимать упавшій пульсъ общественности») по *многимъ* (к. п.) причинамъ должны быть отодвинуты на задній планъ. Выполненіе этихъ задачъ должно совершаться *только между дѣломъ*, — тѣмъ дѣломъ, которое можетъ обезпечить ему сносное человѣческое существованіе». Отсюда не вытекаетъ ли выводъ, что культурная дѣятельность въ деревнѣ и вліяніе à propos не въ силахъ принести удовлетворенія, не достигая въ то же время цѣли? «Крестьянинъ *всетаки* продолжаетъ жить своею жизнью, хотя и болѣе сознательно, чѣмъ раньше; интеллигентъ продолжаетъ мучиться, что у него нѣтъ здѣсь товарищей, что ему даже живого слова некому сказать, что его важнѣйшихъ стремленій не хотятъ понимать. Стремленія эти не находятъ для себя благопріятной почвы и должны мало-по-малу глохнуть; интеллигентъ долженъ отказаться отъ многихъ своихъ стремленій и идеаловъ, въ значительней степени омужичиться, утратить широту своихъ

Digitized by Google

взглядовъ, не имѣющихъ почвы для питанія, или же стремиться къ выходу и бѣгству изъ деревни въ городъ».

Ну, это ли опять не идиллія? И словно для полноты впечатлѣнія цѣлое, однимъ штрихомъ пера, г. Осадчій неумолимо довершаетъ всѣ картины и идилліи своего непосредственнаго опыта и непослушнаго воображенія. Повѣривъ ему, мы полагали, что онъ толкуетъ объ интеллигентномъ пролетаріѣ, стремящемся найти въ деревняхъ общественное дѣло и кусокъ хлѣба и удаляющемся отъ несовершенствъ города, которыя не позволяютъ работать производительно на пользу народа,—и вдругъ читаемъ:

«Жить въ глуши *безъ достаточныхъ средствъ*, для постановки сколько-нибудь образцоваго мелкаго хозяйства, и пожертвовать себя всецѣло для достиженія менѣе осязательныхъ результатовъ—интеллигенту, имѣющему предъ собою дорогу въ другой области общественной жизни, *нѣтъ смысла*,—тѣмъ болѣе, что жизнь въ глуши безъ средствъ, заполненная всецѣло физическимъ трудомъ и неугомонными хлопотами по хозяйству, не оставляетъ времени на работу высшаго порядка».

Какъ бы то ни было, тутъ надо отдать справедливость послѣдовательности автора; спохватившись, что сдѣлалъ оплошность, онъ въ другомъ мѣстѣ спѣшитъ оговориться: „Если въ городѣ нельзя прожить безъ денегъ одного дня, то на землѣ, въ глуши, можно спокойно просуществовать безъ нихъ полгода". А такъ какъ и это заявленіе основано на личномъ опытѣ, то не ясно ли, что въ жизни г. Осадчій искушенъ сильнѣе, чѣмъ въ области литературы.

Покончить вовсе съ солью земли, интеллигентнымъ пролетаріатомъ, осѣдающимъ на землю,—было далеко не въ намѣреніяхъ автора и, возвращаясь къ прежде выраженнымъ оптимистическимъ воззрѣніямъ, онъ, помимо безплатнаго полугодового содержанія въ деревнѣ, сулитъ ему тамъ возможность гигіены нервовъ, очищенія мозговъ и спокойствія совѣсти. „Совмѣстная жизнь съ трудовымъ народомъ,—убѣждаетъ онъ,—благотворно дѣйствуетъ на истерзанные городскою жизнью нервы и заставляетъ образованнаго человѣка глубже всмотрѣться въ жизненныя явленія и выбросить изъ головы тѣ отвлеченныя понятія, которыя составлены въ городскихъ гостиныхъ." „Ни въ какой другой городской профессіи не можетъ быть такъ чисто сознаніе правоты своего существованія, какъ именно тогда, когда человѣкъ живетъ трудами своихъ рукъ и несетъ на себѣ всю тяготу жизни, какъ несетъ ее громадное большинство людей, солидарность съ которыми только (?!) этимъ путемъ и достигается. Это сознаніе должно вознаградить его за всѣ невзгоды и матеріальные недостатки".

Вотъ во что, значитъ, выродилась единственно плодотворная нынѣ и совершенная форма дѣятельности! Вмѣсто желательности и необходимости борьбы съ факторами некультурности народной жизни, интеллигенту рекомендуется самому подставить свой лобъ подъ обухъ ея тяготы,—и тѣмъ изъявить свое сочувствіе народу. Точь-въ-точь, какъ еслибы кто, съ цѣлью выразить свою солидарность съ г. Осадчимъ, отказался отъ охоты логически мыслить.

С. Касимовъ.

Digitized by Google

Ж. Бертильонъ. Курсъ административной статистики. Ч. 1-я Пріемы собиранія и разработки статистическихъ свѣдѣній. Переписи населенія. Переводъ съ французскаго Н. Ѳ. Джунковскаго, со вступительной статьей „о научной обработкѣ статистическихъ матеріаловъ" профессора А. Ѳ. Фортунатова, съ приложеніемъ Положенія, инструкцій и бланковъ переписныхъ листовъ первой всеобщей переписи населенія Россійской Имперіи. Цѣна 1 р. 50 к. М. 1897.

Въ 1889 г. Французское правительство установило, что служащіе въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, для полученія извѣстныхъ должностей, должны сдавать по опредѣленной программѣ экзаменъ по статистикѣ. Сочувствуя этому рѣшенію правительства, Бертильонъ (сынъ знаменитаго автора превосходныхъ работъ по демографіи) и написалъ свой курсъ, соотвѣтственно установленной Высшимъ Статистическимъ Совѣтомъ Франціи программѣ. Сознаніе важности распространенія статистическихъ знаній (въ Россіи) побудило переводчика предпринять переводъ книги Бертильона на русскій языкъ.

Такъ объясняется во введеніи появленіе въ нашей скудной литературѣ по теоріи статистики названнаго сочиненія. Но, къ сожалѣнію, врядъ ли наша литература по статистикѣ много выиграетъ отъ появленія названной книжки, и врядъ ли книжка эта много послужитъ распространенію здравыхъ статистическихъ понятій, если такъ позволено будетъ выразиться. Для Бертильона-сына статистика есть „числовое изученіе общественныхъ явленій", а для того, «чтобы какія-либо явленія могли сдѣлаться предметомъ статистическаго изслѣдованія, необходимо во 1) чтобы они могли быть вполнѣ точно опредѣлены, и во 2-хъ, чтобъ они записывались по мѣрѣ ихъ возникновенія» (стр. 1 и 2) Нужно ли говорить, по скольку такое опредѣленіе вульгарно и какъ мало оно соотвѣтствуетъ современному взгляду на статистику, какъ на методологическую науку, занимающуюся изученіемъ пріемовъ *массоваго* наблюденія надъ явленіями соціальной жизни и научной обработки собраннаго матеріала. Какъ мало сказать, что «чтобы какія либо явленія могли сдѣлаться предметомъ статистическаго изслѣдованія, нужно лишь, чтобы они могли быть точно опредѣлены и записывались по мѣрѣ ихъ возникновенія». «Статистическій методъ, скажемъ мы прекрасными словами покойнаго Рюмелина, примѣняется въ эмпирическихъ наукахъ тамъ, гдѣ индукція не въ состояніи вывести заключенія отъ *типическаго единичнаго* случая къ другимъ; онъ примѣняется всюду, гдѣ существуютъ измѣнчивые моменты въ подлежащихъ изслѣдованію *совокупностяхъ* явленій». Очень много явленій могутъ быть совершенно точно опредѣлены и записаны по мѣрѣ ихъ возникновенія, и, тѣмъ не менѣе, далеко не всѣ явленія могутъ быть предметомъ статистическаго наблюденія и изученія. Скажутъ, что Бертильонъ преслѣдуя исключительно практическія цѣли, смотритъ и на статистику какъ на практическую дисциплину. И дѣйствительно: въ параграфѣ, озаглавленномъ «значеніе статистики въ административной дѣятельности», онъ приводитъ рядъ примѣровъ непосредственно практическаго значенія статистическихъ свѣдѣній, но мы позволяемъ себѣ думать, что такой

Digitized by Google

взглядъ—большой дефектъ въ книгѣ, предназначенной для широкаго распространенія такихъ сухихъ вещей, какъ пріемы статистическаго наблюденія и способы обработки собраннаго матерьяла. Только при надлежащемъ теоретическомъ ихъ обоснованіи они пріобрѣтаютъ и глубокій интересъ и серіозное, научное значеніе въ глазахъ публики.

Это, почти полное, отсутствіе теоретическаго интереса въ книгѣ Бертильона кладетъ рѣзкій отпечатокъ какъ на систему ея изложенія, такъ и на содержаніе ея. Поговоривъ въ 1-й главѣ первой части «о статистикѣ», авторъ во 2-й главѣ трактуетъ объ «общихъ методахъ статистики». По его словамъ эти общіе методы заключаются въ «изученіи сначала въ общей совокупности, затѣмъ въ подробностяхъ», (стр. 5 и 51) причемъ «общая совокупность изучается посредствомъ административныхъ статистическихъ обслѣдованій (enquêtes), подробности—путемъ монографическихъ обслѣдованій». Это черезъ чуръ обще и не даетъ никакой точки зрѣнія. Сущность массоваго метода наблюденія (въ превосходной характеристикѣ Янсона) заключается въ слѣдующемъ. 1) Сложный объектъ разлагается на недѣлимыя, его составляющія, и каждое недѣлимое на свои простѣйшіе признаки. 2) Само наблюденіе состоитъ исключительно въ констатированіи наличности того или другого признака въ каждомъ изъ недѣлимыхъ. 3) Полученныя такимъ образомъ единичныя показанія суммируются и полученныя количества (суммы случаевъ, въ коихъ данный признакъ былъ на лицо) выражаютъ искомыя свойства или качества явленія и 4) Результаты наблюденія получаютъ всегда количественное выраженіе, а слѣдовательно, и научная обработка получаемыхъ результатовъ сопровождается дѣйствіями математическаго анализа, насколько онъ допускается тѣмъ обстоятельствомъ, что полученныя величины не суть абстрактныя математическія. Степень подробности, съ которою изучается (описывается) данное сложное соціальное цѣлое зависитъ цѣликомъ отъ количества признаковъ, заранѣе опредѣленныхъ, и взятыхъ при самой постановкѣ изслѣдованія. Правда при обслѣдованіяхъ какихъ либо небольшихъ соціальныхъ массъ можно, по многимъ причинамъ, говорить о которыхъ здѣсь было бы врядъ ли умѣстно, входить въ гораздо большія подробности, т. е. изучать присутствіе и отсутствіе гораздо большаго числа признаковъ, чѣмъ при изученіи крупныхъ соціальныхъ массъ (т. е. состоящихъ изъ большаго числа недѣлимыхъ), но статистикъ, желая оставаться таковымъ, никогда не переходитъ, какъ то думаетъ Бертильонъ, (стр. 8) «отъ наблюденія общихъ явленій къ ихъ анализу и въ концѣ концовъ доходитъ до монографическаго описанія типическихъ индивидуумовъ». Съ типическими недѣлимыми статистикъ никогда дѣла не имѣетъ. Съ послѣдними имѣютъ дѣло поэты, художники экономисты, историки, но не статистики. Когда мы, по бюджету одного, взятаго изъ живой дѣйствительности хозяйства, судимъ о бюджетахъ всѣхъ хозяйствъ, которыхъ типическимъ представителемъ считаемъ данное, то мы пользуемся при такомъ сужденіи не статистическимъ методомъ, а заключеніемъ по аналогіи. Сказаннымъ мы нисколько не умаляемъ значенія изученія монографическаго. Оно имѣетъ и свое мѣсто и свою цѣну: не слѣдуетъ только смѣшивать его съ изученіемъ статистическимъ.

Отсутствіе основныхъ теоретическихъ взглядовъ и пресловутое «прак-

Digitized by Google

тическое» направленіе автора разбираемой книги, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, что и 3-я глава 1-й части, въ которой онъ трактуетъ объ исторіи статистическихъ учрежденій, не смотря на свою относительную полноту, представляетъ мало интереса. Въ этой главѣ авторъ хочетъ дать «общую картину» развитія научной статистики во всѣхъ странахъ міра, а въ дѣйствительности даетъ лишь бѣглый обзоръ по преимуществу хронологическихъ датъ основанія тѣхъ и иныхъ статистическихъ учрежденій въ 52 странахъ; то, что могло бы оживить и одухотворить сухой перечень сообщаемыхъ Бертильономъ свѣдѣній, а именно указаніе на причины, вызвавшія къ жизни эти учрежденія, связь ихъ съ другими, и условія, имѣвшія своимъ послѣдствіемъ появленія того или иного *типа* ихъ, совершенно отсутствуетъ въ книгѣ Бертильона. Въ лучшемъ случаѣ эта глава можетъ служить для справокъ, хотя и въ этомъ отношеніи ею слѣдуетъ пользоваться съ осторожностію. Такъ на стран. 19-й между прочимъ сказано, что въ *большинствѣ* русскихъ земствъ публикуются и «подворные списки». Мы не знаемъ какъ разъ ни одного, которое публиковало бы ихъ.

Вторая часть интересующей насъ книги посвящена вопросамъ техники статистики. Въ ней есть нѣсколько полезныхъ замѣчаній (напр. о составленіи номенклатуры); но и эта глава страдаетъ отъ полнаго отсутствія теоретическаго освѣщенія сообщаемыхъ въ ней пріемовъ собиранія и обработки статистическихъ матеріаловъ и отъ несистематичности изложенія. Важнѣйшій вопросъ о планѣ статистическихъ изслѣдованій, о связи этого плана съ таблицами—этими «черновыми гипотезами» всякаго научно ведомаго статистическаго изслѣдованія, о составленіи такъ называемыхъ комбинаціонныхъ таблицъ и т. д. въ книгѣ Бертильона не говорится почти ни слова. Третья часть книги посвящена изложенію пріемовъ научной обработки статистическаго матеріала. Она состоитъ изъ пяти главъ, изъ которыхъ первая трактуетъ о критикѣ статистическихъ матеріаловъ, причемъ тутъ же почему то говорится о значеніи цифръ, которыя являются уже какъ *результатъ* обработки статистическаго матеріала и кратко и неясно излагается законъ большихъ чиселъ, которому авторъ повидимому не придаетъ особаго значенія. 2-я глава этой части говоритъ «о коэфиціентахъ», а 3-я о «среднихъ величинахъ въ статистикѣ», 4-я объ «изысканіи статистическихъ законовъ» и наконецъ 5-я о «графическихъ изображеніяхъ». Было бы слишкомъ длинно отмѣчать всѣ недостатки и неясности, встрѣчающіеся здѣсь. Отмѣтимъ лишь, что въ качествѣ едва ли не главнаго вывода у Бертильона является положеніе, что «умѣть отыскивать статистическіе законы значитъ умѣть наблюдать. Этому искусству нельзя научиться изъ книгъ, но оно развивается изученіемъ естественныхъ наукъ» (стр. 176). Такой выводъ справедливо показался скуднымъ и автору вступительной статьи къ русскому переводу книги Бертиліона профессору А. Ф. Фортунатову (стр. XII). Толково и популярно написанная послѣднимъ статейка въ 6 страничекъ разгонистой печати не можетъ, конечно, претендовать на значеніе сколько нибудь «дополняющей пробѣлы въ этомъ отношеніи подлинника», какъ то думаетъ переводчикъ (стр. IX), и самъ проф. Фортунатовъ отсылаетъ читателей, желающихъ ближе ознакомиться съ пріемами обработки статистическихъ данныхъ, къ другимъ писателямъ.

Digitized by Google

Четвертая часть книги Бертиліона озаглавлена «организація и производство переписей населенія». Авторъ, путемъ приведенія подлинныхъ текстовъ правилъ и формуляровъ, употребляющихся при переписяхъ населенія во Франціи и Германіи, знакомитъ съ этимъ дѣломъ публику. Способъ, какъ видите, довольно упрощенный. Ему слѣдуетъ и переводчикъ книги, приложившій къ ней положеніе, инструкціи и бланки переписныхъ листовъ переписи населенія Россійской Имперіи. Мы слишкомъ долго, гораздо дольше, чѣмъ того заслуживаетъ остановились на изложеніи общаго содержанія книги Бертильона. Освобождаемъ и себя и читателей отъ болѣе подробнаго изложенія тѣхъ недоумѣній, которыя возникаютъ чуть ли не на каждомъ шагу при болѣе внимательномъ ея чтеніи.

Проф. **И. Миклашевскій.**

Учебникъ зоологіи для студентовъ принаровленный къ программѣ испытанія въ Государственной Физико-математической коммиссіи. А. Брандта, проф. Харьковскаго Университета. Харьковъ 189*.

Писать учебникъ по чужой программѣ—для этого нужно обладать нѣкотораго рода самоотверженіемъ: нужно вѣдь забыть всѣ свои личные взгляды и всѣ свои тенденціи. Проф. Брандтъ объясняетъ причину появленія своего учебника. Онъ долженъ служить для студентовъ, когда наступитъ «страдная пора экзаменовъ» и когда болѣе пространные учебники будто-бы неумѣстны. Авторъ оговаривается, что онъ вовсе не хочетъ вытѣснять другіе болѣе пространные учебники, хотя тутъ же читаемъ: «тѣмъ не менѣе *прилежными* (курсивъ автора) посѣтителями лекцій и практическихъ занятій, ставсняющимися пріобрѣтеніемъ болѣе дорогихъ учебниковъ, могъ бы быть поставленъ вопросъ о томъ, нельзя ли имъ обойтись однимъ моимъ учебникомъ? Предоставимъ этотъ вопросъ на ихъ же разрѣшеніе». Мы лично не стоимъ за краткость учебниковъ: изъ обстоятельнаго учебника что нибудь да удержится въ головѣ и при поверхностномъ чтеніи, а конспекты надо зубрить. Однако, и конспекты нужны, но только не для той категоріи студентовъ, на которую указываетъ проф. Брандтъ, но какъ разъ для противуположной. Затѣмъ, какъ всякій конспектъ, учебникъ Брандта не пригоденъ, конечно, для практическихъ занятій, и проф. Брандтъ напрасно указываетъ на возможность пользоваться имъ для этой цѣли. Для практическихъ занятій нужно возможно детальное описаніе отдѣльныхъ формъ, а не конспектъ. Также напрасно проф. Брандтъ подчеркиваетъ принаровленность своего учебника къ программѣ испытательной комиссіи (на стр. V опять читаемъ: «Оглавленіе программѣ устнаго испытанія въ Государственной комиссіи»). Эта программа составлена настолько широко, что подъ нее подойдутъ почти всѣ наши учебники. Порядокъ изложенія при этомъ, вѣдь, роли не играетъ.

Затѣмъ, практика десяти лѣтъ показала, что наши экзаменаторы благоразумно придерживаются духа программы и ея объема, а не деталей. Еще болѣе напрасно предоставляется проф. Брандтомъ вопросъ о пригодности того или другого учебника рѣшать слушателямъ. Мнѣ казалось, что этотъ вопросъ долженъ рѣшаться руководителями.

Digitized by Google

Проф. Брандтъ говоритъ, что имъ «неуклонно руководилъ благой принципъ: *Non multa, sed multum*, столь беззастѣнчиво попираемый большинствомъ составителей повторительныхъ курсовъ, репетиторій»; и т. д. Но въ то же время онъ добавляетъ, что не скупится на слова и рисунки, лишь бы уяснить требуемое. Однако на всю главу, посвященную эмбріологіи, данъ *одинъ единственный* рисунокъ (живчики аскариды). Можно ли уразумѣть безъ рисунковъ образованіе амніона и др. оболочекъ, о которыхъ идетъ рѣчь на стр. 93? Примѣняя къ учебнику проф. Брандта имъ самимъ устанавливаемую точку зрѣнія, а именно какъ на репетиторій, противъ него нельзя сказать чего либо по существу. Мы не нашли, конечно, ошибокъ и серьезныхъ упущеній, но мѣстами попадаются фразы съ неточной формулировкой, а эта послѣдняя весьма важна для репетиторія; попадаются неудачные русскіе термины, а въ репетиторіи нужно, конечно, слѣдовать терминамъ общепринятымъ.

Такъ на стр. 94 читаемъ: «Жизнедѣятельность саркодическихъ выражается главнымъ образомъ въ испусканіи неопредѣленныхъ, временныхъ плазматическихъ отростковъ (псейдоподій или ложныхъ ножекъ). Развѣ жизнедѣятельность простѣйшихъ такъ ограничена? Почему явленія движенія считаются *главнымъ* выразителемъ ея? А питаніе, размноженіе?

Далѣе: «Переливаясь въ такіе отростки остальной плазмой, корненожки ползаютъ». Но вѣдь большинство корненожекъ снабжено раковиной, какъ же онѣ могутъ переливаться въ псейдоподіи? Слѣдовательно, раковина оставляется животнымъ? Конечно, проф. А. Брандтъ этого мнѣнія не держится, и мы имѣемъ дѣло лишь съ неточностью выраженій.

Также мнѣ кажется излишнимъ стремиться переводить всю латино-греческую номенклатуру. Проф. Брандтъ очень хорошо дѣлаетъ, что въ примѣчаніяхъ объясняетъ филологически происхожденіе номенклатуры. Это помогаетъ ея усвоенію. Но зачѣмъ напр. фигурируютъ «*птицематочныя*», когда для той же группы уже приведены два русскихъ названія: яйценесущія (яйцеродныя—болѣе употребительное выраженіе) и однопроходныя?

Укажемъ на тяжеловатый мѣстами стиль: «печень *присвоена* всѣмъ позвоночнымъ» и имѣетъ *сугубое* физіологическое значеніе». (стр. 72).

Затѣмъ, возстановленіе для человѣка особаго отряда *Bimana* не можетъ быть оправдано никакими научными соображеніями и зачѣмъ это понадобилось—трудно понять. За вычетомъ этихъ второстепенныхъ погрѣшностей и имъ подобныхъ, конспектъ проф. Брандта безспорно лишенъ всякихъ серьезныхъ промаховъ, но я все-таки думаю, что конспектъ не можетъ замѣнить учебника, хотя бы «прилежные посѣтители лекцій», къ которымъ обращается проф. Брандтъ въ предисловіи, и пришли къ этому заключенію.

Проф. **В. Шевяковъ.**

Г. Паркеръ. Лекціи по элементарной біологіи, съ 22 рисунками. Переводъ со 2 англійскаго изданія съ измѣненіями и дополненіями В. Н. Львова, прив. доцента Московскаго университета. Москва. Изд. Сабашниковыхъ 1898 г.

Преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній должны быть очень благодарны В. Н. Львову и гг. Сабашниковымъ, давшимъ хорошій переводъ

Digitized by Google

и изящное изданіе книжки Паркера, тѣмъ болѣе, что на большую публику эта книжка разсчитывать не можетъ.

Паркеръ задѣваетъ цѣлый рядъ интересныхъ вопросовъ, но къ рѣшенію ихъ онъ подходитъ индуктивно и постепенно, а потому его книга представляетъ въ сущности детальное описаніе ряда отдѣльныхъ животныхъ и растительныхъ формъ, преимущественно простѣйшихъ, описаніе, въ которомъ разбросаны вытекающіе изъ излагаемыхъ фактовъ выводы. Правда, для отысканія послѣднихъ приложенъ въ концѣ книги конспектъ съ указаніемъ на страницы, гдѣ можно найти трактуемый общій вопросъ. Все-таки эта форма изложенія для многихъ читателей покажется не совсѣмъ привычной и пожалуй заставитъ отказаться ихъ отъ чтенія книги. Но для читателей съ нѣкоторой подготовкой и съ болѣе серьезными намѣреніями книжка Паркера можетъ служить хорошимъ средствомъ для ознакомленія съ элементарной біологіей. Въ русскомъ изданіи своеобразная англійская терминологія замѣнена мѣстами болѣе употребительной, а равно дополнены нѣкоторые рисунки.

Въ общемъ, можно только порадоваться появленію этой книжки и пожелать ей успѣха.

Проф. **В. Шимкевичъ.**

Грантъ-Алленъ. Бесѣды о растеніяхъ и ихъ жизни. Переводъ Фрейберга. Изд. Журнала Естествозн. и Географ. Москва. Цѣна 80 к.

Жизнь растеній, популярныя бесѣды Грантъ-Алена. Перев. съ англ., просмотрѣнный адъюнктъ-профессоромъ Моск. Сельско-хозяйствен. Инст. Д. Н. Прянишниковымъ. Москва. Изд. магаз. «Книжное дѣло». Цѣна 60 к. 1897.

Почти одновременно появились два перевода книги *Grant-Allen*. The story of the plants. Прежде чѣмъ дать ихъ сравнительную оцѣнку, нелишне сказать нѣсколько словъ объ особенностяхъ подлинника.

Спенсеръ опредѣляетъ жизнь какъ «приспособленіе къ окружающей средѣ», и этой точки зрѣнія держится Grant-Allen, разсказывая о явленіяхъ растительной жизни.

Талантливый беллетристъ, изъ подъ пера котораго вышло не мало блестящихъ очерковъ въ духѣ дарвинизма, въ этой небольшой книжечкѣ разсказываетъ, какъ возникли растенія и стали отличаться другъ отъ друга, какъ они питаются, производятъ потомство и какими способами его охраняютъ; авторъ разсматриваетъ всѣ эти явленія, какъ результатъ приспособленія, борьбы за существованіе и естественнаго подбора, и можно было бы упрекнуть его въ односторонности; но умѣлый выборъ фактовъ, мастерски изложенныхъ простымъ и безыскусственнымъ языкомъ, точка зрѣнія, постоянно поддерживающая живой интересъ къ разсказу, составляютъ достоинства книжки Grant-Allen и вполнѣ оправдываютъ ея появленіе въ русскомъ переводѣ.

Впрочемъ она не совсѣмъ безупречна въ научномъ отношеніи: въ ней часто выдаются за безспорныя научныя истины такого рода положенія, которыя либо требуютъ еще доказательства, либо вообще не пользуются

Digitized by Google

особеннымъ кредитомъ, а являются лишь мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ по вопросамъ, въ сущности остающимся еще пока открытыми.

Такъ, онъ принимаетъ за доказанное, что первыя появившіяся на землѣ существа должны были непремѣнно содержать хлорофиллъ; держится оригинальнаго взгляда на эволюцію околоцвѣтника, считая, что лепестки произошли изъ тычинокъ путемъ регресса (стр. 76—77); приводитъ, какъ нѣчто безусловное, Спенсеровскую теорію эволюціи стебля (стр. 149); наконецъ, на стр. 174 высказываетъ странную идею, что сѣмя есть почка.

Изъ двухъ лежащихъ передъ нами переводовъ, трудно сказать, который изъ нихъ лучше. Въ одномъ обиліе редакціонныхъ ошибокъ, опечатки, невѣрности, неудачные неологизмы и сбивчивая терминологія, въ другомъ, просмотрѣнномъ адъюнктъ-профессоромъ Московск. Сельско-Хозяйственаго Инст. Д. Н. Прянишниковымъ, такихъ недостатковъ гораздо меньше, но зато онъ сдѣланъ такимъ топорнымъ языкомъ, что переводъ г. Фрейберга, несмотря на свои недостатки, читается гораздо легче и въ немъ чувствуется лишь недостатокъ свѣдущей редакторской руки.

Обратимся сначала къ переводу г. Фрейберга. Въ немъ прямо таки встрѣчаются грубыя ошибки.

Такъ на стр. 123 надписи подъ рисунками 33 и 34 перепутаны, а также и указанія въ текстѣ на эти рисунки сдѣланы невѣрно.

На стр. 127 невѣрно переведенъ текстъ; сказано:

«Въ прошлой главѣ мы видѣли доказательства тому, что лепестки нѣкогда были *чашелистиками*, уплощенными и яркоокрашенными, предназначенными спеціально для привлеченія насѣкомыхъ».

Но напрасно мы стали бы искать въ предъидущей главѣ чего нибудь подобнаго. Наоборотъ, Grant-Allen на стр. 76 и 77 перевода очень подробно развиваетъ *совершенно противуположный* взглядъ на происхожденіе лепестковъ.

«Мы должны признать рѣшеннымъ», говоритъ онъ, «что лепестки, въ сущности, представляютъ простой наружный *рядъ тычинокъ*, уплощенныхъ и яркоокрашенныхъ и т. д.». «Такая уплощенная и яркоокрашенная тычинка безъ содержащихъ пыльцу мѣшечковъ, есть то, что мы называемъ лепесткомъ» (стр. 76).

На стр. 184 переводчикъ заставляетъ Грантъ-Аллена говорить о «низшей привычкѣ паразита питающагося падалью»; между тѣмъ паразиты какъ разъ питаются не «падалью», а живыми существами. Мѣстами онъ даетъ удивительныя открытія. «Вата», говоритъ онъ на стр. 135 «состоитъ изъ подобныхъ же летучихъ волосковъ, прикрѣпленныхъ къ сѣменамъ *субтропическихъ ивоподобныхъ деревьевъ*». Тутъ не было никакой надобности говорить о «субтропическихъ ивоподобныхъ деревьяхъ», потому что вату составляютъ, какъ извѣстно, волоски, одѣвающіе сѣмена хлопчатника, растенія принадлежащаго къ сем. Malvaceae.

Переводчикъ не стѣсняется говорить о «брачныхъ отношеніяхъ цвѣтовъ и насѣкомыхъ»; стр. 5 тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о насѣкомыхъ, какъ о посредникахъ при оплодотвореніи растеній.

Тамъ же (стр. 5) мы находимъ описаніе пестика, который «снабженъ безчисленными маленькими перистыми махорчиками (sic!), чтобы воспри-

Digitized by Google

вять пролетающія зерна оплодотворяющаго горошка». Это уже сплошная безсмыслица.

Есть мѣста, гдѣ слова какъ будто и русскія, но конструкція фразы трудно сказать какая. Такъ на стр. 6 мы прочли: *Другія же снова подкучаютъ распространять свои сѣмена животныхъ*... Спрашивается, кто же кого распространяетъ?

Странной намъ кажется также мысль, очевидно, принадлежащая переводчику, что будто бы «водоросли, живя въ водѣ, могутъ впитывать воду и растворенныя въ ней питательныя соли *изъ сосѣдняго* пруда, моря или рѣки» (стр. 183). Почему же не изъ того самаго, въ которомъ онѣ живутъ, спросимъ мы?

Кромѣ подобныхъ промаховъ переводъ изобилуетъ опечатками, зачастую искажающими смыслъ; такъ напр. на стр. 37 напечатано «чтобы листъ *не замѣнялъ*, вмѣсто «*не затѣнялъ*».

Едва ли можно назвать удачнымъ слово «обмолаживаніе» (стр. 65,) которымъ переводчикъ почему-то замѣняетъ терминъ «обновленіе», ставшій общеупотребительнымъ.

Еще страннѣе попытки перевести вещи, отъ перевода которыхъ лучше благоразумно воздержаться. На стр. 72 напечатано: «У зимней вишни или капскаго крыжовника она образуетъ яркую наружную обвертку или покрышку на плодѣ, то, что французы называютъ cerise en chemise» или «вишня въ халатѣ».—Мы знаемъ, что картофель бываетъ «въ мундирѣ», но о вишнѣ «въ халатѣ» еще не слыхали.

При всемъ обиліи подобныхъ ошибокъ, переводъ г. Фрейберга (изданіе журнала «Естествознаніе и Географія») повторяемъ, читается довольно легко и написанъ хорошимъ языкомъ, чего мы не можемъ сказать про переводъ, просмотрѣнный г. Прянишниковымъ. Кислородъ въ немъ—«*жизнедательный*» элементъ (стр. 59), насѣкомыя сперва «*утопливаются*» въ водѣ (стр. 67). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поражаетъ неумѣніе владѣть языкомъ; такъ на стр. 107 мы находимъ «толстые цвѣтки *выглядывающіе*, какъ разлагающееся мясо». Очевидно переводчикъ не отдаетъ себѣ отчета, въ чемъ разница между словами *выглядывать* и *выглядѣть*. Что это не случайно, видно изъ того, что на страницѣ 183 говорится о порахъ, «которыя *выглядываютъ* совершенно какъ рты».

Такимъ образомъ, если Story of the Plants Grant-Allen'a съ удовольствіемъ можно прочесть, то нельзя того же сказать о русскихъ переводахъ этой книжки.

Пр.-доц. **К. Декенбахъ.**

Д-ръ І. Л. А. Кохъ. Нервная жизнь человѣка въ дни здоровья и болѣзни. Перев. съ 6 нѣмецк. изд. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ Кохъ, спеціалистъ психіатръ, задается цѣлью въ указанной книжкѣ познакомить читателя съ ненормальностями психической сферы, съ причинами ихъ, предупрежденіемъ и необходимыми по отношенію къ заболѣвшему мѣрами. Область эта весьма обширна и требуетъ спеціальнаго изученія, какъ теоретическаго, такъ и практическаго (наблюденій надъ больными), такъ что, коснувшись вскользь нѣкоторыхъ симптомовъ

Digitized by Google

психическихъ болѣзней, авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на состояніи, представляющемъ крупный общественный интересъ въ „нашъ нервный вѣкъ",—на т. н. психическомъ недочетѣ (Minderwertigkeit), самой распространенной нервной болѣзни нашего времени. Это состояніе не представляетъ собой душевной болѣзни, но все же указываетъ на ненормальность отправленій головного мозга, хотя ни микроскопическихъ, ни химическихъ измѣненій обнаружить въ немъ и не удалось: психическій недочетъ представляетъ собою, такъ сказать, лишь функціональное разстройство и стоитъ на рубежѣ между психозомъ (душевной болѣзнью) и душевнымъ здоровьемъ.

Состояніе это нерѣдко обозначаютъ именемъ „неврастенія", но авторъ возстаетъ противъ подобнаго смѣшенія понятій и замѣчаетъ, что „сосудъ съ этимъ ярлыкомъ (неврастенія) для многихъ сдѣлался складомъ, въ которомъ самыя разнородныя вещи—врожденныя и пріобрѣтенныя—плаваютъ въ густомъ туманѣ.—Все то, что не умѣютъ иначе назвать—считается неврастеніей". Если дѣлаемый авторомъ упрекъ въ значительной степени и справедливъ, то даваемое имъ описаніе психическаго недочета также не представляетъ собой опредѣленной картины болѣзни, а—лишь совокупность болѣе или менѣе характерныхъ симптомовъ, встрѣчающихся въ различномъ сочетаніи у разныхъ больныхъ.

Онъ различаетъ скоропреходящее состояніе психическаго недочета и продолжительное (длящееся даже всю жизнь), а послѣднее различаетъ, какъ врожденное и пріобрѣтенное. Многими примѣрами изъ своихъ наблюденій авторъ иллюстрируетъ разныя формы психическаго недочета. Какъ общую характеристику пріобрѣтеннаго недочета приводимъ слѣдующую: „Если какой нибудь человѣкъ, отъ природы здоровый, крѣпкій и сильный, вслѣдствіе переутомленія и чрезмѣрныхъ заботъ, дѣлается, хотя и не душевно больнымъ, но не такимъ, какъ прежде; если трудъ не доставляетъ ему никакого удовольствія, а напротивъ дѣлается ему тягостенъ, и онъ приступаетъ къ нему съ усиліемъ и тоской и бросаетъ, не окончивъ; если онъ не въ силахъ слѣдить за нитью серьезнаго чтенія, если онъ слабъ, мраченъ, уныль, избѣгаетъ людей, мрачно смотритъ на будущее, если онъ обидчивъ, раздражителенъ, вспыльчивъ, капризенъ и безпощаденъ; если у него являются неестественныя вспышки гнѣва и онъ при этомъ невыносимо занятъ собой, если его одолѣваетъ трусость ипохондрика, внутренняя тревога, свойственная одинокому, и при этомъ у него сонъ безпокоенъ и съ перерывами, необычайная пугливость и чуткость относительно шума; если у него тяжесть головы или головныя боли и головокруженія; если къ этому присоединяется неправильное пищевареніе, сердцебіеніе и другія физическія аномаліи,—то въ этомъ случаѣ и профану не трудно понять, что тутъ вопросъ не въ трусости, не въ злости, не въ мнительности, а въ болѣзненномъ недугѣ".

Не менѣе заслуживаетъ вниманія, особенно со стороны педагоговъ и воспитателей, врожденный психическій недочетъ, проявляющійся уже въ дѣтствѣ, при чемъ обыкновенно одержимые этимъ недугомъ очень часто признаются не больными, нуждающимися въ умѣломъ уходѣ и лѣченіи, а испорченными дѣтьми. Въ такихъ натурахъ, говоритъ д-ръ Кохъ, „рано обнаруживается испорченность: они вносятъ заразу въ каждую

Digitized by Google

школу; никакое воспитательное вліяніе, ни ласка, ни строгость не достигаютъ прочнаго и очевиднаго успѣха. Лѣнивые, лживые, прожорливые, воры, полные злыхъ и низкихъ мыслей, скрытаго злорадства, жестокости относительно животныхъ и людей, полные самонадѣянности, тайнаго и открытаго сопротивленія всякой власти, всегда готовые исполнить злую шалость и ложью и насмѣшкой навлечь подозрѣніе на невиновнаго, полные ехидной радости, когда имъ удается подбить товарища на что нибудь,—такія дѣти дѣлаются игомъ и нытикой для школъ и учебныхъ заведеній, порчей для учениковъ и товарищей".

Знакомство съ разнобразными проявленіями психическаго недочета, пріобрѣтающаго все большее и большее распространеніе, заслуживаетъ особеннаго вниманія: оно должно побудить насъ къ борьбѣ съ коренными причинами этого недуга, оно должно многое освѣтить воспитателямъ и педагогамъ, содѣйствовать урегулированію нашихъ отношеній къ людямъ, въ которыхъ мы до того и не подозрѣвали психическаго недуга. Если причины нервныхъ болѣзней вообще и психическаго недочета въ частности тѣсно переплетаются съ все болѣе и болѣе усложняющимся строемъ нашей жизни, при чемъ къ нервной системѣ предъявляются непосильныя требованія, и устраненіе этихъ причинъ стоитъ въ зависимости отъ общихъ соціальныхъ перемѣнъ, то все же и теперь уже мы можемъ и обязаны обратить вниманіе на нѣкоторые факты, играющіе въ данномъ вопросѣ существенную роль, такъ напр. д-ръ Кохъ совершенно справедливо подчеркиваетъ переутомленіе учащихся, какъ важную причину нашей нервности: онъ считаетъ безусловно необходимымъ значительное сокращеніе задаваемыхъ на домъ уроковъ, уменьшеніе учебныхъ часовъ и болѣе позднее начало школьныхъ занятій, чтобы, слабый дѣтскій организмъ получалъ достаточно отдыха и сна. Какъ много говорилось объ этомъ вопросѣ, столь очевидномъ не только для врача-спеціалиста, но и для всякаго, наблюдающаго домашнюю жизнь школьника, и какъ мало въ этомъ направленіи сдѣлано!

Книга д-ра Коха, привлекая вниманіе къ столь распространенной въ наше время „нервности", касаясь причинъ ея и мѣръ для предотвращенія ея, знакомя съ уходомъ за нервно-больными, можетъ оказать существенную услугу.

Слѣдуетъ отмѣтить, какъ своеобразную черту, мистическое направленіе автора: между прочимъ напр. онъ возстаетъ противъ матеріалистическаго ученія, признаетъ къ вѣрѣ и, сообразно ей, разсматриваетъ душу, какъ самостоятельный элементъ, нервную же систему онъ считаетъ лишь посредникомъ между душой и тѣломъ. Подобное направленіе автора, дающее окраску нѣкоторымъ главамъ, выражаясь мягко, не можетъ быть отнесено къ числу достоинствъ разбираемой книги.

В. Бать.

Digitized by Google

Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Изданіе 2 харьковскаго календаря Харьковъ, 1896. Ц. 25 коп.

Руководство къ устройству и веденію публичныхъ чтеній. Изданіе харьковскаго календаря. Харьковъ, 1897 Ц. 50 к.

На ряду съ толками о необходимости всеобщаго обученія въ Россіи выдвинутыми особенно настойчиво послѣ голода 1891 года,—и въ земствахъ и среди отдѣльныхъ представителей общества стали наблюдаться стремленія къ поддержанію результатовъ школы внѣ ея стѣнъ. Устройство безплатныхъ библіотекъ-читаленъ, съ одной стороны, и публичныхъ чтеній для массы—съ другой, казалось болѣе удобнымъ проводникомъ такихъ стремленій. Но... тутъ явилось русское *но*, этотъ неизбѣжный спутникъ всякихъ, даже самыхъ невинныхъ, культурническихъ попытокъ. У насъ создались ad hoc такія «правила», которыя, сводя до minimum'а значеніе народнопросвѣтительныхъ организацій, весьма затруднили возможность ихъ существованія.

Вотъ напр. «правила» о народныхъ читальняхъ (15 мая 1890 года): узаконяя ихъ существованіе, они стараются однако обставить его надлежащей осторожностью. Прежде всего безплатныя библіотеки, возникающія по иниціативѣ общественныхъ группъ изъ отдѣльныхъ лицъ, подчинены «особымъ параграфамъ, помимо общихъ, фигурирующихъ въ уставѣ о печати,—и не однѣ, впрочемъ, *безплатныя*, но также тѣ, которыя, во мнѣніи «мѣстныхъ начальствъ», по незначительности взимаемой ими платы или по другимъ (?) условіямъ пользованія находящимися въ нихъ книгами, привлекаютъ читателей преимущественно изъ лицъ «низшихъ сословій» и изъ воспитанниковъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Привилегіей пользуются здѣсь лишь библіотеки, открываемыя при заведеніяхъ духовнаго вѣдомства представителями послѣдняго, внушающаго, очевидно, большее довѣріе сравнительно съ прочими общественными органами. Къ обращенію въ народныхъ читальняхъ допускаютъ, кромѣ принадлежащихъ правительству, изданія и книги, спеціально одобренныя Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и также допущенныя духовной цензурой, «за исключеніемъ тѣхъ, кои будутъ признаны духовнымъ вѣдомствомъ непригодными» для даннаго назначенія. Однако даже оффиціальный каталогъ представляется недостаточной гарантіей; правила совѣтуютъ при выборѣ печатнаго матеріала «принимать въ соображеніе какъ средства читаленъ, такъ и образовательныя и воспитательныя потребности низшихъ слоевъ мѣстнаго населенія, образъ жизни и занятій ихъ, избѣгая при этомъ односторонняго подбора книгъ по извѣстнымъ отраслямъ знаній въ ущербъ книгамъ религіозно-нравственнаго, патріотическаго и вообще назидательнаго содержанія»! Надзоръ за народными библіотеками, не довѣряясь завѣдующимъ, утвержденнымъ властями, возлагается на одного или нѣсколькихъ чиновниковъ учебнаго или духовнаго вѣдомства, по соглашенію гражданскаго начальства, дающаго разрѣшеніе, съ попечителемъ учебнаго округа и епархіальнымъ архіереемъ. И наблюдатели обязаны слѣдить, «чтобы въ читальняхъ не были въ обращеніи никакія другія книги и повременныя

Digitized by Google

изданія, кромѣ занесенныхъ въ списки, завѣренные сими лицами», и затѣмъ, «чтобы читальни не служили для просвѣтителей оныхъ мѣстами для собраній, совѣщаній и другихъ дѣйствій (?), чуждыхъ назначенію читаленъ или нарушающихъ въ нихъ должный порядокъ»; въ случаѣ «безпорядковъ» наблюдатель доноситъ, куда и что слѣдуетъ... Но и при всѣхъ подобныхъ условіяхъ, окружающихъ работу читальни, ходатайство объ ея разрѣшеніи должно претерпѣть массу мытарствъ прежде, чѣмъ реализироваться, въ положительномъ или—чаще—отрицательномъ смыслѣ. Сперва отыскивается благонадежный человѣкъ для завѣдыванія и представляется къ утвержденію; потомъ губернатору подается гербовое прошеніе съ приложеніемъ устава; наконецъ—и это самое трудное—слѣдуетъ ждать, пока администрація наведетъ длинныя справки о личности учредителей, о разныхъ «мѣстныхъ и другихъ условіяхъ», о степени благонадежности отвѣтственныхъ лицъ, о дѣйствительныхъ цѣляхъ замысла и т. д. Указанное на заголовкѣ «Руководство» безъ всякой задней мысли названо своимъ именемъ: оно даетъ массу совѣтовъ, какъ, что и куда писать при желаніи учредить библіотеку-читальню, не ошибаясь ни въ званіяхъ, ни въ чинахъ многочисленныхъ инстанцій,—какъ составлять уставы, какимъ образомъ поступать, если дѣло принимаетъ неблагопріятный оборотъ. «Руководство» тутъ волей-неволей впадаетъ въ тонъ, достойный развѣ Домостроя. «Если разрѣшеніе затягивается на долгое время,—рекомендуетъ напр., оно,—то учредителямъ слѣдуетъ навести справки: какая причина замедленія и насколько она устранима?.. Въ подобномъ случаѣ учредителямъ слѣдуетъ, въ дополненіе и разъясненіе перваго прошенія, подать новое, которое должно (?) устранить встрѣченныя препятствія... Безъ этого же дѣло можетъ затянуться на долгое время или даже (!) окончиться неудачно». «При неблагопріятныхъ условіяхъ,—утѣшаетъ оно въ другомъ мѣстѣ,—могутъ возникнуть разнаго рода осложненія и препятствія: отъ незнанія ли соотвѣтственныхъ узаконеній или отъ другихъ причинъ; (а) при обычныхъ условіяхъ отъ подачи прошенія до скрѣпленія каталога проходитъ не менѣе 4—6 мѣсяцевъ». И вполнѣ понятнымъ становится то чувство гордости, чувство совершеннаго подвига, съ которымъ «Руководство» восклицаетъ въ заключеніе: «Такимъ образомъ мы прослѣдили *весь ходъ* дѣлопроизводства по открытію народной библіотеки!!»

Архаичностью дышатъ и правила по устройству народныхъ чтеній, столь же добросовѣстно сообщенныя во всѣхъ деталяхъ «Руководствомъ» № 2. Послѣднее составлено харьковской комиссіей народныхъ чтеній подъ вліяніемъ постоянныхъ обращеній къ ней за всякаго рода свѣдѣніями, касающимися «исходатайствованія разрѣшенія» на публичныя чтенія, и, кстати, для выясненія частностей дѣла,—обращеній, обусловленныхъ трудностью попытокъ помощи народному образованію по частному и общественному почину... Народныя чтенія стали возникать съ 1876 года, когда для нихъ было издано (24 декабря) положеніе, допускавшее ихъ, въ видѣ уступки и для опыта, только въ губернскихъ городахъ, на всѣ другія мѣстности положеніе распространено почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого (11 октября 1894 года)... Въ губернскихъ городахъ чтенія допускаются попечителемъ округа по соглашенію съ гу-

Digitized by Google

бернаторомъ, а въ уѣздахъ процессъ ихъ разрѣшенія немного посложнѣе: въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ они дозволяются не иначе какъ властію министра народнаго просвѣщенія, послѣ предварительнаго сношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ синода (къ сожалѣнію, «Руководство» нигдѣ не указываетъ «обычнаго» числа мѣсяцевъ, которымъ измѣряется этотъ процессъ), Иниціаторы предпріятія должны быть безусловно обезпечены въ «нравственной и политической благонадежности», по поводу чего испрашивается надлежащее разъясненіе у «мѣстнаго общеадминистративнаго, духовнаго и (наконецъ!) учебнаго начальства». Несмотря на это, тѣмъ не менѣе, чтенія происходятъ при личномъ надзорѣ представителей учебнаго или духовнаго вѣдомства, при чемъ онъ обыкновенно осуществляется дирекціей народныхъ училищъ «подъ непосредственной отвѣтственностью въ соблюденіи правилъ, установленныхъ по предмету сихъ чтеній». Аудиторія выбирается при какомъ-либо общественномъ зданіи, но только не при фабрикахъ или иныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, гдѣ чтенія «отнюдь не допускаются». Нечего и говорить, что для публичнаго произнесенія передъ народомъ назначаются сочиненія, одобренныя правительствомъ,—хотя, «въ видахъ большаго выбора матеріала для народныхъ чтеній, можно (!) разрѣшать для чтенія и книги духовнаго содержанія, одобренныя св. синодомъ или выдержки изъ оныхъ». Впослѣдствіи (11 іюня 1894 года) для народныхъ аудиторій разрѣшены изданія петербургской коммиссіи народныхъ чтеній, извѣстныя своей тенденціозностью и узкимъ, односторонним направленіемъ, въ религіозно-патріотическомъ смыслѣ; а однимъ изъ циркуляровъ министерства просвѣщенія (отъ 17 іюля 1896) репертуаръ чтеній пополненъ брошюрами ученическихъ библіотекъ начальныхъ училищъ («принимая во вниманіе, что при посредствѣ такого мѣропріятія число книгъ, вполнѣ подходящихъ къ чтенію, значительно увеличилось бы, равно какъ устранились бы до извѣстной степени жалобы устроителей народныхъ чтеній на недостаточность одобреннаго для нихъ министерствомъ матеріала»). Вѣроятно, для этого, чтобы не повредить истинному смыслу «сочиненій», допущенныхъ въ аудиторіи, они «не произносятся, а читаются по тексту, безъ всякихъ измѣненій и дополненій»; когда же чтенія сопровождаются опытами или поясняются картинами, то и при этомъ лекторъ обязанъ «не выходить изъ предѣловъ содержанія текста», потому то въ качествѣ лекторовъ утверждаются лишь «благонадежныя лица», по соглашенію директора училищъ съ губернскимъ начальствомъ. А въ концѣ концовъ, при нарушеніи «въ чемъ либо» установленныхъ правилъ, чтенія «подлежатъ немедленному прекращенію» по предписанію губернатора и послѣ донесенія надзирателей. Отсюда нисколько неудивительно, что наше положеніе о народныхъ чтеніяхъ имѣетъ такой общій интересъ, что обратило на себя вниманіе даже иностранцевъ. Намъ припоминается именно отзывъ одного американскаго профессора, напечатанный въ одномъ русскомъ оффиціальномъ изданіи: «Если я когда нибудь вернусь въ Россію,—говоритъ американецъ,—то, думаю, не услышу больше о существующемъ теперь способѣ разрѣшать народныя чтенія. Онъ кажется мнѣ нѣсколько тяжеловатымъ. Для того, чтобы какая нибудь помѣщица Иванова, Вологодской, напримѣръ, губерніи, могла про-

Digitized by Google

честь зимой группѣ крестьянъ нѣсколько книжечекъ, спеціально предназначенныхъ для народныхъ чтеній и прошедшихъ, какъ я узналъ, три цензуры, — цензуру общую, духовную и ученаго комитета, — она должна добиться согласія двухъ министерствъ и оберъ-прокурора синода. Такъ какъ чтенія должны бы, собственно говоря, дѣлаться въ каждомъ селеніи, гдѣ есть грамотный человѣкъ, то количество бумагъ, которыя придется написать по поводу этихъ чтеній (считая minimum 10 бумагъ на каждое прошеніе), кажется мнѣ, — еслибы эта система была сохранена, — столь значительнымъ, что я убѣжденъ, что со временемъ ее, какъ слишкомъ дорогую, отмѣнятъ—тѣмъ болѣе, что на практикѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ Петербургѣ о помѣщицѣ Ивановой никакихъ свѣдѣній не окажется и все дѣло рѣшится, какъ мнѣ разсказываютъ, — по отзывамъ мѣстныхъ администраторовъ, которымъ поэтому и слѣдовало бы предоставить самостоятельно разрѣшать эти дѣла; если вообще разъ есть какое либо «дѣло», пока чтецъ ограничивается буквальнымъ воспроизведеніемъ напечатаннаго». Второе «Руководство», такъ же, какъ и первое полезно,— особенно для провинціи, и въ томъ, между прочимъ, отношеніи, что приводитъ образцы прошеній, съ обозначеніемъ полныхъ титуловъ должностныхъ лицъ, къ кому слѣдуетъ обращаться за разрѣшеніемъ осуществить народное чтеніе,—и заключаетъ въ себѣ данныя о внѣшней сторонѣ организаціи самаго дѣла.

С. Касимовъ.

Сынъ Гетмана. Историческая повѣсть для юношества *О. И. Роговой*. Съ рисунками Л. Бакста. Спб. 1898 г. Изданіе второе. А. Ф. Девріена. Стр. 294. Ц. 2 р. 25 к.

Слѣдя за дѣтскою литературою и классифицируя появляющіяся въ печати дѣтскія книги, мы замѣчаемъ, что чуть ли не самый меньшій процентъ, особенно за послѣднее время, приходится на долю книгъ съ историческимъ содержаніемъ. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что написать хорошую, интересную историческую повѣсть или разсказъ да еще пріурочить ее къ юношескому или дѣтскому пониманію очень трудно. А между тѣмъ хорошая историческая повѣсть можетъ принести не малую пользу въ дѣлѣ умственнаго развитія юнаго читателя, уже хотя бы потому, что онъ, заинтересовавшись той или другой эпохой, той или другой исторической личностью, можетъ пожелать поближе и поподробнѣе ознакомиться съ ними, и это желаніе непремѣнно вовлечетъ его въ болѣе серьезное изученіе исторіи.

Вотъ почему мы позволяемъ себѣ остановить вниманіе читателей на книги г-жѣ Роговой, выходящей теперь послѣ шестилѣтняго промежутка времени 2-мъ изданіемъ. «Сынъ Гетмана» долженъ быть отмѣченъ какъ симпатичная и вполнѣ правдивая историческая повѣсть, которую не безъ интереса прочтутъ юные читатели лѣтъ 13-15. Героемъ ея является молодой малоизвѣстный сынъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго Тимошъ, личность и печальная судьба котораго изображены авторомъ очень тепло и задушевно. Въ книгѣ три части: 1) Орленокъ (событія изъ дѣтской жизни героя), 2) Степной женихъ и 3) Вѣрный союзникъ. Болѣе сильное впе-

Digitized by Google

чатлѣніе производятъ двѣ послѣднія части, повѣствующія о продолжительномъ сватовствѣ юнаго Тимоша и его свадьбѣ съ Локсандрой, дочерью Молдавскаго Господаря, а затѣмъ о его походахъ и преждевременной печальной кончинѣ.

Книга снабжена нѣсколькими рисунками, которые, къ сожалѣнію, весьма неудачны и только портятъ впечатлѣніе, оставляемое этой хорошей въ общемъ изящно изданной книгой.

Почитать-бы. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Н. И. Познякова. Третье изданіе. Спб. 1898. Изд. А. Ф. Девріена. Стр. 242. Ц. 1 р. 75 к.

Имя Н. И. Познякова, автора «Товарища», «На помощь дѣткамъ» и др. слишкомъ хорошо извѣстно въ дѣтской литературѣ, чтобы нужно было говорить что нибудь о его литературномъ дарованіи и способности своими произведеніями глубоко интересовать маленькихъ читателей и благотворно дѣйствовать на лучшія стороны ихъ ума и сердца. Теперь передъ нами третье [изданіе одного изъ лучшихъ его произведеній, а именно «Почитать бы», дополненное въ настоящемъ изданіи тремя новыми разсказами и четырьмя стихотвореніями, такъ что въ общемъ сборникъ заключаетъ теперь въ себѣ десять разсказовъ и 15 стихотвореній, изъ которыхъ 8 оригинальныхъ и 7 переводныхъ. Новые разсказы такъ же, какъ и прежніе безъ сомнѣнія понравятся дѣтямъ, вкусъ и потребности которыхъ хорошо извѣстны автору какъ, не только писателю, но и педагогу, въ продолженіи многихъ лѣтъ имѣющему дѣло съ дѣтьми; что же касается новыхъ стихотвореній, то и они не уступаютъ прежнимъ въ граціозности и легкости стиха.

Изящно исполненные рисунки и виньетки художниковъ Михайлова, Никитина и др. вполнѣ соотвѣтствуютъ тексту и увеличиваютъ интересъ сборника.

О. Лорисъ-Меликова.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Бѣлое золото. Повѣсть. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія"). Москва. 1897. Ц. 50 к.

Повѣсть г. Мамина-Сибиряка рисуетъ бытъ рабочихъ на одномъ изъ Уральскихъ платиновыхъ пріисковъ. Фабула ея весьма несложна. Выводится семья стараго старателя Елизара Ковальчука и ея жизнь на работѣ и внѣ работы. Неприглядность полуголоднаго и холоднаго существованія— вотъ отличительный признакъ какъ этой семьи, такъ и окружающихъ ее людей. Особенно интересна фигура маленькаго Ковальчука—Кирюшки. Мальчикъ выросъ умнымъ, добрымъ и трудолюбивымъ, но будущее сулитъ ему лишь подневольную работу изъ за куска хлѣба, работу тяжелую и тупую, не обѣщающую ничего ни уму, ни сердцу. По счастью ему удается попасть на воспитаніе къ женѣ смотрителя пріиска и это обстоятельство значительно улучшаетъ его положеніе. Будучи гарантированъ отъ голода и холода, онъ выучивается грамотѣ и вскорѣ-же становится помощникомъ

Digitized by Google

пріискового смотрителя. Однако, при всемъ томъ, онъ не зазнается и относится къ своимъ роднымъ и односельчанамъ по прежнему мягко и ласково.

Страницы, на которыхъ описывается бытъ старателей едва-едва сводящихъ концы съ концами, не смотря на упорный и утомительный трудъ,— принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ повѣсти.

Книжка г. Мамина-Сибиряка къ иллюстраціямъ этого положенія новаго прибавляетъ не много. Написана она хотя мѣстами и тепло но въ общемъ недостаточно обработана. Конецъ ея положительно неудаченъ: онъ не то скомканъ, не то урѣзанъ. Издана книжка прилично.

В. Ангарскій.

Книги поступившія въ редакцію.

Изданія О. Н. Поповой.

Т. Циглеръ. Нѣмецкій студентъ конца XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакціей и съ предисл. пр. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 50 к.

Гербертъ Спенсеръ. Происхожденіе науки. Переводъ съ англійскаго Спб. 1898. Ц. 30 к.

Д-ръ Эмиль Крепелинъ. Гигіена труда. Умственный трудъ. Переутомленіе. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1898 Ц. 30 к.

Кроненбергъ. Философія Канта и ея значеніе въ исторіи развитія мысли. Переводъ съ нѣм. В. Щиглевой. Спб. 1898.

Н. Дружининъ. Новое сельское общество. Изданіе «Читальни народной Школы». Спб. 1898.

Е. Ловичъ. Прогрессъ и Педагогика. Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія». Москва 1897.

Л. Д. Сѣдовъ. Психологія юношескаго возраста. Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія». Москва 1897.

П. Я. Стихотворенія. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство» Спб. 1898 Ц. 1 р.

Луи Рейбо. Жеромъ Патюро въ поискахъ за общественнымъ положеніемъ. Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія. Изданіе А. Ф. Пантелѣева Спб. 1898. Ч. 1 р. 25 к.

А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. Зимнія сумерки. Изданіе Библіотеки «Дѣтскаго Чтенія» Москва 1898 Ц. 35 к.

П. Вл. Засодимскій. Дѣдушкины разсказы и сказки. Москва 1898 Ц. 1 р.

Н. И. Зиберъ. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Изданіе Товарищества Сытина 3-е изд. Спб. 1898 Ц. 2 р. 25 к.

Digitized by Google

Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Переводъ съ нѣмецк. В. Дена подъ редакціей С. Н. Булгакова. Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

А. Хирьяковъ. Легенды Любви. Изд. О-ва «Издатель». Спб. 1898. Ц. 50 к.

В. И. Виноградовъ. Начальная химія для школъ и самообразованія. Москва. Ц. 65 к.

Изданія Девріена.

К. Крепелинъ. Природа въ комнатѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Холодковскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Вольногорскій. Въ лѣсу и въ полѣ. Очерки изъ жизни животныхъ и растеній. Ц. 2 р. 75 к.

Д. И. Шрейдеръ. Нашъ дальній Востокъ. Ц. 3 р. 50 к.

В. В. Юнкеръ. Путешествіе по Африкѣ. Изложено Э. Ю. Петри. 2-ое изданіе. Ц. 1 р. 50 к.

H. Michaelis et P. Passy. Dictionnaire phonétique de la langue française Libraire-éditeur Charles Méyer (Gustave Prior) Prix 5 fr.

Н. С. Тихонравовъ. Русская литература XVIII и XIX вв. Томъ III. часть I. Изд. Сабашниковыхъ. Москва 1898.

Джонъ Локкъ, Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Переводъ А. Н. Савина. Москва 1898. Ц. 3 р.

Арне Гарборгъ. Усталые люди. Переводъ съ датскаго О. Петерсонъ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 20 к.

В. А. Глѣбовскій. Императрица Екатерина II и ея царствованіе. Бобруйскъ 1897. Ц. 45 к.

Вольтке. Открытіе Новаго Свѣта. Чтеніе для народа. Спб.

И. Старковъ. Д-ръ мед. Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Кальдеронъ. Жизнь есть сонъ. Комедія. Переводъ съ испанскаго Д. К. Петрова. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Гусева. Родная нива. Хрестоматія. Часть I. Спб. 1897. Ц. 80 к.

Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губерніи за 1895 и 1896 годы. Симферополь 1897.

Отчетъ о дѣятельности Комитета О—ва для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ за 1896—97 учебный годъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ № 12 за 1897 г. въ рецензію г. Сторожева на книгу г. Рождественскаго: „Служилое землевладѣніе въ московскомъ государствѣ XVI в.“ вкрались опечатки: на стр. 217 строка 10 снизу напечатано „московскихъ сказаніяхъ“ нужно читать „моск. сакраліяхъ“ и на той же стр. 6 стр. снизу напечатано „въ московско-русскомъ государствѣ“ нужно „въ литовско-русскомъ государствѣ“.

Digitized by Google

Книжный листокъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: «Павелъ Виноградовъ, профессоръ Московскаго университета. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть III. Новое Время. Второе, исправленное изданіе. М. 1897. Стр. VI+248. Цѣна 90 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій.

— Книгу: «Греческая грамматика гимназическаго курса. Э. Чернаго. Часть I. Этимологія. Изданіе 10-е, исправленное. М. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова. 1897. Стр. VIII+243. Цѣна 1 руб. 10 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и прогимназій.

— Книги: 1) «Книга упражненій въ греческой этимологіи по руководству П. Везенера и другимъ съ приспособленіями. Составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-ей гимназіи. Изданіе 10-е, исправленное. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова. 1897. Стр. VIII+280. Цѣна 1 руб. 25 к.—2) «Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго языка на греческій въ V и VI классахъ гимназій. Составили Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-ей гимназіи, и Н. Баталинъ, инсп. преподаватель русскаго языка въ Московской 6-ой гимназіи. Часть I. Синтаксическія фразы. Изданіе 4-е, исправленное М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова. 1897. Стр. VIII+151. Цѣна 80 коп.» — одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для гимназій и прогимназій.

— Книгу: «А. Киселевъ. Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ большаго количества упражненій и статьи: главнѣйшіе методы рѣшеній геометрическихъ задачъ на построеніе. Изданіе пятое. М. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова. 1897. Стр. VIII+303. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Грамматика русскаго языка (этимологія, сближенная съ синтаксисомъ). Курсъ средняго и старшаго возрастовъ. Съ приложеніемъ: 1) краткой грамматики древняго церковно-славянскаго языка и образцовъ изъ Остромирова Евангелія; 2) орѳографическаго указателя. Составилъ Викторъ Богдановъ, преподаватель училища св. Петра въ С.-Петербургѣ. Изданіе книжнаго магазина В. Эриксонъ. С.-Пб. 1896. Съ эпиграфомъ: «туда ораторія

Digitized by Google

косноязычна поэзія, неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики» (Ломоносовъ). Посвящается памяти Александра Христофоровича Востокова и его педагогическихъ трудовъ, Стр. XX+294+45+9. Цѣна въ переплетѣ 1 руб. 80 коп. — одо брить для фунда ментальныхъ и ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: Chrestomathie littéraire. Morceaux de lecture ou exercices de conversation, de narration et de mémoire, par. I. Bastin. 9-e édition. С.-Пб. 1897. Стр. VI+238+130. Цѣна 1 руб.»—рекомендовать какъ весьма полезное пособіе при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ и высшихъ классахъ всѣхъ мужскихъ и женскихъ среднеучебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: «Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ четвертый. М. 1898. Стр. VIII+978. Цѣна 5 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Роб. Любке. Основанія электрохиміи. Перевелъ со 2-чо дополненнаго изданія «Dr. Rob. Lübke. Grundzüge der Electrochemie auf experimenteller Basis».С И. Созоновъ. Съ 55-ю рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1897. Стр. XIV+210. Цѣна 1 руб. 50 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ. библіотекъ всѣхъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ.

— Изданныя Высочайше утвержденнымъ товариществомъ «Общественная польза» брошюры, подъ общимъ заглавіемъ: «Млекопитающія.» Извлеченіе изъ «Жизни Животныхъ» А. Брэма. Для народнаго чтенія. Подъ редакціею К. Сентъ-Илера. С.-Пб. 1897: 1) Бобры, зайцы и кролики (№ 11). Стр. 47. Цѣна 20 коп.—2) Слоны и носороги (12). Стр. 64. Цѣна 20 коп.—3) Лошади и тапиры (№ 13). Стр. 60. Цѣна 20 коп.—4) Жираффы и верблюды (№ 14). Стр. 40. Цѣна 15 коп.—5) Козлы и бараны (№ 15). Стр. 64. Цѣна 20 коп.—6) Быки (№ 16). Стр. 68. Цѣна 20 коп.—7) Антилопы (№ 17). Стр. 56. Цѣна 20 коп.—8) Олени (№ 18). Стр. 54. Цѣна 20 коп.—9) Свиньи и бегемоты (№ 19). Стр. 48. Цѣна 25 коп.—10) Китообразныя (№ 20). Стр. 68. Цѣна 20 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ мужскихъ среднеучебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, а также для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книгу: «К. Христіансенъ. Основы теоретической физики. Переводъ С. Г. Егорова, подъ редакціей профессора физики въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ Императора Николая I Н. А. Гезехуса. Съ 143 рисунками. Изданіе Ф. В. Щепанскаго. С.-Пб. 1897. Стр. XII+520. Цѣна 3 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Эрикъ Жераръ. Курсъ электричества. Два тома. Переводъ съ французскаго изданія М. А. Шателена. Русское изданіе второе. Т. I 704 стр. т. II 688 стр. Изданіе Ф. В. Щепанскаго. С.-Пб. 1896—1897. Цѣна за оба тома 8 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для библіотекъ учительскихъ институтовъ.

— Книгу: «Kurzgefasste deutsche Grammatik zum Gebrauch für mittlere

Digitized by Google

Lehranstalten in Russland und zum Privatunterricht. Zusammengestellt von A. von Trojanowski. Sechste verbesserte Auflage. Краткая нѣмецкая грамматика для среднеучебныхъ заведеній въ Россіи и для частнаго обученія. Составилъ А. Трояновскій, Изданіе шестое, исправленное. S.-Petersburg. 1897. Стр. IV+141+II. Цѣна 75 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства исключительно для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ,

— Книгу: «Первая латинская книга для трехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ Мих. Кеммерлингъ, преподаватель VI С.-Петербургской гимназіи. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное соотвѣтственно учебнымъ планамъ. С.-Пб. Изданіе К. Л. Риккера. 1897. Часть I. Упраж. Стр. VI+11+135. Часть II. Словарь. Стр. II+103. Цѣна за обѣ части 1 р. 25 коп.»—Одобрить въ качествѣ весьма полезнаго учебнаго пособія для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Брошюру: «Д-ръ мед. Р. Кацъ. О защитѣ глаза отъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній. Съ 3 рисунками въ текстѣ. Стр. 34 въ 16-ю д. л. Цѣна 30 коп.»—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, въ ученическія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «Двухсотлѣтіе Кубанскаго казачьяго войска - 1696—1896 гг. Историческій очеркъ. Составилъ П. П. Короленко. Екатеринодаръ. 1896. Стр. II+96. Цѣна 1 руб.; для учебныхъ заведеній 70 коп. за одинъ экземпляръ и 6 рублей за 10 экземпляровъ»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ означенныхъ заведеній Кубанской, Донской и Терской области и Ставропольской губерніи, а равно и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книги: 1) „Aristotelis Ἀθηναιων πολιτεία Graece et Russice. Аристотеля Исторія и обзоръ Аѳинскаго государственнаго устройства. Перевелъ и издалъ Александръ Ловягинъ. С.-Пб. 1895. Стр. XXIV+143. Цѣна 2 р.“—2) „А. Ловягинъ. Приложеніе къ книгѣ: Aristotelis Ἀθη ναίων πολιτεία Graece et Russice. Новыя чтенія Фр. Класса. С.-Пб. 1895. Стр. 14“.—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій.

— Книгу: „Л. Я. Апостоловъ. Географическій очеркъ Кубанской области Къ очерку приложены: двадцативерстная и климатическая карты Кубанской области, планъ города Екатеринодара и др. рисунки. Тифлисъ. 1897. Стр. IV+305. Цѣна 1 р. 50 к.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Мильдью (виноградная переноспора) и борьба съ нею. Краткое наставленіе составилъ А. И. Погибка, экспертъ Одесскаго филлоксернаго комитета. Одесса. 1897. Стр. II+16+I табл. Цѣна 20 к.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ губерній Таврической, Бессарабской, Херсонской, Подольской и Астраханской, входящихъ

Digitized by Google

въ составъ виноградо-винодѣльческихъ раіоновъ;— одобрить для учительскихъ библіотекъ всѣхъ вообще реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій и допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книги: „Сочиненія Шелли. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Выпускъ 1-й (изданіе 3-е). С.-Пб. 1894. Стр. VII+77+11. Цѣна 50 к. — Выпускъ 2-й (изданіе 3-е). С.-Пб. 1895. Стр. VII+74+I. Цѣна 50 к. — Выпускъ 3-й. С.-Пб. 1895. Стр. IV+82+II. Цѣна 50 коп.—Выпускъ 4-й. М. 1896. Стр. 143+I. Цѣна 50 к.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюру: „А. М. Коровинъ. На что намъ нужны общества трезвости?“—допустить въ ученическія, старшаго возраста библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Э. А. Андресъ. Недостатки рѣчи и борьба противъ нихъ въ семьѣ и школѣ. Физіологія рѣчи. Гигіена рѣчи. Курсы для заикающихся. Опытъ руководства для родителей и воспитателей. Съ рисунками. Кронштадтъ. 1897. Стр. 182. Цѣна 1 р. 75 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій; одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Руководство для фельдшеровъ, фельдшерицъ, сестеръ милосердія, сидѣлокъ, носильщиковъ и для каждой семьи, къ уходу за больными, ранеными, умалишенными, родильницами и новорожденными и поданію первой помощи въ случаяхъ, угрожающихъ жизни опасностію. Составилъ по Рибелю, Шимельбушу, Якоби и Паншу Ф. фейгинъ, докторъ медицины членъ многихъ ученыхъ обществъ. Изданіе 2-е С.-Пб. 1897. Стр. 244+25. Цѣна 1 р.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и для библіотекъ учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Русская хрестоматія для IV. V и VI классовъ реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Андреевъ преподаватель Московскаго Петропавловскаго училища. Въ двухъ частяхъ Съ приложеніемъ статей по эстетикѣ изъ сочиненія М. Каррьера (съ нѣм. нѣмецкаго). М. 1897. Стр. VIII+182. Цѣна 1 р. 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: „Краткая грамматика латинскаго языка. Примѣнительно къ учебнымъ гимназическимъ программамъ составилъ Н. Самчурскій. Часть I: 1. Этимологія. 2. Начальныя правила синтаксиса. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1898. Стр. VI+92. Цѣна 60 коп. Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 5-е С.-Пб. 1898. Стр. VI+130. Цѣна 70 коп.“—рекомендовать въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и прогимназій.

— Книгу: «В. Шимановскій. Сборникъ Святослава 1076 г. Изданіе второе, исправленное. Варшава. 1894. Стр. X+11—124+IV. Цѣна 1 р.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Digitized by Google

— Книгу: «В. С. Баскинъ. Русскіе композиторы. П. И. Чайковскій. (Очеркъ его дѣятельности). Съ портретомъ композитора. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1895. Стр. 202. Цѣна 75 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «Д-ръ Л. Грецъ, профессоръ физики Мюнхенскаго университета. Электричество и его примѣненія. Книга для изученія и для чтенія. Перевели съ 6-го нѣмецкаго изданія В. Л. Гершунъ и Б. К. Лебединскій. Съ 398 рисунками. Стр. IV—538. Изданіе Ф. В. Шепанскаго. С.-Пб. 1897. Цѣна 3 р. 50 коп., въ переплетѣ 4 р.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «Проф. Генри Друммондъ. Естественный законъ въ духовномъ мірѣ. Переводъ съ англійскаго. Л. Никифорова. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1897. Стр. 237. Цѣна 60 коп.»—допустить въ фундаментальныя и въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Составленныя А. Киселевымъ и изданныя книжнымъ магазиномъ В. Думнова книги: 1) «Элементарная алгебра. Изданіе восьмое. М. 1897. Стр. VIII×312. Ц. 1 р. 10 коп.» и 2) «Краткая алгебра для духовныхъ семинарій и женскихъ гимназій. Со многими примѣрами и упражненіями. Второе дополненное изданіе. М. 1897. Стр. VIII—182. Цѣна 80 коп.»—одобрить въ качествѣ учебныхъ руководствъ: первую для мужскихъ гимназій и первыхъ шести классовъ реальныхъ училищъ, а вторую—для женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: «Зоологическій атласъ Г. Лейтемана съ текстомъ К. Семпъ-Илера. 24 хромолитографированныя таблицы, содержащія 225 изображеній-93 рисунка въ текстѣ. 2-а исправленное изданіе товарищества М. О. Вольфа. С.-Пб. и М. 1897. Стр. 45 IV×XXIV табл. Цѣна не обозначена»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для реальныхъ и городскихъ училищъ, а также допустить въ ученическія библіотеки мужскихъ среднеучебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— «Книгу: «Очерки по греческой литературѣ. Выпускъ второй. О Софоклѣ. Содержаніе: I. Введеніе. II. Жизнь Софокла. Его воспитаніе. Изученіе Гомера. Заслуги Софокла. III. Софоклъ какъ гражданинъ. IV Продолжительность поэтической дѣятельности Софокла. Періоды въ развитіи драматическаго таланта Антигона. V. Электра. Содержаніе и характеристика. Лирическіе элементы въ трагедіи. Эантъ. VI. Трахинянки. VII. Эдипъ царь. Сравненіе трагедіи съ Шекспировой драмой «Король Лиръ». VIII. Филоктетъ. Взгляды Шиллера и Лессинга на трагедію. IX. Эдипъ въ Колонѣ. X. Стиль Софокла. Обрисовка характеровъ. Критическое отношеніе къ матеріалу. Группировка матеріала. Заключеніе А. Тиховъ. Черниговъ. 1897. Стр. 133. Цѣна 75 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: «Элементарный учебникъ минералогіи и основанія геологіи. Составилъ М. Соловьевъ, преподаватель Екатеринбургскаго Алексѣевскаго

Digitized by Google

реальнаго училища. 2-е изданіе, исправленное и дополненное, согласно съ программами М. Н. П. для реальныхъ училищъ 1895 г. С.-Пб. Стр. VI+VI+118. Цѣна 80 коп.»—одобрить какъ руководство въ реальныхъ училищахъ.

— Книжку; «Рюбецаль. Сборникъ нѣмецкихъ народныхъ сказокъ. Rübezal Deutsche Volksmärchensammlung. Пособіе для класснаго и домашняго чтенія. Обработалъ и примѣчаніями, синонимами, 80 темами для устныхъ и письменныхъ упражненій и словаремъ снабдилъ Максъ Фишеръ. Изданіе второе. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова. 1897. Стр. IV+147+1. Цѣна 50 коп.»—допустить какъ въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, такъ и въ качествѣ учебнаго пособія для класснаго чтенія въ среднихъ классахъ означенныхъ заведеній.

— Книжки подъ общимъ заглавіемъ: «Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. Изданіе . А. Манштейна: 1) «Xavier de Maistre. Prascovie ou La jeune Sibérienne. (Ксавье де-Местръ. Параша-Сибирячка). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснила А. М. Пильцъ. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. С.-Пб. 1806. Стр. 82+34. Цѣна со словаремъ 30 коп.»—2) «Molière Le Bourgeois Gentilhomme Comédie-ballet. (1670). Мольеръ. Мѣщанинъ въ дворянствѣ. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ Ю. Лефрансуа. преподаватель С.-Пб.-ской Рождественской женской гимназіи, мужской гимназіи Я. Г. Гуревича и воспитатель Императорскаго училища правовѣдѣнія. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. С.-Пб. 1896. Стр. 116+24. Цѣна со словаремъ 40 коп.»—3) «Souvestre. Избранные разсказы изъ сочиненія Au coin du feu. (Сувестръ У камина). Текслъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ В. М. Варалевскій. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное Н. Л. Леонтьевой. С.-Пб. 1897. Стр. 97+35. Цѣна со словаремъ 30 коп.»—4) Thiers. Napoléon à Sainte-Héléne. (Тьеръ. Наполеонъ на о-вѣ Св. Елены). Извлеченіе изъ сочиненія Тьера «Histoire du Consulat et de l'Empire». Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ Вернгардъ Кленце. С.-Пб. 1897. Стр. 150+54. Цѣна со словаремъ 50 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также для пріобрѣтенія въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки означенныхъ заведеній.

— Книги: Викторъ Острогорскій. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій. (По Л. Эккардту). Съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Изданіе 3-е, вновь переработанное и дополненное. С.-Пб. 1897. Стр. XIV×IV×106×76. Цѣна 1 р.»—одобрить въ цѣломъ ея составѣ—для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ, для ученическихъ библіотекъ городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ, а «Учебникъ теоріи поэзіи», составляющій самостоятельную часть книги, съ отдѣльной пагинаціей,—въ качествѣ учебнаго руководства, для прохожденія курса теоріи словесности въ VIII классѣ мужскихъ гимназій и для со-

Digitized by Google

отвѣтствующихъ курсовъ реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы означенная часть книги продавалась отдѣльно отъ «Руководства къ чтенію поэтическихъ сочиненій» и по соотвѣтственно уменьшенной цѣнѣ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Въ пользу вдовы учителя А. Старовой, о бѣдственномъ положеніи которой упоминалось въ № 11 «Образованія» за 1897 г., поступили слѣдующія пожертвованія: изъ г. Кузнецка, Томской губ. черезъ учителя Ивана Чебыкина—16 р. 75 коп.;—изъ г. Екатеринодара черезъ редакцію Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей—49 р. 50 к.: отъ слѣдующихъ лицъ: учителя Елисаветинскаго 2-хъ кл. училища А. Ямщикова—5 руб. (пожертвованія: мѣстнаго о. діакона—1 р., станичнаго атамана—1 р., урядника В. Полуяна—50 к., А. Ямщикова—2 р. 50 к.); завѣдующаго Архангельскимъ 2-хъ кл. учил. Л. Кохановскаго—7 руб. (пожертвованія учащихъ 2-хъ кл. училища, станичной женской школы и церковно-приходскихъ школъ) и Ахтарскаго хуторского атамана подъэсаула г. Ромащука—31 р. 50 к. (пожертвованія: подъэсаула Ромащука—3 руб., сотника Кіешко—8 руб., Сергіенко—2 р., общества хутора Ахтарскаго—5 руб., Фисенко, И. Е. Портнова, В. Некрасова, Д. Кріеза, Ф. Костандара, Холоджіева, Цыганто, Рудакова и священника Надеждина по 1 руб., Морозова, Подбѣльцева, Симененко, Е. Архангелова, Слесаренко, Меркулова, Курятникова, Алещенко, Дерткезова, Вятютнева, Сахарова, Мавромети, Воловикова, Томаровскаго, Дерткезова I, Чайкина и Бѣлова по. 50 к., М. Бельдяева, Караулова, Полежаева и С. Золотько по 20 к. и М. Мусіенко и М. Кравченко—по 10 коп.);—отъ жителя ст. Успенской А. И. Барыкинскаго—3 руб. и учителя Абинскаго 2-хъ кл. училища—3 руб.—изъ г. Висунска Херс. губ. отъ учителей 2-хъ кл. училища I. Шклярскаго, Ѳ. Влажіева и П. Карася—8 руб.—изъ Усть-Лабинской ст., Куб. обл., черезъ учителя Романа Мороза—1 р. 70 к., пожертвованные имъ самимъ и служащими въ мѣстномъ училищѣ и полиціи.

Итого 76 р. 95 коп., а съ прежде поступившими 100 р. 95 к. Деньги эти пересланы по назначенію.

Редакторъ-издатель **Александръ Острогорскій.**

Digitized by Google

ОБРАЗОВАНІЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ
И
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

ФЕВРАЛЬ.

1898.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая ул., д. 15.
1898.

Digitized by Google

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 7 февраля 1898 г.

Digitized by Google

О задачахъ всеобщей исторіи какъ науки *).

Милостивые Государи!

Предшественникъ мой, проф. Павинскій, имѣлъ обыкновеніе начинать свой курсъ съ разсмотрѣнія общихъ вопросовъ науки, блестящимъ и заслуженнымъ представителемъ которой онъ являлся. Мнѣ кажется, поэтому, милостивые государи, что съ моей стороны не будетъ нарушеніемъ почтенной установленной имъ традиціи, если я посвящу первую свою лекцію на каѳедрѣ, которую онъ съ честью столько лѣтъ занималъ, разбору нѣкоторыхъ теоретическихъ пунктовъ, напрашивающихся на вниманіе всякаго, кто хочетъ дать себѣ отчетъ въ общемъ смыслѣ исторической науки, уяснить ея жизненное значеніе и опредѣлить ея мѣсто среди другихъ общественныхъ дисциплинъ.

Стремленіе внести научную точку зрѣнія въ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ человѣческой жизни можно назвать характерной чертой нашего времени.

Никакая область не нуждается въ этомъ, можетъ быть, въ такой степени, какъ область явленій общественныхъ. Каждый изъ насъ долженъ разобраться въ современной дѣйствительности, долженъ составить себѣ опредѣленное теоретическое воззрѣніе на явленія окружающаго насъ общества и опредѣлить свое практическое отношеніе къ нимъ. Гдѣ истина, а гдѣ иллюзія, гдѣ реальная мысль, а гдѣ утопія? Всѣ эти вопросы настоятельно требуютъ отвѣта, и человѣкъ даетъ на нихъ отвѣтъ: жизнь не ждетъ.

Никогда, можетъ быть, отвѣты эти не были такъ разнообразны, никогда, можетъ быть, не было такого разногласія въ общественныхъ взглядахъ, какъ въ настоящее время. Общественныя теоріи, принципы и символы вѣры, нѣкогда такъ просто и понятно объяснявшіе общественныя явленія, сообщавшіе теоретическую стройность и практическую ясность общественному міровоззрѣнію, ходомъ жизни и науки подорваны въ самомъ корнѣ. Жизнь оказалась сложнѣе теоріи, наука, постепенно развиваясь, убѣдилась въ неудовлетворительности пріемовъ, съ помощью которыхъ была

*) Вступительная лекція, читанная въ Варшавскомъ Университетѣ 27 сентября 1897 года.

Digitized by Google

построена теорія,—воззрѣнія, выведенныя изъ утвержденій, принимавшихся за аксіомы, за императивы чистаго разума, за требованія человѣческой природы или за коренныя свойства т. н. «народнаго духа, потеряли кредитъ. На развалинахъ стараго общественнаго міросозерцанія наука не успѣла еще воздвигнуть такого же вполнѣ законченнаго зданія. Раздаются голоса, призывающіе проклятіе на науку за то, что она своимъ всеразлагающимъ анализомъ разрушила будто бы святая святыхъ человѣка, вырвала съ корнемъ идеальные порывы и стремленія, доказавъ будто бы всю ихъ призрачность; науку выставляютъ одни съ отчаяніемъ, другіе съ торжествомъ, врагомъ всякихъ идеаловъ, требующимъ безусловнаго преклоненія передъ дѣйствительностью въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящемъ, проповѣдующимъ культъ факта. Какъ въ эпоху реакціи, послѣдовавшей за французской революціей, мы присутствуемъ теперь при всякаго рода реставраціяхъ.

Эволюціонная историческая точка зрѣнія—вотъ гдѣ разгадка современнаго кризиса въ области общественной мысли. Въ прежнее время люди видѣли въ каждомъ обществѣ и въ разныя эпохи его развитія воплощеніе неизмѣнныхъ, абсолютныхъ принциповъ, политическихъ, юридическихъ, нравственныхъ, экономическихъ. Въ мою задачу не входитъ разсмотрѣніе чрезвычайно интереснаго процесса проникновенія въ общественныя науки идеи развитія. Процессъ этотъ не закончился и до сихъ поръ, и этимъ обстоятельствомъ въ не малой степени объясняется хаосъ въ общественномъ міросозерцаніи современнаго общества. Но онъ уже сдѣлалъ немалые успѣхи. Придя къ сознанію того, что идеи и принципы, какъ и сама общественная структура, развивались и развиваются постепенно, а не существуютъ въ готовомъ, законченномъ видѣ со дня появленія человѣка на землѣ, если не ранѣе еще, политическая экономія и право начинаютъ ставить своей задачей изученіе исторіи принциповъ, исторіи юридическихъ и экономическихъ отношеній, чтобы открыть законы развитія этихъ принциповъ и отношеній; политическая экономія и право начинаютъ становиться дисциплинами историческими.

При такой постановкѣ политической экономіи и права во всѣхъ его развѣтвленіяхъ естественно является вопросъ: Каковы же въ настоящее время задачи исторіи въ собственномъ смыслѣ? Не есть ли исторія собирательное имя для обозначенія всей совокупности общественныхъ наукъ, изъ которыхъ каждая изучаетъ какую-нибудь сторону общественнаго процесса? Можетъ ли теперь существовать особая, совершенно самостоятельная наука исторія, имѣющая свои спеціальныя задачи, отличныя отъ задачъ политической экономіи, права? Положеніе исторіи, какъ самостоятельной науки, представится еще болѣе безнадежнымъ, если мы прибавимъ, что, кромѣ политической экономіи и права, принимающихъ историческое направленіе и изучающихъ матеріальную сторону историческаго процесса, существуютъ вполнѣ самостоя-

Digitized by Google

тельныя чисто историческія дисциплины— исторія литературы, исторія искусства и исторія философіи, изслѣдующія идейную, культурную сторону его. Исторіи какъ будто ничего не остается дѣлать въ научномъ смыслѣ, какъ будто приходится отказаться отъ всякихъ научныхъ притязаній, а если она не согласна болѣе, какъ въ старое время, драматически и назидательно живописать дѣла давно минувшихъ дней, то и совсѣмъ сойти со сцены. Такъ ли это? Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко. Во всей своей опредѣленности онъ выдвигается только въ послѣднее время. Такъ или иначе рѣшить его необходимо; обходить его или ограничиваться весьма общими и крайне неопредѣленными замѣчаніями становится болѣе невозможнымъ: неясность задачъ науки тормозитъ развитіе самой науки.

Знакомясь съ развитіемъ европейской исторіографіи, нельзя не замѣтить факта тѣсной связи между исторической наукой и современной ей жизнью. Въ общемъ можно сказать, что исторія не переставала служить чисто практическимъ цѣлямъ, какъ подъ часъ ни далеки были эти цѣли отъ сознанія дѣятелей науки. Одни народы смѣнялись на исторической сценѣ другими, мѣнялись времена, мѣнялись и цѣли. Задача прославленія предковъ для воодушевленія ихъ примѣрами потомковъ уступала мѣсто прославленію Бога и неисповѣдимыхъ судебъ его; эта цѣль въ свою очередь смѣнялась защитой путемъ прошедшаго тѣхъ или иныхъ, религіозныхъ, политическихъ и пр., взглядовъ и теорій. Раціоналистъ 18-го столѣтія бралъ изъ исторіи аргументы для своихъ отрицаній, романтикъ-реакціонеръ — для своихъ вѣрованій, либералъ эпохи буржуазной монархіи для обоснованія правъ и притязаній третьяго сословія. Всѣ они обращались за справками къ прошедшему, всѣ вносили въ прошедшее злобу своего времени, видѣли въ немъ то, что имъ нужно было и хотѣлось видѣть и что они могли видѣть въ зависимости отъ міросозерцанія своей эпохи и той общественной группы, къ которой каждый изъ нихъ принадлежалъ. Жизнь послѣдовательно выдвигала одни вопросы за другими, и исторія давала на нихъ отвѣты. Такимъ образомъ, постепенное выступленіе на очередь разныхъ вопросовъ практической жизни вызывало появленіе все новыхъ и новыхъ сторонъ жизни въ качествѣ предметовъ историческаго изученія, вызывало параллельное выступленіе новыхъ направленій въ исторической наукѣ. При этомъ замѣчается весьма любопытный фактъ. Каждое изъ направленій въ исторіографіи проявляло въ той или иной степени тенденцію считать главнымъ и основнымъ содержаніемъ исторической жизни и главнымъ и основнымъ предметомъ исторической науки временное содержаніе своей науки. Когда рѣшались вопросы политическіе, когда дѣло шло объ установленіи той или иной политической формы историческое изученіе было обращено на освѣщеніе этихъ вопросовъ прошедшимъ; и исторія политическихъ учрежденій объявлялась единственной задачей исторической науки. Вторая половина XIX-го вѣка выдвинула на авансцену соціальный

Digitized by Google

вопросъ, и историки стали обращать главное вниманіе на экономическую и соціальную сторону историческихъ обществъ, стали изучать организацію хозяйства и классовыя отношенія западно-европейскихъ обществъ, и возникла идея, что экономическая структура общества является его «реальнымъ базисомъ», на которомъ надстроено все остальное содержаніе общественной жизни, что изученіе экономическихъ отношеній западно-европейскихъ обществъ и есть основное содержаніе исторіи, если она хочетъ быть наукой, что «коренныхъ причинъ соціальныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ нужно искать не въ головахъ людей, не въ болѣе или менѣе ясномъ пониманіи ими вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіи способовъ производства и обмѣна, другими словами, не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи, что *идеи* имѣютъ весьма второстепенное значеніе, представляя собою лишь показателей того, что совершается въ нижнемъ, такъ сказать. этажѣ общественнаго зданія, показателей тѣхъ скрытыхъ матеріальныхъ процессовъ, которые совершаются въ глубинѣ общественной жизни, давая ей тотъ или иной токъ, то или иное направленіе. На смѣну историческому идеализму, видѣвшему источникъ историческаго движенія въ развитіи идей, объявлявшему, что «существенное содержаніе исторіи составляютъ идеи: онѣ даютъ направленіе творческой дѣятельности историческихъ лицъ и управляютъ событіями», выступилъ, такимъ образомъ, историческій матеріализмъ, именующій себя экономическимъ матеріализмомъ. Какъ то, такъ и другое направленіе не замедлило сообщить себѣ философское обоснованіе, имѣя въ виду придать преходящему, временному, относительному содержанію своей науки безусловное, абсолютное значеніе, прибѣгнувъ и въ первомъ, и во второмъ случаѣ къ услугамъ философіи. Такъ было съ историческимъ идеализмомъ, то же происходитъ теперь съ историческимъ или экономическимъ матеріализмомъ, и мы подвергаемся не особенно большому риску быть обвиненными въ склонности къ преувеличенію, если скажемъ, что споръ между историческимъ идеализмомъ и историческимъ или экономическимъ матеріализмомъ, занимающій въ настоящій моментъ и русскую литературу, не болѣе, какъ споръ между двумя апріорными и съ этой точки зрѣнія метафизическими системами, такъ называемой «философіи исторіи», въ одинаковой степени не научными, не основывающимися на строгомъ методическомъ и всестороннемъ изученіи фактовъ, совокупность которыхъ характеризуетъ общественное развитіе; *въ этомъ смыслѣ* борьба между этими направленіями не болѣе, какъ переживаніе, анахронизмъ; мы здѣсь имѣемъ дѣло съ обломками старыхъ, отжившихъ свой вѣкъ міровоззрѣній, постепенно отступившихъ въ глубь исторіи передъ новымъ, научнымъ направленіемъ европейской мысли.

Такимъ образомъ, милостивые государи, историческая наука, развиваясь въ зависимости отъ развивавшихся условій жизни постепенно выдвинула разныя стороны жизни для изученія и

Digitized by Google

поставила основные вопросы объ относительномъ значеніи историческихъ факторовъ, матеріальныхъ и духовныхъ. Апріорность и метафизичность рѣшеній этихъ вопросовъ ничего еще не говоритъ противъ самихъ вопросовъ и законности ихъ постановки. Строгая историческая наука не можетъ игнорировать этихъ общихъ вопросовъ, разъ она не желаетъ порвать съ жизнью, не желаетъ превратиться въ мертвую схоластику. Настоятельность этихъ вопросовъ не подлежитъ спору. Историкъ долженъ такъ или иначе отнестись къ нимъ. Это его обязанность.

Рядомъ съ исторической наукой въ собственномъ смыслѣ, но въ сущности независимо отъ нея, подъ вліяніемъ общаго подъема научнаго сознанія на западѣ Европы, зародилась и развилась мысль объ общественной наукѣ, наукѣ о законахъ развитія человѣческаго общества. Возникла новая наука, *соціологія*. Какъ изъ рога изобилія посыпался цѣлый рядъ соціологическихъ трактатовъ и чѣмъ дальше, тѣмъ соціологическая литература все болѣе и болѣе развивалась, и въ настоящее время издается рядъ соціологическихъ журналовъ, устраиваются конгрессы соціологовъ, учреждены каѳедры соціологіи въ разныхъ западно-европейскихъ и американскихъ университетахъ. Есть не мало людей, въ глазахъ которыхъ исторія уже утратила свое право на существованіе какъ наука, и должна уступить свое мѣсто соціологіи. Такъ ли это? До извѣстной степени можно согласиться (хотя и съ очень большими оговорками) съ тѣми, которые утверждаютъ, что соціологи кое-что сдѣлали для такъ называемой эмбріологіи общества, для изученія первобытной культуры, хотя нельзя не сказать, что методологическіе пріемы, съ помощью которыхъ они изучали свой матеріалъ, весьма далеки отъ идеала. Дѣлая такое допущеніе, мы въ то же время совершенно отказываемся принимать мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ серьезными научными пріобрѣтеніями обобщенія соціологовъ, относящіяся къ болѣе позднимъ временамъ, въ особенности обобщенія, претендующія на названіе соціологическихъ законовъ (а ихъ у нихъ не мало). Обыкновенно соціологическія сочиненія поражаютъ крайне некритическимъ пользованіемъ матеріаломъ, притомъ набраннымъ крайне случайно, пользованіемъ фактами, вырванными изъ ихъ контекста, въ которомъ они только и имѣютъ смыслъ. Соціологамъ въ большинствѣ чужды строго научные пріемы изслѣдованія.

Если бы я ограничился только этой характеристикой соціологіи и соціологовъ, то всякій въ правѣ былъ бы обвинить меня въ крайне одностороннемъ освѣщеніи явленія, имѣющаго и другую сторону. Явленіе это дѣйствительно имѣетъ и другую сторону. Все это соціологическое движеніе дало и весьма положительные результаты. Оно поставило во всей опредѣленности вопросъ объ общественной эволюціи и о ея законахъ и сдѣлало его основной задачей, конечной цѣлью общественнай науки. Теперь эволюціонная точка зрѣнія сдѣлалась окончательно достояніемъ всѣхъ наукъ, изучающихъ явленія міра, и перестала быть исклю-

Digitized by Google

чительной особенностью такъ называемыхъ точныхъ, естественныхъ наукъ. Въ настоящее время эта точка зрѣнія стала обязательной для всякаго изслѣдователя общественныхъ явленій, будь то экономистъ, юристъ или историкъ въ собственномъ смыслѣ. Въ частности исторія получила отъ соціологіи весьма плодотворный импульсъ, подъ вліяніемъ котораго она можетъ окончательно стать на твердую почву реальнаго изученія и вполнѣ опредѣлить свои границы и характеръ своихъ владѣній. Такъ называемая соціологическая точка зрѣнія, видящая въ каждомъ общественномъ явленіи продуктъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, окончательно, какъ намъ кажется, можетъ избавить исторію отъ тѣхъ односторонніхъ взглядовъ на свои задачи, которые постепенно смѣняли другъ друга подъ вліяніемъ измѣнявшихся условій и задачъ современной дѣйствительности и сдѣлаетъ невозможными столь же односторонніе философско-историческія построенія, о которыхъ была рѣчь выше. Такимъ образомъ, мы далеки отъ мысли отрицать весьма крупныя заслуги соціологическаго движенія, намъ только хотѣлось бы болѣе точно опредѣлить, въ чемъ эти заслуги заключаются, и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить, насколько это возможно при томъ ограниченномъ количествѣ времени, которымъ мы можемъ располагать въ данный моментъ, каковы должны быть нормальныя, такъ сказать, отношенія между соціологіей и исторической наукой. Усвоивъ съ помощью соціологіи эволюціонную и соціологическую точки зрѣнія, исторія должна взять ихъ въ руководство при изученіи конкретнаго историческаго матеріала и разрабатывать этотъ матеріалъ при помощи тѣхъ строгихъ пріемовъ исторической критики, которые она успѣла выработать за время своего продолжительнаго существованія. Только такимъ путемъ можно достигнуть серьезныхъ результатовъ, только обобщенія, полученныя съ помощью строгаго, всесторонняго интенсивнаго изученія конкретныхъ фактовъ во всей ихъ индивидуальности могутъ быть признаны прочными пріобрѣтеніями науки; только такимъ путемъ можно надѣяться прійти къ серьезной наукѣ о человѣческомъ обществѣ и о законахъ его развитія. Соціологія есть наука будущаго; къ ней вѣрный путь—путь строго методическаго изученія конкретныхъ историческихъ фактовъ и явленій, и всѣ тѣ, кто думаетъ создать соціологію какимъ либо инымъ путемъ, игнорируя исторію, обрекаютъ свою науку на роль суррогата, удовлетворяющаго потребности образованныхъ людей въ общемъ міровоззрѣніи, потребности весьма серьезной и настоятельной, не ждущей, пока историческая наука, оперирующая надъ обширнымъ матеріаломъ историческихъ фактовъ, скажетъ свое послѣднее слово. Только черезъ исторію соціологія, какъ наука, и получитъ свое бытіе, только отъ исторіи она и можетъ получить плоть и кровь и перестанетъ быть системой блѣдныхъ абстракцій, принимающихъ во вниманіе ужъ очень общія стороны явленій, явленій, вовсе не изученныхъ въ своей сложной и живой индивидуальности. Только

Digitized by Google

исторія, благодаря выработаннымъ ею строгимъ пріемамъ научнаго изслѣдованія, можетъ вполнѣ научно поставить и рѣшить соціологическія проблемы, подходя къ ихъ рѣшенію осторожнымъ путемъ спеціальныхъ, частныхъ изысканій.

Становясь на соціологическую точку зрѣнія, ставя своей задачей изученіе историческаго процесса во всей полнотѣ и каждое отдѣльное явленіе разсматривая какъ производную всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, историкъ проникается сознаніемъ всей сложности общественныхъ явленій, имъ изучаемыхъ. Научное изслѣдованіе этихъ явленій пойдетъ только тогда вполнѣ успѣшно, когда люди окончательно поймутъ эту сложность и обусловленную ею трудность ихъ изученія и придутъ къ сознанію необходимости начинать историческое изслѣдованіе съ болѣе простыхъ и болѣе осязательныхъ явленій и процессовъ. Такими менѣе сложными сравнительно явленіями можно признать прежде всего явленія экономическія, т. е. факты, относящіеся къ организаціи труда, затѣмъ явленія соціальныя, касающіяся группировки людей по занятіямъ и правамъ и, наконецъ, явленія политическія, имѣющія отношенія къ государственнымъ формамъ. Всѣ эти явленія конкретны, сравнительно легко поддаются описанію и изслѣдованію; въ изученіи ихъ можно достигнуть весьма значительной научной точности. Явленія жизни духовной, т. е. общественныя идеи и настроенія неизмѣримо сложнѣе и труднѣе для изученія. Мы въ сущности и не знаемъ пока, что такое идея, какъ общественное явленіе, какъ соціологическій фактъ, хотя многимъ кажется, что тутъ и вопроса быть не можетъ. Люди привыкли представлять себѣ общественный процессъ какъ продуктъ воздѣйствія на общество идей, носителемъ которыхъ является тотъ или другой дѣятель, та или другая общественная группа, та или другая политическая партія. Привычка эта выработана ежедневной практикой. Въ своемъ общественномъ обиходѣ мы иначе и не мыслимъ. Мы стоимъ за тѣ или иныя идеи, боремся противъ идей, которыя считаемъ вредными для общественнаго развитія. Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ перенести такую точку зрѣнія и въ изученіе общественнаго процесса. А между тѣмъ если присмотрѣться повнимательнѣе къ общественному процессу въ его цѣломъ и въ отдѣльныхъ его частяхъ, то окажется, что опредѣлить хоть съ нѣкоторой точностью роль идей въ этомъ процессѣ дѣло чрезвычайно трудное. Мы сравнительно легко оріентируемся въ процессахъ матеріальныхъ, можемъ съ довольно большой научной точностью, доходящей до выраженія отношеній путемъ цифръ, опредѣлить роль матеріальнаго фактора въ данномъ общественномъ явленіи, но какова въ этомъ явленіи роль идеи, добросовѣстный изслѣдователь, не принимающій красивыхъ фразъ и образныхъ выраженій за научное объясненіе явленія, очень часто принужденъ сказать «не знаю». Мы можемъ безъ особенныхъ затрудненій распутать чрезвычайно сложную ткань экономическихъ или соціаль-

Digitized by Google

ныхъ отношеній весьма далеко ушедшаго по пути развитія общества, дать каждому явленію въ этой области весьма точное объясненіе, съ которымъ всѣ согласятся; но стоитъ предложить на разсмотрѣніе ученыхъ вопросъ о возникновеніи и распространеніи въ обществѣ идеи, религіозной, политической, соціальной, и мы встрѣтимся съ цѣлой массой крайне различныхъ, несогласимыхъ другъ съ другомъ объясненій.

Благодаря своей крайней сложности явленія духовной жизни общества, идеи, будутъ только тогда вполнѣ научно выяснены, когда къ изученію ихъ будутъ приступать уже послѣ того, какъ будутъ изучены явленія жизни матеріальной, т. е. явленія экономическія, соціальныя и политическія. Говоря это, я, такимъ образомъ, вовсе не предрѣшаю вопроса объ относительномъ значеніи матеріальныхъ и идейныхъ или духовныхъ факторовъ; мнѣ кажется, что для исторической науки это вопросъ *исключительно методологическій*. Считая необходимымъ начинать изученіе съ фактовъ и явленій матеріальныхъ и потомъ уже переходить къ изученію фактовъ и явленій духовнаго міра, историкъ, какъ вы могли видѣть, милостивые государи, совершенно далекъ отъ экономическаго матеріализма, этой апріорной философіи исторіи новѣйшаго типа, какъ и отъ историческаго идеализма; пока общественныя явленія не изучены со всѣхъ сторонъ, онъ не имѣетъ данныхъ рѣшать вопросъ о *пріоритетѣ* матеріальныхъ или духовныхъ факторовъ въ историческомъ процессѣ; онъ можетъ говорить только *объ относительной доступности* матеріальныхъ фактовъ и явленій для изученія и сообразно съ этимъ начинать выясненіе даннаго сложнаго результата съ этихъ болѣе осязательныхъ множителей. Не объ экономическомъ матеріализмѣ и историческомъ идеализмѣ можетъ идти рѣчь въ реальной исторической наукѣ. Можно говорить лишь о матеріальной и идейной исторіи, если ужъ необходимы новые термины, понимая подъ этимъ не двѣ другъ друга исключающія, въ одинаковой степени апріорныя, ненаучныя философико-историческія доктрины, но двѣ вѣтви единой исторической науки, преслѣдующія одну и ту же цѣль—всестороннее изученіе историческаго процесса для открытія законовъ развитія человѣческаго общества.

Итакъ, задачей исторіи является изученіе развитія человѣческаго общества съ цѣлью открыть законы этого развитія. Таковы теоретическія задачи всеобщей исторіи. Но цѣли эти могутъ быть достигнуты только путемъ *сравнительнаго изученія исторіи* отдѣльныхъ обществъ. Сравнительное изученіе стало возможнымъ съ тѣхъ поръ, какъ въ строѣ каждаго общества и въ ходѣ его развитія подъ пестрымъ разнообразіемъ внѣшней поверхности открыли сходство со всѣми другими обществами, свели его къ дѣйствію въ каждомъ обществѣ однихъ и тѣхъ же силъ и элементовъ, только въ различныхъ сочетаніяхъ, и пришли къ сознанію, что чѣмъ больше этихъ сочетаній будетъ изучено, тѣмъ больше у насъ будетъ возможности открыть законы этихъ сочетаній, за-

Digitized by Google

коны развитія человѣческаго общества. Въ настоящее время замѣчается нѣкоторая реакція противъ сравнительнаго метода. Объясняется она тѣмъ, что сравнительными пріемами историческаго изученія пользовались нерѣдко крайне ненаучно, что въ погонѣ за сходствомъ оставляли безъ вниманія различіе, т. е. именно то, что составляетъ индивидуальность извѣстнаго явленія въ данномъ обществѣ, и вмѣсто того, чтобы въ конкретныхъ условіяхъ даннаго частнаго развитія искать объясненія генезиса явленій, дѣло сводилось на чисто механическое сопоставленіе съ нимъ цѣлаго ряда фактовъ, взятыхъ, подчасъ совершенно случайно, изъ исторіи по возможности большаго количества обществъ (преимущественно первобытныхъ), фактовъ, насильственно вырванныхъ изъ контекста спеціальныхъ условій, ихъ породившихъ. Тѣмъ не менѣе отрицать сравнительное изученіе невозможно, какъ невозможно зоологу изучать законы развитія животныхъ, сосредоточивъ свое вниманіе на одномъ экземплярѣ. Реакція противъ сравнительнаго изученія историческихъ явленій можетъ привести только къ превращенію *сравнительной точки зрѣнія* въ строго научный *сравнительный методъ*, первымъ требованіемъ котораго является *индивидуализированіе* явленія: прежде, чѣмъ приступать къ сравненію явленій, ихъ нужно изучать каждое отдѣльно во всей ихъ конкретности, какъ продуктъ особыхъ условій даннаго общества. Такимъ образомъ всеобщая исторія совершенно немыслима безъ исторіи частной, національной. Только путемъ тщательнаго изученія развитія каждаго отдѣльнаго общества мы можемъ постигнуть законы развитія человѣческаго общества, только чрезъ конкретную науку мы можемъ подняться къ наукѣ абстрактной.

Такова, мм. гг., современная научная постановка исторіи, таковы ее задачи и пріемы. Чѣмъ же однако задачи и пріемы исторіи отличаются отъ задачъ и пріемовъ отдѣльныхъ общественныхъ дисциплинъ? Мнѣ кажется, что недалекъ отъ истины будетъ тотъ, кто отвѣтитъ на этотъ вопросъ такимъ образомъ. Совершенно справедливо, что исторія имѣетъ дѣло со всѣми тѣми явленіями, которыя составляютъ спеціальный предметъ изученія отдѣльныхъ дисциплинъ, что ея территорія состоитъ изъ отдѣльныхъ территорій спеціальныхъ дисциплинъ. Справедливо также и то, что и пріемы научнаго изслѣдованія у исторіи совершенно тѣ же, что и у отдѣльныхъ общественныхъ наукъ въ ихъ исторической постановкѣ. Тѣмъ не менѣе исторія имѣетъ свои спеціальныя цѣли, не тожественныя съ цѣлями отдѣльныхъ общественныхъ дисциплинъ. Каждая изъ этихъ дисциплинъ беретъ предметомъ изученія какую-нибудь одну сторону общественнаго процесса, отсѣкаетъ ее отъ цѣлаго и старается установить постоянныя отношенія между явленіями только этой области; политическая, напримѣръ, экономія изучаетъ законы развитія экономическихъ явленій, и если она обращается при этомъ и къ другимъ сторонамъ общественнаго процесса, то только для болѣе успѣшнаго разрѣшенія своей спеціальной задачи; то же можно сказать

Digitized by Google

объ изслѣдователѣ права литературной эволюціи и т. п. Необходима дисциплина, которая изучала бы общественный процессъ въ его цѣломъ, какъ результатъ взаимодѣйствія всѣхъ отдѣльныхъ процессовъ, которая ставила бы своей задачей открытіе законовъ развитія общества, какъ живого организма, способнаго къ такимъ проявленіямъ, которыхъ нельзя свести ни къ одному экономическому, ни къ одному культурному процессу, такъ какъ эти проявленія представляютъ собою сложный результатъ всѣхъ процессовъ, всѣхъ силъ, извѣстнымъ образомъ, въ извѣстной комбинаціи дѣйствующихъ въ обществѣ въ данный моментъ. Такія явленія, какъ французская, напримѣръ, революція или крестьянское возстаніе въ Англіи въ 1381 году, или реформація въ разныхъ государствахъ Западной Европы, могутъ служить достаточно яркой иллюстраціей къ нашему утвержденію. Ни экономистъ, ни юристъ, ни историкъ литературы, оставаясь въ предѣлахъ своей спеціальности, т. е. самимъ собою, не въ силахъ всесторонне освѣтить этого явленія; изслѣдуя экономическую, правную и литературную эволюцію французскаго, англійскаго и нѣмецкаго общества, они могутъ дать матеріалъ для чистаго историка, и уже онъ, запасшись данными, почерпнутыми у этихъ представителей общественныхъ дисциплинъ, можетъ приступить къ анализу чрезвычайно сложнаго общественнаго явленія, возникшаго на почвѣ всѣхъ частныхъ процессовъ.

Таковы истинныя тенденціи современной общественной науки. Можно ли сказать, что, отказавшись отъ абсолютныхъ рѣшеній, выставленныхъ апріористическими системами прошедшаго, что отвергнувъ, какъ ненаучные, всѣ взгляды и доктрины политической метафизики и поставивъ своей задачей изученіе относительнаго, изученіе общественной эволюціи, превратившись въ исторію, общественная наука убиваетъ все идеальное, проповѣдуетъ преклоненіе передъ дѣйствительностью въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящемъ? Не наоборотъ ли? Не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что, знакомя насъ съ самыми разнообразными комбинаціями общественныхъ элементовъ и стремясь къ открытію законовъ этихъ комбинацій, исторія знакомитъ насъ *со всѣми возможностями*, къ которымъ способна современная дѣйствительность каждаго общества, что въ результатѣ строго научнаго изученія общества является не рабское преклоненіе передъ дѣйствительностью, а умѣніе разобраться во всѣхъ сложныхъ отношеніяхъ ея и твердая увѣренность, что мы можемъ воздѣйствовать на общество, сдѣлать дѣйствительностью одну изъ общественныхъ возможностей, наиболѣе для насъ желанную? Наука не убиваетъ идеала, но ставитъ его на прочный фундаментъ знанія дѣйствительности, знанія тѣхъ безчисленныхъ комбинацій, къ которымъ способна общественная дѣйствительность, и дѣлаетъ его осуществимымъ. Безъ знанія того, что было и какъ было, невозможно знать того, что будетъ и должно быть.

Дмитрій Петрушевскій.

Digitized by Google

Народное образованіе въ Швейцаріи.

I.

Народная школа въ Западной Европѣ ведетъ свою родословную отъ средневѣковыхъ монастырей. Въ средніе вѣка и въ Швейцаріи, какъ и во всей Европѣ все образованіе было сосредоточено въ этихъ монастыряхъ, и они явились первыми разсадниками просвѣщенія, которое, захватывая все большіе слои населенія, перейдя изъ рукъ духовенства въ руки самихъ гражданъ,—широкою волной разлилось по всей Швейцаріи.

Конечно, пока все образованіе было въ рукахъ монастырей, оно не могло быть названо народнымъ: въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ районъ просвѣтительной дѣятельности монастырей ограничивался либо ихъ же собственными, либо городскими стѣнами. Но въ чемъ заключалась эта дѣятельность!

Въ организованныхъ или монастырскихъ и городскихъ школахъ обучали латинскому языку, и насколько узко понимались ими задачи обученія, можно судить по тому, что еще и въ XIV столѣтіи сплошь и рядомъ встрѣчались монастыри, большинство монаховъ которыхъ, а иногда и сами аббаты не умѣли писать.—Въ городахъ на ряду съ этими, такъ называемыми, латинскими школами иногда основывались странствующими учителями «Schreibschulen», въ которыхъ обучали грамотѣ и письму на родномъ языкѣ. Но самъ характеръ возникновенія этихъ школъ и ихъ преподавательскій персоналъ былъ таковъ, что существованіе ихъ не могло быть продолжительнымъ да и потребность въ такихъ школахъ была незначительна: торговля не требовала почти письменныхъ сношеній, книги же научныя—вездѣ писались на латинскомъ языкѣ.

Въ такомъ положеніи находилось образованіе въ Швейцаріи до второй половины XV столѣтія, когда гуманистическое движеніе и открытіе книгопечатанія оказали значительное вліяніе на его развитіе. Въ 1460 году Базель съ разрѣшенія папы Пія II основываетъ высшую теологическую школу (нынѣшній Базельскій университетъ) и мысль о необходимости расширенія образова-

Digitized by Google

нія— охватываетъ города. Уже въ 1508 году въ цюрихскомъ календарѣ было высказано пожеланіе, чтобы всѣ дѣти, раньше чѣмъ приступить къ какому нибудь ремеслу, обучались бы отъ 6 до 12 лѣтъ грамотѣ и письму. Но особенно важную роль въ развитіи образованія въ Швейцаріи сыграло реформаціонное движеніе.

Видя въ школѣ могучаго союзника въ борьбѣ съ католицизмомъ. Цвингли и Кальвинъ брали въ свои руки существовавшія школы, основывали новыя, измѣняли ихъ программу, открывали новыя высшія школы и дѣлали ихъ доступными для всѣхъ слоевъ городского населенія. Основанный Цвингли въ Цюрихѣ Лекторіумъ открываетъ у себя кафедру естествознанія, Кальвиновская-же Академія въ Женевѣ—математики и физики. Но главная заслуга реформаціи въ дѣлѣ образованія заключается не въ томъ, что она улучшила школы, наоборотъ ею напр., не было почти ничего сдѣлано для организаціи народныхъ школъ съ обученіемъ родному языку, латинскія школы продолжали существовать, но она впервые вынесла образованіе за стѣны городовъ. Первыя попытки Цвингли въ устройствѣ сельскихъ школъ—окончились неудачей, но затѣмъ для успѣховъ распространенія протестантскихъ идей явилась неотвратимою потребность въ привлеченіи на свою сторону сельскаго населенія, для чего необходимо было въ селахъ организовать школы. Движеніе пошло глубже; переведенная на родной языкъ библія сдѣлала совершенно излишнимъ обученіе дѣтей латинскому языку и родной языкъ самъ проникалъ во всѣ школы. Число сельскихъ школъ начинаетъ расти очень быстро,—и теперь протестантская церковь «не жалѣетъ на нихъ ни силъ, ни средствъ» какъ то предписывалъ въ 1562 году цюрихскій синодъ. Что касается католическихъ кантоновъ, не затронутыхъ реформаціоннымъ движеніемъ—то въ нихъ грамота еще долгое время не проникала въ села.

Но и въ протестантскихъ кантонахъ этотъ свѣтлый періодъ исторіи народнаго образованія продолжался недолго: наступившая вскорѣ послѣ тридцатилѣтней войны реакція остановила дальнѣйшее развитіе школъ и въ продолженіе слишкомъ полутора столѣтій народное образованіе Швейцаріи остается на томъ же уровнѣ. Постепенно Церковь, которая до сихъ поръ пеклась о школахъ для достиженія своихъ цѣлей, убѣждается, что школа ей болѣе не нужна и на содержаніе школъ на свои средства начинаетъ смотрѣть какъ на лишнее для себя бремя. Но потребность въ школѣ была слишкомъ сильна, чтобы покинутыя духовенствомъ онѣ могли прекратить свое существованіе. Изъ рукъ духовенства онѣ переходили въ руки гражданъ, которые и приступили вскорѣ къ ихъ реформѣ.

Со второй половины прошлаго столѣтія начинается новая эра въ исторіи швейцарской школы—эра народной *гражданской* школы.

Эпохѣ просвѣщенія наиболѣе всего обязана швейцарская школа, той эпохѣ, которая дала ей педагога, преобразившаго организацію и методъ обученія въ народныхъ школахъ, создав-

Digitized by Google

шаго образцовый учительскій институтъ, слава и вліяніе котораго распространилось скоро далеко за предѣлы Швейцаріи. Этотъ человѣкъ былъ Іоганнъ Генрихъ Песталоцци.

Школы, перешедшія въ руки гражданъ отъ духовенства, организованныя для служенія цѣлямъ церкви,—не могли конечно удовлетворять потребностей въ ней гражданъ, а потребности эти росли необыкновенно быстро. Возбужденіе общественной мысли конца прошлаго вѣка искало помощи у школы, въ ней она видѣла средство разобраться въ возникавшихъ новыхъ все болѣе сложныхъ, неотвратимыхъ вопросахъ общественной жизни. Песталоцци лучше всѣхъ другихъ понялъ эту потребность и нашелъ вѣрный путь къ ея удовлетворенію.

На школу онъ смотрѣлъ не какъ на учрежденіе, дающее лишь элементарныя знанія, умѣніе читать, писать, да считать, а какъ на учрежденіе, которое должно приготовлять государству гражданъ, понимающихъ свои права и обязанности пробуждать въ народѣ самосознаніе. Школа должна быть народной не только въ томъ смыслѣ, что она устроена для него, но она должна быть *имъ же* устроена и руководима. «Здѣсь идетъ дѣло о принципахъ, а не о подаркахъ, о правовомъ сознаніи, а не о домахъ призрѣнія, о самостоятельности, а не о благотворительности» говорилъ онъ, но государство смотрѣло иначе на школы, или вѣрнѣе отказывалось вовсе смотрѣть на нихъ.

Оно еще было чуждо всякихъ культурныхъ задачъ,—эти послѣднія до сихъ поръ всецѣло находились въ рукахъ церкви, и когда она передала школы въ руки гражданъ, правительство продолжало считать себя призваннымъ лишь для охраненія порядка въ государствѣ и защиты его отъ внѣшняго врага и не рѣшалось выдавать что либо изъ своихъ доходовъ на школы. Развитію этихъ послѣднихъ правительство не хотѣло способствовать также потому, что основательно видѣло въ развитіи школъ средство къ возбужденію самосознанія у народныхъ массъ, увеличенію силъ демократіи, долженствовавшей ниспровергнуть его. Лишившись такимъ образомъ поддержки церкви, и не получивъ ея отъ государства, народная школа должна была существовать исключительно на добровольныя пожертвованія и плату отъ учениковъ. И вотъ въ то время какъ потребность въ хорошо организованной школѣ сознается большинствомъ гражданъ, въ то время какъ были выработаны новые методы обученія,—давшіе блестящіе результаты—школа влачитъ жалкое существованіе благодаря отсутствію средствъ. При такихъ матеріальныхъ условіяхъ существованія школы, не представлялось конечно возможнымъ произвести тѣ реформы ея, которыя хотѣли провести руководители просвѣтительнаго движенія. Выйти изъ этого критическаго положенія отчасти помогла школѣ французская революція.

Въ 1798 году Франція объявила войну Швейцаріи, окончившуюся пораженіемъ послѣдней и преобразованіемъ ея въ Гельветическую республику. Конституціей этой республики, предста-

Digitized by Google

вляющей почти точную копію съ французской конституціи, учреждалось министерство наукъ и искусствъ, на которое возлагалась обязанность слѣдить за развитіемъ этихъ послѣднихъ, и способствовать ему путемъ законодательныхъ постановленій и матеріальной поддержки. Такимъ образомъ забота о народномъ образованіи впервые была возложена на государство. Однако первое время эта реформа не могла оказать большого вліянія на развитіе народной школы. Первый министръ наукъ и искусствъ—Филиппъ Альбрехтъ Штапферъ, энергично взявшійся за дѣло распространенія народныхъ школъ, устройство учительскихъ семинарій и. т. п. въ 1800 году изъ полученныхъ на запросы отвѣтовъ о положеніи народнаго образованія во всѣхъ частяхъ Гельветической республики, могъ убѣдиться, какъ мало оно подвинулось впередъ. Издаваемые въ это время законы и постановленія, касающіеся народнаго образованія, несомнѣнно дали бы сильный толчекъ его развитію, такъ, напримѣръ, приказами 4 и 6 декабря 1800 года всѣ муниципалитеты обязывались устроить у себя зимнія школы и отпускать средства на ихъ отопленіе и minimum 18 франковъ (sic) на содержаніе учителя, всѣ граждане обязывались посылать въ эти школы своихъ дѣтей, само министерство отпускало суммы на содержаніе низшихъ и среднихъ школъ, учительскихъ институтовъ. Но будучи ареной войнъ другихъ государствъ, раззоряемая этими войнами, раздираемая внутренними партійными распрями, Гельветическая республика не могла много удѣлять на дѣло народнаго образованія, ея правительство не могло требовать отъ раззореннаго населенія точнаго исполненія своихъ постановленій.

Это однако не уменьшило энергіи дѣятелей народнаго образованія, напротивъ того, съ паденіемъ въ 1803 году Гельветической республики, они заставляютъ кантональныя правительства внести въ число своихъ обязанностей и заботу о народномъ просвѣщеніи и оказывать матеріальную поддержку въ этомъ дѣлѣ частной иниціативѣ, которая принимаетъ очень широкіе размѣры. Песталоцци, Целлеромъ, Феленбергомъ. Жираромъ основываются образцовыя школы, учительскіе институты, вводятся реформы въ методы преподаванія, заимствуемыя отсюда и другими государствами. Песталоцци основываетъ кромѣ того «Швейцарское общеполезное общество», одной изъ цѣлей котораго было способствовать распространенію просвѣщенія, и число школъ начинаетъ расти довольно быстро.

Но новыя политическія событія въ Европѣ въ 1713 году. измѣнившія политическій строй Швейцаріи, снова задержали развитіе школы. Вѣнскій конгрессъ, склонившійся на сторону болѣе консервативныхъ элементовъ Швейцаріи, снова возвративъ кантонамъ полную самостоятельность, уничтоживъ союзное правительство, и облегчивъ городскому патриціату борьбу съ демократическими элементами отдѣльныхъ кантоновъ, въ то же время передалъ школу всецѣло въ руки религіозныхъ общинъ и сдѣлалъ ихъ такимъ образомъ чисто конфессіональными школами,

Digitized by Google

которыми завѣдывало духовенство. Но въ 1819 году послѣ реакціоннаго затишья снова наблюдается подъемъ общественной дѣятельности. Снова начинаютъ возбуждаться вопросы о средствахъ для поднятія народнаго образованія, улучшенія учительскихъ институтовъ, распространенія школъ и въ болѣе бѣдныхъ сельскихъ общинахъ, наконецъ сами кантоны начинаютъ реформировать свои школьныя законодательства, когда наконецъ революція 1830 года, снова объединившая кантоны въ союзное государство, положила прочное основаніе народному образованію и обезпечила ему дальнѣйшее развитіе. Всѣ существующіе виды школы (низшія и среднія) приводятся въ органическую связь, духовенство устраняется отъ всякаго вліянія на школу, число школъ увеличивается вновь открываемыми, и поднимается вопросъ объ основаніи высшихъ федеральныхъ школъ (университета и технической школы), но вмѣсто нихъ въ Цюрихѣ (1833 г.) и Бернѣ (1836) основываются кантональные университеты. Демократическая конституція 1830 года, провозгласивъ всеобщее избирательное право, сдѣлала потребность въ народной школѣ еще болѣе ощутительной, чѣмъ она была до тѣхъ поръ; почти все сельское населеніе и та часть городского, которой еще не коснулось образованіе, получивъ одинаковыя права со всѣмъ остальнымъ грамотнымъ населеніемъ, не могло въ большинствѣ случаевъ такъ же сознательно, какъ это послѣднее, исполнять свои гражданскія обязанности, пользоваться своими правами. И вотъ кантональныя правительства задаются цѣлью поднять умственное развитіе всего народа, не жалѣя на это силъ и средствъ.

Въ это время особенное вліяніе на организацію народныхъ школъ и учительскихъ семинарій пріобрѣтаетъ вюртембергецъ Томасъ Шеръ, назначенный директоромъ учительскихъ семинарій и руководителемъ всего народнаго образованія въ цюрихскомъ кантонѣ. Вліяніе и авторитетъ его на постановку народнаго образованія распространяется на всю нѣмецкую Швейцарію, уничтожая почти всякое вліяніе на него педагогической школы Песталоцци, Фелленберга и Жира. Тотъ методъ преподаванія, та организація народныхъ и учительскихъ школъ, которой придерживался Шеръ, хотя и признаются гораздо менѣе раціональными, чѣмъ методъ преподаванія и организація школъ названныхъ педагоговъ, но тѣмъ не меньше своею неутомимую дѣятельностью Шеръ сумѣлъ поднять школу очень высоко, улучшивъ учебныя пособія, увеличивъ число учебныхъ часовъ и періодъ обученія, улучшивъ матеріальное положеніе учителей и введя реформы въ учительскихъ семинаріяхъ.

Съ этого времени развитіе народныхъ школъ и народнаго образованія ничѣмъ не останавливаемое быстро подвигалось впередъ. Кромѣ множества низшихъ и среднихъ школъ въ 50-ыхъ и 60-ыхъ годахъ основывается еще нѣсколько высшихъ. Въ 1854 году исполнилась наконецъ, хотя лишь отчасти, завѣтная мысль швейцарцевъ основать высшія федеральныя школы, но вмѣсто уни-

Digitized by Google

верситета и высшей политехнической школы—была основана въ Цюрихѣ только послѣдняя; въ 1866 году кантонъ Невшатель открываетъ у себя академію съ юридическимъ, теологическимъ и философскимъ факультетами, и наконецъ въ 1873 г. Женева преобразуетъ основанную Кальвиномъ академію въ университетъ.

Съ 1874 года, т. е. съ года измѣненія конституціи 1848 года, начинается новая, современная эра въ исторіи швейцарской школы, съ которой я хочу познакомить читателя болѣе подробно.

II.

Современная Швейцарія по своему государственному устройству представляетъ собою союзное республиканское государство, состоящее изъ 22 равноправныхъ союзниковъ—кантоновъ *), которыхъ соединило сходное историческое прошлое. Населеніе этихъ кантоновъ говоритъ на 4 различныхъ языкахъ, принадлежитъ къ 3 различнымъ церквамъ и въ своихъ нравахъ, взглядахъ и характерѣ сохранило многія типичныя черты тѣхъ націй, отъ которыхъ его отдѣлила исторія; и всѣ эти различія должны были отразиться на всей культурной жизни Швейцаріи вообще и ея народной школѣ—въ частности.

Основаніе союзнаго государства съ союзнымъ законодательствомъ и національнымъ собраніемъ какъ законодателемъ во главѣ, хотя уменьшило самостоятельность кантоновъ, но далеко не уничтожило ея; кантонамъ оставлялась полная свобода въ организаціи своего внутренняго устройства, лишь бы издаваемые ими законы и постановленія не противорѣчили весьма необширной союзной конституціи швейцарской республики и основному ея демократическому принципу, согласно которому всякое измѣненіе кантональной конституціи можетъ произойти только съ согласія большинства правоспособныхъ гражданъ кантона. Она не ставитъ почти никакихъ препятствій проявленію своихъ національныхъ и всякихъ другихъ особенностей жителямъ нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ, жителямъ городскихъ, земледѣльческихъ или горныхъ, наконецъ жителямъ католическихъ и протестантскихъ кантоновъ. Поэтому въ своей культурной, общественной жизни швейцарецъ далеко не всегда являетъ черты, свойственныя всѣмъ гражданамъ швейцарской республики, но наоборотъ, почти въ каждомъ кантонѣ онъ являетъ специфическія черты своей національности, черты выработанныя условіями его жизни и т. д. У тессинца **) все еще течетъ въ жилахъ горячая итальянская кровь, у жителя кантона Гляруса или Швица во

*) Три изъ нихъ состоятъ каждый изъ 2 полукантоновъ, а именно: 1) Базель изъ Базештадта и Базельланда 2) Аппэнцелль изъ Аппенцелля Иннеръ Роденъ и Аппенцэлля Ауссэръ Роденъ, 3) Унтервальденъ изъ Обвальдена и Нидвальдена.

**) Житель итальянскаго кантона Тессинъ.

Digitized by Google

всей почти чистотѣ сохранились нравы горцевъ. тогда какъ цюрихчанинъ или базелецъ усвоилъ болѣе характеръ городскаго населенія; и все это, какъ мы увидимъ ниже, отразилось на постановкѣ школьнаго образованія, находящагося въ рукахъ кантоновъ.

Нынѣ дѣйствующая союзная конституція 1874 года завершила дѣло распространенія начальной школы по всей Швейцаріи, обязавъ кантоны ввести у себя всеобщее обязательное обученіе.

Двадцать седьмой, такъ называемый, школьный параграфъ конституціи между прочимъ гласитъ:

Кантоны заботятся о начальномъ обученіи, которое находится въ ихъ исключительномъ вѣдѣніи. Обученіе это должно быть обязательное и въ общественныхъ школахъ безплатное.

Общественныя школы могутъ быть посѣщаемы дѣтьми всѣхъ вѣроисповѣданій, при чемъ свобода ихъ вѣры и совѣсти не должна быть нарушаема.

Противъ кантоновъ, не исполнившихъ этихъ обязательствъ «Союзомъ» предпринимаются «необходимыя мѣры».

Кромѣ этого параграфа, 34-й и 49-й параграфы конституціи устанавливаютъ: первый—условія, на которыхъ подростки, посѣщающіе школу, могутъ работать на фабрикѣ, и второй—полную свободу въ обученіи религіи, къ которому никто не можетъ быть принуждаемъ. Этимъ ограничиваются всѣ обязательства, касающіяся народнаго образованія, которыя союзная конституція налагаетъ на кантоны.

Отсюда читатель видитъ, что, обязывая кантоны ввести у себя всеобщее обязательное обученіе и не дѣлая при этомъ никакого опредѣленія, въ чемъ должно заключаться это обученіе, союзная конституція предоставляетъ каждому кантону по своему привести въ исполненіе это свое требованіе. И дѣйствительно, различіе въ постановкѣ народной школы въ отдѣльныхъ кантонахъ такъ значительно, что попытка сдѣлать общую характеристику швейцарской народной школы едва ли привела бы къ какимъ нибудь результатамъ. Обязательность обученія, безплатность его и необязательность для учениковъ обученія религіи являются чуть ли не единственными однородными чертами швейцарскихъ народныхъ школъ; что же касается продолжительности обученія, программы его, учительскаго персонала и вообще всѣхъ остальныхъ частей организаціи школьнаго дѣла,—то они чрезвычайно различны и находятся, главнымъ образомъ, въ зависимости:

1) отъ экономическаго положенія кантона: кантоны промышленные, густо населенные, а поэтому и болѣе богатые,—въ дѣлѣ народнаго образованія - оставляютъ въ большинствѣ случаевъ, далеко позади себя земледѣльческіе и въ особенности горные кантоны, съ рѣдкимъ и бѣднымъ населеніемъ.

2) отъ географическаго его расположенія; вліяніе его особенно сказывается въ горныхъ кантонахъ, гдѣ большинство населенія

Digitized by Google

проводитъ лѣтніе полгода въ городахъ, такъ что о посѣщеніи школы въ продолженіе всего года не можетъ быть рѣчи, кромѣ того, населеніе этихъ кантоновъ, какъ и большинство земледѣльческихъ, менѣе сообщаясь съ остальнымъ міромъ—крѣпче держится старинныхъ традицій и недружелюбнѣе относится ко всякимъ новшествамъ, чѣмъ населеніе промышленныхъ, городскихъ кантоновъ.

3) отъ того, къ какой церкви принадлежитъ кантонъ (католической или протестантской): вліяніе это особенно замѣтно въ чисто католическихъ кантонахъ (Ури, Швицъ, Унтервальденъ, Цугъ и др.), гдѣ церковь въ лицѣ своей, такъ называемой, ультрамонтанской партіи—имѣетъ неотразимое и часто неблагопріятное вліяніе на школу.

Нераціональность такой постановки школьнаго обученія, при которой оно находится въ зависимости отъ столь многочисленныхъ и разнообразныхъ условій и не достигаетъ намѣченной цѣли (поднятія до опредѣленнаго уровня умственнаго развитія всѣхъ гражданъ), въ послѣднее десятилѣтіе обращало на себя все большее вниманіе швейцарцевъ. Многочисленные учительскіе съѣзды, посвященные иногда спеціально этому вопросу, собранія, петиціи, пресса требовали реформы школы для поднятія уровня начальнаго образованія во всей Швейцаріи путемъ союзныхъ законодательныхъ постановленій и субсидированія союзомъ школъ бѣдныхъ кантоновъ, не могущихъ по недостаточности средствъ улучшить у себя организацію начальнаго обученія.

Я позволю себѣ привести выдержку изъ сборника выпущеннаго сообща нѣсколькими учительскими обществами, гдѣ въ нѣсколько патетической формѣ, но тѣмъ не менѣе ясно изложены недостатки существующей системы организаціи начальнаго обученія въ Швейцарской республикѣ, и то направленіе, въ которомъ желательно произвести реформу этой организаціи.

«Если мы,—гласятъ послѣднія страницы этого сборника,—посмотримъ на печальное положеніе школы въ нѣкоторыхъ кантонахъ, неудовлетворительныя помѣщенія, переполненные классы, слишкомъ короткій періодъ обученія, крайне неаккуратное посѣщеніе учениками школъ, жалкое положеніе учителей, недостатокъ пособій и недостаточное попеченіе о бѣдныхъ, полуголодныхъ школьникахъ—и если вспомнимъ при этомъ то несравненно лучшее положеніе, въ которомъ находятся школы другихъ кантоновъ и общинъ,—то невольно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ этотъ фактъ можетъ согласоваться съ основнымъ нашимъ закономъ, по которому всѣ швейцарцы равны передъ закономъ и въ Швейцаріи нѣтъ никакихъ преимуществъ кантона, рода, фамилій или лицъ? Или предписываемое нашимъ закономъ для всѣхъ удовлетворительное обученіе дѣйствительно только для дѣтей городовъ, равнинъ, для жителей богатыхъ, хорошо устроенныхъ общинъ? А обитатели далекихъ горъ, долинъ не смѣютъ имѣть на него притязаній? А и послѣ того какъ сами общины

Digitized by Google

при всемъ своемъ стараніи за недостаткомъ средствъ не могутъ добиться цѣли, развѣ мы не слышимъ постоянно фразъ: одинъ за всѣхъ, всѣ за одного, за слабыхъ сильные, за бѣдныхъ имущіе?... Свою цѣль эти общины достигнутъ только тогда, когда помощью союза во всѣхъ частяхъ нашей страны будетъ устроено достаточное количество школъ, когда школу не будутъ наполнять голодныя, мерзнущія дѣти, переполненные классы не будутъ тормозить обученія, когда и дѣти бѣдныхъ родителей будутъ посѣщать школу съ хорошими учебными пособіями и сами школы будутъ снабжены всѣми необходимыми пособіями для наглядnаго обученія, что такъ важно для успѣшнаго преподаванія въ школѣ; когда будетъ достаточное попеченіе о слабоумныхъ и безпризорныхъ дѣтяхъ;—когда не ограничатся тѣмъ, что сдѣлаютъ швейцарское юношество способнымъ къ военной службѣ, но путемъ хорошо организованныхъ школъ для пополненія начальнаго образованія, сдѣлаютъ его (юношество) способнымъ сознавать и вѣрно понимать свои общественныя и гражданскія права и обязанности;—когда позаботятся и о лучшемъ обученіи дѣвочекъ;—когда помощь союза дастъ возможность всѣмъ кантонамъ позаботиться о хорошей подготовкѣ учителей;—когда, благодаря улучшенію экономическаго положенія учителей—болѣе способные, молодые люди посвятятъ себя учительской дѣятельности, и находящимся на службѣ учителямъ предоставится возможность жить только своимъ учительствомъ, позаботиться о своемъ дальнѣйшемъ образованіи, и освобожденнымъ отъ тяжелыхъ матеріальныхъ заботъ съ любовью и рвеніемъ исполнять свои обязанности.»

Изъ этой выдержки читатель видитъ, между прочимъ, что авторы придерживаются того мнѣнія, что существующая нынѣ система организаціи народной школы противорѣчитъ приведенному мною выше 27 параграфу союзной конституціи. Вопросъ объ этомъ вскорѣ былъ поднятъ и въ національномъ совѣтѣ *). Дебаты, продолжавшіеся 3 дня, начались по поводу внесеннаго депутатомъ изъ Цюриха—Курти—предложеніемъ поручить союзному совѣту **) изслѣдовать, «не долженъ ли союзъ, для приведенія въ исполненіе 27 § союзной конституціи, который предписываетъ ввести вездѣ достаточное начальное обученіе, оказать кантонамъ матеріальную поддержку и не должна ли быть введена путемъ субсидіи отъ союза безплатная выдача учебныхъ книгъ и пособій для начальнаго обученія.» Предложеніе было принято въ нѣсколько измѣненномъ видѣ послѣ продолжительныхъ дебатовъ, при чемъ нѣкоторые депутаты требовали измѣненія этого § конституціи, въ смыслѣ введенія союзнаго контроля надъ школами

*) Палата народныхъ представителей; вмѣстѣ съ совѣтомъ представителей кантоновъ (Ständerath, Conseil des Etats) составляетъ союзное собраніе.

**) Совѣтъ министровъ состоитъ изъ 7 членовъ, изъ которыхъ ежегодно одинъ выбирается въ президенты республики.

Digitized by Google

и болѣе точныхъ требованій отъ кантоновъ въ области народнаго образованія.

Въ октябрѣ того же года министръ внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдомствѣ котораго находится народное образованіе, представилъ выработанный имъ согласно постановленію докладъ, который сводился къ слѣдующему: союзъ выдаетъ пособія на постройку новыхъ школьныхъ зданій, организацію всеобщей безплатной выдачи учебныхъ пособій, одежды и пищи дѣтямъ бѣдныхъ родителей, на организацію и улучшеніе учительскихъ институтовъ, увеличеніе ихъ содержанія и на устройство площадей для гимнастики. На все это, по расчетамъ докладчика, требовалось бы 1½ милл. франковъ въ годъ. Субсидія эта выдавалась бы только тѣмъ кантонамъ, которые не могутъ сами сдѣлать все потребное для удовлетворительной организаціи школъ, при чемъ союзъ выговаривалъ себѣ право самому распредѣлять даваемую имъ субсидію въ той или иной общинѣ и указывать, на что именно она должна быть употреблена.

Въ этомъ докладѣ, федералисты *) усмотрѣли покушеніе на самостоятельность кантоновъ, къ нимъ присоединились и консерваторы. Въ прессѣ же докладъ встрѣтилъ сочувствіе, точно такъ же какъ и среди большинства учителей; однако до сихъ поръ этому докладу не дали дальнѣйшаго хода, и онъ не былъ даже поставленъ на обсужденіе національнаго собранія.

Познакомивъ читателя съ исторіей швейцарской народной школы и ея современной внѣшней организаціей, указавъ какими факторами обусловливается ея внутренняя организація,—перейду теперь къ обозрѣнію этой послѣдней.

III.

Задачей народной школы должна быть выработка изъ дѣтей «умственно развитыхъ, способныхъ отправлять свои гражданскія обязанности и нравственныхъ людей», гласитъ школьное законодательство большинства кантоновъ; другіе же кантоны исключаютъ изъ задачъ народной школы—воспитаніе дѣтей, видя въ ней только заведеніе для сообщенія дѣтямъ «необходимыхъ въ обыденной жизни знаній» (см. школьный законъ полукантона Обвальдена 1876 г.).

Всѣ дѣти (исключеніе не дѣлается и для живущихъ въ Швей-

*) Федералисты и централисты—приверженцы двухъ враждующихъ партій швейцарскаго парламента: первые стремятся отвоевать у кантоновъ возможно большую независимость отъ союза, вторые наоборотъ хотятъ сосредоточить въ рукахъ союза возможно большую власть. Первая партія, рекрутирующаяся въ католическихъ и нѣкот. французскихъ кантонахъ, является по своему существу реакціонной и въ увеличеніи власти союза не безъ основанія видитъ опасность проникновенія и въ католическіе, горные кантоны свѣжихъ демократическихъ идей городскихъ кантоновъ и конецъ своего безпредѣльнаго господства въ этихъ кантонахъ.

Digitized by Google

царіи дѣтей иностранцевъ) достигшія въ однихъ кантонахъ 6, въ другихъ семилѣтняго возраста должны быть посылаемы въ школу, общественную или частную, и родители, не исполнившіе этого обязательства, или посылающіе дѣтей въ школу неаккуратно— безъ уважительной на то причины—подвергаются штрафу. *)

Въ этой школѣ дѣти должны пробыть до 12—15 лѣтъ. Продолжительность обученія зависитъ далеко не всегда отъ размѣра программы школы; значительное вліяніе на число лѣтъ обязательнаго обученія, колеблющагося, какъ читатель видѣлъ, отъ шести до девяти лѣтъ,—оказываетъ то обстоятельство, что во многихъ горныхъ и земледѣльческихъ кантонахъ школа бываетъ открыта, какъ мною было выше упомянуто, только въ теченіе зимняго полугодія, или съ очень значительными перерывами весною и лѣтомъ, тогда какъ въ другихъ кантонахъ отъ 10 до 10½ мѣсяцевъ въ году. Какъ значительно въ нѣкоторыхъ кантонахъ несоотвѣтствіе между числомъ лѣтъ обязательнаго обученія въ ежедневныхъ школахъ и числомъ учебныхъ часовъ за весь періодъ обученія—видно изъ слѣдующей таблицы:

КАНТОНЫ:	число лѣтъ обяз. обученія въ ежед. школахъ.	число учебн. час. за весь періодъ обяз. обучен.
Женева	7	10,136
Базельштадтъ	8	9,416
Ваадтъ	9	9,291
Тургау	8—9	9,148
Невшатель	7	8,640
Фрибургъ	8—9	8,468
Бернъ	9	8,421
Гларусъ	7	8,418
Шафгаузэнъ	8	8,274
Цюрихъ	6	7,788
Базельляндъ	6	7,704
Сантъ-Галенъ	7	7,644
Золотурнъ	8—9	7,458
Швицъ	7	6,548
Ааргау	8	6,372
Аппенцель Аусэръ Родэнъ	7	5,952
Люцернъ	6—7	5,952
Цугъ	6	5,919
Обвальденъ	6	5,824
Тэссинъ	8	5,808
Нидвальденъ	6	5,784
Граубюнденъ	9	5,600
Валлисъ	8	5,440
Аппенцель Иннеръ-Роденъ	6	4,072
Ури	6	3,760

Изъ этой таблицы читатель видитъ, что напр. въ кантонѣ Женевѣ, при 7 годахъ обязательнаго обученія въ ежедневныхъ школахъ, вдвое больше учебныхъ часовъ, чѣмъ въ кантонѣ Граубюнденѣ при 8—9; но надо замѣтить, что цифры второго столб-

*) Штрафъ этотъ взимается не вездѣ съ одинаковою строгостью; такъ напр. тогда какъ цюрихское законодательство не подвергаетъ штрафу (straflose Versäumnisse) только за 2 школьныхъ дня въ году, пропущенныхъ безъ уважительной причины, Basel-Land—50, а нѣкоторые кантоны вовсе не опредѣляютъ числа ихъ.

Digitized by Google

ца, взятыя мною изъ «Jahrbuch des Unterrichtswesensin der Schweiz за 1897 годъ, не вполнѣ точны для земледѣльческихъ кантоновъ, гдѣ дѣйствительное число учебныхъ часовъ ниже показаннаго, такъ какъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ (напр. въ к. Ваадъ) школьнымъ властямъ общины разрѣшается законодательствомъ освобождать на опредѣленное (сверхъ установленныхъ каникулъ) время отъ школьныхъ занятій учениковъ старшихъ классовъ для какихъ либо сельско-хозяйственныхъ работъ, число же пропущенныхъ такимъ образомъ учебныхъ часовъ не можетъ быть конечно зарегистровано. Съ другой стороны, несоотвѣтствіе числа учебныхъ лѣтъ и учебныхъ часовъ за все время обученія въ ежедневныхъ школахъ (Alltagsschulen) уменьшится, если мы изъ приведенныхъ чиселъ учебныхъ часовъ за весь періодъ обученія вычтемъ число учебныхъ часовъ обязательнаго обученія въ другихъ не ежедневныхъ школахъ, что мною не было сдѣлано, такъ какъ эти послѣднія, насколько мнѣ извѣстно, не были отдѣльно опубликованы.

Дѣти поступаютъ въ начальную школу безъ всякой предварительной подготовки во всѣхъ кантонахъ, исключая Женевы и Невшателя, гдѣ существуютъ дѣтскіе сады, посѣщеніе которыхъ обязательно для шестилѣтнихъ дѣтей въ продолженіе одного года, такъ что уже низшій классъ начальной школы требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ знаній (умѣніе читать, писать и считать).

Большинство школъ (въ 1895 году—77%) суть смѣшанныя для мальчиковъ и дѣвочекъ; раздѣльныя преобладаютъ въ нѣкоторыхъ католическихъ и городскихъ кантонахъ (Obwalden, Baselstadt) вообще же замѣтна тенденція къ раздѣленію классовъ по поламъ. Преподаваніе въ школахъ ведется такимъ образомъ, что одинъ учитель преподаетъ всѣ предметы, исключая религіи, а иногда, если онъ не обладаетъ талантами,—пѣнія и рисованія, причемъ въ большинствѣ случаевъ онъ проходитъ съ однимъ выпускомъ учениковъ весь курсъ школы, а не остается постоянно преподавателемъ въ одномъ опредѣленномъ классѣ.

Что касается программы школьнаго обученія, то она, конечно, не можетъ не быть различной въ отдѣльныхъ кантонахъ, гдѣ съ одной стороны различіе религіозныхъ и общественныхъ воззрѣній жителей, съ другой,—экономическаго ихъ положенія—не даетъ возможности установить программу болѣе или менѣе общаго типа.

Общими обязательными предметами обученія въ большинствѣ кантоновъ являются: 1) родной языкъ кантона или общины (нѣмецкій, французскій, итальянскій и романо-романскій) съ упражненіями въ письмѣ и рѣчи, 2) ариѳметика и въ большинствѣ кантоновъ общія понятія по геометріи; 3) исторія и географія (въ нѣкоторыхъ кантонахъ только Швейцарія) почти во всѣхъ кантонахъ; 4) естественная исторія, 5) рисованіе, 6) чистописаніе, 7) рукодѣліе для дѣвочекъ, 8) пѣніе, 9) гимнастика—въ нѣкоторыхъ кантонахъ обязательна только для мальчиковъ; съ 10 ти-лѣтняго возраста преподается имъ во всѣхъ кантонахъ по одному образцу, установленному союзомъ—военная гимнастика. Религія,

Digitized by Google

согласно союзной конституціи, нигдѣ не обязательна, и въ нѣкоторыхъ кантонахъ преподаваніе ея не входитъ вовсе въ программу школы.

Кромѣ этихъ обязательныхъ въ большинствѣ кантоновъ предметовъ, въ программы школъ въ отдѣльныхъ кантонахъ, входятъ частью какъ обязательные, частью какъ необязательные предметы обученія, ученіе о государственномъ устройствѣ Швейцаріи, сельское хозяйство, одинъ иностранный языкъ (нѣмецкій или французскій), гигіена, бухгалтерія, домашнее хозяйство (для дѣвочекъ) и ремесленныя занятія для мальчиковъ (столярное, токарное, вырѣзка по дереву).

Вотъ сухой перечень предметовъ преподаванія въ начальныхъ народныхъ школахъ Швейцаріи. И изъ него читатель видитъ, что программа начальныхъ школъ довольно обширна во всѣхъ кантонахъ, но въ особенности въ промышленныхъ и городскихъ (Baselstadt), гдѣ преподаются такіе предметы какъ гигіена, ученіе о государственномъ устройствѣ, иностранный языкъ (обязателенъ въ к. Baselstadt). Въ подробное разсмотрѣніе того, насколько обширна программа по каждому изъ этихъ предметовъ—входить я не стану, такъ какъ подробное детальное разсмотрѣніе, требуя обозрѣнія отдѣльныхъ типичныхъ кантоновъ, отвлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Поэтому ограничившись этимъ перечнемъ и замѣтивъ лишь, что всѣ перечисленные предметы—преподаются въ различныхъ кантонахъ далеко неодинаково полно—перейду къ организаціи школьныхъ занятій.

Школьныя занятія въ большинствѣ кантоновъ продолжаются шесть часовъ въ день (съ перерывомъ въ 2—3 часа (лѣтомъ 7 до 11 и отъ 2 до 4, зимой отъ 8 до 12 и отъ 2 до 4). На домъ никакихъ работъ не задаютъ, (развѣ за рѣдкими исключеніями, или въ день наказанія) такъ что шестичасовое занятіе въ школѣ не является утомительнымъ для дѣтей.

Школа раздѣлена на годичные (въ к. Тессинѣ двухгодичные) классы, и школьники переводятся изъ одного въ другой на основаніи успѣховъ, выказанныхъ ими въ теченіе года. Существующіе экзамены, въ сущности, ничѣмъ почти не отличаются отъ обыкновенныхъ школьныхъ актовъ: на нихъ приглашаются родные учениковъ и въ присутствіи большею частью очень многочисленной публики заставляютъ дѣтей прочесть стихотвореніе, рѣшить задачу, разсказать что нибудь изъ исторіи, за что по окончаніи этой процедуры, часто заранѣе заученной и устроенной собственно для родителей учениковъ,—каждому школьнику торжественно вручается пара булокъ. Система наградъ наиболѣе успѣвающихъ учениковъ уничтожена, конечно, во всей Швейцаріи.

---

*) Нарѣчіе, представляющее нѣкоторую смѣсь латинскаго языка съ нѣмецкимъ; на немъ говорятъ жители нѣкоторыхъ общинъ кантона Граубюндена.

Digitized by Google

Дѣти, не успѣвавшія въ теченіе года, оставляются въ классѣ на второй годъ, въ томъ же случаѣ, если причиной неуспѣха является ихъ прирожденное слабоуміе, ихъ переводятъ въ спеціальные классы для слабоумныхъ дѣтей. Но и здѣсь надо отмѣтить тотъ печальный фактъ, что, за неимѣніемъ средствъ на содержаніе такихъ отдѣленій, ихъ нѣтъ во многихъ горныхъ кантонахъ, гдѣ процентъ слабоумныхъ дѣтей наибольшій, и это обстоятельство конечно отражается неблагопріятнымъ образомъ на успѣхахъ всего школьнаго обученія, тормозя обученіе дѣтей съ нормальными умственными способностями.

Окончившія начальную школу дѣти 12—15 лѣтъ, если они не продолжаютъ своего образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, приступаютъ къ какому либо ремеслу, дающему имъ заработокъ. Не имѣя въ большинствѣ случаевъ возможности приложить къ жизни пріобрѣтенныхъ въ школѣ знаній, оторванный отъ нихъ изученіемъ новаго ремесла, пріобрѣтеніемъ новыхъ, донынѣ совершенно незнакомыхъ ему, чисто-техническихъ познаній, бывшій воспитанникъ начальной школы постепенно утрачиваетъ пріобрѣтенныя имъ въ школѣ знанія, и при достиженіи гражданскаго совершеннолѣтія, когда ему приходится принимать непосредственное участіе въ государственной жизни своей родины изъ всего его умственнаго багажа, пріобрѣтеннаго въ школѣ,—у него остается часто весьма не много. Это обстоятельство давно обратило на себя вниманіе швейцарцевъ, и теперь во всей Швейцаріи нѣтъ кантона, который бы не принялъ мѣръ противъ такой непроизвольной и непроизводительной растраты швейцарскаго народнаго богатства—знаній. Во всѣхъ кантонахъ теперь, кромѣ начальныхъ школъ, имѣются обязательныя школы для окончившихъ начальное училище подростковъ отъ 12 до 20 лѣтъ или же повторительные курсы для предстоящихъ къ отбытію воинской повинности молодыхъ людей 19—20 лѣтъ.

Первыя, дополнительныя и повторительныя школы (Ergänzungsschulen, Repetierschulen, Ecoles complémentaires, Ecoles de repetition и т. д.), какъ показываетъ само ихъ названіе, ставятъ себѣ цѣлью укрѣплять пріобрѣтенныя въ начальной школѣ знанія и дать окончившимъ начальную школу кое какія дополнительныя знанія. Въ противоположность начальнымъ школамъ, онѣ бываютъ не ежедневно, и занятія въ нихъ распредѣлены такимъ образомъ, чтобы на ряду съ посѣщеніемъ школы — ученики могли заниматься своимъ ремесломъ, школьные часы назначаются иногда на вечера (Abendschulen, Ecoles de soir) или воскресенья (Sonntagsschulen, Ecoles de dimanche) при чемъ количество ихъ обыкновенно колеблется между 4 и 8 часами въ недѣлю. Курсъ обученія въ нихъ продолжается отъ одного года до трехъ лѣтъ, при чемъ обязательными они являются во многихъ кантонахъ только для мальчиковъ.

Третій видъ обязательнаго обученія, какъ я упомянулъ выше, представляютъ собою такъ называемые рекрутскіе курсы, суще-

Digitized by Google

ствующіе большею частью въ кантонахъ, гдѣ народныхъ дополнительныхъ школъ не существуетъ или ихъ слишкомъ мало. Школы эти продолжаются обыкновенно одну или двѣ зимы (что составляетъ въ общемъ всего отъ 30 до 60 часовъ) непосредственно передъ рекрутскими наборами.

Таковы всѣ три вида существующихъ въ Швейцаріи обязательныхъ народныхъ школъ. Два послѣдніе вида долженствуютъ укрѣплять и пополнять знанія, полученныя въ первой, начальной школѣ, и дѣйствительно развитіе ихъ не замедлило отразиться на общемъ уровнѣ народнаго образованія.

Съ цѣлью прослѣдить, насколько народная школа исполняетъ свою задачу: выработку изъ дѣтей сознательныхъ гражданъ, и насколько прочно усваиваются учениками полученныя въ школѣ познанія, федеральнымъ союзомъ, на ряду съ медицинскимъ освидѣтельствованіемъ, съ 1875 года организуются ежегодно испытанія рекрутовъ въ знаніи роднаго языка, (чтенія, письма и изложенія), ариѳметики и швейцарской исторіи, географіи. Испытанія производится назначенными военнымъ департаментомъ 16 экспертами въ восьми девизіонныхъ округахъ Швейцаріи (въ каждомъ по 2 эксперта), при чемъ имъ подвергаются всѣ юноши достигшіе 19 лѣтъ, хотя бы они и не были приняты на военную службу. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ данныя испытанія болѣе цѣнными для сужденія о народномъ образованіи въ странѣ, чѣмъ данныя о грамотности въ другихъ государствахъ, гдѣ они, какъ извѣстно, устанавливаются въ большинствѣ случаевъ на основаніи грамотности среди новобранцевъ. Ежегодно публикуемые отчеты испытательныхъ коммисій заключаютъ въ себѣ данныя объ успѣхахъ, которые оказали граждане каждаго кантона отдѣльно; успѣхи эти обозначаются путемъ балловъ по каждому изъ поречисленныхъ предметовъ испытанія.

Давая такимъ образомъ каждому кантону яркую картину положенія у него народнаго образованія, показывая, насколько прочно усвояются учениками пріобрѣтаемыя въ его школѣ познанія, и преподаваніе какого предмета поставлено неудовлетворительнѣе другихъ, (свѣдѣнія, которыхъ кантонъ не могъ имѣть до сихъ поръ) отчеты эти не замедлили оказать значительное вліяніе на улучшеніе преподаванія въ начальныхъ школахъ и въ особенности на развитіе дополнительныхъ школъ. Рекрутскіе курсы, хотя и не могущіе, благодаря своей непродолжительности, много сдѣлать для развитія образованія—все же приносятъ извѣстную пользу, а своимъ возникновеніемъ они обязаны исключительно институту испытательныхъ рекрутскихъ коммисій: разоблачивъ особенно неудовлетворительное положеніе образованія въ бѣдныхъ кантонахъ, коммисіи задѣли ихъ контональный патріотизмъ, но не имѣя возможности устроить дополнительныя школы и не желая вмѣстѣ съ тѣмъ «стремиться» передъ своими союзниками, — кантоны эти создали Rekrutenkursen, цѣль которыхъ подготовить молодыхъ людей къ рекрутскимъ испытаніямъ, и

Digitized by Google

скрыть хотя бы отчасти отъ постороннихъ глазъ печальное положеніе своей народной школы.

Приводимая ниже таблица показываетъ, какіе значительные успѣхи сдѣлали всѣ кантоны въ дѣлѣ народнаго образованія за десятилѣтіе съ 1885 по 1895 годъ. Цифры показываютъ процентъ рекрутовъ, получившихъ болѣе чѣмъ по одному изъ названныхъ выше четырехъ предметовъ, баллъ 4 или 5, т. е. выказавшихъ понимъ очень неудовлетворительныя познанія или полное ихъ отсутствіе:

КАНТОНЫ:	1886	1895
Шафгаузенъ	8	1
Базельштадтъ	4	2
Тургау	9	6
Цюрихъ	14	9
Бернъ	25	12
Люцернъ	27	16
Ури	31	18
Швицъ	32	16
Обвальденъ	14	9
Нидвальденъ	18	7
Глярусъ	17	9
Цугъ	18	14
Фрибургъ	28	10
Золотурнъ	15	12
Базель-Ландъ	14	9
Аппенцель Ауссеръ-Роденъ	19	12
Аппенцель Иннеръ-Роденъ	52	33
Санъ Галленъ	29	12
Граубюнденъ	22	12
Аарау	17	10
Тэссинъ	28	15
Ваадъ	12	8
Валлисъ	39	13
Невшатель	16	5
Женева	11	6
Швейцарія	21	11

И такъ во всей Швейцаріи процентъ малознающихъ (которыхъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ неграмотными) упалъ за это десятилѣтіе съ 21 до 11; справедливость однако требуетъ замѣтить, что это уменьшеніе процента малознающихъ рекрутовъ не соотвѣтствуетъ увеличенію знаній, среди населенія, такъ какъ приведенныя цифры во многихъ кантонахъ искусственно понижены путемъ подготовки рекрутовъ спеціально къ этимъ испытаніямъ въ рекрутскихъ курсахъ, о которыхъ я говорилъ только что.

Кромѣ перечисленныхъ обязательныхъ народныхъ школъ, во многихъ кантонахъ существуютъ безплатныя необязательныя среднія народныя школы, дающія спеціальныя техническія (сельскохозяйственныя, ремесленныя, коммерческія) или же общеобразовательныя знанія (Secundarschulen, Ecoles supérieures). Школы эти, по своей программѣ и часто образцовой организаціи, представляютъ большой интересъ, но къ нимъ я надѣюсь вернуться при описаніи среднихъ школъ Швейцаріи, теперь же перейду къ школьному законодательству и школьнымъ бюджетамъ.

IV.

Кантональное школьное законодательство происходитъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ нѣсколько инымъ образомъ, чѣмъ всякое

Digitized by Google

другое. Въ 11 кантонахъ *) всякое измѣненіе или дополненіе законовъ, касающихся школы, можетъ быть произведено только путемъ народнаго голосованія (референдумъ). Законопроекты, касающіеся школы, какъ и вообще всѣ законопроекты могутъ быть вносимы не только депутатами кантональнаго совѣта но и 2000—10000 **) полноправныхъ гражданъ кантона (право иниціативы ***).

Управленіе народными школами находится въ рукахъ болѣе или менѣе независимыхъ отъ кантональнаго правительства—кантональныхъ школьныхъ управленій; мѣстный же надзоръ за школами поручается спеціальнымъ школьнымъ коллегіямъ (въ которыхъ не могутъ участвовать лица духовнаго званія), избираемыя школьными общинами. Связующимъ звеномъ между мѣстными школьными коллегіями и кантональнымъ школьнымъ управленіемъ являются инспектораты или «управительныя коллегіи» (Verwaltungskollegien), члены которыхъ назначаются школьнымъ управленіемъ во всѣхъ кантонахъ, за исключеніемъ Цюриха, гдѣ и они выбираются народомъ. Сообразно этому управленію, большинство кантоновъ раздѣляются на школьные округи, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ нѣсколькихъ общинъ.

Всѣ 3 перечисленные вида школьнаго управленія слѣдятъ за соблюденіемъ кантональнаго школьнаго законодательства, но это законодательство касается далеко не всѣхъ сторонъ школьной организаціи. Какъ и союзное школьное законодательство—оно устанавливаетъ лишь minimum того, что должны исполнить школьныя общины: оно устанавливаетъ минимальную программу школы, число лѣтъ обязательнаго посѣщенія школы, minimum вознагражденія учительскаго персонала, предъявляетъ извѣстныя требованія къ соблюденію школьной гигіены, но предоставляетъ общинамъ право увеличивать программу школы, увеличивать содержаніе учителямъ и т. д. и т, д. Кантонамъ выдается только часть потребныхъ на содержаніе народныхъ школъ денегъ. другая же большая часть добавляется школьными общинами ****). Отсюда понятно, что и въ общинахъ одного и того же кантона школа стоитъ далеко не на одномъ уровнѣ, такъ какъ экономическое положеніе общинъ, а стало быть средства, которыя они могутъ удѣлять изъ своихъ доходовъ на школу—весьма различно. Тогда какъ однѣ общины могутъ сдѣлать въ организаціи народной

*) Цюрихъ, Бернъ, Люцернъ, Швицъ, Золотурнъ, Базелляндъ, Санъ-Галленъ, Ааргау, Тургау, Тэссинъ.

**) Закономъ установленное число гражданъ, отъ имени которыхъ можетъ быть внесенъ законопроектъ зависитъ отъ величины народонаселенія кантона.

***) Въ Кантонъ Валлисѣ допускается иниціатива только въ вопросахъ касающихся школьныхъ бюджетовъ, кантонъ же Фрибургъ вовсе ея не допускаетъ.

****) Только полукантонъ Базель-городъ, къ которому принадлежатъ всего 3 общины и который имѣетъ поэтому весь городскую организацію, выдаетъ всю потребную на содержаніе школу сумму, да Женева ¾ этой суммы, всѣ же остальные кантоны выдаютъ всего отъ ½—1/10 ея.

Digitized by Google

школы гораздо больше, чѣмъ отъ нихъ требуетъ кантональное законодательство,—другіе, за недостаткомъ средствъ, не могутъ выполнить и подчасъ незначительныхъ требованій этого законодательства. Нѣкто Штюки (Stücki), въ выпущенной имъ брошюрѣ, разсказываетъ о засѣданіи общины Кальтенбергенъ, гдѣ обсуждался бюджетъ на слѣдующій годъ. Съ одной стороны кантональное управленіе требовало, чтобы общиною было построено новое зданіе школы вмѣсто почти разрушившейся старой, грозя въ случаѣ неисполненія совершить постройку на кантональныя средства и потомъ взыскать съ общины стоимость ея; съ другой стороны и учитель жаловался на то, что школа не отапливается зимою, что дѣти, вынужденныя иногда проходить отъ своего дома до школы разстояніе въ 2—5 километровъ, уставшія, озябшія, часто полуголодныя и плохо одѣтыя—не могутъ оказывать удовлетворительныхъ успѣховъ, когда ко всему этому прибавляется еще холодъ въ нетопленной школѣ. Признавая необходимость постройки новаго зданія школы, необходимость лучшаго отопленія ея,—совѣтъ общины однако видитъ, что не въ состояніи удовлетворить этихъ законныхъ требованій за неимѣніемъ средствъ... И на ряду съ подобными полуразвалившимися нетопленными зимою школами—вы увидите въ Цюрихѣ и другихъ большихъ городахъ буквально школьные дворцы: красивѣйшія зданія въ городѣ, съ вышками, колоннами, роскошными орнаментами и фигурами знаменитыхъ педагоговъ, съ громадными свѣтлыми классными гимнастическими залами, богато обставленными рабочими кабинетами, снабженными всѣми новѣйшими пособіями для наглядnаго обученія.

Но разница въ организаціи народной школы, въ отдѣльныхъ общинахъ и кантонахъ порождаемая различіемъ школьныхъ бюджетовъ, сказывается далеко не въ однихъ зданіяхъ,—плохія школьныя зданія въ бѣдныхъ общинахъ еще небольшое зло въ сравненіи съ массой другихъ недостатковъ, устранить которые они не могутъ. Бѣдные горные кантоны не могутъ кормить голодныхъ дѣтей, которыхъ особенно много въ этихъ кантонахъ,—тогда какъ Базель, Цюрихъ и др., даютъ бѣднымъ дѣтямъ супъ, молоко, устраиваютъ для нихъ даже спеціальныя Milchkuren, лѣтнія колоніи и т. д. Богатые кантоны имѣютъ возможность устроить у себя зимнія и лѣтнія купанія, игры, уроки плаванія подъ наблюденіемъ учителей и т. д., а въ бѣдныхъ общинахъ остаются неудовлетворенными и самыя основныя требованія школьной гигіены.

Но особенно большое значеніе для успѣшнаго обученія въ школѣ играютъ книги и учебныя пособія, недовлетворительность или даже полное отсутствіе которыхъ у школьниковъ бѣдныхъ общинъ значительно тормозитъ ходъ обученія.

Безплатная выдача всѣмъ ученикамъ учебныхъ пособій и книгъ организована только въ 7 кантонахъ, въ 2 кантонахъ выдаются безплатно только книги и 3 кантона предоставляютъ общинамъ ввести у себя безплатную выдачу книгъ и пособій, на

Digitized by Google

что кантонъ обязывается ассигновывать ежегодно опредѣленную сумму изъ своихъ средствъ. Излишне прибавлять, что въ число этихъ 12 кантоновъ, такъ или иначе организовавшихъ у себя безплатную выдачу учебныхъ пособій или книгъ,—не входятъ бѣдные горные кантоны, о которыхъ я говорилъ выше...

Во что обходится отдѣльнымъ кантонамъ каждый школьникъ и сколько расходовъ на содержаніе народныхъ школъ падаетъ на каждаго жителя—читатель увидитъ изъ слѣдующей таблицы. Цифры

КАНТОНЫ:	Учен. нач. нар. школы. стоитъ. въ годъ.	На 1 жителя пад. въ годъ расход. на содер. нач. нар. школъ. въ франкахъ.
Цюрихъ	76	12,6
Тургау	60	10,0
Санъ Галленъ	66	9,9
Гларусъ	54	9,6
Шафгаузенъ	48	8,6
Базельштадтъ	97	8,1
Невшатель	45	6,9
Аарау	41	6,6
Золотурнъ	38	6,2
Бернъ	32	5,9
Ваадъ	37	5,7
Женева	64	5 4
Аппенцэль Аусенъ-Родэнъ	28	5 1
Люцернъ	38	4 6
Базелландъ	25	4,4
Цугъ	28	4,3
Нидвальдэнъ	28	4,2
Аппенцэль Иннэръ-Родэнъ	29	4,1
Граубюндэнъ	27	4,1
Ури	17	3,7
Фрибургъ	20	3,5
Швицъ	24	3,4
Тэссинъ	24	3,3
Валлисъ	13	2,7
Обвальденъ	17	2,3
Швейцарія	42	6,8

эти относятся къ 1890—91 учебному году. Къ сожалѣнію, я не могу воспользоваться извѣстными мнѣ новѣйшими данными о расходахъ на народную школу, данными, которыя путемъ сравненія съ приведенными, показали бы, что ростъ этотъ почти совершенно незамѣтенъ въ такихъ кантонахъ какъ Тэссинъ, Валлисъ, Обвальдэнъ, гдѣ школа наиболѣе нуждается въ улучшеніяхъ.

Къ сказанному о дѣятельности кантоновъ въ области организаціи начальнаго образованія надо прибавить, что управленіями десяти кантоновъ взято на себя и изданіе книгъ и учебныхъ пособій.

Результатомъ этого является кромѣ экономіи, значительно понижающей стоимость ихъ,—также улучшеніе ихъ качества: издаются только выдержавшія конкурсъ книги и пособія (атласы, карты картины для наглядnаго обученія) и само изданіе производится подъ наблюденіемъ опытныхъ педагоговъ, такъ что въ немъ соб-

Digitized by Google

людаются всѣ требованія педагогики, требованія гигіены глаза: (какъ то крупный четкій шрифтъ въ учебникахъ, не слишкомъ длинныя строки, и т. д.

V.

Переходя къ обозрѣнію преподавательскаго персонала швейцарскихъ народныхъ школъ, надо замѣтить, что въ этой части организаціи школъ существуютъ едва ли не большія различія между кантонами, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ выше. Образовательный цензъ преподавательскаго персонала, процентъ въ немъ женскаго элемента, назначеніе и вознагражденіе его, все это чрезвычайно различно въ отдѣльныхъ кантонахъ.

Для приготовленія народныхъ учителей всѣ кантоны, за исключеніемъ семи, имѣютъ спеціальныя учительскія семинаріи или педагогическіе классы и отдѣленія при среднихъ или высшихъ (Цюрихъ и Базель) учебныхъ заведеніяхъ, шесть кантоновъ имѣютъ кромѣ того курсы для приготовленія народныхъ учительницъ и только одинъ Цюрихъ — смѣшанную учительскую семинарію съ учащимися обоего пола. Въ семи кантонахъ, неимѣющихъ спеціальныхъ учрежденій для подготовки народныхъ учителей — образовательный цензъ ихъ ограничивается среднею народною школой.

Многіе католическіе кантоны имѣютъ преподавателями въ народныхъ школахъ лицъ духовнаго званія, монаховъ и въ особенности монахинь, (Lehrschwestern) число которыхъ въ полукантонѣ Нидвальденѣ доходитъ до 80% всего преподавательскаго персонала. Такое пристрастіе къ женскому преподавательскому персоналу *) объясняется отчасти тѣми же экономическими расчетами: эти Lehrschwestern довольствуются очень скромнымъ вознагражденіемъ или даже вовсе безплатно занимаются въ школѣ. Въ участіи лицъ духовнаго и монашескаго званія въ преподаваніи въ школѣ, въ качествѣ учителей по всѣмъ предметамъ школьной программы, кантонъ Базельштадтъ, запретившій его въ 1884 году, не безъ основанія увидѣлъ путь къ воздѣйствію на школьниковъ въ воспрещенномъ союзнымъ законодательствомъ направленіи. Какъ читатель вспомнитъ, согласно союзному закону объ общественныхъ школахъ, эти послѣднія могутъ быть посѣщаемы дѣтьми всѣхъ вѣроисповѣданій и свобода ихъ вѣры и совѣсти не должна быть нарушаема, но, такъ какъ при участіи лицъ духовнаго и монашескаго званія въ качествѣ преподавателей по всѣмъ предметамъ школьной программы такое стѣсненіе свободы вѣры и совѣсти неизбѣжно, такъ же какъ неизбѣжно и религіозное воздѣйствіе на всѣхъ дѣтей, и не принадлежащихъ къ католической церкви, то очевидно, что само это участіе является до нѣкоторой

*) Во всей Швейцаріи учительницы составляютъ въ нар. шк. 84,5% всего преп. персонала.

Digitized by Google

степени нарушеніемъ названнаго закона. Такой преподавательскій персоналъ изъ лицъ духовнаго и монашескаго званія преобладаетъ въ такъ называемыхъ «первобытныхъ» *) кантонахъ—(Ури, Швицъ и Унтервальденъ), и въ кантонѣ Цугъ.

Прежде чѣмъ получить постоянную должность народнаго учителя, въ нѣкоторыхъ кантонахъ лица, имѣющія дипломъ на право быть учителемъ, обязаны пробыть въ продолженіе извѣстнаго времени на пробной службѣ (Probezeit), и лишь по истеченіи ея они могутъ добиваться постояннаго мѣста учителя. Назначеніе учителей совершается школьными коллегіями, общинными совѣтами или путемъ народныхъ выборовъ. Этотъ послѣдній способъ назначенія не безосновательно вызываетъ многочисленныя нареканія и въ многихъ мѣстахъ начинаетъ замѣняться другими двумя. Выборы учителя народомъ имѣютъ свой raison d'être, какъ справедливо замѣтила одна цюрихская газета, только въ небольшихъ деревенскихъ общинахъ, гдѣ они совершаются рѣдко и представляютъ событіе значительной важности, гдѣ кандитаты въ учителя знакомы большинству гражданъ, въ болѣе же крупныхъ, городскихъ общинахъ, иногда съ десятками школъ, выборы эти, не имѣя того значенія, какъ въ мелкихъ общинахъ—принимаютъ часто совершенно неумѣстную въ подобныхъ выборахъ политическую окраску, что иногда ведетъ къ особенно печальнымъ результатамъ въ кантонахъ, гдѣ учителя назначаются не пожизненно, а на опредѣленный срокъ (6—8 лѣтъ), по истеченіи котораго, должны быть снова произведены выборы.

Вознагражденіе народныхъ учителей Швейцаріи колеблется въ различныхъ кантонахъ до невѣроятной степени: достигая въ полукантонѣ Базель-Городъ 4.500 франковъ (по курсу около 1.700 руб.) оно падаетъ до 300—500 франковъ въ годъ въ кантонахъ Валлисъ и Тэссинъ. Кромѣ бѣдности не дающей кантонамъ возможности платить учителямъ болѣе приличное вознагражденіе, чрезвычайная скудность послѣдняго объясняется еще тѣмъ, что школа во многихъ горныхъ и земледѣльческихъ кантонахъ, какъ я упоминалъ, продолжается всего 6—7 мѣсяцевъ, за которые только собственно и выдается жалованіе. При такомъ низкомъ вознагражденіи не можетъ содержать себя одинокій учитель, хотя бы съ самыми скромными потребностями, не говоря уже о семейныхъ учителяхъ. Понятно, поэтому, что наряду съ занятіемъ въ школѣ почти всѣ народные учителя въ этихъ кантонахъ имѣютъ какое нибудь побочное занятіе, дающее имъ возможность пополнять свои болѣе чѣмъ скромные оклады жалованья; такъ изъ 471 человѣкъ учительскаго персонала кантона Граубюндена только 38 не имѣли никакихъ побочныхъ занятій, всѣ же остальные занимались какъ промысломъ сельскимъ хозяйствомъ, какимъ-нибудь ремесломъ, были священнослужите-

*) Называются они такъ потому, что легли въ основаніе настоящаго Швейцарскаго союза.

Digitized by Google

лями, почтовыми чиновниками, судьями, вели торговлю и т. д., такъ что нерѣдко учительство дѣлалось для нихъ побочнымъ занятіемъ. Насколько это неблагопріятно отражается на веденіи школы, прекрасно конечно сознается и самими кантонами, но повысить учителямъ оклады жалованья они не могутъ, а при существующихъ теперь они не считаютъ возможнымъ запрещать учителямъ искать себѣ побочныхъ статей дохода.

Кромѣ жалованья, учителя получаютъ квартиру, отопленіе и кусокъ земли для огорода, или же что-либо одно изъ этого. Кантонъ Валлисъ кромѣ того освобождаетъ учителей отъ уплаты всякихъ налоговъ, которые впрочемъ, принимая во вниманіе чрезвычайно незначительные доходы учителей этого кантона,— составляли бы мизерную цифру.

Въ большинствѣ кантоновъ учителя каждыя 10 лѣтъ получаютъ прибавку къ жалованью, которая въ нѣкоторыхъ кантонахъ (Женева, Невшатель, Цюрихъ и т. д.) достигаютъ по истеченіи 30 лѣтъ службы—суммы 600—800 франковъ въ годъ, но эти прибавки, болѣе или менѣе значительно улучшающія съ теченіемъ службы матеріальное положеніе народныхъ учителей существуютъ въ кантонахъ, сносно или даже хорошо оплачивающихъ ихъ трудъ; въ тѣхъ же кантонахъ, гдѣ учителя наиболѣе нуждаются въ подобныхъ прибавкахъ, они достигаютъ ничтожной цифры 50 франковъ въ годъ послѣ каждыхъ 10 лѣтъ службы.

Во всѣхъ кантонахъ выдаются учителямъ также пенсіи, въ однихъ уже послѣ десятилѣтней (Базельштадтъ); въ другихъ послѣ 20—30 лѣтней службы. Размѣры пенсіи конечно тамъ больше, гдѣ выше вознагражденіе учителей, въ Базелѣ напр. она достигаетъ 4500 франковъ въ годъ, въ Цюрихѣ 3000 и т. д. Народныя учительницы, вознаграждаемыя вездѣ хуже учителей, получаютъ низшія пенсіи. Пенсіи всѣ выдаются частью кантономъ, частью общинами, и наконецъ часть учительскими кассами взаимопомощи, участіе въ которыхъ во многихъ кантонахъ обязательно для учителей.

Кромѣ этихъ кассъ во всей Швейцаріи очень распространены и другія учительскія общества, изъ которыхъ нѣкоторыя насчитываютъ очень много членовъ и преслѣдуютъ весьма разнообразныя цѣли. Въ особенности интересно въ этомъ отношеніи «Бернское общество учителей», въ которомъ участвуютъ $^4/_5$ всѣхъ учителей кантона. Главною цѣлью общества служитъ защита интересовъ учителей, и оно проявляетъ свою дѣятельность особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда учителя, прослужившаго срокъ, на который онъ былъ выбранъ (6—8 лѣтъ) не выбираютъ снова на эту должность. Въ такихъ случаяхъ общество узнаетъ о причинахъ его забаллотировки, и если причина ея заключается не въ плохомъ исполненіи учителемъ своихъ обязанностей—то въ продолженіи двухъ лѣтъ ни одинъ членъ общества не можетъ занять мѣста этого учителя. Подобныя же общества существуютъ и въ другихъ кантонахъ (Цюрихъ, Ааргау, Шафгаузенъ и др.)

Digitized by Google

Учителя часто устраиваютъ съѣзды, кантональные или общешвейцарскіе, на которыхъ они обсуждаютъ различные вопросы, касающіеся непосредственно ихъ быта или народной школы; но помимо всякихъ добровольныхъ съѣздовъ во всѣхъ кантонахъ (за исключеніемъ Гляруса) учителя обязаны являться на учительскія конференціи, устраиваемыя обыкновенно ежегодно, главною цѣлью которыхъ является дальнѣйшее образованіе учителей. На нихъ читаются и обсуждаются доклады, рефераты, касающіеся преимущественно вопросовъ педагогики; кромѣ того во многихъ кантонахъ имъ предоставляется право петицій и проэктовъ по вопросамъ, касающимся всѣхъ областей школьнаго дѣла.

Отношеніе числа учителей къ числу учениковъ народной школы, иначе говоря, количество учениковъ, приходящееся на каждаго учителя, также весьма различно въ отдѣльныхъ кантонахъ, какъ читатель видитъ изъ прилагаемой таблицы:

КАНТОНЫ:	На 1 учителя приходится учениковъ.
Аппенцель Аусэръ-Роденъ	90
Цюрихъ	75
Базелландъ	70
Санъ Галенъ	70
Аппенцель Иннэръ-Роденъ	64
Гларусъ	62
Тургау	62
Ури	58
Обвальденъ	56
Золотурнъ	54
Базельштадтъ	54
Аргау	53
Швицъ	52
Шафгаузенъ	52
Цугъ	51
Бернъ	49
Люцернъ	49
Нидвальденъ	48
Фрибургъ	47
Ваадъ	40
Валисъ	40
Невшатэль	39
Тэссинъ	34
Женева	32
Граубюнденъ	31
Средн. въ Швейц.	50

Цифры эти нѣсколько устарѣли (онѣ взяты изъ названнаго «Jahrbuch des Unterrichtswesens in der Schweiz» за 1891 годъ и относятся къ 1890—91 уч. году) и хотя съ тѣхъ поръ число учителей во многихъ кантонахъ возросло относительно въ большей степени, чѣмъ число учениковъ, но и теперь картина въ общемъ остается та же и говоритъ на этотъ разъ въ пользу большинства горныхъ и земледѣльческихъ кантоновъ, гдѣ число учениковъ, приходящихся на каждаго учителя, значительно меньше, чѣмъ въ промышленныхъ кантонахъ. Обстоятельство, заставляющее многіе небогатые кантоны (Тэссинъ, Граубюнденъ) имѣть вдвое большее число учителей, чѣмъ напримѣръ, богатый промышленный кантонъ Цюрихъ—заключается въ рѣдкости и разсѣянности населенія, благодаря чему и число школъ должно быть

Digitized by Google

гораздо большее въ этихъ кантонахъ, чѣмъ въ кантонахъ густонаселенныхъ. Такъ въ кантонѣ Тэссинѣ на каждую школу проходится всего 33,8 ученика, тогда какъ въ кантонѣ Цюрихѣ 141, а въ Шафгаузенѣ даже 186. Имѣя сравнительно небольшое значеніе въ смыслѣ лучшаго веденія преподаванія, содержаніе большого количества учителей и школъ ложится тяжелымъ бременемъ на небогатые кантоны и заставляетъ ихъ экономить на безобразно низкой, какъ читатель видѣлъ, оплатѣ труда учителей, неудовлетворительной постройкѣ школьныхъ зданій и другихъ статьяхъ школьнаго бюджета.

Что касается швейцарскихъ народныхъ учителей какъ педагоговъ,—то въ громадномъ большинствѣ въ нихъ меньше всего видны потомки Песталоцци и другихъ знаменитыхъ педагоговъ, которыми съ правомъ гордится ихъ родина.

Какимъ поразительнымъ контрастомъ всей постановкѣ швейцарской народной школы является тотъ фактъ, что большинство педагоговъ ея, получившихъ въ такихъ кантонахъ какъ Цюрихъ нерѣдко высшее образованіе, поставленные въ самыя благопріятныя условія преподаванія—не могутъ обойтись безъ того, чтобы не бить дѣтей! Фактъ этотъ не представляетъ тайны для швейцарца: о немъ онъ читаетъ въ печати, слышитъ отъ дѣтей, наконецъ убѣждается самъ, посѣтивъ во время уроковъ школу, доступъ въ которую открытъ почти всѣмъ желающимъ, и учитель при постороннемъ посѣтителѣ не стѣсняется такъ же щедро раздавать «Ohrfeige», драть за уши учениковъ, совершившихъ какую нибудь шалость или даже только не знавшихъ урока; не стѣсняется потому, что подобная «наука» не запрещается ему школьнымъ регламентомъ, потому что грубые швейцарскіе нравы не видятъ въ этомъ ничего предосудительнаго и даже считаютъ раціональнымъ воспитательнымъ средствомъ...

Къ чести французскихъ кантоновъ надо сказать, что тамъ сравнительно рѣдко встрѣчаются такіе воинственные педагоги.

Изъ всего сказаннаго о низшей народной швейцарской школѣ читатель видитъ, что не существуетъ болѣе или менѣе очерченнаго типа ея. Тогда какъ въ однихъ кантонахъ школы эти удовлетворяютъ до мелочей всѣмъ требованіямъ педагогики и гигіены, въ другихъ устройство ихъ во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительно. Но есть одна черта, общая всѣмъ кантонамъ, почти всѣмъ общинамъ Швейцаріи, черта, которая одинаково выдѣляется во всей Швейцаріи—это та любовь, съ которою швейцарцы относятся къ школѣ, своему любимому дѣтищу, вездѣ они дѣлаютъ для школы все возможное, бѣда лишь въ томъ, что это возможное во многихъ кантонахъ весьма ограничено.

Откуда у швейцарца такая любовь къ школѣ—понятно, если вспомнить какъ много онъ ей обязанъ, какъ она ему постоянно

Digitized by Google

нужна. Нигдѣ не чувствуется такъ осязательно потребность въ хорошо организованной народной школѣ, нигдѣ весь государственный механизмъ не связанъ такъ неразрывно съ ней, какъ въ демократической швейцарской республикѣ, населеніе которой не только выбираетъ своихъ представителей въ федеральныя и кантональныя законодательныя учрежденія, но и само часто отправляетъ роль высшаго законодателя, само призывается къ рѣшенію важныхъ государственныхъ вопросовъ. Почти ни одно воскресенье не проходитъ въ Швейцаріи безъ народнаго голосованія по какому нибудь союзному или кантональному законопроекту, и каждое такое голосованіе должно возбуждать у швейцарца вопросъ: достаточно ли подготовлены *всѣ* швейцарскіе граждане для рѣшенія этихъ вопросовъ, въ состояніи ли *всѣ* граждане разобраться въ нихъ и дать имъ истинное разрѣшеніе? И кто задается этимъ вопросомъ—тотъ не можетъ на него отвѣтить утвердительно, потому что противъ такого отвѣта вопіютъ сами факты. Нѣтъ, далеко еще не всѣ швейцарцы съ достаточнымъ сознаніемъ подаютъ свои голоса при томъ или иномъ референдумѣ или выборахъ, и съ наименьшимъ сознаніемъ это дѣлаютъ именно жители бѣдныхъ, глухихъ католическихъ кантоновъ, гдѣ плохо поставлена школа, кантоновъ, находящихся всецѣло въ рукахъ католическаго духовенства и придерживающихся ихъ реакціонной политики. Представители этихъ именно кантоновъ являются самыми ярыми противниками субсидированія союзомъ школъ и въ особенности установленія союзнаго контроля надъ ними, основательно опасаясь потерять послѣ улучшенія школьнаго обученія ту неограниченную власть, которою они располагаютъ въ этихъ кантонахъ.

Вопросъ этотъ о субсидированіи союзомъ народныхъ школъ и установленіи болѣе точныхъ требованій, касающихся народнаго образованія, отъ кантоновъ давно назрѣлъ, и, надо думать, недалеко то время, когда онъ будетъ разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ.

И. Берлинъ.

Digitized by Google

Пятилѣтіе московской коммиссіи по организаціи домашняго чтенія.

1. Программы домашняго чтенія на третій годъ систематическаго курса. М. 1897. in 8-vo. Стр. XVI + 320. Ц. 50 к.

2. Программы домашняго чтенія на первый годъ *) систематическаго курса. М. 1898. in 8-vo. Стр. XVI+200. Ц. 30 коп. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное.

3. Отчетъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія за 1896 годъ и статистическіе матеріалы о ея дѣятельности за 1895 и 1896 гг. М. 1897. in 8-vo. Стр. 2 нен. + 18 + 84. Ц. 30 коп.

Перваго марта начавшагося года исполняется пять лѣтъ существованія и три года практической дѣятельности Коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ и дѣйствующей на основаніи точнаго пониманія устава названнаго общества: общее образованіе должно предшествовать всякому спеціальному, техническому или профессіональному, либо во всякомъ случаѣ ему сопутствовать; чѣмъ совершеннѣе и шире это общее образованіе, тѣмъ цѣннѣе и плодотворнѣе въ практической жизни дѣятельность такого спеціалиста. Это—аксіома, которая остается непонятной только для лицъ, имѣющихъ о просвѣщеніи и его роли въ современной дѣйствительности болѣе чѣмъ смутныя представленія, забывающихъ, что отъ правильной постановки въ странѣ общаго образованія стоитъ въ непосредственной зависимости нормальный ходъ государственной и общественной жизни. Но это *общее образованіе* не должно быть удѣломъ лишь тѣхъ, кто попалъ въ среднюю или высшую школу, оно должно принадлежать *всѣмъ*, разумѣя подъ всѣми всѣхъ грамотныхъ и полагая, что въ современномъ культурномъ государствѣ не можетъ *быть* неграмотныхъ, что въ немъ господствуетъ обязательное всеобщее обученіе, отсутствіе котораго можно любезно удѣлить Турціи, Персіи или Китаю. *Универсальность общаго образованія*—вотъ принципъ, который приходится теперь исповѣдывать гражданину культур-

*) Печатается и въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ *второе* изданіе программъ домашняго чтенія на *второй* годъ систематическаго курса.

Digitized by Google

наго государства, на которомъ надо строить всю свою дѣятельность учрежденію, подобному комиссіи по организаціи домашняго чтенія въ Москвѣ. Едва ли не Даніи принадлежитъ честь *первой* попытки практическаго осуществленія этого принципа: высшая народная школа открыта была на частныя средства въ 1844 году въ Реддингѣ; къ началу 1897 г. въ Даніи такихъ школъ было уже 68, а общее количество лицъ, получившихъ образованіе въ нихъ, превышало 120,000, такъ что приблизительно на 20 человѣкъ приходится одно лицо, окончившее высшую народную школу. Само собою разумѣется, говоритъ по этому поводу одинъ нѣмецкій спеціалистъ по вопросу о распространеніи университетскаго образованія въ Европѣ, что, благодаря этимъ школамъ, народу стали доступны датская поэзія и исторія, любовь къ отечеству получила новую пищу, умственный кругозоръ населенія расширился и существенно смягчились различія между общественными классами. *Народный университетъ* въ Европѣ, знакомый также Финляндіи, Швеціи, Норвегіи и частью Сѣверной Америкѣ, имѣетъ уже свою болѣе, чѣмъ пятидесятилѣтнюю исторію, и принадлежитъ къ величайшимъ пріобрѣтеніямъ истекающаго девятнадцатаго вѣка. Гораздо моложе движеніе, извѣстное подъ именемъ *распространенія университетскаго образованія* и вышедшее изъ Англіи. Народный университетъ и распространеніе университетскаго образованія по своимъ пріемамъ не одно и то же, хотя и могутъ совпадать *).

Тамъ, гдѣ такъ или иначе возможна какая либо изъ формъ *распространенія университетскаго образованія*, обладающаго всего лишь четвертьвѣковой исторіей, можетъ быть совершенно пока невозможнымъ народный университетъ. Думается, что это замѣчаніе можетъ быть вполнѣ отнесено къ современной Россіи. Публичныя лекціи въ провинціи и организація домашняго чтенія— вотъ формы, въ которыхъ прежде всего возможна у насъ демократизація научныхъ знаній. Опершись на твердую почву устава общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ и колоссально назрѣвшую въ провинціальномъ обществѣ потребность въ самообразованіи, весною 1893 года открылась московская «комиссія по организаціи домашняго чтенія», намѣтившая «возможными предметами» своей дѣятельности:

1) руководство домашнимъ чтеніемъ;

2) составленіе для этой цѣли списковъ книгъ и постановка темъ для чтенія;

3) сношенія съ библіотеками и иными учрежденіями и лицами, съ цѣлью распространенія рекомендуемыхъ комиссіей

*) Упомянутый въ текстѣ нѣмецкій спеціалистъ такъ рисуетъ разницу между тѣмъ и другимъ: „Die nordischen Volkshochschulen sind wesentlich für die Landbevölkerung geschaffen, während die Universitäts-Ausdehnungs-Bewegung vermöge ihrer ganzen Einrichtung sich auf die Städte beschränkt und der Landbevölkerung nicht viel zu bieten vermag» (Schultze, 15).

Digitized by Google

книгъ, а также комиссіонная дѣятельность для облегченія сношеній читателей съ книгопродавцами и образованіе собственной библіотеки для снабженія читателей книгами;

4) издательская дѣятельность;

5) организація публичныхъ чтеній въ столицѣ и провинціи.

Комиссія открылась въ составѣ 85 членовъ подъ предсѣдательствомъ П. Н. Милюкова, положившаго въ сотрудничествѣ съ Е. Н. Орловой (товарищъ предсѣдателя) и А. С. Милюковой (секретарь) массу энергіи и труда въ дѣло устройства коммиссіи и пустившаго въ ходъ всѣ свои многочисленныя ученыя связи. Пишущій настоящія строки живо помнитъ страстное увлеченіе названнаго ученаго дѣломъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, и, едва ли меня упрекнутъ въ нѣкоторомъ преувеличеніи, если я скажу, что безъ его энергіи, а главное его ученаго и общественнаго авторитета, не скоро могло бы создаться учрежденіе, которое, несмотря на нѣкоторые его теперешніе недостатки, можетъ быть предметомъ самаго серьезнаго вниманія со стороны западноевропейскихъ предпріятій по University Extension, двинувшихъ свою работу далеко за предѣлы Европы, въ Америку, Африку (въ Капѣ, на Золотомъ берегу) и даже въ Азію (подъ руководствомъ университета въ Мадрасѣ). За границей, сколько мнѣ извѣстно, мало знаютъ о московской комиссіи *), хотя фактъ ея существованія извѣстенъ англійскимъ и американскимъ организаціямъ niversity Extension. По крайней мѣрѣ E. Schultze (S. 29,—31), 111), писавшій со словъ П. Бучинскаго, приватъ-доцента новороссійскаго университета, ничего *не* говоритъ ни о комиссіи по организаціи домашняго чтенія въ Москвѣ, ни объ «отдѣлѣ для содѣйствія самообразованію въ комитетѣ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній» въ С.-Петербургѣ. E. Schultze подробно остановился лишь на открытыхъ въ Одессѣ съ осени 1895 года общедоступныхъ курсахъ по естествознанію и математикѣ (см. также «Новое Время» отъ 23 ноября 1896 г.—замѣтка В. И. Бѣловѣжскаго «*Русское University Extension*» со словъ того же П. Бучинскаго, секретаря лекціоннаго комитета и завѣдывающаго публичными лекціями) и упомянулъ о лекціяхъ въ Казани, Харьковѣ и Кіевѣ; doch sind dieselben, замѣчаетъ авторъ, nicht so vollständig und systematisch, auch nicht so gut ausgewählt, wie in Odessa. Прошу извиненія еще за одну цитату, которую мнѣ кажется необходимымъ привести въ виду ея характерности и интереса для тѣхъ, кто отлично понимаетъ у насъ смыслъ выраженія Sapienti sat. «Die Aufnahme der Vorlesungen (въ Одессѣ) war eine sehr günstige; das Publikum war begeistert, die Presse trat warm für die

*) О статьѣ „La commission de Moscou pour la propagation de l'instruction supérieure (?) au moyen de lectures faites à domicile» въ «Revue internationale de l'enseignement» (1897. I) я уже имѣлъ случай говорить въ мартовской книжкѣ „Образованія“ за 1897 г. (стр. 74—81) въ замѣткѣ «*По поводу отчета московской коммиссіи домашняго чтенія*».

Digitized by Google

selben ein, und die Universität unterstützte sie energisch: alle Vorlesungen fanden im Universitätsgebäude selbst statt, und auch sonst liessen die Universitätsbehörden der Sache die weitgehendste moralische Unterstützung zu teil werden; eine pekuniäre Unterstützung wurde von der Regierung weder gewährt noch war sie wohl auch erbeten — obwohl der russische Kultusminister den stolzen Namen «Minister für Volksaufklärung» führt». Дополняя эти слова нашего спеціалиста по вопросу о распространеніи университетскаго образованія, надо сказать, что не только одесскій лекціонный комитетъ, но и учрежденіе болѣе сложное и дорогое, какъ комиссія по организаціи домашняго чтенія, существуютъ исключительно на *частныя* средства, послѣдняя особенно нуждается въ матеріальной *) помощи, и было бы весьма странно, чтобы не сказать больше, еслибъ наше общество не проявило въ этомъ отношеніи самой широкой иниціативы. Вѣдь все движеніе «распространенія университетскаго образованія», по крайней мѣрѣ въ первой стадіи своего развитія, будетъ тѣмъ живѣе, тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ энергичнѣе будетъ общественная иниціатива, чѣмъ подальше будутъ держаться отъ него государство и университетъ, какъ учрежденіе: лучшая помощь движенію съ ихъ стороны, какъ выразился удачно П. Милюковъ въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства» за 1896 годъ (стр. 121), можетъ «ограничиться на первый разъ сочувственнымъ отношеніемъ къ проявленіямъ общественной иниціативы». Быть можетъ въ пику Одессѣ слѣдуетъ замѣтить, что къ University Extension и московскій университетъ, и московскія ученыя общества обнаруживаютъ до сихъ поръ вопіющій индифферентизмъ. Это уже крайность, едва ли желательная для успѣха дѣла.

...«Коммиссія, говорилось въ ея первоначальныхъ предположеніяхъ, ставитъ своей цѣлью руководить домашнимъ чтеніемъ лицъ, желающихъ пополнить путемъ чтенія пробѣлы своего образованія. Для этой цѣли коммиссія издаетъ... списки темъ для чтенія и письменныхъ работъ... Предполагаемыя для чтенія темы дѣлятся на двѣ категоріи. А. *Общія темы*, предназначаемыя преимущественно для систематическаго чтенія тѣхъ лицъ, которыя пожелали бы подъ руководствомъ коммиссіи пріобрѣсти законченный циклъ общеобразовательныхъ свѣдѣній. Планъ и послѣдовательность такого систематическаго курса чтенія, обнимающаго весь кругъ общеобразовательныхъ знаній и расчитаннаго на извѣстный небольшой циклъ лѣтъ (или полугодій), должны быть выработаны особой подкоммиссіей... Желательно было бы ввести и самихъ читателей въ сознательное пониманіе выработаннаго плана путемъ постановки въ томъ же отдѣлѣ темъ, относящихся къ вопросамъ о системѣ и классификаціи наукъ и т. п. Чтобы удовлетворить одновременно потребностямъ разнаго круга читателей, въ составѣ

*) Это видно также изъ ея денежнаго отчета, составленнаго нѣсколько неясно и черезчуръ сжато.

Digitized by Google

общеобразовательнаго круга могутъ быть различены: а) *основные* предметы, составляющіе элементарную основу общаго образованія, и b) *дополнительные*, присоединеніе которыхъ желательно въ видахъ большей пользы и основательности общеобразовательнаго курса. В. *Спеціальныя темы*, обнимающія болѣе или менѣе значительный отдѣлъ науки или касающіяся отдѣльныхъ вопросовъ, могущихъ интересовать читателей, либо по связи *съ общимъ міросозерцаніемъ, либо по связи съ вопросами текущей жизни*. Эти темы назначаются каждый годъ (или полугодіе) изъ всѣхъ отдѣловъ знанія, по которымъ коммиссія признаетъ нужнымъ вести домашнія чтенія. По каждому крупному отдѣлу наукъ желательно имѣть не менѣе двухъ темъ,—одну для болѣе легкаго и элементарнаго, другую для болѣе труднаго чтенія». Ставя такъ свою цѣль, коммиссія сильно желала привлечь своихъ читателей какъ къ самостоятельной постановкѣ тѣхъ или другихъ научныхъ вопросовъ, такъ и къ живому обсужденію всей постановки дѣла домашняго чтенія въ Россіи. «Желательно также, читаемъ въ упомянутыхъ предположеніяхъ, чтобы сами читатели указывали предметы занятій, могущіе ихъ интересовать; подобныя указанія могли бы быть приняты коммиссіей во вниманіе, и соотвѣтственныя темы поставлены послѣ обсужденія ихъ обычнымъ порядкомъ». На практикѣ коммиссія отклонилась отъ первоначальнаго предположенія выработать программу *общеобразовательнаго типа* (или энциклопедическую, какъ ее называютъ иначе), отклонилась, собственно говоря, отъ основной цѣли самаго своего существованія, и я уже имѣлъ удовольствіе разъ доказывать законность такого отступленія какъ въ силу отсутствія опыта и неяснаго представленія о существѣ подобной программы (теперь окончательно выяснилось, что энциклопедическихъ программъ придется выработать нѣсколько типовъ), такъ и въ виду полнаго отсутствія у насъ подходящей литературы, которую пришлось бы создавать вмѣстѣ съ выработкой программъ. Преслѣдованіе этой основной цѣли предоставлено было будущему: это будущее должно стать настоящимъ въ текущемъ году, иначе коммиссіи нечего будетъ дѣлать и не для чего жить; ея настоящая дѣятельность по выработкѣ программъ на четыре года систематическаго курса должна въ извѣстной мѣрѣ отойти въ область прошлаго, ибо въ наступившемъ году выйдетъ послѣдній (четвертый) выпускъ спеціальныхъ программъ. Особая подкоммиссія въ 1893 г., подсказавшая констатированное сейчасъ отклоненіе, находила «затруднительнымъ выработать общеобразовательный курсъ систематическаго чтенія, который бы составлялъ одно цѣлое по всѣмъ отдѣламъ знанія»; «преимущество цѣльнаго общеобразовательнаго курса, заключающееся въ возможности построить этотъ курсъ на единомъ общемъ началѣ, не искупаетъ тѣхъ неудобствъ, съ которыми связана выработка такого курса; при незначительномъ количествѣ времени, которое въ этомъ случаѣ можетъ быть отведено на ознакомленіе съ отдѣльными науками, знакомство съ ними должно свестись къ

Digitized by Google

изученію нѣсколькихъ элементарныхъ учебниковъ, которые, конечно, не могутъ возбудить интереса къ пріобрѣтенію знаній въ средѣ читающей публики; едва ли также этимъ путемъ что либо можетъ быть сдѣлано для систематизаціи знаній на общей философской основѣ, что составляло бы главную задачу цѣльнаго курса». «Такъ какъ съ другой стороны, со времени возникновенія комиссіи въ средѣ ея членовъ не разъ возникала мысль о необходимости выработки программъ для чтенія по *отдѣльнымъ* предметамъ, то подкоммиссія, какъ читаемъ въ первомъ отчетѣ, остановилась на рѣшеніи, которое, по ея мнѣнію, всего удобнѣе можетъ примирить первоначальное намѣреніе коммиссіи съ необходимостью дать читателямъ съ самаго начала болѣе или менѣе обстоятельныя указанія для занятія отдѣльными предметами въ полномъ ихъ составѣ. Вмѣсто одного общеобразовательнаго курса, подкоммиссія предположила выработать рядъ систематическихъ курсовъ чтенія по пяти *) принятымъ ею отдѣламъ знанія». Соглашаясь volens nolens съ мнѣніемъ подкомиссіи, тѣмъ не менѣе комиссія сочла нужнымъ въ предисловіи къ «Программамъ домашняго чтенія на 1894—95 годы» включить категорическое обѣщаніе издать общеобразовательную программу. «Коммиссія не отрицаетъ, конечно, пользы программъ для чтенія болѣе энциклопедическаго характера, но соображенія чисто практическаго свойства заставили ее нѣсколько повременить съ выработкой подобныхъ программъ» (стр. 3 и 4). Во второмъ изданіи тѣхъ же программъ объ этомъ обстоятельствѣ говорится еще болѣе подробно: «Коммиссія нисколько не считаетъ, конечно, предлагаемый ею типъ программъ единственно возможнымъ типомъ. Ей очень хорошо извѣстно, что существуетъ среди читателей не менѣе серьезная потребность въ программахъ болѣе общаго и энциклопедическаго характера. Первоначально коммиссія даже предполагала начать свою дѣятельность съ удовлетворенія именно этой потребности. Только соображенія и затрудненія чисто практическаго свойства заставили коммиссію предложить читателямъ на первое время—вмѣсто одной программы общеобразовательнаго чтенія по всѣмъ отдѣламъ знанія—рядъ программъ болѣе серьезнаго характера по каждому отдѣлу особо. Впослѣдствіи коммиссія имѣетъ въ виду выработать и программу перваго типа; при выработкѣ ея она воспользуется какъ своимъ собственнымъ опытомъ, такъ и указаніями **) читателей». Во исполненіе этого обѣщанія и желая приступить наконецъ къ той самой работѣ, ради которой и была основана сама коммиссія, къ работѣ, которая прежде всего можетъ дать смыслъ и жизнь коммиссіи, послѣдняя еще весною

*) Наукамъ: 1) физико-химическимъ, 2) біологическимъ, 3) философскимъ, 4) общественно-юридическимъ и 5) историко-литературнымъ.

**) Т. е. собственно говоря, этотъ опытъ и сводится къ указаніямъ читателей ея программъ; чѣмъ послѣдніе больше будутъ обращаться къ коммиссіи со своими сообщеніями и запросами, тѣмъ будетъ болѣе опыта у коммиссіи, тѣмъ скорѣе и шире будетъ разработано общее дѣло.

Digitized by Google

1896 г. избрала особую подкоммиссію по вопросу объ общеобразовательной программѣ подъ предсѣдательствомъ Е. Н. Орловой. «Коммиссія, читаемъ въ послѣднемъ отчетѣ (стр. 11), исходя изъ выражаемой многими читателями (! а развѣ *печать* не указывала на ту же потребность) потребности въ менѣе спеціальномъ чтеніи, нежели тотъ, который (sic) предлагается въ издаваемыхъ до сихъ поръ программахъ, рѣшила возобновить, при помощи накопленнаго за три года опыта, попытку, съ которой она начала свою дѣятельность, и вновь разсмотрѣть вопросъ о возможности составить одну программу общеобразовательнаго чтенія (т. е. одну, но нѣсколькихъ типовъ?). Для этой цѣли была организована особая подкоммиссія, но за отчетный годъ она еще не успѣла закончить возложенное на нее порученіе и не представила въ коммиссію вырабатываемый ею проектъ плана общеобразовательнаго чтенія, обнимающаго собой всѣ главныя области знанія». Само собою разумѣется, что названный проектъ не былъ окончательно обработанъ подкомиссіей и въ истекающемъ отчетномъ году, и его выработку едва-ли стоило бы покупать цѣной сильнаго опозданія выхода въ свѣтъ программъ на четвертый годъ систематическаго курса, тѣмъ болѣе, что въ предисловіяхъ къ проставленнымъ въ началѣ настоящей статьи новымъ изданіямъ программъ, прямо говорится, что комиссія примется за общеобразовательную программу лишь по изданіи въ свѣтъ программъ на четвертый годъ... Такъ создались спеціальныя программы по семи основнымъ отдѣламъ: 1) наукамъ математическимъ, 2) о природѣ неорганизованной (физико-химическимъ), 3) о природѣ организованной (біологическимъ), 4) философскимъ, 5) общественно-юридическимъ, 6) исторіи, 7) литературѣ и въ качествѣ чтенія по отдѣльной наукѣ, 8) по этнографіи. Издавая ихъ, комиссія поставила себѣ цѣлью прійти на помощь лицамъ, желающимъ посредствомъ домашняго чтенія пополнить пробѣлы своего образованія, и руководить домашнимъ, самообразовательнымъ чтеніемъ; съ предложеніемъ своей помощи она обращается по преимуществу къ *провинціи* и, главнымъ образомъ, къ тѣмъ лицамъ, которыя желаютъ серьезно и основательно ознакомиться съ тѣмъ или другимъ научнымъ отдѣломъ, но не имѣютъ возможности изучить этотъ отдѣлъ въ высшей школѣ: содержаніе программъ, издаваемыхъ комиссіей и завершающихъ полный циклъ въ четыре года (а по исторіи *) даже въ пять лѣтъ), большею частью соотвѣтствуетъ программамъ высшей школы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже превосходитъ послѣднія. 10 декабря 1894 года вышло въ свѣтъ *первое* изданіе программъ комиссіи, напечатанное согласно моему предложенію ради сокращенія расходовъ послѣдней въ редактировавшемся тогда мною журналѣ «Книговѣдѣніе» (сентябрь—декабрь 1894 г.) и выпу-

*) Методика исторіи, обзоръ философско-историческихъ системъ и повторительный систематическій курсъ *русской* исторіи—предположенный планъ чтенія по исторіи на пятый годъ.

Digitized by Google

щенное, какъ извлеченіе изъ него, въ количествѣ 4,900 экземпляровъ *). Къ февралю 1895 г. его уже не было въ продажѣ, и 15 февраля 1895 г. вышло второе изданіе тѣхъ же программъ въ количествѣ 10,000 экземпляровъ, въ томъ же количествѣ экземпляровъ оно вышло еще разъ и въ концѣ прошлаго года повторено въ четвертый разъ съ значительными исправленіями и дополненіями. Успѣхъ перваго года программъ, несмотря на всю ихъ высоту и недоступность для большинства, очень великъ, если только принять во вниманіе, что мы не знаемъ такого быстраго и огромнаго сбыта книгъ, который знакомъ Западу. Программы, несомнѣнно, отвѣтили на существовавшіе въ провинціальномъ обществѣ запросы, но не создали ихъ; онѣ принуждены были направиться не къ тѣмъ, кого прежде всего надо было имѣть въ виду, предлагая культурную пищу. Вотъ почему успѣхъ ихъ совсѣмъ не такъ великъ, какъ кажется на первый взглядъ, и прогрессируетъ еле замѣтно. Программы перваго года выдержали три изданія въ три года: продано приблизительно 24,000 экземпляровъ за это время; программъ второго года въ два года разошлось только одно изданіе, т. е. продано не болѣе 9,600 экземпляровъ и, стало быть, идутъ онѣ вдвое тише. Характерны въ этомъ отношеніи также числа читателей, записавшихся на руководство комиссіи: на 1 января 1896 г. ихъ значилось 440, въ томъ числѣ 325 мужчинъ (73,9%) и 115 женщинъ (26,1%); подписка началась съ января 1895 года, всѣ записались на программы перваго года [по общественно-юридическому отдѣлу 120 челов. (98 мужчинъ и 22 женщины), по философскому 88 человѣкъ (68 мужчинъ и 20 женщинъ), по *энциклопедическому* 70 человѣкъ (49 мужчинъ и 21 женщина), по историческому 53 человѣка (33 мужчинъ и 20 женщинъ), по остальнымъ отдѣламъ число читателей колеблется между 42 и 8 человѣками]; на 1 января 1897 г. вновь записалось въ теченіе года всего 251 человѣкъ, изъ которыхъ шесть вскорѣ выбыло. Программы второго года идутъ вдвое тише; читателей на руководство коммиссіи въ 1896 г. записалось вдвое меньше. Параллель поучительная, особливо если замѣтить, что число записавшихся читателей по программамъ второго года едва достигло полусотни. Общая картина записей за два года такова.

По 1 января 1896 г. записалось *440* человѣкъ, по 1 января 1897 г.—251 человѣкъ, выбыло къ 1 января 1897 г. 242 человѣка; 1 января 1897 г. состоитъ подъ руководствомъ коммиссіи *449* человѣкъ, изъ которыхъ мужчинъ 330 (т. е. 73,5%, женщинъ—119 (т. е. 26,5), изъ нихъ же по программамъ перваго года читаетъ 397, по программамъ второго года **) всего 52.

---

*) «Коммиссія по организаціи домашняго чтенія... Программы домашняго чтенія на 1894—95 годы». М. 1894. Извлечено изъ журнала «*Книгоиздательство*» за 1894 годъ. in8-vo. Стр. 118+4 неи. Ц. 25 коп.

**) См. еще статистическія данныя въ моей статьѣ «Опытъ распространенія университетскаго образованія въ Россіи», напечатанной въ

Всѣ приведенныя цифры—великолѣпная иллюстрація къ тому не разъ высказывавшемуся въ печати, въ публикѣ и въ корреспонденціи на имя комиссіи положенія, что послѣдняя въ своихъ программахъ взяла слишкомъ высокій тонъ, отлично удовлетворяетъ въ научномъ отношеніи аристократію провинціальной интеллигенціи и совершенно игнорируетъ пока провинціальный умственный пролетаріатъ. Я склоненъ вообще констатировать то наблюденіе, что дѣло популяризаціи научныхъ знаній стоитъ у насъ на ложной дорогѣ; у насъ смотрятъ на читателя черезъ розовыя стекла, удовлетворяютъ наиболѣе развитое меньшинство и совершенно игнорируютъ массы; наша пишущая интеллигенція все еще слишкомъ пропитана лоскомъ научнаго аристократизма (хотя бы порой ея ученость и сводилась въ сущности къ нулю) и брезгливо относится къ совершенно «подлымъ» (выражаясь стилемъ XVIII столѣтія) литературнымъ предпріятіямъ. А какъ намъ нужны именно «подлыя» литературныя предпріятія въ опрятной и доступной формѣ, столичный поставщикъ научнаго знанія въ провинцію совсѣмъ этого не понимаетъ. Досадно представить себѣ, что провинціальная масса живетъ главнымъ образомъ «Нивой», «Свѣтомъ» и т. п. Я думаю, что нельзя игнорировать вполнѣ пріемъ давать публикѣ науку среди занимательнаго. Подавляющее большинство теперешнихъ популярныхъ изданій совершенно недоступно массѣ: всѣ они въ своемъ родѣ программы нашей коммиссіи. Какъ силенъ въ публикѣ запросъ на энциклопедическую программу въ той или другой формѣ, всего лучше видно изъ того, что по рукамъ ходило и ходитъ не мало разнаго рода писанныхъ программъ и каталоговъ книгъ для чтенія, что, не смотря на яростную травлю петербургской печати, встрѣтили хорошій пріемъ среди читателей «Программы чтенія для самообразованія» въ изданіи упомянутаго выше «отдѣла для содѣйствія самообразованію», образовавшагося въ ноябрѣ 1894 года и имѣющаго своей задачей «содѣйствіе самообразованію посредствомъ составленія программъ для чтенія съ указаніями на научную литературу, а также посредствомъ рефератовъ и лекцій, личныхъ и письменныхъ сношеній и изданія оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій научнаго характера». Съ этой цѣлью отдѣлъ составляетъ и печатаетъ въ общее свѣдѣніе программы какъ по естествознанію, такъ и по гуманитарнымъ наукамъ въ двухъ циклахъ: а) одну *энциклопедическую* программу, въ которой по каждой наукѣ указываются лишь важнѣйшіе вопросы, знакомство съ которыми необходимо для каждаго образованнаго человѣка, желающаго составить себѣ опредѣленное міросозерцаніе, при чемъ порядокъ изученія, какой указанъ въ общей энциклопедической программѣ, не обязателенъ, и b) *отдѣльныя* про-

---

№№ 283 и 293 газеты «Новости» за 1897-й г. Срв. также статью «Изъ жизни провинціи» въ № 52 «Русскихъ Вѣдомостей» за 1897 г.

Digitized by Google

граммы по тѣмъ же наукамъ *); программы эти сопровождаются указаніями на литературу предмета преимущественно на русскомъ языкѣ и лишь въ крайнемъ случаѣ на языкахъ иностранныхъ, при чемъ предполагается знакомство съ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній; сверхъ того могутъ составляться еще по мѣрѣ обращенія къ Отдѣлу за указаніями программы по извѣстнымъ вопросамъ, напримѣръ рабочему, переселенческому, объ общинномъ землевладѣніи и т. п., съ болѣе подробнымъ указаніемъ на литературу предмета. *Общая энциклопедическая программа*, которую Отдѣлъ составилъ изъ частныхъ программъ, принадлежащихъ разнымъ авторамъ, не претендуетъ на совершенную стройность». Тѣмъ не менѣе, соединяя эти отдѣльныя части въ одно цѣлое, необходимо было держаться,—насколько это было возможно, не передѣлывая отдѣльныхъ программъ—нѣкотораго общаго порядка», говорится въ объяснительной запискѣ къ программѣ (по 2-му изданію, стр. 9—10). «Въ виду того, что философія охватываетъ собою важнѣйшія проблемы бытія и мышленія, она и поставлена въ самомъ началѣ программы; въ дальнѣйшемъ—съ нѣкоторыми только отступленіями—сохраняется порядокъ знаменитой классификаціи наукъ Огюста Конта. Извѣстно, что этотъ философъ расположилъ основныя науки по степени убывающей общности и возрастающей сложности тѣхъ явленій, которыми занимаются эти науки. Первою въ ряду наукъ О. Контъ поставилъ математику». По разнымъ соображеніямъ Отдѣлъ исключилъ математику и внесъ нѣкоторыя поправки въ систему О. Конта **), имѣя въ виду «не столько каждую науку взятую въ отдѣльности, сколько всю область научнаго знанія, распадающуюся на отдѣльныя науки. Энциклопедическая программа «Отдѣла для содѣйствія самообразованію» внѣ всякаго сомнѣнія не совершенство, оставляетъ желать много лучшаго, тѣмъ не менѣе она цѣнна, какъ рискъ первой попытки, и получила широкое распространеніе, *несмотря на яростную травлю* петербургской печати, какъ я сказалъ выше. П. Милюковъ въ «Русскомъ Богатствѣ» внесъ въ этомъ отношеніи примиряющую струю, сказавъ, что и въ настоящемъ видѣ «петербугскія программы окажутъ свою долю пользы», получивъ «значительное распространеніе среди учащейся молодежи». Защиту эту можно повести нѣсколько дальше и энергичнѣе, вовсе не закрывая при этомъ глазъ на то,

*) Сравнительно съ тѣмъ, что говорилось выше о первоначальныхъ предположеніяхъ московской комиссіи, разница не по существу, а лишь въ оттѣнкахъ, если оговорить только, что московскія «*общія темы*» не предполагаютъ дѣленія по отдѣльнымъ наукамъ, а петербургская «*энциклопедическая*» программа напротивъ возводитъ это дѣленіе въ принципъ. Надъ этимъ различіемъ слѣдуетъ поработать особо и очень внимательно.

**) Программы были напечатаны первоначально въ «Историческомъ Обозрѣніи» (Спб. 1895. Томъ VIII), затѣмъ изданы отдѣльной брошюрой въ 1895-мъ г. Въ 1897 г. вышло ея второе дополненное и переработанное изданіе подъ заголовкомъ: «Программы чтенія для самообразованія» (Спб. 1897. in 8 vo. Стр. IV+296 Ц. 40 коп.).

Digitized by Google

что петербугскія программы по тщательности разработки во многомъ уступаютъ московскимъ: 1) энциклопедическая программа составляетъ такую насущную потребность въ современномъ русскомъ обществѣ, что всякое, мало мальски сносное, удовлетвореніе этой потребности составляетъ уже заслугу, 2) мы такъ еще бѣдны всякаго рода просвѣтительными средствами, такъ въ корнѣ невѣжественны, что всякая попытка придти на помощь нашему невѣжеству заслуживаетъ самой глубокой благодарности; я не хочу этимъ сказать, что не нужно критики, совсѣмъ нѣтъ, критика нужна возможно суровая, а именно этой то *критики* было очень мало или она просто сводилась къ нулю въ разносѣ петербургскихъ программъ: говорили, что московскія программы лучше, забывая, что производится сравненіе двухъ несравнимыхъ величинъ, т. е. программы спеціальной съ энциклопедической. Между такими учрежденіями, какъ петербургскій «Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію» и московская комиссія по организаціи домашняго чтенія», можно проводить какія угодно параллели, но не слѣдуетъ забывать лишь основныхъ цѣлей ими преслѣдуемыхъ: оба учрежденія по мѣрѣ силъ и способностей стремятся къ одному и тому же, къ распространенію университетскаго образованія, и чѣмъ больше между ними будетъ единенія и солидарности, тѣмъ лучше. Въ томъ наша и бѣда, что русская интеллигенція не составляетъ изъ себя одного плотнаго цѣлаго, а постоянно раскалывается даже тогда, когда это менѣе всего желательно; составляй изъ себя русская интеллигенція одно сплошное цѣлое, она была бы крупной силой, съ которой надо было бы очень и очень считаться.....

Заканчивая первое пятилѣтіе своей дѣятельности выпускомъ въ свѣтъ программъ домашняго чтенія на третій годъ систематическаго курса, московская коммиссія еще до обработки энциклопедической программы пошла на нѣкоторыя уступки, вызванныя всеобщими жалобами на высокій уровень предъявляемыхъ ею къ читателю требованій. «Стараясь, по возможности удовлетворить потребностямъ тѣхъ изъ читателей, говорится въ предисловіи, которые обладаютъ небольшимъ досугомъ или не имѣютъ потребности изучать науки болѣе или менѣе детально, коммиссія составила элементарныя программы по астрономіи, по всеобщей исторіи и по исторіи русской литературы. Съ тою же цѣлью въ программѣ по общественно-юридическому отдѣлу выдѣлено нѣсколько дисциплинъ (экономія торговли, догма уголовнаго права и уголовный процессъ), признанныхъ коммиссіей сравнительно болѣе спеціальными, а по метеорологіи и климатологіи указаны «подготовительныя», болѣе легкія и доступныя пособія. По отдѣлу всеобщей исторіи коммиссія предполагаетъ подготовить «элементарныя» программы и по исторіи древности, и среднихъ вѣковъ съ эпохой «Возрожденія», включивъ ихъ при переизданіи перваго и второго выпуска Программъ. Уступки эти начаты были еще въ программахъ на *второй* годъ систематическаго курса,

Digitized by Google

тдѣ дано двѣ программы по исторіи русской литературы: одна—для читателей, незнакомыхъ съ курсомъ исторіи русской литературы средне учебныхъ заведеній; другая—для читателей, знакомыхъ съ этимъ курсомъ и желающихъ посвятить больше труда и времени изученію этого предмета, при чемъ первая программа является лишь простымъ извлеченіемъ изъ второй, такъ какъ въ основу различія положенъ механически уровень познаній читающей публики. Въ программахъ на третій годъ этотъ планъ, принятый въ предшествующемъ выпускѣ, не осуществленъ, и вмѣсто двухъ дана одна программа (XVIII вѣкъ). «*По случайнымъ причинамъ*, оправдывается этотъ отдѣлъ комиссіи (стр. 271), планъ этотъ пришлось пока отложить, и предложенная одна программа имѣетъ въ виду читателя, не прошедшаго курса средней школы, т. е. она скорѣе приближается къ элементарному типу прошлаго года». Каковы бы ни были эти «случайныя причины», которыми глухо оправдывается литературный отдѣлъ комиссіи, читатели нисколько не выигрываютъ отъ столь быстрой смѣны плана чтенія: въ одномъ сборникѣ «случайныя причины» побудили дать двѣ программы, а въ слѣдующемъ «случайныя же причины» заставляютъ дать одну.

Болѣе постояненъ философскій отдѣлъ коммиссіи, безъ всякой выгоды для дѣла находящійся въ исключительномъ положеніи: всѣ программы коммиссіи принадлежатъ цѣлымъ группамъ спеціалистовъ и не носятъ на себѣ чьего либо имени, по философскимъ же наукамъ нѣтъ группы спеціалистовъ, а лишь двѣ именныхъ программы—одна метафизическаго направленія г. Грота, другая противоположная г. Бѣлкина, и такъ во всѣхъ трехъ сборникахъ. Разъ всѣ программы безыменныя, то совершенно непонятно, для чего въ данномъ случаѣ допущено отступленіе отъ общаго порядка, котораго въ общемъ комиссія держится строго и въ послѣднемъ отчетѣ *) очень замѣтно подчеркиваетъ порядокъ безличной формы; противорѣчитъ коренным образомъ всему строю программъ и помѣщеніе двухъ философій разныхъ направленій, на что не разъ указывала критика противоположныхъ лагерей. На невозможность помѣщенія философскихъ программъ разныхъ направленій указывалось въ «Богословскомъ Вѣстникѣ», «Мірѣ Божіемъ», «Новостяхъ» и, если не ошибаюсь, въ «Русскомъ Богатствѣ»: если помѣщать программу по метафизикѣ, то отчего по дорогѣ не помѣстить и программы по богословію, какъ это указывалось въ кіевской газетѣ «Жизнь и искусство» (1894 г.,

*) Руководство читателями въ ихъ занятіяхъ по изданнымъ комиссіей программамъ „ограничено предметами, указанными въ программахъ, въ прочихъ же отношеніяхъ индивидуализируется согласно съ потребностями каждаго занимающагося; ведется руководство *исключительно письменно и въ безличной формѣ*, т. е. отъ лица комиссіи, а не члена, пишущаго читателю; оно состоитъ въ отвѣтахъ на вопросы читателей и въ просмотрѣ ихъ письменныхъ работъ по указаннымъ въ программахъ темамъ для сочиненій и провѣрочнымъ вопросамъ“ (стр. 7).

Digitized by Google

№№ 212 и 214). Двѣ программы по философіи появились въ первомъ изданіи перваго года программъ по «случайнымъ причинамъ», а потомъ печатаются по традиціи, благо придумано было тому хорошее объясненіе въ предисловіи къ указанному сейчасъ изданію программъ (стр. 5): «по отдѣлу философскихъ наукъ коммиссія не сочла возможнымъ обязывать читателя слѣдовать одному изъ главныхъ направленій философской мысли; въ сборникѣ читатель найдетъ двѣ параллельныхъ философскихъ программы; отъ него зависитъ выбрать ту или другую»; въ самомъ послѣднемъ изданіи программъ мотивировка эта забыта и сохранена лишь глухая оговорка въ примѣчаніи (I, 4-е изд., стр. V): «по философскимъ наукамъ читатель найдетъ въ сборникѣ двѣ параллельныхъ программы; отъ него зависитъ выбрать ту или другую». Какъ будто необходимость двухъ философскихъ программъ есть аксіома, которую нечего доказывать, какъ будто наличность метафизической программы, независимо отъ ея крупныхъ недостатковъ, не есть коренное противорѣчіе всему строю программъ коммиссіи. Вводить двѣ программы по философіи, замѣтилъ г. Введенскій, было «непедагогично и непослѣдовательно»; программа г. Грота вводитъ начала, противныя началамъ позитивно-эволюціонной теоріи, исповѣдуемой всѣми другими программами. Въ данномъ случаѣ совсѣмъ несимпатичный мнѣ по научному міровоззрѣнію критикъ «Богословскаго Вѣстника» (1895 г., № 4) правъ: двухъ программъ по философіи помѣщать *не* слѣдовало; наши программы изданы не въ Англіи, гдѣ читатель умѣетъ и можетъ выбирать, у насъ при поголовномъ невѣжествѣ провинціальнаго читателя выбирать нечего. Съ названнымъ критикомъ я, конечно, разойдусь въ общемъ выводѣ: тотъ требуетъ противовѣса позитивно-эволюціонной теоріи, я требую исключенія метафизической программы... Остановлюсь еще на одномъ деликатномъ пунктѣ, касающемся содержанія программъ и отмѣченномъ провинціальной печатью. Послѣдняя, какъ извѣстно, отнеслась въ 1894 и 1895 гг. весьма сочувственно къ московской коммиссіи; ея отзывы слѣдовало бы собрать и изучить, не относясь къ нимъ свысока, какъ это у насъ дѣлается; теперь о коммиссіи провинціальная печать говоритъ меньше, въ общемъ довольно блѣдно, но попадаются указанія *практическаго* свойства и теперь, а именно эти то послѣднія и представляютъ, по моему мнѣнію особенную цѣнность. Къ коммиссіи съ самаго начала очень тепло отнеслись «Туркестанскія Вѣдомости» въ нумерѣ отъ 19 февраля 1895 г. Привѣтствуя открытіе коммиссіи, газета замѣчала, что у насъ среднее и университетское образованіе въ самомъ печальномъ положеніи: у окончившихъ среднюю школу «познанія болѣе чѣмъ скромны по объему и не важны по внутреннему достоинству»; «даже университетское образованіе и то не на столько солидно, чтобы человѣкъ, знающій цѣну науки и любящій ее, чувствовалъ себя дѣйствительно серьезно образованнымъ человѣкомъ». Та же газета продолжаетъ комплименты по адресу московской коммис-

Digitized by Google

сіи въ 1897-мъ г. (въ № 80—1605), придаетъ большую цѣну указаніямъ коммиссіи на нѣсколько книгъ по одному вопросу, говоря, что такія параллельныя указанія книгъ весьма важны именно «для провинціальнаго читателя, которому не всегда можно достать именно ту книгу, которая указана въ программахъ, тогда какъ другую однородную по содержанію и также пригодную книгу получить не трудно»; «такихъ указаній, замѣчаетъ газета, желательно было бы видѣть какъ можно болѣе». Программы комиссіи, продолжаютъ «Туркестанскія Вѣдомости» черезчуръ обширны, и эта «обширность программъ суживаетъ кругъ читателей, которые воспользовались бы руководствомъ коммиссіи», за то превосходныя сами по себѣ программы порой заключаютъ въ себѣ странные пробѣлы: такъ программа по политической экономіи обнаруживаетъ «одинъ весьма важный и очень странный пробѣлъ», ничего нѣтъ о К. Марксѣ и его теоріи, «ни въ обязательныхъ. ни въ рекомендуемыхъ пособіяхъ не встрѣчается ни сочиненій Маркса, ни изложенія его ученія, такъ что знакомство съ Марксомъ ограничивается немногими свѣдѣніями, сообщаемыми въ исторіи политической экономіи; а между тѣмъ какихъ бы мнѣній относительно К. Маркса не держаться, нельзя не признать, что онъ имѣлъ громадное вліяніе на развитіе экономическихъ ученій; намъ кажется. что изученіе Маркса не менѣе важно, чѣмъ изученіе А. Смита, Рикардо и Милля». Нельзя не присоединиться вполнѣ къ этому замѣчанію: странно вводить метафизику и исключать К. Маркса. Тутъ даже на «случайныя причины» нельзя ссылаться: метафизика совсѣмъ не обязательна для россійскаго обывателя; К. Марксъ вовсе не запретный плодъ для него, какъ теорія. О К. Марксѣ пишутъ у насъ очень много, издаютъ дешевыя популярныя книжки (Напр. Гросса «Экономическая система Карла Маркса съ научной стороны» — ц. 20 коп.) и что всего хуже порой пишутъ о немъ совершенный вздоръ и совсѣмъ скверно переводятъ на русскій языкъ. Ясное, точное, чисто научное изложеніе марксизма входило въ одну изъ непреложныхъ задачъ общественно-юридическаго отдѣла Комиссіи, и отсутствіе этого изложенія крупный минусъ въ программахъ домашняго чтенія, которыя не имѣютъ права игнорировать марксизмъ уже въ силу того, что на него предъявляютъ запросъ читатели коммиссіи.

Научная высота программъ домашняго чтенія, изданныхъ московскою комиссіей, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; тѣмъ не менѣе онѣ требуютъ подробнаго разбора, который до сихъ поръ даже не намѣченъ въ литературѣ и который, по моему мнѣнію, возможенъ при слѣдующихъ условіяхъ: надо, чтобы 1) въ рукахъ критики были программы на всѣ четыре года систематическаго курса, 2) чтобы онъ принялъ во вниманіе всѣ указанія провинціальной печати и 3) изучилъ письма читателей коммиссіи, хранящіяся въ ея московской конторѣ. При изученіи программъ совсѣмъ недостаточно одной ученой критики, а надо показать ихъ практическую цѣлесообразность въ смыслѣ построенія и рекомен-

Digitized by Google

даціи книгъ. Недостатки этого рода, которые вскроетъ критика, есть опытъ для будущей энциклопедической программы. О программахъ закончу важнымъ для незнакомыхъ съ ними замѣчаніемъ Коммиссіи, что она «нисколько не связываетъ читателей ни обязанностью пройти всѣ четыре годичные курса того или другого отдѣла, ни изученіемъ внесенныхъ въ программы отдѣловъ наукъ во всемъ ихъ объемѣ». «Весьма возможно, что нѣкоторые читатели пожелаютъ составить себѣ собственную программу, выдѣливъ изъ разныхъ отдѣловъ тѣ или другія части. Тѣми изъ такихъ предметовъ, указанія по которымъ помѣщены въ вышедшихъ до сихъ поръ выпускахъ программъ, коммиссія берется руководить на обычныхъ основаніяхъ. Коммиссія надѣется, что читатели сами будутъ заявлять о своемъ желаніи — поставить ту или другую интересную для нихъ тему». На практикѣ оказалось, что читатели, дѣйствительно, склонны къ составленію такихъ программъ изъ разныхъ отдѣловъ, и въ терминологіи комиссіоннаго распорядка образовался особый 8-ой отдѣлъ чтенія «энциклопедическій», въ который включены читатели, записавшіеся на программы болѣе, чѣмъ одного отдѣла, и который по количеству читателей на 1 января 1896 г. занималъ третье *) мѣсто (первое принадлежало общественно-юридическому отдѣлу, второе философскому), а на 1 января 1897 г. четвертое **) мѣсто (первое принадлежало опять общественно-юридическому, второе философскому и третье историческому). Особенной будущности ***) для этого отдѣла, какъ механической сшивки нѣсколькихъ спеціальныхъ программъ, не предвидится.

По поводу собственно программъ, быть можетъ, слѣдовало бы еще замѣтить, что разъ въ качествѣ чтенія по отдѣльнымъ наукамъ введена *этнографія* (программа этой дисциплины требуетъ сильной переработки), то слѣдовало бы ввести также *археологію*.

Но изданіе программъ домашняго чтенія всего только четверть, такъ сказать, дѣла, взятаго на себя комиссіей: 1) *провинціи* нужно не рекомендовать только книгу, но и доставить ей послѣд-

---

*) Не лишенный интереса споръ по поводу біологической программы см. на страницахъ „*Научнаго Обозрѣнія*“ за 1895-й г. №№ 18, 43, 47 и 49. Въ четвертомъ изданіи программа перваго года чтенія по біологическимъ наукамъ значительно переработана.

**) Всего 70 челов. или 15,9% всего числа читателей коммиссіи.

***) Всего 56 челов. или 12,5% всего числа читателей, убыль этого отдѣла сравнительно съ предшествующимъ годомъ равняется 20%.

****) Философскій отдѣлъ пока прочно занимаетъ *второе* мѣсто: на 1 января 1895 г.—88 чел., на 1 января 1896 г.—90 чел., т. е. въ обоихъ случаяхъ—20% всего числа читателей, во второмъ случаѣ приростъ равняется 2,3%. Какъ мало популярна метафизическая программа даже среди нашей читающей публики видно изъ того, что число читателей по ней на второй же годъ упало на 10%, тогда число какъ читателей по программѣ г. Бѣлкина возросло на 8,9%. На 1 января 1896 г. число записавшихся на программу г. Грота, всего 27, а на программу г. Бѣлкина 63 челов. Поучительно.

Digitized by Google

нію; 2) подходящую литературу для самообразованія приходится въ то же время создавать въ виду ея бѣдности; 3) для *провинціи* же приходится создавать и штабъ лекторовъ для устройства публичныхъ лекцій. Все это задачи сложныя, обставленныя массой подробностей, и о нихъ можно было бы о каждой написать длинныя спеціальныя статьи. Вспоминая вкратцѣ дѣло московской коммиссіи, вспоминая безъ опредѣленнаго плана и на спѣхъ, я могу только упомянуть объ этихъ задачахъ и выставить съ моей точки зрѣнія неподлежащее спору положеніе, что коммиссія должна открыть обширные, собственные книжный складъ и библіотеку, начать, наконецъ, *собственную* издательскую дѣятельность, а не пользоваться только посторонними учрежденіями, наконецъ создать въ разныхъ уголкахъ нашей провинціи филіальныя отдѣленія, въ которыхъ чувствуется настоятельная нужда, о которыхъ пишутъ и корреспонденты комиссіи, и провинціальныя газеты (Кишиневъ, Харьковъ и др). Что касается публичныхъ лекцій, то онѣ уже пользуются полнымъ сочувствіемъ Коммиссіи, образовавшей 25 апрѣля 1896 г. особую подкоммиссію по вопросу объ организаціи лекцій въ провинціи и дѣйствующую теперь подъ руководствомъ П. И. Новгородцева, который за послѣднее время съ особенной охотой и успѣхомъ читаетъ въ провинціи (Смоленскъ, Рязань, Тверь, Черниговъ и др.) лекціи и всячески содѣйствуетъ ихъ устройству. Послѣдній отчетъ такъ выражается о дѣятельности названной подкоммиссіи: «Прежде всего было разослано къ различнымъ лицамъ, извѣстнымъ своею лекторскою опытностью, преимущественно столичнымъ и провинціальнымъ преподавателямъ, циркулярное предложеніе принять участіе въ этихъ чтеніяхъ въ качествѣ лекторовъ, указавъ напередъ темы своихъ курсовъ и лекцій, а также время и раіоны, въ которыхъ они могли бы предпринимать лекціонныя поѣздки. Получивъ въ свое распоряженіе обстоятельные отвѣты по всѣмъ указаннымъ вопросамъ отъ ряда лицъ, откликнувшихся съ полнымъ сочувствіемъ на это предложеніе, коммиссія вошла затѣмъ въ сношеніе по вопросу объ устройствѣ лекцій съ различными провинціальными обществами». Коммиссія является, такимъ образомъ, посредницей между цѣлымъ штабомъ лекторовъ, желающихъ въ извѣстное время и на извѣстномъ раіонѣ читать въ провинціи публичныя лекціи, и тѣми провинціальными организаціями, которыя желаютъ устроить послѣднія. Обратившись въ коммиссію, они получаютъ списокъ лекторовъ, выбираютъ изъ него подходящаго для нихъ и затѣмъ уже условливаются чрезъ коммиссію съ своимъ избранникомъ. Дѣлу публичныхъ лекцій въ провинціи нельзя не пожелать самаго широкаго развитія; за стройную организацію этого дѣла надо приняться весьма энергично и не смущаться никакими «случайными причинами», столь часто и рѣшительно нарушающими нормальный ходъ русской дѣйствительности и отталкивающими порой способныхъ дѣятелей отъ общественной работы вовсе, либо толкающими ихъ на непозволительные ком-

Digitized by Google

промиссы, которые въ наши дни расплодились столь щедро, что грозятъ потерѣ всякаго сознанія о принципахъ...

Помимо переработки «Программъ» коммиссія за указанное время успѣла весьма существенно переработать и «правила для сношеній читателей съ коммиссіей». Почему то эта переработка не обратила на себя особеннаго вниманія ни читателей, ни печати *), а какъ разъ одна сторона этой переработки важна по существу, облегчая въ одно и то же время и снабженіе провинціи книгами, и занятія домашнимъ чтеніемъ.

Весьма важно вести это домашнее чтеніе цѣлыми группами, обсуждая и толкуя прочитанное; важно это не только въ духовномъ отношеніи, но и въ матеріальномъ: одна книга выписывается на цѣлую группу, стало быть значительно сокращается расходъ на почтовую пересылку, вообще у насъ непомѣрно дорогую и какъ будто созданную съ спеціальной цѣлью тормозить передвиженіе книгъ по странѣ, сокращаются равнымъ образомъ расходы на абонементъ или покупку. Чтобы поощрить групповую выписку книгъ, наиболѣе выгодную для читателей саму по себѣ, коммиссія выработала длятакой выписки еще болѣе льготныя условія, создавъ нѣчто въ родѣ передвижной библіотеки; она нашла возможнымъ для удобства и въ интересахъ занимающихся подъ ея руководствомъ группъ читателей въ какомъ либо населенномъ пунктѣ составлять и высылать имъ тотъ или другой подборъ указанныхъ въ ея «Программахъ» книгъ, такъ что въ такомъ случаѣ книги высылаются по требованію *не* отдѣльнаго лица, а лишь группы лицъ, занимающихся хотя бы и по различнымъ отдѣламъ, сношенія ведутся черезъ одно лицо, входящее въ составъ группы и несущее всю отвѣтственность за группу въ ея обязательствахъ передъ коммиссіей. Особенно теперь этотъ порядокъ доставленія книгъ въ провинцію имѣетъ большое значеніе, пока коммиссія еще не организовала своихъ филіальныхъ отдѣленій.

Московская коммиссія **) по организаціи домашняго чтенія, какъ

---

*) Подчеркивая въ текстѣ переработку «правилъ» коммиссіи, считаю необходимымъ въ примѣчаніи обратить вниманіе читателей на нижеслѣдующую просьбу коммиссіи, отъ исполненія которой многое зависитъ въ ея дѣятельности: «Сознавая огромную важность того дѣла, за которое взялась, Коммиссія съ величайшей благодарностью приметъ и съ полной готовностью воспользуется всякаго рода практическими указаніями, какія будутъ сдѣланы лицами, сочувствующими ея задачѣ.

Коммиссія обращается къ авторамъ статей, замѣтокъ о ея дѣятельности, а также рецензій на ея «Программы» и отчеты — доставлять въ контору коммиссіи (Москва. Никитская. д. Рихтера, кв. 3) отдѣльные оттиски своихъ сочиненій или же тѣ номера періодическихъ изданій, въ которыхъ эти статьи, рецензіи и замѣтки помѣщены. Кромѣ того, весьма желательно, чтобы лица, занимающіяся по программамъ коммиссіи, но не подъ ея руководствомъ, присылали свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ, заполняя прилагаемый бланкъ, а также сообщали о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ ими при занятіяхъ».

**) Помимо московской коммиссіи и петербургскаго отдѣла вопросами

Digitized by Google

одинъ изъ крупныхъ и серьезныхъ опытовъ распространенія университетскаго образованія въ Россіи, представляетъ собою научно-просвѣтительное учрежденіе, которое никому не можетъ внушать ничего, кромѣ самой глубокой симпатіи. Все общество такъ или иначе обязано придти ей на помощь: одни своими матеріальными пожертвованіями, другіе своими научными знаніями, третьи горячей пропагандой ея дѣятельности, четвертые не менѣе горячей защитой ея предъ врагами русскаго просвѣщенія и образовательнаго расцвѣта собственнаго отечества. Изучая дѣятельность московской коммиссіи, мы видимъ рѣдкую у насъ сплоченность ученыхъ силъ въ единодушной работѣ на общую пользу. Наука тогда только и проявляетъ всю свою прелесть, когда она глубоко проникла въ сознаніе всего общества и его правящихъ классовъ, невѣжество—зло нашего общества, и искоренять это зло есть священнѣйшая обязанность каждаго русскаго интеллигента. Что станется, въ самомъ дѣлѣ, съ нашей образованностью, если не проявлять въ дѣлѣ народнаго образованія самой широкой общественной иниціативы. Надо забыть и личные счеты, и удары «случайныхъ причинъ», и всѣ карьерные помыслы, помня одно, что русская интеллигенція самой силою вещей призвана къ тому, чтобъ дружной, сплоченной толпой ринуться на общественное служеніе въ дѣлѣ народнаго образованія: публичныя народныя чтенія, народныя читальни и библіотеки, народный театръ, организація домашняго чтенія, созданіе научно популярной литературы, попытка такъ или иначе подойти къ устройству народнаго университета—вотъ дѣло, ради котораго у насъ стоитъ жить и презирать грозящую въ каждомъ данномъ случаѣ тучу обскурантизма. Какъ ни будь сильна и темна эта туча, русская интеллигенція, если только она не станетъ отчаяваться и что еще хуже раскалываться, всетаки придетъ къ тому, къ чему она хочетъ придти; она есть и будетъ силою, съ которой уже считаются, она добьется своего, потому что ея дѣло живое и правое.

Заканчивая пять лѣтъ своего существованія, московская коммиссія по организаціи домашняго чтенія выпустила поставленныя подъ заголовкомъ настоящей статьи цѣнныя изданія. Они намъ подали поводъ вспомнить знаменательное пятилѣтіе ея дѣятельности и пожелать ей дальнѣйшаго роста и развитія. И на солнцѣ бываютъ пятна, и въ дѣятельности московской коммиссіи мы видимъ не мало значительныхъ недочетовъ, которые требуютъ обсужденія... Едва ли стоитъ скрывать, что коммиссія еще не уразумѣла окончательно своего читателя, что она еще не достаточно подготовилась къ научно-популярной дѣятельности въ широкомъ смыслѣ этого слова и что ея внутренняя организація оставляетъ

распространенія университетскаго образованія въ Россіи будетъ, кажется, заниматься и вновь образовавшееся по иниціативѣ профессора П. Г. Виноградова „*Педагогическое Общество при Московскомъ университетѣ*“.

Digitized by Google

желать еще многаго, тѣмъ не менѣе пишущій настоящія строки сочтетъ себя совершенно счастливымъ, если его статья, будучи прочтена провинціальнымъ читателемъ, доставитъ подъ руководство коммиссіи хоть двухъ, трехъ участниковъ въ ея дѣлѣ. Это—глубоко симпатичное учрежденіе, дѣлающее великую общественную работу.

Василій Сторожевъ.

Одна изъ педагогическихъ несообразностей.

«Помилуйте, какъ можете вы претендовать на то, что сынъ вашъ не переведенъ въ слѣдующій классъ? Онъ, положительно, не имѣетъ никакой способности къ изученію латинскаго языка! Въ теченіе цѣлаго года онъ учился крайне плохо и не могъ усвоить самыхъ элементарныхъ свѣдѣній. Наконецъ, на экзаменѣ онъ обнаружилъ полное непониманіе основъ языка и грамматики. Пусть онъ отлично учится по другимъ предметамъ, но, вслѣдствіе его неуспѣховъ въ латинскомъ языкѣ, педагогическій совѣтъ не находитъ возможнымъ перевести его въ слѣдующій классъ. Пусть еще поучится!»

Такъ говорилъ директоръ одной изъ классическихъ гимназій. Дѣло происходило въ его пріемной, гдѣ мать одного изъ учениковъ, обреченныхъ на вторичное пребываніе въ томъ же классѣ вслѣдствіе неуспѣшности въ занятіяхъ латинскимъ языкомъ,—ходатайствовала о переводѣ ея сына въ слѣдующій классъ, благодаря его успѣхамъ по другимъ предметамъ.

Ученику было сдѣлано снисхожденіе въ видѣ назначенія осенью переэкзаменовки, которой онъ, однако, не выдержалъ,—и былъ оставленъ на второй годъ.

Другой случай.

Засѣданіе педагогическаго совѣта въ одномъ изъ низшихъ техническихъ училищъ. Обсуждается вопросъ о переводѣ учениковъ изъ класса въ классъ на основаніи ихъ успѣховъ въ теченіе года и результатовъ произведенныхъ экзаменовъ.

«Ученикъ такой-то отлично учился въ теченіе года и на экзаменѣ обнаружилъ вполнѣ основательныя свѣдѣнія по всѣмъ теоретическимъ предметамъ, но на экзаменѣ по мастерству получилъ неудовлетворительную отмѣтку; годовая отмѣтка за практическія

Digitized by Google

занятія въ мастерскихъ тоже неудовлетворительна», —заявляетъ начальникъ училища.

—«У него нѣтъ никакихъ способностей къ практическимъ занятіямъ мастерствомъ. Оно положительно не дается ему. Въ теченіе года онъ, хотя и усердно занимался, но сильно отсталъ отъ другихъ и не кончилъ программы. На экзаменѣ, какъ и надо было ожидать,—онъ не могъ исполнить въ срокъ заданной работы, почему и получилъ неудовлетворительную отмѣтку. Его никакъ нельзя перевести въ слѣдующій классъ. Пусть еще поработаетъ!»—заключаетъ свое мнѣніе завѣдывающій учебными мастерскими училища.

Въ виду того, что практическія занятія въ мастерскихъ считаются весьма важнымъ предметомъ въ числѣ прочихъ, преподаваемыхъ въ спеціальномъ училищѣ,—педагогическимъ совѣтомъ постановлено было:—оставить ученика на второй годъ для усовершенствованія въ практическихъ занятіяхъ.

Эти два случая, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ случилось быть хотя и въ разное время,—первый, когда я самъ былъ еще ученикомъ,—второй — значительно позднѣе, часто приходятъ мнѣ на память, такъ какъ каждый изъ нихъ въ свое время произвелъ на меня сильное впечатлѣніе.

Каждый годъ, послѣ весеннихъ переводныхъ экзаменовъ, долженствующихъ отдѣлить достойныхъ и недостойныхъ, вознаградивъ первыхъ переводомъ въ слѣдующій классъ и осудивъ послѣднихъ на вторичное пребываніе въ томъ же классѣ, мнѣ приходитъ въ голову мысль о томъ, насколько вѣрно опредѣляются при этомъ достоинства и недостатки каждаго и на сколько глубоко изслѣдуются и принимаются во вниманіе индивидуальныя особенности каждаго изъ учащихся, равно какъ и причины ихъ неуспѣшности, если таковая имѣетъ мѣсто?

Несомнѣнно, что весьма важнымъ критеріемъ для сужденія объ успѣшности занятій учащагося и о возможности перевода его въ слѣдующій классъ являются свѣдѣнія о его занятіяхъ въ теченіе года, т. е. годовыя отмѣтки его по различнымъ предметамъ учебнаго курса, обязательно принимаемыя во вниманіе при производствѣ переводнаго экзамена, который служитъ, такимъ образомъ, повѣркою того мнѣнія относительно даннаго субъекта, какое составилось у педагогическаго персонала на основаніи свѣдѣній объ успѣхахъ ученика въ теченіе учебнаго года.

Всякій помнитъ, навѣрно, какъ старательно готовился и съ какимъ страхомъ и трепетомъ отправлялся онъ на экзаменъ по тому предмету, по которому имѣлъ неудовлетворительную отмѣтку за годъ, ожидая, не безъ основанія, что его какъ слѣдуетъ «пробе-рутъ» на этомъ экзаменѣ, и что по этому предмету весьма легко, пожалуй, и «провалиться». И дѣйствительно, на экзаменахъ по этимъ предметамъ «пробирали» и нерѣдко по нимъ «проваливались», не будучи въ силахъ экзаменомъ поправить неудовлетворительную годовую отмѣтку.

Digitized by Google

Съ точки зрѣнія преподавателя, вполнѣ естественно и необходимо наиболѣе серьезно и строго относиться на экзаменѣ по извѣстному предмету—къ тому изъ учащихся, который оказывалъ мало успѣховъ по этому предмету въ теченіе года. Участь его преподавателемъ уже предрѣшена. Экзаменъ является формальнымъ подтвержденіемъ отсутствія необходимыхъ свѣдѣній и справедливости годовой оцѣнки успѣховъ ученика.

Но преподаватель, однако, знаетъ, что нерѣдко бываютъ случаи, когда ученикъ, плохо учившійся въ теченіе всего года и получившій соотвѣтственную оцѣнку своихъ познаній,—къ экзаменамъ усердно принимается за дѣло и съ успѣхомъ пополняетъ всѣ пробѣлы и недочеты въ своихъ свѣдѣніяхъ, что и обнаруживаетъ на переводномъ экзаменѣ. Въ такомъ случаѣ, конечно, нѣтъ причины не поощрить подобнаго рода образа дѣйствій переводомъ ученика въ слѣдующій классъ, но пріобрѣтенныя имъ въ такой короткій промежутокъ времени свѣдѣнія должны подвергнуться строгой провѣркѣ и испытанію, насколько хорошо и основательно они усвоены.

Вотъ почему ко всѣмъ ученикамъ, плохо учившимся въ теченіе года, преподаватели вообще относятся особенно строго на экзаменахъ, — и, какъ видимъ, имѣютъ для этого основанія. Ученикъ, не оказавшій успѣховъ въ году, и на экзаменѣ по этому предмету не обнаружившій надлежащихъ свѣдѣній и подготовки,—считается недостойнымъ перевода въ слѣдующій классъ и нерѣдко оставляется на второй годъ въ томъ же классѣ вслѣдствіе неуспѣховъ даже по одному только предмету, смотря по важности его въ числѣ прочихъ, входящихъ въ составъ учебнаго курса. Повидимому, все это вполнѣ логично и естественно, и такіе случаи, по всей вѣроятности, въ большомъ количествѣ имѣютъ мѣсто ежегодно и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, представляя собою явленіе, столь заурядное, что, казалось бы, объ этомъ не стоило много и разговаривать.

Однако оставленіе на второй годъ въ классѣ для ученика является весьма важнымъ событіемъ въ его жизни, въ виду чего я и позволю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ.

Оставленіе ученика на вторичное пребываніе въ томъ же классѣ отдаляетъ его на цѣлый годъ отъ дѣйствительной жизни и иногда весьма тяжко отражается какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи на немъ и на его близкихъ, нерѣдко вліяетъ на всю будущность учащагося и приводитъ зачастую къ крайне печальнымъ результатамъ.

Вообще вопросъ этотъ далеко не такъ простъ и ничтоженъ, какъ кажется,—и рѣшить его вполнѣ справедливо и съ осторожностью, взвѣсивъ и обсудивъ всѣ «pro» и «contra», принявъ во вниманіе и предусмотрѣвъ всѣ могущія быть послѣдствія этого рѣшенія,—совсѣмъ не легко. Между тѣмъ, на практикѣ онъ рѣшается, повидимому, довольно просто и скоро.

Приговоренный уже, на основаніи своихъ неуспѣховъ въ те-

Digitized by Google

ченіе года, къ оставленію на второй годъ—является на экзаменъ, беретъ билетъ, отвѣчаетъ на него при сугубо строгомъ и предубѣжденномъ отношеніи къ нему судящихъ его, получаетъ ту или другую оцѣнку своихъ знаній въ видѣ соотвѣтственной отмѣтки, которая складывается съ годовою отмѣткою по этому предмету, выводится среднее ариѳметическое,—и вопросъ рѣшенъ, и рѣшенъ, повидимому, вполнѣ логически и правильно.

Посмотримъ теперь, какъ образуется и возникаетъ годовая отмѣтка, которая является оцѣнкою успѣшности занятій ученика въ теченіе года и мѣриломъ его познаній, пріобрѣтенныхъ за это время, и которая обусловливаетъ извѣстное отношеніе къ нему экзаменаторовъ во время переводнаго экзамена, имѣя, такимъ образомъ, весьма значительное вліяніе на результатъ послѣдняго и, слѣдовательно, на окончательное рѣшеніе вопроса о переводѣ или оставленіи на второй годъ.

Тутъ, обыкновенно, дѣло происходитъ еще проще и, въ большинствѣ случаевъ, всегда по одному и тому же шаблону. Преподаватель въ теченіе года объясняетъ уроки, спрашиваетъ ихъ, ставитъ за отвѣты отмѣтки, выводитъ изъ нихъ среднія за четверти учебнаго года, а изъ послѣднихъ среднюю отмѣтку за годъ,—это и есть годовая отмѣтка,—оцѣнка занятій и знаній ученика, пріобрѣтенныхъ въ теченіе минувшаго года. Въ большинствѣ случаевъ,—не говорю всегда,—дѣлается все это совершенно машинально и автоматически, особенно при большомъ числѣ учащихся и отмѣтокъ. Иногда на неуспѣшность занятій ученика во время года обращается вниманіе родителей и рекомендуется имъ принять мѣры,—и только. Мѣры иногда принимаются, но, къ сожалѣнію, не всегда приносятъ желаемые результаты, что и понятно.

Недостаточно только указать родителямъ на неуспѣшность занятій учащагося, о чемъ они и сами могутъ судить по получаемымъ имъ отмѣткамъ. Преподавателю необходимо, помимо констатированія факта этой неуспѣшности,—постараться выяснить какъ имъ, такъ и себѣ, причины ея, дабы бороться противъ нея соотвѣтственными мѣрами, сообразно именно этимъ причинамъ. Необходимо опредѣлить и постоянно въ теченіе года принимать во вниманіе индивидуальныя особенности и свойства характера каждаго изъ учащагося, и, съ своей стороны, извѣстнымъ образомъ воздѣйствовать на него, помогая ему, такимъ образомъ, достичь успѣшности въ занятіяхъ,—обходясь безъ обращенія къ родителямъ и ихъ мѣрамъ.

Мнѣ кажется, что это есть обязанность каждаго педагога.

Дѣлается ли это однако нашими преподавателями? Даютъ ли они себѣ трудъ выяснять причины неуспѣшности занятій своихъ учениковъ? Пользуются ли они результатами своихъ наблюденій относительно причинъ неуспѣшности учениковъ и принимаютъ ли соотвѣтственныя случаю мѣры воздѣйствія? Сообразуются ли они въ требованіяхъ своихъ, предъявляемыхъ къ ученикамъ,—съ

Digitized by Google

силами и способностями послѣднихъ и принимаютъ ли они вообще во вниманіе ихъ индивидуальныя особенности?

На всѣ эти вопросы гг. преподаватели, положа руку на сердце, могли бы дать только одинъ отвѣтъ.—Если все это и дѣлается, то далеко не всегда.—И объ этомъ нельзя не пожалѣть.

Нельзя не пожалѣть потому, что, благодаря подобному положенію дѣла, является возможность существованія фактовъ, приведенныхъ мною въ началѣ статьи,—фактовъ, думается мнѣ, не единичныхъ. Въ нихъ,—въ чемъ и заключается ихъ аналогія—обращаетъ на себя вниманіе мотивъ, какимъ иногда руководствуются гг. педагоги, при оставленіи ученика на второй годъ.—«Онъ не имѣетъ совершенно способностей по такому то предмету,—а потому пусть еще поучится». Какова логика въ этихъ назидательныхъ словахъ! Къ какимъ неожиданнымъ заключеніямъ приходятъ иногда гг. педагоги, благодаря своему указанному выше отношенію къ дѣлу и къ учащимся, игнорируя даже простые законы логики и,—добавлю,—справедливости!

Какъ будто лишній годъ ученія сдѣлаетъ неспособнаго ученика вдругъ способнымъ и талантливымъ!

Я никакъ не могу объяснить себѣ, чего хотятъ достичь оставленіемъ на второй годъ въ классѣ такого ученика, относительно котораго всѣ вполнѣ убѣждены, что онъ не имѣетъ совершенно никакихъ способностей по извѣстнымъ предметамъ учебнаго курса и, несмотря на всѣ свои старанія и прилежаніе, не можетъ достичь желаемыхъ результатовъ?

Если это дѣлается въ видахъ пользы для ученика, дабы онъ въ теченіе слѣдующаго года вознаградилъ неуспѣшность занятія предыдущаго, пополнилъ пробѣлы и недостатки своихъ свѣдѣній и, такимъ образомъ, сдѣлался наконецъ достойнымъ перевода въ слѣдующій классъ, то подобныя соображенія мнѣ кажутся весьма неосновательными.—Если у ученика нѣтъ способностей, то и въ слѣдующій годъ результаты, очевидно, будутъ тѣ же, только, быть можетъ, съ болѣе печальными послѣдствіями для ученика. Способности и талантъ не вырабатываются со временемъ, и нельзя пріобрѣсти даже усиленнымъ трудомъ того, что не дано отъ природы.

Если же это оставленіе на второй годъ въ классѣ дѣлается въ наказаніе ученику и въ примѣръ прочимъ, то мнѣ кажется, что такое наказаніе крайне несправедливо.—Это все равно, что бить лежачаго! За что здѣсь наказывается ученикъ и что въ немъ преслѣдуется?

Развѣ справедливо и гуманно преслѣдовать и наказывать калѣку за увѣчье?—Здѣсь же преслѣдуется и наказывается за свое увѣчье тоже вѣдь калѣка, но калѣка въ нравственномъ отношеніи, ученикъ, которому не дано Богомъ ума, способностей и талантовъ.

Мы возмущаемся, видя на улицѣ лошадь, чрезмѣрно обреме-

Digitized by Google

ненную кладью, и прибѣгаемъ къ защитѣ общества покровительства животнымъ. Здѣсь же примиряемся съ подобными фактами и находимъ возможность оправдывать ихъ!

Отъ каждаго можно требовать только того, что онъ можетъ дать, и,—разъ онъ даетъ все то, что можетъ, разъ онъ прилагаетъ къ дѣлу всѣ свои силы и стараніе,—каковъ бы ни былъ результатъ труда,—его трудъ долженъ удовлетворять насъ. Не его вина, что ему не дано талантовъ и способностей, благодаря которымъ другіе, при меньшей даже затратѣ труда, достигаютъ большаго.

Поэтому то въ подобныхъ случаяхъ прежде, чѣмъ произнести свой безпощадный приговоръ, преподаватель долженъ дать себѣ ясный отчетъ о причинахъ неуспѣшности занятій ученика, онъ долженъ заглянуть въ душу его, въ его внутренній міръ, не ограничиваясь созерцаніемъ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ въ классныхъ журналахъ, принять во вниманіе индивидуальныя особенности и способности ученика, и тогда только уже рѣшить вопросъ. Никоимъ образомъ нельзя подводить всѣхъ учениковъ класса подъ одинъ общій уровень. У каждаго изъ нихъ есть свои особенности, симпатіи и антипатіи; они раздѣляютъ всѣ изучаемые предметы на легкіе и трудные, при чемъ то, что оказывается легкимъ для однихъ,—для другихъ является труднымъ. Преподавателю надо изучить каждаго ученика, посмотрѣть на него какъ на отдѣльную личность, а не какъ на $^1/_{30}$ или $^1/_{40}$ часть массы, именуемой классомъ,—и, сообразно съ полученнымъ впечатлѣніемъ, предъявлять къ нему свои требованія.

При каждомъ случаѣ неуспѣшности учащагося, преподаватель, мнѣ кажется, долженъ прежде всего разрѣшить такого рода диллемму.

Происходитъ ли неуспѣшность отъ лѣности, нерадѣнія, нежеланія учиться при наличности способностей и всѣхъ прочихъ данныхъ, — и въ такомъ случаѣ—карать, и карать безпощадно, примѣняя для сего всѣ имѣющіяся у него въ рукахъ средства; или же—эта неуспѣшность есть результатъ малоспособности учащагося, вслѣдствіе чего онъ, при всемъ своемъ желаніи и трудахъ, не можетъ исполнить и достичь многаго, но, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ, съ своей стороны, все, что только въ состояніи сдѣлать,—и въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, ученикъ отнюдь не заслуживаетъ какого либо наказанія и преслѣдованія, но наоборотъ— одобренія и поощренія.

«Кому много дано,—съ того много и спросится», — говоритъ св. писаніе ..

Мнѣ кажется, должно быть справедливо и обратное заключеніе. Грѣшно и несправедливо требовать много съ того, кого Богъ не наградилъ способностями къ чему либо.

А между тѣмъ, какъ часто преподаватели преслѣдуютъ и наказываютъ такихъ то именно учениковъ, дѣлая ихъ мишенью для своего остроумія и предметомъ посмѣянія цѣлаго класса, въ

Digitized by Google

концѣ концовъ, оставляя ихъ на второй годъ въ классѣ за неуспѣшность.

Каковы же причины этой неуспѣшности, заслуживаютъ ли онѣ столь строгой кары, будетъ ли какая польза для учащагося отъ этого оставленія на второй годъ,—все это вопросы, въ большинствѣ случаевъ, повидимому, мало волнующіе гг. педагоговъ.

Строго придерживаясь вѣками установленнаго основного принципа школьной педагогіи: «неуспѣшность должна быть наказуема»,—они въ слѣпомъ повиновеніи ему совершенно игнорируютъ причины ея, не придавая имъ, очевидно, большого значенія. Является ли неуспѣшность учащагося какъ результатъ его лѣности и нежеланія трудиться, или—какъ результатъ его природной неспособности,—она наказуется одинаково.

Какъ ни странно это,—но мнѣ приходилось наблюдать многихъ педагоговъ, въ глазахъ которыхъ неуспѣшность учащагося, проистекающая отъ его природной неспособности и тупости, являлась, повидимому, болѣе нетерпимою и вызывала болѣе ожесточенныя и строгія преслѣдованія и наказанія, нежели неуспѣшность, — являющаяся результатомъ лѣни и нерадѣнія. По крайней мѣрѣ, многіе ихъ слова и поступки, равно какъ и приведенные мною выше два случая, наводятъ на эту мысль. Кромѣ того, я лично знаю преподавателей, придерживающихся подобнаго принципа при оцѣнкѣ познаній и успѣховъ учениковъ.—Они ставятъ высшія отмѣтки тѣмъ ученикамъ, которые, по ихъ мнѣнію, могутъ заниматься хорошо, хотя бы они этого и не обнаружили,—и преслѣдуютъ своими строгостями тѣхъ, которые, вслѣдствіе отсутствія способностей, не могутъ выполнить требуемаго отъ нихъ даже при всемъ своемъ стараніи.

Однако, пожалуй, похоже на парадоксъ и только что высказанное мною мнѣніе относительно похвалы и одобренія ученика, не обнаружившаго успѣховъ вслѣдствіе отсутствія способностей.

Съ общеустановившейся въ нашей школьно-педагогической практикѣ точки зрѣнія цѣнятся не труды, но результаты ихъ.—Высшую отмѣтку получаетъ тотъ ученикъ, который безошибочно отвѣтилъ урокъ, и наоборотъ—не знающій его наказывается неудовлетворительной отмѣткой, при чемъ совершенно не принимается во вниманіе то, что первый, быть можетъ, приготовилъ урокъ въ полчаса, а второй, просидѣвъ надъ нимъ цѣлую ночь, все таки не былъ въ состояніи постичь заключенную въ немъ премудрость. Смотря на дѣло такимъ образомъ, дѣйствительно, высказанное мною мнѣніе можетъ казаться парадоксомъ. Но, по моему, оно есть только логическій выводъ изъ сдѣланнаго ранѣе положенія, что отъ каждаго можно требовать не болѣе того, что онъ можетъ дать.

Я, разумѣется, не имѣю при этомъ въ виду учениковъ, абсолютно, неспособныхъ ни къ чему но беру такіе, весьма часто имѣющіе мѣсто случая, какъ неуспешность ученика по одному только или по нѣкоторымъ изъ предметовъ учебнаго курса, ви-

Digitized by Google

ною чему является исключительно его неспособность именно только по отношенію къ этимъ предметамъ, какъ напр. у нѣкоторыхъ къ изученію латинскаго языка, занятіямъ ремеслами и т. под.

Никакія принудительныя мѣры и наказанія, въ родѣ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ и оставленія на второй годъ въ классѣ, въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, помочь не могутъ, а потому примѣненіе ихъ является совершенно излишнимъ и при томъ даже несправедливымъ.

Здѣсь могутъ быть только два выхода.

Если обязательное изученіе и знаніе тѣхъ предметовъ учебнаго курса, по которымъ ученикъ обнаруживаетъ отсутствіе способностей,—является весьма важнымъ и необходимымъ для его будущей дѣятельности по окончаніи курса даннаго учебнаго заведенія, и отсутствіе этихъ свѣдѣній можетъ служить ему серьезнымъ препятствіемъ въ жизни и въ той дѣятельности, къ которой готовитъ данное училище,—то, вмѣсто всякихъ наказаній и оставленій на второй годъ въ классахъ, мнѣ кажется, было бы гораздо болѣе цѣлесообразно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, гуманно,—предложить ему прямо оставить учебное заведеніе, пока еще не ушло время, дабы онъ могъ избрать другого рода дѣятельность или иную спеціальность, болѣе соотвѣтствующую его способностямъ. Неужели же лучше и справедливѣе—преслѣдовать такого неспособнаго ученика различными наказаніями, устраивать на него травли въ видѣ экзаменовъ въ присутствіи различныхъ коммиссій и, какъ затравленнаго звѣря, оставлять по два года въ классахъ, завершивъ все это, подъ конецъ, исключеніемъ его изъ учебнаго заведенія по малоуспѣшности,—въ то время, когда уже поздно приниматься за что либо другое?

Если же предметы, по которымъ ученикъ оказывается неуспѣшнымъ, не представляютъ существенной важности и въ числѣ другихъ предметовъ учебнаго курса училища занимаютъ второстепенное мѣсто, если даже они принадлежатъ и къ числу главныхъ, но не вполнѣ основательное знакомство съ ними не можетъ явиться препятствіемъ и повредить учащемуся въ его будущей дѣятельности, то, мнѣ кажется, излишне и преслѣдовать его за его неуспѣшность по этимъ предметамъ. Зная, что ему затруднительно изученіе извѣстнаго отдѣла курса, извѣстнаго мастерства, что оно ему просто, что называется, не дается, не по силамъ—нѣтъ надобности и предъявлять къ нему особыя требованія, будучи заранѣе увѣрену, что выполнить ихъ онъ не въ состояніи. Это и смысла никакого не имѣетъ, и безполезно, и не справедливо.—Если такой ученикъ сдѣлаетъ то, что онъ можетъ сдѣлать въ данное время и при данныхъ условіяхъ, обнаружитъ стараніе и желаніе работать, то вполнѣ можно этимъ и удовлетвориться.—Пусть переходитъ изъ класса въ классъ, пусть кончаетъ курсъ, даже и при слабыхъ успѣхахъ по нѣкоторымъ предметамъ. Въ такихъ случаяхъ надо цѣнить не результатъ

Digitized by Google

труда, но самый трудъ. Это будетъ, по крайней мѣрѣ, справедливо, а ущерба отъ того никто не потерпитъ.

Но при этомъ, чтобы быть вполнѣ справедливымъ и, съ своей стороны, не впасть въ ошибку, необходимо хорошо знать ученика не только въ классѣ, но и въ домашней его обстановкѣ, надо знать условія, при которыхъ приходится ему учиться, надо знать много кое чего, на что, къ сожалѣнію, слишкомъ мало обращаютъ вниманія наши педагоги.

И думается мнѣ, что, въ большинствѣ случаевъ, вполнѣ бываетъ возможно склониться на сторону милосердія и снисходительности.

Что за бѣда, напримѣръ, что ученику гимназіи не дается латынь, что онъ чувствуетъ къ изученію латинскаго языка чисто органическое отвращеніе, что у него положительно нѣтъ способности усвоить себѣ премудрости латинской грамматики? Будто ужъ безъ знанія латинскаго языка ему и не прожить? Будто ужъ такъ необходима будетъ ему латынь впослѣдствіи въ жизни, что неизнаніе ея можетъ служить препятствіемъ ему во всей дальнѣйшей его дѣятельности?

Очевидно—нѣтъ... И безъ знанія латинскаго языка онъ всегда будетъ въ состояніи пробить себѣ дорогу въ жизни и, навѣрное, окончивъ курсъ, поспѣшитъ предать забвенію ненавистную ему латинскую грамматику и проч. Какая же цѣль, въ такомъ случаѣ, настойчиво и всевозможными мѣрами принуждать его непремѣнно и обязательно не смотря ни на что,—изучать все это? Развѣ только потому, что въ программахъ курсовъ классическихъ гимназій значится изученіе латинскаго языка, а программы должны быть выполнены?

Но это чисто формальный и крайне педантичный взглядъ на дѣло. Задача гимназіи—дать общее образованіе, а развѣ человѣкъ не можетъ иначе и достигнуть его, какъ непремѣнно изучая латинскую грамматику? Развѣ онъ не можетъ быть образованъ и не зная основательно латинскаго языка?

Не лучше-ли и не справедливѣе-ли въ подобномъ случаѣ—оставить такого, очевидно уже неспособнаго, ученика въ покоѣ и, зная его слабость по этому предмету, оказывать ему нѣкоторое снисхожденіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы не подавать прочимъ повода къ подозрѣнію въ послабленіи ему, вродѣ, напр, слишкомъ высокой оцѣнки его познаній по данному предмету,—просто только не допекать его во время года особенно большими требованіями, памятуя, что кому меньше дано,—съ того меньше надо и спрашивать. Тогда и волки будутъ сыты, и овцы цѣлы.

Не бѣда, мнѣ кажется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже, если предметъ, по которому ученикъ не успѣваетъ, занимаетъ и видное мѣсто въ числѣ прочихъ предметовъ учебнаго курса.

Такъ, многимъ изъ учащихся въ спеціальныхъ училищахъ не даются ремесла. Весьма нерѣдко приходится наблюдать, что ученикъ, въ общемъ, весьма способный и умственно развитый,

Digitized by Google

успѣшно занимающійся по всѣмъ теоретическимъ наукамъ, оказывается положительно бездарнымъ въ отношеніи занятій ручнымъ трудомъ въ мастерскихъ. Онъ тратитъ на работу много времени, старается изо всѣхъ силъ, но изъ его труда ничего не выходитъ; онъ отстаетъ отъ прочихъ, не выполняетъ программы, не въ состояніи исполнить экзаменной работы, задаваемой на извѣстный срокъ, и въ результатѣ долженъ остаться на второй годъ въ классѣ, такъ какъ занятія въ мастерскихъ считаются весьма важнымъ отдѣломъ учебнаго курса спеціальныхъ училищъ. При подобной неудачѣ и въ слѣдующемъ году, что весьма часто и бываетъ,—ему грозитъ уже удаленіе изъ училища по малоуспѣшности. Мнѣ всегда крайне жаль такихъ учениковъ. За что, собственно, они терпятъ наказаніе?

Какой смыслъ всѣхъ этихъ принудительныхъ мѣръ и взысканій, примѣняемыхъ къ нимъ? Они дѣлаютъ, съ своей стороны, все, что могутъ, и, въ данномъ случаѣ, отъ нихъ требуютъ больше, чѣмъ они могутъ дать.

Разъ ученикъ не имѣетъ способности къ ручному труду, то, навѣрно, по окончаніи курса онъ изберетъ себѣ такого рода дѣятельность, хотя и техническаго характера, но такую, гдѣ онъ будетъ избавленъ отъ ручного труда,—что, надо замѣтить, въ большинствѣ случаевъ, и имѣетъ мѣсто.

Слѣдовательно, не вполнѣ основательное знакомство съ практическими пріемами мастерства можетъ и не служить ему препятствіемъ въ дальнѣйшемъ.

Зачѣмъ же оно является, и даже весьма значительнымъ, препятствіемъ при прохожденіи курса въ училищѣ и при окончаніи его? Зачѣмъ, спрашивается, ученикъ теряетъ иногда нѣсколько лишнихъ лѣтъ, благодаря чрезмѣрно строгимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ нему въ этомъ отношеніи, и рискуетъ даже не окончить курса, что уже, безъ сомнѣнія, является гораздо болѣе печальнымъ для него и пагубнымъ по вліянію на всю его будущность, нежели окончаніе курса безъ основательнаго хотя бы знакомства съ мастерствомъ и вообще съ ручнымъ трудомъ.

Къ такимъ ученикамъ обязательно надо и, какъ видимъ, вполнѣ возможно, имѣть снисхожденіе и не преслѣдовать ихъ чрезмѣрными и непосильными для нихъ требованіями.

Много подобныхъ примѣровъ можно бы привести, гдѣ вполнѣ возможнымъ является скорѣе проявить актъ милосердія вмѣсто безпощадной и педантичной строгости. Но, къ сожалѣнію, вторая, почему-то, всегда преобладаетъ.

Почему съ именемъ «преподаватель» связывается обыкновенно представленіе о сухости, мертвенности, жесткости? Почему ученики всякаго преподавателя (исключенія крайне рѣдки) считаютъ непремѣнно своимъ врагомъ, а въ экзаменѣ видятъ генеральное сраженіе съ этимъ врагомъ, которое не всегда можетъ быть выиграно?

Все это, мнѣ кажется, оттого, что преподаватели не даютъ

Digitized by Google

себѣ труда сблизиться съ учениками и боятся сойти съ своего пьедестала, не стараются получше узнать каждаго въ отдѣльности, заглянуть въ умъ и душу каждаго ученика, опредѣлить его индивидуальныя особенности, и, сообразуясь съ этимъ, относиться не одинаково ко всѣмъ и не ко всѣмъ предъявлять одинаковыя требованія.

Не скажу, чтобы это было легкое дѣло, но только тогда, когда оно будетъ сдѣлано, преподаватель можетъ считать свою задачу вполнѣ выполненною. Обыкновенно, принято, почему-то, считать трудъ преподавателя крайне тяжелымъ. Это вѣрно, если разсуждать теоретически о задачахъ преподавательской дѣятельности.

Но при обыкновенномъ, шаблонномъ, хотя и вполнѣ безупречномъ съ формальной стороны, исполненіи преподавателями ихъ обязанностей,—трудъ ихъ оказывается далеко не такъ тяжелъ и сводится, въ сущности, къ продѣлыванію такихъ несложныхъ дѣйствій, какъ задаваніе уроковъ, иногда прямо по книжкѣ «отъ сихъ до сихъ»,—иногда съ разъясненіемъ задаваемаго, спрашиваніи выученнаго, да выставленію отмѣтокъ въ журналахъ и вѣдомостяхъ,—что; мнѣ кажется совсѣмъ не такъ ужъ труднымъ и многосложнымъ.

Поэтому, вышеуказанное желательное отношеніе преподавателей къ учащимся, и вообще къ дѣлу преподаванія, отнюдь не является какимъ-либо осложненіемъ взятой ими на себя задачи, но это есть только ихъ прямая обязанность, которая, къ сожалѣнію, выполняется далеко не всѣми. Между тѣмъ, тотъ, кто беретъ на себя такую высокую и многосложную, на самомъ дѣлѣ, задачу, какъ исполненіе обязанностей преподавателя, долженъ и самъ стоять на высотѣ своего призванія.

Конечно, вина въ подобномъ ненормальномъ положеніи дѣла не лежитъ всецѣло на преподавательскомъ персоналѣ. Главная причина этой ненормальности заключается въ общемъ устройствѣ нашей школьно-педагогической системы, мѣряющей всѣхъ учащихся общею мѣркою, предъявляющей ко всѣмъ одинаковыя требованія, не признающей индивидуальныхъ особенностей каждаго ученика.

Тутъ не могу не упомянуть кстати ужь объ одномъ, весьма курьезномъ, практикующемся въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, методѣ преподаванія пѣнія, причемъ пѣнію обязаны учиться всѣ безъ исключенія, и по этому предмету, какъ и по прочимъ, ставятся также отмѣтки.

Результатомъ этого являются часто такого рода сцены.

«Ой то́-то и то́-то»,—кричитъ учитель пѣнія на какого-нибудь безголосаго мальчугана. Тотъ издаетъ звуки, весьма мало похожіе на пѣніе, и никакъ не можетъ исполнить требуемаго. «Вотъ я тебѣ единицу поставлю,—тогда у меня запоешь»,—заключаетъ учитель. Единица ставится въ журналъ,—но запоетъ-ли тотъ, у кого нѣтъ ни голоса, ни слуха,—весьма сомнительно.

Digitized by Google

«Хоть тресни,—да пой!»—вотъ, очевидно, девизъ учебнаго плана преподаванія пѣнія, обязательнаго безусловно для всѣхъ учащихся въ училищѣ.

Спрашивается, за что именно въ данномъ случаѣ. ставятся отмѣтки? За голосъ, за слухъ, за талантъ, данный Богомъ. Чѣмъ же виноваты тѣ, которымъ не дано его?

Не смѣшно-ли это?

Между тѣмъ, такіе курьезы имѣютъ мѣсто, и мнѣ лично случалось наблюдать ихъ.

Возвращаясь къ затронутому мною вопросу о необходимости иного отношенія преподавателей къ учащимся, я долженъ сознаться, что практическое рѣшеніе этого вопроса и осуществленіе его кажется мнѣ дѣломъ весьма труднымъ, такъ какъ требуетъ радикальнаго измѣненія всей современной нашей школьной системы и нарушенія традицій, освященныхъ преданіемъ минувшихъ временъ.

По принципамъ нашей школьной педагогіи—всѣ ученики должны быть равны для преподавателя. Онъ не долженъ дѣлать никому никакихъ послабленій и со всѣхъ требовать и взыскивать одинаково.

По чувству справедливости и гуманности преподаватель сознаетъ, что онъ не долженъ и не можетъ относиться ко всѣмъ одинаково, ибо знаетъ индивидуальныя особенности каждаго ученика и знаетъ, кто сколько можетъ дать и сколько отъ кого онъ вправѣ требовать.

Какъ быть въ такомъ случаѣ и какой возможенъ исходъ изъ подобнаго положенія,—не берусь рѣшать.

Думаю, однако, что гуманность и чувство справедливости должны бы восторжествовать надъ сухимъ формализмомъ и бездушной педантичностью.

М. Лысковскій.

Digitized by Google

Новыя министерскія программы для начальныхъ школъ.

«Примѣрныя министерскія программы,» утвержденныя 7-го февраля 1897 г., обратили на себя вниманіе какъ печати, такъ и тѣхъ лицъ и учрежденій, которыхъ близко касаются интересы нашей начальной школы. Но впечатлѣніе, произведенное этими программами, очень различно: такъ ж. «Р. Нач. Учит.» съ радостью привѣтствуетъ ихъ появленіе, какъ начало той опредѣленности, въ какой давно нуждается наша школа, и какой не было въ «Положеніи 1874 г., гдѣ онѣ (прогр.), были намѣчены въ самыхъ общихъ чертахъ; такъ г. Горбовъ (см. В. Е. ноябрь 97 г.), оказывается непріятно «пораженнымъ» ихъ появленіемъ какъ началомъ «опредѣленнаго выраженія» дѣятельности народной школы, «жившей доселѣ въ значительной мѣрѣ свободно, самостоятельно искавшей своихъ цѣлей и путей для ихъ достиженія», и особенно поражается «той узкостью и скудостью свѣдѣній, которую программы допускаютъ въ школу». Такъ же различно смотрятъ на нихъ и въ обществѣ: одни довольны этой регламентаціей, другіе совершенно недовольны и предпочитали бы имѣть дѣло съ прежними «правилами,» которыя не стѣсняли дѣятельности школы въ ея развитіи и приспособленіи къ требованіямъ времени и мѣстнымъ интересамъ.

Ужъ одно то, что объ этихъ программахъ много говорятъ и пишутъ, достаточно свидѣтельствуетъ объ ихъ важномъ принципіальномъ значеніи въ дальнѣйшей жизни нашей школы. Если программы 1874 г., «намѣченныя въ самыхъ общихъ чертахъ, *чтобы дать опыту подготовить ихъ выработку*», просуществовали въ этомъ видѣ больше двадцати лѣтъ, то новыя программы, какъ результатъ такого продолжительнаго опыта, даются, полагать надо, на еще болѣе продолжительное время; а отсюда необходимо, чтобы онѣ были болѣе совершенны сравнительно съ предыдущими, болѣе отвѣчали современнымъ требованіямъ жизни деревни и во всякомъ случаѣ не стѣсняли бы дальнѣйшаго свободнаго роста школы.

Прежнія программы, выражая свои требованія въ общихъ чертахъ, давали право мѣстнымъ училищнымъ совѣтамъ разрабатывать

Digitized by Google

ихъ детально, сообразно съ мѣстными условіями, окружающими школу; давали и учителю полную свободу выдвинуть на первый планъ тотъ или другой предметъ, обратить больше вниманія на то или другое отдѣленіе, ввести тѣ или другія упражненія, которыя, по его мнѣнію, ближе ведутъ къ общей цѣли и т. д.

Правда, что въ такой выработкѣ могли быть увлеченія, какъ напр., въ Крестецкомъ у. Новг. губ., (программа по нѣкоторымъ отдѣламъ слишкомъ обширна); правда и то, что далеко не всѣ учителя способны были къ самостоятельной и разумной постановкѣ школьнаго дѣла; но если все-таки считалась возможнымъ такая работа двадцать лѣтъ тому назадъ, то почему теперь явилась необходимость въ довольно подробной регламентаціи этого живого дѣла? «Наше учительство,» говоритъ г. Бунаковъ, знатокъ школы и учителей, «представляло *тогда* пеструю толпу, которую составляли и недоучившіеся безнадежные семинаристы, и неокончившіе курса ученики уѣзднаго училища, и разнообразные добровольцы, словомъ, «кто съ бору, кто съ сосенки»... Теперь и узнать нельзя сравнительно съ тѣмъ, что было 20—25 лѣтъ тому назадъ. Это, въ большинствѣ, уже люди, получившіе среднее или порядочное спеціальное учительское образованіе, сознательно посвятившіе свои силы учительскому труду, мыслящіе, искренно преданные дѣлу народнаго образованія. Между ними не мало такихъ, которые работали въ народной школѣ 10, 15, 20 лѣтъ. Да, очень замѣтно измѣнилось наше учительство. Не то стало его отношеніе къ дѣлу. Не тѣ его недостатки, не тѣ и достоинства». (Р. Н. Уч. окт. 1897 г.). Такова справедливая характеристика *тогдашняго* и *теперешняго* учительства.

Тогда школа только что начиналась, деревенскій обыватель смотрѣлъ на нее или съ традиціонной точки зрѣнія, или относился къ ней и со всѣмъ недружелюбно. Нужно было кому нибудь придти на помощь къ неумѣлому учителю и новорожденной школѣ. Между тѣмъ для этой школы была дана программа *въ общихъ чертахъ*, а теперь въ ней говорится, что «уроковъ Закона Божія должно быть въ школѣ въ недѣлю 6 часовъ, церковнославянской грамоты 3 часа, русскаго языка 8 часовъ, чистописанія 2 часа, ариѳметики 5 часовъ, да на пѣніе и гимнастику полагается еще 3 часа. И ни больше, ни меньше какъ по всѣмъ предметамъ вообще, такъ и по каждому въ отдѣльности, такъ какъ это «еженедѣльное число занятія *обязательно* для каждаго училища». Если же «особо уважительныя причины» будутъ вынуждать измѣнить такое росписаніе, то это можетъ быть сдѣлано «лишь съ дозволенія мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ». (Общ. замѣчанія стр. 4).

Для выполненія программъ по такому росписанію имѣется въ виду ученіе «въ теченіе трехъ лѣтъ и не менѣе шести мѣсяцевъ въ году, не считая праздниковъ,» т. е. предполагается для нашихъ школъ возможнымъ 180 учебн. дней или почти 26 учеб. недѣль въ году. Не знаю, въ какихъ мѣстностяхъ Россіи это окажется возможнымъ, но въ предѣлахъ Новгородской губерніи и Олонецкой,

Digitized by Google

даже въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ учителя обязаны быть на мѣстахъ службы съ 1-го сентября, рѣдко бываетъ больше 145 учебныхъ дней, т. е. 21 недѣля. А тамъ, гдѣ дѣти уходятъ на промыслы, въ родѣ пастушескаго, напр. въ Боровическомъ у. Нов. губ., нужно считать четыре учебныхъ мѣсяца, включая сюда всѣ воскресенія и мѣстные праздники, т. е. не болѣе 100 учеб. дней. Но даже если взять за нормальное 154 учеб. дня въ году, или 22 недѣли, то и въ этомъ случаѣ при такомъ строго-обязательномъ росписаніи едва ли возможно сдѣлать въ школѣ все, что требуется программами.

Остановлюсь на одномъ отечественномъ языкѣ, какъ предметѣ, имѣющемъ первенствующее значеніе въ курсѣ начальной школы.

Въ 22 учебныя недѣли, которыя я считаю *желательными* при существующихъ экономическихъ и разныхъ иныхъ условіяхъ нашей деревни, по росписанію можетъ быть около 144 ур. по русскому языку для всѣхъ трехъ отдѣленій школы. Объ этихъ урокахъ въ «Общихъ замѣчаніяхъ» говорится, что «по русскому языку учитель отдѣляетъ нѣсколько больше времени младшему отдѣленію, для скорѣйшаго обученія грамотѣ. Остальное время распредѣляется поровну между 2-мъ и 3-мъ отдѣл.». Думаю, что такое предпочтеніе младшему отдѣленію рекомендуется только на время прохожденія азбуки, т. е. на первые два мѣсяца, въ общемъ нужно считать обязательнымъ равномѣрное распредѣленіе учебныхъ часовъ по отдѣленіямъ, т. е. придется по 48 ур., въ годъ на каждое отдѣленіе, не считая самостоятельныхъ упражненій. Значитъ, каждый ученикъ въ теченіе всего курса подъ руководствомъ учителя будетъ заниматься не больше 144—150 часовъ, и за это время его нужно «довести до бѣглаго, правильнаго и осмысленнаго чтенія, правильной и точной устной передачи видѣннаго, слышаннаго и, вообще, правильной разговорной рѣчи и правильнаго, по возможности, письма,» причемъ, письмо требуется не только правильное грамматически, но и «составленіе несложныхъ описаній по данному плану и писемъ по даннымъ образцамъ», не говоря уже о «письменной передачѣ прочитаннаго».

Передо мною лежатъ письменныя работы учениковъ одной изъ лучшихъ школъ нашего уѣзда. Позволю себѣ привести здѣсь «передачу прочитаннаго» *средняго* ученика старшей группы съ сохраненіемъ подлиннаго правописанія.

Журавль и аистъ.

Мужикъ разставилъ на журавлей сѣти за то, что они сбирали у него посѣвъ. Въ сѣти попали и журавли а вмѣстѣ съ журавлями и аистъ; аистъ и говоритъ мужику: «отпусти меня (:) я ведь не журавль (,) а аистъ, мы самыя почетныя птицы, мы живемъ у твоего отца на дому и по перу видно, что я аистъ». Мужикъ и сказалъ: «съ журавлями поймалъ, такъ съ журавлями и зарѣжу».

Статейка была прочитана два раза и, безъ предварительнаго устнаго пересказа, дана для переложенія. Изъ 17 работъ есть нѣ-

Digitized by Google

которыя лучше, нѣкоторыя хуже, но всѣ достаточно осмысленны, и написаны отличнымъ почеркомъ по одной линейкѣ; такимъ результатомъ занятій школы въ половинѣ *третьяго года ученья* можно вполнѣ довольствоваться, можно бы даже радоваться, еслибы всѣ школы такъ работали. Но чтобы добиться подобныхъ результатовъ къ такому времени, учительница занимается по другому росписанію, значительно отличающемуся отъ приведеннаго министерскаго. Она, какъ и другіе учителя и учительницы, убѣжденію говоритъ, что *при восьми урокахъ въ недѣлю по русскому языку ничего не сдѣлать*. Въ этой школѣ восьми лѣтней практикой по русскому языку выработано такое недѣльное росписаніе: въ младшемъ отд. 6 часовыхъ ур. чтенія и 2 урока диктовки; въ среднемъ и старшемъ по 4 ур., чтенія и 2 урока *совмѣстной* диктовки. Такимъ образомъ на русскій языкъ въ 3-хъ отдѣленіяхъ употребляется до 18 час., въ недѣлю, вмѣсто 8, проектируемыхъ новыми программами, а всѣ предметы занимаютъ въ школѣ по 5 или 6 часов. ур., въ день, т. е. 30—36 уроковъ въ недѣлю, вмѣсто 24 по новой программѣ. Такой порядокъ можно считать нормальнымъ для нашихъ школъ настоящаго времени, и наблюдатель рѣдко встрѣтитъ значительныя уклоненія въ ту или другую сторону, хотя есть школы съ 48 час. ур., есть и съ 28 ур., въ недѣлю; причемъ нужно имѣть въ виду, что ни пѣніе, ни гимнастика нигдѣ не входятъ въ это росписаніе.

При такой практикѣ школы едвали возможно будетъ примѣнить новое росписаніе, не рискуя понизить уровень успѣховъ школы на половину.

Но этимъ еще далеко не исчерпываются неудобства, создаваемыя новыми программами. Значительное неудобство я вижу въ самомъ объемѣ свѣдѣній по русскому языку. Конечный результатъ занятій школы въ области толковаго чтенія опредѣляется такъ: «Послѣдній годъ обученія долженъ подготовить учениковъ *къ свободному чтенію книгъ доступнаго ихъ возрасту содержанія*». Съ этою цѣлью рекомендуется разграниченіе статей хрестоматіи на двѣ группы: труднѣйшія предназначаются для класснаго чтенія съ объясненіями учителя, а легчайшія—для домашняго, съ возможной провѣркой, «въ какой мѣрѣ усвоено ими прочитанное».

Но чтобы *подготовить* учениковъ къ *чтенію книгъ*, надо и въ теченіе курса давать такія книги, съ которыми бы ученики справлялись болѣе или менѣе самостоятельно, чтобы не вышло *рѣзкаго* перехода отъ «помочей къ совершенно самостоятельному чтенію внѣ школы».

Программы и разрѣшаютъ «книги или брошюры по исторіи и географіи», какъ средство дополнить свѣдѣнія, сообщаемыя классною книгою для чтенія, но разрѣшаютъ только для тѣхъ школъ, которыя «находятся при особенно благопріятныхъ условіяхъ (напр., тамъ, гдѣ для каждаго отдѣленія есть особый учитель или учительница), да и то «*лишь съ разрѣшенія директора сихъ училищъ, которое дается отдѣльно для каждой школы, съ доведеніемъ о семъ до свѣдѣнія Попечителя учебнаго округа*».

Digitized by Google

Такимъ образомъ, если учитель прочитаетъ съ классомъ рядъ отдѣльныхъ статей по исторіи и географіи и пожелаетъ, съ цѣлью обобщенія и расширенія этихъ свѣдѣній, дать ученикамъ брошюрку для самостоятельнаго чтенія, то онъ долженъ будетъ просить на это разрѣшенія у директора, т. е. заранѣе будетъ знать, что онъ побезпокоитъ этимъ инспектора, директора и даже попечителя округа. О другихъ же книгахъ и брошюркахъ программы совсѣмъ не упоминаютъ, какъ будто все чтеніе должно ограничиться классной хрестоматіей, при чемъ по естествовѣдѣнію рекомендуется читать только статьи, «имѣющія отношеніе къ сельскому хозяйству». Вообще программы не особенно поощрительно относятся къ «дополненію свѣдѣній» путемъ самостоятельнаго чтенія учениковъ.

Зато другая сторона языка, грамматическая, выдвигается программами на довольно видное мѣсто, несмотря на то, что «Объяснительная записка» указываетъ ей служебную роль, единственно возможную для нея въ курсѣ начальной школы: «Введеніе въ учебный курсъ начальныхъ народныхъ училищъ свѣдѣній изъ грамматики имѣетъ главною цѣлью облегчить учителю объясненіе, а ученикамъ запоминаніе важнѣйшихъ правилъ правописанія. Свѣдѣнія эти должны сообщаться въ самомъ элементарномъ объемѣ, безъ излишнихъ подробностей, при чемъ не слѣдуетъ однако избѣгать общепринятыхъ грамматическихъ терминовъ.»

Безусловно соглашаясь съ такой ролью грамматики, я не могу, однакоже, не остановиться подробнѣе на этомъ *больномъ* мѣстѣ нашей начальной школы. До послѣдняго времени начальныя школы вѣдомства М. Н. П. обязаны были руководиться только тѣми требованіями, какія предъявляются «Положеніемъ» 1874 г. и «Правилами о выдачѣ свидѣтельствъ о знаніи курса начальнаго народнаго училища» 1885 г. Первымъ по русскому языку требуется «чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати и *письмо*;» вторымъ «точнѣе опредѣляется, какое *письмо* имѣется въ виду» положеніемъ: «Письменная работа признается удовлетворительною, если продиктованный отрывокъ написанъ четко и скорописью, безъ линеекъ и безъ пропуска и искаженія продиктованныхъ словъ.» Очевидно, другія ошибки, не искажающія словъ, не считаются препятствіемъ къ выдачѣ свидѣтельствъ, дающихъ право на льготу по отбыванію воинской повинности, а потому, казалось бы, о грамматикѣ тутъ не могло быть и рѣчи. Во многихъ мѣстностяхъ такъ оно и было въ дѣйствительности: ни училищные совѣты, ни инспекція, ни земства не только не требовали отъ школы грамматики, а напротивъ—останавливали и тѣхъ немногихъ учителей, которые вводили ее въ своихъ школахъ. Многіе учителя въ 70-хъ годахъ, напротивъ, страдали какою-то грамматическою терминобоязнью: обучая правописанію, они всячески старались обойтись безъ грамматическихъ терминовъ и всетаки достигали прекрасныхъ результатовъ: поражавшихъ самихъ экзаменаторовъ: такъ въ 1877 по Череповскому уѣзду Новгородской губерніи экзаменъ далъ слѣдующіе результаты въ 14 школахъ (изъ 57): ученики написали большую и серьезную

Digitized by Google

диктовку *безъ малѣйшей ошибки*; въ 23 школахъ съ незначительными погрѣшностями; въ 12—вполнѣ удовлетворительно и только въ 8 школахъ оказались слабоваты въ этомъ отношеніи. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ эти школы тоже совершенно удовлетворили всѣмъ требованіямъ.

Но такая грамотность, видите ли, не прочна безъ грамматики: по выходѣ изъ школы ученики скоро разучиваются писать правильно, а поэтому стали вводить въ школу и грамматику; а такъ какъ опредѣленной и обязательной программы этого предмета нигдѣ не существовало, то и пришлось самимъ лицамъ и учрежденіямъ, непосредственно завѣдующимъ школами, вырабатывать эти программы по своему усмотрѣнію, вслѣдствіе чего и требованія по этому предмету въ разныхъ мѣстахъ предъявлялись крайне различныя: тамъ, гдѣ директоръ народныхъ училищъ или наиболѣе вліятельные члены мѣстнаго училищнаго совѣта не были поклонниками грамматики, ея вовсе не проходили въ школахъ, или проходились однѣ орѳографическія правила; напротивъ—тамъ, гдѣ директоръ самъ любилъ грамматику, поневолѣ любили ее и инспектора и требовали отъ учителей прохожденія цѣлаго курса грамматики. Тѣ, сознавая всю безполезность этой работы, всетаки убивали на нее дорогое время, мучили себя и учениковъ и болѣе или менѣе громко жаловались на предъявляемыя требованія, идущія въ разрѣзъ съ интересами школы. На педагогическихъ курсахъ вопросъ о грамматикѣ всегда возбуждалъ горячіе споры, причемъ противныя стороны дѣлились крайне не поровну: съ одной стороны инспекторъ и одинъ два учителя, съ другой—полсотни остальныхъ учителей. Пишущему эти строки, какъ руководителю нѣсколькихъ курсовъ, приходилось испытывать иногда большія затрудненія по этому вопросу. Собственный опытъ учительства въ начальной школѣ и внимательныя наблюденія за ея дѣятельностью въ послѣднія 15 лѣтъ достаточно убѣдили меня, что наша школа, пока она вынуждена довольствоваться менѣе чѣмъ пятью учебными мѣсяцами въ году, *должна обходиться безъ грамматики*. Такое мое убѣжденіе находитъ всегда сильную и разумно мотивированную поддержку въ отдѣльныхъ учителяхъ и въ массахъ ихъ на педагогическихъ курсахъ. Но съ гг. инспекторами въ этомъ отношеніи всегда приходилось считаться: они всѣми мѣрами отстаиваютъ грамматику со всѣми ея склоненіями и спряженіями, и разъ дошло дѣло и до того, что наблюдатель нашелъ мою бесѣду съ учителями по этому вопросу вредною и запретилъ печатать ее въ отчетѣ. Между тѣмъ вся она сводилась къ тому, что грамматикѣ въ начальной школѣ нужно отводить служебную роль и брать изъ нея только то, что необходимо для разумнаго усвоенія правилъ правописанія, т. е. сводилась къ тому, что выражено въ объяснительной запискѣ теперешнихъ министерскихъ программъ. За то, думаю, не одинъ я былъ обрадованъ появленіемъ прекраснаго циркуляра г. Попечителя С.-Петербургскаго учебнаго Округа отъ 29 го февраля 1896 г. за № 2257. Мнѣ думалось, что указанный циркуляръ положилъ

Digitized by Google

конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ въ этой области: избавилъ школы отъ ненужной и безтолковой работы, а слѣдовательно, и отъ безцѣльнаго мученія учащихъ и учащихся въ начальныхъ школахъ. Г. Попечитель усмотрѣлъ изъ отчетовъ инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ, «что учителя начальныхъ школъ, при трехгодичномъ въ нихъ курсѣ обученія, нерѣдко *чрезъ мѣру увлекаются сообщеніемъ своимъ ученикамъ разныхъ грамматическихъ правилъ и, вообще, большую часть времени на урокахъ русскаго языка, въ особенности въ старшемъ отдѣленіи, посвящаютъ орѳографіи. Такое преподаваніе никоимъ образомъ правильнымъ признано быть не можетъ; оно отнимаетъ у учениковъ слишкомъ много времени на непроизводительную работу въ прямой ущербъ другимъ, гораздо болѣе для нихъ полезнымъ занятіямъ. Достигнуть безупречнаго въ орѳографическомъ отношеніи письма въ начальной школѣ, послѣ трехъ лѣтъ обученія, положительно невозможно*... Сообщать же дѣтямъ такія грамматическія правила, кои они никоимъ образомъ усвоить себѣ не могутъ, а потому вскорѣ и забудутъ, есть по *меньшей мѣрѣ совершенно безполезная трата времени*..... Для учащихся въ начальныхъ школахъ *всего важнѣе пріобрѣтеніе хорошихъ навыковъ въ работѣ, которые дадутъ имъ возможность развиваться дальше.* Нерѣдко экзаменаторы при оцѣнкѣ познаній учениковъ по предмету русскаго языка обращаютъ преимущественно вниманіе на произведенную во время испытаній диктовку и степень ихъ познаній опредѣляютъ лишь по количеству сдѣланныхъ ими орѳографическихъ ошибокъ»... Напротивъ, и необходимы многочисленныя упражненія не только въ механизмѣ чтенія и письма, но и въ толковомъ пересказѣ прочитаннаго, какъ устномъ, такъ и письменномъ, и въ выдѣленіи главной мысли прочитаннаго, для этого же нужно и *разъясненіе значенія словъ, а слѣдов. и взаимныхъ ихъ соотношеній, т. е. нужно различать предметъ рѣчи, содержаніе рѣчи и объяснительныя слова съ пониманіемъ того, къ какому слову относится каждое другое*».

Вотъ къ чему, слѣдов. должны бы свестись занятія грамматикой: къ разумному изученію строя рѣчи, къ полному и точному пониманію ея смысла, чтобы этимъ путемъ подготовить учащихся и къ толковому самостоятельному чтенію книжекъ по выходѣ изъ школы и къ умѣнью пересказать устно и письменно прочитанное и выслушанное. Въ виду этого г. Попечитель «покорнѣйше проситъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ обращать вниманіе на безусловную необходимость выполнять со всею точностью требованія, изложеныя въ правилахъ объ испытаніяхъ на льготу по воинской повинности и во всѣхъ подлежащихъ случаяхъ, по возможности, руководствоваться программами для народныхъ учителей С.-Петербургскаго учебнаго округа».

Эти программы даютъ мѣсто и грамматикѣ, но предупреждаютъ, что «этимологическаго и синтаксическаго разбора не требуется», а «цѣль краткаго курса грамматическихъ упражненій исключительно практическая: имѣется въ виду сообщить необходимыя орѳографи-

Digitized by Google

ческія правила, и также, и притомъ главнымъ образомъ, *научить по возможности правильно излагать мысли*». Но центръ тяжести въ письменныхъ работахъ указывается никакъ не въ грамматикѣ, а въ стилистическихъ работахъ и «собственныхъ сочиненіяхъ» учениковъ: 1) «описательнаго характера—описанія хорошо извѣстныхъ ученикамъ предметовъ; 2) повѣствовательнаго характера—разсказы изъ жизни о событіяхъ, которыя случались на глазахъ учениковъ или въ которыхъ были они участниками, 3) коротенькія записки и письма». На чтеніе классное и внѣклассное обращается тоже должное вниманіе.

И вотъ ровно чрезъ годъ послѣ указаннаго циркуляра появляются министерскія программы, которыя подробно опредѣляютъ весь курсъ орѳографіи для каждаго отдѣленія, со всѣми случаями постановки буквы ѣ въ срединѣ и въ концѣ словъ и др. тонкостями правописанія. Кромѣ того, уже въ среднемъ отдѣленіи нужно пройти: «Слова, означающія предметъ, качество предмета, дѣйствіе или состояніе предмета. Имя существительное; родъ, число, надежныя измѣненія окончаній по вопросамъ. Мѣстоименія личныя, замѣняющія имя существительное. Глаголъ, времена и лица, повелительное и неопредѣленное наклоненія. Предлогъ отдѣльно и въ видѣ приставки.» Дополненіемъ къ этому курсу въ старшемъ отдѣленіи служитъ: «имя прилагательное; согласованіе его съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ; падежныя окончанія; степени сравненія; полное и краткое (усѣченное) окончанія именъ прилагательныхъ. Имя числительное, количественное и порядковое. Понятіе о предложеніи; подлежащее и сказуемое; опредѣленіе, дополненіе и обращеніе».

Разъ имѣется въ виду, «чтобы при нормальныхъ условіяхъ ученики *непремѣнно* къ концу третьей зимы прошли все указанное программою,» то, по моему мнѣнію, вся работа по русскому языку и сведется *къ заучиванію* грамматики, и едва ли найдется достаточно времени для «составленія несложныхъ описаній по данному плану и писемъ по даннымъ образцамъ». Теперь пріободрятся всѣ любители «грамматики для грамматики», и учителя не будутъ имѣть права обходить этотъ предметъ или прорабатывать его по своему усмотрѣнію, такъ, какъ требуютъ того интересы школы.

А любителей грамматики, «какъ таковой», найдется не мало: г. Горбову *), напр., кажется, что, благодаря министерскимъ программамъ, многія и многія школы должны будутъ сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы отказаться отъ уже выработавшейся системы осмысленнаго преподаванія грамматики, *какъ таковой*». Онъ ужасно жалѣетъ, что даже тѣ немногія (!) грамматическія свѣдѣнія, которыя въ нихъ (прогр.) помѣщены, должны сообщаться въ самомъ элементарномъ объемѣ.

Н. Ахутинъ.

---

*) См. В. Е. ноябрь 1897.

Digitized by Google

Генрихъ Гейне.

(По поводу столѣтія со дня его рожденія).

«Знаешь ли ты исторію о юномъ рыцарѣ, который пошелъ въ очарованный лѣсъ? У него были золотистые волосы, на его шлемѣ задорно развѣвались перья, подъ рѣшеткой забрала горѣли румяныя щеки, а подъ блестящимъ панцыремъ билось свѣжее сердце. Но въ лѣсу очень странно шептались вѣтры; непривѣтливо потрясали они деревьями, изъ которыхъ многія выросли и напоминали собою уродливыя человѣческія фигуры. Среди зелени, то тутъ, то тамъ, словно бѣлый призракъ, выглядывала птица и какъ будто издѣваясь, хихикала и смѣялась. Въ кустахъ, словно тѣни, шныряли всякіе сказочные звѣри. Впрочемъ, иногда чирикалъ и безобидный чижикъ, и изъ-за широкихъ листьевъ вьющихся растеній скромно выглядывалъ красивый цвѣточекъ... Но молодой витязь, идя все дальше и дальше впередъ, наконецъ заносчиво воскликнулъ: «Да когда же появится воитель, который могъ бы побѣдить меня?» Тогда явился передъ нимъ не особенно представительный, но и не особенно невзрачный, длинный, худой рыцарь съ опущеннымъ забраломъ и приготовился къ бою. Султанъ на его шлемѣ былъ помятъ, панцырь скорѣе изношенъ, чѣмъ плохъ, мечъ зазубренъ, но изъ лучшей стали; его рука была сильна. Я не знаю, какъ долго они сражались, но, вѣроятно, прошло не мало времени, потому что листья успѣли уже осыпаться, и обнаженныя деревья стали зябнуть, а затѣмъ снова появились почки, зазеленѣли на солнцѣ ростки, и такимъ образомъ смѣнялись времена года, а воители и не замѣчали этой смѣны, и все рубились, сначала яростно и безпощадно, потомъ менѣе горячо, потомъ даже какъ будто флегматически, а наконецъ и вовсе побросали мечи и усталою рукою подняли забрала. Это было печальное зрѣлище! Одинъ изъ рыцарей,—тотъ, который былъ вызванъ на бой,—былъ мертвецъ, и изъ-подъ его открытаго шлема осклабился голый черепъ. У другого же рыцаря, который вошелъ въ лѣсъ юнымъ молодцомъ, было теперь измученное, поблекшее старческое лицо и какъ снѣгъ бѣлые волосы...

Digitized by Google

Генрихъ Гейне

1798—1857.

Digitized by Google

Digitized by Google

А съ высокихъ деревьевъ, словно издѣваясь, хихикали и смѣялись призрачныя бѣлыя птицы...»

Въ этой сказкѣ, которою Гейне заключаетъ одно изъ своихъ полемическихъ сочиненій, онъ, безъ сомнѣнія, символически изобразилъ свою собственную жизнь. И въ самомъ дѣлѣ, эту жизнь, если смотрѣть на нее не черезъ какіе-нибудь пристрастно-партійные очки, какъ это дѣлаютъ до сихъ поръ многіе изъ соотечественниковъ поэта, а съ полною историческою объективностью, нельзя назвать иначе, какъ жестокой борьбой съ силами времени, съ непониманіемъ и ненавистью, филистерствомъ и завистью,—борьбой, которая разыгралась совсѣмъ такъ, какъ разсказалъ ее поэтъ въ приведенной выше исторіи. Только конецъ сказки долженъ быть иной,—не издѣвательство и смѣхъ, а искреннее сочувствіе и сердечное участіе должна вызвать многострадальная судьба этого поэта и человѣка, которому мертвыя силы филистерства не давали покоя даже и послѣ того, какъ онъ сошелъ въ могилу...

«Впечатлѣнія ранней юности никогда нельзя стряхнуть съ себя», сказалъ Гете. Это изреченіе, какъ и всѣ общія правила, конечно, допускаетъ исключенія, но оно вполнѣ оправдывается на людяхъ, одаренныхъ живымъ воображеніемъ, и безусловно примѣняется къ Гейне. Онъ родился на берегахъ романтическаго Рейна и воспитался въ старинныхъ религіозныхъ и бытовыхъ традиціяхъ еврейской семьи, въ эпоху французскаго господства,—и, не смотря на всѣ перемѣны въ жизни, навсегда сохранилъ романтическую окраску чувства и мысли, еврейскую основу міросозерданія, симпатіи къ Франціи и ко всему французскому. Эти три основные элемента проходятъ черезъ всю жизнь Гейне и отражаются во всѣхъ его произведеніяхъ. Романтическій Рейнъ и связанныя съ нимъ саги, сказки, народныя пѣсни и обычаи съ дѣтства глубоко дѣйствовали на воспріимчивую душу, одаренную сильной фантазіей и непосредственнымъ чувствомъ природы. Съ другой стороны, не менѣе сильное вліяніе имѣли на него и преданія еврейства, среди которыхъ онъ выросъ и которыя представляли такую яркую противоположность съ католическою окраскою рейнскихъ легендъ. Непосредственныя впечатлѣнія природы до извѣстной степени сглаживали это противорѣчіе; веселыя сцены дюссельдорфскаго карнавала, свѣтлое, жизнерадостное настроеніе лѣтнихъ рейнскихъ праздниковъ, шумныя торжества сбора винограда,—всѣ эти впечатлѣнія ранней юности навсегда остались въ душѣ поэта, вмѣстѣ съ воспоминаніями еврейскаго символическаго ритуала, таинственными легендами талмуда, восторженно-скорбной поэзіей средневѣковыхъ іудейскихъ пѣвцовъ,—и все это представлялось ему въ «лунномъ свѣтѣ» романтической мечтательности, которымъ озарена была нѣмецкая поэзія первой половины нашего столѣтія. Далѣе, симпатіи къ французамъ, легенды о великомъ императорѣ и его удивительной судьбѣ, вдохновлявшія величайшихъ поэтовъ того времени, оста-

Digitized by Google

вили глубокій слѣдъ въ душѣ юноши, котораго умъ, по своей легкости и свѣжести, былъ гораздо болѣе склоненъ къ французскому міросозерцанію, чѣмъ къ тяжелому, многодумному строю нѣмецкой мысли... Впослѣдствіи Гейне прошелъ школу гегелевской философіи, и въ его впечатлительной душѣ загорѣлась жаркая борьба между строгой діалектикой Гегеля и романтической мистикой,—между фантазіей, чувственностью и анализомъ или, какъ у насъ когда-то любили выражаться, «рефлексіей». Прослѣдивъ внѣшнюю исторію жизни Гейне и внутреннюю исторію его поэтическаго развитія, мы увидимъ, что указанные выше основные элементы находились у него въ постоянномъ броженіи и никогда не могли отстояться и уравновѣситься: одинъ изъ нихъ всегда бралъ верхъ надъ другими, въ свою очередь уступая имъ первенство, въ зависимости отъ минуты настроенія. Его фантазія расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ, благодаря Рейну и романтизму; чувственность и рефлексія явились осадкомъ еврейской натуры, какъ и та «міровай скорбь», которая уже въ ранней юности такъ ярко выразилась въ его пѣсняхъ и затѣмъ не покидала его до конца; французское вліяніе сказалось въ веселой, подвижной и остроумной игривости, которая у Гейне, впрочемъ, такъ часто переходитъ въ язвительный и все разлагающій юморъ. Столкновеніемъ этихъ противоположныхъ стихій въ поэзіи Гейне объясняются всѣ ея рѣзкіе диссонансы и поразительные контрасты настроеній; то же чувствуется и въ его прозаическихъ статьяхъ,—прозаическихъ, впрочемъ, только по формѣ, такъ какъ большинство изъ нихъ смѣло могутъ быть названы поэмами въ прозѣ...

Біографія Гейне настолько уже извѣстна и разработана, друзья и враги поэта посвятили ему такъ много воспоминаній, изслѣдованій, критическихъ разборовъ, что теперь въ этой области трудно сказать что-нибудь новое. И все-таки, до сихъ поръ лучшимъ и самымъ полнымъ біографомъ поэта остается онъ самъ. Его собственныя произведенія и признанія—вольныя и невольныя—служатъ лучшимъ ключемъ къ пониманію его бурной жизни, богатой не столько внѣшними событіями, сколько внутреннимъ содержаніемъ, и его кипучей, подвижной, вѣчно тревожной натуры, со всѣми ея противорѣчіями и неожиданностями. На этихъ страницахъ, написанныхъ тѣмъ удивительнымъ языкомъ, въ которомъ Гейне не имѣетъ себѣ равнаго ни въ одной литературѣ, поэтъ разсказалъ скорбную повѣсть своего сердца, которая говоритъ гораздо внятнѣе, чѣмъ цѣлые томы критическихъ изслѣдованій... Поэтому мы ограничимся здѣсь только напоминаніемъ о важнѣйшихъ фактахъ жизни Гейне, въ предположеніи, что сочиненія его хорошо извѣстны и близки нашимъ читателямъ.

Гарри—впослѣдствіи Генрихъ—Гейне родился 13 декабря одного изъ послѣднихъ годовъ прошлаго вѣка *) въ Дюссель-

*) Точно опредѣлить годъ рожденія Гейне нѣтъ никакой возможно-

Digitized by Google

дорфѣ на Рейнѣ, въ еврейской семьѣ. Отецъ его, Самсонъ Гейне, былъ родомъ изъ Ганновера, а мать, Пейра или Бетти, принадлежала къ старинной фамиліи, переселившейся въ Германію изъ голландскаго мѣстечка Гельдерна и потому называвшей себя «ванъ-Гельдернъ». Въ началѣ своихъ записокъ поэтъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о своихъ предкахъ съ отцовской и материнской стороны. О первыхъ, впрочемъ, онъ не распространяется: весь родъ его отца состоялъ изъ самыхъ обыкновенныхъ купцовъ, и потому о нихъ нельзя было и сказать что-нибудь интересное; поэтъ сохранилъ до послѣднихъ лѣтъ жизни только память о портретѣ своего дѣда, Геймана Гейне, и о смѣшномъ замѣчаніи отца: «Твой дѣдушка былъ маленькій жидъ съ большой бородой». Гораздо больше сообщаетъ онъ о семьѣ своей матери, такъ какъ въ этой семьѣ, повидимому всегда замѣчалась склонность къ поэзіи и наукѣ. Самсонъ Гейне, человѣкъ добрый и очень склонный къ удовольствіямъ, не имѣлъ большого вліянія на воспитаніе своихъ дѣтей; за то большое вліяніе на нихъ имѣла мать,—женщина, сама получившая хорошее образованіе, читавшая по-французски и по-англійски, поклонница «Эмиля» Руссо и въ особенности — Гете, элегіи котораго трогали ее до слезъ. Гейне говоритъ, что она еще въ молодости рѣшительно высказывалась противъ всякихъ предразсудковъ, условной лжи и этикета, а въ зрѣлые годы воспитаніе стало ея «конькомъ». «Ахъ, Боже мой, сударыня, восклицаетъ поэтъ: если я становлюсь знаменитымъ писателемъ, то это стоило моей бѣдной матушкѣ большихъ заботъ!»

Интересно, что Гейне самъ рѣшительно заявляетъ, что «склонность къ фантастическому и романтическому» онъ получилъ не отъ матери. Въ этомъ отношеніи на него могъ повліять скорѣе ея братъ, Симонъ ванъ-Гельдернъ, который изображается въ запискахъ именно съ этой стороны: въ самой своей внѣшности онъ имѣлъ что-то таинственное, оригинальное; его любовь къ литературнымъ занятіямъ, стихотворныя шутки, а въ особенности— разсказы о далекихъ путешествіяхъ и удивительныхъ приключеніяхъ, — все это дѣйствительно могло усилить прирожденный вкусъ мальчика ко всему волшебному и сказочному и пробудить въ немъ ту поэтическую воспріимчивость къ таинственно-жуткимъ мотивамъ романтизма, которые впервые прозвучали въ его «Снахъ» и никогда не переставали отзываться въ его душѣ.

Юность Гейне совпала съ тѣмъ временемъ, когда его родной городъ Дюссельдорфъ былъ столицей вновь созданнаго великаго

сти, по отсутствію документальныхъ свидѣтельствъ. Самъ поэтъ, въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ, говоритъ, что «по свидѣтельству о крещеніи», онъ родился въ 1799 г.; другіе, однако, полагаютъ, что онъ былъ двумя годами старше. Какъ бы то ни было,—«самое важное въ этой исторіи то, что я вообще родился», говоритъ поэтъ; итакъ, нѣтъ особенной необходимости настаивать на той или другой датѣ, тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, всѣ онѣ вѣрны только приблизительно.

Digitized by Google

герцогства. По пресбургскому миру 1805 г., бывшему результатомъ злополучной битвы при Аустерлицѣ, герцогство Бергъ съ прусской территоріей Клеве и городомъ Везелемъ было преобразовано въ великое герцогство, которымъ съ 1806 года сталъ править зять Наполеона, Іоахимъ Мюратъ. Такимъ образомъ, первыя впечатлѣнія мальчика отъ окружающаго міра получили французскую окраску. Населеніе Дюссельдорфа, какъ и всего отошедшаго къ Франціи лѣваго берега Рейна, не обнаруживало никакого недовольства французскимъ господствомъ, и отецъ Гейне, подобно всѣмъ его единовѣрцамъ, былъ поклонникомъ Наполеона: императоръ даровалъ евреямъ гражданскія права, въ которыхъ тогдашнія нѣмецкія правительства рѣшительно имъ отказывали, а потому евреи видѣли въ немъ своего рода Мессію, который снялъ съ нихъ вѣковое ярмо. Кромѣ того, Самсонъ Гейне очень любилъ военныхъ и самъ одно время былъ офицеромъ гражданской гвардіи и носилъ красивый темносиній мундиръ съ лиловыми бархатными отворотами. Не удивительно, что и мальчика привлекали военныя упражненія и блестящіе мундиры, и что его воображеніе плѣнялось личностью побѣдоноснаго императора...

Гейне часто и съ любовью вспоминаетъ о своемъ родномъ городѣ. «Дюссельдорфъ—очень красивый городъ, говоритъ онъ,—и если вдали отъ него о немъ вспомнишь, да если еще имѣлъ случай въ немъ родиться, такъ какъ то странно станетъ на душѣ. Я тамъ родился, и мнѣ все кажется, что я долженъ сейчасъ идти домой. А когда я говорю: идти домой,—мнѣ представляется Болькерштрассе и домъ, въ которомъ я родился». Воспоминанія о дняхъ ранней юности, объ отцовскомъ домѣ, о французскомъ нашествіи и о самомъ императорѣ, который два раза былъ въ Дюссельдорфѣ, занимаютъ видное мѣсто въ «Путевыхъ картинахъ». Почти все, что мы знаемъ о ранней молодости Гейне, извѣстно намъ изъ этого источника, въ которомъ, конечно, поэзія соединена съ правдой, но не настолько тѣсно, чтобы ихъ нельзя было отдѣлить другъ отъ друга.

Образованіе мальчика Гейне началось въ школѣ для дѣвочекъ, гдѣ онъ, по пятому году, играючи выучился читать и писать. Затѣмъ его отдали въ еврейскую школу нѣкоего Ринтельзона; тамъ онъ скоро перегналъ всѣхъ товарищей въ научныхъ предметахъ, но приводилъ учителя въ отчаяніе своими шалостями и мальчишескими выходками. Но важнѣе школьныхъ уроковъ были его домашнія занятія съ матерью, которая очень озабочена была воспитаніемъ своихъ дѣтей. Гарри былъ старшимъ въ семьѣ; за нимъ слѣдовала сестра Шарлотта, родившаяся въ 1800 г. и братья Густавъ (1805) и Максиміліанъ (1807).

На десятомъ году Гейне сталъ посѣщать французскій лицей въ Дюссельдорфѣ,—наполовину духовное, наполовину военное учебное заведеніе, гдѣ начальникомъ былъ католическій патеръ Шальмейеръ. Педантическіе уроки учителей, принадлежавшихъ

Digitized by Google

преимущественно къ духовному сословію (большею частью это были іезуиты), не могли имѣть особенно благопріятнаго вліянія на развитого мальчика, но все-таки изъ этой школы онъ вынесъ живыя знанія по любимымъ своимъ предметамъ,—нѣмецкой литературѣ, поэзіи и риторикѣ, философіи и исторіи. Съ товарищами онъ не особенно сближался, только двое-трое изъ нихъ были съ нимъ дружны, да и изъ тѣхъ одинъ только Христіанъ Зете остался вѣрнымъ его другомъ во все время ученичества и студенчества. Особенно сильное впечатлѣніе на воспріимчивую душу мальчика производила близость съ однимъ товарищемъ, мечтательнымъ и замкнутымъ, котораго прозвали «селедочнымъ философомъ» и съ которымъ Гейне, въ обществѣ старой экономки Циппель или «Сивиллы», тихонько бѣгалъ по ночамъ къ «вѣдьмѣ изъ Гоха», вдовѣ палача, жившей въ дальнемъ закоулкѣ города и умѣвшей разсказывать самыя удивительныя исторіи о мертвецахъ, привидѣніяхъ и т. п. Всѣ эти впечатлѣнія ясно отражаются въ «Снахъ»,—первомъ произведеніи музы поэта.

Гейне посѣщалъ лицей до 1815 года; затѣмъ отецъ, предназначавшій его къ торговой дѣятельности, отдалъ его въ коммерческое училище Барренграппа, гдѣ ему пришлось изучать иностранные языки, особенно — англійскій, географію, бухгалтерію, «словомъ, всѣ науки, относящіяся къ сухопутной и морской торговлѣ и технологіи». Затѣмъ отецъ взялъ его съ собой во Франкфуртъ-на-Майнѣ на ярмарку, гдѣ, при своихъ коммерческихъ связяхъ, разсчитывалъ найти для него хорошее мѣсто. Впечатлѣнія этого города отразились въ беллетристическомъ отрывкѣ «Бахарахскій раввинъ».

Но молодой Гейне провелъ во Франкфуртѣ только два мѣсяца,—частью въ конторѣ богатаго банкира Риндскопфа, частью—въ подвалѣ одного крупнаго бакалейнаго торговца. Затѣмъ онъ вернулся на родину и жилъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ опредѣленныхъ занятій, пока богатый дядя Соломонъ Гейне, заинтересовавшись его судьбой, не вызвалъ его къ себѣ въ Гамбургъ. Это случилось лѣтомъ 1816 года. Въ Гамбургѣ Гейне занимался года два въ конторѣ одной фирмы, гдѣ его дядя былъ компаніономъ, а потомъ, съ помощью дяди, открылъ въ 1818 г. собственную коммиссіонную контору по продажѣ англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ, подъ фирмой «Гарри Гейне и К°». Но этой фирмѣ не повезло, и уже въ слѣдующемъ году пришлось ликвидировать свои дѣла: у Гейне не было никакихъ способностей къ коммерческой дѣятельности, которую во что бы то ни стало хотѣли навязать ему родные. Напротивъ, именно въ эти три года коммерческаго ученичества съ особенной силой проявился поэтическій талантъ молодого человѣка. По его собственному свидѣтельству, первые его поэтическіе опыты относятся къ 1815 году; въ печати же его произведенія появились только два года спустя, въ 1817 г., въ одной гамбургской газетѣ, съ странной подписью: Sy Freudhold Riesenharf, представляющей ана-

Digitized by Google

грамму его имени и названія родного города: подъ собственнымъ именемъ онъ не рѣшался въ ту пору печатать въ Гамбургѣ свои стихи: «Все это—любовныя пѣсни, писалъ онъ товарищу,—и такое сочинительство очень повредило бы мнѣ въ глазахъ купцовъ. Я не могу объяснить тебѣ этого въ подробности, потому что ты не знаешь, какой духъ здѣсь господствуетъ».

Разумѣется, больше всего былъ недоволенъ дядя Соломонъ, желавшій сдѣлать изъ племянника хорошаго купца, а не голоднаго стихотворца. Въ біографіи поэта этотъ дядя занимаетъ видное мѣсто. Благодаря своему трудолюбію и коммерческимъ способностямъ, онъ уже въ молодые годы сумѣлъ пріобрѣсти вліятельное положеніе въ купеческомъ кругу. Его строгая честность, широкая благотворительность, а также и неистощимый юморъ сдѣлали его однимъ изъ популярнѣйшихъ людей въ гамбургскомъ обществѣ. По свойственной его племени семейственности, онъ очень желалъ устроить племянника на той же дорогѣ, по которой съ такимъ успѣхомъ шелъ самъ,—но долженъ былъ убѣдиться, что Гарри совсѣмъ непригоденъ къ этого рода занятіямъ. Тогда, по просьбѣ матери, онъ далъ племяннику средства для высшаго образованія. Согласно его желанію, Гарри долженъ былъ поступить на юридическій факультетъ, получить степень доктора и затѣмъ заняться въ Гамбургѣ адвокатурой.

Когда Гейне, лѣтомъ 1819 года, покинулъ Гамбургъ и вернулся въ Дюссельдорфъ, чтобы готовиться къ поступленію въ университетъ, ему пришлось испытать первое крупное горе въ жизни,—горе несчастной, безнадежной любви. По поводу этого сердечнаго романа біографы поэта долго путались въ самыхъ противоположныхъ и мало вѣроятныхъ догадкахъ, самъ же онъ никогда не проговаривался о томъ, кто была героиня его первыхъ любовныхъ мечтаній, образъ которой множество разъ повторяется въ его пѣсняхъ. Всего вѣроятнѣе, что эта отвергнувшая его возлюбленная была дочь Соломона Гейне, Амалія, вышедшая около того времени за богатаго помѣщика изъ Восточной Пруссіи. Въ пѣсняхъ Гейне, вызванныхъ мученіями этой неудачной любви, звучитъ то страшное отчаяніе и слезы сердца, разбитаго этой «старой, но вѣчно новой исторіей», то злобная насмѣшка и безпощадное издѣвательство надъ предметомъ своей страсти, надъ этой чинной барышней, которая «любила въ любви большія дороги» и отдала свою руку богатому филистеру ради мѣщанскаго довольства...

Воспоминаніе объ этой «измѣнившей любви» преслѣдовало юнаго поэта и въ Боннѣ, куда онъ уѣхалъ, чтобы поступить на юридическій факультетъ. Но скоро онъ увлекся веселою жизнью студенческихъ кружковъ, а посѣщая университетъ, предпочиталъ лекціи Шлегеля и Арндта по исторіи и нѣмецкой литературѣ скучнымъ лекціямъ римскаго права. Въ особенности сильное вліяніе имѣлъ на него Августъ-Вильгельмъ Шлегель, какъ проповѣдникъ тѣхъ романтическихъ началъ, которыя въ эту пору всецѣло вла-

Digitized by Google

ствовали надъ душою юноши. Въ Боннѣ Гейне провелъ, однако, только два семестра и затѣмъ переселился въ гораздо болѣе тихій и педантическій университетъ-геттингенскій,—по всей вѣроятности для того, чтобы усерднѣе заниматься юридическими науками, хотя и здѣсь онъ не переставалъ увлекаться исторіей и литературой. Въ Геттингенѣ онъ не особенно сближался съ студентами, но, всетаки, не избѣжалъ какой то исторіи, послѣдствіемъ которой была дуэль и удаленіе изъ университета. Тогда Гейне отправился въ Берлинъ, куда недавно основанный университетъ привлекалъ уже толпы любознательной молодежи. Скоро онъ увлекся кипучею жизнью прусской столицы и все больше и больше сталъ пренебрегать юриспруденціей. Пребываніе въ Берлинѣ имѣло рѣшительное значеніе для всей литературной карьеры Гейне. Здѣсь онъ познакомился съ выдающимися поэтами и писателями того времени,—Шамиссо, Фуке, Гофманомъ, Вилибальдомъ, Алексисомъ, Ферстеромъ,—и вмѣстѣ съ молодыми поэтами (Граббе, Робертъ, Кехи, Ихтрицъ и др.) основалъ кружокъ «свободныхъ умовъ»; знакомство съ Фарнгагеномъ ф.-Энзе и его знаменитою женою Рахилью открыло ему доступъ въ процвѣтавшіе тогда литературные салоны; здѣсь же онъ близко познакомился и съ стремленіями своихъ единовѣрцевъ, которые мечтали тогда о томъ, чтобы стать участниками духовной жизни германскаго народа и, чувствуя себя еще вполнѣ евреемъ, сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ общества «Молодой Палестины», основавшаго въ ту пору «Союзъ культуры и просвѣщенія евреевъ», во главѣ котораго стояли Эдуардъ Гансъ, Леопольдъ Цунцъ и Мозесъ Мозеръ. Наконецъ, здѣсь же привлекла его къ себѣ и философія Гегеля, стоявшаго тогда въ зенитѣ своей славы. Безъ преувеличенія можно сказать, что впечатлѣнія, испытанныя Гейне въ Берлинѣ, имѣли огромное значеніе для его дальнѣйшей поэтической дѣятельности.

Въ Берлинѣ же, въ 1821 г., явилась и первая книжка «Стихотвореній» Гейне, обратившая на себя общее вниманіе въ литературномъ кругу и сразу поставившая юнаго автора на ряду съ самыми выдающимися изъ современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Даже критики, вообще не одобрявшіе содержанія стихотвореній, признали за новымъ поэтомъ сильный и оригинальный талантъ.

Для самого Гейне пріемъ, оказанный его книжкѣ, послужилъ поощреніемъ къ дальнѣйшимъ литературнымъ трудамъ. Прежде всего онъ докончилъ начатую еще въ Боннѣ трагедію «Альманзоръ», а затѣмъ, въ 1822 г., написалъ, какъ онъ самъ говоритъ, «въ три дня», драматическую балладу «Ратклифъ». Къ этимъ двумъ трагедіямъ онъ присоединилъ написанныя въ промежуткѣ между ними стихотворенія, подъ заглавіемъ «Лирическое Интермеццо». Всѣ эти произведенія вышли въ одномъ томѣ, весной 1823 г., и были встрѣчены весьма противоположными отзывами критики; почти всѣ рецензенты, признавая поэтическій талантъ Гейне, высказывали, однако, сомнѣнія въ его драматическомъ дарова-

Digitized by Google

ніи. Вообще можно сказать, что обѣ трагедіи мало кому понравились, и въ отзывахъ о нихъ критика не сдѣлала ошибки. Представленіе «Альманзора» на придворномъ театрѣ въ Брауншвейгѣ, въ августѣ 1823 г., вполнѣ подтвердило этотъ приговоръ. Эта неудача произвела сильное и, конечно, непріятное впечатлѣніе на молодого поэта; онъ впалъ въ мрачное настроеніе духа и сталъ говорить о постоянныхъ преслѣдованіяхъ со стороны враговъ...

Чтобы отдохнуть и оправиться отъ берлинской суеты и непріятностей, поэтъ уѣхалъ въ маленькій ганноверскій городокъ Люнебургъ, куда, за два года передъ тѣмъ, переселились его родители. Здѣсь онъ предался почти исключительно поэтической дѣятельности. Въ іюлѣ 1823 г. онъ сдѣлалъ небольшую поѣздку въ Куксгафенъ, гдѣ впервые увидѣлъ море, въ которомъ нашелъ себѣ «новую возлюбленную», воспѣтую имъ такъ поэтически, какъ еще не воспѣвалъ моря ни одинъ нѣмецкій поэтъ.

Осенью того же года Гейне поѣхалъ въ Гамбургъ, чтобы объясниться съ дядей. Но это объясненіе не принесло ожидаемыхъ результатовъ: дядя и племянникъ были слишкомъ противоположны по своей натурѣ и не въ состояніи были другъ друга понимать. Соломонъ Гейне, составившій себѣ крупное состояніе неустаннымъ трудомъ, очень высоко цѣнилъ деньги, между тѣмъ какъ поэтъ совсѣмъ не зналъ ихъ цѣны и жилъ такъ, какъ будто въ его распоряженіи были неизсякаемые источники богатства. Въ поддержкѣ со стороны милліонера-дяди—онъ видѣлъ не милостыню бѣдному родственнику, а дань благодарности за ту честь, какую поэтъ дѣлаетъ своими произведеніями всей фамиліи Гейне. Дядя же, съ своей стороны, вовсе не чувствовалъ этой благодарности и говорилъ: «Еслибы малый научился чему-нибудь путному, такъ онъ не сталъ бы писать книжекъ». Неудовольствіе между дядей и племянникомъ еще увеличивалось стараніями разныхъ прихлебателей и вѣстовщиковъ, которые переносили Соломону Гейне раздражительные или сатирическіе отзывы о немъ поэта. Все, чего Гейне могъ добиться на этотъ разъ, заключалось въ увеличеніи его ежегодной пенсіи съ 400 до 500 талеровъ, впредь до окончанія университетскаго курса.

При такомъ положеніи дѣлъ Гейне, въ январѣ 1824 г., опять отправился въ Геттингенъ. Но и здѣсь онъ, по-прежнему, продолжалъ заниматься не столько науками, сколько литературой: онъ началъ повѣсть «Бахарахскій раввинъ» (которой ему такъ и не удалось окончить впослѣдствіи), задумывалъ новую драматическую переработку темы «Фауста» и написалъ много стихотвореній. Лѣтомъ того же года онъ предпринялъ путешествіе по Тюрингіи и на Гарцъ, описанное имъ впослѣдствіи въ книжкѣ «Путешествіе на Гарцъ», а по возвращеніи изъ этого путешествія сталъ готовиться къ докторскому экзамену. Экзаменъ котораго онъ очень побаивался, прошелъ вполнѣ благополучно; и Гейне былъ очень обрадованъ, когда деканъ юридическаго

Digitized by Google

факультета, профессоръ Гуго, вручая ему дипломъ, въ своей рѣчи сравнилъ его съ Гете, который также былъ юристомъ и вмѣстѣ поэтомъ.

Прежде чѣмъ проститься съ Геттингеномъ, Гейне покончилъ еще одно дѣло, которымъ онъ былъ уже давно озабоченъ: онъ крестился и изъ еврея сталъ протестантомъ, причемъ принялъ имя Христіана-Іоганна-Генриха. Переходъ въ христіанство, конечно, былъ для него дѣломъ безразличнымъ; это понадобилось только для того. чтобы дать своему докторскому диплому практическое значеніе и имѣть возможность получить какую-нибудь должность въ Пруссіи. Хотя Гейне вообще симпатизировалъ протестантизму и называлъ Лютера «освободителемъ человѣческой мысли», однако, какъ романтикъ въ душѣ, онъ предпочиталъ католицизмъ, и это обстоятельство, въ связи съ прочными воспоминаніями еврейства, было причиною тяжелаго внутренняго состоянія его души въ ту пору. Это недовольство, выразившееся во многихъ стихотвореніяхъ того времени, еще болѣе усилилось, когда Гейне убѣдился, что крещеніе не избавило его отъ тягости общаго нерасположенія къ еврейству и когда его надежды на полученіе мѣста въ Пруссіи оказались несбыточными...

Родные поэта видѣли въ окончаніи имъ университетскаго курса и въ его переходѣ въ христіанство подготовительные шаги къ занятіямъ адвокатурой въ Гамбургѣ, т. е. къ той карьерѣ, которой желалъ для него дядя. Поэтому послѣдній на этотъ разъ охотно далъ ему средства для поѣздки на морскія купанья, чтобы отдохнуть «отъ треволненій юридической кампаніи». Въ августѣ 1825 г. Гейне поѣхалъ въ Нордерней, и тамъ скоро возсталовилъ свое душевное спокойствіе. Въ Нордернеѣ былъ написанъ первый циклъ гимновъ къ морю, вскорѣ затѣмъ напечатанныхъ въ одномъ изъ берлинскихъ журналовъ подъ заглавіемъ «Сѣверное море» и снова обратившихъ общее вниманіе на молодого поэта.

Вернувшись опять въ Гамбургъ, Гейне оставилъ всякія заботы объ адвокатурѣ, такъ какъ въ это время въ немъ снова съ большой силой пробудилось поэтическое вдохновеніе. Это было причиной новыхъ недоразумѣній и ссоръ его съ родными, въ особенности же—съ дядей, ожиданій котораго племянникъ совсѣмъ не оправдалъ. Положеніе молодого поэта было далеко не завидное; всѣ его надежды пошли прахомъ, и ему осталось стремиться только къ одной цѣли,—сдѣлаться великимъ поэтомъ и политическимъ вождемъ либеральной оппозиціи.

Чтобы оправдать эти стремленія въ глазахъ своихъ родныхъ, онъ задумалъ издать сочиненіе, которое доставило бы ему широкую популярность и прославило бы его имя. Такъ возникли «Путевыя картины», первый томъ которыхъ явился въ маѣ 1826 г. въ Гамбургѣ, у Кампе, ставшаго съ этихъ поръ постояннымъ издателемъ сочиненій Гейне, и циклъ стихотвореній «Возвращеніе на родину», а затѣмъ — «Путешествіе на Гарцъ» и первый

Digitized by Google

циклъ «Картинъ Сѣвернаго моря». Эти произведенія, въ самомъ дѣлѣ, имѣли огромный успѣхъ, проникли во всѣ слои читающей публики и всѣми были приняты какъ настоящее литературное событіе.

На гонораръ, вырученный отъ этого изданія, Гейне предпринялъ, лѣтомъ слѣдующаго года, новую поѣздку въ Нордерней, результатомъ которой явился второй циклъ «Картинъ Сѣвернаго моря», писанныхъ поэтомъ «на блѣдномъ морскомъ берегу».

Затѣмъ Гейне вернулся къ родителямъ въ Люнебургъ и занялся подготовленіемъ къ печати второго тома «Путевыхъ картинъ». Въ этомъ второмъ томѣ, кромѣ описанія Нордернея, заключались также «Идеи, книга Леграна», второй циклъ «Картинъ Сѣвернаго моря» и «Письма изъ Берлина», писанныя Гейне въ одну провинціальную газету. Пріемъ, оказанный первому тому «Путевыхъ картинъ», ободрилъ поэта, и онъ хотѣлъ въ этомъ второмъ томѣ дать вообще «что-нибудь сильное», «удивительнѣйшую и интереснѣйшую книгу», и съ этою цѣлью просилъ всѣхъ своихъ друзей, въ особенности—Фарнгагена ф. Энзе, Мозера и Карла Иммермана, доставить ему для этой книги свои произведенія. Но на эту просьбу отозвался одинъ только Иммерманъ, прославшій поэту нѣсколько эпиграммъ противъ Гете и романтиковъ. Книга вышла въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1827 г. и своимъ полемическимъ содержаніемъ произвела впечатлѣніе еще болѣе сильное, чѣмъ первый томъ «Путевыхъ картинъ». Но отзывы о ней критики были далеко не единодушны. Кромѣ того, во многихъ нѣмецкихъ государствахъ и въ Австріи она была тотчасъ же запрещена полиціей; впрочемъ, это запрещеніе еще больше возбудило въ публикѣ желаніе познакомиться съ запретнымъ плодомъ.

Восторженное отношеніе къ Наполеону, которымъ проникнута «Книга Леграна», не понравилось тогдашнимъ нѣмецкимъ читателямъ; да и впослѣдствіи многіе не могли простить поэту этого культа великаго императора. Напротивъ, его одушевленіе революціонными идеями 1789 года нашло сочувственный отголосокъ въ сердцахъ всей нѣмецкой молодежи. Появленіе второго тома «Путевыхъ картинъ» совпало съ мрачною, подавленною эпохою общественной жизни въ Германіи, такъ что поэтъ призналъ благоразумнымъ, слѣдуя «мудрому закону, который каждому совѣтуетъ не рисковать тамъ, гдѣ ничего нельзя выиграть», на нѣкоторое время покинуть свою родину.

Англія, эта обѣтованная страна свободы, уже давно влекла его къ себѣ. Теперь же, намѣреваясь выступить въ роли народнаго трибуна, онъ прежде всего отправился въ Лондонъ, бывшій своего рода политической Меккой. Впечатлѣнія этой поѣздки Гейне передалъ въ «Англійскихъ отрывкахъ». «Лондонъ, писалъ онъ одному изъ друзей, своимъ величіемъ превзошелъ всѣ мои ожиданія; но я въ немъ совсѣмъ потерялся». Пестрая суета жизни величайшаго города въ мірѣ, естественно, не могла прій-

Digitized by Google

тись по сердцу мечтательному нѣмецкому поэту, для котораго въ то время свѣжій запахъ лѣса и лунный свѣтъ еще не утратили своей привлекательности и казались гораздо интереснѣе реальной жизни, впервые развернувшейся здѣсь передъ нимъ въ такихъ грандіозныхъ формахъ. Точно также не понравилась ему и строгая англійская нравственность, и англійская литература, и только могучее развитіе политической жизни произвело на него сильное впечатлѣніе. Онъ цѣлые дни просиживалъ въ галлереяхъ парламента, прислушиваясь къ рѣчамъ государственныхъ людей, въ особенности—Георга Каннинга, смѣлаго защитника эмансипаціи католиковъ и европейскаго либеральнаго движенія. Одушевленныя рѣчи Каннинга пробудили въ Гейне желаніе сдѣлаться защитникомъ народныхъ правъ, и онъ далъ себѣ клятву всегда возвышать свой голосъ противъ «будочниковъ мысли и отрицателей священнѣйшихъ правъ».

По возвращеніи изъ Лондона, Гейне опять прожилъ нѣсколько недѣль въ Нордернеѣ и на пустынномъ островѣ Вангероге, а въ концѣ сентября опять вернулся въ Гамбургъ, гдѣ у него опять были непріятныя объясненія съ дядей. На этотъ разъ ему нужно было серьезно подумать о томъ, чтобы получить, наконецъ, хоть какое-нибудь мѣсто. Онъ и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ занять должность синдика въ городской управѣ, но скоро отказался отъ этого намѣренія, какъ и отъ другихъ подобныхъ, считая невозможнымъ соединить свою литературную дѣятельность съ какимъ бы то ни было буржуазнымъ занятіемъ.

Какъ разъ въ это время вышла въ свѣтъ «Книга пѣсенъ»,—новое и блестящее подтвержденіе поэтическаго таланта Гейне. Въ этомъ сборникѣ были соединены въ одно гармоническое цѣлое различныя созданія перваго періода творчества поэта, дающія вполнѣ опредѣленное понятіе о своеобразномъ характерѣ его поэзіи. Всевозможные контрасты—дѣтской вѣры и бурнаго невѣрія, спокойной любви и тревожной ненависти, пламеннаго одушевленія и холодной безчувственности, идеальной высоты міросозерцанія и низменной тривіальности житейскихъ отношеній—являются здѣсь въ яркомъ свѣтѣ истинной поэзіи, въ которомъ послѣдніе лучи умирающаго романтизма смѣшиваются съ первыми лучами новой литературной эпохи. Своими пѣснями Гейне высоко поднялся надъ старой романтической поэзіей и смѣло занялъ мѣсто въ ряду избранниковъ поэзіи всемірной. Въ эпоху общаго утомленія и духовнаго застоя онъ нашелъ новые и свѣжіе звуки для нѣмецкихъ пѣсенъ, онъ «развязалъ языкъ современному культурному человѣку» и далъ ему возможность высказать, что и какъ онъ любитъ и почему чувствуетъ себя несчастнымъ, какъ и отчего онъ страдаетъ среди условной лжи современнаго общества. Въ этомъ—существенное значеніе стихотвореній перваго періода его дѣятельности, собранныхъ въ «Книгѣ пѣсенъ» и обозначающихъ собою поворотъ отъ завѣтовъ романтизма къ новому направленію и новымъ идеямъ въ поэзіи.

Digitized by Google

Наряду съ стихотвореніями, еще вполнѣ окутанными фантастическимъ туманомъ романтики, написанными въ пору «первыхъ поцѣлуевъ музы», мы видимъ здѣсь и совсѣмъ новыя, еще неслыханныя пѣсни. «Вѣковое царство романтизма окончилось; я—его послѣдній король, отрекшійся отъ престола», говоритъ Гейне, называя свои пѣсни «чѣмъ-то вродѣ народныхъ пѣсенъ для новаго общества». Въ школѣ романтизма, съ первыхъ лѣтъ юности такъ сильно дѣйствовавшаго на его воспріимчивую душу, поэтъ научился очень многому, но въ особенности усвоилъ ту теорію, которая всего ближе подходила къ его личному характеру и имѣла наибольшее значеніе для его поэзіи, именно—ученіе объ иронiи, источникомъ которой является противорѣчіе внѣшней жизни съ внутреннею духовною сущностью поэта. При этомъ объективная иронія старыхъ романтиковъ обратилась у Гейне въ субъективную: старые романтики смѣялись надъ окружавшею ихъ жизнью, а Гейне направилъ остріе своей насмѣшки на собственную личность, на самого себя. Эта своеобразная черта проходитъ черезъ всѣ его произведенія и придаетъ имъ особенную, оригинальную окраску. Другая характерная черта гейневской поэзіи заключается въ необыкновенной силѣ и искренности чувства. «Книга пѣсенъ», при своемъ появленіи, произвела чрезвычайное впечатлѣніе именно этой своей особенностью: такой пылкой страсти вовсе не знала до тѣхъ поръ нѣмецкая поэзія; ей совершенно чужда была эта «дикая сила любви, пробивающей себѣ путь черезъ скалы». «Въ нашей литературѣ до сего времени еще ни одинъ поэтъ не обнаруживалъ всей своей личности, всей своей внутренней жизни съ такою поразительною смѣлостью, какъ Гейне», говорилъ одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ, отмѣчая въ произведеніяхъ молодого автора «Книги пѣсенъ» двѣ характерныя черты: «гордость» и «адскую скорбь» падшаго ангела. Въ этихъ пѣсняхъ нашли себѣ краснорѣчивое выраженіе такія чувства, о которыхъ романтики едва дерзали помышлять въ самыхъ смѣлыхъ своихъ мечтаніяхъ; притомъ, чувства эти вылились въ такую оригинальную поэтическую форму, что многія пѣсни Гейне сдѣлались народными и въ настоящее время поются повсюду въ Германіи. Но самое главное было въ томъ, что эти пѣсни проникнуты были искренней человѣчностью, высокою свободною мыслью и смѣлымъ реализмомъ красокъ; онѣ были откровеніемъ для современнаго молодого поколѣнія и, по словамъ одного изъ представителей тогдашней молодежи, словно подняли передъ нею завѣсу, дотолѣ скрывавшую новый міръ... Собственно содержаніе гейневскихъ пѣсенъ, ихъ постоянныя темы, не представляли чего-нибудь существенно новаго,—за исключеніемъ только моря, которое у него впервые явилось вдохновителемъ высоко-поэтическихъ картинъ, и той любви къ свободѣ, которая ранѣе ни у кого изъ нѣмецкихъ поэтовъ не находила себѣ такого пламеннаго выраженія; но существенною новостью явилась самая поэтическая манера Гейне,

Digitized by Google

его отношеніе къ своему предмету, его міровоззрѣніе и формы его творчества.

Основными элементами гейневской лирики являются: символика природы, міровая скорбь и несчастная любовь.

Символика природы у Гейне получила иной, болѣе широкій смыслъ въ сравненіи съ тѣмъ, какъ понимали ее романтики: въ его поэзіи мы видимъ не только отношенія человѣка къ природѣ, но и сама природа предстаетъ передъ нами одаренною человѣческими чувствами. Нѣмецкая критика справедливо указывала, что во всей новой поэзіи не найдется болѣе яркаго примѣра этого символическаго одухотворенія природы, какъ гейневская парабола о сѣверной соснѣ и восточной пальмѣ. Эта символика нашла впослѣдствіи многихъ подражателей и сдѣлалась однимъ изъ существенныхъ элементовъ современной европейской лирики.

Не менѣе любимымъ мотивомъ новѣйшей поэзіи сдѣлалась также и міровая скорбь, которую, впрочемъ, поэты уже съ незапамятныхъ временъ чувствовали и выражали въ своихъ лирическихъ изліяніяхъ. Это вѣчная жалоба на преобладаніе въ мірѣ зла и страданій, сопровождающихъ человѣка отъ колыбели до могилы,—жалоба, выражающаяся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и варіаціяхъ у всѣхъ народовъ и во всѣ вѣка. Въ нашемъ вѣкѣ особенно сильное и глубокое выраженіе для этого скорбнаго чувства нашелъ Байронъ, къ которому непосредственно примыкаетъ, въ этомъ отношеніи, Гейне. «Міровой червякъ грызъ его душу», точно такъ же, какъ и душу великаго англійскаго поэта. Но у Гейне, при тѣхъ особенностяхъ, какими отличалась его поэтическая натура, эта міровая скорбь необходимо должна была принять форму трагическаго юмора, который и сдѣлался основнымъ элементомъ его лирики. Этотъ юморъ является продуктомъ скорбнаго сознанія, что весь міръ, не смотря на все свое величіе и красоту, полонъ глупостей и безъисходныхъ противорѣчій, что все, въ немъ зарождающееся и цвѣтущее, носитъ въ себѣ съ самаго начала задатки разложенія и что самъ человѣкъ,—это «удивительное созданіе, вѣнецъ творенія, царь природы», въ сущности — не больше, какъ жалкая игрушка въ рукахъ непобѣдимой силы судьбы. Изъ этой трагической основной идеи исходитъ, говоря словами Гейне, «комическій міровой духъ»; но здѣсь онъ не останавливается, а идетъ дальше: «если міръ—такое жалкое, хрупкое, ничтожное созданіе, то надъ нимъ не стоитъ проливать слезы, не стоитъ даже ненавидѣть или презирать его; единственно разумное отношеніе — брать его такимъ, каковъ онъ есть, то есть, считать его за ничто, за абсолютное противорѣчіе, надъ которымъ можно только смѣяться. Такимъ образомъ, трагическая скорбь разрѣшается въ комическое настроеніе. Но и это настроеніе, въ свою очередь, не можетъ долго держаться: поэтъ чувствуетъ, что вмѣстѣ съ міромъ онъ уничтожаетъ и самого себя,—и его смѣхъ звучитъ какимъ-то безнадеж-

Digitized by Google

нымъ приговоромъ собственной личности, которая внѣ этого міра жить не можетъ. И вотъ, онъ снова стремится къ міру съ любовью и тоской, снова хочетъ видѣть въ немъ красоту и совершенство... но разъѣдающая рефлексія опять, какъ прежде, подрѣзываетъ крылья фантазіи,—и восторженный гимнъ переходитъ въ мефистофелевскій свистъ, въ торжество духа отрицанія, разбивающаго своей насмѣшкой всякое чувство и всякую мысль»...

Таковъ общій характеръ гейневской поэзіи—не только этого перваго періода его дѣятельности, но и позднѣйшаго времени. Она всегда идетъ отъ свѣтлаго и жизнерадостнаго, или отъ мрачнаго и трагическаго, къ рѣзкому столкновенію съ обычной житейской прозой и пошлостью, къ крушенію возвышенныхъ чувствъ при судорожномъ смѣхѣ, въ которомъ слышится безвыходная тоска и отчаяніе...

Несчастная любовь является только однимъ изъ варіантовъ міровой скорби и также представляетъ мотивъ, общій всѣмъ временамъ и всѣмъ поэтамъ. Но Гейне сумѣлъ развить этотъ мотивъ, въ рядѣ совершенно новыхъ и оригинальныхъ варіацій. Ни одинъ поэтъ новаго времени не выражалъ еще мукъ безнадежной любви съ такой силой и правдивостью, какъ сдѣлалъ это Гейне въ своемъ «Лирическомъ Интермеццо», которое начинается «въ чудно-прекрасномъ мѣсяцѣ маѣ», въ завѣтную пору нѣжныхъ чувствъ, и ведетъ насъ черезъ цѣлый рядъ страданій къ печальному пробужденію послѣ очаровательнаго любовнаго сна. Къ «Интермеццо» примыкаетъ «Возвращеніе на родину», пѣсни котораго являются заключительными аккордами скорбной мелодіи обманутаго сердца. Эти пѣсни открываютъ передъ нами перспективу иной жизни, которая знаетъ иныя, высшія блага кромѣ любви: свободу, родину, прогрессъ человѣчества. Какъ ни много потерялъ поэтъ, все же у него осталось еще много такого, что можно любить и воспѣвать. Отъ тяжелаго кошмара неудовлетворенной страсти онъ пробуждается въ объятіяхъ природы, въ которой видитъ своего вѣрнаго друга и товарища, и передъ нимъ открывается необъятный, широкій и свободный просторъ моря...

Какъ уже сказано, Гейне былъ первымъ пѣвцомъ моря въ Германіи. Въ «колоссальныхъ эпиграммахъ», составляющихъ циклъ «Картинъ Сѣвернаго моря», все дышетъ горячей любовью къ стихіи, которую поэтъ считалъ себѣ близкою и родною. Эти сатирическія оды и восторженные диѳирамбы смѣлаго поэта, возмущеннаго міровымъ строемъ, должны были, въ ту робкую эпоху, когда они появились,—въ эпоху приниженности и филистерскихъ идеаловъ,—привести въ ужасъ однихъ читателей и переполнить сердца другихъ самымъ бурнымъ восторгомъ...

Такимъ образомъ, поэзія «послѣдняго романтика», направленіе которой уже вполнѣ опредѣлилось въ «Книгѣ пѣсенъ» и сопровождавшихъ ее произведеніяхъ, явилась послѣднею край-

Digitized by Google

ностью романтической свободы, доведенной до самоотрицанія дерзкимъ сопоставленіемъ поэтической фантазіи и реальной дѣйствительности. Съ удивительной яркостью красокъ Гейне создаетъ цѣлый фантастическій міръ для того, чтобы безжалостно его разрушить ударами своей желчной ироніи; глубоко патетическіе аккорды онъ заключаетъ рѣзкими диссонансами; но онъ дѣлаетъ это не ради одной только страсти къ разрушенію: надъ обломками разрушенныхъ имъ храмовъ и поверженныхъ кумировъ вѣетъ освѣжающій духъ новой эпохи, слышится предчувствіе иного, свѣтлаго будущаго, и изъ готическаго мусора поднимается эллинское жизнерадостное міросозерцаніе. Правда, этотъ новый эллинизмъ часто бываетъ черезчуръ дерзкимъ и циничнымъ; фрины играютъ въ немъ слишкомъ замѣтную роль; ему недостаетъ Гомера и Софокла, спокойной пластики и высокой морали; нѣтъ въ немъ и героическаго презрѣнія къ смерти героевъ Марѳона и Саламина; но за то въ немъ есть юморъ Діогена и язвительныя, отравленныя желчью, стрѣлы аристофановскаго остроумія; въ немъ звенятъ напряженныя струны всеразлагающей ироніи. Одинъ изъ новыхъ нѣмецкихъ критиковъ называетъ эту иронію «беззаботно-презрительной усмѣшкой Аполлона, который сошелъ съ неба и странствуетъ по землѣ, заложивъ руки въ карманы и насвистывая олимпійскіе мотивы». Многое кажется намъ черезчуръ злымъ и дерзкимъ, заносчивымъ и непочтительнымъ; но это кажется только съ точки зрѣнія привычной земной морали, до которой нѣтъ дѣла вольному принцу языческаго неба...

Но вернемся къ прерванному разсказу о жизни поэта.

Необыкновенный успѣхъ «Книги пѣсенъ» и «Путевыхъ картинъ» вызвалъ со стороны нѣмецкихъ издателей обращенія къ автору съ болѣе или менѣе выгодными предложеніями. Одинъ изъ извѣстныхъ издателей, баронъ Котта, предложилъ поэту взять на себя редактированіе выходившихъ въ Мюнхенѣ «Всеобщихъ политическихъ Лѣтописей» и сотрудничество въ другихъ изданіяхъ той же фирмы. Гейне принялъ это предложеніе, обезпечивавшее ему 2000 гульденовъ въ годъ, и въ ноябрѣ 1827 г. переѣхалъ въ Мюнхенъ.

Но скоро обнаружилось, что поэтъ вовсе не обладаетъ необходимыми для редактора политической газеты качествами,—аккуратностью, трудолюбіемъ и выдержанностью. «Лѣтописи» подъ его руководствомъ не оправдали ожиданій издателя и должны были прекратиться въ іюнѣ 1828 года. Эта неудача, впрочемъ, не особенно огорчила Гейне, такъ какъ въ то же время баварскій министръ Шенкъ обѣщалъ ему выхлопотать каѳедру въ Мюнхенѣ. Въ ожиданіи своего назначенія на каѳедру, поэтъ отправился въ идеальную для всѣхъ поэтовъ страну—въ Италію, черезъ Тироль. «Надежда опять затянула могилы моихъ желаній своею веселою зеленью, снова почуялись поэтическіе мотивы, словно перелетныя птицы, которыя послѣ проведенной

Digitized by Google

въ теплыхъ странахъ зимы опять тянутся къ покинутымъ на сѣверѣ гнѣздамъ, и одинокое сѣверное сердце снова, какъ прежде, зазвенѣло и зацвѣло»... Такъ передаетъ Гейне свои впечатлѣнія той поры, когда онъ направился, «вслѣдъ за увѣнчаннымъ лаврами богомъ весны», въ обѣтованную землю поэтовъ и художниковъ. Эта поѣздка изъ Мюнхена въ Геную и пребываніе на купаньяхъ въ Луккѣ неподражаемо описаны поэтомъ во второй части «Путевыхъ картинъ». Дальнѣйшее его путешествіе было прервано полученнымъ въ Венеціи письмомъ отъ брата Максимиліана объ опасной болѣзни отца. Гейне поспѣшилъ домой, но на дорогѣ, въ Вюрцбургѣ, получилъ извѣстіе, что отецъ скончался.

Гейне искренно любилъ отца, и смерть его привела поэта въ самое мрачное настроеніе. «Въ продолженіе долгихъ лѣтъ я не могъ утѣшиться», говорилъ онъ, лѣтъ тридцать спустя, одному изъ друзей. Въ своихъ запискахъ онъ даетъ объ отцѣ слѣдующій отзывъ: «Онъ былъ между всѣми людьми тотъ, кого я всего больше любилъ на землѣ. Теперь прошло уже болѣе 25 лѣтъ со дня его смерти. Я никогда не думалъ, что я его потеряю, и даже и теперь все не могу повѣрить, что я въ самомъ дѣлѣ потерялъ его. Такъ тяжко убѣждаться въ смерти человѣка, котораго искренно любишь. Но такіе люди и не умираютъ: они продолжаютъ жить въ насъ, въ нашей душѣ. Съ тѣхъ поръ не проходило ни одной ночи, чтобы я не вспомнилъ о покойномъ отцѣ, и когда утромъ я просыпаюсь, — мнѣ часто кажется, что я все еще слышу звукъ его голоса, какъ эхо сновидѣнія. Въ такія минуты мнѣ кажется, что я долженъ скорѣе одѣться и сбѣжать внизъ къ отцу, въ большую комнату, какъ я дѣлалъ, когда былъ маленькимъ мальчикомъ»...

Гейне долгое время не могъ оправиться отъ этого удара и вернуться къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Сначала онъ опять поѣхалъ въ свой любимый Берлинъ, гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ обществѣ старыхъ и новыхъ друзей. Въ Потсдамѣ онъ принялся за третій томъ «Путевыхъ картинъ», оконченный осенью того же года, уже въ Гамбургѣ. Лѣтомъ же онъ пробылъ нѣсколько недѣль на морскихъ купаньяхъ на Гельголандѣ.

Въ началѣ 1830 г. вышелъ этотъ давно уже подготовлявшійся третій томъ «Путевыхъ картинъ», котораго послѣдняя глава, все-таки, была написана «съ летучей поспѣшностью». Онъ возбудилъ къ себѣ общій интересъ, но вызвалъ и сильныя нападки на поэта за его рѣзкія полемическія выходки противъ графа Платена. И въ самомъ дѣлѣ, форма этой полемики отличалась небывалою дерзостью и оскорбительностью. Хуже всего было то, что Гейне позволилъ себѣ очень недвусмысленные намеки на одинъ секретный порокъ, склонность къ которому просвѣчиваетъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Платена. Эти нападки вызвали противъ Гейне цѣлую бурю, причемъ раздраженные критики совсѣмъ упустили изъ вида, что Платенъ самъ вызвалъ Гейне на

Digitized by Google

сатирическую отповѣдь, такъ какъ онъ уже давно — и въ письмахъ, и въ частныхъ разговорахъ — отзывался о Гейне крайне рѣзко и недоброжелательно, а затѣмъ напалъ на него въ печати,— въ своей комедіи «Романтическій Эдипъ». Ничто такъ не оскорбляло Гейне, какъ названіе «жида»,—въ обычномъ, презрительномъ смыслѣ этого слова; а Платенъ именно дразнилъ его наименованіями «Пиндара изъ колѣна Веніаминова», «Петрарки праздника кущей», поцѣлуи котораго «выдѣляютъ ароматъ чеснока» и т. п. На эти грубыя выходки Гейне отвѣтилъ еще большими грубостями... Это была сатирическая побѣда надъ врагомъ, но—побѣда Пирра: не только значительная часть публики почувствовала себя оскорбленною черезчуръ откровенными полемическими пріемами поэта, но даже многіе друзья отступились отъ него и строго осудили его за это, такъ что его литературное положеніе сильно пошатнулось.

Физическое недомоганье и неудовольствіе на упреки друзей заставили Гейне снова искать уединенія. Онъ опять уѣхалъ лѣтомъ на Гельголандъ, и тамъ, «на одинокой скалѣ», дошла до него вѣсть объ іюльской революціи. Эта вѣсть привела его въ неописанный восторгъ. Подобно всѣмъ либераламъ того времени, онъ видѣлъ въ революціонномъ взрывѣ предвѣстіе новаго порядка вещей во всей Европѣ. Онъ надѣялся, что изъ Парижа придетъ давно ожидаемый Мессія, который освободитъ скованный міръ,— и, въ изданныхъ въ началѣ 1831 г. «Добавленіяхъ къ Путевымъ картинамъ», сложилъ восторженный диѳирамбъ во славу іюльской революціи. Въ «Письмахъ съ Гельголанда», включенныхъ впослѣдствіи въ книгу о Берне, выражается то же пламенное одушевленіе революціонными идеями и событіями. Изъ этихъ писемъ, написанныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ минуты, мы видимъ, какъ глубоко подѣйствовали на поэта тогдашнія вѣсти изъ Парижа. «Это были солнечные лучи, завернутые въ печатную бумагу,— и они зажгли въ душѣ моей неугасимый пожаръ. Мнѣ казалось, что я могъ бы зажечь цѣлый океанъ, до самаго сѣвернаго полюса, пылавшимъ во мнѣ пламенемъ восторга и сумасшедшей радости»... А въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Прочь улетѣла моя жажда покоя. Теперь я опять знаю, что мнѣ нужно и что я долженъ дѣлать... Я—сынъ революціи, и снова хватаю очарованное оружіе, надъ которымъ моя мать произнесла свои магическія заклинанія»...

И въ самомъ дѣлѣ, Гейне былъ «буревѣстникомъ», пророчившимъ приближающуюся бурю. Въ ту пору у него хватило бы мужества и силы убѣжденія для того, чтобы выступить защитникомъ народныхъ правъ и даже мученикомъ за нихъ. Именно въ то опасное время, когда за Рейномъ «зазвучалъ набатъ народнаго гнѣва», а въ Германіи продолжала господствовать «печальнѣйшая приниженность и безсиліе», Гейне сумѣлъ выказать свое гражданское мужество, но ему недоставало послѣдовательности политическихъ убѣжденій и энергіи въ осуществленіи сво-

Digitized by Google

ихъ идей. Надъ такою послѣдовательностью онъ даже смѣялся,— не зная, что безъ нея невозможно стать народнымъ трибуномъ...

Какъ бы то ни было, въ ту пору, когда «слово было дѣломъ», онъ не побоялся высказать свои убѣжденія какъ въ «Добавленіяхъ къ Путевымъ картинамъ», такъ и въ предисловіи къ сочиненію одного нѣмецкаго литератора, Роберта Вессельгофта: «Деревня о дворянствѣ, изъ писемъ къ графу М. Мольтке». Это сочиненіе было рѣзкимъ отвѣтомъ на брошюру датскаго графа Магнуса Мольтке «О дворянствѣ и его отношеніяхъ къ городскому сословію», а написанное Гейне предисловіе заключало въ себѣ энергическую защиту народныхъ правъ противъ средневѣковыхъ дворянскихъ привилегій.

Эта рѣшительная защита французскихъ революціонныхъ идей сдѣлала неудобнымъ для Гейне дальнѣйшее пребываніе въ Германіи. Онъ и самъ почувствовалъ это въ первую же минуту, когда къ нему пришла вѣсть о парижскихъ іюльскихъ событіяхъ. Теперь онъ всей душой стремился въ Парижъ.

Впрочемъ, зиму онъ прожилъ еще въ Гамбургѣ, и рѣшился покинуть родину только тогда, когда, вмѣстѣ со всѣми нѣмецкими либералами той эпохи, разочаровался въ воздѣйствіи французской революціи на положеніе дѣлъ въ Германіи. Въ маѣ 1831 г. онъ пріѣхалъ въ Парижъ, котораго съ тѣхъ поръ уже и не покидалъ,—по крайней мѣрѣ, надолго.

Такъ закончился «германскій» періодъ жизни и литературной дѣятельности Гейне, обнимающій собою, кромѣ «Книги пѣсенъ», «Путевыя Картины» со всѣми вошедшими въ ихъ составъ добавленіями. О значеніи «Книги пѣсенъ» мы уже говорили. Что касается «Путевыхъ картинъ», то этотъ сборникъ статей, написанныхъ въ продолженіе шестилѣтняго періода (1824—30) и связанныхъ между собою только единствомъ формы путевыхъ впечатлѣній, представляетъ собою чрезвычайно характерный матеріалъ для изученія особенностей склада мысли и литературныхъ пріемовъ поэта. Какъ содержаніе, такъ и значеніе отдѣльныхъ составныхъ частей сборника весьма разнообразны: по нимъ мы можемъ прослѣдить весь ходъ литературнаго развитія Гейне—съ той поры, когда онъ является передъ нами еще юнымъ, веселымъ, беззаботнымъ и романтически настроеннымъ студентомъ—въ «Путешествіи на Гарцъ»—и до того времени, когда изъ него уже сформировался серьезный и вдумчивый политическій писатель—въ послѣднихъ главахъ «Картинъ». Но самою оригинальною особенностью таланта Гейне, насколько онъ выразился въ «Путевыхъ Картинахъ», является своеобразное соединеніе юмора и сатиры, шутки и серьезныхъ размышленій, старинной романтики и новѣйшаго реализма, поэтической сентиментальности и религіознаго свободомыслія. Эта пестрая смѣсь самыхъ противоположныхъ настроеній приводила въ восторгъ современниковъ поэта, никогда не читавшихъ въ своей литературѣ ничего подобнаго; новый, оригинальный и свѣжій тонъ книги дѣйствовалъ

Digitized by Google

на нихъ чарующимъ образомъ, какъ живое дыханіе свободы, котораго въ ту глухую пору совсѣмъ не замѣчалось въ нѣмецкой поэзіи. Въ настоящее время мы, конечно, уже не можемъ относиться къ «Путевымъ Картинамъ» съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ зачитывалась ими нѣмецкая публика 20-хъ и 30-хъ годовъ, но мы можемъ выдѣлить и оцѣнить по достоинству то, что въ нихъ имѣетъ не преходящее и временное, а прочное, вѣчное значеніе. Такимъ именно и является гейневскій юморъ, въ которомъ личность поэта играетъ самую существенную роль. Этотъ своеобразный юморъ, объединяющій самые противоположные элементы, заключая въ себѣ и чистую любовь къ человѣчеству и меланхолическую вдумчивость Стерна, и язвительное остроуміе Вольтера, служитъ своего рода коррективомъ къ романтическому міросозерцанію поэта, проявляющемуся всякій разъ, когда онъ видитъ развалины замка, старинный готическій соборъ, встрѣчаетъ по дорогѣ мальчика-пастуха или голубоглазую дѣвушку, вспоминаетъ о маленькой Вероникѣ или о мертвой Маріи... Гейне, повидимому, и самъ очень хорошо сознавалъ дѣйствіе этихъ контрастовъ настроенія: онъ умѣетъ ими пользоваться очень кстати и намѣренно усиливать впечатлѣніе неожиданностью переходовъ изъ одного настроенія въ другое, противоположное.

Не менѣе важную особенность Гейне представляетъ та свобода мысли, съ какою онъ говоритъ въ «Путевыхъ Картинахъ» о Богѣ и людяхъ, о правителяхъ и народахъ. Воспитанный въ школѣ гегелевской діалектики, проникнутый вѣяніями новой эпохи, искренно преданный идеямъ прогресса и свободы, Гейне дѣйствительно былъ въ ту пору «бравымъ солдатомъ въ освободительной кампаніи человѣчества». Можетъ быть, только ему не слѣдовало самому говорить это о себѣ и самому вѣнчать себя лаврами борца за свободу, такъ какъ этимъ ослаблялось впечатлѣніе его борьбы съ «поповствомъ» и «аристократіей»,—двумя элементами, къ которымъ онъ постоянно возвращается въ «Путевыхъ Картинахъ» и противъ которыхъ онъ пускаетъ въ дѣло всѣ острыя и отравленныя стрѣлы своего злого юмора и ѣдкаго остроумія...

Самъ Гейне впослѣдствіи, шутя, называлъ періодъ своей литературной дѣятельности, закончившійся 1830 годомъ, «художественнымъ» періодомъ. Послѣднимъ произведеніемъ этого періода,—такъ сказать, поэтическимъ прощаніемъ Гейне съ своей юностью,—былъ небольшой сборникъ стихотвореній, написанныхъ въ Гамбургѣ поздней осенью 1830 г. и изданный подъ заглавіемъ «Новая Весна». Здѣсь поэтъ еще разъ переносится въ старую романтическую область, снова видитъ тревожныя сновидѣнія горячей, несчастной любви, снова ведетъ насъ въ тѣ мѣста, гдѣ онъ когда-то изливалъ при лунномъ свѣтѣ свои горькія жалобы... Затѣмъ онъ прощается со всѣмъ этимъ. Его фантазія окрыляется неутолимой жаждой прекраснаго юга. Въ это самое время раздается за Рейномъ революціонный набатъ. Новое время

Digitized by Google

требуетъ отъ пѣвца новыхъ пѣсенъ,—и поэтъ уже выражаетъ недовольство искусственностью стихотворной рѣчи. «Мнѣ все думается,—говоритъ онъ,—что въ красивыхъ стихахъ очень много лжи и что истина боится являться въ метрической одеждѣ». Онъ опасается, что громкій шумъ «всеобщаго европейскаго братанья народовъ» заглушитъ пѣснь поэта, и обращается, уже въ прозѣ, къ важнѣйшимъ вопросамъ современности...

П. Морозовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Исторія позитивной философіи.

в. Соціальная школа.

Дамиронъ, ученикъ Кузена, издавая въ 1828 г. сочиненіе о французской философіи 19-го вѣка, противопоставлялъ эклектизмъ, какъ высшее единство или золотую середину школѣ Кондильяка съ одной стороны, и теологической школѣ съ другой. Своеобразныя мысли Бирана и Ампера, шедшія глубже эклектизма, еще не были извѣстны. Во второмъ (вышедшемъ въ томъ же году) изданіи своей работы онъ счелъ однако нужнымъ упомянуть о воззрѣніяхъ Сенъ-Симона и Огюста Конта, хотя и признавался, что значенія ихъ онъ не можетъ уяснить себѣ. Въ то время вышли въ свѣтъ только первыя работы Конта. Жизненный путь Сенъ-Симона былъ, напротивъ, законченъ. Посѣвъ, давшій современный соціализмъ и позитивизмъ, былъ сдѣланъ.

Сенъ-Симонъ (его полное имя—Claude Henri de Rouvroy, comte de Saint-Simon) былъ скорѣе журналистомъ и соціальнымъ реформаторомъ, чѣмъ философомъ. Но для исторіи философіи онъ имѣетъ значеніе потому, что питалъ живое убѣжденіе, что новый общественный порядокъ возможенъ только тогда, когда проникнетъ новое міровоззрѣніе. А это новое міровоззрѣніе—въ этомъ онъ былъ не менѣе убѣжденъ—можно возвести только на основаніи положительныхъ наукъ. Самъ Сенъ-Симонъ не получилъ научнаго образованія. Молодымъ человѣкомъ (онъ родился въ 1760 г.) онъ принималъ смѣлое участіе въ Сѣверо-Американской войнѣ за независимость. Затѣмъ онъ пустился въ различныя промышленныя предпріятія; во время революціи отказался отъ своего дворянскаго титула, началъ спекулировать на національныя имущества и выступилъ въ качествѣ «grand seigneur sanculotte». Во время террора

Digitized by Google

онъ былъ заключенъ въ тюрьму, изъ которой его освободило паденіе Робеспьера. Свое богатство (пока оно было у него) онъ употреблялъ не только для того, чтобы вести открытый образъ жизни, но и для того, чтобы подготовить научную и соціальную реформу, которую онъ давно уже задумалъ. Онъ окружилъ себя людьми науки изъ политехнической и медицинской школы съ цѣлью образовать себя такимъ образомъ, чтобы быть въ состояніи написать энциклопедію наукъ. Наступившая бѣдность не могла заставить его отказаться отъ своихъ плановъ; онъ работалъ, напротивъ, съ усердіемъ все болѣе возраставшимъ. Онъ отличался замѣчательнымъ умѣньемъ привлекать къ себѣ выдающихся людей и заставлять ихъ работать съ собою и для себя. О. Тьерри и О. Контъ были одно время его секретарями и сотрудниками и съ гордостью называли себя его учениками, пока ихъ дороги не разошлись. Ставя въ болѣе ранній періодъ своей дѣятельности на первый планъ созданіе новой энциклопедіи, такъ какъ только на основаніи подобной энциклопедіи можетъ выработаться новый катехизисъ, послѣ переворотовъ 1814—15 г. Сенъ-Симонъ думалъ, что можно приступить непосредственно къ новой организаціи человѣческаго общества; главная черта этой организаціи состояла въ томъ, что промышленная и экономическая жизнь должна была занять первое мѣсто, а система правленія въ собственномъ смыслѣ должна была играть служебную роль. Вмѣсто дворянъ и юристовъ во главѣ общества должны были стать крупные промышленники и люди науки. Конечная цѣль должна была состоять въ томъ, чтобы поднять въ умственномъ и экономическомъ отношеніи рабочій классъ, ту часть общества, которая страдаетъ болѣе другихъ. Въ то время, какъ во Франціи происходили послѣ Реставраціи распри изъ-за конституціонализма и парламентаризма, Сенъ-Симонъ объявлялъ, что дѣло идетъ о соціальномъ обновленіи; внѣшняя форма правленія безразлична... Руководящимъ мотивомъ, который долженъ былъ поддерживать новый порядокъ, онъ считалъ сначала сознаніе гармоніи интересовъ, приблизительно въ томъ смыслѣ, какъ она понималась Гельвеціемъ, а позднѣе Бентамомъ. Но въ послѣдніе годы своей жизни онъ призывалъ на помощь филантропію и хотѣлъ основать новое христіанство, которое должно было состоять преимущественно изъ заповѣдей любви и отличаться въ то же время отъ прежняго христіанства тѣмъ, что земная жизнь должна была вступить въ свои полныя права, а не играть роль средства по отношенію къ сверхчувственному бытію. Индивидуальное право собственности можетъ имѣть, по его мнѣнію, свое основаніе только въ той всеобщей пользѣ, которую представляетъ этотъ институтъ, но не въ притязаніяхъ отдѣльной личности самой по себѣ. Задача настоящаго состоитъ въ томъ, чтобы сплотиться для эксплоатаціи земли. Не людьми слѣдуетъ управлять, а вещами. Впослѣдствіи его ученики выражали эту мысль слѣдующимъ образомъ: вмѣсто того чтобы эксплуатировать другъ друга, люди должны эксплуатировать земной шаръ. Государство должно соединить силы народонаселенія для производства большихъ работъ—для проведе-

Digitized by Google

нія каналовъ и дорогъ, осушки болотъ, воздѣлыванія земли. Онъ умеръ въ 1825 г. въ небольшомъ кружкѣ своихъ сторонниковъ.

Какъ въ силу своей политической программы Сенъ-Симонъ стоялъ въ оппозиціи къ обѣимъ боровшимся въ то время партіямъ, и къ либераламъ и къ легитимистамъ, такъ и въ области идей онъ находился въ оппозиціи и къ теологической школѣ и къ философіи 18-го вѣка. Важны въ этомъ отношеніи то пониманіе и та оцѣнка среднихъ вѣковъ, которыя встрѣчаются уже въ его произведеніяхъ 1807-го и 1813-го годовъ. Средніе вѣка представляются ему великимъ періодомъ организаціи. Цивилизованный міръ объединялся братствомъ и общей вѣрой. Священники не были шарлатанами, какъ думалъ Вольтеръ; напротивъ, они составляли наиболѣе образованную часть націи. Съ тѣхъ поръ какъ средневѣковая система пала жертвой критики и революціи, мы живемъ среди духовнаго и соціальнаго хаоса. Процвѣтаютъ отрицаніе и эгоизмъ. Все дѣло въ томъ, чтобы достичь новаго періода организаціи; духовной силой, которая вызоветъ этотъ періодъ, можетъ быть только положительная наука, подлежащая сведенію къ одной общей системѣ. Другъ Сенъ-Симона, врачъ Бюрденъ, высказалъ въ одномъ разговорѣ съ нимъ мысли о развитіи наукъ, которыя были переняты имъ и содержали интересные намеки на позитивизмъ. Всѣ науки — говорилось здѣсь — зародились на почвѣ немногихъ опытовъ и носили поэтому въ первый періодъ своего развитія характеръ догадокъ, сплошь да рядомъ фантастическихъ. Астрономія была сначала астрологіей, химія—алхиміей. По мѣрѣ усовершенствованія и расширенія опыта науки переходятъ изъ формы догадокъ въ форму положительнаго знанія. Математика, астрономія, физика и химія достигли уже этой формы, физіологія и психологія близки къ тому. Въ концѣ-концовъ и философія станетъ положительной наукой; тотъ фактъ, что разстояніе между спеціальными науками и общей наукой еще очень велико, объясняется несовершеннымъ состояніемъ отдѣльныхъ наукъ. На основаніи этого представленія объ исторіи наукъ Сенъ-Симонъ строилъ свою надежду, что появится новое міровоззрѣніе на чисто научной почвѣ. Онъ первый употребилъ выраженіе—*позитивная философія*. Дальше общей мысли онъ не пошелъ. Онъ не былъ человѣкомъ, который могъ бы выполнить большую, связную работу. Но тѣмъ не менѣе онъ отмѣчаетъ все-таки рѣшительный поворотный моментъ. Признавая средніе вѣка особымъ культурнымъ періодомъ, онъ обнаруживаетъ историческій смыслъ, который былъ рѣдкостью въ его время. Потому, онъ можетъ разсматривать исторію, какъ непрерывный процессъ развитія. Въ то время какъ въ періодъ просвѣщенія смотрѣли на средніе вѣка, какъ на произвольный перерывъ въ развитіи, Сенъ-Симонъ видѣлъ въ нихъ періодъ духовной и соціальной организаціи, смѣнившій періодъ предшествовавшаго разложенія. Онъ смотритъ напротивъ на вѣкъ, слѣдующій за средними вѣками, какъ на періодъ разложенія. Критика и либерализмъ играютъ для Сенъ-Симона только роль средства, чтобы устранить съ дороги

Digitized by Google

устарѣлую систему, но сами по себѣ не составляютъ еще новой системы. Такую систему предстояло еще выработать, и достигнуть этого можно, по его убѣжденію, только на почвѣ опытной науки. Настанетъ наконецъ время, когда человѣчество будетъ строить свою вѣру и свою мораль на опытѣ и наукѣ. Только на этомъ пути можетъ возникнуть новое цѣльное и полное міросозерцаніе, которое соберетъ вокругъ себя всѣхъ, такъ чтобы можно было вновь начать жить въ общемъ единеніи силъ.

Школа Сенъ-Симона обобщила его ученіе, различая во всей всеобщей исторіи критическіе и органическіе періоды. Подобное противопоставленіе встрѣчается у Канта и у Фихте, и даже уже у Руссо. Было вполнѣ естественно, что подобный взглядъ появился въ эпоху, которая была свидѣтельницей того, какъ критика ниспровергла старый строй вѣрованій и старый общественный порядокъ, не будучи сама въ состояніи создать новый порядокъ и удовлетворить потребность въ немъ. Какой бы дозы шарлатанства ни было въ Сенъ-Симонѣ, онъ все-таки усвоилъ себѣ въ одномъ рѣшающемъ вопросѣ правильный историческій взглядъ и созналъ духовную и соціальную потребность своего времени. Это объясняетъ намъ тотъ фактъ, что въ ряду своихъ учениковъ онъ имѣлъ великаго историка и великаго философа.

У Сенъ-Симона можно найти только начало соціализма. Зародышъ развивался въ его школѣ*), до такой степени преобразившей его ученіе, что онъ не призналъ бы его. Его ученики хотѣли ограничить право наслѣдства и предоставить его государству, доходы, приносимые трудомъ, дѣлить по способностямъ и тру-

*) Объ отношеніи Сенъ-Симона и его школы смотри: «Paul Janet: Saint Simon et le Saint-Simonisme». Paris 1878. При характеристикѣ Сенъ-Симона мы опирались особенно на George Weill: Saint-Simon et son oeuvre. Paris 1894 и на Chr Adame: La philosophie en France (Première moitié du 19-e siècle) Paris 1894.—Объ отношеніи политехнической школы къ сенъ-симонизму ср. G. Pinet L'écoleh polytecnique et le Saint-Simonisme (La Revue de Paris. 15 Mai 1894).—Такъ какъ сочиненія Сенъ-Симона отрывочны и отличаются разбросанностью, то его школа изложила его ученіе въ связной послѣдовательности, именно въ сочиненіи: Doctrine de Saint-Simon (1829), редактированномъ *И. Карно*. Оно передаетъ содержаніе лекцій *Базара* и предшествуетъ по времени тому періоду фантазій и распутства, который повлекъ за собой разложеніе школы. Дальнѣйшее развитіе ученія о критическихъ и органическихъ періодахъ, какое оно получило въ «Doctrine de Saint-Simon», произошло однако, вѣроятно подъ вліяніемъ первой значительной работы *Огюста Конта* (Plan des travaux scientifiques nécessaires pour réorganiser la société 1822); хотя этотъ послѣдній называлъ еще себя ученикомъ Сенъ-Симона, однако уже вполнѣ эманципировался.—Въ своей автобіографіи *Стюарта Милля* дѣлаетъ интересныя замѣчанія о томъ вліяніи, которое имѣло на него ученіе сенъ-симонистовъ о критическихъ и органическихъ періодахъ.—Все это ученіе было развито впервые, какъ было указано выше, Кантомъ и Фихте; они были первыми мыслителями, видѣвшими, что критика и революція одержали верхъ, но что исторія не могла еще сказать этимъ послѣдняго слова. У Руссо и Лессинга мелькаетъ та же мысль; и «Воспитаніе человѣческаго рода» Лессинга принадлежало къ числу излюбленныхъ книгъ сенъ-симонистовъ.

Digitized by Google

ду каждаго. Школа принимала все болѣе фантастическій и утопическій характеръ. Была установлена новая іерархія съ «отцомъ» Анфантенъ во главѣ; школа распалась однако, когда этотъ послѣдній сталъ дѣлать правовѣрнымъ предписанія касательно половыхъ отношеній, приведшія вожаковъ на скамью подсудимыхъ и въ тюрьму. Благоразумные и критическіе элементы отступили передъ этими послѣдними крайностями. Воодушевленіе,—связывавшее сенъ-симонистовъ другъ съ другомъ, воодушевленіе цѣлью, пріобрѣсти полное господство надъ природой совмѣстнымъ дѣйствіемъ человѣческихъ силъ—принесло все-таки свои плоды. Большая часть желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, фабрикъ и банковъ во Франціи обязаны своимъ возникновеніемъ прежнимъ сенъ-симонистамъ. Прорытіе Суецкаго и Панамскаго каналовъ было мыслью сенъ-симонизма. Именно ученики политехнической школы примкнули съ воодушевленіемъ къ новому ученію. Эта школа, учрежденная конвентомъ, была очагомъ тѣхъ наукъ, которыя сдѣлались уже, по мнѣнію Сенъ-Симона и Бюрдена, положительными и которыя были призваны, чтобы заложить основаніе вѣры будущаго. Позитивная философія есть философія политехнической школы, между тѣмъ пока эклектизмъ господствовалъ въ *École normale* (гдѣ подготовлялись учителя высшихъ учебныхъ заведеній). Настоящій основатель позитивизма, Огюстъ Контъ, бывшій самъ ученикомъ политехнической школы, упоминаетъ въ одномъ письмѣ (*Lettres Valat* стр. 299) о скрытой и непроизвольной борьбѣ между *Normaliens* и *Polytechniciens*, которая была въ его глазахъ спеціальной формой борьбы между метафизической и позитивной школой. Самый значительный вкладъ Франціи въ исторію философіи 19-го вѣка должна была сдѣлать философія политехниковъ.

2. Огюстъ Контъ.

а. Біографія и характеристика.

Возникновеніе новѣйшаго позитивизма обусловлено развитіемъ опытныхъ наукъ за послѣдніе вѣка и, точнѣе говоря, тѣми огромными успѣхами въ области химіи и физіологіи, которыми онѣ обязаны французскимъ естествоиспытателямъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Всѣ области природы были подчинены мало-по-малу научнымъ принципамъ и методамъ, установленнымъ Кеплеромъ, Галилеемъ и Ньютономъ. *Лавуазье* и *Биша* продолжали въ химіи и физіологіи то, что было сдѣлано основателями новѣйшаго естествознанія въ области астрономіи и физики. Возникалъ вопросъ, какое значеніе имѣетъ все это развитіе въ дѣлѣ нашихъ житейскихъ убѣжденій и для нашего міровоззрѣнія. Позитивизмъ даетъ на это слѣдующій отвѣтъ: развѣ успѣхи науки должны были принести пользу и послужить въ прокъ только однимъ спеціалистамъ и промышленникамъ? Развѣ подчиненіе всѣхъ областей природы опытной наукѣ не должно было повлечь за собой измѣненіе всей духовной жизни человѣчества, всѣхъ вѣрованій его и образа жизни?

Digitized by Google

Вѣдь въ человѣческомъ духѣ лежитъ непроизвольная потребность примѣнять повсюду одинъ и тотъ же методъ и одну и ту же теорію. Если для того, чтобы понять природу, мы объясняемъ ея явленія согласно законамъ, указаннымъ опытомъ, то можемъ-ли мы и должны-ли мы во всемъ томъ, что касается нашей вѣры и того, какъ намъ устроить и проводить свою жизнь, становиться на совершенно другую почву? Мы находимъ фактически, что опытная наука всегда оказываетъ опредѣленное вліяніе на религіозныя и спекулятивныя представленія человѣка, какъ бы ни настаивали на томъ, что они вытекаютъ изъ совершенно другихъ источниковъ. Въ извѣстной мѣрѣ позитивизмъ примѣшанъ во всякомъ міровоззрѣніи. Но такъ какъ всѣ области природы отданы въ вѣдѣніе *положительной науки*, т. е. такого знанія, которое опирается на факты и на открываемые опытомъ законы этихъ фактовъ, то теперь, повидимому, насталъ моментъ, когда это вліяніе не должно уже болѣе оставаться скрытымъ и ограниченнымъ, когда люди должны сознательно и рѣшительно прибѣгать въ своемъ пониманіи жизни и міровоззрѣніи только къ такимъ представленіямъ, которыя могутъ быть признаны и подтверждены положительной наукой. Недостаетъ еще науки о духовной жизни человѣчества, и поэтому позитивизмъ ставитъ себѣ задачу положить основаніе подобной науки. Если удастся сдѣлать это, то что можетъ помѣшать тогда позитивизму выполнить свою программу? Задача, поставленная себѣ Огюстомъ Контомъ, была двойная: сдѣлать гуманитарную науку положительной и представить затѣмъ систематическое изложеніе главныхъ фактовъ, законовъ и методовъ всѣхъ положительныхъ наукъ. Это должно послужить основаніемъ будущаго міровоззрѣнія. Времена теологіи и спекулятивнаго мышленія прошли, по его мнѣнію; позитивная философія представляетъ единственно возможное спасеніе. Тѣ вопросы, на которые положительная наука не можетъ дать отвѣтъ человѣку, будутъ исчезать мало-по-малу.

Однако, различіе между положительной наукой и позитивной философіей все-таки остается, потому что какъ отдѣльные изолированные факты, такъ и спеціальные законы не могутъ опредѣлять міровоззрѣніе. Человѣческій духъ, какъ на этомъ настаиваетъ Контъ, ищетъ единства метода и системы. Положительная философія возникаетъ только тогда, когда отдѣльныя положительныя доктрины будутъ обработаны въ одно цѣлое. Задача состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, чтобы соединить положительность знанія съ общностью и полнотой. Позитивизмъ не можетъ, слѣдовательно, пользоваться матеріаломъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дается непосредственно, но долженъ подвергнуть его переработкѣ, образовать изъ него одно цѣлое. На этомъ пути выростаютъ затрудненія для позитивизма, потому что при такой переработкѣ приходится неизбѣжно прибѣгать къ гипотезамъ и предположеніямъ, а это влечетъ за собой вопросъ, на чемъ основывается ихъ правомѣрность.

Огюстъ Контъ находитъ своихъ предшественниковъ въ ряду философовъ XVIII-го вѣка. Онъ указываетъ особенно на Дидеро и

Digitized by Google

Юма, на Канта и на шотландскую школу. Но онъ ставитъ высоко де-Местра и смотритъ на средніе вѣка, какъ на послѣдній *органическій* періодъ, пережитый нами. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что единство и гармонія нашей духовной и общественной жизни, потерянныя благодаря новѣйшей критикѣ и революціи, могутъ быть найдены вновь только тогда, когда позитивизмъ проникнетъ въ вѣрованія и будетъ проведенъ въ жизнь. На-ряду съ преданностью позитивному мышленію, Контъ питалъ глубокую, подъ конецъ мистическую любовь къ человѣчеству,—ненасытимое чувство, требовавшее удовлетворенія такъ энергично, что не разъ угрожало погасить его сознаніе. Основатель позитивизма чувствовалъ свое духовное сродство съ мистиками средневѣковья. И къ концу своей жизни онъ хотѣлъ даже основать новую религію, которая должна была быть положительной, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно говорится о положительной религіи.

Жизнь *Огюста Конта* показываетъ намъ, какъ развивались у него различные мотивы, вызвавшіе все созданное имъ. Онъ родился 19-го янв. 1798 г. въ строго католической семьѣ въ Монпелье. По собственному признанію (Cours de philosophie positive. Tome VI. Préface personelle), онъ прошелъ уже къ 14-ти годамъ «всѣ важнѣйшія ступени революціоннаго направленія мысли и чувствовалъ потребность въ общемъ политическомъ и религіозномъ возрожденіи». Можетъ быть, именно этимъ быстрымъ развитіемъ, оторвавшимъ его отъ представленій дѣтства, объясняется то, что въ позднѣйшіе годы своей жизни, вложивши всѣ свои лучшія силы въ свой философскій трудъ, онъ почувствовалъ такъ живо потребность въ законченныхъ догмахъ и опредѣленныхъ символахъ. Пережитый имъ періодъ исканія былъ очень непродолжителенъ, и накопленнаго имъ опыта было недостаточно для того, чтобы показать ему, какое значеніе можетъ имѣть подобный періодъ для свободы, задушевности и полноты личной жизни. Подобно большинству своихъ современниковъ, онъ чувствовалъ отвращеніе къ *критическимъ* періодамъ. Еще будучи мальчикомъ, онъ возставалъ противъ всякаго принужденія и всякой регламентаціи, но былъ полонъ глубокаго уваженія къ умственному и нравственному превосходству. (Ср. характеристику, которую даетъ Огюстъ Контъ самъ себѣ въ годы своей юности въ одномъ письмѣ, напечатанномъ у *Литтре*: *Auguste Comte et la philosophie positive*, 2 éd., стр. 493). Въ 1814 году онъ поступилъ въ политехническую школу въ Парижѣ. Впослѣдствіи онъ смотрѣлъ на эту школу точныхъ наукъ (ср. письмо отъ 22 іюля 1842 г. къ Стюарту Миллю), какъ на первую ступень дѣйствительно научной корпораціи. Въ кругъ ея предметовъ входили тѣ науки, которыя окончательно достигли *позитивной* ступени, и онъ считалъ ее основаніемъ, на которомъ должно быть построено все дальнѣйшее преподаваніе. Кромѣ того, среди учениковъ господствовалъ республиканскій образъ мыслей и завязывалось тѣсное товарищество, соединявшее ихъ въ общемъ преклоненіи передъ тѣмъ значеніемъ, какое могли имѣть ихъ предметы для развитія культуры.

Digitized by Google

Это подготовляло очень сочувственный пріемъ идеямъ Сенъ-Симона среди воспитанниковъ школы. Идея положительнаго знанія выростала рука объ руку съ идеей гуманности. Реакціонное правительство воспользовалось въ 1816 г. демонстраціей, устроенной противъ одного учителя, какъ поводомъ, чтобы закрыть школу и выслать воспитанниковъ на родину. Но для Огюста Конта было невыносимо жить такъ далеко отъ центра движенія. Въ томъ же году, вопреки запрещенію родителей, онъ вернулся въ Парижъ для продолженія образованія. Онъ изучалъ біологію и исторію, чтобы дополнить свое политехническое образованіе, и скопилъ себѣ запасъ въ высшей степени основательныхъ энциклопедическихъ знаній. Средства къ жизни онъ добывалъ преподаваніемъ математики. Огромное значеніе для его развитія имѣло то обстоятельство, что онъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ Сенъ-Симономъ. Въ одномъ письмѣ, относящемся къ этому времени (1818), онъ пишетъ о сближеніи съ Сенъ-Симономъ слѣдующее: «Благодаря общей работѣ и дружбѣ съ однимъ изъ тѣхъ людей, которые болѣе другихъ понимаютъ въ области философской политики, я узналъ очень много такого, что напрасно я сталъ бы искать въ книгахъ, и за тѣ полгода, какъ я стою въ связи съ нимъ, мой духъ сдѣлалъ гораздо большіе успѣхи, чѣмъ сдѣлалъ бы ихъ въ три года, если бы я оставался одинъ. Эта работа развила во мнѣ пониманіе политическихъ наукъ и кромѣ того усовершенствовала косвенно мои представленія о другихъ наукахъ, такъ что я замѣтилъ, что моя голова сдѣлалась болѣе философской и что я пріобрѣлъ болѣе правильный и болѣе возвышенный взглядъ на вещи». (*Lettres à Valat.*, стр. 37). Контъ былъ обязанъ Сенъ-Симону отчасти тѣмъ, что понялъ необходимость въ новой духовной силѣ вмѣсто іерархіи средневѣковья, которую оба они считали учрежденіемъ, достойнымъ удивленія для своего времени,—отчасти тѣмъ, что у него явился интересъ къ соціальному вопросу, въ тѣсной связи съ которымъ стоитъ рѣзкое противопоставленіе милитаризма и индустріализма. Въ одной работѣ, относящейся къ 1820 г. (*Sommaire appréctation de l'ensemble du passé moderne*), Контъ относитъ разложеніе старой соціальной системы къ 12-му столѣтію, усматривая первые зачатки этого разложенія въ освобожденіи общинъ и во введеніи въ Европѣ черезъ посредство арабовъ положительныхъ наукъ. Слѣдствіемъ этого было то, что территоріальная система, основанная на завоеваніи, уступила мало-по-малу мѣсто промышленной, основанной на трудѣ, и что положительная наука упразднила теологію. Если даже Контъ пришелъ къ подобнымъ идеямъ самостоятельно, то все-таки общеніе съ Сенъ-Симономъ ускорило его развитіе, и Контъ былъ очень неправъ, считая впослѣдствіи за несчастье, что ему пришлось близко познакомиться съ Сенъ-Симономъ *). Но они были слишкомъ

*) Ученики Конта идутъ еще дальше своего учителя, утверждая, что скорѣе Сенъ-Симонъ учился у Конта, чѣмъ наоборотъ. *Литтре: Auguste Comte et la philosophie positive.* 2. éd стр. 90 и д., *Робине: Notice sur l'oeuvre*

Digitized by Google

различны и по своей природѣ и по направленію своего мышленія, чтобы могли долго работать совмѣстно. Разрывъ произошелъ, когда Контъ почувствовалъ свою самостоятельность. Принципіально они были несогласны въ вопросѣ о томъ положеніи, которое должна была занять наука по отношенію къ труду и къ тому «священству», планъ котораго Симонъ намѣтилъ въ послѣдніе годы своей жизни. Какъ мы видѣли, Сенъ-Симонъ въ послѣдній періодъ своей дѣятельности откладывалъ теоретическія преобразованія въ сторону, чтобы сосредоточиться прежде всего на практическихъ. Послѣднее произведеніе, въ которомъ Контъ называетъ еще себя ученикомъ Сенъ-Симона, дало поводъ къ разрыву; Сенъ-Симонъ заявилъ свой протестъ противъ него, и О. Контъ издалъ его послѣ подъ собственнымъ именемъ. Начиная съ этого произведенія, заглавіе котораго было: *Plan des travaux scientifiques nécessaires pour réorganiser la société* (1822; въ 1824 г. оно было вновь издано подъ заглавіемъ: *Politique positive*), Контъ выступаетъ, какъ самостоятельный мыслитель. Самое важное препятствіе къ развитію цивилизаціи онъ видитъ въ продолжающемся преобладаніи революціонной тенденціи, именно въ свободѣ совѣсти и суверенитетѣ народа, принципахъ критическихъ, а не органическихъ. Недостаетъ способности сжиться съ связнымъ кругомъ представленій и признать раціонально обоснованную силу. Новой соціальной системы нельзя построить сразу, она должна развиваться постепенно. Это съ избыткомъ доказывается въ новѣйшей исторіи Франціи многими неудавшимися конституціями. Основное условіе совмѣстной дѣятельности для достиженія общей цѣли состоитъ въ согласномъ образѣ мыслей и настроеніи. Прежнее общество имѣло такую общую основу въ видѣ теологіи. Для того, чтобы новое общество могло получить подобное основаніе, должна быть построена прежде всего широкая система, которая пользовалась бы такимъ же большимъ авторитетомъ, съ какимъ выступаютъ выводы отдѣльныхъ наукъ въ спеціальныхъ областяхъ. Самое важное сдѣлать политику положительной наукой. Признавая въ области математики, физики и біологіи опредѣленные законы для всѣхъ явленій, думаютъ обыкновенно, что въ области соціальныхъ отношеній можно распоряжаться по собственному усмотрѣнію, что возможно, напр., безъ дальнѣйшихъ разсужденій ввести придуманную соціальную систему. Эта вѣра разсѣется, когда будетъ признана закономѣрность человѣческихъ отношеній. Подобную закономѣрность Контъ старается показать въ той тѣсной связи, которая существуетъ въ каждый моментъ

---

et sur la vie d'Auguste Comte 2. ed. стр. 139. Даже если Сенъ-Симонъ—что вполнѣ естественно—не избѣжалъ нѣкотораго воздѣйствія со стороны воззрѣній болѣе молодыхъ даровитыхъ людей, бывшихъ его сотрудниками, то все-таки останется неоспоримымъ, что свои основныя мысли онъ развилъ раньше, чѣмъ вступилъ въ сношеніе съ Контомъ. Нельзя оспаривать за Сенъ-Симономъ пріоритета въ томъ, что касается мысли о позитивной философіи, какъ новой духовной силѣ, ставшей необходимой послѣ временъ критики и революціи. Но справедливо замѣчаніе *Georges Weill* (Sait-Simon et son oeuvre. стр. 208—210), ясно доказавшаго, что важное значеніе О. Конта не умаляется этимъ въ дѣйствительности

Digitized by Google

исторіи между соціальной организаціей и общей цивилизаціей, т. е. между общественнымъ порядкомъ и духовнымъ развитіемъ, проявляющимся въ наукѣ, искусствѣ и промышленности. Цивилизація вытекаетъ съ другой стороны изъ инстинктивнаго стремленія людей къ совершенствованію *). Опираясь на исторію наукъ, Контъ сводитъ число различныхъ ступеней, которыя проходитъ цивилизація, къ тремъ: теологическая, метафизическая и положительная, и старается затѣмъ показать, какъ имъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя ступени соціальнаго развитія. Такъ какъ *законъ трехъ стадій* образуетъ центральный пунктъ философіи Конта, то мы должны отложить подробное развитіе его до изложенія его философіи.

Это сочиненіе Конта привлекло къ себѣ большое вниманіе какъ со стороны политиковъ и историковъ, такъ и со стороны людей науки. Гизо, математикъ Пуансо, Александръ Гумбольдтъ, герцогъ де Брогли и другіе оцѣнили его по достоинству. Оно входило такъ глубоко въ сущность дѣла, что стояло выше боровшихся партій, воздавая въ то же время должное всему, что было цѣннаго въ стремленіяхъ каждой изъ нихъ. Но настоящій планъ Конта не былъ еще приведенъ въ исполненіе. Теперь только онъ приступилъ къ главной задачѣ своей жизни: составить энциклопедію содержанія и методовъ положительныхъ наукъ. Онъ пишетъ (1824) своему другу Valat: «Я буду въ продолженіе всей своей жизни и изо всѣхъ силъ работать надъ обоснованіемъ позитивной философіи». И почти въ то же время онъ пишетъ другому другу (Gustave d'Eichtal), что его настоящая задача состоитъ въ томъ, «чтобы энциклопедически преобразовать всѣ наши положительныя знанія, которыя слѣдуетъ разсматривать въ дѣйствительности въ видѣ одной цѣлой массы». Немного лѣтъ спустя онъ излагалъ въ первый разъ небольшому, но избранному кружку слушателей (къ числу ихъ принадлежали между прочимъ А. ф. Гумбольдтъ, Пуансо, математикъ Фурье, политико-экономъ Дюнуаіе, врачи Бруссэ и Эскироль, инженеръ Ипполитъ Карно) свою «позитивную философію».

Контъ жилъ литературною работою и уроками математики. Онъ женился на молодой, даровитой парижанкѣ. Уже вскорѣ послѣ брака ихъ отношенія сложились, повидимому, не особенно счастливо, отчасти потому что родители Конта были противъ ихъ гражданскаго брака, который казался имъ, благодаря этому, чѣмъ-то ужаснымъ, а отчасти и потому что Контъ, какъ можно видѣть изъ характернаго письма къ Valat (16 ноября 1825), не находилъ у своей супруги тѣхъ свойствъ, которыя онъ цѣнилъ у женщины всего больше: «сердечная преданность и мягкость характера въ соединеніи съ такимъ подчиненіемъ, которое должно внушать ей сознаніе умственнаго превосходства ея мужа», свойства, «которыя трудно

*) Вмѣсто слова «совершенствованіе» Контъ предпочитаетъ употреблять позднѣе (Cours de philosophie positive. 2éd. IV стр. 262, 264) слово «развитіе» (developpement), потому что слово «совершенствованіе» можетъ заключать въ себѣ моральную оцѣнку.

Digitized by Google

найти вообще въ настоящее время у женщины вмѣстѣ съ выдающимися душевными способностями». Контъ такъ высказываетъ пожеланіе, чтобы этими свойствами была надѣлена невѣста его друга, что ясно проглядываетъ, что онъ не находитъ ихъ у своей собственной супруги. Она была для него слишкомъ самостоятельна. Она выказала однако большую вѣрность и энергію во время припадка душевной болѣзни, поразившей Конта главнымъ образомъ, вѣроятно, вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія силъ. Онъ былъ отданъ въ домъ умалишенныхъ, и его родители, дѣйствовавшіе подъ вліяніемъ Ламенне, старались воспользоваться случаемъ, чтобы подчинить его своему вліянію, и хотѣли помѣстить его въ монастырь. М-me Контъ, гражданскій бракъ которой родители хотѣли утаить, заявила свои права и потребовала, чтобы супругъ ея былъ возвращенъ ей, и благодаря ея уходу удалось возстановить его душевныя силы, такъ что онъ могъ продолжить свои прерванныя чтенія. (Но родители Конта — еще во время его болѣзни—настояли на томъ, чтобы онъ обвѣнчался по церковному обряду, и сняли съ себя такимъ образомъ тяжкій грѣхъ, состоявшій въ томъ, что они допустили гражданскій бракъ).

Теперь послѣдовалъ рядъ счастливыхъ для Конта годовъ кипучей дѣятельности, въ теченіе которыхъ онъ обработалъ и издалъ свой главный трудъ: *Cours de philosophie positive* (въ 6 томахъ, 1830—42). Содержаніе каждаго отдѣльнаго тома онъ долго продумывалъ предварительно во время уединенныхъ прогулокъ. Въ томъ, что касалось матеріала, онъ могъ довѣряться своей прекрасной памяти. Закончивъ свои размышленія, онъ записывалъ ихъ въ теченіе короткаго сравнительно времени. Формѣ изложенія не придавалось при этомъ большого значенія. Стиль его тяжелъ, мало эстетиченъ, страдаетъ повтореніями и частымъ употребленіемъ техническихъ выраженій, но отличается ясностью, основательностью и вѣскостью и носитъ отпечатокъ энергіи и серьезности. Часто (именно въ послѣднихъ трехъ томахъ сочиненія, разсматривающихъ соціальныя науки) потокъ мыслей становится настолько сильнымъ, что увлекаетъ съ собой читателя. Публичными популярными чтеніями Контъ старался снискать расположеніе общества къ позитивной философіи. Уже въ продолженіе двадцати лѣтъ бывшіе воспитанники политехнической школы устраивали по всей Франціи популярныя чтенія по естествознанію. Въ 1830 г. Контъ учредилъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей политехническое общество, которое должно было дѣйствовать въ этомъ направленіи. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ (до тѣхъ поръ, пока государственный переворотъ 1851 г. не вызвалъ перемѣны). Контъ читалъ безвозмездно популярныя лекціи, сначала по астрономіи, затѣмъ (начиная съ 1848 г.) о позитивной философіи вообще. Въ небольшомъ сочиненіи *Discours sur l'esprit positive* (1844) онъ изложилъ тѣ общія соображенія, которыя были предпосланы его курсу астрономіи; оно служитъ лучшимъ введеніемъ въ философію Конта.

Прочнаго оффиціальнаго положенія Контъ никогда не достигъ.

Digitized by Google

Въ 1830 г. онъ расчитывалъ получить должность профессора исторіи положительной науки, къ чему онъ былъ въ высшей степени пригоденъ; прошеніе, поданное Гизо, бывшему теперь въ такой силѣ, осталось однако безъ результата. Въ своихъ мемуарахъ Гизо объясняетъ это по непонятной забывчивости тѣмъ, что онъ будто бы никогда раньше не видалъ этого человѣка, съ которымъ онъ однако въ годы оппозиціи (въ двадцатыхъ годахъ) велъ такъ часто бесѣды и раздѣлялъ его мысли. Точно также ему было отказано и въ должности профессора математики при политехнической школѣ, хотя онъ исполнялъ ее между прочимъ въ продолженіе одного года такъ удачно, что заслужилъ всеобщее одобреніе. Онъ долженъ былъ довольствоваться скромной должностью репетитора и экзаминатора на пріемныхъ экзаменахъ, въ качествѣ какового онъ предпринималъ ежегодныя круговыя поѣздки по провинціямъ. Но и эту должность, исполнители которой должны были ежегодно выбираться учительскимъ совѣтомъ политехнической школы, онъ потерялъ, послѣ того какъ въ предисловіи къ послѣднему тому своего «Курса» выступилъ съ рѣзкими нападками на узкую спеціализацію математиковъ и ихъ высокомѣріе. Въ настоящее время первое мѣсто по значенію своего умственнаго труда должны были занять, по его мнѣнію, біологи и соціологи; гегемонія математиковъ отошла въ прошлое, потому что болѣе конкретныя области подчинились положительнымъ естественно научнымъ методамъ изученія. Онъ высказалъ эту мысль такъ вызывающе, что не былъ вслѣдствіе этого избранъ вновь экзаминаторомъ, и снова былъ вынужденъ зарабатывать хлѣбъ частными уроками. Его почитатели и друзья изъ англичанъ и французовъ (изъ англичанъ можно назвать Стюарта Милля и историка Грота, изъ французовъ—ученаго Литтре) облегчили его экономическое положеніе пенсіей.—И въ семейныхъ дѣлахъ его дошло до кризиса: послѣ долгихъ, постоянно обострявшихся несогласій онъ разошелся съ своей супругой. Послѣдняя не переставала тѣмъ не менѣе выказывать, съ неизмѣннымъ благородствомъ, интересъ какъ къ его идеямъ, такъ и къ его личнымъ отношеніямъ.

Среди всѣхъ этихъ неурядицъ и вызванныхъ ими душевныхъ волненій, послѣ значительнаго напряженія силъ, потраченныхъ на двѣнадцатилѣтнюю работу надъ главнымъ сочиненіемъ, произошелъ новый нервный кризисъ, который не былъ, правда, такъ силенъ, какъ первый, но тѣмъ не менѣе угрожалъ, по его собственнымъ словамъ въ письмѣ къ Стюарту Миллю, «danger cérébral» *). Кромѣ того были другія обстоятельства, содѣйствовавшія этому кризису и придававшія ему своеобразный характеръ. Онъ познакомился съ женщиной, которая стала для него тѣмъ же, чѣмъ Беатриче была для Данте: на этой особѣ онъ могъ вполнѣ излить то чувство, потребность въ которомъ онъ носилъ въ себѣ въ теченіе всей своей жизни, не будучи въ состояніи удовлетворить его въ какомъ-нибудь

*) Въ письмѣ къ Стюарту Миллю отъ 27 іюня 1845 читаемъ слѣдующее: „Разстройство состояло въ упорной безсонницѣ, сопровождавшейся

Digitized by Google

тѣсномъ общеніи. Онъ впервые позналъ всю задушевность настроенія и преданности, и эта молодая женщина оставалась для него послѣ своей смерти, послѣдовавшей черезъ годъ, представительницей человѣчества (подобно тому, какъ Данте видѣлъ въ своей Беатриче представительницу теологіи); къ ней устремлялись его ежедневныя размышленія и «торжественное изліяніе благороднаго чувства» (solennelle effusion des sentiments généreux), которое онъ называлъ своей молитвой; она была тѣмъ геніемъ, который вдохновилъ его къ написанію второго главнаго сочиненія; это послѣднее должно было систематизировать чувства, подобно тому, какъ первое систематизировало мысли. Это сочиненіе вышло подъ такимъ заглавіемъ: Politique positive ou traité de sociologie, instituant la religion de l'humanité (4 тома, 1851—54). Въ письмѣ къ Стюарту Миллю (14 іюля 1845) Контъ сообщаетъ, что окончательный характеръ новаго произведенія, планъ котораго былъ составленъ уже раньше, сложился во время упомянутаго кризиса и вызваннаго этимъ послѣднимъ «méditation exceptionelle». Для него стало ясно, говоритъ онъ, что вторая половина его философской дѣятельности должна отличаться отъ первой тѣмъ, что чувство должно было занять въ ней столь же много мѣста, сколько въ первой было отведено разуму. Послѣ того, какъ чисто теоретическая работа была выполнена, предстояло примѣнить ея результаты къ общественной жизни, что сводилось въ сущности къ систематизаціи человѣческихъ чувствъ, слѣдствію систематизаціи идей и необходимому базису систематизаціи учрежденій.—Если бы задача новаго произведенія ограничивалась только этимъ, то оно не составляло бы рѣзкой противоположности по отношенію къ предыдущему, послужило бы его продолженіемъ, расширеніемъ и углубленіемъ. На самомъ дѣлѣ оно шло гораздо дальше, какъ уже показываетъ его заглавіе. Оно должно было основать новую религію. И въ то время какъ первое произведеніе отправлялось отъ міра и природы и старалось дойти до пониманія человѣка на основаніи познанія природы, теперь этотъ объективный методъ долженъ былъ уступить мѣсто субъективному, который отправлялся отъ человѣка, разсматривалъ всю природу съ его точки зрѣнія, а самое человѣчество—какъ Высшее Существо (le grand être). Субъективное углубленіе въ идею человѣчества, искрениия приверженность этой идеѣ—вотъ въ

тихой, но сильной меланхоліей и настроеніемъ глубокой подавленности, смѣшанной долгое время съ крайней слабостью". Онъ ставитъ этотъ припадокъ въ связь съ тѣмъ, что нѣсколько дней передъ этимъ приступилъ къ обработкѣ своего новаго сочиненія, и прибавляетъ: L'ensemble de ma composition aura beaucoup gagné à cette periode exceptionelle où ma meditation etait loin d'eprouver l'atonie de ma mobilité.—Въ слѣдующемъ году, послѣ смерти Клотильды де Во, онъ признавался, что пробудившееся въ немъ чувство къ ней содѣйствовало этому нервному кризису (Lettres d'Auguste Comte à Stuart Mill стр. 413 и д.). Мужъ Клотильды де Во былъ присужденъ къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ за позорное преступленіе, но она считала свой бракъ нерасторжимымъ, и ея отношеніе къ Конту не переступало поэтому границъ тѣсной дружбы.

Digitized by Google

чемъ должна была состоять новая религія, первосвященникомъ которой Контъ скоро почувствовалъ себя. Онъ не хотѣлъ отказаться отъ позитивной философіи; изъ ея-то именно содержанія и надлежало вывести догматы новой религіи, религіи человѣчества; но онъ добавилъ культъ и практику. Въ своемъ Catéchisme positiviste ou sommoire exposition de la religion universelle (1852) онъ представилъ болѣе короткое изложеніе того, что было развито гораздо подробнѣе въ «Politique positive».

Это послѣднее направленіе хода его мыслей было подготовлено тѣмъ, что онъ называлъ «гигіеной мозга» (hygiène cérébrale); она состояла въ томъ, что онъ тщательно воздерживался отъ всякаго чтенія, углубившись единственно и исключительно въ обработку своихъ сочиненій. Онъ хотѣлъ избѣжать этимъ разныхъ помѣхъ и достичь единства плана. Прежде онъ изучалъ очень многое, и его вѣрная память позволяла ему теперь пользоваться тѣмъ, что было уже накоплено. Эта изоляція отъ всего новаго въ наукѣ и литературѣ, изоляція, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ то, что всякое настоящее разсужденіе и всякая критическая оцѣнка собственныхъ мыслей прекратились, сопровождалась его увлеченіемъ музыкой, итальянской поэзіей и чтеніемъ книги: De imitatione Christi. Онъ требовалъ, чтобы каждый позитивистъ читалъ ежедневно изъ какого-нибудь классическаго поэтическаго произведенія постольку, чтобы это составляло приблизительно пѣснь изъ творенія Данте. На книгу: De imitatione онъ смотрѣлъ, какъ на большое стихотвореніе о природѣ человѣка; читая ее, онъ замѣнялъ вездѣ слово «Богъ» словомъ «Человѣчество» и нашелъ такимъ образомъ въ древней мистической книгѣ средство проникнуться идеей человѣчества. По свидѣтельству очевидца послѣднихъ лѣтъ жизни Конта, онъ былъ преисполненъ кротости и доброты. Онъ былъ однако разочарованъ узнавъ, что Литтре, самый знаменитый изъ числа его учениковъ, и нѣкоторые другіе отреклись отъ него, когда онъ пересталъ быть философомъ, почувствовавъ себя вмѣсто этого первосвященникомъ религіи человѣчества, — точно такъ же, какъ и самъ онъ отрекся отъ Сенъ-Симона, когда этотъ послѣдній сталъ высказывать подобныя же притязанія. Послѣ продолжительной и строгой работы мысли вновь пробудилась, теперь при благопріятномъ содѣйствіи «гигіены мозга», миѳологическая потребность дѣтства, и на этой послѣдней части его пути за нимъ послѣдовали только немногіе *). Тѣмъ не менѣе новая

*) Изъ двухъ наиболѣе важныхъ сочиненій о Контѣ, написанныхъ его учениками, одно, принадлежащее *Литтре*, утверждаетъ, что дѣйствительное значеніе Конта завершается изданіемъ его «Cours de philosophie positive», между тѣмъ какъ Робине, видитъ настоящее завершеніе въ произведеніи «Politique positive» и полемизируетъ противъ Литтре, какъ неблагодарнаго и ничего не смыслящаго отступника. — Стюартъ Милль сочувствовалъ, само собой разумѣется, только первому періоду дѣятельности Конта. Переписка ихъ прекратилась въ то время, когда Контъ сталъ на рубежѣ второго періода. Въ своемъ сочиненіи Auguste Comte and Positivism (1865). Милль далъ интересную оцѣнку ученія Конта за тотъ и другой періодъ.—Расколъ, вызванный Литтре, повторился впрочемъ послѣ

Digitized by Google

религія человѣчества имѣетъ свои общины и свои мѣста культа по всей Франціи, Англіи, Швеціи и Америкѣ. Эта религія безъ теологіи составляетъ характерное знаменіе времени. Для самого Конта она была мѣстомъ успокоенія, гдѣ его мысль собрала воспоминаніе обо всемъ самомъ великомъ и лучшемъ, что онъ нашелъ въ познаніяхъ и дѣяніяхъ человѣчества, и откуда онъ, полный надеждъ, взиралъ на грядущее, на то, что ожидаетъ постоянно прогрессирующій человѣческій родъ. Любовь, какъ принципъ, порядокъ, какъ основаніе, и прогрессъ, какъ цѣль—таковъ девизъ религіи человѣчества.—5 сентября 1857 г. Огюстъ Контъ умеръ.

б. Законъ трехъ стадій.

Наше знаніе проходитъ по Конту *три ступени развитія*, которыя можно указать въ исторіи каждой отдѣльной науки. Чѣмъ сложнѣе матеріалъ науки, тѣмъ больше времени потратитъ она на то, чтобы пройти эту лѣстницу ступеней. Заключительной стадіи достигаютъ сначала абстрактныя науки, позднѣе—конкретныя. Теперь насталъ, согласно теоріи Конта, моментъ, когда самая конкретная изъ всѣхъ наукъ, наука объ обществѣ (соціологія), готова вступить въ третью стадію. Кругъ замыкается такимъ образомъ, и представляется возможность бросить взглядъ назадъ.

Первая стадія *теологическая*. На этой стадіи руководятся очень ограниченнымъ количествомъ наблюденій, и воображеніе играетъ поэтому самую значительную роль. Объясненіе явленій природы, связь, соединяющую отдѣльные факты, безъ которой не можетъ обойтись человѣческій духъ въ силу своихъ свойствъ, находятъ во вмѣшательствѣ личныхъ существъ. Вначалѣ человѣкъ можетъ объяснить себѣ міръ только съ помощью представленій о богахъ и духахъ. Въ этомъ заключается большая польза, принесенная этими представленіями развитію человѣческаго знанія. Если бы ихъ не было подъ руками и еслибы не чувствовалась потребность видѣть во всѣхъ явленіяхъ природы дѣятельность этихъ существъ, то никогда не пробудилась бы познавательная дѣятельность, оставалась бы всегда въ состояніи первоначальной тупости. Пониманіе, котораго думаетъ достичь человѣкъ на этой ступени, абсолютно, потому что выше этихъ божественныхъ существъ человѣкъ ничего не можетъ себѣ представить, и если ему удается объяснить какое-нибудь явленіе природы ихъ дѣятельностью, то больше ему нечего искать. Поэтому

въ кругу «правовѣрныхъ» позитивистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ (съ *Лафитомъ* во главѣ) придерживаются мнѣнія, что позитивистическіе священники должны воздѣйствовать на сердце черезъ посредство разсудка, между тѣмъ, какъ другіе (съ англичаниномъ *Конгрефомъ* во главѣ) настаиваютъ на томъ, что позитивизмъ долженъ, подобно тому, какъ это дѣлало въ свое время христіанство, покорять непосредственнымъ обращеніемъ къ пролетаріямъ и женщинамъ, такъ что слѣдуетъ воздѣйствовать на сердце, помимо разсудка и минуя его. См. насчетъ этого у *Керда*. The social philosophy and Religion of Comte. Glasgow. 1885. стр. 171 и д.

Digitized by Google

вначалѣ человѣкъ нисколько и не сомнѣвается въ возможности достичь абсолютнаго знанія.—Въ практическомъ отношеніи теологическія представленія оказали не менѣе важное вліяніе. Они послужили прочнымъ и общимъ основаніемъ нравственной и общественной жизни. Эта ступень развитія—время авторитета. Люди единодушно ввѣряютъ себя непоколебимымъ силамъ. Въ политикѣ этому соотвѣтствуетъ царская власть.

Теологическая стадія обнимаетъ рядъ ступеней. Въ періодъ фетишизма духовная жизнь, подобная жизни человѣка приписывается непосредственно предметамъ природы. Политеизмъ, образующій самую характерную ступень теологической стадіи, отнимаетъ у матеріальныхъ предметовъ непосредственно имъ присущую жизнь и ищетъ источника ихъ движеній и перемѣнъ въ различныхъ существахъ, невидимыхъ по большей части и образующихъ высшій міръ. Въ монотеизмѣ разстояніе и контрастъ между тѣмъ принципомъ, изъ котораго выводится объясненіе, и тѣми явленіями, которыя подлежатъ объясненію, еще больше. Поэтому онъ болѣе шатокъ и не содѣйствуетъ въ такой степени духовному объединенію, какъ политеизмъ. Онъ составляетъ переходную ступень ко второй большой стадіи: *метафизической*. Здѣсь люди находятъ объясненіе не въ личныхъ существахъ, а въ абстрактныхъ идеяхъ, принципахъ или силахъ. Здѣсь господствуетъ стремленіе свести различныя явленія къ одному принципу, стремленіе, которое уже на теологической стадіи вело отъ фетишизма къ политеизму и отъ политеизма къ монотеизму. На метафизической стадіи это стремленіе продолжаетъ развиваться, потому что она признаетъ столько силъ, сколько существуетъ особыхъ группъ явленій, т. е., слѣдовательно, химическую, жизненную силу и т. д. Усилія направляются наконецъ на то, чтобы свести всѣ эти различныя силы къ одной перво-силѣ, къ одной первоначальной сущности, природѣ, составляющей эквивалентъ того послѣдняго единаго начала, которое вводилъ монотеизмъ на теологической стадіи. Той и другой изъ этихъ двухъ первыхъ стадій обща склонность искать абсолютныхъ рѣшеній. Метафизика, такъ же какъ и теологія, хочетъ объяснить внутреннюю природу, происхожденіе и опредѣленіе всѣхъ вещей и способъ возникновенія всѣхъ явленій. Различіе между ними состоитъ только въ томъ, что конкретное замѣняется абстрактнымъ, фантазія—аргументаціей. Насколько фантазія перевѣшивала наблюденіе на первой стадіи, настолько здѣсь перевѣшиваетъ его аргументація.

Контъ смотритъ въ сущности на метафизическую стадію, какъ на стадію переходную и какъ на процессъ разложенія. Аргументація пробуравливаетъ кругъ теологическихъ представленій, указываетъ здѣсь противорѣчія, подставляетъ постоянныя идеи или силы на мѣсто капризныхъ волевыхъ дѣятелей, но ослабляетъ этимъ живое впечатлѣніе и авторитетное вліяніе тѣхъ силъ, которымъ приписывается господство надъ природой и человѣческой жизнью. Она не можетъ создать чего-нибудь новаго; чего-нибудь дѣйствительно равнозначущаго этому она не въ состояніи дать. Въ прак-

Digitized by Google

тическомъ отношеніи разложеніе проявляется въ господствѣ сомнѣнія и эгоизма. Индивидуумъ отрывается отъ живой связи съ обществомъ, и разсудокъ культивируется насчетъ чувства; въ позднѣйшіе годы своей жизни Контъ говоритъ даже о продолжительномъ бунтѣ разсудка противъ сердца. Въ политикѣ настаетъ время народовъ, какъ первая стадія была временемъ царей; руководящая роль принадлежитъ юристамъ; происхожденіе общества приписывается договору, и государство возводится на принципѣ народовластія.

На *позитивной* стадіи и фантазія и аргументація подчиняются наблюденію. Какое-бы положеніе ни устанавливалось, оно касается спеціальнаго или общаго факта. Согласіе съ фактами составляетъ единственный критерій. Этого не слѣдуетъ понимать конечно въ томъ смыслѣ, что позитивизмъ не идетъ дальше отдѣльныхъ, изолированныхъ фактовъ. Онъ не менѣе далекъ отъ эмпиризма, чѣмъ отъ мистицизма: отправляясь отъ фактовъ, онъ не теряется въ области сверхъестественныхъ существъ или абстрактныхъ принциповъ, но и не расплывается въ безсвязныхъ наблюденіяхъ. Но вмѣсто того, чтобы отыскивать абсолютныя *причины* и прослѣживать, какъ возникаютъ изъ нихъ вещи, онъ ищетъ *законы* явленій, т. е. постоянныя отношенія, существующія между наблюденными явленіями. Будемъ-ли мы объяснять себѣ мысли и чувства или толчокъ и тяжесть—все равно,—единственно, что можетъ установить наше познаніе, это тѣ отношенія, въ которыхъ они находятся. Наука опирается на непреложность законовъ природы, ставшую ясной для мысли впервые тогда, когда греки закладывали основаніе математической астрономіи, и находимую въ новое время послѣдовательно въ другихъ областяхъ. Бэконъ, Галилей и Декартъ провозгласили этотъ принципъ и должны считаться поэтому основателями позитивной философіи. Если даже законы, обязательные для нѣкоторыхъ областей, еще не найдены повсюду, то неотразимая аналогія заставляетъ въ настоящее время прилагать этотъ великій философскій принципъ неизмѣнности законовъ природы ко всѣмъ явленіямъ и событіямъ.

Тогда какъ обѣ первыя стадіи обнаруживали стремленіе свести все въ мірѣ къ одному абсолютному принципу, представляя его себѣ или въ теологической или въ метафизической формѣ—въ видѣ ли Бога или природы, изъ характера позитивной философіи слѣдуетъ, что подобное абсолютное и объективное сведеніе къ единству невозможно. Строгое требованіе опытнаго подтвержденія дѣлаетъ невозможнымъ—свести все къ одному принципу; опытъ показываетъ намъ всегда только ограниченную связь, и всегда будетъ находиться много явленій и событій, которыхъ мы никогда не будемъ въ состояніи привести въ связь съ другими. Существуютъ группы явленій (столько же по крайней мѣрѣ, сколько различныхъ наукъ), которыя не поддаются дальнѣйшему сведенію. Наше знаніе можетъ достигнуть только субъективнаго, но не объективнаго единства. Субъективное единство состоитъ въ томъ, что повсюду примѣняется одинъ и тотъ же методъ, что влечетъ за собой однородность раз-

Digitized by Google

личныхъ теорій и заставляетъ ихъ сходиться въ одной общей точкѣ. Съ субъективной точки зрѣнія получается поэтому одна только наука. Но она можетъ стать общей для всѣхъ субъектовъ, для всѣхъ людей. Позитивный методъ порождаетъ единство не только въ сознаніи отдѣльнаго субъекта, но и среди различныхъ субъектовъ, и позитивная философія становится такимъ образомъ интеллектуальной почвой для единенія людей. Уже и теперь люди соглашаются другъ съ другомъ только въ такихъ вещахъ, которыя подпали вѣдѣнію положительной науки, между тѣмъ какъ другія воззрѣнія ихъ расходятся въ самыхъ различныхъ направленіяхъ. Католицизмъ, пока онъ господствовалъ, не испытывая конкурренціи разсудка со стороны научнаго мышленія, образовалъ духовную общину, которая служитъ прообразомъ того, что принесетъ со временемъ позитивная философія. Въ субъективно единомъ началѣ, заключающемся въ понятіи человѣчества, позитивная философія находитъ единственно возможный эквивалентъ того, чѣмъ понятіе божества было для философіи теологической, и понятіе природы для метафизической.

Теоріи и практика стоятъ на этой стадіи въ гораздо болѣе тѣсномъ единеніи, чѣмъ на первыхъ двухъ, потому что познаніе законовъ явленій дѣлаетъ возможнымъ для насъ вмѣшательство въ предстоящее развитіе явленій, и стремленіе добиться этого составляетъ одинъ изъ мотивовъ, содѣйствующихъ переходу отъ первыхъ двухъ стадій къ третьей. Смотрѣть, чтобы имѣть возможность предусматривать (voir pour prévoir),—таковъ девизъ положительной науки. Поэтому этой третьей стадіи соотвѣтствуетъ промышленность въ смыслѣ предпринимаемой человѣкомъ обработки природы. Однако здѣсь нужно принимать въ соображеніе одну внѣшнюю природу. Когда будутъ найдены также законы и для состояній и дѣйствій человѣка, то явится возможность опредѣлять при помощи познанія индивидуальное и соціальное развитія не хуже чисто физическаго.

Контъ обращаетъ вниманіе (см. особенно «Discours sur l'ésprit positif», стр. 41—44) на то, что слово «*позитивный*» приложимо къ той философіи, которую онъ называетъ позитивной, во всѣхъ различныхъ значеніяхъ, въ какихъ оно можетъ употребляться. Слово «позитивный» можетъ имѣть то же значеніе, что «*дѣйствительный*», и позитивная философія желаетъ прежде всего опираться на факты. Оно значитъ также «*полезный*» въ противоположность «праздному», и позитивная философія ставитъ себѣ цѣлью улучшеніе нашей индивидуальной и общественной жизни, желаетъ быть кое-чѣмъ больше простого удовлетворенія любопытства. Подъ словомъ «позитивный» мы разумѣемъ также сплошь да рядомъ «*безспорное*» и «*несомнѣнное*», а задача позитивной философіи и состоитъ въ томъ, чтобы вывести насъ изъ состоянія постояннаго сомнѣнія и нескончаемыхъ пререканій прежнихъ философовъ. «Слово «позитивный» можетъ далѣе значить «*точно опредѣленный*», а позитивная философія и хочетъ какъ разъ поставить—на мѣсто неопредѣленныхъ и измѣнчивыхъ представленій болѣе раннихъ стадій—законы, постоянныя и опредѣленныя отношенія. «Позитивное»

Digitized by Google

употребляется наконецъ и какъ *антитеза отрицательнаго,* что приложимо къ третьей стадіи, задача которой—органическое созиданіе, между тѣмъ какъ вторая стадія представляетъ въ сущности процессъ разложенія. Позитивная философія не можетъ во всякомъ случаѣ прибѣгать къ тѣмъ объясненіямъ, которыми удовлетворялась философія теологическая, но не ведетъ съ ними открытой борьбы. Она признается даже, что какъ въ пользу отрицанія существъ, въ которыя вѣруетъ теологическая философія, такъ и въ пользу признанія ихъ одинаково невозможно привести доказательствъ. Никѣмъ и никогда не было доказано, что ни Аполлона, ни Минервы не существуетъ; вѣра въ нихъ утрачена, потому что она не согласуется съ общимъ состояніемъ духовной жизни. Позитивная философія не только не ведетъ полемики противъ теологической; но и старается предоставить ей сполна ея права, изслѣдуя исторически условія ея возникновенія и обсуждая ея вліяніе на развитіе человѣчества. На прежнихъ стадіяхъ подобное отношеніе было невозможно, потому что тогда противостояли другъ другу абсолютныя теоріи, и каждая отдѣльная система должна была считать своей задачей—уничтожить другія.

Одна только особенность позитивной стадіи не содержится an und für sich въ словѣ «позитивный», а именно то, что она вездѣ замѣняетъ абсолютное *относительнымъ*. Но этотъ характеръ относительности (релятивизма) составляетъ, по мнѣнію Конта, необходимое условіе остальныхъ признаковъ позитивной философіи. Если она ставитъ на мѣсто причины законъ, то она не идетъ дальше простого отношенія (relation). Она ставитъ вопросъ—какъ? а не почему? Внутренней скрытой связи и первыхъ причинъ она не ищетъ. Отдѣльныхъ законовъ нельзя, кромѣ того, свести къ одному закону, и во всякомъ случаѣ остается та относительность, которая происходитъ отъ того, что мы всегда разсматриваемъ міръ съ точки зрѣнія человѣка. Всякое познаніе предполагаетъ противоположность индивидуума и внѣшняго міра, такъ что Кантъ былъ правъ, проводя различіе между субъективнымъ и объективнымъ, и заслуживаетъ вѣчной признательности за то, что положилъ этимъ различеніемъ конецъ абсолютной философіи, хотя и не былъ достаточно позитивенъ въ своемъ мышленіи, чтобы не дать своимъ послѣдователямъ вернуться къ ней. *) Хотя міръ, для того чтобы быть познан-

*) *Cours de philosophie positive* 2 ed VI, стр. 612; „Кантъ дѣйствительно заслужилъ вѣчной признательности, сдѣлавъ первый попытку совершенно покончить съ философіей абсолютнаго своимъ ученіемъ о двоякой реальности, объективной и субъективной въ одно и тоже время, ученіемъ, въ которомъ сказывается такое вѣрное пониманіе здравой философіи". Ср. *Discours sur l'esprit positive* стр. 24. *Catéchisme positiviste* 2 éd стр. 8 и 150.— Контъ не читалъ главнаго произведенія Канта, какъ онъ самъ заявляетъ въ одномъ мѣстѣ. Однако онъ рано уже былъ знакомъ съ его идеями изъ вторыхъ рукъ. Въ одномъ письмѣ къ Valat отъ 3 ноября 1824 онъ говоритъ, что въ системѣ Канта „много очень хорошаго наряду съ массой странностей", и онъ не согласенъ признать правильнымъ принадлежащее Кузену изложеніе кантовскаго ученія: «Кузенъ совершенно не

Digitized by Google

нымъ и предполагаетъ человѣка, однако можетъ существовать безъ него. И хотя человѣкъ зависитъ отъ міра, однако не есть результатъ его (L'homme dépend du monde, mais il n'en résulte pas. Catechisme positiviste 2 éd. стр. 146) Напрасно старался матеріализмъ отрицать самостоятельность и самодѣятельность (spontanéité) органической жизни, преувеличивая значеніе вліянія неорганической внѣшней природы. Двойственность остается на лицо.

Законъ трехъ стадій выводится Контомъ изъ исторіи наукъ, опытнымъ путемъ слѣдовательно. Но установивъ его, онъ старается показать, что его можно вывести и изъ того, что намъ извѣстно о природѣ человѣческаго духа; индукція подтверждается дедукціей. Вѣдь человѣческій духъ не можетъ не имѣть воззрѣній и понятій, которыя бы связывали отдѣльные факты. Прежде чѣмъ удается отыскать связь явленій путемъ изслѣдованія самыхъ явленій, какъ это имѣетъ мѣсто на позитивной стадіи, ее приходится искать въ непроизвольно возникшихъ миѳологическихъ представленіяхъ или въ метафизическихъ идеяхъ, которыя образуются благодаря тому, что эти представленія получаютъ болѣе отвлеченный и болѣе постоянный характеръ. Въ то же время человѣческій духъ имѣетъ наклонность истолковывать все по аналогіи съ самимъ собой, приписывать вещамъ свое собственное внутреннее чувство. Легкій способъ давать объясненія! Но не будь у людей увѣренности въ томъ, что отыскать объясненіе не трудно, они и совсѣмъ не предпринимали-бы никакого изслѣдованія.

Было бы интересно сравнить законы трехъ стадій Конта съ подобными же мыслями у Канта, Фихте, Гегеля и Сенъ-Симона, и даже уже у Руссо и Лессинга. На ряду съ характерными отклоненіями оказалось бы, что они согласны въ одномъ, по крайней мѣрѣ, пунктѣ, въ томъ именно, что въ духовной жизни человѣчества за періодомъ господства въ теоріи и практикѣ авторитета послѣдовалъ періодъ, во время котораго критика, рефлексія и сомнѣніе произвели разрушительную работу, и теперь возникаетъ задача отыскать такую точку зрѣнія, которая давала бы положительное и общее основаніе для вѣры и жизни. Таковъ великій историческій опытъ, формулированный названными мыслителями въ видѣ закона трехъ стадій. Что касается Конта, то онъ даетъ опредѣленную характеристику, собственно говоря, только первой и третьей стадій. Обыкновенно получается такое впечатлѣніе, что Контъ относитъ къ метафизической стадіи всѣ тѣ запросы мысли и жизни, къ кото-

---

понимаетъ значенія основныхъ идей кенигсбергскаго философа». Тѣмъ не менѣе онъ относитъ здѣсь Канта къ метафизической стадіи, и отношеніе собственной философіи къ философіи Канта ставитъ въ параллель съ отношеніемъ Галилея къ физикѣ перипатетиковъ.—Единственно знакомое ему сочиненіе Канта—это небольшой трактатъ его „Idee zur einen allgemeinen Weltgeschichte", переведенный для него его другомъ Густавомъ д'Эйхталь (1824); трактатъ этотъ нашелъ въ немъ большого почитателя. Познакомься я съ нимъ шесть—семь лѣтъ раньше, говоритъ Контъ, мнѣ не пришлось бы тратить трудъ на написаніе сочиненій, относящихся къ 1820 и 22 гг. Письмо къ Эйхталю отъ 10 дек. 1824.

Digitized by Google

рымъ онъ питаетъ антипатію. Ему симпатична старая католическая система, въ которой онъ видитъ одно изъ наиболѣе поразительныхъ произведеній человѣческаго духа; ему симпатична также система будущаго, которая должна вести къ новому духовному объединенію на почвѣ опытной науки. На промежуточный критическій и революціонный періодъ онъ смотрѣлъ несочувственно, хотя и долженъ былъ признать, что онъ выполнилъ необходимую работу. Между различными признаками метафизической стадіи, которые онъ указываетъ, нѣтъ необходимой связи. Дѣйствительно, нельзя найти связи между склонностью объяснять явленія, допуская специфическія силы или способности и преувеличеніемъ значенія разсудка или преобладаніемъ эгоизма. Указанная склонность появляется въ извѣстный моментъ въ исторіи каждой отдѣльной науки и не годится для характеристики общаго развитія человѣчества; ее можно совмѣстить во всякомъ случаѣ съ признаніемъ за жизнью чувства центральнаго значенія и съ реальностью симпатическихъ чувствъ. Преувеличеніе значенія разсудка чаще встрѣчается, можетъ быть, у тѣхъ, кто посвящаетъ себя занятіямъ какой-нибудь спеціальной наукой, чѣмъ у спекулятивныхъ философовъ. Заканчивая свой главный трудъ, Контъ самъ живо чувствовалъ, въ какую оппозицію къ научной спеціализаціи онъ становится, и выразилъ ее такъ сильно, что это имѣло важныя послѣдствія для его личной жизни. Но этому контрасту между положительной философіей и положительнымъ спеціальнымъ изслѣдованіемъ онъ не отводитъ мѣста въ ученіи о трехъ стадіяхъ. Однако важная и характерная отличительная черта новаго времени состоитъ въ томъ, что раздѣленіе труда проникло въ научную область очень глубоко и достичь, поэтому, единства въ сферѣ умственной жизни, общаго всѣмъ міровоззрѣнія, будетъ все болѣе и болѣе трудно. Это составляетъ, безъ сомнѣнія, болѣе трудную культурно-историческую проблему, чѣмъ любое изъ тѣхъ золъ, которыя Контъ находитъ на метафизической стадіи. Воодушевленіе и сангвиничность Конта были повинны въ томъ, что онъ не замѣтилъ этого. Онъ недостаточно ясно представлялъ себѣ вопросъ объ отношеніи между позитивностью знанія и его общностью,—вопросъ о возможности получить общее міросозерцаніе на «позитивной» почвѣ. Это стоитъ, какъ мы увидимъ ниже, въ связи съ недостатками его системы въ теоретико-познавательномъ отношеніи. Сама позитивная стадія обрисовывается поэтому сплошь да рядомъ неясными чертами. Такъ, остается неяснымъ, въ какой степени связываетъ насъ позитивная философія данными фактами. Насколько дозволяется намъ удаляться отъ нихъ на пути гипотезы? Какое оправданіе имѣетъ гипотеза, которая составляетъ логическое слѣдствіе данныхъ опытовъ, но не можетъ быть провѣрена? Чѣмъ оправдывается вѣра, не выводимая, правда, изъ опыта, но не противорѣчащая ему? Подобные очень важные въ дѣлѣ отношенія науки и практическаго міросозерцанія вопросы оставляются Контомъ безъ вниманія.

Абсолютныхъ границъ между различными стадіями Контъ соб-

Digitized by Google

ственно не устанавливаетъ, хотя онъ недостаточно выдвигаетъ единство человѣческаго мышленія на всѣхъ стадіяхъ. Онъ не думалъ, чтобы теологическая стадія была совершенно лишена позитивности. Вліяніе опыта должно было всегда сказываться; но до тѣхъ поръ пока кругъ опытовъ былъ ограниченъ, это вліяніе не могло сдѣлаться принципіальнымъ. Однако и въ метафизическихъ принципахъ проявляется эта подстрекающая сила опыта. Они служили въ дѣйствительности выразителями группъ опытовъ, которые метафизика хотѣла изъять изъ вѣдѣнія миѳологическаго произвола. Метафизика, по словамъ Конта (Discours sur l'esprit positif, стр. 36) приводила въ систему оппозицію зарождающейся науки противъ прежней теологіи. Уже при переходѣ отъ фетишизма къ политеизму и отъ политеизма къ монотеизму принималъ участіе позитивный факторъ. До тѣхъ поръ пока духъ позитивизма былъ развитъ только незначительно, онъ не былъ въ состояніи формулировать свои собственныя тенденціи, и поэтому метафизика служила ему органомъ. Познаніе идетъ, слѣдовательно, впередъ постепенно, безъ перерывовъ. Полнаго расцвѣта и повсемѣстнаго господства «esprit positif» Контъ не ждалъ въ началѣ своей дѣятельности. 30-го марта 1825 г. онъ пишетъ къ Valat: «Хотя я и надѣюсь добиться нѣкотораго результата своими усиліями, однако не скрываю отъ себя, что на моемъ вѣку они не могутъ принести замѣтныхъ плодовъ, еслибы даже они могли дать толчокъ всѣмъ умамъ, способнымъ принять активное участіе въ великой работѣ, что должно еще случиться только въ будущемъ». Впослѣдствіи, когда онъ подъ вліяніемъ своей гигіены мозга и мистическаго углубленія въ свои идеи потерялъ всякое пониманіе того, что происходило вокругъ него въ ученомъ и политическомъ мірѣ, онъ начиналъ питать все болѣе и болѣе радужныя надежды въ этомъ отношеніи.

За какой бы стороной второй стадіи ни признавалъ Контъ бо́льшей важности, за ея-ли отрицательнымъ характеромъ, или за ея значеніемъ, какъ необходимаго посредствующаго звена, онъ былъ всетаки убѣжденъ, что рѣшающая роль будетъ принадлежать въ духовномъ мірѣ борьбѣ католицизма и позитивизма. Въ своихъ письмахъ къ Стюарту Миллю онъ не разъ высказываетъ желаніе, чтобы состоялось прямо состязаніе между этими двумя направленіями, за исключеніемъ протестантизма, деизма и другихъ непослѣдовательныхъ промежуточныхъ формъ. Онъ придаетъ большое значеніе и видитъ знаменіе времени въ томъ, что католики требовали свободы преподаванія, тогда какъ «метафизическая» школа (Кузенъ, Гизо, Тьеръ, Вильменъ) требовала сохранить государственную монополію. Обѣ школы отрекались, такимъ образомъ, отъ своего принципа, первая—отъ принципа авторитета, послѣдняя—отъ принципа свободы. Но еслибы свобода критики и преподаванія осуществилась, то—надѣялся онъ—опасенія метафизической школы сбылись бы, между тѣмъ какъ католицизмъ очутился бы лицомъ къ лицу съ неизвѣданнымъ еще противникомъ. Онъ жалѣлъ только, что представители католицизма стали со временъ де-Местра

Digitized by Google

менѣе значительны. Для него было вполнѣ понятно, что противоположности обострились и что католическая ортодоксія становилась все болѣе строгой и систематичной, съ тѣхъ поръ какъ революціонное движеніе обнаружило стремленіе построить духовное и соціальное развитіе не на авторитетѣ, а на совершенно другомъ основаніи. Противъ этихъ радикальныхъ чаяній де-Местръ вычеканилъ ультрамонтанство, какъ единственно послѣдовательную религіозную систему, и ему удалось уже подкопать галликанство, участь котораго раздѣлятъ и другія промежуточныя точки зрѣнія. Контъ высказываетъ вслѣдствіе этого свою радость по поводу того, что другъ его Valat во время прилива религіозной вѣры сразу отступилъ къ чистому католицизму, не останавливаясь ни на одной изъ промежуточныхъ точекъ зрѣнія, хотя въ прекрасномъ письмѣ, написанномъ по этому поводу Valat (25 авг. 1843), онъ не скрываетъ своего сомнѣнія, чтобы католицизмъ могъ ниспослать теперь такой же миръ и такую же гармонію, какую онъ гарантировалъ въ классическое для него время людямъ, достигшимъ высшаго нравственнаго и умственнаго развитія того времени. Особенно указываетъ онъ въ этомъ отношеніи на сомнительность догмата вѣчнаго осужденія тѣхъ, которые, отрицая хотя бы всѣ члены символа вѣры, осуществляютъ на практикѣ высшую нравственность, догмата, необходимаго, однако, для католическаго организма въ его цѣломъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Пер. **Д. Викторова.**

Digitized by Google

Политическая доктрина пессимизма.

II. *)

Макіавелли родился во Флоренціи въ 1469 году. Дѣтство и юность его совпали со временемъ правленія Лаврентія Великолѣпнаго, подъ покровительствомъ котораго флорентійская образованность переживала блестящую пору своего развитія. Флоренція являлась въ эту эпоху однимъ изъ крупнѣйшихъ центровъ итальянскаго просвѣщенія. Всѣ новыя умственныя движенія отражались и скрещивались въ этой резиденціи науки и искусства. И мѣсто, и время были именно таковы, чтобы поставить человѣка въ водоворотъ живого умственнаго движенія и ознакомить его со всѣми результатами новаго развитія. Въ этой духовной атмосферѣ было естественно воспринять пессимистическія убѣжденія вѣка.

Время, въ которое жилъ Макіавелли, было знаменательно и въ другомъ отношеніи. Какъ разъ въ эту эпоху Италія, и безъ того слабая и несчастная, должна была подвергнуться новымъ бѣдствіямъ. Нашествіе французовъ и войны, которыми оно сопровождалось, внесли новое замѣшательство въ жизнь страны. Политическіе перевороты, и ранѣе истощавшіе Италію, становятся въ это время обычнымъ явленіемъ. Макіавелли самому пришлось пережить тягостную смѣну порядковъ въ своемъ родномъ городѣ, ибо Флоренція, на его глазахъ, нѣсколько разъ мѣняла свое политическое устройство, переходя отъ монархіи къ теократіи, отъ теократіи къ республикѣ и затѣмъ вновь къ монархіи. Та необезпеченность политическаго положенія, о которой мы говорили выше, какъ о причинѣ пессимистическаго настроенія въ итальянскомъ обществѣ, въ это время должна была сдѣлаться особенно ощутительной.

Но Макіавелли не былъ способенъ отдаться всецѣло пессимистическому настроенію. Онъ воспринялъ пессимистическіе взгляды на міръ и на человѣка, скорѣе въ видѣ готовыхъ результатовъ

*) См. «Образованіе» № 1, 1898 г.

Digitized by Google

предшествующаго развитія, чѣмъ въ качествѣ продуктовъ собственныхъ мучительныхъ сомнѣній. По свойствамъ своей натуры, онъ былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы безраздѣльно подчиниться унынію, чтобы сложить безпомощно руки. Онъ былъ склоненъ относиться къ жизни легко, беря изъ нея то, что можно. А та дѣятельность, которой онъ посвятилъ свои лучшіе годы, могла лишь способствовать развитію въ немъ потребности къ дѣйствію, къ активному участію въ жизни. Въ теченіе четырнадцати лѣтъ Макіавелли былъ секретаремъ флорентійскаго Совѣта десяти, который завѣдывалъ многими важными дѣлами внутренняго управленія и всей внѣшней политикой. Онъ долженъ былъ вести сложную переписку этого учрежденія и время отъ времени отправляться къ различнымъ дворамъ съ дипломатическими порученіями. Такимъ образомъ, съ молодыхъ лѣтъ онъ сроднился съ политикой, которая стала для него необходимой жизненной стихіей. Но немногіе виды дѣятельности способны отвлекать человѣка отъ внутренней жизни и отъ тягостнаго самоуглубленія въ такой мѣрѣ, какъ политика, съ ея постоянными заботами, съ ея живой смѣной вопросовъ и интересовъ. Въ этой области постояннаго дѣйствія Макіавелли развилъ въ себѣ тѣ практическія склонности, которыя его въ такой мѣрѣ отличаютъ.

Дѣятельность Макіавелли была важна для него и въ томъ отношеніи, что, ставя его въ самую сутолоку политической жизни, она заставляла его привыкать къ темнымъ путямъ и средствамъ дипломатическаго искусства. Смутная эпоха постоянныхъ войнъ и обостренной вражды, шаткость общественныхъ устоевъ и вѣчное осадное положеніе, въ которомъ находились тогда правители и народы, все это сообщало политикѣ того времени характеръ боязливой самоохраны, которая, не всегда будучи въ состояніи дѣйствовать открытой силой, прибѣгала часто къ мелкимъ ухищреніямъ затаеннаго коварства. Обманы и клятвопреступленія, вѣроломство и насиліе—таковы были обычные пріемы политиковъ этого времени. Что могъ Макіавелли вынести изъ этой школы, какъ не тотъ нравственный индифферентизмъ, который такъ поражаетъ насъ въ его сочиненіяхъ?

Конечно, онъ черпалъ для себя поученія не только изъ жизни. Онъ много читалъ, по преимуществу древнихъ классиковъ. Но характеръ его чтенія соотвѣтствовалъ его вкусамъ и наклонностямъ. Политикъ прежде всего, Макіавелли увлекается главнымъ образомъ политическими опытами древности. Его плѣняетъ Титъ Ливій; онъ преклоняется предъ древнимъ Римомъ, предъ его государственнымъ величіемъ. Идеалъ могущественнаго и крѣпкаго государства вотъ что вынесъ Макіавелли изъ этихъ чтеній. Въ примѣрахъ римлянъ онъ нашелъ только подтвержденіе итальянскому взгляду на политику, какъ на область, въ которой все позволено, если рѣчь идетъ о государственной цѣли.

Я перечислилъ здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ основные моменты въ развитіи Макіавелли. Не можетъ быть никакого со-

Digitized by Google

мнѣнія въ томъ, что взгляды его, какъ на этомъ уже давно настаиваютъ, сложились въ связи съ условіями его времени и отразили на себѣ духъ окружавшей его среды. Говорить теперь о томъ, что Макіавеллизмъ существовалъ до Макіавелли, значитъ повторять избитую истину, которая не нуждается болѣе въ разъясненіи. Гораздо интереснѣе обратить вниманіе на тѣ философскія основы, которыя являются послѣдними пунктами его практическихъ выводовъ.

Мы не будемъ утверждать, чтобы у Макіавелли было цѣльное и выработанное философское міросозерцаніе. Однако, несомнѣнно, что у него были совершенно опредѣленные взгляды на міръ и на человѣка и что съ точки зрѣнія этихъ взглядовъ онъ смотрѣлъ на человѣческую жизнь и на общественныя отношенія. Событія времени и впечатлѣнія среды отразились въ его умѣ въ видѣ нѣкоторыхъ общихъ положеній, чрезъ призму которыхъ онъ привыкъ совершать все человѣческое существованіе. Пессимистическій характеръ этихъ положеній и даетъ намъ право характеризовать всю его систему, какъ «политическую доктрину пессимизма».

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не изъ этихъ пессимистическихъ посылокъ объясняется весь строй политики Макіавелли,—ея узко-практическое направленіе, ея низменныя правила, ея пренебреженіе къ нравственнымъ началамъ? Развѣ не здѣсь слѣдуетъ видѣть послѣднее основаніе всѣхъ его частныхъ выводовъ и совѣтовъ?

Два взгляда Макіавелли кажутся мнѣ въ данномъ случаѣ особенно важными: его представленіе о характерѣ историческаго развитія и его мнѣніе о человѣческой природѣ.

Подъ вліяніемъ ли античныхъ воззрѣній или подъ впечатлѣніемъ шаткости общественныхъ связей, которую ему пришлось наблюдать въ дѣйствительности, у Макіавелли укоренилась увѣренность въ измѣнчивости всего земного, въ непрочности всякихъ человѣческихъ начинаній. Онъ думаетъ, подобно многимъ пессимистамъ, что человѣчество не двигается впередъ: совершивъ извѣстное развитіе, люди вновь возвращаются къ первоначальной точкѣ исхода. Какой-то печальный фатумъ тяготѣетъ надъ человѣческой исторіей, и нѣтъ у человѣка твердой увѣренности въ будущемъ. Для того чтобы быть животворнымъ и здоровымъ началомъ дѣятельности, мысль должна имѣть извѣстный полетъ, уносящій ее въ отдаленное будущее и возвышающій надъ мелкими соображеніями дѣйствительности. Она должна имѣть предъ собою свѣтлыя перспективы и отдаленные горизонты. А у Макіавелли нѣтъ этихъ горизонтовъ и перспективъ. Вслѣдствіе этого, вся его политика отличается ограниченностью взгляда и отсутствіемъ возвышенныхъ стремленій. Она получаетъ характеръ узко-практической программы, расчитанной на временный успѣхъ среди быстро-текущихъ и легко-измѣняющихся обстоятельствъ жизни. «Будущее для нея закрыто»,—скажемъ словами одного изъ современныхъ политиковъ идеалистовъ,—«а въ будущемъ лежитъ вся надежда человѣка, какъ практическаго дѣятеля на землѣ».

Digitized by Google

Не менѣе важнымъ моментомъ, опредѣляющимъ практическіе взгляды Макіавелли, является его пессимистическое воззрѣніе на человѣческую природу. Политика насилія и вѣроломства, которую онъ защищаетъ, вся построена на предположеніи, что люди болѣе предрасположены ко злу, чѣмъ къ добру, что предоставленные самимъ себѣ они склонны предаваться своимъ дурнымъ наклонностямъ. Только необходимость заставляетъ ихъ идти по пути добра только государственный мечъ способенъ обуздать ихъ природный; эгоизмъ и водворить между ними порядокъ и миръ. Среди людей, такъ созданныхъ, правитель и самъ не можетъ всегда оставаться добродѣтельнымъ. Онъ не можетъ дѣйствовать при помощи однихъ законныхъ средствъ. Для того чтобы не попасть въ западню, онъ долженъ усвоить себѣ пріемы звѣря: онъ долженъ быть сильнымъ, какъ левъ, и хитрымъ, какъ лисица. Вынужденный считаться съ людскими кознями, онъ самъ долженъ быть коварнымъ и злымъ, если это требуется обстоятельствами. Когда Макіавелли хочетъ оправдать свои совѣты, онъ замѣчаетъ: было бы не хорошо держаться этихъ правилъ, если бы всѣ люди были добродѣтельны; но такъ какъ они злы и не исполняютъ своихъ обязательствъ, почему слѣдуетъ быть честнымъ въ отношеніи къ нимъ. Недовѣріе къ людямъ является, очевидно, тѣмъ основнымъ мотивомъ, который диктуетъ Макіавелли его правила. Отсюда эта система подозрительности и коварства, отсюда этотъ взглядъ на государство, какъ на суровый режимъ принудительнаго воспитанія, неослабно бдящаго надъ человѣческими пороками и страстями.

Въ связи съ этимъ стоитъ, наконецъ, и столь характерное для Макіавелли невѣріе въ силу добра и въ значеніе нравственныхъ средствъ. Ему остается совершенно чуждой мысль, что временная неудача праваго дѣла можетъ смѣниться его конечнымъ торжествомъ, что нравственный образъ дѣйствій и въ области политической имѣетъ способность одерживать побѣды силою внутренняго своего превосходства. Есть въ сочиненіи Макіавелли «Князь» одно мѣсто, въ которомъ узко-практическіе и не въ мѣру трезвые взгляды писателя сказываются съ особой ясностью, какъ-бы выраженные въ краткой формулѣ. Онъ говоритъ здѣсь о необходимости для политики, не вдаваясь въ пустыя разсужденія о должномъ, сообразовать свои правила съ дѣйствительностью. «Между тѣмъ, какъ люди живутъ, и тѣмъ, какъ они должны жить, существуетъ столь большая разница, что изучая должное скорѣе можно научиться тому, какъ погубить себя, чѣмъ какъ себя сохранить». При извѣстномъ уже намъ взглядѣ Макіавелли на дѣйствительность, это желаніе согласоваться исключительно съ ея указаніями означаетъ ни что иное, какъ стремленіе принимать во вниманіе одни пороки людей и поступать такъ, какъ будто бы нравственныхъ требованій для политики вовсе не существовало.

Система правилъ, продиктованныхъ всѣми этими пессимисти-

Digitized by Google

ческими и узко-практическими воззрѣніями, слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы намъ надо было ее воспроизводить во всѣхъ подробностяхъ. Вопреки всѣмъ попыткамъ реабилитировать память Макіавелли, за нимъ прочно установилась репутація писателя, давшаго намъ классическій образецъ отдѣленія политики отъ нравственности. И сколько бы ни приводили отдѣльныхъ мѣстъ изъ его трактатовъ, представляющихъ частныя отступленія отъ общаго взгляда, они не способны разрушить того общаго впечатлѣнія, которое читатель выноситъ изъ его произведеній. У Макіавелли дѣйствительно встрѣчаются иногда отзвуки иныхъ воззрѣній. Чувство человѣчности заставляетъ его порою усумниться въ томъ, чтобы легко было идти по тому пути жестокостей и насилій, на который, по его мнѣнію, осужденъ политическій дѣятель. Но эти сомнѣнія нисколько не измѣняютъ, а скорѣе подчеркиваютъ общій характеръ его политической программы, въ которой онъ такъ рѣшительно вскрываетъ предъ нами слѣпыя стихіи политической жизни, не покоренныя силой нравственнаго прогресса.

Я долженъ, однако, сдѣлать здѣсь одну необходимую оговорку. Въ старыхъ характеристикахъ Макіавелли онъ изображался обыкновенно, какъ мелкій льстецъ и низкій интриганъ, который преслѣдовалъ въ своемъ трактатѣ «Князь» единственную цѣль—угодничество тиранамъ. Не будемъ повторять этихъ тривіальныхъ обвиненій. Высокихъ нравственныхъ стремленій у Макіавелли, конечно, не было; но говорить, что интрига и лесть исчерпываютъ содержаніе его книги, совершенно ошибочно. Для того, кто внимательно прочтетъ его трактатъ, не можетъ остаться незамѣченнымъ, что, высказывая свои совѣты, онъ имѣетъ въ виду не столько правителей, сколько самыя государства. Онъ съ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ тиранахъ, которые болѣе грабятъ своихъ подданныхъ чѣмъ управляютъ ими. Онъ всегда ставитъ на первомъ мѣстѣ мощь и силу самого государственнаго союза, а не мелкіе интересы его случайныхъ правителей. Наконецъ, можно ли забывать, что Макіавелли—патріотъ, который скорбитъ о порабощеніи своего отечества и жаждетъ освобожденія его отъ власти иноземцевъ? Въ концѣ своего трактата онъ возвышается даже до несвойственнаго ему воодушевленія, когда онъ высказываетъ свое завѣтное желаніе о возстановленіи мира въ Италіи. Мы невольно смягчаемся въ своемъ сужденіи объ авторѣ, когда читаемъ, съ какимъ искреннимъ энтузіазмомъ онъ зоветъ будущаго обновителя Италіи къ реформамъ, которыя требовались жизнью, зоветъ его прекратить грабежи и убійства въ Ломбардіи, установить порядокъ въ Неаполѣ и Тосканѣ, залѣчить застарѣлыя раны Италіи и спасти ее, почти умирающую, отъ неистовства варваровъ. Это патріотическое одушевленіе служитъ извѣстнымъ оправданіемъ Макіавелли. Но все-же къ своей патріотической цѣли онъ хочетъ идти чрезъ обманы и злодѣянія, чрезъ насиліе и коварство. Пессимистическая точка зрѣнія на-

Digitized by Google

лагаетъ соотвѣтствующій колоритъ и на его патріотическія стремленія.

Любопытно отмѣтить, что даже тамъ, гдѣ Макіавелли изображаетъ свой политическій идеалъ, онъ остается все тѣмъ же коварнымъ дипломатомъ, который считаетъ всѣ средства дозволенными, если рѣчь идетъ о государственной цѣли. Надо ли и теперь еще пояснять, въ опроверженіе стараго предразсудка, что идеалъ Макіавелли не монархія, а республика? Для Италіи, разъединенной и слабой, онъ считалъ монархическую власть единственнымъ спасеніемъ; но для тѣхъ народовъ, которымъ суждены лучшія времена и лучшія судьбы, онъ находитъ болѣе желательной республику. Въ сочиненіи своемъ «Разсужденія о Титѣ Ливіи» онъ даетъ конкретный примѣръ дѣйствія республиканскихъ формъ, рисуя предъ читателемъ величіе древняго Рима.

Преданія античнаго міра и традиціи свободной Флоренціи, таковы были элементы, изъ которыхъ сложились республиканскія симпатія Макіавелли. Государственная мудрость римлянъ, предъ которой онъ всецѣло преклоняется, служитъ для него тѣмъ достойнымъ подражанія образцомъ, который онъ хочетъ запечатлѣть въ памяти потомства. По свойству темы, Макіавелли стремится изобразить предъ нами болѣе нормальную и здоровую политическую жизнь. Но и здѣсь надъ всѣмъ изложеніемъ господствуетъ идея сильнаго государства, умѣющаго властно оберегать свое существованіе. Самыя республиканскія формы Макіавелли цѣнитъ по преимуществу съ этой точки зрѣнія. И здѣсь онъ не забываетъ упомянуть, что если дѣло идетъ о спасеніи государства, нечего думать, справедливъ или несправедливъ, кротокъ или жестокъ, похваленъ или позоренъ извѣстный образъ дѣйствій; но надо, отбросивъ въ сторону всякія колебанія, схватиться за тѣ средства, которыя могутъ быть полезными въ данномъ случаѣ. Макіавелли считаетъ это необходимымъ и для республикъ; онъ хвалитъ римлянъ именно за то, что они избѣгали полумѣръ. Излагая различные пріемы, при помощи которыхъ римляне охраняли свое государственное могущество, онъ остается все тѣмъ же практическимъ политикомъ, который обсуждаетъ всѣ мѣры исключительно съ точки зрѣнія поставленной цѣли. Картины древняго Рима какъ бы смягчаютъ въ извѣстной степени свойственный ему мрачный взглядъ на жизнь, но не устраняютъ этого взгляда совершенно. Увлекаясь античными образами, онъ готовъ порою вѣрить, что люди могутъ быть и лучше и счастливѣе. Но онъ не можетъ отрѣшиться отъ скорбныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ итальянской дѣятельности, и перейти къ иной системѣ понятій, менѣе проникнутой духомъ пессимистическаго недовѣрія къ людямъ и сознаніемъ непрочности всего существующаго. Чуждый понятій о постепенномъ совершенствованіи учрежденій и быта, онъ считаетъ общимъ правиломъ политическаго искусства неизмѣнную вѣрность первоначальнымъ принципамъ установленныхъ формъ. Не полагаясь на силу развивающихся отно-

Digitized by Google

шеній и на значеніе свободнаго движенія историческихъ элементовъ, онъ утверждаетъ всю свою систему на вѣрѣ въ могущество политическаго искусства; а искусство это, подъ вліяніемъ усвоенныхъ имъ впечатлѣній и взглядовъ, превращается для него въ систему неусыпнаго надзора надъ цѣлостью государственнаго строенія, которое слишкомъ легко разрушается, если ослабѣваетъ властная рука строителей. Говоритъ ли Макіавелли о критическихъ моментахъ въ жизни государства, рисуетъ ли онъ состояніе болѣе идеальное, основная точка зрѣнія просвѣчиваетъ чрезъ всѣ его изображенія. Она пріобрѣтаетъ лишь, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе отчетливое выраженіе. Въ «Разсужденіяхъ о Титѣ Ливіи» она сказывается менѣе рѣзко, въ «Князѣ» она предлагается читателю со всѣмъ цинизмомъ ничѣмъ не сдержанной откровенности.

Въ оправданіе циническихъ совѣтовъ Макіавелли не разъ уже было сказано, что онъ не изобрѣлъ той политической системы, которую окрестили его именемъ, а только списалъ ее съ итальянской дѣйствительности *). Это утвержденіе столь же безспорно, какъ безспорно и то, что безнравственная политика не прекратила своего существованія съ эпохой Возрожденія... И однако, сколько бы ни высказывались подобныя соображенія, они не способны стереть извѣстныхъ темныхъ слѣдовъ съ памяти писателя, котораго имя связалось съ представленіемъ о системѣ политическаго коварства. Никогда въ обществѣ и литературѣ не прекратятся упреки по адресу Макіавелли, и мнѣ кажется, что въ этихъ упрекахъ сказывается вѣрный инстинктъ общественнаго сознанія. Оно можетъ терпѣть вѣроломную политику, какъ терпитъ многія нравственныя прегрѣшенія, оно можетъ иногда мириться съ нею, какъ съ печальной необходимостью критическихъ моментовъ исторіи; но оно всегда будетъ осуждать тѣхъ, кто рѣшится возвести подобную политику въ систему и дать ей санкцію печатнаго слова. Макіавелли не изобрѣлъ безнравственной политики, но онъ попытался обобщить ея правила, и при томъ въ такую эпоху, когда она особенно процвѣтала, когда, въ минуту страха и смятенія, рѣшались на самыя гнусныя средства.

---

*) Макіавелли пытались защищать и съ другихъ точекъ зрѣнія, которыхъ мы не будемъ здѣсь перечислять. Если и теперь появляются такія сочиненія, какъ Tudichum, Promachiavell (Stuttgart 1897), и такія статьи, какъ Greenwood, Machiavelli in Modern Politics (Cosmopolis, August, 1897), то съ другой стороны можно указать и на такія книги, какъ Morley, Machiavelli (London 1897). По поводу послѣднихъ работъ см. любопытное заключеніе Villari, Due Scritti inglesi sul Machiavelli (Nuova Antologia, 16 Ottobre 1897). Признаніе двухъ укладовъ отношеній не мѣшаетъ итальянскому знатоку Макіавелли упрекать столь хорошо изученнаго имъ писателя въ совершенномъ разрывѣ между политикой и нравственностью. «Ed è qui», заключаетъ Виллари вслѣдъ за Морлеемъ: «il mondo lo abbandona, ed ha ragione di abbandonarlo».

Digitized by Google

Пессимизмъ и отчаяніе могутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, явиться обновительными силами общественной жизни, когда они, знаменуя собою паденіе старыхъ формъ и понятій, вмѣстѣ съ тѣмъ подготовляютъ сознаніе къ воспріятію новыхъ началъ и новыхъ идеаловъ. Но когда пессимизмъ разрушаетъ самыя дорогія основы человѣческаго существованія, когда онъ колеблетъ все наше нравственное міросозерцаніе, сознаніе наше съ понятной силой вооружается противъ его разрушительной работы.

И когда мы, утомленные безотрадными перспективами этой системы, ищемъ для себя нравственнаго успокоенія, въ нашей памяти невольно возстаетъ другой писатель и другая система идей. Я имѣю въ виду величайшаго изъ нѣмецкихъ идеалистовъ Канта. Подвергнувъ уничтожающему анализу своей критики человѣческіе взгляды и предразсудки, Кантъ вынесъ изъ этого анализа и изъ этой критики нетронутымъ сознаніе, что нравственность и добро являются для человѣка глубочайшей основой его стремленій и что внутренняя цѣнность ихъ должна быть признана безспорной, помимо всякихъ теоретическихъ доказательствъ и практическихъ соображеній. И въ области политической, которую Макіавелли хотѣлъ освободить отъ дѣйствія моральныхъ законовъ, онъ требовалъ того же нравственнаго духа, тѣхъ же идеальныхъ стремленій. Я говорю въ данномъ случаѣ о Кантѣ, потому что онъ съ классической силой и съ увлекательной искренностью высказалъ основное вѣрованіе идеализма въ неизмѣнное значеніе нравственныхъ началъ.

Пройдутъ вѣка, и система Макіавелли станетъ достояніемъ историческихъ воспоминаній. Продуктъ извѣстнаго времени, она отойдетъ съ этимъ временемъ въ исторію. Но не отойдетъ въ исторію та идея, которая, по самому существу своему, имѣетъ непреходящее значеніе: возвышенное убѣжденіе Канта и близкихъ ему по духу философовъ—идеалистовъ вѣчно будетъ служить человѣчеству свою великую службу.

П. Новгородцевъ.

Въ первой части статьи г. Новгородцева, помѣщенной въ № 1 за 1898 г., редакція проситъ исправить слѣдующія опечатки:

Страница.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
98	1 сверху	развивая	разбивая
100	4 снизу	Бемьо	Бембо
101	17 сверху	осталась	оставалась
101	21 сверху	неспокойнымъ	безпокойнымъ
102	16 снизу	юношески-добрыхъ	юношески-бодрыхъ
104	4 снизу	Всѣ же	Всѣ
104	10 снизу	кажется	ложится

Digitized by Google

Нѣсколько словъ въ защиту Череповской учительской семинаріи *).

(*Письмо въ редакцію*).

Въ № 42 «Недѣли» была помѣщена изъ Череповца корреспонденція подъ названіемъ «Новгородскія Аѳины», въ которой сообщены о мѣстной учительской семинаріи частію искаженныя, а частію прямо-таки завѣдомо-лживыя свѣдѣнія. Объяснить происхожденіе этой корреспонденціи можно только двумя путями: корреспондентъ или врагъ семинаріи или совершенно незнакомъ съ ней. Но написана корреспонденція въ такихъ выраженіяхъ и сообщены въ ней такія нелѣпости, что скорѣе всего можно склониться къ тому, что авторъ ея—врагъ семинаріи. Корреспондентъ говоритъ, что семинарія превратилась *въ какую то земледѣльческую колонію для малолѣтнихъ преступниковъ*. Этимъ грубымъ и вовсе неостроумнымъ сравненіемъ онъ, очевидно, хотѣлъ указать на то, что семинарія изъ учебно-воспитательнаго заведенія сдѣлалась сельскохозяйственнымъ. Но это безусловно несправедливо, такъ какъ семинарія связана извѣстными программами, которыя необходимо пройти въ опредѣленное количество времени. Что во главѣ семинаріи стоитъ поклонникъ профессіональныхъ знаній (скажемъ по пути, не мало сдѣлавшій для восточной части губерніи), человѣкъ, съ которымъ, быть можетъ, не всегда можно соглашаться,—это вѣрно, но онъ профессіональныя знанія въ курсѣ семинаріи никогда не ставилъ выше другихъ предметовъ, на первое мѣсто, да и не могъ этого сдѣлать по той простой причинѣ, что онъ, какъ чиновникъ, безусловно подчиняется извѣстнымъ инструкціямъ. Кромѣ всего этого, надъ семинаріей есть контроль отъ министерства народнаго просвѣщенія, который никогда не допуститъ сдѣлать какихъ бы то ни было уклоненій отъ буквы закона, тѣмъ болѣе самовольныхъ измѣненій курса.—Что работаютъ воспитанники въ саду и огородѣ,—это вѣрно, но употребляютъ на это вовсе не «огромную часть времени», а по 2, иногда

Digitized by Google

по 3 часа и то не ежедневно *). Осенью работы продолжаются до 10—15 октября, а начинаются иногда въ первыхъ, иногда въ среднихъ числахъ марта и до окончанія экзаменовъ. Третій классъ весной почти совсѣмъ не работаетъ, такъ какъ ему требуется много времени для подготовки къ выпускнымъ экзаменамъ. Второй же и первый классы, не держащіе переходныхъ экзаменовъ, но остающіеся до акта, въ концѣ апрѣля и въ маѣ дѣйствительно работаютъ по 6—8 час. въ день, но за то, вѣдь, въ это время и занятій нѣтъ никакихъ. Подъ большимъ сомнѣніемъ находится то, что воспитанники почти цѣлый мѣсяцъ свободнаго времени употребятъ съ пользой, а не на шлифовку городскихъ мостовыхъ. Не надо забывать, что череповская учительская семинарія самая бѣдная изъ всѣхъ русскихъ учительскихъ семинарій. И до сихъ поръ семинарскій врачъ и учитель рисованія, черченія и чистописанія содержатся на средства, вырученныя отъ огорода, который ведется воспитанниками; на эти же средства пріобрѣтается и часть учебниковъ. Всѣ воспитанники семинаріи, числомъ болѣе 70-ти съ огорода получаютъ столько овощей, что ихъ хватаетъ на всю зиму, а это безусловно оказываетъ большую помощь тѣмъ изъ нихъ, кто получаетъ стипендію въ 5 р.—7 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Неужели все это можно порицать и называть «неумѣстнымъ».—Въ корреспонденціи говорится, что, благодаря сельскохозяйственнымъ занятіямъ, за послѣднее время семинарская библіотека почти совсѣмъ не открывается, а потому и воспитанники, дескать, ничего не читаютъ. Откуда такія свѣдѣнія взяты—является совершенно непонятнымъ. Какъ разъ наоборотъ — теперь-то и открывается библіотека, при теперешнемъ-то директорѣ и читаются книги; библіотека для выдачи книгъ открывается ежедневно и никогда не менѣе пяти дней въ недѣлю, открывается до уроковъ, во время всѣхъ перемѣнъ и послѣ уроковъ; наставникъ русскаго языка требуетъ не только знать извѣстныхъ авторовъ, но поощряетъ пріобрѣтеніе ихъ какъ собственность. И мнѣ извѣстно, что въ настоящемъ году семинарія для пріобрѣтенія въ собственность воспитанниковъ выписала 60 экз. «Нивы» за 1898 г.**), 50 экз. Пушкина, 50 экз. Лермонтова и пр. Все это достаточно убѣдительно говоритъ само за себя и въ поясненіяхъ не нуждается.

Далѣе авторъ говоритъ, что «ежегодно при семинаріи оставляется по 5—6 чел. изъ числа невыдержавшихъ экзаменъ, которые и поселяются частью при директорской кухнѣ, частью въ семинарскомъ сараѣ-мастерской; кромѣ полевыхъ работъ (?), эти молодцы несутъ обязанности сторожа при семинаріи, посыльнаго, поломойки, истопника и пр. И безъ того забитыя крестьянскія дѣти здѣсь еще пріучаются прислуживать. Приспособившись къ

*) Во время этихъ работъ воспитанники совсѣмъ не занимаются въ мастерскихъ, слѣдовательно, въ счетъ указанныхъ 2—3 ч. идетъ также и время, опредѣленное программами для ремеслъ.

**) «Нива» выписана изъ за Тургенева.

Digitized by Google

требованіямъ начальства, эти питомцы семинарской кухни съ грѣхомъ пополамъ переходятъ во второй классъ»... И дальше: «Спрашивается, что за учителя должны выйти изъ этихъ «кухонныхъ выводковъ» (это ужъ, надо полагать, верхъ остроумія). И удивительно-ли, что уровень нашихъ учителей значительно понизился?..» Боже! Какъ все это нуждается въ доказательствахъ, фактахъ! Какъ тутъ много грубой и глубоко оскорбительной неправды. На всѣ эти абсурды даже отвѣчать не хочется, не хочется все это называть своимъ настоящимъ именемъ. Прежде всего—въ семинарію никогда и ни подъ какимъ видомъ не принимались невыдержавшіе экзамена,—напротивъ: ежегодно приходится отказывать даже выдержавшимъ экзаменъ. И дѣйствительно, сколько искреннихъ неподдѣльныхъ слезъ вызываетъ послѣднее обстоятельство у непринятыхъ; я не разъ былъ свидѣтелемъ тому, какъ послѣдніе валялись въ ногахъ у директора семинаріи, умоляя принять ихъ сверхъ комплекта; какъ цѣлыми днями стояли они у дома директора, заплаканные, убитые; какъ не давали они проходу директору, умоляя его все объ одномъ и томъ-же. Самая горькая необходимость, конечно, заставляетъ этихъ юношей такъ унижать себя: по моимъ справкамъ оказалось, что большинство такихъ были круглыя сироты, полусироты или такіе, у которыхъ родители не имѣютъ «ни кола, ни двора, ни милого живота». И сердце—не камень: директоръ принимаетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (однако, еще разъ повторяю, выдержавшихъ экзаменъ) сверхъ комплекта и поселяетъ въ чистой, свѣтлой, сухой и теплой мастерской *). Эти воспитанники, по моему мнѣнію, составляютъ красу семинаріи: она ухитряется содержать ихъ, не давая имъ стипендіи, на что нужно имѣть весьма отзывчивое сердце и любящую душу. Въ обязанностяхъ истопника и посыльнаго безусловно нѣтъ ничего унизительнаго (обязанностей сторожа и поломойки они не несутъ, такъ какъ при семинаріи имѣются два сторожа и поломойка) для этихъ воспитанниковъ, къ тому-же они всегда видятъ и самого директора, который никогда не брезгуетъ никакой черной работой: первый берется за заступъ, за навозныя вилы, а также не откажется и печь затопить и т. д. Скажу болѣе—живущіе при семинаріи воспитанники поставлены даже въ лучшія условія въ сравненіи съ прочими воспитанниками: въ ихъ распоряженіи находятся четыре классныхъ комнаты съ пособіями, а питаніе почти совершенно одинаково у всѣхъ воспитанниковъ. И нужно только быть благодарнымъ служебному персоналу семинаріи за то, что онъ беретъ на себя лишній трудъ, заботу и отвѣтственность за этихъ воспитанниковъ. Для наставниковъ означенные воспитанники въ сущности бремя (взять хотя бы и то, что заниматься приходится въ I кл. при открытыхъ дверяхъ), которымъ они, однако, не тяготятся и дружно и терпѣливо несутъ его на своихъ

*) Директорскую кухню оставляю за авторомъ, такъ какъ подобную выдумку и опровергать не стоитъ.

Digitized by Google

плечахъ, сознавая, что этимъ они дѣлаютъ доброе дѣло. При нынѣшней скудости въ сельскихъ учителяхъ лишніе 5—6 чел.— кладъ, за который нужно быть очень благодарнымъ тѣмъ, кто съумѣлъ его пріобрѣсти.

Остается еще упомянуть объ общемъ уровнѣ развитія послѣднихъ выпусковъ: нѣкоторыми изъ своихъ послѣднихъ выпусковъ семинарія можетъ смѣло гордиться. Въ канцелярію директора семинаріи круглый годъ съ разныхъ концовъ Россіи поступаютъ просьбы дать учителей. И мнѣ хорошо извѣстно, что учрежденія, въ которыя поступили учителями воспитанники череповской учительской семинаріи, еще никогда не разочаровывались въ своихъ ожиданіяхъ. Уже по два года подъ рядъ въ с.-петербургскомъ учительскомъ институтѣ $^{5}/_{11}$ всего количества казенныхъ стипендій занимаютъ воспитанники все той-же семинаріи. А на вступительный экзаменъ въ с.-петербургскомъ учительскомъ институтѣ съѣзжаются окончившіе изъ числа лучшихъ почти во всѣхъ семинаріяхъ Россіи. Что-же касается пониженія уровня учителей въ черепов. у. за послѣднее время, то этотъ самый «уровень» понизился во всей Россіи, о чемъ корреспондентъ, очевидно, и не слыхивалъ. А о причинахъ этого явленія здѣсь говорить не приходится, такъ какъ онѣ вызваны не какими-нибудь мѣстными условіями или случайностями, а общимъ ходомъ руской культуры послѣднихъ лѣтъ.

Корреспонденція о черепов. учит. сем. почему-то пришлась по сердцу многимъ газетамъ: она была въ извлеченіяхъ перепечатана въ «Нов. Вр.», «Русск. Вѣд.», «Сынѣ От.» и др., конечно, съ соотвѣтствующими редакціонными добавленіями. Въ виду ложнаго содержанія названной корреспонденціи, я покорнѣйше прошу газеты, перепечатавшія означенную корреспонденцію, перепечатать хотя-бы часть и настоящей: этого требуетъ справедливость. Несправедливо брошенная грязь въ весьма почтенное и полезное учрежденіе должна быть непремѣнно смыта только изъ-за одного того, чтобы не дать лишній разъ поликовать всякимъ любителямъ потемокъ и врагамъ родного просвѣщенія.

К. Левинъ.

б. воспитанникъ семинаріи.

Digitized by Google

На Западѣ.

Интеллигентный пролетаріатъ во Франціи.

Французскіе университеты гордятся постоянно возрастающимъ количествомъ слушателей и постоянно заботятся объ увеличеніи этого количества; въ этомъ отношеніи между французскими и германскими университетами, можно сказать, даже установился своего рода спортъ,—кто кого перегонитъ въ статистикѣ высшаго образованія. Авторы новѣйшихъ сочиненій объ университетскомъ образованіи во Франціи, гг. Лависсъ и Ліаръ, принимавшіе непосредственное участіе въ заботахъ правительства о развитіи университетовъ, съ восторгомъ говорятъ о блестящихъ результатахъ этихъ заботъ и привѣтствуютъ толпу юношей, осаждающихъ аудиторіи и лабораторіи, какъ піонеровъ просвѣтительнаго движенія, какъ крестоносцевъ науки, которымъ суждено возродить Францію. Между тѣмъ, съ другой стороны слышится и глухой ропотъ людей, разочарованныхъ университетами и жалующихся на то, что полученное ими образованіе приводитъ ихъ только въ ряды вѣчно голоднаго и вѣчно недовольнаго «интеллигентнаго пролетаріата». Другими словами, существуетъ мнѣніе что во Франціи уже замѣчается «перепроизводство» умственныхъ силъ, которыя не находятъ себѣ практическаго приложенія въ современномъ обществѣ и при нынѣшнихъ условіяхъ французской жизни. Это внутреннее противорѣчіе побудило извѣстнаго писателя *Анри Беранже* предпринять изслѣдованіе современнаго положенія «мыслящаго пролетаріата» во Франціи. Интересные результаты этого изслѣдованія изложены въ статьѣ напечатанной въ послѣдней книжкѣ «Revue des Revues».

До послѣдняго времени слово *пролетаріатъ* примѣнялось исключительно къ рабочимъ, живущимъ трудами рукъ своихъ; пролетаріемъ называли человѣка, не имѣющаго другихъ средствъ къ существованію, кромѣ скуднаго заработка и при утратѣ послѣдняго, въ случаѣ болѣзни, отказа отъ работы или какой-нибудь другой несчастной случайности оказывающагося нищимъ. Въ теченіе долгаго времени единственными представителями пролетаріата считались фабричные рабочіе, мелкіе торговцы или фермеры; въ такъ называемыхъ «либеральныхъ» профессіяхъ это явленіе

Digitized by Google

было совершенно неизвѣстно: тамъ знали «богему», «отщепенцевъ» (réfractaires), «изгоевъ» (déclassés), но не знали настоящаго пролетаріата.

Студенты, ничему не учащіеся; молодые люди, забавляющіеся съ гризетками; беззаботные ребята, проживающіе въ три дня то, что имъ дается на мѣсяцъ, и перебивающіеся въ остальное время чѣмъ попало; недалекіе юноши, которымъ кажется забавнымъ жить наизнанку и обращать свою молодость въ веселый фарсъ; лѣнтяи безъ способностей и безъ воли, которымъ отцы оставили средства для бездѣлья; разнаго рода забавныя посредственности, которыя обратятся современемъ въ очень посредственныхъ серьезныхъ людей,—вотъ типы «богемы», воспѣтой нѣкогда Мюрже и теперь уже совершенно исчезнувшей изъ жизни. Впрочемъ, сомнительно, чтобы такая богема и вообще когда-нибудь существовала.

«Люди, поклявшіеся быть свободными; люди, которые, вмѣсто того чтобы занять мѣсто въ обществѣ, предпочли остаться одинокими, въ разсчетѣ на свой талантъ и смѣлость, считая себя способными достигнуть всего сразу, единственно силою своей воли; люди, которые, сгорая честолюбіемъ, не удостоили смѣшаться съ толпой и взять свой билетъ въ житейской лоттереѣ и, вмѣсто того, чтобы идти по большой дорогѣ, пошли прямикомъ черезъ кусты и поля»,—такъ опредѣляетъ Жюль Валлесъ «отщепенцевъ».

Люди богатые, независимые, просвѣщенные, которые, вслѣдствіе своей лѣности, пороковъ или преступленій, спускаются со ступеньки на ступеньку, отъ достатка—къ нищетѣ, отъ свободы—къ рабству, и мало-помалу доходятъ до самой преисподней общественнаго ада; люди, падающіе въ грязь иногда даже изъ пурпура и золота, въ которомъ они рождены; вѣчные отбросы всѣхъ аристократій и буржуазій; неисправимые подонки общества, которыхъ неудержимо влечетъ внизъ словно какая-то роковая сила; милліонеры, обращающіеся въ нищихъ, нотаріусы, кончающіе каторгой, профессора, дѣлающіеся тряпичниками, домовладѣльцы, нанимающіеся мести улицы,—вотъ «изгои», которыхъ такъ ярко и реально изображали Бальзакъ и Диккенсъ.

Но «богема», «отщепенцы», «изгои»—все это еще буржуа, хотя они и стоятъ на границѣ буржуазіи, которая отъ нихъ отворачивается и не признаетъ ихъ своими: какая-нибудь случайность можетъ опять возвратить имъ прежнее общественное положеніе, точно такъ же, какъ случайность сдѣлала ихъ нищими. Между тѣмъ, есть другой классъ людей, которые родились въ бѣдности,—дѣти крестьянъ, рабочихъ, мелкихъ чиновниковъ,—люди вполнѣ порядочные, трудолюбивые, которые цѣною труда и лишеній пріобрѣли знанія и университетскія степени, желаютъ и имѣютъ право занять въ обществѣ соотвѣтствующее положеніе, они—не лѣнтяи, не тунеядцы, не пьяницы; они хотятъ и умѣютъ работать, а между тѣмъ, умираютъ съ голоду. Вотъ эти то люди и составляютъ «мыслящій пролетаріатъ». Они искали въ образованіи средствъ къ жизни, но оказалось, что образованіе ихъ не кормитъ; они хотѣли посвятить себя свя-

Digitized by Google

бодным профессіямъ, а вмѣсто того сдѣлались рабами самаго жалкаго ремесла. Получивъ университетскія степени, эти сыновья пролетаріевъ остались такими же пролетаріями, какъ и ихъ отцы,—крестьяне, рабочіе и мелкіе чиновники, съ тою только разницею, что разсчитывая сдѣлаться свободными людьми, они чувствуютъ себя рабами...

Этотъ «пролетаріатъ свободныхъ профессій» растетъ съ каждымъ годомъ повсюду въ Европѣ и особенно рѣзко выдѣляется во Франціи. Авторъ изслѣдованія распредѣляетъ его по различнымъ профессіямъ и по каждой изъ нихъ даетъ особую характеристику и етатистическія свѣдѣнія.

На первомъ мѣстѣ поставлены *врачи*. Во Франціи насчитывается 12—13 тысячъ врачей,—около 2500 въ Парижѣ и болѣе 10000 въ провинціи. Изъ числа парижскихъ врачей 5 или 6 человѣкъ заработываютъ отъ 200 до 300 тысячъ франковъ въ годъ; человѣкъ 10—15 имѣютъ отъ 100 до 150 тысячъ; около ста человѣкъ—отъ 40 до 60 тысячъ, около 300—отъ 15 до 30, около 800—отъ 8 до 15, а остальные 1200 человѣкъ получаютъ въ годъ менѣе восьми тысячъ франковъ или 3000 р. На такіе доходы жить безбѣдно въ Парижѣ немыслимо, и если эти 1200 врачей принуждены довольствоваться однимъ только личнымъ заработкомъ, то они, несомнѣнно, принадлежатъ къ числу пролетаріевъ. Иные изъ нихъ пристроиваются на посылки къ медицинскимъ свѣтиламъ, другіе входятъ въ сдѣлки съ аптекарями, помогая имъ распространять какія-нибудь сомнительныя патентованныя средства, третьи пользуются своей профессіей для того, чтобы оказывать иным людямъ не совсѣмъ чистыя услуги, четвертые становятся особаго рода спеціалистами по секретнымъ болѣзнямъ,—спеціалистами, которыхъ въ Парижѣ зовутъ «туалетными», потому что ихъ адреса обыкновенно украшаютъ стѣны уличныхъ «туалетныхъ кабинетовъ»... Врачи этой послѣдней категоріи нерѣдко буквально умираютъ съ голоду: авторъ приводитъ примѣръ врача, который заработывалъ всего 100 франковъ въ мѣсяцъ. «Нечего удивляться, говоритъ онъ, если вы встрѣтите такого доктора ночующимъ въ ночлежномъ домѣ»...

Въ провинціи доходы половины всего числа врачей навѣрное ниже ихъ потребностей; но тамъ бѣдные врачи не обращаются въ пролетаріевъ: инквизиторскіе провинціальные нравы не даютъ имъ возможности заниматься подозрительными профессіями. Большею частью, они стараются «пристроиться» путемъ выгоднаго брака и, смотря по размѣрамъ полученнаго приданаго, дѣлаются помѣщиками, промышленниками или рантье. Другіе бросаются въ политику и иногда попадаютъ даже въ палату (въ общемъ числѣ нынѣшнихъ депутатовъ насчитывается до 80-ти врачей). Французскіе университеты выпускаютъ до 1200 докторовъ медицины въ годъ. Считая среднюю продолжительность дѣятельности врача въ 20—25 лѣтъ, Бераніе приходитъ къ заключенію, что каждый годъ остается вакантными только 600—700 мѣстъ и что, слѣдовательно, перепроизводство врачей достигаетъ 100%.

Digitized by Google

За врачами слѣдуютъ адвокаты и чины судебнаго вѣдомства. Въ Парижѣ на 3000 адвокатовъ не найдется и двухсотъ, которые имѣли бы болѣе 10 тыс. франковъ дохода. Такое же отношеніе существуетъ—приблизительно—и въ провинціи. Судя по приведеннымъ цифрамъ, можно было бы подумать, что адвокатская профессія доставляетъ очень большой процентъ интеллигентнаго пролетаріата; на самомъ дѣлѣ, однако, этого нѣтъ, потому что большинство французскихъ адвокатовъ принадлежитъ къ богатому или, по крайней мѣрѣ, зажиточному классу и становится адвокатами не по нуждѣ, а по склонности, почти такъ, какъ люди дѣлаются членами того или другого клуба. Одинъ изъ знаменитыхъ парижскихъ адвокатовъ говорилъ автору изслѣдованія, что бѣдняку совсѣмъ невозможно сдѣлать адвокатскую карьеру, потому что при всемъ своемъ талантѣ онъ въ первыя десять лѣтъ своей дѣятельности не получаетъ ни одного сколько-нибудь выгоднаго дѣла. Такимъ образомъ, адвокатскаго пролетаріата, собственно говоря, во Франціи не существуетъ; но многіе бѣдные молодые люди пріобрѣтаютъ званіе адвокатовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занимаются политикой, газетной работой, репетиторствомъ и существуютъ кое-какъ, переходя отъ плохо оплачиваемыхъ уроковъ къ дешевой защитѣ, къ конференціямъ или газетнымъ статьямъ на злободневныя темы, иногда пріобрѣтаютъ даже извѣстность, но все-таки перебиваются со дня на день и являются настоящими пролетаріями пера и слова.

Изъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства большая часть или имѣетъ собственное состояніе, или женится съ хорошимъ приданымъ, такъ что небольшое жалованье служитъ для нихъ только дополненіемъ къ бюджету. Но настоящими пролетаріями являются мировые судьи: почти всѣ они—магистры или доктора правъ, почти всѣ не имѣютъ ровно ничего и при нищенскомъ жалованьѣ въ 1800—3000 франковъ (675—1125 р.) вѣчно нуждаются, что, конечно, вовсе не соотвѣтствуетъ тому авторитету, какимъ они должны были бы пользоваться по своему положенію.

Не въ лучшемъ положеніи оказываются и дѣятели педагогическаго міра,—учителя и профессора. Молодые люди, избирающіе преподавательскую карьеру, выходятъ, большею частью, изъ народа или изъ рядовъ мелкой буржуазіи и, стало быть, не имѣютъ никакого личнаго состоянія. Въ годы ученія они живутъ стипендіями и уроками, а по окончаніи курса должны заботиться о пріисканіи мѣста, что съ каждымъ годомъ становится все труднѣе и труднѣе. Учитель гимназіи получаетъ 2—3 тысячи франковъ въ годъ (750—1125 р.), профессоръ лицея—отъ 3—5 тысячъ франковъ (1300—1875 р.); если онъ не женатъ, онъ можетъ прожить на такое жалованье; но если онъ женится на дѣвушкѣ безъ приданаго, онъ вѣчно будетъ нуждаться, и ему придется, для пополненія своего скуднаго бюджета, гоняться за уроками, часто въ ущербъ своему здоровью и научнымъ занятіямъ. Во Франціи считается около 1500 учителей гимназій и до 1800 профессоровъ лицеевъ, между которыми большинство имѣетъ докторскія степени. Неслыханный приливъ студентовъ на словесный и научный (физико-ма-

Digitized by Google

тематическій) факультеты, начавшійся съ 1870 года, привелъ къ тому, что въ настоящее время лиценціату или даже магистру уже трудно найти себѣ учительское или профессорское мѣсто и поневолѣ приходится довольствоваться скромнымъ репетиторствомъ, на которое въ прежнія времена они смотрѣли съ презрѣніемъ. Въ лицеяхъ и гимназіяхъ насчитывается до 2600 репетиторовъ, изъ которыхъ 600 или 700 имѣютъ степень лиценціата; въ настоящее время на каждое репетиторское мѣсто является по крайней мѣрѣ десять кандидатовъ. Репетиторское жалованье одинаково съ учительскимъ, т. е. составляетъ 2—3 тыс. фр. въ годъ; но высшій окладъ въ 3 тыс. фр. они получаютъ къ 41-му году, между тѣмъ какъ учителя гимназій достигаютъ того же самаго оклада только къ 46-му году (конечно,—жизни, а не службы); такимъ образомъ, репетиторская должность выгоднѣе учительства; по мнѣнію многихъ, она принадлежитъ къ числу такихъ карьеръ, которыя даютъ возможность жениться; но въ сущности, и эта карьера представляется совершеннымъ пролетаріатомъ.

Университеты выпускаютъ ежегодно сотню магистровъ и тысячу лиценціатовъ для пополненія двухъ или трехъ сотенъ вакансій въ лицеяхъ и гимназіяхъ. Излишекъ, за исключеніемъ самаго ничтожнаго числа людей, не нуждающихся въ пропитаніи, увеличиваетъ собою парижскую армію домашнихъ профессоровъ или учителей, репортеровъ или газетныхъ сотрудниковъ. Домашней профессурой можно заработать иногда тысячъ до пяти франковъ; но это занятіе очень утомительное и подверженное слишкомъ большому риску остаться въ одинъ прекрасный день безъ всякихъ средствъ...

Въ сферѣ начальнаго обученія мы видимъ уже сплошной пролетаріатъ: изъ 150 тысячъ школьныхъ учителей и учительницъ добрыя двѣ трети живутъ, можно сказать, въ совершенной нищетѣ. Помощникъ учителя получаетъ всего 1000 и никакъ не больше 1500 франковъ (375—560 р.), учитель имѣетъ нѣсколько больше,—до 2400 фр. (900 р.)*), но это, въ большинствѣ случаевъ, люди семейные... И, не смотря на это нищенское вознагражденіе, на каждое учительское мѣсто, особенно въ Парижѣ, является чуть не по сотнѣ кандидатовъ! Что же дѣлается съ тѣми, кому не удается выиграть въ этой жалкой лотереѣ?

У насъ, въ Россіи, профессія инженера считается одной изъ самыхъ выгодныхъ; во Франціи, наоборотъ, она—одна изъ самыхъ рискованныхъ: по вычисленіямъ Беранже, французскія учебныя заведенія выпускаютъ въ десять разъ больше инженеровъ, чѣмъ ихъ нужно для страны. Политехническая школа, въ которую изъ ежегодно являющихся на конкурсъ 1800 кандидатовъ принимается всего 250, выпускаетъ въ среднемъ, 20 человѣкъ въ годъ. Эти привилегированные представители своей профессіи

*) Какимъ же нищенскимъ слѣдуетъ признать жалованье, получаемое нашимъ народнымъ учителемъ (150—480 руб.)?

Digitized by Google

сейчасъ же по выходѣ изъ школы получаютъ мѣста съ жалованьемъ тысячи въ четыре и обыкновенно сейчасъ же женятся на хорошемъ приданомъ. Но и между ними бываютъ неудачники,—люди изъ бѣдныхъ семей или женившіеся по увлеченію, которые всю жизнь прозябаютъ на службѣ въ мелкихъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Далѣе, центральная школа даетъ ежегодно до 200 инженеровъ; учебныя заведенія въ Лиллѣ, Ліонѣ, Марсели и др. выпускаютъ до 350, школы искусствъ и ремеслъ—250—280; всего, слѣдовательно, получается въ годъ 800—900 инженеровъ, изъ которыхъ большинство – люди небогатые. Куда же они дѣваются? Очень небольшое число поступаетъ на службу въ министерство путей сообщенія и въ управленія желѣзныхъ дорогъ, другіе же идутъ на заводы, гдѣ ихъ трудъ оплачивается очень не высоко. На заводѣ Лебоди инженеръ-химикъ получаетъ 1200 франковъ въ годъ (450 р.) и только одинъ завѣдующій химической лабораторіей удостоивается жалованья въ 5000 фр. Вообще, средній заработокъ инженера на фабрикѣ или заводѣ колеблется между 2 и 4 тыс. фр. (750—1500 р.) въ годъ. Не меньше получаетъ иной удачливый рабочій...

Офицеръ, если у него нѣтъ собственнаго состоянія и если онъ, при этомъ, еще и женатъ, до чина полковника (commandant) живетъ настоящимъ пролетаріемъ, потому что получаемое имъ жалованье не покрываетъ его необходимыхъ расходовъ. Подпоручикъ получаетъ 2800 фр. (1050 р.), поручикъ—3000 фр. (1125 р.), капитанъ—3800 фр. (1425 р.). Необходимое представительство и обязательное посѣщеніе болѣе богатыхъ товарищей заставляютъ бѣднаго офицера дѣлать непосильные расходы, долгать или отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ. Въ такихъ условіяхъ жизни Бераніе видитъ положеніе предосудительное и опасное для французской демократіи.

Молодые люди, окончившіе курсъ юридическаго или словеснаго факультета и не находящіе себѣ мѣста въ рядахъ адвокатуры, судебнаго сословія или педагогическаго персонала, толпами бросаются въ административныя учрежденія казенныя или частныя,—въ министерства, на почту, въ банки, страховыя общества и пр., въ которыхъ, однако, уже такъ мало свободныхъ мѣстъ, что только одному изъ сорока кандидатовъ удается какъ-нибудь пристроиться. Въ любомъ изъ названныхъ учрежденій огромное большинство даже мелкихъ чиновниковъ—люди съ университетскими дипломами. Эти мелкіе чиновники получаютъ, даже въ Парижѣ, отъ 1800 да 3000 фр. и, конечно, при отсутствіи другихъ источниковъ дохода, осуждены на бѣдственное существованіе. Нѣтъ ничего удивительнаго, если эти люди иногда поддаются искушеніямъ и продаютъ свою совѣсть...

За пролетаріатомъ университетскимъ слѣдуетъ пролетаріатъ литературно-артистическій,—наиболѣе извѣстный и, пожалуй, наиболѣе жалкій. Въ Парижѣ не менѣе пяти тысячъ литераторовъ, журналистовъ, музыкантовъ, актеровъ, художниковъ, богатыхъ только мечтами и умирающихъ

Digitized by Google

съ голоду въ ожиданіи славы... Журналистъ, уже обладающій нѣкоторою извѣстностью, при усиленномъ трудѣ, можетъ заработать 3—5 тысячъ франковъ въ годъ; ту же сумму заработаетъ и музыкантъ или живописецъ, но уже наполовину знаменитый; обыкновенный актеръ, при удачѣ, можетъ дойти и до 6000; только модные тенора считаютъ свой гонораръ десятками тысячъ; но вѣдь такихъ не много. Огромное же большинство представителей литературной или артистической профессіи даже и во снѣ не видитъ приведенныхъ выше скромныхъ цифръ: это—самые жалкіе голыши, которые каждый день могутъ очутиться на улицѣ, безъ гроша въ карманѣ...

Почти половина всѣхъ депутатовъ и сенаторовъ, составляющихъ французскій парламентъ, раньше вступленія въ законодательныя учрежденія принадлежала къ свободнымъ профессіямъ. Многіе изъ нихъ были адвокатами безъ дѣлъ, врачами безъ больныхъ, профессорами безъ слушателей, журналистами безъ работы. Жалованье въ 9000 франковъ (3400 р.), назначенное представителямъ «самодержавнаго народа», повидимому, должно бы вывести ихъ изъ рядовъ интеллигентнаго пролетаріата; но на дѣлѣ мы видимъ иное: у депутата или сенатора есть масса обязательныхъ тратъ (избирательные расходы, членскіе взносы въ сотню обществъ, пріемы избирателей, оффиціальныя сношенія и пр.), которыя поглощаютъ значительную долю получаемаго содержанія, и если депутатъ или сенаторъ не имѣетъ другихъ доходовъ,—онъ неминуемо запутывается въ долгахъ или начинаетъ... дѣлать дѣла. Тогда то и появляются на сцену ловкіе Артоны и бароны Рейнаки. Членъ парламента не можетъ проживать меньше 25 тысячъ франковъ въ годъ; а если онъ имѣетъ только 9000, то онъ и обращается въ пролетарія и раба плутократіи. Такіе люди, говоритъ Бераніе, представляютъ собою самый худшій и самый опасный видъ интеллигентнаго пролетаріата, потому что они вносятъ язву въ самое сердце націи...

Въ своемъ недавнемъ романѣ «Безпочвенники» (Déracinés) Морисъ Барресъ яркими красками изобразилъ пролетаріатъ среди студенчества. Во Франціи насчитывается до 27 тысячъ студентовъ, изъ которыхъ 14 тысячъ—въ Парижѣ. Добрая треть этихъ юношей не имѣетъ никакихъ средствъ, кромѣ стипендіи въ 1500—2000 франковъ въ годъ; самые скромные разсчеты показываютъ, что въ Парижѣ на эти деньги только со всевозможными урѣзками можно имѣть самое необходимое. И вотъ, студенты стараются увеличивать свои доходы: одни играютъ на скачкахъ, другіе даютъ уроки или занимаются репортерствомъ, большинство должаетъ, а нѣкоторые не прочь добывать себѣ средства и разными сомнительными путями... Прозябая на чердакахъ, дурно одѣтые, вѣчно впроголодь, вдали отъ родины и семьи, проводя время между библіотеками и пивными съ женской прислугой, изнывая отъ честолюбія и нищеты и безсознательно унижаясь передъ богатыми товарищами, баловнями фортуны, эти бѣдные студенты, настоящій разсадникъ интеллигентнаго про-

Digitized by Google

летаріата, составляютъ среди современной молодежи самый безпокойный элементъ. Именно въ эту пору они усвоиваютъ тѣ привычки, тѣ болячки уязвленной зависти, тѣ антипатіи, которыя сказываются потомъ въ теченіе всей жизни человѣка...

Наконецъ, Беранже отмѣчаетъ еще одну форму интеллигентнаго пролетаріата, представляющую какъ бы отбросъ отъ всѣхъ либеральныхъ профессій. Какъ бы ни былъ бѣденъ пролетарій,—онъ всегда можетъ найти товарища бѣднѣе себя въ рядахъ людей, совершенно побѣжденныхъ въ страшной борьбѣ за существованіе, среди неудачниковъ умственнаго труда, голодныхъ оборванцевъ съ дипломами въ карманѣ... Недаромъ извѣстный экономистъ Шарль Жидъ утверждаетъ, что статистика ночлежныхъ домовъ даетъ громадное относительное большинство представителямъ «свободныхъ» профессій. Беранже указываетъ, для примѣра, на извѣстныя конторы Бонаръ-Бидо и Дюфайеля, занимающіяся изготовленіемъ адресовъ для журналовъ, газетъ, свадебъ, похоронъ и т. п. Человѣкъ, работающій въ такой конторѣ, за тысячу написанныхъ адресовъ, изготовленіе которыхъ требуетъ 12-ти часовой работы, получаетъ *два* франка, и надо прибавить, что эту тысячу ему приходится писать не каждый день, а смотря по надобности конторы. Такъ вотъ, на этихъ условіяхъ, на каждое изъ такихъ мѣстъ является по 50 кандидатовъ, и большинство изъ этихъ кандидатовъ, принимаемыхъ не иначе, какъ по рекомендаціи,—врачи, адвокаты, инженеры, профессора, литераторы!

Въ Парижѣ всякій человѣкъ, имѣющій надобность въ образованномъ работникѣ, знаетъ, что ему нельзя напечатать объявленія въ газетахъ, не рискуя поссориться съ своимъ консьержемъ, которому придется выдержать осаду цѣлой арміи голодныхъ баккалавровъ, лиценціатовъ и магистровъ...

Всякій пролетаріатъ, самъ по себѣ, конечно, есть общественное зло. Нельзя признать нормальнымъ такого положенія, при которомъ человѣкъ, трудящійся въ потѣ лица, былъ бы осужденъ или на безбрачіе, или на нищету. Но пролетаріатъ интеллигентнаго класса есть зло сугубо постыдное, потому что онъ представляетъ собою банкрутство образованія, оскорбленіе для умственнаго развитія. Глубоко скорбя объ этомъ явленіи, видя въ немъ язву, разъѣдающую общественный организмъ Франціи, Беранже указываетъ на важнѣйшія и наиболѣе печальныя его послѣдствія—психологическія, физіологическія, общественныя и нравственныя.

Сообразно съ своимъ характеромъ, необузданнымъ или кроткимъ, интеллигентный пролетарій роковымъ образомъ склоненъ или къ возмущенію, или къ рабству. Человѣку, которому его профессія не даетъ достаточныхъ средствъ къ существованію, часто приходится или подвергаться постыднымъ испытаніямъ, или приносить тяжкія жертвы; первыя его унижаютъ, вторыя ожесточаютъ. Беранже приводитъ два характерныхъ примѣра:

Digitized by Google

Въ маленькомъ городкѣ, недалеко отъ Парижа, есть нѣсколько учителей гимназіи, получающихъ 1900 фр. жалованья; у каждаго изъ нихъ семья; само собою разумѣется, что имъ невозможно жить на свое учительское жалованье. Въ томъ же городкѣ существуетъ большая типографія, работающая на парижскихъ издателей; и вотъ, учителя, окончивъ свои уроки, отправляются туда читать корректуру, получая за это полтора франка въ день. Но мѣстные буржуа за это совершенно презираютъ ихъ, и съ негодованіемъ говорятъ, что они своимъ поведеніемъ «марaютъ» гимназію... Какъ же должны себя чувствовать эти бѣдные учителя?

Другой примѣръ: на желѣзной дорогѣ, принадлежащей одной изъ большихъ компаній, смотритель, а на такія должности нынче обыкновенно поступаютъ окончившіе курсъ въ Центральной школѣ, получаетъ отъ 1800 до 2500 франковъ. Въ его вѣдѣніи и на его отвѣтственности находится цѣлый участокъ дороги, со всѣми производящимися на немъ постройками, такъ что ему приходится постоянно имѣть дѣло съ подрядчиками; и если подрядчикъ предложитъ ему взятку за «снисхожденіе» въ пріемкѣ построекъ или матеріаловъ, то каково будетъ нравственное состояніе этого бѣднаго служащаго, часто обремененнаго семьей? Конечно, каждый долженъ исполнять свой долгъ; но вѣрнѣе было бы, все-таки, если бы человѣкъ былъ поставленъ такъ, чтобы не было мѣста для оскорбительныхъ предложеній и подозрѣній. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ противоположное. Людямъ говорятъ: будьте горды, независимы, безкорыстны,—и въ то же время вынуждаютъ ихъ или возмущаться, или унижаться... Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ усиливается только неподвижность и рутина. Образованный пролетарій ненавидитъ дѣло, которое даетъ ему возможность только что не умереть съ голоду; онъ проклинаетъ свою работу и ни мало ею не интересуется. Отсюда происходитъ полное равнодушіе мелкихъ служащихъ къ порученнымъ имъ интересамъ, бюрократическая косность и непроизводительная трата общественной энергіи. Причиною такого отношенія къ дѣлу является душевное состояніе пролетарія,—человѣка или обозленнаго, или примирившагося съ своимъ положеніемъ, но во всякомъ случаѣ на все махнувшаго рукой...

О физіологическихъ послѣдствіяхъ бѣдности,—плохомъ питаніи, болѣзняхъ и т. п.—много говорить не приходится, они понятны сами собою. Интеллигентный пролетаріатъ, говоритъ Беранже, ведетъ къ вырожденію расы: нездоровые родители производятъ нездоровыхъ дѣтей, и это зло все больше и больше усиливается наслѣдственностью; съ другой стороны, вслѣдствіе увеличивающейся дороговизны семейной жизни, уменьшается число браковъ и еще болѣе—число рождающихся дѣтей. Для интеллигентнаго пролетарія любовь есть роскошь, а рожденіе ребенка—разорительное безуміе...

Далѣе, развитіе интеллигентнаго пролетаріата представляется опаснымъ въ общественномъ отношеніи еще и потому, что на этой почвѣ всего

Digitized by Google

успѣшнѣе выростаютъ антигосударственныя соціалистическія и анархическія стремленія. «Интеллигентный пролетарій, говоритъ Беранже, можетъ быть или рабомъ, или на все готовымъ бунтовщикомъ, проповѣдующимъ принципъ: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Конечно, рабовъ гораздо больше: пролетаріатъ совершенно атрофируетъ у большинства мелкихъ чиновниковъ всякое общественное чувство и создаетъ изъ нихъ цѣлую армію людей, вполнѣ порабощенныхъ «дѣльцами» и политиками. Отсюда—эти всевозможные подкупы,—торговля орденами, кража документовъ, подлоги въ судебныхъ дѣлахъ и пр., которые постоянно обнаруживаются въ канцеляріяхъ и въ которыхъ интеллигентный пролетарій почти всегда является или соучастникомъ, или даже главнымъ дѣйствующимъ лицомъ...

Пролетаріатъ оказываетъ на французскіе нравы глубоко растлѣвающее вліяніе, вызывая погоню за приданымъ и лакейство передъ богатыми и сильными людьми. Большая часть университетской молодежи еще на школьной скамьѣ пріобрѣтаетъ такіе вкусы и привычки, для удовлетворенія которыхъ совершенно недостаточно скуднаго заработка, доставляемаго «свободными» профессіями. Въ 25 лѣтъ эти господа отличаются огромными аппетитами, не имѣя никакихъ рессурсовъ. Для того, чтобы удовлетворить эти аппетиты, представляется только одно легальное средство,—женитьба на богатой. Невѣста, за которой даютъ меньше ста тысячъ приданаго, для нихъ не существуетъ, а «интересною» считается только такая, за которой можно получить по крайней мѣрѣ пятьсотъ тысячъ. Нечего распространяться о томъ, какъ это отражается на нравственномъ складѣ общества.

Но погоня за приданымъ—только одна изъ формъ лакейства пролетаріевъ передъ плутократіей, которое будущій историкъ несомнѣнно долженъ будетъ признать господствующей чертой нравовъ третьей республики. Мы каждый день видимъ, какъ политическіе дѣятели, журналисты, профессора, адвокаты, врачи и даже поэты становятся покорнѣйшими слугами или потѣшниками банковскихъ воротилъ,—какъ эти образованные люди, вышедшіе изъ народа и прожившіе всю молодость среди лишеній и честолюбивыхъ мечтаній, не найдя въ своей профессіи не только выгоды, но даже и средствъ къ безбѣдному существованію, кончаютъ сдѣлками съ совѣстью и уступаютъ искушеніямъ роскоши и богатства. «Будущій историкъ, говоритъ Беранже, поймetъ, что знаменитый депутатъ продавалъ свой голосъ, публицистъ—свое перо, адвокатъ - свое краснорѣчіе, врачъ—свою науку, профессоръ—свой авторитетъ, великій писатель—свой геній,—что всѣ они продавались финансовымъ дѣльцамъ, поймetъ и объяснитъ, почему французская демократія, вмѣсто того, чтобы гордиться аристократіей ума и таланта, развиваетъ только лакейство ума и таланта на жалованьѣ у денежнаго мѣшка»...

Главными причинами быстраго развитія интеллигентнаго пролетаріата въ Франціи авторъ изслѣдованія считаетъ открытіе всѣмъ желающимъ доступа къ свободнымъ профессіямъ и усиленное развитіе чиновничества.

Digitized by Google

Первое изъ этихъ обстоятельствъ развило небывалую прежде конкурренцію: на каждое вакантное мѣсто стало являться по двадцати претендентовъ, и девятнадцать, оставшихся за флагомъ, увеличивали собою число пролетаріевъ. За послѣднія 25 лѣтъ число студентовъ утроилось, а число свободныхъ мѣстъ для оканчивающихъ курсъ, конечно, увеличилось далеко не въ той же прогрессіи; приливу молодежи въ университеты особенно содѣйствовалъ законъ о льготахъ по воинской повинности для лицъ съ высшимъ образованіемъ. Въ результатѣ оказалось уже отмѣченное перепроизводство людей съ университетскими степенями. «Конечно, говоритъ авторъ, это перепроизводство имѣло и свою хорошую сторону: оно доставило нашимъ лицеямъ и гимназіямъ вполнѣ подготовленный къ дѣлу преподавательскій персоналъ, оно дало нашимъ деревнямъ настоящихъ врачей и серьезныхъ аптекарей; но вопросъ: уравновѣшиваютъ ли всѣ подобныя выгоды ужасающее развитіе опаснаго для всей націи общественнаго паразитизма?»

Дѣло въ томъ, что наряду съ перепроизводствомъ университеты обнаружили и свое научное безсиліе: большинство молодыхъ людей, получающихъ дипломы, оказывается совершенно лишеннымъ серьезныхъ знаній и прямо-таки неподготовленнымъ къ практической дѣятельности... Такіе люди, очевидно, не въ состояніи выдержать житейской конкурренціи, такъ что университеты, въ настоящемъ ихъ положеніи, являются просто «фабриками пролетаріевъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, опасность увеличивается еще и вслѣдствіе причинъ экономическихъ: большая часть окладовъ, опредѣляющихъ вознагражденіе за умственный трудъ, установлена 40 — 50 лѣтъ тому назадъ, когда жизнь стоила по крайней мѣрѣ вдвое дешевле, чѣмъ теперь; въ настоящее время не только чиновники, но даже адвокаты и врачи, получаютъ столько же, сколько получали въ 1850 году; средній промышленникъ или коммерсантъ заработываетъ въ годъ 40—50 тысячъ, между тѣмъ какъ представители даже высшей администраціи о такой суммѣ и мечтать не смѣютъ. Если въ 1850 или даже въ 1870 г. можно было прожить на 3—4 тысячи, то теперь на это жалованье можно только прозябать впроголодь. Въ наше время хорошій комми-вояжеръ или даже рабочій зарабатываетъ въ полтора раза больше средняго чиновника, который для того, чтобы получить мѣсто, провелъ шесть лѣтъ въ университетѣ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, небывалое количество университетскихъ дипломовъ лишило ихъ почти всякой реальной цѣнности, а съ другой — необходимость соблюдать бюджетное равновѣсіе не даетъ возможности увеличить оклады чиновниковъ. Въ результатѣ оказывается, что трудъ умственный цѣнится дешевле труда физическаго. «Если профессоръ университета получаетъ меньше комми-вояжера, судья—меньше подрядчика, полковникъ—меньше владѣльца маленькой ткацкой фабрики,—то къ чему же служитъ это демократическое надувательство свободными профессіями, будто бы доступными всѣмъ и каждому?...»

Digitized by Google

Въ заключеніе своего этюда Беранже ставитъ вопросъ: есть ли какая нибудь возможность противодѣйствовать этому общественному недугу, какимъ, несомнѣнно, является развитіе интеллигентнаго пролетаріата.

Попытка его отвѣтить на этотъ вопросъ только лишній разъ доказываетъ справедливость стараго изреченія, что критика легка, а искусство трудно. Онъ и самъ сознается, что лѣчить органическіе пороки общества — совсѣмъ не то, что чинить испорченную машину, и что въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти развѣ только о палліативахъ, да и то обѣщающихъ лишь сомнительный успѣхъ. Очевидно, нельзя ни уменьшать число университетовъ, ни ограничивать количество студентовъ, ни вообще стѣснять какими бы то ни было мѣрами общее стремленіе къ образованію; но необходимо ясно сознать, что сила университетскаго образованія должна измѣряться не количествомъ, а качествомъ учащихся и что и наука, и вся нація только выиграютъ, если высшее образованіе будетъ дѣйствительно *высшимъ*, т. е. если университеты перестанутъ быть только фабриками скороспѣлыхъ и малоцѣнныхъ дипломовъ, а станутъ давать странѣ дѣйствительно высоко образованныхъ и полезныхъ гражданъ. Необходимо безъ всякаго сожалѣнія отбросить массу посредственностей и неспособныхъ людей, выпускаемыхъ въ настоящее время высшими учебными заведеніями, другими словами—поднять какъ можно выше научныя требованія университетскаго и спеціальныхъ курсовъ. Только при этомъ условіи высшія учебныя заведенія будутъ соотвѣтствовать истинному своему назначенію и перестанутъ ежегодно выбрасывать въ народъ толпу никуда непригодныхъ людей съ фальшивымъ штемпелемъ годности.

Гораздо труднѣе бороться съ другимъ зломъ, отъ котораго страдаетъ Франція,—съ чрезмѣрнымъ пристрастіемъ французовъ къ чиновничеству во всѣхъ его видахъ. «У насъ слишкомъ мало промышленниковъ, земледѣльцевъ, колонистовъ, а между тѣмъ всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ ломятся въ администрацію; всѣ мы заражены мандаринствомъ; количество чиновниковъ съ каждымъ годомъ ростетъ, а количество претендентовъ на административныя должности достигаетъ огромныхъ размѣровъ»... По мнѣнію автора, этой бѣдѣ можно помочь только путемъ упорной литературной борьбы съ бюрократическими привычками и предразсудками республиканскаго общества.

Увеличеніе окладовъ, конечно, было бы мѣрою справедливою; но осуществленіе этой мѣры, при нынѣшнемъ состояніи бюджета, и безъ того обремененнаго дефицитами, представляется рѣшительно невозможнымъ.

Общее заключеніе Беранже—довольно безотрадное: измѣнить или ослабить дѣйствіе важнѣйшихъ причинъ развитія во Франціи интеллигентнаго пролетаріата едва ли есть какая нибудь возможность. Эти причины — общедоступность свободныхъ профессій, исключительная привязанность къ бюрократіи, университетское перепроизводство, недостаточность вознагражденія за умственный трудъ—стоятъ внѣ воли не только отдѣльной лич-

Digitized by Google

ности, но и цѣлаго поколѣнія; онѣ коренятся въ національномъ характерѣ и исторической необходимости. «Указать на нихъ—не значитъ устранить ихъ, и я не знаю ничего болѣе печальнаго для соціолога, какъ діагнозъ болѣзни, противъ которой у патріота нѣтъ никакихъ средствъ»...

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ, хотя и очень слабымъ и очень эгоистичнымъ, представляется то обстоятельство, что отъ развитія интеллигентнаго пролетаріата страдаетъ въ настоящее время не одна только Франція. Германія еще въ большей степени заражена этой общественной болѣзнью: и тамъ мы видимъ массу чуть не нищихъ чиновниковъ, врачей, и т. д... Еще недавно императоръ Вильгельмъ говорилъ о перепроизводствѣ образованныхъ людей въ Германіи и заявилъ, что онъ не будетъ разрѣшать открытія новыхъ гимназій, если настоятельная необходимость въ нихъ не будетъ ему убѣдительно доказана. Германія не только кишитъ интеллигентными пролетаріями,—она выбрасываетъ ихъ во всѣ концы свѣта, потому что у себя на родинѣ имъ остается только умирать съ голоду. Англичане уже давно назвали «нѣмецкою болѣзнью» постоянно усиливающееся нашествіе въ Англію нѣмецкихъ конторщиковъ, рабочихъ, инженеровъ, врачей, адвокатовъ, учителей... Аналогичныя явленія мы видимъ и въ другихъ европейскихъ странахъ,—въ Австріи, Италіи, Бельгіи, Норвегіи...

Женскій вопросъ въ германскомъ рейхстагѣ и въ средѣ профессоровъ.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ Германія всегда была противницею уравненія правъ женщины и до сихъ поръ упорно отстаиваетъ исключительныя права мужчинъ на высшее образованіе. Лишь очень неохотно и съ большимъ трудомъ германскіе университеты, уступая давленію общественнаго мнѣнія, соглашаются допускать женщинъ въ свои стѣны, но даже дѣлая эту уступку, университеты стараются поставить на видъ женщинамъ, что онѣ допускаются не на равныхъ правахъ съ мужчинами, не какъ студентки, а какъ постороннія, и что ихъ только терпятъ изъ снисходительности». Женщина не можетъ слушать лекцій въ берлинскомъ университетѣ, иначе какъ съ разрѣшенія профессора, читающаго лекціи хотя бы у нея и былъ аттестатъ зрѣлости; слѣдовательно, она должна, прежде чѣмъ быть допущенной къ слушанію курса, заручиться согласіемъ каждаго изъ профессоровъ, читающихъ на этомъ курсѣ, и это согласіе дается ей въ видѣ особой милости и притомъ охотнѣе—если она иностранка, а не природная нѣмка. О томъ что ожидаетъ женщину въ томъ случаѣ если она, не заручившись согласіемъ профессора, явится на его лекцію, можно судить по слѣдующимъ двумъ фактамъ: въ ноябрѣ 1895 года профессора Эрихъ Шмидтъ и покойный историкъ Трейчке, прервали чтеніе своихъ лекцій, замѣтивъ женщину среди своихъ слуша-

Digitized by Google

телей и безъ всякой церемоніи вывели ее изъ своей аудиторіи. Трейчке даже не ограничился этимъ и сдѣлалъ еще нѣсколько весьма нелестныхъ замѣчаній по адресу женщинъ вообще, причемъ эти замѣчанія не вызвали никакого протеста среди студентовъ, что вообще указываетъ на враждебное отношеніе большинства, даже среди учащейся молодежи, къ стремленіямъ германскихъ женщинъ къ равноправію.

Несмотря однако на такія большія трудности, какія приходится преодолѣвать германскимъ женщинамъ, онѣ все таки упорно добиваются своей цѣли и даже—если можно такъ выразиться—не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы обивать пороги у профессоровъ, лишь бы это помогло имъ пробраться въ двери святилища науки. Германскимъ женщинамъ тутъ приходится бороться еще и съ закоренѣлымъ предубѣжденіемъ противъ женской самостоятельности, существующимъ въ извѣстной части германскаго общества, гдѣ идеаломъ считается «хозяйка»—«Hausfrau», сферой дѣятельности которой должна быть кухня и дѣтская. Тѣмъ не менѣе германская женщина смѣло порываетъ эти традиціи и такъ энергично добивается того, что она считаетъ своимъ правомъ, что мало-по-малу число ея сторонниковъ увеличивается даже среди мужчинъ. Женское движеніе въ Германіи за послѣдніе годы разрослось и окрѣпло, и уже нельзя игнорировать его или отдѣлываться отъ него какими нибудь банальными шутками и насмѣшками: доказательствомъ этому служатъ недавнія пренія въ рейхстагѣ, гдѣ либеральный депутатъ князь Каролатъ выдвинулъ на сцену вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи и правахъ медицинской практики.

«Уже много разъ указывалось съ разныхъ сторонъ, сказалъ князь Каролатъ, что повышеніе умственнаго развитія женщины должно благопріятнымъ образомъ отразиться на ея экономическомъ положеніи и положеніи въ семьѣ. Но для этого необходимо разрѣшить женщинѣ медицинскую практику и допустить женщинъ въ университетъ. Въ Берлинѣ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ женская классическая гимназія и уже нѣсколько дѣвушекъ получили аттестатъ зрѣлости, причемъ онѣ подвергались совершенно такому же испытанію, какъ и юноши, кончившіе курсъ классической гимназіи, слѣдовательно, какъ тѣ, такъ и другіе, имѣютъ совершенно одинаковыя права на поступленіе въ университетъ, но юноши могутъ туда поступить, а дѣвушки нѣтъ, хотя большинство университетовъ и не высказываются принципіально противъ допущенія женщинъ, но терпятъ ихъ все таки лишь какъ случайную постороннюю слушательницу, а не какъ равноправную студентку. Но мы должны были бы поддерживать стремленія женщины стать врачомъ, фармацевтомъ или преподовательницей въ высшихъ женскихъ школахъ. Общество только выиграетъ отъ этого. Между тѣмъ трудолюбивая дѣвушка, пробивающая себѣ дорогу въ университетъ, вынуждена преодолѣть множество препятствій и бѣгать отъ одного доцента къ другому, испрашивая какъ милости, чтобы ее допустили слушать лекціи. Вопросъ этотъ однако надо разрѣшить какъ нибудь; онъ уже на-

Digitized by Google

зрѣлъ достаточно, что толку, что мы будемъ закрывать уши? Женскій вопросъ всетаки настоятельно требуетъ, чтобы мы обратили на него вниманіе и мы должны такъ или иначе отвѣтить на него. Почему мы не допускаемъ въ университеты женщинъ, выполнившихъ всѣ тѣ условія, которыя требуются отъ мужчины? Намъ говорятъ, что и такъ всѣ ученыя профессіи переполнены и что опасно допускать женщинъ и еще болѣе увеличивать конкурренцію. Однако, въ германскихъ университетахъ въ данную минуту обучаются только 153 женщины, и нѣтъ сомнѣнія, что въ университетъ будутъ стремиться только женщины образованныхъ классовъ и о переполненіи университетовъ не можетъ быть рѣчи. Тутъ нѣтъ рѣчи также и объ эмансипаціи женщинъ и даже, наоборотъ, мы полагаемъ, что путемъ такихъ уступокъ можно было бы удержать женское движеніе въ извѣстныхъ предѣлахъ. Если окажется возможнымъ побудить женщинъ преимущественно къ изученію медицины, то это будетъ благословленіемъ для женщинъ изъ класса рабочихъ. Въ Россіи женщины допускаются уже давно къ изученію медицины и пользуются правомъ медицинской практики; то же самое и въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Италіи, Даніи, Норвегіи, Голландіи, Индіи и Австраліи. Единственное государство, не желающее дѣлать никакихъ уступокъ въ этомъ отношеніи, это Германія. Въ Россіи же, напримѣръ, устроенъ на государственный счетъ медицинскій институтъ для женщинъ. Мы, считающіе себя во главѣ цивилизованныхъ націй, могли бы однако взять съ нея примѣръ въ этомъ отношеніи. Если мы не откроемъ нашимъ женщинамъ доступъ въ университеты, то онѣ будутъ отправляться заграницу. Въ интересахъ массы германскаго народа слѣдовало бы допустить женщинъ къ медицинской практикѣ и не закрывать имъ въ Германіи пути къ высшему образованію».

Въ своей защитительной рѣчи въ пользу женскаго высшаго образованія ораторъ нѣсколько разъ упоминалъ о Россіи и объ энергіи и настойчивости русскихъ женщинъ, пробившихъ себѣ дорогу къ высшему образованію, несмотря на всѣ неблагопріятныя внѣшнія условія.

Въ высшей степени важно и любопытно, что въ пользу высшаго женскаго образованія высказался даже самъ министръ, графъ Позадовскій. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на свою принадлежность къ феодальной партіи, Позадовскій высказывался въ пользу женщинъ и даже открыто сталъ на ихъ сторону, когда въ Рейхстагѣ обсуждался новый проэктъ гражданскаго кодекса, ставящій женщину въ исключительную зависимость отъ мужчины въ имущественномъ отношеніи и лишающихъ мать одинаковыхъ правъ съ отцомъ въ семьѣ и въ вопросахъ касающихся дѣтей.

«Вопросъ о допущеніи женщинъ къ высшему образованію уже три раза обсуждался въ Рейхстагѣ, сказалъ графъ Позадовскій, и въ третій разъ онъ возбудилъ серьезныя пренія. Отношеніе Рейхстага къ этому вопросу постепенно склонялось въ болѣе благопріятную для женщинъ сторону, и теперь мы не можемъ больше отклоняться отъ обязанности

Digitized by Google

обсудить этотъ вопросъ серьезнымъ образомъ. Дальнѣйшее игнорированіе стремленій женщинъ не имѣетъ смысла, такъ какъ нельзя отрицать, что въ общемъ настроеніе сдѣлалось болѣе благопріятнымъ для женскихъ требованій. Никто уже не оспариваетъ, что женщины обладаютъ такими же способностями къ научнымъ занятіямъ, какъ и мужчины, и что въ особенности онѣ могутъ быть полезны какъ дѣтскіе и женскіе врачи и не хуже мужчинъ могутъ лѣчить женскія и дѣтскія болѣзни. Въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ принимать во вниманіе усиленіе конкурренціи для мужчинъ врачей, которымъ и безъ того приходится подчасъ съ трудомъ выбираться на дорогу; тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ общественной пользѣ подобныя соображенія не могутъ приниматься въ разсчетъ. Я бесѣдовалъ съ прусскимъ министромъ просвѣщенія объ этомъ предметѣ, но онъ высказался въ пользу существующей системы, т. е. допущенія женщинъ лишь въ качествѣ посторонниихъ слушательницъ, при условіи согласія на то ректора и каждаго доцента, чьи лекціи онѣ будутъ посѣщать. Я убѣжденъ впрочемъ, что во всѣхъ другихъ университетахъ, такъ же какъ и въ берлинскомъ университетѣ, найдется цѣлый рядъ доцентовъ, которые охотно дадутъ это разрѣшеніе женщинамъ. Имперскій Канцлеръ затѣмъ уже вступитъ въ соглашеніе по этому предмету съ союзными правительствами, и надо надѣяться, что всѣ, прослушавшія курсъ медицинскихъ или фармацевтическихъ наукъ, будутъ допущены къ экзамену и получатъ право врачебной и фармацевтической практики».

Эти заявленія графа Позадовскаго были встрѣчены сочувственно большинствомъ членовъ Рейхстага. Конечно женщинамъ еще рано праздновать побѣду надъ германскими традиціями, предписывающими женщинѣ оставаться у кухоннаго очага, но тѣмъ не менѣе какъ самый характеръ преній въ Рейхстагѣ, такъ и заключительныя слова министра, представляютъ даже, по мнѣнію самихъ германскихъ женщинъ, несомнѣнный шагъ впередъ.

Такимъ образомъ въ Рейхстагѣ женскій вопросъ уже, такъ сказать, поставленъ на очередь и вѣроятно не разъ будутъ возникать пренія по этому поводу. Но и среди германскихъ профессоровъ замѣчается теперь болѣе благопріятное отношеніе къ женскому вопросу. Одинъ изъ германскихъ журналистовъ, Артуръ Кирхгофъ, обратился съ запросомъ къ 120 профессорамъ, желая выяснить ихъ отношеніе къ стремленіямъ женщинъ. Изъ этихъ профессоровъ не болѣе двухъ или трехъ высказываются категорически противъ женщинъ, большинство другихъ идутъ на уступки, прямо даже заявляя, что дѣлаютъ это подъ давленіемъ современныхъ условій. Что пользы противиться теченію? заявляютъ они, рано или поздно оно сокрушитъ преграды, какъ бы мы ни укрѣпляли ихъ. Гораздо благоразумнѣе будетъ теперь же позаботиться о томъ, чтобы заключить это теченіе въ извѣстные предѣлы, если это возможно, но во всякомъ случаѣ тотъ, кто не желаетъ потонуть въ этомъ потокѣ, долженъ слѣдовать по его теченію. Какъ помѣшать женщинамъ учиться, если онѣ

Digitized by Google

хотятъ этого? Женщины хотятъ отнять отъ насъ тѣ привилегіи, которыми мы пользовались безпрепятственно, въ теченіе многихъ вѣковъ, и мы безсильны помѣшать имъ. Но постараемся отнестись къ этому вопросу болѣе хладнокровно и безпристрастно. Мы привыкли думать, что истинное назначеніе нѣмки—быть женою и матерью, народить какъ можно больше дѣтей и кое какъ воспитать ихъ. Но на это намъ справедливо возражаютъ, что у насъ, въ Германіи, женщинъ больше чѣмъ мужчинъ, что пожалуй около милліона нѣмокъ осуждены волей неволей на безбрачіе. Мы конечно не можемъ взять на себя обязанность пріискивать для нихъ мужей, такъ по крайней мѣрѣ не будемъ мѣшать имъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Во всякомъ случаѣ намъ нечего опасаться, что большинство женщинъ изберутъ либеральныя или научныя профессіи, такія всегда будутъ исключеніемъ. Развѣ судьбы имперіи пострадаютъ, если у насъ будетъ нѣсколько докторовъ женщинъ?» Другіе добавляютъ слѣдующее замѣчаніе. «Безъ сомнѣнія непріятно поддаваться неразумнымъ капризамъ, но мы живемъ въ такое время, когда волей неволей приходится считаться съ разными нераціональными идеями и если наши женщины вдругъ перемѣнили мнѣніе о своемъ назначеніи, то, вмѣсто того чтобы противиться, будемъ потворствовать ихъ новой фантазіи, быть можетъ это заставитъ ихъ скорѣе отъ нея отрѣшиться».

Такъ говорятъ покоряющіеся неизбѣжному теченію вещей. Во главѣ абсолютныхъ противниковъ высшаго женскаго образованія находится профессоръ геттингенскаго университета Фердинандъ Вюстенфельдъ, который даже не считаетъ нужнымъ мотивировать чѣмъ нибудь своего нежеланія допустить женщинъ къ научнымъ занятіямъ, а просто категорически заявляетъ, что онъ противъ этого, но этому несговорчивому ученому 88 лѣтъ и въ эти годы трудно конечно мѣнять укоренившіеся взгляды. Другіе противники высшаго женскаго образованія не рѣшаются уже столь категорически высказываться противъ него и прибѣгаютъ къ разнымъ уловкамъ и хитростямъ, выставляютъ на видъ заботы о здоровьи женщины и о ея счастьи. При этомъ они говорятъ разныя любезности женщинамъ и признаютъ, что женщины обнаруживаютъ такія же способности во многихъ отношеніяхъ, какъ и мужчины, но они предостерегаютъ женщинъ, для ихъ же пользы, отъ увлеченія этими идеями и убѣждаютъ ихъ не измѣнять своему истинному призванію. Одинъ изъ подобныхъ противниковъ, старающихся замаскировать свой протестъ,—приватъ доцентъ берлинскаго университета, Адольфъ Лассонъ, говоритъ: «занимая теперешнее положеніе и живя такъ, какъ онѣ живутъ, женщины, несмотря на свою кажущуюся зависимость, въ сущности господствуютъ надъ нами. Но если бы вдругъ онѣ стали походить на насъ, какъ бы скучна сдѣлалась жизнь! Какъ бы она стала пуста и безцвѣтна!» Другой берлинскій профессоръ, Карлъ Штумпфъ, поетъ ту же пѣсню, только на другой ладъ: «Поразмыслите хорошенько, говоритъ онъ, обращаясь къ женщинамъ. Конечно вы можете добиться прекрасныхъ и хорошо оплачиваемыхъ

Digitized by Google

должностей; вы можете занять мѣсто рядомъ съ нами во всѣхъ профессіяхъ, но стоитъ ли вамъ добиваться этого? Подумайте только, что блѣдныя щеки, нервная раздражительность, глаза, сокрытые очками, не могутъ оказывать болѣе или менѣе значительнаго воздѣйствія на мужской полъ, никогда докторскій знакъ не замѣнитъ свѣжести мысли и чувства, инстинктивнаго пониманія жизни и свѣта, тонкаго чутья и сообразительности, однимъ словомъ, всѣхъ врожденныхъ качествъ женщины, составляющихъ ея непреодолимое очарованіе»... и т. д. и т. д. все въ такомъ же родѣ.—Никакіе Лейбницы, Рафаэли и Моцарты въ юбкѣ, восклицаетъ третій профессоръ, не въ состояніи будутъ вознаградить человѣческій родъ за потерю истинной женщины. Драгоцѣнныя качества, которыми обладаетъ женщина, составляютъ результатъ тысячелѣтіями накопленной наслѣдственности, и если они исчезнутъ, то уже никогда не вернутся. Быть можетъ у насъ и будетъ когда нибудь Гете въ юбкѣ, но уже никогда не будетъ «Матери Гете», а объ этомъ стоитъ пожалѣть»!

Однако всѣ эти «крокодиловы слезы», проливаемыя о потерѣ драгоцѣннѣйшихъ качествъ женщины, объ утраченной женственности и т. д. лучше всего указываютъ на успѣхи женскаго движенія въ Германіи. Уже ни одинъ изъ противниковъ не рѣшается, какъ прежде, говорить объ интеллектуальномъ неравенствѣ половъ, и если эти господа не желаютъ пускать женщинъ въ университеты, то не потому, чтобы они считали ихъ неспособными заниматься наукой. Нѣкоторые впрочемъ дѣлаютъ оговорки и это преимущественно профессора исторіи, которые находятъ, что женщины менѣе способны къ серьезнымъ историческимъ изслѣдованіямъ, нежели мужчины и болѣе склонны увлекаться химерами, полагая, что соціальныя болѣзни излѣчиваются искусственными мѣрами. Но математики оказываются гораздо снисходительнѣе историковъ и отдаютъ полную справедливость математическимъ способностямъ женщины.

Во всякомъ случаѣ мнѣніе почти всѣхъ профессоровъ, спрошенныхъ Кирхгофомъ, клонится къ тому, что надо такъ или иначе, удовлетворить стремленія женщинъ. Конечно большинство только мирится съ неизбѣжнымъ и разумѣется чрезвычайно обрадуется, если опытъ не удастся. Несомнѣнно, что въ основѣ сопротивленія мужчинъ лежитъ боязнь конкурренціи, хотя они и не хотятъ въ этомъ сознаваться открыто. Вѣдь всѣ либеральныя профессіи переполнены и «буржуазный пролетаріатъ» все возростаетъ. Если женщины выступятъ конкуррентами мужчины, то борьба за существованіе еще болѣе обострится. Такъ думаетъ большинство мужчинъ. Но бороться съ соціальнымъ зломъ, поддерживая несправедливости—дѣло плохое. Пусть ужъ лучше борьба за существованіе будетъ равной между обоими полами и пусть государство соблюдаетъ строгій нейтралитетъ, не отдавая никому преимущества. Волей неволей побѣжденные и неспособные изберутъ тогда другую дорогу, болѣе скромныя профессіи, которыя однако все же даютъ возможность существовать.

Digitized by Google

Какъ бы тамъ ни было, но такое рѣшеніе вопроса будетъ все таки наиболѣе справедливымъ.

«Не слѣдуетъ только во что бы то ни стало держаться старинныхъ предразсудковъ, заявляетъ Карлъ Френцель, такъ какъ постепенно мы привыкнемъ и приспособимся къ тому, что у насъ будутъ ученыя женщины, юристы, проповѣдники, доктора. Развѣ общество пострадаетъ отъ того, что въ какой нибудь профессіи лѣнтяй и неспособный мужчина вынужденъ будетъ уступить свое мѣсто умной и трудолюбивой женщинѣ?»

Но большинство профессоровъ, какъ мы уже сказали, уступаетъ только въ силу необходимости и поэтому то профессора только чуть чуть пріотворяютъ двери университетовъ, чтобы пропустить назойливыхъ просительницъ. Германскія женщины пока большаго и не просятъ. Пусть ихъ только впустятъ, а ужъ онѣ сумѣютъ завоевать себѣ должное мѣсто въ этомъ святилищѣ и добиться своей цѣли.

Digitized by Google

Новости иностранной литературы.

G. di Propèrzio. Gabriele d'Annunzio. Roma 1897.

Новая итальянская литература стоитъ нѣсколько вдалекѣ отъ общей литературной жизни Европы, и лишь немногіе изъ современныхъ итальянскихъ писателей достигаютъ извѣстности за предѣлами своей родины. Но за послѣднія нѣсколько лѣтъ въ Италіи появился романистъ и поэтъ, вошедшій сразу въ число общеевропейскихъ знаменитостей и возбудившій много очень разнорѣчивыхъ толковъ и оцѣнокъ. Писатель этотъ—Габріель д'Аннунціо, который по характеру своего творчества нашелъ больше отклика внѣ Италіи, чѣмъ среди своихъ соотечественниковъ, отъ которыхъ онъ сразу отдѣлился съ одной стороны своимъ слишкомъ исключительнымъ культомъ ренессанса, а съ другой, своимъ слѣдованіемъ интеллектуальнымъ теченіямъ другихъ европейскихъ странъ. Итальянская литература, въ особенности, поэзія переживаетъ періодъ идиллическаго романтизма, наполняющаго англійскую Озерную школу начала вѣка: семейный очагъ, тихія добродѣтели, мирная жизнь на лонѣ природы—таковы главныя и почти исключительныя темы популярныхъ итальянскихъ поэтовъ Кардуччи, Мерриди, Мацціни и др. Д'Аннунціо же, ворвавшись въ эту мирную атмосферу съ своими жгучими, страстными стихами и полупессимистическими, полуразвращенными романами, своей двойственностью уставшей души, привелъ въ замѣшательство своихъ безмятежныхъ соотечественниковъ, вернувшихся къ традиціямъ школы Виргилія. Д'Аннунціо явился такимъ рѣзкимъ нарушителемъ традицій, что только безупречная поэтическая форма его произведеній признается таковой на его родинѣ, а внутреннее содержаніе отвергается какъ нѣчто чуждое современному итальянскому духу и потому искусственное и даже фальшивое. Итальянцы не вѣрятъ искренности д'Аннунціо, боятся гуманности его произведеній и, чтобы не попасться, такъ сказать, на удочку его поэтическаго дарованія, отвергаютъ его какъ все недостаточно яркое и недостаточно ясное. Южное небо пріучило ихъ къ яркому свѣту, и все, напоминающее сѣверную туманность, имъ чуждо. Вотъ почему со стороны своего творчества д'Аннунціо является не итальянцемъ,

Digitized by Google

а скорѣе французомъ, т. е. сыномъ той же латинской расы, но уже прошедшей черезъ разсудочную культурность и способной испытывать чувства и настроенія чисто головного свойства. По страстности души и по единственной въ своемъ родѣ интенсивности чувствъ, по своему пониманію любви, д'Аннунціо остается истиннымъ южаниномъ, и ни одинъ европейскій писатель нашего времени не можетъ сравниться съ нимъ по неподдѣльной стихійной страсти въ изображеніи трагической любви. И вотъ въ этомъ контрастѣ страстной души южанина и разсудочности, воспитанной вліяніями сѣверной культуры состоитъ особенность д'Аннунціо. По уму онъ совершенно не оригиналенъ, и всѣ его произведенія можно разбить на отдѣльныя черты, возникшія подъ вліяніемъ то французскихъ, то русскихъ романистовъ, то, наконецъ, новѣйшаго англійскаго искусства. Но эти литературныя вліянія оставляютъ въ неприкосновенности самобытную натуру художника, благодаря которой д'Аннунціо, идущій по созданнымъ до него путямъ въ искусствѣ, вноситъ, однако, въ современную европейскую литературу новую ему одному принадлежащую ноту.

Литературная карьера д'Аннунціо пережила нѣсколько различныхъ фазисовъ. Онъ сразу достигъ очень громкой извѣстности—у себя на родинѣ совершенствомъ стиховъ, а во Франціи своими романами, отвѣчающими требованіямъ французскаго вкуса. Д'Аннунціо сдѣлался для Франціи представителемъ новаго латинскаго возрожденія и противовѣсомъ непопулярнаго въ значительной части публики сѣвернаго вліянія. Вогюэ, привившій русскій романъ на французской почвѣ своей знаменитой во Франціи книгой «Le roman russe», провозгласилъ молодого итальянскаго романиста пророкомъ новой литературной эры, т. е. замѣной царства сѣвера царствомъ юга. Такое мнѣніе держалось во Франціи нѣсколько лѣтъ, и серія романовъ д'Аннунціо, такая, какъ небольшія повѣсти и разсказы вызывала единодушное одобреніе и почти поклоненіе. Потомъ вдругъ два года тому назадъ начался во Франціи походъ противъ д'Аннунціо съ цѣлью окончательно уничтожить его въ литературномъ отношеніи. Нѣсколько молодыхъ писателей, какъ Леонъ Додэ, Гастонъ Дешанъ и др. объявили романы д'Аннунціо безсовѣстнымъ плагіатомъ и длиннымъ рядомъ выписокъ показывали, что д'Аннунціо въ своихъ произведеніяхъ повторяетъ дословно то Флобера, то Бодлера, то изъ новѣйшихъ писателей Гюисмана, Саръ-Пеладона и др., продѣлывая это довольно ловко, т. е. напр , повторяя стихи Бодлера, въ прозѣ или, напротивъ того, передѣлывая прозу Флобера въ стихи. Обиліе цитатъ, указывающихъ на очевидное заимствованіе, было очень внушительно и какъ-то сразу охладило поклонниковъ д'Аннунціо, обнаруживъ недобросовѣстность и недостойную мелочность художественныхъ пріемовъ романиста. Д'Аннунціо отвѣтилъ письмомъ въ «Figaro», гдѣ не отказывался отъ заимствованій и отъ всякихъ литературныхъ вліяній, но признавалъ себя въ правѣ слѣдовать имъ, доказывая, что самобытность художника

Digitized by Google

проявляется и въ томъ, какъ онъ воспринимаетъ чужое, и называя примѣры такихъ заимствованій однихъ писателей у другихъ безъ всякаго ущерба для самобытности обѣихъ сторонъ. Письмо его, однако, далеко не изгладило впечатлѣнія, произведеннаго обличительными статьями, потому что въ самомъ дѣлѣ романы д'Аннунціо полны не отдѣльными фразами, взятыми изъ разныхъ поэтовъ и писателей, а въ значительной части повтореніями чужихъ идей. Послѣ этой enquête о произведеніяхъ д'Аннунціо, сдѣланной французскими журналистами, видно, что д'Аннунціо не внесъ никакихъ новыхъ идей въ литературу. Латинское возрожденіе, предвозвѣстникомъ котораго Вогюэ объявилъ д'Аннунціо, оказалось повтореніемъ уже получившихъ во Франціи право гражданства формулъ и идей. Книга Проперція, соотечественника д'Аннунціо, написана съ цѣлью оправдать романиста отъ обвиненій въ плагіатѣ и горячій защитникъ романиста очень убѣдительно говоритъ о правѣ заимствованія писателя у своихъ предшественниковъ, если только это заимствованіе имѣетъ характеръ самобытнаго переживанія почерпнутыхъ гдѣ-нибудь идей. Можно, въ самомъ дѣлѣ, склоняясь на доводы Проперція, оправдать д'Аннунціо отъ обвиненій въ плагіатѣ, но тѣмъ не менѣе останется очевиднымъ, что весь литературный блескъ д'Аннунціо, вся новизна его пониманія двойственныхъ чувствъ, исканіе наслажденій, приправленныхъ мыслью о смерти, сочетаніе мистицизма съ извращенностью, католицизма съ чувственностью, весь этотъ опьяняющій ароматъ демонизма, эстетизма и бездонныхъ ощущеній нѣжности—все это имѣетъ своимъ источникомъ произведенія главнымъ образомъ французской поэзіи, романа и англійскаго искусства.

Но несмотря на эту внутреннюю подчиненность литературнымъ вліяніямъ, д'Аннунціо остается интереснымъ и чрезвычайно оригинальнымъ художникомъ. Это сказалось уже въ томъ, что устроенный противъ него походъ не погубилъ его въ глазахъ европейской публики. Его послѣдній романъ, явившійся послѣ газетнаго скандала, встрѣченъ былъ критикою серьезно и сочувственно, а въ теченіе послѣдняго года имя д'Аннунціо снова стало часто повторяться по поводу его театральныхъ пьесъ и его попытки основать въ Италіи классическій театръ, гдѣ бы свято соблюдались художественныя классическія традиціи. Двѣ пьесы, написанныя д'Аннунціо въ это время «Сонъ въ весеннюю ночь» и «Мертвый городъ» менѣе всего могутъ быть названы великими произведеніями, но по мастерству языка и художественности образовъ они остаются въ общемъ тонѣ произведеній д'Аннунціо, и теперь, когда литературная физіономія еще сравнительно молодого художника (д'Аннунціо въ настоящее время не больше 35 лѣтъ) выяснилась, можно составить себѣ о немъ полное и твердое представленіе. Едва-ли будущія произведенія могутъ измѣнить его теперешній обликъ, потому что все, что онъ пишетъ въ послѣднее время, вполнѣ укладывается въ рамки, намѣченныя имъ въ первой юности.

Digitized by Google

Д'Аннунціо слѣдуетъ литературнымъ формуламъ, установившимся въ современной литературѣ, но онъ вкладываетъ въ нихъ южную натуру. Формы и обороты рѣчи, образы, которые онъ придумываетъ, постоянныя ссылки на картины, стремленіе создавать эстетическія рамки для чувствъ своихъ героевъ и героинь, устраивать намѣренные контрасты между бурными земными чувствами и обстановкой, въ которой они разыгрываются — все это искусственно выдумано и въ своемъ родѣ банально. Большинство героевъ и героинь новыхъ французскихъ романовъ украшаютъ свои комнаты предметами благочестія или любятъ профанировать церковную атмосферу рѣчами о земныхъ наслажденіяхъ. Точно также уже герои Бурже утратили способность непосредственныхъ чувствъ въ погонѣ за наслажденіями и заняты постояннымъ наблюденіемъ за собой, убивающимъ непосредственное чувство. Вся эта психологія профессіональныхъ искателей любви, скучающихъ свѣтскихъ донъ-жуановъ, такъ же, какъ и декорація ихъ романовъ слишкомъ хорошо извѣстны и, повторяясь въ романахъ д'Аннунціо, наводятъ только унынie. Но въ этихъ романахъ есть элементъ, отсутствующій во французскихъ романахъ. Герои д'Аннунціо стараются только быть бездушными резонерами. На самомъ дѣлѣ, въ нихъ дышетъ искренняя страсть, настоящее чувство жизни, умѣнье до конца испытать чувство и придти не къ философскому разочарованію, а къ полному трагизму. Живой трагизмъ романовъ д'Аннунціо составляетъ ихъ исключительную черту, искупающую подражательность его манеры и дѣланное резонерство нѣкоторыхъ его героевъ. Эти качества, т. е. полнота жизни, а также искреннее проникновеніе трагизмомъ жизни смерти, чувствуется главнымъ образомъ въ трехъ лучшихъ его романахъ, носящихъ общее заглавіе «романовъ розы», т. о. повѣстей о плоти. Въ первомъ изъ этихъ романовъ Il Piacere рѣчь идетъ о молодомъ художникѣ, который посвятилъ свою жизнь исканію любви и убилъ въ себѣ возможность любить и тѣмъ, что велъ слишкомъ бурную жизнь, и тѣмъ, что слишкомъ предается самоанализу. И всетаки въ этой уставшей и опустѣвшей душѣ возможно чувство; оно сначала въ немъ двоится: онъ любитъ одну за другой женщинъ разнаго типа, одну, которая овладѣваетъ его чувственностью, другую, которая близка его душѣ. Въ романѣ чувствуется душевная молодость автора, въ значительной степени описывающаго свои собственныя чувства и настроенія. Вся сила д'Аннунціо—въ описаніи самой любви, глухой, сосредоточенной и трагичной, потому что герой его находитъ въ любви только страданіе, вытекающее не изъ обстоятельствъ жизни, а изъ самаго чувства любви. Съ изумительной искренностью и яркостью онъ показываетъ, что для современнаго человѣка невозможна полнота счастья въ чувствѣ, но возможна полнота страданія.

Второй романъ д'Аннунціо, L'Innocente, сильно отражаетъ вліяніе Толстого и его ученіе о христіанскомъ смиреніи и всепрощеніи, при-

Digitized by Google

чемъ эта идея является сильно искаженной у итальянскаго художника. Его герой узнаетъ объ измѣнѣ жены, мучается желаніемъ и невозможностью простить ее и, наконецъ, находитъ возможный путь прощенія: онъ способствуетъ смерти ребенка, вѣчно напоминающаго ему объ измѣнѣ. Когда эта жертва принесена и ребенокъ умираетъ, супруги, изстрадавшіеся отъ внутренней борьбы, забываютъ прошлое. У читателя остается вопросъ, можетъ-ли закланіе невинной жертвы искупить чужое преступленіе.

Третій романъ Trionfo della Morte самый сильный и оригинальный изъ всѣхъ. Въ немъ только два дѣйствующихъ лица, двое страстно влюбленныхъ другъ въ друга людей, занятыхъ только своимъ чувствомъ и еще подъискиваніемъ подходящей обстановки для своихъ чувствъ, и 500 страницъ романа наполнены жгучей мучительной повѣстью любви, безъисходной по существу и приводящей слишкомъ сильно любящихъ людей къ добровольной смерти. Почти никакихъ внѣшнихъ событій въ романѣ нѣтъ, все дѣло въ внутренней исторіи чувства, въ стихійныхъ переходахъ отъ любви къ ненависти, въ безъисходной дуэли между мужчиной и женщиной, у которыхъ любовь и органическая вражда слиты въ скорби, то нѣжной, то бурной, но безконечной.

Въ настоящее время д'Аннунціо началъ новую серію «романовъ лиліи», изъ которыхъ написанъ первый «Vergine delle Rocche». Эти романы задуманы въ мистическомъ духѣ и въ нихъ рѣчь идетъ объ идеальныхъ стремленіяхъ человѣческой души.

Небольшіе разсказы и повѣсти д'Аннунціо Episcopo et Comp. и др. отражаютъ вліяніе Достоевскаго, но написаны съ обычнымъ у д'Аннунціо драматизмомъ и яркостью колорита.

З. Венгерова.

Allgemeine Kulturgeschichte von D-r Reinhold Günther Zür. u Leipz. Verl. von Schröter. (Всеобщая исторія культуры Д-ра Рейнгольда Гюнтера).

Усиленный спросъ на сочиненія по исторіи культуры, быть можетъ, заставитъ кого либо изъ малоразборчивыхъ издателей взяться за переводъ этой книжки, благодаря ея громкому заглавію. Только въ виду этой нежелательной возможности, мы считаемъ своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ объ этой книжкѣ, которая при иной темѣ и иномъ названіи не заслуживала бы подробнаго разсмотрѣнія.

Къ автору мы не можемъ предъявлять большихъ требованій: онъ сознается въ предисловіи, что написалъ свою небольшую книгу по заказу издателя. Раньше того, вѣроятно, по такому же мотиву, онъ написалъ книжку, еще меньшаго размѣра, «Красота женщины въ зеркалѣ вѣковъ», въ которой онъ представилъ все, что поэты и художники всѣхъ временъ дали намъ по отношенію совершеннаго образа прекрасной женщины». Уже эта книга, предшествовавшая «Всеобщей исторіи куль-

Digitized by Google

туры», показываетъ, что въ лицѣ автора мы имѣемъ дѣло съ дюжиннымъ компиляторомъ, который готовъ писать обо всемъ, что въ данную минуту требуется книжнымъ рынкомъ. Если мы примемъ во вниманіе, что требованія этого рынка въ Германіи выше, чѣмъ у насъ, что для не спеціалиста написать книгу по исторіи культуры очень трудно и что подобная работа тамъ скудно оплачивается, мы не можемъ не проникнуться извѣстнымъ снисхожденіемъ къ автору. Это снисхожденіе переходитъ даже въ нѣкоторое уваженіе, когда мы просмотримъ списокъ сочиненій, которыми пользовался онъ, списокъ, занимающій $3^1/_2$ страницы. Несомнѣнно, онъ всѣ эти книги прочиталъ, такъ какъ приводитъ изъ нихъ большія цитаты, и исполнилъ свой трудъ съ возможною для него добросовѣстностью; въ наивномъ самомнѣніи, онъ предполагаетъ даже, что его книжка можетъ служить «руководствомъ для преподаванія исторіи культуры» (VI). Онъ приступилъ къ ней и съ недостаточнымъ историческимъ образованіемъ, но всего этого оказалось мало: ему ничего не удалось дать, кромѣ сухихъ историческихъ очерковъ, а факты, и взгляды, которые всѣмъ извѣстны и повторяются въ любомъ краткомъ учебникѣ исторіи. Географическихъ, антропологическихъ или соціологическихъ основъ мы напрасно стали бы искать въ этой книгѣ.

Шаткость и неясность воззрѣній автора замѣчаются уже въ самомъ его вступленіи. Желая придать своей книгѣ значеніе руководства, онъ пытается дать необходимыя опредѣленія—что такое культура, въ чемъ заключается задача исторіи культуры, и на какіе отдѣлы или отрасли дѣлится эта послѣдняя. Всѣ эти опредѣленія нельзя признать ни ясными, ни вѣрными. Въ первыхъ строкахъ мы находимъ такое «понятіе о культурѣ»: «Культура обнимаетъ всю человѣческую дѣятельность, на сколько она отличается отъ дѣятельности животныхъ» (1). Легко представить себѣ недоумѣніе, въ которое подобное опредѣленіе можетъ повергнуть приступающаго къ изученію исторіи культуры по книгѣ д-ра Гюнтера, въ особенности, когда онъ прочтетъ строки, слѣдующія за приведенными выше: «Происхожденіе первыхъ началъ культуры, такъ же какъ первичная родина человѣка, облечено глубочайшимъ мракомъ. Культура началась, когда человѣкъ сдѣлался человѣкомъ» (тамъ же). Если мы ничего не знаемъ о мѣстѣ происхожденія и первичныхъ формахъ культуры, то что же должны мы думать о низшихъ дикаряхъ, вродѣ обитателей средней Калифорніи, живущихъ въ норахъ и имѣющихъ самое первобытное общественное устройство? Что сказать намъ о дикаряхъ, поѣдающихъ себѣ подобныхъ, чего не дѣлаютъ многія хищныя животныя? Въ чемъ ихъ дѣятельность отличается съ выгодою отъ дѣятельности животныхъ и въ чемъ заключается ихъ культура? Едва ли мы отвѣтимъ на эти вопросы, придерживаясь опредѣленія автора, который отнимаетъ у насъ возможность выдти изъ затрудненія съ помощью соображенія, что человѣкъ отличается отъ жи-

Digitized by Google

вотнаго способностью рѣчи: авторъ указываетъ, что и «животныя несомнѣнно обладаютъ средствами взаимнаго пониманія». Правда, онъ оговаривается въ примѣчаніи, что, признавая способность понимать другъ друга у слоновъ, обезьянъ, собакъ и т. п., никто не будетъ, однако, говорить серьезно о слоновой, обезьяньей или собачьей культурѣ, но онъ не объясняетъ, почему такое выраженіе было бы нелѣпостью? Вѣдь ручной индійскій слонъ, дрессированная собака или обезьяна по своему умственному развитію значительно превосходитъ своихъ дикихъ родичей, и, съ точки зрѣнія автора, это умственное и техническое преимущество ихъ вполнѣ могло бы быть названо «культурнымъ».

Такое же неудачное или неполное опредѣленіе даетъ онъ «задачѣ исторіи культуры», которая, какъ онъ думаетъ заключается «въ изображеніи прогрессивнаго стремленія всего человѣческаго общества во всѣхъ областяхъ». Во первыхъ, послѣднее выраженіе такъ широко, что почти не имѣетъ содержанія, а во вторыхъ, «стремленіе всего человѣческаго общества» рѣдко бываетъ общимъ для него и далеко не всегда бываетъ прогрессивнымъ. Неувѣренность автора въ собственныхъ опредѣленіяхъ и желаніе найдти поддержку для нихъ въ какомъ нибудь авторитетѣ выражаются въ странной цитатѣ изъ Генне ам-Рина, который говоритъ: «Исторія культуры представляетъ необъяснимыя естественными законами (Naturgesetze) большія и важныя событія и состоянія въ бытіи человѣка; это есть разсказъ о томъ, что совершилъ человѣкъ, не будучи къ тому вынужденъ природой; это—исторія въ самомъ высокомъ и чистомъ смыслѣ и духѣ» 2) Приводя эти взгляды на исторію культуры, д-ръ Гюнтеръ, повидимому, соглашается съ ними и подтверждаетъ ими свое личное мнѣніе, но въ примѣчаніи опять дѣлаетъ оговорку: «можно привести доказательство, говоритъ онъ, что въ концѣ концовъ вся культура обусловливается и направляется естественными законами». На чемъ же долженъ остановиться читатель: зависитъ культура отъ естественныхъ законовъ или законовъ природы или нѣтъ? Чѣмъ-же въ послѣднемъ случаѣ она направляется и обусловливается?

Опредѣляя характеръ своего сочиненія, авторъ впадаетъ въ противорѣчіе. Устанавливая два главныхъ отдѣла исторіи культуры—общую и спеціальную, онъ относитъ свое сочиненіе къ первому отдѣлу на томъ основаніи, что въ немъ излагается предметъ общей исторіи культуры, которымъ должно быть «измѣреніе и сравненіе сущности законовъ и формъ культуры въ различные вѣка и у различныхъ народовъ». А содержаніе спеціальной исторіи культуры, по его мнѣнію, заключается въ «изображеніи въ болѣе рѣзкихъ очертаніяхъ отдѣльныхъ періодовъ и вѣковъ, отдѣльныхъ народовъ или общинъ, даже отдѣльныхъ лицъ». Такимъ образомъ, выходитъ, что спеціальная исторія культуры отличается отъ общей только болѣе рѣзкими очертаніями», такъ какъ

Digitized by Google

и послѣдняя одинаково разсматриваетъ отдѣльные вѣка и отдѣльные народы. Очевидно, авторъ не можетъ отдѣлаться отъ понятія о всеобщей исторіи, излагающей исторію всѣхъ историческихъ странъ и народовъ въ одномъ сочиненіи, и спеціальной исторіи, излагающей исторію одной страны или одного какого либо вѣка или выдающейся личности. Ему, повидимому, неизвѣстно, что общей исторіей культуры слѣдовало бы назвать такое изложеніе этой науки, въ которомъ прослѣжено развитіе каждой изъ сторонъ культуры,—духовной, нравственной, матерьяльной и проч.—отъ первыхъ зачатковъ, насколько мы можемъ ознакомиться съ ними у народовъ доисторическихъ и нынѣ живущихъ дикарей, до ея новѣйшихъ, современныхъ намъ формъ. Авторъ не скрываетъ отъ насъ, что главною вспомогательною наукою исторіи культуры является для него политическая исторія. Уже на второмъ планѣ выступаютъ у него естественныя науки, занимающіяся изученіемъ нашей планеты и ея человѣческихъ обитателей въ настоящемъ и въ прошломъ.

Если бы эти науки не вмѣшивались въ исторію культуры, тогда дѣло нашего автора было бы очень простымъ: онъ могъ бы распредѣлить по рубрикамъ, употребительнымъ въ руководствахъ всеобщей исторіи, имѣющійся у него подъ руками матерьялъ о вѣрованіяхъ, нравственности, научномъ уровнѣ, общественныхъ формахъ и техникѣ всѣхъ историческихъ народовъ. Онъ такъ и сдѣлалъ въ послѣдующихъ отдѣлахъ, но все таки долженъ былъ предпослать два отдѣла о доисторическомъ и дикомъ человѣкѣ. То и другое было не легко для него и не обошлось безъ промаховъ, свидѣтельствующихъ о полномъ незнакомствѣ его съ доисторической археологіей и антропологіей. Такъ мы можемъ прочитать у него, что наука различаетъ теперь двѣнадцать человѣческихъ видовъ (Menschen-arten), которые, въ свою очередь, распадаются на тридцать шесть расъ, а именно, папуасы, готтентоты, кафры, негры, австралійцы, малайцы, монголы, арктики (полярные народы), американцы, дравиды, нубійцы и средиземцы (народы, обитающіе въ области Средиземнаго моря)» (5). Хотя онъ не упоминаетъ, откуда онъ извлекъ это дѣленіе, но извѣстно, что его держится Фр. Миллеръ, который, однако, называлъ эти группы не видами, а расами; смѣшивать два эти понятія можетъ только человѣкъ, совершенно невѣжественный въ естествознаніи. Кромѣ того «теперь» наука отказалась отъ такого множества группъ, которыя естественно распадаются на три главныя расы,—бѣлую, желтую и черную. Каждая изъ этихъ расъ имѣла свою культуру хотя и не одинаково подвинувшуюся, и говорить, какъ это дѣлаетъ авторъ, что «главными носителями культуры были кавказцы, баски, хамосемиты и индогерманцы» (5), совершенно невѣрно, такъ какъ при этомъ упускается изъ виду вполнѣ самостоятельная культура желтой или монгольской расы.

Чрезвычайно легко обойдясь съ вопросомъ о мѣстѣ происхожденія древности человѣка и о возникновеніи языка, которые кажутся автору

Digitized by Google

не поддающимися даже приблизительному рѣшенію, или выясненію, авторъ въ весьма бѣгломъ обзорѣ разсматриваетъ происхожденіе и развитіе главныхъ факторовъ культуры—языка, письма, счисленія, огня, приготовленія пищи, освѣщенія и обогрѣванія, орудій и оружія, жилища, посуды, одежды, искусства, науки и религій, посвящая каждому по нѣсколько словъ, далеко не говоря въ нихъ того, что слѣдуетъ сказать. Такъ, касаясь огня, онъ высказываетъ въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что «переходъ человѣка изъ чисто дикой жизни (Natur leben) въ культурную былъ обусловленъ самой природою, подарившею ему огонь. До сихъ поръ не открыто ни одного человѣческаго племени, которое не пользовалось бы огнемъ для ежедневныхъ надобностей? По этой причинѣ можно съ увѣренностью утверждать, что огонь служитъ человѣку съ самыхъ древнихъ временъ (Urzeiten) для приготовленія пищи и искусственнаго освѣщенія или обогрѣванія жилища» (9). Такъ разрѣшается имъ вопросъ о первомъ знакомствѣ человѣка съ огнемъ, столь до него занимавшій и теперь еще занимающій ученыхъ. Говоря о приготовленіи пищи, онъ довольно неясно выражается объ австралійцахъ, бушменахъ и огнеземельцахъ, что они «не умѣли варить свою пищу». Если подъ этими словами можно разумѣть приготовленіе мяса или овощей въ кипящей водѣ, то тотъ способъ первоначально былъ неизвѣстенъ не однимъ только перечисленнымъ группамъ. Незнакомство съ нимъ раздѣляли всѣ народы, не освоившіеся съ гончарнымъ дѣломъ и замѣняли кипяченіе воды нагрѣваніемъ ея раскаленными камнями, что можно было дѣлать въ деревянной посудѣ и даже въ кожаныхъ мѣхахъ. Пожалуй, это—мелочь, но, заговоривъ о приготовленіи пищи, нельзя было обойти такой важный способъ приготовленія ея, какъ развариваніе ея въ горячей водѣ. Едва ли читатель, знакомящійся съ исторіей культуры по книгѣ Гюнтера, пойметъ слѣдующую фразу, въ которой разъясняется происхожденіе орудій: «человѣческая рука, благодаря своему счастливому анатомическому строенію, представляетъ уже сама по себѣ весьма удобное орудіе; перенесеніемъ естественныхъ свойствъ ея на безжизненные предметы были созданы простѣйшіе инструменты» (11). Основная мысль этого выраженія совершенно вѣрна, но оно высказано въ такой формѣ, что безъ всякаго дальнѣйшаго поясненія человѣку непосвященному въ дѣло оно едва-ли можетъ быть понятно.

Въ этомъ отдѣлѣ и въ двухъ слѣдующихъ, въ которыхъ говорится о культурѣ доисторическаго и дикаго человѣка, почти въ каждомъ параграфѣ можно найти подобныя недомолвки, неясности и невѣрности, отнимающія у этихъ трехъ важныхъ отдѣловъ всякое значеніе для лицъ, ищущихъ въ этой книгѣ основаній культурной исторіи человѣчества. Въ неточномъ, шаткомъ изложеніи его единственными оазисами являются цитаты изъ Фрааса, Геера, Леббока и др. археологовъ, а также Пешеля, просвѣщающаго автора по отношенію къ дикимъ народамъ. Авторъ не скупится на цитаты, и читатель, конечно, не посѣтуетъ за это на него.

Digitized by Google

Онъ больше чувствуетъ себя на своихъ ногахъ, когда доходитъ, наконецъ, до народовъ историческихъ. Тамъ онъ уже прибѣгаетъ къ помощи историковъ, и ихъ также часто заставляетъ говорить за себя. Но и съ ихъ помощью, ему не удается сообщить ничего новаго читателю, знакомому съ руководствами по исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Послѣдній, напр., изъ четвертаго отдѣла, озаглавленнаго «Восточно-азіатская культура», узнаетъ, что Восточная Азія окружена высокими горами, что Китай—самое древнее изъ нынѣ существующихъ государствъ, что своей культурой онъ обязанъ плодородной низинѣ, лежащей между Голубой и Желтой рѣкой, что китайцы очень уважаютъ науку, что искусство ихъ не поднимается выше ремесла, что земледѣліе составляетъ главное занятіе китайскаго народа, но что и промышленность его достигаетъ значительной высоты, что ему принадлежитъ нѣсколько важныхъ техническихъ изобрѣтеній и что основою его общественной жизни является семья, и богдыханъ считается отцомъ своихъ подданныхъ. Такого же рода свѣдѣнія читатель можетъ извлечь изъ книги Гюнтера и о вавилонянахъ и ассиріянахъ, индусахъ, финикіянахъ, евреяхъ, египтянахъ, грекахъ, римлянахъ средневѣковой новой Европы. Читатель, знакомый съ курсомъ исторіи среднихъ учебныхъ заведеній, прочитавъ эту книгу, долженъ будетъ испытать пріятное: онъ увидитъ, что онъ напрасно думалъ, будто онъ не зналъ исторіи культуры; онъ началъ съ нею знакомиться уже съ 3-го класса гимназіи.

Но мы желали бы избавить русскаго читателя отъ этого пріятнаго изумленія и потому посвятили книгѣ Гюнтера, быть можетъ, больше мѣста, чѣмъ она заслуживаетъ, надѣясь, что эти строки попадутся на глаза издателямъ и заставятъ ихъ подумать прежде, чѣмъ внести въ нашу переводную литературу, эту слабую, никому не нужную книгу.

Д. Коропчевскій.

The Founders of Geology by Sir Archibald Geikie London, Macmillan and C°. 1897.

(Основатели геологіи сэра Арчибальда Гейки, Лондонъ, 1897).

Исторія науки—область, почти еще не затронутая нашей литературой. Не говоря уже объ оригинальныхъ, можно насчитать и весьма немного переводныхъ сочиненій по этому любопытному и необходимому отдѣлу знаній, каковы, напр., труды Перье по исторіи зоологіи и Даннемана по исторіи естествознанія, печатавшіяся въ приложеніяхъ къ журналу «Міръ Божій» въ 1896 и 1897 гг. Если естествознаніе вообще и зоологія въ частности могутъ представить у насъ нѣкоторые труды по исторіи своего развитія, то этого нельзя сказать о геологіи. Насколько распространена эта наука, сколько дѣятелей насчитываетъ она въ своихъ рядахъ, мы видѣли на прошлогоднемъ геологическомъ съѣздѣ въ Петербургѣ. Мы видѣли, что и русскіе ученые принимали замѣтное участіе въ работахъ съѣзда, но публика наша выказала къ нему гораздо меньше сочувствія,

Digitized by Google

тѣмъ онъ заслуживалъ: она болѣе интересовалась выставкой, чѣмъ рефератами, читавшимися въ ученыхъ собраніяхъ. Очевидно, для популяризаціи геологіи у насъ сдѣлано еще весьма мало, и даже нашимъ образованнымъ людямъ неизвѣстны имена наиболѣе выдающихся современныхъ работниковъ по исторіи образованія нашей планеты. Между тѣмъ изученіе этой исторіи оказывается все болѣе и болѣе нужнымъ для познанія настоящаго положенія земли, составляющаго предметъ географіи, и для того, кто желаетъ ознакомиться съ наукою о природѣ, знакомство съ геологіей становится безусловно необходимымъ. Изученіе науки по современнымъ руководствамъ, предлагающимъ взгляды настоящей минуты, не можетъ быть полнымъ, такъ какъ при этомъ не виденъ тотъ путь, которымъ наука дошла до своихъ нынѣшнихъ воззрѣній и понятій. Этотъ путь чрезвычайно поучителенъ, показывая намъ, какія напряженныя усилія и какое продолжительное время нужно для побѣды самой простой очевидной истины надъ предразсудками или косностью мысли. Въ то же время онъ какъ нельзя болѣе интересенъ, рисуя намъ сложную драму человѣческой жизни, съ ея борьбой, разочарованіями, интригами и пр., тамъ, гдѣ мы привыкли предполагать одну лишь спокойную, безмятежную кабинетную работу. Когда мы узнаемъ, какъ добывались положенія науки, которыя мы равнодушно запоминаемъ, не справляясь о томъ, что стоило ихъ открыть, провести и утвердить въ наукѣ, мы проникаемся чувствомъ живого отношенія къ послѣдней, и истины ея олицетворяются для насъ въ великихъ и нерѣдко несчастныхъ творцахъ ихъ.

Это глубокое, жизненное впечатлѣніе вызывается въ насъ названной выше книгой почтеннаго англійскаго геолога, составившейся изъ лекцій, читанныхъ имъ въ Балтиморѣ передъ собраніемъ сѣверо-американскихъ геологовъ. Желая, чтобы лекціи его имѣли одинаковый интересъ для представителей всѣхъ отраслей геологіи, Гейки избралъ темою для нихъ исторію своей науки отъ второй половины прошлаго до второго десятилѣтія минувшаго вѣка. Выборъ этотъ опредѣлился для него еще и по тому, что, по его словамъ, онъ «былъ пораженъ ограниченнымъ знакомствомъ съ историческимъ развитіемъ геологіи даже у людей, оказавшихъ не малыя услуги въ расширеніи предѣловъ этой науки». Стѣсняемый небольшимъ числомъ лекцій, не превышавшимъ шести, и остановившись на самомъ творческомъ и плодотворномъ періодѣ въ исторіи геологіи, профессоръ рѣшился дать очеркъ жизни «великихъ піонеровъ», прокладывавшихъ новые пути въ наукѣ и разсказать о борьбѣ, неудачахъ и успѣхахъ, какіе имъ приходилось испытать. Глубокое знакомство съ предметомъ и блестящій литературный талантъ автора дали ему возможность написать образцовую, въ своемъ родѣ книгу, которая должна быть прочитана каждымъ, интересующимся прогрессомъ точнаго знанія. Дѣйствительно, въ исторіи науки немного найдется болѣе любопытныхъ свидѣтельствъ энергіи человѣческаго ума, чѣмъ періодъ въ развитіи ге-

Digitized by Google

логіи, избранный Гейки. Какъ онъ выражается, «еще сто лѣтъ тому назадъ эта наука не имѣла общепризнаннаго имени и мѣста въ кругу человѣческихъ знаній, а теперь она уже можетъ похвастать обширной литературой, сотнями ученыхъ обществъ, разсѣянныхъ по всему міру, и государственной организаціей ея работъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ». 3) Этимъ удивительнымъ движеніемъ она обязана генію и трудолюбію нѣсколькихъ лицъ, которымъ удалось подмѣтить въ природѣ и облечь въ форму научныхъ истинъ тайны, остававшіяся скрытыми отъ самыхъ проницательныхъ глазъ въ теченіе тысячелѣтій, въ которыя человѣкъ занимался наукой. Правда, нѣкоторые ученые и ранѣе высказывали взгляды на прошлое земли, отчасти подтвердившіеся впослѣдствіи; но это были удачныя догадки, не основанныя на опытѣ. Духъ научнаго опыта и наблюденій поздно утвердился въ геологіи. Долгое время исторія земли была предметомъ чисто умозрительныхъ измышленій такъ называемыхъ космогонистовъ. Въ числѣ ихъ были такіе свѣтлые умы, какъ Лейбницъ и Бюффонъ, но и они, за отсутствіемъ точнаго наблюденія, могли представить лишь болѣе или менѣе остроумныя гипотезы, отвергнутыя наукою, когда она отъ простыхъ умозрѣній перешла къ изученію фактовъ.

Первымъ, кто вступилъ на путь тщательнаго наблюденія природы, былъ одинъ изъ соотечественниковъ и современниковъ Бюффона, Ж. Э. Геттаръ, остроумный и неутомимый изслѣдователь, далеко не вполнѣ понятый и оцѣненный. Фармацевтъ и медикъ по образованію, онъ съ ранней молодости отличался страстью къ ботаникѣ. Ботаническія экскурсіи открыли ему связь распредѣленія растеній съ извѣстными минералами и горными породами. Это привело его къ занятію минералогіей, но, въ дѣйствительности, работы его принадлежали къ области геологіи. Онъ изучалъ распространеніе минераловъ и горныхъ породъ по всей поверхности Европы, наблюдалъ дѣйствіе силъ, измѣнявшихъ наружный видъ суши и описывалъ организмы, попадавшіеся въ горныхъ породахъ. Такимъ образомъ, онъ былъ постояннымъ творцомъ динамической и палеонтологической геологіи. Тѣмъ не менѣе, хотя онъ написалъ до 200 статей, но напечаталъ шесть большихъ томовъ in 4°, и составилъ первую геологическую карту; хотя онъ былъ членомъ Французской Академіи Наукъ, имя его вскорѣ было забыто, и только черезъ сто лѣтъ вспомнили объ его работахъ. Между прочимъ, онъ первый опредѣлилъ вулканическій характеръ Овернскихъ горъ, игравшихъ такую видную роль въ геологическихъ изслѣдованіяхъ послѣдующаго времени. Это былъ человѣкъ неутомимый въ трудѣ, рѣдкій и правдивый, возмущавшійся даже лестью «похвальныхъ словъ» (éloges), которыя, по обычаю произносились секретаремъ Академіи въ память умершихъ членовъ. Кондорсэ, въ своемъ éloge, посвященномъ Геттару, говоритъ о немъ: «Своими тщательными и трудолюбивыми изслѣдованіями онъ болѣе подвинулъ настоящую теорію земли, чѣмъ философы, напрягавшіе свои

Digitized by Google

мозги для созданія блестящихъ гипотезъ, минутныхъ призраковъ, которыхъ свѣтъ истины вскорѣ погружалъ въ вѣчное забвеніе».

Даже его великій современникъ, Демарэ, сдѣлавшій крайне важное открытіе въ Оверни, не упомянулъ о предшествовавшихъ работахъ Геттара. Выйдя изъ бѣднаго класса, научившись читать только на пятнадцатомъ году, Демарэ быстро достигъ положенія инспектора всѣхъ казенныхъ фабрикъ во Франціи и болѣе полувѣка работалъ для развитія французской промышленности. Но жизнь въ деревнѣ въ ранней молодости навсегда привила ему любовь къ изученію природы и простыя привычки. Какъ только служебныя обязанности позволяли ему на время покинуть ихъ, онъ отправлялся въ далекія экскурсіи, путешествія, по большей части, пѣшкомъ, съ кускомъ хлѣба и сыра въ дорожной сумкѣ. Эти путешествія не разъ приводили его въ Овернь, гдѣ геніальная проницательность позволяла ему открыть то, что оставалось скрытымъ отъ глазъ прежнихъ ученыхъ, не исключая и Геттара,—происхожденіе базальта. Эта интересная горная порода, являющаяся въ видѣ правильныхъ столбовъ, давно и тщетно испытывала догадливость минералоговъ. Между ними установилось мнѣніе, что базальтъ образовался путемъ осажденія изъ воднаго раствора, и это мнѣніе долго держалось въ наукѣ. Демарэ первый опровергъ его и доказалъ вулканическое происхожденіе базальта. Въ то же время онъ первый доказалъ возникновеніе долинъ, благодаря размывающему дѣйствію горныхъ потоковъ. Онъ же раньше другихъ наблюдалъ вулканическую исторію Оверни, высказалъ, что «природа слѣдовала въ самыя отдаленныя времена тому же порядку явленій, какъ и въ новѣйшія» (68). Демарэ работалъ до конца жизни и умеръ 90 лѣтъ, оставивъ, кромѣ записокъ, представленныхъ Академіи Наукъ, громадный трудъ, подъ заглавіемъ «Физическая географія», входившій въ составъ энциклопедій Дидро и Даламбера; онъ занималъ 4 тома по 700—900 страницъ большого формата и былъ доведенъ только до буквы N. Въ него входили не только личныя наблюденія Демарэ, но и обзоръ трудовъ всѣхъ ученыхъ, занимавшихся до него и въ его время физическою географіей. Авторъ не хотѣлъ, впрочемъ, касаться мнѣнія лицъ, находившихся еще въ живыхъ, и сдѣлалъ исключеніе только для Палласа и Гёттона, которые во многомъ сходились съ нимъ. Къ сожалѣнію, Демарэ не успѣлъ издать геологической карты Оверни, которой посвятилъ много труда. Еслибы онъ сдѣлалъ это, вѣроятно, вовсе не возникало бы спора о водномъ или огневомъ происхожденіи базальта, игравшаго печальную роль въ наукѣ прошлаго вѣка, такъ какъ онъ мѣшалъ, благодаря авторитету защитниковъ воднаго образованія базальта, распространенію вѣрнаго взгляда Демарэ на этотъ предметъ.

Ко второй половинѣ XVIII в. относятся и путешествія съ чисто научными цѣлями. Одно изъ первыхъ путешествій такого рода совершено было въ Сибирь императрицей Екатериной II подъ руководствомъ академика Палласа. Этому превосходному натуралисту обязаны мы свѣ-

Digitized by Google

лѣніями о распространеніи въ предыдущія геологическія эпохи громадныхъ толстокожихъ на сѣверѣ азіатскаго материка. Ему же принадлежатъ весьма важныя для своего времени заключенія объ образованіи и строеніи горъ и постигшихъ ихъ измѣненіяхъ.

Еще болѣе замѣтными въ исторіи науки были изслѣдованія швейцарца де Соссюра въ Альпійскихъ горахъ. За нимъ остается честь открытія пути для горныхъ изслѣдованій геологовъ и туристовъ. До него горы считались незаслуживающими вниманія людей науки и любителей природы, какъ мѣстности пустынныя и нимало непривлекательныя. Соссюръ не столько выдавался своими научными взглядами, которые не отличались оригинальностью, сколько неутомимымъ изученіемъ горной природы, привлекшими къ ней вниманіе геологовъ и путешественниковъ. Гейки приписываетъ ему введеніе термина геологія для обозначенія науки объ образованіи и строеніи земли.

Уже Палласъ и де Соссюръ, занимавшіяся изслѣдованіемъ строенія Уральскихъ и Альпійскихъ горъ, замѣчали, что внутренняя часть горнаго хребта—болѣе древняго происхожденія сравнительно съ наружными или боковыми частями, но отъ этого наблюденія до опредѣленія извѣстнаго порядка въ послѣдованіи породъ было еще далеко. Первые шаги въ установленіи этого порядка сдѣланы были тремя нѣмецкими учеными Леманомъ, Фукселемъ и Вернеромъ. Первыя указанія его мы находимъ въ небольшой книжкѣ Лемана, изданной въ Берлинѣ въ маленькомъ форматѣ и на плохой бумагѣ. Въ ней заключались результаты наблюденій автора надъ строеніемъ Гарца и Рудныхъ горъ. Онъ распозналъ въ нихъ три отдѣла—1) современный міросданію, 2) образовавшійся отъ общаго измѣненія почвы и 3) образовавшійся въ различное время отъ мѣстныхъ измѣненій. Разрѣзы, приложенные къ его сочиненію, показываютъ, что онъ угадывалъ главныя основанія тектонической геологіи. Одновременно съ Леманомъ, такую же проницательность въ истолкованіи геологическихъ явленій выказалъ Фуксель, сынъ пекаря изъ Ильменау, у сѣверной подошвы Тюрингенвальда. Имъ написана была на латинскомъ языкѣ статья подъ заглавіемъ «Исторія земли и моря, основанная на исторіи Тюрингенскихъ горъ» и затѣмъ, на нѣмецкомъ языкѣ, «Очеркъ древнѣйшей исторіи земли и человѣка». Въ нихъ, съ еще большею точностью, чѣмъ Леманъ, онъ устанавливалъ изслѣдованія слоистыхъ породъ и опредѣлялъ относительное положеніе каменноугольныхъ пластовъ, цехштейна, пестраго песчаника, мергеля, гипса и раковиннаго известняка.

Соображенія двухъ названныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, замѣчательныя по своей глубинѣ, остались почти неизвѣстными. Внести въ науку новыя воззрѣнія на строеніе земли суждено было Вернеру. Противоположно своимъ предшественникамъ Вернеръ, читавшій минералогію въ скромной горной школѣ въ Фрейбергѣ, пользовался широкой и громкой славой, какая едва ли доставалась на долю какому либо другому профес-

Digitized by Google

сору геологіи. Слушатели Вернера стекались изъ всѣхъ странъ, и всѣ извѣстнѣйшіе геологи того времени были его учениками. Этотъ необычайный успѣхъ вызывался обаяніемъ личности профессора, отдававшаго всего себя наукѣ и научнымъ интересамъ своихъ слушателей, и, если можно такъ выразиться,—универсальнымъ характеромъ его лекцій. Онъ придавалъ своему предмету широкую историческую подкладку, доказывалъ, что исторія народовъ, ихъ успѣхи и паденія зависятъ отъ той почвы, на которой они жили, и отъ горныхъ породъ, съ которыми они соприкасались. Въ такомъ взглядѣ было много парадоксальнаго, но онъ какъ нельзя болѣе увлекалъ слушателей, впервые встрѣчавшихся съ такимъ талантливымъ, живымъ изложеніемъ минералогіи. Вернеръ вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ чрезвычайно систематическимъ умомъ: онъ раньше всѣхъ далъ систематику минеральнаго царства. Такую же строгую точность внесъ онъ въ изслѣдованіе горныхъ породъ своего отечества, Саксоніи. Къ сожалѣнію, онъ не былъ знакомъ съ геологическимъ строеніемъ другихъ странъ и ошибочно распространилъ на нихъ свои обобщенія. Авторитетъ его придалъ имъ такой вѣсъ, что они долгое время считались научными догматами, устраняя воззрѣнія, болѣе соотвѣтствовавшія истинной природѣ вещей. Главными основаніями ученія Вернера было водное происхожденіе горныхъ породъ, будто бы осаждавшихся изъ мірового океана, нѣкогда покрывавшаго всю землю. Такое-же происхожденіе приписывалось, между прочимъ и базальту. Эта ложная идея внесла въ геологію гипотетическій элементъ, долго мѣшавшій правильному развитію ея. Уничтожать господство воззрѣній Вернера въ наукѣ пришлось знаменитѣйшему изъ его учениковъ Леопольду ф. Буху. Изслѣдуя вулканическія породы сперва въ Оверни, а затѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Европы и на Канарскихъ островахъ, ф. Бухъ понемногу отрѣшился отъ взглядовъ своего учителя и пришелъ къ правильнымъ воззрѣніямъ на дѣятельность вулканизма въ образованіи земной коры. Этотъ почтенный дѣятель, пользовавшійся уваженіемъ всего ученаго міра, отдалъ всю свою жизнь геологическимъ изслѣдованіямъ; нерѣдко ради провѣрки какого нибудь мнѣнія, онъ не задумывался предпринимать отдаленныя и утомительныя поѣздки.

Къ подобнымъ же взглядамъ самостоятельно пришелъ англичанинъ Геттонъ, такой же прирожденный геологъ, какъ Демарэ. Онъ былъ агрономомъ по профессіи и въ теченіе всей жизни присматривался къ лицу земли. Шотландія, гдѣ онъ жилъ, доставила ему возможность изучить изверженныя породы и составить правильное понятіе объ ихъ образованіи. Точностью и ясностью отличаются его воззрѣнія на силы, измѣнившія земную поверхность: онъ пришелъ къ убѣжденію, что и въ прежнія эпохи вода, воздухъ и подземныя расплавленныя массы дѣйствовали то разрушающимъ, то созидающимъ образомъ. Самъ онъ писалъ мало и оставилъ одну книгу «Теорія земли»; но взгляды его нашли превосходнаго истолкователя въ лицѣ друга его, профессора математики

Digitized by Google

Плейфера, написавшаго «Разъясненіе теоріи земли Геттона», книгу, которую, по мнѣнію Гейки, всѣмъ молодымъ геологамъ даже нашего времени слѣдуетъ читать, перечитывать, опять читать и опять перечитывать.

Въ концѣ прошлаго вѣка получила начало и стратиграфическая геологія, т. е. изученіе расположенія и распространенія пластовъ и сочетанія ихъ въ системы, благодаря трудамъ француза аббата Жиро-Сулави, знаменитаго Кювье и сотрудника его Броньяра, и англійскаго инженера Уильяма Смитъ, составившаго по личнымъ наблюденіямъ геологическую карту всей Англіи. Въ то же время работа геологовъ пріобрѣла большую точность и увѣренность при помощи изученія ископаемыхъ, характерныхъ для отдѣльныхъ пластовъ и цѣлыхъ системъ. Этимъ крупнымъ успѣхомъ наука также обязана трудамъ только что названныхъ ученыхъ.

Но въ строеніи земли и вмѣстѣ съ тѣмъ въ его прошломъ многое продолжало оставаться неяснымъ. Строеніе ее до основанія каменноугольной системы было достаточно освѣщено, но за предѣлами ея, такъ называемыя, «переходныя породы» Вернера были окутаны глубокимъ мракомъ. Разсѣять это удалось англичанамъ Мурчисону и Седжвику и американцу Логэну. Первымъ была установлена силурійская, вторымъ кембрійская и третьимъ лаврентійская системы, самыя древнія изъ содержащихъ остатки живыхъ существъ. Изъ нихъ особенный интересъ возбуждаетъ Мурчисонъ: отставной офицеръ, землевладѣлецъ, страстный охотникъ, онъ только тридцати двухъ лѣтъ сталъ заниматься наукой и отдался ей со страстью, нужда заставила его работать неутомимо, до конца жизни.

У геологовъ была еще неразрѣшимая задача—вопросъ объ эрратическихъ валунахъ, камняхъ, разбросанныхъ по всей Европѣ, обломкахъ какихъ-то горъ, принесенныхъ неизвѣстной силой. Разрѣшеніе этого вопроса было дѣломъ швейцарскаго ученаго Агассиса, впослѣдствіи перенесшаго свою дѣятельность въ Америку. Причину разнесенія валуновъ онъ увидалъ въ альпійскихъ ледникахъ, нѣкогда надвигавшихся на всю среднюю Европу.

Въ началѣ нашего столѣтія начаты были англійскимъ физикомъ Николемъ микроскопическія изслѣдованія горныхъ породъ, давшія особенно плодотворные результаты, благодаря работамъ Клифтона Сорби.

Блестящій перечень дѣятелей этого знаменательнаго періода въ исторіи геологіи заканчивается двумя знаменитыми именами Чарльза Ляйелля и Чарльза Дарвина. Дѣятельность ихъ имѣла великое значеніе не столько въ качествѣ наблюдательной, сколько критической и разъяснительной работы. «Мы собираемъ факты, говорилъ извѣстный англійскій геологъ Рамзей, а Ляйелль учитъ насъ понимать ихъ смыслъ». По словамъ Гейки, на его памяти ничто не производило такой революціи въ геологическомъ мышленіи, какъ двѣ геологическія главы «Происхожденія видовъ». Ими въ первый разъ должнымъ образомъ освѣщалось значеніе

Digitized by Google

времени, какъ геологическаго фактора. Эволюціонная теорія широко раздѣлила геологическій горизонтъ и бросила потоки яркаго свѣта на геологическую исторію.

Такъ въ теченіе семи десятилѣтій сложилась и установилась наука, которую мы называемъ геологіей, которая раскрываетъ передъ нами распредѣленіе суши и моря и формы животныхъ и растеній различныхъ эпохъ исторіи земли. Быстрое и блестящее развитіе этой науки, какое намъ рисуетъ Гейки, поучительно во многихъ отношеніяхъ. Оно показываетъ, что созидательная работа въ области знанія далеко не всегда производится профессіональными учеными. Изъ 19 «основателей геологіи» только трое, Вернеръ, Седжвикъ и Логэнъ были профессорами геологіи, т. е. признанными спеціалистами этой науки. Геттаръ, Палласъ и Фукесль получили медицинское образованіе. Жиро-Сулави и Мичель были духовными лицами. Мурчисонъ былъ отставной военный. Броньяръ былъ директоромъ Сѣверной мануфактуры, Демарэ—чиновникомъ, Уильямъ Смитъ—инженеромъ, Гёттонъ, Гилль, де Соссюръ, Ф. Бухъ, Лайель и Дарвинъ были обезпеченными людьми, занимавшимися наукою лишь изъ страсти къ изслѣдованіямъ, а Плейферъ и Кювье—профессорами другихъ наукъ. Этотъ любопытный фактъ, повторяющійся и въ исторіи другихъ отраслей знанія, говоритъ намъ, что природа открываетъ свои тайны лишь тѣмъ, кто постоянно и углубленно вглядывается въ ея жизнь, движимый любовью къ ней и стремленіемъ къ познанію истины. Подобный выводъ долженъ ободрять всѣхъ, чувствующихъ въ душѣ любовь и интересъ къ природѣ. «Каждый изъ насъ, говоритъ Гейки, можетъ внести свою долю въ сокровищницу знанія. Тщательное и точное наблюденіе всегда имѣетъ цѣну и можетъ оказаться чрезвычайно важнымъ. Мы должны остерегаться только предвзятаго умозрѣнія и теоріи. И, въ особенности, стоя лицомъ къ лицу передъ тайнами природы, мы должны стараться сохранить скромность истиннаго ученаго».

Д. Коропчевскій.

Digitized by Google

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Новые французскіе романисты.

Въ современной французской литературѣ каждый годъ является отъ четырехъ до пяти сотъ новыхъ романовъ, изъ которыхъ десятка два принадлежатъ дебютантамъ, ранѣе совершенно неизвѣстнымъ. Если среднюю продолжительность литературнаго «поколѣнія» принять въ пять лѣтъ,—а этотъ срокъ можетъ показаться еще слишкомъ большимъ для нынѣшнихъ литературныхъ школъ,—то на каждое «поколѣніе» придется не меньше сотни совершенно новыхъ романистовъ; а такъ какъ въ началѣ своей литературной карьеры молодые писатели бываютъ обыкновенно очень плодовиты, то критику, желающему дать себѣ отчетъ въ характерѣ и достоинствѣ произведеній «молодой литературы», приходится прочесть по крайней мѣрѣ триста романовъ,—чаще всего, разумѣется, «затѣмъ, чтобы сказать, что ихъ не надобно читать». Задача не изъ особенно легкихъ и пріятныхъ, а потому и очень рѣдко исполняемая французскими критиками, которые въ послѣднее время охотнѣе ограничиваются въ своихъ отзывахъ двумятремя общими фразами по поводу обложки новой книжки...

Но вотъ, между этими критиками нашелся одинъ, который не убоялся погрузиться въ самыя бездны современной новѣйшей беллетристики, чтобы извлечь оттуда нѣсколько именъ и произведеній, которыя кажутся ему заслуживающими вниманія или по таланту, или по характерности литературныхъ пріемовъ. Этотъ критикъ—неутомимый въ послѣднее время Анри Беранже, объ одной статьѣ котораго мы даемъ подробный отчетъ въ этой же книжкѣ «Образованія». Въ этюдѣ о новыхъ французскихъ романистахъ, написанномъ имъ для «Revue des Revues», онъ заявляетъ о своемъ добросовѣстномъ стараніи познакомиться съ произведеніями писателей, начавшихъ свою дѣятельность въ послѣднія 6—7 лѣтъ, и сообщаетъ, что для этой цѣли имъ прочитано триста томовъ. Чѣмъ же наградила его новая литература за этотъ самоотверженный подвигъ?

Беранже останавливаетъ вниманіе читателя на пяти романистахъ, имена которыхъ до сихъ поръ очень мало извѣстны, или даже совсѣмъ неизвѣстны русской публикѣ. Это—Фернанъ Вандеремъ, Поль Адамъ,

Digitized by Google

Леонъ Додэ, Эдуардъ Эстоніе и Аръ Роэ. Эти писатели, по мнѣнію критика, должны быть признаны самыми характерными представителями новѣйшихъ теченій французской беллетристики.

Первый изъ названныхъ романистовъ, Фернанъ Вандеремъ,—не больше, какъ наблюдательный подражатель Альфонса Додэ и Поля Эрвіе, у которыхъ онъ старательно копируетъ не только общія темы, но и стиль, манеру письма, характеръ описаній и разговоровъ. Словомъ, этотъ представитель молодой французской беллетристики не даетъ себѣ труда придумывать что-нибудь оригинальное, не ищетъ новыхъ путей, а идетъ увѣреннымъ шагомъ по избитой большой дорогѣ—и за это пользуется благосклонностью «большой» публики. Онъ умѣетъ ловко закруглить главу, найти подходящія фразы для разговора, нарисовать силуетъ, описать уголокъ природы или общества,—все это въ легкомъ стилѣ, съ иллюзіей быстрой смѣны событій, какъ они происходятъ въ дѣйствительности. «Чего жъ вамъ больше? свѣтъ рѣшилъ, что онъ уменъ и очень милъ»...

Сюжеты своихъ произведеній Вандеремъ заимствуетъ изъ современной парижской жизни,—какъ и большинство современныхъ французскихъ романистовъ, которые, въ качествѣ парижанъ, не могутъ достаточно налюбоваться сами собою. Основной мотивъ всѣхъ этихъ сюжетовъ—будуарныя интриги, приключенія изящныхъ молодыхъ людей съ не менѣе изящными дамами различныхъ оттѣнковъ свѣта, та или иная группировка свѣтскихъ маріонетокъ въ рядѣ легкихъ сценъ, которыя прочитываются въ одинъ пріемъ и затѣмъ не оставляютъ по себѣ никакого воспоминанія: столько разъ все это уже повторялось и пересказывалось на всѣ лады!

Тѣмъ не менѣе, Вандеремъ—дѣйствительно характерный представитель современнаго беллетристическаго большинства: такими романистами кишитъ теперь французская литература, цѣлыя толпы ихъ стараются перегнать другъ друга, въ надеждѣ поймать и удержать хоть на минуту призракъ непрочнаго успѣха...

Поль Аданъ отличается болѣе опредѣленной литературной физіономіей: онъ имѣетъ претензію быть писателемъ и мыслителемъ, хотя на самомъ дѣлѣ остается только представителемъ претензій. Онъ громоздитъ романъ на романъ, сравнивая себя съ Бальзакомъ, старается перещеголять Зола въ неприличныхъ картинахъ и Флобера—въ изысканныхъ сочетаніяхъ словъ. Въ журналахъ «Юной Франціи», вродѣ «Revue Blanche» или «Mercure de France», онъ сочиняетъ апоѳеозы Равашоля и Оскара Уайльда, и школьники символизма провозглашаютъ его «самымъ могучимъ мозгомъ современнаго поколѣнія». Въ сущности же это—писатель очень посредственнаго ума и таланта, но одаренный огромнымъ честолюбіемъ. Свою литературную дѣятельность онъ началъ декадентскими стихами, затѣмъ восхвалялъ Буланже и его сторонниковъ и, наконецъ, почувствовалъ себя вполнѣ на своемъ мѣстѣ въ той особой литературѣ, которая отличается холодною, придуманною чувственностью и изысканнымъ педантизмомъ,—«въ литературѣ Триссотена, исправленной маркизомъ де-Садомъ

Digitized by Google

и дополненной анархистами». Эта странная помѣсь педантизма, эротизма и соціализма приходится по душѣ нынѣшней «лысой молодежи», въ ея постоянной погонѣ за «неизвѣданнымъ трепетомъ», отчего такая молодежь и провозглашаетъ Поля Адана геніемъ и великимъ учителемъ. Для посторонняго же наблюдателя этотъ новый сортъ литературы долженъ представляться скорѣе однимъ изъ симптомовъ приближающагося прогрессивнаго паралича...

Поль Аданъ не останавливается ни передъ какими, самыми чудовищными, физическими или нравственными уродствами, считая свои произведенія зеркаломъ, будто бы вѣрно отражающимъ современную жизнь. Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, физіономія «конца вѣка» такова, какою она отражается въ этомъ странномъ зеркалѣ? неужели всѣ проявленія современной жизни исчерпываются только склонностью къ разсужденіямъ, да холоднымъ эротизмомъ, какъ будто у современныхъ людей только всего и есть, что мозговыя полушарія, да органы размноженія? Трудно вѣрится, чтобы «конецъ вѣка», при всѣхъ безобразіяхъ, всегда и вездѣ возможныхъ, въ общемъ безъ остатка покрывался этою характеристикою сумасшедшаго дома, въ которомъ собраны несчастные субъекты, страдающіе маніей величія въ соединеніи съ маніей безстыдства. И кажется, гг. декаденты совсѣмъ напрасно стараются увѣрить французскую и иностранную публику, что «все это ужь такъ самимъ Богомъ устроено»...

Леонъ Додэ, пожалуй, не лучше Поля Адана и, во всякомъ случаѣ, очень далекъ отъ своего покойнаго отца. И этотъ молодой писатель, далеко не лишенный дарованія, часто сбивается на проторенную декадентами тропинку. Впрочемъ, Леонъ Додэ — писатель еще далеко не выработавшійся, не установившійся и очень неровный; онъ «еще не умѣетъ владѣть ни своими мыслями, ни своимъ сердцемъ». Подобно многимъ изъ своихъ сверстниковъ, онъ — «чувственный мозговникъ»; но, въ отличіе отъ другихъ, онъ знаетъ и настоящую страсть, ему не чужды и самыя сильныя побужденія человѣческаго сердца,—честолюбіе, любовь, ненависть, гнѣвъ, ревность, мстительность, которыя онъ умѣетъ подмѣчать и изображать въ картинахъ современной жизни, хотя и съ страшными преувеличеніями, и съ неумѣстной экзальтаціей. При всѣхъ своихъ недостаткахъ,—а ихъ повидимому, не мало,—это, все-таки, живой человѣкъ, мыслящій и чувствующій не по искусственно придуманному шаблону. При нынѣшнемъ безлюдьи въ толпѣ писателей и это, пожалуй, утѣшеніе, хотя и небольшое...

Таковы, судя по характеристикамъ, даннымъ Беранже, — которымъ приходится вѣрить на слово, потому что провѣрять ихъ нѣтъ основанія,—самые выдающіеся представители одной стороны современнаго французскаго романа, стороны наиболѣе обширной и популярной: это или ловкіе подражатели давно извѣстнымъ и одобреннымъ читателями образцамъ, или господа, готовые льстить самымъ дурнымъ инстинктамъ и вожделѣніямъ кружка «эстетовъ», которыхъ поиски за «неизвѣданнымъ»

Digitized by Google

приводятъ къ размягченію мозга, или, наконецъ, люди еще не установившіеся, но уже сбитые съ толку разными модными «теченіями», убивающими въ нихъ здоровую оригинальность. Выводъ очень мало утѣшительный...

Но кромѣ этой печальной стороны въ современной французской беллетристикѣ есть и другая, гораздо болѣе серьезная и привлекательная, которую также отчасти показываетъ намъ Беранже: среди молодыхъ беллетристовъ встрѣчаются и серьезные романисты-психологи, для которыхъ жизнь современнаго общества не кажется только «пустой и глупой шуткой» или красивой непристойностью. Таковы взятые критикомъ для примѣра Эдуардъ Эстоніе и Аръ Роэ.

Для перваго изъ этихъ писателей общественная жизнь имѣетъ серьезный смыслъ, и судьба каждой отдѣльной личности представляется своего рода внутренней драмой. Вдумчивый романистъ не довольствуется «легкой игрой на поверхности человѣчества» или изображеніемъ неопредѣленныхъ инстинктовъ, а желаетъ проникнуть въ душу людей, изучить ихъ внутреннюю борьбу, ихъ болѣзненныя стремленія къ лучшей жизни. Каждая человѣческая душа, какъ бы ни казалась она незначительной и неинтересной, является ареной постоянныхъ перипетій борьбы, убивающихъ или возвышающихъ ее, и истинная красота нашего времени заключается не столько въ внѣшнемъ блескѣ или изяществѣ страстей, сколько въ томъ *внутреннемъ трагизмѣ*, который придаетъ личности духовное освѣщеніе. Этотъ внутренній трагизмъ и служитъ для романиста главнымъ предметомъ изученія. Такимъ образомъ, Эстоніе является въ своихъ произведеніяхъ по преимуществу романистомъ. Его романъ «Отпечатокъ» (L'Empreinte) произвелъ въ свое время сильное впечатлѣніе и въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою, по словамъ Беранже, «одинъ изъ самыхъ сильныхъ французскихъ романовъ послѣдняго времени». Съ большою правдивостью авторъ изображаетъ въ этомъ произведеніи «тревоги современной совѣсти». Главное дѣйствующее лицо романа—Леонаръ Кланъ, сирота изъ хорошей провинціальной буржуазной семьи, взятый на воспитаніе одною изъ своихъ тетокъ и порученный заботамъ іезуитовъ. На нѣжную, боязливую, слабую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гордую душу своего воспитанника іезуиты производятъ такое страшное дѣйствіе, что Леонаръ на всю жизнь остается съ «отпечаткомъ» полученнаго имъ воспитанія и, не смотря на всѣ усилія, не въ состояніи отъ него избавиться. Онъ уже лишенъ возможности мыслить, любить и жить свободно; онъ проходитъ мимо женщины, мимо науки, мимо дружбы, мимо всякаго дѣйствія, требующаго энергіи, не будучи въ силахъ что-нибудь предпринять, потому что изъ него сдѣлали не человѣка, а вещь. И въ тридцать лѣтъ, послѣ самыхъ трагическихъ кризисовъ умственнаго сомнѣнія и жизненнаго разочарованія, онъ оказывается такимъ же безсильнымъ, такъ же способнымъ отрѣшиться отъ рокового «отпечатка», какъ и тогда, когда былъ мальчикомъ, и снова готовъ упасть, «подобно трупу», въ руки тѣхъ самыхъ духов-

Digitized by Google

ныхъ отцовъ, которые нѣкогда совершили «покушеніе на его дѣтскую совѣсть»... Вокругъ этой центральной фигуры авторъ сгруппировалъ множество лицъ, изъ которыхъ каждое представляетъ собою ту или иную стадію «трагическаго состоянія современной души», измученной «ужасомъ идеала». Въ романѣ чувствуется сильное вліяніе психологическихъ пріемовъ Достоевскаго; но не смотря на эту зависимость отъ русскаго писателя, талантливый авторъ «Отпечатка» сумѣлъ сохранить и значительную оригинальность и придать своимъ картинамъ современной интеллигентной жизни живую свѣжесть и реализмъ. По нынѣшнему времени это—большая похвала.

Съ такой же похвалой говоритъ Беранже и о молодомъ военномъ писателѣ Аръ Роэ, который беретъ предметомъ своихъ романовъ и повѣстей исключительно бытъ—внѣшній и внутренній—военнаго сословія, такъ близко ему извѣстнаго. Насколько Эстоніе является послѣдователемъ Достоевскаго, настолько же Аръ Роэ находится подъ вліяніемъ военныхъ разсказовъ и «Войны и Мира» Толстого. Въ особенности замѣтно это вліяніе въ симпатичныхъ фигурахъ солдатъ изъ простого народа, которыхъ авторъ изображаетъ съ большимъ сочувствіемъ и любовью. Беранже говоритъ, что онъ не знаетъ въ литературѣ лучшей характеристики французской арміи, чѣмъ та, какую даетъ Аръ Роэ,—«романистъ, обладающій умѣньемъ видѣть сквозь тѣло человѣка его душу и внушать любовь къ высокому идеалу, которымъ онъ самъ одушевленъ». Многіе ли изъ новѣйшихъ романистовъ,—не только французскихъ, но и вообще европейскихъ,—заслуживаютъ такой похвалы?

Такимъ образомъ, изъ описанныхъ двухъ направленій новѣйшаго французскаго романа это послѣднее, идеально психологическое, представляетъ несомнѣнный интересъ и, по всей вѣроятности, можетъ разсчитывать на дальнѣйшее плодотворное развитіе, между тѣмъ какъ другое направленіе, реально-эротическое, видимо, истощаетъ послѣднія свои силы въ изобрѣтеніи невозможностей, которыми только и можно еще до нѣкоторой степени привлечь и заинтересовать развинченнаго читателя, утратившаго вкусъ къ настоящей жизни и здоровой мысли. Дни этой психопатической литературы уже сочтены, и надо думать, что она уже долго не возродится, какъ не суждено возродиться и современнымъ «древнимъ римлянамъ временъ упадка».

Съ русской точки зрѣнія интересно отмѣтить, что развитіе въ современной Франціи идеальнаго романа идетъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ нашихъ великихъ писателей,—Достоевскаго и Толстого, изученіе которыхъ вноситъ въ новѣйшую французскую литературу здравый реализмъ и возвышенный идеализмъ. Этому, конечно, можно только порадоваться.

Стихотворенія Нитцше.

Въ Лейпцигѣ вышли на дняхъ «Стихотворенія и Афоризмы» Фридриха Нитцше, съ интереснымъ предисловіемъ сестры философа, Елизаветы Фер-

Digitized by Google

стеръ-Ницше, такъ много уже сдѣлавшей для біографіи и изданія сочиненій своего брата. «Къ сожалѣнію», говоритъ она въ этомъ предисловіи, «большая часть юношескихъ стихотвореній брата уже не существуетъ, такъ какъ онъ во всѣ эпохи своей жизни имѣлъ большую склонность къ уничтоженію написаннаго ранѣе. То, что осталось или случайно уцѣлѣло отъ огня, или тайкомъ было взято и спрятано мною, такъ какъ стихотворенія брата, вопреки его отвращенію къ нимъ въ позднѣйшее время, мнѣ всегда очень нравились... Въ періодъ между 1864 и 1871 гг. братъ проводилъ большую часть года вдали отъ родины, и передъ каждой поѣздкой на вакаціи къ роднымъ устраивалъ «всесожженіе» своихъ сочиненій, въ особенности стихотворныхъ; особенно значительно было это «всесожженіе» въ 1866 г., когда Ницше находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ шопенгауэровскаго пессимизма. Онъ самъ писалъ въ ту пору, что «эпоха самопознанія начинается для юноши съ того момента, когда онъ броситъ въ печку свои стихи». Но и послѣ этого «великаго аутодафе» Ницше, все-таки, иногда возвращался къ стихамъ и даже любилъ говорить рифмами, что замѣчалось нерѣдко и въ болѣе позднюю эпоху его жизни,—хотя въ то же время безпощадно истреблялъ написанныя имъ стихотворенія, находя, что стыдно заниматься такими пустяками наряду съ серьезными научными и философскими работами. Иногда онъ, по секрету, читалъ мнѣ свои стихи, и я припоминаю многія стихотворенія, которыхъ теперь не могу розыскать... Съ особенною силою проснулось въ немъ увлеченіе поэзіей весною и лѣтомъ 1876 года; но отъ этого времени сохранилось одно только стихотвореніе,—«Странникъ». Осенью 1877 г., вернувшись изъ поѣздки въ Бергенъ, онъ опять заговорилъ риѳмованными строчками, стихотворенія «У глетчера» и «Осень» даютъ понятіе о характерѣ его поэтическаго настроенія въ эту пору. То же настроеніе сказалось и въ 1878 г., въ стихотворныхъ посвященіяхъ къ книгѣ «Menschliches, Allzumenschliches». Здѣсь мы видимъ легкую шутку рядомъ съ серьезною мыслью. Весною 1882 г. и въ особенности—осенью 1884 г. Ницше очень любилъ шутливыя риѳмованныя строчки въ старонѣмецкомъ стилѣ; многія его «изреченія» изложены были въ этой формѣ. Въ это же время имъ было написано множество стихотвореній...

«Желая составить себѣ общее понятіе объ отношеніи моего брата къ поэзіи за время съ 1866 по 1881 годъ, я невольно припоминаю насмѣшливые стихи «Призваніе поэта»: дятелъ, пожимая плечами, говоритъ поэту: «Да вы—поэтъ, государь мой!»—и поэтъ, наполовину съ улыбкой, наполовину—съ конфузомъ, но во всякомъ случаѣ—съ ироніей, сознается, что птица не ошиблась: онъ и въ самомъ дѣлѣ поэтъ, хотя поэтъ противъ воли. Недаромъ говорилъ Ницше о «любви къ судьбѣ» (amor fati): въ концѣ концовъ, онъ началъ мириться съ своей судьбой поэта,—началъ любить ее... Весной 1882 г. онъ напечаталъ въ одномъ ежемѣсячномъ журналѣ «Мессинскія идилліи», а лѣтомъ того же года включилъ въ свою книгу «Радостная наука» стихотвореніе «Шутка, хитрость и

Digitized by Google

мщеніе». Однако и въ это время въ его сочиненіяхъ найдется не мало шутокъ и насмѣшекъ надъ поэтами,—не мало даже и жестокихъ нападокъ на нихъ. Мы знаемъ, что онъ и къ собственной личности нерѣдко относился съ ироніей и скорбнымъ юморомъ; но бывали минуты, когда въ его душѣ вдругъ съ необыкновенною силою поднимались поэтическія стремленія, и онъ чувствовалъ въ себѣ силу «подняться надъ всѣмъ на тысячи миль,—что звалось до сихъ поръ поэзіей»... Въ такія минуты онъ творилъ сжатыя и глубокія рѣчи Заратустры, написанныя лучшею кровью его сердца.

«Такъ какъ въ этой книжкѣ собраны только произведенія Нитцше въ стихотворной формѣ, то въ нее вошли лишь не многіе риѳмованные отрывки изъ четвертой части «Заратустры», которые самъ онъ ставилъ въ связь съ своими дивирамбами Діонису. Эти діонисовскіе дивирамбы напечатаны по собственноручной, неоконченной рукописи Нитцше. Многое въ нихъ представляется новымъ и страннымъ; такова, напр., жалоба волшебника въ видѣ жалобы Аріадны, заключающаяся появленіемъ Діониса и его отвѣтомъ. Самъ Нитцше писалъ въ 1888 г.: «Кто знаетъ, кромѣ меня, что такое Аріадна? Такихъ загадокъ до сихъ поръ еще никто не разрѣшилъ, и я даже сомнѣваюсь, чтобы въ нихъ кто-нибудь видѣлъ загадку». Теперь же ключъ къ этимъ загадкамъ уже навсегда потерянъ, и мы не знаемъ, были ли онѣ выраженіемъ дѣйствительно тяжелаго, скорбнаго чувства, или ироніей. Мы знаемъ только, что Нитцше называлъ эти гимны Діонису—пѣснями Заратустры, которыя онъ «пѣлъ самому себѣ, чтобы облегчить свое послѣднее одиночество»...

«Оглядываясь на эти тридцать лѣтъ поэтической дѣятельности Нитцше, мы испытываемъ глубоко скорбное чувство, видя, какъ поэтъ-философъ во все это время оставался вѣрнымъ самому себѣ, страдалъ все отъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ, стремился все къ однимъ и тѣмъ же идеаламъ, искалъ утѣшенія въ своихъ скорбяхъ все у одного и того же источника. Въ этихъ поэтическихъ изліяніяхъ, отъ первой страницы до послѣдней, мы встрѣчаемъ горькое сознаніе одиночества, безродности, глубокое сочувствіе природѣ, своеобразное музыкально-лирическое настроеніе, исканіе сочувствующей дружеской души, тяжелое чувство отрѣшенности отъ всего, что люди любятъ, къ чему они стремятся, что уважаютъ, чего боятся и что доставляетъ имъ счастье, мы видимъ, какъ онъ старается заглушить веселой ироніей и всякими шутками, подчасъ даже грубыми, свои горькія и печальныя чувства, и какъ все сильнѣе и сильнѣе ростетъ у него стремленіе въ высь, къ блаженству одинокаго счастья...

«Яркій свѣтъ этого идеала озарилъ закатъ его сознательной жизни:

«Только теперь, когда я уже усталъ идти,
Одинъ только твой взглядъ поддерживаетъ меня,
Одно только твое счастье поддерживаетъ меня.
Вокругъ—однѣ волны и ихъ игра...
Все, что было тяжелымъ гнетомъ,
Упало въ синюю даль прошлаго...

Digitized by Google

Но безконечный сѣрый сумракъ уже подкрадывался къ нему—и вне запно окуталъ его своей безвыходной мглой.

Изъ жизни и литературы.

Поэтъ-учитель.

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни
Некрасовъ.

Про одного господина, вполнѣ беззаботнаго по отношенію къ литературѣ, разсказывали, что, присутствуя какъ то въ первый разъ въ жизни на представленіи «Горя отъ ума», онъ пришелъ въ негодованіе и воскликнулъ: «какъ это въ самомъ дѣлѣ, не стыдно давать такую пьесу, которая вся составлена изъ поговорокъ и остротъ давнымъ давно всѣмъ извѣстныхъ». Беззаботный господинъ не догадался, что знаменитая пьеса почти цѣликомъ вошла въ нашъ родной языкъ и обогатила его цѣлымъ рядомъ мѣткихъ и сильныхъ выраженій.

Когда приходится читать или слушать пространныя разсужденія беззаботныхъ господъ, старающихся изо всѣхъ силъ доказать ничтожество Некрасова, то невольно приходитъ на память и беззаботный цѣнитель «Горя отъ ума». Въ самомъ дѣлѣ, и смѣшно и грустно видѣть, какъ жалкіе люди, вооружившись увеличительными стеклами, самымъ тщательнымъ образомъ выискиваютъ маленкія дырки и пятнышки въ плащѣ поэта, не замѣчая того, что они, строгіе судьи, сами обворовали обвиняемаго поэта самымъ наглымъ образомъ, что они постоянно употребляютъ заимствованныя у поэта выраженія и рвутъ на клочки плащъ поэта, чтобы закрыть прорѣхи собственнаго костюма.

Но вѣдь одно дѣло щеголять красивыми цитатами и другое дѣло отнестись справедливо къ многострадальному поэту. Одно дѣло воспользоваться уроками учителя и другое дѣло поминать добромъ того человѣка, которому обязанъ своимъ образованіемъ. А нельзя не замѣтить, что значительная часть современнаго общества многимъ и очень многимъ обязана Некрасову. Тѣ крупицы добра и правды, которыя удалось этому обществу сберечь среди житейскихъ бурь и невзгодъ, носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ многострадальнаго сѣятеля, который и самъ сѣялъ и другихъ училъ сѣять разумное, доброе и вѣчное.

Digitized by Google

Поэтъ-учитель! Можно ли ожидать поэтическихъ образовъ отъ учителя! воскликнутъ господа утонченные эстетики, боящіеся всякой живой мысли изъ страха, что она нарушитъ стройность и красоту формы. Учитель-поэтъ! Развѣ можно учить людей и въ то же время быть проводникомъ красоты, разлитой въ этомъ мірѣ. Никто не назоветъ поэтомъ человѣка, который облечетъ въ красивую форму свои познанія въ той или другой наукѣ. Въ какихъ бы звучныхъ стихахъ ни была выражена мысль, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ, никто не назоветъ этихъ стиховъ поэтическимъ произведеніемъ. Для поэзіи нужно нѣчто другое.

Въ стихотвореніяхъ въ прозѣ Тургенева нѣтъ ни размѣра, ни рифмы, но вы ни на минуту не затруднитесь признать ихъ несомнѣнными поэтическими произведеніями и не можете оставаться равнодушнымъ, читая эти художественные перлы. Но въ стихотвореніяхъ въ прозѣ Тургенева все ясно и опредѣленно, мысли автора выражаются въ яркихъ образахъ и давнишнее опредѣленіе поэзіи, какъ мышленія въ образахъ, вполнѣ подходитъ къ этимъ произведеніямъ. Но возьмемъ произведеніе другого писателя, извѣстное произведеніе, которое во время оно считалось многими образцомъ безсмыслицы. Кто не знаетъ стихотворенія Фета:

Шепотъ, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Соннаго ручья и т. д.

Надъ этимъ стихотвореніемъ много смѣялись, но это несомнѣнно поэтическое произведеніе. Это не мышленіе въ образахъ, потому что мышленія строго говоря тутъ нѣтъ. Это скорѣе чувствованье въ образахъ. Поэтъ пережилъ извѣстное настроеніе и силою творчества сообщаетъ это настроеніе читателю.

Художникъ можетъ передавать создаваемые имъ образы самыми различными способами. У одного художника можетъ быть подъ руками богатѣйшая палитра красокъ, у другого одинъ кусокъ угля или мѣла, но что бы ни говорили поклонники красокъ, самое важное не способъ изображенія, а то содержаніе и та искренность, съ которой создаетъ художникъ свои произведенія. Творчество художника имѣетъ цѣлью производить впечатлѣніе на зрителей, читателей, слушателей. Если оно достигаетъ своей цѣли, если душевное движеніе, взволновавшее умъ поэта, передается его читателямъ и вызываетъ въ нихъ такое же движеніе, то можно ли подымать споры о тѣхъ или иныхъ особенностяхъ таланта поэта и на основаніи этихъ особенностей выносить тотъ или иной приговоръ музѣ поэта. Побѣдителей не судятъ, и потому въ высшей степени странны филистерскія разсужденія объ отсутствіи поэзіи въ произведеніяхъ Некрасова, Некрасова, который покорилъ себѣ самую отзывчивую часть общества и былъ несомнѣннымъ властителемъ думъ своихъ

Digitized by Google

читателей, такимъ властителемъ, какимъ не пришлось быть послѣ смерти Лермонтова ни одному изъ нашихъ поэтовъ.

Недостатки своего стиха Некрасовъ прекрасно сознавалъ и самъ и, быть можетъ подъ вліяніемъ поклонниковъ эстетики, даже преувеличивалъ значеніе этихъ недостатковъ, но въ то же время онъ понималъ и то, чѣмъ главнымъ образомъ и дороги намъ произведенія некрасовской музы.

Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ!
Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорая теплится любовь,
Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца,
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца...

Эта любовь, которую поэтъ проповѣдовалъ «враждебнымъ словомъ отрицанья» была основнымъ мотивомъ его поэзіи и, благодаря проповѣди этой любви, Некрасовъ и сдѣлался властителемъ думъ и оказалъ огромное образовательное вліяніе на развитіе нашихъ общественныхъ идеаловъ.

Мы не будемъ здѣсь подробно разбирать даже наиболѣе выдающіяся произведенія Некрасова. Это такой трудъ, который нѣтъ возможности выполнить въ предѣлахъ журнальной замѣтки. Мы приведемъ только нѣкоторыя выдержки изъ произведеній поэта, въ которыхъ отразилось его міровоззрѣніе, въ которыхъ съ особенной опредѣленностью выказывается образовательное значеніе его поэзіи.

Еще въ 1855 году Некрасовъ пишетъ «Сашу» и въ этомъ произведеніи съ удивительной мѣткостью обрисовываетъ характерный типъ «лишняго человѣка».

Все, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно,
Только дающая силу и власть
Въ словѣ и дѣлѣ чужда ему страсть!
. . . . . .
Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ;
Вѣрить, не вѣрить—ему все равно
Лишь бы доказано было умно!

Некрасовъ не только мѣтко охарактеризовалъ «лишняго человѣка», онъ самъ же и произнесъ ему приговоръ. Онъ отнесся къ нему отрицательно, отмѣтивъ его оторванность отъ жизни и самообожаніе, но въ то же время указалъ и на его полезное вліяніе:

Сѣетъ онъ всетаки доброе сѣмя!

Digitized by Google

Этотъ яркій типъ «современнаго героя» очерченъ былъ Некрасовымъ почти въ началѣ своей литературной дѣятельности, въ концѣ же ему пришлось клеймить «героевъ времени» въ лицѣ торжествующихъ буржуевъ и онъ выставлялъ ихъ къ позорному столбу тогда, когда очень многіе готовы были видѣть въ нихъ дѣйствительныхъ героевъ прогресса и цивилизаціи. Поэтъ видѣлъ, что это алчные хищники, только слегка прикрытые мишурой цивилизаціи, дикари, безъ всякихъ нравственныхъ принциповъ и онъ характеризуетъ это нашествіе торжествующихъ буржуевъ ѣдкой ироніей.

Подождите! Прогрессъ подвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегодня постыднымъ считается,
Удостоится завтра вѣнца...

Но хотя Некрасова и называютъ нерѣдко поэтомъ обличителемъ, обличенія вовсе не составляютъ главнѣйшую сторону его поэзіи. Въ своихъ произведеніяхъ, посвященныхъ крестьянству, Некрасовъ является не обличителемъ, а печальникомъ народнаго горя, заступникомъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Онъ, подобно Тургеневу, въ «Запискахъ охотника», открываетъ передъ читателемъ цѣлый міръ и заставляетъ силою своего таланта понять этотъ міръ и почувствовать и радость и страданья, переживаемыя народомъ. Въ цѣломъ рядѣ картинъ то нѣжныхъ и трогательныхъ, то мрачныхъ и тяжелыхъ онъ рисуетъ жизнь народа. Рисуетъ его положеніе при крѣпостномъ правѣ, рисуетъ и послѣ освобожденія. И послѣ цѣлаго ряда картинъ, раскрывающихъ самыя сокровенныя тайны жизни униженныхъ и оскорбленныхъ людей, какъ бы общимъ итогомъ нарисованныхъ картинъ, заключительнымъ акордомъ великой пѣсни народной жизни звучитъ благороднымъ призывомъ пѣсня Гриши:

Иные—чистые
Пути тернистые
Обрѣтены...
Иди къ униженнымъ,
Иди къ сбиженнымъ
По ихъ стопамъ,
Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,
Будь первый тамъ!

Что же, развѣ это поэзія скажутъ строгіе эстетики. Это азбучная мораль, переложенная въ рифмованныя строки. Ахъ господа! пускай это будетъ мораль, пускай она будетъ азбучная, но эта мораль въ грубыхъ стихахъ побѣждаетъ людей и заставляетъ ихъ дѣйствительно идти къ униженнымъ и обиженнымъ, возбуждаетъ въ людяхъ дѣйствительно добрыя чувства, совершая то, что не подъ силу самымъ сладкозвучнымъ гимнамъ, созданнымъ по всѣмъ правиламъ поэтическаго искусства.

Мы еще ничего не сказали о «Русскихъ женщинахъ». Объ этомъ

Digitized by Google

произведеніи нѣкоторые критики отзывались весьма неодобрительно. Но если есть въ нашей литературѣ произведнія, по прочтеніи которыхъ взволнованный до глубины души читатель чувствуетъ себя и чище и лучше, то несомнѣнно въ числѣ этихъ произведеній надо назвать и «Русскихъ женщинъ». Въ нашей литературѣ можно отыскать очень много отрицательныхъ типовъ. Наша литература—обличительная по преимуществу. Что же касается до положительныхъ типовъ, то въ изображеніи ихъ оказывались безсильными даже такіе мощные таланты, какъ Гоголь. Поэтому и пришлось русскимъ писателямъ проповѣдывать любовь, добро и правду съ помощью того же враждебнаго слова отрицанья. Но вѣдь человѣческая душа не можетъ удовлетворяться однѣми мрачными картинами людского несовершенства. Какъ оазиса въ пустынѣ, какъ солнечнаго луча среди тумана и непогоды, такъ жаждетъ человѣческая душа свѣтлыхъ идеальныхъ образовъ, на которыхъ могъ бы отдохнуть глазъ, утомленный и измученный безобразіемъ общественныхъ пороковъ. И поэтъ смести и печали», «озлобленный поэтъ» далъ намъ такіе чудные свѣтлые образы, нарисовалъ намъ такихъ идеальныхъ самоотверженныхъ и любящихъ женщинъ, которыя будутъ служить путеводной звѣздой для подростающихъ поколѣній нашихъ женщинъ до тѣхъ поръ, пока живъ будетъ русскій языкъ и русская литература.

Но говоря объ этихъ свѣтлыхъ женскихъ образахъ, нарисованныхъ любящей рукой поэта, нельзя не упомянуть и о той, которой посвящено много вдохновенныхъ строкъ въ различныхъ произведеніяхъ поэта, мы говоримъ о матери поэта. Образъ матери какъ то слился въ воображеніи поэта съ идеальнымъ представленіемъ о женщинѣ, и стихи, посвященные ея памяти, получили общественный характеръ. Близкій свидѣтель и пѣвецъ эпохи освобожденія, Некрасовъ скорбѣлъ, что освобожденіе не коснулось женщинъ. Свою любовь къ матери онъ переноситъ на всѣхъ униженныхъ и страдающихъ женщинъ родной страны.

Доля ты!—русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.
Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Все-выносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!

Двадцать лѣтъ прошло со смерти Некрасова, но въ нашемъ обществѣ, въ томъ обществѣ, которое съ такой охотой зачитывается порнографическими произведеніями г. «Вопросительнаго знака», закидывающаго грязью женщину,—какъ важно, какъ безконечно дорого очищающее, облагораживающее вліяніе Некрасовской музы.

Юноши и дѣвушки, наша надежда, подростающее молодое поколѣніе постоянно наталкивается и въ печати и въ обществѣ на постыдное, гнусное отношеніе къ женщинѣ. Какъ уберечь молодое поколѣніе отъ развращающаго вліянія наглыхъ циниковъ?

Только честная чистая муза Некрасова, заставляющая видѣть въ

Digitized by Google

женщинѣ прежде всего человѣка, только она можетъ защитить молодежь отъ этого растлѣвающаго вліянія. Только она можетъ противоставить этому яду всеисцѣляющій бодрящій призывъ къ добру, правдѣ и свѣту. Идеальный образъ матери ободрялъ поэта въ минуты уныніи и выводилъ его на тернистую дорогу. Этотъ же образъ, воспроизведенный поэтомъ, будитъ и въ его читателяхъ лучшія чувства.

И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты,
О, мать, моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!

Эту живую душу спасаетъ некрасовская муза въ подростающемъ поколѣніи. Нелюбимой и неласковой характеризуетъ поэтъ свою музу. Она муза мести и печали. Но порывы ея мятежной жестокости непрочны и недолги, въ ней таится черезъ чуръ богатый запасъ любви.

Слабѣя медленно, томительный недугъ
Смирялся, утихалъ... и выкупалось вдругъ
Все буйство дикое страстей и скорби лютой,
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнувъ головой,
«Прощай врагамъ своимъ!» шептала надо мной...

Поэтъ, горячо любившій свою родину, бичевавшій ея разнузданныхъ хищниковъ, воспѣвавшій ея вѣковыя страданія и самъ истерзанный борьбой и сомнѣньями, до послѣдняго вздоха не переставалъ служить ей своимъ вѣщимъ словомъ. Не высоко ставилъ онъ свой талантъ и, отдавая его на служеніе родинѣ, считалъ себя въ долгу передъ народомъ. Онъ считалъ, что слишкомъ мало даетъ своей родинѣ и не заслуживаетъ продолжительной славы.

Я умру—моя померкнетъ слава,
Не дивись и не тужи о ней!
Знай дитя: ей долгимъ, яркимъ свѣтомъ
Не горѣть на имени моемъ:
Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.
Кто служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата—человѣка,
Только тотъ себя переживетъ...

Основнымъ мотивомъ некрасовской поэзіи былъ призывъ къ любви, призывъ, заставляющій видѣть въ людяхъ прежде всего братьевъ и благодаря этому мотиву, некрасовская поэзія не изгладится въ памяти русскихъ читателей и будетъ будить въ нихъ лучшія чувства и будетъ имъ дорога до тѣхъ поръ, пока въ ихъ сердцахъ сохранится хоть искра любви.

Digitized by Google

«Блѣдная въ крови, кнутомъ изсѣченная муза» Некрасова будетъ долго служить лучшей воспитательницей для подростающихъ поколѣній нашего общества. Она не воспѣваетъ «кудри дѣвы чародѣйки», она не прославляетъ подвиги кровожадныхъ героевъ, она не слагаетъ сладкозвучныхъ гимновъ въ честь красоты «небесъ и моря», она призываетъ къ любви и состраданію, она изображаетъ страданье маленькихъ людей и твердою рукой ведетъ поколѣнія своихъ читателей въ великому дѣлу любви. За это могучее и благотворное вліяніе своей музы поэтъ заслужилъ вѣчную признательность потомства; за этотъ пламенный призывъ ко всему разумному и доброму, за его ненависть къ хищникамъ, за его святое недовольство мы можемъ обратиться къ нему и почтить его память его же словами:

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

А. Хирьяковъ.

Современная англійская живопись.

(По поводу англійской художественной выставки).

Выставка картинъ современныхъ англійскихъ художниковъ, открывшаяся недавно въ помѣщеніи Общества Поощренія Художествъ, является уже второй за короткое время. Въ прошломъ году петербуржцы имѣли возможность познакомиться съ произведеніями шотландскихъ художниковъ—преимущественно пейзажистовъ, въ нынѣшнемъ году выставлены картины академическихъ свѣтилъ, каковы Альма Тадема, Лордъ Лэтонъ, Пойнтеръ, а также представителей такъ наз. прерафаэлитизма, каковы Гольманъ Гентъ, Уаттсъ, Вальтеръ Крэнъ и нѣкоторые ученики Бернъ-Джонса. По этимъ образцамъ нельзя себѣ, конечно, составить полнаго понятія о своеобразномъ величіи англійской живописи, которая за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ стала во главѣ европейскаго искусства,—но по нимъ можно хотя отчасти судить о самобытности англійскихъ художниковъ. Почти каждая изъ выставленныхъ и въ этомъ и въ прошломъ году картинъ поражаетъ своимъ полнымъ отличіемъ отъ общаго типа и французскихъ и нѣмецкихъ картинъ, въ произведеніяхъ даже посредственныхъ чувствуется особая художественная атмосфера, которая сказывается въ одухотворенности замысла, въ старательномъ и терпѣливомъ изученіи подробностей, въ смѣлости колорита, чуждаго однако эксцентричности французскихъ художниковъ новыхъ школъ. Простота и изысканность вкуса вмѣстѣ съ серьезностью замысла отличаютъ характеръ современныхъ англійскихъ картинъ и выдѣляютъ ихъ изъ общей массы художественныхъ произведеній всѣхъ другихъ европейскихъ странъ. Такую особенность англійское искусство имѣло не всегда. Было

Digitized by Google

много знаменитыхъ англійскихъ мастеровъ и въ прежніе вѣка, въ особенности въ XVIII в., когда жили и писали Рейнольдсъ, Лауренсъ, Гэтартъ, Генсборо и др. знаменитые въ исторіи живописи англійскіе художники. Но это были отдѣльныя личности, имѣвшія лишь малое вліяніе на общее распространеніе художественнаго вкуса на своей родинѣ. а затѣмъ при всей индивидуальности своего творчества, каждый изъ нихъ шелъ по общеевропейскому теченію въ искусствѣ. Картины же новѣйшихъ англійскихъ художниковъ поражаютъ своей обособленностью, тѣмъ, что всѣ онѣ проникнуты общей красотой, чуждой картинамъ другихъ странъ; онѣ кажутся прежде всего произведеніями островитянъ, замкнутыхъ въ своемъ пониманіи красоты, такъ же, какъ и во всей своей самобытной до упрямства культурѣ. Причиной этой особенности въ искусствѣ является воспитательное вліяніе однаго поколѣнія художниковъ, создавшихъ такъ называемое «англійское возрожденіе въ искусствѣ» и превратившее Англію, традиціонную страну безвкусія въ законодательницу художественнаго вкуса, и въ источникъ новѣйшихъ идеаловъ европейскаго искусства. Такое животворящее вліяніе въ англійскомъ искусствѣ принадлежало небольшой группѣ художниковъ, жившихъ въ началѣ второй половины XIX в. Они объединились на короткое время въ дружескій кружокъ подъ названіемъ «прерафаэлитскаго братства», и это сравнительно неудачное названіе соединилось навсегда съ широкимъ художественнымъ теченіемъ, охватившимъ всю Англію и дающимъ до сихъ поръ блестящіе результаты; самое братство распалось, впрочемъ, очень скоро и каждый изъ членовъ его пошелъ по особому пути, слѣдуя своему индивидуальному дарованію. Но какъ бы то ни было, названіе прерафаэлитовъ осталось за представителями обновленнаго англійскаго искусства, и, говоря о новѣйшихъ художникахъ, хотя-бы и далеко ушедшихъ отъ первоначальныхъ художественныхъ формулъ знаменитаго братства, приходится употреблять терминъ прерафаэлитизма, какъ условный знакъ обновленнаго, возсозданнаго англійскаго искусства.

О прерафаэлитизмѣ приходится говорить какъ о чемъ-то вполнѣ прошедшемъ, но живомъ въ своихъ результатахъ, въ томъ, что оно убило условность прежней англійской живописи и создало культъ красоты, наряду съ серьезнымъ и твердымъ изученіемъ жизни. Историческое значеніе прерафаэлитизма поэтому двоякое: во первыхъ, творческое, во вторыхъ воспитательное, Творческое значеніе прерафаэлитизма въ томъ, что членами его были истинно великіе художники—самые замѣчательные художники вѣка. Прерафаэлитское братство образовалось съ цѣлью борьбы противъ условности первой половины вѣка искусства, противъ академическихъ традицій и слѣпаго подражанія классическимъ образцамъ, подражанія, исключавшаго изученіе жизни. Въ началѣ 50-хъ годовъ явилась группа молодыхъ художниковъ, понявшихъ мертвый характеръ подобнаго переживанія классическихъ традицій. Въ эту молодую спасительную группу вошли художники, имена которыхъ стали съ

Digitized by Google

тѣхъ поръ знаменитыми, какъ Данте Габріель Россетти, Гольманъ Гентъ, Миллэ, Вульнеръ и нѣсколько др. художниковъ, поэтовъ и художественныхъ критиковъ, составившихъ себѣ иное понятіе о задачахъ искусства, чѣмъ то, которое имѣло силу въ тогдашнемъ англійскомъ обществѣ. На выставкѣ 1855 г. появились первыя картины, подписанныя условными тремя буквами P. R. B. (Pre-Raphaelite Brotherhood) Одна изъ этихъ картинъ принадлежала кисти Гольмана Гента и называлась «Свѣточемъ міра». Она изображала смѣлую, свободную и спокойную фигуру Христа, съ свѣтящимся фонаремъ въ рукахъ, въ странномъ саду у входа къ закрытой двери, въ которую Христосъ стучится увѣреннымъ движеніемъ руки. Въ этой картинѣ проявилось новое пониманіе живописи. Выше всего художники новообразовавшагося братства ставили одухотворенность замысла. Искусство отождествлялось ими съ религіей и картина являлась какъ бы молитвой религіозно настроенной души, говорящей символами. Они считали искусство служеніемъ Богу и полагали, что содержаніемъ его должны служить преимущественно всѣ обряды, говорящіе объ отношеніи человѣка къ вѣчности, о непознаваемой Божественной тайнѣ, разлитой въ мірѣ и говорящей душѣ человѣка только символами. Въ самомъ началѣ прерафаэлиты предпочитали евангельскіе сюжеты всѣмъ другимъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующіе символы ихъ религіозныхъ и мистическихъ настроеній. При этомъ они избѣгали всякаго церковнаго характера въ своей религіозной живописи и трактовали Евангеліе не догматически, а лишь символически, настаивая не на исторической вѣрности изображаемыхъ евангелическихъ эпизодовъ, а на ихъ внутреннемъ философскомъ значеніи. Это видно очень ясно на «Свѣточѣ міра» Гольмана Гента, гдѣ въ лицѣ Спасителя съ яркимъ свѣточемъ въ рукахъ, таинственный, божественный свѣтъ вѣры старается проникнуть въ замкнутыя человѣческія души, какъ Христосъ на картинѣ стучится въ дверь человѣческаго жилища. Картина Гента иллюстрируетъ какъ символичность замысла, такъ и превозносимый прерафаэлитами реализмъ изображенія. Символъ въ пониманіи прерафаэлитовъ отличается тѣмъ отъ простой аллегоріи, что онъ живетъ своей собственной жизнью. Прерафаэлиты старались изображать съ величайшей добросовѣстностью и точностью всякій предметъ, всякую подробность внѣшняго міра и природы, изображать прежде всего жизнь, правду и затѣмъ показать, что таится за внѣшностью предметовъ и жизненныхъ происшествій, которые всегда только символы вѣчной окружающей человѣка тайны.

Прерафаэлиты стремились внести въ искусство этическое содержаніе, дѣлая это не путемъ нравоученій, а благоговѣйнаго исканія истины въ природѣ. Кромѣ религіозныхъ сюжетовъ, они останавливались на историческихъ тэмахъ, стремясь къ величайшей точности въ изображеніи фактическихъ подробностей. Нѣкоторые прерафаелиты (Гукъ, Льюисъ, Линнель и др.) занимались пейзажемъ и вносили въ него тоже изуми-

Digitized by Google

тельное изученіе частности. Пейзажисты этой школы извѣстны въ особенности своимъ изображеніемъ облаковъ—это они унаслѣдовали отъ предшественника прерафаелитизма, Тернера (род. въ 1775 г. † въ 1851), который не имѣетъ соперниковъ во всей исторіи живописи какъ «мастеръ заказовъ». По мнѣнію одного англійскаго критика Оскара Уайльда—красоты заказовъ не существовало—или, что одно и тоже, люди не видѣли ее, пока Тернеръ ее не открылъ. Значеніе Тернеровскаго пейзажа, мистичность и реализмъ его колорита были оцѣнены не всѣми сразу: пророкомъ его оригинальной живописи сталъ эстетикъ Джонъ Рескинъ. Своими знаменитыми книгами о современныхъ художникахъ (Modern Painters) онъ повліялъ на развитіе эстетическаго вкуса въ Англіи, уяснилъ великое значеніе Тернера—и привелъ въ систему идеи прерафаелитовъ объ искусствѣ: онъ не былъ созидателемъ прерафаелизма, какъ иногда полагаютъ, но его толкователемъ и вѣрнымъ товарищемъ первыхъ художниковъ прерафаэлитовъ въ тяжкое время ихъ дебютовъ. Ему принадлежитъ ясное опредѣленіе художественныхъ цѣлей прерафаэлитизма: «Легко управлять кистью», говоритъ онъ, и писать травы и растенія съ достаточной для глаза вѣрностью—этого можетъ добиться всякій послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы. Но изобразить среди травъ и растеній тайны созиданій и сочетаній, которыми природа говоритъ нашему пониманію, передать нѣжный изгибъ и волнистую тѣнь взрыхленной земли, находить во всемъ, что кажется самымъ мелкимъ новое доказательство вѣчнаго божественнаго новосозиданія красоты и величія, показывать это немыслящимъ и незрящимъ—таково назначеніе художника, этого требуетъ у него Богъ». Въ этихъ словахъ суть прерафаэлитскаго искусства, стремящагося опрокинуть всѣ условныя рамки и одухотворить искусство религіознымъ и этическимъ содержаніемъ.

Рядомъ съ Т. Гентомъ, единственнымъ еще нынѣ живымъ членомъ прерафаэлитскаго братства, выступилъ Данте Габріэль Россетти (род. въ 1828 г., † въ 1882). По таланту онъ выше всѣхъ другихъ своихъ товарищей по братству. Первыя картины Россетти «Юность Дѣвы Маріи» и «Благовѣщеніе» являются точной иллюстраціей пререфаэлитской эстетики: изображеніе евангелическихъ эпизодовъ сочетаетъ одухотворенность и символичность замысла съ реализмомъ техники. Впослѣдствіи, какъ Россетти, такъ Гольманъ Гентъ, Миллэ и др., отошли отъ исключительнаго изображенія евангельскихъ сюжетовъ; эту же углубленность въ тайны бытія, то же мистическое общеніе души съ божественнымъ началомъ міра они символизировали въ иныхъ образахъ, то почерпнутыхъ изъ поэтическихъ произведеній, то изъ жизни. Такъ создалась серія картинъ Россетти, въ которыхъ живопись сочетается съ поэзіей особенно тѣсно уже потому, что Россетти самъ былъ столь же значительный поэтъ, какъ и художникъ. У него есть картины и поэмы, написанныя на одинъ и тотъ же сюжетъ и углубляющія одна другую, какъ напр. «Блаженная Дѣва»,

Digitized by Google

«Beata Beatrix», «Сонъ Данте», «Астарта Сирійская» и другія. Во всѣхъ. нихъ идеалистическія настроенія сопровождаются особой, напоминающей итальянское возрожденіе красотой образовъ. Россетти создалъ въ полномъ смыслѣ новый типъ красоты, зависящей не отъ правильности линій, а отъ внутренняго свѣта души, который сквозитъ сквозь прозрачность и изысканность одухотворенныхъ чертъ. Близость Россетти къ итальянскимъ мастерамъ эпохи Возрожденія очевидна; прерафаэлитское братство назвало себя такъ въ знакъ духовной близости къ той эпохѣ, когда живописцы относились къ своему дѣлу набожно и вмѣстѣ съ тѣмъ изучали старательно живую природу, не слѣдуя классическимъ авторитетамъ. Самъ же Россетти былъ кромѣ того итальянецъ по происхожденію и сочеталъ культъ формы, свойственный итальянцамъ, съ вдумчивостью и углубленностью сѣверянина.

Россетти, Гольманъ Гентъ, Миллэ, Мадоксъ Броунъ были первоначальными членами прерафаэлитскаго братства, которое распалось какъ только миссія его была закончена т. е. выраженъ протестъ противъ условности во имя правды и пониманія искусства, какъ служенія религіозно нравственной идеѣ. Но и послѣ распаденія братства продолжала существовать и развиваться группа художниковъ—а также и поэтовъ—примкнувшихъ къ эстетическому міросозерцанію прерафаэлитовъ. Такъ къ преемникамъ Россетти и его непосредственныхъ товарищей принадлежатъ Берне-Джонсъ, Уатсъ, Моррисъ, Вальтеръ Крэнъ.

Конечно, нужно было большое сочувствіе всего общества, чтобы группа художниковъ радикально измѣнила положеніе искусства въ Англіи. Счастье прерафаэлитовъ въ томъ, что имъ удалось обрѣсти сочувствіе. Великую услугу для распространенія новой эстетики оказалъ упомянутый нами Джонъ Рескинъ, знаменитый англійскій эстетикъ и моралистъ, основывавшій новое пониманіе искусства на побужденіяхъ нравственнаго долга и религіознаго чувства.

Такимъ образомъ, благодаря творческимъ силамъ своихъ представителей, прерафаэлитизмъ, сошедшій теперь со сцены въ Англіи, имѣлъ великое воспитательное значеніе; создавъ новый типъ одухотворенной красоты, искоренивъ крикливость и внѣшніе эффекты, онъ облагородилъ живопись, сдѣлалъ ее выразительницей лучшихъ стремленій духа и пріучилъ художниковъ къ искреннему и правдивому изображенію предметовъ и зрѣлищъ внѣшней природы. Эта серьезная школа замѣтна на всѣхъ современныхъ англійскихъ картинахъ. Даже академики, вродѣ Альмы Тадемы, т. е. ревнители традицій заботятся прежде всего о правдѣ, хотя бы внѣшней. Въ картинахъ его, выставленныхъ теперь въ Петербургѣ («Золотыя цѣпи любви» и «Розы наслажденія любви»), замѣтно стремленіе трактовать классическіе сюжеты съ непринужденностью и мастерствомъ—даже виртуозностью реалиста. Художникъ изображаетъ не героевъ въ условномъ одѣяніи, а подробности повседневнаго древняго быта, причемъ искусство его направлено на вѣрное изображеніе предме-

Digitized by Google

товъ. Мастерство Альмы-Тадемы въ изображеніи мрамора, нѣжныхъ миндальныхъ деревьевъ въ цвѣту, леопардовыхъ шкуръ, вакханокъ—слишкомъ извѣстно, чтобы объ немъ распространяться. До чего можетъ дойти виртуозность художника въ изображеніи этихъ предметовъ нельзя себѣ представить, не видѣвъ самыхъ картинъ.

Но указанныя нами особенности новой англійской живописи болѣе выступаютъ въ другихъ собранныхъ на выставкѣ картинахъ, напр., въ «Тягостномъ сосѣдѣ» Гольмана Гента, гдѣ евангельскій сюжетъ даетъ возможность художнику изобразить любимую имъ тэму—просвѣтленнаго свыше человѣка, который стучится въ замкнутую дверь глухихъ людей и заставляетъ ихъ внимать истинѣ. И опять, какъ въ «Свѣточѣ міра», Г. Гентъ соединяетъ символичность замысла съ необычайнымъ совершенствомъ реалистической техники, каждая подробность сцены, ночнаго пейзажа, вырисована съ благоговѣйной точностью и любовью къ природѣ. На другой картинѣ изображается весенній праздникъ и утренній гимнъ природѣ, распѣваемый хоромъ юношей и ихъ наставникомъ на высокой террассѣ университетскаго коллежа въ Оксфордѣ. Прерафаэлитизмъ Гента сказывается здѣсь въ изысканномъ колоритѣ утреннихъ розовыхъ тоновъ, въ музыкальности юныхъ лицъ и въ изображеніи ихъ бѣлыхъ одеждъ, расположенныхъ странными складками, во всемъ настроеніи полуязыческаго праздника, выраженнаго просто и глубоко чисто реальными подробностями.

Быть можетъ лучшая картина на выставкѣ портретъ маркизы Грамби, сдѣланный Уатсомъ. Онъ ближе всего къ типу Россетіевскихъ идеальныхъ женскихъ лицъ и напоминаетъ по манерѣ портреты флорентинскихъ мастеровъ; въ немъ сочетается изысканная внѣшняя красота съ мистичностью успокоеннаго, но глубоко трагическаго взгляда. Два другихъ портрета Уатса, изображающіе художниковъ Берне Джонса и Вальтера Крэна, прекрасные образцы его манеры. Другія картины на выставкѣ свидѣтельствуютъ не столько о высотѣ отдѣльныхъ талантовъ, сколько о высокомъ развитіи художественнаго вкуса, какъ въ выборѣ сюжетовъ, такъ въ подробностяхъ и колоритѣ.

На выставкѣ—за немногими отмѣченными нами исключеніями, собраны картины второстепенныхъ художниковъ—но это тѣмъ важнѣе для оцѣнки современнаго англійскаго искусства. Очевидно, это страна, гдѣ пониманіе искусства и художественный вкусъ стоятъ высоко, и гдѣ всякій истинный художникъ, какъ бы ни были своеобразны его пути въ искусствѣ, найдетъ благодарную и умѣющую цѣнить красоту публику.

И это воцареніе художественнаго вкуса—дѣло небольшой но достаточно сильной группы людей; англійское возрожденіе искусства создано прерафаэлитами и въ этомъ великое значеніе этой художественной школы

Зин. Венгерова.

Digitized by Google

Критика и библіографія.

Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новой точки зрѣнія. Перев. съ нѣмецкаго. Ю. М. Антоновскаго. Спб., 1897. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 3 р. 50 к.

Наша переводная литература такъ разростается, что конечно, въ нее должны войти книги самаго различнаго достоинства, тѣмъ болѣе, что иногда извѣстность автора на его родинѣ какъ бы снимаетъ съ русскихъ издателей и переводчиковъ отвѣтственность за его произведеніе. Благодаря этому, русской читающей публикѣ, столь любознательной по отношенію къ западно-европейской культурѣ, иногда предлагаются книги, знакомящія скорѣе съ отрицательными явленіями европейской литературной жизни. Этимъ обстоятельствомъ, т. е. извѣстностью имени профессора Дюринга, а также интересной темой его книги объясняется появленіе въ русскомъ переводѣ его обширнаго труда, написаннаго съ такими предвзятыми идеями, что обширный литературный матеріалъ, которымъ пользуется авторъ, теряетъ всякій интересъ и смыслъ. Дюрингъ начинаетъ свою исторію литературы съ самаго начала Возрожденія или даже съ половины Среднихъ Вѣковъ, доводя ее до современности, съ Ибсеномъ включительно. Онъ останавливается преимущественно на крупныхъ явленіяхъ—на великихъ людяхъ. Обширные очерки въ его книгѣ посвящены Данте, Шекспиру, Сервантесу, Вольтеру, Гете, Бюргеру, а изъ поэтовъ и писателей XIX в. Байрону, Шелли и разнымъ второстепеннымъ и мнимымъ величинамъ, каковыми онъ считаетъ Гейне, Бёрне, Ибсена и др.

Казалось бы, такая обширная программа должна обезпечить интересъ книги, и даже, еслибы онъ только просто и обстоятельно изложилъ дѣятельность основательно изученныхъ имъ великихъ писателей, книга его была бы весьма поучительной. Но несчастіе въ томъ, что Дюрингъ не излагаетъ, не разбираетъ литературныя произведенія, не даетъ никакихъ характеристикъ, а разыгрываетъ верховнаго судью и устраиваетъ новую классификацію литературныхъ величинъ. Приговоры его не могутъ не привести въ изумленіе всякаго, кто болѣе или менѣе знакомъ съ европейской литературой, до того оцѣнки его идутъ въ разрѣзъ и съ общепринятыми мнѣніями и подчасъ со здравымъ смысломъ. Такъ, съ первыхъ же страницъ читатель наталкивается на параллель между Данте и нѣмецкой эпо-

Digitized by Google

хой «Пѣснь о Нибелунгахъ». Оказывается, что Данте неизмѣримо ниже неизвѣстнаго автора. «Пѣсни о Нибелунгахъ», и причина превосходства послѣдней совершенно роковая: «У Данте нѣтъ самобытности, такъ какъ въ то время она могла быть свойственна только германцу». Данте называется схоластическимъ ученикомъ Аристотеля и все его творчество осуждается на томъ основаніи, что поэтъ занятъ вопросомъ о безсмертіи—«безсмертность» же безсмысленное притязаніе, не подходящее къ законамъ жизни и потому не долженствующее имѣть мѣсто въ литературѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Дюрингъ, скользнувъ по эпохѣ Возрожденія и разгромивъ ее, поскольку она стремилась къ возрожденію древности, переходитъ къ тому, что онъ называетъ духомъ современности, т. е. къ раціонализму XVIII в. и къ трезвымъ элементамъ въ литературѣ XIX в. Вольтеръ одинъ изъ его любимыхъ писателей, причемъ въ заслуги ему онъ ставитъ, во 1-хъ, его насмѣшливость, во 2-хъ, его антисемитизмъ, о которомъ онъ, говоритъ на основаніи статьи Вольтера о терпимости въ Философскомъ словарѣ, а въ 3-хъ, то, что онъ представитель главнымъ образомъ прозы, т. е. дѣйствительности и практическаго ума, а не поэзіи, удаляющейся отъ жизни и потому ложной по существу. Затѣмъ наиболѣе любопытнымъ парадоксомъ Дюринга является параллель Гете и Бюргера. Нѣтъ тѣхъ словъ, которыми онъ не пытался бы заклеймить Гете, съ его нелѣпой Фаустіадой, всякое философское значеніе которой онъ опровергаетъ. Ему кажется нелѣпымъ приписывать какое-нибудь вліяніе этой поэмы Гете на развитіе мысли въ XIX столѣтіи. «Лишь безсодержательные мыслители, говоритъ онъ, позволяютъ сбивать себя съ толку полу-міромъ мнимыхъ поэтическихъ философовъ. Лирическая Фаустіада какого-нибудь Гете не была, какъ утверждали, кладеземъ для современныхъ ему мыслителей. Болѣе всего Дюрингъ нападаетъ на Гете съ точки зрѣнія какого-то ему одному понятнаго человѣколюбія. Гете ему кажется безнравственнымъ писателемъ, эгоистомъ. Онъ упрекаетъ его въ склонности къ идеямъ Спинозы, котораго онъ въ свою очередь обвиняетъ во 1-хъ, за то, что онъ еврей, а во 2-хъ, за его философію индифферентизма. «Хотя у него и есть мораль, говоритъ Дюрингъ про Спинозу, но нѣтъ справедливости. У него совершенно не имѣетъ мѣста уравновѣшивающее отношеніе къ интересамъ другихъ, въ чемъ собственно и коренится справедливость. Если о Гете и нельзя сказать совсѣмъ того же самаго, тѣмъ не менѣе и онъ склонялся въ этомъ пунктѣ по меньшей мѣрѣ къ индифферентизму. Такимъ образомъ на отсутствіи указаннаго элемента нравственности сошлись оба ума. Та и другая форма нравственнаго индифферентизма—для Спинозы принципіальная, а у Гете ставшая обыкновеніемъ—никогда не могли бы отрицать своего родства. Дюрингъ полагаетъ, что еслибъ вмѣсто Спинозы Гете общался бы съ Джіордано Бруно и проникся бы пантеизмомъ и любвеобильностью итальянскаго философа, творчество его стало бы болѣе глубокимъ и важнымъ для человѣчества. Вслѣдствіе же отсутствія широкой гуманности въ творчествѣ Гете (въ томъ смыслѣ какъ Дюрингъ понимаетъ эту гуманность) Дюрингъ признаетъ за нимъ только значеніе какъ за представителемъ мелкой лирики.

Гораздо выше Гете Дюрингъ ставитъ Бюргера: «Бюргеръ, говоритъ онъ, родился годомъ раньше Гете; оба поэта развивались одновременно;

Digitized by Google

если сравнить ихъ въ области, гдѣ лежитъ главная ихъ заслуга, т. е. въ лирикѣ и даже спеціально въ лирикѣ любви, то Бюргеръ по своему значенію имѣетъ полное право быть поставленнымъ во главѣ первыхъ величинъ современной нѣмецкой поэзіи. Вольтеръ, Бюргеръ и Гете—таковъ долженъ быть необходимый послѣдовательный рядъ въ группировкѣ великихъ писателей XVIII вѣка. «Главная причина, заставляющая Дюринга превозносить Бюргера, заключается въ народномъ характерѣ Бюргеровской поэзіи—національный духъ является въ глазахъ Дюринга одной изъ самыхъ существенныхъ чертъ истинной поэзіи, на ряду съ пониманіемъ дѣйствительности, съ прямодушіемъ и справедливостью. Эти душевныя свойства, которыя, къ тому же, можно понимать на столько различныхъ ладовъ, служатъ Дюрингу критеріемъ для эстетической оцѣнки поэта. Можно себѣ представить, къ какимъ эстетическимъ курьезамъ слѣдованіе этому критерію можетъ привести. Однимъ изъ такихъ курьезовъ является предпочтеніе Бюргера Гете, а другимъ столь же замѣчательнымъ, объясненіе преимуществъ прозы передъ поэзіей: изображеніе живой дѣйствительности,—говоритъ Дюрингъ—представляетъ всегда большій интересъ, чѣмъ набросокъ возможностей, какъ бы ни были эти возможности свободны отъ возраженій. Предполагая даже, что возможности эти вполнѣ достовѣрны и во внутреннихъ отношеніяхъ своихъ столь же истинны, какъ начертанія математическихъ понятій и пространственныхъ образовъ, всетаки будетъ отсутствовать доказательство, что подобныя абстрактныя схематическія представленія гдѣ-нибудь фактически существуютъ. Между тѣмъ, высшій интересъ сосредоточивается только на дѣйствительности и на томъ, что находится съ нею въ связи. Слѣдовательно, историческая, біографическая—даже естественно-научная дѣйствительность имѣютъ для зрѣлой мысли гораздо большее значеніе. Если же, напротивъ, имѣется въ виду будущее и вопросъ о томъ, что произойдетъ или должно произойти, то степень дѣйствія поэтическихъ образовъ зависитъ отъ того, насколько предугаданы будутъ необходимые элементы будущаго и насколько руководящія представленія дѣйствительно будутъ преобразующими силами, хотя бы силы эти первоначально дѣйствовали только въ одномъ человѣкѣ».

Понятно изъ всего сказаннаго, каковой должна была выйти характеристика Гейне въ книгѣ Дюринга. Впрочемъ, за точнымъ разборомъ Гейне онъ отсылаетъ къ своей книгѣ о евреяхъ; тутъ же онъ только говоритъ про Гейне и Берне вмѣстѣ, какъ объ одинаково второстепенныхъ явленіяхъ въ литературѣ, причемъ, однако, считаетъ Гейне «менѣе ограниченнымъ, чѣмъ Берне, и болѣе, чѣмъ онъ, одареннымъ призракомъ таланта». Съ переходомъ къ современной литературѣ у Дюринга начинается полный хаосъ. Ибсена онъ милуетъ за нѣкоторыя «недурныя его пьесы, главнымъ образомъ за «Врага народа». Все же остальное отвергается уже потому, что въ нихъ чувствуется невыносимый для Дюринга духъ мистицизма Изъ современныхъ французскихъ писателей Дюрингъ говоритъ о Золя какъ о профессіональномъ фабрикантѣ романовъ! Выше его онъ ставитъ Рошфора, какъ романиста, журналиста и, вообще, перваго французскаго писателя. Всѣ остальныя сужденія приблизительно въ томъ же родѣ.

Прочтя книгу Дюринга, читатель долженъ согласиться съ тѣмъ, что это, въ самомъ дѣлѣ, критика современной литературы съ *новой* точки

Digitized by Google

зрѣнія. Въ литературѣ, дѣйствительно, она рѣдко примѣнялась, хотя въ политикѣ и публицистикѣ нерѣдко служила критеріемъ для разныхъ партійныхъ дѣятелей. Узко-національный духъ, патріотизмъ, антисемитизмъ и признаніе разсудочности, какъ основного принципа, инстинктивное отвращеніе къ идеалистической философіи—вотъ основныя черты міросозерцанія Дюринга. Нѣкоторыя изъ нихъ доведены у него до фанатизма и придаютъ всѣмъ его литературнымъ сужденіямъ совершенно нелитературный характеръ.

З. Венгерова.

З. Н. Гиппіусъ (Мережковская). Зеркала. Вторая книга разсказовъ. С.-Петербургъ. Изданіе Н. М. Геренштейна. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Госпожу Гиппіусъ обыкновенно причисляютъ къ такъ называемымъ декадентамъ. Декадентовъ почти во всѣхъ журналахъ и газетахъ не чуждыхъ вопросамъ искусства бранятъ. Поэтому и на долю г-жи Гиппіусъ досталось не мало порицаній, не смотря на то, что она обладаетъ и тонкой наблюдательностью и несомнѣннымъ талантомъ.

Но отдавая должную дань и наблюдательности и талантливости г-жи Гиппіусъ, нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя порицанія она получила не напрасно. Въ ея произведеніяхъ, помѣщенныхъ въ лежащей передъ нами книжкѣ, найдется не мало промаховъ, которые невольно вызываютъ чувство досады. Когда производится какая нибудь грубая работа, то можно сдѣлать въ ней не мало ошибокъ и погрѣшностей, которыя останутся совершенно незамѣтными, потому что вниманіе зрителя будетъ сосредоточено на общемъ результатѣ работы, который закрываетъ отъ глаза мелкіе недочеты исполненія. Но если работа производится очень тонкая, то самая ничтожная ошибка рѣзко нарушаетъ гармонію цѣлаго, такъ какъ зрителю приходится для оцѣнки работы всматриваться въ самыя мелкія детали. Въ декоративной живописи ничего не значитъ, если какая нибудь тѣнь займетъ мѣсто вершкомъ больше или вершкомъ меньше. Въ миніатюрѣ каждый штрихъ на счету, и ошибка на полъ-линіи можетъ испортить все дѣло.

З. Н. Гиппіусъ по характеру своего творчества миніатюристка. Лучше всего ей удается изображеніе самыхъ тонкихъ трудно уловимыхъ душевныхъ движеній. Зарождающаяся любовь, неясная тоска, невыясненная жажда чего то новаго, отвращеніе къ грубому матеріализму обыденной жизни—вотъ чувства, которыя любитъ изображать г-жа Гиппіусъ, и которыя ей удается подмѣтить и очертить съ изумительной точностью. Но увы, не даромъ сказано: гдѣ тонко тамъ и рвется. Такъ и въ тонкой работѣ г-жи Гиппіусъ приходится наблюдать непріятные недочеты, происходящіе именно отъ невозможности выдержать въ теченіе всего разсказа одинаковую утонченность работы или отъ черезмѣрнаго старанья уловить самыя тонкія движенія души.

Вотъ напримѣръ одинъ изъ самыхъ лучшихъ разсказовъ г-жи Гиппіусъ «Родина». Въ этомъ разсказѣ авторъ весьма тонко отмѣчаетъ, какъ люди сживаются съ извѣстнымъ чувствомъ до такой степени, что сохраняютъ его даже тогда, когда исчезнетъ и память о предметѣ, вызвав-

Digitized by Google

шемъ чувство. Также мѣтко рисуетъ авторъ въ этомъ разсказѣ общечеловѣческую потребность имѣть у себя въ душѣ и хранить какъ сокровище привязанность къ чему то такому, что выше и дороже всего окружающаго. Такую привязанность чувствуетъ старый швейцаръ Петръ къ своей родинѣ, которую на самомъ дѣлѣ онъ давно позабылъ, но которая существуетъ въ его мечтахъ какъ что то удивительно прекрасное и дорогое и мысли объ этой родинѣ служатъ для него отрадой въ его сѣрой и однообразной жизни. У барышни бонны въ томъ же разсказѣ не было въ душѣ этого своего завѣтнаго уголка этой отрады, не было ничего, чѣмъ бы она могла скрасить свою жизнь и она умираетъ, бросившись съ третьяго этажа на мостовую. Все это описано очень тонко и правдиво, и въ то же время попадаются такія совершенно ненужныя фразы, которыя звучатъ фальшиво и портятъ впечатлѣніе.

«Я, Петръ, ужъ лучше люблю камни, говоритъ бонна швейцару. Не лукавые они, жесткіе, сѣрые, такъ и видно сразу, какіе они, сколько имъ можно довѣриться. Тутъ безобразія обманнаго нѣтъ». Фраза эта непріятно рѣжетъ слухъ. Душевное настроеніе бонны, видящей отъ людей лицемѣріе и жесткость, можно было выразить иначе, не прибѣгая къ такимъ фразамъ, которыхъ никогда не скажетъ простенькая дѣвушка. И во всякомъ случаѣ такъ не скажетъ. Это фраза придуманная.

Такія придуманныя фразы попадаются и въ другихъ разсказахъ г-жи Гиппіусъ въ однихъ чаще, въ другихъ рѣже. Можно было бы сказать, что это такой мелкій недостатокъ, о которомъ не стоитъ и говорить, но дѣло въ томъ, что во первыхъ къ г-жѣ Гиппіусъ можно предъявлять серьезныя требованія, а во вторыхъ этотъ недостатокъ—недостатокъ характерный, вытекающій изъ той нѣсколько вычурной манеры письма, которая замѣчается у г-жи Гиппіусъ и съ которой ей надо больше всего бороться.

У Тургенева Базаровъ уговариваетъ Кирсанова не выражаться красиво. Приблизительно то же самое можно сказать и г-жѣ Гиппіусъ. Когда она старается схватить какія нибудь особенно тонкія черточки, отмѣтить что то особенное въ своихъ герояхъ—слышится фальшь. Но когда она работаетъ по просту, то у нея лица и характеры выходятъ какъ живые, и душевныя настроенія вырисовываются со всѣми самыми тонкими чертами, и въ изображеніи чувствуется рука истиннаго мастера, далеко не заурядnаго художника.

А. Хирьяковъ.

А. Сорель. Монтескье. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ ред. и съ пред. Н. И. Карѣева. Ц. 75 к. Спб. 1898 г.

До сихъ поръ Монтескье почему-то не везло въ русской литературѣ. Въ то время какъ другіе дѣятели просвѣтительной эпохи во Франціи: Вольтеръ, Руссо, Дидро нашли оцѣнку въ цѣломъ рядѣ монографій (Морлея, Грея Грехема, Шюке и др.). о Монтескье на русскомъ языкѣ не существуетъ почти ничего, кромѣ краткихъ замѣтокъ въ общихъ курсахъ литературы и небольшого очерка г. Никонова въ Павленковской «Біографической библіотекѣ». Этимъ пробѣломъ въ русской исторической литературѣ, вѣроятно, объясняется то обстоятельство, что книга Сореля яв-

Digitized by Google

ляется почти одновременно въ двухъ переводахъ: кромѣ перевода г. Васильевскаго въ газетахъ уже объявлено о предстоящемъ выходѣ другого перевода подъ редакціей профессора Московскаго университета Виноградова.

Между Монтескье и Гете было много общаго; оба они неохотно вмѣшивались въ событія времени, но можетъ быть никто не изучалъ и не наблюдалъ современности съ такимъ интересомъ, какъ оба эти писателя. При сходствѣ между ними существовало и глубокое различіе: Гете съ творческимъ воображеніемъ соединялъ способность къ кропотливой работѣ; Монтескье стремился къ немедленнымъ выводамъ и заключеніямъ, онъ жаждалъ большой картины, очерченной рѣзкими штрихами. Въ Монтескье соединялись черты гасконскаго и французскаго характера; какъ гасконецъ онъ обладалъ ненасытною любознательностью, изумительною памятью на мелочи; его сочиненія небрежны по стилю, наполнены обрубленными фразами, неожиданными отступленіями, остроумными парадоксами. Все это—результатъ безпорядочнаго чтенія и жадной наблюдательности. Но Монтескье въ то же время—французъ серьезный и размышляющій; поэтому онъ не можетъ подобно напр., Монтаню только разбрасываться; онъ стремится къ системѣ, методу и послѣдовательности, къ отысканію законовъ въ кажущемся безпорядкѣ явленій. При этомъ онъ не ищетъ первопричинъ; онъ довольствуется вторыми причинами, вліяніе которыхъ замѣтно для насъ и можетъ быть предметомъ опыта. Онъ не выходитъ за предѣлы земного, и въ вещахъ, лежащихъ, по ту сторону исторіи и міра, полагается на свой инстинктъ живого и сознательнаго существа.

Представивъ рельефное изображеніе характера Монтескье, авторъ переходитъ къ характеристикѣ «Персидскихъ писемъ». Указавъ на слабыя стороны этого произведенія, особенно на «гаремную обстановку», выставка которой на показъ имѣетъ видъ чего-то фальшиваго и раздражающаго, Сорель указываетъ положительное значеніе «Персидскихъ писемъ»: рѣзкая и злая сатира на современное общество, постановка вопроса о вѣротерпимости, первые проблески, а иногда и развитіе идей о международномъ правѣ, о завоеваніи, о прогрессѣ наукъ, о классификаціи формъ правленія, о феодальномъ и германскомъ происхожденіи свободы,—все это сдѣлало *Персидскія письма* предтечей «Духа законовъ», самаго крупнаго изъ произведеній Монтескье.

Характеристикѣ этого произведенія посвящена главная часть книги Сореля. Прежде всего авторъ излагаетъ взглядъ Монтескье на политическіе законы и формы правленія, при чемъ приводитъ формулировку знаменитой теоріи Монтескье о раздѣленіи властей: законодательной, исполнительной и судебной. Если законодательная и исполнительная власть будутъ сосредоточены въ однѣхъ рукахъ, то нѣтъ гарантіи свободы, такъ какъ законодатель можетъ издать тираническіе законы съ цѣлью тирански ихъ выполнять. Доказательствомъ служитъ отмѣна Нантскаго эдикта и законъ о подозрительныхъ и заложникахъ. Но если законодательная и исполнительная власть необходимо должны быть раздѣлены, то одного этого раздѣленія еще недостаточно: «Свободы еще не существуетъ, говоритъ Монтескье, если судебная власть не отдѣлена отъ

Digitized by Google

власти исполнительной и законодательной. Еслибы она соединялась съ законодательной властью, то власть надъ жизнью и свободой гражданъ была бы произвольной, такъ какъ судья былъ бы и законодателемъ; если же она соединялась бы съ властью исполнительной, то судья могъ бы сдѣлаться притѣснителемъ.

Уже до Монтескье эту теорію, какъ извѣстно, представилъ Аристотель, но Монтескье впервые изложилъ ее въ ясной и простой формѣ, сдѣлалъ популярной, а главное провелъ ее изъ теоріи въ практику. Онъ указалъ на отношеніе политическихъ законовъ къ преступленіямъ и наказаніямъ, ко взиманію налоговъ и къ доходамъ государства. Онъ первый сдѣлалъ опредѣленіе налоговъ, ставшее впослѣдствіи классическимъ: «Доходы государства составляются изъ той части, которую каждый гражданинъ отдаетъ изъ своего имущества для безопасности остальной части» Монтескье способствовалъ отмѣнѣ пытокъ, установилъ истинные принципы свободы мысли и слова и доказалъ, что религіозное преступленіе можетъ быть наказано только изгнаніемъ изъ общества вѣрныхъ.

Далѣе въ отдѣльной главѣ Сорель разсматриваетъ извѣстный взглядъ французскаго писателя относительно вліянія климатовъ на духъ законовъ, отношеніе Монтескье къ гражданскимъ и экономическимъ законамъ, а также его теорію феодальнаго права. Теорія о климатахъ, какъ извѣстно, менѣе интересна сравнительно съ другими теоріями Монтескье благодаря отсутствію прочныхъ научныхъ основаній. Книга Сореля оканчивается установленіемъ связи Монтескье съ французской революціей и характеристикой его вліянія на послѣдующихъ писателей. Нельзя не поблагодарить переводчика за помѣщенные въ концѣ въ видѣ приложенія отрывки изъ «Духа законовъ». Эти отрывки содержатъ наиболѣе существенные взгляды политической теоріи Монтескье.

Что касается самаго перевода, то нельзя не упрекнуть переводчика въ нѣкоторой небрежности языка и невнимательномъ отношеніи къ тексту. Благодаря этому изящный и выразительный языкъ Сореля теряетъ много въ переводѣ. Возьмемъ приведенное выше опредѣленіе государственныхъ доходовъ. У Сореля сказано: «Les revenus de l'État sont une portion, que chaque citoyen donne de son bien pour avoir la sureté de l'autre». Г. Васильевскій переводитъ: «Доходы государства *составляютъ часть*, которую каждый гражданинъ выдѣляетъ изъ своего имущества для безопасности другой» (стр. 110). Выходитъ, что изъ государственныхъ доходовъ составляется часть имущества гражданъ. На стр. 12 искажена мысль оригинала въ томъ мѣстѣ, гдѣ переводчикъ говоритъ «Монтескье *навсегда остался* недоступнымъ для христіанскаго чувства». Этой мысли нѣтъ у Сореля. Подобныхъ неточностей, впрочемъ, въ переводѣ не настолько много, чтобы читатель не могъ вполнѣ хорошо ознакомиться съ книгой Сореля.

П. С. Коганъ.

Digitized by Google

Проф. А. Трачевскій. Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Изданіе О. Н. Поповой. Стр. 292, ц. 1 р. 25 к. Спб. 1898 г.

Задачею историка мыслителя обыкновенно считаютъ не плакать, не смѣяться, а понимать. Работа г. Трачевскаго отвѣчала бы принципу: не плакать, не смѣяться, а ругать. И ругаетъ г. Трачевскій описываемыя имъ событія, общественныя отношенія и характеризуемыхъ имъ личностей, по истинѣ, не вѣдая ни жалости, ни мѣры. Про Имперскій Надворный Судъ (Reichshofrath) онъ говоритъ: «это было истинное Эльдорадо взяточничества, тупоумія, бездѣльничества»; члены его «заклятые подъячіе» (14). Въ Имперскомъ Сеймѣ засѣдало нѣсколько «голодныхъ пословъ», которые «дремали» надъ дѣлами (21), и члены регенсбурскаго магистрата, которымъ имперскіе города передавали свои голоса. Эти «герры» «славились своими аккуратными засѣданіями въ полпивныхъ» (20). «Отупѣлое бюргерство» (31); рыцарство «гнусное, безчестное, неприличное» (38). Дворъ князя—«содомъ» (50). Въ присутственныхъ мѣстахъ порядка не было; «канцеляристы, даже сторожа съ ихъ нахальными женами вваливались въ залу» (50). Какъ только било 12 часовъ, «роты» «удирали въ полпивныя». Устроитель Пфальцской государственной лотереи «итальянскій пройдоха» (66). Церковь стала «лакеемъ-чиновникомъ» (70). Вопросъ о томъ, кому главенствовать въ Германіи, г. Трачевскимъ формулируется такъ: «у нѣмцевъ возникъ вопросъ, подъ какимъ соусомъ быть сожранными» (185). Виндгорстъ—«лысый уродъ» (228). Бисмаркъ по примѣру своихъ предковъ «оголтѣлыхъ соколиковъ» женилъ своего сына Герберта «на милліонахъ дочери вѣнскаго фабриканта» (216). Бисмаркъ дошелъ «до измѣны отечеству» (219). – Бисмаркъ!!—Бисмаркъ изобрѣталъ «такія геніальныя заковыки», какія «можетъ сочинять, сколько угодно, любой юноша» (224). Вообще, все то, что авторъ говоритъ о Бисмаркѣ, одинаково поражаетъ какъ своею рѣзкостью, такъ и неубѣдительностью (см. стр. 214—222).

Этотъ ругательный тонъ книги прежде всего бросается въ глаза читателю. Примирившись съ такимъ первымъ впечатлѣніемъ, онъ увидитъ, что авторъ даетъ весьма обстоятельную картину общественнаго строя Германіи въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ новое время, вплоть до начала нашего столѣтія. Если иногда читателю и не такъ легко разобраться, какіе штрихи изъ картины, рисуемой проф. Трачевскимъ, относятся къ «Германіи наканунѣ революціи», какіе—къ эпохѣ за 2—3 вѣка до того, тѣмъ не менѣе въ общемъ картина германскихъ общественныхъ нравовъ и общественнаго строя получается весьма яркая и содержательная.

Правительства (около 300 на Германію) стремятся извлечь изъ народа какъ можно больше денегъ и не считаютъ себя обязанными дать взамѣнъ ни тѣхъ учрежденій, которыя необходимы для благосостоянія народа (судьи, школы, правильно функціонирующая администрація и полиція), ни даже произвести необходимѣйшія работы (дороги). Князья думаютъ о своихъ развлеченіяхъ и о томъ, какъ бы раздобыть денегъ, и вполнѣ пренебрегаютъ дѣлами правленія. При этомъ полная необезпеченность личности и имущества, этихъ основныхъ требованій человѣче-

Digitized by Google

скаго достоинства культурнаго населенія и его экономическаго благосостоянія. Въ городахъ небольшой кружокъ привилегированныхъ гражданъ (бюргеровъ) эксплоатируетъ все остальное населеніе и держитъ въ своихъ рукахъ все городское управленіе, при чемъ своею необразованностью, грубостью и безразличнымъ отношеніемъ къ общественнымъ дѣламъ доводитъ почти всѣ города до полнаго упадка. Дворянство, чванное превосходительствомъ «бѣлой кости» и ея мнимыми заслугами, поражаетъ своею грубостью, пьянствомъ, пороками.

Такова въ общихъ чертахъ безпросвѣтная картина тѣхъ порядковъ, которые были порождены государственнымъ настроеніемъ Германіи особенно съ XVII вѣка. Нарисовавъ эту картину, проф. Трачевскій переходитъ къ срединѣ нашего вѣка, оставляя безъ разсмотрѣнія въ высшей степени своеобразное государственное устройство и общественный строй Германіи въ періодъ между Вѣнскимъ Конгрессомъ (1815) и распаденіемъ Германскаго союза. Этотъ пробѣлъ, во первыхъ, лишаетъ книгу необходимаго единства, а во вторыхъ, много содѣйствуетъ, если такъ можно сказать, неисторичности выносимаго читателемъ впечатлѣнія. Первая половина книги является характеристикою Германіи не въ опредѣленный моментъ (канунъ революціи) а въ весьма продолжительный періодъ времени (нѣсколько сотъ лѣтъ). Со стороны читателя было бы весьма неправильно отнести все сказанное авторомъ именно къ концу XVIII вѣка, а между тѣмъ этотъ перерывъ въ изложеніи еще усиливаетъ это несомнѣнно получающееся впечатлѣніе.

Но насколько мы вообще могли замѣтить, книга проф. Трачевскаго, при цѣкоторой густотѣ черныхъ красокъ, даетъ въ общемъ фактически вѣрное описаніе Германіи XVI—XVIII вѣковъ. Неточности незначительны и существеннаго значенія не имѣютъ; отмѣтимъ (37): «земскіе чины—эти нѣмецкія вѣча»: въ земскихъ чинахъ засѣдали представители сословій, это было, такъ сказать, регулярное государственное учрежденіе, тогда какъ на нашихъ древнихъ вѣчахъ участвовалъ, кто хотѣлъ, вѣча не имѣли опредѣленнаго круга дѣлъ, ни намека на правильное дѣлопроизводство.

Весьма странно отношеніе автора къ римскому праву: идея римскаго права, по его мнѣнію,—«абсолютизмъ цезарей» (139), а на 152 стр. оказывается, что римское право касалось только гражданскихъ отношеній. Но вѣдь въ правѣ, которое касалось бы только чисто гражданскихъ отношеній, не было бы мѣста для тѣхъ или другихъ началъ государственнаго права, въ томъ числѣ и для организаціи верховной власти.

Но подобныя неточности, встрѣчающіяся лишь въ вопросахъ для нашего автора второстепенной важности, весьма мало отражаются на вѣрности общей картины прошлаго Германіи.

Во второй половинѣ книги виденъ уже не историкъ-профессоръ, а публицистъ. И источникомъ для автора служатъ тутъ, повидимому, не историческія изслѣдованія, а газетныя и журнальныя статьи. Это не мало отозвалось на содержаніи второй части сочиненія. Прежде всего, государственныя учрежденія объединенной Германіи описаны крайне неточно. Здѣсь не мѣсто входить въ полемику по вопросамъ чисто юридическимъ. Отмѣтимъ лишь стр. 203, 259, 263, какъ требующія весьма суще-

Digitized by Google

ственныхъ поправокъ. Затѣмъ, увлеченіе противъ Бисмарка и двухъ Вильгельмовъ и ихъ политическихъ идеаловъ заставило нашего автора вмѣнить лично имъ въ вину все то, что ему несимпатично въ умонастроеніи современныхъ нѣмцевъ вообще. Не надо быть особеннымъ знатокомъ современной Германіи, чтобы замѣтить,—что въ несимпатичныхъ автору взглядахъ повинны не только эти три лица. Но необходимо замѣтить, что и въ этой части книги читатель найдетъ массу свѣдѣній и при томъ въ весьма интересномъ освѣщеніи. Страстность автора заставляетъ его иногда говорить вещи, съ которыми трудно согласиться (виги — демократическая партія, — 236), но въ одномъ отношеніи автору нельзя не отдать полной справедливости. То, противъ чего онъ негодуетъ, дѣйствительно, всегда является проявленіемъ чего-либо отсталаго, темнаго, вреднаго. Авторъ все время стоитъ на сторонѣ общественнаго блага, понимаемаго весьма широко, на сторонѣ просвѣщенія, искорененія остатковъ старины, вредныхъ для благосостоянія и общественной нравственности. Пусть въ книгѣ г. Трачевскаго есть неточности, пусть нѣкоторыя его увлеченія при всей симпатичности вызвавшихъ ихъ побужденій, заводятъ автора слишкомъ далеко въ нѣкоторыхъ его характеристикахъ,—тѣмъ не менѣе книга эта даетъ много фактическихъ свѣдѣній, имѣетъ не малое образовательное значеніе и раскрываетъ передъ читателемъ такой взглядъ на историческія событія и общественныя отношенія, надъ которымъ никогда не лишне призадуматься.

Н. Лазаревскій.

Густавъ Адольфъ Гирнъ. Анализъ вселенной въ ея элементахъ. Москва 1898 г. Ц. 2 р. Изд. Московск. Психолог. общ. Вып. VI.

Имя Гирна совершенно незнакомо большой публикѣ. Онъ пользуется извѣстностью только среди спеціалистовъ физиковъ. Вмѣстѣ съ Майеромъ и Джоулемъ онъ положилъ основаніе механической теоріи теплоты. Гирнъ первый опредѣлилъ механическій эквивалентъ теплоты,—не совсѣмъ точно правда,—и занесъ тѣмъ самымъ свое имя на страницы исторіи физики. Однако онъ не замыкался въ кругу спеціальныхъ вопросовъ. Ему принадлежитъ попытка построить спиритуалистическое міросозерцаніе, исходя изъ данныхъ естествознанія; опредѣлить количественно и качественно основныя начала міроздания; установить разнообразныя формы ихъ проявленій и открыть послѣдніе законы ихъ взаимоотношенія. Но его натурфилософія не нашла себѣ такой же оцѣнки, какъ его заслуги передъ физикой, и уже этотъ фактъ самъ по себѣ способенъ пролить свѣтъ на нѣкоторыя особенности его системы.

Было бы несправедливо объяснять эту неизвѣстность Гирна, какъ натурфилософа, тѣмъ, что онъ представляетъ собою слишкомъ незначительную величину. Нѣтъ—пусть его нельзя причислить къ лику deorum maiorum gentium, но всетаки съ его продуманными и безусловно интересными отвѣтами на важные вопросы міровоззрѣнія приходится считаться. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Гирнъ ускользнулъ отъ вниманія профессіональныхъ философовъ. Такъ и должно было случиться: для фи-

Digitized by Google

лософа въ его натурфилософской системѣ слишкомъ много физики и слишкомъ мало метафизики, въ смыслѣ критики знанія. Въ этомъ, какъ мы увидимъ, и сила, и слабость Гирна. Но если его философское сочиненіе не нашло себѣ доступа въ среду естествоиспытателей, то только благодаря вліянію той исторической обстановки, которая окружила появленіе его труда. Она отлилась въ такую форму, что воззрѣніямъ Гирна не было мѣста въ ней, они не могли войти въ составъ ея органической частью.

Гирнъ стоялъ въ рѣшительной оппозиціи къ господствовавшему направленію мысли. Онъ старался удержать напоръ того теченія, которое брало начало изъ безусловнаго преклоненія предъ авторитетомъ естествознанія, а главнымъ образомъ изъ своеобразной оцѣнки послѣднихъ выводовъ, вытекавшихъ, казалось изъ посылокъ естественныхъ наукъ. Къ этому времени относится зарожденіе механической теоріи теплоты, электричества и другихъ силъ природы. Блестящее, точное опредѣленіе количественнаго отношенія между положительной и отрицательной работой съ одной стороны, и убылью и приростомъ тепловой энергіи—съ другой, неудержимо толкало къ тому, чтобы провозгласить механизмъ универсальнымъ принципомъ, распространить его на всѣ виды бытія, подчинить ему и неодушевленную и одушевленную вселенную. Въ царствѣ мертвой природы это приводило къ тому, что сила отожествлялась съ движеніемъ или признавалась аттрибутомъ матеріи, сводилась, другими словами, на степень терминологической фикціи; живыя существа приравнивались къ машинкамъ, которыя устроены болѣе совершенно, чѣмъ произведенія рукъ человѣческихъ, но подобно этимъ послѣднимъ не требуютъ никакого новаго начала, не содержатъ ничего, кромѣ элементовъ неодушевленнаго міра. Одна сторона механическихъ теорій открывала такимъ образомъ дорогу матеріализму. Но этимъ не исчерпывалась совокупность возможныхъ выводовъ, потому что эти теоріи связывались съ другимъ еще принципомъ, принципомъ взаимной превратимости силъ. Констатированіе эквивалентности теплоты и движенія допускало двоякое толкованіе. Это могло значить или, что однѣ силы *замѣщаютъ* другія въ постоянныхъ и неизмѣнныхъ количественныхъ отношеніяхъ; или что здѣсь происходитъ не замѣщеніе, а переходъ, *превращеніе* одной силы въ другую и, говоря точнѣе, трансформація одной и той же силы. Послѣднее толкованіе представлялось конечно болѣе соблазнительнымъ, потому что давало очень много простору для широкаго синтеза. Понимая превращеніе силъ въ строгомъ и подлинномъ смыслѣ того слова, неизбѣжно было прійти къ признанію *единства* силъ, что создавало, такъ сказать, физическій пантеизмъ.

Что принципъ превратимости силъ внесъ въ физику, то теорія Дарвина сдѣлала для біологіи. Въ параллель физическому пантеизму образовался пантеизмъ біологическій, т. е. ученіе о превратимости и единствѣ видовъ.

Противъ этихъ выводовъ безуспѣшно протестовалъ Гирнъ. Его протестъ прошелъ незамѣченнымъ, потому что борьба была слишкомъ неравной, реакція была слишкомъ преждевременной и не могла имѣть дѣйствія, и потому, кромѣ того, что Гирнъ самъ раздѣлялъ отчасти односторонность оспариваемаго имъ направленія. Признавая и даже создавая

Digitized by Google

механическую теорію силъ природы, Гирнъ старается доказать, что слѣдствія, къ которымъ приходятъ ея сторонники, безусловно невѣрны. Онъ убѣжденъ, что механизмъ не исключаетъ динамизма, не ведетъ къ матеріализму и далекъ отъ пантеизма.

Особенно настойчиво Гирнъ вооружается противъ матеріализма. Матеріальнаго элемента совершенно недостаточно для объясненія простѣйшаго явленія въ области неодушевленной природы—напр. явленія толчка, не говоря уже о функціяхъ жизни. Матерія сама по себѣ никогда не можетъ породить движеніе; для этого необходимо присутствіе особаго элемента—*посредствующаго* (elément intermédiaire); такъ называетъ Гирнъ силу, потому что силы устанавливаютъ отношенія между атомами и тѣлами, поддерживаютъ уже установившіяся связи, содѣйствуютъ даже взаимному ознакомленію между тѣлами. Сила не есть ни жидкость, ни движеніе, волнообразное или поступательное, вѣсомой или невѣсомой среды. Движеніе есть функція силы, а не наоборотъ. Свойства силы и матеріи несоизмѣримы. Посредствующій элементъ трансцендентенъ по своей природѣ, не подчиненъ, другими словами, условіямъ пространства и времени; онъ вездѣсущъ, и быстрота его распространенія безконечна. Существуетъ опредѣленное количество силъ, непревратимыхъ другъ въ друга: есть силы постоянной напряженности, именно—сила тяготѣнія; и есть силы, интенсивность которыхъ перемѣнна, какъ-то: теплота, электричество и т. д. Это различіе неизгладимо и отрицаетъ возможность взаимнаго превращенія. Допущеніе силъ, понятыхъ въ этомъ смыслѣ и стоящихъ надъ матеріей, ничего не мѣняетъ, по мнѣнію Гирна, въ математической формулировкѣ положеній механической теоріи.

Матеріализмъ не хочетъ считаться съ тѣмъ фактомъ, что атомъ неупругъ, т. е. что сила, приводящая его въ движеніе, должна находиться внѣ матеріи и не можетъ быть ея аттрибутомъ. Другое свойство атома, недѣлимость, подрываетъ пантеизмъ. Термодинамика доказываетъ, что матерія состоитъ изъ предѣльныхъ, неизмѣнныхъ по формѣ и объему атомовъ. Слѣдовательно, атомъ остается навсегда отдѣленнымъ отъ этого великаго «Цѣлаго», которое, по ученію пантеизма, все поглощаетъ въ себя; атомъ въ силу своей неизмѣнной индивидуальности не можетъ быть модусомъ этого «Всё». И даже больше того. Подобно тому, какъ классъ посредствующихъ элементовъ состоитъ изъ началъ, непревратимыхъ другъ въ друга, элементъ—матерія образуется изъ ряда несводимыхъ другъ къ другу атомовъ: таковы именно тѣла, называемыя въ химіи простыми.

Но еще болѣе, чѣмъ въ царствѣ неодушевленной природы, обнаруживается несостоятельность матеріализма и пантеизма, если мы перейдемъ къ функціямъ живыхъ существъ. Для объясненія явленій жизни Гирнъ считаетъ необходимымъ ввести новое начало, отличное отъ элементовъ неодушевленной природы. Этимъ началомъ—Гирнъ называетъ его *анимическимъ*—надѣлены всѣ живыя существа: растенія, животныя и человѣкъ. Присущее каждому изъ нихъ анимическое начало опредѣляетъ ступень, занимаемую имъ въ ряду другихъ существъ. Ихъ анимическія начала различаются по степени своего совершенства, по полнотѣ и разнообразію функцій, но никакъ не по природѣ. Это начало отлично отъ матеріи по своей трансцендентности; отъ силъ оно отлично во-первыхъ тѣмъ, что

Digitized by Google

всегда бываетъ сконцентрировано въ личность опредѣленнаго содержанія, тогда какъ силы разлиты повсюду; тѣмъ, во-вторыхъ, что оно не подчинено закону механической работы: когда оно функціонируетъ, оно не производитъ работы, подобно силамъ; оно дѣйствуетъ безъ всякой затраты теоріи; оно, наконецъ, активно по своей природѣ. Однако безъ силы физическаго міра,—именно электричества, по предположенію Гирна,—оно не могло бы проявлять своей дѣятельности въ организмѣ. Электричество служитъ посредникомъ между анимическимъ началомъ и тѣломъ, потому что непосредственное взаимодѣйствіе между матеріей и принципомъ жизни невозможно. Анимическое начало всякаго живого существа дѣйствуетъ согласно опредѣленному плану, предначертанному и заложенному въ немъ отъ рожденія, его дѣятельность охватываетъ какъ низшія физіологическія функціи пищеваренія, дыханія, воспроизведенія, такъ и высшія психическія проявленія чувства и мысли. Ничего не создавая вновь, оно планомѣрно распоряжается элементами неодушевленнаго міра, сочетая ихъ при помощи особой организующей способности въ послушное и приспособленное къ его нуждамъ орудіе—тѣло.

Собранный выше скелетъ воззрѣній Гирна представляетъ его міросозерцаніе въ самомъ общемъ схематическомъ видѣ, въ дѣйствительности оно гораздо сложнѣе, чѣмъ можно думать, судя по нашему изложенію. Оставаясь всегда общедоступнымъ, Гирнъ входитъ въ детальную критику физическихъ, химическихъ и біологическихъ теорій, чтобы проложить дорогу собственнымъ положительнымъ выводамъ. Онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи самый разнообразный матеріалъ, обращаясь съ данными естествознанія, какъ съ хорошими знакомыми, что придаетъ особенное значеніе его книгѣ. Она даетъ представленіе объ основныхъ вопросахъ философіи природы; проблемы, которыя въ ней затронуты, имѣютъ непреходящее значеніе, и мы не беремъ на себя смѣлость критиковать его систему въ цѣломъ. Однако есть нѣсколько важныхъ въ принципіальномъ отношеніи пунктовъ, которыхъ нельзя пройти молчаніемъ.

Натурфилософія стоитъ на границѣ между естествознаніемъ и философіей. Имѣя своимъ главнымъ объектомъ синтезъ спеціальныхъ наукъ, она никакъ не можетъ обойтись безъ помощи общей теоріи знанія и наиболѣе важныхъ орудій этой послѣдней—психологіи и логики. Только эти философскія дисциплины могутъ взвѣсить подлежащимъ образомъ выводы натурфилософской системы, опредѣляя реальность, границы, генезисъ и общія условія нашихъ представленій о внѣшнемъ мірѣ. Какъ бы то ни было однимъ словомъ, но натурфилософъ долженъ выяснить отношеніе между естествознаніемъ и философіей. Гирнъ не избѣжалъ, конечно, этого вопроса, но, не обладая достаточной философской подготовкой, какъ то видно и изъ его біографіи *) и изъ его сочиненія, рѣшаетъ его односторонне, совершенно въ духѣ представителей оспариваемаго имъ самимъ направленія. Пренебрежительно относясь къ спекулятивному мышленію, онъ видитъ важное значеніе своего сочиненія въ томъ, что оно показало, какъ совершенно спеціальные факты физики и химіи безново-

*) Подробную біографію Гирна читатель найдетъ въ предисловіи переводчика.

Digitized by Google

ротно рѣшаютъ такія философскія проблемы, которыя стоятъ, повидимому, въ сторонѣ отъ нихъ. Предлагаемое имъ опроверженіе матеріализма и пантеизма доказываетъ, по его мнѣнію, возможность «экспериментальной метафизики»; термодинамика, думаетъ онъ, навсегда приковала психологію къ физикѣ.

Гирнъ правъ, обвиняя философію въ игнорированіи данныхъ естествознанія; его мысль создать «экспериментальную метафизику» находитъ себѣ въ настоящее время сторонниковъ среди представителей философіи (вспомнимъ, хотя бы, о Фулье), и мы начинаемъ свыкаться съ этимъ чудовищнымъ и парадоксальнымъ на первый взглядъ сочетаніемъ терминовъ. Но онъ безусловно непрочь, оказывается признать за философіей и естествознаніемъ равноправность и обмѣнъ услугъ. Онъ надѣется предохранить себя такимъ образомъ отъ необоснованнаго и произвольнаго раціонализма, но на самомъ дѣлѣ опирается, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, на очень сомнительныя философскія теоріи. Онъ стоитъ все время, самъ того не сознавая, на точкѣ зрѣнія догматическаго реализма. Матеріальный атомъ и сила надѣляются въ его системѣ безусловной реальностью, онѣ представляются ему чѣмъ-то независимымъ отъ нашего духа и противостоящимъ ему. Если бы Гирнъ не пренебрегалъ результатами, которые добыты критикой знанія, его система и выиграла бы отъ этого и приняла бы другую окраску. Критическая методологія значительно ослабила бы его непоколебимую вѣру во всеобщую приложимость естественно научнаго эксперимента, вѣру, съ которой уживается самая наивная діалектика; она показала бы ему, что экспериментъ необходимо дополнить критикой понятій, надъ которыми ему приходится оперировать; что можно отстаивать матерію и силу, какъ принципы естествознанія, не впадая въ иллюзіи реализма. Только мимоходомъ коснулся Гирнъ психологическаго генезиса этихъ принциповъ, который могъ бы многое объяснить въ природѣ ихъ. Его критика психологическаго ученія о зарожденіи идеи силы кажется намъ очень слабой. Незнакомство съ психологіей особенно сильно повредило ему въ ученіи объ анимическомъ началѣ. Этотъ принципъ, въ томъ видѣ, какъ онъ его выставляетъ, рѣшительно ничего не объясняетъ и очень напоминаетъ пресловутую теорію способностей. Онъ не уяснилъ себѣ различіе между психическими и физіологическими функціями, безцеремонно навязывая ихъ одному и тому е началу и сближая такимъ образомъ свой «естественный синтезъ» съ ненавистнымъ ему матеріализмомъ. Въ отдѣлѣ, посвященномъ анализу одушевленной вселенной, онъ вынужденъ, за отсутствіемъ реальнаго психологическаго базиса, прибѣгать слишкомъ часто къ риторикѣ и опираться на доводы того сентиментализма, который можно было бы назвать зоологическимъ.

Наши замѣчанія нисколько не ослабляютъ однако интереса, съ которымъ читается его книга. Въ общихъ вопросахъ міросозерцанія рѣдко приходится слышать голосъ естествоиспытателей. Онъ не можетъ имѣть здѣсь, по нашему мнѣнію, рѣшающей роли, но взгляды такого авторитетнаго ученаго, какъ Гирнъ заслуживаютъ полнаго вниманія и найдутъ его

Д. Викторовъ.

Digitized by Google

М. И. Демковъ, Исторія русской педагогіи. Часть II. Новая русская педагогія (XVIII-й вѣкъ). СПБ., 1897. Стр. 691. Ц 4 р.

О первой части «Исторіи русской педагогіи» г. Демкова мы своевременно дали отзывъ на страницахъ «Образованія». Въ этомъ отзывѣ мы указали на планъ работы автора и на тѣ необходимыя трудности, которыя соединены съ выполненіемъ такого плана. О второй части «Исторіи русской педагогіи» мы ничего новаго сказать не можемъ, такъ какъ планъ работы автора остался совершенно тотъ же, а слѣдовательно автору, при ея выполненіи, приходилось бороться съ тѣми же трудностями, что и въ первой части. Вмѣстѣ съ тѣмъ достоинства и недостатки работы остаются прежніе, только во второй части они выразились рѣзче, такъ какъ у автора было подъ руками больше матеріала, вслѣдствіе чего мы и получаемъ увѣсистый томъ въ 691 страницу.

Содержаніе этого тома слѣдующее: гл. I. Петръ В., его ученіе, воспитаніе и значеніе для русскаго просвѣщенія и педагогіи; гл. II. Образовательные проекты времени Петра В.; гл. III. И. Т. Посошковъ; гл. IV. Св. Дмитрій Ростовскій и его педагогическая дѣятельность; гл. V. Свѣтскія школы при Петрѣ В.; гл. VI. Буквари и учебники времени Петра В.; гл. VII. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его педагогическая дѣятельность; гл. VIII. В. Н. Татищевъ и его педагогическіе взгляды; гл. IX. Духовныя школы при Петрѣ I и его преемникахъ. Духовный регламентъ; гл. X. Юго-западныя школы. Школы Слободской Украины. Мандрованные дяки; гл. XI. М. В. Ломоносовъ и его значеніе для русской науки и педагогіи; гл. XII Академія наукъ. Московскій университетъ; гл. XIII. Нравоучительныя книги первой половины XVIII вѣка; гл. XIV. Педагогическія сочиненія первой половины XVIII вѣка; гл. XV. Состояніе просвѣщенія и нравовъ въ первую половину XVIII вѣка; гл. XVI—XX. Дѣятельность Екатерины II по части образованія и воспитанія; гл. XXI. И. И. Бецкой гл. XXII. Фонвизинъ и Державинъ; гл. XXIII. Шляхетный сухопутный Кадетскій корпусъ; гл. XXIV. Митрополитъ Платонъ и Московская академія; въ главахъ XXV—XXXIII трактуется о народномъ образованіи при Екатеринѣ II, дѣятельности Янковича-де-Миріево, о женскомъ образованіи, духовныхъ школахъ, Московскомъ университетѣ, Московскомъ Благородномъ пансіонѣ, Харьковскомъ коллегіумѣ; гл. XXXIV—XXXVI посвящены характеристикѣ дѣятельности Курганова, Сковороды и Новикова; въ гл. XXXVII—XXXIX говорится о нравоучительныхъ и педагогическихъ книгахъ и статьяхъ второй половины XVIII вѣка; въ гл. XL—XLI объ изящной, духовной и ученой литературѣ и о состояніи просвѣщенія и нравовъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Изъ этого перечня содержанія сорока слишкомъ главъ второй части «Исторіи русской педагогіи» видно, что авторъ собралъ, какъ и въ первой части своего труда, громадный матеріалъ и владѣетъ большою начитанностью. Но, понятно, одолѣть всю литературу по трактуемымъ вопросамъ онъ не могъ, пропуски и ошибки были неизбѣжны. Этотъ же перечень показываетъ, что изображеніе развитія собственно педагогическихъ идей занимаетъ сравнительно небольшую часть сочиненія, большая же его доля посвящена вопросамъ просвѣщенія, исторіи школъ, разнымъ культурнымъ

Digitized by Google

явленіямъ, какъ то было и въ первой части. Громадный матеріалъ, по прежнему, давитъ автора и вынуждаетъ его руководиться въ большинствѣ своихъ сужденій мнѣніями спеціальныхъ изслѣдователей. Въ книгѣ много знакомыхъ вещей для образованнаго читателя.

П. Каптеревъ.

В. П. Вахтеровъ. Народныя чтенія. Изданіе журнала «Русская Школа». Спб. 1897. in 8-vo. Стр. 2 нен.+210. Ц. 1 руб.

Публичныя народныя чтенія и публичныя лекціи—одинъ изъ самыхъ живыхъ и насущныхъ вопросовъ текущей дѣйствительности. Роль первыхъ, пока не получилъ у насъ законодательнаго утвержденія великій принципъ обязательнаго всеобщаго обученія, и роль вторыхъ, пока не реформированы кореннымъ образомъ наши среднія и высшія школы, настолько громадны, что нашей литературѣ надлежитъ самымъ ревностнымъ образомъ приняться за разработку этого рода вопросовъ, а нашей интеллигенціи вести неустанную борьбу съ преградами, которыя на каждомъ шагу портятъ, уродуютъ или совсѣмъ губятъ хорошія образовательныя начинанія. Книга г. Вахтерова представляетъ поэтому большой интересъ. Это, правда, не систематическое изслѣдованіе вопроса, а лишь сборникъ любопытныхъ или практически важныхъ матеріаловъ, собранныхъ въ разное время авторомъ и расположенныхъ по извѣстной программѣ, которая въ общемъ отлично подчеркиваетъ и глубокій интересъ автора къ дѣлу публичныхъ народныхъ чтеній, и горячее къ нимъ сочувствіе. Въ книгѣ найдете данныя по исторіи возникновенія у насъ народныхъ чтеній, по ихъ репертуару, порядку ихъ открытія и веденія; тутъ же рядъ фактическихъ данныхъ относительно возникшихъ въ разныхъ мѣстахъ организаціяхъ для веденія чтеній, рядъ детальныхъ наблюденій относительно ихъ вліянія на народъ, относительно того, какъ народъ къ нимъ относится или чего въ нихъ ищетъ; тутъ же рядъ намековъ на трудности, съ которыми сопряжено веденіе публичныхъ народныхъ чтеній въ провинціи и т. д. Заканчивая выборки изъ матеріала, характеризующаго воспитательное дѣйствіе народныхъ чтеній, г. Вахтеровъ говоритъ: «кто хочетъ сдвинуть народныя массы съ мертвой точки косности, суевѣрія и невѣжества, «кто хочетъ разбудить ее, долженъ заинтересовать ее, *начиная съ народныхъ чтеній*». Эта совсѣмъ некрасивая по формѣ фраза тѣмъ не менѣе отлично выражаетъ существо дѣла: во главѣ образовательныхъ средствъ, наиболѣе дѣйствительныхъ среди взрослой народной массы, надо поставить публичныя народныя чтенія. Не даромъ же ихъ такъ боятся тѣ гостода, для которыхъ невѣжество народа лучшее орудіе для эксплуатаціи послѣдняго, по адресу которыхъ нашъ авторъ (стр. 31, 55) пишетъ такое замѣчаніе: «ни государство, ни общество, ни частныя лица не должны останавливаться ни предъ какими жертвами на народное просвѣщеніе, потому что правящимъ классамъ невозможно долѣе опираться на невѣжественныя массы, потому что на поприщѣ ума нельзя намъ отставать отъ опередившихъ и съ каждымъ годомъ опережающихъ насъ цивилизованныхъ сосѣдей, потому что при всеобщемъ безграмотствѣ насъ не спасутъ отъ краха ни многочисленная армія, ни блестящіе балансы въ бюджетѣ, сопровож-

Digitized by Google

дающіе прогрессивное обѣднѣніе массъ народныхъ, ни на десятки тысячъ верстъ строющіеся пути сообщенія, ни увеличиваемый бюджетъ на тюрьмы и земскихъ начальниковъ». Воспитательное дѣйствіе народныхъ чтеній прямо пропорціонально тому интересу, съ какимъ относится къ нимъ народъ, доросшій до добровольной денежной помощи на дѣло чтеній. Констатируя этотъ искренній интересъ народа къ чтеніямъ, г. Вахтеровъ пользуется одной изъ статей Португалова и клеймитъ тотъ гнусный интересъ къ чтеніямъ, который иногда проявляется въ провинціальномъ обществѣ извѣстнаго сорта въ формѣ клеветническихъ доносовъ: 43 страница книги г. Вахтерова прелюбопытна въ указанномъ отношеніи. Не мало страницъ посвящаетъ авторъ выборкамъ изъ матеріала, характеризующаго вкусы и интересы сѣраго люда. Приглядѣться къ этимъ вкусамъ и интересамъ крайне важно, едва ли не менѣе всего и хуже отработана у насъ именно эта сторона: скверно, когда приходя къ народу съ просвѣтительной помощью, мы бьемъ гораздо выше цѣли; не желательна и другая крайность, какъ рабское приниженіе до низменнаго уровня и нежеланіе вести за собой народную аудиторію, мало по малу ее подтягивать, пріучать къ болѣе насущнымъ и возвышеннымъ интересамъ. Если хотимъ воспитывать, откажемся и отъ приниженія, и отъ недоступныхъ высотъ, а будемъ дѣйствовать въ духѣ цѣлесообразной постепенности. Мнѣніе г. Вахтерова на этотъ счетъ не совсѣмъ ясно; но мы вполнѣ согласны съ нимъ въ томъ пунктѣ, что народная аудиторія — совсѣмъ не мѣсто для проповѣдей и поученій, совсѣмъ не мѣсто для религіозно-нравственныхъ собесѣдованій; если религіозно-нравственнее собесѣдованіе приличествуетъ церкви, то его нѣтъ нужды и нельзя переносить оттуда въ народную аудиторію. Всякой вещи свое мѣсто: народъ въ церковь идетъ поучаться, а въ народную аудиторію учиться уму-разуму. «Наибольшимъ успѣхомъ, говоритъ г. Вахтеровъ (стр. 157) пользуются чтенія, не навязывающія слушателямъ какихъ-нибудь предвзятыхъ тенденцій, не поучающія народъ, не носящія характера проповѣдей и поученій, а тѣ чтенія, гдѣ лекторъ старается заинтересовать аудиторію предметомъ, его содержаніемъ и вмѣстѣ формой. Народная аудиторія не учебное заведеніе съ задачею сообщить слушателямъ извѣстный запасъ знаній, а скорѣе — только средство возбудить любознательность, потребность критики, размышленія, любовь къ чтенію и наблюденію, затѣмъ, средство помочь въ выборѣ матеріала для чтенія и, если нужно, изученія, наконецъ, средство облагородить вкусы слушателей». Не будемъ останавливаться на обширномъ фактическомъ и справочномъ матеріалѣ, какой даетъ книга г. Вахтерова; ее прочтутъ всѣ интересующіеся дѣломъ народныхъ чтеній, она попадетъ въ руки каждаго ихъ организатора. Справочнаго значенія разбираемой книги отнюдь нельзя упускать изъ виду. Пишущій настоящія строки имѣлъ случай на личномъ опытѣ убѣдиться, какъ въ глухихъ уголкахъ провинціи мало ознакомлены съ порядкомъ открытія чтеній. Обратившись къ провинціи осенью 1896 г. чрезъ газету «Русскія Вѣдомости» (№ 305) съ просьбой о сообщеніи всякаго рода матеріаловъ по вопросу о публичныхъ народныхъ чтеніяхъ, намъ пришлось прежде всего получить запросы о томъ, какъ открыть народныя чтенія, и по мѣрѣ силъ подробно отвѣчать на эти запросы... На

Digitized by Google

земствѣ прежде всего лежитъ, по мнѣнію нашего автора (стр. 189), обязанность открывать публичныя народныя чтенія во всѣхъ сельскихъ поселеніяхъ Россіи; то же надо сказать о фабрикахъ и заводахъ, которые обязаны открывать чтенія и курсы для своихъ рабочихъ. Можно было бы поспорить по поводу нѣкоторыхъ частностей книги г. Вахтерова. можно было бы упрекнуть его въ сравнительно очень незамѣтной постановкѣ принципіальныхъ вопросовъ (а порой и отсутствіи этой постановки), равно какъ очень малой разработанности доступнаго ему матеріала, но мы полагаемъ, что съ этимъ можно повременить. Авторъ даетъ въ наше распоряженіе столько матеріала, сопровождаетъ его такими сердечными по адресу чтеній замѣчаніями, что позволительно ограничиться лишь усердной рекомендаціей его полезной для всѣхъ книги, появившейся весьма кстати.

В. Стороженъ.

1. **Русскій языкъ.** Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Сост. К. Ѳ. Петровъ. Пятое исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1896 г.
2. **Русскій языкъ.** Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Синтаксисъ въ образцахъ. Сост. К. Ѳ. Петровъ. Шестое исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1896 г.

Передъ нами два учебника, имѣющіе довольно широкое распространеніе: одинъ вышелъ пятымъ, другой—шестымъ изданіемъ. Первый изъ нихъ, этимологія, разсмотрѣнъ четырьмя комитетами: учебнымъ Комитетомъ по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Комитетомъ Морскихъ учебныхъ заведеній, Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія и Учебнымъ Комит. при Святѣйшемъ Синодѣ; двумя изъ поименованныхъ комитетовъ *одобренъ*, двумя *допущенъ*. Послѣднее обстоятельство, вызывая наше удивленіе, помогаетъ намъ отчасти объяснить себѣ широкое распространеніе книжекъ г. Петрова.

У автора видна трудная кропотливая работа, вызванная стремленіемъ захватить всѣ направленія русской средней школы, неестественно раздѣленной, къ сожалѣнію, по разнымъ вѣдомствамъ. Онъ не жалѣетъ ни труда, ни времени для достиженія этой цѣли; не щадитъ ни себя, ни ученика. Цѣлыя страницы исписываетъ онъ дробными, мелкими правилами, загромождающими безполезно память учащихся.

На стр. 24 Этимологіи онъ перечисляетъ, напр., разряды именъ, пишущихся заглавными буквами. Здѣсь, вѣроятно, изъ вниманія къ Морскому Вѣдомству особый разрядъ составляютъ «Названія кораблей и другихъ судовъ: Орелъ, Держава, Первый и т. д.». На стр. 23. авторъ наставительно говоритъ въ духѣ другого вѣдомства: «Духовные предметы хотя и постигаются только умомъ, но все же существуютъ на самомъ дѣлѣ (ангелы)...» Мы думаемъ, что начинать школьную грамматику такими свѣдѣніями значитъ отступать отъ основного принципа, на которомъ она должна быть построена. Этотъ основной принципъ—изученіе формъ рѣчи—есть, по нашему мнѣнію, единственное средство спасенія для составителя, дающее ему возможность избѣжать опасности загромоздить

Digitized by Google

учебное руководство по языку ненужнымъ, постороннимъ матеріаломъ.

Мы рѣшительно не понимаемъ также соединенія грамматики съ хрестоматіей въ одну книгу, и въ особенности—помѣщенія поэтическихъ образцовъ впереди грамматическихъ правилъ, которыя слѣдуютъ за ними подъ непонятнымъ названіемъ «выводовъ», какъ это сдѣлано у г. Петрова. На стр. 22 Этимологіи онъ помѣщаетъ, напримѣръ, стихотвореніе Мея «Хозяинъ» и «Молитву» Лермонтова, а потомъ «выводы»: «Все то, что существуетъ отдѣльно, особо или что представляется намъ такъ существующимъ, называется предметомъ (обезьяна, страхъ, пчела, тишина)». При этомъ ни одного изъ поименованныхъ авторомъ предметовъ нѣтъ въ постановленныхъ выше образцахъ. Ясно, что онъ самъ видѣлъ отсутствіе какой бы то ни было связи между вышеозначенными стихами и своими грамматическими «выводами». Спрашивается: зачѣмъ они напечатаны?

Мы думаемъ, что работа надъ литературными образцами должна слѣдовать за усвоеніемъ грамматическихъ положеній, когда эти послѣднія выведены изъ искусно подобранныхъ примѣровъ, и мѣсто образцовъ не въ грамматикѣ, а въ книгѣ для чтенія, которая, давая матеріалъ для разныхъ другихъ упражненій въ языкѣ, даетъ его и для грамматическаго разбора, т. е. для упражненія учащихся въ умѣньи примѣнять свои грамматическія знанія на разборѣ живой рѣчи.

Самые «выводы» г. Петрова грѣшатъ часто и противъ логики, и противъ стилистики, а мѣстами обнаруживаютъ даже плохое знаніе того самаго предмета, учебникъ котораго онъ взялъ на себя трудъ составить.

Приведемъ примѣры самыхъ вопіющихъ ошибокъ: «Всѣ части рѣчи изъ которыхъ слагается наша мысль (?), выражаютъ или понятія или отношенія понятій...» (Этимологія, стр. 23).

«Опредѣленіемъ называется тотъ второстепенный членъ предложенія, которымъ обозначается признакъ (?), выдѣляющій извѣстный предметъ изъ числа ему подобныхъ». (Синтаксисъ, стр. 5.) Г. Петровъ упускаетъ изъ виду, что признакъ можетъ обозначаться и другимъ второстепеннымъ и главнымъ членомъ предложенія.

«Пропускъ подлежащаго или сказуемаго для ясности обозначается чертою и тире (Вода—краса всей природы)» (стр. 16 синтаксисъ).

Здѣсь пропущено не сказуемое, а только глаголъ вспомогательный.

На стр. 33 этимологіи приводятся примѣры выпаденія тематической гласной или сокращенія ея въ ь и й при склоненіи существительныхъ: «кусокъ—куска, камень—камня, ручей—ручья, боецъ—бойца» и пр. И въ этомъ явленіи г. Петровъ видитъ одну изъ особенностей русскаго склоненія. А какъ же объяснить то же явленіе въ прилагательныхъ при измѣненіи ихъ по родамъ: кратокъ—кратка, боленъ—больна, покоенъ—покойна, важенъ—важна, или, напримѣръ, при производствѣ одного слова отъ другого: лесть—льстить? Развѣ это особенности склоненія?

(Стр. 84, этимологія) «Причастія бываютъ дѣйствительныя и страдательныя; первыя обозначаютъ предметъ дѣйствующій (?) (подымающіяся утки), вторыя—подверженный дѣйствію (утки, испуганныя мальчикомъ)». А интересно бы знать, какъ назоветъ составитель практической русской

Digitized by Google

грамматики причастія въ слѣдующихъ примѣрахъ: строющійся домъ; утки, испугавшіяся мальчика и т. п.? Гдѣ же тутъ дѣйствующій предметъ? Очевидно, г. Петровъ и не догадывается, что русскія причастія называются дѣйствительными и страдательными не по значенію, а по формѣ, что всѣ причастія съ суф. *щ*, *ш* или *вш* называются дѣйствительными, а съ суффиксами *м*, *н*; *т*,—страдательными. А между тѣмъ, какъ видно изъ предисловія, г. Петровъ думаетъ, что въ послѣднемъ изданіи его учебника «нѣкоторыя правила и задачи *ясите и точнѣе* формулированы, чѣмъ въ предыдущихъ изданіяхъ, и, такимъ образомъ, облегчены для пониманія дѣтей...»

Какъ рѣшительный примѣръ неясности, неточности и трудности для пониманія не только ребенка, но и взрослаго человѣка, приведемъ опредѣленіе сложнаго предложенія, которое, какъ извѣстно, составляетъ камень преткновенія всѣхъ существующихъ грамматикъ. «Сложнымъ предложеніемъ называется такое, въ которомъ мысль выражается нѣсколькими предложеніями (?) оно *составляется* (?) или *складывается* (?) изъ нѣсколькихъ простыхъ предложеній». (стр. 46 синтаксиса).

Прежде всего, мы спросимъ: что значитъ «мысль выражается нѣсколькими предложеніями»? Вѣдь и въ цѣломъ сочиненіи мысль выражается нѣсколькими предложеніями? Потомъ, что значитъ *составляется* или *складывается*? Какимъ образомъ?

Намъ кажется, что для дѣйствительнаго «облегченія дѣтей» давно бы гг. грамматистамъ пора подумать серьезно, какъ упростить объясненіе такого мудренаго вопроса, какъ сложное предложеніе. Мы съ своей стороны предложили бы чистое формальное объясненіе: связаны предложенія грамматически—значитъ составляютъ одно сложное, не связаны—рядъ простыхъ. Вся бѣда, думается намъ, въ томъ и заключается, что наша школьная грамматика построена издавна на логическихъ началахъ, и мы до сихъ поръ не хотимъ знать, что новѣйшая наука практикуетъ ее, какъ ученіе о формахъ языка. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы логическій элементъ былъ вовсе устраненъ изъ школьнаго курса, но его надо строго разграничивать отъ формальнаго, грамматическаго: смѣшеніе ихъ производитъ только путаницу, въ которой не могутъ разобраться такіе составители учебниковъ, какъ г. Петровъ и отъ которой страдаютъ больше всѣхъ дѣти. Учитель долженъ, по нашему мнѣнію, дать почувствовать ученикамъ разницу между грамматикой и логикой,—показать, чѣмъ отличается грамматическій разборъ отъ логическаго.

«Задачи» г. Петрова, которыя онъ предлагаетъ учащимся въ своихъ книжкахъ для усвоенія орѳографическихъ навыковъ, представляютъ подражаніе разнымъ «нѣмымъ» и «зрительнымъ» диктантамъ, въ такомъ обиліи изготовляемымъ г.г. Зелинскимъ и К°. О вредѣ или по крайней мѣрѣ, безполезности такихъ упражненій чисто механическихъ, и потому тошнотворныхъ, говорилось очень много въ нашей педагогической литературѣ, поэтому мы обойдемъ ихъ молчаніемъ.

Одно только достоинство есть въ книжкахъ г. Петрова—это обильный и искусный подборъ примѣровъ, но этого слишкомъ мало, чтобы безъ всякихъ опасеній дать его учебники въ руки учащихся.

Ѳ. Нелидовъ.

Digitized by Google

Родная нива. Христоматія для II и III классовъ среднеучебныхъ заведеній (VI и V В. У. И. М.) и 2 классовъ приходскихъ училищъ. Часть I. Составила М. А. Гусева. С.-Петербургъ. 1897 г. Цѣна 80 к.

Этотъ сборникъ былъ бы новинкой, еслибъ онъ появился раньше извѣстной «Новой хрестоматіи» (составленной кружкомъ учительницъ подъредакціей Воскресенскаго), гдѣ мы впервые увидѣли не одни только избитые образцы, но и отрывки изъ произведеній новѣйшихъ авторовъ. Впрочемъ, это не мѣшаетъ и «Родной Нивѣ» быть очень полезнымъ и добросовѣстно составленнымъ трудомъ, въ которомъ также можно указать не мало статей и стихотвореній, до сихъ поръ не входившихъ въ подобныя классныя книги для чтенія. Таковы—«Папоротникъ» Данилевскаго», «Мое говѣнье» (изъ повѣсти «Семейное счастье») Толстаго, «На волю» Баранцевича, «Бандуристъ» Случевскаго, нѣсколько граціозныхъ стихотвореній К. Р. и др. Составительница, по ея словамъ (см. предисловіе) имѣла прежде всего въ виду художественно-литературныя задачи, исходя изъ того взгляда, что «всякое истинно-художественное произведеніе несомнѣнно вліяетъ воспитательно на человѣка». Это совершенно вѣрно, и въ принципѣ хрестоматія по русскому языку и должна состоять только изъ такихъ образцовъ слога, но такъ какъ въ гимназіяхъ В. У. И. М., для которыхъ именно предназначается «Родная Нива», ни зоологіи, ни ботаники не проходятъ, то г-жа Гусева и ввела въ свой сборникъ нѣсколько статей художественныхъ и, кромѣ того, сообщающихъ дѣтямъ нѣкоторыя научныя познанія («Лѣсная сказка» Кайгородова, «Ершъ» Аксакова и т. д.). Практика показываетъ, что такія статьи необходимы, потому что знакомство съ природой благотворно вліяетъ и на общее развитіе учащихся. Намъ скажутъ, что ученицы пріобрѣтаютъ естественно-научныя свѣдѣнія на урокахъ географіи, но дѣло въ томъ что при 2 урокахъ въ недѣлю нельзя дать много матеріала по естественной исторіи, и самое попутное знакомство съ нею является крайне поверхностнымъ. Поэтому преподающимъ русскій языкъ въ Маріинскихъ гимназіяхъ съ давнихъ временъ приходится волей-неволей вторгаться въ чуждую для нихъ область, и они рады, когда могутъ найти въ хрестоматіи удачный подборъ полезныхъ отрывковъ, у которыхъ и форма настолько удовлетворительна, что не вредитъ, а помогаетъ цѣлямъ языка.

Что касается порядка расположенія статей, то онѣ дѣлятся на два отдѣла: I. Человѣкъ и II. Природа, причемъ 1-й начинается сказками, какъ матеріаломъ наиболѣе доступнымъ для дѣтскаго пониманія, а 2-й заканчивается описаніями, потому что эта форма затрудняетъ дѣтей болѣе повѣствованія. Выборъ сказокъ и народныхъ, и художественныхъ довольно удаченъ, но, по нашему мнѣнію, не мѣшало бы подвергнуть слогъ ихъ предварительной очисткѣ: то, что интересно для изслѣдователя и любителя народной словесности, вредно для ребенка, обучающагося правильной рѣчи; поэтому лишнее въ сказкахъ, помѣщенныхъ въ хрестоматіи, оставлять такія выраженія, какъ «кустья», «завсегда» и проч. За сказками въ I отдѣлѣ слѣдуютъ картины изъ дѣтской жизни и крестьянскаго быта. Обѣ эти группы отличаются догматичной полнотой. Въ упрекъ автору мы можемъ поставить только обиліе рубрикъ, излишнюю

Digitized by Google

склонность къ классификаціи статей, иногда возбуждающей недоумѣнія. Такъ III группа статей—«Изъ крестьянскаго быта» имѣетъ 3 подраздѣленія: А. «Крестьянскій трудъ и отдыхъ послѣ труда», Б. «Жизнь крестьянскаго ребенка» и В. «Характеръ русскаго крестьянина». Между тѣмъ достаточно было бы сохранить только заголовокъ группы «Изъ крестьянскаго быта», потому что большинство статей по своему содержанію захватываютъ нѣсколько рубрикъ: развѣ въ Некрасовскомъ дядюшкѣ Яковѣ, дарящемъ книжку сироткѣ, мы не видимъ главнѣйшихъ чертъ русскаго крестьянина—добродушія и щедрости, хотя это стихотвореніе находится въ отдѣлѣ А.? Кромѣ того, всѣ эти подраздѣленія ведутъ къ дробленію статей, которыя приходится укорачивать ради того, чтобъ онѣ подходили къ извѣстному отдѣлу (см. напр. «Птичій дворъ», гдѣ всего 6 строч.) Мы посовѣтовали бы составительницѣ уничтожить бо́льшую часть этихъ рубрикъ, которыя только мертвятъ и охлаждаютъ хорошій подборъ статей, и удлиннить также нѣкоторые художественные отрывки, которые тогда сдѣлаются болѣе удобными для пересказа. Мы не ошибемся, если скажемъ, что по устраненіи этихъ недостатковъ, христоматію «Родная Нива» ожидаетъ широкое распространеніе, благодаря ея цѣннымъ качествамъ, о которыхъ уже сказано нами.

Н. Леонтьева.

Курсъ ботаники. Руководство для реальныхъ училищъ составилъ Е. Жадовскій. Въ 2-хъ частяхъ. Изданіе К. Тихомирова Москва 1897.

Среди другихъ учебниковъ по ботаникѣ для среднихъ учебныхъ заведеній—одно изъ первыхъ мѣстъ по богатству и разнообразію сообщаемыхъ свѣдѣній занимаетъ руководство, составленное г. Жадовскимъ. Составитель не ограничился описаніемъ отдѣльныхъ растеній и самыми краткими свѣдѣніями о морфологіи и физіологіи растеній, но постарался дать написанное яснымъ языкомъ подробное описаніе жизни растеній. Въ предисловіи составитель, высказывая свой взглядъ на тѣ условія, которымъ, по его мнѣнію, должны удовлетворять учебники по естественной исторіи, говоритъ, что «самымъ подходящимъ курсомъ естественной исторіи долженъ быть такой, въ которомъ бы были подробно изложены признаки организмовъ или минераловъ, указаны систематическіе признаки наиболѣе нужныхъ отдѣловъ классификаціи (классы, отряды), отведено мѣсто объясненію жизненныхъ явленій и мѣстами, вкратцѣ, указано практическое примѣненіе тѣхъ или другихъ формъ; въ курсѣ должны имѣть мѣсто таблицы для опредѣленія животныхъ или растеній. Нѣкоторые изъ философски-научныхъ вопросовъ могутъ быть сообщены ученикамъ, но не иначе, какъ въ старшихъ классахъ». Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться, и нужно признать, что все это составителю болѣе или менѣе удалось.

Въ первой части находится описаніе отдѣльныхъ растеній, систематика цвѣтковыхъ растеній и морфологія, часть вторая заключаетъ систему растительнаго царства, систематику споровыхъ растеній, краткій очеркъ анатоміи и физіологіи растеній, а также главу о практическихъ заняті-

Digitized by Google

ахъ ботаникой. Составитель уклонился отъ обычнаго описанія только представителей нашей флоры, а даетъ также описаніе всѣмъ хорошо извѣстныхъ растеній, какъ напр. фуксіи и лиліи.

Описаніе такихъ растеній, которыя всегда не трудно имѣть подъ руками, очень облегчаетъ наглядное преподаваніе и жаль, что составитель ограничился описаніемъ немногихъ представителей культивируемыхъ въ комнатахъ растеній. При описаніи растеній ученикъ знакомится съ основаніями морфологіи и преподавателю остается только подчеркнуть наиболѣе вѣрное и здѣсь же, знакомя съ отдѣльными формами, указать на метаморфозъ органовъ—матеріалъ предлагаемый составителемъ, вполнѣ для этого достаточенъ.

Встрѣчаются въ руководствѣ недосмотры и ошибки и многихъ изъ нихъ можно было бы избѣжать. Большинство того, что составитель говоритъ о грибахъ, слѣдуетъ во второмъ изданіи руководства пересмотрѣть и передѣлать. На стр. 54 составитель смѣшиваетъ такія двѣ разныя формы, какъ пшеничная ржавчина и головня («у пшеничной ржавчины или головни Tiletia cariеs Tul.») и говоря о головневыхъ грибахъ приписываетъ имъ способность образовывать «телейтоспоры», очевидно смѣшивая все время ржавчину—сем. Uredineae съ головней—сем. Ustilagineae. На стр. 58 попадается фраза способная вселить въ ученика совершенно неправильное понятіе о питаніи грибовъ: «грибы не способны сами приготовлять органическое вещество изъ угольной кислоты воздуха и берутъ его готовымъ изъ другихъ растеній» и далѣе «растенія лишенныя хлорофила, не могутъ сами вырабатывать себѣ пищу и питаются соками другихъ растеній» (стр. 65). На стр. 61 фраза «ядро есть не болѣе, не менѣе, какъ уплотнившаяся часть протоплазмы» указываетъ на малое знакомство составителя съ анатоміей клѣтки и очень жаль, что не смотря на это или, вѣрнѣе, вслѣдствіе этого допущено въ руководствѣ такое категорическое утвержденіе.

Не удачна группировка алкалоидовъ (стр. 70) на цѣлебные (хининъ) и другіе болѣе или менѣе ядовитые (морфинъ, стрихнинъ, кокаинъ и др.)—вѣдь тѣ же ядовитые алкалоиды могутъ быть и весьма цѣлебны и наоборотъ. Не удачно также на фиг. 272 составитель даетъ, какъ примѣръ растенія съ чехликомъ, ряску—именно у которой какъ разъ и нѣтъ чехлика, а есть такъ наз. корневая сумка, образованіе только по своей функціи соотвѣтствующее чехлику на корняхъ другихъ растеній.

Физіологія, составленная въ нѣкоторомъ родѣ по образцу «Жизни растеній» Тимирязева, написана очень толково и способна заинтересовать учениковъ. Масса рисунковъ приложенныхъ къ описанію опытовъ дѣлаютъ текстъ очень наглядным и въ нѣкоторыхъ случаяхъ хоть въ нѣкоторой степени облегчатъ преподаваніе при постоянной бѣдностѣ кабинетовъ нашихъ средне-учебныхъ заведеній.

Б. Исаченко.

Digitized by Google

Рейнике-Лисъ-Хитродумъ. Передѣлано съ нѣмецкаго Н. И. Позняковымъ. Съ 7-ю хромолитографіями и 29-ю политипажами въ текстѣ по рисункамъ Хр. Фоттелера. С.-Петербургъ. Изданіе А. Ф. Девріена.

Эта средневѣковая сатира, художественно изложенная Гёте, состоитъ изъ цѣлаго ряда анекдотическихъ разсказовъ о мошенническихъ продѣлкахъ Рейнике-Лиса, который, какъ пресловутый Рокамболь, не разъ бывалъ на волоскѣ отъ заслуженной кары, но, благодаря рѣдкой находчивости и изворотливости, всегда умѣлъ избѣжать наказанія. Правда и то, что его жертвы черезчуръ простоваты; даже и юный читатель рѣшитъ, что такихъ легковѣрныхъ обойти не трудно. Сколько разъ ихъ ни обманывалъ умный Хитродумъ, они все ему вѣрятъ и продолжаютъ попадать въ новыя ловушки. Дѣло въ томъ, что Лисъ отлично изучилъ своихъ собратій, знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и какія приманки нужны для каждаго. Положимъ, что Хитродумъ слишкомъ лукавъ, а остальные звѣри слишкомъ глупы, но такая яркость и грубоватость чертъ, соединенныя съ односторонней характеристикой—отличительныя черты народной фантазіи; тонкіе оттѣнки неизвѣстны народу; они предполагаютъ уже извѣстную культуру. Впрочемъ, если въ «Рейнике-Лисѣ» и можно найти отголоски стараго животнаго эпоса, то главное орудіе героя, его краснорѣчіе, сила временъ позднѣйшихъ: не грубой физической мощью, а словомъ дѣйствуетъ онъ на своихъ безхитростныхъ слушателей. Что касается русской передѣлки, то она очень удачна: въ слогѣ совсѣмъ не чувствуется перевода, языкъ живъ, образенъ и близокъ къ народному. Мы знаемъ, что многіе спросятъ, пожалуй: да хороши ли для дѣтей такіе разсказы, которые кончаются торжествомъ неправды? Всѣ враги Хитродума пострадали безвинно, а онъ вышелъ сухъ изъ воды да еще смѣется надъ ихъ гибелью. Но вѣдь все равно дѣтямъ придется потомъ убѣдиться, что если лермонтовскій демонъ и клянется «вѣчнымъ правды торжествомъ», то это не что иное, какъ риторическая фигура. Не мѣшало бы, однако, смягчить грубость нѣкоторыхъ образовъ сказки: въ ней слишкомъ часты кровопролитія и увѣчья.

Кораллы. Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей О. Григорьевой. Съ рисунками Т. Никитина и М. Григорьевой. С.-Петербургъ. 1897 г. Изданіе А. Ф. Девріена,

Эти разсказы г-жи Григорьевой написаны безусловно талантливо, но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что они предназначаются для маленькихъ дѣтей: такимъ дѣтямъ символизмъ еще непонятенъ, а между тѣмъ на немъ основаны лучшіе разсказы книжки, да и само предисловіе представляетъ собой аллегорію. Эпиграфомъ къ сборнику взято изрѣченіе «Сила не въ силѣ, а сила въ любви», и всѣ разсказы объединены этой общей идеей, что придаетъ извѣстную цѣнность книгѣ. Симпатичная мысль автора и развита въ предисловіи, изложенномъ въ формѣ сказки и сказки, по правдѣ сказать, довольно туманной. Былъ злой король, который и во время голода не хотѣлъ подѣлиться съ бѣднымъ народомъ

Digitized by Google

своими богатыми запасами, но его дочь, добрая принцесса «Алыя губки», тайно отъ отца помогала бѣднякамъ, подверглась за это изгнанію и умерла. Капелька крови съ ея алыхъ губъ упала въ море, и изъ нея выросли кораллы. Такое объясненіе заглавія кажется намъ очень натянутымъ. Гораздо проще и понятнѣе конецъ предисловія, гдѣ говорится о происхожденіи коралловыхъ острововъ, самымъ своимъ существованіемъ обязанныхъ дружной работѣ маленькихъ и слабыхъ животныхъ. Что касается самыхъ разсказовъ и сказокъ, то наиболѣе поэтичные изъ нихъ: «Надъ обрывомъ» и «Розовое царство». Первой сказкѣ, впрочемъ, нѣсколько вредитъ ея неясность. Молодая сосна ростетъ на краю обрыва; она знаетъ, что гибель ея близка, мужественно ожидаетъ ея и наконецъ гибнетъ. Что хотѣлъ сказать авторъ этой безотрадной развязкой, въ которой чувствуется какой-то фатализмъ? Сказка «Розовое царство» приводитъ къ болѣе отрадному выводу. Ея герою представляется выборъ между безмятежной жизнью въ прекрасномъ розовомъ царствѣ и тяжелой борьбой на землѣ, и онъ выбираетъ послѣднее. Нельзя не видѣть здѣсь вліянія извѣстныхъ сказокъ Кота Мурлыки: «Розовое царство» напомнило намъ его «Милу и Нолли», «Макса и Волчка».

Всѣ разсказы и сказки изложены красивымъ языкомъ, мысль автора, какъ мы уже сказали, симпатична, но слѣдуетъ непремѣнно изъ заголовка устранить слово «маленькихъ».

Н. Леонтьева.

А. Алтаевъ. Снѣжинки. Разсказы для малютокъ. Спб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1897 г.

У г. Алтаева есть, кажется, все, что признается обыкновенно приличнымъ для дѣтской книжки. Тутъ—и неизбѣжная «Сказка о елкѣ», и высвобожденіе «волшебной плѣнницы» («Живая игрушка»), и весьма умный и благородный песъ Барсъ, («Хорошая нянька»), и немножко по части природовѣдѣнія, («Въ восковомъ царствѣ»), и одно изъ «Славныхъ русскихъ лицъ»—добродушный солдатъ Максимычъ, («Вернулся») и нѣчто изъ міра охоты что ли («Мишукъ») принято говорить, что у дѣтей «богатая фантазія» (хотя вѣрнѣе, конечно, думать, что психически незрѣлый ребенокъ возмѣщаетъ крайнею *живостью—скудность* своего воображенія), и г. Алтаевъ счёлъ своимъ долгомъ, въ какой бы то ни было мѣрѣ, настроить или разстроить «малютку» читателя и чисто фантастическими образами. Но вообще-то авторъ видимо старается—оказаться «безукоризненнымъ» во всѣхъ отношеніяхъ, до извѣстной степени угодить на всѣ вкусы. И въ большинствѣ своихъ разсказовъ г. Алтаевъ повѣствуетъ о животныхъ, живописуетъ «пейзажи» и отчастн даже воспроизводитъ «народную» жизнь. И до чрезмѣрности, по нашему мнѣнію, простираетъ авторъ эту «чуткость» къ «современнымъ» и ходячимъ темамъ. Разсказъ «Вѣрочкины ясли», напр.—это какая-то кукольная комедія въ филантропическомъ вкусѣ. По традиціи, вѣроятно (уже вовсе не *доброй*) г. Алтаевъ въ своемъ изложеніи все время держится довольно слащаваго тона—въ большой дозѣ весьма утомительнаго и для самыхъ малѣйшихъ

Digitized by Google

изъ «малютокъ». «Тонъ дѣлаетъ музыку», весьма остроумно говоритъ французская поговорка. Г. Алтаевъ пишетъ просто и толково, «мило», какъ любятъ выражаться многіе, обнаруживаетъ и наблюдательность. Не сомнѣваемся и въ самыхъ живыхъ чувствахъ автора по отношенію къ дѣтскому міру. Но литературное слово — совсѣмъ особая статья. Оно многаго требуетъ. «Малютка» будетъ читать или слушать разсказы г. Алтаева, будетъ запоминать текстъ ихъ. И что отразится на немъ? Гладкія, безцвѣтныя фразы, замѣтно скомпилированныя по тысячѣ знакомыхъ-перезнакомыхъ шаблоновъ. Обязательно—слегка туповатая и безконечно терпѣливая и благожелательная старушка-няня, самоотверженно-нѣжный дѣдушка шармаицикъ, вездѣсущій геній благополучія—какіе перепѣтые мотивы! Живое слово г. Алтаева, охотно вѣримъ—въ состояніи и воодушевлять дѣтей и обогащать ихъ языкъ. Но въ данной литературной формѣ и «Снѣжники» не поднимаются выше добросовѣстно ремесленнической фразеологіи, которою и безъ того слишкомъ изобилуетъ наша дѣтская (и не только дѣтская) беллетристика.

Библіотека дѣтскаго чтенія. «Сынъ оружейника» Вильяма Стодарда. Съ англ. А. Н. Рождественской. М. 1897. Ц. 30 к.

Это произведеніе изъ области исторической беллетристики. Намъ приходилось уже указывать на такой родъ литературнаго творчества, какъ на наименѣе *натуральный*, гдѣ главнымъ образомъ *книга* порождаетъ книгу; а не художественный замыселъ и вдохновеніе—сами по себѣ. Сюда особливо примѣнимо остроумное замѣчаніе Вольтера: «Ce qui multiplie les livres, malgré la loi de ne point multiplier les êtres sans nécessité c'est qu'avec les livres on en fait d'autres». «Сынъ оружейника» это *Кириллъ*. Отецъ его Ездра. Дѣло происходитъ въ 30 г. по Р. Х. «*Ездра* вѣрилъ, что Іисусъ будетъ предводителемъ евреевъ, когда наступитъ день возстанія противъ римлянъ». Онъ воодушевляетъ сына и говоритъ ему: «гдѣ бы тебѣ ни пришлось быть, не разрывай союза съ твоимъ Богомъ, твоимъ отцомъ и нашимъ грядущимъ царемъ! Вѣрь, что онъ придетъ! Да охраняетъ тебя Богъ отцовъ нашихъ, Богъ Авраама, Исаака и Іакова! Самъ Ездра въ потаенномъ мѣстѣ куетъ оружія для предстоящаго возстанія противъ римлянъ. Кириллъ вполнѣ вѣритъ отцу и его сотрудникамъ. Онъ готовъ биться съ угнетателями и мечтать о возстановленіи древняго еврейскаго царства—путемъ кровопролитія и насилій. Онъ ждетъ воинственныхъ распоряженій отъ «Мессіи», о которомъ такъ любитъ распространяться Ездра. Но новое ученіе, увлекательно излагаемое «Мессіею»; начинаетъ на него воздѣйствовать совсѣмъ неожиданными нравственными сторонами. Въ концѣ концовъ, Кириллъ разсуждаетъ такъ: «Да, Онъ Христосъ! Онъ научилъ людей любви и принесъ на землю миръ». Надо сказать, что повѣсть передана г. Рождественской въ недурномъ литературномъ изложеніи, легко читается и издана весьма прилично. Но... въ «нашъ вѣкъ» художественныхъ иллюстрацій—рисунки брошюры представляются едва-ли удовлетворительными.

А. Налимовъ.

Digitized by Google

Книги поступившія въ редакцію.

Изданія О. Н. Поповой. **Элизе Реклю.** Земля и люди.—Соединенные Штаты. Переводъ съ франц. подъ редакц. Н. Березина ч. I. СПБ. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

А. Скворцовъ. Основанія политической экономіи. СПБ. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

К. Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакц. Д. Протопопова. СПБ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ремке, I. Очеркъ исторіи философіи. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакц. Я. Колубовскаго. СПБ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. Сѣченовъ. Физіологическіе очерки, часть II. СПБ. 1898 г. Ц. 90 к.

Диккенсъ. Блестящая будущность. Для юношества, составлено А. Н. Энгельгардтъ. СПБ. 1898 г. Ц. 1 р.

Тальботъ. Старшины Вильбайской школы. Переводъ съ англійск. М. Шишмаревой. СПБ. 1898 г. Ц. 1 р.

«Доброе сѣмя». Сборникъ стихотвореній для школьн. возраста. Составилъ **М. Круковскій.** СПБ. 1898 г. Ц. 25 к.

Утренняя заря. Сборникъ стихотвореній для дѣтей младшаго возраста. СПБ. 1898 г. Ц. 20 к.

Д. И. Шрейдеръ. Страна восходящаго солнца.—Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. СПБ. 1898 г. Ц. 20 к.

Привѣтъ. Художественно-научно-литературный сборникъ. Изданъ Обществомъ вспомоществованія нуждающимся ученицамъ Васильеостровской женской гимназіи. СПБ. 1898 г. Ц. 3 р.

Изданія магазина „Книжное дѣло". Москва. 1898 г.

Эдуардъ Клодъ. Первобытный человѣкъ. Популярныя бесѣды. Переводъ со 2-го изданія. Ц. 50 к.

Т. Рибо. Эволюція общихъ идей. Переводъ съ франц. Н. Н. Спиридонова. Ц. 80 к.

Е. Дюкло. Защита отъ болѣзней. Переводъ съ франц. Ц. 15 к.

Ф. Маллесонъ. Первоначальное воспитаніе дѣтей. Переводъ съ 8-го англійск. изданія. Ц. 50 к.

Изданія М. В. Клюкина. Москва. 1898 г.

Эрнестъ Энгель. Цѣнность человѣка. Переводъ съ нѣмецк. Ц. 40 к.

Ирвингъ. Жизнь Магомета. Переводъ Л. Никифорова. Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

Клавдія Лукашевичъ. Свѣтлячекъ. Сборникъ для дѣтей младшаго возраста..

Габріель Сеайль. Леонардо да-Винчи, какъ художникъ и ученый Переводъ съ французск. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. СПБ. 1898 г. Ц. 2 р.

Луи Рейбо. Жеромъ Патюро въ поискахъ за общественнымъ положеніемъ. Переводъ съ послѣдн. франц. изданія. Изд. Л. Ф. Пантелѣев . СПБ. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ статей **въ помощь самообразованію** по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Выпускъ I. Москва. 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.

Н. Дружининъ. Новое сельское общество. Разсказъ. Изданіе „Читальни Народной Школы". СПБ. 1898 г.

С. Булгаковъ. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Изданіе М. В. Водовозовой. Москва. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. **Г. Геффдингъ.** О принципахъ этики. Переводъ съ нѣмецк. Международная библіотека. Изданіе I. Юровскаго. № 50. Одесса. 1898 г. Ц. 15 к.

Н. Я. Горовая. Гигіено-діэтическія основы лѣченія чахотки. Кіевъ 1898 г. Ц. 35 к.

Покровскій. Справочная книжка по географіи. 1) Настольный словарь географическ. названій. 2) Географическо-статистическія таблицы. Юрьевъ. 1898 г. Ц. 1 р.

Георгій Батюшковъ. Бабиды. Персидская секта. Очеркъ. СПБ. 1897 г.

В. Беллюстинъ. Дневникъ занятій по ариѳметикѣ въ начальной школѣ. СПБ. 1898 г. Ц. 12 к.

Себастьянъ Кнейппъ. Какъ надо жить. Указанія и совѣты для здоровыхъ и больныхъ людей. Переводъ съ 21-го нѣмецк. изданія. Изд. М. В. Попова. СПБ. 1898 г. Ц. 80 к.

В. Е. Ермиловъ. Гордость вѣка. Н. И. Новиковъ. Біографическій очеркъ. Библіотека «Дѣтскаго чтенія». Москва. 1898 г. Ц. 15 к.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Поднебесный аулъ. Историческая повѣсть. Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Москва. 1898 г. Ц. 75 к.

Digitized by Google

Хроника.

Тѣлесныя наказанія въ школѣ.

Послѣдніе годы переживаемаго нами десятилѣтія несомнѣнно будутъ въ исторіи русской общественности помянуты добромъ за одно весьма яркое проявленіе гуманности и человѣколюбія. Мы говоримъ о движеніи въ пользу освобожденія русскаго народа отъ тѣлеснаго наказанія, прошедшемъ недавно освѣжающей волной почти по всей Россіи. Читатель помнитъ, какіе горячіе дебаты вызывалъ этотъ вопросъ въ земскихъ собраніяхъ, какой оживленный обмѣнъ мнѣній онъ возбудилъ въ различныхъ органахъ печати. Для всѣхъ какъ будто сразу стало очевидно, что нельзя, несовмѣстимо съ окружающей насъ цивилизаціей, наконецъ, стыдно предъ Европой, сохранять въ концѣ XIX столѣтія позорное клеймо тѣлеснаго наказанія; со всѣхъ сторонъ приводились самые разнообразные аргументы въ подтвержденіе того, какъ тяжело и деморализующе отзывается это отжившее наказаніе на всѣхъ, кто въ силу отжившаго закона, можетъ еще быть подверженъ ему. Явныхъ сторонниковъ этой «благодѣтельной» мѣры оказалось, правда, не много, но дѣйствительность весьма часто показывала, какъ крѣпка эта печальная привычка, какъ она цѣпко пустила корни среди разныхъ господъ «примѣнителей» власти. Но наиболѣе печальная сторона этой прискорбной дѣйствительности обнаружилась въ томъ, что тѣлесныя наказанія, какъ оказалось, продолжаютъ служить мѣрой благодѣтельнаго воздѣйствія въ школѣ, которая должна быть разсадникомъ свѣта и любви. Наши читатели вспомнятъ, какое удручающее впечатлѣніе произвелъ на все русское образованное общество процессъ тамбовскихъ учителей, которые въ своей педагогической практикѣ весьма широко примѣняли тѣлесныя наказанія, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Указавъ въ то время на общественное значеніе этого процесса, мы писали: «Правосудіе въ данномъ случаѣ сдѣлало свое дѣло: оно раскрыло картину педагогическихъ безобразій, творившихся въ Тамбовѣ. Но вѣдь это еще не все. У каждаго изъ насъ послѣ

Digitized by Google

всего этого долженъ явиться вопросъ: быть можетъ завтра откроются такіе же факты гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, что же дѣлать, какія мѣры принять, чтобы обезопасить себя отъ такихъ «системъ» педагогическаго воздѣйствія на нашихъ дѣтей?» Мы возвращаемся теперь вновь къ этому вопросу въ виду новыхъ фактовъ, ставшихъ достояніемъ печати.

Директоръ народныхъ училищъ Кубанской области въ своемъ циркулярѣ заявляетъ, что въ послѣднее время къ нему начали поступать «жалобы на грубое съ дѣтьми обращеніе учителей нѣкоторыхъ училищъ». Непозволительные воспитательные пріемы вызвали рѣшительный протестъ со стороны директора народныхъ училищъ, который объявилъ, что «учителя, не знающіе самыхъ элементарныхъ правилъ воспитанія, не умѣющіе владѣть собою и позволяющіе себѣ грубое съ дѣтьми обращеніе, не только будутъ устранены отъ службы, но, смотря по винѣ, будутъ представлены къ лишенію ихъ учительскаго званія, съ воспрещеніемъ педагогической дѣятельности». Къ столь же строгой отвѣтственности привлекаются и завѣдующіе училищами, которые допустятъ въ своихъ школахъ грубое обращеніе съ дѣтьми.

Здѣсь снова передъ нами прискорбное явленіе: грубое обращеніе съ дѣтьми, т. е. суда по циркуляру, обращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Спрашивается, что могутъ въ предупрежденіе повторенія такихъ печальныхъ фактовъ сдѣлать циркуляры и распоряженія? Не безсильны ли такія средства въ борьбѣ съ такими проявленіями грубости и дикости, какъ напримѣръ учитель Ялтинскаго земскаго ремесленнаго училища, о которомъ разсказываютъ «Од. Нов.».

«Однажды,— разсказывалъ намъ одинъ изъ мастеровъ,—г. Р., будучи въ нетрезвомъ видѣ, сталъ придираться къ *ученику Фомину* и заставлялъ его вздыхать, а самъ въ это время билъ его по мордѣ» (сохраняю точность выраженія). Нижеслѣдующіе факты сообщаемъ со словъ мастеровъ и другихъ свидѣтелей, всегда готовыхъ подтвердить свои показанія.

Въ октябрѣ, г. Р. схватилъ ученика Костанди за чубъ и сталъ крутить чубъ до тѣхъ поръ, пока ученикъ упалъ на полъ; г. Р. же кричалъ: «кланяйся, проси извиненія! кланяйся!» Въ октябрѣ же г. Р. избилъ хлыстомъ *ученика Панаіотова* до того, что у него все лицо вспухло. Черезъ нѣсколько дней г. Р. во время вечернихъ занятій избилъ *ученика Разина* и сталъ его трясти за шиворотъ. Послѣ же словъ Разина: «г. Р., вы разорвете мою единственную рубаху, мои родители люди бѣдные»— Р. изорвалъ рубашку въ клочки.

Не имѣя на то права, г. Р. «своею властью» удалялъ учениковъ изъ училища. Онъ выгналъ ученика *Ивана Нану*, «безъ всякихъ причинъ, касающихся до дѣла» (какъ выразился одинъ изъ опрошенныхъ нами мастеровъ). Въ октябрѣ г. Р. «уволилъ» учениковъ *Дульерова* и *Стофикопуло*. Однажды г. Р. избилъ ученика *Мануйли* и затѣмъ «уволилъ» его изъ училища.

Digitized by Google

По словамъ мастеровъ, г. Р. увольнялъ учениковъ не за дѣло, а «за непоклоны ему». «Не проходило дня, чтобы онъ смиренъ былъ». Въ чемъ же причина, гдѣ надо искать объясненія появленію такихъ учителей. Тутъ несомнѣнно предъ нами не только проявленія дикости отдѣльныхъ лицъ, но нѣкоторымъ образомъ признаки болѣе или менѣе общаго явленія, коренящагося въ ненормальныхъ условіяхъ, въ которыя поставлены наши учителя. Располагая часто весьма недостаточнымъ образованіемъ, они въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи очень мало возвышаются надъ уровнемъ грубой крестьянской среды, изъ которой они сами вышли. Нищенское жалованіе, получаемое нашими народными учителями, не можетъ привлекать людей съ порядочнымъ образованіемъ, а существующія условія не позволяютъ учителямъ мало образованнымъ пріобрѣтать знанія. Поэтому справедливо спрашиваютъ «Рус. Вѣд.», одни ли учителя виноваты въ томъ, что они оказываются такими необразованными людьми?

Если мы припомнимъ при этомъ, что начинать школьную работу учителямъ приходится очень нерѣдко безъ всякой предварительной педагогической подготовки, и на устраиваемыхъ для нихъ педагогическихъ курсахъ занятія главнымъ образомъ сводятся къ выработкѣ технической ловкости въ дѣлѣ преподаванія, то окажется, что отсутствіе у учителей «самыхъ элементарныхъ правилъ воспитанія», находитъ себѣ достаточное объясненіе уже въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, въ которыя поставлены у насъ учителя относительно своего образованія. Сюда, слѣдовательно, и должно быть направлено вниманіе тѣхъ учрежденій, которымъ приходится бороться съ печальными, но въ то же время неизбѣжными, послѣдствіями педагогической несостоятельности преподавательскаго персонала».

Но что всего печальнѣе—это то, что несостоятельность педагогическаго персонала часто сказывается нетолько въ народныхъ школахъ, находящихся въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ и преподаватели по большей части люди съ университетскимъ образованіемъ, да и вся обстановка совсѣмъ иная. Но тѣмъ не менѣе и здѣсь имѣютъ мѣсто явленія весьма прискорбнаго свойства. Приведемъ для примѣра слѣдующіе два факта.

Въ Петроковскомъ окружномъ судѣ недавно разбиралось слѣдующее дѣло.

Въ качествѣ обвиняемаго явился передъ судомъ 17-лѣтній юноша, ученикъ ченстоховской гимназіи, Ст. Дунинъ-Вонсовичъ, обвиняемый въ оскорбленіи дѣйствіемъ инспектора гимназіи г. Редко. Предварительное слѣдствіе установило слѣдующее. Въ теченіе своего кратковременнаго пребыванія въ ченстоховской гимназіи (около полугода) Вонсовичъ былъ 12 разъ наказанъ за различныя нарушенія гимназическъ правилъ, какъ-то: за куреніе папиросъ въ гимназіи, за дерзкіе отвѣты учителямъ, за разговоры въ классѣ и т. п. Эти исправительныя мѣ-

Digitized by Google

ры, однако, не имѣли успѣха. Вонсоновичъ продолжалъ курить, говорить дерзости старшимъ и т. п. За одинъ изъ такихъ дерзкихъ отвѣтовъ инспекторъ назвалъ его «осломъ». Это произошло въ присутствіи цѣлаго класса и, видимо, сильно оскорбило Вонсоновича. Вскорѣ за этимъ онъ ударилъ инспектора кушакомъ по головѣ, за что Вонсоновичъ былъ привлеченъ къ суду за оскорбленіе дѣйствіемъ инспектора при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей и приговоренъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію. («Волынь»).

А вотъ и другое дѣло, разбиравшееся 29-го декабря въ Архангельскомъ окружномъ судѣ. Обвинялись ученики духовнаго училища Гурьевъ, Денежниковъ и Распутинъ въ кражѣ казенныхъ пальто. По заявленію подсудимыхъ на судѣ, воровство это было вынуждено *голодомъ*. Такъ какъ подсудимые принадлежали къ неуспѣвающимъ ученикамъ, то оставались безъ обѣда по недѣлѣ. Что дѣлать? Ѣсть хочется, и придумали воровать, благо такъ просто: взявши одно пальто, пришли за другимъ, на что никто не обращалъ вниманія. Въ продолженіе года пропало 10 пальто и одна шапка. Всѣ эти вещи подсудимые продавали на толкучкѣ приблизительно по 1 рублю за пальто и на вырученныя деньги покупали себѣ хлѣба. Потерпѣвшіе отъ воровства вынуждены были сами розыскивать свои вещи и, найдя ихъ на толкучкѣ, заявляли училищному начальству и указали виновныхъ. Пришлось побезпокоиться и училищному начальству и допросить виновныхъ. Дѣти немедленно сознались во всемъ чистосердечно; тогда начальство поручаетъ вести ихъ въ участокъ для составленія протокола и немедленно выгоняетъ виновныхъ изъ училища. И вотъ бѣдныя дѣти безъ куска хлѣба, не зная куда дѣться, такъ какъ двое изъ нихъ—сироты, а у третьяго отецъ находится за нѣсколько сотъ верстъ въ глухомъ поморьѣ, оказались въ совершенно безвыходномъ положеніи. Наконецъ, послѣ многихъ страданій они кое-какъ пристроились и въ ожиданіи рѣшенія своей участи томились около двухъ лѣтъ. Наконецъ, 29-го декабря 1897 года несчастные садятся на скамью подсудимыхъ. Читаютъ обвинительный актъ, и они слушаютъ его, безучастно прижавшись другъ къ другу, очевидно, ничего не понимая изъ происходящаго на судѣ. Вызываются свидѣтели—13 человѣкъ дѣтей, начиная съ 11-ти лѣтъ и старше, и между ними помощникъ смотрителя. Предсѣдатель обращается къ подсудимымъ съ вопросомъ: «Допускаете ли къ присягѣ свидѣтелей?». «Нѣтъ не допускаемъ». «Почему». «Мы не знаемъ». «Такъ допускаете?» Отвѣтъ: «Мы не понимаемъ». Наконецъ, младшіе отводятся отъ присяги, а старшіе во главѣ съ помощникомъ смотрителя принимаютъ присягу. Начинается допросъ свидѣтелей. «Что вы знаете по этому дѣлу?». «У меня пропало пальто». «Нашли?» «Нѣтъ!». «Никто не искалъ?». «Нѣтъ». Всѣ отвѣчаютъ одно и то же. Наконецъ, помощникъ смотрителя даетъ болѣе подробные отвѣты. На вопросъ: «Не интересовался ли онъ узнать, куда дѣвались пальто?» отвѣчаетъ, что

Digitized by Google

не считалъ для себя нужнымъ входить въ подробности, а когда подсудимые сознались, то свидѣтель счелъ нужнымъ поскорѣй отправить ихъ въ участокъ, чтобы составили протоколъ. (Сынъ Отеч.)

Эти два процесса, производящіе столь тяжелое впечатлѣніе своей неумѣстностью и напрасной жестокостью по отношенію къ *дѣтямъ*, въ содѣянномъ ими преступленіи совершенно неповинныхъ, освѣщаютъ нѣкоторыя глубоко отрицательныя стороны нашей современной педагогической системы. Кто не помнитъ изъ своей личной школьной жизни учителей, у которыхъ вошло въ привычку издѣвательство надъ учениками и поношеніе ихъ всякими бранными словами и кличками, оскорбляющими учениковъ и напрасно возбуждающими въ нихъ недобрыя чувства и озлобленіе противъ своихъ учителей и воспитателей. Конечно, поведеніе ученика Вонсоновича не можетъ быть оправдываемо, но и не малая вина падаетъ на лицо, вызвавшее его на такое оскорбленіе. Въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ происходитъ много неурядицъ изъ за стремленія воспитателей многое запрещать и за многое подвергать наказанію; они какъ бы совершенно забываютъ, что у ученика есть свое самолюбіе, своя логика, свой разсудокъ—онъ часто хочетъ знать, почему запрещается ему то-то и то-то, онъ не можетъ безпрекословно подчиняться «не разсуждая», что такъ любятъ многіе воспитатели, считающіе результатомъ школьной дисциплины формальное подчиненіе учениковъ. Вотъ на этой то почвѣ «молчать», «не разсуждать» и возникаютъ такія прискорбныя явленія какъ только что описанное.

Еще болѣе очевидная педагогическая несообразность лежитъ въ основѣ происшествія, имѣвшаго мѣсто въ Архангельскѣ. Кто не слыхалъ о знаменитомъ «безъ обѣда» въ нашихъ школахъ. Мѣра эта нѣкоторыми рьяными педагогами практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. За малѣйшій проступокъ ученикъ оставляется безъ обѣда. Трудно придумать болѣе антипедагогическое наказаніе. Мальчикъ просидѣлъ въ душной атмосферѣ класса 5 часовъ, онъ усталъ и голоденъ, чѣмъ бы его скорѣй отпустить, а его оставляютъ еще на 6-й часъ, онъ сидитъ и голодаетъ, возвращается затѣмъ домой съ головной болью, потерявъ аппетитъ, такъ какъ онъ переголодался, ничего не ѣстъ и въ самомъ развинченномъ настроеніи. Трудно сказать, какой смыслъ можетъ имѣть такая антигигіеническая мѣра, къ тому же, какъ наказаніе, рѣдко къ чему приводящая, такъ какъ ученикъ привыкаетъ къ нему и не придаетъ ему никакого значенія, а къ чему оно приводитъ, достаточно ярко иллюстрируетъ описанный фактъ приведшій малолѣтнихъ дѣтей... на скамью подсудимыхъ. Этотъ фактъ производитъ ужасное впечатлѣніе—до чего великъ у насъ формализмъ, переходящій здѣсь въ преступное равнодушіе къ живой индивидуальности наказуемыхъ. Вѣдь, должны же были наставники архангельскаго духовнаго училища подумать о той жестокости, которую они совершаютъ по отношенію къ несчаст-

Digitized by Google

нымъ дѣтямъ, оставляемымъ по недѣлямъ безъ обѣда. И если не подозрѣвать здѣсь преступныхъ намѣреній, то надо видѣть просто проявленіе мертвеннаго формализма — этого ужаснаго зла нашей педагогической системы: наставникъ назначаетъ наказаніе, совершенно не заботясь о томъ, какъ оно отзовется на воспитанникахъ, не нарушаетъ ли оно интересовъ ихъ здоровья нравственнаго и физическаго. Какъ часто приходится видѣть полное забвеніе не только всякихъ педагогическихъ принциповъ, но и просто человѣческихъ чувствъ въ отношеніяхъ къ дѣтямъ. Подумайте, что можетъ быть хуже «педагогической мѣры», доводящей дѣтей до *кражи* и далѣе, какое ужасное отношеніе къ этимъ несчастнымъ, приведшее ихъ на скамью подсудимыхъ. Просто не вѣрится, что могли найтись такіе педагоги, которые не дали себѣ труда дѣло своихъ же рукъ умиротворить своими собственными средствами, а тащили бѣдныхъ дѣтей въ судъ. Повторяемъ, вся эта исторія какая то странная, и если мы останавливаемся на ней, то потому, что мы видимъ въ ней, отбросивъ всѣ ея грустныя и, надо правду сказать, исключительныя особенности, отраженіе довольно обычнаго у насъ формальнаго отношенія учителей къ своему дѣлу: многіе изъ нихъ точно совсѣмъ забываютъ, что въ ихъ рукахъ *живыя* дѣти, требующія бережнаго и разумнаго воспитанія, а не мертвеннаго отношенія формалистовъ, примѣняющихъ ко всѣмъ одинаковыя мѣры воздѣйствія.

О дѣтскомъ отдыхѣ.

Мы говорили сейчасъ о существующихъ ненормальностяхъ примѣненія къ нашимъ дѣтямъ системы наказаній, но къ сожалѣнію, нельзя не указать и на то, что ни въ чемъ не провинившіяся, такъ сказать, добронравныя дѣти, не рѣдко тоже довольно чувствительно страдаютъ отъ всякихъ нашихъ педагогическихъ несовершенствъ. Возьмемъ хотя бы для примѣра вопросъ объ обремененіи нашихъ учащихся уроками, задаваемыми на домъ. Теоретическая педагогика давно уже пришла къ убѣжденію, что обученіе особенно дѣтей можетъ идти весьма успѣшно безъ всякаго задаванія уроковъ на домъ: вѣдь цѣль школьнаго обученія не въ томъ состоитъ, чтобы сообщить учащимся возможно больше свѣдѣній, а въ томъ, чтобы давать прочный запасъ основныхъ знаній, научить ихъ понимать и усваивать многое собственными силами. При такой обстановкѣ важно, конечно, не то, *сколько* пройдено, а *какъ* оно пройдено. Кажется, все это такъ просто и вовсе не трудно, а между тѣмъ какъ далека отъ этого ежедневная практика, указывающая на совершенно обратныя явленія. Вотъ передъ нами двѣ иллюстраціи нашей обыденной практики; одна изъ нихъ представлена въ нижеслѣдующемъ письмѣ, обращенномъ на страницахъ «Астрах. Листка» къ гг. учителямъ и учительницамъ нашихъ учебныхъ заведеній:

Digitized by Google

«Мой ребенокъ учится въ одномъ учебномъ заведеніи въ низшемъ классѣ. Ему немного больше 10 лѣтъ, и я самъ съ нимъ занимаюсь. Встаетъ онъ ровно въ 6 час. утра, въ ½ часа кончаетъ свой туалетъ и чай, и садится за повтореніе уроковъ. Ровно въ 8 час. онъ уходитъ въ заведеніе, откуда возвращается въ 2½ или въ три часа. Послѣ обѣда онъ гуляетъ только 1 часъ и въ 4 садится за приготовленіе уроковъ и кончаетъ не ранѣе 7 час. вечера. До 8 онъ свободенъ, а затѣмъ ложится въ постель. Нужно сказать, что и способности и память у ребенка среднія,—какъ, впрочемъ, у большинства дѣтей. Совершенно такъ же проходитъ день ребенка подъ праздникъ, съ тою только разницей, что съ 5 до 7 онъ слушаетъ всенощную. Какъ видите, для игры и отдыха ребенку остается собственно 2, много 3 часа въ день, особенно если принять во вниманіе, что многія дѣти учатся музыкѣ или пѣнію дома, или въ заведеніи, что также отнимаетъ часъ или полтора времени. Остаются, стало быть, праздники. Въ эти дни, если ребенокъ посвятитъ 3 часа на приготовленіе уроковъ, то онъ свободенъ часовъ 6—7 и отдохнетъ вволю, а такъ какъ у насъ праздниковъ вообще не мало, то во время ихъ ребенокъ могъ бы запастись силами для трудовой недѣли. Къ несчастью, вы, госпожи и господа, отнимаете у вашихъ дѣтей и праздники; съ этой цѣлью вы придумали задавать на дни послѣпраздничные усиленные уроки,—вмѣсто 2 задачъ 4, вмѣсто 10 словъ—20, вмѣсто одного §—два и т. д. Помилосердствуйте, Христа ради! Вѣдь праздники—единственные дни, когда ребенокъ принадлежитъ самъ себѣ и своей семьѣ; только въ этотъ день онъ можетъ посѣтить родственниковъ, пойти въ театръ, въ гости и всего этого онъ, благодаря двойному уроку, лишается. Праздникъ ему горше будней, потому что въ праздникъ ему еще больше приходится зубрить, чѣмъ въ будни. Но мало этого: благодаря такой системѣ и родителямъ отравлены праздники, не всѣ имѣютъ репетиторовъ, многіе репетируютъ дѣтей сами, и вотъ ребенокъ сидитъ въ праздникъ дома и зубритъ, и вмѣстѣ съ нимъ долженъ сидѣть отецъ, мать или старшая сестра. Еще Дрэперъ называлъ праздники «однимъ изъ безчисленнаго множества благодѣяній, пролитыхъ на нашу расу церковью, которое, въ высокой степени, повело къ нашему физическому и моральному благосостоянію», и требовалъ «въ эти дни совершеннаго отдыха отъ всякаго труда». Мы заботимся о праздничномъ отдыхѣ для приказчиковъ и служащихъ и забываемъ нашихъ дѣтей; только они одни лишены этого отдыха. Въ Петербургѣ, во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, по понедѣльникамъ назначаютъ чистописаніе, рисованіе, гимнастику и пѣніе, а на другіе, послѣпраздничные дни, новыхъ уроковъ не задаютъ, а повторяютъ старые. Неужели нельзя такъ сдѣлать и у насъ? Если нельзя (??), то, ради Бога, хоть не давайте дѣтямъ двойной работы на праздники! Пощадите и ихъ, и насъ, родителей! Я увѣренъ, что къ моей просьбѣ присоединятся всѣ, кому дороги дѣти и ихъ здоровье».

Digitized by Google

Вторая иллюстрація дается въ письмѣ, «напечатанномъ однимъ учителемъ» въ «Бирж. Вѣд.» «Прихожу на третій день рождественскихъ праздниковъ къ знакомымъ и застаю дѣтей: мальчика гимназиста приготовительнаго класса к...й гимназіи и дѣвочку, ученицу перваго класса н—й женской прогимназіи, сидящими за приготовленіемъ уроковъ. На мой вопросъ, почему дѣти не гуляютъ, не катаются на салазкахъ, такъ какъ стоитъ чудесная погода, они съ печалью отвѣтили, что имъ на святки заданы большіе уроки.

Уроки эти оказались слѣдующіе. Гимназисту задано: 1) переписать *шестьдесятъ* выученныхъ басенъ и стихотвореній, 2) рѣшить письменно, съ подробнымъ планомъ, 6 задачъ и 3 формулы, списавъ условія изъ задачника, 3) выучить сказку о «Рыбакѣ и рыбкѣ» до второго отдѣла (цифра 2) и также *до второй* цифры сказку о «Мертвой царевнѣ», 4) прочитать по часослову отдѣлъ: воскресные тропари, 5) выучить *три* праздничныхъ тропаря, 6) повторить заповѣди и изъ священной исторіи отдѣлъ о пророкахъ и 7) повторить выученныя басни и стихи. Прогимназисткѣ задано: 1) просклонять *семь* существительныхъ съ прилагат. письменно, 2) повторить *пятьдесятъ* разсказовъ изъ священной исторіи Ветхаго завѣта, 3) выучить вновь 2 разсказа, 4) повторить изъ географіи *все пройденное* до Рождества, 5) вновь выучить 2 §, 6) повторить *все пройденное* изъ грамматики, именно до глаголовъ, 7) выучить тропари двунадесятыхъ праздниковъ, 8) выучить *одно* стихотвореніе, 9) по чистописанію—написать всѣ буквы, по страницѣ каждую, 10) по рукодѣлію: вывязать для образца нитяный чулокъ. Кромѣ перечисленнаго, дѣтямъ задано читать изъ хрестоматіи».

И, дѣйствительно, какъ не присоединиться къ этой просьбѣ, къ этой жалобѣ на никому ненужную и главное невольную жестокость, проявляемую къ нашимъ дѣтямъ. Къ чему мучить ихъ громадными порціями уроковъ, отравлять имъ праздники, часы досуга работами, отъ которыхъ кромѣ всего очень мало пользы, потому что онѣ дѣлаются нехотя, кое какъ, лишь бы отдѣлаться отъ нихъ.—Скоро ли мы дождемся того времени, когда наши учителя будутъ надлежащимъ образомъ понимать свои задачи и относиться къ своимъ ученикакъ, калъ къ *живымъ* индивидуумамъ.

Учительскіе съѣзды.

Мы только что говорили о причинахъ того ненормальнаго явленія, которое вызвало приведенный нами циркуляръ директора народныхъ училищъ Кубанской области. Эти печальныя явленія, говорили мы, объясняются тѣми условіями, въ которыхъ находится у насъ самое образованіе учителя. Съ небольшимъ запасомъ свѣдѣній, вынесенныхъ имъ изъ семинаріи или подчасъ даже изъ народной школы или уѣзднаго училища, онъ попадаетъ

Digitized by Google

въ глухую деревню, гдѣ живя безъ книгъ, безъ общества, онъ постепенно опускается и тупѣетъ. Необходимо дать ему, въ интересахъ самаго дѣла, для котораго онъ призванъ, возможность пополнять свое образованіе путемъ чтенія и личнаго общенія съ своими товарищами. Мы уже и раньше указывали, что въ этомъ отношеніи лучшей мѣрой являются учительскіе съѣзды. Объ этомъ нельзя снова не вспомнить по поводу рѣшенія только что принятаго (31 января) на Московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи о возбужденіи ходатайства о разрѣшеніи созывать съѣзды учителей. Вопросъ этотъ вызвалъ горячія пренія между защитниками съѣздовъ и сторонниками педагогическихъ курсовъ. Доводы за и противъ этого вопроса, а равно и краткая его исторія заключаются въ рѣчи извѣстнаго дѣятеля г. Москвы, М. П. Щепкина, которую приводимъ здѣсь въ виду ея интереса, какъ она изложена въ «Рус. Вѣд.» Первый съѣздъ былъ созванъ, по почину бар. Н. А. Корфа, въ 1868 г. Съ тѣхъ поръ съѣзды стали учреждаться различными земствами, губернскими и уѣздными. Устройствомъ съѣздовъ стремились придти на помощь только что возникшей народной школѣ. Успѣхъ съѣздовъ былъ большой, и правительство смотрѣло на нихъ благосклонно. Такъ дѣло шло 7— 8 лѣтъ. Въ 1875 г. вышли первыя правила о педагогическихъ курсахъ, которые затѣмъ стали заслонять собою учительскіе съѣзды, но не упразднять ихъ. Число съѣздовъ учителей уменьшалось, и увеличивалось число педагогическихъ курсовъ. Въ 1881 году министръ народнаго просвѣщенія бар. Николаи, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, признаетъ въ своемъ циркулярѣ, что учительскіе съѣзды желательны, и обращаетъ вниманіе на необходимость устройства съѣздовъ, считая ихъ полезными для самообразованія и усовершенствованія учителей въ веденіи школьнаго начальнаго образованія, для обсужденія и разъясненія возникающихъ въ ихъ практикѣ недоумѣній, сомнѣній и разныхъ вопросовъ. Съ этихъ поръ учительскіе съѣзды стали устраиваться по всей Россіи, 1882 и 1883 года были временемъ особеннаго процвѣтанія съѣздовъ. Губернскія и уѣздныя земства имѣли свои съѣзды, и печатались отчеты объ ихъ засѣданіяхъ. Въ этихъ отчетахъ вездѣ единогласно восхваляются съѣзды, какъ полезныя и желательныя учрежденія. Но еще ранѣе лица разнообразнаго общественнаго положенія и представители высшей учебной администраціи придавали большое значеніе учительскимъ съѣздамъ. Такъ попечитель Кавказскаго учебнаго округа Невѣровъ въ оффиціальномъ письмѣ къ барону Н. А. Корфу отъ 18-го марта 1869 г. пишетъ: «Несмотря на открытіе въ окрестностяхъ Тифлиса правильной учительской семинаріи, я счелъ необходимымъ для удовлетворенія насущной потребности обученія прибѣгать къ тѣмъ же мѣрамъ, какія были съ успѣхомъ примѣняемы и вами, какъ то: съѣзды начальныхъ учителей и прочее».

Попечитель Казанскаго учебнаго округа въ циркулярѣ за 1871 годъ между прочимъ пишетъ: «Въ заключеніе не могу не

Digitized by Google

обратить вниманіе гг. инспекторовъ на необходимость правильно устроенныхъ учительскихъ съѣздовъ». Вотъ съ какимъ довѣріемъ относились къ учительскимъ съѣздамъ не только общество, но и высшія власти до 1885 года. Въ этомъ году вышелъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, воспрещающій открытіе учительскихъ съѣздовъ. Губернская управа предлагаетъ ходатайствовать о возобновленіи учительскихъ съѣздовъ. Думаю, что собраніе не найдетъ нравственнаго права высказаться противъ такого ходатайства. Если говорить, какъ утверждаетъ большинство членовъ совѣщанія, что педагогическіе курсы могутъ восполнить собою работу учительскихъ съѣздовъ, то это значило бы не знать сущности того и другаго учрежденія. Педагогическіе курсы имѣютъ дѣло съ методикой и дидактикой преподаванія, но не больше. Никакой другой вопросъ на курсахъ не ставится на очередь. Какъ же курсы, обучающіе только пріемамъ преподаванія, могутъ замѣнить учительскіе съѣзды? Учительскіе же съѣзды могутъ касаться многихъ вопросовъ, возникающихъ въ жизни учителя, относящихся къ веденію школьнаго хозяйства, школьной дисциплины, отношенія населенія къ школѣ и вообще къ болѣе широкой постановкѣ школьнаго дѣла. Говорятъ, учитель не подготовленъ къ рѣшенію этихъ вопросовъ, но развѣ земскія учрежденія, когда послѣдовало ихъ открытіе, были подготовлены къ разрѣшенію различныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ ихъ вѣдѣнія, и развѣ они сразу стали на такую высоту, на какой находятся теперь? Да, наконецъ, кто же судья, который говоритъ, что учителя не подготовлены къ участію въ съѣздахъ, и кому же обсуждать вопросы изъ практики школьнаго дѣла, какъ не учителю? Учителя, лишенные возможности участвовать въ съѣздѣ, обмѣниваться между собою мыслями, падаютъ нравственно и умственно, постоянно живя въ глухой деревнѣ. Теперь уже встрѣчаются учителя, которые говорятъ: не мое дѣло воспитывать дѣтей, мое дѣло учить ихъ грамотѣ. Если встрѣчаются среди учителей такія мнѣнія, то народная школа должна идти къ упадку. Законоучитель и учитель одинаково должны заботиться о воспитаніи учащихся. Гдѣ же учитель будетъ прислушиваться къ болѣе просвѣщеннымъ мнѣніямъ, чтобы перемѣнить и улучшить свои мнѣнія, какъ не на учительскомъ съѣздѣ? По всѣмъ вопросамъ жизни народной школы учитель является болѣе компетентнымъ лицомъ, чѣмъ кто-либо другой. Надзоръ за школой какъ со стороны училищнаго совѣта, такъ и инспектора, который иногда завѣдуетъ школами трехъ уѣздовъ съ 180 школами, крайне недостаточенъ и на практикѣ почти сводится къ фикціи. Народная школа отдана на призоръ учителя и священника, но и послѣдній не всегда имѣетъ возможность наблюдать за школой, по крайней мѣрѣ не такъ часто, какъ учитель. Такимъ образомъ, фактическій надзоръ за школою лежитъ на одномъ почти учителѣ. Поэтому надо дать возможность учителямъ обсуждать всѣ вопросы по дѣлу завѣдыванія школою. За границею, въ особенности въ

Digitized by Google

Германіи, этой классической странѣ народной школы, учительскіе съѣзды созываются не только ежегодно, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже по нѣскольку разъ въ годъ. «Учитель въ своей мѣстности главный носитель общественной и государственной культуры». Въ этомъ и сомнѣнія нѣтъ. А если учитель носитель культурной работы для своего отечества и государства, то ему нельзя ограничиваться только механической работой преподаванія грамматическихъ, наприм., правилъ, а онъ долженъ быть возможно болѣе развитымъ человѣкомъ, а гдѣ же онъ будетъ развиваться, какъ не на съѣздѣ учителей? Нужно ожидать, что учительскіе съѣзды послужатъ лучшимъ средствомъ къ развитію учителей, чѣмъ наши старанія къ поднятію его образовательнаго ценза. Если земство заботится о поднятіи образовательнаго ценза учителей, то какимъ образомъ оно можетъ не отнестись съ вниманіемъ и не признать обязательнымъ для себя помочь учителямъ въ дѣлѣ образованія ихъ путемъ устройства для нихъ съѣздовъ?

Въ заключеніе преній собраніе постановило: 1) Признать, что для сообщенія новыхъ педагогическихъ пріемовъ, для пополненія и освѣженія свѣдѣній и поднятія нравственнаго духа преподавателей, представляется въ высшей степени желательнымъ устройство въ вакаціонное время учительскихъ собраній. 2) Съ этою цѣлью признать желательнымъ возможно широкое развитіе педагогическихъ курсовъ, устраиваемыхъ согласно правиламъ 5-го августа 1875 г. 3) Такъ какъ въ практикѣ учительской жизни возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, который можетъ быть разрѣшенъ только на учительскихъ съѣздахъ, то въ виду этого и принимая во вниманіе, что этотъ видъ учительскихъ собраній, будучи свободно разрѣшаемъ до 1885 г., принесъ, по согласному свидѣтельству различныхъ лицъ, начиная отъ участниковъ и устроителей собраній и кончая представителями высшей администраціи и учебнаго начальства, большую пользу и рекомендовался циркулярнымъ предложеніемъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, Барона Николаи отъ 31-го іюля 1881 г. за № 9280, ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы разрѣшеніе на созывъ учительскихъ съѣздовъ и въ настоящее время давалось примѣнительно къ порядку, дѣйствовавшему до 1885 г. 4) Признать желательнымъ, чтобы учительскія собранія были поуѣздныя и устраивались періодически; при этомъ, въ цѣляхъ скорѣйшаго осуществленія дѣла и въ виду того общегубернскаго значенія, которое ему присуще, установить, что губериское земство принимаетъ участіе возмѣщеніемъ половины издержекъ, произведенныхъ уѣздными земствами. 5) Въ цѣляхъ сообщенія учителямъ основныхъ свѣдѣній по общей и школьной гигіенѣ, примѣненіе которыхъ могло бы оказать самую существенную пользу при борьбѣ съ заразными болѣзнями въ нашей деревнѣ, признать въ высшей степени желательнымъ, чтобы въ кругъ задачъ педагогическихъ курсовъ были включаемы занятія гигіеною.

Digitized by Google

Привѣтствуя отъ души такое постановленіе, можно только пожелать скорѣйшаго его разрѣшенія и послѣдованія этому благому начинанію Московскаго губернскаго земства и другихъ земствъ.

Картинка съ натуры.

Мы уже говорили сегодня о царящемъ въ нашихъ школахъ, преимущественно среднихъ, но къ сожалѣнію и низшихъ, формализмѣ въ обученіи и воспитаніи. Вотъ кстати еще одинъ примѣръ, подтверждающій наши соображенія.

Въ «Нижегор. Листкѣ» мы находимъ слѣдующій эпизодъ, не лишенный общаго значенія.

Въ одномъ изъ училищъ г. Арзамаса, во время посѣщенія его г. начальникомъ губерніи, имѣлъ мѣсто слѣдующій забавный случай.

Г. губернаторъ вызвалъ къ географической картѣ одного изъ учениковъ и задалъ ему систематическій рядъ вопросовъ. Бойкій мальчуганъ смѣло указывалъ и Ледовитый океанъ, и Африку, и Австралію, безстрашно путешествовалъ и на сѣверный, и на южный полюсъ, и на экваторъ, и въ Сахару. Наконецъ, г. начальникъ губерніи спрашиваетъ бойкаго ученика:

— Въ какомъ городѣ ты живешь?

Безстрашный путешественникъ, проходившій черезъ горы и океаны, смутился и замолчалъ. Имя родного города исчезло изъ его головы безслѣдно...

На помощь поспѣшилъ товарищъ, который съ смѣлостью своего пріятеля отвѣтилъ:

— Въ Арзамасѣ.

— Хорошо,—продолжаетъ г. губернаторъ, — а въ какой губерніи Арзамасъ?

— Въ Нижегородской.

— А какой главный городъ въ этой губерніи?

Мальчуганъ, ни на секунду не останавливаясь, отвѣчаетъ:

— Петербургъ!..

Въ этомъ забавномъ эпизодѣ много характернаго для нашей постановки обученія вообще и географіи въ частности. Какъ мало у насъ обращаютъ вниманія на развитіе въ дѣтяхъ сознательности, на толковое усвоеніе изучаемаго! Географію, напримѣръ, проходятъ путемъ зубренія названій и опредѣленій, лишенныхъ для ученика реальнаго смысла, въ памяти ученика сохраняются звуки и слова, а не понятія и идеи. Съ другой стороны: возьмите и такой фактъ: какой-нибудь ученикъ перваго класса знаетъ всѣ океаны, моря, горы и т. д. всего земного шара, но его совсѣмъ не считаютъ нужнымъ знакомить съ его окружающей мѣстностью, съ той, гдѣ онъ родился и живетъ. Оттого то мы такъ плохо знаемъ свою родину.

Digitized by Google

Примѣръ достойный подражанія.

Въ началѣ декабря минувшаго года, какъ сообщаетъ «Вятск. Край», учительницѣ большой земской школы въ селѣ Пищальскомъ, Вятской губерніи, В. Г. Кудрявцевой пришла счастливая мысль воспользоваться имѣющимся въ училищѣ чугуннымъ котломъ и устраивать дѣтямъ горячіе обѣды.

На первый разъ наставница пожертвовала отъ себя 4 ф. крупы и 2 ф. гороху, изъ которыхъ и были приготовлены прекрасныя постныя щи. Велика была радость и благодарность дѣтей, когда имъ предложенъ былъ этотъ обѣдъ въ придатокъ къ ихъ прежнему обычному школьному обѣду—куску сухого хлѣба, и любо было смотрѣть на ребятишекъ, какъ они за обѣ щеки убирали вкусное кушанье. Деревянныя ложки были принесены при этомъ ребятами предварительно каждымъ изъ дому, а глиняныхъ чашекъ купила копѣекъ на 40 — 30 наставница. Обѣдъ происходилъ въ присутствіи наставницы, въ одной изъ классныхъ комнатъ на партахъ, которыя затѣмъ были тщательно обтерты.

Послѣ 2 — 3 такихъ обѣдовъ наставница вычислила, что на каждаго ученика требуется въ день отъ 4 до 6 золотниковъ крупы или гороху, а за все время съ декабря (начало обѣдовъ) и до 1 мая на человѣка требуется 4 ф. того и другого.

Объ этомъ объявлено было родителямъ учениковъ и при этомъ прибавлено, что если кто желаетъ давать своимъ дѣтямъ горячіе обѣды, тѣ пусть принесутъ въ училище требуемое количество (4 ф.) крупы или гороху.

Желающими оказались почти всѣ родители, и въ теченіе недѣли учительницѣ было вручено нѣсколько пудовъ требуемой провизіи. Многіе родители приносили при этомъ не 4, а 6, 7 и даже 8 фунтовъ, прося излишекъ употребить на бѣдныхъ учениковъ.

Мы обращаемъ вниманіе на это извѣстіе всѣхъ народныхъ учительницъ. Дѣйствительно, передъ нами дѣло, требующее маленькихъ средствъ и немного времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ много пользы оно можетъ принести. Много разъ указывалось, какъ важно давать дѣтямъ въ школѣ горячій завтракъ. Это особенно важно въ деревнѣ, гдѣ дѣти и безъ того плохо питаются, и гдѣ они, къ тому же за дальностью разстоянія, которое имъ часто приходится сдѣлать, чтобы прійти въ школу, обречены почти на цѣлый день на сухояденіе. Само собой понятно, какъ важно доставить имъ возможность съѣсть середи дня что нибудь горячее. Это дѣлалось во многихъ деревняхъ въ неурожайный годъ, но и при обычныхъ условіяхъ деревенской жизни это было бы столь же полезно. У учительницы эта забота не можетъ отнять много времени, и занятіямъ она не помѣшаетъ, а добра много принесетъ.

Digitized by Google

Книжный листокъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра постановлено:

— Книжку: «Деревня. 1897. Иллюстрированная сельско-хозяйственная справочная книжка. Составл. подъ редакціею П. Н. Елагина, при участіи спеціалистовъ. А. А. Армфельда (скотоводство); Н. А. Гудиова (полеводство) П. Н. Елагина (птицеводство); С. Н. Ленина (земледѣльческія орудія и машины); В. В. Пашиовича (садоводство и огородничество); Л. А. Потѣхина (пчеловодство); князя С. П. Урусова (коневодство) и А. Х. Яницкаго (удобреніе почвъ). Со мног. рисунками. Цѣна 40 коп. С.-Пб. 1897. Стр. 144 въ 16-ю д. д.»—допустить въ библіотеки сельскихъ семинарій, въ учительскія библіотеки сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «Вся Россія. Русская книга промышленности, торговли сельскаго хозяйства и администраціи. Адресъ-календарь Россійской Имперіи. Томъ второй. Изданіе А. С. Суворина. 1897. Цѣна не обозначена». — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книжки: «Приходская библіотека. Родныя картины. (Избранныя стихотворенія и статьи). Составилъ С. Миропольскій. Редакція В. И. Шемякина. С.-Пб. 1896. I. Весна. Стр. 145+VI.—II. Лѣто. Стр. 179+V.—III. Осень. Стр. 158+IV.—IV. Зима. Стр. 160+IV. Цѣна каждой книжки 30 коп.»—допустить для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Брошюру: Проф. И. А. Стебутъ. Воздѣлываніе конскихъ бобовъ. М. 1896. Изданіе К. И. Тихомирова. Стр. 28. Цѣна 6 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Составленныя священникомъ А. Агрономовымъ брошюрки: «1) Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. Изданіе 3-е. Рига. 1893. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—2) Торжественный входъ Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Изданіе 3-е. Рига. 1894. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—3) Страстная седмица. Изданіе 3-е. Рига. 1893. Стр. 32. Цѣна 4 коп.—4) Свѣтлое Воскресеніе Го-

Digitized by Google

спода Іисуса Христа. Изданіе 3-е. Рига. 1895. Стр. 32. Цѣна 5 коп.—5). Вознесеніе Господа Іисуса Христа. Изд. 3-е. Рига. 1893. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—6) Святая Пятьдесятница. Изд. 3-е. Рига. 1893. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—7) Преображеніе Господа Іисуса Христа. Изд. 3-е. Рига. 1892. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—8) Успеніе Пресвятыя Богородицы. Изд. 3-е. Рига. 1892. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—9) Рождество Пресвятыя Богородицы. Изд. 3-е. Рига. 1892. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—10) Воздвиженіе честнаго и животворящаго креста Господня. Изд. 3-е. Рига 1893. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—11) Покровъ Пресвятыя Богородицы. Изд. 3 е. Рига. 1893. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—12) Великое чудо Милости Божіей 17-го октября 1888 года. С.-Пб. 1897. Изд. 4-е. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—13) Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы. Изд. 3-е. Рига. 1894. Стр. 16. Цѣна 2 к.—14) Рождество Господа нашего Іисуса Христа. Изд. 3-е. Рига. 1893. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—15) Крещеніе Господа Іисуса Христа. Изд. 3-е. Рига. 1894. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—16) Срѣтеніе Господа Іисуса Христа. Изд. 3-е. Рига. 1894. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—17) Непобѣдимая и непостижимая сила Креста Господня. С.-Пб. Изд. 3-е, книгопродавца И. Л. Тузова. 1897. Стр. 16. Цѣна 2 к.»—допустить въ библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Составленныя протоіереемъ Г. Красницкимъ брошюрки: «1) Греко-россійская церковь есть воистину православная церковь. С.-Пб. Изд. 2-е. книгопродавца И. Л. Тузова. 1897. Стр. 32. Цѣна 4 коп.—2) О значеніи крестныхъ ходовъ и освященія воды. Рига. 1891. Стр. 16. Цѣна 4 коп.—3) Святый Великій Постъ, какъ проповѣдникъ покаянія С.-Пб. Изд. 2-е, книгопродавца И. Л. Тузова. 1897. Стр. 32. Цѣна 4 коп.»—допустить въ библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Изданныя Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ брошюрки: «1) № 712. Чудесная коряга. (Татарская сказка). А. Сизовой. М. 1896. Стр. 32. Цѣна 5 коп.—2) № 718. На пчельникѣ. А. Щепкиной. М. 1896. Стр. 40. Цѣна 5 коп.—3) № 711. Новая мама. Разсказы для дѣтей. Л. Городецкой. М. 1896. Стр. 16. Цѣна 5 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку „К. С. Славянинъ. Правописаніе. Пособіе къ практическому усвоенію правилъ правописанія безъ изученія грамматики. Изд. 2-е. Екатеринбургъ. 1896. Стр. 74. Цѣна 30 коп.»—допустить для класснаго употребленія въ начальныхъ училищахъ.

— Книгу «Русское чтеніе для еврейскихъ дѣтей. Составилъ М. Г. Горшфельдъ. Изд. 6-е. Одесса. 1896. Стр. 208. Цѣна 40 коп.»—одобрить для употребленія въ еврейскихъ училищахъ.

— Книгу: «Бесѣды по земледѣлію П. А. Бильдерлинга (съ 18 рисунками). С.-Пб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1897. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 к.»—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Учебникъ: Т. Павлючукъ. Сборникъ устныхъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ. Вильна. 1897. Стр. 200. Цѣна 35 коп.»—

Digitized by Google

допустить въ учительскія и ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Журналъ «Вѣстникъ трезвости. Ежемѣсячное изданіе. Полезное пособіе для духовенства, школъ, войска и для народа въ борьбѣ съ пьянствомъ. Редакторъ-издатель врачъ Н. М. Григорьевъ. С.-Пб. II-й годъ. №№ 13—24 (сентябрь 1895 по августъ 1896). III-й годъ №№ 25—36 (сентябрь 1896 по августъ 1897). Годовая цѣна 1 рубль съ доставкою и пересылкою»—одобрить для народныхъ чтеній, а послѣдующіе номера допустить для таковыхъ же публичныхъ чтеній.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжку: „Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. А. Гумбольдтъ. Его жизнь, путешествія и научная дѣятельность. Біографическій очеркъ М. А. Энгельгардта. Съ портретомъ А. Гумбольдта, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1891 Стр. 95. Цѣна 25 коп.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книжки: „Иліада Гомера. Объяснилъ С. Радецкій, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 4-й гимназіи. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова. 1897. 1) Пѣснь XI. Стр. 78. Цѣна 40 коп. и 2) Пѣснь XII. Стр. 44. Цѣна 30 коп.“—рекомендовать въ качествѣ учебныхъ пособій по греческому языку для мужскихъ гимназій.

— Книгу: «Проф. Ир. Скворцовъ. Гигіена, со включеніемъ анатоміи и физіологіи человѣческаго тѣла. Съ 80 рисунками. Харьковъ. 1897. Стр. XXIV+430. Цѣна 2 р. 50 коп.»—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданныя П. П. Сойкинымъ книжки, подъ общимъ заглавіемъ «Полезная библіотека»: 1) «Въ странѣ черныхъ христіанъ (Очерки Абиссиніи)· Ф. Волгина. Стр. 126 въ 16-ю д. л. С.-Пб. 1895. Цѣна 50 коп.»—2) «Е. Ле. базейль. Чудеса полярнаго міра. Переводъ Е. Костко. С.-Пб. 1895. Стр. 166. въ 16-ю д. л. Цѣна 50 коп.»—3) «В. Фонфіель. Южный полюсъ. Переводъ Е. Костко. С.-Пб. 1896. Стр. 149 въ 16-ю д. л. Цѣна 50 коп.»—первую допустить, а вторую одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ; третью же книжку допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «По Бѣлу-свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта доктора А. В. Елисѣева. Съ иллюстраціями художниковъ: В. П. Овсянникова, А А. Писемскаго, Ѳ. П. Ризничено, акад. Н. С. Самокишъ, Э. Ш. Соколовскаго и А. А. Чикина. Томъ III. С.-Пб 1896. Изданіе П. Сойкина. Стр. IV+397, въ 4-ку. Цѣна 3 р.»—одобрить

Digitized by Google

для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ и для раздачи воспитанникамъ учебныхъ заведеній въ видѣ награды.

— Книгу: «Виргилій и его эклоги. Очерки изъ исторіи римской поэзіи, Д. И. Нагуевскаго, профессора Императорскаго Казанскаго университета. Часть I. Казань. 1895. Стр. IV+72. Цѣна не обозначена»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій.

— Книги: «Учебное изданіе римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями. Виргилій. Энеида. Пѣснь IV, V, VI. Объяснилъ Д. И. Нагуевскій, профессоръ Императорскаго Казанскаго университета. Изданіе 3-е, значительно исправленное и дополненное. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова. М. 1897. Цѣна текста каждой книги съ комментаріемъ 35 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій.

— Книгу: «Краткій очеркъ миѳологіи грековъ и римлянъ. Для старшихъ классовъ гимназій составилъ Евг. Ветнекъ, преподаватель Ревельской гимназіи Императора Николая I. Ревель. 1897. Стр. VIII+116. Цѣна 60 коп.»—допустить въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ гимназій, какъ небезполезное пособіе при чтеніи древнихъ авторовъ, преимущественно поэтовъ.

— «Книгу: «Русская христоматія съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Андрей Филоновъ. Часть I-я. Изданіе 8-е, исправленное и дополненное. Стр. II+690. Цѣна 1 р. 30 коп.»—рекомендовать, вмѣстѣ съ прочими томами означенной христоматіи, въ качествѣ учебнаго пособія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для пріобрѣтенія, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, въ ученическія библіотеки каждаго изъ четырехъ старшихъ классовъ гимназій и соотвѣтствующихъ классовъ реальныхъ училищъ, въ библіотеки городскихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «Гомеръ. Иліада въ сокращеніи. Выпускъ I. Пѣсни I—XII, съ пропусками. Съ краткими примѣчаніями и указателемъ собственныхъ именъ. Преимущественно для курсорнаго чтенія обработалъ Г. О. Фонъ-Гаазе, преподаватель Одесской IV-й гимназіи. Изданіе редакціи Иллюстрированнаго собранія греческихъ и. римскихъ классиковъ. С.-Пб. 1897. Стр. VIII+142+X. Цѣна 80 коп.»—рекомендовать какъ учебное пособіе по греческому языку для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: «Дж. Г. Льюисъ. Исторія философіи. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія съ приложеніемъ статьи В. Д. Вольфсона о жизни и ученіи Шопенгауера и Гартмана. Изданіе третье съ полнымъ алфавитнымъ указателемъ. С.-Пб. 1897. Стр. VIII+689+VIII. Цѣна 3 р.»—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу «Deutsches Lesebuch für die mittleren Unterrichtsanstalten

Digitized by Google

Russlands von Ernst Westermann, Oberlehrer der deutschen Sprache, Zweites und drittes Jahr. Riga. 1897. Стр. VIII+163. Цѣна 1 р.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по нѣмецкому языку для среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: Стихотворенія А. В. Кольцова съ двумя статьями о нихъ П. Смирновскаго. М. Изданіе книжной торговли А. Я. Панафидина. 1897. Стр. II+127. Цѣна 20 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «Б. Чихановъ. Учебникъ ариѳметики. Курсъ среднеучебныхъ заведеній. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Люблинъ. 1897. Стр. IV+108. Цѣна 50 коп.»—одобрить въ качествѣ руководства при прохожденіи ариѳметики въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) «Полный англо-русскій словарь, составленный А. Александровымъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Complete English-Russian Dictionary by A. Alexandrow. Second Edition. Revised and Enlarged. С.-Пб. 1897. Стр. in 4° VIII+865+9». и 2) «Полный русско-англійскій словарь, составленный А. Александровымъ. Изданіе второе исправленное и дополненное. Complete Russian-Englisch Dictionary by A. Alexandrow. Second Edition, Revised and Enlarged. С.-Пб. 1897. Стр. 717+24» —рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для реальныхъ училищъ и для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается англійскій языкъ, а также для пріобрѣтенія въ библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Сборникъ отрывковъ для перевода съ греческаго языка на русскій въ VII и VIII классахъ гимназій. Съ примѣчаніями и указателемъ собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ. Составилъ А. Владимірскій. М. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова. 1897. Стр. VI+147. Цѣна 75 коп.»—одобрить въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій.

— Книжку: «Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Вольфганъ Гете. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ Н. А. Холодковскаго. Съ портретомъ Гете, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1891. Стр. 94. Цѣна 25 коп.» — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книжку: «Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Даламберъ. Его жизнь и ученая дѣятельность. Біографическій очеркъ. Е. Ѳ. Литвиновой. Съ портретомъ Даламбера, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1891. Стр. 80. Цѣна 25 коп.»—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: А. Образцовъ. Первоначальный учебникъ греческаго языка.

Digitized by Google

Часть вторая. Синтаксисъ и введеніе къ чтенію Гомера. С.-Пб. 1898. Стр. VI+68. Цѣна 60 коп.»—одобрить въ качествѣ руководства по греческому языку для V и VI классовъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжку: «Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека. Ф. Павленкова. Ч. Диккенсъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ А. И. Анненской. Съ портретомъ Диккенса, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1892. Стр. 79. Цѣна 25 коп.»—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: «Жизнь Диккенса. А. Н. Плещеева. С.-Пб. 1891. Стр. 294+II. Цѣна 1 р.»—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книгу: «Методы рѣшеній геометрическихъ задачъ на построеніе и сборникъ геометрическихъ задачъ съ полными и краткими рѣшеніями. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній (для старшихъ классовъ). Составилъ И. Александровъ, преподаватель Тамбовской гимназіи. Изданіе шестое, дополненное. М. 1897. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова. Стр. VI+170. Цѣна 1 р.»—одобрить какъ учебное пособіи для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Руководство къ обличительному богословію, составленное примѣнительно къ семинарской программѣ Ив. Перовымъ. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Рязань. 1897. Стр. 175+IV. Цѣна 1 р. съ пересылкой»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: «Титъ Ливій. Книга XXII. Событія второй Пунической войны 217 и 216 гг. до Р. Хр. Съ введеніемъ, примѣчаніями и географическимъ указателемъ. Составилъ Ив. Виноградовъ. Часть I. Текстъ. Стр. IV+68. Часть II. Комментаріи. Стр. 126. С.-Пб. Изданіе К. Л. Риккера. 1898. Цѣна за обѣ части 1 р. 20 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для старшихъ классовъ гимназій.

— Книги, изданныя книжнымъ магазиномъ В. Думнова: 1) «Zopf und Schwert Lustspiel in fünf Aufzügen von Karl Gutzkow. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній снабдилъ словаремъ С. Чекала, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. М. 1897. Стр. IV+114. Цѣна 40 коп.» и 2) «Doctor Wespe. Lustspiel in fünf Aufzügen von Roderich Benedix. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній снабдилъ словаремъ С. Чекала, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. М. 1897. Стр. IV+117. Цѣна 40 коп.»—одобрить для ученическихъ, старшаго и средняго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: «С. Гинтовтъ. Отрывки изъ римскихъ писателей (преимущественно Цицерона и Ливія) съ краткими примѣчаніями для классныхъ, письменныхъ и устныхъ, переводовъ съ латинскаго языка на русскій въ VI, VII и VIII классахъ гимназій. Изданіе редакціи Иллюстрированнаго

Digitized by Google

собранія греческихъ и римскихъ классиковъ. С.-Пб. 1897. Стр. 98+V Цѣна 60 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для старшихъ классовъ гимназій.

— Книжки подъ общимъ заглавіемъ: «Жизнь замѣчательныхъ людей, Біографическая библіотека Ф. Павленкова». 1) «Эм. Кантъ. Его жизнь и философская дѣятельность. Біографическій очеркъ М. М. Филиппова. Съ портретомъ Эм. Канта, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1893. Стр. 84. Цѣна 25 коп.» и 2) «Данте. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ М. В. Ватсонъ. Съ портретомъ Данте-гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1891. Стр. 90. Цѣна 25 коп.»—допустить первую въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, а вторую въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Новое изданіе редакціи журнала «ОБРАЗОВАНІЕ»

ВООБРАЖЕНІЕ И ПАМЯТЬ

Ф. Кейра.

пер. съ франц. Е. Максимовой.

2-е изданіе. Ц. 40 к.

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.

Digitized by Google

Жизнь Замѣчательныхъ Людей

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ ея войдетъ около 200 біографій замѣчательныхъ людей. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 160 страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ—прилагаются географ. карты, снимки съ карт. и нот

Цѣна каждой книжки отдѣльно—25 коп.

До конца октября 1897 г. вышли слѣдующія 180 біографій:

I. Предстатели религіи и церкви: Будда (Сакья-Муни), Григорій VII, Гусъ, Кальвинъ, Конфуцій, Лойола, Магометъ, Савонарола, Торквемада, Франциск Ассизскій, Цвингли.—Аввакумъ (глава русск. раскола), патріархъ Никонъ.

II. Государственные люди и народные герои: Бисмаркъ, Гарибальди, Гладстонъ, Гракхи, Кромвель, Линкольнъ, Мирабо, Томасъ Моръ, Ришелье.—Воронцовы, Дашкова, Іоаннъ Грозный, Канкринъ, Меншиковъ, Потемкинъ, Скобелевъ, Сперанскій, Богданъ Хмельницкій.

III. Ученые: Беккарія и Бентамъ, Бокль, Галилей, Гарвей, А. Гумбольдтъ, Даламберъ, Дарвинъ, Дженнеръ, Кеплеръ, Кетле, Кондорсе, Коперникъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ и Эйлеръ, Лассаль, Линней, Лайелль, Мальтусъ, Милль, Монтескье, Паскаль, Ньютонъ, Прудонъ, Адамъ Смитъ, Фарадей.—К. Бэръ, Боткинъ, Ковалевская, Лобачевскій, Пироговъ, Соловьевъ (историкъ), Струве.

IV. Философы: Аристотель, Бэконъ, Декартъ, Джіордано Бруно, Гегель, Кантъ, Огюстъ Контъ, Лейбницъ, Локкъ, Платонъ, Сенека, Сократъ, Спиноза, Шопенгауэръ, Юмъ.

V. Филантропы и дѣятели по народному просвѣщенію: Говардъ, Оуэнъ, Песталоцци, Франклинъ.—Каразинъ (основатель харьков. университета). баронъ Н. А. Корфъ, Новиковъ, К. Д. Ушинскій.

VI. Путешественники: Колумбъ, Ливингстонъ, Стэнли.—Пржевальскій.

VII. Изобрѣтатели и люди широкаго почина: Гутенбергъ, Дагеръ и Ніэпсъ (изобрѣтатели фотографіи), Лессепсъ, Ротшильды, Стефенсонъ Фультонъ (изобрѣтат. жел. дорогъ и пароходовъ Уаттъ, Эдисонъ и Морзе.—Демидовы.

VIII. Писатели русскіе и иностранные:

Иностранные писатели: Андерсенъ, Байронъ, Бальзакъ, Веранже, Вёрне, Боккачіо, Вомарше, Вольтеръ, Гейне, Гете, Гюго, Дантъ, Дефо, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Карлейль, Лессингъ, Маколей, Мильтонъ, Мицкевичъ, Мольеръ, Рабле, Ренанъ. Руссо, Свифтъ. Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккерей, Шекспиръ, Шиллеръ, Джоржъ Эліотъ.

Русскіе писатели: Аксаковы, Бѣлинскій, Гоголь, Гончаровъ, Грибоѣдовъ, Державинъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жуковскій, Кантемиръ, Карамзинъ. Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ. Никитинъ, Писаревъ, Писемскій, Пушкинъ, Салтыковъ (Щедринъ), Сенковскій (баронъ Брамбеусъ), Левъ Толстой, Тургеневъ, Фонвизинъ, Шевченко.

IX. Художники: Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Рафаэль, Рембрандтъ.—Ивановъ, Крамской, Перовъ, Ѳедотовъ.

X. Музыканты и актеры: Бахъ, Бетховенъ, Вебер, Гаррикъ. Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ.—Волковъ (основатель русск. театра), Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, Щепкинъ.

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

Вашингтона, Герцена, Демосѳена и Цицерона, Екатерины II, Лютера, Макіавелли, Меттерниха, Наполеона I, Некрасова, Островскаго, Пастера, Петра Великаго, Суворова и др.

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) **Ручной трудъ.** Составилъ *Графиньи.* Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 375 рис. 2-изд. Ц. 1 р. 50 к.—2) **Электрическіе звонки.** *Боттона.* Съ краткими свѣдѣніями о воздушн. звонкахъ. Съ 121 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ. 3-е изд. Ц. 1 р.—3) **Руководство къ рисованію акварелью.** *А. Кассанъ.* Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—4) и 5) **Не всякій случай.** *А. Альмединген.* Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой 50 коп.—6) **Домашній опредѣлитель поддѣлокъ.** *А. Альмединген.* Ц. 60 к.—7) **Дѣтскій докторъ.** Руководство для матерей и воспитателей. *Д-ръ Варіо.* Съ франц. подъ редакціей проф. *Пономарева.* Ц. 1 р.—9) **Гигіена дѣтства.** *Э. Перье.* Ц. 50 к.—9) **Уходъ за больными въ семьѣ.** *Энцлера.* Ц. 50 к.—10) **Уходъ за больными дѣтьми.** *Э. Перье.* Ц. 50 к.

Digitized by Google

ОБРАЗОВАНІЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ
И
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

№ 3.

МАРТЪ.

1898.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая ул., д. 15.
1898.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 марта 1898 г.

Digitized by Google

Идеалы женскаго образованія.

Одна изъ главнѣйшихъ основъ всякаго образованія есть его идеалосообразность. Такая сложная и важная дѣятельность, какъ образовательная, не можетъ быть ни разумной, ни систематичной, если она не управляется зрѣло обдуманными началами и цѣлями; а выборъ началъ и постановка цѣлей существенно опредѣляются идеалами человѣка вообще и образованнаго въ частности. Въ женскомъ образованія идеалосообразность всегда была особенно видна и замѣтна, такъ какъ идеалъ женскаго образованія всегда опредѣлялся взглядами на положеніе женщины въ обществѣ и на природу женщины, а эти послѣдніе были весьма различны. О назначеніи и природѣ мужчины судили согласно; положеніе же и природа женщины понимались неодинаково.

Всѣ идеалы женскаго образованія распредѣляются на двѣ группы, сообразно взглядамъ на природу и положеніе женщины. По первому взгляду, женщина считаетси лишь спутницей мужчины, не имѣющей никакого самостоятельнаго положенія. Ея назначеніе и природа—быть утѣхой мужчины, приносить пользу семьѣ, а потомъ, насколько возможно, и всему обществу; по второму взгляду, женщина не есть ползучее растеніе, обвивающееся вокругъ крѣпкаго дерева, а самостоятельное существо, равное мужчинѣ, имѣющее такія же права, какъ и мужчина. Эти два взгляда и даютъ начало двумъ группамъ различныхъ идеаловъ женскаго образованія; изъ перваго возникаютъ идеалы эстетическій и утилитарный, а изъ второго—общечеловѣческій, съ ихъ развѣтвленіями, видоизмѣненіями и частными формами.

I.

Эстетическій идеалъ.

Долгое время женщина не признавалась существомъ самостоятельнымъ. Въ книгѣ «Отеческіе совѣты моей дочери», не одинъ

Digitized by Google

десятокъ лѣтъ служившей классной книгой для чтенія воспитанницамъ институтовъ въ первой половинѣ XIX вѣка прямо, говорится: «Богъ и человѣческое общество хотѣли, чтобы женщина была слабѣе мужчины; поэтому ясно и неоспоримо, что женщина должна имѣть въ высшей степени добродѣтель скромности, нежели мужчина... Богъ и человѣческое общество хотѣли, чтобы женщина зависѣла отъ мужчины, чтобы она ограничила кругъ своей дѣятельности домомъ, чтобы мужъ былъ защитникомъ своей жены, а она прилѣпилась бы къ мужу, чувствовала бы и признавала свою слабость, а преимущество мужа во всякомъ случаѣ, и снискала бы его любовь и пріязнь скромностью и покорностью.» Зависимость состоянія женщины—вотъ догматъ многихъ вѣковъ и народовъ.

При отсутствіи всякой самостоятельности, при необходимости существовать лишь пріязнью и любовью мужчины, женщина неизбѣжно должна была культивировать тѣ свойства, которыя могли привлекать къ ней любовь мужчины, давать ей возможность вліять на него и, при случаѣ, господствовать надъ нимъ. Такимъ могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ женщины была красота, на поддержку и развитіе которой женщины и обратили самое серьезное вниманіе. Это стремленіе вполнѣ соотвѣтствовало и желанію мужчинъ, видѣвшихъ въ женщинѣ источникъ наслажденія, цѣнность котораго много повышалась отъ красивой драгоцѣнной оправы. Такъ начался эстетическій идеалъ женскаго образованія, царствію котораго и въ настоящее время еще не пришелъ конецъ.

Сообразно съ состояніемъ культуры народа, эстетическій идеалъ женскаго образованія представляется въ двухъ формахъ: болѣе простой и грубой, состоящей преимущественно въ заботахъ объ украшеніи тѣла, въ развитіи манеръ и кокетства, и болѣе высокой и сложной, не отвергающей попеченій о тѣлѣ, но восполняющей ихъ разнообразными упражненіями, способствующими украшенію духа, снабженію его талантами, увеличивающими прелесть женскаго существа.

Физическій эстетическій идеалъ господствовалъ у тѣхъ народовъ, которые устраняли женщинъ отъ всякой общественной дѣятельности, строго замыкая ихъ въ предѣлы семьи, которые о духовной культурѣ ихъ заботились мало, а считали совершенно достаточнымъ привитіе имъ внѣшней привлекательности и кокетливости. Таковы преимущественно были народы востока, у которыхъ женское образованіе ограничивалось культурой тѣла, соединенной очень часто съ пренебреженіемъ къ гигіенѣ, и состояло въ обученіи танцамъ, искусству одѣваться и украшать себя, женскимъ рукодѣльямъ и т. п. предметамъ. Подобный же образовательный идеалъ долгое время держался и въ Европѣ. Эразмъ Роттердамскій въ 1526 году писалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «есть люди, которые думаютъ, что все воспитаніе дѣвушки состоитъ въ томъ, чтобы умѣть дѣлать реверансы, держать свои

Digitized by Google

руки, улыбаться, сжимая губы, на пиру едва прикасаться къ кушаньямъ и напиткамъ, за то изобильно вознаграждать себя наединѣ, не подавать правую руку вмѣсто лѣвой, касаться кушаньевъ кончиками пальцевъ, не слишкомъ разѣвать ротъ при смѣхѣ— этого было довольно, такую дѣвушку можно было выдавать замужъ.»

XVII вѣкъ, по крайней мѣрѣ во Франціи, сохранялъ такіе же идеалы. Вотъ что писала о современныхъ идеалахъ женскаго образованія г-жа Скюдери въ 1653 году: «есть ли что либо болѣе удивительное, чѣмъ обыкновенная постановка женскаго образованія? Не желаютъ, чтобы женщины были кокетками или любительницами любовныхъ интригъ, а между тѣмъ позволяютъ имъ заботливо изучать все, относящееся до любовныхъ интригъ, и не даютъ возможности узнать то, что можетъ занять ихъ умъ или укрѣпить ихъ добродѣтель. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ частыя укоризны, которыя расточаютъ женщинамъ въ ранней юности за неумѣнье къ лицу одѣться и за недостаточную внимательность къ урокамъ танцевъ и пѣнія, не доказываютъ ли то, что я говорю? И что особенно странно: женщина, имѣющая возможность съ удобствомъ танцовать лишь въ теченіе пяти или шести лѣтъ своей жизни, тратитъ *десять или двѣнадцать лѣтъ* на непрерывное изученіе того, что она можетъ дѣлать только въ теченіе пяти или шести лѣтъ. Женщина должна бываетъ обсуждать разные предметы до самой своей смерти и говорить до послѣдняго своего вздоха, а между тѣмъ ее не учатъ ничему, что помогло бы ей пріятнѣе говорить и послѣдовательнѣе дѣйствовать. Если посмотрѣть на то, какъ женщины проводятъ свою жизнь, то можно сказать, что имъ запрещено имѣть разумъ и здравый смыслъ, и что онѣ существуютъ на свѣтѣ лишь затѣмъ, чтобы спать, полнѣть, быть прекрасными, ничего не дѣлать и говорить только глупости. Я убѣждена, что всѣ женщины придерживаются такого принципа, что нѣтъ ничего болѣе интереснаго, какъ продолжительная праздность, при искусствѣ очень маленькія вещи превращать въ большія дѣла, и что дурно завитой локонъ отнимаетъ у нихъ больше времени на то, чтобы хорошенько завить его, чѣмъ сколько возьметъ дѣло вмѣстѣ и очень полезное и очень пріятное. Не нужно однако воображать, что я, будто бы, желаю, чтобы женщина не заботилась о своей наружности, или чтобы она не умѣла ни танцовать, ни пѣть: я желаю, чтобы женщина знала все, касающееся развлеченій; но по правдѣ сказать, я желала бы, чтобы она прилагала столько же заботъ объ украшеніи своего духа, сколько и своего тѣла» *).

XVIII вѣкъ продолжалъ поддерживать взгляды на женщину XVII вѣка, разсматривая ее какъ существо, имѣющее назначеніемъ олицетворять собой въ обществѣ наслажденіе, предлагать и дарить его всѣмъ. Особенно твердо такіе взгляды держались во

*) Rousselot, La Pedagogie feminine 1881, p. 39—40, 38; ср. p. 44.

Digitized by Google

Франціи, сообразно которымъ женщина высшаго образованнаго круга должна была быть воспитана и настроена. Общество требовало условности, моды во всемъ: въ туалетѣ, въ походкѣ, въ движеніяхъ. Повороты тѣла, наклоны головы, улыбки, сжиманіе губъ, гримасы, ужимки—все нужно было изучать. И чему только не приходилось учиться: ѣсть, пить, кланяться, налѣплять себѣ на лицо мушки, сморкаться. Привыкнувъ все украшать, сообщать каждому жесту пріятный характеръ, каждой улыбкѣ оттѣнокъ очарованія, XVIII вѣкъ требовалъ отъ женщины и особаго способа выраженія. Образовался напыщенный языкъ, съ преобладаніемъ восклицаній и превосходной степени: изумительно! дивно! божественно! Всѣ подобные эпитеты сдѣлались достояніемъ обыденной рѣчи. При малѣйшей усталости говорили: «я изнемогаю»; при малѣйшей неудачѣ или непріятности—«я прихожу въ отчаяніе»; если чего либо желали, то выражались: «я съ ума схожу... я не въ состояніи ни пить, ни ѣсть»; если кто нибудь не нравился, то это былъ «человѣкъ, котораго надо вышвырнуть въ окно». Кромѣ того, мода требовала, чтобы женщины картавили.

Но не одну физическую сторону женщины XVIII вѣкъ передѣлывалъ на свой образецъ, согласно условному, установившемуся въ обществѣ, типу; въ ея нравственномъ существѣ совершался еще большій переворотъ. Уроки свѣта преобразовывали ея сердце, ея умъ, изгоняя серьезность, искренность, потребность вѣрованія, внушая, какъ высшую цѣль жизни, развлеченіе. И женщина мало по малу научалась мѣрить жизнь и все, что въ ней содержится, двумя мѣрками: удовольствіемъ и скукой. Сообразно съ такими требованіями свѣта и жизни строилось и воспитаніе. По мнѣнію одной женщины XVIII вѣка, хорошее воспитаніе должно дать дѣвушкѣ: «понятіе о религіи, таланты, необходимые свѣтской женщинѣ, и нѣкоторое умѣнье вести хозяйство». О женщинахъ, получившихъ такое воспитаніе, говорили тогда, что «онѣ все знаютъ, ничему не учившись» *).

Незамѣтно къ заботамъ объ украшеніи тѣла присоединялись въ женскомъ образовательномъ идеалѣ заботы объ украшеніи духа. Женскія учебныя заведенія стали преслѣдовать не только обученіе манерамъ, но и сообщеніе знаній. Эти знанія были назначены именно для украшенія духа, серьезныя умственныя занятія не допускались, считались не соотвѣтствующими природѣ женщины, опасными и вредными для нея. Система женскаго образованія у насъ въ Россіи, во второй половинѣ прошлаго столѣтія и первой четверти нынѣшняго, предпочитала украшающее полезному. На первомъ планѣ стояло изученіе иностранныхъ языковъ и особенно французскаго. Дѣвицы такъ много учились иностраннымъ языкамъ, что совершенно забывали свой родной. Комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ, образованная Императрицею Екатериною

*) Женщина въ XVIII вѣкѣ (по Гонкуру) А. Плещеева СПБ., 1888. Гл. 1.

Digitized by Google

въ 1782 году, ознакомившись съ женскими институтами, удостовѣряла, что кончившія 12-лѣтній срокъ ученія воспитанницы имѣютъ такъ мало познаній въ языкахъ, «наипаче въ россійскомъ», что едва могутъ изъясняться вразумительно о вещахъ простѣйшихъ и употребительнѣйшихъ, а большая часть мѣщанокъ не умѣетъ даже правильно написать свое имя. Комиссія проектировала, что бы въ институтахъ при каждомъ возрастѣ находилось по одной учительницѣ, основательно знающей русскій языкъ. Она должна разговаривать съ воспитанницами по-русски и исправлять ихъ погрѣшности въ разговорѣ *). Извѣстная княгиня Дашкова, воспитанная въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, замѣчаетъ о своемъ воспитаніи: «дядя (Воронцовъ) не щадилъ ничего, чтобы дать своей дочери и мнѣ лучшее, по мнѣнію того времени, воспитаніе. Насъ учили четыремъ разнымъ языкамъ, и по-французски мы говорили бѣгло, сдѣлали большіе успѣхи въ танцахъ и нѣсколько рисовали. Но что было сдѣлано для образованія нашего вкуса, для поученія разума? Рѣшительно ничего!» **).

Преобладаніе иностранныхъ языковъ въ женскомъ образованіи держалось очень долго и подчасъ выражалось комичными фактами. Одна изъ воспитанницъ Патріотическаго института разсказываетъ, что когда вспыхнуло въ С.-Петербургѣ возмущеніе 14 декабря 1825 года и въ институтѣ была слышна пальба изъ орудій, начальница стала говорить институткамъ: «это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвицы, за ваши грѣхи. Самый главный и тяжкій вашъ грѣхъ тотъ, что вы рѣдко говорите по-французски и, точно кухарки, болтаете все по-русски». «Въ страшномъ перепугѣ, сообщаетъ авторъ разсказа, мы вполнѣ сознали весь ужасъ нашего грѣхопаденія и на колѣняхъ предъ иконами съ горькими слезами раскаянія тогда же поклялись начальницѣ вовсе не употреблять въ разговорахъ русскаго языка. Наши заклятія были какъ бы услышаны, пальба внезапно стихла. Мы всѣ успокоились и долго послѣ того въ спальняхъ и залахъ Патріотическаго института не слышалось русскаго языка» ***). Пушкинъ, характеризуя Татьяну, между прочимъ, говоритъ:

Она по-русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ.
Евгеній Онѣгинъ, гл. 3, XXVI.

Что касается другихъ предметовъ женскаго образовательнаго курса, то между ними видное мѣсто занимали искусства—музыка, пѣніе, танцы. Въ прежнее время въ институтахъ четыре вечера въ недѣлю, отъ пяти до восьми часовъ, посвящались пѣнію и

*) Лихачева, Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Т. I, стр. 212—216.
**) Стоюнинъ, Педагогическія сочиненія СПБ., 1892, стр. 17.
***) Лихачева, Матеріалы, II, 184.

Digitized by Google

танцамъ. Даже въ провинціальныхъ семьяхъ въ образовательномъ учебномъ курсѣ выдвигались два предмета: французскій языкъ и танцы. На успѣхи во французскомъ языкѣ и танцовальномъ искусствѣ обращали болѣе вниманія, чѣмъ на успѣхи въ Законѣ Божіемъ, ариѳметикѣ и другихъ серьезныхъ предметахъ.

Въ составъ учебнаго курса нашихъ прежнихъ институтовъ входили такіе предметы, какъ хронологія, миѳологія, архитектура, геральдика, искусство сочинять стихи; воспитанницы много занимались рисованіемъ, разыгрывали театральныя пьесы. Серьезное же образованіе было скудно, да считалось и несвойственнымъ женщинамъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія у насъ въ литературѣ высказывались такіе взгляды: «женщина сотворена единственно для того, чтобы нравиться мужчинѣ... углубленіе въ наукахъ совсѣмъ ей не принадлежитъ». Другой журналъ того же времени доказывалъ, что книги и учителя «помрачаютъ еще на зарѣ тотъ душевной цвѣтокъ, который такъ радуетъ любимца молодой дѣвушки—невинность чувствъ и мыслей»; что мужъ «не любитъ находить въ женѣ соперника или профессора и что всѣ ученыя женщины были въ любви несчастливы». Даже журналы, расположенные серьезно взглянуть на положеніе женщинъ, не считали возможнымъ возвышать женскій образовательный идеалъ. «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго (1811 г.), признавая «разумъ» мужчины и женщины одинаковымъ, задумывался надъ практическими послѣдствіями, могущими произойти отъ занятій женщинъ наукою. «На какое употребленіе дала натура разумъ женщинамъ?—спрашиваетъ онъ.—Упражненіе въ наукахъ и словесности есть ли необходимая принадлежность женщинъ? Не охладитъ ли въ женщинѣ любовь къ словесности любви супружеской? Захочетъ ли ученая женщина заниматься мелочами хозяйства? Имѣя мужа, не столь просвѣщеннаго, не нарушитъ ли иногда законъ, предписывающій ей подчиненіе и покорность?» Поэтому многіе и совѣтывали женщинамъ изъ наукъ почерпать лишь полезные совѣты «къ пріятному препровожденію времени и счастливой жизни», не стремясь ни къ чему дальнѣйшему и болѣе серьезному *). А. Пушкинъ въ Евгеніи Онѣгинѣ говоритъ:

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ,
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ,—
Съ семинаристомъ въ черной шалѣ,
Иль съ академикомъ въ чепцѣ.

Эстетическій идеалъ женскаго образованія имѣетъ свои основанія прежде всего въ историческомъ положеніи женщины. Съ одной стороны онъ служитъ показаніемъ невысокаго положенія женщины, которой не считали возможнымъ дать какую либо болѣе серьезную роль, чѣмъ усладительницы семьи и общества, какого то десерта на жизненномъ пиру; съ другой стороны долговременное и широкое примѣненіе этого идеала естественно

*) Лихачева, II, 267—273.

Digitized by Google

возбуждаетъ вопросъ о томъ, нѣтъ ли какихъ либо болѣе серьезныхъ основаній для этого идеала, помимо переходящаго, измѣнчиваго историческаго положенія женщины. Такія основанія дѣйствительно имѣются.

Какъ бы въ будущемъ ни измѣнились права и положеніе женщины, но, вслѣдствіе особенностей своего организма, женщина всегда останется распорядительницею дома, устроительницею семьи, семейный очагъ ей всегда будетъ ближе, чѣмъ мужчинѣ. Боги женщинъ—лары и пенаты, женская религія есть семейная религія. Оставаясь же распорядительницею и устроительницею семейнаго быта, женщина болѣе мужчины нуждается въ эстетическомъ развитіи, чтобы сообщить эстетическій оттѣнокъ всему домашнему распорядку и его принадлежностямъ.

Въ самой природѣ женщины заложена въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ природѣ мужчины, эстетическая потребность, въ женщинѣ постоянно бьется эстетическая жилка. Чувство любви имѣетъ въ жизни женщины болѣе глубокое значеніе, чѣмъ въ жизни мужчины. Все то, что связано съ этимъ чувствомъ, что можетъ его усиливать и возбуждать, поэтому болѣе важно въ глазахъ женщины, чѣмъ мужчины. А вся эстетическая сторона жизни имѣетъ самую тѣсную связь съ чувствомъ любви. Животный міръ представляетъ намъ тотъ фактъ, что животныя наиболѣе блистаютъ своей красотой подъ вліяніемъ могучихъ чаръ любви, въ періодъ любви раздаются, соловьиныя пѣсни и трели, въ пору любви животныя получаютъ наиболѣе роскошную окраску, подъ вліяніемъ любовнаго возбужденія животныя поражаютъ ловкостью и энергіею движеній. Любовь и красота—родныя сестры, вмѣстѣ проходящія свой жизненный путь; увядаетъ одна, слабѣетъ и другая; когда красота и близкія ей молодость и свѣжесть погибаютъ, тогда вмѣстѣ съ ними гибнетъ и любовь.

Эстетичность отвѣчаетъ особенностямъ склада женскаго ума. Преобладаніе эстетичности предполагаетъ наклонность къ наглядному, цѣльному, законченному; прекрасное есть нѣчто, доступное воспріятію органовъ внѣшнихъ чувствъ, матерія, симметрично расположенная, имѣющая опредѣленную изящную форму; прекрасное есть нѣчто закругленное, цѣльное, чуждое всякихъ отвлеченій, понятное съ перваго взгляда. А женское мышленіе и характеризуется стремленіемъ къ наглядности, къ пониманію предметовъ въ цѣломъ, нерасположеніемъ къ отвлеченностямъ. На всемъ женскомъ мышленіи лежитъ печать художественности, поэтому эстетичность есть свойство родное, близкое женщинамъ, входитъ въ ихъ физическую и психическую природу.

Такимъ образомъ эстетическій идеалъ женскаго образованія не есть плодъ только историческаго бѣдственнаго положенія женщины, онъ имѣетъ опору въ самой природѣ женщины. Поэтому его нельзя признавать абсолютно ложнымъ, а лишь крайне односторонним, преувеличеннымъ, въ одно и то же время и сантиментальнымъ и унизительнымъ. Эстетичность должна быть

Digitized by Google

видным элементомъ женскаго образовательнаго идеала, но ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть всѣмъ, самымъ существомъ его. Эстетичность не должна подавлять и заслонять собою насущныхъ потребностей женскаго образованія, не должна превращать женщину изъ работницы въ обществѣ только въ его украшеніе, въ какой-то изящный, но не необходимый, завитокъ на зданіи или колоннѣ. Женщина есть, какъ и мужчина, полезная работница, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изящное существо. Съ такими мыслями мы переходимъ въ область другого идеала—утилитарнаго.

II.

Утилитарный идеалъ.

Утилитарный идеалъ женскаго образованія возникъ очень давно и развивался параллельно съ эстетическимъ. Въ историческомъ положеніи женщины были такія времена, когда женщина приравнивалась къ вьючному животному и изъ нея извлекали соотвѣтственную пользу. Идеаломъ женщины у многихъ древнихъ народовъ была, по преимуществу, домовитая хозяйка и хорошая мать; общественная дѣятельность не считалась удѣломъ женщины, а потому была предоставлена ей въ совершенно ничтожныхъ размѣрахъ. Такой же идеалъ мы находимъ и въ христіанскомъ мірѣ, теоретически онъ отчетливо выраженъ въ XVII вѣкѣ Фенелономъ и въ XVIII—Жанъ-Жакомъ Руссо.

Фенелонъ полагалъ, что образованіе какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, должно ограничиваться знаніемъ того, что имъ предстоитъ дѣлать. Въ частности, при воспитаніи дѣвушки, нужно обращать вниманіе на сословіе, къ которому она принадлежитъ, на мѣсто, гдѣ ей придется жить, на призваніе, которому она впослѣдствіи себя посвятитъ. А каково будущее призваніе дѣвушекъ, каковы предстоящія имъ обязанности? Дѣвушкѣ придется быть матерью и воспитательницею своихъ дѣтей, вести хозяйство, наблюдать за прислугой, прежде же всего быть хорошею искреннею христіанкою. Поэтому каждая дѣвушка должна получать тщательное религіозное образованіе, которое составляетъ самое главное и существенное дѣло во всей системѣ женскаго воспитанія. Затѣмъ дѣвушка должна быть ознакомлена съ пріемами воспитанія дѣтей, чтобы быть въ состояніи воспитывать мальчиковъ до извѣстнаго возраста, а дѣвочекъ—до поступленія ихъ въ монастырскую школу или до выхода замужъ. Женщина не должна пренебрегать домоводствомъ. Нѣкоторыя женщины думаютъ, что веденіе дома ниже ихъ достоинства, но такое мнѣніе совершенно ошибочно, каждая женщина должна быть хозяйкой и домоправительницей. Нуженъ серьезный и широкій умъ, чтобы знать все, что касается хозяйства, чтобы быть въ состояніи управлять всѣмъ, относящимся до семьи, и прислугой. Собственно изъ

Digitized by Google

теоретическихъ знаній женщина должна пріобрѣсть слѣдующія: выучиться правильно и отчетливо читать и писать. Фенелонъ жалуется, что многія женщины читаютъ съ остановками, какъ будто заикаясь, или однотонно, дѣлаютъ грубыя ошибки въ орѳографіи, пишутъ крайне неразборчиво и едва связываютъ буквы. За искусствомъ чтенія и письма должно слѣдовать обученіе ариѳметикѣ въ объемѣ четырехъ дѣйствій. Для многихъ учащихся и особенно для дѣвицъ ариѳметика трудное занятіе, но привычка облегчитъ дѣло и побѣдитъ нерасположеніе. А знаніе ариѳметики важно для дѣвицы. «Извѣстно, что кто хорошо считаетъ, тотъ хорошо ведетъ домъ». Не мѣшаетъ ознакомить дѣвушекъ съ элементами законовѣдѣнія, какъ, напримѣръ, съ различіемъ между завѣщаніемъ и дарственною, съ контрактомъ и т. п., что очень пригодится въ жизни; но собственно къ изученію науки и преодоленію встрѣчающихся въ ней трудностей дѣвушки неспособны. Въ образовательный курсъ дѣвицъ слѣдуетъ внести знакомство съ греческой, римской и отечественной исторіей, а равно и съ исторіей сосѣднихъ народовъ; изъ иностранныхъ языковъ предпочтительнѣе латинскій, какъ языкъ церкви; знаніе итальянскаго и испанскаго, которые изучали дѣвушки времени Фенелона, онъ считаетъ безполезнымъ. Чтеніе поэтическихъ и ораторскихъ произведеній должно быть допускаемо съ большимъ выборомъ, во избѣжаніе слишкомъ сильнаго возбужденія воображенія. Такую же осторожность нужно соблюдать и въ отношеніи музыки; религіозная музыка можетъ доставлять большое наслажденіе. Наконецъ, полезно въ женскомъ курсѣ и рисованіе, такъ какъ безъ него нѣкоторыя женскія работы не могутъ быть хорошо выполнены *).

Таковъ идеалъ Фенелона относительно женскаго образованія. Очевидно, утилитарность составляетъ его выдающуюся черту.

Подобный же идеалъ мы встрѣчаемъ въ XVIII вѣкѣ у Жанъ-Жака Руссо. Разница между идеалами Фенелона и Руссо будетъ заключаться въ томъ, что Фенелонъ требовалъ отъ женщины болѣе серьезности, религіозности и практицизма, чѣмъ Руссо, идеалъ котораго болѣе свѣтскій, болѣе блестящій и изящный, чѣмъ идеалъ Фенелона. Эстетичность—видная черта идеала Руссо, хотя она и не стоитъ у него на первомъ планѣ. Онъ и мужчинамъ совѣтуетъ ограничиться въ занятіяхъ лишь полезными знаніями, а для женщинъ такой совѣтъ признаетъ еще болѣе важнымъ.

По мнѣнію Руссо, природа и разумъ предписали женщинамъ сосредоточить всѣ свои заботы на хозяйствѣ и семьѣ. «Достоинство женщины заключается въ томъ, чтобы скрываться въ неизвѣстности; слава ея заключается въ уваженія мужа; удовольствія—въ счастіи семьи». «Зависимость есть состояніе, свойственное женщинамъ, дѣвушки чувствуютъ себя созданными для повиновенія». Поэтому первымъ и самымъ главнымъ качествомъ жен-

*) De l'Education des filles. Chap. XI, XII.

Digitized by Google

щины должна быть кротость. Созданная для повиновенія такому несовершенному существу, какъ мужчина, весьма часто преисполненному пороками и всегда недостатками, женщина съ раннихъ поръ должна терпѣть несправедливость и сносить вины мужа безъ жалобы, она должна быть кроткой не для него, а для себя.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы женщину нужно было воспитывать въ полномъ невѣжествѣ, ограничивая ея занятія одними заботами о хозяйствѣ. Природа надѣлила женщинъ пріятнымъ и гибкимъ умомъ, она хочетъ, чтобы женщины думали, судили, любили, знали, чтобы онѣ украшали свой умъ такъ же, какъ и свое лицо. «Женщины должны учиться многому, но только тому, что имъ прилично знать».

Прежде всего дѣвочкамъ слѣдовало бы учиться считать, потому что ничто не представляетъ болѣе осязательной пользы во всякое время, не требуетъ большей привычки и не ведетъ къ такимъ ошибкамъ, какъ счеты. Совершенно излишне стараться выучить дѣвочку, какъ можно раньше, читать, почти всѣ дѣвочки неохотно учатся читать и писать, за то по цѣлымъ днямъ возятся съ куклами, охотно учатся владѣть иголкой, шьютъ, вышиваютъ, плетутъ кружева, рисуютъ. «Изслѣдованіе отвлеченныхъ и умозрительныхъ истинъ, принциповъ, аксіомъ въ наукахъ, все, что клонится къ обобщенію идей, не подъ стать женщинамъ; всѣ ихъ занятія должны касаться практической жизни; имъ предстоитъ дѣлать примѣненія началъ, открываемыхъ мужчиной, имъ слѣдуетъ дѣлать наблюденія, которыя приводятъ мужчину къ установленію этихъ принциповъ. Всѣ размышленія женщинъ во всемъ, что не связано непосредственно съ ихъ обязанностями, должны быть направлены къ изученію людей или пріобрѣтенію пріятныхъ знаній, цѣль которыхъ — вкусъ; что же касается геніальныхъ трудовъ, то они недоступны имъ, у нихъ также нѣтъ достаточной трезвости ума и внимательности, чтобы успѣшно заниматься точными науками». Женщины должны преимущественно посвятить себя изученію ума и сердца мужчинъ, не въ отвлеченности ума и сердца мужчины, вообще, но мужчинъ, окружающихъ ихъ, мужчинъ, на которыхъ онѣ должны научиться—заставлять исполнять свои желанія. Нужно, чтобы женщина научалась изъ рѣчей мужчинъ, ихъ поступковъ, ихъ взглядовъ, ихъ движеній догадываться объ ихъ чувствахъ. Нужно, чтобы женщина своими рѣчами, своими поступками, своими взглядами, своими движеніями умѣла внушать мужчинамъ чувства, какія ей угодно, ни мало, повидимому, о томъ не заботясь. Мужчины лучше женщины будутъ философствовать о человѣческомъ сердцѣ; но она лучше ихъ будетъ читать въ сердцахъ людей. «Свѣтъ—вотъ книга для женщинъ».

Женской учености Руссо боялся. «Я во сто разъ охотнѣе примирился бы, говоритъ онъ, съ простой и грубо воспитанной дѣвушкой, нежели съ ученой дѣвой и синимъ чулкомъ, которая учредила бы въ моемъ домѣ литературное судилище и заняла бы мѣ-

Digitized by Google

сто его предсѣдательницы. Жена—синій чулокъ есть бичъ для мужа, дѣтей, друзей, лакеевъ, для всѣхъ. Съ высоты своего гордаго генія она пренебрегаетъ всѣми женскими обязанностями... Всякая ученая дѣвушка просидитъ въ дѣвушкахъ всю жизнь, когда мужчины поумнѣютъ на землѣ». Поэтому свой идеалъ женщины—Софью—Руссо изображаетъ такъ: Софья хорошо одарена отъ природы, имѣетъ добрый нравъ и весьма чувствительное сердце. Умъ у нея не столько точенъ, сколько проницателенъ, характеръ уживчивый, хотя и неровный. Софья религіозна и любитъ добродѣтель. Она не красавица, лицо у ней обыкновенное, но возлѣ нея мужчины забываютъ красивыхъ женщинъ, а красивыя женщины чувствуютъ недовольство собой. Софья любитъ наряды и знаетъ въ нихъ толкъ. У ея матери нѣтъ другой горничной, кромѣ нея, у ней много вкуса и она умѣетъ одѣться къ лицу. Она не знаетъ, какіе цвѣта въ модѣ, но отлично знаетъ, какіе къ ней идутъ. Лучше всего Софья знаетъ—и чему ее заботливѣе обучали,—это—работы, приличныя ея полу, даже такія, о которыхъ другія не думаютъ, какъ, напримѣръ, кроить и шить свои платья. Но работа, которую она предпочитаетъ всякой другой, это — плетеніе кружевъ. Она знаетъ толкъ въ кухонномъ дѣлѣ, цѣна провизіи ей извѣстна. Она очень хорошо умѣетъ вести счета и служитъ дворецкимъ для своей матери. У Софьи вкусъ свойственный ея полу: она любитъ все молочное и сахарное, она любитъ пирожное и entremets, но не любитъ говядины; она никогда не пробовала ни вина, ни крѣпкихъ напитковъ; вообще она ѣстъ съ большою умѣренностью *).

У насъ при Екатеринѣ II въ женскомъ образованіи господствовалъ эстетическій идеалъ съ небольшою примѣсью элементовъ гражданскихъ и общечеловѣскихъ. Во время завѣдыванія женскими учебными заведеніями Императрицы Маріи Ѳеодоровны получилъ преобладаніе утилитарный идеалъ, «людскость», т. е. свѣтскій лоскъ и эстетичность, отошла на второй планъ. Императрица Марія Ѳеодоровна хотѣла, чтобы институты приготовляли изъ воспитанницъ «добрыхъ супругъ, хорошихъ матерей и хорошихъ хозяекъ». Въ то время твердо держались принципа, что «въ качествѣ хозяйки женщина достойный и полезный членъ государства». Такой утилитарный идеалъ нашелъ себѣ прекрасное выраженіе въ книгѣ «Отеческіе совѣты моей дочери», сочиненной нѣмцемъ Кампе и переведенной на русскій языкъ въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія Яценковымъ. Переводъ былъ посвященъ Императрицѣ и снабженъ примѣчаніями переводчика и еще неизвѣстнаго лица, можетъ быть, самой Императрицы. Въ посвященіи переводчикъ говоритъ, что книга «Отеческіе совѣты» принята въ Германіи «со всеобщей похвалою и даже одобреніемъ Высокихъ особъ». «Отеческіе совѣты» читались въ женскихъ институтахъ въ видѣ классной книги. Такимъ обра-

*) Эмиль, кн. V.

Digitized by Google

зомъ въ сочиненіи Кампе мы имѣемъ такое произведеніе, которое пользовалось большимъ почетомъ и широкимъ распространеніемъ въ Германіи и Россіи. Каковъ же идеалъ женскаго образованія, изображаемый въ «Отеческихъ совѣтахъ»?

Авторъ старается доказать женщинамъ, что имъ весьма вредны занятія науками, искусствами и иностранными языками.

Для женщины вообще, а для супруги и хозяйки въ особенности, совсѣмъ не нужны науки и «ученыя свѣдѣнія», если она не хочетъ навлечь на себя «справедливое нареканіе и презрѣніе». «На что, спрашиваетъ авторъ, женщинѣ обширныя и глубокія свѣдѣнія, если она не можетъ употребить ихъ на пользу ни въ кухнѣ, ни въ кладовой, ниже въ кругу своихъ пріятельницъ и наконецъ ни въ какомъ мѣстѣ политическаго и ученаго свѣта; если она даже не смѣетъ выказать ихъ, развѣ учиниться предметомъ общаго посмѣянія»? Такого мужа, который «на столько былъ бы помѣшанъ умомъ, что измѣрялъ бы достоинства супруги ученымъ масштабомъ по длинѣ, ширинѣ и толщинѣ ея свѣдѣній въ литературѣ», авторъ не желаетъ своей дочери; онъ увѣряетъ ее, что всякому мужу пріятнѣе въ часы отдохновенія, «вмѣсто всякихъ диссертацій и ученыхъ разговоровъ, слышать счетъ, который жена ему предложитъ о своихъ экономическихъ распоряженіяхъ, и похвалять причины, которыя побудили ее поступать въ домашнихъ дѣлахъ такъ, а не иначе». Для женщины, какъ матери, нужны, по взгляду автора, не ученость, а здравый смыслъ «при совѣтахъ благомыслящаго мужа». Ученость не только безполезна, она вредна, не только женщинамъ, но и мужчинамъ, потому что «ученые слабы здоровьемъ». Но мужчины легче переносятъ неблагопріятныя условія жизни, «а для васъ, обращается авторъ къ женщинамъ, гнетущій васъ панцырь, сіи вредоносныя шнуровки, усугубляютъ вредныя слѣдствія продолжительной сидячей жизни». Ученость, по мнѣнію автора, «подлинная язва душевная», и служитъ «непримѣтнымъ препятствіемъ счастливой жизни супружества и хорошаго воспитанія и ужъ погубила премногія фамиліи, особливо вышнихъ состояній» видѣть что «огорчительно». Изъ учености разочарованіе въ жизни, а у женщинъ—разочарованіе въ мужѣ, «ипохондрическая унылость, безпокойство, грусть, нерѣдко и безуміе». И въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ авторъ, «можетъ ли женщина, всѣ мысли которой заняты литературою, ставить высочайшее свое благополучіе въ одобреніи и любви мужа, когда она съ алчностью ищетъ хвалы цѣлой публики? Можетъ ли она заниматься своимъ хозяйствомъ, дѣйствовать согласно съ своимъ опредѣленіемъ на воспитаніе дѣтей своихъ и на нравы служителей, когда она желаетъ дѣйствовать на все общество, на все человѣчество?» Переводчикъ, съ своей стороны, замѣтилъ, что авторъ справедливо осуждаетъ своихъ соотечественницъ, что онѣ ищутъ увѣковѣчить свое имя учеными произведеніями и блистать въ кругу авторовъ, *не получивъ къ тому права отъ природы*. Въ

Digitized by Google

русскихъ же женщинахъ переводчикъ усматриваетъ противоположный недостатокъ—пренебреженіе чтеніемъ и книгами.

Занятія изящными искусствами также не соотвѣтствуютъ природѣ и положенію женщины, они «ослабляютъ нервы, дѣлаютъ насъ слишкомъ чувствительными ко всему, что раздражаетъ слухъ разногласіемъ или мерзитъ глазамъ отвратительными красками и гнусными видами, и прочія чувства оскорбляетъ сильными или противными впечатлѣніями. А хорошая хозяйка, прибавляетъ авторъ, должна быть наименѣе чувствительна къ таковымъ непріятностямъ, ибо въ домоводствѣ не избѣжишь ихъ, особливо въ кухнѣ и въ дѣтской, главныхъ мѣстахъ, гдѣ ея присутствіе необходимо нужно». Кромѣ того занятіе изящными искусствами вредно для женщины и потому, что для успѣха всякаго дѣла нужно и «пристойное ему» расположеніе духа, «а всего болѣе бываетъ несходно расположеніе духа, которое рождается въ насъ отъ упражненій въ изящныхъ наукахъ и художествахъ, и то, которое нужно для важнаго званія хозяйки».

Изъ искусствъ авторъ позволяетъ женщинѣ заниматься музыкой и рисованіемъ, но въ той степени, чтобы «не пренебрегала ради нихъ болѣе нужными и не въ ущербъ занятіямъ своего опредѣленія». Эти занятія, «если для нихъ останется время», авторъ допускаетъ съ тѣмъ, чтобы дѣвица «была способною утѣшать саму себя и услаждать жизнь будущаго супруга, прогонять печали и заботы и оживлять всю фамилію невинными забавами». Онъ готовъ разрѣшить для нея и танцы, потому что они полезны для здоровья; «но такъ какъ танцы часто служатъ къ удовлетворенію суетности и тщеславія, къ возбужденію безчестныхъ страстей», то ихъ не надо. «Желаю, говоритъ авторъ, обращаясь къ дочери, чтобы ты держала порядочно корпусъ, благопристойно стояла и ходила и при важномъ торжествѣ умѣла бы протанцовать минуэтъ и польскій».

Изученіе женщинами иностранныхъ языковъ авторъ признаетъ не только безполезнымъ, «ибо такое изученіе не нужно для супруга и для хозяйства», но даже вреднымъ, ибо требуетъ много времени и можетъ развить тщеславіе. Въ этомъ пунктѣ русскій переводчикъ сочиненія не согласился съ нѣмецкимъ авторомъ,—и призналъ, что «для русской дѣвицы средняго состоянія это изученіе необходимо... Россійская литература, разсуждаетъ переводчикъ, еще такъ бѣдна, что должна много почерпать отъ иностранцевъ... Россія недавно только стала освѣщена зарею просвѣщенія... Но утѣшься, Россъ, любящій свое отечество!» восклицаетъ переводчикъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ вѣнчанныя Главы приняли въ высокое свое покровительство науки и художества, скоро, скоро благотворное свѣтило просвѣщенія въ полномъ блескѣ возсіяетъ надъ россійскимъ горизонтомъ!»

Каковъ же, по автору, идеалъ женщины и женскаго образованія? Въ заключеніе своихъ совѣтовъ дочери авторъ книги приходитъ къ тому выводу, что для благополучія мужа женщина должна

Digitized by Google

быть прежде всего «совершенная швея, ткачиха, чулочница и кухарка, должна раздѣлить свое существованіе между дѣтскою, кухнею, погребомъ, амбаромъ, дворомъ и садомъ; должна цѣлый день летать съ одного мѣста на другое. Угощая гостей мужа, не должна сидѣть на софѣ, какъ прикованная; должна быть совершенная счетчица, особенно хорошо считать въ умѣ, чтобы при покупкахъ не обманываться». А затѣмъ, «если останется время», благовоспитанная женщина можетъ развивать и другія свои способности и силы душевныя, какія нужны къ собственному ея благополучію, къ удовольствію просвѣщеннаго ея супруга, къ благоразумному надзиранію надъ малолѣтними дѣтьми обоего пола и особенно къ совершенному воспитанію будущихъ ея дочерей *).

Относительно утилитарнаго идеала женскаго образованія нужно сказать то же, что замѣчено и объ эстетическомъ идеалѣ. Утилитарный идеалъ, какъ и эстетическій, основывается не только на историческомъ положеніи, но и на самой природѣ женщинъ. Свойства женской натуры таковы, что дѣлаютъ ее болѣе расположенной и способной къ домашней тихой дѣятельности, чѣмъ мужчину. Пока человѣчество будетъ жить семьями, отдѣльными очагами, до тѣхъ поръ кому либо необходимо—мужчинѣ или женщинѣ—вести хозяйство, вести домъ. Женщина пригоднѣе для этого дѣла, чѣмъ мужчина. Ея умъ трезвъ и практиченъ, женщина мало способна увлекаться фантазерствомъ, чрезвычайно отдаленными цѣлями и задачами, она прекрасно умѣетъ найти средства для достиженія своихъ цѣлей. Меньшая способность женщинъ къ передвиженію, ихъ наклонность къ осѣдлой и отчасти даже къ сидячей жизни, необходимость болѣе внимательнаго отношенія къ своему физическому организму, наклонность женщинъ къ различнымъ видамъ ручного труда и ихъ искусство въ немъ—всѣ эти физическія и душевныя особенности женщины дѣлаютъ изъ нея прирожденную хозяйку и домоправительницу. И было бы несправедливо думать, что хозяйство и домоводство не требуютъ ума, знаній, таланта, какъ полагаютъ многія женщины, это дѣло очень трудное и сложное, предполагающее разностороннія знанія, большой тактъ и твердый выдержанный характеръ. Прямо можно сказать, что домъ—маленькое государство и чтобы вести хорошо домъ и семью, нужно много способностей. Не даромъ китайцы твердо держатся того взгляда, что государство есть расширенная семья, что гражданскія добродѣтели суть расширенныя семейныя добродѣтели.

Во всей своей совокупности утилитарный идеалъ женскаго образованія представляется крайне одностороннимъ, далеко не охватывающимъ всего существа женщины, а въ нѣкоторыхъ своихъ частныхъ формахъ прямо смѣшнымъ. Защитники его думаютъ, что женщина будетъ тѣмъ полезнѣе, чѣмъ меньше она будетъ знакома съ наукой, чѣмъ дальше будетъ отъ искусствъ, чѣмъ слабѣе будутъ ея знанія въ иностранныхъ языкахъ и литературахъ. Что

*) Лихачева, Матеріалы, I, 172—183.

Digitized by Google

это за семья, которая руководится женщиной безъ научнаго и эстетическаго образованія? Это не семья, а гнѣздо, преслѣдующее крайне мизерныя и притомъ чисто эгоистическія стремленія. Съ точки зрѣнія утилитарнаго идеала, женщина никогда не должна выглядывать изъ своего гнѣзда—семьи; что дѣлается съ человѣчествомъ—это ея совсѣмъ не касается; что дѣлается съ отечествомъ—объ этомъ также ей заботиться нечего, не ея ума, не ея призванія дѣло; дѣтская и кухня—вотъ ея вѣковѣчный удѣлъ. Въ такихъ идеалахъ женщина изображается не человѣкомъ, а какой-то насѣдкой, имѣющей спеціальную задачу—выводить цыплятъ и на этомъ покачивающей всѣ свои подвиги. Что дѣлать женщинамъ, у которыхъ дѣти подросли или умерли, которыя совсѣмъ не имѣли дѣтей и не имѣли своей семьи—объ этомъ совсѣмъ не говорится, какъ будто подобныхъ женщинъ и не существуетъ. А на самомъ дѣлѣ ихъ много, очень много. Вообще утилитарный идеалъ, гонясь за возможно большею полезностью женскаго труда и образованія, наконецъ становится такимъ сухимъ и такимъ тощимъ, что изъ него ничего не остается, ничего не выходитъ, кромѣ идеала женщины, какъ кухарки и швеи, и онъ оказывается безплоднымъ. Всякія утилинарности и спеціальности, не основывающіяся на общечеловѣческомъ образованіи, на гуманитарномъ воспитаніи, даютъ всегда весьма плохіе результаты. Поэтому утилитарный идеалъ женскаго образованія, взятый во всей своей совокупности, фальшивъ и односторонень по самому существу. Но, подобно эстетическому идеалу, его нельзя отвергать всецѣло, онъ не сплошное заблужденіе, въ немъ есть нѣкоторая доля истины. Утилитарный идеалъ женскаго образованія внушаетъ мысль о необходимости жизненной постановки женскаго образованія, о важности для женщинъ профессіональныхъ знаній и искусствъ, практичности всего женскаго воспитанія. Поэтому нѣкоторые элементы утилитарнаго идеала должны войти въ составъ болѣе широкаго идеала, который имѣлъ бы въ виду не только одну сторону, одно свойство женскаго существа, но строился бы на широкой основѣ всей женской натуры, имѣлъ бы живое отношеніе ко всѣмъ особенностямъ женщины, физическимъ и психическимъ. Но прежде всего слѣдовало выдвинуть впередъ общечеловѣческія свойства женщины, что и сдѣлано въ общечеловѣческомъ идеалѣ женскаго образованія.

III.

Общечеловѣческій идеалъ.

Общечеловѣческій идеалъ женскаго образованія возникъ вслѣдствіе измѣнившагося взгляда на природу и положеніе женщины, вслѣдствіе признанія за женщиной ея человѣческихъ правъ. Разсматривать женщину только какъ спутницу мужчины, только какъ ползучее слабое растеніе, обвившееся вокругъ могучаго дуба, ока-

Digitized by Google

зывалось неудобнымъ. Женщина не раба мужчины и ея назначеніе не исчерпывается доставленіемъ ему удовольствій или полезныхъ услугъ, женщина есть такое же самостоятельное существо, какъ и мужчина, она вступаетъ съ нимъ въ равноправный союзъ. Отношеніе между мужчиной и женщиной должно быть отношеніемъ взаимной зависимости, совмѣстной дружной работы, обоюднаго восполненія другъ друга, а не подчиненіе одного другому. Идею господства и подчиненія нужно изгнать изъ отношенія мужчинъ и женщинъ, это два равноспособныя и правоспособныя существа, вступающія въ свободный союзъ не ради господства и подчиненія, а ради болѣе полной, разносторонней жизни и плодотворной дѣятельности.

Эти мысли о равноправности мужчинъ и женщинъ и объ изгнаніи подчиненія изъ союза между мужчинами и женщинами естественно приводили къ предположенію, что по душевнымъ свойствамъ мужчины и женщины одинаковы. Каковъ умъ у мужчины, таковъ и у женщины, по своему существу; женское сердце способно къ такимъ же чувствованіямъ, какъ и мужское. Да и странно было бы предполагать, повидимому, различіе въ душѣ подъ вліяніемъ пола: душа пола не имѣетъ, различіе половое исключительно анатомо-физіологическое, но не психологическое. Если же мужчины и женщины по своей душевной природѣ одинаковы, то и образованіе ихъ должно быть также одинаковымъ. Нѣтъ учебныхъ предметовъ и наукъ мужскихъ и женскихъ, нѣтъ учебныхъ курсовъ мужскихъ и женскихъ, есть только общечеловѣческіе воспитательные идеалы, общечеловѣческіе образовательные курсы. Странно было бы говорить о мужской ариѳметикѣ и женской, о мужской и женской физикѣ, химіи, исторіи, алгебрѣ и пр., различеніе наукъ и учебныхъ предметовъ, а вмѣстѣ и образовательныхъ курсовъ по поламъ кажется нелѣпостью. Поэтому нечего заботиться о созданіи системъ женскаго образованія, ихъ нѣтъ и не можетъ быть, женщинъ нужно учить тому же и такъ, чему и какъ учатъ мужчинъ, воспитывать дѣвочекъ слѣдуетъ такъ же, какъ воспитываютъ мальчиковъ. Одинаковость мужчинъ и женщинъ по душѣ влечетъ за собою, какъ неизбѣжное логическое слѣдствіе, одинаковость мужскаго и женскаго образованія, тѣ же предметы, ту же постановку.

Современное женское образованіе у насъ, въ Россіи, построено на мысли объ одинаковости духовной природы мужчинъ и женщинъ, съ безмолвнымъ допущеніемъ еще того добавочнаго взгляда, что способности женщинъ, будучи качественно одинаковыми со способностями мужчинъ, нѣсколько слабѣе послѣднихъ по силѣ, по напряженности и энергіи. Поэтому женское образованіе есть сколокъ съ мужского и принципіально, по существу, совершенно одинаково съ мужскимъ. Главнѣйшими источниками просвѣщенія и развитія какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, признаются языки и математика, которые и примѣняются въ мужскихъ и женскихъ школахъ такъ: въ мужскихъ школахъ древніе языки, въ

Digitized by Google

женскихъ—новые; въ мужскихъ—довольно серьезный курсъ математики, въ женскихъ—полегче. Методы преподаванія, общая планировка курса, репетиціи, экзамены, переводы, классы—все это, по существу, совершенно одинаково въ мужскихъ и женскихъ школахъ. Разница между мужскими и женскими образовательными курсами сводится, главнымъ образомъ, къ тому, что женскій курсъ вообще легче мужского, что онъ есть разжиженный и облегченный мужской курсъ. Ничего оригинальнаго въ немъ нѣтъ. Высшее женское образованіе принципіально одинаково съ мужскимъ, но, какъ и среднее, нѣсколько полегче.

Что отношенія между мужчинами и женщинами должны быть отношеніями взаимной зависимости, совмѣстной дружной работы, обоюднаго восполненія другъ друга, а не подчиненія одного другому—всѣ эти мысли совершенно справедливы. Но дѣлаемый отсюда выводъ объ одинаковости душевной природы мужчинъ и женщинъ совершенно неправиленъ. Никто не будетъ отрицать, что между мужчинами есть болѣе или менѣе значительныя различія въ складѣ ума, характера, чувствованій, въ развитіи желаній, страстей и пр. А женщины больше отличаются отъ мужчинъ во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ мужчины отъ мужчинъ, анатомо-физіологическія особенности женщинъ обусловливаютъ своеобразные оттѣнки ихъ мышленія, чувствованій и характера. Это неизбѣжный выводъ. Человѣкъ въ здравомъ умѣ и трезвой памяти не можетъ такъ разсуждать: особенности въ физическомъ складѣ мужчинъ, въ строеніи ихъ нервной системы и обусловливаемыя ими различія въ развитіи душевныхъ способностей производятъ весьма значительную неодинаковость душевнаго міра мужчинъ; а несравненно большія анатомо-физіологическія особенности женскаго организма не обусловливаютъ, будто бы, никакихъ своеобразныхъ различій въ душевномъ складѣ и исторіи развитія женщинъ. Итакъ своеобразность душевнаго міра женщинъ, ихъ неодинаковость въ душевномъ отношеніи съ мужчинами не можетъ подлежатьникакому сомнѣнію. Весь вопросъ въ томъ: насколько велики и существенны эти различія, какъ далеко простирается неодинаковость.

Отвѣтить на этотъ вопросъ въ двухъ словахъ невозможно, для настоящаго отвѣта требуется представить болѣе или менѣе обширное изслѣдованіе по психологіи женщины. Мы произвели такое изслѣдованіе и въ данномъ случаѣ можемъ только сослаться на него *). Сходства между мужчинами и женщинами въ психическомъ отношеніи, какъ и въ физическомъ, родовыя, существенныя, а различія—видовыя, менѣе коренныя, хотя и очень важныя. Въ настоящемъ случаѣ мы коснемся собственно педагогической стороны, указывая на душевныя особенности женщинъ тамъ, гдѣ это нужно.

Относительно развитія системъ женскаго образованія въ дальнѣйшемъ будущемъ можно сдѣлать три предположенія, которыми

*) Душевныя свойства женщинъ. СПБ. 1895 г.

Digitized by Google

логически исчерпываются всѣ существенныя возможности въ измѣненіяхъ женскаго образованія: 1) оно останется въ настоящемъ видѣ, т. е. принципіально одинаковымъ съ мужскимъ и отличнымъ отъ него лишь по нѣкоторымъ средствамъ и по нѣсколько меньшему объему: 2) оно можетъ стремиться къ полному уравненію съ мужскимъ образованіемъ, къ одинаковости не только принципіальной, но и во всѣхъ средствахъ и въ объемѣ; 3) оно можетъ стремиться, на почвѣ общечеловѣческихъ цѣлей и идеаловъ, къ созданію особенной, болѣе или менѣе своеобразной учебно-воспитательной системы, примѣнительной къ психическимъ особенностямъ женской природы и обусловливаемому ими положенію женщинъ въ обществѣ.

Современное положеніе женскаго образованія по основной своей идеѣ правильно, неправильно же по средствамъ и по постановкѣ. Женское образованіе принципіально должно быть одинаковымъ съ мужскимъ, такъ какъ въ основѣ природа мужчинъ и женщинъ одна и та же, и разница между ними касается дополнительныхъ, видовыхъ свойствъ. Но этимъ свойствамъ разница въ образованіи женщинъ сравнительно съ образованіемъ мужчинъ нисколько не отвѣчаетъ, разница есть плодъ преданія и нѣкоторой спѣшности въ устройствѣ женскихъ школъ. Женщины требовали себѣ болѣе или менѣе серьезнаго образованія. Признано было справедливымъ удовлетворить ихъ требованія, и вотъ спѣшно состряпали для нихъ курсъ, принципіально одинаковый съ мужскимъ, но только послабѣе мужского и съ замѣной древнихъ языковъ новыми. Новые языки женщины давно и усердно изучали, сначала итальянскій, потомъ французскій; эстетическій идеалъ требовалъ подобныхъ знаній, и вотъ это испробованное, традиціонное средство было внесено въ новый курсъ женскаго образованія; въ то же время серьезнѣе поставлена математика, усилены другіе образовательные предметы и такимъ образомъ возникла современная система женскаго образованія. Она есть плодъ борьбы, добыча, захваченная женщинами съ бою, нѣчто состряпанное наскоро, не вполнѣ продуманное и взвѣшенное и въ то же время нѣчто традиціонное. Нынѣ дѣйствующая система женскаго образованія есть просто моментъ, хотя и необходимый, въ исторіи женскаго образованія; но признать нынѣшнюю систему женскаго образованія окончательнымъ образовательнымъ идеаломъ, дальше котораго идти некуда и незачѣмъ, невозможно. Да въ настоящее время, кажется, мало и защитниковъ неприкосновенности современной образовательной женской системы, всѣми чувствуется ея временный, переходный характеръ.

Если же въ дѣлѣ женскаго образованія необходимо двинуться впередъ, то куда же? Не стремиться ли къ полному уравненію женскихъ школъ съ мужскими? Такое стремленіе въ настоящее время существуетъ, у насъ есть нѣсколько женскихъ гимназій съ двумя древними языками и вообще съ курсомъ мужскихъ гимназій. Въ печати точно также время отъ времени высказываются взгляды,

Digitized by Google

что единственная, истинно образовательная, система и для женщинъ есть классицизмъ, и что только по нуждѣ онъ и въ женскомъ образованіи можетъ быть замѣняемъ какою либо другою системою *).

Какъ единичныя явленія, женскія школы съ курсомъ мужскихъ, можетъ быть, имѣютъ право на существованіе, можетъ быть, онѣ кому нибудь нужны и полезны; но какъ общее явленіе, какъ выраженіе системы женскаго образованія, такія школы были бы совершенно нераціональны по нѣсколькимъ причинамъ.

Ни для кого не составляетъ секрета, что традиціонныя основы мужского образованія въ настоящее время колеблются, что прежней не сокрушимой вѣры въ неизбѣжность и спасительность для всѣхъ мальчиковъ изученія древнихъ языковъ нѣтъ, что теперь изыскиваются новые пути, новыя основы для мужского образованія. Въ такое время стремиться ко всецѣлому усвоенію, къ буквальному копированію мужской образовательной системы въ женскихъ школахъ нераціонально. Сегодня женскія школы, по подражанію, усвоятъ эту систему, а завтра ее бросятъ мужскія школы. Мода, оставленная барынями, еще держится нѣкоторое время у горничныхъ и кухарокъ; но женщинамъ усвоять въ своемъ образованіи мужскія системы, подлежащія замѣнѣ новыми не въ особенно далекомъ будущемъ, нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній.

Существенный недостатокъ системы мужского образованія заключается въ отсутствіи гибкости и разнообразія, въ ея однообразіи для всѣхъ. Психологія все болѣе и болѣе раскрываетъ намъ разнообразіе человѣческихъ душевныхъ способностей—различные типы умовъ, характеровъ, различія въ людской памяти, въ господствующихъ настроеніяхъ, страстяхъ, темпераментахъ. На все это разнообразіе душевныхъ особенностей, очевидно, требующихъ особыхъ воспитательныхъ средствъ и воздѣйствій для правильнаго своего развитія, господствующая система образованія отвѣчаетъ предложеніемъ одинаковыхъ учебныхъ предметовъ, методовъ, учебниковъ, всего учебно-образовательнаго строя. Когда въ господствующую школу является дитя съ такими особенностями въ душевномъ складѣ, которыя не находятъ себѣ пищи и средствъ развитія въ принятой однообразной учебной системѣ, тогда, не смотря на всѣ свои дарованія, оно объявляется неспособнымъ. Получается неразумное и крайне затруднительное положеніе: школы и образовательныя системы должны создаваться, конечно, для учащихся; а теперь оказывается, что учащіеся существуютъ для системъ. Не образовательныя системы примѣняются къ дѣтямъ, а дѣти должны примѣняться къ образовательнымъ системамъ. Не суббота для человѣка, а человѣкъ для субботы.

Такое вполнѣ извращенное отношеніе между образовательными системами и учащимися дѣтьми обусловливается весьма скуднымъ

*) См. книгу К. В. Женщина какъ залогъ прочной жизни націи. С.-ПБ. 1896. Стр. 333—334, 339 и 344.

Digitized by Google

психологическимъ характеромъ господствующей образовательной системы. Она возникла не потому, чтобы, по изслѣдованіи дѣтской природы и особенностей юношескаго ума, было признано самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ развивать юношество по господствующей системѣ. Нынѣшняя система мужского образованія есть произведеніе нѣкоторыхъ особенностей въ ходѣ культурнаго развитія Западной Европы, отношенія западной культуры къ древней, грекоримской. Психолого-педагогическая мотивировка этой системы была создана и дана ей позднѣе, въ видѣ оправданія существующаго уже факта, а не есть причина его созданія.

При такомъ положеніи мужскаго учебнаго курса стремиться къ полному его усвоенію для женскихъ учебныхъ заведеній не значитъ обнаруживать большую мудрость. Очевидно, основная задача при опредѣленіи состава какъ мужского, такъ и женскаго учебнаго курса будетъ состоять въ томъ, чтобы создать курсъ, приспособленный къ душевнымъ свойствамъ юношей и дѣвушекъ. До тѣхъ поръ, пока педагоги не станутъ на эту психологическую точку зрѣнія, не освободятся отъ гнета всякихъ преданій и предразсудковъ, до тѣхъ поръ измышляемые ими учебные курсы будутъ искусственными, недостаточно обоснованными на данныхъ антропологіи; до тѣхъ поръ ихъ педагогія будетъ фантастической, смѣсью преданій, предразсудковъ, схоластики и крупицъ маленькаго личнаго опыта.

Но оставимъ въ покоѣ мужской образовательный курсъ. Пусть мужская система образованія вполнѣ превосходна и пусть суждено существовать ей до скончанія міра; это все еще не резонъ для усвоенія ея женскими школами. Женщина отличается отъ мужчины не только физически, но и психически, и женская система образованія должна принять во вниманіе особенности женскаго психическаго типа, а не рабски копировать мужскую образовательную систему. И мужская и женская образовательныя системы, несомнѣнно, имѣютъ общія основы и должны быть одинаковыми въ принципахъ; но онѣ должны быть и различными, насколько различны между собою мужчина и женщина. Нелѣпо рекомендовать всѣмъ женщинамъ носить мужской костюмъ или стремиться сшить такой костюмъ, который одинаково бы хорошо пришелся и мужчинамъ и женщинамъ; нелѣпо рекомендовать всѣмъ женскимъ школамъ усвоить курсъ мужскихъ или стремиться создать какой либо общій курсъ, во всѣхъ своихъ частяхъ равно пригодный и для женщинъ и для мужчинъ. У женщинъ долженъ быть свой образовательный идеалъ, имѣющій основы общія съ мужскимъ, но тѣмъ не менѣе отличный отъ него. Что же это за идеалъ? Въ какихъ формахъ его представлять, какія свойства онъ долженъ имѣть?

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

П. Каптеревъ.

Digitized by Google

О сознаніи у простѣйшихъ животныхъ.

Когда Эренбергъ, вооруженный микроскопомъ и хорошими сравнительно анатомическими познаніями, заглянулъ въ каплю воды и началъ изученіе заселяющихъ ее микроскопическихъ существъ, которыхъ мы называемъ теперь корненожками и инфузоріями, то онъ увидалъ въ ихъ тѣльцахъ всѣ тѣ органы, которыми обладаютъ извѣстные ему до того времени сложные организмы: органы пищеваренія, кровообращенія, дыханія и т. д.

Другими словами: когда ученый натуралистъ впервые сталъ разсматривать организацію простѣйшаго животнаго, то онъ разыскалъ въ его тѣлѣ такіе органы, какихъ оно безусловно не имѣетъ и разыскалъ только потому, что подошелъ къ изученію предмета съ познаніями усвоенными изъ изученія болѣе сложныхъ существъ. Стоило много труда и огромной настойчивости ученымъ, чтобы доказать ошибочность сдѣланныхъ Эренбергомъ заключеній.

Случившееся съ морфологіей простѣйшихъ повторяется теперь, на нашихъ глазахъ, съ ихъ психологіей.

Когда впервые была высказана идея о томъ, что животное не машина и обладаетъ болѣе или менѣе сложной психикой,—ея элементы были тотчасъ-же открыты сначала у позвоночныхъ, а потомъ и у безпозвоночныхъ до простѣйшихъ животныхъ включительно. Исторія Эренберговскихъ ошибокъ начала повторяться съ изумительною правильностью, и, какъ онъ открылъ у инфузоріи и желудокъ и сердце и нервы, такъ новые Эренберги начали открывать у инфузорій и память, и разумъ, и волю, и любовь и сложную душу.

Дѣло въ томъ, однако, что для внесенія поправокъ въ область психологіи, необходимо гораздо болѣе труда, чѣмъ его требовалось при поправкахъ въ области морфологіи, какъ вслѣдствіе трудности подлежащихъ изслѣдованій, такъ и вслѣдствіе сложности самаго предмета.

Мы попытаемся это сдѣлать въ настоящей статьѣ, сопоставляя фактическія данныя сторонниковъ двухъ противуположныхъ воззрѣній, изъ которыхъ одни отрицаютъ у простѣйшихъ живот-

Digitized by Google

ныхъ не только сознательныя разумныя, но и инстинктивныя способности, а другіе не только признаютъ за ними разумныя способности, но еще находятъ ихъ очень развитыми.

Что касается послѣднихъ, то ихъ аргументація такъ однообразна и такъ похожа одна на другую, что ознакомившись съ чьей либо одной, мы будемъ имѣть совершенно опредѣленное представленіе обо всѣхъ остальныхъ. Вся разница заключается только въ томъ, что одинъ ставитъ точку тамъ, гдѣ другой ставитъ знакъ вопроса; одинъ пишетъ «предполагаю»,—а другой «увѣренъ»; одинъ ставитъ «кажется», а другой «очевидно» и «несомнѣнно».

Въ виду этого для нашей цѣли изъ группы писателей этого направленія совершенно достаточно взять какого нибудь одного изъ нихъ и, такъ какъ статья проф. Бехтерева—*О локализаціи сознательной дѣятельности*—является хронологически послѣдней (1896) и такъ какъ ни у одного, по крайней мѣрѣ русскаго, ученаго мы не встрѣчаемъ такого увѣреннаго тона въ непогрѣшимости устанавливаемыхъ ими тезисовъ по вопросамъ насъ интересующимъ, то мы и разсмотримъ данныя этого направленія по означенной выше его статьѣ.

Авторъ начинаетъ съ вопроса о томъ: что такое сознаніе?

«Не входя ни въ какія подробности, говоритъ онъ, мы замѣтимъ здѣсь, что понятіе о сознаніи обнимаетъ собою все субъективное, открываемое въ самомъ наблюдателѣ, слѣдовательно, все то, что относится къ области внутренняго міра» (стр. 7).

Опредѣленіе это, само по себѣ далекое отъ ясности и точности, становится еще болѣе неяснымъ, послѣ разъясненій и дополненій, которыми нашелъ необходимымъ его дополнить проф. Бехтеревъ.

«Прежде всего», говоритъ авторъ, «нужно имѣть въ виду, что сознаніе, предполагающее присутствіе внутреннихъ явленій, служитъ къ образованію личнаго опыта на основаніи воспріятія, ощущеній и представленій.

Эти «*внутреннія явленія*» (?) конечно мало удовлетворяютъ читателя, онъ спѣшитъ за дальнѣйшими разъясненіями и находитъ ихъ на слѣдующей-же страницѣ (9) въ попыткѣ автора опредѣлить сознаніе путемъ противупоставленія его тому, что онъ называетъ актами безсознательными. Вотъ это дополнительное разъясненіе:

«Различіе между безсознательной и сознательной дѣятельностью въ ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ сводится къ тому, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ цѣлеобразность автоматическую, слѣдовательно, отличающуюся неизмѣннымъ постоянствомъ и поразительной стереотипностью, обусловленной готовымъ, вполнѣ сложившимся, механизмомъ, дѣйствующимъ вездѣ и всюду одинаково, тогда какъ во второмъ случаѣ мы имѣемъ цѣлеобразность не машинообразную только, но измѣнчивую и приспособляющуюся къ постоянно измѣняющемуся разнообразію внѣшнихъ условій».

Личный опытъ вноситъ въ безсознательную машинообразность движеній самостоятельныя, т. е. не обусловленныя непосредствен-

Digitized by Google

нимъ внѣшнимъ воздѣйствіемъ побужденія къ движенію, или же задержку послѣдняго, иначе говоря, вводитъ въ сферу двигательныхъ отправленій особый факторъ, который правильнѣе всего можетъ быть названъ личнымъ выборомъ.

Этотъ личный выборъ, не представляющій самъ по себѣ ничего заранѣе предустановленнаго, сообразующійся лишь съ данными внѣшними условіями внутренней ихъ оцѣнкою, и доказываетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ присутствіе личнаго опыта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и присутствіе сознанія. Поэтому тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ личный выборъ движенія, ео ipso мы должны уже предполагать сознательное различеніе внѣшнихъ впечатлѣній и присутствіе памяти т. е. первыя и основныя проявленія сознанія. Это было бы вполнѣ удовлетворительно по удобопонимаемой формулировкѣ опредѣленія, бѣда въ томъ, однако, что будучи удовлетворительнымъ съ этой стороны, «разъясненіе» пр. Бехтерева ведетъ къ такимъ «затрудненіямъ»—изъ которыхъ нѣтъ другого выхода, кромѣ гостепріимныхъ дверей метафизики, къ которой роковымъ образомъ подходитъ всякій ученый, когда бываетъ вынужденъ оставить почву фактическихъ данныхъ, не укладывающихся въ его апріорно построенную шпотезу.

Въ самомъ дѣлѣ.

Передъ нами организмъ, — назовемъ его пока просто *А*. Организмъ этотъ способенъ производить рядъ цѣлесообразныхъ движеній, отнюдь однако не такихъ, которыя отличались-бы неизмѣннымъ «*постоянствомъ и стереотипностью*» (характеризующими актъ безсознательный), а «*измѣнчивую и приспособляющуюся къ постоянно измѣняющемуся разнообразію внѣшнихъ условій*» (признаки характеризующіе акты сознательные).

Далѣе—организмъ этотъ обнаруживаетъ тѣ именно отношенія къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, которыя Бехтеревъ называетъ «личнымъ выборомъ», и въ которыхъ онъ усматриваетъ проявленіе *памяти*.

Ясно, что организмъ этотъ, вполнѣ подходитъ подъ требованія опредѣленія сознательныхъ способностей, вслѣдствіе чего и долженъ быть признанъ обладающимъ таковыми.

Но... организмъ А—есть мухоловка, насѣкомоядное растеніе, о которомъ Дарвинъ въ своей извѣстной книгѣ*) пишетъ слѣдующее: когда брались частицы стекла, угля, маленькіе камешки, частицы листового золота, сухой травы, пробки, пропускной и хлопчатой бумаги, а также волосы, свернутые въ маленькіе шарики,—всѣ эти вещества, хотя иногда растеніе захватывало ихъ очень хорошо, часто не вызывали никакого движенія наружныхъ щупалецъ, или же вызывали его очень не скоро, и то—слабое. Но тѣ же самые листья выказывали весьма активное состояніе, будучи раздражаемы предметами, содержащими растворимыя

*) «Насѣкомоядныя растенія». Вып. I. Изданіе Племянникова 1876 г. Москва.

Digitized by Google

азотистыя вещества, каковы куски сырого и вареnаго мяса, желтка и бѣлка вареныхъ яицъ, части различныхъ насѣкомыхъ, пауковъ и т. п. Изъ этихъ, равно какъ и другихъ, здѣсь не упомянутыхъ, опытовъ, становится очевиднымъ, что вещества неорганическія, или такія органическія, которыхъ выдѣленіе железокъ не измѣняетъ, дѣйствуютъ, въ данномъ случаѣ, не такъ быстро и значительно, какъ вещества органическія, содержащія растворимыя соединенія, которыя могутъ быть поглощены.

А изъ этого въ свою очередь слѣдуетъ, что растеніе относится къ воздѣйствіямъ не механически, а обладаетъ способностью къ *личному выбору* между ними, вслѣдствіе чего въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ однимъ, а въ другомъ—другимъ образомъ.

На страницѣ 38 того-же изслѣдованія Дарвинъ подчеркиваетъ указанную способность растеній: когда кусочекъ сухого мха, торфа или вообще какая нибудь соринка, какъ это часто случается, попадаетъ на дискъ листа, щупальца смыкаются надъ такой добычей, изъ которой растеніе не можетъ извлечь для себя никакой пользы. Они скоро узнаютъ свою ошибку и выпускаютъ негодный объектъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія надъ этими растеніями, какъ извѣстно, устанавливаютъ такой «*личный выборъ*» между дѣйствующими на нихъ предметами и ихъ «*памятью*» съ еще большею опредѣленностью.

Согласно данному опредѣленію проф. Бехтерева мы такимъ образомъ имѣемъ здѣсь совершенно очевидную группу разнородныхъ сознательныхъ дѣйствій, но... происходитъ нѣчто неожиданное! Данное пр. Бехтеревымъ опредѣленіе *сознанія* представляется ему аксіомой, а когда фактъ, совершенно подходящій подъ это его опредѣленіе, оказывается такимъ, который по его апріорно построенной гипотезѣ подходитъ подъ него не долженъ, авторъ, казалось-бы, долженъ исправить опредѣленіе, согласно съ требованіями фактическихъ данныхъ...

Ничуть не бывало! вмѣсто исправленія опредѣленія, онъ пытается исправить природу и разумѣется тонетъ въ дебряхъ метафизики.

Вотъ какъ происходитъ это превращеніе языка точнаго знанія въ языкъ интуицій. «Движенія листа мухоловки» говоритъ проф. Бехтеревъ (стр. 10) «въ сущности тоже основаны на выборѣ, но тѣмъ не менѣе *врядъ ли кто нибудь въ этихъ явленіяхъ будетъ видѣть проявленія сознанія*».

И такъ движенія листьевъ мухоловки, основанныя на выборѣ и потому, съ точки зрѣнія проф. Бехтерева, должны были-бы быть признаны сознательными, но... самъ-же авторъ таковыми ихъ не признаетъ, потому во 1-хъ, что «врядъ ли кто это признаетъ» и потому во 2-хъ, что они вообще безсознательны. На это возразимъ во 1-хъ, что очень многіе изъ тѣхъ, которые признаютъ сознаніе за простѣйшими животными, признаютъ таковое и за

Digitized by Google

мухоловками и за растеніями вообще; скажемъ во 2-хъ, что такое признаніе является только логическимъ слѣдствіемъ воззрѣнія на одноклѣточные организмы, какъ на разумные, наконецъ.

Академикъ Фаминцынъ, на котораго всего чаще ссылается проф. Бехтеревъ, представляетъ въ этомъ смыслѣ примѣръ наиболѣе подходящій. Логически развивая послѣдствія тезисовъ, аналогичныхъ тезисамъ Бехтерева, онъ пишетъ: «только по аналогіи мы заключаемъ о присутствіи психики въ людяхъ и животныхъ; нѣкоторые послѣдователи признаютъ ее и въ растеніяхъ».

Что самъ онъ принадлежитъ къ числу этихъ «нѣкоторыхъ», мы можемъ заключить изъ слѣдующихъ строкъ текста. «Наконецъ, въ явленіяхъ мертвой природы мы не въ состояніи найти ничего такого, что указывало бы на присутствіе въ нихъ психики, сходной съ нашей, хотя бы и въ самомъ зачаточномъ ея проявленіи. Изъ этого обыкновенно заключаютъ, что въ нихъ психики вовсе не обрѣтается. Принимая, однако, во вниманіе что намъ доступна лишь одна внѣшняя сторона явленій міра, насъ окружающаго, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, а слѣдовательно и никакого права рѣшать вопросъ касательно внутренней, закулисной стороны явленій такъ называемой мертвой природы». Скажемъ проф. Бехтереву въ 3-хъ, что называть организмъ безсознательнымъ, вопреки собственному опредѣленію сознанія, не приведя никакихъ для этого соображеній, лучше всякихъ разсужденій доказываетъ неустойчивость и неясность пониманія предмета, о которомъ идетъ рѣчь.

Проф. Бехтеревъ и самъ это чувствуетъ, разумѣется, вслѣдствіе чего спѣшитъ разъяснить дѣло, но по мѣрѣ разъясненія, какъ оно и слѣдовало ожидать, все глубже и глубже погружается въ пучину метафизики. Вотъ что мы читаемъ на стр. 11-й въ разъясненіе дѣла.

«A priori, мыслимо, конечно, предполагать элементарное сознаніе и тамъ, гдѣ, хотя и существуетъ различеніе, но оно еще не служитъ къ образованію личнаго опыта и не приводитъ, слѣдовательно, къ личному выбору движеній. Но существуетъ ли на самомъ дѣлѣ въ природѣ такое *пассивное сознаніе*, мы не знаемъ. Разсужденія въ этомъ направленіи привели бы насъ къ выясненію чисто метафизическаго вопроса о распространеніи сознанія въ мірѣ вообще».

И такъ, чтобы поправить природу, не желающую укладываться въ рамку гипотезы пр. Бехтерева, онъ выводитъ на сцену, кромѣ весьма смутно представляемаго имъ понятія, «сознанія активнаго», еще какое-то «*пассивное сознаніе*.

Выводитъ онъ его и трактуетъ о немъ болѣе сбивчиво и туманно, чѣмъ о сознаніи активномъ: заявивъ сначала, что *мы не знаемъ*, существуетъ или не существуетъ пассивное сознаніе. а потомъ, что «*нельзя отрицать возможности существованія* въ природѣ пассивнаго сознанія», авторъ заканчиваетъ тѣмъ, что

Digitized by Google

разсужденія въ этомъ направленіи привели бы насъ къ выясненію чисто - метафизическаго вопроса о распространеніи сознанія въ мірѣ вообще.

Въ этомъ заключеніи только одна неточность: вмѣсто «привели-бы» къ метафизикѣ—надо сказать: *уже* привели къ ней. Не даромъ-же, трактуя ниже о сознаніи у простѣйшихъ животныхъ, онъ пишетъ.

«Если такимъ образомъ сознаніе мы встрѣчаемъ уже на порогѣ жизни, то представляется возможнымъ думать, что «*жизненное начало*», если не тождественно, то обще съ тѣми основами, на которыхъ покоится развитіе сознанія.

Это «*жизненное начало*» тотъ самый конь и есть, на которомъ очень легко и удобно ѣздить въ дебряхъ метафизическихъ построеній и тѣхъ областей разсужденія, которыя боятся свѣта наблюденія и опыта.

Подведя итоги первой изъ взятыхъ на себя проф. Бехтеревымъ задачъ: дать опредѣленіе сознанію—перейдемъ теперь къ другой его задачѣ, имѣющей уже не косвенное, а прямое отношеніе къ вопросу настоящаго очерка, доказать наличность сознанія и умственныхъ способностей у *простѣйшихъ животныхъ*.

Авторъ начинаетъ съ категорическаго, не допускающаго ни сомнѣній, ни возраженій нижеслѣдующаго заявленія: «Не подлежитъ *никакому сомнѣнію*, что понимаемое въ широкомъ смыслѣ сознаніе присуще не только человѣку, но и всѣмъ вообще животнымъ». Для вящаго вразумленія читателя онъ повторяетъ это свое заявленіе еще разъ на стр. 11, и потомъ еще разъ на стр. 14 и наконецъ еще разъ на стр. 17.

Задавшись вопросомъ: на какой именно ступени животнаго царства впервые обнаруживаются внѣшнія проявленія сознательной дѣятельности, авторъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «въ этомъ отношеніи, новѣйшія изслѣдованія открываютъ намъ удивительный фактъ. Оказывается, что сознаніе обнаруживается уже на самой ранней ступени животнаго царства, когда о существованіи нервной системы не можетъ быть и рѣчи».

Что доказываютъ намъ новѣйшія изслѣдованія—мы увидимъ позднѣе, а теперь остановимся на томъ *фактическомъ матеріалѣ*, который проф. Бехтеревымъ положенъ въ основу своихъ разсужденій, и который признается имъ совершенно достаточнымъ для построенія своихъ умозаключеній. Наиболѣе убѣдительная группа фактовъ, наглядно доказывающая наличность сознательныхъ способностей у простѣйшихъ животныхъ доставляется, по словамъ автора, наблюденіями надъ *инфузоріями охотниками*. Онъ приводитъ только одинъ, очевидно, самый убѣдительный изъ этихъ фактовъ.

«Вотъ напримѣръ» (пишетъ проф. Бехтеревъ), какъ одна изъ такихъ инфузорій (Didinium nasutum), имѣющая по внѣшности сходство съ боченкомъ, ловитъ свою добычу, предметомъ которой служитъ другая инфузорія (Paramaecium aurelia).

Digitized by Google

Охотникъ, отличающійся чрезвычайно быстрыми движеніями, распознавъ свою добычу (т. е. Paramaecium aurelia) овладѣваетъ ею слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ; онъ выбрасываетъ изъ своей глотки по направленію къ ней громадное количество остроконечныхъ палочекъ (трихоцистъ), которыя почти моментально парализуютъ Paramaecium. Послѣдняя становится тотчасъ же совершенно неподвижною или ослабѣваетъ настолько, что не можетъ уйти отъ инфузоріи—охотника. Вслѣдъ затѣмъ изъ средины плоскаго донышка своего тѣла, охотникъ—инфузорія, выпускаетъ по направленію къ своей добычѣ длинный хоботокъ, при посредствѣ котораго втягиваетъ пойманную инфузорію въ полость своего тѣла, чѣмъ и заканчивается актъ этой миньятюрнѣйшей въ мірѣ охоты».

Этотъ фактъ проф. Бехтеревъ заимствуетъ изъ статьи проф. Фаминцына: «О психической жизни простѣйшихъ представителей живыхъ существъ»; а проф. Фаминцынъ заимствовалъ его изъ наблюденій Бальбіани; а Бальбіани, который, кстати сказать, писалъ объ этомъ довольно давно, сдѣлалъ ошибку въ наблюденіи.

Дѣло въ томъ, что по *новѣйшимъ* изслѣдованіямъ оказывается, что ротового хоботка у Didinium не имѣется, а «громадное число палочекъ» трихоцистъ, которыми этотъ микроскопическій охотникъ поражаетъ Paramaecium, принадлежитъ не охотнику, а его добычѣ, какъ это указалъ въ одной изъ своихъ статей проф. Шимкевичъ.

Такимъ образомъ «фактъ», которымъ начинается доказательство идеи о наличности сознательныхъ способностей у простѣйшихъ животныхъ, фактъ, которому предпосылается заявленіе о томъ, что таковыя способности особенно наглядно имъ удостовѣряются,—фактъ этотъ оказывается *сплошной ошибкой наблюденія* давно сдѣланнаго и уже исправленнаго раньше, чѣмъ профессоръ Бехтеревъ писалъ свою книжку, на основаніи «*новѣйшихъ*» данныхъ науки!

Слѣдующіе два факта, имѣющіе подтвердить идею о сознательной дѣятельности простѣйшихъ животныхъ, есть также давнымъ давно сдѣланное наблюденіе, одно надъ корненожкой Actinophris и крахмальными зернами, которыя она себѣ достаетъ въ пищу изъ споры, а другое надъ слизистымъ грибомъ Aethalium.

Оба они заимствованы изъ книги Ромэнса, на котораго главнымъ образомъ ссылается профессоръ Бехтеревъ, и который резюмируетъ значеніе ихъ для зоопсихологіи такимъ образомъ:

«Относительно этихъ замѣчательныхъ наблюденій (надъ Actinophris и Aetalium) можно, я думаю, сказать только то, что хотя они несомнѣнно заставляютъ подозрѣвать нѣчто большое, чѣмъ механическій отвѣтъ на возбужденіе, но что они все-таки *недостаточно убѣдительны для того*, чтобы дать намъ право приписать этимъ низшимъ членамъ зоологической лѣстницы, хотя бы *даже зачатки дѣйствительно сознательной дѣятельности*».

Такъ говоритъ Ромэнсъ-изслѣдователь, котораго всего менѣе

Digitized by Google

можно заподозрить въ тенденціи умалить умственныя способности животныхъ.

И вотъ выставивъ *три* наиболѣе убѣдительныхъ факта (никакихъ другихъ въ статьѣ профессора Бехтерева не имѣется), изъ которыхъ одинъ оказывается сплошной ошибкой наблюденія, а два другихъ, даже по мнѣнію Романса, никакого права на заключенія о способности къ сознательной дѣятельности простѣйшихъ животныхъ не даютъ, профессоръ Бехтеревъ считаетъ возможнымъ утверждать, что будто бы *всѣ факты новѣйшей зоопсихологіи* относительно низшихъ организмовъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что уже на первой ступени органической жизни проявляются зачатки сознанія.

Сказанными заключеніями, нѣсколько рискованными и болѣе смѣлыми, чѣмъ на это даютъ право фактическія данныя, профессоръ Бехтеревъ и заканчиваетъ свои разсужденія по вопросу объ умственныхъ способностяхъ простѣйшихъ животныхъ.

Въ основу этихъ разсужденій не вошли ни изслѣдованія Loeb'a: «Der Heliotropismus der Thiere und seine Uebereinstimmung mit dem Heliotropismus der Pflanzen»; ни изслѣдованія A. Binet: «La vie psychique des microorganismes», ни наконецъ, капитальнѣйшее изслѣдованіе по интересующимъ насъ вопросамъ, изслѣдованіе M. Verworn'a—«Psychophysiologische Protisten—Studien», вышедшее въ 1889 г., ни многое, очень многое другое. Лёбъ касается лишь одной стороны дѣла: движеній подъ вліяніемъ свѣта, и мы скажемъ о немъ нѣсколько словъ тогда, какъ рѣчь будетъ касаться этого спеціальнаго вопроса.

Бине объясняетъ движенія микроорганизмовъ, т. е. тѣ явленія въ ихъ жизни, которыя служатъ основой для заключеній о психической природѣ ихъ дѣятельности, троякаго рода причинами: физико-химическими, физіологическими и психическими.

Наконецъ Ферворнъ, вооруженный множествомъ лично сдѣланныхъ наблюденій и опытовъ, *сполна отрицаетъ психическій характеръ* въ движеніяхъ простѣйшихъ животныхъ и считаетъ эти движенія простымъ слѣдствіемъ и внѣшнимъ выраженіемъ происходящихъ въ нихъ молекулярныхъ измѣненій.

Прежде чѣмъ говорить о Ферворнѣ, скажемъ нѣсколько словъ по поводу Бинэ. Большая часть движеній микроорганизмовъ по мнѣнію этого ученаго суть непосредственные отвѣты на стимулы изъ окружающей среды. Но есть и болѣе сложные акты, констатируемые преимущественно въ явленіяхъ питанія. Въ каждомъ изъ этихъ послѣднихъ Бинэ различаетъ четыре момента: 1) перцепція внѣшняго предмета; 2) выборъ между многими предметами; 3) перцепція ихъ положенія въ пространствѣ, 4) движенія—совершаемыя съ цѣлью или приблизиться къ тѣлу и схватить его, или же убѣжать отъ него.

«Мы не можемъ»,—говоритъ Бинэ,—рѣшить, сопровождаются ли эти различные акты сознаніемъ, или же они совершаются, какъ простые, физіологическіе процессы». Въ частности, что касается

Digitized by Google

перваго изъ названныхъ моментовъ—перцепціи внѣшняго тѣла, то у низшихъ протистовъ этотъ актъ является результатомъ прямого раздраженія со стороны посторонняго тѣла при помощи прикосновенія къ протоплазмѣ протиста. Но по отношенію къ болѣе высшимъ формамъ можно допустить, что они могутъ воспринимать предметы на разстояніи и слѣдовательно безъ прикосновенія. Что касается явленія выбора, то, по мнѣнію Бинэ, это одинъ изъ самыхъ темныхъ фактовъ, и трудно истолковать его, не впадая въ антропоморфизмъ. Бинэ допускаетъ здѣсь возможность хемотропизма, однако далеко не согласенъ объяснить все имъ однимъ. Третій моментъ—воспріятіе положенія въ пространствѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Нѣкоторые протисты прямо владѣютъ способностью непосредственно опредѣлять положеніе предмета въ пространствѣ. Такъ, напримѣръ, Didinium точно воспринимаетъ положеніе преслѣдуемой имъ добычи, потому что онъ приспособляется, какъ охотникъ, и поражаетъ ее своими колючими стрѣлами. Наконецъ, что касается четвертаго момента, двигательной фазы, то многія движенія микроорганизмовъ, по мнѣнію Бинэ, не простые рефлективные акты, а движенія, приспособленныя къ цѣли.

И такъ большая часть движеній микроорганизмовъ суть непосредственные отвѣты на стимулы среды, но явленія болѣе сложныя, каковыми являются акты, сопровождающіе питаніе, обязываютъ насъ признать наличность психическихъ элементовъ. Гдѣ-же основаніе?

Да все тѣ-же «инфузоріи — охотники», тотъ-же Didinium и... ничего болѣе убѣдительнаго, а посколько этотъ «фактъ» убѣдителенъ на самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ.

Что касается до такъ называемыхъ *произвольныхъ движеній* простѣйшихъ животныхъ, то есть такихъ, которыя не вызываются раздраженіями, то вотъ что между прочимъ высказываетъ по этому предмету авторъ.

Онъ полагаетъ, что перемѣщеніе при помощи псевдоподіи, рѣсничекъ и жгутиковъ—*истолковать трудно. Вѣроятно*, пишетъ Бинэ, что эти движенія происходятъ отъ сокращеній протоплазмы, имѣющихъ мѣсто или въ наружной оболочкѣ, или въ самомъ двигательномъ органѣ. Этотъ послѣдній обладаетъ самоподвижностью, какъ это можно видѣть, напримѣръ, когда жгутикъ, отрѣзанный отъ остального тѣла, продолжаетъ двигаться въ жидкости. Такимъ образомъ, Бинэ, вполнѣ признавая затруднительность объясненія данныхъ явленій, въ то же время допускаетъ предположеніе, что эти движенія обусловливаются сократительностью вещества, изъ котораго построены микроорганизмы. Но какого рода эта сократительность, — самостоятельна ли она или подчиняется дѣйствію какого нибудь другого агента,—это неизвѣстно. Только по вопросу о конъюгаціи и сопровождающихъ ее явленій Бинэ высказываетъ съ полною опредѣленностью идею о томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ актами «очень похожими на сознательныя дѣйствія высшихъ животныхъ». Любопытно

Digitized by Google

однако, что именно здѣсь то опытныя данныя доказываютъ физико-химическую, а не психическую природу дѣятельности этихъ животныхъ. Еще любопытнѣе, что самъ Бинэ признаетъ значеніе за опытами Пфеффера, которому удалось констатировать тотъ фактъ, что у тайнобрачныхъ растеній сперматозоиды приближаются къ мѣсту оплодотворенія благодаря чисто химическимъ причинамъ.

Если присоединить къ этому, что у насъ нѣтъ *никакихъ основаній* для того, чтобы допустить различіе между причинами обусловливающими движеніе антерозоидовъ (у папоротниковъ и мховъ напр.) и сперматозоидовъ низшихъ животныхъ организмовъ, то утвержденія Бинэ оказываются лишенными всякаго основанія.

И такъ изслѣдованія Бинэ привели его къ выводамъ, изъ которыхъ одни составляютъ въ сущности не рѣшеніе вопроса,— а тотъ-же вопросъ но иначе поставленный; другіе — рядъ *предположеній*, которымъ авторъ не даетъ иного значенія, какъ догадки по трудному для рѣшенія вопросу и наконецъ третьи— составляютъ группу явленій, которыя, по мнѣнію Бинэ, даютъ ему право допустить наличность сознанія у простѣйшихъ. И какъ разъ эта послѣдняя группа явленій оказывается построен ной или на невѣрно сдѣланныхъ наблюденіяхъ. или на данныхъ, за которыми опытъ пріурочиваетъ совершенно иной смыслъ и значеніе. Антропоморфизмъ его въ этой части заключеній представляется совершенно очевиднымъ, а построеніе ихъ сплошь основывается на методѣ аналогіи явленій низшихъ животныхъ съ соотвѣтствующими движеніями высшихъ.

Всего интереснѣе, что поставленный цѣпью своихъ разсужденій въ безвыходное положеніе передъ фактами физіологіи, онъ пришелъ къ тому наконецъ, что призналъ возможность существованія у простѣйшихъ не только нервной системы въ разсѣянномъ состояніи, но даже *нервныхъ специальныхъ центровъ*, одаренныхъ различными свойствами. Это, какъ видитъ читатель, все та-же знакомая уже намъ попытка «*исправить природу*», когда доставляемый ею матерьялъ не укладывается въ a priori построенную гипотезу. Такимъ образомъ заключенія Бинэ по *нѣкоторымъ* вопросамъ категорически расходятся съ таковыми пр. Бехтерева и прежде всего въ томъ, что онъ признаетъ сознаніе у простѣйшихъ животныхъ въ предѣлахъ несравненно болѣе ограниченныхъ, чѣмъ этотъ послѣдній. Даже въ тѣхъ случаяхъ когда онъ склоняется въ сторону защитниковъ сознанія у простѣйшихъ животныхъ, мы встрѣчаемъ у него слова: «быть можетъ», «повидимому», «кажется» и т. п. Слова эти пр. Бехтеревъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ замѣняетъ словами: «очевидно», «несомнѣнно», «безспорно» и т. д., располагая для своихъ утвержденій несравненно меньшимъ матерьяломъ, чѣмъ Бинэ.

Отъ Бинэ обратимся къ Ферворну, считающемуся однимъ изъ выдающихся знатоковъ жизни простѣйшихъ животныхъ.

По мнѣнію этого ученаго, всѣ психическіе процессы въ душѣ

Digitized by Google

человѣка можно раздѣлить на процессы познанія и процессы воли. Самый элементарный процессъ познанія — ощущеніе. Слѣдующій за нимъ въ порядкѣ сложности процессъ представленія. Далѣе слѣдуютъ психическія явленія воспоминанія и мышленія въ собственномъ смыслѣ. Каждый волевой процессъ возникаетъ всегда изъ какого нибудь познавательнаго процесса. Обнаруженіемъ такихъ волевыхъ процессовъ обыкновенно бываетъ движеніе. Такъ какъ волевые процессы могутъ совершаться какъ при участіи, такъ и безъ участія сознанія, то ихъ можно раздѣлить на сознательные и безсознательные. Примѣрами безсознательныхъ волевыхъ движеній могутъ служить движенія рефлективное, импульсивное, автоматическое. Подъ рефлективнымъ движеніемъ разумѣется движеніе, слѣдующее съ машинообразною правильностью вслѣдъ за внѣшнимъ раздраженіемъ.

Импульсивныя движенія суть движенія вызываемыя безъ предварительнаго периферическаго возбужденія питательными и другими органическими процессами, имѣющими мѣсто въ двигательныхъ центрахъ низшаго порядка.

Подъ автоматическимъ движеніемъ разумѣется ритмически, въ опредѣленные промежутки времени совершающееся импульсивное движеніе, какъ, напримѣръ, біеніе сердца.

Отъ этого общаго замѣчанія перейдемъ къ движенію простѣйшихъ.

Ферворнъ полагаетъ вообще, что психическіе процессы въ тѣлѣ простѣйшихъ могутъ быть отожествляемы съ молекулярными явленіями и представляютъ какъ бы мостъ, связывающій химическіе процессы неорганической природы съ душевной жизнью высшихъ животныхъ.

Онъ раздѣляетъ движенія простѣйшихъ животныхъ на слѣдующія главнѣйшія группы.

a) Движенія произвольныя.

b) Движенія, происходящія подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздражителей и наконецъ,

c) Движенія, наблюдаемыя въ процессахъ питанія и размноженія.

Что же представляютъ собою, по мнѣнію Ферворна, всѣ эти типы движеній съ точки зрѣнія зоопсихологіи.

Мы разберемъ ихъ послѣдовательно въ порядкѣ ихъ перечисленія.

a) Движенія произвольныя. Подъ таковыми авторъ разумѣетъ движенія микроорганизмовъ, производимыя посредствомъ такъ называемыхъ псевдоподій, жгутиковъ и рѣсничекъ. Само собою понятно, что движенія этихъ органовъ могутъ происходить подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій, не только такихъ, которыя мы можемъ наблюдать, но и такихъ, которыя ускользаютъ отъ нашихъ наблюденій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они обыкновенно называются произвольными, хотя въ большомъ числѣ случаевъ утверждать такую произвольность можно лишь съ большою осторожностью.

Однако есть цѣлый рядъ движеній, произвольность которыхъ

Digitized by Google

(въ извѣстномъ смыслѣ), по мнѣнію Ферворна, несомнѣнна. Движенія эти производятся при помощи особыхъ органовъ, каковы псевдоподіи, рѣснички, жгутики. Къ числу такихъ движеній М. Ферворнъ относитъ движенія при плаваніи жгутиковъ.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ такого движенія. Anisonema grande сидитъ на днѣ, прицѣпившись къ нему своимъ заднимъ жгутикомъ, въ то время какъ передній жгутикъ свободно плаваетъ въ водѣ. Вдругъ, безъ всякаго внѣшняго повода, задній жгутикъ отдергивается, и микроорганизмъ испытываетъ толчокъ, который переноситъ его въ другое мѣсто, гдѣ онъ помѣщается такимъ же образомъ, т. е. прикрѣпившись ко дну. И это повторяется очень часто.

Другой примѣръ. Рѣсничатая инфузорія Spirostomum ambiguum посредствомъ правильно ударяющихъ рѣсничекъ равномѣрно движется по водѣ. Но вдругъ, безъ всякаго видимаго повода, она начинаетъ двигаться въ противоположную сторону, причемъ рѣснички начинаютъ ударять также въ противоположномъ направленіи. Эта способность внезапно измѣнять дѣйствіе рѣсничекъ въ противоположную сторону и скорость ихъ движеній, по наблюденіямъ М. Ферворна, очень распространена между рѣсничатыми.

М. Ферворнъ приводитъ далѣе примѣры вихревого движенія сувойки (Vorlicella), сократительнаго движенія Stentor'a, который также безъ всякой видимой причины сжимается въ шаръ; примѣры бѣганья и прыганья нѣкоторыхъ микроорганизмовъ т. н. Uroleptus и Urostyla, которыя плавая по дну среди частичекъ ила и растеній то придвигаются, то какъ бы отскакиваютъ своими средними конечностями отъ окружающихъ предметовъ и, дѣйствуя на подобіе обнюхивающихъ собакъ, обыскиваютъ такимъ образомъ все дно. Таковы болѣе или менѣе характерныя движенія протистовъ, не вызываемыя никакими замѣтными раздраженіями.

Какъ же должны мы разсматривать эти движенія, съ точки зрѣнія зоопсихологіи? Ферворнъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: *всѣ такъ называемыя произвольныя движенія микроорганизмовъ производимыя помощью псевдоподій рѣсничекъ и жгутиковъ суть движенія безсознательныя*. Такъ говоритъ *по новѣйшимъ изслѣдованіямъ* жизни простѣйшихъ животныхъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ дѣла и, что всего важнѣе: заключеніе это сдѣлано не на основаніи разсужденій ad hominem по поводу того или другого, взятаго на выдержку, факта, а путемъ сравнительнаго детальнаго изученія множества явленій въ предѣлахъ сначала одного вида, потомъ одного рода и т. д. особей. Ученый справедливо говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: Мы заключаемъ о безсознательности произвольныхъ движеній микроорганизмовъ изъ того, что каждый видъ этихъ животныхъ совершаетъ либо только одну форму (корненожки) либо одну опредѣленную группу формъ движеній (жгутиковыя и рѣсничныя инфузоріи), причемъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ

Digitized by Google

каждая изъ нихъ повторяется неизмѣнно одинаковымъ образомъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда условія, въ которыхъ они производятся, измѣнились. Послѣднее обстоятельство дѣйствительно какъ нельзя убѣдительнѣе указываетъ на безсознательность этихъ движеній, ибо цѣлесообразныя въ одномъ случаѣ, при перемѣнѣ условій, производятся тѣми же способами и тогда, когда становятся не цѣлесообразными.

Здѣсь по поводу такъ называемыхъ произвольныхъ движеній умѣстно упомянуть о другомъ натуралистѣ,—авторитетъ котораго по вопросамъ о простѣйшихъ животныхъ несомнѣненъ и котораго никакъ нельзя заподозрить въ желаніи понизить роль психическихъ факторовъ въ дѣятельности низшихъ животныхъ,—я разумѣю Бючли.

Ученый изслѣдователь говоритъ: «Что касается произвольности движенія инфузорій, то здѣсь прежде всего дѣло въ томъ, какъ понимать эту произвольность. Если это выраженіе означаетъ только, что движенія обусловливаются внутренними импульсами и импульсы эти происходятъ, какъ слѣдствія весьма разнообразныхъ и отчасти еще не поддающихся контролю раздраженій извнѣ, а также какъ слѣдствіе перемѣнъ во внутреннемъ состояніи организма,—то противъ термина «произвольность» нельзя ничего возразить. Но если слово «произвольность» значитъ, что животное отвѣчаетъ на упомянутыя раздраженія, или перемѣны состоянія сознательными волевыми актами, то мы не имѣемъ никакого права дѣлать подобное допущеніе». Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: «если многимъ животнымъ высшимъ съ хорошо развитой нервной системой и весьма сложными процессами, въ ней происходящими, мы можемъ приписать лишь весьма несовершенное самосознаніе, то простѣйшимъ, лишеннымъ такого органа, приписывать подобное явленіе безусловно невозможно.»

Произвольныя движенія, о которыхъ говоритъ Ферворнъ, и которыхъ факторы не поддаются контролю, на дѣлѣ оказывается иногда (а вѣроятно и всегда) очень простыми. Въ справедливости этого замѣчанія насъ убѣждаютъ толкованія поступательныхъ движеній грегаринъ, которыя прежде принимались разумѣется за активную, волевую и сознательную дѣятельность этихъ животныхъ и которыя въ рукахъ профес. Шевякова получили слѣдующее научное объясненіе. По его мнѣнію, причину движенія грегаринъ нужно искать въ образованіи пучковъ студенистыхъ нитей, выдѣляемыхъ при движеніи грегариною и образующихъ въ совокупности студенистый стебель или ножку. Самый процессъ движенія можно представить слѣдующимъ образомъ. Грегарина выдѣляетъ прозрачныя, студенистыя или слизистыя, вскорѣ отвердѣвающія нити; послѣднія прилипаютъ къ поверхности, на которой лежитъ или движется грегарина. Образованный такимъ способомъ (совокупностью нитей) стебель становится, благодаря дальнѣйшему выдѣленію вещества, все длиннѣе,

Digitized by Google

и такъ какъ онъ прикрѣпленъ къ плоскости, то неминуемо должно произойти поступательное движеніе грегарины впередъ.

Такими, и аналогичными имъ, оказываются на дѣлѣ причины такъ называемыхъ «произвольныхъ движеній» простѣйшихъ, когда выясненіе ихъ дѣлается объективнымъ методомъ науки, а не субъективными методами аналогіи между простѣйшими и высшими животными т. е. аналогіи предметовъ между собою совершенно не похожихъ.

Другой родъ движеній, разсматриваемыхъ Ферворномъ это *в) движенія происходящія подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздражителей.*

Сюда Ферворнъ относитъ движенія микроорганизмовъ подъ вліяніемъ дѣйствія свѣта (фототаксисъ), теплоты (термотаксисъ) химическихъ (хемотаксисъ), механическихъ и другихъ раздражителей.

Всѣ эти внѣшніе раздражители оказываютъ на микроорганизмы то или другое, менѣе или болѣе сильное, вліяніе. Такъ свѣтъ у однихъ вызываетъ движеніе, если они до того находились въ покоѣ, а у другихъ находившихся въ движеніи вызываетъ состояніе покоя (Pelomyxa palustris напр.) Та или другая температура вызываетъ движеніе и обусловливаетъ иногда его направленіе. Механическое раздраженіе заставляетъ однихъ удаляться, другихъ напротивъ привлекаетъ къ себѣ и т. д.

Говоря объ этой категоріи движеній, Ферворнъ не только не признаетъ ихъ сознательными, но отрицаетъ въ нихъ какое-бы то ни было присутствіе психическихъ элементовъ. По его мнѣнію, движенія эти обусловливаются физико-химическимъ дѣйствіемъ раздражителей. Что это дѣйствительно такъ и что въ этихъ движеніяхъ нѣтъ ничего сознательнаго, Ферворнъ доказываетъ тѣмъ между прочимъ, что хемотропичными могутъ оказываться предметы, съ которыми раньше микроорганизмы никогда не сталкивались и которые имъ потому никогда не были извѣстны. Всѣ такъ называемыя тропическія явленія, по мнѣнію автора, обусловливаются частичнымъ или одностороннимъ раздраженіемъ протоплазмы, котораго иногда мы разумѣется наблюдать не имѣемъ возможности, но которое вызываетъ реакцію наблюдаемую нами въ формѣ сокращеній или растяженія тѣла простѣйшихъ. Путемъ такихъ опытовъ выяснилось напримѣръ, что различныя клѣтки имѣютъ особое расположеніе къ извѣстнымъ опредѣленнымъ химическимъ веществамъ и притомъ извѣстной концентраціи. Такъ: сѣмянныя нити папоротниковъ движутся къ опредѣленнымъ растворамъ солей яблочной кислоты, сѣмянныя нити мховъ къ раствору тростниковаго сахара, многія бактеріи и жгутиковыя инфузоріи движутся къ мясному экстракту и проч.

Опыты съ хемотактизмомъ производятся такъ. Въ среду, въ которой находятся извѣстныя клѣтки, напримѣръ, споры растеній, бактеріи и проч. вводится капиллярная стеклянная трубочка, наполненная какимъ-либо веществомъ извѣстной концентраціи и черезъ нѣкоторое время наблюдается эффектъ опыта. Если клѣтки

Digitized by Google

обладаютъ положительнымъ хемотактизмомъ, то онѣ собираются въ трубочкѣ, если отрицательнымъ, то удаляются отъ нея.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ изслѣдованіяхъ Лёба, объ изслѣдованіяхъ котораго упоминалось выше и который пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Онъ полагаетъ, что заключенія П. Бера, Леббока, Грабера надъ вліяніемъ свѣта на животныхъ грѣшатъ антропоморфизмомъ, такъ какъ руководились въ своихъ изысканіяхъ, идеей—сравнить ощущенія человѣка съ ощущеніемъ животныхъ. Реакція организма на извѣстное внѣшнее вліяніе ставилась въ связь не съ данною физическою причиною, а съ тѣми ощущеніями, которыя въ подобномъ случаѣ испытываемъ мы, и которыя приписывались и животному. Такъ, П. Беръ, въ опытахъ надъ отношеніемъ водяныхъ блохъ (дафній) къ различнымъ цвѣтамъ солнечнаго спектра, прямо сравниваетъ ихъ съ человѣкомъ, который, при подобныхъ условіяхъ, желая читать книгу, направился бы къ наиболѣе свѣтлой части спектра. Въ подобный же антропоморфизмъ впадаетъ и Граберъ, приписывая животнымъ «любовь къ свѣту» и «любовь къ темнотѣ», или же любовь и нелюбовь къ красному или синему цвѣту. Тотъ фактъ, что животныя, когда въ занимаемое ими помѣщеніе свѣтъ проникаетъ чрезъ различныя окрашенныя среды, перекочевываютъ въ сторону того или другого свѣта, доказываетъ, по мнѣнію Грабера, что изъ двухъ цвѣтовъ (напр., синяго и краснаго) одинъ вызываетъ пріятное, другой непріятное ощущеніе въ животномъ, и что, слѣдовательно, дѣйствіе ихъ противоположное. Лёбъ показалъ, что этой противоположности вовсе не существуетъ, что оба цвѣта дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же смыслѣ, и что различіе между ними только количественное, а не качественное. Съ цѣлью доказать справедливость этой мысли ученый подошелъ къ рѣшенію задачи совсѣмъ съ другой стороны, чѣмъ его предшественники: онъ задался мыслью сравнить реакціи различныхъ животныхъ на свѣтъ не съ тѣмъ, что испытываютъ подъ вліяніемъ свѣта люди или высшія позвоночныя, зрѣніе которыхъ, очевидно, совершенно однородно съ нашимъ, а съ тѣми явленіями, которыя вызываются свѣтомъ у растеній т. е. съ явленіемъ геліотропизма. Результаты своихъ опытовъ Лёбъ резюмируетъ въ слѣдующихъ основныхъ положеніяхъ. Зависимость отъ свѣта, которую обнаруживаютъ въ своихъ движеніяхъ животныя, совершенно соотвѣтствуетъ тому вліянію, которое свѣтъ оказываетъ на движенія растеній. Направленіе лучей свѣта опредѣляетъ собою направленіе движенія животнаго, причемъ дѣйствіе болѣе преломляемыхъ лучей спектра имѣетъ преобладающее значеніе. Ошибочно думать, что одни животныя «любятъ свѣтъ», другія «любятъ темноту», и что они разыскиваютъ болѣе темныя или болѣе свѣтлыя мѣста въ пространствѣ. Направленіе геліотропическихъ движеній животныхъ опредѣляется направленіемъ лучей свѣта, независимо отъ того, переходятъ ли при этомъ животныя отъ болѣе темнаго мѣста къ болѣе свѣтлому или наоборотъ. Ошибочно думать, что животныя обнаруживаютъ пред-

Digitized by Google

почтеніе или любовь къ извѣстнымъ цвѣтамъ; что напр. «любящія голубой цвѣтъ» «боятся краснаго», или «любящія красный боятся синяго», какъ это утверждалъ Граберъ. Существуютъ только двѣ категоріи животныхъ: одни движутся по направленію къ источнику свѣта, другія по направленію отъ него; движенія эти совершаются одинаково подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ лучей спектра, но съ тою разницею, что болѣе преломляемые лучи (синіе, фіолетовые) несравненно сильнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ менѣе преломляемые. Поэтому животныя, движущіяся къ свѣту, повинуются преимущественно синимъ лучамъ, и обратно, убѣгающія отъ свѣта, удаляются особенно энергично отъ тѣхъ же синихъ и фіолетовыхъ лучей. Красные лучи въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствуютъ слабо, иногда совсѣмъ не дѣйствуютъ.

Само собой разумѣется, что такъ какъ животныя подвержены въ природѣ не однимъ свѣтовымъ вліяніямъ, но и дѣйствію множества другихъ внѣшнихъ агентовъ, то вліяніе свѣта этими агентами часто будетъ замаскировано; въ общемъ движенія животныхъ опредѣляются цѣлымъ рядомъ воспринимаемыхъ ими раздраженій механическихъ, химическихъ, тепловыхъ, свѣтовыхъ и т. п.

Могутъ ли распространяться выводы Лёба на животныхъ, обладающихъ нервною системой, и, если могутъ, то въ какой мѣрѣ? это другой вопросъ. Что же касается до животныхъ простѣйшихъ, то въ справедливости этихъ выводовъ по отношенію къ нимъ едва ли есть хотя бы малѣйшее основаніе сомнѣваться.

Третья группа движеній одноклѣточныхъ организмовъ, *c) движенія внутри организма при актѣ питанія.*

Извѣстно, что инфузоріи и корненожки вводятъ въ свое тѣло не всѣ попадающіеся имъ на пути предметы, а дѣлаютъ между ними выборъ, иногда строго опредѣленный. Эта способность выбирать годное отъ негоднаго и послужила источникомъ длиннаго ряда разсужденій на тему объ элементахъ разумнаго начала въ дѣятельности корненожекъ. Особенно обильными эти разсужденія являются по отношенію къ группѣ инфузорій, которыя питаются живой добычей и которыхъ называютъ инфузоріями-охотниками.

М. Ферворнъ удостовѣряетъ на *основаніи опыта и наблюденія* во первыхъ, что способность выбора у инфузорій вовсе не такова, какъ это предполагалось.

Многія изъ нихъ вводятъ въ свое тѣло такія вещества, которыя для питанія служить не могутъ, у другихъ «выборъ» хотя и оказывается строго опредѣленнымъ, тѣмъ не менѣе однако не нуждается, какъ это выяснилъ Мопа, въ участіи психическихъ элементовъ, такъ какъ опредѣляется причинами морфологическими, напримѣръ, устройствомъ ротового отверстія, которое не допускаетъ принятія иной пищи кромѣ данной. Далѣе во вторыхъ у многихъ инфузорій выборъ питательныхъ веществъ представляетъ собою не болѣе какъ частный случай хемотропизма.

Наконецъ при питаніи живыми организмами сопровождающія ихъ явленія объясняются гораздо проще, чѣмъ допущеніемъ въ

Digitized by Google

нихъ элементовъ психологическихъ слѣдующимъ образомъ: протисты, питающіеся живыми организмами, хватаютъ добычу лишь *при ея движеніи* и потому именно при движеніи, что она оказываетъ на нихъ при прикосновеніи такое механическое раздраженіе, слѣдствіемъ котораго является актъ хватанія раздражающаго предмета.

Опытнымъ путемъ М. Ферворнъ доказалъ, что если искусственно радражать «инфузорій—охотниковъ», такими веществами, напримѣръ какъ волоконце бумаги или тонкаго волоска, то онѣ не только схватываютъ ихъ, но и вводятъ внутрь своего тѣла. Опытъ этотъ по справедливому заключенію автора представляетъ дѣйствительно совершенно очевидное доказательство того, что непосредственной причиной принятія пищи у такихъ животныхъ является одно только механическое раздраженіе. «Выборъ» пищи удивительная сообразительность охотника при ловлѣ добычи и пр., и пр., и пр., разсужденія любителей разыскивать таинственности въ пустомъ мѣстѣ и становиться въ тупикъ передъ тѣмъ, какъ велико то малое, что мы видѣли, если мы теперь поставили себя на мѣсто этого малаго—оказываются такимъ образомъ разсужденіями, по поводу которыхъ недоумѣвалъ еще Гете.

Резюмируя заключенія, добытыя путемъ изслѣдованія жизни простѣйшихъ животныхъ, Ферворнъ дѣлаетъ такую характеристику ихъ движенія: примитивные процессы въ царствѣ протистовъ, которые лежатъ въ основаніи автоматическихъ, импульсивныхъ и рефлективныхъ движеній, тожественны съ молекулярными процессами протоплазмы, и поэтому самые первоначальные психическіе процессы суть молекулярные процессы въ элементарныхъ частичкахъ протоплазмы и только. Напомнимъ здѣсь читателю интересные опыты и соображенія Бючли и Квинке по тому-же вопросу о движеніи простѣйшихъ животныхъ. Если взять капельку прованскаго масла и вылить ее на растворъ соды, то масло начинаетъ движенія, совершенно похожія на амебообразныя, т. е. образуетъ ложныя ножки и втягиваетъ ихъ опять. Это явленіе объясняется слѣдующимъ образомъ. Отъ соприкосновенія масла съ щелочью, которую представляетъ сода, въ извѣстныхъ мѣстахъ поверхности масляной капли образуется тонкій слой мыла, который затѣмъ быстро растворяется въ водѣ. Въ моментъ растворенія этой тонкой кожицы, напряженіе наружнаго слоя масляной капли конечно уменьшается, и внутренніе слои масляной капли устремляются къ этому мѣсту, какъ къ мѣсту наименьшаго сопротивленія, вслѣдствіе этого масляная капля вытягивается въ этомъ мѣстѣ въ отростокъ, совершенно напоминающій псевдоподію амебы. Затѣмъ наступаетъ опять образованіе новаго слоя мыла на томъ же мѣстѣ масляной капли, этотъ слой давитъ на отростокъ и отростокъ втягивается. Эти движенія остаются до тѣхъ поръ, пока вся капля масла не превратится въ мыло. Въ бѣлковыхъ жидкостяхъ предполагается также образованіе такого мыла, которое должно производить тотъ же эффектъ.

Digitized by Google

Предполагаютъ, на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, что протоплазма животныхъ и растительныхъ клѣтокъ окружена тонкимъ маслянистымъ слоемъ. Въ мѣстѣ соприкосновенія протоплазмы съ этимъ слоемъ масла происходятъ, какъ полагаетъ Квинке, аналогичныя измѣненія тѣмъ, которыя мы видѣли въ мѣстѣ соприкосновенія масла съ содою; здѣсь также должно происходить постоянное образованіе тонкой кожицы и послѣдовательное ея раствореніе, которое вызываетъ движеніе протоплазмы въ сторону наименьшаго сопротивленія и образованіе псевдоподій, а затѣмъ сокращеніе ихъ. Бючли производилъ подобные опыты, нѣсколько видоизмѣняя опытъ Квинке, и пришелъ къ нѣсколько отличному объясненію амебообразнаго движенія. Онъ растиралъ прованское масло съ поташемъ (углекислымъ кали), чрезвычайно мелко истолченнымъ; полученное такимъ образомъ тѣсто не только совершаетъ въ водѣ движенія, подобныя протоплазмѣ, но и представляетъ и строеніе совершенно похожее на протоплазму. Оно является въ видѣ пѣны, состоящей изъ пузырьковъ, наполненныхъ свѣтлой жидкостью. Движенія его совершаются такъ. Представимъ себѣ, что какой нибудь изъ наружныхъ пузырьковъ пѣны лопается и изъ него вытекаетъ наполнявшая его жидкость, которая и ложится на поверхности пѣны; напряженіе пѣны въ этомъ мѣстѣ будетъ меньше, чѣмъ въ остальной массѣ, и вслѣдствіе этого сосѣднія части ея устремляются впередъ и образуютъ отростокъ, подобный псевдоподіи.

Это движеніе вызываетъ въ свою очередь движеніе болѣе центральныхъ частей искусственной амебы до тѣхъ поръ, пока не появляется новый слой, наружный, который давитъ на внутренніе слои отростка и заставляетъ отростокъ сокращаться. Тогда въ другомъ мѣстѣ лопается пузырекъ пѣны и образуется вслѣдствіе этого новая псевдоподія и при помощи образованія такихъ отростковъ искусственная амеба передвигается. Такое движеніе можетъ продолжаться до 24 часовъ. Замѣчательно при этомъ, что такая искусственная протоплазма отвѣчаетъ на внѣшнія раздраженія совершенно такъ же, какъ и естественная. Отъ теплоты движенія ея становятся сильнѣе, теплотою же она можетъ возбуждаться къ новому движенію, если придетъ въ состояніе покоя. При дѣйствіи электричества она подвигается всегда къ отрицательному полюсу, какъ и естественная протоплазма.

Когда капля масла на поверхности содоваго раствора совершаетъ амебоидныя движенія, говоритъ Ферворнъ, то причины этого процесса принципіально не различаются отъ тѣхъ, которыя у живой амебы производятъ ползаніе, выпусканіе и вбираніе псевдоподій и т. п.

Различіе тутъ только количественное, въ сложности причинныхъ процессовъ.

Таковы заключенія, къ которымъ пришли дѣйствительно *новѣйшія* изслѣдованія жизни простѣйшихъ животныхъ. Даютъ ли они право утверждать, что «*всѣ факты новѣйшей зоопсихологіи отно-*

Digitized by Google

сительно низшихъ организмовъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что уже на первой ступени органической жизни проявляются зачатки сознанія» это мы предоставляемъ рѣшить самому читателю; съ своей стороны ограничимся лишь однимъ замѣчаніемъ по интересующему насъ вопросу.

Проф. Шимкевичъ въ своей статьѣ «Сознаніе инстинктъ и рефлексъ» (*Образованіе 1897 г. № 9*), высказываетъ мысль, что признаніе сознанія за самымъ низшимъ организмомъ противорѣчитъ эволюціонному воззрѣнію на послѣдовательное совершенствованіе и осложненіе функцій животнаго организма.

Совершенно раздѣляя эту точку зрѣнія на предметъ, *) мы полагаемъ сверхъ того, что если развитіе организмовъ выражается въ дифференцировкѣ функцій и органовъ, если эта дифференцировка является слѣдствіемъ принципа, который Мильнъ Эдвардсъ назвалъ принципомъ раздѣленія труда, то предложеніемъ признать сознаніе за одноклѣточными организмами, да еще такое, которое, по мнѣнію проф. Бехтерева, превосходитъ способности животныхъ занимающихъ въ системѣ животнаго царства гораздо болѣе высокое мѣсто,—опрокидывается вверхъ дномъ все зданіе науки воздвигнутой трудами натуралистовъ XIX вѣка и грозитъ безъ слѣда поглотить установившуюся въ ней эволюціонную теорію.

---

*) Проф. Холодковскій въ своей статьѣ: „Новое и старое объ инстинктахъ животныхъ“ (Научное Обозрѣніе № 12 1897 г.) называетъ эту идею неосновательной. Очень жаль, что высказавъ по этому предмету такое категорическое сужденіе, онъ не подѣлился съ читателемъ хотя бы однимъ изъ тѣхъ соображеній, на основаніи которыхъ счелъ себя вправѣ его вы сказать. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать основаніемъ для такого сужденія во первыхъ „заявленіе о томъ, что для простѣйшихъ онъ предполагаетъ» «низшую форму сознанія», нельзя потому, что и самъ проф. Холодковскій не даетъ намъ такой «табели о рангахъ» сознательной дѣятельности, которая хоть сколько нибудь подходила бы къ дѣлу. Что такое въ самомъ дѣлѣ «низшая форма сознанія», которою онъ надѣляетъ проетѣйшихъ животныхъ? изъ какихъ элементовъ психика «сознанія» состоитъ? Какіе элементы «сознанія»—пріобрѣтаются на слѣдующихъ ступеняхъ развитія? и т. д. Все это вопросы, на которые не въ состояніи отвѣтить и самъ проф. Холодковскій,

Совершенно такъ же убѣдительно и «*другое*» соображеніе почтеннаго проф. Оно заключается въ томъ что «недопущеніе сознанія будто бы противорѣчитъ эволюціонной теоріи», Почему же? Потому, говоритъ проф, Холодковскій, что оно будто бы обязываетъ допустить позднѣйшее его возникновеніе какъ «deus ex machina». Но вѣдь сознаніе появляется же въ опредѣленный моментъ развитія каждаго животнаго. Иначе проф. Холодковскій долженъ признать сознаніе и за тою клѣткой, которая даетъ начало яйцу будущаго цыпленка Правда проф. Холодковскій утверждаетъ, что сознаніе есть основная функція всякой живой матеріи; но для утвержденія этого у него *ровно столько* же основанія сколько у Boisel'я для утвержденія того, что *атомы* обладаютъ хотя инстинктивною, но *достовѣрною* познавательною способностью (sic)... Нужно ли говорить о томъ что эта аргументація не даетъ еще права выступать съ категорическимъ заявленіемъ о томъ, что мнѣніе, не согласное съ мнѣніемъ проф. Холодковскаго по этому пункту, неосновательно.

Digitized by Google

Это представлялось бы дѣломъ по истинѣ страшнымъ и могущимъ внушить серьезныя опасенія сторонникамъ науки, если бы кампанія противниковъ не велась орудіемъ столь же невиннымъ по своему существу какъ... хоботокъ Didinium nasutum, который уже давно похороненъ точными изслѣдованіями, но помощью *«жизненнаго начала»* вновь оживленъ сторонниками проф. Бехтерева, чтобы на страхъ врагамъ свирѣпствовать... коли не въ природѣ, такъ по крайней мѣрѣ «въ интуиціи перцептирующаго духа».

Владиміръ Вагнеръ.

Поэзія А. Н. Майкова.

съ педагогической точки зрѣнія.

Въ собраніи стихотвореній А. Н. Майкова *) на первомъ мѣстѣ стоитъ хорошо исполненный портретъ поэта, большой высокій лобъ съ хмурой и вдумчивой складкой, острый проницательный взглядъ, лицо продолговатое, сухощавое, дающее общее впечатлѣніе ума и строгости.

И вся поэзія Майкова носитъ на себѣ такую печать ума и строгости, чего то возвышеннаго, безпристрастнаго и холоднаго. Она мѣстами суха и скучна, мѣстами—преимущественно въ позднихъ его стихотвореніяхъ—горделива и высокомѣрна; но мѣстами въ ней разсѣяны глубокія мысли и превосходные художественные образы; въ общемъ эта поэзія исполнена большого ума и тонкаго эстетическаго чувства. Майковъ глубокомысленный поэтъ. Никто такъ не проникалъ въ глубь классической древности и западной средневѣковой старины, ни у кого нѣтъ такого обилія философской поэзіи, какъ у Майкова.

Съ педагогической точки зрѣнія огромное большинство стихотвореній Майкова неудобно по разнымъ причинамъ. Одни слишкомъ отвлеченны и сухи, другія тенденціозны, въ третьихъ слишкомъ много спеціальныхъ деталей изъ классической археологіи; но за то тѣмъ важнѣе оказываются стихотворенія доступныя и удобныя, по богатству мыслей, по изяществу выраженій, гуманности, исторической наблюдательности.

«Себя я помнить сталъ въ деревнѣ», говоритъ А. Н. Майковъ въ «Рыбной ловлѣ». Извѣстно, что поэтъ провелъ дѣтство подъ Москвой. Но сельскій бытъ и природа очень мало затронули его душевное настроеніе. Болѣе запечатлѣлась въ памяти мальчика церковная обстановка первопрестольной столицы и ея окрестностей.

*) Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова въ 3-хъ т. Изд. 6-ое А. Ф. Маркса. Спб. 1893. Ц. 3 р.

Digitized by Google

Природа и народъ почти совсѣмъ не были замѣчены, и держались они не въ глубинѣ души, а въ сравнительно довольно поверхностныхъ слояхъ начитанности и общихъ наблюденій. А. Н. Майковъ писалъ въ юности:

Картины бѣдныя полунощнаго края!
Гдѣ бъ я ни умиралъ, васъ вспомню умирая:
Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня,
Не вы ль миря съ людьми, учили жить меня!..,

Поэзія Майкова на всемъ ея протяженіи не оправдываетъ этихъ словъ и не доказываетъ справедливости ихъ. Подмосковныя картины природы не бѣдны, онѣ оказались бѣдными лишь въ поэзіи Майкова. Въ поэзіи Ломоносова, Пушкина, Тютчева, Фофанова и болѣе бѣдныя картины сѣверной русской природы нашли богатое и разнообразное выраженіе.

Многое въ поэзіи Майкова можетъ быть понято и основательно оцѣнено лишь въ томъ случаѣ, когда читатель обладаетъ въ высокой степени общимъ культурнымъ и эстетическимъ развитіемъ. На видъ иное стихотвореніе, простое, легкое, при первомъ чтеніи, какъ то скользитъ по поверхности чувства и мысли, нужно вдуматься и вдуматься, чтобы оно попало въ глубину сознанія и раскрыло всю свою красоту. Въ педагогической практикѣ подобнаго рода стихотворенія не въ ходу и не въ моготу. Таково, напр., обманчиво легкое, обманчиво пустенькое, въ дѣйствительности глубоко задуманное и прекрасно выполненное стихотвореніе «Весна».

Голубенькій, чистый
Подснѣжникъ-цвѣтокъ!
А подлѣ сквозистый,
Послѣдній снѣжокъ...
Послѣднія слезы
О горѣ быломъ,
И первыя грезы
О счастьѣ иномъ...

Пониманіе этого стихотворенія всецѣло обусловлено субъективнымъ духовнымъ богатствомъ читателя, для однихъ тутъ ничего не сказано, для другихъ сказано очень много. Послѣдній, порѣдѣвшій уже снѣжокъ служитъ символомъ былого, устарѣвающаго и умирающаго. У всякаго это былое особое, причемъ предполагается былое холодное, зимнее, суровое. Первый голубенькій цвѣтокъ подснѣжникъ—это символъ будущаго, символъ идеала, греза, надежда на лучшее свѣтлое будущее, какъ себѣ кто его представляетъ, того будущаго, куда почти всякаго влечетъ надежда. Тутъ можно припомнить прекрасное стихотвореніе Шиллера «Надежда», и, если бы кто задумалъ и въ педагогическую практику ввести «Весну» Майкова съ комментаріемъ, то лучшаго въ смыслѣ воспитательномъ комментарія, какъ «Надежда» Шиллера трудно и придумать.

Даже въ лучшихъ картинахъ у Майкова пробивается часто искусственное интеллигентное пониманіе, требующее отъ читателя извѣстной культурно-эстетической подготовки, а подчасъ и оправданія. Напр., въ стихотвореніи «Звуки ночи» поэтъ говоритъ:

Digitized by Google

О ночь безлунная!.. Стою я, какъ влюбленный,
Стою и слушаю, тобой обвороженный....
Какая музыка подъ ризою твоей!
Кругомъ стеклянный звонъ ліющихся ключей...
. . . . . .
Съ разливовъ хоры жабъ несутся, какъ глухіе
Органа дальняго аккорды басовые...

Все это звучно, красиво, но мѣстами требуетъ усилія мысли и воображенія; только при навыкѣ быстро улавливать тонкіе художественные штрихи могутъ благополучно сойти и музыка подъ ризой ночи и басовые аккорды органа.

Въ стихотвореніи «Въ лѣсу», написанномъ годомъ позднѣе въ 1857 г., въ расцвѣтѣ таланта, поэтъ входитъ днемъ въ лѣсъ, и ему кажется, что онъ нарушилъ жизнь лѣса, и деревья слѣдятъ за нимъ, даже мыслятъ въ тишинѣ. Поэту слышится нѣмой укоръ, и духъ его сдавленъ и смущенъ. Пониманіе субъективное и одностороннее. Возможно другое болѣе симпатичное отношеніе души человѣческой къ родственной ей душѣ растительнаго міра, когда человѣкъ чувствуетъ себя какъ бы дорогимъ гостемъ въ лѣсу, когда его влекутъ къ себѣ деревья и цвѣты красотой формы и ароматомъ, такое отношеніе, какое выразилось, напр., въ стихотвореніи Манжуры «Квитци въ степу радіють наши очи, и серце мовъ ридне до неи сміетця», или въ стихахъ Некрасова: «Идетъ гудетъ зеленый шумъ», или въ прекрасномъ прозаическомъ разсказѣ Сенкевича «Лѣсная картинка».

Въ позднихъ стихотвореніяхъ Майкова встрѣчаются иногда невѣрные образы изъ внѣшней природы, несостоятельность которыхъ скрыта подъ шумихой громкихъ словъ. Въ педагогической практикѣ почему то пользуется почетомъ слѣдующее четыреститіе 1881 г.:

Не говори, что нѣтъ спасенья,
Что ты въ печаляхъ изнемогъ:
Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды,
Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ.

Послѣдніе два стиха часто идутъ, какъ темы для письменныхъ работъ по русскому языку въ старшихъ классахъ гимназій. Однако данные образы и сравненія несостоятельны, съ какой бы стороны ихъ ни разсматривать. Яркость звѣздъ не обусловлена темнотой ночи и въ особенности темнота ночи не обусловлена яркостью звѣздъ. Еще менѣе связи между глубокой скорбью и религіознымъ чувствомъ. Напротивъ, глубокая скорбь приводитъ къ отчаянію и атеизму. Въ исторіи и этнографіи можно найти не мало доказательствъ того, что подъ вліяніемъ глубоко скорбныхъ обстоятельствъ, мысль отъ Бога обращается къ сатанѣ. Извѣстно, напр., что въ Германіи послѣ тягостной тридцатилѣтней войны открыто высказывалось убѣжденіе о господствѣ надъ міромъ сатаны. Извѣстно также, что нѣкоторыя африканскія племена, подъ вліяніемъ горестей ихъ быта, дошли до убѣжденія, что молиться нужно лишь

Digitized by Google

злому духу, а добрые боги не заслуживаютъ вниманія, потому что они и безъ молитвы добры.

Въ трагедіи «Княжна» 1877 года находится одинъ интересный образъ изъ внѣшней природы, образъ весьма художественный, но мало кому извѣстный, незамѣченный, совсѣмъ непопулярный, можетъ быть потому, что самая трагедія «Княжна» очень растянута и скучна, можетъ быть потому, что художественному образу дано религіозно-мистическое пріуроченіе.

Образъ: Пылинка влаги, въ небеса взлетая,
Тамъ золотомъ горитъ и серебромъ,
То въ радугахъ цвѣта переливая,
То разнося и молнію, и громъ...
Отбушевавъ и отблиставъ, кончая
Свой горьній путь, теряется потомъ
Въ бездонныхъ глубинахъ, гдѣ отъ начала
Ни зыби не было, ни бурь, ни шквала...
Пріуроченіе: Счастливъ, тысячекратъ счастливъ народъ,
Въ чьемъ духѣ есть тѣ жъ глубины святыя,
Невозмутимыя и въ дни невзгодъ,
Гдѣ всякія страданія земныя
Врачуются, гдѣ разумъ обрѣтетъ
И нищій духомъ на дѣла благія.
Затѣмъ, что тамъ отъ искони вѣковъ
Царитъ всецѣло чистый духъ Христовъ.

Стихотвореніе имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, оно глубоко по мыслямъ и сильно по формѣ выраженія ихъ; но пріурочить это стихотвореніе къ внѣшней природѣ по вступительному образу—затруднительно, и если только вводить его въ педагогическую практику, то удобнѣе будетъ поставить его въ связь съ стихотвореніемъ «Дорогъ мнѣ передъ иконой», гдѣ обрисовано значеніе религіи и храма для утѣшенія людского горя.

Изъ стихотвореній Майкова о внѣшней природѣ по величественности и красотѣ образовъ и по ясной хрустальности стиха выше всего стоитъ «Ночь на жнитвѣ». Здѣсь прямо поразительны стройность и цѣльность образа, необыкновенно реальная живопись и весьма удачно вплетенное гуманистическое чувство. Тутъ реализмъ и идеализмъ сплелись въ одинъ благоуханный поэтическій цвѣтокъ. Къ этому стихотворенію по художественному достоинству подходятъ «Весна», «Лѣтній дождь», «Сѣнокосъ», «Нива», начало въ стихотвореніи «Поля». Не дурна своеобразная поэма о рыбной ловлѣ. Въ ней много мелкихъ, но рельефныхъ чертъ великорусской природы. Нѣсколько слабѣе стихотворенія о горахъ и степяхъ, лѣсные пейзажи и стихи объ улетѣвшихъ ласточкахъ. Горы вообще не даются русскимъ поэтамъ. Видно, онѣ чужды русской душѣ, исторически воспитавшейся въ равнинѣ. Степи слабо представлены у Майкова. Сравнительно болѣе яркія художественныя изображенія степной природы находятся у Гоголя, Никитина, Фета и Чехова. Въ итогѣ получается немного безукоризненно хорошихъ художественныхъ образовъ природы, именно: образы хлѣб-

Digitized by Google

наго поля въ жатву, болота и рѣчныхъ затоновъ съ точки зрѣнія любителя рыболова.

Еще бѣднѣе поэзія Майкова любовными стихотвореніями. У полузабытаго романиста Авдѣева есть одна повѣсть подъ характернымъ заголовкомъ «Сухая любовь». Этотъ заголовокъ какъ нельзя лучше идетъ къ любовнымъ стихотвореніямъ Майкова. Единственное стихотвореніе, гдѣ сквозитъ еще любовное чувство—«Подъ дождемъ»; но и тутъ картина лѣтней грозы беретъ перевѣсъ, и чувство любви остается въ предположеніи. Судя по двумъ тремъ стихотвореніямъ, и поэтъ нашъ въ 20 лѣтнемъ возрастѣ изрѣдка увлекался. но красота римскихъ развалинъ и классическая археологія вызвали въ то же время болѣе отзвуковъ въ его поэзіи, чѣмъ красота женщинъ. Въ стихотвореніи «О чемъ въ тиши ночей таинственно мечтаю» поэтъ не рѣшается довѣрить стиху, «чей гласъ въ ночномъ молчаніи ему слышится, чьи очи ему свѣтятъ». Въ «Исповѣди», того же времени упоминаются какіе то «лики блѣдные» и «взоры темные». Въ «Духѣ вѣка» упоминаются «ланиты» и даже «косы, черныя какъ смоль, чуть не по самыя колѣна». Это единственныя обрисовки женской красоты, и все это выражено блѣдно, сухо, такъ сухо, что даже не вѣрится, что поэту въ то время было 20 лѣтъ. Ничто такъ не характерно для поэзіи Майкова, какъ отсутствіе въ ней любви, самаго сильнаго двигателя человѣческой жизни. Въ идеализированныхъ и художественныхъ образахъ любовь имѣетъ важное педагогическое значеніе. Она культивируетъ и облагораживаетъ чувственные порывы и воспитываетъ уваженіе къ женщинѣ. За такой любовью надо идти къ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тургенева.

Что же остается у Майкова для педагогическаго воздѣйствія, при отсутствіи природы и любви? Торжественной важностью и необыкновенной красотой формы отличаются его стихотворенія римскія, историческія и философскія. Въ мірѣ отжившихъ преданій и древнихъ памятниковъ быта поэтъ ориентировался очень легко и охотно брался за ихъ воспроизведеніе въ словесной живописи, причемъ ему удавалось такъ живописать старину, что она какъ бы воскресала передъ мысленными очами читателя. Извѣстно, что Майковъ въ молодости очень любилъ палитру и краски, что онъ въ Италіи спеціально изучалъ живопись, и вся его поэзія имѣетъ въ высшей степени живописный характеръ. Зрительные образы, даваемые стихами Майкова, такъ отчетливы и ярки, что граничатъ съ картинными впечатлѣніями. Самъ поэтъ прекрасно сознавалъ такую особенность своей музы, что и выразилъ въ стихотвореніи:

Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ
Римомъ!
Подъ этакимъ небомъ невольно художникомъ станешь.
Природа и люди здѣсь будто другіе, какъ будто картины
Изъ яркихъ стиховъ антологіи древней Эллады.
Ну, вотъ, поглядите: по каменной бѣлой оградѣ разросся
Блуждающій плющъ, какъ развшенный плащъ или завѣса;

Digitized by Google

Въ срединѣ, межъ двухъ кипарисовъ, глубокая темная ниша,
Откуда глядитъ голова съ преуродливой миной
Тритона. Холодная влага изъ пасти, звеня, упадаетъ.
Къ фонтану альбанка (ахъ, что за глаза изъ подъ тѣни
Покрова сіютъ у ней! что за станъ въ этомъ аломъ корсетѣ!).
Подставивъ кувшинъ, ожидаетъ, какъ скоро водою
Наполнится онъ, а другая подруга стоитъ неподвижно,
Рукой охвативъ осторожно кувшинъ на облитой
Вечернимъ лучемъ головѣ... Художникъ (должно быть, германецъ)
Спѣшитъ срисовать ихъ, довольный, что случай нежданно
Въ ихъ позахъ сюжетъ ему далъ для картины, и вовсе не мысля,
Что я срисовалъ въ то же время и чудное небо,
И плющъ темнолистый, фонтанъ и свирѣпую рожу тритона,
Альбанокъ и даже—его самого съ его кистью!

Это стихотвореніе мы привели цѣликомъ, какъ весьма важное въ педагогическомъ отношеніи. Оно даетъ массу образовъ и свѣдѣній. Прежде всего оно представляетъ превосходную картину римской природы и народа, затѣмъ наглядно объясняетъ живописное значеніе поэзіи и въ частности объясняетъ характерныя особенности поэзіи Майкова. Стихотвореніе легко поддается усвоенію на память и удобно можетъ быть комментируемо. Въ немъ все послѣдовательно, ясно, просто и художественно. На такихъ стихотвореніяхъ можетъ вырабатываться чувство изящнаго въ рѣчи и въ письменномъ изложеніи мыслей.

Въ слѣдъ за указаннымъ стихотвореніемъ по художественнымъ и педагогическимъ достоинствамъ нужно поставить Campagna di Roma—превосходное описаніе римскихъ окрестностей, съ характерными типами римскаго населенія, вообще—въ высшей степени изящное и правдивое воспроизведеніе современной Италіи съ ея гордыми классическими воспоминаніями и реальными нищенствомъ и озлобленіемъ. Это стихотвореніе заслуживаетъ самаго полнаго вниманія въ учебной практикѣ, до усвоенія наизусть и комментарія. Чтобы сдѣлать его еще болѣе полнымъ и выразительнымъ, я рекомендовалъ бы предварительно ознакомить учениковъ съ первыми строками стихотворенія Пушкина: «Кто знаетъ край» до стиха «страна высокихъ вдохновеній» (включительно). При этомъ можетъ пригодиться мой комментарій къ этому стихотворенію, напечатанный во 2 вып. моихъ «Этюдовъ объ А. С. Пушкинѣ».

Послѣ римскихъ стихотвореній выдается прекрасное, но, къ сожалѣнію, у насъ весьма мало извѣстное стихотвореніе «На берегахъ Нормандіи». Это одно изъ самыхъ живописныхъ и гуманныхъ стихотвореній новѣйшей русской поэзіи. Привожу его цѣликомъ:

Больное, тихое дитя
Сидитъ на берегѣ, слѣдя
Большими, умными глазами
За золотыми облаками....
Вкругъ берегъ пустъ—скала, песокъ...
Тростникъ, накиданный волною,
Въ поморьѣ тянется каймою.....

Digitized by Google

И такъ покой кругомъ глубокъ,
Такъ тихъ ребенокъ, что садится
Вблизи на тростникѣ,
Играя, птичка; на пескѣ
По мели рыбка серебрится....
Къ нимъ взоръ порою обратя,
Такъ улыбается дитя,
Глядитъ на нихъ съ такимъ участьемъ,
И такъ сіяетъ кроткимъ счастьемъ,
Что если, бѣдный, промелькнетъ
Онъ на землѣ какъ гость залетный,
И скоро въ небѣ въ сонмъ безплотный
Господнихъ ангеловъ войдетъ,
То тамъ, межъ нихъ воспоминая
Свой берегъ дикій и пустой,
«Прекрасна, скажетъ, жизнь земная!
Богатъ и веселъ край земной!»

Въ этомъ стихотвореніи все хорошо, стройно, выдержано мягко и задушевно; и въ педагогической практикѣ стихотвореніе это могло бы пригодиться для насажденія любовнаго созерцательнаго отношенія къ природѣ. Въ частности очень хороша картина морского берега. Къ этой картинѣ я добавилъ бы еще прекрасный разсказъ Альфонса Доде «Жатва на берегу моря», гдѣ также говорится о нормандскомъ побережьѣ. Въ сокращеніи, всего на двухъ страницахъ, разсказъ Доде переданъ въ 2 изд. «Пособія для устройства литерат. чтеній» изд. Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ въ 1896 г.

Интересна далѣе передѣланная Майковымъ испанская сказка о правдивомъ пастухѣ. Испанскаго въ этой сказкѣ очень мало, но общечеловѣческаго много; самая фабула сказки широко распространена въ Европѣ, встрѣчается она и среди народовъ Азіи. Основная тема сказки состоитъ въ разгадываніи мудреныхъ загадокъ. У Майкова разгадчикомъ является пастухъ, въ громадномъ большинствѣ варіантовъ сказки и во многихъ древнихъ письменныхъ пересказахъ ея отгадчицей является мудрая дѣвушка. Въ педагогическомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія такая простая и художественная передача популярной народной сказки. Суровый испанскій король Донъ-Педро послѣ удачной охоты дѣлаетъ привалъ. Онъ привыкъ къ лжи и лести своихъ вельможъ. Но вотъ къ нему подводятъ красиваго мальчика пастуха. Король послѣдовательно предлагаетъ ему три вопроса: 1) сколько капель въ морѣ? 2) много ль звѣздъ на небѣ? и 3) много ль дней у Бога? На первый вопросъ мальчикъ проситъ короля повелѣть, чтобы дождь не шелъ, пока онъ будетъ считать капли въ морѣ. На второй вопросъ предлагаетъ королю приказать звѣздамъ сойти съ неба на землю для счета. На третій отвѣчаетъ:

Дни у Бога крадетъ время.
Повели, чтобы оно
Хоть на мигъ остановилось—
И ужъ счесть не мудрено—

Digitized by Google

Король похвалилъ находчиваго мальчика, дамы его расцѣловали, вельможи стали льстить, а мальчикъ лишь подумывалъ, какъ бы ему «въ горы улизнуть».

«Пастухъ» можетъ быть рекомендованъ для чтенія на литературныхъ вечерахъ или для декламаціи, тѣмъ болѣе, что легко можетъ быть усвоенъ на память, при небольшой величинѣ и послѣдовательномъ ходѣ разсказа, можетъ служить далѣе темой для классныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ, причемъ выяснится искусный пріемъ автора—противоположеніе съ одной стороны богатыхъ и отчасти испорченныхъ общественныхъ элементовъ, съ другой человѣка простого, искренняго, живущаго близко къ внѣшней природѣ. Одновременно могутъ быть выяснены вопросы литературной критики съ одной стороны, и пріемовъ художественнаго творчества съ другой, напр., можетъ быть разъяснено, что для литературнаго произведенія потребно лишь правдоподобіе, а не точная реальная правда, такъ какъ при узкомъ реализмѣ отвѣты мальчика покажутся необоснованными и даже невозможными, въ виду малаго пастушескаго развитія, но эту ограниченность расширяетъ художественная идеализація, которая рисуетъ міръ и людей не всегда такими, какъ они есть, но такими, какими они должны или могутъ быть, по нашимъ желаніямъ, по нашимъ идеаламъ. Искусство украшаетъ жизнь и тѣмъ поднимаетъ ея реальное значеніе, вноситъ разнообразіе, движеніе и прогрессъ.

Въ педагогической практикѣ давно уже завоевали мѣсто «Клермонтскій соборъ», «Савонаролла» и «Приговоръ, или Констанцскій соборъ». То или другое изъ этихъ стихотвореній можно найти въ любой ученической христоматіи по русскому языку. Надлежащее имъ мѣсто—въ историческихъ, а не въ общихъ христоматіяхъ. Въ смыслѣ вѣрнаго и яркаго воспроизведенія характерныхъ проявленій культурной жизни Запада всѣ эти стихотворенія заслуживаютъ вниманія; но безъ историческаго освѣщенія, въ приложеніи къ изученію собственно русскаго языка, эти стихотворенія, за исключеніемъ одного «Приговора», представляются тяжелыми и неудобными. Въ особенности сложнымъ археологическимъ характеромъ отличается «Клермонтскій соборъ». Тутъ масса спеціальныхъ подробностей, такихъ деталей, которыя понятны лишь при значительномъ уровнѣ общаго образованія: турниръ, тіара, алебарда, литавры. Тутъ много собственныхъ именъ, тяжелый швабъ, и рыжій бриттъ, и галлъ отважный сибаритъ. Затѣмъ рѣчь пилигрима риторична, тяжела и въ одномъ мѣстѣ носитъ слишкомъ мрачный и жестокій характеръ, именно тамъ, гдѣ пилигримъ разсказываетъ передъ королями и рыцарями, какъ турокъ ударилъ бичемъ священника, пѣвшаго псаломъ, опрокинулъ его на землю, вырвалъ бороду, изрубилъ тѣло на куски и бросилъ ихъ на пилигримовъ. Можетъ быть все это Майковымъ взято изъ какого нибудь достовѣрнаго свидѣтельства, но въ поэзіи такія картины не пригодны, и въ педагогическомъ отношеніи уже изъ за этой детали весь «Клер-

Digitized by Google

монтскій соборъ» много теряетъ, настолько теряетъ, что полное удаленіе его изъ общихъ учебныхъ христоматій представляется даже желательнымъ.

Значительно проще и мягче «Савонаролла». Правда, и тутъ много историко-бытовыхъ и археологическихъ подробностей. Многое въ этомъ стихотвореніи также требуетъ комментарія, причемъ кое что есть и не заслуживающее вниманія съ педагогической точки зрѣнія. Напр. на площадь на сожженіе предметовъ роскоши у Майкова направляются маски, паяцъ, «съ лавкой разныхъ склянокъ на колесницѣ шарлатанъ, и грандъ, и дьяволъ, и султанъ, и Вакхъ со свитою вакханокъ—странная смѣсь лицъ, странная даже для людей взрослыхъ и образованныхъ. Въ числѣ предметовъ, принесенныхъ на сожженіе, оказывается опять куча малоизвѣстныхъ и главнѣе такихъ, объясненіе которыхъ не представляетъ никакого педагогическаго интереса:

Тутъ были жемчугъ, изумруды,
Великолѣпные сосуды,
И кучи бархатовъ, парчей,
И картъ игральныхъ, и костей,
И сладострастныя картины,
И бюсты фавновъ и сиренъ,
Литавры, арфы, мандолины,
И поты страстныхъ кантиленъ,
И кучи масокъ и корсетовъ,
Румяна, мыло и духи,
И эротическихъ поэтовъ
Соблазна полные стихи...

Цѣлый флорентійскій музей домашняго быта XV вѣка слѣпленный въ одну кучу. Для учащихся тутъ слишкомъ много незнакомыхъ вещей и непонятныхъ названій.

Послѣдующая рѣчь Савонароллы насыщена не только темными словами, но еще болѣе темными чувствами нетерпимости, злобы и религіознаго фанатизма. Все это можетъ быть вполнѣ вѣрнымъ и правдивымъ въ историческомъ отношеніи, но антихудожественно и претитъ современному эстетическому и моральному чувствамъ. Тутъ и «шумъ сатурналій», и «святая библія», и «пустынная манна», и «пестрый маскарадъ». Фанатикъ упрекаетъ ученыхъ за анатомированіе труповъ; на художниковъ—знаменитыхъ художниковъ, рисовавшихъ Мадонну—клевещетъ, будто они Матерь Божію рисуютъ только и блудницъ. Послѣдняя подробность въ особенности рѣзко подчеркиваетъ педагогическую несостоятельность «Савонароллы».

Самъ поэтъ почувствовалъ, какъ антихудожественъ и антипатиченъ флорентійскій фанатикъ, и почувствовавъ, это, закончилъ свою историческую поэму словами осужденія:

Доминиканца жъ ликъ суровый
Былъ чуждъ любви - и самъ онъ палъ
Безплодной жертвой.

Онъ не понялъ Христа, который, по словамъ поэта,

Digitized by Google

Чистыхъ радостей не гналъ
И, Магдалину возрождая,
Дѣтей на жизнь благословлялъ.

Хотя эта заключительная философія и подкупаетъ въ концѣ концовъ взрослаго читателя въ пользу поэмы, но для учащейся молодежи философія эта непригодна, потому что здоровая юность не пойметъ и не оцѣнитъ ея религіознаго обоснованія и помимо нея по инстинктивному чувству любви къ жизни и къ радостямъ жизни всегда холодно отнесется къ Савонаролѣ.

«Легенда о Констанцкомъ Соборѣ» отличается крупными художественными достоинствами. Изложена эта поэма сравнительно съ двумя предыдущими лучше, въ ясныхъ и сильныхъ четырестишіяхъ, въ порядкѣ стройномъ, послѣдовательно, мѣстами весьма задушевно и гуманно. Въ особенности хорошо обрисовано увлеченіе многочисленнаго собранія пѣніемъ соловья и прорывъ подъ освѣжающимъ вліяніемъ весенней природы добраго человѣческаго чувства въ сердцахъ, засушенныхъ житейскими счетами, религіозной нетерпимостью и узкой схоластикой. Лучшее мѣсто поэмы то, гдѣ обрисовано, какъ всѣмъ пришли на память золотые сердца годы, золотыя грезы счастья, золотые дни свободы. Но проблескъ мысли и чувства такъ и остается проблескомъ. Собраніе возвращается въ обыденную колею нетерпимости и злобы, и проявленіе человѣческаго гуманнаго чувства объясняетъ внушеніемъ дьявола. Поэма эта можетъ служить превосходнымъ комментаріемъ къ учебнику исторіи, можетъ пойти и для литературнаго вечера, и для класснаго разбора, или послужить темой для домашней письменной работы, въ связи съ соотвѣтствующими страницами изъ «Всемірной исторіи» М. Н. Петрова или съ другими подходящими историческими пособіями. Вообще близкое ознакомленіе учащихся съ «Приговоромъ» Майкова весьма желательно.

Полезнымъ стихотвореніемъ, преимущественно въ смыслѣ историческаго комментарія, нужно признать «Упраздненный монастырь». Стихотвореніемъ этимъ можно воспользоваться при объясненіи значенія монастырей въ старой до-петровской Руси. Здѣсь намѣчены общія черты въ дѣлѣ возникновенія монастырей, ихъ культурно-историческое значеніе въ глухихъ мѣстахъ, затѣмъ ихъ моральное значеніе. Вставной эпизодъ объ Іоаннѣ Грозномъ можетъ быть выпущенъ. Въ частности по этому эпизоду «Упраздненный монастырь» можетъ быть сравненъ съ извѣстнымъ соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина. Въ особенности заслуживаетъ вниманія стихъ Майкова, что тяжелый млатъ ковалъ русскихъ въ одинъ народъ и что святая Русь вынесла тяготы насильствъ, и казней, и опалъ.

Въ связи съ этимъ стихотвореніемъ или безъ него можно воспользоваться двумя небольшими стихотвореніями Майкова о значеніи храма: «Когда гонимъ тоской неумолимой» и «Дорогъ мнѣ передъ иконой». Въ обоихъ стихотвореніяхъ, въ особенности

Digitized by Google

въ послѣднемъ, ярко обрисовано нравственное значеніе храма и молитвы, въ смыслѣ утѣшенія въ горести. При комментаріи нужно указать и на другія значенія храма въ исторической жизни русскаго народа, напр., назначеніе образовательное, по чтеніямъ, пѣнію и иконописи, и общественно-національное, по сближенію на почвѣ общей молитвы.

Въ педагогическомъ отношеніи весьма цѣннымъ надо признать стихотвореніе «Кто онъ?» Въ особенности цѣнно это стихотвореніе, какъ художественный комментарій при прохожденіи учебника русской исторіи о Великомъ преобразователѣ, наряду съ извѣстными обрисовками Петра Великаго въ произведеніяхъ Пушкина. По содержанію «Кто онъ?» прямо примыкаетъ къ «Мѣдному Всаднику» Пушкина. Картина природы края, данная Пушкинымъ, вполнѣ гармонируетъ съ содержаніемъ стихотворенія Майкова. Съ другой стороны «Кто онъ?» служитъ превосходнымъ дополненіемъ къ стихамъ Пушкина о разносторонности генія Петра и его трудолюбія, что онъ на тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Затѣмъ съ цѣлями патріотическими можно рекомендовать ст. Майкова «Казакъ», гдѣ удачно отмѣчены главные географическіе предѣлы Россіи. Стихотвореніе это небольшое, написано легко, послѣдовательно, и при изученіи его недурно сдѣлать соотвѣтствующія указанія по географической картѣ Россіи. Въ связи съ этимъ стихотвореніемъ съ пользой могутъ быть разобраны пушкинскія стихотворенія о казакѣ въ «Полтавѣ» («Кто при звѣздахъ») и «Донъ» и ст, Лермонтова «Казачья колыбельная пѣсня».

Превосходны въ педагогическомъ отношеніи «Картинки» и «Поля»: два стихотворенія о наиболѣе великомъ и наиболѣе благотворномъ событіи новѣйшей русской исторіи - манифестѣ 19 февраля 1861 года. Оба стихотворенія можно разсматривать въ связи, первое—«Картинку», какъ общую обрисовку радостнаго событія, второе—«Поля», какъ выраженіе отношеній къ нему людей разнаго поколѣнія и разнаго житейскаго воспитанія. Общая мысль, что всю благотворность событія вполнѣ разъяснитъ будущее, послѣдующія поколѣнія. Старый дворовый человѣкъ еще брюзжитъ на волю; его холопской душѣ противна воля. Его идеалы въ прошломъ, когда почти каждая помѣщичья усадьба была городкомъ, съ массой разной челяди. Полная надеждъ молодежь 60-хъ годовъ обрисована въ лицѣ удалого ямщика. Мчится онъ впередъ въ пространство, безъ конца, впередъ, не внемля ничему. Эта удаль нѣсколько односторонняя, безъ критики и анализа. Ямщикъ не можетъ и не хочетъ разъяснить старику дворовому человѣку его недоразумѣнія; никакъ желанное словцо не попадало ему на языкъ, и онъ лишь мчитъ, съ рискомъ обломиться и искалѣчиться. Дальнѣйшій шагъ впередъ—въ «Картинкѣ»—грамотная дѣвочка малютка; съ трудомъ, пальчикомъ водя отъ слова къ слову, она читаетъ мужикамъ дорогую вѣсть про желанную свободу. Это

Digitized by Google

эмблема свободной и грамотной Россіи, заря новыхъ дней. Майковъ предвозвѣщаетъ своей родинѣ такую свѣтлую будущность:

Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!
Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ...
Воля, братья, это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

Послѣ этихъ двухъ историческихъ стихотвореній вполнѣ умѣстно рекомендовать «Ниву», гдѣ удачно къ картинѣ чисто русскаго хлѣбнаго поля, къ радостной картинѣ урожая; присоединено гуманное пожеланіе для родной земли духовнаго хлѣба, чтобы на ней взошли посѣянныя уже сѣмена мысли и добраго общеполезнаго дѣла

Изъ другихъ поэтовъ въ pendant къ указаннымъ стихотвореніямъ въ педагогической практикѣ съ большой пользой можетъ быть использовано стихотвореніе Пушкина «Деревня», въ особенности вторая часть его, причемъ чтеніе и разборъ этого стихотворенія должны предшествовать стихотвореніямъ Майкова «Поля», «Картинка» и «Нива».

Врядъ ли можно признать среднее образованіе законченнымъ или по крайней мѣрѣ удовлетворительнымъ, при отсутствіи знакомства съ такимъ произведеніемъ Майкова, какъ «Три смерти». Нѣтъ въ русской поэзіи ни одного произведенія, въ которомъ такъ отчетливо и рельефно выражены были философскія воззрѣнія древнихъ, какъ они выражены въ помянутой драмѣ Майкова. Ближайшее ознакомленіе съ этой величественной драмой, возможное, понятно, лишь въ высшихъ классахъ, на почвѣ значительнаго общаго развитія, несомнѣнно, должно сильно содѣйствовать умственной зрѣлости. При этомъ нужно замѣтить, что по величинѣ, ясности схемы и общимъ положеніямъ «Три смерти» почти единственное вполнѣ доступное и достаточно во всѣхъ частяхъ интересное философское произведеніе Майкова, чего нельзя сказать про его трагедію «Два міра», тяжелую и скучную. Въ драмѣ «Три смерти» надо опредѣлить три характера Люція, Лукана и Сенеки, надо отмѣтить главныя мысли поэта, причемъ самаго тщательнаго вниманія заслуживаютъ двѣ превосходныхъ рѣчи— поэта Лукана о цѣли жизни и задачахъ поэзіи и мыслителя Сенеки о необходимости духовно-нравственной связи между смѣняющимися поколѣніями.

Луканъ вѣритъ въ безсмертіе, по избытку своихъ духовныхъ силъ Онъ отвергаетъ мысль, чтобы

Провидѣніе могло

Digitized by Google

Вдругъ человѣка взять въ лѣсахъ,
Возвысить въ мірѣ, дать значенье,
И вдругъ—разбить безъ сожалѣнья,
Какъ форму глиняную въ прахъ!..

Самый поэтическій даръ служитъ для него доказательствомъ безсмертія. Луканъ вѣритъ, что поэзія одна изъ разумныхъ силъ міра, и онъ такъ опредѣляетъ ея задачи:

Народовъ мысли—образъ дать,
Ихъ чувству—слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое...

Но поэтъ, натура страстная, хочетъ жить, хочетъ обратиться къ сенату и цезарю съ горячимъ словомъ укора, волнуется и жалуется.

Тѣмъ болѣе выдается безстрастное величіе философа Сенеки. Правильно или нѣтъ, онъ рѣшилъ, что его вѣкъ пришелъ, и на этомъ рѣшеніи успокоился.

Жизнь хороша, когда мы въ мірѣ
Необходимое звено,
Со всѣмъ живущимъ за одно;
Когда не лишній я на пирѣ;
Когда идя съ народомъ въ храмъ
Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ...
Когда жъ толпа, съ тобою розно,
Себѣ воздвигнувъ божество,
Слѣдитъ съ какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего;
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидѣвъ далеко,—
О, жить отверженнымъ скитальцемъ,
Друзья, повѣрьте, нелегко!
Остатки лучшихъ поколѣній,
Съ ихъ древней доблестью въ груди,
Проходимъ мертвые, какъ тѣни,
Мы какъ шуты на площади!
И незамѣтно вѣтеръ крѣпкій
Потопитъ насъ среди зыбей,
Какъ обезсмысленныя щепки
Побѣдоносныхъ кораблей...

Сенека—благородный мыслитель—никого не осуждаетъ. Онъ даже умираетъ съ надеждой, что, «можетъ быть иной прійдетъ и скажетъ людямъ: вотъ гдѣ свѣтъ»!

«Три смерти» можетъ быть рекомендована для класснаго разбора, для домашняго сочиненія (по нѣсколькимъ наводящимъ вопросамъ), для чтенія на литературныхъ вечерахъ или для исполненія на домашнихъ спектакляхъ. Трудность общихъ философскихъ положеній для пониманія вполнѣ неустранима, но съ этой трудностью легко примириться при выдающихся достоинствахъ языка и благородствѣ общаго настроенія.

Въ видѣ пособія можно рекомендовать прочтеніе романа Сенкевича «Камо грядеши», гдѣ въ лицѣ Петронія подробно

Digitized by Google

разработаны тѣ историческіе и психологическіе моменты, которые лишь вкратцѣ намѣчены въ произведеніи Майкова.

Важное педагогическое значеніе имѣютъ стихотворенія Майкова о процессѣ и значеніи поэтическаго творчества. Ни одинъ поэтъ такъ часто не останавливался на вопросахъ о томъ, что такое поэзія и поэтъ, какъ Майковъ. Признанія его въ этомъ смыслѣ весьма важны, и ими можно смѣло пользоваться въ pendant къ общеизвѣстнымъ стихотвореніямъ Пушкина «Поэтъ», «Поэту», «Чернь», «Эхо», «Пророкъ» и «Зачѣмъ крутится вѣтеръ въ оврагѣ». Но если уже у Пушкина нужно выдѣлять въ воззрѣніяхъ на поэзію разные оттѣнки и въ педагогической практикѣ устанавливать опредѣленную градацію между относящимися сюда поэтическими образами и мыслями, то еще болѣе потребны выборъ и система въ приложеніи къ стихотвореніямъ Майкова. Одно изъ стихотвореній этого рода, изъ позднихъ, «Чужой для всѣхъ», совсѣмъ не годится, по односторонности и высокомѣрію

Чужой для всѣхъ,
Со всѣми въ мирѣ—
Таковъ, поэтъ,
Твой жребій въ мірѣ!
Ты—на горѣ,
Они въ долинѣ;
Но—Богъ и свѣтъ
Въ твоей пустынѣ.
Ихъ духъ привыкъ
Ко тьмѣ и ночи,
И голый свѣтъ
Имъ рѣжетъ очи.
Но вѣдь и имъ
На самомъ пирѣ,
Имъ *нужно* знать,
Что *есть* онъ въ мірѣ,
Что гдѣ нибудь
Еще онъ свѣтитъ,
Что воззовешь—
И онъ отвѣтитъ!

Тутъ все невѣрно, все искусственно и односторонне. Поэтъ не можетъ быть чужимъ для всѣхъ; онъ не можетъ жить со всѣми въ мирѣ, слишкомъ горделиво воззрѣніе, что поэтъ всегда на горѣ, а общество въ долинѣ, и въ особенности высокомѣрно мнѣніе поэта, что «Богъ и свѣтъ въ его пустынѣ», потому будто бы, что духъ читателей «привыкъ ко тьмѣ и ночи, и голый свѣтъ имъ рѣжетъ очи» Все это стихотвореніе производитъ непріятное впечатлѣніе скрытой фальшью, гордостью духа подъ личиной скромности и смиренія. Это пророкъ, а не поэтъ, и пророкъ кичливый, обиженный, озлобленный,—въ родѣ лермонтовскаго, и во всякомъ случаѣ не пушкинскаго пророка, который не будетъ ждать, пока къ нему куда то на гору будутъ взбираться для поученія, а самъ пойдетъ въ толпу глаголомъ жечь сердца людей.

Съ устраненіемъ ст. «Чужой для всѣхъ», остается много другихъ, весьма важныхъ и цѣнныхъ для опредѣленія поэтическаго творчества. Такъ задачи поэта отчасти опредѣлены въ драмѣ «Три смерти» въ рѣчи Лукана, опредѣлены возвышенно, но нѣсколько неопредѣленно и односторонне. Возникновеніе художественныхъ образовъ превосходно объясненно въ ст. «Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ» и въ ст. «Къ тебѣ слетѣло вдохновеніе»; самый процессъ художественнаго поэтическаго творчества мѣтко отмѣченъ въ ст.

Digitized by Google

Вдохновенье—дуновенье
Духа Божья! Пронеслось—
И безсмертнаго творенья
Сѣмя бросило въ хаосъ.

Вмигъ поэтъ душой воспрянетъ
И подхватитъ на лету,
Отольетъ и отчеканитъ
Въ мѣдномъ образѣ—мечту!

Къ этому ст. близко стоитъ «О царство вѣчной юности», гдѣ разбросано нѣсколько замѣчаній по исторіи искусства. Значеніе для поэта свободы (чтобы ему не навязывали искусственно содержанія) прекрасно выражено въ ст. «О мысль поэта, ты вольна». Въ интересахъ педагогическаго воздѣйствія желательно ознакомленіе учащихся одновременно съ сходнымъ пушкинскимъ ст. «Зачѣмъ крутится вѣтеръ въ оврагѣ» (разборъ его см. въ 1 вып. моихъ Этюдовъ о Пушкинѣ). О происхожденіи и значеніи поэтическихъ формъ вообще, въ частности октавы, риемы можно найти весьма цѣнныя указанія въ ст. «Гармоніи стиха божественныя тайны» и въ особенности въ ст. «Возвышенная мысль достойной хочетъ брани». Въ общемъ можно сказать, что Майковъ въ своихъ стихотвореніяхъ объяснилъ и освѣтилъ многія загадочныя стороны поэтическаго творчества, и почти всѣ стихотворенія его этого рода представляютъ значительный педагогическій интересъ.

Въ 1843 г. Бѣлинскій высказалъ пророческое замѣчаніе о поэзіи Майкова: «Исключительная преданность древнему міру не можетъ сдѣлать великимъ или особенно замѣчательнымъ поэта нашего времени». И Майкова, дѣйствительно, нельзя причислить къ свѣточамъ міра сего. Въ немъ слишкомъ мало лирическаго чувства; даже въ его славянофильскомъ благочестіи сквозитъ нѣчто сухое, дѣланное, архаичное. При всемъ томъ Майковъ весьма цѣнный поэтъ для образованнаго общества, въ силу серіознаго историческаго и философскаго содержанія его поэзіи, и въ частности практическая педагогика имѣетъ въ поэзіи Майкова хорошее образовательное и воспитательное средство для расширенія историческихъ свѣдѣній и развитія эстетическаго вкуса.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

Digitized by Google

А. Фуллье о школѣ.

Въ декабрьской книжкѣ журнала *Revue Politique et Parlementaire* Альфредъ Фуллье помѣстилъ статью, интересную и для русскихъ читателей. Въ ней говорится о демократіи и объ образованіи, о преподаваніи свободныхъ, гуманистическихъ наукъ (*Les études libérales*) и о кризисѣ въ французской системѣ образованія. Кризисъ вызванъ тѣми преобразованіями, которыя ослабили въ этой странѣ старинную классическую систему. Фуллье стоитъ за эту послѣднюю, но съ такими уступками и на такихъ основаніяхъ, какія могутъ вызвать лишь глубокую меланхолію среди защитниковъ нашихъ уродливыхъ классическихъ подражаній западно-европейской общеобразовательной школѣ.

Франціи, по мнѣнію Фуллье, угрожаетъ двойная опасность: ослабленіе ея интеллектуальнаго, литературнаго и артистическаго вліянія и ослабленіе ея экономическаго, промышленнаго и торговаго могущества. Образованіе должно предохранить и отъ той, и отъ другой опасности, для чего необходимо усилить преподаваніе и гуманистическихъ наукъ, и утилитарныхъ знаній.

Университетъ (въ французскомъ смыслѣ слова, т. е. вся совокупность учебныхъ заведеній, съ низшихъ и до высшихъ включительно) долженъ ставить выше индивидуальныхъ и групповыхъ интересовъ національный интересъ, высокія преданія и великія патріотическія идеи. Главная опасность демократій состоитъ въ утилитарныхъ стремленіяхъ, въ желаніи путемъ образованія удовлетворить непосредственнымъ практическимъ нуждамъ. Но среди націи должны быть люди, сохраняющіе и развивающіе національныя и общечеловѣческія цѣли. Это—аристократія заслуги, всѣмъ открытая, всего болѣе важная въ обществѣ, не признающемъ ни аристократіи рожденія, ни аристократіи капитала. Тамъ, гдѣ власть принадлежитъ народу, на обязанности людей, имѣющихъ достатокъ и досугъ, лежитъ оказывать противовѣсъ утилитарнымъ теченіямъ духомъ умственнаго и нравственнаго безкорыстія.

Единство человѣческаго знанія должно поддерживать и укрѣплять въ юношествѣ единство національнаго духа. Такое образованіе должно быть свободно отъ практическихъ задачъ, оно не должно быть упражненіемъ памяти: его цѣль—высшая духовная

Digitized by Google

и нравственная культура, необходимая для исполненія высокой руководящей общественной миссіи. Слѣдуетъ развивать духъ въ художественномъ, историческомъ и философскомъ направленіи. Это—безусловное требованіе для національнаго величія.

Въ наслѣдствѣ, оставленномъ классическимъ міромъ, находится много сокровищъ, и Фуллье стоитъ за ознакомленіе съ этими сокровищами. Но онъ не признаетъ необходимымъ преподаванія греческаго языка и справедливо указываетъ на то, что латинскій языкъ особенно легокъ именно для французовъ. Кромѣ того для французовъ, для аналитическаго генія ихъ языка, необходимы, какъ противовѣсъ и дополненіе синтетическія особенности языка латинскаго. «Мы имѣетъ нужду, говоритъ Фуллье, къ античному чувству гражданской солидарности, расширенному и очищенному чувствомъ всеобщаго братства».

Особенно убѣдительно отстаиваетъ Фуллье правильную постановку въ общеобразовательной (средней) школѣ преподаванія философіи. Университетскій уставъ 1884 года очень стѣснилъ у насъ это преподаваніе даже на историко-филологическихъ факультетахъ.

Само собою разумѣется, что Фуллье стоитъ за свободу частныхъ школъ и за разнообразіе ихъ программъ. Естественно, что содержаніемъ такихъ программъ должны обусловливаться и соотвѣтствующія права. Рядомъ съ гуманистическою школою должна существовать, по Фуллье, научно-практическая система образованія (*enseignement scientifique pratique*). Мы не думаемъ, чтобы въ интересахъ національнаго и общечеловѣческаго развитія было исключеніе естествознанія (отнюдь не практическаго,—что непосредственно практическаго въ физикѣ или ботаникѣ) изъ средней общеобразовательной школы. Для «философскаго» образованія, на сколько оно возможно въ этой школѣ, знакомство съ основами естественно-научнаго знанія положительно необходимо.

Фуллье очень высоко ставитъ воспитательное значеніе эстетическаго образованія; нисколько не отрицая этого, я думаю, однако, что глубоко ошибаются тѣ, которые умаляютъ великое нравственное значеніе научнаго знанія. Безкорыстное стремленіе къ истинѣ облагораживаетъ человѣческую природу; почтеніе передъ истиной и ея исканіе невольно распространяются и на другія отрасли нашей дѣятельности, на общій характеръ нашего поведенія, а знакомство съ точными пріемами научнаго изслѣдованія развиваетъ въ насъ осторожность и совѣстливость сужденія вообще. Прекрасныя мысли высказывалъ въ этомъ отношеніи Фюстель де-Куланжъ. Онъ говоритъ, что наука должна начинать съ сомнѣнія, что требуетъ честности же и личной свободы. Наука для Фюстель де-Куланжа была, какъ выражается Гиро, школою нравственнаго достоинства и умственной свободы *).

*) *Гиро*: Фюстель де-Куланжъ. 131 (Научно-популярная Библіотека «Русской мысли»).

Digitized by Google

Отчетливое усвоеніе научныхъ методовъ въ предѣлахъ, доступныхъ возрасту учениковъ средней школы является ея существенною задачею и необходимымъ дополненіемъ къ преподаванію литературному и историческому. Для воспитанниковъ съ большими склонностями къ эстетикѣ и къ гуманитарнымъ наукамъ такое усвоеніе должно дѣйствовать въ извѣстной мѣрѣ регулирующимъ образомъ и наоборотъ,—умы, склонные преимущественно къ точному знанію, подвергнутся благодѣтельному воздѣйствію исторіи, литературы и искусства вообще. Не надо забывать, что образованіе должно, по выраженію Кондорсе, замѣнить ощущеніе (sensation) идеею. Словамъ преподавателя должно соотвѣтствовать живое и дѣятельное возбужденіе ума у ученика. Разсматривая историческую эволюцію воспитанія, Летурно (*въ Revue mensuelle de l'E'cole d'anthropologie*) доказываетъ, что оно все болѣе и болѣе становится интеллектуальнымъ, не переставая, конечно, быть физическимъ и моральнымъ. Преимущественное воспитаніе «добраго поведенія» и эстетическаго чувства не можетъ не сопровождаться вредными послѣдствіями, лишая характеръ прямоты и твердости независимой мысли.

В. Гольцевъ.

Генрихъ Гейне.

(*Окончаніе*) *).

Шумная жизнь французской столицы скоро захватила Гейне въ свой водоворотъ. Онъ очень остроумно описываетъ въ своихъ «Признаніяхъ» первыя впечатлѣнія, какія ему пришлось пережить въ «сенскомъ Вавилонѣ», среди блеска и роскоши, красивыхъ женщинъ и удивительныхъ неожиданностей. «Я находилъ все такимъ забавнымъ, и небо было такое синее, и воздухъ такъ пріятенъ, такъ благороденъ; при этомъ еще то тутъ, то тамъ, блестѣли лучи іюльскаго солнца; щечки красавицы Лутеціи еще краснѣли отъ пламенныхъ поцѣлуевъ этого солнца, а на ея груди еще не совсѣмъ завялъ подвѣнечный букетъ...»

Прошло не мало времени, прежде чѣмъ Гейне почувствовалъ себя въ состояніи разобраться въ разнообразныхъ, пестрыхъ впечатлѣніяхъ парижской жизни и дать себѣ въ нихъ литературный отчетъ. Это было сдѣлано въ совершенно неожиданной формѣ,—въ статьѣ о парижскомъ «Салонѣ», т. е. художественной выставкѣ 1831 г. Въ этой, повидимому, совершенно мирной работѣ слышатся сильныя

*) См. „Образованіе“ № 2.

Digitized by Google

вѣянія времени, которымъ Гейне въ ту пору предался всей душой: «шумъ всемірной исторіи» проникаетъ и въ тихую обитель искусства и заставляетъ поэта пускаться въ серьезныя разсужденія о положеніи міровой политики, о «художественномъ» періодѣ, окончившемся вмѣстѣ съ Гете, о литературѣ и поэзіи будущаго, въ основу которой, по его мнѣнію, должна лечь идея свободы. Этою статьею, написанною для газеты «Morgenblatt», Гейне возобновилъ свою журнальную дѣятельность, отъ которой онъ совсѣмъ было отказался, чтобы не мѣшать своему поэтическому творчеству.

Такимъ образомъ, стремленіе высказываться о современныхъ событіяхъ и распространять въ Германіи свои политическія воззрѣнія снова привело поэта на поприще публицистики. Баронъ Котта, тогдашній издатель аугсбургской «Всеобщей Газеты», игравшей въ то время въ Германіи руководящую роль, послалъ одного изъ своихъ сотрудниковъ въ Парижъ, для переговоровъ съ Гейне о постоянныхъ корреспонденціяхъ. Это предложеніе было какъ нельзя болѣе удобно для Гейне, который не могъ желать лучшаго органа для пропаганды своихъ политическихъ идей,—и съ сентября 1831 г. онъ уже началъ посылать въ газету свои корреспонденціи. Постоянныя столкновенія съ цензурой нисколько его не ослабили; напротивъ, они еще болѣе подстрекали его и усиливали смѣлость его сужденій о политическихъ обстоятельствахъ.

Этимъ политическимъ сужденіямъ не доставало, однако же, одного, и притомъ—едва ли не самаго важнаго качества,—послѣдовательности. Противники Гейне, упрекая его въ этомъ недостаткѣ, вѣрно попадали въ цѣль, хотя и не имѣли никакихъ основаній связывать съ этимъ подозрѣніе въ нечестности его убѣжденій.

И въ самомъ дѣлѣ,—какъ уже замѣтилъ въ свое время Берне,—даже непредубѣжденный читатель испытываетъ странное впечатлѣніе, видя, какъ Гейне сегодня защищаетъ республиканскія идеи, а завтра отвергаетъ ихъ, и встрѣчая на одной страницѣ похвалу, а на слѣдующей—сильнѣйшее порицаніе французскаго «мѣщанскаго» королевства. Писатель, постоянно впадающій въ подобныя противорѣчія съ самимъ собою, конечно не заслуживаетъ названія серьезнаго политическаго публициста; но это еще не даетъ права обвинять его въ безхарактерности. Ничто не препятствовало Гейне именно въ это время вполнѣ свободно и безъ всякой утайки высказывать свои политическія мнѣнія, а потому мы должны допустить, что онъ вчера такъ же честно и откровенно привѣтствовалъ республиканскія идеи, какъ сегодня отвергалъ ихъ, высказывая убѣжденіе въ ихъ вредѣ для общества и являясь сторонникомъ іюльской монархіи. Онъ вовсе не признавалъ послѣдовательности политическою добродѣтелью, а напротивъ, считалъ ее «длящейся ошибкой», и въ одномъ мѣстѣ вполнѣ серьезно утверждаетъ, что человѣкъ, котораго хвалятъ за то, что онъ всю свою жизнь оставался послѣдовательнымъ, въ сущности, всю свою жизнь принесъ въ жертву одной ошибкѣ.

При такомъ образѣ мыслей Гейне былъ неспособенъ для роли

Digitized by Google

политическаго вождя. Чѣмъ дольше онъ жилъ въ Парижѣ и чѣмъ болѣе вращался въ кругу нахлынувшихъ туда нѣмецкихъ эмигрантовъ, которыхъ онъ не могъ не считать представителями республиканскихъ идей, тѣмъ болѣе самъ онъ удалялся отъ этихъ идей и тѣмъ яснѣе сознавалъ, что политическое мученичество—не его дѣло. «Конвентъ патріотовъ всей Европы», какъ называлъ Берне, одновременно съ Гейне переселившійся въ Парижъ, жившихъ тамъ эмигрантовъ изъ всѣхъ государствъ, лишь очень недолгое время считалъ Гейне въ числѣ своихъ членовъ. Самъ поэтъ разсказываетъ объ этомъ: «Когда я во второй разъ пришелъ къ Берне, я нашелъ у него въ гостиной такой звѣринецъ разнаго сорта людей, какого, пожалуй, не найдешь и въ парижскомъ зоологическомъ саду». «Якобинская виттова пляска» этихъ горячихъ головъ, изъ которыхъ каждая считала себя мученикомъ идеи, не привлекала Гейне, смотрѣвшаго на нее съ желчнымъ юморомъ. Можетъ быть, именно къ этому времени, когда онъ убѣдился въ ничтожествѣ и пустотѣ революціонныхъ замысловъ, относится его поворотъ въ сторону монархіи, причемъ онъ, къ сожалѣнію, смѣшивалъ представителей извѣстныхъ идей съ самими этими идеями. «Я не могу выносить табачнаго чада и замѣтилъ, что въ германской революціи ко мнѣ вовсе нейдетъ роль возвышеннаго оратора въ стилѣ Берне и товарищей... Берне говоритъ, вѣроятно, метафорически, что если король пожметъ ему руку, то онъ потомъ положитъ ее въ огонь, чтобы очиститься; но я совсѣмъ не въ переносномъ, а въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова говорю, что если народъ пожметъ мнѣ руку, то я сейчасъ же ее вымою.»

Подобныя выраженія, постоянно повторявшіяся въ парижскихъ корреспонденціяхъ Гейне, считались прямымъ отреченіемъ отъ демократическихъ идей. Даже и либеральная оппозиція въ Германіи стала въ то время смотрѣть на Гейне, какъ на политическаго ренегата...

Такое непостоянство въ политическихъ воззрѣніяхъ, естественно, должно было привести Гейне къ рѣзкому разрыву съ Людвигомъ Берне, котораго онъ съ молодыхъ лѣтъ зналъ и уважалъ и съ которымъ, на пути въ Мюнхенъ, провелъ три дня во Франкфуртѣ въ такомъ близкомъ общеніи, что память объ ихъ тогдашнихъ бесѣдахъ живо сохранялась у него десять лѣтъ спустя. Когда Берне пріѣхалъ въ Парижъ, Гейне поспѣшилъ посѣтить его. Очевидно, между этими обоими писателями, у которыхъ было такъ много общаго и которыхъ въ то время всѣ—и враги, и друзья—постоянно называли вмѣстѣ, должна была установиться или самая тѣсная дружба, или рѣшительная вражда. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ разрывѣ виноватъ былъ не одинъ Гейне. Онъ пытался дружески сблизиться съ товарищемъ по изгнанію, но нашелъ его замкнутымъ, недовѣрчивымъ, въ обществѣ, которое поэту никогда не было по душѣ и котораго онъ всегда старался избѣгать. Нанечатанныя теперь письма Гейне показываютъ, что онъ въ отношеніи къ Берне былъ великодушнѣе, чѣмъ тотъ—къ нему: Берне все время, въ

Digitized by Google

письмахъ къ своей пріятельницѣ, г-жѣ Воль, отзывался какъ нельзя хуже объ образѣ мыслей, характерѣ и поведеніи Гейне, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній горячо защищалъ Берне отъ нападокъ, которымъ онъ подвергался въ Германіи, и даже когда тотъ «напустился на него съ своими якобинскими выходками», называлъ его не дурнымъ, а только «сумасшедшимъ» человѣкомъ. Впрочемъ, все это писалось только въ частной перепискѣ.

Но затѣмъ Берне выступилъ противъ Гейне и въ печати. Его отзывы о Гейне въ двухъ послѣднихъ томахъ «Парижскихъ Писемъ», вышедшихъ въ 1833 г., были настоящимъ вызовомъ. Къ сожалѣнію, Гейне не поднялъ перчатки тотчасъ же, а напечаталъ свой отвѣтъ уже только послѣ смерти противника. Но эти обстоятельства необходимо имѣть въ виду, чтобы правильно объяснить себѣ гнѣвное раздраженіе Гейне противъ Берне.

Сдѣлавшись предметомъ недоброжелательства со стороны Берне и нѣмецкихъ республиканцевъ, Гейне въ то же время былъ предметомъ яростной ненависти со стороны консервативныхъ партій и властныхъ людей на его родинѣ, которымъ его корреспонденціи изъ Парижа, печатавшіяся въ органѣ очень вліятельномъ, были крайне непріятны. Князь Меттернихъ, любившій «купаться въ меланхолически-сладкихъ водахъ «гейневской» лирики, прежде всѣхъ другихъ протестовалъ противъ этихъ корреспонденцій — устами своего литературнаго прислужника Фридриха Гентца. Въ характерномъ письмѣ послѣдняго къ издателю «Всеобщей газеты» барону Коттѣ, между прочимъ, говорится: «Я вполнѣ понимаю, что такого рода статьи находятъ любителей, и даже многихъ любителей, такъ какъ очень значительная часть публики внутренно радуется дерзости и злости какого-нибудь Берне и Гейне... Но что Вы, мой благородный другъ, можете терпѣть эти ядовитыя выходки, которыхъ Вы, разумѣется, не можете одобрять,—это недоступно моему пониманію. Чего собственно хочетъ и къ чему стремится безсовѣстный авантюристъ вродѣ Гейне,—котораго я, какъ поэта вполнѣ признаю, даже люблю, и противъ котораго, стало быть, не питаю никакой личной ненависти,—этого разслѣдовать я не стану, хотя объ этомъ и очень легко догадаться. Но мнѣ думается, что то безграничное презрѣніе, съ какимъ эти негодяи, между прочимъ, а теперь преимущественно, отзываются о наиболѣе уважаемыхъ классахъ средняго сословія, должно было бы возмутить противъ нихъ все это сословіе».

Такого предостереженія, исходившаго изъ кабинета самаго сильнаго въ то время министра, Котта, разумѣется, не могъ оставить безъ вниманія. Гейне пришлось тотчасъ же прекратить свои корреспонденціи. Но поэтъ не умолкъ, и ближайшимъ его трудомъ было изданіе тѣхъ же самыхъ корреспонденцій отдѣльной книгой, въ 1833 г., подъ заглавіемъ «Французскія дѣла», къ которому онъ написалъ сильное предисловіе, направленное противъ угнетателей. Въ этомъ предисловіи онъ говоритъ: «Я не вернусь на родину до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ изъ тѣхъ благородныхъ изгнанниковъ,

Digitized by Google

которые въ порывѣ слишкомъ сильнаго одушевленія не могли слушаться голоса разсудка, долженъ будетъ жить въ бѣдности на чужой сторонѣ. Скорѣе я буду просить у бѣднѣйшаго француза подать мнѣ Христа ради корку хлѣба, чѣмъ приму какую-нибудь службу у этихъ знатныхъ мошенниковъ отечества, которые всякую умѣренность въ мысляхъ считаютъ трусостью или даже готовностью къ переходу въ раболѣпство».

Сравнивая частныя письма Гейне и его дѣйствія въ эту пору съ приведеннымъ печатнымъ заявленіемъ, мы должны безусловно повѣрить искренности послѣдняго. Конечно, онъ вполнѣ сознавалъ, что уже одного такого предисловія достаточно для того, чтобы, можетъ быть, навсегда закрыть для него доступъ въ Германію, но, не смотря на то, все таки рѣшился его напечатать и такимъ образомъ выказалъ больше мужества, чѣмъ тѣ нѣмецкіе республиканцы, которые въ Парижѣ, при закрытыхъ дверяхъ, декламировали противъ «тирановъ». Только тогда, когда цензура стала относиться къ нему съ чрезвычайною жестокостью и когда даже его личная безопасность не могла считаться обезпеченною,—онъ нѣсколько упалъ духомъ и сталъ колебаться...

Стѣсняемый со всѣхъ сторонъ въ своей политически-литературной дѣятельности, Гейне, въ концѣ концовъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться отъ участія въ ежедневной печати и искать себѣ дѣла на иномъ поприщѣ. Замыслы, которые уже давно зрѣли въ его умѣ,—можетъ быть, уже тогда, когда онъ только что собирался въ Парижъ,—выдвинулись теперь на первый планъ и мало по малу получили осуществленіе: Гейне сдѣлался посредникомъ между нѣмецкой и французской литературами. Такимъ образомъ, поэтъ нашелъ для себя новую и очень важную задачу.

Осуществленіе этой задачи было для него тѣмъ легче, что во Франціи шло въ то время очень оживленное религіозное и вообще умственное движеніе, а между тѣмъ, тамъ очень мало знали о тѣхъ умственныхъ переворотахъ, которые совершались въ Германіи за полстолѣтіе до того времени. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что Гейне въ гораздо большей степени, чѣмъ неяснымъ и фразерскимъ геройствомъ французскихъ и нѣмецкихъ республиканцевъ, былъ увлеченъ идеями сенъ-симонизма, на основѣ которыхъ молодой кружокъ восторженныхъ мечтателей думалъ въ то время выработать положительную формулу для всеобъемлющей мирной реформы человѣческихъ отношеній.

Гейне былъ въ тѣсной дружбѣ со всѣми молодыми послѣдователями Сенъ-Симона.—съ Базаромъ, Бартелеми, Анфантеномъ, Мишелемъ Шевалье, Пьеромъ Леру, Олэндомъ Родригесомъ, Ипполитомъ Карно и др., и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за развитіемъ ихъ идей. Онъ сумѣлъ отдѣлить ядро этихъ идей отъ ихъ фантастической оболочки и прежде всего призналъ значеніе сенъ-симонизма для развитія религіозныхъ понятій, между тѣмъ какъ политическая часть этой доктрины, въ особенности же—ученіе о собственности, требовала. по его мнѣнію, значительныхъ поправокъ. Онъ не боялся выступить въ

Digitized by Google

защиту здравыхъ сторонъ сенъ-симонизма даже и тогда, когда это ученіе было окончательно скомпрометтировано эксцентрическими выходками послѣднихъ его проповѣдниковъ. Съ своей стороны, и послѣдователи Сенъ Симона были очень рады встрѣтить поддержку своимъ идеямъ у нѣмецкаго поэта, и Анфантенъ выразилъ ему свое удовольствіе по этому поводу въ открытомъ письмѣ, въ которомъ просилъ его продолжать трудиться надъ общею задачею—«соединенія всѣхъ народовъ земного шара между собою».

По настояніямъ того же Анфантена Гейне предпринялъ большую работу, которая должна была познакомить французовъ съ религіозными переворотами въ Германіи. Еще раньше онъ объяснилъ французамъ, увлекавшимся въ то время новымъ романтизмомъ Гюго и его товарищей, сущность и характеръ романтизма нѣмецкаго,—въ цѣломъ рядѣ статей, появившихся въ журналѣ Виктора Богэна «Europe littéraire» и потомъ изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Къ исторіи новой изящной литературы въ Германіи». Эти статьи обратили на себя особенное вниманіе французской публики, уже успѣвшей заинтересоваться личностью и произведеніями нѣмецкаго поэта, такъ какъ онъ уже напечаталъ въ «Revue des deus Mondes» часть своего «Путешествія на Гарцъ», «Книгу Леграна» и «Купанья въ Луккѣ» во французскомъ переводѣ. Въ этомъ переводѣ ему въ особенности помогалъ извѣстный въ свое время нѣмецко-французскій писатель Леве-Веймарсъ; въ позднѣйшихъ переводахъ его сочиненій главными его сотрудниками были Жераръ де-Нерваль, Эдуардъ Гренье, Сенъ-Рене Тайльяндье и др. литераторы.

Болѣе близкое знакомство съ умственною жизнью Германіи, которому, несомнѣнно, содѣйствовали эти статьи Гейне, оказалось небезполезнымъ для французской литературы, а для самого Гейне и его личныхъ отношеній эти статьи имѣли очень серьезное значеніе: онѣ снова доставили ему въ литературѣ то положеніе, которое онъ раньше потерялъ. Въ то время, когда въ Германіи почти всякій журналистъ считалъ себя въ силахъ бороться противъ него,—большею частью, у него же самого заимствованнымъ оружіемъ, онъ пріобрѣталъ все больше и больше вліянія во Франціи и особенно—въ парижскомъ литературномъ кругу. Со времени напечатанія этихъ статей Гейне сталъ считаться во Франціи великимъ поэтомъ, литературной знаменитостью, и первыя свѣтила литературы признавали его себѣ равнымъ, между тѣмъ какъ нѣмцы вообще никогда не пользовались въ этомъ кругу особенными симпатіями. Можно даже сказать, что Гейне былъ первымъ нѣмцемъ, которому удалось занять такое положеніе среди исключительнаго и консервативнаго литературнаго общества Франціи.

Совсѣмъ иначе относились къ нему въ это время въ Германіи: тамъ число его враговъ и недоброжелателей росло съ появленіемъ каждаго новаго его сочиненія; оттуда шли противъ него только нападенія и клеветы, враждебныя мѣропріятія властей и вѣчныя придирки цензуры. Понятно поэтому то неудовольствіе, съ какимъ

Digitized by Google

онъ относился къ своей родинѣ всякій разъ, когда ему приходилось говорить о ней, и его желчные, ѣдкіе отзывы о глубоко ненавистномъ ему нѣмецкомъ филистерствѣ. Но именно этою ненавистью и измѣряется глубокая любовь поэта къ своей родинѣ и его горячее желаніе видѣть ее въ лучшихъ, болѣе отвѣчающихъ человѣческому достоинству условіяхъ. Справедливо замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ, что нигдѣ въ рѣчахъ Гейне не слышится такого глубокаго чувства и такой правдивости, какъ именно въ отзывахъ его о Германіи. Весь гнѣвъ и вся желчь его были направлены только противъ «фарисеевъ національности»; всякое же честное стремленіе въ политикѣ и наукѣ, въ литературѣ и искусствѣ онъ всегда встрѣчалъ съ живѣйшею радостью, въ то самое время, когда нѣмцы провозглашали его «не-патріотомъ» и «измѣнникомъ» и только немногіе писатели, считавшіе себя его единомышленниками, отваживались за него вступаться. Это были представители такъ называемой «Юной Германіи», среди которыхъ самое выдающееся положеніе занимали Карлъ Гуцковъ, Генрихъ Лаубе, Теодоръ Мундтъ и др, Но «Юная Германія» не была какой либо организованной корпораціей или политическимъ союзомъ, а представляла собою только небольшой кружокъ единомышленниковъ, считавшихъ Гейне своимъ духовнымъ вождемъ. Притомъ возбужденное этимъ кружкомъ движеніе вскорѣ было совсѣмъ подавлено вслѣдствіе доноса одного нѣмецкаго писателя, который сначала сочувствовалъ кружку, а потомъ предалъ его...

Противъ «Юной Германіи» приняты были драконовскія мѣры, выразившіяся, между прочимъ, въ запрещеніи всѣми нѣмецкими правительствами «всѣхъ будущихъ литературныхъ произведеній Генриха Гейне, который уже не разъ подавалъ поводъ къ различнымъ запрещеніямъ и котораго сочиненія, доселѣ появившіяся, почти всѣ опаснаго содержанія, гдѣ бы и на какомъ бы языкѣ они ни издавались».

Это запрещеніе не только грозило всей будущей литературной дѣятельности Гейне, но и дѣлало ее прямо невозможною. Но поэтъ, не смотря ни на что, остался вѣренъ своему знамени и въ эту критическую минуту не отрекся отъ своихъ убѣжденій. Когда статья, написанная имъ въ свою защиту и посланная для напечатанія въ аугсбургскую «Всеобщую Газету», не была пропущена цензурой, онъ напечаталъ въ январѣ 1836 г., письмо къ германскому Союзному Совѣту, написанное въ ироническомъ тонѣ, но, тѣмъ не менѣе, проникнутое гордымъ сознаніемъ своей независимости. Здѣсь онъ требовалъ для себя «свободнаго слова въ нѣмецкой печати», чтобы имѣть возможность лично защищать себя отъ всѣхъ нападеній. «Я хочу, говоритъ онъ въ концѣ письма, оградить себя въ мнѣніи публики, которая можетъ принять мое вынужденное молчаніе за сознаніе въ преступныхъ стремленіяхъ или даже за отреченіе отъ прежнихъ моихъ сочиненій. Если же мнѣ будетъ предоставлена свобода слова, то я надѣюсь почтительнѣйше доказать, что сочиненія мои исходятъ не изъ безбожнаго или безнравственнаго образа

Digitized by Google

мыслей, а изъ истинно религіознаго и нравственнаго синтеза, раздѣлявшагося не только литературною школою подъ наименованіемъ «Юной Германіи», но и знаменитѣйшими нашими писателями, какъ поэтами, такъ равно и философами».

Гейне, разумѣется, не расчитывалъ на успѣхъ своего письма, но ему важно было подѣйствовать на иностранную печать, а черезъ нее—и на нѣмецкую публику. Но гораздо большаго успѣха онъ ожидалъ отъ крайне рѣзкаго памфлета противъ Менцеля, который своими доносами погубилъ «Юную Германію» и такъ сильно повредилъ Гейне. Поэтъ имѣлъ явное намѣреніе притянуть Менцеля къ барьеру, что́ ему, разумѣется, по тогдашнимъ условіямъ не удалось; это еще болѣе усилило рѣзкость его нападокъ на «доносчика» Впрочемъ, условія литературныхъ поединковъ Гейне съ нѣмецкими писателями были далеко не равны: противники имѣли полную возможность говорить о немъ, что угодно, между тѣмъ какъ его возраженія должны были проходить черезъ цензурныя ножницы. При такихъ обстоятельствахъ, Гейне былъ «наилучше оклеветаннымъ человѣкомъ на всей нѣмецкой родинѣ». Его обвиняли въ томъ, что онъ развращаетъ общественное мнѣніе, распространяетъ преступныя воззрѣнія; иные изъ его противниковъ отрицали у него даже всякое поэтическое дарованіе. Нѣмецкія правительства его боялись и преслѣдовали; нѣмецкіе либералы, особенно тѣ, которые одновременно съ нимъ жили въ Парижѣ, считали его изивѣнникомъ дѣлу народнаго освобожденія, такъ какъ онъ не пожелалъ принимать участія въ ихъ безплодныхъ конспираціяхъ...

Но самымъ худшимъ врагомъ Гейне въ тѣ времена была цензура, искажавшая его мысли и заставлявшая его выступать передъ публикой «хромымъ заикой съ апоплексическимъ ударомъ». Постоянная борьба съ цензорами истощала его силы, ожесточала его и разрушительно дѣйствовала на его здоровье. Онъ нимало не преувеличивалъ, когда, подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ непріятностей, угрожавшихъ ему даже физическимъ вредомъ, восклицалъ: «Теперь я—одинъ изъ несчастнѣйшихъ писателей!» Что же было удивительнаго въ томъ, что онъ предпочиталъ французское общество, такъ гостепріимно его встрѣтившее, нѣмецкому, относившемуся къ нему съ враждой или, по крайней мѣрѣ, съ недовѣріемъ? Живя въ Парижѣ, онъ вращался въ кругу самыхъ выдающихся писателей и политическихъ дѣятелей того времени, изъ нѣмцевъ же видѣлъ у себя только случайно проѣзжавшихъ черезъ Парижъ поэтовъ или художниковъ, которые никогда не пропускали случая его навѣстить...

Впрочемъ, въ эти годы своихъ «литературныхъ бѣдствій» Гейне интересовался не столько поэтами и художниками, сколько «веселымъ ребенкомъ изъ Нормандіи», которому суждено было играть очень важную роль въ его жизни. Это была—Кресценція Евгенія Мира, побочная дочь какого-то богатаго и чиновнаго господина, воспитывавшаяся у матери, въ нормандской деревушкѣ Вино. На 16-мъ году она поссорилась съ матерью и переселилась въ Парижъ, къ теткѣ, у которой была башмачная лавочка въ одномъ изъ пас-

Digitized by Google

сажей возлѣ Palais de Justice. Здѣсь и помѣстилась «прелестная малютка» въ качествѣ продавщицы, и здѣсь въ первый разъ увидѣлъ ее Гейне въ октябрѣ 1838 года. Она очень понравилась поэту, и вскорѣ между ними установились близкія отношенія. Гейне былъ въ восторгѣ отъ непосредственности, наивности и веселости, которыми плѣняло его это «дитя природы», а также и отъ ея красоты и привлекательности. Бѣглая связь не замедлила перейти въ прочную привязанность. Поэтъ помѣстилъ свою возлюбленную, которую сталъ называть «Матильдой», въ пансіонъ нѣкоей м-мъ Дартъ въ Шайльо, чтобы дать ей правильное образованіе; это образованіе, однако же, было очень невысоко. «Матильда» никогда не въ состояніи была выучиться по-нѣмецки и никогда не прочла ни одной страницы изъ Гейне, даже во французскомъ переводѣ. Она знала только вообще, что ея «Анри»—великій поэтъ, и этимъ вполнѣ довольствовалась.

Не смотря на свои «сумасшедшіе капризы» и слишкомъ живой темпераментъ, Матильда скоро сдѣлалась хорошей хозяйкой въ нанятой поэтомъ семейной квартирѣ. Не считая нѣсколькихъ сценъ ревности, изъ которыхъ одна повела даже къ разрыву на нѣсколько мѣсяцевъ, Гейне и его подруга были очень довольны своимъ сожительствомъ. Для поэта общество непритязательной и веселой парижанки было большимъ наслажденіемъ; Матильда, съ своей стороны, очень полюбила своего Анри и отдала ему предпочтеніе передъ всѣми прочими искателями,—«parceque on m'a dit que les allemands sont plus fidèles que les français», какъ говорила она. Кромѣ того, ее очень радовали красивыя платья, разныя бездѣлушки, попугаи и другія птицы, которыхъ покупалъ ей Гейне; она чувствовала себя вполнѣ счастливой, когда могла показаться съ нимъ подъ руку въ театрѣ или въ концертѣ. Гейне не смущался даже ея набожностью, она же не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія, что онъ—еврей. Въ эти годы поэта лишь изрѣдка посѣщало тяжелое предчувствіе, что эта связь можетъ имѣть печальный исходъ.

Это предчувствіе вызывалось, большею частью, «дикостью дорогой особы» или матеріальнымъ положеніемъ поэта, которое въ ту пору было далеко не блестяще. Домашнее хозяйство требовало значительныхъ расходовъ, а доходы, между тѣмъ, становились все меньше. Знакомство съ Ротшильдомъ и другими финансовыми свѣтилами принесло поэту мало пользы,—а напротивъ, только повредило ему, такъ какъ вовлекло его въ неудачныя биржевыя спекуляціи, совершенно его разорившія. Долгъ въ 20,000 франковъ заставилъ его снова искать помощи у дяди, на этотъ разъ — безуспѣшно.

Соглашеніе между дядей и племянникомъ состоялось только въ 1837 г., по всей вѣроятности,—при посредничествѣ Мейербера, съ которымъ Гейне былъ въ ту пору очень друженъ. Дядя назначилъ поэту ежегодный пенсіонъ въ 4800 франковъ и обѣщалъ ему, что послѣ его смерти будетъ выплачивать половину этой суммы его вдовѣ. Кромѣ того, Гейне заключилъ съ Юліусомъ Кампе въ Гам-

Digitized by Google

бургѣ ковтрактъ на полное изданіе своихъ сочиненій, уступивъ ему право изданія за 20,000 франковъ на 11 лѣтъ. Но и этой суммы не хватало, чтобы избавиться отъ всѣхъ денежныхъ затрудненій. Тогда-то Гейне рѣшился на поступокъ, который далъ его врагамъ поводъ жестоко его осуждать: онъ принялъ отъ французскаго правительства пенсію,—«эту милостыню, которую французскій народъ раздавалъ многимъ тысячамъ иностранцевъ, болѣе или менѣе славно скомпрометтировавшихъ себя на своей родинѣ преданностью революціонному дѣлу и искавшихъ убѣжища у гостепріимнаго очага Франціи». Нѣтъ сомнѣнія, что съ полученіемъ этой пенсіи не было связано никакихъ формальныхъ обязательствъ; но то обстоятельство, что Гейне скрывалъ эту пенсію, все-таки говоритъ противъ него, хотя и нисколько не оправдываетъ увѣреній его противниковъ, будто французское правительство платило ему не за то, что онъ писалъ, а за то, чего онъ *не* писалъ. Въ спискѣ тогдашнихъ пенсіонеровъ французскаго правительства было множество эмигрантовъ изъ всѣхъ странъ,—князей и генераловъ, писателей и ученыхъ,—«вся аристократія знаменитостей таланта и несчастія»... Какъ бы то ни было, съ строго нравственной точки зрѣнія эта пенсія Гейне не находитъ себѣ оправданія, и увѣреніе поэта, будто она была только благодѣяніемъ, не налагавшимъ на него никакихъ обязанностей, представляется софизмомъ. Но, съ другой стороны, все, написанное Гейне въ періодъ полученія имъ этой пенсіи, — съ 1838 по 1848 годъ,—о Франціи и ея политическихъ дѣлахъ совершенно опровергаетъ тѣ обвиненія въ продажности, какими осыпали его враги. А если вспомнить тяжелое матеріальное положеніе поэта въ ту пору, когда онъ у себя на родинѣ подвергался ожесточеннымъ преслѣдованіямъ, стѣснявшимъ его литературную дѣятельность, разссорился съ богатымъ дядей и разорился отъ неудачныхъ спекуляцій, то его вина представляется если не нравственно, то юридически «заслуживающею снисхожденія»...

Весьма разнообразные планы занимали Гейне въ эту пору тяжелой матеріальной нужды, къ которой присоединилась еще болѣзнь глазъ, угрожавшая поэту слѣпотой. Сначала онъ задумалъ издавать «Парижскую Газету» на нѣмецкомъ языкѣ; потомъ у него явилась мысль объ ежемѣсячномъ журналѣ «Парижъ и Лондонъ»; наконецъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Детмольдомъ онъ собирался издать литературно-историческую антологію,—«компиляцію изъ хорошихъ нѣмецкихъ писателей», съ цѣлью содѣйствовать развитію «всемірно патріотическаго, свободнаго въ своемъ чувствѣ, эллинскаго направленія». Но всѣ эти замыслы не осуществились, отчасти—потому, что встрѣтили серьезныя препятствія въ самой Германіи, отчасти же—потому, что матеріальное положеніе поэта вынуждало его заботиться о насущномъ хлѣбѣ. Матильда въ этихъ заботахъ не принимала никакого участія: она умѣла только тратить деньги и чувствовала себя несчастной, когда ихъ не получала. Не смотря на это, Гейне все таки любилъ «это взбалмошное, но здоровое сердце»,—любилъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше продолжалось

Digitized by Google

ихъ сожительство. Разныя сплетни насчетъ его отношеній къ Матильдѣ сыграли не послѣднюю роль въ изданіи сочиненія, въ которомъ Гейне впослѣдствіи раскаивался,—его памфлета противъ покойнаго Берне.

Людвигъ Берне умеръ въ Парижѣ, въ февралѣ 1837 г. Вся желчь и досада, накопившіяся въ сердцѣ Гейне противъ его литературнаго собрата, обратились теперь на покойника или, вѣрнѣе, на тѣхъ изъ пріятелей Берне, которые, не жалѣя трудовъ и издержекъ, въ продолженіе ряда лѣтъ настойчиво воздвигали гоненіе на Гейне въ нѣмецкой литературѣ. Говорили, что Гейне боялся Берне, а потому при жизни этого опаснаго противника ничего не писалъ о немъ; но это едва ли справедливо: мы знаемъ, что въ литературной полемикѣ Гейне не боялся никого изъ нѣмецкихъ писателей; скорѣе можно предположить, что онъ не придавалъ большого значенія личнымъ нападкамъ на него въ то время, когда ему приходилось вести серьезную принципіальную борьбу съ правительствами, цензурой, издателями и доносчиками вродѣ Менцеля или поэтовъ «швабской» школы. Но когда онъ увидѣлъ, что нѣмцы до небесъ превозносятъ Берне, между тѣмъ какъ его собственное имя, имя Гейне, топчется въ грязь,—тогда онъ не могъ удержаться, чтобы не высказать всего, что наболѣло у него на душѣ: «Этотъ честный человѣкъ все-таки сошелъ въ могилу съ тѣми клеветами, какія онъ пустилъ обо мнѣ по свѣту; весьма вѣроятно, что и я нарушу свое молчаніе о немъ».

Онъ и нарушилъ это молчаніе въ книгѣ, появленіе которой въ 1840 г. вызвало противъ автора цѣлую бурю негодованія. Еще ранѣе изданія этой книги друзья поэта настоятельно предостерегали его отъ такой недостойной полемики съ мертвымъ противникомъ и отъ жестокихъ нападокъ на беззащитную женщину,—г-жу Воль, пріятельницу Берне; но Гейне упорно настаивалъ на своемъ рѣшеніи издать книгу въ томъ видѣ, какъ онъ ее написалъ. Понятно, что онъ сдѣлался предметомъ самаго ожесточеннаго преслѣдованія со стороны поклонниковъ Берне. Ему пришлось даже драться на дуэли съ мужемъ оскорбленной дамы, нѣкимъ г. Штраусомъ изъ Франкфурта на Майнѣ, который въ глазахъ Гейне являлся вожакомъ всѣхъ его враговъ. Дуэль состоялась 7-го сентября 1841 г. Гейне былъ слегка оцарапанъ пулею противника, самъ же выстрѣлилъ на воздухъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ написалъ г-жѣ Штраусъ заявленіе, что сказанное о ней въ книгѣ о Берне «основывалось на совершенно ошибочныхъ и неосновательныхъ предположеніяхъ», и далъ слово въ слѣдующихъ изданіяхъ этой книги исключить всѣ подобныя мѣста.

Эта исторія имѣла важное значеніе въ жизни поэта. Незадолго до дуэли онъ позаботился о томъ, чтобы обезпечить будущность Матильды и для этого обвѣнчался съ нею въ католической церкви, а затѣмъ составилъ завѣщаніе, въ которомъ назначилъ ее единственной своей наслѣдницей. «Придя домой изъ церкви, писалъ онъ одному изъ друзей, я сдѣлалъ завѣщаніе: моя жена будетъ

Digitized by Google

наслѣдницею всего моего достоянія, но съ однимъ условіемъ,— чтобы она сейчасъ же послѣ моей смерти опять вышла замужъ. Я хочу знать навѣрное, что по крайней мѣрѣ хоть одинъ человѣкъ будетъ ежедневно сожалѣть о моей кончинѣ, восклицая: «Ахъ, зачѣмъ умеръ этотъ бѣдный Гейне! Будь онъ живъ, у меня не было бы его жены!» А Матильда, смѣясь, отвѣчала на это: «Смѣйся, сколько хочешь, ты знаешь, что я тебя ни живого, ни мертваго никогда не покину»...

Заботы о настоящемъ и будущемъ Матильды заставляли Гейне усиленно работать и принимать разныя предложенія издателей, на которыя при другихъ условіяхъ онъ едва ли согласился бы. Такъ, напр., онъ написалъ предисловіе къ роскошному нѣмецкому изданію «Донъ Кихота», рядъ писемъ о французской сценѣ для издававшагося Левальдомъ «Всеобщаго Театральнаго Обозрѣнія», рядъ небольшихъ этюдовъ «О женщинахъ и дѣвушкахъ Шекспира»— въ видѣ текста къ изданію гравюръ, и пр.

При всемъ разнообразіи предметовъ, о которыхъ Гейне въ ту пору приходилось писать, онъ никогда не работалъ съ небрежной торопливостью. Напротивъ, ни одинъ поэтъ не отдѣлывалъ такъ старательно своихъ стихотвореній, ни одинъ писатель не изучалъ такъ основательно и добросовѣстно своихъ источниковъ, какъ Гейне. Прежде, чѣмъ начать какую-нибудь серьезную работу, онъ цѣлыя недѣли и мѣсяцы просиживалъ въ библіотекѣ или у себя дома за чтеніемъ необходимыхъ для этой работы книгъ.

Стихотворенія свои онъ печаталъ не раньше, какъ послѣ самой тщательной ихъ шлифовки и отдѣлки: «Если бы у насъ не было черновыхъ тетрадей Гейне, говоритъ его издатель,—то мы и не повѣрили бы, какъ старательно онъ отдѣлывалъ всякую мелочь въ этихъ повидимому легкихъ и небрежныхъ плодахъ своего поэтическаго вдохновенія...».

Поэтическая дѣятельность Гейне со времени его переселенія въ Парижъ значительно измѣняетъ свой прежній характеръ. Скорѣе, чѣмъ можно было предполагать, поэтъ почувствовалъ утомленіе отъ политическаго ораторства и разочарованіе идеями нѣмецкаго мученичества. Горделивыя надежды и мечты объ идеальной свободѣ разсѣялись какъ дымъ, и Гейне, отвернувшись отъ политики, бросился съ головой въ бѣшеный омутъ парижской жизни. Глубокое разочарованіе и все презирающая иронія, которыми проникнуты его стихотворенія, написанныя въ эту эпоху, показываютъ, что поэтъ въ погонѣ за наслажденіями искалъ только забвенія тѣхъ остро-болѣзненныхъ впечатлѣній, которыми мучила его современная жизнь. Въ его дерзкихъ насмѣшкахъ слышится глубокое горе, распущенный цинизмъ является какъ бы контрастомъ идеальной любви, «отравленныя» пѣсни льются изъ чистаго, но тяжело раненаго сердца... Гейне имѣлъ право сказать о себѣ:

Nennt man die schlimmsten Schmerzen,
So wird auch der meine genannt.

Digitized by Google

Но современники поэта не въ состояніи были безпристрастно судить о немъ и возмущались «лирическимъ раемъ гризетокъ», воспѣтымъ въ его стихахъ, проповѣдью «торжества плоти», «разгуломъ чувственности» и т. д. О парижской жизни Гейне ходили въ Германіи самыя фантастическія легенды, а послѣ его смерти одинъ изъ лучшихъ его друзей—и съ самыми лучшими намѣреніями—постарался закрѣпить за нимъ эту дурную славу восторженнымъ гимномъ чувственной любви, жрецомъ которой явился поэтъ въ его изображеніи. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ эти взрывы чувственности вовсе не были такъ ужасны, и отраженіе ихъ въ поэзіи Гейне объясняется двойственной натурой поэта; на ряду съ этими вакханаліями мы видимъ у него пѣсни, въ которыхъ выражается идеальнѣйшее, нѣжнѣйшее чувство, истинно-нѣмецкая романтически-любовная мечтательность... Вся жизнь поэта была постоянной смѣной такихъ контрастовъ, и мѣрять ее шаблонною мѣркой обычныхъ повседневныхъ понятій значило бы—отказываться отъ желанія понять и объяснить ее. «Послѣ самаго строгаго изслѣдованія, говоритъ поэтъ въ своей книгѣ о Берне, я могу засвидѣтельствовать, что мои мысли и дѣйствія никогда не расходились съ моралью,—съ тою моралью, которая присуща моей душѣ и составляетъ, можетъ быть, самую мою душу, одухотворяющее начало моей жизни. Я почти пассивно повиновался нравственной необходимости, и потому не имѣю никакихъ претензій на лавровые вѣнки и прочія награды за добродѣтель. Недавно я читалъ книгу, въ которой говорится, будто я хвастался, что на парижскихъ бульварахъ нѣтъ ни одной фрины, прелести которой остались бы мнѣ неизвѣстными. Богъ знаетъ, у какого почтеннаго корреспондента заимствованъ столь достойный анекдотъ; я же могу увѣрить автора этой книги, что я даже во времена самой безумной моей юности никогда не приближался къ женщинѣ, если не былъ увлеченъ ея красотой,—этимъ тѣлеснымъ откровеніемъ божества,—или великою страстью,—тою великою страстью, которая также имѣетъ божественныя свойства, ибо она освобождаетъ насъ отъ всякихъ мелочныхъ эгоистическихъ чувствъ и заставляетъ насъ жертвовать бренными благами жизни, и даже самою жизнью...»

Нельзя не пожалѣть, что Гейне не кончилъ своихъ записокъ, надъ которыми онъ работалъ уже съ самой ранней молодости и которыя дали бы возможность вѣрнѣе судить о характерѣ поэта. Въ 1840 г. было написано уже четыре тома этой обширной автобіографіи, о которой поэтъ сообщалъ своему издателю Кампе: «Я хочу дать не короткій, сухой біографическій очеркъ, а большую книгу, можетъ быть—въ нѣсколько томовъ, которая должна будетъ послужить заключеніемъ къ полному собранію моихъ сочиненій и обнять собою всю исторію эпохи, важнѣйшіе моменты которой пережиты мною,—наиболѣе выдающихся представителей моего времени, всю Европу, всю современную жизнь, положеніе дѣлъ въ Германіи до іюльской революціи, результаты моего пребыванія въ центрѣ политическихъ и общественныхъ переворотовъ,

Digitized by Google

результаты дорого мнѣ стоившихъ и горькихъ опытовъ,—книгу, которой ждутъ именно отъ меня»...

Эта многолѣтняя рукопись была уничтожена самимъ поэтомъ въ 1852 г., а затѣмъ начата новая обработка «Записокъ», которыя послѣ смерти поэта составляли, по свидѣтельству одного изъ друзей, томъ приблизительно въ 600 страницъ. Дальнѣйшая судьба этихъ записокъ напоминаетъ таинственную судьбу «Дневника» нашего Пушкина: онѣ такъ же исчезли невѣдомо куда, за исключеніемъ лишь незначительнаго обрывка... Говорятъ, что братъ поэта Максимиліанъ въ 1867 г. выманилъ у Матильды драгоцѣнную рукопись и уничтожилъ ее, кромѣ только немногихъ листковъ, появившихся въ печати въ 1884 г. Говорятъ, что у другого брата, Густава, также остался списокъ съ этой злополучной рукописи, который, однако, почему-то «не долженъ былъ увидѣть свѣта»... Какъ бы то ни было, вѣрно одно,—что записки Гейне потеряны для насъ навсегда.

Не осуществились и многіе другіе замыслы поэта, съ которыми онъ носился всю жизнь. Такова была, напр., новая переработка темы «Фауста», начатая имъ еще въ студенческіе годы въ Геттингенѣ; къ тому же времени относится и начало повѣсти «Бахарахскій раввинъ», напечатанное въ 1840 г. съ примѣчаніемъ, что «окончаніе утратилось не по винѣ автора». Говорятъ также, что Гейне попробовалъ написать комедію, которая, въ переводѣ Жерара де-Нерваля, была предложена нѣсколькимъ парижскимъ театрамъ, но ни однимъ изъ нихъ не принята. Раздраженный этой неудачей поэтъ бросилъ свое произведеніе въ печку.

Въ 1840 г. Гейне возобновилъ свои политическія корреспонденціи въ «Аугсбургскую Всеобщую Газету». Это опять дало его врагамъ поводъ обвинять его въ продажности: въ томъ же году ему пришлось въ одной изъ парижскихъ газетъ опровергать увѣренія нѣмецкихъ писателей, будто онъ продалъ свое перо французскому министерству за сто тысячъ франковъ,—«а я все-таки бѣденъ какъ Іовъ», говорилъ онъ,—а восемь лѣтъ спустя онъ былъ вынужденъ дать «ретроспективное объясненіе» относительно пенсіи, которую онъ получалъ отъ министерства Гизо. Въ этомъ объясненіи онъ разсказываетъ, какъ Гизо, не взирая на частыя и сильныя нападки на него со стороны Гейне, все-таки не послушался нѣмецкихъ правительствъ, требовавшихъ высылки поэта изъ Франціи, и не лишилъ его пенсіи. Когда Гейне въ первый и послѣдній разъ явился къ министру, Гизо сказалъ ему: «Я—не такой человѣкъ, чтобы отказать въ кускѣ хлѣба нѣмецкому поэту, живущему въ изгнаніи». Разсказывая объ этой порѣ своей жизни, Гейне прибавляетъ: «Моя честь не можетъ находиться въ рукахъ перваго встрѣчнаго газетнаго корреспондента; ея судомъ не можетъ быть первый встрѣчный газетный листокъ; я подлежу только суду ассизовъ исторіи литературы».

Digitized by Google

Въ началѣ 40-хъ годовъ въ Германіи политическія и литературныя обстоятельства значительно измѣнились къ лучшему. Вступленіе на престолъ либеральнаго прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV пробудило среди нѣмецкихъ патріотовъ новыя надежды; либеральная партія, почти совсѣмъ уничтоженная ожесточенными преслѣдованіями прежнихъ десятилѣтій, теперь снова начала группироваться,—на сей разъ уже не подъ знаменемъ отвлеченнаго идеала мечтательной «свободы», а съ вполнѣ опредѣленною конкретною программою; поэзія покинула туманную область луннаго свѣта, голубенькихъ цвѣточковъ, средневѣковыхъ рыцарей, эльфовъ, ундинъ и стремилась сдѣлаться выразительницею новыхъ вѣяній: главнымъ ея мотивомъ стала политическая свобода, которую она воспѣвала съ юношески-пылкимъ одушевленіемъ. Эта перемѣна тона нѣмецкой литературы отвлекла вниманіе Гейне отъ мелкихъ дрязгъ личной полемики; но къ новымъ вѣяніямъ въ поэзіи онъ отнесся съ досадою и недовѣріемъ: въ либеральныхъ идеяхъ онъ видѣлъ много противорѣчій и неясностей, а политическое направленіе поэзіи казалось ему прямымъ отрицаніемъ поэтическаго творчества. Вопросъ о «тенденціи» и «чистомъ» искусствѣ, взволновавшій въ ту пору всѣхъ передовыхъ представителей нѣмецкой поэзіи, не могъ не задѣть за живое и «послѣдняго романтика», который никакъ не могъ помириться съ переложеніемъ въ стихи газетныхъ передовыхъ статей или парламентскихъ преній. Новая школа политической лирики казалась ему нарушеніемъ исконныхъ правъ поэзіи; поэтъ и политическій дѣятель были въ его глазахъ двумя совершенно различными характерами, соединеніе которыхъ въ одномъ и томъ же лицѣ представлялось вопіющимъ противорѣчіемъ. Съ этой точки зрѣнія Гейне всей силой своей уничтожающей ироніи напалъ на политическія стремленія и либеральныя программы новой нѣмецкой поэзіи: «Говорятъ, что Парнассъ будетъ выровненъ, нивеллированъ, вымощенъ, и тамъ, гдѣ нѣкогда карабкались праздные поэты, прислушиваясь къ соловьямъ, скоро будетъ проложено широкое и плоское шоссе или желѣзная дорога, гдѣ будетъ раздаваться ржаніе паровика, быстро бѣгущаго мимо дѣлового люда... Къ чему воспѣвать розу? Аристократъ! воспѣвай демократическій картофель, коимъ кормится народъ!...»

Протестомъ противъ этихъ идей явилась поэма Гейне: «Атта Троллъ», написанная въ Пиренеяхъ лѣтомъ 1842 г.,—«въ то время, когда оппозиція продала свою шкуру и обратилась въ поэзію».

Гейне сознавалъ, что никогда еще Германія не переживала эпохи болѣе благопріятной для пылкихъ молодыхъ поэтовъ. Это было время шумной и страстной борьбы разнообразнѣйшихъ элементовъ, когда выступили на сцену серьезные дѣятели и ловкіе комедіанты, честные люди и нахальные карьеристы, когда всѣ шашки перепутались, и все стало служить духу времени. Литература готова была предаться исключительно злобѣ дня; поэти-

Digitized by Google

ческая проза возрожденной «Юной Германіи» стремилась обратить поэзію въ орудіе политической и общественной реформы; лирика смутно вырабатывала новое содержаніе, ставила себѣ новыя цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ и лавры подешевѣли до смѣшного. Публику прежде всего и больше всего привлекало все новое и необычное; кому удавалось во-время занять позицію, заявивъ себя народнымъ трибуномъ и немножко гладіаторомъ, къ тому и стекались толпы благодарныхъ поклонниковъ, жадно ловившихъ призывы своего вождя. Популярность пріобрѣталась легко, но такъ же легко и терялась, потому что литература, какъ и все прочее въ ту пору, шла ощупью и наугадъ. Откровенія носились въ воздухѣ; нѣмецкая поэзія нетерпѣливо смотрѣла въ будущее и ждала руководителей и пророковъ...

Гейне своимъ блестящимъ талантомъ и саркастическимъ умомъ совершенно покорилъ современниковъ; его вліяніе повелительно господствовало надъ всей нѣмецкой лирикой; мотивы сердечной истерзанности и міровой скорби, иронія, то легкая, то язвительная, въ отношеніи къ религіознымъ, политическимъ и соціальнымъ идеямъ эпохи сдѣлались въ то время излюбленными темами поэзіи; всякій дюжинный стихотворецъ сталъ считать себя не только вправѣ, но и обязаннымъ усвоить гейневскій тонъ; явилась масса подражателей-пигмеевъ, которые, наконецъ, успѣли опошлить гейневскую лирику, довести ее до шаблона,—и публика, пресыщенная и утомленная безконечнымъ повтореніемъ все тѣхъ же пѣсенъ, стала ждать и искать иной формы и иного, болѣе жизненнаго содержанія. Возрожденіе феникса изъ пепла романтизма—въ гейневской школѣ оказалось иллюзіей...

Съ другой стороны, нѣмецкая поэзія открыла Новый Свѣтъ на Востокѣ, куда тотчасъ же и устремились поэты призванные и непризванные. Исторія этого Новаго Свѣта уже и въ то время была довольно стара. Еще Фридрихъ Шлегель, въ своей книгѣ *О мудрости индійцевъ* (1808) выступилъ романтическимъ защитникомъ и пропагандистомъ восточной поэзіи въ Германіи; Гаммеръ-Пургшталь поддержалъ интересъ къ ней своими обширными учеными трудами; Гете, въ «Западно-восточномъ Диванѣ», явился ея лирическимъ глашатаемъ. Всякое новое произведеніе, выходившее изъ мастерской стараго веймарскаго художника, тотчасъ же становилось исходнымъ пунктомъ цѣлаго литературнаго направленія; такъ и «Диванъ» посѣялъ сѣмена, которыя дали обильные и разнобразные всходы: въ сухой дидактикѣ Рюккерта восточная поэзія Гете обратилась въ искусный подборъ блестѣвшихъ разноцвѣтными переливами сентенцій; въ яркой лирикѣ аристократа Платена особенно привлекала небывалая оригинальность и мелодичность стихотворныхъ размѣровъ; въ страстной полемикѣ восторженнаго исламиста Даумера высказывалось энергическое порицаніе европейскому догматизму и спиритуализму...

Лирика гейневской школы была по преимуществу поэзіей чувства, лирика восточная—поэзіей мысли. Въ началѣ 40-хъ го-

Digitized by Google

довъ наряду съ ними почти внезапно,—«какъ Минерва изъ головы Юпитера»,—явилась лирика политическая. Въ 1841 г. Гервегъ издалъ свои «Пѣсни живого человѣка»,—и этотъ призывный кличъ политическаго освобожденія повсюду вызвалъ бурные восторги. Почти въ то же самое время выступили на литературное поприще Робертъ Прутцъ, Францъ Дингельштедтъ и Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ. Въ Пруссіи загорѣлась страстная борьба партій, и такъ какъ въ этомъ движеніи политическій починъ взяла на себя именно поэзія, то король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, котораго Прутцъ называлъ «романтикомъ на тронѣ» считалъ нужнымъ отнестись къ современной нѣмецкой лирикѣ съ особенною предупредительностью. Гейбелю и Фрейлигрsuperscript{а}—конечно, по дипломатическимъ соображеніямъ—назначена была королевско-прусская пенсія, безъ всякаго ходатайства съ ихъ стороны. Случайно это назначеніе совпало съ появленіемъ стихотворенія Фрейлиграта «Изъ Испаніи», въ которомъ находились извѣстные стихи, принятые консерваторами за поэтическое одобреніе ихъ программы:

Der Dichter steht auf einer höher'n Warte,
Als auf den Zinnen der Partei.

Юношеская вѣра въ свободное развитіе Германіи и преувеличенныя надежды, возлагавшіяся на короля въ началѣ его царствованія (припомнимъ извѣстное обращеніе къ нему Гейне: «Du allein... fühlst und denkst wie ein Mensch»), увлекли Фрейлиграта на путь политическаго оптимизма, за что онъ впослѣдствіи дорого поплатился... Эта роковая ошибка затормозила его политическое развитіе, привела его къ внутреннему разладу съ самимъ собою и дала публикѣ и критикѣ поводъ къ разнымъ сплетнямъ на его счетъ.

На стихотвореніе «Изъ Испаніи» прежде всего отвѣтилъ Гервегъ:

«Партія, партія! Кто же не признаетъ ея матерью всѣхъ побѣдъ? Какъ можетъ поэтъ отречься отъ этого слова,—отъ слова, породившаго все высокое? Каждый обязанъ мужественно и открыто рѣшить: за или противъ, и выбрать себѣ девизомъ: «рабъ» или «свободный»! Сами боги нисходили съ Олимпа и сражались въ рядахъ партіи.

«Вы должны поставить свое сердце на карту,—вамъ не пристало заоблачное спокойствіе; вы должны вмѣстѣ съ другими сражаться въ этомъ бою,—и стихъ въ рукѣ вашей долженъ быть мечемъ. О, изберите себѣ знамя,—и я буду доволенъ даже и въ томъ случаѣ, когда для меня оно будетъ чужимъ. Я выбралъ, я рѣшился,—и пусть одна только партія сплетаетъ мнѣ лавры!»

Страстный и пылкій авторъ «Пѣсенъ живого человѣка» скоро сдѣлался настоящимъ героемъ дня. Его голосъ заглушилъ всѣ другія пѣсни, его слава затмила славу всѣхъ его товарищей, его паѳосъ имѣлъ чарующее вліяніе на современниковъ, смутно стремившихся къ чему-то неосязаемо-высокому... Вскорѣ послѣ

Digitized by Google

отвѣта Фрейлиграту, Гервегъ съ тріумфомъ проѣхалъ по всей Германіи, въ сопровожденіи восторженной толпы молодежи: даже прусскій король заинтересовался этимъ «страннымъ мечтателемъ» и пожелалъ его видѣть. Гейне зло посмѣялся и надъ этой аудіенціей и надъ политической лирикой вообще, съ своей стороны, и поэты-пенсіонеры считали себя обязанными такъ или иначе высказаться. Гейбель написалъ рѣзкое стихотвореніе «Георгу Гервегу» а Фрейлигратъ—рѣзкую филиппику «Письмо», въ которой требовалъ, чтобы «швабскій Поза» новыми пѣснями возстановилъ свою запятнанную честь. Гервегъ отвѣчалъ грубо-сатирическою «Пѣснью пенсіонеровъ»—и едва ли нужно прибавлять, что симпатіи публики были всецѣло на его сторонѣ...

Гейне не могъ оставаться равнодушнымъ къ этой полемикѣ, которая близко касалась и его самого,—и написалъ небольшую юмористическую поэму «Атта Троль», которую онъ называлъ «лебединою пѣснью романтизма». «Я сочинилъ поэмку, которая надѣлаетъ большого шума», писалъ онъ въ концѣ 1842 г. другу своему Лаубе. «Между нами будь сказано, это—самое значительное изъ всего, написаннаго мною въ стихахъ: всѣ современныя отношенія изображены во всей полнотѣ, съ смѣлымъ юморомъ... для публики это будетъ событіемъ. Герой моего эпоса—медвѣдь, единственный изъ современныхъ героевъ, котораго я счелъ достойнымъ воспѣванія. Сумасшедшій сонъ въ лѣтнюю ночь!»...

Въ этой поэмѣ прежде всего сказалось глубокое недовольство Гейне тѣмъ направленіемъ, какое стала принимать въ ту пору нѣмецкая поэзія и въ которомъ онъ видѣлъ опасность для собственнаго положенія въ литературѣ. До тѣхъ поръ, пока идеи политической свободы представлялись только въ фантастической дымкѣ недостижимаго идеала, онѣ могли составлять предметъ поэтическихъ воздыханій; но какъ только туманъ этотъ началъ разсѣиваться, и скрывавшіяся за нимъ стремленія стали принимать осязательную форму,—проникнутая ими поэзія стала представляться Гейне пустозвонной риторикой слащаваго либерализма, который казался ему еще противнѣе, чѣмъ высокопарныя и безсодержательныя тирады нѣмецкихъ республиканцевъ... Съ своей стороны, молодое поколѣніе политическихъ лириковъ смотрѣло на Гейне какъ на ренегата—за то, что онъ въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ и въ статьяхъ аугсбургской «Всеобщей Газеты» высказывался противъ политическаго радикализма и въ пѣсняхъ своихъ не хотѣлъ подчиняться новому политическому камертону. «Атта Тролль» и явился сатирой на поэтическую поэзію и демократическій радикализмъ или, вѣрнѣе, на ихъ проявленія въ умственной жизни современной поэту Германіи. Гейне хорошо зналъ, что наступаетъ новое время, съ «новыми птицами» и новыми пѣснями, и что лирика луннаго свѣта, соловьиныхъ трелей и весеннихъ звуковъ, поэзія несчастной любви и міровой скорби отживаетъ свое время; онъ и самъ собирался покинуть «старый

Digitized by Google

очарованный замокъ поэзіи»,—и только на прощанье «еще разъ взялъ въ руки старую лютню и спѣлъ пѣсню, въ которую снова вложилъ всѣ блаженныя мечты, все опьяненіе луннымъ сіяніемъ, все сумасшествіе соловьиныхъ мелодій»...

Вслѣдъ за этимъ «сномъ въ лѣтнюю ночь» явилась «зимняя сказка»—«Германія» (1844),—этотъ перлъ нѣмецкой юмористической поэзіи, въ которомъ такъ ярко отразилась мучительная скорбь, вызванная противорѣчіемъ высокаго идеала съ безотрадною дѣйствительностью. Это была горькая и злая сатира на политическое состояніе современной Германіи, съ точки зрѣнія человѣчности и свободы, вѣчныя права которыхъ поэтъ мужественно защищаетъ противъ всѣхъ нападокъ тираніи и средневѣкового мракобѣсія.

По внѣшней своей формѣ «Германія» представляетъ описаніе поѣздки, предпринятой поэтомъ изъ Парижа въ Гамбургъ въ октябрѣ 1843 г. для свиданія съ своей 72-лѣтней матерью. Прусскій посланникъ не захотѣлъ выдать Гейне паспорта на проѣздъ черезъ Кельнъ и Ахенъ, а потому ему пришлось ѣхать черезъ Голландію. На время своего отсутствія изъ Парижа онъ опять помѣстилъ Матильду въ пансіонъ и постоянно писалъ ей самыя страстныя письма, полныя любви и ревности. «Я все думаю о тебѣ и не могу успокоиться», говоритъ поэтъ въ одномъ изъ этихъ посланій. «Смутныя, докучливыя заботы мучатъ меня день и ночь. Ты—единственная радость моей жизни,—не сдѣлай же меня несчастливымъ!..» Въ этомъ же тонѣ написаны и прочія письма. Заботы о будущности Матильды заставили Гейне заключить новый контрактъ съ своимъ издателемъ Кампе, которому онъ уступилъ права на всѣ свои сочиненія за ежегодную ренту въ 2400 франковъ, съ условіемъ, чтобы эта сумма послѣ его смерти выплачивалась его женѣ.

Въ своей «Зимней сказкѣ», которой нѣмцы до сихъ поръ не могутъ простить поэту, видя въ ней издѣвательство надъ самыми священными нѣмецкими чувствами, Гейне съ безпощаднымъ остроуміемъ, съ ужасающимъ эстетика реализмомъ, но и съ удивительной поэтической силой выставилъ на позоръ господствовавшую въ тѣ времена въ Германіи безобразную смѣсь средневѣковыхъ феодальныхъ порядковъ и «квасного» тевтонскаго патріотизма и осмѣялъ многое, что нѣмцы не только тогда признавали, но еще и теперь признаютъ великимъ и неприкосновеннымъ... Но это безпощадное обличеніе проникнуто горячею любовью къ родинѣ, для которой поэтъ провидитъ иные, лучшіе дни, когда юная Европа, уже обручившаяся съ геніемъ свободы, произведетъ новое поколѣніе людей сильныхъ и свободныхъ, которые выметутъ весь вѣками накопившійся хламъ и соръ и будутъ начинателями новой жизни. Надежда на это лучшее будущее внушаетъ поэту вдохновенныя пророчества и поддерживаетъ въ немъ вѣру въ высокій идеалъ добра и справедливости, который свѣтитъ ему

Digitized by Google

путеводною звѣздою среди уродливыхъ фигуръ и безобразныхъ явленій современной дѣйствительности...

Въ іюлѣ слѣдующаго года Гейне опять отправился въ Германію,—на этотъ разъ съ женой, которую онъ хотѣлъ представить своимъ родителямъ. Но Матильда не могла долго ужиться въ совершенно чуждой для нея обстановкѣ и вскорѣ уѣхала въ Парижъ, подъ предлогомъ болѣзни своей матери. Между прочимъ, во время этой поѣздки Гейне имѣлъ въ виду переговорить о своемъ положеніи съ дядей; но Соломонъ Гейне не могъ принять его: онъ былъ боленъ и вовсе не дружелюбно настроенъ къ племяннику. Вскорѣ по возвращеніи поэта въ Парижъ, въ концѣ того же 1844 года, пришло извѣстіе о смерти Соломона Гейне, а вслѣдъ за тѣмъ поэтъ узналъ, что дядя оставилъ ему по завѣщанію только 8000 марокъ и ничего не упомянулъ о ежегодной пенсіи, такъ что его сынъ и наслѣдникъ Карлъ Гейне отказывался отъ ея уплаты. Это было тяжелымъ ударомъ для поэта, который въ ту пору уже начиналъ чувствовать первые подступы своей ужасной болѣзни и привыкъ считать ежегодную пенсію отъ богатаго дяди «самымъ надежнымъ столпомъ своихъ доходовъ». Друзья поэта горячо вступились за него: Мейерберъ, Фарнгагенъ ф.-Энзе, А Гумбольдтъ старались лично повліять на Карла Гейне, Лассаль, Лаубе и др. подняли агитацію въ печати... но Карлъ упорно отказывался исполнить ихъ желаніе. Повидимому, дѣло шло вовсе не о ничтожной для милліонера суммѣ въ нѣсколько тысячъ франковъ въ годъ, а о томъ, чтобы «смирить» опаснаго своими сатирами поэта и заставить его подчинить свое творчество нѣкоторой «семейной цензурѣ». На это Гейне, разумѣется, не могъ согласиться...

Между тѣмъ, заботы и огорченія очень сильно отразились на здоровьѣ поэта. У него начались страшныя невральгическія боли лица, лѣвый его глазъ былъ совсѣмъ парализованъ, а правымъ онъ могъ видѣть только съ трудомъ, что крайне затрудняло ему чтеніе и почти лишало его возможности писать. По совѣту друзей, Гейне задумалъ поѣхать въ Берлинъ, чтобы тамъ посовѣтоваться съ своимъ университетскимъ товарищемъ, знаменитымъ профессоромъ Диффенбахомъ, а затѣмъ отправиться въ Гамбургъ для личныхъ переговоровъ о своихъ денежныхъ дѣлахъ. Но поѣздка въ столицу Пруссіи, не смотря на ходатайство Гумбольдта, не была ему разрѣшена, и поэту уже не пришлось увидѣть своей родины.

Тогда врачи послали его—лѣтомъ 1846 г.—въ Пиринеи. Подъ вліяніемъ извѣстій объ его болѣзни, Карлъ Гейне, наконецъ, смѣнилъ гнѣвъ на милость и далъ обѣщаніе выплачивать прежнюю пенсію поэту, а послѣ его смерти,—его вдовѣ,—впрочемъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы какъ при жизни Гейне, такъ и послѣ его смерти не было допускаемо въ печать ни одного его произведенія, «опубликованіе котораго могло бы чѣмъ-нибудь оскорбить семейство Карла Гейне или родственниковъ его

Digitized by Google

жены». Такимъ образомъ, семейному раздору былъ положенъ конецъ.

Бурныя событія 48-го года, уже давно предсказанныя поэтомъ, онъ встрѣтилъ съ почти полнымъ равнодушіемъ, какъ человѣкъ уже «отпѣтый», которому нѣтъ дѣла до какихъ бы то ни было мірскихъ тревогъ.,. Въ началѣ мая этого года Гейне въ послѣдній разъ вышелъ на улицу. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ взглянуть на дорогую его сердцу статую Венеры Милосской въ галлереѣ Лувра. Долго стоялъ онъ передъ этимъ божественнымъ мраморомъ—и, наконецъ, горько заплакалъ. «А прекрасныя уста богини улыбались, какъ всегда,—и предъ нею рыдала ея несчастливая жертва»...

Съ тѣхъ поръ Гейне уже не покидалъ постели,—своей, какъ онъ называлъ, «матрацной могилы». Въ зиму 1848—49 гг. мученія быстро прогрессировавшей сухотки спинного мозга дошли «почти до предѣла человѣческой способности къ страданію». Въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ друзей, Мейснеромъ, Гейне разсказывалъ, что онъ самъ себѣ представляется какимъ то призракомъ, словно духомъ уже умершаго человѣка, взирающимъ на свое бѣдное, разбитое, истерзанное пыткой тѣло... Онъ жилъ только прошлымъ, картины котораго постоянно возникали въ его воображеніи; онъ чувствовалъ желаніе писать, творить,—но ослѣпшіе глаза, дрожащія руки и постоянно повторяющіеся страшные припадки болѣзни отнимали у него возможность удовлетворять этому желанію. Онъ говорилъ о мучительныхъ безсонныхъ ночахъ, когда къ нему, словно змѣя, подползала мысль о самоубійствѣ, которую онъ, однако, имѣлъ силу отогнать отъ себя воспоминаніемъ о любимой женѣ и о незаконченныхъ еще литературныхъ произведеніяхъ... «Вспомните, сказалъ онъ, наконецъ, о судьбѣ Гюнтера, Бюргера, Клейста, Гельдерлина, Граббе и несчастнаго Ленау: на нѣмецкихъ поэтахъ лежитъ проклятіе!»...

И посреди этихъ тяжкихъ страданій медленно умиравшій поэтъ являлся изумительнымъ примѣромъ героизма и самообладанія, примѣромъ могучей власти духа надъ слабымъ тѣломъ. Недаромъ одинъ изъ біографовъ Гейне спрашиваетъ: «Найдется ли во всемірной исторіи литературы другой примѣръ поэта, не только сохранившаго на смертномъ одрѣ всю свою творческую силу, но и продолжавшаго работать со всею серьезностью и добросовѣстностью»?

Съ юморомъ, не покидавшимъ его до послѣдней минуты, Гейне называлъ себя «нѣмецкимъ Аристофаномъ, обратившимся въ парижскаго Прометея, прикованнаго къ матрацной скалѣ», «особымъ отдѣленіемъ парижской выставки, гдѣ показываются останки Генриха Гейне». Многочисленные друзья и почитатели поэта, посѣщавшіе эту «выставку», единогласно свидѣтельствуютъ объ удивительной силѣ его воли и самообладанія; но самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ является изданный имъ въ 1851 г. сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Романцеро». Этотъ

Digitized by Google

сборникъ и тѣсно связанныя съ нимъ «Послѣднія стихотворенія», появившіяся уже послѣ смерти поэта, представляютъ собою новую фазу гейневской поэзіи, ея заключительный аккордъ. Всѣ рѣзкіе контрасты и диссонасы, присущіе поэту, выступаютъ здѣсь, въ послѣднихъ лучахъ угасающаго романтизма, еще сильнѣе, чѣмъ прежде, и производятъ глубокое, скорбное впечатлѣніе. Передъ нами—«умирающій боецъ», вышедшій на послѣднюю схватку съ жизнью:

Я весь израненъ; кровь моя течетъ...
Гдѣ жъ смѣна? Кровь течетъ... слабѣетъ тѣло...
Одинъ упалъ—другіе подходи!
Но я не побѣжденъ: оружье цѣло;
Лишь сердце порвалось въ моей груди.

Романтическій пантеизмъ соединяется здѣсь съ превознесеніемъ личности на новый ладъ, искренняя вѣра—съ циническимъ издѣвательствомъ надъ священными предметами, чистая любовь—съ уничтожающимъ презрѣніемъ къ людямъ, міру и жизни вообще,—и среди этихъ диссонансовъ таинственно звучатъ скорбныя «еврейскія мелодіи», развертываются уходящія въ туманную даль романтическія картины легендарнаго прошлаго, кое-гдѣ освѣщенныя грустной улыбкой, слышатся трогательныя жалобы обманутой жизни, разбитаго счастья, загубленной любви, возвышенные гимны вѣчной ночи и смерти, отчаянные взрывы глубокой міровой скорби...

Одновременно съ «Романцеро» издана была «Танцовальная поэма Докторъ Фаустъ», а два года спустя—«Боги въ изгнаніи», юмористическій этюдъ, основанный на изученіи народной миѳологіи, о судьбѣ древнихъ боговъ въ новомъ христіанскомъ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поэтъ продолжалъ постоянно работать надъ своими записками и подготовлялъ полное собраніе своихъ сочиненій.

Въ видѣ предисловія къ запискамъ, Гейне издалъ, въ 1855—56 гг., «Признанія», которыя самъ онъ называлъ «въ высшей степени важнымъ жизненнымъ документомъ» и которыя заключали въ себѣ отчетъ о его религіозныхъ и философскихъ убѣжденіяхъ или, точнѣе, внутреннюю исторію его религіозно-философскаго развитія. Въ то же время какъ въ Германіи, такъ и во Франціи появился цѣлый рядъ изданій разныхъ его сочиненій, которыя много содѣйствовали новому приливу популярности къ его имени Послѣдніе годы жизни поэта, медленно умиравшаго среди тяжкихъ страданій, оживлялись общимъ вниманіемъ къ нему и постоянными посѣщеніями знакомыхъ и незнакомыхъ друзей и почитателей; и какъ бы финальной сценой этой жизненной трагедіи, въ которой на долю женщинъ выпала такая важная роль, было появленіе у постели страдальца молодой дѣвушки, которая затѣмъ исчезла такъ же неожиданно и загадочно, какъ и появилась, и только черезъ двадцать восемь лѣтъ передала въ печати свой разсказъ о послѣднихъ дняхъ поэта. Это была Элиза

Digitized by Google

Криницъ, или Камилла Сельденъ, или, какъ называлъ ее Гейне по изображенію на ея печати,—«Мушка» (la Mouche).

Она пришла къ Гейне осенью 1855 г. и предложила свои услуги въ качествѣ чтицы. Ея привлекательность, граціозность, пріятный голосъ и живой умъ произвели на поэта чрезвычайно сильное впечатлѣніе; онъ не могъ пробыть безъ нея ни одного дня, и когда она не приходила, писалъ ей нѣжнѣйшія записочки и грустныя любовныя посланія въ стихахъ и прозѣ. Это была иллюзія любви, иллюзія романтической юности на смертномъ одрѣ параличнаго старика...

Роковая развязка наступала быстро. Въ началѣ февраля 1856 г. страданія Гейне дошли до своего апогея. Тяжелые припадки стали повторяться по нѣсколько разъ въ день; поэтъ долженъ былъ проводить цѣлыя ночи сидя въ постели, и только впрыскиванія морфія давали ему нѣкоторое облегченіе. Не смотря на это, онъ все еще продолжалъ работать, напрягая послѣднія силы. 13 февраля онъ работалъ цѣлыхъ шесть часовъ сряду. Сидѣлка, ни на минуту его не оставлявшая, просила его поберечь себя и отдохнуть; но Гейне рѣшительно отъ этого отказался: «Мнѣ осталось работать не больше четырехъ дней», сказалъ онъ,—«тогда все будетъ кончено». На другой день онъ сильно страдалъ отъ головной боли и нѣсколько разъ съ грустью повторялъ: «Мнѣ уже не придется написать моей бѣдной матери!» Лѣчившій поэта докторъ Груби, на вопросъ, долго ли еще остается жить, не скрылъ отъ него истины. Гейне выслушалъ его съ полнымъ спокойствіемъ... Въ субботу, 17 февраля, состояніе больного сильно ухудшилось. Только къ вечеру, между 4-мя и 5-ю часами, онъ какъ будто нѣсколько пришелъ въ себя и три раза прошепталъ: «Писать...» Затѣмъ, еще болѣе слабымъ голосомъ, проговорилъ: «Бумаги... карандашъ...»

Это были—его послѣднія слова. Поданный ему карандашъ выпалъ изъ обезсилѣвшей руки; судорожныя движенія лица прекратились, оно приняло спокойное выраженіе, поэтъ откинулся на подушку—и черезъ нѣсколько минутъ Генриха Гейне не стало.

Когда, нѣсколько часовъ спустя, явилась «Мушка», ее ввели въ безмолвную комнату, гдѣ тѣло поэта, «подобное статуѣ на гробницѣ», лежало въ торжественной неподвижности смерти. «На этомъ лицѣ уже не осталось никакого слѣда человѣческихъ страданій; здѣсь не было ничего, что напоминало бы о человѣкѣ, который любилъ, ненавидѣлъ и страдалъ, осталась только античная маска, на которую послѣднее успокоеніе наложило ледяную печать надменнаго равнодушія,—блѣдное, слово изваянное изъ мрамора лицо, правильныя черты котораго напоминали самыя чистыя произведенія греческаго искусства...»

Три дня спустя небольшая группа друзей, писателей и журналистовъ проводила останки поэта на Монмартрское кладбище, гдѣ его похоронили, согласно его волѣ, безъ всякаго церковнаго

Digitized by Google

обряда и безъ всякихъ надгробныхъ рѣчей. Подъ простымъ камнемъ съ надписью: «Henri Heine» успокоился поэтъ на Монмартрѣ, на этой «горѣ мучениковъ», откуда съ одной стороны виденъ весь «ликующій, праздно болтающій», танцующій и веселящійся Парижъ,—«адъ для ангеловъ, рай для дьяволовъ», какъ назвалъ его Гейне въ своей предсмертной элегіи, а съ другой—предмѣстье Сенъ-Дени, скромное гнѣздо парижской рабочей бѣдноты...

Лѣтомъ минувшаго года въ газетахъ промелькнуло извѣстіе о проектѣ поставить памятникъ Гейне на его нѣмецкой родинѣ,—въ Дюссельдорфѣ или въ Майнцѣ. Извѣстіе это опять разбудило страсти, вызвало оживленную полемику;—«старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою», можно считать покончennымъ: памятника не будетъ. Скорѣе воздвигнутся монументы сотнѣ Шульцевъ и Мюллеровъ, чѣмъ поэту, который смѣлъ ненавидѣть свое нѣмецкое отечество такою страстною любовью, издѣваться надъ нимъ съ такими жгучими слезами... Да Гейне и не нуждается въ памятникѣ: вѣщія пѣсни поэта вошли въ душу народа, сдѣлались ея неотъемлемою частью и будутъ въ ней жить, не взирая на злобныя гримасы самодовольныхъ филистеровъ или тупицъ, которые «обрывками своего халата и ночного колпака штопаютъ прорѣхи міросданія». Гейне всегда будетъ близокъ сердцу каждаго, кто переживалъ сердцемъ «романтическій періодъ» юности, кто любилъ, страдалъ и мучился, подобно ему, тщетнымъ исканіемъ отвѣта на «проклятые» вопросы, такъ давно томящіе человѣчество...

Въ предыдущемъ изложеніи мы уже постарались указать главныя характерныя особенности гейневской поэзіи,—тѣ переливы различныхъ настроеній, объединяемыхъ юморомъ, которые отражаютъ въ себѣ подвижную, тревожную, неустойчивую натуру поэта. Самъ Гейне кратко и сильно охарактеризовалъ эту постоянную смѣну своихъ руководящихъ мотивовъ: «Я—іудей, я—христіанинъ, я—трагедія, я—комедія, Гераклитъ и Демокритъ въ одномъ лицѣ; іудей и эллинъ; обожатель деспотизма, воплощеннаго въ Наполеонѣ, и поклонникъ коммунизма, представляемаго Прудономъ; латинецъ и германецъ...» Какъ по своему содержанію, такъ и по внѣшней формѣ, произведенія Гейне чрезвычайно разнообразны и служатъ выраженіемъ этого измѣнчиваго характера. Въ Германіи онъ былъ французомъ и поклонникомъ Наполеона, во Франціи германскимъ патріотомъ и, надо замѣтить, всегда безъ страха выбиралъ самыя рискованныя положенія. Въ политикѣ онъ былъ республиканцемъ въ царствованіе Фридриха-Вильгельма IV, и въ Пруссіи до сихъ поръ не забыли его грубоцинической «Дворцовой легенды». Переселившись во Францію, онъ въ значительной степени разочаровался въ парламентскихъ учрежденіяхъ, за которыя всегда такъ горячо стоялъ, и разорвалъ съ нѣмецкой эмиграціей, написавъ памфлетъ противъ Берне. Въ литературной критикѣ онъ безпрестанно указывалъ слабыя и смѣшныя стороны-романтиковъ, подражателей Гете, послѣдова-

Digitized by Google

телей Рюккерта, сторонниковъ старо-германской классической словесности, учениковъ Виктора Гюго и вообще представителей всѣхъ литературныхъ направленій и партій, изъ которыхъ каждая имѣла въ его глазахъ свои комическія черты; въ особенности же доставалось отъ его сарказмовъ нѣмецкимъ политическимъ поэтамъ. Онъ пускалъ свои стрѣлы во всѣ стороны,—въ Гегеля и Луи-Филиппа, въ Берліоза и мюнхенскихъ гимнастовъ... впрочемъ, не придавая этому серьезнаго значенія и чаще всего—увлекаясь настроеніемъ минуты.

Нельзя, однако, не видѣть, что онъ былъ вполнѣ серьезенъ въ своихъ безпощадныхъ нападкахъ на нѣмецкое филистерство во всѣхъ его проявленіяхъ—въ политикѣ, наукѣ, литературѣ, общественной жизни. Желчныя издѣвательства парижскаго Аристофана надъ своими соотечественниками навлекли на него ненависть и проклятія со стороны тѣхъ нѣмецкихъ патріотовъ, которымъ все нѣмецкое представлялось идеаломъ совершенства и которые не въ состояніи были понять сатирика, приглашавшаго ихъ посмотрѣться въ зеркало. Гейне неутомимо бичевалъ всѣ извращенія національнаго духа,—прусское фельдфебельство, піетистическое ханжество, квасной патріотизмъ тевтоновъ, кулачное право въ литературѣ... Его «Германія» показываетъ, что въ душѣ этого желчнаго сатирика жила горячая любовь къ родинѣ, по которой онъ всегда вздыхалъ и въ которой не могъ ужиться,—что передъ нимъ носился хотя и не совсѣмъ еще прояснившійся, но все-таки свѣтлый гуманный идеалъ свободнаго, прекраснаго человѣчества, сіявшій ему путеводною звѣздою, и что поэтъ былъ правъ, говоря въ предисловіи къ «Атта Троллю»: «Ты лжешь, Брутъ ты лжешь, Кассій, да и ты лжешь, Азиній, увѣряя, что моя насмѣшка направлена противъ тѣхъ идей, которыя составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе человѣчества и за которыя я самъ такъ много боролся и страдалъ!..

Новѣйшій нѣмецкій критикъ, хотя и не вполнѣ отрѣшившійся отъ псевдо-патріотическаго недовольства рѣзкими нападками поэта на Германію, не только признаетъ огромное значеніе Гейне въ нѣмецкой лирикѣ, но и утверждаетъ, что его вліяніе съ каждымъ годомъ увеличивается. «Неразумное, частью сознательное, частью безсознательное подражаніе его манерѣ въ любовныхъ пѣсняхъ и политическихъ сатирахъ и до сихъ поръ еще не прекратившееся, слѣпое преклоненіе передъ его талантомъ или такое же слѣпое отрицаніе этого таланта все больше и больше уступаютъ мѣсто правильному разумѣнію поэта и признанію его оригинальнаго величія. Его юморъ и легкость, привлекавшіе въ особенности французовъ, которые прозвали его «нѣмецкимъ соловьемъ, свившимъ себѣ гнѣздо въ парикѣ Вольтера», не составляютъ сущности его дарованія, а только внѣшнюю его форму, Гейне былъ міровымъ поэтомъ: онъ воспринимаетъ въ себя все духовное содержаніе своего времени и отражаетъ его въ себѣ сообразно личному своему характеру. Въ немъ находитъ себѣ живое выра-

Digitized by Google

женіе все то, чѣмъ жили и волновались люди въ продолженіе 35-ти лѣтъ, съ 1815 по 1850 годъ,—и романтическую сентиментальность, и ироническое самобичеваніе, идеальные порывы къ неопредѣленной свободѣ и мрачное, пессимистическое разочарованіе. Всѣмъ этимъ настроеніямъ Гейне сумѣлъ придать такое вѣрное и полное выраженіе именно потому, что самъ ихъ пережилъ не только умомъ, но и сердцемъ,—потому, что страданія и порывы его времени были его собственными страданіями и порывами...»

Характеръ гейневской поэзіи символически обрисованъ самимъ поэтомъ въ его разсказѣ, по поводу Стерна, о «любимомъ дитяти трагической музы»: «Однажды, въ припадкѣ жестокой нѣжности, она поцѣловала его юное сердце такъ сильно, съ такою могучею, горячею любовью, что сердце начало истекать кровью и сразу поняло всѣ страданія этого міра и наполнилось безконечнымъ сочувствіемъ къ нимъ. Бѣдное юное сердце поэта! Но младшая дочь Мнемозины, розовая богиня шутки, быстро подбѣжала, взяла страдающее дитя на руки и, стараясь развеселить его смѣхомъ и пѣснями, дала ему игрушку—комическую маску и шутовскіе бубенчики, и стала цѣловать его въ уста, и нацѣловала на нихъ все свое легкомысліе, всю свою капризную веселость и остроумное гримасничанье. И съ тѣхъ поръ его сердце и его уста оказались въ странномъ противорѣчіи другъ съ другомъ: когда сердце настроено трагически, обливается кровью, и поэтъ хочетъ излить его страданія, тогда съ его устъ, къ его собственному изумленію, слетаютъ самыя смѣшныя и забавныя слова...»

Внимательно вчитываясь въ эти своеобразныя страницы, на которыхъ самый языкъ нѣмецкій, теряя свой педантическій строй, становится почти неузнаваемымъ, какимъ-то совсѣмъ новымъ языкомъ, все больше и больше приходишь къ убѣжденію, что въ основѣ оригинальной личности поэта, полной такихъ странныхъ и часто непримиримыхъ противорѣчій, лежало пламенное одушевленіе, юношескій порывъ къ истинѣ и добру, скрытый подъ маскою сатирической усмѣшки,—что поражающіе насъ контрасты глубококоренятся въ самой натурѣ поэта, которой присущъ былъ своего рода демоническій элементъ. А это приводитъ къ заключенію, что всѣ фазы развитія жизни и творчества Гейне составляютъ части одной великой поэмы, въ которой переливы тоновъ являются столько же рѣзкими и неожиданными, сколько и художественными, столько же дерзкими, какъ и привлекательными, столько же трагически-мрачными, какъ и комически-веселыми. Потому-то эта великая поэма и не умретъ до тѣхъ поръ, пока жива будетъ поэзія...

П. Морозовъ.

Digitized by Google

Лѣтніе вакаціонные курсы въ Парижѣ и Марбургѣ.

(Къ вопросу о подготовкѣ преподавателей новыхъ языковъ).

Средняя школа переживаетъ нынѣ во всѣхъ образованныхъ странахъ міра глубокій переломъ, ведущій ее постепенно къ полному преобразованію. Переломъ этотъ обусловливается видоизмѣненіемъ понятія о воспитательно-образовательномъ матеріалѣ, долженствующемъ составлять содержаніе курса средней школы. Въ ряду различныхъ силъ, вліяющихъ на видоизмѣненіе этого понятія, значительную роль играетъ перемѣна общекультурныхъ условій въ смыслѣ расширенія международныхъ сношеній. Усиленіе взаимнаго общенія націй вызываетъ все большій и большій спросъ на знаніе живыхъ иностранныхъ языковъ. Современная школа, отчасти безсознательно, отчасти въ сознательномъ стремленіи идти на встрѣчу потребностямъ жизни, даетъ въ своихъ стѣнахъ все болѣе и болѣе широкое мѣсто ихъ изученію. При своемъ желаніи отвѣчать на запросы жизни, школа вмѣстѣ съ тѣмъ и потому именно не можетъ отказаться отъ основной воспитательно-образовательной задачи и, включая новый матеріалъ въ кругъ сообщаемыхъ ею свѣдѣній, непремѣнно включаетъ его какъ матеріалъ воспитательно-образовательный. (Bildungsgehalt). Вотъ почему тамъ, гдѣ педагогическая мысль работаетъ на началахъ преемственности идей, появленіе въ школѣ новаго элемента повлекло за собою тщательное изслѣдованіе содержащагося въ этомъ элементѣ воспитательно-образовательнаго матеріала и способа его обработки. Я считаю нужнымъ съ особенною настойчивостью подчеркнуть это обстоятельство, такъ какъ недостаточно ясное его освѣщеніе влечетъ за собою большія недоразумѣнія. Повсюду въ Западной Европѣ проявляется теперь стремленіе поставить изученіе новыхъ языковъ въ условія, при которыхъ достигалось бы владѣніе устною и письменною рѣчью въ смыслѣ пониманія этой рѣчи и умѣнья говорить и писать. Такъ какъ у насъ въ извѣстныхъ сферахъ изученіе иностранныхъ языковъ иначе никогда и не понималось, и указанные результаты дѣйствительно достигались и достигаются теперь помимо школы, школа

Digitized by Google

же подвергала языки особой обработкѣ въ цѣляхъ такъ называемаго формальнаго развитія, то стремленіе удалить школу отъ пріемовъ выработанныхъ въ этомъ направленіи, часто разсматривается какъ стремленіе принизить ея задачи, сведя ихъ къ усвоенію механическихъ навыковъ. Большинству извѣстно лишь два способа изученія языковъ: такъ называемый теоретическій, при которомъ задаются цѣлью воздѣйствовать на формальное развитіе, дать такъ называемую гимнастику ума, и другой—практическій—конечный результатъ котораго выражается въ умѣньи болтать и писать на иностранномъ языкѣ. Поэтому, когда мы говоримъ теперь, что учащіеся должны быть освоиваемы съ языкомъ практически и пріобрѣсти упомянутыя умѣнья, то въ умѣ какъ противниковъ, такъ и многихъ сторонниковъ этого направленія, возникаетъ мысль о простой пересадкѣ въ школу того поверхностнаго и большей частью лишеннаго всякихъ образовательныхъ элементовъ усвоенія иностраннаго языка, которое достигалось прежде и достигается теперь при помощи боннъ, гувернантокъ и гувернеровъ—иностранцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ ставится такъ: если вы хотите учить теперь иностранному языку, не исходя изъ роднаго языка учащагося и не сравнивая иностраннаго языка съ роднымъ, то лучше всего сохранить и по возможности развить тотъ порядокъ, по которому обученіе иностранному языку находится въ рукахъ иностранцевъ. Отсюда легко и часто выводится заключеніе, повторяю—какъ противниками, такъ и сторонниками направленія реформы въ обученіи языкамъ, будто идея реформы благопріятствуетъ полной передачѣ преподаванія въ руки иностранцевъ. На самомъ же дѣлѣ идея реформы въ полномъ своемъ объемѣ совершенно неосуществима, пока преподаваніе языковъ остается въ рукахъ иностранцевъ. Она по существу своему настойчиво требуетъ, чтобы преподаватель иностраннаго языка, не употребляя роднаго языка учащагося при обученіи, зналъ его въ совершенствѣ, а не кое-какъ. Единичныя лица изъ числа иностранцевъ-преподавателей могутъ удовлетворить требованіямъ идеи реформы въ переходной стадіи ея развитія, но кадра удовлетворительныхъ преподавателей-иностранцевъ для всей средней школы имѣть нельзя. Совершенно независимо отъ необходимости знанія русскаго языка и разумѣнія всего круга идей учащагося, просто невозможно имѣть кадръ иностранцевъ преподавателей того образовательнаго ценза, который обусловливается не только требованіями реформы, но и требованіями средней школы вообще.

Итакъ установимъ твердо слѣдующее:

1) Средняя школа разсматриваетъ живые иностранные языки, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ, а не какъ механическій навыкъ.

2) Для надлежащаго примѣненія этого матеріала въ школѣ составъ преподавателей долженъ необходимо выбираться изъ природныхъ русскихъ, получившихъ основательное филологическое образованіе. У насъ долженъ быть созданъ такъ или иначе институтъ неофилологовъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ поставленъ этотъ вопросъ въ Западной Европѣ, гдѣ преподаватели-иностранцы являются лишь терпимыми исключеніями. Но вотъ теперь въ чемъ дѣло. Пока преподаваніе языковъ велось по такъ называемому грамматическому методу, пока занимались гимнастикой ума, любой филологъ, занимавшійся въ университетѣ новыми языками, могъ взяться за преподаваніе этихъ языковъ въ школѣ, убѣжденный по совѣсти, что онъ преподаетъ то, чѣмъ самъ владѣетъ. Когда же потребовалось учить не грамматикѣ, а языку, то оказалось конечно, что учителей нѣтъ, потому что нѣтъ среди филологовъ лицъ, владѣющихъ въ достаточномъ совершенствѣ иностраннымъ языкомъ. Въ Германіи по крайней мѣрѣ не вывели отсюда того заключенія, которое нерѣдко приходится слышать у насъ, а именно, что методъ признаваемый раціональнымъ, не долженъ быть принятъ потому, что нѣтъ учителей. «Нѣтъ учителей—значитъ надо ихъ создать, надо ихъ подготовить, а, пока подготовка еще не организована, раціональный методъ остается все-таки раціональнымъ, и нужно, чтобы разрабатывался въ школѣ онъ, а не какой либо другой.» Такъ разсуждаютъ въ Германіи и, повидимому, иначе разсуждать нельзя *).

Подготовка учителя каждаго предмета слагается изъ двухъ частей—изъ подготовки обще-научной и спеціально-педагогической. Въ научную подготовку учителя неофилолога входитъ, какъ необходимая составная часть, практическое владѣніе иностраннымъ языкомъ. Достиженіе этого практическаго владѣнія представляетъ при существующихъ условіяхъ наибольшія трудности. Нельзя сказать, чтобы подготовка учителей вообще для средней школы въ Германіи (гдѣ она все таки лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ) удовлетворяла во всѣхъ отношеніяхъ строгимъ требованіямъ. Въ этой области даже въ странѣ, работающей дольше, систематичнѣе и настойчивѣе всѣхъ другихъ надъ созданіемъ системы общественнаго образованія, сдѣланы только первые шаги. Важно однако то, что вопросъ о подготовкѣ учителей тамъ опредѣленно поставленъ и тщательно разработывается какъ правительствомъ, такъ и общественными силами.

Собственно научно-филологическая подготовка учителей нео-филологовъ находится въ Германіи конечно въ наилучшихъ условіяхъ сравнительно со всѣми другими странами, такъ какъ языкознаніе вообще и въ частности неофилологія имѣетъ въ ней наибольшее число крупныхъ представителей. При германскихъ университетахъ имѣются такъ называемыя нео-филологическія семинаріи, въ которыхъ однако до послѣдняго времени изучали новые языки, какъ мертвые. Въ числѣ отвѣтовъ Берлинской декабрьской конференціи

*) «Я не знаю второго такого случая, чтобы высшей администраціей официально предписывался методъ преподаванія, для примѣненія котораго большинство учителей недостаточно подготовлено и потому недостаточно способно», говоритъ Ветцольдъ по поводу прусскаго учебнаго плана для новыхъ языковъ 1892 года. S. Waetzold. Die Aufgabe des neusprachlichen Unterrichts und die Vorbildung der Lehrer. Berlin. 1892.

Digitized by Google

1890 года на предложенный ей 11-й вопросъ: «Какія измѣненія необходимы въ научной подготовкѣ будущихъ учителей среднеучебныхъ заведеній?» находимъ подъ № 6 слѣдующій: «Школьному обученію живыхъ иностранныхъ языковъ должна быть поставлена задача научить свободному владѣнію устною и письменною рѣчью; университетскому преподаванію въ тѣхъ же предметахъ—задача, по возможности, усилить это владѣніе *).

Одновременно съ новыми учебными планами 1892 года прусское министерство издало записку, въ которой выражается такъ:

«Цѣль обученія новымъ языкамъ во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ *измѣнена* **) въ томъ направленіи, что практическое, устное и письменное употребленіе иностраннаго языка и пониманіе писателей повсюду поставлено на первый планъ, грамматика же разсматривается лишь какъ средство для достиженія этой цѣли.

«Ближайшая забота должна быть направлена на то, чтобы согласовать съ этимъ подготовку учителей новыхъ языковъ и возможно содѣйствовать послѣдней поѣздками учителей за границу» ***).

Результатомъ такого измѣненія въ направленіи преподаванія явилось прежде всего измѣненіе въ характерѣ работы во многихъ неофилологическихъ семинаріяхъ при университетахъ, гдѣ позаботились о приглашеніи лекторовъ иностранцевъ, на обязанность которыхъ возложена была практическая подготовка слушателей. Та же потребность въ преимущественно практической подготовкѣ учителей неофилологовъ выразилась въ широкихъ размѣрахъ возникновеніемъ и быстрымъ развитіемъ вакаціонныхъ курсовъ въ Швейцаріи, Германіи, Франціи и Англіи.

Возникли эти курсы въ Швейцаріи.

Иниціаторъ женевскихъ курсовъ, Бернаръ Бувіе, въ рѣчи, которую онъ произнесъ на 5 мъ съѣздѣ германскихъ неофилологовъ въ Берлинѣ, 7-го іюня 1892 года, какъ привѣтствіе съѣзду отъ Женевскаго университета, сказалъ слѣдующее: «Мы удивляемся необыкновенному прилежанію, обнаруживаемому вами въ разработкѣ и развитіи пріемовъ обученія новымъ языкамъ, и чувствуемъ себя связанными нравственными узами со всѣмъ прогрессивнымъ движеніемъ, которое въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ охватило учителей-неофилологовъ въ Германіи. Позвольте мнѣ дать фактическое доказательство нашего интереса къ этому дѣлу, сообщивъ вамъ о двухъ учрежденіяхъ, которыми и мы надѣемся содѣйствовать вашимъ стремленіямъ». Затѣмъ Бувье сдѣлалъ сообщеніе о семинаріи по французскому языку при Женевскомъ университетѣ, которая была основана преимущественно для студентовъ-иностранцевъ въ то время, когда въ Германіи началось движеніе по разработкѣ

*) Verhandlungen über Fragen des höheren Unterrichts. Berlin. 1891. Стр. 798.

**) Доселѣ эта цѣль исключительно состояла въ томъ, что называется «sprachlich-logische Bildung», а, для достиженія ея, грамматика и грамматическія упражненія ставились на первый планъ.

***) Waetzold. Стр. 7.

Digitized by Google

новыхъ учебныхъ плановъ, и о предстоящемъ учрежденіи французскихъ вакаціонныхъ курсовъ. Послѣдніе открылись 13 іюля 1892 г. и съ тѣхъ поръ ежегодно привлекаютъ многочисленныхъ слушателей, особенно изъ Германіи. *) Между прочимъ мнѣ извѣстно, что правительство Великаго Герцогства Баденскаго ежегодно посылаетъ на эти курсы нѣсколькихъ лицъ изъ своего преподавательскаго персонала.

Насколько можно судить по краткому отчету преподавательницы училища Св. Петра въ С.-Петербургѣ, г-жи Флейшхутъ, **) на женевскихъ курсахъ ведутся занятія по фонетикѣ французскаго языка наиболѣе практичнымъ способомъ. Для насъ возникаетъ только вопросъ, насколько произношеніе, которому обучаютъ на этихъ курсахъ, свободно отъ недостатковъ, свойственныхъ по мнѣнію французовъ-парижанъ швейцарцамъ.

Въ Германіи вакаціонные курсы устраиваются тоже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. До сихъ поръ они организовывались тамъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Ихъ цѣлью было преимущественно ознакомить преподавателей съ пріемами преподаванія, а также отчасти усовершенствовать въ знаніи языка. Въ 1897 году первый разъ устроены были курсы въ Марбургѣ по болѣе широкому плану. Въ дальнѣйшемъ я изложу существенныя черты марбургскихъ курсовъ, а теперь остановлюсь на курсахъ парижскихъ, представляющихъ для насъ наибольшій интересъ.

Лѣтніе вакаціонные курсы въ Парижѣ организованы обществомъ: «Alliance française, association nationale pour la propagation de la langue française dans les colonies et à l'étranger».

Въ концѣ 1893 года, вслѣдствіе предложенія, внесеннаго въ Комитетъ общества преподавательницей M-lle Porte, членъ Комитета Пюо представилъ проектъ организаціи вакаціонныхъ курсовъ, которые были устроены въ слѣдующемъ же 1894 году. Курсы были поставлены подъ покровительство особаго Комитета, въ числѣ членовъ котораго находятся такія имена, какъ Греаръ, Лависсъ, Бреаль, Гастонъ Парисъ, Луи Леже, директоромъ же курсовъ, на которомъ лежитъ составленіе программы и выборъ преподавателей, избранъ былъ Ф. Брюно—преподаватель Сорбонны и Высшей нормальной школы.

Въ 1894 году на курсы записалось около 50 слушателей, въ 1895—117. Возрастающій успѣхъ курсовъ и интересъ, очевидно, ими возбужденный, побудилъ устроителей организовать, начиная съ 1896 года, двѣ серіи курсовъ, изъ которыхъ первая продолжается отъ 2 до 31 іюля, вторая — отъ 2 до 31 августа. Это дѣленіе на двѣ серіи вызвано было главнымъ образомъ тѣмъ соображеніемъ,

---

*) См. Hartmann. Reiseeindrücke u. Beobachtungen eines deutschen Neuphilologen in der Schweiz u. in Frankreich. Leipzig. Stolte. 1897. Стр. 19.

**) Jahresbericht der Deutschen Hauptschule zu St. Petri. St. Petersburg. 1897.

Digitized by Google

что лѣтнія вакаціи въ различныхъ странахъ падаютъ на различное время.

Пишущій эти строки посѣщалъ самъ 1-ую серію курсовъ 1896 года и можетъ подѣлиться относительно нихъ личными впечатлѣніями.

Курсы открылись 2-го іюля новаго стиля торжественнымъ засѣданіемъ, въ которомъ многочисленныхъ слушателей, собравшихся въ довольно обширной залѣ Географическаго Общества (Boulevard Saint-Germain) привѣтствовали остроумными и полными содержанія рѣчами Гастонъ Парисъ и Ф. Брюно. «Il s'agit», сказалъ Гастонъ Парисъ: de propager le plus loin qu'il sera possible la connaissance de notre langue, considerée comme ce qu'elle a toujours été, ce que, nous l'espérons, elle restera toujours, le véhicul le plus clair, le plus praticable et le plus familier des idées qui relient entre eux les hommes cultivés de tous les pays».

Гастонъ Парисъ подчеркнулъ въ своей рѣчи то, что Alliance française ни въ этомъ, ни въ другихъ своихъ предпріятіяхъ не преслѣдуетъ никакихъ политическихъ цѣлей, что цѣли ея исключительно культурныя.

Нельзя не отдать справедливости какъ руководителямъ курсовъ, такъ и всѣмъ профессорамъ, въ томъ, что не только политическій элементъ былъ безусловно устраненъ, но что они съ рѣдкимъ тактомъ и умѣньемъ избѣгали всего, что могло хотя сколько нибудь носить характеръ пропаганды въ какомъ бы то ни было смыслѣ. На первой серіи курсовъ публицистомъ Шалье-Беромъ, (M. Chailley Bert) секретаремъ французскаго колоніальнаго союза (Union coloniale française) прочитано было 12 лекцій подъ общимъ заглавіемъ: «Les institutions de la France contemporaine.» На этихъ лекціяхъ можно было ожидать болѣе, чѣмъ на какихъ либо другихъ, превознесенія лекторомъ учрежденій своей страны, идей, положенныхъ въ ихъ основу, и чего нибудь, затрогивающаго національное самолюбіе среди обширной международной аудиторіи. Талантливый лекторъ, при блестящемъ и яркомъ изложеніи предмета съ фактической стороны, сумѣлъ дать своимъ лекціямъ тонъ безусловной и искренней корректности. Ни въ одной отдѣльной фразѣ, ни въ общемъ содержаніи лекцій, ни въ чемъ не прозвучало ноты поученія, тенденціи прозелитизма. Лекціи г. Шалье-Бера пользовались общей заслужсенной симпатіей, не оставляя желать ничего лучшаго какъ по содержанію, такъ и по формѣ, и слушатели, въ числѣ прочихъ и авторъ этой статьи, просили его отлитографировать ихъ.

Г. Шалье-Беръ рѣшилъ задачу, ему поставленную, замѣчательно удачно. Его лекціи, при всемъ ихъ внѣшнемъ блескѣ и увлекательности не были наборомъ трескучихъ фразъ, онъ не читалъ апологіи своего отечества. Это была рѣчь человѣка, глубоко любящаго свою родную страну, но въ то-же время смотрящаго на нее трезво и безпристрастно и говорящаго передъ международной аудиторіей съ изумительнымъ чистосердечіемъ.

Весьма и весьма многіе спросятъ, какое отношеніе имѣетъ содержаніе лекцій Г. Шалье Бера къ непосредственной цѣли кур-

Digitized by Google

совъ—содѣйствовать подготовкѣ преподавателей-неофилологовъ. Въ понятіи многихъ послѣдніе рисуются со всѣми атрибутами исключительно грамматической учености, многимъ не только не спеціалистамъ, но и учителямъ, идеаломъ представляется учитель, основательно изучившій всѣ правила и всѣ исключенія, знающій твердо всю такъ называемую исторію литературы, т. е. подробности и даты біографіи писателей, заглавіе и содержаніе ихъ сочиненій. Этотъ идеалъ учителей языка, который мѣтко называютъ французы «marchands de participes» начинаетъ отходить мало по малу въ вѣчность, какъ идеалъ по крайней мѣрѣ. Точка зрѣнія современной филологіи на задачи изученія языка ставитъ въ обязанность нео-филологу основательное изученіе исторіи, культуры, внутренней жизни страны, языкъ которой онъ преподаетъ. Вотъ почему такія лекціи, какъ Г. Шалье-Бера, дающія возможность заглянуть во внутренній строй Франціи, отвѣчаютъ не только общимъ цѣлямъ Alliance française—познакомить иностранцевъ съ Франціей и заставить полюбить и уважать её, но въ особенности спеціальнымъ цѣлямъ курсовъ содѣйствовать подготовкѣ преподавателей. Само собой разумѣется, что лекціи эти составляли только одну небольшую часть богатаго матерьяла, доставлявшагося слушателямъ. Относительно числа лекцій и вообще количества занятій можно сказать, что ихъ было скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало. Слушать ихъ всѣ было бы крайне утомительно и необходимо дѣлать выборъ.

Лекціи 1896 года раздѣлялись на курсы элементарный, высшій и общій. То же дѣленіе сохранено было и въ 1897 году. Программа лекцій была слѣдующая.

I. Высшій курсъ.

A. *Французскій языкъ* (10 лекцій)—профессоръ Г. Брюно, преподаватель Сорбонны и высшей нормальной школы. Сравненіе глагольныхъ формъ и синтаксиса различныхъ временъ глагола въ языкѣ XVII и XIX столѣтій. Различіе въ употребленіи глагольныхъ формъ подкрѣплялось примѣрами изъ Nicomède Корнеля.

B. *Классическая литература* (5 лекцій)—проф. Г. Таменъ, преподаватель лицея Кондорсе. Французскіе моралисты второй половины XVII вѣка. Ларошфуко, его среда, доктрина, литературная группа. Религіозные писатели-моралисты—протестанты и католики. Port Royal. Николь.

C. *Современная литература* (7 лекцій)—проф. Г. Думикъ, преподаватель коллегіи Станислава. Шатобріанъ—его жизнь и труды, его роль въ исторіи литературы XIX вѣка.

D. *Дикція и выразительное чтеніе* (6 лекцій) — проф. Г. Берръ, актеръ и общникъ Comédie Française.

На этихъ лекціяхъ читались самимъ лекторомъ и слушателями отрывки изъ Виктора Гюго, Ламартина, Альфреда де-Мюссе и проч. по книгѣ G. Merlet. Anthologie du XIX Siècle. Fourault.

Digitized by Google

II. Элементарный курсъ.

A. *Французскій языкъ* (10 лекцій)—проф Г. Клеманъ, преподаватель коллегіи Станислава. Синтаксисъ члена и мѣстоименія. Грамматическое толкованіе текста по книгѣ David-Sauvageot. Nouveaux morceaux choisis des classiques français pour la classe de quatrième. A. Colin.

B. *Классическая литература* (5 лекцій) - проф. Г. Жанине, преподаватель лицея Кондорсе. Комедія Корнеля—Menteur. Комедія Мольера «Les Préceiuses ridicules» и «l'Avare. Краткій обзоръ послѣдователей Мольера и особенно Реньяра.

C. *Современная литература* (5 лекцій)—проф. Г. Думикъ. Комедія нравовъ въ XIX вѣкѣ: 1) ея возникновеніе, 2) Дюма-сынъ, 3) Ожье, 4) Сарду.

D. *Произношеніе* (8 лекцій)—проф. Т. Парѣ заслуженный преподаватель.

Лекторъ излагалъ главнѣйшія особенности и трудности произношенія, читалъ самъ и давалъ читать отрывки изъ книги Marcou. Morceaux choisis des classiques français des XVII, XVIII, XIX siècles. Prosateurs. Garnier.

III. Общій курсъ.

A. *Учрежденія современной Франціи* (12 лекцій)—проф. Шальe-Беръ, публицистъ, секретарь колоніальнаго союза.

B. *Исторія французскаго искусства* – 12 экскурсій для ознакомленія съ памятниками искусства подъ руководствомъ скульптора Г. Карлъ.

Посѣщены были Трокадеро, Лувръ, Версаль, Люксембургскій дворецъ и различные памятники архитектуры, какъ Saint-Germain des Près, Sainte-Chapelle и т. д. Въ заключеніе—экскурсія въ Руанъ.

Всего такимъ образомъ 1-ая серія дала 68 лекцій, не считая экскурсій и вечернихъ практическихъ упражненій въ разговорной рѣчи, на которыя образовывались особыя группы. Для посѣщенія лекцій слушатели обязаны брать 25 билетовъ, стоящіе 25 франковъ. По израсходованіи первыхъ 25 билетовъ можно брать билеты на отдѣльныя лекціи, по одному франку за билетъ. Билеты на вечернія упражненія въ разговорѣ оплачиваются по 50 сантимовъ, причемъ первоначально надо взять 12 билетовъ. 2-ая серія курсовъ была организована совершенно также. Число слушателей курсовъ Alliance Française росло слѣдующимъ образомъ:

1894 г. около	50 ти.
1895 »	117
1896 »	326
1897 »	470 *).

*) Эту послѣднюю цифру я беру изъ отчета о курсахъ, напечатаннаго въ „Neuere Sprachen".

Digitized by Google

Изъ 326 слушателей 1896 года было 166 мужчинъ и 160 дамъ. По національностямъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: Нѣмцевъ 137. Американцевъ 52. Англичанъ 41. Австрійцевъ 13. Житель острова Кубы 1. Датчанъ 18. Испанцевъ 2. Финляндцевъ 2. Житель острова Гаити 1. Голландцевъ 14. Итальянцевъ 5. Японцевъ 1. Норвежцевъ 7. Русскихъ 21. Шведовъ 12 Швейцарцевъ 8.

Въ видѣ исключенія былъ допущенъ 1 французъ, готовившійся къ преподаванію въ Сиріи.

Alliance Française, помимо заботъ объ организаціи курсовъ, старалась доставлять своимъ слушателямъ всякаго рода развлеченія: постоянно предлагались даровые билеты въ театры, билеты для входа въ палату депутатовъ.

Обращаясь теперь къ оцѣнкѣ курсовъ, необходимо указать прежде всего, что раздѣленіе лекцій на курсъ элементарный и высшій почти можетъ быть названо призрачнымъ. Эти наименованія могутъ собственно относиться до нѣкоторой степени къ курсамъ Клеманъ (элементарный курсъ грамматики) и Брюно (страницы изъ исторіи языка), и къ курсамъ Paré (уроки чтенія) и Берра (выразительное чтеніе). Всѣ лекціи не могутъ быть названы элементарными въ томъ смыслѣ, чтобы онѣ были назначены для начинающихъ изучать языкъ. Чтобы слѣдить за ними, надо свободно понимать французскую рѣчь, надо знать исторію французской литературы, надо наконецъ имѣть нѣкоторую начитанность, т. е. прочитать раньше авторовъ, разбираемыхъ на лекціяхъ. Въ смыслѣ же собственно филологической подготовки, требуемой лекціями, онѣ сплошь элементарны, т. е. это все лекціи популярныя. Лекціи Г. Берра, конечно, предназначаются для лицъ, желающихъ усовершенствоваться въ дикціи и декламаціи, а слѣдовательно умѣющихъ уже порядочно читать, но такъ какъ участіе въ практическихъ упражненіяхъ, которымъ посвящается часть каждой лекціи, опредѣляется лишь предпріимчивостью слушателей, то получаются такіе курьезы, какъ напримѣръ декламація одной англичанки, вызвавшая сдержанный, подавленный смѣхъ всей, вообще не взыскательной аудиторіи. За этой декламаціей послѣдовалъ не менѣе занимательный діалогъ англичанки и сохранявшаго полную серьезность Берра, завершившійся тѣмъ, что англичанка, вѣроятно, вслѣдствіе недостаточно твердаго владѣнія формами французскаго спряженія, начала говорить съ Берромъ на *ты*, причемъ аудиторія не могла удержаться отъ взрыва гомерическаго хохота. Для сохраненія за этими лекціями характера cours supérieur было бы совершенно необходимо, чтобы къ участію въ практическихъ упражненіяхъ допускались по предварительному испытанію только лица, хорошо читающія въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Отъ этого выиграли бы и тѣ, кто читаетъ плохо, такъ какъ слышали-бы только относительно хорошее чтеніе. Мнѣ думается, что подобная мѣра могла-бы вызвать лишь сочувствіе всѣхъ слушателей. По отношенію къ курсу Г. Paré я позволю себѣ высказать мнѣніе, что и онъ, для

Digitized by Google

лучшаго достиженія своей цѣли, долженъ былъ-бы быть иначе организованъ. Здѣсь мнѣ приходится по существу не согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ частной бесѣдѣ уважаемымъ директоромъ курсовъ. Г. Брюно вѣритъ исключительно въ силу вліянія, оказываемаго на произношеніе иностранцевъ окружающею ихъ парижской средой. Слыша ежедневно нѣсколько лекцій на хорошемъ французскомъ языкѣ, слыша вокругъ себя говоръ разношерстной парижской толпы, посѣщая театры, иностранецъ исправитъ свое произношеніе такъ, какъ не исправитъ ему его, по мнѣнію г. Брюно, никакая фонетика.

Этотъ взглядъ я считаю настолько же одностороннимъ, насколько односторонне убѣжденіе нѣкоторыхъ фанатиковъ фонетики, утверждающихъ, будто, примѣняя фонетическіе законы, можно совершенно исправить произношеніе взрослаго, даже пожилого человѣка. И то и другое, т. е. и отрицаніе фонетики и убѣжденіе въ ея всесильности, суть увлеченія. Мнѣніе Г. Брюно опровергается фактомъ, который сообщилъ мнѣ о себѣ лично профессоръ англійской литературы въ Марбургскомъ университетѣ, извѣстный фонетистъ В. Фиторъ (W. Vietor), любезно предоставившій мнѣ право обнародованія этого факта. Профессоръ Фиторъ разсказываетъ про себя слѣдующее: въ качествѣ Mitteldeutscher (родомъ онъ изъ Висбадена) онъ находился, еще будучи въ университетѣ, въ счастливомъ невѣдѣніи различія между звуками s и c (stimmhaftes s und stimmloses s): sieben было для него сибенъ и сколько бы ему ни говорили sieben, онъ *слышалъ* только сибенъ. Въ университетѣ проф. Фиторъ изучалъ англійскій языкъ, и звука *z* для него все таки не существовало, онъ провелъ годъ въ Англіи и вернулся оттуда, не подозрѣвая о существованіи этого звука, потому что онъ его *не слышалъ*. Только тогда, когда онъ принялся за изученіе перваго сочиненія по фонетикѣ (если мнѣ память не измѣняетъ, это было Sievers. Grundzüge der Phonetik) и когда узналъ изъ него генезисъ звука s, онъ сталъ его *слышать* и произносить. Теперь онъ произноситъ его не хуже каждаго изъ насъ. Этотъ фактъ наблюдаемъ мы у человѣка, который отличается настолько тонкимъ слухомъ при различеніи оттѣнковъ произношенія, что почти безошибочно опредѣляетъ по нѣсколькимъ прочтеннымъ строкамъ, къ какой національности принадлежитъ читающій и, если онъ нѣмецъ, то изъ какой мѣстности Германіи.

Совершенно понятно, что фактъ этотъ не единичный, а напротивъ весьма общій, и его можно формулировать такъ: звуки, которыхъ мы произносить не умѣемъ, мы часто и не слышимъ, т. е. не отличаемъ слухомъ отъ однородныхъ звуковъ. Для русскаго человѣка различіе между e ouvert, moyen и fermé составляетъ такой же камень преткновенія, какимъ для Фитора было различіе между s и c. Другой фактъ, сюда же относящійся, наблюдался мною въ той же заграничной поѣздкѣ. Передъ отъѣздомъ въ Парижъ я провелъ нѣсколько дней въ Баденъ-Баденѣ и, при посѣщеніи русской церкви, обратилъ вниманіе на пѣніе, отличавшееся правильнымъ

Digitized by Google

произношеніемъ. Отъ псаломщика церкви, Г. Кедрова, я узналъ, что пѣвчіе эти—три природныхъ нѣмца, не имѣющіе никакого понятія о русскомъ языкѣ. Выяснилось, что Г. Кедровъ спеціально работалъ надъ ихъ произношеніемъ, примѣнивъ для этого имъ самимъ придуманную транскрипцію нотнаго текста. Будучи въ теченіе болѣе 10 лѣтъ псаломщикомъ русской церкви въ Баденъ-Баденѣ, куда состояніе здоровья заставило его проситься изъ Духовной Академіи, Г. Кедровъ занимался все это время даваніемъ уроковъ русскаго языка иностранцамъ различныхъ національностей (нѣмцамъ, французамъ, англичанамъ, американцамъ) и различныхъ возрастовъ. Какъ ни странно сказать, но Г. Кедровъ узналъ въ первый разъ отъ меня о фонетикѣ и объ интересѣ, который возбужденъ въ послѣднее время фонетическими изслѣдованіями и примѣненіями ихъ къ преподаванію. Хотя онъ и жилъ долго въ Германіи, но не приходилъ въ соприкосновеніе съ кругомъ людей, занимающихся этимъ предметомъ. Совершенно самостоятельно и чисто практически выработалъ онъ себѣ транскрипцію звуковъ русскаго языка и рядъ указаній способа ихъ произношенія. Система, выработанная Г. Кедровымъ, интересна какъ продуктъ, выросшій на почвѣ фактической потребности и совершенно независимо отъ какихъ-либо вліяній и тѣмъ болѣе отъ «моды на фонетику», на которую часто указываютъ люди, искренно считающіе фонетику праздным измышленіемъ. Я привожу примѣръ Г. Кедрова, какъ схваченный изъ жизни фактъ, свидѣтельствующій о томъ, насколько важно въ преподаваніи систематическое изученіе отдѣльныхъ звуковъ языка и ихъ генезиса.

Я позволяю себѣ поэтому высказать мнѣніе, что администрація курсовъ Alliance Française сдѣлала бы огромный шагъ впередъ въ ихъ организаціи, еслибы отрѣшилась отъ односторонняго взгляда на фонетику. Замѣчаніе это неоднократно дѣлалось въ нѣмецкихъ отчетахъ о курсахъ, и, съ неохотою уступая желанію, выраженному весьма многими слушателями, Г. Брюно ввелъ во второй серіи курсовъ прошлаго 1897 года 5 лекцій проф. аббата Руссело по экспериментальной фонетикѣ. Это нововведеніе нельзя объяснить иначе, какъ несочувствіемъ фонетикѣ и точкой зрѣнія на нее, какъ на предметъ моды. Отъ одной изъ нашихъ соотечественицъ, преподавательницы Павловскаго Института Г-жи Батуриной, которая получила 1 ый дипломъ и медаль на экзаменѣ Alliance Française въ 1897 году, я слышалъ, что лекціи аббата не имѣли успѣха. Отчетъ о курсахъ 1897 года напечатанный въ Neuere Sprachen (V Band 7-8 Heft, November-December 1897), говоритъ тоже самое. Авторъ отчета, Г. Акеркнехтъ, отмѣчаетъ полную неподготовленность слушателей къ пониманію лекцій Г. Руссело (нѣкоторые откровенно ему сознавались, что они ровно ничего не понимали) и выражаетъ надежду, что въ слѣдующій разъ, въ 1898 году, Г. Цюндъ (M Zünd), лаборантъ аббата Руссело, предпошлетъ его лекціямъ подготовительный курсъ теоретической фонетики. Г. Акеркнехтъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ недостатокъ лекцій г. Парѐ

Digitized by Google

на незнакомство лектора съ фонетикой. Съ своей стороны я думаю, что если бы г. Парѣ былъ фонетистъ, то его лекціи и замѣчанія на практическихъ упражненіяхъ легко могли бы сдѣлаться непонятными многимъ слушателямъ, какъ и лекціи уважаемаго аббата Руссело.

Дѣло это какъ мнѣ кажется слѣдовало бы поставить такъ, чтобы изученіе фонетики было связано съ практическими упражненіями и ведено маленькими группами, не больше какъ по 10 человѣкъ. Занятія каждой группы состояли бы въ изученіи системы звуковъ французскаго языка и въ чтеніи по фонетической транскрипціи и безъ нея. Эти занятія по группамъ, хотя бы они дороже оплачивались, навѣрное нашли бы достаточный контингентъ желающихъ, если бы поручались хорошо подготовленнымъ лицамъ. Подобныхъ лицъ теперь вѣроятно можно найти въ Парижѣ, гдѣ есть такіе представители фонетики, какъ аббатъ Руссело и Пасси. Я не берусь судить, насколько предложеніе мое осуществимо по мѣстнымъ и чисто личнымъ условіямъ, нѣсколько неблагопріятное сочетаніе которыхъ мнѣ только отчасти извѣстно. Я думаю только, что опытъ подобной организаціи былъ бы въ интересахъ большаго числа иностранцевъ, а французамъ, спеціалистамъ по фонетикѣ, далъ бы богатѣйшее поле для наблюденій, совокупность которыхъ имѣла бы и научное значеніе. Проведенный систематически въ теченіе ряда лѣта, предлагаемый опытъ далъ бы матеріалы для сужденія о размѣрахъ пользы фонетики.

Итакъ въ области произношенія, дикціи и декламаціи можно было бы провести строгую разграничительную черту между курсами элементарнымъ и высшимъ, перенеся въ 1-ый групповыя занятія по фонетикѣ и допуская къ активному участію въ практическихъ занятіяхъ во 2-мъ только подготовленныхъ къ тому лицъ. Строго говоря, занятія дикціей и декламаціей тоже могутъ быть поставлены вполнѣ хорошо лишь при групповой организаціи, но это вопросъ матеріальный. Если въ упражненіяхъ принимаютъ участіе лица, хорошо читающія, то эти упражненія очень полезны и въ настоящемъ своемъ видѣ.

Что касается до всѣхъ остальныхъ лекцій, то онѣ вполнѣ отвѣчаютъ потребностямъ огромнаго большинства слушателей. Само собою разумѣется, что подобные курсы не могутъ задаваться цѣлью обучать элементамъ языка, и нѣтъ основанія выражать желанія, чтобы лекціи были болѣе элементарны. Скорѣе умѣстно выразить желаніе, чтобы въ курсы были включены лекціи по общему языкознанію и по психологіи рѣчи. Я думаю также, что въ дальнѣйшемъ развитіи курсовъ скажется потребность въ лекціяхъ, посвященныхъ чтенію и разбору произведеній на старо-французскомъ языкѣ. Вообще говоря, эти курсы предназначаются преимущественно для лицъ, желающихъ усовершенствоваться во владѣніи живой современной французской рѣчью и познакомиться съ жизнью современной Франціи, и цѣль эту они вполнѣ достигаютъ. Если я позволилъ себѣ нѣсколько критическихъ замѣчаній, то исключительно потому,

Digitized by Google

что руководители курсовъ сами просятъ ихъ высказывать, ревниво заботясь объ усовершенствованіи своего учрежденія. Посѣщеніе курсовъ весьма полезно для всякаго преподающаго французскій языкъ иностранца, въ высокой степени полезно для классныхъ дамъ нашихъ институтовъ, а потому нельзя не выразить желанія, чтобы это учрежденіе обратило на себя вниманіе нашей высшей администраціи и чтобы извѣстному числу лицъ оказываемо было пособіе для посѣщенія курсовъ. Природные французы говорятъ, что имъ необходимо отъ времени до времени возвращаться на родину, чтобы упражнять свой слухъ и рѣчь, притупившіеся отъ постояннаго слушанія искаженій ихъ роднаго языка. Нечего говорить, насколько это было бы полезно для преподавателей, преподавательницъ и воспитательницъ русскихъ. Съ каждымъ годомъ увеличивающійся наплывъ слушателей показываетъ, что курсы отвѣчаютъ дѣйствительной потребности. Многіе преподаватели и преподавательницы, особенно изъ Германіи, посѣщаютъ курсы не одинъ годъ, а по возможности повторяютъ свои посѣщенія.

Для лицъ, желающихъ отправиться на курсы, я позволю себѣ дать нѣсколько совѣтовъ. Къ возможно лучшему утилизированію ихъ слѣдуетъ основательно подготовиться. Я подразумѣваю при этомъ не общую подготовку по языку, руководствомъ въ которой можетъ служить весьма полезная книга профессора Марбургскаго университета Koschwitz Anleitung zum Studium der französischen Philologie *), Marburg Elwert 1897, а подготовку собственно къ слушанію курсовъ. Съ прошлаго года выходитъ Guide de l'étudiant étranger aux cours de l'Alliance française indiquant outre les programmes des cours, tous les renseignements accessoires concernant les examens, le voyage et le séjour à Paris. Его можно получить, начиная съ 15 Мая новаго стиля, пославъ 2 фр. 25 сант. по адресу Alliance française 45, Rue de Grenelle Paris. Въ программахъ курсовъ подробно указаны какъ авторы, входящіе въ содержаніе лекцій, такъ и употребляемыя на лекціяхъ изданія и учебники. Для подготовки къ лекціямъ Г. Брюно полезно проштудировать его Grammaire historique de la langue francaise. Paris. Masson., для лекцій Г. Думика его курсъ исторіи литературы. Главное—это основательное знакомство съ произведеніями, поименованными въ программѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*)

В. Струве.

---

*) Переводъ этой книги на русскій языкъ приготовленъ въ настоящее время, съ любезнаго согласія автора, къ печати.

Digitized by Google

Исторія позитивной философіи.

(*Продолженіе* *).

в. Классификація наукъ.

Подъ философіей Контъ разумѣетъ общую систему человѣческихъ понятій. Эта систематизація можетъ быть выполнена, какъ мы видѣли, трояко. До сихъ поръ господствовалъ теологическій и метафизическій методъ; самъ Контъ думаетъ, что онъ первый предпринимаетъ систематизацію, слѣдуя позитивному методу, т. е. тому же самому методу, при помощи котораго добываются понятія или законы въ отдѣльныхъ наукахъ. Собирать и приводить въ порядокъ законы, выведенные изъ фактовъ,—такова задача позитивной философіи. Связывая такимъ образомъ то, что остается разсѣяннымъ по разнымъ наукамъ, она старается предотвратить тѣ дурныя послѣдствія, къ которымъ ведетъ раздѣленіе труда въ области знанія. Попытку свести всѣ спеціальные законы къ одному—что предпринимала теологическая и метафизическая философія каждая по своему—Контъ считаетъ безнадежной. Будь это возможно, позитивная философія была бы во всякомъ случаѣ болѣе совершенна; но опытъ говоритъ противъ этого, наталкивая насъ на такія различія, которыя не поддаются подобному сведенію. Но единство позитивной философіи и не состоитъ въ томъ, чтобы сводить всѣ законы къ одному; оно выступаетъ съ ясностью въ общемъ методѣ, который примѣнимъ, какъ оказывается, вездѣ и заставляетъ предполагать однородность различныхъ классовъ явленій, несмотря на несводимыя различія. Каждому изъ этихъ классовъ соотвѣтствуетъ особая наука, и классификація наукъ становится поэтому самой важной задачей позитивной философіи.

Контовская классификація наукъ располагаетъ ихъ *въ томъ порядкѣ, въ какомъ каждая изъ нихъ вступала исторически въ позитивную стадію*. Первое мѣсто занимаетъ математика, затѣмъ астрономія, физика, химія, біологія и соціологія. Эта очередь рисуетъ намъ въ то же время прогрессивный переходъ описанныхъ

*) См. № 2.

Digitized by Google

явленій отъ *простоты* къ *сложности* (complication). Чѣмъ проще содержаніе науки, тѣмъ скорѣе можетъ она пройти различныя стадіи; чѣмъ сложнѣе подлежащія изслѣдованію явленія, тѣмъ больше времени пройдетъ, пока она перенесетъ дѣтскія болѣзни. Біологія и соціологія занимаютъ поэтому послѣднее мѣсто въ ряду. Чѣмъ проще тѣ отношенія, которыя разсматриваетъ наука, тѣмъ болѣе *универсальна ея правомѣрность,* потому что болѣе простыя отношенія проявляются въ свою очередь въ болѣе сложныхъ. Математика обязательна для всѣхъ явленій, а самыя конкретныя науки, біологія и соціологія, имѣютъ *самый узкій объемъ.* (Это отношеніе между généralité décroissante и complication croissante Контъ могъ бы вывести и изъ ученія логики объ обратномъ отношеніи между содержаніемъ понятій и ихъ объемомъ). Наконецъ и методы различныхъ наукъ представляютъ соотвѣтствующій рядъ. Чѣмъ проще и общѣе основаніе науки, тѣмъ большій перевѣсъ получаетъ *дедуктивный* методъ надъ *индуктивнымъ.* Такъ, математика—наука самая дедуктивная, соціологія—менѣе всѣхъ другихъ дедуктивная. Въ соціологіи огромное значеніе имѣетъ опредѣленіе историческаго хода развитія; послѣ того какъ онъ будетъ установленъ индуктивно, возникаетъ задача дедуцировать его изъ природы человѣка, какъ самъ Контъ пытался сдѣлать это, устанавливая законъ трехъ стадій. Индуктивное основаніе математики такъ просто, что его сплошь да рядомъ не замѣчаютъ и считаютъ математику чисто умозрительной наукой. Но чисто умозрительной науки не существуетъ. Даже математика—и та есть отрасль естествознанія; ея понятія, совершенно подобно понятіямъ всѣхъ другихъ наукъ, берутъ свое начало изъ опыта. Но факты, которые вѣдаетъ математика, настолько просты, что мы одинаково легко представляемъ ихъ въ воображеніи, какъ и разсматриваемъ въ дѣйствительности, и что физическихъ и химическихъ свойствъ тѣлъ можно не принимать въ соображеніе. Число, протяженность и движеніе—это такія свойства, которыя мы можемъ столь же хорошо представить и въ неопредѣленной средѣ, обнимающей какъ бы всѣ тѣла міровданія, и въ дѣйствительныхъ тѣлахъ. Этимъ объясняется кажущаяся независимость математики отъ опыта. На почвѣ идеальныхъ представленій пространства и числа математическія дедукціи могутъ развиваться независимо отъ опыта. Не имѣй математика никакого эмпирическаго основанія, было бы совершенно необъяснимо, какъ могутъ математическія дедукціи прилагаться къ изученію дѣйствительной природы. Между почти чисто дедуктивнымъ методомъ математики и почти чисто индуктивнымъ методомъ соціологіи лежатъ остальные главные методы, каждому изъ которыхъ соотвѣтствуетъ своя главная наука. Отъ астрономіи, оперирующей гипотезами, которыя устанавливаются дедуктивно и подтверждаются наблюденіемъ, мы переходимъ къ экспериментальному методу физики, методу раціональному классификаціи (Eintheilungsmethode) въ химіи и сравнительному методу біологіи; послѣдній образуетъ переходъ къ историческому методу соціологіи.

Digitized by Google

Эти шесть группъ понятій или законовъ, которые Контъ устанавливаетъ такимъ образомъ въ «Cours de philosophie positive», не поддаются, по его мнѣнію, дальнѣйшему сведенію. При переходѣ изъ одной сферы въ сосѣднюю приходится дѣлать скачекъ; вступаетъ въ силу новый принципъ, котораго нельзя вывести изъ предыдущаго. Стремленіе выводить высшую (т. е. болѣе сложную, ограниченную и индуктивную) науку изъ низшей Контъ считаетъ матеріализмомъ. Ни одна изъ отдѣльныхъ группъ не можетъ точно также обнимать всѣ остальныя. Какъ во взаимномъ отношеніи шести группъ основныхъ понятій нѣтъ по Конту непрерывности, такъ не находитъ онъ ея и въ каждой изъ нихъ порознь. Различныя вѣтви физики, напримѣръ,—утверждаетъ онъ—останутся всегда разъединенными. Къ органическимъ видамъ приложимо совершенно то же самое, что и къ физическимъ силамъ. Понятіе вида потеряло бы всякое научное значеніе, говоритъ Контъ, если бы мы допустили, что одинъ видъ можетъ превращаться въ другой подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ условій жизни. Въ особенности—утверждаетъ онъ—между міромъ растеній и животныхъ существуетъ «реальный и большой скачекъ, котораго не можетъ избѣжать никакой переходъ».

Въ этомъ пунктѣ своего ученія Контъ представляетъ поучительный примѣръ того, какъ направленія мысли могутъ переходить въ противоположныя имъ теченія. Вѣдь различіе позитивной и метафизической философіи должно было, по ученію Конта, состоять въ томъ, что на мѣсто идей или силъ вступаютъ законы, и абсолютныя объясненія замѣняются относительными. Но своими группами понятій, неподдающимися дальнѣйшему сведенію, Контъ самъ создаетъ платоновскій міръ идей. Его пониманіе прерывистости слишкомъ догматично; онъ не беретъ ея въ качествѣ простого факта, который зависитъ, можетъ быть, только отъ несовершенства науки. Выдвигая прерывистость міра, онъ устанавливаетъ рѣзкую противоположность между позитивизмомъ и нѣмецкимъ романтизмомъ, который хотѣлъ стереть всѣ различія въ идеальной непрерывности. Постоянная задача науки, по собственному признанію Конта, состоитъ въ томъ, чтобы сводить къ возможному минимуму различія, нарушенія непрерывности явленій. Всякій перерывъ имѣетъ поэтому значеніе только временной границы. И позднѣйшее развитіе науки какъ разъ за тотъ періодъ, начало котораго относится ко времени окончанія главнаго труда Конта (около 1840), дало возможность указать или предполагать непрерывность тамъ, гдѣ Контъ считалъ ее невозможной. Такъ законъ сохраненія энергіи, въ особенности ученіе о теплѣ, какъ формѣ движенія, и установленное тожество свѣта и электричества, дали возможность заглянуть въ единство природы, которому Контъ не нашелъ мѣста въ своей системѣ. Въ области органической природы гипотеза развитія привела къ вполнѣ основательному мнѣнію, что виды представляютъ только стадіи или побѣги связныхъ процессовъ, и опредѣленно разграничить міръ растеній и животныхъ становилось все болѣе и болѣе трудно. Контъ высказывался уже противъ гипотезы развитія въ ея тогдашнемъ видѣ (въ формѣ Ля-

Digitized by Google

марковской теоріи), и его ученики (Шарль Робенъ, Литтре) сдѣлались потомъ ревностными противниками ея. Не предрѣшая вопроса, можно сказать, что отношеніе между непрерывностью и прерывистостью оказалось болѣе сложнымъ, чѣмъ думалъ Контъ въ своей философіи.

Связь различныхъ областей обязана по Конту тому, что область, предшествующая, какъ болѣе простая и общая, лежитъ въ основаніи слѣдующей, болѣе сложной и спеціальной (хотя этой послѣдней и нельзя вывести изъ первой). Математика самая абстрактная и самая общая наука, а въ математикѣ ариѳметика въ свою очередь проще и общѣе геометріи и ученія о движеніи; она составляетъ поэтому раціональный базисъ всей системы нашего положительнаго знанія. Контъ упустилъ при этомъ изъ виду, что есть основныя понятія нашего познанія, которыя еще болѣе просты и общи, чѣмъ понятіе числа, именно—понятія тожества и различія въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ логика: не только какъ количественное тожество и различіе, но и какъ качественное. Въ ряду развѣтвленій знанія Контъ не далъ, слѣдовательно, перваго члена. Кромѣ того, для него возникаетъ одно затрудненіе, когда онъ учитъ, что геометрія и ученіе о движеніи—по абстрактности и общности они слѣдуютъ непосредственно за ариѳметикой—обязательны для всѣхъ явленій: первая, поскольку мы будемъ разсматривать ихъ въ состояніи равновѣсія (съ точки зрѣнія статической), послѣднее, поскольку мы ихъ разсматриваемъ въ движеніи (съ динамической точки зрѣнія). Протяженіе и движеніе суть формы однихъ матеріальныхъ явленій, но не формы духовныхъ явленій; а такъ какъ самъ Контъ отвергаетъ матеріализмъ, потому де онъ вводитъ точки зрѣнія низшей науки въ болѣе высокую и хочетъ не только установить зависимость человѣка отъ міра, но и *вывести* его изъ міра, то наука о духовныхъ явленіяхъ не вмѣщается въ ряду наукъ Конта, гдѣ каждая предыдущая наука должна быть обязательной для послѣдующей. Логика и ариѳметика приложимы непосредственно къ наукѣ о духовныхъ явленіяхъ, точно такъ же, какъ и къ наукѣ о матеріальныхъ явленіяхъ; но нельзя того же сказать относительно геометріи и науки о движеніи, если только не признать безъ дальнѣйшихъ разсужденій явленій сознанія пространственно-протяженными, по примѣру послѣдовательнаго матеріализма. Классификація наукъ не такая простая вещь, какъ предполагалъ Контъ. Въ его системѣ встрѣчается здѣсь затрудненіе, сходное съ тѣмъ, какое мы указали у Гоббса *). Самъ Контъ не хотѣлъ признавать этого. Онъ не считаетъ психологію особой наукой и не отводитъ ей поэтому самостоятельнаго мѣста въ ряду наукъ. Онъ оспа-

*) Авторъ ссылается на третью книгу своего курса.—Всякая перемѣна есть движеніе; движеніе есть единственно извѣстная намъ причина всѣхъ явленій—такъ формулируетъ Гоббсъ основное начало знанія. Исходя изъ этого начала, онъ считаетъ возможнымъ построить дедуктивно систему знанія, объединенную общимъ принципомъ и методомъ. Въ то же время онъ признаетъ самостоятельное значеніе эмпирической психологіи. Но

Digitized by Google

ривает возможность самонаблюденія. Всѣ явленія наблюдаетъ нашъ духъ (esprit), говоритъ онъ *); но чѣмъ же наблюдать намъ нашъ духъ. Вѣдь нельзя же раздѣлить свой духъ на двѣ части, одна изъ которыхъ дѣйствуетъ въ то время, какъ другая изслѣдуетъ, какъ онъ это дѣлаетъ! Контъ допускаетъ, однако, что чувства легче поддаются наблюденію, чѣмъ мышленіе, потому что они имѣютъ будто бы другой органъ. Нашу умственную дѣятельность слѣдовало бы изучать или въ ея продуктахъ и результатахъ или черезъ посредство тѣхъ органовъ, съ которыми она связана. Вмѣстѣ того, чтобы установить психологію, какъ самостоятельную науку, Контъ распредѣляетъ психологическія изслѣдованія между біологіей и соціологіей. Одна біологія не могла бы открыть и оцѣнить фактъ, что духовная жизнь индивидуума опредѣляется вліяніемъ исторіи общества. Контъ желаетъ, слѣдовательно, чтобы жизнь сознанія изучалась чисто объективно. Похвально было то, что онъ такъ сильно выдвигалъ объективный методъ въ противоположность чисто субъективной и спиритуалистической психологіи Кузена и Жуффруа. Но Контъ не замѣтилъ, что субъективный методъ лежитъ всегда въ дѣйствительности въ основаніи объективнаго, да и вообще онъ не воздалъ должнаго своеобразности явленій сознанія. Выдвигая вообще прерывистость болѣе, чѣмъ это можно оправдать, здѣсь онъ недостаточно подчеркиваетъ ее. Вырази онъ качественную своеобразность

психическія явленія, какъ таковыя, доступны только самонаблюденію; дедуктивно ихъ нельзя вывести, строго объективно ихъ нельзя изучать. Такъ душевные феномены нарушаютъ единство метода и системы.
Прим. переводч.

*) Въ первый разъ Контъ затрогиваетъ вопросъ о возможности самой наблюденія въ Lettres á Valat стр. 89 (письмо отъ 24 сент. 1819). Въ своей статьѣ Examen du traité de Broussais sur l'irritation (1828) (вновь перепечатано въ интересномъ собраніи Opuscules de philosophie sociale. Paris 1883, содержащемъ болѣе значительныя работы Конта до изданія Курса позитивной философіи) онъ хвалитъ Брусса за его полемику противъ самонаблюденія и замѣчаетъ: можно наблюдать свои чувства, если они не слишкомъ сильны, потому что они зависятъ отъ другого органа, чѣмъ наблюденіе; но дѣятельности своего собственнаго ума нельзя наблюдать, потому что наблюдатель и объектъ были бы тогда тожественны, и кто могъ бы тогда производить наблюденія? Если субъективная психологія нашла себѣ за послѣднія десять лѣтъ (до 1828) такъ много сторонниковъ такъ это—по его мнѣнію—благодаря справедливой критикѣ построенной Кондильякомъ и Гельвеціусомъ идеологіи, которая разсматриваетъ наше познаніе, какъ простой продуктъ внѣшнихъ воздѣйствій, не принимая въ соображеніе необходимости внутреннихъ способностей; но эту критику лучше выполнили Бонне и Кабанисъ, а особенно Галль и Шпурцгеймъ (Opuscules, стр. 293—296). Въ курсѣ позитивной философіи онъ повторяетъ свою полемику противъ самонаблюденія (I, стр. 32 и д. III, стр. 564; VI, стр. 605. 2 изд.), замѣчая притомъ, что элементарный анализъ не приложимъ къ самымъ сложнымъ изъ всѣхъ явленіямъ.—Если онъ допускаетъ возможность самонаблюденія относительно чувствъ, то практическое доказательство этому онъ даетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Valat, въ которомъ онъ анализируетъ мотивы, лежащіе въ основаніи его писательской дѣятельности (28 сент. 1819).—Касательно сего вопроса смотри мою Психологію I, 8.

Digitized by Google

явленій сознанія рѣзче, его классификаторская система встрѣтила бы, какъ уже было сказано, затрудненіе, они разорвали бы выстроенный имъ рядъ, потому что, будучи сами по себѣ просты и элементарны, они связаны съ крайне сложными матеріальными явленіями. Поставить ли ихъ, слѣдовательно, на первомъ или на послѣднемъ мѣстѣ?—Контъ становится въ рѣшительную оппозицію не только по отношенію къ спиритуализму, но и по отношенію къ психологіи Кондильяка, которую онъ порицаетъ за то, что она разсматриваетъ отдѣльнаго индивидуума совершенно изолированнымъ и, кромѣ того, считается только съ внѣшними вліяніями, не принимая въ соображеніе внутреннихъ условій. Отдѣльный индивидуумъ, по мнѣнію Конта, схоластическая абстракція; только роды реальны. Самое важное въ біологическомъ отношеніи сдѣлано, по мнѣнію Конта, физіологіей мозга Галля, если отбросить его неудачную теорію локализаціи. Число душевныхъ способностей, установленныхъ Галлемъ, должно быть конечно значительно убавлено, но менѣе десяти нельзя все-таки допустить; самъ онъ насчиталъ бы ихъ скорѣе всего отъ десяти до пятнадцати (Lettres á St. Mill, стр. 51—55). Галль первый ввелъ изученіе интеллектуальныхъ и моральныхъ функцій въ позитивную стадію и призналъ значеніе внутреннихъ способностей. Это преклоненіе Конта передъ Галлемъ стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, какъ онъ самъ понимаетъ отношеніе метафизической и позитивной стадіи, потому въ ученіи Галля о душевныхъ способностяхъ можно найти всѣ признаки «метафизики». Спрашивается, какъ согласуетъ Контъ допущеніе отъ 10 до 15 особыхъ способностей съ единствомъ жизни сознанія? Это единство отвѣчаетъ Контъ, не изначально, а производно; оно покоится на гармоніи между различными наклонностями и силами человѣка (Cours III, стр. 545).—Проблема отношенія прерывистости и непрерывности простирается вплоть до жизни сознанія; и здѣсь она выступаетъ въ такой формѣ, что требуетъ особаго изслѣдованія, котораго Контъ однако не предпринимаетъ, потому что онъ дробитъ психологію на біологическую и соціологическую часть; центральные психологическіе вопросы не могли при этомъ найти себѣ мѣста. Въ этомъ пунктѣ Конта дополняетъ новѣйшая англійская школа, которая придаетъ какъ разъ особенное значеніе психологіи.

3. *Соціологія и этика.*

Болѣе половины главнаго произведенія Конта—три послѣднихъ, самыхъ толстыхъ тома—посвящено наукѣ объ обществѣ (соціологіи—какъ онъ называетъ ее терминомъ собственнаго образованія, который, несмотря на всю свою сомнительность въ филологическомъ отношеніи, проникъ теперь въ общее употребленіе). Она обнимаетъ значительную часть психологіи, всю политическую экономію и этику, а также философію исторіи. Протестуя противъ того, чтобы психологія отдѣльнаго индивидуума изучалась внѣ связи съ духовнымъ развитіемъ всего рода, Контъ протестуетъ точно также и про-

Digitized by Google

тивъ того, чтобы изолировать политическую экономію и этику отъ общаго ученія объ обществѣ, и послѣдующее развитіе этихъ наукъ показало, что онъ правъ въ этомъ. *) Ни психологіи, ни политической экономіи и этики нельзя изучать, не принимая въ расчетъ историческаго развитія человѣчества. Во всѣхъ различныхъ областяхъ науки Контъ указываетъ отношеніе между статикой и динамикой. Въ геометріи міръ разсматривается статически, въ ученіи о движеніи — динамически. Физика и химія разсматриваетъ силы частію въ состояніи равновѣсія, частію въ дѣйствіи. Въ органической области статика замѣщается анатоміей, изучающей организацію, динамика физіологіей, изучающей функціи. Къ соціологіи относится частію соціальная статика, изучающая постоянныя условія существованія общества, частію соціальная динамика, дѣлающая предметомъ своего изученія законы прогрессивнаго развитія общества: основная идея первой—порядокъ, второй—прогрессъ. Статика и динамика тѣсно связаны другъ съ другомъ, потому что порядокъ и прогрессъ взаимно обусловливаютъ другъ друга—чего не понимала ни реакціонная, ни революціонная школа.

а. Соціальная статика. Общество образуетъ одно цѣлое, всѣ элементы котораго стоятъ въ самомъ интимномъ взаимодѣйствіи, такъ что ни одного изъ нихъ нельзя измѣнить безъ того, чтобы всѣ другіе не испытали—въ большей или меньшей степени—соотвѣтствующаго измѣненія. Такъ напр., политическое и соціальное устройство стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ строемъ цивилизаціи. Между идеями, нравами и учрежденіями существуетъ тѣсная связь, и никакой авторитетъ — будетъ-ли онъ революціоннымъ или реакціоннымъ—не въ состояніи добиться чего бы то ни было, навязывая обществу такія учрежденія, которыя не соотвѣтствуютъ господствующимъ идеямъ и нравамъ. Учрежденія оказываютъ, разумѣется, въ свою очередь обратное воздѣйствіе на идеи и нравы: но это обратное воздѣйствіе предполагаетъ продолжительное, безмятежное существованіе учрежденій и проявляется съ особенной силой въ періодъ дѣтства человѣчества. Идеи и нравы стоятъ точно также въ обоюдномъ взаимодѣйствіи. Задача политическихъ учрежденій сводится къ тому, чтобы регулировать ту общность жизни, которая сложилась непроизвольно при интеллектуальномъ, моральномъ и физическомъ прогрессѣ человѣчества. Тѣ элементы, которые имѣли въ теченіе этого развитія наибольшее значеніе, будутъ господство-

*) Миллю, сообщившему ему свое намѣреніе написать политическую экономію, Контъ писалъ, что, хотя политическая экономія относится собственно къ соціологіи вообще, однако можетъ когда нибудь принести пользу и при изолированной разработкѣ, именно когда это предпринимаетъ такая хорошая голова, какъ голова Милля. Lettres à St. Mill, стр. 231 и д. 254 и д. Ср. однако Cours de philosophie positive 2 изд. IV, стр. 255: «всякое изолированное изученіе различныхъ соціальныхъ элементовъ совершенно безплодно, по самой природѣ науки», изученіе, напр., политической экономіи, даже еслибъ она разрабатывалась лучше».

Digitized by Google

вать въ концѣ концовъ въ обществѣ. Авторитетъ покоится на добровольной совмѣстной дѣятельности, а не наоборотъ.

Въ соціальной статикѣ находитъ свое мѣсто *этика*, разсматриваемая съ одной существенной стороны. Этическіе законы выражаютъ солидарность жизни всего человѣческаго рода. Эта солидарность открывается сама собой, когда человѣкъ слѣдуетъ своему соціальному инстинкту. Объяснять возникновеніе общественной жизни тѣмъ, что человѣкъ расчитываетъ на ту пользу, которую ему должна принести совмѣстная жизнь съ другими,—значитъ противорѣчить самому себѣ. Польза можетъ обнаружиться только тогда, когда совмѣстная жизнь продолжалась достаточно долго, и не можетъ, слѣдовательно, быть первоначальнымъ мотивомъ къ жизни сообща. Контъ противопоставляетъ этимъ свою точку зрѣнія обычному въ 18-мъ вѣкѣ объясненію, останавливавшемуся на умномъ расчетѣ изолированнаго индивидуума. Согласно его теоріи стало первоначально проявляться инстинктивное побужденіе къ соціальной жизни, независимое отъ личнаго расчета; чувство предваряетъ здѣсь, какъ и вездѣ, познаніе. Эта теорія ставитъ Конта, по его собственному заявленію, въ ряды учениковъ частію Юма и Адама Смита *), которые ставили его выше обычной теоріи эгоизма, частію Галля, который былъ увѣренъ въ существованіи въ мозгу опредѣленныхъ органовъ соціальныхъ инстинктовъ. Первый зачатокъ общественности Контъ находитъ на той ступени животнаго міра, гдѣ начинается раздѣленіе половъ, и возникаютъ заботы о потомствѣ. Но даже и у человѣка эгоистическія наклонности берутъ еще сначала верхъ надъ соціальными; эти послѣднія Контъ называетъ альтруизмомъ, (отъ слова alter—ближній), чтобы оттѣнить ихъ полную противоположность эгоизму. Личнаго интереса и не слѣдуетъ заглушать совершенно. Альтруизмъ былъ бы ненадежной и безплодной любовью, если бы онъ не хотѣлъ признавать стремленія къ личному удовлетворенію, какъ у другихъ, такъ и у каждаго самого себя. Дѣло сводится къ подчиненію эгоистическаго инстинкта, что происходитъ благодаря постепенному развитію разума и симпатіи.

---

*) Ср. «Cours de la philosophie positive». 2 изд. IV. стр 392. Кромѣ того, «L'ettres à Stuart Mill» стр. 121:—эта благородная школа, которая... была, конечно, самой передовой изъ всѣхъ школъ послѣдняго вѣка. Стр. 275: исправленіемъ важныхъ аберрацій моральнаго чувства и ума въ одно и то же время, присущихъ тому направленію, которое принято называть французской школой, я обязанъ прежде всего шотландской школѣ, а не нѣмецкой, какъ многіе другіе; никогда не забуду я, какъ много обязано было вначалѣ мое личное развитіе въ особенности вліянію Юма и Адама Смита, проливавшихъ свѣтъ на нѣкоторые вопросы.—(Подъ шотландской школой Контъ разумѣетъ очевидно все направленіе, начатое Шефтсбёри и Гутчисономъ, а не то, что называютъ въ болѣе узкомъ смыслѣ шотландской школой: Рида и его послѣдователей).—Да будетъ позволено мнѣ замѣтить здѣсь между прочимъ, что основная точка зрѣнія, отъ которой я отправляюсь во всѣхъ своихъ различныхъ этическихъ сочиненіяхъ, развилась у меня собственно во время занятій Контомъ, что и доказываетъ моя работа «Die grundlage der humanen Ethik (56 стр. нѣм. пер.).

Digitized by Google

Симпатія освобождаетъ разумъ отъ исключительнаго служенія эгоизму, а разумъ оттачиваетъ сознаніе соціальной солидарности. Соціальное состояніе благопріятствуетъ симпатическимъ чувствамъ. Индивидуумъ, расширяя свои чувства такъ, чтобы они обнимали весь родъ, достигаетъ—путемъ подобнаго соціальнаго расширенія—удовлетворенія своей потребности увѣковѣчить себя, смотря на продолженіе жизни рода какъ на продолженіе своей собственной жизни.

Индивидуумъ, разсматриваемый изолированно и самъ по себѣ, есть только абстракція. Соціальная единица есть семья; въ ней проявляются первые зародыши тѣхъ наклонностей, которыя характеризуютъ соціальный организмъ. Здѣсь индивидуумъ научается выходить за предѣлы самого себя, жить въ другихъ, повинуясь въ то же время своимъ наиболѣе энергичнымъ инстинктамъ. Семья представляетъ самое сплоченное общество; это—соединеніе, а не связь (*union*, а не *association*). Совмѣстная дѣятельность играетъ конечно и въ семьѣ нѣкоторую роль, но не главную, какъ въ обществахъ болѣе значительныхъ, которыя покоятся на общей работѣ и взаимномъ восполненіи, обусловленномъ раздѣленіемъ труда. Выполняя опредѣленную работу, каждый индивидуумъ и каждая семья совершаютъ соціальное дѣло. Сила, которой надлежитъ вести это дѣло, должна выходить изъ среды самого общества и опираться на то довѣріе, которое она внушила, и на то свободное согласіе, которымъ она заручилась. Каждое общество получаетъ непремѣнно какое-нибудь управленіе. Тогда какъ въ индивидуальной жизни господствуютъ личные инстинкты, въ семьѣ-симпатія, въ болѣе значительныхъ обществахъ блюдутъ порядокъ главнымъ образомъ интеллектуальныя способности. Извѣстное интеллектуальное единеніе необходимо для общества; общности интересовъ и непосредственной симпатіи недостаточно. Положительная наука имѣетъ очень большое значеніе для этики, потому что задача ея сведется къ тому, чтобы, съ возможной точностью опредѣлить реальное, прямое и косвенное вліяніе, какое имѣетъ всякое дѣйствіе, всякая склонность и всякое чувство на существованіе человѣка,—какъ на отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и на все общество.

Большой заслугой католицизма было, по мнѣнію Конта, то, что онъ эманципировалъ мораль отъ политики, которая находилась въ полномъ подчиненіи у этой послѣдней въ политеистическій періодъ. Эта эманципація нашла свое выраженіе въ ученіи о двухъ властяхъ и о независимости духовной власти отъ свѣтской. Католицизмъ оказался однако неспособнымъ удовлетворить возрастающія интеллектуальныя потребности человѣчества, и метафизическая критика начала свою работу разложенія. Кромѣ того, католицизмъ поощрялъ эгоизмъ, внушая каждому помышлять только о своемъ собственномъ благополучіи; это послужило для церкви, правда, сильнымъ мотивомъ, однако мѣшало свободному и чистому развитію симпатическихъ и благородныхъ чувствъ. Только позитивное направленіе духа прямо благопріятствуетъ развитію этихъ чувствъ,

Digitized by Google

такъ какъ оно внушаетъ, что все наше развитіе совершается *въ предѣлахъ* общества, такъ что индивидуумъ есть абстракція, а не общество. Въ соціальной жизни приходится всячески подавлять эгоистическія наклонности; только соціальные инстинкты могутъ развиваться свободно, и повышенная дѣятельность, которую влечетъ за собой открытый такимъ образомъ безграничный горизонтъ, содержитъ источникъ блаженства, внутренняго удовлетворенія, не зависящаго отъ внѣшнихъ наградъ. Понятіе долга вытекаетъ изъ общей концепціи (esprit d'ensemble), позитивной философіи, заставляющей смотрѣть на отдѣльнаго индивидуума, какъ на членъ цѣлаго рода, такъ что правила его дѣятельности должны вытекать изъ универсальнаго порядка вещей, а не изъ однихъ чисто индивидуальныхъ интересовъ. Самая высокая идея въ этической сферѣ—идея человѣчества, какъ такового, развитіе котораго опредѣляется всегда совмѣстнымъ дѣйствіемъ всѣхъ индивидуальныхъ и соціальныхъ органовъ. Контъ полемизируетъ противъ рѣзкаго разграниченія частныхъ и общественныхъ функц й. Это чисто эмпирическое различеніе, утверждаетъ онъ, и оно появляется только въ переходные періоды, когда новая цивилизація только что нарождается, и новымъ элементамъ трудно найти свое мѣсто. У грековъ и римлянъ этого раздѣленія не было; не знала его и средневѣковая теократія; оно появляется только къ концу среднихъ вѣковъ, именно—послѣ того, какъ начинаетъ развиваться промышленность со времени уничтоженія рабства. Массы пролетаріата не вошли еще съ тѣхъ поръ фактически въ составъ соціальной системы. Между тѣмъ только подобное включеніе въ число ея членовъ сопровождается надлежащимъ личнымъ самочувствіемъ, состоящимъ въ томъ, что сознаешь себя сотрудникомъ великаго цѣлаго. Подобное чувство будетъ облагораживать со временемъ даже самыя низкія занятія, именно тогда, когда *позитивное* воспитаніе пробудитъ сознаніе, что всякое единичное усиліе имѣетъ значеніе для общества въ его цѣломъ.

Контъ былъ убѣжденъ, что для того, чтобы въ идеяхъ, чувствахъ и нравахъ могли произойти самѝ собой такія перемѣны, которыя повлекутъ за собой позитивную стадію, необходимо предварительно только политическое спокойствіе, устраненіе большихъ политическихъ переворотовъ. Важнѣйшими соціальными затрудненіями были въ его глазахъ не политическія, а именно моральныя; преодолѣть ихъ можетъ только вліяніе идей и нравовъ. Понятію обязанности принадлежитъ въ его системѣ рѣшительный перевѣсъ надъ понятіемъ права. Составить на основаніи его философіи ученіе о правѣ и государствѣ въ подлинномъ смыслѣ этого слова нельзя. Онъ увѣренъ въ сущности въ томъ, что учрежденія могли бы развиваться свободно, если только предварительно будутъ измѣнены идеи и нравы. Уже здѣсь въ его первомъ и безспорно главномъ произведеніи проявляется утопическая тенденція, возникшая въ качествѣ реакціи противъ сильнаго подчеркиванія индивидуальныхъ правъ въ теченіе предыдущаго періода, а также противъ

Digitized by Google

тѣхъ многочисленныхъ распрей за государственное устройство, которыя занимали то время.

в) *Соціальная динамика.* Мы знаемъ уже одинъ важный законъ, относящійся къ соціальной динамикѣ: законъ трехъ стадій. Всего легче отмѣтить прогрессъ въ сферѣ умственной дѣятельности, какъ утверждаетъ настойчиво Контъ. Но различнымъ стадіямъ умственнаго развитія соотвѣтствуютъ въ то же время, какъ мы намекали при изображеніи трехъ стадій, различныя ступени соціальнаго и политическаго развитія. Теологической стадіи соотвѣтствуетъ *воинская.* Значеніе ея состоитъ въ томъ, что она прививаетъ и развиваетъ порядокъ, дисциплину, необходимыя условія политической организаціи. Силы сосредоточиваются вокругъ настоятельныхъ и необходимыхъ общихъ цѣлей. Какъ первый духовный авторитетъ долженъ былъ быть, само собой понятно, теологическимъ, такъ и первыя правительства должны были быть, само собой разумѣется, военными. Только внѣшняя сила могла собирать и сдерживать людей вмѣстѣ. И только съ помощью войны разростается общество на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія. Война влечетъ въ свою очередь рабство; для того, чтобы воины могли свободно распоряжаться своей силой, хозяйственныя работы должны были выполняться рабами. Тому переходному періоду, который обозначается въ интеллектуальномъ отношеніи метафизическимъ, соотвѣтствуетъ въ соціальной и политической области періодъ, во время котораго господство принадлежитъ *юристамъ* (законовѣдамъ—«легистамъ»). На мѣсто прежней наступательно-военной организаціи становится военно-оборонительная. Воинственный духъ отступаетъ постепенно передъ производительнымъ, продуктивнымъ. Средніе классы пробиваются впередъ и требуютъ политическихъ правъ. На господствующихъ юристахъ лежитъ задача произвести сравнительную оцѣнку различныхъ требованій. Та стадія и та соціальная фаза, въ которой мы еще обрѣтаемся,—неустойчивый и безпокойный переходный періодъ. Позитивной стадіи соотвѣтствуетъ *промышленная* фаза, въ которой порядокъ учрежденій и распредѣленіе власти опредѣляется производительными силами. Политическіе вопросы смѣняются теперь соціальными. Пролетаріи открываютъ, мало-помалу, что политическія революціи не въ состояніи рѣшить тѣ великія соціальныя проблемы, жало которыхъ они чувствуютъ на себѣ болѣе всѣхъ другихъ. Совершенно понятно, что они будутъ симпатизировать стремленію позитивной философіи поставить обязанности выше правъ, для того чтобы направить всеобщее вниманіе на рѣшеніе тѣхъ задачъ, которыя можно назвать соціальными въ буквальномъ смыслѣ: доставить всѣмъ возможность духовнаго развитія и признать за всѣми право на трудъ. Поэтому между пролетаріями и позитивной философіей будетъ существовать всегда естественное обоюдное пониманіе.

Это указаніе солидарнаго хода развитія человѣчества пріобрѣтаетъ большое значеніе для этики, которая относится, слѣдовательно, не только къ соціальной статикѣ, но и къ соціальной динамикѣ.

Digitized by Google

Указаніемъ солидарнаго развитія не только укрѣпляется соціальное чувство; существенную часть содержанія этики можно опредѣлить только на динамической основѣ, потому что этика имѣетъ своей задачей содѣйствовать развитію спеціально человѣческихъ свойствъ—въ противоположность животнымъ и растительнымъ. И здѣсь этика находитъ себѣ предпосылки не только въ ученіи соціальной динамики о различныхъ стадіяхъ, но и въ выводахъ сравнительной біологіи, показывающихъ, какъ животныя функціи, по мѣрѣ того какъ мы будемъ выше и выше подниматься въ ряду животныхъ, получаютъ все большее и большее значеніе по сравненію съ растительными. У человѣка въ свою очередь болѣе развиваются по сравненію съ животными функціями специфически человѣческія качества, разумность и общительность; это—думаетъ Контъ, примыкая къ френологіи Галля,—находитъ себѣ выраженіе въ томъ, что лобная доля мозга сильнѣе развита по сравненію съ той частью его, которая лежитъ ближе къ спинному мозгу. Въ человѣческомъ родѣ, думаетъ Контъ, постоянно и прогрессивно развивается разумность и симпатія (альтруизмъ), необходимое условіе для того, чтобы отдѣльный индивидуумъ могъ составить одно цѣлое съ родомъ. Хотя Контъ и противникъ теоріи развитія Ламарка, однако онъ признаетъ большое вліяніе, которое имѣетъ на способности и свойства равномѣрное и постоянное упражненіе. Болѣе благородныя наклонности нашей природы все болѣе и болѣе развиваются подъ вліяніемъ соціальной жизни; худшіе инстинкты постепенно ослабляются частію благодаря самообладанію, частію благодаря недостатку въ упражненіи, или же ихъ принуждаютъ постепенно служить какъ разъ общественному порядку.—Болѣе опредѣленной формы Контъ не могъ дать своимъ мыслямъ въ этомъ случаѣ, частію потому, что ему не хватало теоріи, на которую опирались Спиноза и Гертли въ своемъ ученіи о психологическомъ развитіи *), и которая получила впослѣдствіи дальнѣйшее развитіе у англійскихъ психологовъ, частію же потому, что онъ не могъ воспользоваться той тѣсной связью, которая существуетъ, какъ признаетъ эволюціонизмъ, между развитіемъ индивидуума и всего рода.

---

*) Геффдингъ отсылаетъ читателя къ I-му тому своего курса.—Спиноза первый формулировалъ теорію эволюціи въ ея приложеніи къ психологіи аффектовъ и на основаніи этой послѣдней построилъ этику. Всѣ аффекты и всѣ добродѣтели развиваются изъ одного инстинкта самосохраненія, въ его сознательной формѣ. Этотъ инстинктъ тожественъ по своему направленію и по своему содержанію у всѣхъ людей; онъ служитъ выраженіемъ человѣческой природы. Поэтому, если каждый будетъ разумно слѣдовать его предписаніямъ, то, служа собственнымъ интересамъ, послужитъ общей пользѣ.—Давидъ Гертли (1705—1757), послѣдователь Юма, одинъ изъ представителей англійской эмпирической психологіи, соприкасается своей психологической теоріей съ системой Спинозы потому, что признаетъ точно также возможность развитія всего содержанія душевной жизни изъ простѣйшихъ элементовъ по законамъ ассоціаціи. Это развитіе ведетъ между прочимъ къ превращенію эгоизма въ альтруизмъ.

Прим. переводч.

Digitized by Google

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей жизни, послѣ извѣстнаго нервнаго кризиса около половины 40-хъ годовъ, онъ сталъ большимъ сангвиникомъ и не питалъ уже прежняго твердаго убѣжденія въ томъ, что мы стоимъ только въ началѣ развитія.

д. Теорія познанія.

Хотя Контъ и не дѣлалъ теоріи познанія предметомъ спеціальнаго изслѣдованія и изложенія, однако вся позитивная философія покоится, какъ это довольно ясно, на опредѣленныхъ теоретико-познавательныхъ предположеніяхъ, и мѣстами (именно въ послѣднемъ томѣ «Курса» и затѣмъ въ «Discours sur l'esprit positif») онъ высказывается относительно этого болѣе подробно. Представляется крайне интереснымъ сдѣлать попытку опредѣлить теоретико-познавательную точку зрѣнія Конта.

Позитивная философія, согласно точнымъ и не разъ сдѣланнымъ объясненіямъ Конта, не есть эмпиризмъ. Уже въ 1825 г. пишетъ онъ въ одномъ изслѣдованіи (*Considérations philosophiques sur les sciences et les savants*), что абсолютный эмпиризмъ невозможенъ. Наука не состоитъ въ простомъ накопленіи фактовъ. Главная задача ея—связь фактовъ; она состоитъ изъ законовъ, а не изъ однихъ только фактовъ. Изолированные факты не включаются въ науку; они входятъ въ науку только тогда, когда эта изолированность уничтожается тѣмъ, что фактъ—хотя бы съ помощью гипотезы—поставляется въ связь съ другимъ фактомъ. Контъ дѣлаетъ даже интересное замѣчаніе (Cours IV, стр. 300), что никакое изолированное и чисто эмпирическое наблюденіе не можетъ быть надежнымъ. Тотъ фактъ, что наше познаніе, прежде чѣмъ достичь позитивной стадіи, проходитъ теологическую и метафизическую, становится понятнымъ по Конту, какъ мы видѣли, только въ виду необходимости установить связь явленій. На позитивной стадіи мы ищемъ законовъ явленій, т. е. фактической связи ихъ. Связь можетъ устанавливаться двояко. Или приходится имѣть дѣло съ одновременно данными явленіями, и въ такомъ случаѣ объясненіе состоитъ въ томъ, что показывается однородность отношеній и законовъ, имѣющихъ силу для различныхъ группъ явленій. Или же рѣчь идетъ о наступающихъ другъ послѣ друга явленіяхъ, и тогда задача состоитъ въ томъ, чтобы показать послѣдовательную связь. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ объясненіе статическое, въ послѣднемъ—динамическое. Но какъ бы мы ни объясняли явленій, *par similitude* или *par filiation*, мы связываемъ ихъ такимъ образомъ, что можемъ предусматривать наступленіе ихъ. И въ обоихъ случаяхъ мы удовлетворяемъ потребность нашего духа въ единствѣ и отыскиваемъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ постоянство (Discours sur l'esprit positif. стр. 20—21).

Далѣе этихъ объясненій, которыя сами по себѣ интересны, теорія познанія Конта не идетъ въ этомъ пунктѣ. Въ связывающую дѣятельность духа онъ не проникаетъ глубже, хотя и считаетъ ее

Digitized by Google

основной: *tout se réduit toujours à lier!* Болѣе близкое изслѣдованіе завлекло бы его здѣсь въ субъективную психологію дальше, чѣмъ онъ того желалъ и считалъ возможнымъ. Столь же мало распространяется онъ относительно вопроса, какой правомѣрностью можно надѣлять указанные законы сходства и послѣдовательности. Его объясненія въ этомъ отношеніи нѣсколько колеблются. То онъ говоритъ, что первыхъ основныхъ началъ наука не касается; они вытекаютъ будто бы непроизвольно изъ человѣческаго духа и не подлежатъ обсужденію. Здѣсь онъ приближается къ теоріи познанія Рида, построенной на common sense. То, напротивъ, онъ говоритъ, что принципъ непреложности законовъ природы, на который опирается положительная наука, нельзя обосновать апріорно, но что онъ покоится, какъ оказывается въ конечномъ итогѣ, всегда на простомъ наблюденіи и индукціи. (Ср. Discours sur l'esprit positif, стр. 46 съ стр. 17 и съ Cours VI, стр. 618). Послѣдняя точка зрѣнія привела бы его, очевидно, послѣдовательно къ чистому эмпиризму и натолкнула бы его также на тѣ затрудненія, которыя выростаютъ для этого направленія въ связи съ принципомъ причинности, затрудненія, ставшія ясными вполнѣ только тогда, когда Стюартъ Миллъ снова разсмотрѣлъ такъ основательно проблему Юма.—Ясно, что оба объясненія Конта стоятъ въ противорѣчіи другъ съ другомъ, потому что принципа, не подлежащаго обсужденію, нельзя обосновывать на фактахъ, такъ какъ обосновать его такимъ образомъ было бы возможно только при помощи обсужденія.—Если Контъ ожидаетъ, что принципъ непреложности законовъ природы проникнетъ постепенно во всѣ области, то это объясняется, какъ уже было замѣчено, его убѣжденіемъ, что провести указанный принципъ вынудитъ неотразимая аналогія. Человѣческій духъ, какъ онъ говоритъ въ одномъ изъ болѣе раннихъ произведеній, не долго будетъ въ состояніи мыслить въ однѣхъ областяхъ позитивно, въ другихъ—метафизически или теологически. Духъ будетъ добиваться единства метода и теоріи. Здѣсь дѣйствуетъ, слѣдовательно, сила привычки, на которую указывалъ уже Юмъ. Но привычка можетъ объяснить только психологическую власть принципа надъ душой, но не его реальную правомѣрность. Жала настоящей теоретико-познавательной проблемы Контъ не чувствовалъ. Онъ сдѣлалъ попытку систематизировать положительное знаніе; но онъ не ставилъ себѣ задачи отыскать послѣднее основаніе этого знанія.

Контъ приближается тѣмъ не менѣе къ проблемѣ знанія съ другой стороны, именно тѣмъ, что выдвигаетъ относительность его. Онъ считаетъ, какъ мы видѣли, важной характерной чертой позитивной философіи то, что она ставитъ вездѣ относительное на мѣсто абсолютнаго, котораго искала философія прежнихъ формъ. Относительность знанія онъ обосновываетъ двояко. Во-первыхъ, положительная наука можетъ показать намъ только отношеніе сходства и послѣдовательности вещей между собою, но не абсолютныя причины ихъ, ни же внутреннюю природу тѣхъ вещей, между которыми имѣютъ мѣсто эти отношенія. Самыя отношенія суть для насъ то

Digitized by Google

же только простые факты, которыхъ ближе не извѣдаешь. Во-вторыхъ, все наше знаніе опредѣляется отношеніемъ между нашимъ организмомъ и внѣшнимъ для него міромъ—Контъ говоритъ даже о «великомъ элементарномъ дуализмѣ между разсудкомъ и средой»—такимъ образомъ, что внѣшній міръ вліяетъ, правда, на разсудокъ, опредѣляетъ его и даетъ ему свой матеріалъ, но что обработка происходитъ, подобно тому какъ въ процессѣ питанія, согласно законамъ нашей собственной организаціи и въ ея формахъ. Поэтому во всемъ нашемъ знаніи сказывается отношеніе частію къ субъекту, частію къ объекту. Благодаря этой біологической теоріи познанія *), Контъ чувствуетъ себя послѣдователемъ Аристотеля, Лейбница и Канта (Cours. VI, стр. 620 и д. Catéchisme positiviste, стр. 150 и д.). Она убѣждаетъ его въ томъ, что наше познаніе можетъ достигнуть только приближенія къ дѣйствительности; но благодаря своей практической точкѣ зрѣнія, онъ не доходитъ до выясненія вопроса, насколько справедливо можно назвать наше познаніе отраженіемъ дѣйствительности. Онъ удовлетворяется тѣмъ, что знаніемъ, которымъ мы обладаемъ, можно пользоваться на практикѣ для ріентированія. Онъ придаетъ, напротивъ, большое значеніе тому, что самый субъектъ, въ отношеніи къ которому стоитъ познаніе, измѣняется и развивается. Все познаніе опредѣляется той ступенью развитія, которой достигъ индивидуумъ и родъ. Все наше познаніе имѣетъ поэтому историческій характеръ. Соціологія, не менѣе настоятельно, чѣмъ біологія, ведетъ, какъ уже показало ученіе о трехъ стадіяхъ, къ признанію относительности знанія. До тѣхъ поръ пока развитіе біологіи и соціологіи не достигло еще положительной формы, можно было не замѣчать относительности, какъ это и было въ теченіе цѣлаго періода, когда мѣсто главной науки принадлежало математикѣ. Теперь скипетръ отошелъ къ соціологіи. Ей подобаетъ указывать заключительныя научныя точки зрѣнія.

То обстоятельство, что Контъ особенно оттѣнилъ такимъ образомъ біологическую и соціологическую точку зрѣнія на наше познаніе, или считалъ другими словами, что оно опредѣляется природой, потребностью и степенью развитія человѣка, повлекло за собой важное видоизмѣненіе его философской точки зрѣнія. Въ началѣ онъ сосредоточивалъ центръ тяжести на «необходимомъ и раціональномъ подведеніи понятія человѣка подъ понятіе міра». (Cours III, стр. 188), затѣмъ онъ переноситъ его все болѣе и болѣе на субъективную сторону познанія. Познаніе представляется ему въ сущности, какъ удовлетвореніе субъективной потребности, и всякое средство добиться подобнаго удовлетворенія кажется ему законнымъ. Потребность знанія становится въ его глазахъ искус-

*) Поэтому ошибочно сказать, вмѣстѣ съ Fiorentino: «Manuel di storia della philosophia» 2 изд. Napoli 1887, стр. 581, что Контъ обращаетъ вниманіе только на взаимныя отношенія объектовъ, но упускаетъ изъ виду отношенія между объектомъ и субъектомъ. Слѣдствій, вытекающихъ изъ отношенія послѣдняго рода, онъ, правда, не вывелъ.

Digitized by Google

ственной. Онъ уполномочиваетъ слѣдовать простѣйшимъ гипотезамъ и оставляетъ безъ вниманія необходимость опытнаго подтвержденія. Въ какомъ отношеніи стоитъ удовлетвореніе стремленія къ единству и простотѣ міросозерцанія къ положительной дѣйствительности — этого онъ не разбираетъ, такъ какъ его все болѣе и болѣе окутывалъ мистическій міръ, открывшійся ему со времени нервнаго кризиса и благодаря вызванному этимъ «méditation exceptionelle». У него возникаетъ теперь планъ дополнить объективную систему, изложенную въ «Курсѣ», субъективной. До сихъ поръ онъ объяснялъ человѣка, отправляясь отъ міра; теперь онъ захотѣлъ объяснить міръ, исходя изъ человѣка.

е. Контъ, какъ мистикъ.

Изложеніемъ позитивной философіи Контъ завершилъ свое великое дѣло, какъ мыслитель. Но позднѣе онъ сталъ смотрѣть на нее, какъ только на введеніе къ высшимъ мистеріямъ. Мы уже коснулись психологическихъ причинъ этой перемѣны въ его воззрѣніяхъ. Теперь мы упомянемъ только вкратцѣ, какія мысли занимали его въ послѣдніе годы его жизни. Если онѣ не имѣютъ значенія, какъ научныя мысли, то все-таки онѣ представляютъ интересъ, какъ симптомы.

Въ своей позитивной философіи Контъ шелъ отъ міра къ человѣку; отъ абстрактныхъ и универсальныхъ отношеній онъ переходилъ къ болѣе сложнымъ—а человѣкъ и есть то существо, жизнь котораго представляетъ самыя сложныя отношенія. Теперь онъ хочетъ итти отъ человѣка къ міру, стать вполнѣ сознательно на субъективную точку зрѣнія, изъ которой исходили люди въ періодъ дѣтства человѣческаго рода, не сознавая того. Съ самой сложной— а слѣдовательно и самой возвышенной — точки зрѣнія на бытіе слѣдуетъ бросить взглядъ обратно на низшія ступени. При изложеніи позитивной философіи на первомъ планѣ въ человѣческой природѣ долженъ былъ стоять необходимо разумъ. Съ помощью этого послѣдняго мы познаемъ законы бытія, а вліяніе его на чувство создаетъ новые нравы и учрежденія. Но теперь первое мѣсто отдается чувству, и возникаетъ задача освѣтить разумъ при помощи сердца. На мѣсто анализа и отдѣльныхъ спеціальностей ставится теперь синтезъ, объединяющее міросозерцаніе. Но вѣдь возможно только субъективное единство нашего познанія. Какъ установлено позитивной философіей, міровыхъ силъ нельзя свести къ абсолютному единству. Но можно достичь единства міросозерцанія, если мы будемъ разсматривать весь міръ (поскольку онъ знакомъ намъ) въ его отношеніи къ человѣчеству. Но здѣсь Контъ чувствуетъ необходимость видоизмѣнить свою прежнюю классификацію наукъ, именно—выдѣлить этику изъ соціологіи и установить ее въ качествѣ седьмой основной науки; потому что, если человѣчество должно служить центромъ, вокругъ котораго сосредоточиваются всѣ мысли и отъ

Digitized by Google

котораго онѣ исходятъ, то стоитъ углубиться въ тайники человѣческой природы въ ея цѣломъ. Но въ соціологіи имѣютъ, собственно говоря, значеніе только мышленіе и дѣятельность; чувства играютъ роль только въ качествѣ мотивовъ, а такъ какъ различные мотивы могутъ въ общемъ взаимно нивеллироваться, то съ чисто соціологической точки зрѣнія нѣтъ основанія приписывать чувствамъ большое значеніе. Этика-то и становится теперь самой сложной изъ всѣхъ наукъ, выдѣляя такой элементъ, который въ соціологіи считался только подчиненнымъ.

Прибавляя къ системѣ наукъ этику, какъ самостоятельный членъ, Контъ поступаетъ, слѣдовательно, согласно закону перехода отъ болѣе абстрактнаго къ болѣе конкретному *). Всѣ науки слѣдуетъ разсматривать, какъ части этики; заниматься ими слѣдуетъ, имѣя въ виду эту послѣднюю, такъ что каждая отдѣльная наука разсматривается какъ подготовительная по отношенію къ ближайшей, болѣе сложной, пока съ этикой, заключительной наукой, мы не достигаемъ цѣли. Слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы опять анализъ не взялъ перевѣса, и всѣ занятія, которыя не споспѣшествуютъ нашему познанію законовъ природы и нашей способности приспособляться къ нимъ, или не могутъ служить руководствомъ къ нашей дѣятельности, должны исчезнуть. Слѣдуетъ составить новые труды, которые могли бы свести основныя науки къ ихъ необходимому объему.—Характерно то, что Контъ называетъ теперь, (въ *Politique positive* и *Catétchisme positif*) главныя ученія позитивной философіи «позитивной догмой.» Его мысль ищетъ покоя, и всякое изслѣдованіе, показывающее ему, что его цѣль — теперь же пріобщиться религіи человѣчества, стоитъ въ болѣе значительномъ отдаленіи, выводитъ его изъ терпѣнія. Чувство стоитъ въ его глазахъ гораздо выше познанія и дѣятельности, которыя имѣютъ цѣну только по своимъ результатамъ и, кромѣ того, зависятъ отъ внѣшнихъ отношеній, между тѣмъ какъ чувство гарантируетъ непосредственное и внутреннее удовлетвореніе. Отсюда вытекаетъ въ свою очередь преимущество искусства передъ наукой. Источникъ искусства кроется въ чувствѣ. Абстрактныя разсужденія теоретиковъ оно возвращаетъ осторожно къ реальности, между тѣмъ какъ

*) См. на этотъ счетъ «Politique positive». IV, стр. 187; 233 и д. «Catéchisme positiviste», стр. 165 и д. 222.—Въ позднѣйшій періодъ своей дѣятельности Контъ вноситъ другое характерное измѣненіе въ свою классификацію. Въ цѣломъ рядѣ положеній (15) онъ резюмируетъ самые общіе принципы позитивной философіи и называетъ «эту систематизацію позитивной догмы» «philosophie premiere». Терминъ этотъ онъ заимствуетъ у Бэкона. Затѣмъ слѣдуетъ «philosophie seconde»:—рядъ семи основныхъ наукъ, которыя дѣлятся, однако, въ свою очередь на двѣ группы: первая «philosophie naturelle» (первыя пять наукъ) и вторая—philosophie morale» (обѣ послѣднія науки). Politique positive. IV стр. 226.—Въ Catéch. positiv (стр. 167 и д.) онъ говоритъ нѣсколько другое; математика, астрономія, физика и химія образуютъ *космологію*; біологія, соціологія (въ болѣе узкомъ смыслѣ) и этика—*соціологію*.

Digitized by Google

практикамъ оно внушаетъ благородный интересъ къ великимъ идеямъ. Физіологическій источникъ его лежитъ въ непроизвольныхъ движеніяхъ, связанныхъ съ чувствами и выражающихъ наши внутреннія состоянія, причемъ они могутъ въ то же время воздѣйствовать обратно на чувства. Искусство создаетъ идеальные типы, постоянное созерцаніе которыхъ совершенствуетъ наши мысли и инстинкты. Въ лицѣ священниковъ религіи человѣчества философія и поэзія должны сливаться другъ съ другомъ.

Религія человѣчества, основателемъ которой Контъ считалъ себя, есть поклоненіе человѣчеству, какъ *великому существу*, которому всѣ причастны; это понятіе обнимаетъ всѣхъ покойныхъ, нынѣ живущихъ и будущихъ существъ, добровольно послужившихъ въ небольшихъ или широкихъ кругахъ прогрессу и благу человѣчества. Это—идеальное понятіе, потому что только тѣ будутъ неизмѣнно жить въ памяти человѣческаго рода, кто пожертвовалъ собой ради него и послужилъ ему. Составивъ позитивистическій календарь—каждый мѣсяцъ и каждый день въ этомъ календарѣ носитъ имя тѣхъ людей, которые имѣли значеніе для развитія человѣчества,—Контъ далъ даже руководство для общественнаго культа, состоящаго въ оживленныхъ періодически повторяющихся празднествахъ въ благодарность и въ память благодѣтелей человѣческаго рода. Въ частномъ культѣ представителями идеала человѣческаго рода будутъ служить для каждаго тѣ лица, которыя стояли къ нему всего ближе. Тѣ же люди, которые своимъ противодѣйствіемъ задерживали прогрессъ, какъ, напр., императоры Юліанъ и Наполеонъ, «ces deux principaux retrogradeurs que nous offre l'ensemble de l'histoire»—поминаются въ позитивистическомъ культѣ только для того, чтобы подвергаться «періодически заслуженному бичеванію.» Достоинство отдѣльнаго индивидуума покоится на томъ, что при посредствѣ болѣе или менѣе широкихъ круговъ «великаго существа» (семья, отечество и т. д.) онъ пріобщается этому послѣднему. Всѣ мысли и всѣ дѣйствія должны быть направлены на то, чтобы поддерживать и совершенствовать это существо. Альтруизмъ (жизнь для другихъ—vivre pour autrui) содержитъ въ себѣ высшую обязанность и высшее блаженство.

Руководительство культомъ, а также воспитаніе поручается у Конта духовенству, которое должно состоять изъ энциклопедически образованныхъ философовъ,—поэтовъ и врачей сверхъ того. Въ виду того, что ихъ авторитетъ покоится на свободномъ признаніи, они будутъ имѣть вліяніе на общественное мнѣніе. Контъ старается вообще вмѣстить въ религію позитивизма аналогіи «всего великаго и задушевнаго, осуществленнаго или только предначертаннаго католической системой средневѣковья». Соціократія, тотъ общественный порядокъ, о которомъ онъ помышлялъ, гораздо болѣе сродни теократіи, чѣмъ промежуточному индивидуалистическому періоду съ его «безконечными треволненіями.» Контъ отступаетъ даже еще дальше. Позитивизмъ можетъ безбоязненно снова допу-

Digitized by Google

стить взгляды фетишизма на природу, оживить и одухотворить ея предметы, именно потому, что онъ совершенно освободился отъ прежнихъ предразсудковъ. Это сообщитъ силу языку, будетъ благопріятствовать художественному воображенію и оживотворитъ чувство ко всему тому, что нужно для поддержанія и развитія «великаго существа.» Всѣ породы животныхъ будутъ разсматриваться, какъ человѣческое существо, извращенное въ своемъ ростѣ (un grand être plus ou moins avorté). Послѣ длиннаго критическаго періода теперь возвращается время картинныхъ образовъ. Новая религія смотритъ на міросданіе, какъ на «великую среду», въ которой образовалась земля, «великій фетишъ». Великій фетишъ въ свою очередь оставилъ дремать свои могучія элементарныя силы; страстное желаніе заставило его пожертвовать собою, чтобы «великое существо», въ которомъ выступаетъ высшее совершенство въ узкой рамкѣ, могло развиваться. (Высшія существа, какъ Контъ училъ уже въ «Курсѣ»,—самыя зависимыя въ то же время). Великая среда, великій фетишъ и великое существо образуютъ троицу позитивистовъ.

Утопія Конта представляетъ тотъ интересъ, который могутъ имѣть подобнаго рода описанія, если они принадлежатъ выдающимся умамъ, ясно видящимъ тенденціи своего вѣка. Можно прослѣдить его историческія предпосылки, подобно тому какъ въ «Государствѣ» Платона была найдена масса чертъ изъ греческихъ отношеній. Его планъ религіи будущаго имѣетъ значеніе отчасти, какъ свидѣтельство серьезнаго и глубоко чувствующаго человѣка въ томъ, что критикой и отрицаніемъ міровоззрѣній прошлаго не все еще сдѣлано, отчасти потому, что идею человѣчества и любви онъ дѣлаетъ центральнымъ пунктомъ. Но онъ не хотѣлъ признать, что религіозныя представленія,—если только указанная идея можетъ получить господство,—могутъ развиваться у тѣхъ, кто чувствуетъ потребность въ подобныхъ представленіяхъ, свободно, у каждаго по своему и крайне разнообразно. Очень немногіе, конечно, раздѣлятъ вкусъ Конта, который онъ проявилъ, устраивая будущій культъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ геніальныхъ мыслей, мысли составить, напр. новый календарь съ именами историческихъ личностей вмѣсто именъ неизвѣстныхъ святыхъ. Многіе выскажутъ мнѣніе, что настоящая религіозная проблема начинается только тамъ, гдѣ кончается религія Конта, именно—на вопросѣ объ отношеніи развитія міра къ развитію человѣческаго рода и человѣческихъ идеаловъ. Новая троица Конта не даетъ отвѣта на это. Не оставляя за индивидуальностью свободы въ религіозномъ отношеніи, Контъ столь же мало желаетъ признать ее и въ политическомъ отношеніи, совершенно исключая самое понятіе правового порядка и представительной системы правленія. Общественное мнѣніе и пріостановка работъ едва ли могутъ служить достаточными коррективами, если не имѣть никакихъ прочныхъ формъ общественной и частной жизни, связывающихъ правительство.—Всего характернѣе отказъ въ свободномъ изслѣдованіи касательно законченной

Digitized by Google

«позитивной догмы». Это можно извинить только гигіеной мозга, которую усталый мыслитель долженъ былъ наложить на себя послѣ своей энергичной работы. Но слѣдовать его предложенію значило бы противорѣчить духу его собственнаго замѣчательнаго труда.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пер. Д. Викторовъ.

Наставники человѣчества.

Въ царствѣ животныхъ педагогическіе вопросы разрѣшаются чрезвычайно просто. Всякая курица, на сколько хватаетъ у нея умѣнья, обучаетъ своихъ цыплятъ. Всякая собака старается передать своимъ щенкамъ всѣ сокровища своего собачьяго ума и своей опытности.

Первобытный человѣкъ мало чѣмъ отличался въ педагогическомъ отношеніи отъ животнаго. Знанія были немногочисленны и несложны, а потому и педагогомъ могъ быть всякій взрослый человѣкъ, который и сообщалъ своему питомцу тѣ первичныя познанія, какими владѣлъ самъ. Но какъ среди животныхъ, такъ и среди людей, являются особи, которыя, благодаря тѣмъ или инымъ качествамъ, занимаютъ первенствующее положеніе въ окружающемъ ихъ обществѣ. Такія особи начинаютъ вліять на окружающихъ и заставляютъ ихъ дѣлать то, что имъ, выдающимся особямъ, кажется лучшимъ. Такимъ образомъ зародышъ педагогіи изъ среды семейной переходитъ въ среду общественную.

Мы не собираемся писать эволюцію педагогіи, мы только хотимъ напомнить, что на зарѣ исторіи педагогъ былъ въ то же время и выдающимся человѣкомъ своего племени или своей группы людей, былъ предводителемъ, жрецомъ, поэтомъ, судьей — однимъ словомъ, долженъ былъ отвѣчать на всѣ умственные запросы окружающей его среды. Но по мѣрѣ развитія человѣчества, становилась очевидной необходимость раздѣленія профессій. Предводитель еще оставался судьей, но уже уступилъ другому завѣдываніе религіозными обрядами и педагогію. И у древнихъ евреевъ, и у индусовъ, и у скандинавовъ мы видимъ педагога и жреца, соединенными въ одномъ лицѣ. Греко-римскій міръ пошелъ дальше, жрецъ и педагогъ отдѣлились другъ отъ друга, и стали вести

Digitized by Google

самостоятельное существованіе. Христіанство, побѣдившее античную культуру, сдѣлало было попытку вернуться къ прежнему порядку и отдать дѣло воспитанія въ руки духовенства, но силою вещей раздѣленіе труда опять обособило религію отъ педагогики. Хотя въ настоящее время намъ и приходится наблюдать новыя попытки соединенія священнослужительскихъ обязанностей съ обязанностями педагогическими, но основываясь на всемірно историческомъ опытѣ, можно заранѣе предсказать этой попыткѣ неудачу. Человѣкъ придумываетъ работу, а работа создаетъ работника и работника, приспособленнаго, главнымъ образомъ, къ данной, къ опредѣленной работѣ. Благодаря этому стремленію къ спеціализаціи, люди, посвятившіе себя педагогической дѣятельности, раздѣлили и продолжаютъ дѣлить все возрастающую область знанія на отдѣлы самые ограниченные и для каждаго отдѣла приходится создавать особыхъ работниковъ. Но несмотря на всѣ усовершенствованія, несмотря на всѣ успѣхи науки, всетаки чувствовалось, что чего то не хватаетъ, что существуетъ, какой то пробѣлъ, котораго не могутъ заполнить всѣ усилія педагоговъ. Въ самомъ опредѣленіи пробѣла далеко не всѣ были согласны. Одни говорили, что подростающія поколѣнія, совершенствуясь въ наукахъ, не получаютъ никакого понятія о жизни и въ этомъ отношеніи похожи на младенцевъ, другіе говорили, что существеннѣйшій пробѣлъ замѣчается въ области нравственной, что подростающія поколѣнія, несмотря на свои научные успѣхи, остаются совершенными дикарями въ этой области. Однимъ словомъ чувствовался недостатокъ въ воспитаніи. Для пополненія этого пробѣла одни старались отправлять своихъ дѣтей въ дома знатныхъ особъ или ко двору короля, чтобы въ этой блестящей обстановкѣ дѣти получили бы необходимый имъ лоскъ и познакомились бы съ жизнью. Другіе, заботясь болѣе о нравственномъ воспитаніи, отдавали своихъ дѣтей на попеченіе духовенства въ надеждѣ, что въ этой благочестивой средѣ находится истинное воспитательное начало. Между тѣмъ, истинный воспитатель, истинный сѣятель плодотворнаго сѣмени давнымъ давно совершалъ свою незамѣтную работу. Этимъ воспитателемъ была литература.

Грубый дикарь, пораженный какимъ либо явленіемъ окружающей его среды, выражалъ свои чувства посредствомъ первобытной пѣсни. Эта пѣсня находила отзвукъ въ сердцахъ другихъ дикарей. Литература была въ зародышѣ, но и слушатели были неприхотливы. Удачная охота, побѣда надъ врагомъ, смерть любимаго человѣка были излюбленными темами первобытной, зародышевой литературы. Эти простыя темы были близки первобытнымъ людямъ. Изображенія борьбы и побѣды возбуждали въ слушателяхъ стремленія къ новымъ подвигамъ, которые обезпечивали благополучіе и героя и его племени. Оплакиванье погибшаго возбуждало чувство жалости, изъ котораго развилась впослѣдствіи вся широкая гамма альтруизма. Будя своими пѣснями общественное чувство, возбуждая молодыхъ воиновъ къ совершенію подвиговъ, перво-

Digitized by Google

бытный пѣвецъ оказывался важнѣйшимъ педагогомъ для своего племени и его вліяніе иногда превышало вліяніе вождя. Таково было вліяніе древнихъ бардовъ, еврейскихъ пророковъ и другихъ представителей древнѣйшей литературы. Припомнимъ извѣстный разсказъ о пѣвцѣ Тиртеѣ, котораго аѳиняне послали въ помощь спартанцамъ. Пѣсни Тиртея возбудили мужество спартанскихъ воиновъ, чего не могли достигнуть всѣ усилія вождей.

Со временъ Тиртея прошло много вѣковъ, и жизнь стала гораздо сложнѣе. Вмѣстѣ съ жизнью осложнилась и литература, а педагогическое вліяніе литературы разрослось и въ ширь и въ глубь. Вліянію литературы ея противниками ставились всевозможныя преграды. Одни примѣняли тактику военнаго времени и побивали представителей литературы каменьями или сажали ихъ въ темницы, или просто тѣмъ или инымъ способомъ отправляли на тотъ свѣтъ. Другіе же предпочитали тактику мирнаго времени и, по возможности, избѣгая открытаго преслѣдованія, старались заключить литературу въ такія строго опредѣленныя и тѣсныя рамки, которыя постепенно отняли бы у литературы не только педагогическое значеніе, но и всякій проблескъ жизненности. Такъ было во всѣхъ древнихъ государствахъ отъ Египта до Мексики и отъ Перу до Китая.

Литература—растеніе довольно нѣжное, она не выноситъ стѣсненія. По энергичному выраженію Я. П. Полонскаго,

„Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго труда,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода“.

Когда поражена свобода, тогда литература мало по малу приходитъ въ упадокъ, а упадокъ литературы, выражая съ одной стороны духовное осужденіе современнаго ей общества, съ другой стороны служитъ причиной того, что слѣдующее поколѣніе лишенное здоровой духовной пищи, опускается еще ниже въ умственномъ и нравственномъ отношеніи.

Но дѣйствительно ли вліяніе литературы такъ важно, является ли она дѣйствительно учителемъ жизни для подрастающаго поколѣнія, вѣдь говорятъ, что научить жизни нельзя, что научить жить можетъ только сама жизнь? »Ты не знаешь, говоритъ Гете, кому тебѣ вѣрить? Вѣрь жизни: научитъ лучше всѣхъ мудрецовъ, лучше всѣхъ книгъ тебя жизнь». Это конечно прекрасно, но учась у жизни, мы въ состояніи всегда наблюдать только самый маленькій ея уголокъ и скрѣпя сердце исполнять поговорку нашихъ предковъ «вѣкъ живи, вѣкъ учись» вспоминая, что скептическіе потомки прибавили грустное окончаніе—«а все дуракомъ умрешь». Дѣйствительно «дуракомъ умрешь», потому что, учась только у жизни, будешь пользоваться только личнымъ опытомъ да, въ рѣдкихъ случаяхъ, опытомъ окружающихъ людей. Жизнь это такой же хорошій учитель, какъ и полуграмотный дьячокъ приходской

Digitized by Google

школы; онъ суровъ, колотитъ ни за что ни про что однихъ, другимъ же также ни за что ни про что или за заслуги родителей покровительствуетъ; кругозоръ его узокъ, онъ внушаетъ своимъ ученикамъ только то, что успѣлъ самъ задолбить въ юности по-старымъ учебникамъ и относится съ недовѣріемъ и злобой къ каждой новой мысли до тѣхъ поръ, пока эта мысль не получитъ господствующей силы и не будетъ высказана авторитетнымъ лицомъ. Ученье въ этой суровой школѣ продолжительное, но выучиваются въ ней немногому.

Не такова школа литературы. Литература даетъ намъ цѣлые ряды картинъ современной намъ жизни, освѣщая эту жизнь и показывая ее намъ съ самыхъ различныхъ сторонъ. Это освѣщеніе и разъясненіе жизни дѣлается выдающимися умами нашего общества. Намъ показываютъ не только жизнь нашего современнаго общества, намъ показываютъ жизнь нашихъ отцовъ, нашихъ дѣдовъ, показываютъ жизнь нашихъ отдаленныхъ предковъ. Передъ нашимъ умственнымъ взоромъ проходитъ въ длинномъ рядѣ картинъ жизнь человѣчества.

Можетъ быть скажутъ, что эти свѣдѣнія намъ дастъ исторія и что, слѣдовательно, исторіи должна быть поручена забота о воспитаніи молодого поколѣнія. Вѣдь исторія и литература родныя сестры. Когда воинственный дикарь воспѣвалъ подвиги своихъ предковъ, въ его пѣснѣ литература и исторія лежали въ общей колыбели, но когда эти сестры подросли, онѣ разстались. Исторія изъ вѣка въ вѣкъ записывала великія событія въ жизни человѣчества, она записывала дни рожденія и смерти королей, записывала, когда одни люди убивали другихъ въ большомъ количествѣ, и возвеличивала имена людей, руководившихъ убійствами. Но картинъ дѣйствительной обыденной жизни народовъ исторія не давала. Намъ скажутъ быть можетъ, что мы стучимся въ давно-открытую дверь, что исторія давно перестала быть придворной дамой и прилежно изучаетъ и записываетъ жизнь народовъ. Все это такъ, но записывая жизнь народовъ, исторія сочиняетъ некрологи. Она описываетъ то, что было. Литература же говоритъ и о томъ, что было и о томъ, что бываетъ и о томъ, что будетъ. Описывая въ мельчайшихъ подробностяхъ жизнь того или иного народа, исторія не въ состояніи показать намъ этотъ народъ такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Все будетъ описано вѣрно, все будетъ сообщено и передано въ точности, не будетъ только жизни. Такъ ботаникъ будетъ развертывать передъ вами свой гербарій, и вы будете удивляться, какъ прекрасно сохранились растенія, какъ отчетливо видны всѣ листья и корни, какъ даже лепестки цвѣтовъ сберегли свою окраску. Вы будете любоваться и въ то же время невольно вспомните, какъ не похожи эти изсохшіе трупы на тѣхъ чудныхъ представителей растительнаго царства, полныхъ силы и жизни, которыми вы любовались въ лѣсу и въ полѣ.

Чтобы дѣйствительно понять міръ, надо узнать его живымъ. Этой способностью воспроизводить жизнь во всѣхъ ея сложныхъ

Digitized by Google

и тонкихъ проявленіяхъ обладаетъ только литература, и въ этомъ ея огромное образовательное значеніе.

Литературу часто сравниваютъ съ зеркаломъ. Какъ зеркало даетъ отраженіе стоящаго передъ нимъ предмета, такъ и литература отражаетъ въ себѣ явленія жизни. Но зеркало отражаетъ только внѣшній видъ предмета и только съ одной стороны и отражаетъ одинаково отчетливо самые различные предметы. Литература изображаетъ предметы съ самыхъ различныхъ сторонъ, изображаетъ и внѣшнюю и внутреннюю стороны, но, изображая различные предметы, группируетъ ихъ въ наиболѣе характерныя для нихъ сочетанія и, рисуя одни предметы всѣми имѣющимися въ ея распоряженіи красками, оставляетъ другіе предметы какъ бы въ пренебреженіи, едва намѣчая ихъ блѣдное отраженіе. Благодаря такому пріему, читатель получаетъ наиболѣе яркое впечатлѣніе отъ тѣхъ сторонъ изображаемой передъ нимъ жизни, которыя наиболѣе заслуживаютъ вниманія.

Уроки жизни плохо усваиваются ея учениками благодаря массѣ постороннихъ впечатлѣній, которыя отвлекаютъ вниманіе и потому ослабляютъ впечатлѣніе. Литература же даетъ намъ картину, изъ которой удалено все, что можетъ ослабить впечатлѣніе наблюдателя и которая вся освѣщена тѣмъ внутреннимъ свѣтомъ, благодаря которому авторъ устанавливаетъ свое отношеніе къ окружающему міру и различаетъ добро и зло.

Если бы литература была только такимъ усовершенствованнымъ зеркаломъ, если бы она только рисовала намъ жизнь съ указаніемъ въ ней добра и зла, ея значеніе всетаки не было бы такъ серьезно, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Если педагогъ познакомитъ своего ученика съ явленіями окружающей жизни и разовьетъ въ немъ хорошіе вкусы: любовь къ добру, отвращеніе къ злу, то этимъ педагогъ еще не выполнилъ своей задачи. Впереди еще предстоитъ труднѣйшій подвигъ,—подвигъ Прометея. Надо еще зажечь огонь въ человѣкѣ, надо еще раздуть этотъ огонь въ яркое пламя, надо указать человѣку цѣль жизни, показать идеалъ и возбудить стремленіе къ достиженію этого идеала. Вотъ этой то выразительницей идеаловъ своего времени и была и есть литература, и въ этомъ ея огромное педагогическое значеніе.

Много тысячелѣтій прожило человѣчество въ полудикомъ состояніи, когда идеаломъ человѣка считался воинъ наиболѣе сильный, ловкій и хитрый т. е. наиболѣе приспособленный къ тому, чтобы убивать своихъ враговъ. Литература того времени стремилась возбуждать въ своихъ слушателяхъ тѣ чувства, которыя соотвѣтствовали идеальному воину и рисовала картины, быть можетъ, непріятныя для насъ, но несомнѣнно восхищавшія современниковъ. Вотъ небольшой образчикъ подобной литературы, заимствуемый нами изъ сочиненія Летурно.

«Слушайте мои крики вы, жрецы войны, я приготовляю для васъ пиршество! О, почему у меня нѣтъ крыльевъ орла, чтобы ринуться на непріятеля! Я испытываю нетерпѣніе его когтей, я слѣ-

Digitized by Google

дую за его полетомъ. Я посвятилъ свое тѣло духу сраженій, я заплѣснѣвѣлъ отъ бездѣйствія. Подобно орлу я пролечу сквозь ряды непріятелей; мой топоръ и мое копье покрываются ихъ кровью. Смотрите, други, что это развѣвается передъ моей хижиной. Это скальпы побѣжденныхъ, которыхъ я умертвилъ. О вы, молодые воины, упивайтесь видомъ браннаго поля! Бейте, нападайте, убивайте, наступилъ день отмщенія»! Летурно вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что приведенная пѣснь и многія другія того же рода являются простымъ рыканіемъ хищника. Но дѣло въ томъ, что въ то время человѣкъ еще былъ почти животнымъ, звѣремъ а потому и для борьбы за существованіе употреблялъ средства звѣря. Литература же стремилась возбудить въ немъ тѣ чувства, которыя могли дать ему побѣду въ этой безпощадной борьбѣ.

Если отбросить на минуту обычное преклоненіе передъ классической древностью, а отнестись къ ней болѣе или менѣе критически, то мы замѣтимъ, что у безсмертнаго Гомера раздаются собственно говоря тѣ же звѣриные крики, хотя и нѣсколько облагороженные. Когда смертельно раненный Гекторъ умоляетъ Ахиллеса не предавать его тѣло поруганію, но возвратить троянцамъ, Ахиллесъ отвѣчаетъ ему словами, достойными первобытнаго человѣка.

Но, исподлобья взглянувъ, отвѣчалъ Ахиллесъ богоравный:
«Не обнимай мнѣ колѣнъ, не тверди мнѣ, собака, о предкахъ!
Если бъ позволило сердце, я самъ, на куски изрубивши,
Съѣлъ бы сырымъ твое мясо, въ оплату за то, что ты сдѣлалъ.
Нѣтъ человѣка, кто бъ могъ отъ твоей головы ненавистной
Псовъ удалить, даже если-бъ онъ свѣсилъ и выкупъ доставилъ
Въ десять и въ двадцать разъ больше, и столько-бъ еще обѣщалъ мнѣ,
Если-бъ Пріамъ Дарданидъ повелѣлъ искупить твое тѣло
Золотомъ, равнымъ по вѣсу,—и то на одрѣ погребальномъ
Не обрядитъ тебя мать, не оплачетъ дитяти роднаго
Но безъ остатковъ пожрутъ твое тѣло собаки и птицы».

Но потомъ Ахиллесъ всетаки отступаетъ отъ принятаго рѣшенія, онъ отдаетъ Пріаму тѣло убитаго сына, онъ плачетъ вмѣстѣ съ Пріамомъ... Самъ же авторъ относится неодобрительно къ поруганію трупа Гектора, говоря про Ахиллеса: «на Гектора онъ *недостойное* дѣло замыслилъ». Между тѣмъ изъ самой поэмы мы видимъ, что никто изъ дѣйствующихъ лицъ не осуждаетъ поступка Ахиллеса, и что поруганіе тѣла убитаго врага было дѣломъ обычнымъ. Очевидно, что здѣсь авторъ становится выше своего времени, внушая объ уваженіи къ побѣжденному врагу т. е. стараясь вызвать въ слушателяхъ чувство, которое получило распространеніе только въ болѣе развитомъ обществѣ. Надо также сказать, что темы Гомера разнообразнѣе темъ американскихъ дикарей: у него не только убійства восхищаютъ современниковъ. У него уже есть понятіе о красотѣ, у него есть уже и Андромаха и Пенелопа. У Гомера Гекторъ снимаетъ съ себя шлемъ, чтобы не испугать ребенка: война у Гомера не является уже состояніемъ естествен-

Digitized by Google

нымъ, война является какъ бы случайнымъ событіемъ въ жизни народа, а состояніемъ обычнымъ считается миръ.

Поэты какъ наставники человѣчества создали религіозные гимны, рисовали человѣчеству боговъ, возбуждали въ немъ религіозное чувство и они же первые, когда переросли свое созданіе, когда увидѣли недостатокъ старинныхъ формъ, въ которыхъ выливалось религіозное чувство человѣчества;—они первые явились критиками древняго культа, они первые возстали противъ него во имя высшаго нравственнаго начала, сознаннаго передовыми умами.

Въ ту эпоху торжества античной религіи, когда побѣдоносныхъ полководцевъ казнили за несоблюденіе религіозныхъ обрядовъ, когда обвиненіе въ невѣріи было такимъ серьезнымъ обвиненіемъ, которое влекло за собою смерть, въ такое время Эсхилъ рисуетъ намъ удивительно привлекательную и величавую фигуру перваго протестанта Прометея, который съ могучимъ пафосомъ говоритъ о ничтожествѣ Зевса.

. . . . . для меня
Зевесъ—ничто! Пускай онъ править міромъ,—
Царить ему недолго суждено...
. . . . . .
....Пусть же мечетъ въ меня
Богъ снопами огней смертоносныхъ,
Пусть Эѳиръ поколеблетъ раскатомъ громовъ
Пусть такой ураганъ онъ подыметъ,
Чтобъ земля содрогнулась на вѣчныхъ корняхъ,
Пусть безумствуя въ бурѣ смѣшаетъ
Волны моря съ огнями небесныхъ свѣтилъ,
Увлечетъ въ глубину мое тѣло,
Въ преисподнюю сброситъ,—убить до конца
Онъ не можетъ меня: я безсмертенъ!

Такой образъ протестующаго титана даетъ намъ поэтъ, котораго считаютъ проникнутымъ благоговѣніемъ къ богамъ и уваженіемъ къ старымъ формамъ жизни. Что же можно ожидать въ такомъ случаѣ отъ поэта скептика, какимъ былъ Эврипидъ. Дѣйствительно, Эврипидъ глубоко человѣченъ въ основѣ своихъ произведеній, онъ сынъ новаго времени и передъ его человѣчностью значеніе старыхъ боговъ должно померкнуть. Онъ бросаетъ имъ прямо обвиненіе: «Вы, боги. вводите насъ въ жизнь, вы впутываете несчастнаго въ преступленіе и предоставляете его карѣ постигающей преступленія». Онъ смѣло обвиняетъ олимпійцевъ въ несправедливости. «Справедливо-ли, говоритъ онъ, если боги, начертавшіе намъ законы, первые становятся нарушителями ихъ? За что обвинять людей, если они подражаютъ порокамъ боговъ, которые подаютъ имъ столь пагубные примѣры?»

Говоря о великихъ греческихъ поэтахъ Эсхилѣ и Эврипидѣ, нельзя не упомянуть и о третьемъ, быть можетъ величайшемъ изъ нихъ—Софоклѣ.

Digitized by Google

Въ то время когда лучшіе люди Греціи считали государство не однимъ изъ средствъ жизни, главнѣйшею цѣлью жизни, когда умереть за отечество считалось величайшимъ подвигомъ, когда Сократъ, «мудрѣйшій изъ грековъ», во имя идеи государства подчинился несправедливому смертному приговору; въ это время Софоклъ въ своей Антигонѣ изображаетъ борьбу вѣчнаго божественнаго закона любви съ требованіями государственной власти. Креонъ велѣлъ подъ страхомъ смертной казни оставить тѣло Полиника безъ погребенія, какъ врага государства. Но Антигона, какъ любящая сестра, рѣшается пожертвовать своей жизнью и, исполняя требованіе своей совѣсти, предаетъ тѣло брата погребенію. Антигона гибнетъ, но зритель выноситъ благотворное сознаніе, что божественный законъ любви стоитъ выше всѣхъ требованій государства.

Переходъ отъ Софокла къ Шекспиру врядъ ли можетъ показаться слишкомъ рѣзкимъ, если принять во вниманіе общее пониженіе культуры, вызванное въ Европѣ великимъ переселеніемъ народовъ. Но, несмотря на то, что геніальнаго англичанина и называли пьянымъ дикаремъ, порицая грубость нарисованныхъ имъ картинъ, въ сочиненіяхъ Шекспира мы находимъ цѣлый рядъ положительныхъ типовъ. Человѣкъ уже далеко ушелъ отъ животнаго: онъ можетъ любить не за физическую красоту, а изъ участія, какъ Дездемона, онъ можетъ прощать обиды, какъ это дѣлаетъ Корделія; онъ можетъ, сомнѣваясь, возвышаться до Гамлета. Еще одинъ шагъ, и мы переходимъ отъ Шекспира къ Гете и отъ Гамлета къ Фаусту, который послѣ долгихъ скитаній находитъ свой идеалъ въ работѣ на пользу ближнимъ, въ служеніи человѣчеству. Этотъ идеалъ свѣтитъ намъ путеводной звѣздою и до сихъ поръ и еще долго люди будутъ учиться у великаго творца Фауста и онъ научитъ ихъ лучше, чѣмъ сорокъ тысячъ педагоговъ.

Но одними положительными типами еще не исчерпывается педагогическое значеніе литературы. Литература обладаетъ двумя способами прививки идеаловъ. Она можетъ показать прекрасное и заставить его полюбить и заставить стремиться къ нему, но можетъ показать и идола во всемъ его безобразіи, раскрыть весь ужасъ порока и возбудивъ чувства отвращенія и негодованія заставить человѣка искать прекрасное.

Жизнь съ каждымъ вѣкомъ дѣлается все сложнѣе и сложнѣе, добро и зло переплетаются между собою такъ тѣсно, дорога къ идеалу становится такъ сбивчива, что является особенная потребность въ такой литературѣ, которая бы разоблачала ложь, срывала покрывала съ идоловъ и маски съ лицемѣровъ. Поэтъ, высоко цѣнившій значеніе литературы, въ такихъ словахъ взывалъ къ ея благотворному вліянію:

Digitized by Google

Вооружись небесными громами,
Нашъ падшій духъ взнеси на высоту,
Чтобъ человѣкъ не мертвыми очами
Могъ созерцать добро и красоту.
Казни корысть, убійство, святотатство,
Сорви вѣнцы съ предательскихъ головъ,
Увлекшихъ міръ съ пути любви и братства,
Стяжаннаго усильями вѣковъ,
На путь вражды!....

У литературы, которая «проповѣдуетъ любовь враждебнымъ словомъ отрицанія», всегда было и будетъ очень много враговъ. Путь писателя, раскрывающаго передъ обществомъ его язвы—тернистый путь. Но бываютъ въ жизни этого писателя минуты, заставляющія его забывать горечь жизни, эти минуты бываютъ тогда, когда удастся ему хоть не надолго показать людямъ ихъ заблужденіе и когда удается ему пригвоздить современнаго идола, навѣки пригвоздить къ позорному столбу. Такіе позорные столбы, съ пригвожденными на нихъ идолами, можно найти во всѣхъ литературахъ. Существуютъ они, существуютъ въ достаточномъ количествѣ и въ нашей литературѣ. Это хорошія учебныя пособія для человѣчества.

Для того, чтобы быть хорошимъ педагогомъ, необходима любовь къ этому занятію, необходимо, чтобы человѣкъ вполнѣ свободно по искреннему желанію взялся бы за педагогическую дѣятельность. Намъ приходится иногда наблюдать жалкое зрѣлище—видѣть педагога раба. Гонимый нуждой, человѣкъ можетъ поневолѣ продать себя и взяться за дѣло, къ которому у него нѣтъ никакой охоты. Участь этого человѣка печальная, и печальны бываютъ результаты его работы.

Литераторы не представляютъ исключенія среди педагоговъ. Литература точно также бываетъ и свободная и купленная. Печальна бываетъ судьба купленной литературы! Все равно, за что бы ни былъ купленъ писатель и подъ вліяніемъ какихъ бы обстоятельствъ онъ ни продавалъ себя. Съ голоду ли, или изъ стремленія къ роскоши, къ почестямъ, къ извѣстности, все равно. Наказаніе будетъ ужасное. Продавшій себя писатель теряетъ самое дорогое—способность вліять на читателя, способность находить сочувственный откликъ въ душѣ читателя. Дорога къ тому идеалу, къ которому писатель звалъ раньше—утеряна. То зеркало, въ которомъ писатель давалъ изображенія жизни, искривилось и даетъ какія то уродливыя, невѣрныя отраженія. Зеркало продолжаетъ блестѣть, оно даже можетъ находить почитателей среди людей съ извращеннымъ вкусомъ, среди цѣнителей уродливости, но надъ писателемъ надо поставить крестъ. Такой

Digitized by Google

же крестъ приходится ставить и надъ писателемъ другого порядка, писателемъ купленнымъ не людьми, но красотой формы. Всякая работа стремится создать для себя работника спеціалиста. Педагогъ, который обращаетъ особенное вниманіе на внѣшнія формы преподаванія, кончаетъ тѣмъ, что не видитъ уже ни чего, кромѣ кляксъ въ тетрадяхъ и ученическихъ причесокъ. Литераторъ, который обращаетъ особенное вниманіе на красоту формы, кончаетъ тѣмъ, что для краснаго словца не только не пожалѣетъ ни мать, ни отца, но готовъ пожертвовать чѣмъ угодно за красивую фразу, за звонкое созвучіе. Вліяніе такого писателя къ счастью бываетъ ничтожное.

Говоря о педагогическомъ значеніи литературы, нельзя не упомянуть модное въ наше время слово декадентство. Мы не будемъ здѣсь говорить о декадентствѣ, какъ о направленіи. Направленіе декадентства трудно уловимо. Декадентство—это что то неопредѣленное, недосказанное. Кажется слышно что то искреннее, задушевное, вотъ-вотъ сейчасъ станетъ ясно, о чемъ идетъ рѣчь, вотъ-вотъ сейчасъ произнесено будетъ что то серьезное. И вдругъ рядъ безсвязныхъ словъ обрываетъ недосказанную мысль, и читателю остается только вѣрить, что декадентъ собирался сказать что то великое да раздумалъ, или, можетъ быть, и сказалъ, да его никто не понялъ. Декадентство явленіе далеко не новое и распространено гораздо больше, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Напрасно думаютъ, что декадентство занесено къ намъ съ Запада. Декаденты имѣлись у насъ въ большомъ количествѣ еще при московскихъ царяхъ и великихъ князьяхъ, только назывались они не декадентами, а юродивыми. Въ самомъ дѣлѣ, при стеченіи благопріятныхъ условій, при болѣе значительныхъ дарованіяхъ изъ человѣка могъ бы выработаться истинный выразитель идеаловъ своего времени, могъ явиться вдохновенный пророкъ, способный жечь сердца людей. Но время было неблагопріятное, запасъ духовныхъ силъ былъ невеликъ, и въ результатѣ получился псевдовдохновенный человѣкъ, говорящій нескладныя рѣчи, въ которыхъ иногда проскальзываетъ что-то разумное: иногда слышится протестъ противъ современнаго идола, въ родѣ протеста Никиты Саллоса. Но все это какъ то случайно, неожиданно и неопредѣленно. Многіе смотрѣли на этихъ декадентовъ серьезно, старались проникнуть въ смыслъ ихъ несвязныхъ рѣчей, видя въ этихъ несчастныхъ всетаки носителей высшаго идеала Христа, ради котораго они юродствовали. Можетъ быть и теперь найдутся легковѣрные люди, которые будутъ смотрѣть съ такимъ же благоговѣніемъ на современныхъ декадентовъ, смотря на нихъ какъ на истинныхъ служителей слова, провозвѣстниковъ грядущей Правды. Въ этомъ заключается антипеда-

Digitized by Google

гогическое значеніе декадентства. Туманъ, неясность и какая то таинственность декадентства можетъ при извѣстной долѣ таланта привлекать къ себѣ читателей и отвлекать ихъ отъ исканія правды, которая проста и не нуждается въ тайнѣ.

Совершенную противоположность декадентству представляетъ натуралистическая школа. Это—сама жизнь, здѣсь, начиная съ языка, все открыто, все ясно. Авторъ «глядитъ равно на правду и неправду, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва». Авторъ похожъ на учителя плаванья, который бросаетъ своего ученика въ воду и говоритъ: вотъ тебѣ школа, учись плавать, а самъ отходитъ въ сторону.

Превосходство въ педагогическомъ отношеніи всегда остается за тѣмъ писателемъ, который не остается безучастнымъ изобразителемъ жизненныхъ явленій, который и любитъ, и ненавидитъ, и умѣетъ передать эти чувства своимъ читателямъ. За этимъ писателемъ будущее, потому что онъ не только изображаетъ современную жизнь, но и создаетъ общество будущаго. Описывая современное общество и указывая на идеалъ, авторъ незамѣтно закладываетъ въ душѣ читателя основы для идеальнаго общества будущаго. Завоевывая будущее и развиваясь въ глубь, литература не забываетъ распространяться и въ ширь и открываетъ новые міры тамъ, гдѣ напрасно работали бы и микроскопъ и телескопъ. Развѣ не было открытіемъ для человѣчества «Хижина дяди Тома»? Бичеръ-Стоу открыла неизвѣстную до тѣхъ поръ человѣческую породу, она открыла негра-человѣка. Точно также наши писатели Григоровичъ, Тургеневъ и Толстой открыли мужика-человѣка. А Достоевскій, открывшій «Мертвый Домъ», а Помяловскій, открывшій Бурсу? Даже маленькій разсказъ Рѣшетникова «Подлиповцы» является несомнѣннымъ открытіемъ цѣлаго міра. И каждое изъ этихъ открытій являлось такимъ благотворнымъ урокомъ для читателей, съ которымъ врядъ ли могутъ сравниться самыя блестящія наставленія нашихъ патентованныхъ педагоговъ.

Жизнь идетъ впередъ, жизнь развивается и дѣлается все сложнѣе и сложнѣе. Каждое новое поколѣніе приноситъ съ собою новый матерьялъ для литературы. И каждое новое поколѣніе получаетъ познаніе міра отъ двухъ категорій наставниковъ. Одни наставники стараются наблюдать за тѣмъ, чтобы ученика набили возможно большимъ количествомъ свѣдѣній, они объявляютъ войну его личности, они не желаютъ знать его способностей, они говорятъ: ты долженъ быть какъ всѣ, вотъ форма, полѣзай въ нее и хочешь не хочешь, а мы тебя отформуемъ. Это наставники современной школы...

Другіе наставники раскрываютъ передъ ученикомъ жизнь

Digitized by Google

говорятъ: вотъ жизнь! Смотри на нее, изучай и выбирай себѣ работу по способностямъ. Они уясняютъ ему его собственный душевный міръ; они плачутъ вмѣстѣ съ нимъ и раздѣляютъ его радость, они живутъ съ нимъ одной жизнью и говорятъ ему какъ любящіе братья: такъ вдали свѣтитъ идеалъ, къ которому ты долженъ стремиться, насколько хватитъ твоихъ силъ и умѣнья, потому что въ этомъ стремленіи твое благо.

Это наставники человѣчества...

А. Хирьяковъ.

Digitized by Google

Изъ области знаній.

Искусственное золото.

(Очеркъ изъ исторіи химіи).

За послѣднее время наблюдается возобновленіе попытокъ получить искусственнымъ путемъ золото. Я говорю *возобновленіе*, потому что такія попытки отнюдь не новы въ исторіи человѣчества—онѣ встрѣчались еще въ глубокой древности и повторялись безпрерывно почти вплоть до нашего столѣтія и только одно время были оставлены, какъ невозможныя, благодаря измѣненію воззрѣній на строеніе вещества, чтобы теперь снова возобновиться, опираясь на послѣдніе выводы и предположенія теоретической химіи.

Вполнѣ понятно, что для изслѣдователей было особенно заманчиво полученіе не какого нибудь другого вещества искусственнымъ образомъ, а именно золота, въ виду его цѣнности. Эта мысль настолько поглощала древнихъ ученыхъ, что они не вносили никакого другого содержанія въ науку, носившую имя химіи, и самое это слово (χημεία) объясняли, какъ приготовленіе золота и серебра. Названіе химіи, всего вѣроятнѣе, происходитъ отъ греческаго глагола χέω—плавить, растапливать; впослѣдствіи той спеціальной части этой науки, которая насъ интересуетъ, было присвоено особенное названіе алхиміи, происшедшее отъ того же греческаго корня прибавленіемъ къ нему халдейской или персидской частицы *ал*. Отношеніе древнихъ къ химіи проглядываетъ отчасти въ тѣхъ названіяхъ, подъ которыми она была извѣстна у нѣкоторыхъ народовъ, какъ, напримѣръ, тайное искусство, божественная наука, сокровенная наука и пр.

Чтобы понять законность возникновенія идей о возможности перехода одного металла въ другой, намъ необходимо уяснить себѣ общее міровоззрѣніе изслѣдователей этого предмета, а также и то, на какихъ данныхъ было построено это міровоззрѣніе. Какъ и въ большинствѣ другихъ наукъ, первыми дѣятелями въ области алхиміи были египетскіе жрецы, занимавшіеся ею въ лабораторіяхъ, устроенныхъ при египетскихъ храмахъ. Не смотря на ограниченность ихъ свѣдѣній, имъ удавалось дойти химическимъ путемъ до нѣкоторыхъ чрезвычайно интересныхъ для насъ опытовъ. Сплавливая серебряносвинцовую руду въ сосу-

Digitized by Google

дѣ, гдѣ находится также зола или измельченныя кости, они видятъ, что свинецъ превращается въ порошокъ, а на днѣ сосуда остаются капли чистаго серебра. Разсуждая о сущности этого опыта, было вполнѣ логично придти къ мысли, что свинецъ превратился въ серебро. Точно также можно было придти къ заключенію, что желѣзо переходитъ въ мѣдь, на основаніи хотя бы такого опыта. Мѣдь подвергается дѣйствію крѣпкой кислоты и черезъ нѣкоторое время исчезаетъ, образуя зеленую жидкость, прозрачную, какъ чистая вода. Если въ такую жидкость положить желѣзную пластинку, то мѣдь выдѣлится на ней въ обыкновенномъ видѣ, въ то время, какъ количество желѣза уменьшится.

Разсматривая эти, и подобные имъ, опыты, доступные древнимъ, мы должны признать, что теорія ихъ о превращаемости металловъ имѣла основаніемъ дѣйствительно реальные факты, настоящаго пониманія которыхъ отъ нихъ невозможно требовать. На дальнѣйшее развитіе химическихъ взглядовъ древнихъ ученыхъ имѣло большое вліяніе ихъ общее міровоззрѣніе; общераспространенная теорія строенія вещества, считавшая элементами всѣхъ тѣлъ природы—и, въ частности металловъ,—сѣру и ртуть, еще болѣе поддерживала въ нихъ идею превращаемости. Не слѣдуетъ также забывать, что всѣ отрасли древней науки были проникнуты до крайности духомъ мистицизма; общей участи не избѣгла и алхимія. Алхимики не ограничивались одними дѣйствительными фактами; они полагали, что въ искусственномъ образованіи драгоцѣнныхъ металловъ много значатъ всевозможныя кабалистическія слова и заклинанія. Такимъ таинственнымъ словомъ было, напримѣръ, ІЕНОИА, которое писалось обыкновенно внутри равносторонняго треугольника и имѣло, по мнѣнію алхимиковъ, огромную магическую силу. Употребленное при извѣстныхъ условіяхъ, оно, будто бы, могло сдвигать горы, содѣйствовать превращенію металловъ и вообще однихъ тѣлъ природы въ другія. Заходя все далѣе и далѣе въ своихъ фантастическихъ измышленіяхъ, алхимики пришли, наконецъ, къ мысли о философскомъ камнѣ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточились всѣ таинственныя силы. Подъ именемъ философскаго камня разумѣлось нѣчто такое, что имѣло огромное значеніе во всевозможныхъ вопросахъ — религіозныхъ, астрологическихъ, космогоническихъ,—обладало способностью дать своему владѣтелю нескончаемую жизнь, здоровье и богатство и, между прочимъ, могло превращать въ золото неблагородные металлы.

Довольно часто приходится замѣчать, что нѣкоторые писатели древности не считали нужнымъ придерживаться въ своихъ произведеніяхъ строгой истины. Только этимъ и можно объяснить нѣкоторые отрывки изъ сочиненій III, IV, V вв. послѣ Р. Х., трактующіе объ алхиміи, потому что, если принять на вѣру свидѣтельство ихъ авторовъ объ ихъ умѣньи получать искусственное золото, то остается только удивляться, почему исторія не сохранила извѣстій объ огромныхъ богатствахъ, полученныхъ ими такимъ путемъ. Среди такого рода писателей слѣдуетъ

Digitized by Google

упомянуть о псевдо-Демокритѣ, который даетъ слѣдующій рецептъ приготовленія золота. «Возьмите ртуть и смѣшайте ее съ магнезіей или оловомъ, привозимымъ изъ Италіи, или же съ непрокаленной сѣрой, или съ мышьякомъ, съ чѣмъ, однимъ словомъ, захотите. Бросьте этотъ бѣлый порошокъ на мѣдь, и вы увидите, что она побѣлѣетъ. Бросьте красный порошокъ на серебро и вы получите золото; если же вы бросите его на золото, то получите королекъ сгущеннаго золота. Красный порошокъ получается изъ сандарака (можжевельной смолы), а также изъ хорошо приготовленнаго мышьяка и киновари». Красный порошокъ, обладающій по словамъ псевдо-Демокрита такой чудодѣйственной силой, есть, по всей вѣроятности, не что иное, какъ сѣрнистый мышьякъ или же даже просто чистая киноварь. Что же касается выраженія *королекъ золота*, то подъ нимъ подразумѣвалась, такъ сказать, эссенція золота, что то напоминающее философскій камень въ одномъ изъ его свойствъ— давать при посредствѣ одной крупинки его большое количество золота. Очевидно, что взятыя сами по себѣ подобныя работы не представляютъ ничего интереснаго и значительнаго съ научной точки зрѣнія; но тѣмъ не менѣе, фантастическія предпріятія подобнаго рода принесли значительную пользу химіи, поддерживая въ адептахъ ея стремленіе къ занятіямъ, въ результатѣ которыхъ могла получиться такая нешуточная награда, какъ возможность имѣть въ своемъ распоряженіи какое угодно количество золота. Преслѣдуя чисто утилитарныя цѣли, ученые получали все новыя и новыя эмпирическія данныя, открывали постепенно новыя комбинаціи извѣстныхъ ранѣе веществъ и получали новыя вещества; полученныя такимъ образомъ, въ сущности случайно, свѣдѣнія прилагались въ практикѣ задолго до того времени, когда они были разъяснены и оправданы теоріей. Именно такимъ путемъ химія дошла до того состоянія, въ которомъ мы застаемъ ее въ половинѣ VIII в.

Въ это время во всѣхъ странахъ, находившихся подъ владычествомъ арабовъ, замѣчается значительное развитіе всѣхъ отраслей науки и, между прочимъ, химіи. Взгляды на эту послѣднюю, какъ увидимъ изъ послѣдующаго, остались прежними, но въ этотъ промежутокъ времени было сдѣлано многое со стороны пріобрѣтенія практическихъ знаній. Первымъ и наиболѣе замѣчательнымъ арабскимъ химикомъ слѣдуетъ признать Гебера, называемаго также Абу-Мусса-Джафаръ-Аль-Софи. Въ его сочиненіяхъ упоминается незначительное число металловъ, но свойства ихъ были уже достаточно хорошо извѣстны ему. Онъ умѣлъ соединять ртуть съ золотомъ, серебромъ, свинцомъ, оловомъ и мѣдью, зналъ, что эти металлы соединяются между собою не одинаково легко, имѣлъ свѣдѣнія о плотности ихъ, примѣнялъ нагрѣваніе для окисленія этихъ металловъ. Ему были извѣстны такія вещества, какъ поташъ и сода, первый онъ приготовлялъ сжиганіемъ виннаго камня, а вторую— пережигая морскія растенія. Кромѣ того, онъ пользовался уже сѣрной, азотной, уксусной кислотами и царской водкой, вслѣдствіе чего могъ

Digitized by Google

изготовлять многія искусственныя соли, а также растворять золото. Геберъ умѣлъ также примѣнять такія химическія операціи, какъ перегонка веществъ, кристаллизація и фильтрованіе ихъ. Обращаясь къ теоретической сторонѣ работъ Гебера мы видимъ, что онъ почти совершенно не интересовался объясненіемъ наблюдаемыхъ имъ явленій, а также изслѣдованіемъ происхожденія отдѣльныхъ полученныхъ имъ препаратовъ. Задача всѣхъ его работъ — превращеніе металловъ. Высшая цѣль, которую онъ преслѣдовалъ, было приготовленіе философскаго камня, и всѣ его наблюденія были сдѣланы по пути къ этой цѣли. Геберъ не говоритъ, что ему удалось разрѣшить эту задачу, онъ только стремится приблизиться по возможности къ такому рѣшенію, старается доказать превращаемость металловъ, подтверждая ее имѣющимися у него теоретическими и опытными соображеніями. Опытныя доказательства Гебера сводятся отчасти на невѣрныя наблюденія, а отчасти состоятъ въ томъ, что, изготовивъ составъ, въ какомъ либо отношеніи похожій на золото или серебро, онъ уже считаетъ это шагомъ, приближающимъ его къ рѣшенію вопроса. Мѣдь, по его мнѣнію, представляетъ нѣчто среднее между золотомъ и серебромъ и поэтому ее можно превратить и въ то, и въ другое. Это заключеніе имѣетъ основаніемъ то наблюденіе, что мѣдь при сплавленіи съ галмеемъ даетъ золотисто желтый, а съ мышьякомъ серебристо бѣлый металлъ; такое измѣненіе цвѣта казалось Геберу началомъ перехода одного металла въ другой. Взглядъ его на природу металловъ былъ тотъ же, что и у древнихъ ученыхъ, именно, что всѣ металлы состоятъ изъ сѣры и ртути. Геберъ полагалъ, что такой взглядъ подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что золото, серебро, свинецъ и олово соединяются съ ртутью, а ртуть, по его мнѣнію можетъ соединяться только съ тѣми веществами, которыя имѣютъ одинаковую природу съ ней. Мы не станемъ останавливаться на другихъ алхимикахъ этого періода. Геберъ, какъ было уже сказано, работалъ въ интересующей насъ области болѣе всѣхъ другихъ, остальные же ученые этого времени ничѣмъ особенно не выдаются въ этой части науки; къ тому же вопросомъ о приготовленіи золота они занимались попутно, ставя на первый планъ врачебную сторону химіи.

Наиболѣе широкое распространеніе алхимія получила въ XIII вѣкѣ, что объясняется настроеніемъ умовъ того времени, получившимся отчасти, какъ результатъ историческихъ событій того времени. Завоеваніе греческой имперіи дало возможность французамъ ознакомиться съ восточными мистическими науками, кромѣ того, перевезти многіе манускрипты изъ Константинополя во Францію, откуда они распространились и по другимъ странамъ Западной Европы. Средневѣковый мистицизмъ въ соединеніи съ восточными таинственными искусствами далъ богатую почву столь фантастической наукѣ, какъ алхимія. Чувственное воспріятіе отвергается въ это время одинаково какъ физиками, такъ и философами; единственнымъ вѣрнымъ и законнымъ методомъ въ наукѣ при-

Digitized by Google

знается тотъ, который исходитъ изъ идеи объ абсолютномъ, о первопричинѣ, и, въ концѣ концовъ, опять приводитъ къ ней же. Тайны религіи и мистическихъ чиселъ не менѣе, чѣмъ во времена Пиѳагора, прилагаются ко всему, что занимаетъ человѣческій умъ и составляютъ основы метода и ученій естественныхъ наукъ. Ученые того времени усердно изучали Аристотеля; въ ихъ глазахъ его сочиненія были высшимъ авторитетомъ для всей науки, даже въ экспериментальной ея части. Это было время, когда высшіе слои общества были положительно охвачены страстью къ алхиміи. Многіе изъ посвятившихъ себя ей жертвовали всѣмъ своимъ богатствомъ, временемъ, даже здоровьемъ и жизнью въ поискахъ за философскимъ камнемъ; обманутые въ своихъ надеждахъ и доведенные до послѣдней степени нищеты они, тѣмъ не менѣе, до самой смерти упорно занимались своими химерическими предпріятіями. Среди алхимиковъ этого періода особеннаго вниманія заслуживаетъ Альбертъ Великій, какъ человѣкъ несомнѣнно выдающійся по своимъ способностямъ и личнымъ качествамъ, отказавшійся отъ предстоявшей ему блестящей духовной карьеры и посвятившій всю свою жизнь этой фантастической наукѣ не по легкомысленному увлеченію, а послѣ долгаго изученія всѣхъ доводовъ за и противъ возможности превращенія металловъ. Мы можемъ составить себѣ довольно точное представленіе о состояніи алхиміи въ средніе вѣка на основаніи его трактата *De alchimia,* замѣчательнаго по своей глубинѣ и безпристрастію, а также ясности, такъ рѣдко встрѣчаемой въ произведеніяхъ той эпохи. Альбертъ Великій такъ разсказываетъ въ этомъ сочиненіи о томъ, какъ онъ сдѣлался алхимикомъ. «Я зналъ многихъ богатыхъ ученыхъ, аббатовъ, правителей, канониковъ, физиковъ и даже необразованныхъ людей, которые потеряли и время и деньги, занимаясь этимъ искусствомъ. Тѣмъ не менѣе ихъ примѣръ не устрашилъ меня. Я работалъ безъ отдыха, я путешествовалъ изъ страны въ страну, задавая себѣ вопросъ: если это возможно, то какимъ образомъ возможно, а если оно (т. е. превращеніе металловъ) невозможно, то почему? Въ концѣ концовъ я убѣдился, что пришелъ, повидимому, къ познанію того, что *превращеніе серебра въ золото возможно*». Въ этомъ же трактатѣ онъ даетъ нѣкоторыя практическія указанія относительно образа жизни, наиболѣе подходящаго для алхимика. Изъ этихъ указаній особенно интересно то, гдѣ онъ совѣтуетъ избѣгать всякихъ сношеній съ сильными міра сего. Не трудно понять значеніе такого совѣта: случись алхимику открыть секретъ приготовленія золота, онъ, разъ объ его открытіи дойдетъ слухъ до какого нибудь владѣтельнаго князя, могъ бы попасть въ пожизненное заключеніе, чтобы своей работой обогащать своего господина. Альбертъ Великій приводитъ слѣдующіе доводы въ подтвержденіе идеи о превращаемости металловъ. «Всѣ металлы однородны по своей сущности; они отличаются одинъ отъ другого только по наружному виду. Наружный же видъ зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, которыя ученый по мѣрѣ воз-

Digitized by Google

можности открываетъ и устраняетъ. Эти случайныя причины препятствуютъ правильной комбинаціи сѣры и ртути, ибо каждый металлъ есть сочетаніе сѣры и ртути. Больная мать можетъ дать жизнь только чахлому и болѣзненному ребенку, хотя бы сѣмя и было здоровымъ; то же самое происходитъ и съ металлами, которые зарождаются въ утробѣ земли, служащей имъ матерью; какая нибудь случайность или мѣстное заболѣваніе производятъ неблагородный металлъ. Когда чистая сѣра встрѣчается съ чистой ртутью, то черезъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ онѣ образуютъ золото въ силу постоянной жизнедѣятельности природы. Вещества неизмѣнны и ни при какихъ условіяхъ не могутъ превращаться одно въ другое; но свинецъ, мѣдь, желѣзо, серебро и пр. не самостоятельныя вещества; сущность ихъ одна и та же и только различія формы ея кажутся вамъ различіемъ самого вещества».

Въ высшей степени поучителенъ взглядъ на алхимію одного изъ наиболѣе извѣстныхъ въ наукѣ современниковъ Альберта Великаго, именно Роджера Бэкона. Какъ могъ смотрѣть на эту науку такой ученый-энциклопедистъ, какъ Бэконъ, ставившій основаніемъ всѣхъ знаній математику и относившійся пренебрежительно ко всему сверхъестественному? Слѣдуетъ замѣтить, что Бэконъ, въ противуположность всѣмъ своимъ современникамъ, проникнутымъ въ большинствѣ случаевъ духомъ схоластики, придерживался исключительно экспериментальнаго метода въ наукѣ; но, опираясь, на теорію строенія вещества, признанную всѣми его современниками, онъ всетаки приходитъ къ выводу, что въ принципѣ искусственное приготовленіе металловъ не представляетъ ничего невозможнаго. «Невозможно, говоритъ онъ, творить деревья, потому что растенія состоятъ изъ весьма разнородныхъ элементовъ, но не такъ съ металлами, ибо природа всѣхъ ихъ одинакова». Однако, первое желаніе приготовленія металловъ — это разложеніе ихъ на элементы. Что касается взгляда Бэкона на практическую осуществимость идеи алхимиковъ, то тутъ то именно и проявляется преимущество его позитивнаго условія въ сравненіи съ другими учеными той эпохи, хотя онъ, повидимому и предполагаетъ, что они смотрятъ на это дѣло совершенно согласно съ нимъ. Бэконъ полагаетъ, что золото получается, какъ результатъ работы силъ природы, потраченной для его образованія. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ, желающій искусственно приготовить золото, долженъ произвести точно такую же работу для достиженія этой цѣли, какъ и природа. Но природа не считаетъ вѣковъ, затраченныхъ ею, между тѣмъ какъ въ распоряженіи человѣка находится крайне ограниченный промежутокъ времени; вопросъ, слѣдовательно, сводится на то, чтобы въ короткое время произвести ту же самую работу. Съ точки зрѣнія Бэкона философскій камень есть не что другое, какъ средство такого ускоренія работы.

За весь разсмотрѣнный нами періодъ времени мы постоянно встрѣ-

Digitized by Google

чали мнѣніе, что золото можно получить искусственнымъ путемъ; мы видѣли многія попытки приготовить его, но до сихъ поръ еще не встрѣчали сколько нибудь вѣроятнаго свидѣтельства о томъ, что оно было дѣйствительно приготовлено. А, между тѣмъ, подобныя свидѣтельства о полученіи его имѣются въ исторіи науки и мы теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію двухъ подобныхъ фактовъ, относящихся къ XIII и XIV столѣтіямъ.

Раймондъ Люлль родился въ Майоркѣ въ 1235 году. Его отецъ избралъ для него военную карьеру и не далъ ему почти никакого образованія, какъ это дѣлала вся знать того времени. До сорока лѣтъ Люлль велъ разсѣянный образъ жизни, но затѣмъ внезапно удалился изъ свѣта и посвятилъ себя всецѣло философіи, теологіи и проповѣди христіанской вѣры. Предполагая, что Эдуардъ II англійскій и Робертъ шотландскій желаютъ предпринять крестовый походъ противъ магометанъ, Люлль для осуществленія этого предпріятія предложилъ имъ открыть тайну философскаго камня. Самъ онъ разсказываетъ, что ему въ присутствіи англійскаго короля удалось превратить въ золото 50,000 фунтовъ ртути, свинца и олова. Авторы XVI и XVII вѣковъ разсказываютъ, что Люлль былъ заключенъ въ Тоуэръ, гдѣ онъ былъ обязанъ приготовлять золото для короля, и что сохранялись монеты, приготовленныя изъ этого золота и носящія названіе *nobles à la rose* или *nobles de Raymond*. Что касается алхимическихъ сочиненій Люлля, то они не только не даютъ чего либо новаго, но даже и извѣстныя прежде вещи излагаютъ крайне туманнымъ образомъ.

Перейдемъ ко второму факту. Героемъ этой исторіи былъ Николай Фламель, родомъ изъ окрестностей Парижа, писецъ по профессіи, человѣкъ мало образованный и жившій съ женой на свои скромные заработки. Совершенно случайно, какъ онъ разсказываетъ, онъ купилъ однажды книгу, по его мнѣнію, написанную какимъ нибудь еврейскимъ ученымъ, въ которой описывалось искусственное приготовленіе золота. Однако, для того, чтобы вполнѣ понять текстъ этой книги, необходимо было добиться смысла аллегорическихъ картинъ, приложенныхъ къ ней. Фламель разсказываетъ, что послѣ долгихъ, но безуспѣшныхъ, стараній понять эти рисунки онъ рѣшилъ отправиться въ Испанію и тамъ отыскать ученыхъ евреевъ, которые могли бы помочь ему. Въ Леонѣ онъ, дѣйствительно, нашелъ такого ученаго и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Парижъ, чтобы вмѣстѣ разобрать книгу. Но уже по пути этотъ ученый объяснилъ Фламелю смыслъ картинъ, а затѣмъ, доѣхавъ до Орлеана заболѣлъ и вскорѣ послѣ того умеръ. По возвращеніи въ Парижъ Фламель принялся за алхимическія работы согласно съ указаніями книги и, придя къ благополучному результату, составилъ себѣ крупное состояніе.

Надо сознаться, что ни тотъ, ни другой разсказъ не внушаютъ особаго довѣрія. Раймондъ Люлль началъ свою научную дѣятельность со-

Digitized by Google

рока лѣтъ отъ роду, да и области ея, которыя его интересовали, мало соприкасались съ алхиміей; откуда же могъ онъ почерпнуть свои таинственныя знанія, которыя такъ мало выразились къ тому же въ его сочиненіяхъ? Писатели послѣдующихъ вѣковъ подтверждаютъ, что онъ умѣлъ дѣйствительно приготовлять золото; но писатели предыдущей эпохи оказывали такъ часто незаслуженное довѣріе всевозможнымъ баснямъ, что неудивительно, если и на этотъ разъ могло случиться подобное. Николай Фламель совершенно не претендуетъ на ученость. Онъ говоритъ, что его свѣдѣнія почерпнуты изъ таинственной книги. Мы не имѣемъ возможности провѣрить его разсказъ, но легко можетъ оказаться, что во всей этой исторіи справедливо одно: Николай Фламель былъ бѣденъ и затѣмъ внезапно разбогатѣлъ. Весьма возможно, что приключеніе съ книгой было выдумано имъ исключительно для объясненія этого факта, и, кромѣ того, введенный въ разсказъ Фламеля таинственный еврей, такъ внезапно умершій въ самое удобное для Фламеля время, невольно наводитъ на нѣкоторыя, не слишкомъ лестныя для этого послѣдняго, соображенія.

Начиная съ XVI вѣка страсть къ алхиміи начинаетъ мало по малу ослабѣвать подъ вліяніемъ развитія новыхъ взглядовъ на научные методы. Паденіе алхиміи произошло, конечно не сразу и еще въ XVI и XVII вѣкахъ мы видимъ много примѣровъ увлеченія ею; къ числу ея адептовъ въ этотъ періодъ принадлежатъ, напримѣръ, Денисъ Заккаріа, Блэзъ Виженеръ, Гастонъ Клавъ и множество другихъ. Нѣкоторые изъ алхимиковъ этого времени были несомнѣнными шарлатанами, но были между ними и люди вполнѣ честные, но безусловно преданные древнимъ ученіямъ, закрывавшіе глаза передъ новѣйшими успѣхами науки. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести упомянутаго выше Денися Заккаріа, который посвятилъ всю свою жизнь отысканію философскаго камня; современники утверждаютъ, что онъ въ концѣ концовъ добился своей цѣли, но ему не удалось воспользоваться плодами долголѣтней работы: онъ былъ убитъ немедленно послѣ того, какъ нашелъ свой секретъ. Примѣры подобныхъ убійствъ съ цѣлью завладѣнія чудодѣйственнымъ камнемъ были далеко нерѣдки въ эту, все еще крайне суевѣрную, эпоху. Они прекращаются только съ удаленіемъ со сцены самой алхиміи, сильно возбуждавшей жажду золота въ тѣхъ, кто интересовался ею.

Постепенное паденіе алхиміи началось, какъ уже было сказано, въ XVI столѣтіи, когда человѣческій умъ возсталъ противъ угнетавшей его столько времени схоластики. Это время было поворотнымъ пунктомъ одинаково какъ въ религіозной, такъ и въ научной области. Для этой послѣдней новая эра ознаменовалась расширеніемъ области опыта, отодвигавшаго на задній планъ прежній спиритуализмъ и постепенно подготовлявшаго ученыхъ къ принятію новыхъ теорій въ различныхъ областяхъ знанія. Въ частности это же самое можно сказать и объ ал-

Digitized by Google

химіи. Болѣе внимательное изученіе отдѣльныхъ химическихъ веществъ и ихъ свойствъ становится неизбѣжнымъ, когда медицина начинаетъ опираться на химію. Это изслѣдованіе даетъ начало химіи въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь ее понимаемъ, алхимія же сводится на роль частнаго вопроса всей науки. Металлы продолжаютъ еще нѣкоторое время считаться состоящими изъ сѣры, ртути и соли, и тѣ самые реформаторы, какъ, напримѣръ, Парацельзій и Ванъ-Гельмонъ, которые положили основаніе новой наукѣ, продолжаютъ оправдывать алхимію и объяснять право ея на существованіе. Парацельзій, какъ и прежніе алхимики, уподобляетъ процессъ образованія металловъ изъ минеральныхъ составныхъ частей росту дерева, которое даетъ побѣги, почки, затѣмъ цвѣты и, наконецъ, плоды. Алхимикъ, говоритъ онъ, подобенъ булочнику, который превращаетъ муку въ тѣсто, а тѣсто въ хлѣбъ. Природа доставляетъ сырой матеріялъ—первичныя вещества, дѣло же алхимика обработать его такъ, какъ ему нужно.

Парацельзій и Ванъ-Гельмонъ были представителями переходной эпохи химіи, той эпохи, когда уже начинало выясняться собственное ея значеніе, но тѣмъ не менѣе она все еще продолжала играть служебную роль въ другихъ наукахъ, главнымъ образомъ въ медицинѣ. Подобающее ей мѣсто химія получаетъ только въ трудахъ Роберта Бойля (1626—1691 г.); признавая важность медицинской части химіи, Бойль раскрываетъ и болѣе широкіе философскіе горизонты, дающіе руководящую нить въ этой наукѣ. «До сихъ поръ, говоритъ онъ, химики руководились узкими принципами при полномъ отсутствіи широкаго взгляда на дѣло. Ихъ работы не выходили изъ области приготовленія лѣкарствъ, добыванія и превращенія металловъ. Что касается меня, то я попытался взять совсѣмъ другую исходную точку зрѣнія: я смотрѣлъ на химію не какъ врачъ или алхимикъ, а какъ философъ. Я намѣтилъ планъ философіи химіи и былъ бы счастливъ, если бы мои опыты и наблюденія подтвердили его». Бойль разсматриваетъ объ древнія теоріи строенія вещества: изъ сѣры, ртути и соли или изъ другихъ четырехъ элементовъ:—земли, воздуха, воды и огня. Онъ не соглашается ни съ одной изъ нихъ и предполагаетъ, что не слѣдуетъ ограничивать число элементовъ тремя, четырьмя или пятью, потому что въ дѣйствительности ихъ можетъ оказаться гораздо большее количество. «Очень возможно, что одно сложное тѣло состоитъ только изъ двухъ первоначальныхъ веществъ, другое изъ трехъ и т. д.: такимъ образомъ, могутъ существовать вещества, состоящія изъ различнаго количества элементовъ. Болѣе того, сложное вещество можетъ имѣть составныя части, совершенно различныя по своей сущности, отличныя отъ вещества, изъ котораго состоятъ элементы другихъ тѣлъ, точно такъ же, какъ можно представить себѣ слово, которое не содержитъ буквъ, встрѣчающихся въ другомъ словѣ». Далѣе Бойль говоритъ: «Каково бы ни было число элементовъ, быть можетъ, настанетъ время, когда будетъ доказано, что они состоятъ изъ мельчайшихъ

Digitized by Google

неразличимыхъ частицъ, обладающихъ, однако, опредѣленной формой и величиной, и что отъ размѣщенія и комбинацій этихъ частицъ происходитъ множество сложныхъ веществъ. Если изъ кирпичей одинаковаго размѣра и цвѣта мы строимъ мосты, дороги и дома, измѣняя только расположенія этого однороднаго матерьяла, то во сколько разъ большее разнообразіе соединеній можетъ произвести различное распредѣленіе этихъ первичныхъ частицъ, форму которыхъ мы не можемъ предполагать столь однородной, какъ форма кирпичей». Бойль далекъ отъ мысли оспаривать возможность превращенія металловъ. Онъ предполагаетъ, что металлы, равно какъ и всѣ другія тѣла природы, состоятъ изъ одной первоматеріи, общей для всѣхъ веществъ, что они различаются между собой только по вѣсу, наружному виду и структурѣ. Такое теоретическое признаніе возможности превращенія металловъ не мѣшаетъ Бойлю относиться вполнѣ отрицательно къ работамъ алхимиковъ, бравшихъ за исходную точку своихъ изслѣдованій старую теорію строенія вещества. «Мнѣ бы очень хотѣлось, говоритъ онъ, узнать, какимъ это образомъ можно разложить золото на ртуть, сѣру и соль; я охотно взялъ бы на себя всѣ издержки этого предпріятія. Признаюсь, я самъ никогда не могъ достигнуть чего либо подобнаго». Онъ не безъ основанія жалуется на неясность изложенія большинства алхимическихъ работъ, которой алхимики прикрывали пустоту своихъ взглядовъ и пріемовъ; онъ упрекаетъ ихъ, между прочимъ, въ томъ, что они не принимали за элементарныя составныя части серебра и свинца нѣкоторыя соединенія этихъ металловъ, напримѣръ, растворъ ихъ въ царской водкѣ.

Экспериментальный методъ, введенный Бойлемъ съ такимъ успѣхомъ въ практику, начинаетъ съ этихъ поръ распространяться въ наукѣ. Среди другихъ сторонниковъ этого метода, современныхъ Роберту Бойлю, упомянемъ Кунхеля, особенно рѣзко нападавшаго на алхимію, опираясь на свидѣтельство опыта. Этотъ ученый идетъ даже дальше Бойля въ отрицательномъ отношеніи къ задачѣ алхиміи. Онъ говоритъ, что въ химіи возможны разложенія, соединенія, очищенія,—но въ ней нѣтъ превращеній. Цыпленокъ вылупливается изъ яйца благодаря теплотѣ тѣла насѣдки; при всемъ нашемъ искусствѣ мы не можемъ создать яйцо: мы можемъ разбить его и проанализировать, но этимъ дѣло и кончится. Это возраженіе направлено противъ тѣхъ алхимиковъ, которые приписывали себѣ власть не только превращать металлы, но также творить живыя существа изъ мертвой матеріи. Вообще Кунхель усиленно нападаетъ на недобросовѣстность алхимиковъ, примѣръ которой ему самому приходилось видѣть. Одинъ извѣстный въ то время алхимикъ предложилъ курфирсту Саксонскому научить его искусственно приготовлять золото. Курфирстъ прежде чѣмъ купить этотъ секретъ, посовѣтовался съ Кунхелемъ, который нашелъ, что предложенный алхимикомъ чудодѣйственный порошокъ былъ краснымъ соединеніемъ сѣры, мышьяка и сурьмы, гдѣ могло также присутствовать въ скрытомъ со-

Digitized by Google

стоянии нѣкоторое количество золота или серебра. Кунхель насмѣхается надъ алхимиками, которые, говоритъ онъ, не могутъ сговориться и между собою и часто одному и тому же веществу приписываютъ совершенно различныя свойства и называютъ его разными именами; его возмущаетъ ихъ пагубный методъ, такъ долго задерживавшій прогрессъ науки.

Правъ ли былъ Кунхель, относясь такимъ образомъ къ алхимикамъ?—И да, и нѣтъ, потому что это имя носили двѣ категоріи лицъ, имѣвшія между собой очень мало общаго. Съ одной стороны къ числу алхимиковъ принадлежали многіе ученые, посвятившіе себя этому дѣлу исключительно въ интересахъ науки или же если и съ цѣлью собственнаго обогащенія, то производившіе свои изслѣдованія вполнѣ добросовѣстно и въ ожиданіи будущихъ благъ тратившіе на свои предпріятія все, что они имѣли. Они шли этимъ путемъ въ наукѣ только потому, что это былъ единственный извѣстный имъ путь, опиравшійся на признаваемую ими теорію строенія вещества. Производя свои изслѣдованія въ этомъ направленіи они наталкивались на множество цѣнныхъ по своему научному значенію фактовъ, совокупность которыхъ и дала возможность послѣдующимъ поколѣніямъ ученыхъ придти къ ихъ выводамъ, опровергшимъ теорію ихъ предшественниковъ. Но это одна сторона вопроса. Переходя къ другой, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ лицъ, которыя соединяли алхимію со всевозможными таинственными искусствами, выставляли себя въ глазахъ невѣжественной толпы чуть не всесильными чародѣями, пользуясь такимъ ореоломъ таинственности, чтобы эксплуатировать легковѣріе окружающихъ. Еще и въ XVII столѣтіи такіе примѣры были не рѣдки. Такъ въ 1604 году Христіаномъ Розенкранцомъ было основано, бывшее вначалѣ тайнымъ, общество, названное въ честь своего основателя Розовымъ Крестомъ. Нѣкоторое время оно насчитывало въ числѣ своихъ членовъ значительное количество лицъ, изъ которыхъ одни пропагандировали ученія этого общества, другіе, какъ напримѣръ, Робертъ Флуддъ были его теоретиками. Научнаго въ этомъ обществѣ не было совершенно ничего оно, по всей вѣроятности, имѣло въ виду какія нибудь религіозныя или политическія цѣли, которыя прикрывались въ высшей степени фантастическимъ уставомъ общества. Главными предметами занятій этого общества было слѣдующее: превращеніе металловъ, искусство продолжить жизнь человѣка на нѣсколько столѣтій; знать все, что происходитъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ; проникать при помощи каббалы и науки о числахъ въ самыя сокрытыя тайны. Когда существованіе этого общества сдѣлалось извѣстнымъ серьезнымъ ученымъ того времени, оно подверглось жестокому осмѣянію и, въ общемъ, ничѣмъ не проявило себя. Алхимики послѣдней категоріи пользовались большой популярностью при королевскихъ дворахъ, невѣжественныхъ не менѣе всего остального общества и, кромѣ того, проникнутыхъ болѣе, чѣмъ кто либо, жаждою золота. Въ XVI и

Digitized by Google

XVII столѣтіяхъ вошло въ обыкновеніе, чтобы каждая владѣтельная особа имѣла при своемъ дворѣ на ряду съ придворнымъ врачемъ и астрологомъ также и собственнаго алхимика. Для поддержанія своей репутаціи въ глазахъ покровителя, придворные алхимики пользовались всякими средствами, чтобы дать хоть одинъ примѣръ искусственнаго приготовленія золота, конечно, при ближайшемъ изслѣдованіи большинство такихъ фактовъ можно объяснить и помимо сверхъестественныхъ знаній счастливыхъ алхимиковъ. Такъ, напримѣръ, очень вѣроятно, что Каспаръ Гарбахъ, алхимикъ датскихъ королей Христіана IV и Фридриха III получалъ золото не превращеніемъ желѣза и мѣди, а просто обработкой норвежскихъ рудъ. Другой придворный алхимикъ, Гейнерсбергъ, превратилъ для императора Леопольда оловянную чашу въ золотую, но послѣ смерти Гейнерсберга было обнаружено, что онъ укралъ у своего господина 20,000 флориновъ, которые и служили ему для превращеній. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что мы можемъ объяснить такимъ образомъ не всѣ случаи полученія искусственнаго золота. Передъ нѣкоторыми изъ нихъ останавливаешься въ полномъ недоумѣніи, особенно при взглядѣ на имена лицъ, подтверждающихъ фактъ своимъ свидѣтельствомъ. Къ числу такихъ фактовъ относится случай, произошедшій въ Гаагѣ въ 1666 году съ Гельвеціемъ, бывшимъ до тѣхъ поръ горячимъ противникомъ алхиміи. Гельвецій разсказываетъ, что къ нему явился какой то незнакомецъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ объ алхиміи; чтобы убѣдить Гельвеція въ возможности алхимическихъ превращеній, онъ показалъ ему кусокъ философскаго камня. Гельвецію удалось получить отъ него крупинку этого вещества, и когда онъ, обернувъ предварительно воскомъ эту крупинку, бросилъ ее въ расплавленный свинецъ. то все взятое имъ количество этого металла (6 драхмъ) обратилось въ золото. Этотъ случай описанъ Гельвеціемъ въ его сочиненіи «Vitulus aureus quem mundus adorat et orat» Этотъ фактъ ставитъ въ окончательное недоумѣніе, когда узнаемъ, что его подтверждаетъ также Спиноза, котораго мудрено заподозрить въ легковѣріи. По поводу этого приключенія Спиноза пишетъ слѣдующее:

«Когда я сталъ разсказывать Фоссу о случаѣ съ Гельвеціемъ, онъ посмѣялся надъ тѣмъ, что я занимаюсь подобными пустяками. Чтобы оправдаться, я отправился къ монетчику Брехтелю, который производилъ испытанія золота (полученнаго Гельвеціемъ). Онъ меня увѣрялъ, что еще во время плавленія количество золота увеличилось послѣ прибавленія къ нему серебра. Надо, слѣдовательно, думать, что это золото, оказавшееся способнымъ превращать серебро, было совершенно особенной природы. Не только Брехтель, но и многіе другіе, присутствовавшіе при испытаніи, увѣряли меня, что все это произошло дѣйствительно такъ. Тогда я отправился къ самому Гельвецію, который мнѣ показалъ это золото и тотъ сосудъ, въ которомъ онъ производилъ плавку; на стѣнкахъ этого сосуда виднѣлись еще зерна золота. При этомъ Гельвецій мнѣ сказалъ,

Digitized by Google

что онъ бросилъ въ свинецъ крупинку философскаго камня, величиною въ четверть хлѣбнаго зерна. Онъ прибавилъ, что сообщитъ свѣту объ этомъ. Кажется адептъ (алхимикъ, давшій Гельвецію кусочекъ философскаго камня) продѣлывалъ уже подобный опытъ въ Амстердамѣ, гдѣ онъ живетъ и теперь. Вотъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя я по этому поводу могъ собрать. Бообургъ, 27-го марта 1667 г., Спиноза». (Opera posthuma, стр. 553). Мы не будемъ пытаться объяснить этотъ фактъ, потому что это совершенно невозможно. Приходится волей-неволей признать, что дѣйствительно тутъ было нѣчто—за справедливость разсказаннаго, достаточно свидѣтельствуютъ такія имена, какъ Спиноза и Гельвецій.

Оставляя въ сторонѣ подобные случаи, мы можемъ признать, что алхимія теряетъ подъ собою почву съ тѣхъ поръ, какъ теорія строенія металловъ изъ ртути, сѣры и соли была отвергнута ученымъ міромъ. Прослѣдимъ вкратцѣ тотъ путь, который прошла съ тѣхъ поръ химія, чтобы въ концѣ XIX вѣка снова дать возможность возродиться идеѣ объ искусственномъ приготовленіи золота. Мы остановились на возникновеніи идеи о разнообразіи элементовъ, входящихъ въ составъ тѣлъ природы. Дальнѣйшія работы въ этомъ направленіи привели за промежутокъ времени до конца XVIII столѣтія къ открытію большого числа веществъ, которыя не поддавались дальнѣйшему разложенію и поэтому были признаны за элементы. Въ началѣ XIX вѣка, именно, въ 1808 году, Дальтонъ началъ производить изслѣдованія относительно атомныхъ вѣсовъ элементовъ съ цѣлью обоснованія теоріи атомизма. Эти работы были продолжены Берцеліусомъ, а затѣмъ Стасомъ, причемъ этотъ послѣдній для выраженія атомныхъ вѣсовъ изслѣдованныхъ имъ тѣлъ получилъ почти цѣлыя числа. Это соотношеніе между атомными вѣсами простыхъ тѣлъ обратило на себя вниманіе англійскаго ученаго Проута, который на основаніи его построилъ гипотезу о единствѣ матеріи. По его предположенію, если атомные вѣса элементовъ могутъ быть выражены цѣлыми числами, взявъ за единицу атомный вѣсъ водорода, то это можетъ служить прямымъ подтвержденіемъ того, что всѣ они состоятъ дѣйствительно изъ одной перво-матеріи, различающейся только по степени концентраціи въ тѣхъ постоянныхъ и неразлагаемыхъ при современномъ состояніи знанія группахъ, которыя мы называемъ атомами. Эта гипотеза вызвала со стороны Стаса новую провѣрку его наблюденій, но въ концѣ концовъ онъ высказалъ отрицательное отношеніе къ мнѣнію Проута, находя, что дроби въ его атомныхъ вѣсахъ получились не случайно, и что атомные вѣса несоизмѣримы. По этому вопросу химики раздѣлились на двѣ партіи и хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Мариньякъ, старались поддержать гипотезу Проута, ихъ основанія казались недостаточными, и мысль о единствѣ вещества опять отступила на задній планъ. Вторичное возникновеніе этого вопроса относится къ 70 годамъ, когда труды Локьера въ области спектральнаго анализа и въ частности астроскопіи дали новые

Digitized by Google

матерьялы для его разъясненія. Локьеръ подтверждаетъ мысль о единствѣ вещества главнымъ образомъ двумя слѣдующими доводами: во первыхъ, чѣмъ выше температура звѣзды, тѣмъ проще ея спектръ; во вторыхъ, по изслѣдованіямъ Гершеля оказалось, что во время солнечныхъ изверженій можно наблюдать спектральныя линіи кальція, появляющіяся не въ видѣ цѣлаго спектра, а отдѣльно, черезъ нѣкоторые промежутки времени. Локьеръ объясняетъ эти факты тѣмъ, что при болѣе высокой температурѣ тѣла, которыя мы считаемъ элементарными, разлагаются на составныя части; второе же наблюденіе даетъ право предполагать, что при температурѣ солнца кальцій находится уже въ состояніи разложенія на болѣе элементарныя вещества, изъ которыхъ каждое даетъ свою особую спектральную линію.

До настоящаго времени вопросъ этотъ, крайне важный для теоретической постановки химіи, остается нерѣшеннымъ. Среди современныхъ ученыхъ мы встрѣчаемъ какъ сторонниковъ старой, такъ и новой теоріи и защитниками этой послѣдней выступаютъ, между прочимъ, такія крупныя величины, какъ Оствальдъ и Круксъ. Новая теорія обосновывается въ настоящее время все большимъ и большимъ числомъ научныхъ данныхъ, но всетаки до сихъ поръ не было сдѣлано ни одного открытія, которое могло бы окончательно уничтожить возраженія ея противниковъ.

Однимъ изъ такихъ безусловно доказательныхъ въ пользу новой теоріи фактовъ было бы, между прочимъ, рѣшеніе въ положительномъ смыслѣ того вопроса, который служилъ задачей алхиміи. Положимъ, что намъ удалось бы получить золото изъ какого либо другого элемента. Само собой понятно, что это было бы прямымъ доказательствомъ того, что и золото и превратившееся въ него вещество состоятъ изъ одной и той же первоначальной матеріи, и различіе нхъ заключается только въ степени плотности и способѣ сочетанія частицъ этой матеріи. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія вопросъ объ искусственномъ полученіи золота теряетъ свою прежнюю утопичность и таинственность и становится на строго научную почву. За теоретическимъ разслѣдованіемъ вопроса о единствѣ матеріи послѣдовали попытки разрѣшить и на практикѣ его частный случай—возможность превращенія металловъ.

Первымъ, принявшимся за работы въ этомъ направленіи, былъ американскій ученый Кэри Ли (1889 г.). Его изслѣдованія привели къ слѣдующему результату. Обработывая нѣкоторымъ способомъ растворъ азотнокислаго серебра, Ли получилъ этотъ металлъ въ видѣ бѣлаго вначалѣ, а затѣмъ дѣлающагося фіолетовымъ, осадка. При раствореніи этого осадка въ водѣ получается совершенно прозрачная краснаго цвѣта жидкость. При дальнѣйшей обработкѣ раствора получается серебро, уже нерастворимое въ водѣ, причемъ различіе въ способахъ его полученія въ этомъ послѣднемъ видѣ обусловливаетъ различные цвѣта его; между прочимъ, возможно полученіе металла золотистожелтаго цвѣта, напоми-

Digitized by Google

нающаго по внѣшнему виду золото, но отличающагося отъ него по удѣльному вѣсу. Ли не пошелъ далѣе открытія этого промежуточнаго между золотомъ и серебромъ металла, за то другому американскому химику, Стефану Эмменсу, повидимому, болѣе посчастливилось. Онъ заявляетъ, что ему удалось приготовить настоящее золото изъ серебра. Первый удачный опытъ въ такомъ родѣ онъ произвелъ въ 1896 г. и съ тѣхъ поръ въ Америкѣ образовалась уже коммерческая компанія «Argentaurum Syndicate» съ цѣлью эксплуатаціи этого открытія...

Въ своемъ письмѣ къ Круксу Эмменсъ заявляетъ, что при полученіи своего искусственнаго золота онъ исходилъ изъ идеи о единствѣ матеріи. Вначалѣ для полученія золота онъ пользовался «аллотропическимъ» серебромъ Кэри Ли, о которомъ мы говорили выше. Но впослѣдствіи Эмменсъ открылъ, что золото можно также приготовлять изъ серебряныхъ мексиканскихъ долларовъ, что значительно упрощаетъ операцію полученія его. Такое серебро подвергается затѣмъ: 1) механической обработкѣ, 2) плавленію и измельченію, 3) еще разъ механической обработкѣ, 4) обработкѣ окисями азота и 5) очисткѣ. Эмменсъ не ограничивается этими общими указаніями. Онъ сообщаетъ, не выдавая, конечно, полностью техники своего предпріятія, какъ можно получить искусственное золото въ небольшомъ количествѣ. «Возьмите *мексиканскій* серебряный долларъ; монетный дворъ Соединенныхъ Штатовъ удостовѣряетъ, что мексиканскіе доллары въ томъ видѣ, въ которомъ они чеканятся въ настоящее время, не содержатъ золота, или содержатъ лишь ничтожные слѣды его. Итакъ, возьмите мексиканскій долларъ, помѣстите его въ ступку или такой сосудъ, изъ котораго не будутъ выскакивать кусочки при измельченіи доллара. Затѣмъ подвергните его сильному, быстрому и продолжительному толченію, но при такихъ условіяхъ, чтобы онъ ни на мигъ не могъ разогрѣться. Для этого вся операція должна производиться въ условіяхъ весьма значительнаго искусственнаго холода. Продолжайте этотъ процессъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ и въ результатѣ вы получите замѣтное количество золота».

Мы имѣемъ еще одно заявленіе о полученіи искусственнаго золота, именно, французскимъ фотографомъ Тифферо, получившимъ его изъ сплава мексиканскаго серебра съ мѣдью дѣйствіемъ азотной кислоты при нагрѣваніи. По свидѣтельству Тифферо, его опыты были удачны только до тѣхъ поръ, пока онъ производилъ ихъ въ Мексикѣ.

Какъ у Тифферо, такъ и у Эмменса главную роль въ опытахъ, по ихъ словамъ, играло то обстоятельство, что они брали именно мексиканское серебро. Это одинъ изъ наиболѣе неясныхъ пунктовъ предпріятія. Если серебро есть нѣкоторое сочетаніе частицъ той же матеріи, которая при другой комбинаціи даетъ золото, то, само собою разумѣется, все равно, изъ какой страны мы ни возьмемъ его. Объяснить это странное явленіе мы могли бы отчасти слѣдующими соображеніями: во первыхъ, можетъ случиться, что мексиканскій долларъ, при обыкновенномъ

Digitized by Google

анализѣ не обнаруживающій присутствія золота, на самомъ дѣлѣ содержитъ его, но только въ такомъ видѣ, что золото становится доступнымъ анализу послѣ сильнаго давленія, измельченія и охлажденія; во вторыхъ, если мы предположимъ возможнымъ существованіе «аллотропическаго» серебра Кэри Ли, то почему же нельзя допустить, что при изготовленіи мексиканскихъ монетъ серебро переходитъ именно въ такую аллотропическую форму? Нельзя сомнѣваться въ томъ, что «Argentaurum Syndicate» продавала правительству Соединенныхъ Штатовъ настоящее золото—оно было признано за таковое послѣ изслѣдованія въ лабораторіи монетнаго двора. Хотя до сихъ поръ искусственнаго золота было получено только на 955,04 доллара—сумму незначительную для такого предпріятія—но, конечно, съ научной точки зрѣнія это не важно; важно доказать, что операція полученія его состояла дѣйствительно въ переходѣ въ золото настоящаго серебра.

Въ настоящую минуту мы не можемъ еще рѣшить этотъ вопросъ въ какую либо сторону, потому что Эмменсъ со своей стороны ни мало не намѣренъ публиковать подробно свое открытіе, другихъ опытовъ въ этомъ направленіи пока не сдѣлано, а опираться на единоличное утвержденіе Эмменса, что онъ дѣйствительно превратилъ одинъ металлъ въ другой, мы не можемъ, принимая во вниманіе, что это не только ученый, но и участникъ коммерческаго предпріятія, заинтересованный прежде всего въ удачномъ веденіи дѣла. Но какъ бы то ни было, вопросъ, поднятый Эмменсомъ, вполнѣ заслуживаетъ вниманія ученыхъ, такъ какъ онъ опирается на вполнѣ возможную съ теоретической точки зрѣнія гипотезу: кто знаетъ, можетъ случиться, что дальнѣйшая разработка его дастъ рѣшеніе той задачи, надъ которой безъ успѣха трудилось столько поколѣній ученыхъ.

О. М. П.

Digitized by Google

На западѣ.

Современный нѣмецкій театръ.

I.

Кто говоритъ въ настоящее время о современной нѣмецкой литературѣ, тотъ говоритъ и разумѣетъ по преимуществу нѣмецкую драматическую литературу. Драма стоитъ въ центрѣ современнаго литературнаго творчества въ Германіи. Это объясняется съ одной стороны массою и разнообразіемъ драматическихъ произведеній, появляющихся въ послѣднее время, съ другой — значеніемъ и характерными дарованіями среди нѣмецкихъ драматическихъ писателей. Первыя пятнадцать лѣтъ, протекшія со времени основанія Германской Имперіи, породили обширную и не лишенную интереса повѣствовательную литературу, но не дали ни одного оригинальнаго драматическаго произведенія. Какъ по выработкѣ художественныхъ формъ, такъ точно и по внутреннему содержанію драма этого времени оставалась далеко позади повѣстей и романовъ. Эти послѣдніе главнымъ образомъ отражали тогда нѣмецкую жизнь, въ нихъ по преимуществу находило себѣ выраженіе художественное творчество нѣмецкихъ писателей. Въ области драмы за этотъ періодъ трудно указать произведеніе, которое могло бы сравниться съ произведеніями Готфрида Келлера или Теодора Шторма. Драматическіе опыты Пауля Гейзе или Фридриха Шпильгагена не идутъ ни въ какое сравненіе съ ихъ повѣстями и романами. Развѣ одни лишь драматическіе зачатки Эрнста фонъ-Вильденбруха внесли болѣе живую струю въ театральную жизнь главныхъ умственныхъ центровъ Германіи и снова возродили интересъ къ драмѣ.

Съ середины 80-хъ годовъ замѣчается рѣзкій поворотъ въ судьбахъ нѣмецкой драмы, которыя постепенно и безпрерывно складываются въ пользу этой послѣдней. Она начинаетъ рѣшительнымъ образомъ привлекать къ себѣ вниманіе широкихъ круговъ нѣмецкой публики, а затѣмъ дѣлается предметомъ такихъ страстныхъ литературныхъ споровъ, такой

Digitized by Google

захватывающей борьбы мнѣній, что параллель къ этому «штурму и дрангу» можно найти лишь въ подобныхъ же Sturm und Drang — періодахъ нѣмецкой литературы въ концѣ прошлаго вѣка да еще, пожалуй, въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, когда театръ представлялъ центральный пунктъ всей умственной жизни нѣмецкаго общества.

Современные нѣмецкіе писатели очевидно исходятъ изъ того аристотелевскаго положенія, въ силу котораго драма признается благороднѣйшей изъ всѣхъ формъ художественнаго творчества. Я разумѣю главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ, наиболѣе молодыхъ представителей теперешней нѣмецкой литературы; послѣдніе могикане стараго литературнаго поколѣнія стоятъ на иной эстетической точкѣ зрѣнія и по прежнему остаются вѣрными эпосу. *) Примѣнительно же къ современной нѣмецкой публикѣ и молодому поколѣнію нѣмецкихъ писателей упомянутый принципъ аристотелевской «поэтики» пользуется почти нераздѣльнымъ господствомъ. Изъ теперешнихъ нѣмецкихъ болѣе или менѣе видныхъ авторовъ трудно назвать кого нибудь, кто не писалъ бы или исключительно для театра, или главнымъ образомъ для него. Гергартъ Гауптманъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ мелкихъ разсказовъ, писалъ и пишетъ исключительно драмы. Германъ Зудерманъ, начавшій свою литературную карьеру довольно объемистыми и отнюдь не безинтересными романами, не этимъ романамъ обязанъ однако своей извѣстностью, а тѣмъ своимъ драмамъ, выдающійся успѣхъ которыхъ обратилъ вниманіе публики на Зудермана какъ и на романиста. То же самое можно сказать и про другихъ представителей молодой литературной Германіи, какъ Людвигъ Фульда, Максъ Гальбе, Георгъ Гиршфельдъ и т. д. Нельзя до извѣстной степени не согласиться со стариками, которые, какъ, напр., тотъ же Шпильгагенъ, отнюдь не изъ какой нибудь мелкой зависти къ молодежи, со скорбью покачиваютъ головами по поводу превратныхъ судебъ литературы и столь скороспѣлыхъ успѣховъ современныхъ драматурговъ. Тому же Шпильгагену или Густаву Фрейтагу какихъ усилій стоило и какихъ продолжительныхъ усилій, чтобъ добыть себѣ извѣстность, а своимъ романамъ широкую популярность. Между тѣмъ современный драматургъ можетъ быть еще сегодня совершенно никому неизвѣстенъ, а завтра, послѣ перваго представленія своей пьесы, можетъ проснуться знаменитостью и богатымъ человѣкомъ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ особенностямъ нашей азартной быстро живущей эпохи.

Реальнымъ основаніемъ указаннаго здѣсь преобладанія драмы надъ другими родами литературнаго творчества слѣдуетъ признать необыкновенный ростъ и увеличеніе нѣмецкихъ театровъ за послѣднюю четверть вѣка. Драматическое произведеніе не мыслимо безъ театра, безъ сцены. Заключенное только въ книгу, оно никогда не произведетъ на читате-

*) См. Friedrich Spielhagen „Neue Beiträge zur Epik und Dramatik". Leipzig 1898, стр 227 и слѣд.

Digitized by Google

лей впечатлѣнія равносильнаго съ романомъ или повѣстью. Драматическое произведеніе нуждается въ живомъ воплощеніи въ лицахъ, въ сценическомъ изображеніи, потому что по внутреннему своему существу оно обращается не къ отдѣльной личности, а къ массѣ, художественному наслажденію которой служить, или вѣрнѣе, должно бы всегда служить.

Такимъ образомъ, можно съ увѣренностью сказать, что безъ обилія и разнообразія нѣмецкихъ театровъ, возникшихъ во всей Германіи и, главнымъ образомъ, въ ея столицѣ—Берлинѣ, молодые таланты нѣмецкой литературы остались бы подъ спудомъ, или въ лучшемъ случаѣ затушевались бы среди прочаго книжнаго баласта. Лишь съ возникновеніемъ цѣлаго ряда новыхъ театровъ и вольныхъ сценъ расчищены были пути свободному развитію современной нѣмецкой драматургіи. Съ ростомъ этой послѣдней должны были естественнымъ образомъ расширяться и театральные подмостки, о чемъ особенно старался Берлинъ. Берлинъ съ необыкновенной быстротой обратился въ театральный центръ, который, быть можетъ, уступаетъ лишь одному Парижу. Одна театральная новинка вытѣсняетъ здѣсь другую; берлинскіе театры поглощаютъ поразительную массу драматическихъ произведеній и артистическихъ силъ; Берлинъ сдѣлался главнымъ театральнымъ центромъ нѣмецкихъ земель и чуть ли не абсолютнымъ вершителемъ судебъ драматургіи и законодателемъ драматической моды.

Я умышленно поставилъ въ заголовкѣ настоящей статьи: современный нѣмецкій театръ,—такъ какъ мнѣ хотѣлось бы разсмотрѣть этотъ предметъ не только со стороны литературной, но, такъ сказать, и со стороны культурной, соціально-общественной. Театръ въ цѣломъ—такое почтенное учрежденіе, его значеніе съ самыхъ древнихъ временъ такъ велико, его характеръ съ различіемъ эпохъ такъ различенъ, что вполнѣ понятенъ интересъ не только къ тому, что «дается» на сценѣ, но и къ тому, какъ эта сцена организована. Я не претендую исчерпать этого предмета, но не хотѣлъ бы прямо приступить къ разбору драматическихъ авторовъ, различныхъ направленій въ области драматическаго творчества и т. п., словомъ, къ разсмотрѣнію того, что происходитъ на сценѣ,—не коснувшись хоть вскользь того, что, такъ сказать, творится «за кулисами». Современный театръ, повторяю, есть культурное учрежденіе такой громадной важности, что, и помимо господствующихъ въ немъ драматическихъ авторовъ, самъ собою напрашивается рядъ прикосновенныхъ къ театру вопросовъ: какова организація современнаго театра, каково матеріальное и правовое положеніе артистическаго персонала въ немъ, формы организаціи этого персонала, уровень артистическаго искусства, характеръ театральной критики и т. д. По мѣрѣ приближенія къ разбору драматическихъ авторовъ намъ само собою придется остановиться и на характеристикѣ того литературнаго развитія, которое за послѣднія десятилѣтія совершалось въ нѣдрахъ нѣмецкой литературы.

Digitized by Google

До 1870 года основаніе и руководство театромъ зависѣло въ Германіи отъ особой административно-полицейской концессіи, которая давалась на учрежденіе одного опредѣленнаго театра и одновременно съ этимъ намѣчала тѣ рамки, изъ которыхъ не долженъ былъ выходить репертуаръ даннаго театра. Въ тѣ времена существовали относительно театра извѣстныя привилегіи. Такъ, напр., въ Берлинѣ постановка серьезныхъ пьесъ,—пьесъ т. н. классическаго репертуара, была привилегіей мѣстнаго королевскаго драматическаго театра; извѣстный Thalia-Theater въ Гамбургѣ долженъ былъ подчиняться привилегіямъ тамошняго городского театра; то же самое было и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ. Но эти преимущества и привилегіи не только регулировали предѣлы компетенціи театровъ между собою, а и охраняли права самихъ театровъ какъ таковыхъ, такъ какъ въ другихъ публичныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ все напоминающее собою театральное представленіе было строго воспрещено. Въ циркахъ, напр., былъ запрещенъ балетъ и даже въ пивныхъ и музыкальныхъ трактирахъ куплеты не должны были пѣться въ костюмахъ... *). Мы видимъ, такимъ образомъ, въ то время строгую регламентацію въ театральномъ дѣлѣ.

1870-ый годъ принесъ съ собою «свободу промысловъ» Gewerbefreiheit. Съ этой свободой пали и старыя театральныя привилегіи. Правда, и по новому закону театральный промыселъ обусловливался административнымъ разрѣшеніемъ, приноровленнымъ къ качествамъ и свойствамъ просителя, но эта провѣрка качествъ просителя дѣлалась очень поверхностно и не представляла надлежащей и прочной гарантіи. Сверхъ того разъ выданное разрѣшеніе давало просителю неограниченное право основывать театры въ любомъ пунктѣ германской имперіи. Чтобы противодѣйствовать вреднымъ послѣдствіямъ, вытекающимъ изъ такого положенія вещей, Союзный Совѣтъ (Bundesrat) внесъ дополненіе къ промысловому уставу, согласно которому (дополненію) относительно каждаго города и каждаго театра должно испрашиваться особое разрѣшеніе властей.

Каковы же были ближайшія послѣдствія введенной свободы театральнаго промысла. Прежде всего, конечно, на сцену появились повсюду новые театры. Между тѣмъ какъ въ послѣдніе годы до введенія свободы во всей Германіи насчитывалось около 170 театровъ, въ 1870 же году народилось приблизительно 90 новыхъ театровъ, которые къ тому же слѣдуетъ отнести на долю однихъ только городовъ тогдашняго Сѣверо-Германскаго союза. Сюда не причислены также многочисленные полутеатры—полукафе-шантаны, т. н. Specialitäten-Theater u Tingeltangel, которые всего больше утилизировали новую театрально-промысловую свободу. Но и настоящіе театры множились съ каждымъ годомъ, такъ

*) См. между прочимъ книжку Adolf L'Arronge: Deutsches Theater und deutsche Schauspielkunst. 1896. Стр. 23 и др.

Digitized by Google

что вмѣсто 170 театровъ до 1870 года мы насчитываемъ теперь въ Германіи приблизительно 600 такихъ учрежденій.

До тѣхъ поръ, покуда театральное дѣло было обусловлено концессіями и привилегіями, когда основаніе новаго театра обусловливалось потребностью въ немъ, словомъ, когда театровъ въ Германіи было не много, то было очень трудно дѣлать артистическую карьеру. Во всѣхъ кругахъ общества господствовало предубѣжденіе противъ сословія актеровъ, и потому каждый молодой человѣкъ, желавшій посвятить себя театру, долженъ былъ выдержать жестокую борьбу со своей семьею, нерѣдко отрекавшеюся отъ своего заблудшагося чада. (Припомните, кстати, судьбу Магды въ Зудермановской драмѣ «Отчій домъ» (Heimat), имѣющей успѣхъ и на нашихъ столичныхъ сценахъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи можно найти не мало параллелей и въ исторіи нашего русскаго театра, и въ нашей драматической литературѣ). При наличности такого предубѣжденія и противодѣйствія со стороны родныхъ, далѣе при отсутствіи прочныхъ надеждъ на успѣшный ходъ театральной карьеры, напротивъ того, въ виду большей вѣроятности, что эта карьера по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ связана съ массою тяжелыхъ лишеній и испытаній,—въ виду всего этого понятно, что въ прежнее время рѣшались на этотъ рискованный путь только тѣ молодые люди, которые ощущали въ себѣ искру генія безпутнаго Кина, которыхъ внутреннее влеченіе къ театру соединялось съ твердою вѣрою въ свои силы и которые преодолѣвали всѣ препятствія, потому что въ служеніи дорогому искусству видѣли свое счастіе, смыслъ своей жизни и обезпеченіе своей нравственной свободы.

Совсѣмъ иначе сложились обстоятельства съ дарованіемъ театральной свободы. Многочисленные вновь возникшіе театры, чтобы, такъ сказать, открыть эксплуатацію своихъ заведеній, нуждались въ актерахъ. Большинство хорошихъ артистовъ было связано контрактами съ болѣе крупными театрами, да и тѣхъ непризнанныхъ талантовъ, которые почему либо оставались безъ ангажемента, не хватало на удовлетвореніе новаго спроса. Необходимо было позаботиться о воспитаніи свѣжаго поколѣнія артистическихъ силъ. Охотники до лицедѣйства явились конечно немедленно и въ большомъ количествѣ. Театральная свобода вызвала къ жизни массу учителей и учительницъ драматическаго искусства. Изъ всѣхъ круговъ общества явились люди съ страстнымъ желаніемъ служить театру и въ виду большого спроса тотчасъ находили приложеніе своихъ силъ, Достаточно было, какъ выражается одинъ старый театральный предприниматель, имѣть двѣ ноги и болѣе или менѣе приличный черный костюмъ,—и данный молодой человѣкъ принимался на роли первыхъ любовниковъ съ окладомъ въ 150—200 марокъ въ мѣсяцъ; миловидная граціозная дѣвушка, пробавлявшаяся до того швейной работой, быстро дѣлала блестящую артистическую карьеру. Постепенно общественные предразсудки противъ театра исчезли подъ дѣйствіемъ практическихъ сооб-

Digitized by Google

раженій и матеріальнаго совпаденія обстоятельствъ. Теперь трудно найти нѣмецкую семью, въ которой тотъ или иной членъ не состоялъ бы на службѣ драматической музѣ.

По мѣрѣ того какъ новые театры множились точно грибы, росло и соперничество между ними, росла конкуренція, прибѣгавшая къ пониженію уровня вкусовъ публики тамъ, гдѣ невозможно было сводить концы съ концами, оставаясь на надлежащей художественной высотѣ. Въ качествѣ театральныхъ директоровъ выступили на сцену спекулянты всякаго рода, арендаторы театральныхъ помѣщеній, смѣло бравшіе на себя и «артистическое руководство» театрами,—а когда всѣ эти господа вскорѣ прогорали, то на ихъ мѣсто являлись тѣ ростовщики и денежные люди, которые снабжали своими деньгами начатое предпріятіе.

Необходимымъ послѣдствіемъ чрезмѣрнаго обилія театровъ и указаннаго только-что способа руководства ими явился институтъ театральныхъ агентуръ, изъ которыхъ многія суть не что иное какъ замаскированныя биржи бездарностей, разврата и нищеты. Эти учрежденія сдѣлались все большей и большей необходимостью и развились до страшной силы какъ по отношенію къ директорамъ, нуждающимся часто въ деньгахъ агентовъ, такъ равно и по отношенію къ актерамъ, существованіе и вся карьера которыхъ находится въ рукахъ этихъ господъ. Особенно тяжела и незавидна доля женскаго персонала въ современномъ театрѣ.

Извѣстно, что женщина-актриса есть продуктъ сравнительно недавняго времени. Античная эпоха не знала этого учрежденія,—и въ роли Антигоны или Электры являлись мужчины, снабженные лишь дѣвической маской. Средневѣковыя мистеріи также не допускали женщинъ на сцену. Когда церковная драма приняла форму школьной драмы и служила главнымъ образомъ цѣлямъ воспитанія, то женскія роли, сводившіяся по преимуществу къ декламаціи, поручались ученикамъ и студентамъ. Появленіе женщины на публичной сценѣ имѣетъ своимъ первоначальнымъ источникомъ далеко не моральные мотивы. Этотъ обычай былъ введенъ странствующими труппами конца среднихъ вѣковъ. Нѣмецкій шутъ пользовался еще мальчиками для иллюстраціи своихъ шутовски любовныхъ представленій, что, конечно, мало содѣйствовало нормальному воспитанію юношества. Но въ Италіи уже много раньше на телѣгѣ странствующей труппы рядомъ съ арлекиномъ сидѣла его развязная дама сердца, готовая всякому броситься на колѣни.

Спеціально въ Германіи привлеченіе женскихъ силъ на сцену было вызвано ростомъ популярности оперныхъ представленій среди нѣмцевъ. Сопрановые голоса юношей мѣнялись очень быстро и на нихъ трудно было положиться. Едва удавалось закончить музыкальное и вокальное образованіе юноши, какъ голосъ уже подвергался критическому переходу къ мужскому тембру. Въ виду этого въ теченіе 17 вѣка постепенно вошли въ моду т. н. дивы и примадонны, которыя выписывались тогда изъ Италіи и притомъ за очень высокій гонораръ. Наконецъ изъ исто-

Digitized by Google

ріи нѣмецкаго театра извѣстно, что нѣкоему магистру Фелтену, извѣстнѣйшему вождю нѣмецкой «театральной банды» и «театральному принципалу» того времени принадлежитъ также заслуга прекращенія неограниченнаго владычества мужчинъ и на драматической сценѣ. Этотъ заслуженный магистръ подалъ самъ первый примѣръ въ этомъ направленіи, предоставивъ на своихъ представленіяхъ первыя женскія роли своей женѣ и сестрѣ послѣдней. Вскорѣ затѣмъ въ труппѣ Фелтена появились и другія женскія исполнительницы, большею частью жены артистовъ этой труппы. Исторія отмѣчаетъ даже въ составѣ труппы Фелтена одну высокорожденную даму Сару фонъ Боксберъ, которая за 100 талеровъ (по нынѣшнему курсу 300 марокъ—менѣе 150 руб.) годового жалованья на дрезденскихъ и лейпцигскихъ подмосткахъ срывала цвѣты артистическихъ тріумфовъ.

Такимъ образомъ равноправность половъ на артистическомъ поприщѣ уже давно освящена и традиціей и искусствомъ. Спеціально въ Германіи театральныя лѣтописи за полтора столѣтія этой равноправности отмѣчаютъ рядъ выдающихся женщинъ, для которыхъ театръ былъ дѣйствительно храмомъ, а театральное искусство—святыней. Но не подлежитъ также сомнѣнію, что къ этой святынѣ сплошь да рядомъ прикасались и прикасаются грязныя руки, или, что еще болѣе ужасно, многія руки часто грязнятся отъ прикосновенія къ этому храму. Отсюда и по сіе время еще распространенное предубѣжденіе противъ театра и актеровъ, покоющееся не только на всякаго рода закулисныхъ сплетняхъ, но и на реальныхъ основаніяхъ болѣе серьезнаго соціальнаго характера.

Я не хочу здѣсь много распространяться о той деморализующей язвѣ современнаго театра, которая извѣстна въ нѣмецкихъ театрахъ подъ именемъ «Modedamen» или «Theaterprincessinnen». Это—скучающія дамы безъ таланта, но съ хорошенькими личиками. Чтобы разсѣять свою скуку и вести жизнь кокотки на широкую ногу, окруженной блескомъ и призракомъ артистическаго успѣха, эти дамы черезъ посредство своихъ вліятельныхъ друзей и матеріально заинтересованныхъ театральныхъ агентовъ вліяютъ затѣмъ на далеко не неподкупныхъ театральныхъ директоровъ, большею частью зависящихъ отъ агентовъ, и въ концѣ концовъ получаютъ якобы ангажементъ. Этотъ ангажементъ, конечно, совсѣмъ призрачный: какой нибудь коммерціи совѣтникъ, богатый другъ вновь объявившейся дивы, платитъ изъ своего кармана директору 200—300 марокъ въ мѣсяцъ, которыя директоръ затѣмъ вручаетъ ежемѣсячно ангажированной дамѣ въ видѣ гонорара. За этотъ гонораръ новой актрисѣ предоставляется право занять мѣсто среди статистовъ въ какой нибудь салонной пьесѣ, но и въ этой скромной роли она производитъ впечатлѣніе своимъ прекраснымъ ростомъ и дорогимъ туалетомъ. Въ слѣдующемъ году наша принцесса получаетъ уже разговорную роль въ нѣсколько фразъ, а тамъ смотришь и критика обратила на нее свое вниманіе. Не прошло 2—3 лѣтъ критика прокричала ее

Digitized by Google

уже чѣмъ то, вмѣсто того чтобы совершенно ее замалчивать. Она имѣетъ свой экипажъ, посѣщаетъ балы, даетъ сама вечера, на которыхъ бываютъ и критики. За то эти послѣдніе съ восхищеніемъ описываютъ ея наряды и бриліанты. Постепенно принцесса подымается все выше и выше. Она не лишена практической смекалки и вмѣстѣ съ директоромъ покупаетъ сенсаціонныя пьесы у драматическихъ авторовъ. Словомъ она дѣлается важной персоной, а ея богатые друзья сидятъ въ ложѣ и не налюбуются ея захватывающимъ шикомъ на сценѣ. Директоръ же потираетъ руки отъ удовольствія: хорошій, дескать, товаръ,—къ тому же онъ сберегаетъ такимъ путемъ расходы на уплату мелкому женскому персоналу, который въ свою очередь, благодаря такимъ практикамъ, лишается своего насущнаго заработка *).

Выше мы упоминали уже о доминирующемъ значеніи театральныхъ агентовъ въ театральномъ дѣлѣ, или, вѣрнѣе,—промыслѣ, потому что вѣдь все это дѣло регулируется постановленіями «промысловаго устава» и артистическое сословіе въ юридическомъ отношеніи поставлено на одну ступень съ домашней прислугой. Кстати: очень любопытное зрѣлище представляютъ ежегодно устраиваемые балы артистовъ берлинскихъ театровъ. Вѣрные своему юридическому положенію наравнѣ со всякаго рода наемной прислугой, артисты являются на балъ въ костюмахъ кухарокъ, горничныхъ, кучеровъ, дворниковъ, прачекъ и т. п. Это—своего рода демонстрація противъ законодательной безцеремонности по отношенію къ служителямъ искусства, что, однако, не мѣшаетъ этимъ баламъ считаться въ числѣ самыхъ привлекательныхъ и блестящихъ затѣй бальнаго сезона...

Но вернемся къ нашей темѣ... Нерѣдко молодая дѣвушка, ищущая заработка черезъ посредство театральнаго агента, только переступивъ порогъ его бюро, обречена на нравственное паденіе. Если эта искательница бѣдна, то при недостаточномъ гардеробѣ она не можетъ расчитывать на сколько нибудь сносный ангажементъ; развѣ только въ томъ случаѣ, когда она съ перваго же момента рѣшится добывать себѣ не достающія на обстановку средства съ помощью побочнаго промысла. Допустимъ, что она получила отъ агента какой нибудь скромный ангажементъ и снабженная (большею частью совсѣмъ не снабженная) жалкими дорожными деньгами отправляется на мѣсто своего назначенія. Чѣмъ это мѣсто отдаленнѣе отъ ея родины, тѣмъ больше угрожающая ей опасность. Разъ она уже на мѣстѣ своего назначенія, то директоръ театра

*) О матеріальномъ положеніи театральнаго женскаго персонала см. между прочимъ книжку Dr Paul Schleuther: D«er Frauenberuf im Theater» изъ серіи Густава Дамса: „Der Existenzkampf der Frau“ 1895 Книжка Paul'a Linsemann: „Die Theaterstadt Berlin» 1897. содержитъ много интересныхъ фактовъ, но въ общемъ написана въ очень злобномъ и пристрастномъ тонѣ. Вообще же литература по этому предмету имѣется обширная, но разбросанная.

Digitized by Google

часто или въ самомъ началѣ, или спустя днѣ недѣли заявляетъ, что не можетъ ей платить условленнаго гонорара, что она должна согласиться на меньшее вознагражденіе, въ противномъ случаѣ, директоръ на основаніи очень благопріятнаго для него «расчетнаго срока» (Kundigungs frist—о немъ ниже) попроситъ даму совсѣмъ оставить театръ. Наша дѣвушка безъ средствъ, и не трудно себѣ представить, что у нея одинъ лишь выходъ изъ тяжелаго положенія.

Если даровитая дѣвушка столкнулась въ бюро отрекомендованаго ей агента съ какою нибудь бездарностью, но обладающею деньгами и богатымъ гардеробомъ, то не трудно предугадать кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этой конкурренціи. Отъ богатой дамы агентъ получаетъ приличную его званію и вліянію сумму, отправляетъ затѣмъ бездарную претендентшу къ извѣстному директору, а бѣдная даровитая дѣвушка осталась покуда не причемъ. И такъ агентъ обманываетъ директора, директоръ—артистку, а всѣ вмѣстѣ почтеннѣйшую публику. Да и удивительно-ли: вѣдь дѣло идетъ не объ искусствѣ, а о промыслѣ, въ которомъ всѣ средства хороши, если они сулятъ наживу.

Положеніе мелкаго театральнаго персонала, и по преимуществу женскаго, особенно тяжело въ большихъ театральныхъ центрахъ, какъ Берлинъ или Вѣна. Это особенно явствуетъ изъ размѣровъ гонорара, который получается этимъ персоналомъ: 20—25 марокъ въ недѣлю. Но на справедливый вопросъ дѣвушки: какъ можно жить и одѣваться при такомъ вознагражденіи,—она нерѣдко услышитъ отъ директора циническій отвѣтъ: Да зачѣмъ вамъ гонораръ? Вы такая хорошенькая! Развѣ у васъ нѣтъ богатаго поклонника—друга?.. и т. д. Эти милые резоны не только въ обращеніи во второ—и третьестепенныхъ провинціальныхъ театрахъ, гдѣ ихъ можно бы еще понять и объяснить запутаннымъ матеріальнымъ положеніемъ театральнаго предпринимателя. Эти резоны приводятся сплошь да рядомъ въ самыхъ богатыхъ театральныхъ агентурахъ и самыхъ выдающихся театрахъ столицы. Безцеремонные хозяева театральныхъ агентуръ и дирекцій не потрудятся часто накинуть на себя даже халатъ, предпочитая принимать просительницъ оставаясь въ постели. Хорошо извѣстно изреченіе одного крупнаго театральнаго директора: «путь къ успѣху женскаго персонала моей труппы ведетъ черезъ мою спальню».—Это, конечно, не исключительный, но лишь наиболѣе откровенный изъ директоровъ.

Не уклоняясь далеко отъ поставленныхъ себѣ рамокъ «современнаго театра, я не могу однако не соблазниться нѣкоторыми мимолетными экскурсіями въ исторію интересующаго насъ предмета. Особенно интересенъ въ этомъ ретроспективномъ отношеніи вопросъ о правовомъ положеніи сословія артистовъ *).

*) См. по этому поводу чрезвычайно любопытную и обставленную

Digitized by Google

Актеры стараго Рима, извѣстные подъ именемъ histriones, comoedi, tragoedi, scenici, mimi, pantomimi и т. д., были по обыкновенію рабами, и римскіе юристы говорятъ о нихъ какъ объ объектахъ, подобныхъ лошадямъ, муламъ и т. п., и только въ связи съ разсмотрѣніемъ господскихъ правъ на эти объекты. Но Corpus juris упоминаетъ объ актерахъ также еще въ другой связи, характеризующей глубокую разницу между взглядами грековъ и римлянъ на значеніе театральнаго искусства и соціальное положеніе актеровъ.

У грековъ сценическія представленія были государственными актами религіознаго характера. Изъ дифирамбскихъ хоровъ, пѣвшихся на діонисскихъ торжествахъ, возникла трагедія, а изъ ѳаллійскихъ пѣсенъ, пѣвшихся на тѣхъ же торжествахъ, игривыми участниками сопровождавшаго эти торжества цуга (κῶμοι), образовалась комедія. Ѳесписъ былъ первымъ, предложившимъ, чтобы связанный съ хоровымъ пѣніемъ текстъ былъ декламированъ особымъ актеромъ, и онъ же былъ первымъ актеромъ этого рода. Нѣкоторое время самъ авторъ являлся первымъ и единственнымъ актеромъ представляемой пьесы. Организація хора изъ среды гражданъ лежала на обязанности хороводчика (χορηγός); онъ же долженъ былъ нести необходимые расходы съ этимъ связанные. Когда при Эсхилѣ былъ введенъ второй актеръ, а при Софоклѣ третій, оба эти актеры доставлялись государствомъ; когда далѣе участіе автора въ качествѣ перваго актера (протогониста) перестало быть правиломъ, и протогонистъ, обратившійся въ предпринимателя, обязанъ былъ передъ государствомъ за опредѣленный гонораръ съ помощью своихъ двухъ помощниковъ давать представленія,—то отъ этого измѣнившагося положенія вещей репутація актеровъ нисколько не пострадала. Напротивъ, въ случаяхъ войны они даже назначались для посольскихъ миссій. Діонисскія артистическія общества, членами которыхъ могли быть только свободные, пользовались правами юридической личности и очень значительными привилегіями. Члены этихъ обществъ, напр., пользовались свободой отъ воинской повинности.

Совсѣмъ иначе обстояло дѣло въ старомъ Римѣ. Перенесенное въ Италію греческими рабами театральное искусство не являлось средствомъ добычи почетныхъ отличій при національныхъ празднествахъ, но не болѣе какъ промысломъ, покоющимся на личныхъ услугахъ. Даже драматическіе авторы, если предоставляли за плату свои произведенія городскимъ управленіямъ или театральнымъ предпринимателямъ, падали въ обще-

---

всѣмъ аппаратомъ научнаго изслѣдованія книжку талантливаго директора вѣнскаго придворнаго театра д-ра Макса Буркгарта: „Das Recht der Schauspieler“ Штутгартъ 1897. Буркгартъ (по своему образованію юристъ, заявилъ себя теперь рядомъ драматическихъ произведеній) недавно оставилъ директорскій постъ. Его намѣстникомъ приглашенъ упомянутый выше д-ръ Пауль Шлентеръ, одинъ изъ самыхъ видныхъ театральныхъ критиковъ Берлина и, такъ сказать, крестный отецъ соврем. драмат. школы.

Digitized by Google

ственномъ уваженіи. Этимъ объясняется то обстоятельство, что авторами драматическихъ произведеній являлись большею частью люди низшаго сословія: вольноотпущенные рабы, рядовые солдаты и т. п. Предубѣжденіе римлянъ противъ сословія актеровъ сказывалось не только въ обще-житейскихъ отношеніяхъ; оно нашло себѣ рѣзкое выраженіе и въ законѣ. Преторіанскій эдиктъ объявлялъ извѣстную категорію людей безчестными и рядомъ съ дезертирами, сводниками, ворами, разбойниками печать безчестія налагалась и на тѣхъ лицъ, которыя въ качествѣ актеровъ или декламаторовъ выступали на сцену. Сцену же юристы того времени опредѣляли какъ мѣсто, предназначенное для представленія игръ, въ которыхъ кто-либо публично продѣлываетъ различныя тѣлесныя движенія и тѣмъ самымъ представляетъ самого себя... Правовыя послѣдствія этой печати безчестія были очень многосложны. Достаточно указать на то, что браки сенаторовъ и ихъ дѣтей съ лицами актерскаго сословія признавались недѣйствительными. Солдаты, позволившіе себѣ выступить на публичной сценѣ, безъ всякихъ юридическихъ околичностей прямо наказывались смертной казнью...

Причина такого исключительнаго, незавиднаго правового положенія артистовъ заключалась нестолько въ нравственной, разнузданности театральной жизни стараго Рима, сколько въ моментѣ вознаградимости, продажности тѣлесныхъ зрѣлищъ. Оттого, какъ разсказываютъ римскіе юристы, приговору безчестія не подлежали, напр., борцы въ священныхъ играхъ (athletae), боровшіеся изъ храбрости, а не изъ за вознагражденія. То же самое относится и къ другимъ категоріямъ артистовъ и гимнастовъ, не требовавшихъ платы за свое искусство.

Законодательныя постановленія этого рода показываютъ безъ сомнѣнія большое нерасположеніе къ сословію актеровъ со стороны законодательной власти. Но ужъ одна необходимость въ такихъ постановленіяхъ служитъ съ другой стороны свидѣтельствомъ, что римляне не такъ ужъ близко принимали къ сердцу предписанія высшаго начальства по отношенію къ театральнымъ сферамъ. Въ особенности слѣдуетъ предположить значительный обходъ законовъ относительно времени цезарей, когда прекрасный полъ началъ принимать очень дѣятельное участіе въ театральныхъ представленіяхъ.

Сулла былъ первымъ публично поддерживавшимъ интимныя отношенія съ актерами. А вскорѣ по Рождествѣ Христовѣ актеры, не смотря на тяготѣвшую надъ ними печать безчестія, сдѣлались предметомъ такого общественнаго обожанія, что сенатъ (въ 15-мъ году по Р. Х.) увидѣлъ себя вынужденнымъ, для спасенія чести сенаторовъ и всадниковъ, издать два постановленія, въ силу которыхъ сенаторамъ воспрещалось входить въ домъ пантомимиста, а всадникамъ ставилось на видъ, чтобы они не окружали на улицахъ актеровъ своими поклоненіями и изліяніями. Сенека жалуется, что благороднѣйшіе юноши унижаются до простыхъ слугъ мимиковъ и что мужья и жены устраиваютъ другъ другу сцены

Digitized by Google

изъ за того, кому изъ нихъ идти рядомъ съ извѣстнымъ актеромъ.. Артистическія поползновенія Нерона хорошо извѣстны, и Светонъ не безъ юмора разсказываетъ о публичныхъ выходахъ Императорскаго гистріона, о его смущеніи, о его любимыхъ роляхъ и о томъ, какъ жестоко онъ потѣлъ при ихъ выполненіи *).

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ древнемъ Римѣ актеры въ правовомъ отношеніи или считались рабами, или, въ виду господствовавшаго предубѣжденія противъ профессіональныхъ и даже любителей-актеровъ, несли на себѣ печать презрѣнія. Съ другой стороны, фактически жестокіе законы нерѣдко обходились и актерское сословіе не только было терпимо, но имѣло не мало поклонниковъ въ средѣ римскихъ гражданъ.

Начало среднихъ вѣковъ характеризуется рѣшительнымъ гоненіемъ на античную драму, которая, правда, какъ по своему содержанію, такъ и по характеру ея изображенія, достигла высокихъ степеней безнравственности. Св. Августинъ (354—430 г. по Р. Х.) сообщаетъ о совершенномъ разрушеніи театральныхъ зданій во всѣхъ провинціяхъ. Духовенство того времени объявляло анаѳему старой трагедіи, разсказывающей «въ стихахъ постыдныя дѣянія прошлаго». Тоже объявлялось и по отношенію къ болѣе современнымъ комедіямъ брачной невѣрности, по отношенію къ драмамъ вообще, которыя не что иное какъ «дѣла дьявола, язва государства» и т. п. Такимъ образомъ случилось, что въ то самое время, когда на дальнемъ Востокѣ, въ Индіи театръ достигъ цвѣтущаго состоянія, на его подлинной родинѣ онъ окончательно вымеръ. Но та самая церковь, которая уничтожила театръ изъ за его языческихъ корней, была носительницей новаго движенія въ пользу его возстановленія. Церковной литургіи присущъ извѣстный театральный моментъ, и нѣкоторые историки драмы не безъ основанія обозначаютъ литургическую процессію въ ея формѣ и значеніи драматическимъ актомъ, которой лишь одинъ шагъ до литургической мистеріи-драмы. Историческія изслѣдованія сохранившихся драматическихъ опытовъ почти единодушно указываютъ на церковь, какъ на арену этихъ драматическихъ актовъ, на церковныя празднества, какъ на поводъ къ нимъ и на духовныхъ лицъ какъ на дѣйствующихъ персонажей въ этого рода представленіяхъ. Привлеченіе свѣтскихъ лицъ къ духовнымъ играмъ очевидно содѣйствовало перенесенію этихъ игръ на свободную внѣцерковную арену, но и въ этомъ случаѣ духовныя особы еще долгое время оставались устроителями и главными дѣйствующими лицами. Лучшимъ доказательствомъ того, что артистическая дѣятельность духовенства не была исключеніемъ, служитъ то обстоятельство, что вскорѣ папскіе декреты обрушиваются на духовныхъ артистовъ и запрещаютъ имъ всякое содѣйствіе театральнымъ представленіямъ.

---

*) По этому поводу книжка д-ра Буркгардта заключаетъ массу любопытныхъ деталей.

Digitized by Google

Указанный только что церковный характеръ происхожденія средневѣковой драмы и участіе духовенства въ ея представленіи служатъ основаніемъ предполагать, что перенятыя средними вѣками правовыя нормы распространялись не на подлинныхъ исполнителей драмы, а на т. н. странствующихъ актеровъ всякаго рода. Драматическія представленія среднихъ вѣковъ были дилетантскими представленіями, а участвующія въ нихъ лица—актерами-дилетантами, набиравшимися изъ различныхъ круговъ общества. Само собой разумѣется, что уже въ это время назрѣваютъ зачатки сословія профессіональныхъ актеровъ.

Главной родиной сословія профессіональныхъ артистовъ является Англія. Его возникновеніе слѣдуетъ отнести къ серединѣ 15 столѣтія, когда Ричардъ III, глостерскій герцогъ, располагалъ уже собственною труппою актеровъ. Подъемъ англійскаго театра въ концѣ 16-го вѣка, времени начала дѣятельности Шекспира, побудилъ англійскихъ актеровъ искать счастья и за предѣлами своей родины. Постепенно проникли они и въ нѣмецкія земли. Неудивительно, если ихъ примѣръ вызвалъ здѣсь подражаніе и со стороны нѣмецкихъ артистическихъ слоевъ. Съ начала 17 вѣка нѣмецкіе предприниматели набираютъ собственныя трупы, строятъ по личной иниціативѣ и съ помощью владѣтельныхъ князей театры въ различныхъ пунктахъ Германіи. Среди нихъ особенно выдѣлился упомянутый выше магистръ Фелтенъ своей «актерской бандой». Онъ же былъ первымъ театральнымъ директоромъ, назначеннымъ саксонскимъ герцогомъ Іоганомъ Георгомъ III и положившимъ въ концѣ 17-го вѣка въ Дрезденѣ начало первому нѣмецкому придворному театру.

Въ новое время сословіе профессіональныхъ нѣмецкихъ актеровъ выступаетъ снабженное всѣми правами гражданства. Актерская дѣятельность не была предметомъ какого либо общественнаго неуваженія, на ней подвизались люди разныхъ сословій, и актеру, повидимому, были открыты всѣ пути къ признанію и почестямъ. Странствующіе комедіанты стараго типа и далеко не безупречный образъ жизни англійскихъ заѣзжихъ актеровъ, правда, еще часто бросали тѣнь на почтенное сословіе драматическихъ артистовъ; въ лѣтописяхъ нѣмецкаго театра мы еще очень часто наталкиваемся на случаи тюремнаго заключенія, высылки и даже избіеніе этихъ служителей искусства... Но, обращаясь къ современности, мы видимъ, что исчезли почти всѣ слѣды предубѣжденія противъ актера, если онъ, конечно, не сапожникъ, а артистъ, художникъ. Мы видимъ, что теперь, какъ во времена Сенеки, извѣстные артисты и артистки служатъ предметомъ обожанія и поклоненія, яблокомъ раздора между супругами. Имъ доступны всякіе титулы и ордена, всѣ почести, о какихъ только можетъ мечтать смертный. Чего бы, кажется, больше...

Между тѣмъ именно въ наше время мы замѣчаемъ движеніе среди сословія артистовъ, направленное къ коренной реформѣ правового положенія сценическихъ дѣятелей. Такова ужъ видно судьба нашей такъ называемой соціальной эпохи, гдѣ все «движется», недовольно своимъ

Digitized by Google

положеніемъ и стремится къ лучшей долѣ. Недовольны и господа актеры своей долей, недовольны тѣмъ договорнымъ правомъ, которое имъ навязывается театральными предпринимателями. И для устраненія своей безправности господа актеры по всѣмъ правиламъ «соціальнаго движенія» сплачиваются, или, какъ это называется на языкѣ соціальной политики, коаллируются, аппелируютъ къ законодательнымъ властямъ и т. д. Едва ли нужно прибавлять, что и въ средѣ сценическаго искусства имѣется соотвѣтственный аттрибутъ, характеризующій движеніе современной эпохи: многочисленный сценическій пролетаріатъ.

Причиной горькихъ жалобъ сценическихъ дѣятелей Германіи являются тѣ формы контракта, на которыхъ покоятся договорныя отношенія между театральнымъ директоромъ и театральнымъ персоналомъ и которыя составляются въ пользу односторонникъ интересовъ предпринимателя. Остановимся на нѣкоторыхъ сюда относящихся постановленіяхъ подобнаго рода контрактовъ.

Само собою разумѣется, что дѣятельности актера, какъ представителя сценическаго искусства, отнюдь не соотвѣтствуетъ то обыкновенное постановленіе контракта, въ силу котораго актеръ долженъ безпрекословно играть всякую назначенную ему директоромъ роль. Несостоятельность такого постановленія очевидна. Извѣстно, напр., что никакой драматическій авторъ, не желающій рисковать успѣхомъ своего произведенія, не предоставитъ его въ неограниченное распоряженіе театральнаго управленія. Онъ всегда поставитъ условіемъ, чтобы первыя пробы и репетиціи производились при его автора участіи и съ помощью его указаній. Было бы поэтому неосновательно не признавать и за актеромъ равноправнаго фактора въ постановкѣ той или иной пьесы и навязывать ему всякую роль.

Но это еще цвѣточки. Мы уже намекали выше на тотъ способъ, при посредствѣ котораго директоры рекрутируютъ значительную часть своего персонала. Прежде всего служатъ ему въ этомъ дѣлѣ театральные агенты. Но эти послѣдніе народъ въ вопросахъ сценическаго искусства не всегда надежный. Поэтому театральный директоръ, нуждающійся въ актерѣ или актрисѣ на какое нибудь опредѣленное амплуа, поручаетъ передъ началомъ сезона своему агенту доставить ему на это амплуа сразу нѣсколько душъ. При этомъ директоръ сохраняетъ за собою право отпустить каждаго изъ приглашенныхъ въ теченіе двухъ недѣль или мѣсяца. Мелкій актеръ, опасаясь совсѣмъ остаться безъ ангажемента, рѣшается на это условіе и тратитъ свои послѣдніе гроши на переѣздъ къ мѣсту назначенія. Что же ожидаетъ его тамъ? Не рѣдко директоръ даже ни разу не выпуститъ его на сцену и безъ всякой пробы отпуститъ на всѣ четыре стороны. Тѣмъ временемъ сезонъ уже начался, всѣ театры запаслись уже нужнымъ персоналомъ и участь нашего бѣднаго Несчастливцева обращается въ настоящую трагедію безъ сцены, въ одинокую трагедію голода.

Digitized by Google

Но допустимъ: ангажементъ состоялся и «вольный» договоръ заключенъ. И тогда мы всетаки видимъ, какая масса лазеекъ имѣется на сторонѣ директора для объявленія контракта не существующимъ и какъ мало поводовъ для того на сторонѣ актера. Этотъ послѣдній можетъ нарушить контрактъ только въ одномъ случаѣ: если директоръ не платитъ гонорара. Съ другой стороны всецѣло во власти директора платить гонораръ артисту ,но не пускать его на сцену, сдѣлать актера, какъ здѣсь выражаются, «kaltgestellt». И актеръ, вся карьера котораго разрушается такимъ коварнымъ способомъ, не въ правѣ нарушить контракта по этому поводу.

Заболѣлъ актеръ. На этотъ случай договоръ гласитъ, что послѣ двухъ недѣль продолжающейся болѣзни жалованье можетъ быть сокращено на половину, а если повторяющіеся случаи болѣзни въ теченіе договорнаго года составятъ вмѣстѣ 28 дней, то выдача жалованья можетъ быть совершенно прекращена. Допустимъ, что и директоръ долженъ быть охраненъ отъ ущерба своихъ интересовъ. Но какъ можно оправдать постановленіе контракта, по которому директоръ, помимо сокращенія жалованья больного члена труппы, можетъ всетаки не отпускать его отъ себя въ расчетѣ, что, дескать, выздоровѣетъ и опять будетъ мнѣ служить вѣрой и правдой; между тѣмъ какъ больной актеръ, если бы пожелалъ развязаться съ театромъ, связанъ контрактомъ и прикрѣпленъ къ директору. Легко себѣ представить, какъ этотъ удивительный § отражается при случаѣ на женщинахъ театральнаго персонала, которыя какъ таковыя подвержены особеннымъ случаямъ заболѣванія.

Если актриса вышла замужъ, то директоръ въ правѣ объявить контрактъ съ нею недѣйствительнымъ. Съ другой стороны, актриса, вышедшая замужъ и желающая оставить сцену, связана контрактомъ, если директоръ почему либо захочетъ удержать ее у себя.

Директоры согласно контракту могутъ налагать за всякіе проступки артистовъ штрафы въ размѣрѣ отъ одной марки до мѣсячнаго жалованья. Онъ можетъ нарушить контрактъ, если найдетъ поведеніе артиста или артистки безнравственнымъ. И т. д.

Нерѣдко директора и агенты, подмѣтивъ какой нибудь молодой и начинающій талантъ, законтрактовываютъ его сразу на много лѣтъ. Агентъ при этомъ, какъ и во всѣхъ своихъ сдѣлкахъ, выговариваетъ себѣ изрядный % съ жалованья, изрядный % при возобновленіи контракта, при устройствѣ гастролей и т. п. Но горе тому актеру, который вздумалъ бы освободиться изъ этого крѣпостного состоянія и нарушить контрактъ. Онъ не отдѣлается одной платой неустойки,—нѣтъ на этотъ случай театральные директора состоятъ между собой въ соглашеніи немилосердно бойкотировать такого ослушника и не принимать его на сцену. Въ Германіи хорошо извѣстенъ фактъ, что даровитѣйшій изъ нѣмецкихъ артистовъ Іосифъ Кайнцъ (теперь служитъ на сценѣ «Нѣмецкаго Театра» въ Берлинѣ) скитался долгое время безъ дѣла, потому что нарушилъ контрактъ и бойкотировался директорской картелью.

Digitized by Google

Одинъ чрезвычайно важный пунктъ, ускользнувшій отъ моего вниманія и очень характерный для матеріальнаго положенія женскаго персонала театра, я отмѣчу здѣсь: согласно контракту артисты получаютъ театральный гардеробъ отъ дирекціи, артистки же должны справлять все необходимое на свой счетъ. Это условіе едва ли нуждается въ комментаріяхъ. Упомянутый картель театральныхъ предпринимателей представленъ въ т. н. Deutscher Bühnenverein, къ которому принадлежатъ почти всѣ директора театровъ нѣмецкихъ странъ (Германія, Австрія, Нѣмецкая Швейцарія). Организація эта очень сильна. Она имѣетъ въ своихъ рукахъ почти всю юрисдикцію въ театральной области, такъ какъ тяжбы между директорами и актерами не подлежатъ общимъ судамъ. Судебная процедура этого ферейна такова, что противъ его постановленій безсильны актеры. Эти послѣдніе также организованы въ Genossenschaft der deutschen Bühnenangehörigen, общество, заключающее въ себѣ теперь до 1500 членовъ и располагающее капиталомъ въ 5 милліоновъ марокъ. По мѣрѣ обострения отношеній между этими двумя организаціями Genossenschaft актеровъ старается все тѣснѣе сплотиться между собою, чтобы быть въ состояніи оказывать противодѣйствіе претензіямъ своихъ хозяевъ. Оно энергично агитируетъ въ пользу законодательнаго регулированія отношеній въ театральномъ дѣлѣ и недавно добилось того, что прусское министерство внутреннихъ дѣлъ нарядило подробное изслѣдованіе о театрахъ, долженствующее послужить основаніемъ для реформъ въ этой области.

Я полагаю, что вышеизложенное не покажется лишнимъ для интересующаго насъ предмета. Теперь мы въ общихъ чертахъ знаемъ тотъ общій фонъ, на которомъ разыгриваются «современныя драмы», и ту невидимую обстановку, въ условіяхъ которой добываютъ себѣ извѣстность и славу современные драматурги. Объ этихъ послѣднихъ и еще кое о чемъ, чего намъ не удалось сказать здѣсь, мы побесѣдуемъ въ слѣдующій разъ.

Г. Гроссманъ.

Digitized by Google

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Современная французская журналистика и вопросъ объ отвѣтственности печати.

«Кризисъ печати»—вотъ слова, въ послѣднее время все чаще и чаще повторяемыя во Франціи въ виду тѣхъ постоянно повторяющихся и уже всѣмъ извѣстныхъ фактовъ продажности печатнаго слова, которые свидѣтельствуютъ, что газета или журналъ, вмѣсто того, чтобы быть выразителями безпристрастнаго и неподкупнаго общественнаго мнѣнія, нерѣдко становятся купленнымъ орудіемъ самой гнусной клеветы, самой грязной интриги. «Шестая великая держава», какъ давно уже прозвали европейскую печать за ея огромную общественную и политическую силу и вліяніе, къ сожалѣнію, нигдѣ не свободна отъ упрека въ рептильности, въ корыстной угодливости сильнымъ міра; но во Франціи,—въ странѣ свободныхъ учрежденій и свободнаго слова, многіе органы печати, и притомъ—изъ числа такъ называемыхъ «руководящихъ», совершенно утратили всякое чувство собственнаго достоинства и готовы продавать свои услуги первому встрѣчному. Разоблаченія относительно «Панамы» бросили, между прочимъ, яркій свѣтъ и на эту общественную язву и заставили серьезно призадуматься надъ вопросомъ о томъ, каковы должны быть предѣлы нравственной отвѣтственности органовъ печатнаго слова и есть ли какая-нибудь возможность вывести печать изъ того унизительнаго положенія, въ какое она такъ часто ставится недостойными «руководителями». «Revue Bleue» предприняла по этому вопросу цѣлое разслѣдованіе, обратившись къ самымъ выдающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ съ просьбой сообщить свой взглядъ на это дѣло.

Разобраться въ этомъ вопросѣ, хотя бы только академически, не имѣя въ виду какихъ-либо практическихъ цѣлей, въ самомъ дѣлѣ пора и слѣдуетъ. Во Франціи насчитывается въ настоящее время 5,787 періодическихъ изданій, изъ которыхъ 2,401 выходитъ въ Парижѣ, а 3,386—въ провинціи. Многія изъ этихъ изданій—ежедневныя газеты, продающіяся отдѣльными номерами по цѣнѣ отъ 5 до 20 сантимовъ. Они проникаютъ всюду; нѣкоторыя изъ нихъ выходятъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ,

Digitized by Google

и большая часть считаетъ свой ежедневный тиражъ десятками тысячъ. Каждый день почти всѣ грамотные люди, даже изъ низшихъ классовъ, читаютъ по крайней мѣрѣ одну газету, многіе читаютъ и двѣ, а иные — даже три или четыре. Для человѣка одинокаго—а такихъ въ современномъ обществѣ всегда много,—газета замѣняетъ друга и собесѣдника; онъ читаетъ ее или утромъ, или ночью, передъ сномъ, за завтракомъ, за обѣдомъ. Въ семьѣ, въ ресторанѣ, въ клубѣ,—вездѣ, гдѣ только сходятся люди, газета доставляетъ матеріалъ для разговора, для сужденій о злобѣ дня; она проникаетъ всюду, отъ нея ничто не можетъ укрыться, она создаетъ общественную атмосферу, отъ которой человѣкъ не въ состояніи избавиться; лишеніе газеты для огромнаго большинства является настоящею казнью. Во Франціи не только арестанты въ тюрьмахъ, но даже каторжники не лишаются газетъ.

Всемогущество газетнаго листа заключается именно въ томъ, что онъ никогда не навязываетъ своего мнѣнія насильно, а только подсказываетъ его людямъ, еще не успѣвшимъ составить самостоятельнаго сужденія о томъ или иномъ событіи или предметѣ; а вѣдь такихъ людей всегда—огромное большинство. Газета предоставляетъ имъ какъ будто полную свободу сужденій, въ дѣйствительности же прямо порабощаетъ ихъ своему взгляду на вещи, понемногу пріучаетъ ихъ смотрѣть на весь міръ только черезъ подставленныя ею очки...

Въ странѣ свободной печать, какова бы она ни была,—хорошая или дурная, правдивая или лживая, честная или продажная,—обладаетъ страшною силою. Она представляетъ собою постоянную всеобщую подачу голосовъ, на которую аппеллировать можно только къ ней же самой; она создаетъ общественное мнѣніе, то есть нравы страны; она поддерживаетъ или разрушаетъ семью и школу, создаетъ или уничтожаетъ репутаціи, назначаетъ или устраняетъ министровъ; она обладаетъ даже страшнымъ правомъ войны и мира. Всѣ общественные дѣятели—писатели, художники, дипломаты, чиновники, купцы,—всѣ преклоняются предъ ея таинственной властью. Печать «интервьюируетъ» папъ и королей, подготовляетъ союзы и войны, во многихъ отношеніяхъ замѣняетъ собою дипломатію или оказываетъ ей неоцѣнимыя услуги. Еще не такъ давно газетный репортеръ былъ важнѣе посланника, а нѣсколько редакторовъ распространенныхъ изданій смѣло могли помѣряться силами съ президентомъ республики. Печать руководитъ и школой, и парламентомъ, она диктуетъ законы толпѣ и, волей неволей, оказываетъ давленіе на умъ и совѣсть даже самыхъ выдающихся и самыхъ сильныхъ людей. Ея абсолютная и безыменная власть не знаетъ такой силы, съ которой она не въ состояніи была бы бороться.

Какъ же воспользовалась французская печать этимъ своимъ всемогуществомъ? Содѣйствовала ли она развитію и процвѣтанію школы, просвѣщенію публики, благимъ намѣреніямъ власти? поставила ли она себѣ непремѣнной задачей быть источникомъ точныхъ свѣдѣній и искреннимъ

Digitized by Google

совѣтникомъ народа? считала ли она за великую честь руководить общественнымъ мнѣніемъ распространяя въ обществѣ высшую культуру, искореняя низкіе инстинкты? сдѣлалась ли она посредницей между образованными классами общества и толпою, съ цѣлью поднять умственный и нравственный уровень этой толпы? была ли она орудіемъ разума и свободы противъ невѣжества и хищничества? распространяла ли она вокругъ себя тотъ свѣтъ, который долженъ былъ бы отъ нея исходить?

Или, наоборотъ, она помогала только нравственному растлѣнію той демократіи, которую должна была бы поучать и просвѣщать, воспользовалась своей огромной властью только для того, чтобы все опошлить,—ложными извѣстіями подорвала общественное довѣріе и энергію,—порнографіей водворила распутство въ семьѣ и школѣ, клеветой и диффамаціей уничтожила кредитъ общественныхъ избранниковъ, судебными хрониками и уголовными фельетонами развратила воображеніе юношей, склонныхъ къ порокамъ, шантажемъ и угрозами поощряла всякое насиліе и грабежъ, разорила три четверти націи, терроризировала правительство и, наконецъ, самыя дорогія преимущества свободы и равенства позорно бросила въ грязь, къ ногамъ плутократіи и демагогіи?

Присматриваясь къ французской печати послѣднихъ лѣтъ, приходится сознаться, что второе, отрицательное изображеніе гораздо ближе соотвѣтствуетъ ея характеру, чѣмъ первое. Газеты независимой, которая не жила бы ни скандалами, ни диффамаціей, ни подачками отъ крупныхъ биржевиковъ, газета, которая не продавала бы своего голоса или своего молчанія и была бы равно свободна и отъ порнографіи, и отъ угодничества денежному мѣшку,—такой газеты въ настоящее время во Франціи не существуетъ. Панамскіе счеты и другія подобныя дѣла разрушили всякія иллюзіи на этотъ счетъ и ясно показали, что вся французская печать находится теперь въ рукахъ болѣе или менѣе ловкихъ и безцеремонныхъ «дѣльцовъ», что она живетъ и движется клеветой, шантажемъ и всяческою ложью.

Почему же французская печать оказалась въ такомъ унизительномъ положеніи? Чѣмъ объяснить такую быструю и страшную порчу? Кто въ этомъ виноватъ?

Обвиняютъ обыкновенно газетныхъ сотрудниковъ. Но что такое газетный сотрудникъ? Не больше, какъ украшеніе или подчиненный. Если онъ—знаменитость, его выдвигаютъ на первый планъ, позволяютъ ему писать все, что только вздумается, и подъ вывѣской его честности обдѣлываютъ всякія темныя дѣлишки. Если же онъ—простой литературный работникъ, то его заставляютъ слѣдовать направленію газеты безъ дальнихъ разсужденій, такъ что онъ или не знаетъ, или не хочетъ допытываться, какими деньгами оплачиваются его статьи...

Другіе винятъ во всемъ публику, повторяя, что «всякая публика имѣетъ такую печать, какой она заслуживаетъ». Petit Journal не разсказывалъ бы каждый день подробности возмутительнѣйшихъ преступленій и

Digitized by Google

Lanterne не выпускала бы каждую недѣлю своихъ грязныхъ приложеній, если-бы публика сама не бросалась на подобнаго рода чтеніе. Но вопросъ имѣетъ и свою оборотную сторону; это—палка о двухъ концахъ: вѣдь вкусы публики питаются и поддерживаются самою же печатью. Публика—дитя, публика—стадо, и ее легче увлечь въ дурную сторону, чѣмъ въ хорошую, потому что зло вообще требуетъ меньше усилій, чѣмъ добро. Увѣрять, что публика развратила печать, это все равно, что увѣрять, будто пьяницы развратили кабатчика...

Наконецъ, есть и такое мнѣніе, что во всемъ виновата свобода печати и отсутствіе строгой цензуры, которая безпощадно преслѣдовала бы ложныя сообщенія и безнравственныя статьи. Но такое ограниченіе свободы печати едва ли совмѣстимо съ республиканскимъ правленіемъ, основаннымъ на принципѣ «свободы, равенства и братства». Говорятъ: нужно штрафовать за злоупотребленія печатнымъ словомъ и обезпечить взысканіе штрафовъ крупными залогами при разрѣшеніи изданія; но вѣдь именно та спекуляція, которая всего больше развращаетъ печать, и располагаетъ самыми крупными суммами для внесенія залоговъ и уплаты штрафовъ; слѣдовательно, этимъ ее не испугаешь и не остановишь...

Вопросъ о причинахъ зла, котораго никто не отрицаетъ, и о способахъ къ его устраненію, относительно которыхъ существуютъ весьма разнообразныя мнѣнія, прямо и рѣзко поставленъ извѣстнымъ Бераніе въ Revue Bleue. По его мнѣнію, причины развращенности современной французской печати заключаются не въ негодности ея личнаго состава, не въ публикѣ и не въ свободѣ печати, а въ господствѣ плутократіи и во всеобщей подачѣ голосовъ. «Что проку въ томъ, что печать свободна по закону, если она практически находится въ рабствѣ?» Печать нельзя разсматривать отдѣльно отъ остального общества, и если она страдаетъ отъ какой-нибудь язвы,—это значитъ, что тою же язвой заражено и все общество.

Все развитіе французской національной жизни послѣ 1789 г., по мнѣнію Бераніе, страдаетъ отъ глубокаго и коренного противорѣчія, которое подрываетъ силы страны, губитъ ея школу, парламентъ, печать. Это противорѣчіе заключается въ слѣдующемъ.

Демократическій строй общества, созданный революціей 1789 г., долженъ былъ основываться на равенствѣ, братствѣ, свободѣ; въ дѣйствительности же онъ основался на господствѣ денегъ, сословныхъ преимуществъ и взаимнаго заподозрѣванія. На мѣсто старой аристократіи родовитаго дворянства явились двѣ новыя аристократіи: парламентская и денежная, и эта послѣдняя вскорѣ поработила первую. Такимъ образомъ демократія менѣе, чѣмъ въ сто лѣтъ обратилась въ плутократію. Примѣненіе науки къ промышленности, международная торговля, широкая спекуляція, космополитическая биржа, усилившееся преобладаніе недвижимой собственности надъ движимою—все это содѣйствовало усиленію плутократіи. Можетъ быть, богатые люди вовсе и не желали власти; но такъ

Digitized by Google

какъ деньги сдѣлались единственнымъ признакомъ различія между людьми, которые во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ считали себя совершенно между собою равными и свободными, то и понятно, что денежное неравенство создало аристократію капитала. А капиталъ, получая въ обществѣ господствующую роль, почти всегда является элементомъ разложенія. Деньги не дѣлаютъ лучшими людей, у которыхъ онѣ есть, но дѣлаютъ худшими людей, у которыхъ ихъ нѣтъ и которые ихъ жаждутъ. Жажда богатства, наживы является своего рода проказой, отъ которой не избавлены и самые просвѣщенные представители общества. Принципы 1789 г. не предвидѣли побѣды капитала, который очень скоро совершенно уничтожилъ ихъ дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, теоретически, милліонеръ и нищій равны передъ закономъ, но на практикѣ милліонеръ всегда раздавитъ нищаго; изъ этихъ двухъ «свободныхъ и равныхъ братьевъ» одинъ—царь, другой—рабъ.

Такимъ образомъ, во французскомъ обществѣ развилась и утвердилась аристократія, не имѣющая ни особенныхъ правъ, ни обязанностей, ни преданій, ни идеаловъ,—и демократическій строй общества не только не въ состояніи былъ оказать ей какое-нибудь противодѣйствіе, но, напротивъ, еще служитъ для нея поддержкой; эта новая аристократія денежнаго мѣшка безъ большихъ усилій, единственно силою общаго тяготѣнія къ деньгамъ, покорила подъ нозѣ свои не только старую аристократію дворянства и духовенства, но и парламентъ, и печать, и всеобщую подачу голосовъ.

Вотъ эти то условія и привели къ кризису французскаго парламентаризма и печати, такъ ярко обнаружившемуся въ скандальныхъ дѣлахъ недавняго времени. Такимъ образомъ, причины зла—не частныя, а общія: деньги развратили парламентъ, деньги уронили печать. Кто стоитъ во главѣ самыхъ вліятельныхъ органовъ печати? Люди денежные. Чѣмъ питается касса крупныхъ изданій? Крупными денежными предпріятіями. Къ какой цѣли стремятся издатели газетъ? Нажить какъ можно больше денегъ.

Современная печать не отвѣтственна за свою испорченность: какъ и всѣ прочіе элементы республики, она свободна только въ теоріи, а на практикѣ является рабою денегъ, которымъ она обязана своимъ успѣхомъ, и рабою успѣха, котораго она достигаетъ при помощи денегъ.

«До тѣхъ поръ, пока республиканскіе законы не поразятъ плутократію въ самое сердце», говоритъ Беранже,—«до тѣхъ поръ, пока денежная аристократія не будетъ замѣнена аристократіей умственной и нравственной,—до тѣхъ поръ печать будетъ неминуемо подчинять всѣ свои стремленія одной только потребности въ деньгахъ, и ея развращенность будетъ все больше и больше усиливать порчу всего общества».

«Наши законодатели», продолжаетъ онъ, «освободили печать отъ суда и полиціи; но они не предвидѣли ея порабощенія биржевыми дѣльцами и фанансистами. Можно сказать, что они освободили ее отъ правитель-

Digitized by Google

ственной опеки только затѣмъ, чтобы облегчить ей пресмыкательство передъ деньгами»...

Можно ли чѣмъ-нибудь устранить это общественное зло, или же оно должно быть признано неизлѣчимою органическою болѣзнью? — Вотъ вопросъ, съ которымъ обратился журналъ Revue Bleue къ выдающимся политическимъ и литературнымъ дѣятелямъ Франціи и ко всѣмъ желающимъ дать на него свой отвѣтъ.

Отвѣты получились очень оригинальные и характерные.

Вице-президентъ палаты депутатовъ Поэнкаре видитъ главную причину зла въ недостаткахъ существующаго законодательства о печати и въ слабости суда. «Мнѣ не воспрещается говорить на улицѣ», разсуждаетъ онъ; «но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы за мной признано было право ругать мимо идущихъ людей. Я имѣю право ничего не купить въ магазинѣ; но я не имѣю права, войдя въ магазинъ, заявить купцу: «Если вы мнѣ не дадите даромъ того-то и того-то, то я стану повсюду разсказывать, что всѣ вещи, которыя вы продаете, никуда не годятся». Очевидно, что рѣчи, которыхъ я не смѣю безнаказанно произносить на улицѣ, я не долженъ смѣть выкрикивать со столбцовъ газеты».

Существующіе законы о печати, по мнѣнію Поэнкаре, превосходны; бѣда только въ томъ, что они не примѣняются или примѣняются не такъ, какъ слѣдуетъ. Необходимо, чтобы во всякомъ процессѣ, возбуждаемомъ противъ органовъ печати, отвѣтственность падала на дѣйствительно виновныхъ, а не на подставныхъ лицъ, другими словами, чтобы потерпѣвшій имѣлъ право разыскивать и преслѣдовать автора статьи или главнаго редактора и чтобы финансовая администрація изданія платилась, въ случаѣ обвиненія, крупными штрафами. Теперь же всякая ложь и диффамація распространяется финансовыми спекулянтами, которые прячутся за спину жалкаго наемника, называемаго отвѣтственнымъ редакторомъ, и заставляютъ его за ничтожное мѣсячное жалованье отсиживать сроки въ тюрьмѣ, а сами гуляютъ на свободѣ.

Но кромѣ этого недостатка законодательства, упорядоченіе печати въ значительной степени зависитъ и отъ самой публики: пора перестать давать вѣру всякому нелѣпому заявленію только въ силу того, что оно напечатано; пора отбросить это «типографское суевѣріе». Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо также «излѣчить буржуазную душу отъ того ужаса, въ какой повергаетъ ее оскорбительная газетная статья». Въ самомъ дѣлѣ, мы часто видимъ, что человѣкъ, очень храбрый на полѣ сраженія, трепещетъ передъ нѣсколькими печатными строчками и старается укрыться вмѣсто того, чтобы смѣло выступить на защиту своего добраго имени. Такимъ образомъ, диффаматоры, въ большинствѣ случаевъ, разсчитываютъ на безнаказанность. Если-бы дѣло обстояло иначе, то, конечно, распространеніе лживыхъ вѣстей стало бы труднѣе и опаснѣе.

Итакъ, заключаетъ Поэнкаре, — «усилимъ, если возможно, реальную отвѣтственность печати, не будемъ слѣпо довѣрять всему печатному и

Digitized by Google

запасемся хладнокровіемъ, которое позволитъ намъ спокойно относиться къ нападкамъ печати, въ увѣренности, что послѣднее слово всегда остается на сторонѣ истины и справедливости».

Давнишній сотрудникъ газеты Soleil, Шарль Каниве, посмотрѣлъ на дѣло съ иной, чисто литературной точки зрѣнія. Главныя причины современнаго паденія печати онъ видитъ въ небываломъ развитіи репортерства, которое создало своего рода спортъ,—погоню за сенсаціонными новостями, часто сомнительными, еще чаще — просто выдуманными, а также и въ томъ, что количество газетъ быстро увеличивается, между тѣмъ какъ число настоящихъ журналистовъ, людей, дѣйствительно способныхъ къ газетной работѣ, столь же быстро уменьшается. Грубость и брань никогда и нигдѣ не признавались полемическими аргументами; а между тѣмъ, онѣ усвоены современной печатью, потому что онѣ доступны всякому и не требуютъ никакихъ профессіональныхъ знаній. Погоня за новостями, способствующая распространенію лжи; общее невѣжество относительно возбуждаемыхъ въ печати вопросовъ, обнаруживаемое тѣми лицами, которые берутся печатно о нихъ разсуждать и вмѣсто знаній отдѣлываются только руганью; безстыдная реклама въ пользу всякихъ мошенническихъ предпріятій; нелѣпые фельетонные романы, которыми вотъ уже болѣе четверти вѣка особаго рода писатели наперерывъ другъ передъ другомъ стараются развращать воображеніе простодушныхъ читателей, — таковы, по мнѣнію Каниве, важнѣйшія причины паденія французской печати. Изобиліе газетъ убило настоящую журналистику, породило массы случайныхъ журналистовъ, которые не въ состояніи быть руководителями общественнаго мнѣнія, а могутъ быть только его прислужниками, угодниками низменнымъ вкусамъ толпы. При такихъ условіяхъ жалкое положеніе печати, не соотвѣтствующее ея достоинству, является неизбѣжнымъ зломъ противъ котораго трудно придумать какія-нибудь мѣры. «Будемъ надѣяться, что все уладится само собою». (Очевидно, «авось», «небось» и «какъ-нибудь» имѣютъ большую силу не только у насъ, но и въ дружественной странѣ. Утѣшительно).

Гораздо спокойнѣе смотритъ на дѣло Клемансо. «Порицать печать», говоритъ онъ, «это все равно, что бранить термометръ за то, что онъ показываетъ температуру: печать во всѣ времена была показателемъ «общественной души». Печать упрекаютъ въ продажности; но развѣ парламентскіе избиратели не продажны? Говорятъ, что во Франціи владычествуетъ плутократія; но развѣ не владычествуетъ она и въ другихъ странахъ, и больше всего—въ архи-свободной Америкѣ? Стало быть, все это такъ ужъ самимъ Богомъ устроено, и вольтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ. Остается одно: вѣра въ «лучшее будущее», вѣра въ прогрессъ добра и правды, т. е.—въ тотъ же «авось».

Приблизительно такого же мнѣнія держится и Морисъ Барресъ: зло не въ печати, говоритъ онъ, а въ общемъ строѣ современной жизни, и печать не можетъ сдѣлаться иною, пока не измѣнится этотъ строй. Стало

Digitized by Google

быть, будемъ терпѣливо ждать результатовъ исторической эволюціи, которая непремѣнно должна привести къ благу...

Анатоль Леруа-Болье прежде всего замѣчаетъ, что говоря о «печати», слѣдуетъ строго отличать ежедневныя газеты отъ другихъ періодическихъ изданій научнаго или литературнаго содержанія, къ которымъ всѣ разсужденія объ упадкѣ и порчѣ вовсе не примѣнимы. Что касается печати ежедневной, то она пришла къ паденію путемъ опошленія: въ прежнее время газеты издавались представителями избранной интеллигенціи для такого же интеллигентнаго круга читателей, теперь же эта серьезная печать совсѣмъ заглушена наплывомъ печати новаго типа, которая озабочена не столько идеями, сколько денежными интересами, стремится не къ поученію, а къ забавѣ, старается понравиться читателямъ и ради этой цѣли готова льстить всѣмъ ихъ предразсудкамъ, порокамъ и невѣжеству. Эта печать является продуктомъ и выраженіемъ современной демократіи но демократіи невѣжественной, не воспитанной ни въ нравственномъ, ни въ общественномъ, ни въ политическомъ отношеніи и—что всего хуже—лишенной всякаго руководства для такого воспитанія.

Газетъ очень много, онѣ очень дешевы и притомъ, всѣ онѣ съ трудомъ влачатъ свое существованіе, постоянно нуждаются въ деньгахъ и потому готовы на что угодно, лишь бы что-нибудь заработать. Газета стала прислужникомъ толпы, чѣмъ то вродѣ шута при дворѣ властнаго народа; она не смѣетъ говорить правду или можетъ говорить ее только подъ видомъ шутки; она больше всего боится наскучить своему господину, который можетъ разсердиться и прогнать ее. Вообще, печать даже и лучшая, старается увеличить количество своихъ читателей; но большинство, какъ извѣстно, далеко не можетъ служить образцомъ деликатности и порядочности. Слѣдовательно, чтобы сохранить за собою извѣстную степень популярности, приходится льстить часто самымъ дурнымъ инстинктамъ большинства, льстить животной грубости, тому распутному фавну, который сидитъ во всякомъ человѣкѣ... Нѣкоторые «газетные рудокопы» идутъ еще дальше: они стараются открыть какую-нибудь новую жилу ненависти, нетерпимости или фанатизма и разрабатываютъ ее со всѣмъ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, — «ибо, къ сожалѣнію, гораздо легче привлечь людей на свою сторону, обращаясь къ ихъ страстямъ или аппетитамъ, чѣмъ обращаясь къ ихъ совѣсти или разуму»...

Этими же условіями существованія современной ежедневной печати объясняется и ея продажность: въ Англіи печать честна, потому что она богата; въ Франціи газетъ слишкомъ много, а средствъ у нихъ слишкомъ мало, и оттого лишь весьма немногія изъ нихъ могутъ позволить себѣ роскошь быть честными и правдивыми.

По поводу этой продажности Леруа-Болье замѣчаетъ, что «плутократы» далеко не всегда виноваты въ ней; напротивъ, они нерѣдко являются только жертвами печати, жаждущей удовлетворить свой аппетитъ. То, что произошло въ большихъ размѣрахъ при выпускѣ панамскихъ акцій, про-

Digitized by Google

исходитъ въ маленькомъ масштабѣ почти каждый день, при выпускѣ вообще всякихъ акцій: печать требуетъ своей доли, угрожая, въ случаѣ отказа, погубить новое дѣло инсинуаціями. Многія газеты только этимъ шантажемъ и питаются. Такимъ образомъ, если финансисты эксплуатируютъ публику, то и сами являются предметомъ эксплуатаціи со стороны газетъ, которымъ они не могутъ и не смѣютъ отказать, такъ какъ безъ поддержки печати имъ не удалось бы ничего достигнуть.

Но продажность, какъ она ни прискорбна, еще не составляетъ самаго опаснаго симптома болѣзни современной печати; есть другіе симптомы, гораздо болѣе опасные.

Въ настоящее время во Франціи существуетъ печать двухъ сортовъ: памфлетная и порнографическая. Первая въ особенности разрушительно дѣйствуетъ на умъ, а вторая — на чувство; первая искажаетъ истину, вторая грязнитъ воображеніе; и та, и другая почти въ одинаковой мѣрѣ губительно дѣйствуютъ на душу націи.

Печать памфлетная, падкая на всевозможные скандалы и обладающая большой опытностью въ распространеніи всяческой клеветы, поставила себѣ цѣлью возбуждать подозрѣнія, взаимное недовѣріе, раздувать вражду между различными классами общества и группами населенія; она готова совершенно уничтожить въ публикѣ всякое чувство собственнаго достоинства и справедливости и своими лживыми доносами постоянно держитъ умы въ нездоровомъ, возбужденномъ состояніи. Печать порнографическая является ежедневной школой всякаго разврата и низводитъ искусство и литературу на степень самой низкой пошлости.

Есть еще и третья группа газетъ, которыя хвалятся своимъ спеціально «парижскимъ» направленіемъ, т. е. своею «свѣтскостью» и легкомысліемъ, и ставятъ себѣ задачей говорить шутя о вещахъ серьезныхъ и разсуждать серьезно о пустякахъ. Этого сорта газеты больше всего избѣгаютъ утруждать мысль и по всѣмъ вопросамъ отдѣлываются только остроумными словечками; для нихъ крупнѣйшіе политическіе вопросы являются заслуживающими ровно столько вниманія, какъ и вопросы спорта; всегда и во всемъ онѣ служатъ исключительно интересамъ сегодняшней моды. Такіе органы печати словно нарочно придуманы для того, чтобы отучить своихъ читателей отъ всякихъ мыслей и внушить имъ отвращеніе отъ всякаго серьезнаго дѣла.

Къ описаннымъ тремъ категоріямъ принадлежатъ почти всѣ парижскія газеты. Какими же средствами можно было бы если не устранить это зло, то, по крайней мѣрѣ, ослабить его вредное дѣйствіе?

По мнѣнію Леруа-Болье, въ этомъ трудномъ дѣлѣ можетъ помочь единственно забота о возвышеніи нравственнаго уровня публики, т. е. всей страны. «Здѣсь мы попадаемъ въ заколдованный кругъ», говоритъ онъ, «ибо поднять общественную нравственность невозможно безъ подъема печати, а этотъ послѣдній зависитъ отъ подъема нравственности; но—что же дѣлать? всѣ патріоты, всѣ честные писатели должны посвятить этой

Digitized by Google

задачѣ свои силы, потому что это — задача общественнаго спасенія».

Леруа-Больe горячо призываетъ всѣхъ писателей и публицистовъ соединиться между собою и рѣшительно отказаться отъ всякаго участія въ негодной печати, отъ всякихъ сношеній съ памфлетистами и порнографами и, такимъ образомъ, лишивъ эту печать своей поддержки, погубить ее нравственно и матеріально. Исполнить это трудно, но не невозможно; и Леруа-Больe надѣется, что при доброй волѣ и достаточномъ единодушіи, положеніе французской печати можетъ еще значительно измѣниться къ лучшему.

Зола отозвался на запросъ всего двумя-тремя фразами. У него «сердце обливается кровью при видѣ безобразій современной печати,—но онъ не видитъ способовъ помочь этому горю и всю свою надежду возлагаетъ только на свободу,—«полную, безусловную» свободу печатнаго слова, которая, въ концѣ концовъ, должна привести къ лучшему...

Мы привели мнѣнія только самыхъ выдающихся корреспондентовъ Revue Bleue по поставленному этимъ журналомъ вопросу: редакція заявляетъ, что ею получены десятки писемъ отъ лицъ, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ профессіямъ, — и огромное большинство этихъ лицъ въ своихъ сужденіяхъ о современной печати высказываются почти единодушно. Всѣ они находятъ, во-первыхъ, что существующая теперь во Франціи свобода печати должна быть безусловно сохранена, потому что «если свобода печати представляется зломъ, то ограниченіе ея есть зло въ еще большей степени;» во-вторыхъ, всѣ они признаютъ, что личный составъ современной журналистики совершенно неудовлетворителенъ во всѣхъ отношеніяхъ, и выражаютъ желаніе, чтобы этой «журнальной анархіи», при которой «кто палку взялъ, тотъ и капралъ», былъ положенъ конецъ путемъ серьезной организаціи синдиката журналистовъ, который требовалъ бы отъ своихъ членовъ строгихъ нравственныхъ и умственныхъ гарантій. Печать должна сама позаботиться о своемъ преобразованіи и объ удаленіи негодныхъ и вредныхъ элементовъ. Наконецъ, почти всѣ требуютъ строгаго и нелицепріятнаго суда надъ печатью, который наложилъ бы серьезныя взысканія за поступки, идущіе въ разрѣзъ съ требованіями закона, причемъ отвѣтственность падала бы всею своею тяжестью на дѣйствительно виновныхъ, а не на подставныя лица.

По мнѣнію Беранже, все это вполнѣ возможно и достижимо, при условіи: «если бы всѣ благомыслящіе люди поставили себѣ эту цѣль и рѣшились ея достигнуть во что бы то ни стало». Можетъ быть, это и такъ: трудно спорить съ аргументами, основанными на «*если-бы всѣ*»... Но, съ другой стороны, ни самъ Беранже, ни его многочисленные корреспонденты ничего болѣе реальнаго придумать не могли, да при существующихъ условіяхъ едва-ли это и вообще возможно. Правила нравственности и порядочности не предписываются извнѣ, а вырабатываются внутри каждаго человѣка, и какъ во всякомъ обществѣ всегда были, есть и бу-

Digitized by Google

дутъ свои Загорѣцкіе, которыхъ «ругаютъ вездѣ, и всюду принимаютъ», такъ и въ каждой журналистикѣ никогда не переведутся рептиліи и грязные спекулянты, которыхъ, однако, большинство читателей, вѣроятно, съумѣетъ отличить и оцѣнить по достоинству.

Письма изъ провинціи.

Изъ Черповецъ (Новгородской губ.)

Народное образованіе.

На бывшемъ въ октябрѣ мѣсяцѣ земскомъ собраніи вопросъ о начальномъ народномъ образованіи въ уѣздѣ занялъ выдающееся положеніе среди другихъ вопросовъ и дебатировался настолько разносторонне, насколько не дебатировался, кажется, ни на одномъ изъ предыдущихъ собраній.

Тутъ обстоятельно обсуждался вопросъ о возможности введенія въ уѣздѣ всеобщаго обученія; не мало говорилось о томъ, достаточно-ли подготовленными выходятъ учителя изъ мѣстной учительской семинаріи и удовлетворяетъ-ли современнымъ требованіямъ существующая земская школа, какой существуетъ надзоръ за школами и въ какомъ видѣ желательно его улучшеніе; какими помѣщеніями пользуются земскія школы, какъ онѣ обставлены; заходила даже рѣчь и о томъ, не пора-ли заводить *школы—дворцы*; мимоходомъ упоминалось и о томъ, что лучше бы имѣть поменьше школъ, да получше бы ихъ обставить и т. п.

Каждый изъ этихъ вопросовъ представляетъ конечно свой интересъ и сообразно съ этимъ интересомъ заслуживаетъ большаго или меньшаго вниманія. Такъ послѣдній вопросъ, задѣтый мимоходомъ, требуетъ, на мой взглядъ, болѣе внимательнаго разсмотрѣнія, чѣмъ ему было удѣлено, и принципіальнаго разрѣшенія въ ту или другую сторону. Вѣдь извѣстно, что нѣкоторыя земства разрѣшаютъ его на практикѣ въ томъ смыслѣ, что за количествомъ школъ не гонятся, а стараются зато обставить эти школы возможно болѣе удовлетворительно; другія поступаютъ иначе, открывая новыя и новыя школы сообразно со взглядами земства или сообразно съ потребностями въ нихъ въ самомъ населеніи,—въ этомъ случаѣ обстановка школъ можетъ оказаться и недостаточно удовлетворительною; нѣкоторыя земства одно время стоятъ за количество школъ, а другія—за качество ихъ, смотря по составу собранія. И во всякомъ случаѣ особенной стойкости здѣсь не замѣчается.

Череповское земство за послѣдніе годы держится такого принципа:

Digitized by Google

открывать школы во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда поступаютъ заявленія крестьянъ, берущихъ на себя обязательства: 1) отвести для школы не менѣе ½ десятины удобной земли, 2) удовлетворительное помѣщеніе и 3) снабдить школу необходимой мебелью. Такимъ образомъ земство не принимаетъ на себя иниціативы открытія школъ, а только идетъ навстрѣчу потребностямъ населенія, которое, сверхъ общихъ расходовъ по народному образованію, беретъ на себя и еще значительные расходы при открытіи школы и по содержанію ея на будущее время.

Можетъ быть, такой порядокъ нельзя рекомендовать, какъ общую мѣру, если хотимъ, чтобы начальная школа сдѣлалась общимъ достояніемъ: потребность въ школѣ развита не вездѣ одинаково, и потому многія мѣстности на долгое время могутъ оказаться совсѣмъ безъ школъ, если ждать иниціативы отъ самого населенія. Но для Череповскаго уѣзда такой опасности не существуетъ: можно скорѣе бояться, что у земства не хватитъ средствъ на всѣ школы, которыя требуются населеніемъ. Этимъ же самъ собою разрѣшается и тотъ вопросъ, заботиться-ли преимущественно о лучшей обстановкѣ школъ или о количествѣ ихъ. Разумѣется, очень желательно, чтобы школы обставлены были возможно лучше, хорошо-бы имѣть и школы—дворцы, но едва-ли можно считать справедливымъ тотъ порядокъ, въ силу котораго немногія, особенно счастливыя, мѣстности уѣзда, будутъ пользоваться прекрасно обставленными школами, а другія мѣстности, какъ постылыя, не будутъ имѣть никакой школы, несмотря на самую насущную потребность въ ней.

Въ Череповскомъ у. къ началу 189⅞ уч. года число земскихъ школъ достигло 90, а вмѣстѣ съ субсидируемыми частными, которыя оффиціально также относятся къ разряду земскихъ, 92. Кромѣ того, уѣздное земство содержитъ на половинныхъ расходахъ съ губернскимъ земствомъ одно второразрядное училище. Такимъ образомъ земскихъ школъ въ уѣздѣ къ началу текущаго учебнаго года 93. Учащихся въ всѣхъ этихъ школахъ въ настоящемъ году состоитъ 4894 челов.: 3589 м. и 1315 дѣв. По сравненію съ прошлымъ годомъ общее число учащихся въ земскихъ школахъ уѣзда возросло на 342 челов. Въ 60 школахъ учащихся болѣе 50 ч. въ каждой, а въ нѣкоторыхъ достигаетъ 100 слишкомъ, такъ что среднимъ числомъ на школу приходится почти 53 чел.

Въ прошломъ учебномъ году было въ уѣздѣ 26 школъ грамоты и 34 школы ц.-приходскія. Если допустить, что и въ настоящемъ учебномъ году число ихъ осталось такое-же, то въ уѣздѣ въ текущемъ году имѣется 153 школы земства и церковнаго вѣдомства и 2 министерскія, а всего 155 школъ на 143320 челов. населенія уѣзда, т. е. одна школа приходится почти на 925 челов. Общее число учащихся во всѣхъ этихъ школахъ въ прошломъ году (149 шк.) было 6891, т. е. 1 учащійся почти на 21 жителя (въ текущемъ году число учащихся больше).

Въ теченіе минувшаго учебнаго года состояло на службѣ уѣзднаго земства учителей 84 и помощниковъ учителей 8. Помощники учителей

Digitized by Google

требовались и при многихъ другихъ школахъ, но они не были даны земствомъ, во 1) потому, что помѣщенія были неудобны для занятій съ двумя учителями, а во 2) и потому, что не имѣлось кандидатовъ на эти должности. По образовательному цензу учителя дѣлились:

1)	окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ . .	47.
2)	» » духовныхъ семин.	1.
3)	» » женской гимназіи	16.
4)	» » женск. духовн. училищ.	16.
5)	» » женск. прогимназіи	1.
6)	» » ярославск. сиротскій домъ	1.
7)	» » выдержавшихъ экзаменъ на званіе учителя	2.

Въ вопросѣ о вознагражденіи учителей съ 1893 года существуетъ въ Череповецкомъ уѣздѣ такой порядокъ: всѣ вновь поступающіе учителя получаютъ по 200 рублей въ годъ; прослужившіе 5 лѣтъ въ предѣлахъ уѣзда—по 240 рублей и прослужившіе 10 лѣтъ—по 300 рублей. Поэтому на 1898 годъ управа внесла въ смѣту на вознагражденіе 48 учителей по 200 рублей, 17 учителей — по 240 рублей и 25 учителей по 300 рублей. Помощники всѣ получаютъ по 120 рублей.

За послѣдніе годы, благодаря постоянно увеличивающемуся числу школъ какъ въ Череповецкомъ уѣздѣ, такъ и въ другихъ уѣздахъ Новгородской губ., ощущался постоянный недостатокъ надежныхъ лицъ, желающихъ занять учительскія мѣста, и вслѣдствіе этого учительскія вакансіи нерѣдко замѣщались лицами, далеко не отвѣчающими назначенію учителя. Такое явленіе естественно должно было заставить земство подумать о томъ, какъ выйти изъ затрудненія. Земское собраніе прошлой сессіи рѣшило возбудить ходатайство и передъ правительствомъ и передъ губернскимъ земствомъ объ увеличеніи числа стипендій въ Череповской учительской семинаріи на 10 отъ перваго и на 10 отъ второго—всего на 20 стипендій. Губернское земство уже дало свои 10 стип., а исходъ ходатайства передъ правительствомъ еще не извѣстенъ. Но эти мѣры еще далеко недостаточны, если даже принимать во вниманіе только одинъ Череповскій уѣздъ, въ которомъ остается большинство изъ окончившихъ курсъ въ мѣстной учительской семинаріи. Земство не имѣетъ возможности не только замѣнить плохихъ учителей хорошими, но и пріискать какого-либо кандидата на тотъ случай, если учитель оставитъ школу по какимъ нибудь причинамъ въ теченіе года. Въ другихъ-же уѣздахъ ежегодно по нѣсколько школъ остается не открытыми за недостаткомъ учителей.

Въ виду этого Череповская земская управа вошла въ нынѣшнее собраніе съ слѣдующимъ докладомъ: Земскіе стипендіаты Череповской уѣздн. семинаріи обязаны прослужить. по окончаніи курса, не менѣе 4 лѣтъ въ земскихъ школахъ Новгородской губ., а между тѣмъ въ дѣйствительности значительный % такихъ стипендіатовъ, наиболѣе при этомъ способныхъ, слѣдовательно лучшихъ учителей, обязательнаго срока не отслуживаютъ; многіе учителя, по прослуженіи въ начальной школѣ обык-

Digitized by Google

новенно не болѣе одного года, возбуждаютъ ходатайство передъ губернской управой объ освобожденіи ихъ отъ даннаго обязательства, обыкновенно получаютъ просимое разрѣшеніе и поступаютъ затѣмъ въ учительскій институтъ, навсегда оставляя начальную народную школу. Учительская семинарія при этихъ условіяхъ оказывается не школой, подготовляющей народныхъ учителей, а приготовительнымъ классомъ учительскаго института. Положеніе совершенно ненормальное. Ранѣе, когда земство содержало меньшее число школъ, а располагало большимъ числомъ надлежаще подготовленныхъ лицъ, желавшихъ занимать учительскія мѣста, благодаря тому, что существовала еще семинарія въ Новгородѣ, оно могло относиться къ этому явленію равнодушно, но нынѣ, въ виду рѣзко измѣнившагося положенія дѣла, съ нимъ необходимо считаться», и управа предлагаетъ собранію «ходатайствовать передъ губернскимъ земствомъ о томъ, чтобы къ земскимъ стипендіатамъ Черепов. учит. семинаріи неуклонно примѣнялось правило, какъ общая мѣра для всѣхъ уѣздовъ губерніи, объ обязательномъ прослуженіи установленнаго числа лѣтъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ, содержащихся на средства уѣздныхъ земствъ. Эта мѣра хотя конечно не разрѣшаетъ вопроса о недостаткѣ учителей, но во всякомъ случаѣ будетъ весьма полезна». И собраніе приняло докладъ управы единогласно.

Вопросъ объ учителяхъ въ настоящее время является дѣйствительно такимъ *насущнымъ*, что земствамъ надлежитъ обдумать и разрѣшить его на первой очереди. Количество открываемыхъ школъ въ разныхъ уѣздахъ, по требованію самого населенія, говоритъ за то, что потребность въ школахъ развивается и назрѣваетъ, причемъ не безразлично, *какая* будетъ школа и *кто* въ ней станетъ учить. На дняхъ мнѣ самому пришлось слышать категорическое заявленіе крестьянъ, что имъ *пятирублеваго* учителя не надо.. Насколько взглядъ крестьянъ на школу измѣнился за послѣднія 20 лѣтъ, видно изъ слѣдующаго:

1. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ одному изъ окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи захотѣлось устроить на своей родинѣ *настоящую* школу. У крестьянъ онъ просилъ только 10—15 рублей для устройства *какой-нибудь* мебели, а помѣстить школу хотѣлъ въ домѣ своего отца и учить въ ней безплатно. Крестьяне *ничего* не дали, и только земство потомъ пришло на помощь этому энергичному человѣку. Теперь въ этой мѣстности школа помѣщается въ двухъ домахъ, за которые крестьяне платятъ 110 руб. въ годъ, на свой счетъ устраиваютъ и ремонтируютъ мебель; мечтаютъ съ будущаго года имѣть двѣ земскія школы и построить для нихъ спеціальныя помѣщенія; учащихся въ школѣ 106 человѣкъ да человѣкъ 40 желающихъ не могли быть приняты за неимѣніемъ мѣста въ школѣ (а принимаются дѣти въ школу не моложе 8½ лѣтъ).

2. Въ 1876 году одинъ богатый крестьянинъ захотѣлъ на свой счетъ устроить школу и просилъ крестьянъ отвести для нея мѣсто. Крестьяне отказали, и школа была построена около дома строителя, вслѣдствіе чего

Digitized by Google

большинству дѣтей ходить въ нее было неудобно: школу отъ большого села отдѣляла рѣка Шексна. Теперь село соорудило свою школу, на которую затратило около 1500 руб., а деревня, въ которой была прежняя школа, свою (за рѣкой) и построила еще лучшій домъ, чѣмъ въ селѣ. Въ первой учится около 100 челов., а во второй около 60. Даже глухія деревни теперь усиленно хлопочутъ объ открытіи у нихъ школы и отдаютъ подъ нее лучшую избу или устраиваютъ спеціальное помѣщеніе. Наши крестьяне сроднились со школой и привыкли получать отъ нея извѣстные результаты, какихъ не надѣются получить отъ *пятирублеваго* учителя.

Значитъ, и помимо введенія всеобщаго обученія земству нужно позаботиться о подготовкѣ учителей какъ въ количественномъ отношеніи, такъ и въ качественномъ, а между тѣмъ и введеніе всеобщаго обученія въ Новгородской губ., надо надѣяться не за горами. На предстоящемъ губернскомъ земскомъ собраніи этотъ вопросъ подлежитъ серьезному обсужденію, а можетъ быть и окончательному разрѣшенію въ благопріятномъ смыслѣ. Но рядомъ съ этимъ вопросомъ, а то и впереди его, собраніе должно разрѣшить вопросъ о преобразованіи земской сельско-хозяйственной школы въ учительскую семинарію, проектъ которой въ настоящее время вырабатывается губернской управой.

За учителемъ—вторымъ по важности вопросомъ—стоитъ вопросъ о школьныхъ помѣщеніяхъ, отъ которыхъ страдаетъ, кажется, большинство русскихъ школъ. Череповскій уѣздъ въ этомъ отношеніи тоже не представляетъ изъ себя счастливаго исключенія: много помѣщеній недостаточно удовлетворительныхъ, хотя земство и принимаетъ мѣры къ тому, чтобы поставить это дѣло возможно лучше. Оно соглашается на открытіе новыхъ школъ не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы подъ школу было отведено удовлетворительное помѣщеніе. Но помѣщеніе, удовлетворительное для первыхъ двухъ-трехъ лѣтъ, можетъ оказаться неудовлетворительнымъ для слѣдующихъ годовъ, когда число учащихся значительно увеличится. Земство иногда даже закрываетъ на время школы въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ крестьяне мало заботятся о помѣщеніи, и эта мѣра оказывается довольно дѣйствительною. Наконецъ собраніе ежегодно ассигнуетъ по 400 руб. для выдачи пособія тѣмъ обществамъ (по 200 р., на школу), которыя пожелаютъ строить школьное помѣщеніе по выработанному управой плану.

Въ настоящее время это дѣло въ Череповскомъ уѣздѣ стоитъ въ такомъ видѣ: изъ 84 школъ помѣщаются въ спеціальныхъ зданіяхъ 43 школы и въ случайныхъ 41 школа. Содержаніе помѣщеній относится: 1) на счетъ сбора съ родителей учащихся—23, 2) Общественныхъ сборовъ—48, 3) частныхъ лицъ—7, 4) церковно-приходскихъ попечительствъ—2 и 5) совмѣстныхъ—общественныхъ сборовъ и сборовъ съ родителей учениковъ—4. По свѣдѣніямъ управы, собраннымъ въ текущемъ году, содержаніе помѣщеній по всѣмъ школамъ составило за послѣдній учебный

Digitized by Google

годъ расходъ въ 3169 руб. 51 коп. Расходъ изъ общественныхъ сборовъ на этотъ предметъ колеблется по волостямъ отъ 7 до 40 коп., съ души; размѣръ сбора, падающаго на 1 ученика въ тѣхъ школахъ, гдѣ помѣщенія содержатся за счетъ сбора съ родителей дѣтей, посѣщающихъ школу, колеблется по отдѣльнымъ школамъ отъ 20 до 1 р. 50 коп. Такимъ образомъ, кромѣ общихъ земскихъ платежей, крестьяне несутъ еще довольно значительный дополнительный расходъ на школы.

Собраніе постановило открыть съ будущаго сентября мѣсяца еще 9 новыхъ школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда поступили приговоры крестьянъ, слѣдовательно съ будущаго учебнаго года земскихъ школъ въ Ч. уѣзда будетъ 99 да 2 школы частныя и 1 второразрядная, а всего 102 школы. На содержаніе 90—99 земскихъ школъ въ будущемъ году управа испросила ассигновать 30163 руб., а вмѣстѣ съ крестьянскими 3169 составится сумма въ 33332 руб. На каждую школу приходится около 336 р. 70 коп., на каждаго жителя падаетъ расхода на начальную школу около 24 коп., а если присоединить сюда всѣ расходы на пособія среднимъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ, то вся сумма земскаго расхода на народное образованіе въ уѣздѣ дойдетъ до 35000 руб., изъ общей суммы доходовъ по уѣзду въ 147005 р. 16 коп., т. е. почти $^1/_4$ всего бюджета.

Въ числѣ расходовъ по распространенію образованія среди населенія заслуживаетъ особеннаго вниманія сравнительно небольшой расходъ въ 560—780 руб., на содержаніе народныхъ библіотекъ въ уѣздѣ. Ихъ теперь открыто 7, каждая въ 200—250 рублей съ очень хорошимъ подборомъ книгъ. Библіотеки открыты въ наиболѣе населенныхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ города, гдѣ школы существуютъ уже давно, и слѣдовательно грамотнаго населенія довольно много. Потребность въ книгахъ теперь настолько велика, что крестьяне начинаютъ и сами подумывать объ устройствѣ у себя библіотекъ. Такъ недавно крестьяне одной мѣстности, въ 16 верстахъ отъ города и въ 8 отъ ближайшей народной библіотеки, менѣе чѣмъ въ полчаса собрали по подписному листу слишкомъ 40 руб., причемъ многіе крестьяне съ большой охотой подписывали по 1 рублю, хотя «богатѣевъ» между ними и не было. Они просятъ попечителя своей школы и мѣстнаго батюшку выписать для нихъ подходящихъ книгъ, «чтобы праздники-то да зимніе вечера даромъ не пропадали». Думаю, что этимъ путемъ теперь во многихъ бы мѣстахъ можно устроить библіотечки, если бы кто нибудь взялся за это. Разсчитывать, что бы земство когда нибудь снабдило книгами всѣхъ нуждающихся въ достаточномъ количествѣ, конечно невозможно —на помощь нужно бы придти и правительству и обществу. Тамъ, гдѣ учредились особыя «Общества», дѣло все-таки подвигается впередъ, напр., въ Тамбовской губ., гдѣ теперь уже имѣется 382 библіотеки, стоимостью почти въ 24000 руб. У насъ года четыре тому назадъ тоже составлялось такое общество, но о судьбѣ его устава, отосланнаго на утвержденіе, до сихъ поръ нѣтъ никакихъ извѣстій кромѣ слуха, что отдѣльные уставы такихъ обществъ утвер-

Digitized by Google

ждаться не будутъ въ виду выработки общаго устава для всей Россіи. Между тѣмъ минувшей весной утвержденъ такой уставъ для Ярославской губерніи. Теперь и череповане хотятъ воспользоваться этимъ уставомъ, чтобы примѣнить его къ Череповскому уѣзду. Можетъ быть, на этотъ разъ дождутся скорѣе.

А книги нужны и для грамотныхъ крестьянъ, и для учащихся въ школахъ, гдѣ тоже нѣтъ почти никакихъ библіотекъ, и для самихъ народныхъ учителей, которые безъ книги, казалось бы, немыслимы, а между тѣмъ въ большинствѣ случаевъ живутъ тоже безъ книги и нерѣдко доходятъ до того, что перестаютъ испытывать и потребность въ книгѣ. Надо дать имъ книгу, надо возбудить и потребность въ этой книгѣ. А кто это сдѣлаетъ? Инспекторъ этого сдѣлать не можетъ, если бы и пожелалъ: заваленный канцелярской работой, онъ не въ состояніи часто бывать въ школахъ даже и въ небольшомъ районѣ, а въ такомъ районѣ, какъ нашъ (Череповскій и Устюжскій у.), въ которомъ до 150 однѣхъ земскихъ школъ, едвали удается побывать инспектору по одному разу въ три года въ каждой школѣ; управа тоже почти не имѣетъ возможности наблюдать за своими школами—много другихъ дѣлъ, а въ результатѣ и получается, что земство затрачиваетъ на школы слишкомъ 30 т. и не знаетъ, что получается населеніемъ за эту почтенную сумму. Естественно поэтому собранію было остановиться и на вопросѣ о лучшемъ наблюденіи за школами. Разрѣшеніе этого вопроса предстоитъ сдѣлать будущему собранію, такъ какъ настоящее поручило управѣ разработать этотъ вопросъ къ будущему году.

Въ видахъ лучшей постановки школьнаго дѣла Новгородское губернское земство ежегодно устраиваетъ въ двухъ уѣздахъ педагогическіе курсы для учителей. Будущимъ лѣтомъ такіе курсы предполагаются и въ Череповцѣ (первый разъ были пять лѣтъ тому назадъ). Программа занятій вырабатывается уже теперь, чтобы и учителя имѣли больше возможности подготовиться къ предстоящимъ занятіямъ на курсахъ.

А—нъ.

Изъ г. Пскова.
(Послѣднее земское собраніе).

Земское собраніе нынѣшней сессіи вышло не совсѣмъ заурядныхъ сравнительно съ собраніями предшествовавшихъ лѣтъ, особенно выгодно отличается оно отъ прошлогодняго. Обыкновенно здѣшнія уѣздныя собранія проходятъ безъ оживленія, безъ интереса ни со стороны участниковъ гласныхъ, ни со стороны публики: проекты и предложенія, почти исключительно отъ имени управы, принимались или отклонялись по чьему нибудь заявленію, вѣскому часто не по своей основательности, а по импонирующему положенію и званію заявляющаго. Такъ въ прошлогоднемъ собраніи безраздѣльно рѣшалъ и направлялъ всѣ вопросы баронъ П. Н.

Digitized by Google

Медемъ: по каждому вопросу ждутъ, что онъ скажетъ; а когда уже выскажетъ, то не возражаютъ. Но очевидно, что такое молчаніе не было знакомъ согласія: нынѣшнее собраніе такъ хорошо показываетъ это.

Область, въ которой и по поводу которой земскіе представители разныхъ категорій наиболѣе опредѣленно проявили неодинаковость интересовъ и воззрѣній представляемыхъ ими группъ, это—вопросы народнаго образованія: они заняли 4 дня и держали почти всѣхъ гласныхъ въ постоянномъ напряженіи, привлекая вниманіе и заставляя слѣдить за ходомъ обсужденій вопросовъ и ихъ исходомъ. Очевидно, что вопросы эти очень близко задѣваютъ совершенно противоположные земскіе элементы и задѣваютъ также совершенно различно. Сколько проявляютъ тутъ борцы усердія, часто достойнаго лучшей участи; сколько политиканства, хитрости, фокусничества! Чѣмъ не фокусъ: сдѣлать предложеніе съ разсчетомъ взять направленіе возбуждаемаго вопроса въ свои руки и тѣмъ успѣшнѣй провалить? Или: предложить—возможно больше открывать школъ, не дѣлая новыхъ затратъ!—Это ужъ прямо какая то египетская магія. Поминутно, вы слышите и о томъ, что «мы—дворяне дѣлаемъ все только для крестьянъ», что назначеніе школы—отучать народъ отъ пьянства, пріучать уважать чужую собственность и подчиняться начальству (бар. Медемъ) услышите, что въ интересахъ поддержанія семейнаго очага въ деревнѣ предпочтительнѣй открывать библіотеки безъ читаленъ (С. И. Зубчаниновъ). Объ экономическомъ положеніи уѣзда одни заявляютъ, что оно «ужасно», «прямо отчаянное» (предсѣдатель М. М. Карамышевъ и бар. Н. Н. Медемъ); другіе (Н. А. Вагановъ), ссылаясь на высокую цѣну земли (до 200 рублей за десятину), говорятъ, что это не можетъ быть вѣрно; третьи (Е. Цѣлинскій, податной инспекторъ) находятъ, что взглядъ на экономическое положеніе—дѣло вкуса.

Уже на прошлогоднемъ собраніи была предрѣшена барону Медему руководящая роль по всѣмъ вопросамъ, касающимся народнаго образованія. Онъ предложилъ тогда поручить особой коммиссіи разработку вопроса о введеніи всеобщаго начальнаго обученія въ Псковскомъ уѣздѣ и просить ее пересмотрѣть всю постановку школьнаго дѣла въ уѣздѣ, въ смыслѣ возможнаго достиженія при наименьшихъ матеріальныхъ затратахъ введенія всеобщаго начальнаго обученія. Не безъ удивленія выслушавъ такое предложеніе отъ гласнаго бар. Медемъ, собраніе приняло его и избранную коммисію отдало подъ предсѣдательство, какъ и водится, иниціатора вопроса, самого Н. Н. Медема. Результаты «работъ» такой коммиссіи вышли именно такими, какъ слѣдовало ожидать отъ нея: ни разу въ теченіе года она не собиралась и только передъ самымъ собраніемъ и во время его «посвятила» взятымъ на себя работамъ не очень длинное и протокольно безъинтересное засѣданіе. Обсуждать и изыскивать рѣшеній вопроса не приходилось, такъ какъ у предсѣдателя коммиссіи есть твердое, не доступное опроверженіямъ мнѣніе, что при настоящемъ экономическомъ положеніи уѣзда не только нѣтъ возможности браться за введеніе всеоб-

Digitized by Google

щаго обученія, но и вообще на сколько бы то ни было увеличивать земское обложеніе всякими новыми расходами по народному образованію. Такъ что собственно о мѣрахъ къ всеобщему обученію и даже только къ большему расширенію образовательныхъ средствъ народа не говорилось, и какихъ нибудь результатовъ, подъ видомъ достиженія которыхъ коммисія учреждалась, не оказалось; но съ другой стороны, не оправдались и противоположные интимные расчеты нѣкоторыхъ путемъ «своей» коммисіи успѣшнѣй провалить не только всеобщее обученіе, а и всякія предложенія и требованія въ пользу народнаго образованія, каковыя всѣ должны были поступать на предварительное обсужденіе этой коммисіи. Расчеты эти не оправдались: большинство предложеній коммисіи отвергнуто, не смотря на старанія ея предсѣдателя при поддержкѣ со стороны депутата отъ духовнаго вѣдомства и при услугахъ предсѣдателя собранія при руководительствѣ дебатами, при формулировкѣ и постановкѣ вопросовъ и заключеній.

Псковскій край представляетъ своеобразный въ промышленно-бытовомъ отношеніи уголокъ Россіи. Здѣсь почти отсутствуетъ фабрично-заводская промышленность. Это—край земледѣльческаго, хотя не «народнаго» производства, главнымъ образомъ льноводства, на заграничный рынокъ преимущественно. Будучи въ сосѣдствѣ съ Петербургомъ, Польшей, въ оживленныхъ довольно сношеніяхъ съ за границей, Псковъ представляетъ сравнительно со многими городами Россіи довольно культурный съ внѣшней стороны городъ; но на ряду съ этимъ имѣетъ характеръ какого то захолустья, попавъ въ которое чувствуешь себя какъ бы оторваннымъ отъ чего то, насыщающаго общественную атмосферу фабричныхъ районовъ, гдѣ классовая дифференціація выражается болѣе опредѣленно и не замѣняется отходомъ рабочихъ рукъ на сторону, какъ въ Псковскомъ краѣ. Не смотря на близость къ центрамъ интенсивной жизни, въ Псковѣ чувствуешь себя въ дали отъ нея и часто свѣдѣнія о событіяхъ въ Петербургѣ напримѣръ гораздо ранѣе имѣются гдѣ-нибудь въ Сибири, чѣмъ здѣсь. Но и этотъ оазисъ среди россійскихъ палестинъ не избѣгаетъ общей имъ всѣмъ участи, въ хозяйственныхъ дѣлахъ край претерпѣваетъ измѣненія въ томъ же направленіи, что и вездѣ. Все болѣе и болѣе сложныя отношенія и пространственно неопредѣленно расширяющаяся зависимость отъ новыхъ и новыхъ условій ставятъ мѣстному сложившемуся хозяйству и принявшему опредѣленный характеръ производителю все новыя и новыя испытанія, требуя отъ него гораздо большей промышленности, чѣмъ есть. На этой почвѣ особенно настойчиво и чувствительно для мѣстнаго населенія годъ отъ году болѣе и болѣе выступаютъ вопросы образованія. Для населенія въ 201000 чел. въ 1896 г. было 76 земскихъ школъ, 23 церковно приходскихъ и 3 другихъ вѣдомствъ и частныхъ съ учащимися около 5000 чел., что даетъ въ среднемъ 1 школу на 2055 чел. жителей и на 142 чел. школьнаго возраста; показатель образованія для уѣзда 2,37—изъ самыхъ глухихъ въ Россіи. Въ настоящее время земская школа въ

Digitized by Google

среднемъ по уѣзду имѣетъ 60 учениковъ вмѣсто предположеннаго нормальнаго числа 45. Крестьянскія общества ежегодно представляютъ ходатайства объ открытіи у нихъ новыхъ школъ съ приговорами объ обязательствѣ или платить 100 руб. ежегодно или давать отъ себя помѣщеніе съ отопленіемъ и прислугой для школы. Такія условія предъявлены были нѣсколько лѣтъ тому назадъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ для открытія имъ школы въ той или другой мѣстности. Но уже нѣсколько лѣтъ всѣ такія ходатайства оставляются безъ удовлетворенія подъ предлогомъ отсутствія у земства средствъ на новые расходы. Въ послѣдніе 3 года открыто было 4 школы, но насколько это недостаточно, можно судить потому, что наряду съ этимъ число учащихся возросло на 902 человѣка, и въ прошломъ году отказано въ пріемѣ въ земскія школы 590 дѣтямъ, что составляетъ около 21% всѣхъ просившихся въ нихъ въ этомъ году (въ младшемъ отдѣленіи училось 2251 чел.). Въ одной школѣ, Каменской, число отказовъ прямо поразительно,—съ 1896 г. при 78 учащихся отказано 100. Въ общемъ въ настоящее время фактически школа доступна лишь одной третьей части дѣтей.

О всенародномъ обученіи на собраніи, конечно, и рѣчи не было, и коммисія продолжала неизмѣнно отрицательное отношеніе ко всякимъ вопросамъ, клонящимся къ новымъ расходамъ по народному образованію. Какъ то даже странно, что почти всѣ остальные гласные, громкихъ вопросовъ о всеобщемъ обученіи не поднимавшіе, совсѣмъ не раздѣляютъ какой то упорной боязни поступиться хоть бы крохами въ пользу образованія, проявляемой коммисіей по всеобщему обученію. Вышла какая то перестановка вверхъ ногами похожая на издѣвательство надъ народнымъ образованіемъ.

Результаты обсужденія коммисіею вопросовъ докладывались собранію предсѣдателемъ ея бар. Н. Н. Медемъ не по журналу ея засѣданій, а «своими словами» съ черновыхъ наброскахъ въ рукахъ: а насколько наженъ такой способъ доклада собранію, можно судить по тому, какъ было доложено напримѣръ ходатайство учреждающейся городской публичной библіотеки передать ей отдѣлъ земскихъ книгъ вмѣстѣ съ субсидіей, взявъ отъ частной библіотеки, вызывающей общія жалобы со стороны учителей, для которыхъ собственно этотъ отдѣлъ книгъ и содержится. «Общество публич... публичной библіотеки... новую библіотеку тутъ открываютъ,—такъ просятъ, чтобы мы свои книги имъ отдали, да 250 руб. денегъ дали. Коммисія рѣшила—отклонить». Естественно, что никто ничего не понялъ: а это и было нужно, такъ какъ разобравъ и уяснивъ вопросъ, какъ слѣдуетъ, собраніе, пожалуй, и предпочло бы поручить организацію снабженія учителей книгами для чтенія общественной библіотекѣ вмѣсто частной. При этомъ ходатайство «Общества взаимопощи учащихъ псковской губ.» объ этомъ же предметѣ, составленное на основаніи собранныхъ отъ учителей свѣдѣній о библіотекѣ, не было вовсе доложено и принято во вниманіе.

Digitized by Google

Это же общество представило еще ходатайство объ увеличеніи жалованья 33 учителямъ въ уѣздѣ, получающимъ въ годъ всего по 172 руб. Никто, конечно, не осмѣлится утверждать, что этотъ окладъ достаточенъ, но бар. Медемъ и С. И. Зубчаниновъ много-много постарались запугать собраніе «ужаснымъ» экономическимъ положеніемъ и убѣждали не уподобиться моту, расточающему средства безъ соображенія будущаго и потому неминуемо идущему къ банкротству. На ряду съ этимъ поставленъ былъ вопросъ объ увеличеніи жалованья законоучителямъ въ 33 школахъ съ 30 до 40 руб. въ годъ и объ ассигнованіи 200 руб. на вознагражденіе тѣхъ же законоучителей за разъѣзды въ школы для занятій. Здѣсь коммисія явилась на почвѣ «справедливости» оплачивать тотъ трудъ, который «батюшка» несетъ для земской школы. Собраніе было болѣе послѣдовательно: отказавшись увеличить содержаніе учителей, оно отклонило и увеличеніе жалованья законоучителямъ.

Впрочемъ собраніе потомъ прислушалось къ набату, въ который ужъ слишкомъ настойчиво и однообразно били бар. Н. Н. Медемъ и С. И. Зубчаниновъ всякій разъ, какъ только поднимался новый вопросъ по народному образованію. Съ импонирующимъ положеніемъ ораторовъ второ-и третьеразрядная часть собранія также мало-по-малу свыклась.

Гласные отъ сельскихъ обществъ—нужно замѣтить—представляютъ собою замѣтно вѣскій элементъ собранія благодаря тому, что между ними существуетъ почти полное единомысліе по всѣмъ вопросамъ. Изъ 8—9 волостныхъ старшинъ только одинъ примазался къ компаніи «коммисіи о всеобщемъ обученіи» и иногда выпускался ею съ рѣчами, чтобы потомъ убѣдительнѣй сослаться на «самого представителя отъ крестьянъ, конечно, хорошо знающаго ихъ положеніе и нужды». А слезныя рѣчи о крестьянскомъ раззореніи, о тягости обложенія то и дѣло пускались въ ходъ со стороны этой компаніи, чтобы удержать собраніе отъ открытія новыхъ школъ, библіотекъ и пр. мѣръ, хотя въ нѣкоторой степени отвѣчающихъ задачѣ коммисіи—всеобщему обученію. «Куда мы идемъ? Посмотрите на наше экономическое положеніе!»—начиналъ и кончалъ свои рѣчи бар. Н. Н. Медемъ.

Уже со второго засѣданія этотъ набатъ потерялъ свое импонирующее впечатлѣніе для крестьянскихъ гласныхъ; и поддавшись ему на первомъ засѣданіи по вопросу объ увеличеніи жалованья учителямъ, на второмъ засѣданіи оне стали относиться самостоятельнѣй. Коммиссія воспользовалась этимъ измѣненіемъ настроенія, въ общемъ для очень нея неблагопріятнымъ, чтобы провести въ другомъ видѣ вопросъ объ увеличеніи вознагражденія законоучителей—священниковъ. Гласный Зубчаниновъ нашелъ даже, что справедливое вознагражденіе труда законоучителя есть дѣло чести земства. Но почему то онъ не находитъ никакого отношенія къ чести земства для столь мизернаго и имъ же признаваемаго не соотвѣтствующаго вознагражденія учителей жалованьемъ въ 172 руб. въ годъ. И при этомъ, кажется, трудно было забыть, что для законоучителя—

Digitized by Google

священника вознагражденіе за законоучительство лишь подспорный источникъ въ его бюджетѣ, не играющій въ немъ существенной роли. Для учителя-же весь бюджетъ его жалованье. Предложено было ассигновать въ распоряженіе уѣзднаго училищнаго совѣта 300 руб. на добавочное вознагражденіе тѣхъ законоучителей, которымъ приходится посѣщать школы на разстояніи болѣе 1 версты, и предложеніе это по баллотировкѣ принято.

Обсужденіе дальнѣйшихъ вопросовъ по народному образованію,—объ однокурсныхъ школахъ, открытіи новыхъ школъ и библіотекахъ-читальняхъ—было сплошной иллюстраціей крайне неодинаковаго отношенія, прямо противоположныхъ взглядовъ по этимъ вопросамъ съ одной стороны комиссіи барона Н. Медемъ, и съ другой гласныхъ отъ крестьянъ, ораторомъ которыхъ выступилъ извѣстный здѣсь земскій дѣятель, гласный отъ дворянъ Н. А. Вагановъ.

Управа внесла предложеніе открыть, въ видѣ опыта, около 15 параллельныхъ младшихъ отдѣленій при существующихъ уже школахъ, давъ имъ въ учителя мальчиковъ, кончившихъ начальную школу и напрактиковавшихся подъ руководствомъ учителя въ преподаваніи. Собраніе высказалось почти единогласно противъ всякихъ упрощенныхъ школокъ и за открытіе полныхъ, нормальныхъ, школъ. (Кстати, характерно еще для Предсѣдателя Комиссіи по всеобщему обученію то, что, когда этотъ проэктъ управы предварительно разсматривался въ коммиссіи, бар. Медемъ пришелъ къ мысли, что было-бы не дурно такими сокращенными учительскими замѣнить учителей и во всѣхъ земскихъ школахъ: стоитъ чрезвычайно дешево — руб. 25—50 въ годъ, а науки достаточно и нихней!) 1—2 такихъ маленькихъ школки, при содѣйствіи управы, существовали уже и въ минувшемъ году; и, такъ какъ собраніе высказалось вообще противъ нихъ, то былъ предложенъ вопросъ: что же съ ними дѣлать? Предстоялъ выборъ: или закрыть, или, какъ школы грамоты, въ силу закона передать въ вѣдѣніе духовенства, или, если земство не хочетъ отдавать ихъ изъ своихъ рукъ, преобразовать въ нормальныя школы. Единогласно рѣшено—не закрывать. Но передать духовенству или нѣтъ: въ послѣднемъ случаѣ, значитъ, преобразовать въ нормальныя. Бар. Медемъ, С. И. Зубчаниновъ, усердно убѣждали собраніе поручить ихъ духовенству. Къ нимъ присоединился и депутатъ отъ духовнаго вѣдомства, вообще не упускавшій случая склонять рѣшенія собранія въ пользу представляемыхъ имъ интересовъ. Онъ говорилъ, что, если собраніе озабочено распространеніемъ въ населеніи грамотности, то для него должно быть безразлично, будетъ ли она распространяема духовнымъ или другимъ вѣдомствомъ. Вопросъ формулированъ былъ такъ: передать-ли существующія школки въ вѣдѣніе духовенства или преобразовать въ нормальныя школы? Большинствомъ голосовъ рѣшенъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, особенно благодаря тому, что полное единомысліе проявили здѣсь крестьяне. Не лишне замѣтить, что формулировка второй половины вопроса была

Digitized by Google

расчитана на то, что съ именемъ, «нормальной школы» соединяется представленіе о дороговизнѣ ея, о большихъ средствахъ; и предполагалось, что собраніе, можетъ быть, не рѣшится на эти расходы. Но крестьянство достаточно уже знаетъ цѣну для себя образованія, оно умѣетъ уже разобраться въ преимуществахъ той или другой школы, того или другого вѣдомства надъ ней, и сознательно предпочитаетъ одинъ ея видъ предъ другимъ, даже при большой дороговизнѣ. Далѣе, при розыскѣ этихъ маленькихъ школокъ, долженствующихъ быть преобразованными въ нормальныя, вышелъ курьезъ: никакъ не могли найти, гдѣ онѣ есть; одного учителька, особенно успѣшно занимавшагося, многіе знаютъ, часто о немъ и о его школѣ говорили при дебатахъ, а тутъ вдругъ никто не можетъ сказать, гдѣ его школа; управа также не могла указать, хотя на дняхъ передъ тѣмъ отпускала этой школкѣ деньги. Такъ и рѣшили, что если такія школки гдѣ найдутся, то преобразовать ихъ въ нормальныя: значитъ — формулировалъ гласный Белленъ—преобразовать несуществующія школы.

Еще болѣе характерно для себи выступила коммисія всеобщаго обученія по вопросу о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ читальняхъ. Такихъ библіотекъ, при содѣйствіи комитета грамотности, открыто уже 3, и сдѣлано было постановленіе на одномъ изъ предыдущихъ уѣздныхъ земскихъ собраній открывать таковыя и впредь съ ассигнованіемъ отъ земства ежегодно 100 руб. и единовременно при открытія 100 руб. при условіи, если то или другое крестьянское общество обязуется дать и содержать удовлетворяющее назначенію помѣщеніе. Въ прошломъ году были ассигнованы средства на двѣ сразу и 3-ей, въ с. Жуковѣ, отказано до будущаго года. Жуковское общество къ нынѣшнему собранію опять представило ходатайство, но ему и на этотъ разъ отказали было. Бар. Н. Н. Медемъ, С. И. Зубчаниновъ, депутатъ отъ духовнаго вѣдомства употребили не мало стараній и политики, чтобы отклонить ходатайство Жуковскаго общества; а то, говоритъ бар. Медемъ,—за нимъ и другія общества пойдутъ съ ходатайствами. Одинъ старшина попросту отвѣтилъ на это барону: «если такихъ ходатайствъ будетъ много, такъ этого нечего бояться, а можно только радоваться». Этотъ же старшина сумѣлъ уличить въ черезчуръ ужъ безцеремонной статистикѣ С. И. Зубчанинова. Послѣдній на заявленія старшины, что въ его селѣ въ дни открытія библіотеки ждутъ у дверей опредѣленнаго часа толпы народа, рѣшился иллюстрировать цифрами изъ отчета этой библіотеки, что «толпа народа», приблизительно состоитъ изъ 1-й съ дробью человѣка. «Кажется—заключаетъ отсюда Зубчаниковъ—толпа не особенно большая, и цифры вовсе не говорятъ о томъ, что читальнями народъ пользуется въ столь значительномъ размѣрѣ, чтобы земству стоило дѣлать на нихъ ассигнованія». Но число подписчиковъ библіотеки и читателей, показанное въ отчетѣ Зубчаниновъ раздѣлилъ не на число дней, въ которые библіотека была открыта (въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и не каждый день), а на число, кажется, всѣхъ дней въ году. Этотъ же Зубчаниновъ настаивалъ

Digitized by Google

на ненужности читаленъ при библіотекахъ народныхъ и даже на ихъ вредѣ, безъ нихъ крестьяне читаютъ книжку по домамъ, въ кругу семьи и такимъ путемъ поддерживается семейный очагъ и родственныя связи, а читальня подрываетъ ихъ. Бар. Медемъ и депутатъ отъ духовенства предложили вмѣсто такихъ библіотекъ-читаленъ расширять библіотеки при школахъ; и они настаивали на этихъ библіотекахъ даже тогда, когда директоръ народныхъ училищъ объяснилъ существенную разницу между этими двумя видами библіотекъ и на то, что выборъ книгъ для библіотеки, устраиваемой при школѣ, гораздо ограниченнѣй и контроль строже. «А развѣ земство желаетъ, чтобы народъ читалъ не разрѣшенныя книги?»—нашелся на это батюшка.—Въ результатѣ такихъ собесѣдованій на этотъ разъ ходатайство Жуковской библіотеки было отклонено; только на слѣдующемъ засѣданіи членъ управы Д. И. Ивановъ снова предложилъ ассигновать на эту библіотеку хотя единовременно руб. 50, такъ какъ для нея есть уже и книги, и помѣщеніе. Бар. Медемъ, батюшка и др. запротестовали было, говоря, что собраніе не имѣетъ права ставить этотъ вопросъ, такъ какъ наканунѣ состоялось уже по нему отрицательное постановленіе; между тѣмъ какъ считали въ правѣ, послѣ отказа собраніемъ духовенству въ 200 руб. въ вознагражденіе за разъѣзды, ставить вопросъ о 300 руб.

Генеральное сраженіе дано было по вопросу объ открытіи новыхъ, 5 земскихъ школъ по ходатайству 5 сельскихъ обществъ. Гласный Н. А. Ваганов предложилъ всѣ представленныя ходатайства удовлетворить, какъ удовлетворяющія всѣмъ требованіямъ, предъявленнымъ однимъ изъ постановленій прежнихъ собраній объ открытіи новыхъ школъ. Указалъ онъ еще на право крестьянъ получать, наконецъ, удовлетвореніе въ насущнѣйшей въ настоящее время потребности, образованіи, и на обязанность дворянства, составляющаго значительное большинство собранія, не смотря на значительное меньшее количество владѣемой земли. Бар. Медемъ съ горячностью заявилъ, что дворянство не заслуживаетъ упрека, напротивъ—оно только для крестьянъ всегда дѣлало и ничего для себя. И теперь онъ, настойчиво возражая противъ открытія новыхъ школъ, взывалъ объ опасности не для дворянскихъ интересовъ, а самого крестьянства: «намъ ничего не значитъ полъ коп. съ доходнаго руб., но для крестьянина это очень и очень много значитъ». Слѣдуютъ картины крестьянскаго раззоренія, крестьянской нужды и призывъ: «Куда мы идемъ? Посмотрите на наше экономическое положеніе»! Но въ собраніи чувствуется настроеніе въ пользу школъ. Тогда бар. Медемъ предложилъ сдѣлать постановленіе, что всѣ постановленія объ ассигнованіи суммъ должны считаться не окончательными до общаго разсмотрѣнія и утвержденія всей смѣты: тогда-де, если новая смѣта превыситъ смѣту предшествующаго года, нѣкоторыя постановленія отмѣнить. Согласились и сдѣлали постановленіе. Тогда другой гласный предложилъ придерживаться при разсмотрѣніи вопросовъ въ предѣлахъ каждаго отдѣла такого порядка, чтобы сначала разсматривать назначенія переходящія изъ смѣты предыдущаго года, и

Digitized by Google

затѣмъ вопросъ о новыхъ ассигнованіяхъ въ данномъ отдѣлѣ, при чемъ руководствоваться общимъ итогомъ расходовъ по отдѣлу. Съ этимъ также согласились и сдѣлали постановленіе. Тогда нѣкоторые укоряли, что сдѣланы рядомъ два различныхъ постановленія по одному и тому же вопросу—и какъ быть? Предсѣдатель выразилъ только сожалѣніе, что такое обстоятельство уже имѣло мѣсто; «но мы уже приняли» прибавилъ.—«Да что-же мы приняли»? спросилъ Белленъ.

Въ предупрежденіе грозившихъ разразиться непріятныхъ дебатовъ, въ отвѣтъ Беллену, былъ объявленъ перерывъ. По возобновленіи засѣданія, послѣ нѣсколькихъ рѣчей съ той и другой стороны, было рѣшено баллотировкой открыть всѣ 5 школъ. Бар. Медемъ при объявленіи такого результата баллотировки счелъ нужнымъ напомнить, что, въ силу только предъ тѣмъ состоявшагося постановленія, окончательно вопросъ объ открытіи школъ будетъ рѣшенъ при утвержденіи всей смѣты въ цѣломъ.

Дня 4 продолжалось разсмотрѣніе прочихъ вопросовъ, пока наконецъ не собрались, 29 числа, чтобы разсмотрѣть смѣту въ цѣломъ и утвердить ее безъ измѣненій или съ измѣненіями. Оказалось, что новая смѣта получилась больше смѣты предшествующаго года довольно значительной и обложеніе должно повыситься на $1^1/_2$ коп. съ доходнаго руб. Бар. Медемъ снова заговорилъ о безуміи такой расточительности, о безуміи такого образа дѣйствій со стороны собранія, изъ года въ годъ повышающаго обложеніе, когда экономическое положеніе не только крестьянства, а и дворянства идетъ въ ухудшенію. С. И. Зубчаниновъ подсчиталъ, что принятіе смѣты на немъ напр. отзовется увеличеніемъ сборы съ него на 45 руб. и нашелъ, что это много. Оба настаивали на необходимости смѣту сократить, какія либо ассигнованія отмѣнить, какъ менѣе настоятельныя; при этомъ ни словомъ не упоминалось о школахъ и о народномъ образованіи, напротивъ указывались дороги, ремонтъ нѣкоторыхъ зданій и т. п. Съ другой стороны заявили, что это значитъ—начать все земское собраніе сначала и, сохраняя въ силѣ постановленіе, предложенное барономъ Медемъ, безъ надежды, что и второй пересмотръ вопросовъ будетъ окончательный. Перспектива затянуть собраніе еще на недѣлю напугала даже самыхъ ревностныхъ противниковъ смѣты. «Если намъ такъ угрожаютъ,—говоритъ Зубчаниновъ,—то я первый скажу, что смѣту—принять.» Бар Медемъ заявилъ: «Хорошо. Я согласенъ на эту смѣту; но сдѣлайте постановленіе, чтобы впередъ уже никогда ее не увеличивать»! Конечно, никто такого предложенія даже и разбирать не сталъ. Многіе находили даже страннымъ вопросъ объ отмѣнѣ какихъ либо изъ состоявшихся въ эту же сессію постановленій; а предсѣдатель управы В. В. Назимовъ высказался, что онъ считаетъ это прямо не возможнымъ. Медемъ и Зубчаниновъ предложили передать пересмотръ смѣты для сокращенія ея особой коммисіи и потомъ окончательно утвердить на особомъ экстренномъ собраніи. Вопросъ о судьбѣ смѣты поставленъ былъ на закрытую баллотировку, въ результатѣ которой смѣта утверждена полностію.

Digitized by Google

Въ дополненіе къ характеристикѣ взглядовъ и пониманія задачъ и размѣровъ народнаго образованія, какими желаетъ направлять его коммисія бар. Медема, не безъинтересно коснуться вопроса объ ассигнованіи отъ земства средствъ на устройство при мѣстной учительской семинаріи дешевой столовой для ея воспитанниковъ. Здѣшняя семинарія въ томъ видѣ, какой она приняла за послѣдніе особенно годы, является типичнымъ и, пожалуй, образцовымъ заведеніемъ для изготовленія ремесленниковъ-просвѣтителей народа такого сорта, какой считается нѣкоторыми и между прочимъ бар. Медемъ предпочтительнымъ, если ужъ необходимо давать учителей въ деревню. Въ семинарію принимаются исключительно почти дѣти крестьянъ, кончившіе лишь начальную школу. Мальчики съ такой подготовкой въ теченіе 3 лѣтъ дрессируются спеціально педагогическими «науками и, практикой» успѣваютъ въ этотъ же срокъ изучить «теоретически и практически» огородничество, садоводство, пчеловодство и даже ручной трудъ. Можно себѣ представить, какое «общее и спеціальное образованіе» выносятъ изъ этого дрессировочнаго курса народные учителя. Но бар. Медемъ, напр., настойчиво заявлялъ и много разъ повторялъ, что,—какъ, будто-бы, показалъ уже опытъ—такіе учителя наилучшіе. Перечисляя ихъ достоинства, онъ особенно подчеркивалъ то, что такіе учителя, вышедшіе изъ среды крестьянъ, выросшіе въ нуждѣ и привыкшіе къ ней, отличаются скромными требованіями къ жизни и могутъ удовлетвориться меньшимъ жалованьемъ, что обыкновенно платится учителю. «Такимъ образомъ мы можемъ имѣть болѣе дешевыхъ учителей»—заявляетъ онъ. Едва-ли бар. Медемъ, такъ усиленно рекомендуя такихъ дешевыхъ учителей, совершенно не понималъ, что дешевизна въ данномъ случаѣ совершенно такого же свойства, какъ и дешевизна всякаго работника, работающаго отсталыми орудіями и пріемами и потому менѣе производительно, чѣмъ нормальный общественный работникъ. Столь любезный барону Медему учитель дешевъ такъ же, какъ дешевъ рабочій день ручнаго напр. ткача сравнительно съ машиннымъ.

В. Т.

Digitized by Google

Критика и библіографія.

Н. К. Шильдеръ. Имп. Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе. т. II. Изданіе А. С. Суворина. Съ 450 иллюстраціями. 1897. Спб. 408 стр.

Второй томъ настоящаго изданія, общій характеръ котораго мы уже имѣли случай отмѣтить по поводу выхода перваго тома, способенъ возбудить у читателя особенныя ожиданія. Онъ охватываетъ тотъ періодъ въ царствованіи Александра I, который носитъ названіе эпохи преобразованій (1801—1810 г. г.). Глубокій историческій интересъ этой эпохи, покровъ нѣкоторой тайны, до сихъ поръ не вполнѣ сдернутый съ многихъ относящихся къ ней фактовъ, невольно заставляютъ съ удвоеннымъ любопытствомъ перевертывать страницы этой книги, авторъ которой успѣлъ уже такъ ярко доказать свою широкую освѣдомленность въ новыхъ, необнародованныхъ ранѣе источникахъ. И дѣйствительно, г. Шильдеръ и на этотъ разъ съумѣлъ освѣжить свое изложеніе достаточнымъ количествомъ новыхъ данныхъ, иногда весьма любопытныхъ, характерныхъ и цѣнныхъ.— Все же не можемъ не замѣтить, что мы не вынесли изъ чтенія этого тома чувства полнаго удовлетворенія. Авторъ остался вѣренъ всѣмъ тѣмъ достоинствамъ, которыми отмѣченъ и его первый томъ. Попрежнему, передъ нами—основательное знакомство съ предметомъ, живой и легкій литературный языкъ, здравый, объективный взглядъ на событія и лица, довольно выпуклое изображеніе историческихъ сценъ и эпизодовъ. По прежнему, мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ трудъ г. Шильдера всѣмъ любителямъ хорошаго историческаго чтенія. Но, принимая во вниманіе особую благодарность сюжета и несомнѣнно-почтенную эрудицію автора, мы считаемъ себя въ правѣ предъявить къ нему нѣсколько большія требованія, которыя на нашъ взглядъ остались невыполненными. Прежде всего нельзя не замѣтить, что авторъ далеко неравномѣрно распредѣлилъ свое вниманіе между различными сторонами предмета. Въ книгѣ, спеціально посвященной «эпохѣ преобразованій», исторіи преобразовательныхъ плановъ и опытовъ отведено какъ разъ наименьшее мѣсто. Всего подробнѣе изложена дипломатическая исторія. Изъ 12-ти главъ, на которыя разбито изложеніе, семь цѣликомъ посвящены внѣшней политикѣ. Въ тѣхъ главахъ, гдѣ авторъ переходитъ къ обзору внутреннихъ событій, на первый планъ

Digitized by Google

выдвигается исторія лицъ и ихъ взаимныхъ отношеній. Изъ за исторіи *лицъ* очень слабо выглядываетъ исторія *общества.* Важнѣйшіе пункты, которыхъ приходится касаться автору, затронуты мимоходомъ, авторъ какъ бы спѣшитъ покончить съ ними пересказомъ нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ и въ очень малой степени вдается въ анализъ. Это—второй существенный недостатокъ труда г. Шильдера. Онъ только разсказываетъ и совершенно отстраняетъ отъ себя задачу изслѣдованія. Отсюда многія цѣнныя фактическія сообщенія непроизводительно тонутъ въ его бойкомъ литературномъ изложеніи. Укажемъ примѣры. Г. Шильдеръ привелъ много данныхъ, выражающихъ тѣ настроенія, какими было встрѣчено воцареніе Александра. Но онъ не сдѣлалъ изъ этихъ данныхъ никакого обобщенія, не попытался сгруппировать ихъ по категоріямъ и вотъ почему, при всемъ обиліи фактическаго матерьяла, первостепенной важности вопросъ о томъ, какъ отнеслись къ политикѣ новаго правительства разныя общественныя группы, остался совсѣмъ незатронутымъ. Между тѣмъ освѣщеніе этого вопроса даетъ ключъ ко многимъ явленіямъ, если не ко всей внутренней сторонѣ Александровскаго царствованія. Чѣмъ былъ вызванъ единодушный порывъ восторга при воцареніи Александра и почему это единодушіе скоро смѣняется борьбой противоположныхъ теченій? Одинаковый ли смыслъ влагался въ знаменитое обѣщаніе «царствовать по закону и сердцу бабки» всѣми тѣми, кто съ умиленіемъ рукоплескалъ этому обѣщанію? г. Шильдеръ не задается подобными вопросами, и вотъ почему, повторяемъ, нарисованная имъ картина преобразовательной эпохи, хотя и ярка красками, но страдаетъ недостаткомъ перспективы. Характеристики широкихъ общественныхъ теченій обыкновенно выходятъ у г. Шильдера довольно поверхностными. Вотъ еще примѣръ. На стр. 111 авторъ даетъ общее заключеніе о постановкѣ крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра и ограничивается при этомъ весьма банальными замѣчаніями, что втеченіе царствованія идея крестьянской эмансипаціи не идетъ далѣе смутныхъ филантропическихъ стремленій въ правительственныхъ сферахъ, за то прочно утверждается въ сознаніи передовыхъ общественныхъ дѣятелей.—А между тѣмъ, какъ разъ въ разсматриваемую г. Шильдеромъ эпоху развитіе крестьянскаго вопроса вступаетъ въ новую фазу, впервые отрицательная критика крѣпостнаго строя переводится на политико-экономическую почву и сторонники эмансипаціи начинаютъ аргументировать не столько велѣніями филантропическаго чувства, сколько соображеніями государственной пользы. Въ связи съ этимъ самый вопросъ ставится иначе, и отыскиваются иные пути къ его разрѣшенію. Все это очень отчетливо объяснено въ извѣстномъ сочиненіи г. В. Семевскаго и, конечно Г. Шильдеру не стоило бы большого труда воспользоваться въ данномъ случаѣ выводами своего предшественника. Г. Шильдеръ предпочелъ ограничиться общими, мало говорящими фразами именно потому, что культурная исторія эпохи вообще не остановила на себѣ его вниманія.

Политическія преобразовательныя программы и опыты разсматриваются авторомъ далеко не такъ обстоятельно, какъ это онъ долженъ бы былъ сдѣлать ввиду важности предмета и какъ это онъ могъ бы сдѣлать при своемъ знакомствѣ съ матерьяломъ. Кое чѣмъ авторъ совсѣмъ не

Digitized by Google

воспользовался, кое что онъ впервые открылъ и собралъ, но не ввелъ въ свое изложеніе, а опубликовалъ въ приложеніяхъ. Главы, посвященныя реформаціонной дѣятельности «неофиціальнаго комитета» и исторіи плана Сперанскаго, вышли самыми слабыми. Авторъ не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки прослѣдить постепенное развитіе руководящихъ политическихъ идей, полагавшихся въ основу проектовъ и опытовъ реформы, отмѣтить разнообразные оттѣнки этихъ идей и ихъ взаимное соотношеніе. Всего этого мы вправѣ ожидать отъ историка Александровскаго царствованія, мало того, указанные вопросы должны бы были составить центральный пунктъ его труда.

Въ приложеніяхъ читатель найдетъ весьма интересные документы. Наиболѣе важными изъ нихъ является: 1) замѣтки графа Строганова о первыхъ преобразовательныхъ замыслахъ Имп. Александра въ 1801 г. Здѣсь вскрывается истинная исторія возникновенія «неофиціальнаго комитета» и цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ по своей характерности черточекъ, ярко рисующихъ взаимныя отношенія Александра и его первыхъ сотрудниковъ, а также и общій тонъ политическихъ воззрѣній, господствовавшій въ этой средѣ. Остается только удивиться, что г. Шильдеръ не воспользовался ни одной изъ этихъ чертъ въ текстѣ книги, какъ не воспользовался надлежащимъ образомъ и записями Строганова о засѣданіяхъ неофиціальнаго комитета, напечатанными еще г. Богдановичемъ. 2) Планъ государственнаго образованія, составленный Сперанскимъ въ 1809 г. и извѣстный доселѣ лишь въ отрывкахъ, переведенныхъ на французскій языкъ въ книгѣ Н. Тургенева «La Russie et въ Russes». Впрочемъ, какъ разъяснилъ г. В. Семевскій, (Историч. Обозрѣніе т. IX.—стр. 264) изложеніе г. Шильдера сдѣлано съ важными пробѣлами и при томъ по весьма неисправному списку, хотя въ Имп. Публичной Библіотекѣ хранится подлинная черновая рукопись Сперанскаго.

Разсмотрѣнный томъ труда г. Шильдера оставляетъ желать многаго. Все же отмѣченныя выше достоинства этой книги, обиліе любопытныхъ свѣдѣній, живое изложеніе заставляютъ пожелать ей широкаго распространенія.

Ал. Кизеветтеръ.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени Составлена подъ руководствомъ Э. Лависса и А. Рамбо. Изд. К. Т. Солдатенкова. Томъ первый. Зачатки средневѣковаго строя. 395—1095. Пер. В. Невѣдомскаго. М. 1897. Ц. 3 руб.—Томъ второй. Феодальная Европа. Крестовые походы. 1095—1270. Пер. М. Гершензона. М. 1897. Ц. 3 руб.—Томъ третій. Образованіе большихъ государствъ. 1270—1492, Пер. В. Невѣдомскаго. М. 1897. Ц. 3 р.

Почему теперь историки такъ заняты разработкой самыхъ мелкихъ спеціальныхъ вопросовъ и такъ мало заботятся объ интересахъ читающей публики, которой нужны общія работы? Что за узкіе спеціалисты, равнодушные къ общимъ вопросамъ! Приблизительно такія замѣчанія приходится нерѣдко слышать въ «большой публикѣ». Поскольку виноваты въ этомъ ученые историки?

Digitized by Google

Было время, когда профессіональный историкъ охотно брался за писаніе исторіи цѣлаго народа, даже, пожалуй, исторіи всего человѣчества. Появлялись болѣе или менѣе обширные болѣе или менѣе оригинальные историческіе труды на самыя общія темы. Въ настоящій моментъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Старыя часто скороспѣлыя обобщенія, старыя нерѣдко поверхностныя рѣшенія общихъ вопросовъ теперь мало удовлетворяютъ спеціалиста, который видитъ, какъ ограниченъ фактическій матеріалъ, на которомъ построены эти схемы, какъ неглубокъ анализъ историческихъ явленій въ большинствѣ старыхъ работъ. Является сознаніе, что для рѣшенія общихъ вопросовъ нужно предварительно рѣшить массу вопросовъ мелкихъ, детальныхъ, разобраться въ огромномъ количествѣ фактическаго матеріала. Вотъ почему теперь сравнительно рѣдко историкъ-спеціалистъ берется за перо, чтобы писать сочиненіе на общую тему: научная добросовѣстность велитъ ему разрабатывать предварительно частности. И это направленіе въ исторической наукѣ не безплодно: количество изученнаго матеріала растетъ съ значительной быстротой; анализъ историческихъ явленій дѣлается все глубже, ставятся и рѣшаются совершенно новые вопросы, отвѣтъ на которые необходимъ для правильнаго пониманія историческаго процесса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается все болѣе затруднительнымъ писаніе общихъ характеристикъ, общихъ обзоровъ: матеріалъ по каждой отдѣльной эпохѣ теперь такъ великъ, что его можетъ одолѣть въ полномъ объемѣ далеко не всякій спеціалистъ. Итакъ, и потребность въ болѣе тщательномъ анализѣ историческихъ явленій, и самое удовлетвореніе этой потребности, ведущее къ увеличенію историческаго матеріала,—все это тормозитъ появленіе общихъ работъ по исторіи: монографія теперь преобладаетъ надъ общей характеристикой (конечно, мы имѣемъ въ виду общія характеристики, удовлетворяющія современнымъ научнымъ требованіямъ: можетъ быть, если принимать во вниманіе всякую жалкую компиляцію на общую тему, то общія работы количественно даже перевѣсятъ монографіи). А между тѣмъ совершенно справедливо утвержденіе, что потребность въ хорошихъ общихъ обзорахъ существуетъ. Даже для спеціалиста-ученаго общая характеристика историческаго процесса на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи не представляется совершенно лишней. Серьезная общая работа, сводящая въ одно цѣлое все выработанное изслѣдователями по отдѣльнымъ вопросамъ, можетъ направить занятія дальнѣйшихъ изслѣдователей, показать имъ, какіе вопросы еще не были поставлены, какіе—разработаны недостаточно, заставить ихъ взяться за вопросы, стоящіе на первой очереди, и уклониться на время отъ рѣшенія вопросовъ второстепенныхъ. Но спеціалистъ при извѣстной затратѣ времени и при способности становиться на общую точку зрѣнія еще, пожалуй, можетъ обойтись какъ нибудь безъ подобныхъ общихъ обработокъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ «большою публикой». Для всякаго понятна необходимость знакомить общество съ результатами исторической науки. Это ознакомленіе большого круга людей съ исторіей, эта популяризація историческихъ знаній имѣетъ, конечно, громадное значеніе для общественнаго воспитанія, какъ интеллигенціи, такъ и народныхъ массъ. Нечего и говорить, что для послѣднихъ мы вовсе не обладаемъ исторической литературой. Но даже и для интеллигентнаго обще-

Digitized by Google

ства историческая литература пока еще и бѣдна, и въ общемъ неудовлетворительна (хотя, конечно, есть блестящія исключенія). Обычный интеллигентный человѣкъ не имѣетъ ни времени, ни достаточной подготовки, чтобы читать спеціальныя монографіи: ему нужны именно общія работы, по возможности, доступно написанныя,—тѣ работы, недостатокъ которыхъ мы констатировали. Какъ же помочь бѣдѣ?

Нужно отдать справедливость ученому міру: онъ, хотяи не достаточно сильно, но все же начинаетъ отзываться на потребности публики. Отдѣльные видные ученые рѣшаются отъ монографическихъ изслѣдованій переходить къ общимъ обработкамъ и, хотя немногіе изъ нихъ въ состояніи быть одинаково свѣдущими по всѣмъ вопросамъ, затрогиваемымъ въ общей работѣ,—однако, если работа велась добросовѣстно, частные недостатки заслоняются тою пользою, какую приноситъ подобный общій трудъ серьезнаго ученаго. Находятъ для избѣжанія затрудненія и другой исходъ: для общей работы соединяется цѣлая группа спеціалистовъ: такимъ образомъ является коллективный трудъ обще-историческаго характера.

Въ настоящій моментъ мы и имѣемъ въ виду обратить вниманіе читателей на крупный трудъ, относящійся къ послѣдней категоріи общихъ работъ. Это - коллективная работа французскихъ историковъ, долженствующая охватить всю исторію среднихъ и новыхъ вѣковъ до нашего времени. Мы имѣли на русскомъ языкѣ переводъ «Всемірной исторіи» Шлоссера, но работа устарѣла какъ по содержащемуся въ ней матеріалу, такъ и по своимъ точкамъ зрѣнія. Переведенъ былъ на русскій языкъ болѣе поздній по времени многотомный трудъ Вебера, но на этомъ сочиненіи особенно ясно сказалось, какъ трудно одному лицу охватить историческій матеріалъ отъ древнихъ эпохъ до нашего времени: многія части труды Вебера вовсе не соотвѣтствуютъ уровню современной ему науки. Кромѣ того, не обладая широкимъ историческимъ міросозерцаніемъ, Веберъ многія явленія капитальной важности игнорировалъ. Такъ, у него почти отсутствуетъ исторія экономическаго быта. Изложеніе Вебера крайне сухо и скучно. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленіе на русскомъ яз. переводнаго труда французскихъ историковъ, заглавіе котораго стоитъ въ началѣ настоящей замѣтки. По плану, положенному въ основу этого изданія, послѣднее должно охватить исторію всѣхъ народовъ, игравшихъ роль, начиная съ IV в. до Р. Х.; вниманіе должно быть сосредоточено на внутренней исторіи (см. предисл., стр. VIII, рус. пер.); болѣе отдаленныя эпохи будутъ охарактеризованы болѣе сжато, близкія подробно. Исторія среднихъ вѣковъ охватываетъ первые три тома, вышедшіе теперь въ русскомъ переводѣ. Первый томъ посвященъ характеристикѣ позднѣйшей римской имперіи, ея разложенію, образованію варварскихъ государствъ, развитію священной имперіи и папства, исторіи Византіи, арабовъ и славянъ до конца XI стол. II томъ содержитъ характеристику сложившагося средневѣковаго строя и исторію эпохи крестовыхъ походовъ. III томъ охватываетъ конецъ среднихъ вѣковъ—образованіе большихъ государствъ. Мы находимъ въ этихъ томахъ главы, посвященныя характеристикѣ экономическаго быта той или иной эпохи, общіе очерки духовной культуры. Каждый отдѣлъ обработанъ спеціалистомъ, а нѣкоторые отдѣлы даже лучшими спеціалистами по исторіи данной эпохи или

Digitized by Google

даннаго народа. Изъ числа выдающихся спеціалистовъ, принявшихъ участіе въ разсматриваемыхъ первыхъ трехъ томахъ, появившихся въ русскомъ переводѣ, назовемъ Люшэра, лучшаго спеціалиста по исторіи Капетинговъ; Рамбо, извѣстнаго византиниста и автора общей работы по русской исторіи: Жири, знатока исторіи французскихъ городовъ; экономиста Левассёра; Ланглуа; Лависса и др. Общая редакція принадлежитъ Рамбо и Лависсу, пользующимся достаточно солидной репутаціей въ ученомъ мірѣ. Но если коллективность разбираемаго труда сообщила послѣднему большее соотвѣтствіе уровню современной науки, чѣмъ это было бы съ работой одного лица,—то съ другой стороны таже колективность является причиной и его нѣкоторыхъ недостатковъ: сразу видно, что работа исполнена работниками разныхъ силъ: отдѣлы получились неодинаковаго достоинства, какъ по степени научности, такъ и по характеру изложенія. На ряду съ вполнѣ солидной работой, какою является, напр. статья Жири и Ревиля о городахъ (II томъ), мы встрѣчаемъ болѣе слабые очерки Блонделя по исторіи Германіи въ XIV и XV вв. (III томъ). Живая, стройная характеристика Византіи въ эпоху крестовыхъ походовъ смѣняется скучнымъ и сухимъ изложеніемъ исторіи азіатовъ, написаннымъ Когёномъ (II томъ). Даже въ исторіи одного и того же народа замѣчается неровность изложенія, объясняемая различіемъ авторовъ, писавшихъ тотъ или другой отдѣлъ. Такъ, напр., статьи по исторіи Германіи въ эпоху крестовыхъ походовъ, принадлежащія перу Байе,—превосходятъ упомянутыя статьи Блонделя, изображающія Германію въ XIV и XV вв.: первая написана и интереснѣе, и полнѣе,—въ нихъ отведено все же большее мѣсто явленіямъ соціальной жизни, стушеваннымъ у Блонделя (хотя и у Байе почти отсутствуетъ характеристика сельскаго населенія). Многочисленность авторовъ вызываетъ еще одинъ болѣе важный недостатокъ разсматриваемаго труда: въ изданіи существуетъ общій планъ, но очень мало руководящихъ идей, которыя позволяли бы отдѣльные факты связывать въ стройный эволюціонный процессъ. Почти всюду политическій процессъ отдѣленъ отъ экономическаго, между ними не чувствуется связи.

Однако, несмотря на нѣкоторые недостатки, разсматриваемое изданіе занимаетъ теперь видное мѣсто въ общеисторической европейской литературѣ. Оно въ общемъ соотвѣтствуетъ тому уровню, какого достигла въ настоящее время разработка историческаго матеріала, даетъ очень много свѣдѣній, отличается доступнымъ, хотя иногда нѣсколько сухимъ, изложеніемъ. Поэтому желательность и даже необходимость перевода этого труда на русскій языкъ вполнѣ ясна.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о самомъ русскомъ переводѣ первыхъ трехъ томовъ. Мы полагаемъ, что образцовыхъ переводовъ можно требовать только отъ переводчиковъ произведеній классическихъ. Что же касается обиходной научной литературы, то здѣсь достаточно, если переводъ окажется удовлетворительнымъ. Но удовлетворительность перевода есть, конечно, условіе необходимое. По нашему мнѣнію, удовлетворительность перевода научной книги состоитъ въ томъ, чтобы написанъ былъ переводъ удобопонятнымъ и, по возможности, легкимъ языкомъ, чтобы мысли автора не были искажены, научные термины были бы переданы

Digitized by Google

точно, собственныя имена правильно трансскрибированы. Этимъ условіямъ удовлетворяетъ переводъ II тома разсматриваемаго труда (II томъ переведенъ г. Гершензономъ). Можно здѣсь указать кое-какія неловкія выраженія. Напр., на стр. 3 въ примѣч. свинина является однимъ изъ сортовъ говядины. Врядъ ли удобно переводить выраженіе doctrine particulière словомъ «лжеученіе» (т. II, стр. 249), такъ какъ при такомъ переводѣ является какъ бы осужденіе доктрины съ богословской точки зрѣнія, чего незамѣтно во французскомъ выраженіи. Но подобные мелкіе недочеты естественны въ переводѣ, обнимающемъ почти 900 стр., и не ослабляютъ достоинствъ перевода II тома, соотвѣтствующаго вообще тому критерію, который мы представили выше. Особенно цѣнно въ этомъ переводѣ крайне внимательное отношеніе къ научной терминологіи, не такъ часто встрѣчающееся въ русской переводной литературѣ. Переводъ I и III томовъ, принадлежащій другому переводчику, удовлетворяетъ критерію, которой мы считаемъ правильнымъ,—въ меньшей степени. Болѣе всего недочетовъ мы даже при бѣгломъ просмотрѣ отмѣтили въ I томѣ (III томъ переведенъ удовлетворительнѣе, какъ намъ кажется). На стр. 54 мы узнаемъ, что древніе германцы были «интеллигентны» (intelligents). Кажется, русское слово «интеллигентный» значитъ не совсѣмъ то, что французское intelligent. На стр. IX читаемъ: «Древній міръ долго имѣлъ *внѣшній* (!) видъ чана съ кипящей въ ней (sic! опечатка: «въ немъ»?) водой». Почему *внѣшній* видъ? (франц. подлинникъ: «l'ancien monde n'a offert longtemps que l'aspect d'une cuve qui bouillone»). Но это, пожалуй, мелочи. А вотъ болѣе крупные недочеты. Городскіе магистраты въ римской имперіи «командовали *арміей*» (вм. «ополченіемъ»—milice. Стр. 10). Вмѣсто термина колоны (colons) всюду (напр., стр. 9, 17, 160, 161, и passim) употребляется слово: колонисты. Вѣдь терминъ: колонъ установился въ наукѣ и значитъ совсѣмъ не то, что слово: колонистъ. Вергельдъ не слѣдуетъ переводить древне-русскимъ выраженіемъ: вира, такъ какъ смыслъ послѣдняго термина совсѣмъ иной (вира платилась князю). Извѣстный византинистъ г. Папарригопуло въ переводѣ является не современнымъ намъ историкомъ, а историкомъ VII или VIII в. по Р. Х. «Одинъ изъ тогдашнихъ [фр. подл. contemporain] историковъ Греціи Папарригопуло»... стр, 217). Собственныя имена невсегда правильно трансскрибируются. Святополкъ Моравскій именуется Сватоплукомъ (стр. 734). историкъ V в. Идацій (пишется Idatius или Idacius) названъ Идакіемъ (стр. 98), лапландцы—лапонцами (стр. 53).

Большое достоинство «Всеобщей исторіи», редактируемой Лависсомъ и Рамбо, заключается въ хорошо составленной библіографіи. Жаль, что въ русскомъ переводѣ эта библіографія не дополнена указаніемъ русской исторической литературы. Во II т. иногда встрѣчаемъ подобныя указанія, но несистематически.

М. М. Хвостовъ.

Digitized by Google

Проф. **А. Эсменъ.** (A Esmain). Общія Основы Конституціоннаго права. Пер. съ франц. подъ редакціей В. Дерюжинскаго. СПБ. 1898. Изд. О. Н. Поповой. 357 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Появленіе въ русскомъ переводѣ, этой обстоятельной, серьезной и вмѣстѣ съ тѣмъ популярной книги заслуживаетъ безусловнаго сочувствія. Къ достоинствамъ книги присоединяется хорошій переводъ: читается онъ легко, терминологія его правильна *). смыслъ подлинника, на сколько мы могли замѣтить, передается весьма точно.

Этимъ собственно и можно было бы ограничиться въ отзывѣ объ этой книгѣ, но намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по поводу ея содержанія.

Настоящее изданіе представляетъ собою переводъ лишь первой части труда проф. Esmain «Eléments du droit constitutionel». Въ этой части заключается обстоятельный научный анализъ конституціоннаго государственнаго строя современныхъ западно-европейскихъ государствъ. Трудъ этотъ занимаетъ въ публично-правовой литературѣ весьма видное мѣсто; авторъ его—лицо рѣдкой эрудиціи, рѣдкой въ особенности среди современныхъ французскихъ ученыхъ, у которыхъ даже китайцы иногда могли бы позанять ихъ гордаго «незнанья иноземцевъ». Прежде всего, Esmain знаетъ англійскій и нѣмецкій языки и, что для французскаго писателя уже совершенная рѣдкость,—читаетъ даже по русски. Кромѣ того онъ хорошій историкъ права. Благодаря этому въ настоящей книгѣ мы встрѣчаемся съ такимъ богатствомъ фактовъ и мыслей, въ постановкѣ вопросовъ чувствуется такое знакомство съ ихъ положеніемъ и разработкой въ европейской литературѣ, какихъ пожалуй не найти въ другихъ французскихъ книгахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясность и простота изложенія, отсутствіе «туманныхъ абстрактностей», иногда весьма много говорящихъ спеціалисту, но скучныхъ и непонятныхъ для большой публики, дѣлаетъ эту книгу весьма доступною для послѣдней.

При всемъ этомъ настоящая книга не шаблонный пересказъ установленныхъ наукою положеній, это—самостоятельное изслѣдованіе, принадлежащее человѣку, который не только по каждому данному вопросу способенъ составить собственное обоснованное мнѣніе, но и самый планъ работы задумалъ весьма интересно и осмысленно и выполнилъ весьма удачно.

Въ основу общаго плана первой части книги (переведенной на русскій языкъ) легли слѣдующія соображенія. До XVIII в., «различныя государства покоились на фактѣ долгаго существованія и на духѣ традиціи; они

*) Нѣкоторые термины, въ особенности въ началѣ книги, мы передали бы иначе: напр. мы не перевели бы personification «олицетвореніе», такъ какъ, по нашему мнѣнію, personification имѣетъ въ виду созданіе юридическаго лица, чему слово олицетвореніе не соотвѣтствуетъ (стр. 1); слово autorité, по нашему, лучше было бы перевести словомъ «власть», нежели «воля» (тамъ-же); установившееся въ русскомъ языкѣ выраженіе «юридическое лицо» мы не замѣнили бы выраженіемъ «моральное лицо» (тамъ-же). Въ дальнѣйшемъ и такихъ *спорныхъ* мѣстъ почти не встрѣчается.

Digitized by Google

находили свое освященіе въ національной исторіи и не искали никакого другого, такъ какъ законность ихъ не оспаривалась. Ихъ нормы и ихъ правительства большей частью были установлены однимъ только обычаемъ»... Философія XVIII в. провозгласила новые теоретическіе принципы государственнаго устройства. Принципы эти, «завоевавшіе умы, были примѣнены на практикѣ американской и французской революціями. Оттуда, путемъ непреодолимаго и плодотворнаго зараженія, они завоевали большую часть націй въ Европѣ и Америкѣ... Такимъ образомъ создался общій источникъ принциповъ и учрежденій, которые служатъ дѣйствительными выразителями новѣйшей свободы. Въ наше время для свободныхъ народовъ Запада существуютъ общіе принципы конституціоннаго права... Новые принципы... должны были въ различныхъ странахъ сочетаться съ элементами, созданными предшествовавшей исторической эволюціей; ихъ акклиматизація была возможна лишь при этомъ условіи... Отсюда—извѣстное число различныхъ и, однако, происшедшихъ отъ одного источника типовъ... Общій источникъ вмѣщаетъ въ себѣ не только принципы, добытые философскимъ мышленіемъ XVIII ст.: онъ вмѣщаетъ въ себѣ, въ очень значительной степени, и принципы, и институты, выработанные англійскимъ правомъ, которые, освобожденные отъ своихъ слишкомъ узконаціональныхъ чертъ, вошли въ то-же теченіе. Въ самомъ дѣлѣ, Англія въ своей собственной эволюціи частью разрѣшила, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, ту проблему, которую ставили себѣ философы,—проблему политической свободы. Она естественно стала для этихъ философовъ образцомъ, и ея воспитательная роль не переставала съ тѣхъ поръ давать себя чувствовать. Такимъ образомъ, я буду излагать... институты—типы и принципы, служащіе выраженіемъ новѣйшей свободы... Я раздѣлю эти принципы и институты на двѣ группы по ихъ происхожденію: сначала я разсмотрю тѣ, которые происходятъ изъ Англіи, потомъ тѣ, которые были раскрыты философіей XVIII ст. и провозглашены революціями американской и французской».

Слѣдуя этому плану, Эсменъ послѣ краткаго введенія, гдѣ онъ говоритъ о формахъ правленія и о важнѣйшихъ типахъ строя государственнаго управленія, даетъ характеристику тѣхъ началъ государственнаго права, которыя перешли въ другія конституціи изъ Англіи,—т. е. народнаго представительства, двупалатной системы и отвѣтственности министровъ, какъ судебной (за нарушеніе законовъ), такъ и политической (передъ палатами, за политику, не отвѣчающую взглядамъ большинства палатъ). Затѣмъ онъ характеризуетъ принципъ суверенитета народа, принципъ раздѣленія властей и теорію политическихъ правъ гражданъ, какъ принципы, установленные просвѣтительной философіей XVIII в. и провозглашенные французской революціей. И въ основной классификаціи книги, и въ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ все время видна рука человѣка съ такими познаніями и съ такимъ умѣньемъ разобраться въ нихъ, что даже, если и не соглашаться съ нимъ по тому или другому вопросу, то все таки нельзя не признать, что и въ пользу точки зрѣнія автора говорятъ весьма вѣскія соображенія, такъ что желанія съ нимъ поспорить по общимъ вопросамъ почти никогда не возникаетъ. Одно только стоило бы замѣтить: политическія права гражданъ,—индивидуальныя права, какъ

Digitized by Google

ихъ называютъ французы, права гражданской свободы, какъ ихъ довольно-таки неуклюже называютъ у насъ, могутъ вести свой родъ не только, или, пожалуй, не столько изъ Франціи, какъ изъ Англіи. И это справедливо даже и для той постановки, какую права эти получаютъ въ законодательствѣ современной Франціи.

Абсолютныя правительства прошлаго вѣка вызвали протестъ нѣкоторыми своими притѣсненіями, особенно тягостными для культурныхъ классовъ. Въ отвѣтъ на эти притѣсненія умственное движеніе XVIII в. провозгласило абсолютныя права личности, права, которыя государство должно уважать. Къ этимъ правамъ относятся право личной неприкосновенности, право свободы слова, свободы общеній и свободы религіозной. Та постановка, которую получили эти права во Франціи, въ особенности въ эпоху великой революціи, носила совершенно иной характеръ, чѣмъ въ Англіи; во Франціи права эти были провозглашаемы въ особыхъ декларацiяхъ, которыя нерѣдко такъ и оставались мертвой буквой, и въ крайнемъ случаѣ вліяніе этихъ декларацій сводилось къ тому, что идея справедливости и даже необходимости такихъ правъ проникала въ болѣе широкій кругъ людей. Хотя въ свое время такія декларации правъ принесли огромную пользу, распространивъ въ краткой, выразительной формѣ принципы свободнаго государственнаго устройства и пріучивъ къ нимъ общественное мнѣніе, но когда эта цѣль стала уже излишнею, то подобныя деклараціи могли приносить и, дѣйствительно, приносили не мало вреда тѣмъ, что какъ бы обманывали общественное мнѣніе; весьма и весьма многіе, прочтя въ деклараціи, напр., что запрещается арестовать гражданъ внѣ установленныхъ закономъ случаевъ, на этомъ и успокаиваются, не задаваясь вопросомъ, чѣмъ гарантировали соблюденіе этого запрета. Но если въ законѣ такихъ гарантій не было, то нарушенія права, самымъ торжественнымъ образомъ провозглашеннаго въ конституціи, нерѣдко оставались вполнѣ безнаказанными, какъ это иногда наблюдалось и въ самой Франціи (въ особенности при Наполеонѣ III). Совершенно иначе ставился вопросъ въ Англіи. Тамъ не издавали декларацій, заключавшихъ перечни правъ гражданъ, но за то были установлены дѣйствительныя гарантіи неприкосновенности того или другого права установленіемъ порядка судебнаго обжалованія и отмѣны дѣйствій администраціи, нарушающихъ данное право, установленіемъ наказаній его нарушителямъ. и т. п. Такимъ образомъ въ Англіи, совершенно независимо отъ декларацій правъ, выработалась система дѣйствительныхъ практическихъ (обыкновенно судебныхъ) гарантій ихъ. Въ настоящее время даже во Франціи, въ странѣ, гдѣ наиболѣе процвѣтали широкія деклараціи правъ, въ настоящей конституціи такой декларации уже больше нѣтъ; и поскольку во Франціи политическія права гражданъ обезпечены, они обезпечены согласно духу и принципамъ англійскаго права, а не прежнихъ французскихъ декларацій.

Эта не совсѣмъ, на нашъ взглядъ, удачная постановка вопроса о политической свободѣ въ книгѣ Эсмена сама по себѣ особаго теоретическаго значенія не имѣетъ, такъ какъ въ исторіи политической свободы работы мыслителей XVIII в. и провозглашеніе ихъ идей во Франціи имѣли громадное значеніе. Поэтому при изученіи распространенія этихъ идей надо обращаться къ Франціи, какъ ихъ источнику, но въ курсѣ госу-

Digitized by Google

дарственнаго права несравненно существеннѣе выяснить практическую осуществимость этихъ идей, что лучше всего можетъ быть сдѣлано изложеніемъ исторіи и современной постановки дѣла охраны правъ политической свободы гражданъ Англіи.

Говоря, что книга Эсмена, по нашему мнѣнію, выиграла бы, еслибы въ этой главѣ онъ сталъ на нѣсколько иную точку зрѣнія, мы не можемъ не повторить, что въ общемъ книга эта такова, что читатель извлечетъ изъ нея весьма много обстоятельныхъ и точныхъ свѣдѣній и не менѣе того содержательныхъ мыслей и такимъ образомъ разъяснитъ себѣ не мало явленій въ государственной жизни западно-европейскихъ государствъ.

Н. Лазаревскій.

Проф. **Геффдингъ, О принципахъ этики.** Перев. съ нѣмецк. Международная библіотека. № 50. Изд. Юровскаго. Одесса, 1898 г. стр. 61. Ц. 15 к.

Обыкновенный читатель, профанъ въ этикѣ, но любознательный и стремящійся къ разъясненію окружающихъ его явленій, принимаясь за книжку «О принципахъ этики», будетъ искать въ ней рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые у него возникли по части нравственности. Есть у него совершенно законныя, но и совершенно различныя стремленія, интересы равно существенные, но какъ будто въ тоже время не одинаковой цѣнности: здоровья, физической бодрости и свѣжести, эстетическіе, знанія, гармоническаго всесторонняго развитія. У каждаго есть неясности въ отношеніяхъ къ ближнимъ. Многимъ приходятъ въ голову вопросы о надлежащихъ, правильныхъ отношеніяхъ къ народу и человѣчеству. Въ головѣ мелькаетъ время отъ времени высшій, коренной вопросъ: зачѣмъ жить? Каково наше назначеніе? Какова цѣль жизни? При помощи книжекъ о принципахъ этики, обыкновенный читатель пытается разобраться въ этой кучѣ вопросовъ, освѣтить свою жизнь и дѣятельность, опредѣлить, что главное, а что второстепенное, что цѣль, а что средства, какъ примирить и соподчинить разные интересы и стремленія.

Прочитавъ книжку Геффдинга, профанъ не останется ею доволенъ, потому что она очень мало бросаетъ свѣта на дѣятельность человѣка, мало разъясняетъ относительную цѣнность раз[illegible]чныхъ интересовъ человѣческой жизни и ихъ взаимное отношеніе.

Все, что мы считаемъ хорошимъ и цѣннымъ, связано съ цѣлью, говоритъ Геффдингъ; иными словами: или само является цѣлью для насъ, или же средствомъ для достиженія другой цѣли. Даже всякое дѣйствіе должно быть связано съ какою либо цѣлью. Слѣдовательно вся этика будетъ наукой о цѣляхъ дѣятельности и о средствахъ для достиженія этихъ цѣлей. А между тѣмъ Геффдингъ утверждаетъ, что «самое установленіе цѣлей выходитъ за предѣлы философской этики», что «только по установленіи или при предположеніи господствующей цѣли можетъ начаться работа философской этики. Эта работа заключается въ томъ, чтобы найти производныя цѣли и необходимыя средства».

А откуда же мы возьмемъ господствующую цѣль? Это остается не-

Digitized by Google

извѣстнымъ, а слѣдовательно по самому коренному этическому вопросу—о цѣли и смыслѣ жизни—мы остаемся въ тѣхъ же самыхъ потьмахъ, въ какихъ были и раньше.

«Дѣйствія, единственнымъ послѣдствіемъ которыхъ являются страданіе и несчастіе, должны быть отвергнуты; наоборотъ тѣ, которыя влекутъ за собой лишь удовольствіе и счастіе, должны быть одобрены... Такимъ образомъ масштабомъ или объективнымъ принципомъ оцѣнки является здѣсь *принципъ счастья*». Этотъ принципъ Геффдингъ защищаетъ отъ возраженій и пытается выяснить и опредѣлить. Но результатъ получается не особенно удовлетворительный, принципъ счастья оказывается слишкомъ объективнымъ и трудно опредѣлимымъ. Что такое счастье. Въ чемъ оно состоитъ? Кто не знаетъ, что разные люди полагаютъ свое счастье въ весьма различныхъ вещахъ? Какъ склонить ихъ къ единству въ пониманіи счастья? Все это вопросы, которые такъ и остаются вопросами по прочтеніи брошюры. Всякому хочется счастья, всякій готовъ оцѣнивать дѣйствія по принципу счастья, но только самый принципъ то ускользаетъ изъ рукъ, оказывается неуловимымъ.

Чувствуя себя неудовлетвореннымъ въ главномъ, обыкновенный читатель не можетъ уже утѣшиться отдѣльными и частными справедливыми замѣчаніями и сужденіями, встрѣчающимися въ книжкѣ «О принципахъ Этики».

П. Каптеревъ.

Земля и Люди. Всемірная географія, сочиненіе Э. Реклю. Изд. О. Н Поповой. Вып. I. Швеція и Норвегія. Полный переводъ съ французскаго П. Н. Краснова. Съ 75 рис. С.-Петербургъ 1896. Ц. 1 р.—Вып. II. Бельгія и Голландія. Полный пер. съ франц. П. Н. Краснова. Съ 67 рис. и 9 черт. СПб. 1897. Ц. 1 р.

Девятнадцать большихъ томовъ «Всемірной географіи» Реклю представляютъ единственное въ своемъ родѣ научно-литературное явленіе—географическое описаніе всей суши и ея человѣческаго населенія, задуманное и выполненное однимъ человѣкомъ. Мысль эта казалась настолько смѣлой, а выполненіе ея настолько труднымъ, что должно было пройти не мало времени прежде, чѣмъ ученые, не принадлежащіе къ соотечественникамъ автора, въ особенности въ Германіи, признали научное значеніе громаднаго труда французскаго географа. Это сомнѣніе въ строгой научности и необходимой полнотѣ «Всемірной географіи» исходило, повидимому, отъ нѣкотораго недовѣрія къ автору, имѣвшему, съ точки зрѣнія спеціалистовъ, скорѣе видъ диллетанта или популяризатора, чѣмъ самостоятельнаго ученаго и основательнаго знатока своего предмета. Дѣйствительно, прошлое его, предшествовавшее тому времени, когда онъ приступилъ къ своему труду, о которомъ мы говоримъ, мало походило на обстоятельства жизни, въ какихъ другіе ученые той же спеціальности подготовлялись къ своимъ капитальнымъ работамъ. Реклю получилъ протестанско-богословское образованіе и, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, послѣ декабрьскаго переворота, еще въ ранней молодости долженъ былъ покинуть отечество. Онъ нашелъ себѣ пріютъ въ Америкѣ

Digitized by Google

и хотя не могъ заниматься систематическимъ изученіемъ географіи, но воспользовался шестилѣтнимъ пребываніемъ въ этой части свѣта такъ какъ имъ можетъ воспользоваться только прирожденный географъ. Когда для него оказалось возможнымъ возвратиться во Францію, онъ привезъ съ собою множество географическихъ описаній и замѣтокъ, сразу обратившихъ на него вниманіе публики и ученыхъ. Нуждаясь въ средствахъ для содержанія семьи, онъ редактировалъ популярный журналъ путешествій «Tour du Monde» и даже составлялъ путеводители, но въ этихъ второстепенныхъ литературныхъ работахъ онъ выказалъ выдающійся талантъ, выражающійся въ свойственномъ ему одному сочетаніи научнаго пониманія съ поэтическимъ постиженіемъ жизни природы. Это счастливое совпаденіе, къ сожалѣнію, рѣдко встрѣчающееся въ одномъ лицѣ, внушило ему идею его главныхъ научныхъ трудовъ и обусловило ихъ успѣхъ въ публикѣ. Крупную, обширную извѣстность дала ему «Земля», мысль о которой, какъ онъ разсказываетъ, зародилась въ немъ «не въ тиши кабинета, а среди живой, свободной природы». Плодомъ навѣяннаго ему самой природой желанія разсказать о ея жизни явилась книга, которая, при всей неполнотѣ, отсталости и неточности нѣкоторыхъ мѣстъ, читалась больше, чѣмъ какая бы то ни была полная и строго научная географическая книга. Разсматривая ее, какъ учебникъ, въ ней можно, дѣйствительно, указать не мало недочетовъ систематическаго характера, но, какъ книга для чтенія, какъ книга для самообразованія въ области жизни земли, она не имѣетъ себѣ равной.

Тоже можно сказать и о «Всемірной географіи». Въ основу ея легли личныя впечатлѣнія автора, личное знакомство его со многими странами и умѣреннаго и жаркаго поясовъ. Даже относительно странъ, не видѣнныхъ имъ, онъ не ограничивается при ихъ описаніи существующимъ литературнымъ матеріаломъ, а всегда обращался за свѣдѣніями, необходимыми для яснаго представленія о нихъ, къ географически образованнымъ уроженцамъ этихъ странъ, пользовался ихъ «рукописными замѣтками», занимающими видное мѣсто среди источниковъ, на которые онъ ссылается. Это живое знакомство съ описываемыми странами, положенное въ основаніе обширнаго труда Реклю, и доставило ему первое мѣсто среди сочиненій подобнаго рода. Упреки въ неполнотѣ и даже въ невѣрности не подорвали его значенія. Они исходили, по большей части, отъ нѣмецкихъ географовъ, которые по праву считали географію нѣмецкою наукой, такъ какъ основателями ея, какъ опредѣленной точной отрасли естествознанія, были нѣмцы, Александръ Гумбольдтъ и Карлъ Риттеръ. Ни одно государство не сдѣлало такъ много для научной постановки географіи въ низшей, средней и высшей школѣ, какъ Германія; едва-ли въ другой странѣ можно найти такую обширную географическую литературу и столько научно образованныхъ географовъ. Видя успѣхъ «Всемірной географіи» Реклю, сознавая важность и необходимость подобнаго сочиненія и желая придать ему возможную точность и свѣжесть свѣдѣній, они задумали коллективный трудъ подобнаго-же характера, подъ общей редакціей ветерана нѣмецкой географической науки, Кирхгофа. Въ трудѣ этомъ, названномъ «Unser Wissen von der Erde», должны были участвовать выдающіяся силы названной науки. Но, къ сожалѣнію, надежды,

Digitized by Google

возлагавшіяся на эту научную работу, не оправдались. Несмотря на многія хорошо выполненныя отдѣльныя части, ей именно недостаетъ живости и цѣльности. Она была раздѣлена по странамъ, и въ описаніи каждой страны неизбѣжно отразилась спеціальность автора, что не могло не придать ей извѣстной разнохарактерности. Вообще она показала, что у нѣмцевъ есть не мало первоклассныхъ представителей отдѣльныхъ отраслей географіи, но немного географовъ въ обширномъ или настоящемъ смыслѣ этого слова. Мы заговорили объ этомъ нѣмецкомъ трудѣ потому, что своей неудачею онъ ясно выказалъ достоинства сочиненія Реклю, съ которымъ намѣревался конкуррировать. Теперь уже въ нѣмецкомъ «Географическомъ Ежегодникѣ», основанномъ Бемоли и продолжаемомъ Вагнеромъ, дающимъ отчетъ о движеніи географической литературы, успѣхи этой литературы нерѣдко ведутъ отъ «Всемірной географіи» Реклю, т. е. отъ свѣдѣній, которыя она сообщаетъ, представляя новыя работы, какъ ихъ дополненіе и развитіе. Такимъ образомъ это сочиненіе можетъ уже считаться «внѣ конкуренціи», самымъ обширнымъ, самымъ талантливымъ и въ то же время вполнѣ общедоступнымъ компендіумомъ по спеціальной географіи.

Преимущество «Географіи» Реклю надъ однородными съ нею сочиненіями заключается въ полной, если можно такъ выразиться, естественной свободѣ плана и изложенія. Если общая географія, изучающая строеніе и жизнь всего земнаго шара, сама собою распадается на отдѣлы (орографія, гидрографія, климатологія, фитогеографія, зоогеографія и пр.), то въ спеціальной географіи, при изученіи отдѣльныхъ странъ, нѣтъ основаній придерживаться такихъ рубрикъ. Проводимыя въ нашихъ руководствахъ, именно онѣ и придаютъ имъ сухость и отвлеченность, благодаря которымъ географія большинствомъ учащихся считается предметомъ незначительнымъ и нелитературнымъ. Ошибка нѣмецкихъ географовъ, составителей «Unser Wissen von der Erde», отчасти заключалась въ томъ, что они ввели эти рубрики въ планъ своего сочиненія, сообщили ему, такимъ образомъ, характеръ многотомнаго руководства къ политической географіи, что уже само по себѣ невыгодно для сочиненія, предназначеннаго не для однихъ спеціалистовъ, а и для публики. У Реклю отдѣльныя стороны географической жизни страны подчинены общей идеѣ—изображенія характерныхъ особенностей страны, ея географической типичности или индивидуальности. Изложеніе у него расположено по строгому плану и не обходится безъ подраздѣленій или рубрикъ, но онѣ выдвинуты и разработаны, смотря по тому, какое значеніе онѣ имѣютъ для данной страны. Такъ, въ двухъ выпускахъ, которые лежатъ передъ нами въ «Швеціи и Норвегіи» и «Бельгіи и Голландіи», онъ въ отдѣльныхъ главахъ говоритъ о горахъ, рѣкахъ и озерахъ, климатѣ флорѣ и фаунѣ, но въ иномъ родѣ и съ инымъ распространеніемъ, въ зависимости отъ ихъ важности для характеристики страны. Въ Скандинавіи онъ подробно останавливается на ея горныхъ системахъ, фіордахъ, островахъ, строеніи береговъ, слѣдахъ ледниковаго періода, озерахъ и рѣкахъ, такъ какъ эти черты поверхности имѣли первостепенное значеніе для жизни полуострова, обусловивъ раздѣленіе его на двѣ замѣтно различающіяся между собою страны и придавъ многія особен-

Digitized by Google

ности жителямъ той и другой изъ нихъ. Всѣ эти описанія способствуютъ не оживленію карты, какъ описанія нѣкоторыхъ другихъ географовъ, а оставляютъ живое впечатлѣніе самой страны, какъ будто читатель ее видѣлъ. Настоящую жизнь въ его глазахъ ей придастъ, конечно, человѣческое населеніе, присутствіе его чувствуется постоянно въ описаніи горъ, береговъ и пр., которое вмѣстѣ съ описаніемъ климата, флоры и фауны, служитъ введеніемъ къ изображенію городской и сельской жизни Скандинавіи. Жизнь эта проходитъ предъ читателемъ пестрой, но характерной картиной. Авторъ освѣщаетъ ее короткимъ очеркомъ прошлаго, насколько оно сохранилось въ странѣ въ остаткахъ и памятникахъ, присоединивъ къ нему описаніе живыхъ остатковъ, въ видѣ коренныхъ жителей лопарей.

Въ «Бельгіи» орографія занимаетъ всего пять страницъ, достаточныхъ для характеристики Арденнъ, и на первый планъ выдвинуты равнины, каменноугольныя залежи и работа моря надъ берегами. Послѣ этой физико-географической главы, занимающей лишь треть мѣста, отведеннаго этому предмету въ Скандинавіи, авторъ прямо переходитъ къ населенію касаясь вкратцѣ его доисторическаго прошлаго и нынѣшняго этническаго состава, и затѣмъ всю остальную часть описанія Бельгіи посвящаетъ городамъ и мануфактурной дѣятельности, столь характерной для этой страны. Говоря о Голландіи, онъ сосредоточиваетъ главное вниманіе на ея почвѣ, орошеніи и осушительныхъ и канализаціонныхъ работахъ, посвящая этимъ типичнымъ подробностямъ почти половину всего описанія названной страны. Въ свѣтѣ этой неустанной борьбы съ природой, рисуется своеобразное трудолюбивое и стойкое населеніе Голландіи.

Легко видѣть, что подобный пріемъ изложенія не всегда удовлетворитъ спеціалиста, который можетъ не найти у Реклю какой либо орографической, гидрографической или климатографической подробности, но такой пріемъ мы считаемъ какъ нельзя болѣе благодарнымъ для распространенія въ публикѣ живыхъ географическихъ свѣдѣній.

Наша публика давно уже оцѣнила Реклю. «Земля» его была издана картографическимъ заведеніемъ Ильина еще въ восьмидесятыхъ годахъ, и тогда же эта фирма начала изданіе «Всеобщей географіи», закончивъ это изданіе въ прошломъ году. Несмотря на высокую цѣну, оно все разошлось, и теперь начато второе изданіе. Успѣхъ Реклю такъ великъ, что изданіе «Земли» О. Н. Поповой также разошлось весьма быстро, и, вѣроятно, то же предстоитъ и отдѣльнымъ полутомамъ «Всеобщей географіи», выпускаемымъ той-же издательницей. Каждый изъ полутомовъ обнимаетъ одну страну въ географическомъ смыслѣ и, для удобства читателей, снабженъ очеркомъ государственнаго устройства описываемыхъ странъ, относящимися къ нимъ новѣйшими статистическими данными и библіографическими свѣдѣніями на русскомъ языкѣ.

Д. Коропчевскій.

Digitized by Google

А. И. Мечниковъ. Цивилизація и великія историческія рѣки. Перев. съ фр. М. Д. Гродецкаго. Изд. ред. журн. «Жизнь» СПБ. 1898 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Левъ Ильичъ Мечниковъ (родился въ 1838 г., умеръ 30 іюня 1888 г.), занимавшій передъ смертью каѳедру сравнительной географіи и статистики въ Лозаннскомъ университетѣ, пользовался за границею широкой извѣстностью столько же, благодаря своимъ научнымъ заслугамъ, сколько въ качествѣ плодовитаго журналиста и энергичнаго общественнаго дѣятеля. Старшій братъ извѣстнаго Ильи Мечникова, обезсмертившаго свое имя теоріей фагоцитоза и являющагося въ настоящее время однимъ изъ наиболѣе видныхъ научныхъ свѣтилъ всего міра, Левъ Мечниковъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ перебрался за границу, принялъ тамъ близкое участіе въ борьбѣ за освобожденіе Италіи, волонтеромъ въ «тысячѣ» Гарибальди былъ сильно раненъ взрывомъ мины при Вольтурно, но выздоровленіи горячо отдался соціальному движенію Швейцаріи, Испаніи, Франціи, издавая брошюры и печатая массу статей и замѣтокъ въ періодическихъ изданіяхъ этихъ странъ. Одновременно онъ дѣятельно участвовалъ и въ русской литературѣ, помѣщая за своей подписью и подъ различными псевдонимами (Леонъ Бранди, Эмиль Денегри, Басардинъ, Л. М., Э. Д., Гарибальдіецъ) повѣсти и разсказы, корреспонденціи, научныя и публицистическія статьи въ «Современникѣ» и «Русскомъ Словѣ», въ качествѣ постояннаго сотрудника въ «Дѣлѣ» (съ 1866 по 1884 г.), а также въ «Знаніи», «Отеч. Запискахъ» и проч. Зная десять европейскихъ языковъ и рядъ языковъ восточныхъ, Л. Мечниковъ чувствовалъ себѣ свободнымъ во всякой литературѣ и странѣ. Въ серединѣ семидесятыхъ годовъ нѣкоторое время онъ читалъ лекціи въ организовавшемся тогда японскомъ университетѣ, но долженъ былъ оставить эту каѳедру по разстроенному здоровью. Онъ привезъ оттуда законченный трудъ о японской имперіи, который вмѣстѣ съ сочиненіемъ «Цивилизація и великія историческія рѣки» считаются наиболѣе капитальными научными трудами Л. Мечникова. Разносторонній умъ и дѣятельная горячая натура не позволили Л. Мечникову всецѣло отдаться научнымъ занятіямъ, но то, что онъ оставилъ послѣ себя въ литературѣ, по отзывамъ признанныхъ вождей науки, вродѣ Э. Реклю, носитъ печать высокаго таланта.

Послѣдніе годы своей жизни Л. Мечниковъ посвятилъ изслѣдованію географическихъ условій различія цивилизаціи, результатомъ котораго уже по смерти его и явилась на французскомъ языкѣ незаконченная работа подъ заглавіемъ «La civilisation et les grands fleuves historiques» *). Произведеніе это впервые переведено на русскій языкъ. Давая въ первыхъ главахъ его опредѣленіе понятія цивилизаціи и общественнаго про-

*) Переводчикъ почему то нигдѣ не упоминаетъ, что книга «Цивилизація и великія историческія рѣки» представляетъ собою незаконченную работу. По смерти автора оставшіеся у него матеріалы были приведены въ порядокъ Э. Реклю, и такимъ образомъ явилось въ свѣтъ означенное сочиненіе.

Digitized by Google

гресса, существеннымъ признакомъ котораго онъ считаетъ развитіе и усовершенствованія принципа кооперації, обобществленія, соціальной солидарности, авторъ стремится въ дальнѣйшихъ главахъ «изучать скрытую внутреннюю связь между различными историческими фазами и теченіями у самыхъ цивилизованныхъ народовъ и строго опредѣленною совокупностью топографическихъ и географическихъ условій». Однако, подавая рѣдкій примѣръ научной широты и отсутствія односторонности спеціалиста ученаго, онъ заранѣе отстраняетъ отъ себя упрекъ въ фатализмѣ (стр. 27. 81, 175). «Я, заявляетъ онъ, не изъ числа защитниковъ теоріи географическаго фатализма, провозглашающаго на перекоръ фактамъ, что данная совокупность физическихъ условій можетъ и должна всюду играть одну и ту же неизмѣнную роль». По моему мнѣнію raison d'être первобытныхъ учрежденій и всѣхъ послѣдующихъ измѣненій слѣдуетъ искать не въ самой средѣ, а въ тѣхъ соотношеніяхъ, которыя возникаютъ между средой и природными способностями ея обитателей къ участію въ кооперації и солидарномъ общественномъ трудѣ». Сдѣлавъ эту оговорку, авторъ останавливаетъ свое вниманіе на четырехъ великихъ культурахъ перваго періода исторіи человѣчества: египетской, ассирійской, индійской и китайской, заполняющихъ собою всю эпоху первобытныхъ историческихъ образованій. Всѣ они разцвѣли и развились въ средѣ извѣстныхъ рѣчныхъ системъ. Гоанго и Янтсе-кіангъ орошаютъ мѣстность, гдѣ зародилась и выросла первобытная китайская культура; индійская или ведійская культура не выходила за предѣлы бассейновъ Инда и Ганга; ассиро-вавилонскія первобытныя культурныя общества разрослись по Тигру и Евфрату, этимъ двумъ жизненнымъ артеріямъ Месопотамской долины; наконецъ древній Египетъ, какъ это утверждалъ уже Геродотъ, былъ «даромъ», созданіемъ Нила. Изслѣдованію зависимости между особенностями перечисленныхъ рѣчныхъ бассейновъ и цивилизаціями, получавшими отъ нихъ жизненность, и посвящены послѣднія главы труда. Авторъ заключаетъ, однако, что «истиннымъ творцомъ исторіи слѣдуетъ считать среду, а рѣка имѣетъ здѣсь значеніе лишь потому, что она является синтезомъ многочисленныхъ географическихъ условій... Краснорѣчивый примѣръ четырехъ великихъ древнихъ культуръ кажется мнѣ достаточнымъ для того, чтобы доказать, что нигдѣ на всемъ свѣтѣ не имѣлъ мѣста фактъ культурно-историческаго развитія внѣ рѣчной среды, внушающей своимъ обитателямъ чувство ясно выраженной и послѣдовательной солидарности, но это не мѣшаетъ мнѣ признавать, что чувство солидарности можетъ быть внушено обществу географической средой и помимо посредничества рѣки».

Періодъ «первобытныхъ культурныхъ образованій въ бассейнахъ великихъ рѣкъ», какъ выражается Л. Мечниковъ, является лишь первымъ этапомъ въ исторіи человѣчества. Въ бассейнахъ этихъ рѣчныхъ системъ культуры могли быть только изолированными, грубыми и, наоборотъ, онѣ пріобрѣтали другой характеръ, дѣлались способными къ распространенію, къ дальнѣйшему развитію, лишь только вступали въ среду внутреннихъ морей и охватывали собою различные народы и страны. Способность культуры къ широкому распространенію, весьма значительно развитая уже при началѣ средиземноморскаго періода, идетъ все болѣе и болѣе

Digitized by Google

увеличиваясь по мѣрѣ того, какъ исторія покидаетъ берега внутреннихъ морей съ тѣмъ, чтобы перенестись въ еще болѣе широкую среду, на берега океана. Соотвѣтственно тому, Л. Мечниковъ и дѣлитъ исторію человѣчества на три періода, отмѣченные каждый опредѣленной совокупностью служащихъ для него географическихъ условій: I Древніе вѣка, *рѣчной періодъ*, охватывающій собою исторію четырехъ великихъ культуръ древности, существовавшихъ въ Египтѣ, Месопотаміи, Индіи и Китаѣ. II Средніе вѣка, *средиземно-морской періодъ*, занимающій собою 25 вѣковъ, съ основанія Карѳагена до Карла Великаго. III. Новые вѣка, *океаническій* періодъ. Разбираемое нами сочиненіе касается только перваго изъ этихъ періодовъ. Чтеніе его предполагаетъ уже нѣкоторое знакомство съ фактической стороной исторіи древнѣйшихъ государствъ. Но помимо освѣщенія главной темы изложеніе изобилуетъ многими остроумными соображеніями, оригинальными мыслями и гипотезами. Къ сожалѣнію изданіе оставляетъ желать многаго какъ въ отношеніи перевода, такъ въ особенности корректуры. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что номерація страницъ книги послѣ 192 страницы обозначена 163 и такъ неправильно продолжается до послѣдней 176, или, на самомъ дѣлѣ 206, страницы. По своему достоинству книга заслуживаетъ лучшаго изданія. Въ началѣ ея приложенъ небольшой, но интересный очеркъ жизни Л. И. Мечникова.

М. Плотниковъ.

Э. Крепелинъ, проф. Гигіена труда.—Умственный трудъ.—Переутомленіе. Три очерка, пер. съ нѣмец. Ц. 30 к. О. Н. Поповой.

Д-ръ **Крепелинъ**. Умственный трудъ. Перев. съ нѣм. Одесса, 1898 г. 34 стр. Ц. 20 к. **Его же**, Къ вопросу о переутомленіи. Пер. съ нѣм. Одесса, 1898 г. 51 стр. Ц. 25 к.

Ѳ. К. Телятникъ. О психическомъ утомленіи учащихся. СПБ. 1897 г.

Въ послѣдніе годы происходитъ довольно горячій споръ по вопросу о переутомленіи учащихся. Одни признаютъ фактъ переутомленія, опредѣляютъ его причины и стараются указать мѣры для его устраненія; другіе сомнѣваются въ самомъ фактѣ переутомленія учащихся, говорятъ, что онъ еще не установленъ, даже у насъ нѣтъ вполнѣ опредѣленныхъ признаковъ переутомленія, чтобы отличать его отъ простого утомленія. Въ школахъ есть утомленіе, но существуетъ ли переутомленіе—вопросъ... Въ виду такого положенія дѣла, чрезвычайно важно подойти къ вопросу по тѣмъ чисто научнымъ, изслѣдовать его, если возможно, экспериментально Къ такой постановкѣ вопроса, къ такому, строго научному и экспериментальному, изслѣдованію и стремятся авторы трехъ вышепоименованныхъ брошюръ.

Крепелинъ, профессоръ психіатріи въ Гейдельбергѣ, уже давно занимается научнымъ изслѣдованіемъ умственнаго труда. Предметъ его изслѣдованій—собственно умственный трудъ взрослыхъ, а не дѣтей, но, конечно, и у тѣхъ, и у другихъ умственный трудъ, по своему существу, является одинаковымъ, его вліяніе на организмъ и на весь складъ лично-

Digitized by Google

сти въ главнѣйшихъ чертахъ то же самое. Наиболѣе важные результаты изслѣдованій Крепелиномъ умственнаго труда заключаются въ слѣдующемъ.

Различные люди работаютъ съ *различною скоростью*, производительность труда одного лица, стоявшаго съ другимъ приблизительно на одной ступени развитія и при полной одинаковости труда, превышала производительность этого другого болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ раза. Быстрота работы составляетъ довольно твердую особенность отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ оказывается, что однажды найденныя различія замѣчаются при всѣхъ послѣдующихъ опытахъ.

На всякій умственный трудъ громадное вліяніе оказываетъ *навыкъ*. Такъ замѣчается правильное возрастаніе скорости сложенія при каждомъ послѣдующемъ опытѣ. Считавшій первоначально медленно, путемъ частаго упражненія, можетъ мало-по малу догнать считавшаго скорѣе и даже обогнать его. У одного изъ лицъ, подвергавшихся опытамъ, скорость работы увеличилась въ $1^1/_2$ раза послѣ трехъ двухчасовыхъ опытовъ съ недѣльными промежутками. Однако способность къ пріобрѣтенію навыка имѣетъ свои предѣлы. Съ каждымъ послѣдующимъ повтореніемъ, возрастаніе скорости, пріобрѣтаемое навыкомъ, уменьшается. У вышеупомянутаго лица, подвергшагося опыту, производительность ко второму опыту увеличилась на 25%, отъ второго къ третьему на 15% и отъ третьяго къ четвертому—на 6%. Для каждаго человѣка можно найти предѣлъ, дальше котораго не возможно достичь возрастанія рабочей скорости. Степень упражняемости составляетъ, повидимому, болѣе общее свойство индивидуума. Кто оказывается очень способнымъ къ упражненію въ одной какой либо области, тотъ и при другихъ работахъ обнаруживаетъ быстрое возрастаніе рабочей скорости, и наоборотъ. Навыкъ сохраняется долго. Такъ вліяніе немногихъ опытовъ въ счисленіи, продолжавшихся каждый разъ по часу, отчетливо можно было замѣтить еще по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Постепенно возрастающая подъ вліяніемъ упражненія работоспособность извѣстнаго лица встрѣчаетъ могущественнаго противника въ *утомленіи*. Утомленіе понижаетъ производительность. Какъ скоро оно получаетъ перевѣсъ, паденіе работоспособности происходитъ быстро и неудержимо. Время наступленія этого момента зависитъ отъ степени пріобрѣтеннаго уже навыка, отъ свойствъ индивидуальности и отъ случайныхъ и постороннихъ вліяній. Въ общемъ, каждый человѣкъ обладаетъ ему одному свойственнымъ ходомъ измѣненія работоспособности. Встрѣчаются люди, которые при каждомъ опытѣ представляютъ сперва повышеніе производительности и лишь послѣ довольно продолжительнаго времени—пониженіе ея. У этихъ людей степень утомляемости меньше всего. А то бываютъ и такіе, у которыхъ уже послѣ первыхъ 15 минутъ труда замѣчается паденіе работоспособности. У нихъ утомляемость чрезвычайно велика. Между этими двумя группами лицъ наблюдаются всевозможныя переходныя ступени. Но каждая отдѣльная личность въ этомъ отношеніи всегда остается вѣрной своимъ индивидуальнымъ чертамъ, если не считать неправильностей, вызванныхъ особыми причинами.

Утомляемость учащихся дѣтей Крепелинъ признаетъ весьма значительной—переутомляемостью, а состояніе во время ученія—прямо ужа-

Digitized by Google

снымъ. Только обширными изслѣдованіями можно будетъ установить, сколько умственнаго напряженія мы въ правѣ требовать отъ различныхъ возрастовъ, хотя Крепелину и теперь уже кажется достовѣрнымъ, что ни одинъ ученикъ и ни одинъ взрослый не способенъ работать съ полнымъ вниманіемъ хотя бы и приблизительно столько времени, сколько того требуетъ нынѣ преподаваніе. Впрочемъ «не станемъ отрицать, говоритъ Крепелинъ, что въ вопросѣ о чрезмѣрномъ обремененіи учащихся школой необходимо дѣйствовать съ наибольшею осторожностью, и что нельзя подрывать старинныя учрежденія безъ настоятельныхъ причинъ».

Нашъ соотечественникъ, г. Телятникъ, въ своемъ изслѣдованіи объ утомленіи учащихся держится иныхъ воззрѣній, чѣмъ проф. Крепелинъ. Всѣ доказательства, приводимыя за переутомляемость учащихся, представляются г. Телятнику шаткими, требующими въ отношеніи къ нимъ большой осторожности. По его мнѣнію, въ настоящее время не существуетъ даже опредѣленныхъ признаковъ переутомленія. Не будемъ объ этомъ спорить съ почтеннымъ изслѣдователемъ, хотя, съ своей стороны, считаемъ нужнымъ замѣтить, что фактъ переутомленія учащихся въ нашихъ гимназіяхъ установленъ вполнѣ твердо; вопросъ можетъ состоять лишь въ опредѣленіи доли участія каждой изъ многихъ причинъ, обусловливающихъ переутомленіе: школы, т. е. обширности учебныхъ программъ, неправильнаго выбора учебныхъ предметовъ, недостаточно хорошей школьной организаціи, чрезмѣрнаго обремененія учащихся домашней работой; семьи, наслѣдственности и пр. Школьное (такъ называемое) переутомленіе есть результатъ многихъ различныхъ причинъ. Обратимъ вниманіе на самое изслѣдованіе г. Телятника.

Г. Телятникъ производилъ свои экспериментальныя изслѣдованія надъ дѣвочками городской элементарной школы. Слѣдовательно, всѣ его выводы почти совсѣмъ не касаются спорнаго вопроса о переутомленіи учащихся, такъ какъ при обсужденіи этого вопроса имѣлись въ виду учащіеся не въ элементарныхъ школахъ, а въ среднихъ. Затѣмъ при экспериментальномъ изслѣдованіи чрезвычайно важна точная постановка предмета изслѣдованія, иначе всѣ результаты потеряютъ въ своемъ значеніи очень много. Постановка предмета изслѣдованія г. Телятникомъ намъ не представляется вполнѣ опредѣленной, напротивъ, довольно неясной и путаной. Онъ изслѣдовалъ у дѣвочекъ состояніе запоминанія, припоминанія и вниманія. Очевидно, что о запоминаніи мы можемъ судить лишь по припоминанію, нѣтъ послѣдняго—мы ничего не можемъ говорить и о первомъ. Поэтому раздѣленіе указанныхъ двухъ процессовъ представляется совершенно искусственнымъ и мало полезнымъ. Между тѣмъ, въ числѣ результатовъ у г. Телятника есть и такіе, что въ такихъ то случаяхъ и у такихъ то лицъ «способность запоминанія лучше, чѣмъ способность припоминанія», что «въ общемъ, однако, ослабленіе способности припоминанія гораздо значительнѣе, чѣмъ способности запоминанія» и т. п. Такіе результаты мало освѣщаютъ изслѣдуемый вопросъ и нисколько не содѣйствуютъ улучшенію практики дѣла.

Третій предметъ изслѣдованія г. Телятника—состояніе вниманія. А подъ вниманіемъ онъ разумѣетъ такую дѣятельность, «которая для своего исполненія не требовала бы никакого напряженія умственныхъ силъ и

Digitized by Google

памяти, а только вниманія», напримѣръ, сосчитываніе буквъ въ строкѣ. Такая работа, будто бы, не требуетъ напряженія умственныхъ силъ и памяти. Очевидно, обоснованіе задачи изслѣдованія весьма не психологичное, мало опредѣленное и фактически совсѣмъ не вѣрное.

Нѣкоторые частные результаты изслѣдованія также весьма сомнительны. Такъ г. Телятникъ утверждаетъ, что у учащихся «такого утомленія, которое оставляетъ слѣды до слѣдующаго дня, по моимъ наблюденіямъ, не существуетъ»; что «утомленіе отъ школьной работы начинаетъ быть ясныхъ только послѣ первыхъ трехъ уроковъ, ранѣе же оно, повидимому, не наступаетъ». А Крепелинъ говоритъ, что у взрослыхъ онъ замѣчалъ «начало пониженія скорости, съ какою производится сложеніе, въ благопріятнѣйшемъ случаѣ, съ конца перваго и—самое позднее—съ начала второго часа». У двухлѣтняго ребенка Крепелинъ наблюдалъ явные признаки утомленія уже послѣ нѣсколькихъ минутъ напряженнаго вниманія. Утомленіе, правда, исчезаетъ довольно быстро, но ни Крепелинъ, ни Аксель Кей, ни многіе другіе точные наблюдатели и изслѣдователи вліянія умственной работы на организмъ не согласятся съ г. Телятникомъ въ томъ, чтобы у учащихся не было такого переутомленія, которое оставляло бы слѣды до слѣдующаго дня. И педагоги скажутъ, что такое переутомленіе бываетъ частенько.

П. Каптеревъ.

Терешкевичъ. Начало географіи. Книга для чтенія въ начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ. Часть I. Курсъ средняго отдѣленія начальныхъ училищъ. Стр. 187, многочисленныя иллюстраціи. Ц. 65 к.

Вотъ уже второй разъ какъ намъ приходится встрѣчаться съ попыткой составленія книги географическаго содержанія, цѣль которой дать ребенку (и взрослому) первыя свѣдѣнія о землѣ, обо всемъ томъ, что на ней находится и что ее окружаетъ, словомъ, ввести его въ пониманіе окружающей среды, дать объясненіе на первые вопросы, задаваемые этой средой его уму. Первая попытка принадлежала г-жѣ Соколовой, и по нашему мнѣнію была выполнена неудачно. Нынѣ мы встрѣчаемся съ попыткой г. Терешкевича... и должны сознаться, что составленная имъ книга для чтенія не соотвѣтствуетъ нашему представленію о такой книгѣ. Какія же требованія можно предъявлять къ подобному сочиненію? Если она представляетъ систематически изложенную картину міра и жизни земли и на землѣ, то отдѣльныя понятія и представленія должны прежде всего имѣть достаточно полныя и точныя опредѣленія, а затѣмъ должны быть изложены въ порядкѣ, т. е. либо, чтобы понятія меньшаго объема давались раньше понятій съ большимъ объемомъ и служили матеріаломъ для выработки послѣднихъ, либо наоборотъ: можно дать предварительно основныя понятія, и затѣмъ логически связать съ ними всѣ остальныя въ порядкѣ ихъ величины. Точность и полноту опредѣленій мы ставимъ выше послѣдняго требованія, т. е. метода, по той причинѣ, что точность и полнота опредѣленій есть вопросъ *знанія*, которыхъ никто до знакомства съ предметомъ имѣть не можетъ, это *матеріалъ*, который человѣкъ

Digitized by Google

получаетъ не изъ себя, а со стороны. Если же этотъ матеріалъ уже есть налицо, въ видѣ точно выраженныхъ и достаточно полныхъ или емкихъ понятій и образовъ, то уже изъ самого содержанія ихъ вытекаетъ для каждаго человѣка возможность болѣе или менѣе систематической и логической группировки ихъ, ибо нѣтъ нормальной человѣческой головы, которая не имѣла склонности думать болѣе или менѣе логично. Вотъ почему отъ книги, по которой ребенокъ или взрослый долженъ впервые познакомиться со множествомъ представленій и понятій, то простыхъ, то сложныхъ, мы прежде всего должны требовать ясныхъ и вѣрныхъ опредѣленій и точныхъ свѣдѣній. Теперь спрашивается, кто можетъ дать ихъ. Ихъ можетъ дать человѣтъ, въ умѣ котораго данныя понятія и представленія рисуются совершенно отчетливо не съ одной только формальной стороны. Обратимся къ примѣру, который заимствуемъ изъ разбираемой книги прямо съ первой же страницы ея. Терешкевичъ объясняетъ, что такое городъ и что такое деревня. «Люди строятъ себѣ для жилья дома. Если на одномъ мѣстѣ живетъ много людей, то и домовъ на этомъ мѣстѣ бываетъ выстроено много. И такое мѣсто называется *городъ*». Далѣе слѣдуетъ описаніе города, т. е. расположеніе улицъ, кварталовъ, каменные дома, на улицахъ городовые, кто въ городахъ живетъ, чѣмъ жители занимаются, наконецъ авторъ выводитъ читателя за городъ и объясняетъ, что такое горизонтъ (причемъ даетъ невѣрное опредѣленіе: «это отдаленное мѣсто, гдѣ кажется, что небо сходится съ землей, люди назвали горизонтомъ»).

А вотъ опредѣленіе деревни: «если на одномъ мѣстѣ живетъ немного людей, то и домовъ тамъ выстроено немного. И такое мѣсто называется *деревня*». Далѣе слѣдуетъ, подобно городу, описаніе деревни. Въ чемъ же тутъ ошибка? Во первыхъ самыя опредѣленія города и деревни обыкновенно расплывчаты и неопредѣленны, во вторыхъ не содержатъ въ себѣ ничего для объясненія того, что такое городъ и деревня. Все построено на словахъ *много* и *мало* людей. А почему бы автору было не поступить иначе. Онъ могъ бы разсказать какъ возникъ городъ, онъ могъ бы нарисовать картину человѣческаго поселенія, *огороженнаго* для защиты отъ непріятеля, жилище вождя и старшины, храмы, большее оживленіе, возникновеніе здѣсь ярмарокъ и затѣмъ постоянной торговли и промышленности. Для деревни онъ могъ нарисовать картину возникновенія ея изъ поселеній отдѣльной размножающейся семьи. Но въ такомъ видѣ разъясненія этихъ понятій нельзя поставить въ началѣ, ибо въ этомъ случаѣ раньше надо разсказать о человѣческомъ обществѣ, о формахъ быта, дать первыя понятія объ общественныхъ отношеніяхъ и т. д.

Поставленный книгѣ г. Терешкевича упрекъ въ неточности и невѣрности опредѣленій, въ расплывчатости и ошибочности даваемыхъ свѣдѣній относится почти ко всѣмъ отдѣламъ ея. Этотъ недостатокъ приводитъ къ отсутствію систематичности, къ отсутствію внутренней связи. Сказанное мы должны подтвердить указаніями. Мы не можемъ выписать всего оглавленія, даемъ только начало: I Городъ. II Деревня. III Страны свѣта. Компасъ. IV Отъ города и деревни во всѣ стороны. V. Дороги и ѣзда по нимъ. VI Океаны. Суша Климатъ. Въ этихъ четырехъ главахъ уже два скачка, именно: связь между городомъ и деревней съ одной стороны и

Digitized by Google

странами свѣта и компасомъ чрезвычайно отдаленная; то же самое относится къ дорогамъ и ѣздѣ по нимъ и къ океанамъ, сушѣ и климату.

Что касается ошибокъ и неточностей, то и ихъ не мало. Укажемъ главныя.

Востокомъ называется та страна свѣта, на которой рано утромъ послѣ ночи показывается солнце (стр. 6) «Оврагъ (или балка) это—такая щель въ землѣ, иногда очень глубокая и широкая. Въ этомъ мѣстѣ земля какъ будто треснула, или разступилась» (стр. 15). И больше ничего, точно овраги въ самомъ дѣлѣ трещины.

«Но кромѣ лихорадки въ жаркомъ климатѣ не мало еще другихъ страшныхъ, повальныхъ болѣзней; а потому жители этого климата (?) отличаются недолговѣчностью, т. е. рано умираютъ» (стр. 24).

«Есть мѣста, гдѣ люди не находятъ никакой другой пищи кромѣ этихъ плодовъ, и не будь тамъ банана люди не могли бы тамъ жить». (стр. 26- Два неосновательныхъ категорическихъ утвержденія.

«Кормомъ сѣверному оленю служатъ тѣ наросты, которые во многихъ мѣстахъ покрываютъ землю холодныхъ странъ» (стр. 29). Какіе же наросты, просто мохъ.

«У грызуновъ передніе зубы постоянно растутъ, какъ у человѣка ногти. Поэтому звѣрьки эти должны постоянно грызть жесткіе предметы, чтобы зубы стирались» (36). Образчикъ весьма характерный для разсужденій автора. Зубы у грызуновъ стираются оттого, что они грызутъ, а не наоборотъ.

«Кто ведетъ осѣдлую жизнь, тотъ занимается хлѣбопашествомъ»... (51) Опять то же самое разсужденіе.

Переходъ къ земледѣлію авторъ объясняетъ наивно тѣмъ, что «на конецъ человѣку показалось недостаточнымъ питаться однимъ мясомъ и молокомъ, какое онъ получалъ отъ своихъ стадъ, ему нужна была и растительная пища» (52).

У негровъ «волосы короткіе... бороды и усовъ нѣтъ» (58).

«Правители малочисленныхъ народовъ называются князьями, графами и королями» (59).

«Только на востокѣ (Восточная Сибирь) равнина эта (русская) постепенно повышается обширными уступами или террасами, которыя называются плоскогоріями» (67). Таковы ли горы въ Сибири, и неужели террасы и плоскогорія одно и то же.

«Крѣпостью называется такое мѣсто, гдѣ было бы удобно помѣстить и спрятать большое количество войска» (67).

«У этого горнаго хребта (Камчатскаго) многія вершины огнедышащія» (70). Это невѣрно, сопки стоятъ не на хребтѣ, а къ востоку отъ него по берегу моря.

На 70 стр. авторъ называетъ Валдайской возвышенностью Сѣверные Уралы.

Вся глава XX (о происхожденіи облаковъ, дождя и снѣга и т. д.) образецъ неточности, неопредѣленности выраженій и ошибочныхъ представленій, которыми страдаетъ авторъ.

«Полярнымъ кругомъ назыв. линія, которая показываетъ, гдѣ кон-

Digitized by Google

чаются мѣстности съ умѣреннымъ климатомъ и начинается холодный климатъ» (75).

Глава XXIV Управленіе въ Россіи, прямо невозможна. Изъ нея вытекаетъ, что функція правительства смотрѣть за порядкомъ, наблюдать, слѣдить и т. д. Губернаторъ распоряжается и слѣдитъ, исправникъ слѣдитъ и т. д.

Мы могли бы привести еще многое другое, и если потребуется приведемъ. Такимъ образомъ книга г. Терешкевича по нашему мнѣнію мало удовлетворяетъ намѣченной цѣли. И это собственно поразительно. Нельзя сказать, чтобы наша литература по географіи была такъ ужъ бѣдна, чтобы съ помощью ея нельзя было составить подобной книги. Еслибы г. Терешкевичъ справлялся бы хоть съ учебниками Либерга, онъ не сдѣлалъ бы многихъ ошибокъ.

Одного нельзя отнять у книги; рисунки хороши и подобраны тщательно, особенно животныя. Жаль только, что мало рисунковъ этнографическихъ.

Авторъ предпослалъ предисловію эпиграфъ изъ Гоголя... «неужели возрастъ, болѣе другихъ нуждающійся въ ясности и опредѣлительности, долженъ видѣть передъ собой одни непонятныя «изображенія?» Если замѣнить слово «непонятныя» словами «неясныя и неточныя», то упрекъ русскаго писателя падаетъ на автора разбираемой книги, и къ этому упреку мы еще прибавимъ упрекъ въ многословіи.

Н. Березинъ.

Подъ счастливой звѣздой. Разсказы для дѣтей Надежды Ласъ (Вакуловской). Съ 5-ю рисунками въ текстѣ. СПБ. 1898. Стр. 80. Ц. 50 коп.

«Намъ даны лишь благіе порывы, но свершать никому не дано» сказалъ намъ великій поэтъ Некрасовъ, и Боже, сколько «благихъ порывовъ» замѣчаемъ мы въ произведеніяхъ нашихъ дѣтскихъ писателей, и какъ рѣдко кому нибудь изъ нихъ удается «свершить»—создать дѣйствительно что нибудь выдающееся для юныхъ душъ и умовъ.

Вотъ передъ нами книга г-жи Ласъ: въ ней три разсказа: «Елка на рождество» «Къ мамѣ» и «Пріемышъ», про которые самъ авторъ въ своемъ обращеніи къ родителямъ говоритъ, что они, минутами грустны, почему иногда грустно и подѣйствуютъ на впечатлительную душу ребенка, но что они цѣликомъ передаютъ пережитое изъ дѣйствительной жизни. Мы совершенно согласны съ авторомъ, что въ дѣйствительной жизни очень много «грустнаго», съ которымъ ребенку часто приходится знакомиться въ самомъ раннемъ возрастѣ, и, что нѣтъ никакой нужды скрывать отъ него эти печальныя стороны жизни, не согласны только въ томъ случаѣ, если знакомство это совершается естественнымъ путемъ, а не навязывается ему искусственнымъ подборомъ фактовъ. Г-жа Ласъ увѣряетъ, что ея разсказы выхвачены изъ жизни—не смѣемъ спорить—но переданы они такимъ поднятымъ тономъ, такимъ вычурнымъ непонятнымъ ребенку языкомъ, что могутъ болѣзненно отозваться на его воображеніи. Возьмемъ

Digitized by Google

разсказъ «Къ Мамѣ»: У маленькой дѣвочки умерла мать—этотъ печальный фактъ—не рѣдкость, но, чтобы крошка дѣвочка, окруженная нѣжными попеченіями горячо любящаго отца и бабушки умерала въ чахоткѣ отъ тоски по матери—это уже случай изъ ряда выдающійся и въ передачѣ г-жа Ласъ является очень натянутымъ. Или вотъ разсказъ: «Пріемышъ». Нѣтъ ничего неестественнаго въ томъ, что у ребенка мать во время кораблекрушенія утонула въ морѣ, но въ томъ, чтобы эта погибшая мать стала «веселой русалкой»—въ этомъ вѣроятія очень мало, хотя объ этомъ авторъ и разсказываетъ очень картинно. Вообще, въ картинности изложенія автору отказать нельзя, но увы—картины его для дѣтскаго воображенія нѣсколько преждевременны. Что напр. поймете онъ изъ слѣдующихъ строкъ: Тихъ былъ благовѣстъ окончившейся всенощной, но не дрогнули подъ нимъ волны воздуха. Тихъ былъ онъ, какъ тиха измѣна!—Что значитъ подобное сравненіе и для чего оно въ разсказѣ для дѣтей—не понимаемъ. Поэтическія описанія природы и отвлеченныя разсужденія рѣдко нравятся маленькимъ читателямъ, да они достаточно знакомы съ ними по школьнымъ хрестоматіямъ, а потому въ книгѣ для чтенія прежде всего ищутъ интересной фабулы и образнаго оригинальнаго изложенія, которымъ къ сожалѣнію не отличается произведеніе г-жи Ласъ.

Что касается пяти рисунковъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, то два изъ нихъ небольшія виньетки, а три остальныхъ—ни что иное, какъ копіи съ извѣстныхъ картинъ, искусственнымъ образомъ пристегнутыя къ тексту.

Эли Берте. Маленькія школьницы пяти частей свѣта. Съ французскаго М. Гранстремъ. Съ 104 рисунками. СПБ. 1898. Стр. 307. Ц. 2 р.

«Маленькія школьницы» Эли Берте одобрены французской Академіей и, дѣйствительно, книга эта является одной изъ выдающихся среди произведеній современной дѣтской литературы, а потому юные русскіе читатели должны быть весьма признательны госпожѣ Гранстремъ, какъ за выборъ, такъ и за мастерски сдѣланный переводъ этого интереснаго и оригинальнаго сочиненія.

Въ книгѣ отъ перваго лица семи маленькихъ обитательницъ пяти частей свѣта, а именно: гречанки, гаваянки, черногорки, негритянки, японки, мексиканки и индуски сообщаются интересные эпизоды изъ ихъ дѣтской жизни, причемъ главной основной идеей этихъ эпизодовъ является стремленіе автора познакомить читателей съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится въ настоящее время женское образованіе въ отечествѣ упомянутыхъ выше семи героинь. Не только дѣтямъ средняго возраста, для которыхъ собственно предназначается произведеніе, но и нашему юношеству мы совѣтуемъ познакомиться съ этой книгой, изъ которой они извлекутъ не мало интересныхъ подробностей о характерѣ, бытѣ, преданіяхъ и образѣ жизни обитателей тѣхъ странъ, которыя являются родиной «семи маленькихъ школьницъ». Такъ, напримѣръ, читателей несомнѣнно поразитъ разсказъ маленькой мексиканки, обязанной по обычаю своей страны, танцовать и веселиться около гроба своей умершей подруги, или напр., разсказъ индуски, чуть было не лишившейся жизни за то, что она вопреки жестокимъ и нелѣпымъ требованіямъ браманизма,

Digitized by Google

обрекающаго женщинъ на невѣжество и униженіе, рѣшилась поступить въ школу, открытую въ Калькуттѣ англійскимъ правительствомъ. Небезъинтересно будетъ для нихъ и сообщеніе маленькой японки о ея воспитаніи и дѣтскихъ праздникахъ въ Японіи, а маленькая гречанка разскажетъ имъ также не мало занимательнаго о своей родинѣ и объ ея преданіяхъ; да и остальныя маленькія школьницы безъ сомнѣнія увлекутъ своими разсказами своихъ цивилизованныхъ сверстницъ.

Единственно, что мы можемъ сказать противъ этого сочиненія (хотя можетъ быть это взглядъ совершенно субъективный), это то, что разсказъ каждой изъ семи дѣвочекъ, разсказъ, въ которомъ каждая изъ нихъ является совершительницею какого нибудь или геройскаго, или весьма замѣчательнаго поступка, ведется отъ перваго лица. Этимъ по нашему мнѣнію значительно умаляется въ глазахъ читателя значеніе совершеннаго подвига.

Было бы пріятно, чтобы при второмъ изданіи этой симпатичной книги, которая, конечно, не замедлитъ появиться, къ нему были бы приложены географическія карты тѣхъ странъ, о которыхъ ведется рѣчь. а то при чтеніи очень часто является желаніе заглянуть въ атласъ, желаніе, которое не всегда бываетъ удобно исполнить.

Иллюстраціи, которыми обильно снабжена книга, за немногими исключеніями вполнѣ гармонируютъ съ ея содержаніемъ.

Аскоттъ Р. Гоопъ. Семь мудрыхъ школяровъ. Съ англійскаго М. Гранстремъ. Съ 96 рисунками СПБ. 1898. Стр. 293.

Прекрасной Шехерезадѣ явилась нѣкогда счастливая мысль избѣгнуть смерти, ожидающей ее на другой день свадьбы, посредствомъ чудныхъ нескончаемыхъ сказокъ, которыми она надѣялась увлечь своего грознаго супруга, и ея цѣль, какъ извѣстно всѣмъ, была достигнута. Подобная же мысль, но для достиженія нѣсколько иного результата, пришла въ голову и «семи мудрымъ школярамъ», о которыхъ повѣствуетъ намъ Аскоттъ Р. Гоопъ. Имъ не угрожала смертная казнь, но—угрожали дурныя отмѣтки за неприготовленные втеченіе праздниковъ уроки, и вотъ во избѣжаніе этихъ печальныхъ послѣдствій они и придумали отвлечь вниманіе своего мудраго наставника, доктора Дидаскалоса, разсказами, которые каждый изъ нихъ поочереди передалъ вслухъ впродолженіе перваго урока. Такимъ образомъ, когда «часы начали бить двѣнадцать, время когда докторъ Дидаскалосъ обыкновенно распускалъ своихъ избранныхъ учениковъ», ни одна изъ пѣсенъ Гомера, заданныхъ на праздники, не была спрошена, и молодые люди поспѣшно хватились за свои шапки, чтобы бѣжать изъ класса: но тутъ случилось обстоятельство, на которое сіи юные джентльмены совершенно не расчитывали: вмѣсто того, чтобы распустить ихъ по домамъ, мудрый наставникъ весьма добродушно, но твердо предложилъ имъ остаться въ классѣ и дабы «эти прекрасные опыты изъ области литературы сохранились въ болѣе прочной формѣ,—изложить ихъ на бумагѣ, не забывая правописанія и знаковъ препинанія.

Digitized by Google

И вотъ благодаря такому твердому рѣшенію разсказы эти были написаны, затѣмъ иллюстрированы, отпечатаны и выпущены въ свѣтъ въ видѣ образцовыхъ произведеній для учениковъ менѣе способныхъ, чѣмъ эти «Семь мудрыхъ школяровъ».

Что касается содержанія самихъ разсказовъ, которое такимъ образомъ и составляетъ содержаніе всей этой довольно объемистой книги, то будучи не лишены юмора и оригинальности, они безъ сомнѣнія займутъ читателей того возраста, для котораго они предназначены, хотя и не принесутъ имъ особенной пользы въ смыслѣ обогащенія ихъ умственнаго кругозора тѣми или другими познаніями; но вѣдь это же не есть необходимое требованіе, предъявляемое къ каждой дѣтской книгѣ, которая не можетъ да и не должна являться постоянно однимъ только пособіемъ къ дополненію свѣдѣній, получаемыхъ на школьной скамьѣ, но представляетъ изъ себя иногда и отдохновеніе послѣ утомительныхъ и зачастую однообразныхъ школьныхъ занятій.

Переводъ и внѣшняя сторона изданія безупречны.

О. Лорисъ-Меликова.

Мала былинка да выносливъ. Повѣсть для юношества В. П. Желиховской. Съ рисунками С. Дудина. С.-Петербургъ. Изданіе А. Ф. Девріена.

Эта повѣсть симпатично и тепло написана, какъ и всѣ произведенія Желиховской. Насъ поражаетъ только несоотвѣтствіе заглавія ея съ содержаніемъ. Героиня повѣсти, Ксенія Ранѣева, 15 лѣтъ остается круглой сиротой, принужденной заботиться еще о слѣпой бабушкѣ и о маленькихъ братѣ и сестрѣ. Бѣдность даетъ ей сильно себя чувствовать, но тѣмъ не менѣе молоденькая дѣвушка храбро ведетъ съ ней борьбу при помощи старой преданной няни. Къ счастію, бѣдственное положеніе Ксеніи длилось не болѣе полугода, а затѣмъ на нее посыпались всевозможныя земныя блага: и родственникъ, должный ея покойному отцу, внезапно явился и заплатилъ свой долгъ сполна, и піанино, необходимое ей для музыкальныхъ занятій, точно съ неба свалилось, и тетка-то къ ней пріѣхала, сейчасъ же окружившая ее любовью и заботами. Цѣлый рядъ благопріятныхъ условій позволилъ Ксеніи развить ея талантъ и сдѣлаться замѣчательной пѣвицей. Одно только ее тревожило: ея младшая сестра, взятая на воспитаніе одной богатой родственницей, получила у той очень нежелательное направленіе, но вотъ и эта родственница скоро умерла и оставила племянницамъ все свое большое состояніе. Мало того, и мужъ умершей поспѣшилъ составить завѣщаніе въ пользу Ксеніи и ея близкихъ. Замѣтимъ кромѣ того, что если старшая Ранѣева сдѣлалась замѣчательной пѣвицей, то и братъ не отсталъ отъ нея: онъ былъ извѣстенъ, какъ выдающійся художникъ, а сестра ихъ, выросши, стала рѣдкой красавицей. Читатель видитъ, что къ книгѣ слѣдовало бы выбрать эпиграфомъ стихъ Жуковскаго «Здѣсь несчастье—лживый сонъ, счастье пробужденье». Мы совсѣмъ не сторонники пессимизма въ кни-

Digitized by Google

гахъ для дѣтей и считаемъ необходимымъ для молодежи трезвое и жизнерадостное міросозерцаніе, но поступаться для этого жизненной правдой тоже не слѣдуетъ: пусть дѣти знаютъ, что если подобнымъ былинкамъ и удается пробиться на свѣтъ Божій изъ темной земли, то послѣ не малыхъ трудовъ и часто безъ помощи благодѣтелей родственниковъ, а замѣчательные артисты и художники совсѣмъ не такъ часты, хотя авторы дѣтскихъ книжекъ и пекутъ ихъ, какъ блины. Поэтому намъ всего болѣе нравятся первыя главы книжки, гдѣ изображены будничныя заботы молодой героини о кускѣ насущнаго хлѣба, ея стараніе скрыть свою нужду не только отъ знакомыхъ, но и отъ бабушки, ея тоска о прошломъ и т. п. Эти сцены выхвачены прямо изъ дѣйствительности, а затѣмъ начинается нѣчто похожее на сказку.

Что касается внѣшности книги, она безукоризненна, какъ и у большинства Девріеновскихъ изданій.

Н. Леонтьева.

Журнальное обозрѣніе.

(«Что такое искусство?» Л. Н. Толстого. «Вопросы фил. и псих.» № 6, 1897 г.).

Л. Н. Толстой уже не разъ высказывалъ свой взглядъ на искусство, и у многихъ составилось мнѣніе, что величайшій изъ современныхъ русскихъ писателей «отрицаетъ искусство», считаетъ дѣятельность художниковъ въ широкомъ значеніи этого слова не только безполезной, но даже и вредной. Мнѣніе это, конечно, основано на недоразумѣніи, въ которомъ до извѣстной степени виноватъ самъ Л. Н. Толстой. Свои теоретическіе взгляды онъ излагаетъ, повидимому, самымъ простымъ, каждому понятному языкомъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ уяснить ихъ, прослѣдить ихъ въ логической связи отъ начала до конца оказывается нерѣдко труднѣе вчѣмъ усвоить разсужденія самого туманнаго нѣмецкаго философа. Разъ ясная какое-нибудь положеніе, Толстой постоянно отвлекается въ сторону, теряя основную нить, прибѣгаетъ къ сравненіямъ, которыя только ослѣпляютъ, а не уясняютъ, безпрерывно переходитъ отъ тона спокойнаго изслѣдователя къ тону негодующаго проповѣдника и т. п. Къ сожалѣнію, и новая работа Л. Н. Толстого «Что такое искусство?», первая часть которой появилась въ «Вопросахъ философіи и психологіи», а затѣмъ и отдѣльнымъ изданіемъ, страдаетъ обычными недостатками теоретическихъ разсужденій великаго писателя.

Съ первыхъ же строкъ авторъ начинаетъ негодовать на то, что искусство поглощаетъ массу силъ и человѣческихъ жизней. «Едва ли,—говоритъ онъ,—«есть какая нибудь другая дѣятельность человѣческая, кромѣ военной, которая поглощала бы столько силъ, сколько эта».

И какъ поглощаетъ! «Люди, часто очень добрые, умные, способные на всякій полезный трудъ, дичаютъ въ этихъ исключительныхъ, одуряющихъ занятіяхъ и становятся тупыми ко всѣмъ серьезнымъ явленіямъ жизни,

Digitized by Google

односторонними и вполнѣ довольными собою спеціалистами, умѣющими только вертѣть ногами, языкомъ и пальцами.

Но мало и этого!»... И далѣе идетъ подробное описаніе какой-то репетиціи нелѣпой по своей фабулѣ оперы, репетиціи, на которой дирижеръ постоянно ругаетъ музыкантовъ и пѣвцевъ «ослами, идіотами, свиньями», что вызываетъ справедливое негодованіе Толстаго, которое ужь быть можетъ не столь справедливо переносится на оперу, на балетъ и на зрителей изъ «развращенныхъ мастеровыхъ» и «молодыхъ лакеевъ». Читатель конечно, тоже начинаетъ негодовать и на дирижера, и на автора оперы и на молодыхъ лакеевъ, но что этимъ достигается?

Развѣ все это не запутываетъ основнаго вопроса, что такое искусство? Толстой, вѣроятно, хочетъ показать, что «все это» не искусство, но вѣдь необходимо сперва выяснить, что представляетъ «все это?» Гдѣ суть? Въ мужикахъ ли, которые работаютъ ради господскихъ удовольствій въ отупѣніи ли художниковъ, въ глупой ли фабулѣ какой нибудь оперы въ оперѣ ли, какъ извѣстномъ видѣ художественнаго творчества вообще, или, наконецъ, въ «молодыхъ лакеяхъ»? Самъ авторъ ставитъ вопросъ «правда ли, что это искусство, и что искусство есть такое важное дѣло, что ему могутъ быть принесены такія жертвы?» Но здѣсь вѣдь *два* вопроса, которые необходимо поставить отдѣльно и, поставивъ первый, сначала, точно разъяснить, что подразумѣвается подъ «этимъ»? Но авторъ ужь спѣшитъ обрушиться на «критику», которая «въ настоящее время стала такъ разнорѣчива, что, если исключить изъ области искусства все то, за чѣмъ сами критики различныхъ школъ не признаютъ права принадлежности къ искусству, то въ искусствѣ почти ничего не останется». Далѣе послѣ неоднократныхъ упоминаній о страшныхъ жертвахъ (труды, жизни, нравственность), приносимыхъ искусству и длиннаго перечисленія опредѣленій, даваемыхъ искусству различными болѣе или менѣе извѣстными авторами (философами, критиками и т. п.), Толстой приходитъ къ заключенію, что всѣ отвѣты существующихъ эстетикъ сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: «Цѣль искусства есть красота». «Красота же познается наслажденіемъ, получаемымъ отъ нея». «Наслажденіе искусствомъ хорошее и важное дѣло». «Т. е.»,—говоритъ Толстой—«наслажденіе хорошо потому, что оно наслажденіе. Такъ что то, что считается опредѣленіемъ искусства, вовсе и не есть опредѣленіе искусства, а только уловка для оправданія существующаго искусства». «Точнаго опредѣленія искусства», по мнѣнію Толстого, не смотря на горы книгъ, написанныхъ о немъ. «до сихъ поръ не было сдѣлано».

Это не удавалось ни метафизикамъ, ни физіолого-эволюціонистамъ потому, что цѣлью искусства ставилось получаемое отъ него наслажденіе, а не назначеніе его въ жизни человѣка и человѣчества. Чтобы точно опредѣлить искусство, надо откинуть понятіе красоты, надо «перестать смотрѣть на него, какъ на средство наслажденія, а разсматривать искусство какъ одно изъ условій человѣческой жизни».

Оно по мнѣнію Толстого, «одно изъ средствъ общенія людей между собою».

«Вызвать въ себѣ разъ испытанное чувство и, вызвавъ его въ себѣ, посредствомъ движеній, линій, красокъ, звуковъ, выраженныхъ словами, передать

Digitized by Google

это чувство такъ, чтобы другіе испытали то же чувство,—въ этомъ состоитъ дѣятельность искусства. Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними признаками передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ».

Это опредѣленіе съ одной стороны чрезвычайно широко, подъ него, какъ это замѣчаетъ самъ Толстой, подходитъ и каждый анекдотъ, вызывающій смѣхъ, съ другой—оно, по нашему мнѣнію, узко и отмѣчаетъ не самый существенный и необходимый признакъ «дѣятельности искусства». Оставляя въ сторонѣ «понятіе красоты» можно дать, думается намъ болѣе вѣрное, болѣе точное опредѣленіе искусства.

Искусствомъ называемъ мы человѣческую дѣятельность, возпроизводящую тѣмъ или другимъ способомъ (звуками, красками, линіями и т. п.) природу и ея проявленія, въ томъ числѣ и психическую жизнь человѣка, Воспроизведеніе это всегда носитъ индивидуальный характеръ въ зависимости отъ того, какъ понимаетъ или чувствуетъ то или другое явленіе воспроизводящій его, т. е. художникъ въ широкомъ значеніи слова. Возможно представить себѣ случай, что человѣкъ, стоящій выше окружающихъ его, создаетъ произведеніе съ такимъ глубокимъ пониманіемъ воспроизводимаго имъ явленія, что это произведеніе останется чуждымъ всѣмъ другимъ людямъ, не вызоветъ у нихъ того чувства, которое испытывалъ художникъ, но все же его дѣятельность будетъ не въ меньшей мѣрѣ относиться къ области искусства, чѣмъ удачно разсказанный порнографическій анекдотъ, вызывавшій у слушателей оглушительный смѣхъ. Однимъ словомъ при опредѣленіи искусства центръ тяжести долженъ быть перенесенъ на *моментъ творчества*, воспроизведенія, а не на моментъ воспріятія слушателемъ, зрителемъ или читателемъ произведенія художника Къ области искусства относится, конечно, и умѣнье воспринять художественное произведеніе и передать его третьимъ лицамъ, какова, напр. дѣятельность музыканта виртуоза, но и здѣсь опять таки вступаетъ въ свои права *творчество*. Антонъ Рубинштейнъ передаетъ какую нибудь сонату Бетховена иначе, чѣмъ Гофманъ; и тотъ и другой, играя ее на рояли, сообщаютъ ей свою индивидуальность, тотъ и другой творятъ, и ихъ творчество будетъ «дѣятельностью искусства», даже и въ томъ случаѣ, если слушатели не проникнутся тѣмъ, что чувствуютъ сами артисты.

Наконецъ, произведенія искусства на разныхъ лицъ производятъ совсѣмъ различное впечатлѣніе, и чувства, испытываемыя зрителями, читателями и слушателями зависятъ не только отъ «чувствъ», съ которыми создавалъ данную вещь художникъ, но и отъ психическаго склада и даннаго настроенія каждаго изъ нихъ.

Это превосходно отмѣчено въ разсказѣ Г. И. Успенскаго «Выпрямила». *) То что испыталъ при видѣ Венеры Милосской Успенскій (приписывающій свои чувства и впечатлѣнія Тяпушкину) могъ испытать только онъ и только въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ.

А. Фетъ нашелъ въ Венерѣ Милосской «сіяющую наготу», «смѣ-

*) Сочиненія Т. I изд. 1889 г. стр. 1122.

Digitized by Google

щееся тѣло» «кипящую страсть», «томленье нѣги»... ничего подобнаго не увидѣлъ и не ощутилъ при видѣ той же статуи Тяпушкинъ-Успенскій. Но зато, взглянувъ на Венеру Милосскую, онъ вдругъ «выпрямился» и ясно понялъ, «какъ худо, плохо и горько жить человѣку на бѣломъ свѣтѣ сію минуту». Одинъ взглядъ на эту статую, на эту «каменную загадку» сжато и при томъ совершенно ясно далъ ему возможность понять «горе» человѣческой души, «горе» всего человѣческаго общества, всѣхъ человѣческихъ обществъ.

И для этого пониманія, для этихъ чувствъ необходимъ былъ не только извѣстный психическій складъ, но и извѣстное настроеніе.

«...Года черезъ четыре,—пишетъ Тяпушкинъ-Успенскій, я опять былъ въ Парижѣ» и опять «жаждалъ» ощутить «радость» существованія посѣтить Лувръ, но, уже, не могъ этого сдѣлать: я уже опять былъ скомканъ, скомканъ крѣпкой, сильной, неумолимой рукой дѣйствительности и чувствовалъ, что теперь меня ужь не выпрямишь...

Попробовалъ было я пойти въ Лувръ, подошелъ даже къ самымъ воротамъ, но просто совѣстно стало идти: «что-жь я пойду *понапрасну* безпокоить ее? Все равно ничего не выйдетъ, а *ее* только сконфузишь!» даже и воспоминаніе о Венерѣ Милосской всплываетъ въ душѣ Тяпушкина и выпрямляетъ ее только въ извѣстный моментъ при извѣстныхъ условіяхъ.

Замѣчательный разсказъ Успенскаго невольно подводитъ насъ къ вопросу о *красотѣ* художественнаго произведенія, о красотѣ, понятіе которой, по мнѣнію Толстого, мѣшало до сихъ поръ всѣмъ философамъ и критикамъ дать вѣрное опредѣленію искусству. Мы согласны съ Толстымъ, что красота не есть необходимое условіе каждаго художественнаго произведенія, но въ ней лежитъ загадка «выпрямляющаго» дѣйствія такихъ произведеній, какъ Венера Милосская, Мадонна Сикстинская и др. Существеннымъ признакомъ этой истинной красоты является совсѣмъ не то наслажденіе, которое оно намъ приноситъ, а гармоничная *цѣльность*, отсутствіе разлада между отдѣльными частями, совпаденіе формы и вложеннаго въ нее содержанія. Мадонна Сикстинская и Венера Милосская воплощаютъ въ себѣ красоту цѣльнаго, въ лучшемъ значеніи слова *нормальнаго человѣка*, не затронутаго неправдой, ложью, порокомъ, *человѣка въ идеалѣ*, оттого онѣ и производятъ въ извѣстныя минуты такое сильное и выпрямляющее вліяніе на такіе натуры, какъ Тяпушкинъ-Успенскій.

Венера Милосская «выпрямила» Тяпушкина въ тотъ моментъ, когда душа его изнемогала подъ грузомъ «горькаго, подлаго и страшнаго», воспринятаго имъ въ Парижѣ, гдѣ въ тотъ моментъ буржуазія расправлялась съ коммунарами. Среди разлада, крови и грязи, среди живыхъ и мертвыхъ труповъ онъ увидѣлъ это воплощеніе *нормальнаго* человѣка и «выпрямился». Его обрадовала «возможность быть прекраснымъ», быть цѣльнымъ, какъ эта одухотворенная статуя, онъ обрадовался, что въ человѣческомъ существѣ, кромѣ всего того, что онъ воспринялъ на улицахъ Парижа, есть и нѣчто иное, нѣчто *прекрасное*, увѣковѣченное въ этой «каменной загадкѣ». Ваятель «бралъ»,—говоритъ онъ—«то, что для него было нужно, и въ мужской красотѣ, и въ женской, не думая о

Digitized by Google

полѣ, а пожалуй даже о возрастѣ и ловя во всемъ этомъ только человѣческое; изъ этого многообразнаго матеріала онъ создавалъ то истинное въ человѣкѣ, что составляетъ смыслъ всей его работы, то, чего сейчасъ, сію минуту *нѣтъ* ни въ комъ, ни въ чемъ и нигдѣ, но что *есть* въ то же время въ *каждомъ* человѣческомъ существѣ, въ настоящее время похожемъ на скомканную перчатку, а не на распрямленную».

Венера Милосская произвела такое сильное впечатлѣніе на Пушкина до извѣстной степени въ силу контраста между дѣйствительностью и идеаломъ, и въ силу того же контраста, доведеннаго до своей высшей степени, она вспомнилась ему черезъ много лѣтъ и снова выпрямила его. Она вспомнилась ему послѣ безобразной сцены посадки на поѣздъ партіи новобранцевъ.

«Тутъ были жены, матери, отцы, невѣсты, сыновья, братья, дядья—словомъ, масса народа. Все это плакало, было пьяно, рыдало, кричало, прощалось. Какіе-то энергическіе кулаки, какіе-то поднятые локти, жесты пихающихъ рукъ, дружно направленные на массу и среди массы, сдѣлали то, что народъ валилъ на вагоны, какъ испуганное стадо, валился между буферами, бормоча пьяныя слова, валялся на платформѣ, на тормазѣ вагона, лѣзъ и падалъ, и плакалъ и кричалъ. Послышался трескъ стеколъ, разбиваемыхъ въ вагонахъ, биткомъ набитыхъ народомъ; въ разбитыя окна высунулись головы, растрепанныя, разрѣзанныя стекломъ, пьяныя, заплаканныя, хриплыми голосами кричавшія что-то, вопіявшія о чемъ-то».

Этотъ отрывокъ тоже относится къ области искусства, тоже своего рода художественное произведеніе, хотя онъ рисуетъ не красоту, а безобразіе жизни. Въ область искусствъ, повторяемъ, входитъ изображеніе всѣхъ сторонъ жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Изображая природу или что то же—жизнь, художникъ можетъ задаваться или не задаваться цѣлью поучать, но чѣмъ глубже его чувство, чѣмъ яснѣе и проницательнѣе его взглядъ, чѣмъ больше впечатлѣній и думъ въ его головѣ, тѣмъ значительнѣе будетъ результатъ его творчества, тѣмъ больше его произведенія будутъ имѣть право именоваться «*истиннымъ* искусствомъ».

Нельзя согласиться съ Толстымъ, указывающимъ *) на «два несомнѣнныхъ признака» «истиннаго искусства». «Первый, внутренній—тотъ, что служитель (науки и) искусства не для выгоды, а съ самоотверженіемъ будетъ выполнять свое призваніе; и второй, внѣшній—тотъ, что произведеніе его будетъ понятно всѣмъ людямъ, благо которыхъ оно имѣетъ въ виду».

Мы полагаемъ, что эти два «признака» отнюдь нельзя назвать «несомнѣнными».

Безъ таланта, безъ достаточнаго запаса впечатлѣній никто не создастъ истинно художественнаго произведенія, съ какимъ бы самоотверженіемъ онъ ни работалъ.

И произведеніе понятое *всѣми* людьми, «благо которыхъ оно имѣло

*) «Сочиненія» т. XII. 2-ое изд. 1886 г. стр. 326.

Digitized by Google

въ виду» можетъ быть неизмѣримо ниже произведенія, не понятаго *никѣмъ* изъ современниковъ. Наконецъ, художникъ можетъ, создавая художественное произведеніе, не имѣть въ виду ничьего блага и всё же создать нѣчто великое, приносящее благо очень многимъ. Во всякомъ случаѣ нельзя оцѣнивать благо, приносимое тѣмъ или другимъ произведеніемъ искусства съ узко-утилитарной, *временной* точки зрѣнія. Народныя массы въ Германіи не понимали Гете при его жизни, и онъ, создавая свои произведенія, врядъ ли сознательно имѣлъ въ виду благо этихъ массъ, однако онъ создалъ произведенія истиннаго искусства, которыми нынѣ начинаетъ зачитываться простой нѣмецкій рабочій, зачитываться и «выпрямляться».

Думалъ ли веймарскій тайный совѣтникъ фонъ-Гете, что простые берлинскіе рабочіе будутъ устраивать въ честь его литературно-музыкальные вечера!? *)

Самымъ вѣрнымъ *внѣшнимъ* признакомъ произведеній истиннаго искусства являются ихъ *универсальность*, или вѣрнѣе ихъ относительное *безсмертіе*. Таковы Венера Милосская, Мадонна Сикстинская, трагедіи Софокла, драмы Шекспира и т. д. *Внутренніе* признаки, необходимые для оцѣнки современнаго искусства, можно найти, анализируя эти вѣчныя произведенія.

Это единственный важный путь, и Толстой неправильно осмѣиваетъ его, предлагая взамѣнъ сначала дать опредѣленіе истиннаго искусства, а затѣмъ уже, «судя по тому, подходитъ или не подходитъ произведеніе подъ это опредѣленіе, судить о томъ, что есть и что не есть искусство».

Но какъ бы ни было выведено опредѣленіе искусства, не надо забывать, что оно не можетъ считаться абсолютнымъ и основываясь на немъ нельзя ставить препятствій къ развитію того, что не подходитъ подъ данное опредѣленіе, а этого, видимо, желаетъ Толстой, утверждая, что «неправы люди нашего европейскаго цивилизованнаго общества, круга и времени, допуская всякое искусство, лишь бы только оно служило красотѣ, т. е. доставляло людямъ удовольствіе». Искусству должна быть, по нашему мнѣнію, предоставлена *полная свобода*. Фальшивое, вредное погибнетъ въ концѣ концовъ само собой въ борьбѣ съ нормальнымъ и здоровымъ. Слѣдуетъ, конечно, ограждать неокрѣпшую, незрѣлую молодежь отъ тѣхъ формъ фальшиваго искусства, которыя переходятъ въ порнографію, но и здѣсь необходима величайшая осторожность: для иныхъ лицемѣровъ и Венера Милосская можетъ показаться произведеніемъ порнографическимъ.

Мы не думаемъ, чтобъ отъ искусства, даже отъ «искусства не истиннаго» страдала «нравственность», какъ это утверждаетъ Толстой.

Не нравственный уровень общества зависитъ отъ искусства, а скорѣе искусство является отраженіемъ нравственнаго уровня. «Въ гадкой глупости», «звѣрской жестокости» и многомъ другомъ, на что нападаетъ

---

*) Пишущему эти строки пришлось года два тому назадъ присутствовать въ Берлинѣ на литературно-музыкальномъ вечерѣ въ честь Гете, устроенномъ берлинскими рабочими.

Digitized by Google

Толстой совершенно не виновато искусство; причины всего этого лежатъ гораздо глубже...

Жертвы, которыя приносятся ради искусства не такъ велики и не такъ страшны, какъ онъ старается увѣрить. «Сотни тысячъ рабочихъ—плотники, каменьщики, красильщики, столяры, обойщики, портные, парикмахеры, ювелиры, бронзовщики, наборщики—цѣлыя жизни проводятъ въ тяжеломъ трудѣ для удовлетворенія требованій искусства». Но развѣ, если бы не было требованій искусства эти сотни тысячъ блаженствовали ли бы? развѣ ихъ тяжелое положеніе обусловливается искусствомъ, а не *общими* условіями труда?

Кромѣ этихъ сотень тысячъ рабочихъ Толстой въ вину искусству ставитъ сотни тысячи людей, съ молодыхъ лѣтъ посвящающихъ себя той или другой отрасли искусства и превращающихся «въ односторонніхъ, вполнѣ довольныхъ собою спеціалистовъ». Но чѣмъ можно доказать, что эти сотни тысячъ, сдѣлавшись, положимъ, булочниками и сапожниками, оказались бы болѣе разносторонними и проявили бы больше интереса къ серьезнымъ явленіямъ жизни?

И вѣрно ли, что представители современнаго (по Толстому, не истиннаго) искусства являются менѣе отзывчивыми къ серьезнымъ задачамъ жизни, болѣе тупыми, чѣмъ окружающая ихъ масса?

И не требуетъ ли, напр., хотя бы дѣятельность писателя-художника, романиста, глубокаго проникновенія въ окружающую жизнь и величайшей разносторонности?

Но Толстой готовъ до извѣстной степени примириться съ отупѣніемъ художниковъ, если бы они свое дѣло дѣлали сами, не нуждаясь «въ помощи рабочихъ не только для производства искусства, *но и для ихъ большею частью роскошнаго существованія*», которую они «такъ или иначе получаютъ или въ видѣ платы отъ богатыхъ людей, или въ видѣ субсидій, отъ правительства, которыя милліонами даются имъ на театры, консерваторіи, академіи». Этотъ упрекъ бросаемый въ представителей искусствъ, въ томъ числѣ и въ писателей, звучитъ какъ-то особенно непріятно, когда подумаешь о той „*роскошной обстановкѣ*“, въ которой находились Глѣбъ Успенскій, Рѣшетниковъ, Помяловскій и масса другихъ, когда подумаешь о талантахъ, задушенныхъ нуждой, когда вспомнишь униженія Достоевскаго изъ за рубля.

И если бы всѣ художники перешли на „мужицкое положеніе“ отъ этого нисколько не уменьшилось бы то, что болѣе всего возмущаетъ общественную совѣсть Л. Н. Толстого. Причину существованія мужицкаго положенія на ряду съ барскимъ нельзя, повторяемъ, искать въ невѣрномъ пониманіи задачъ искусства, и представители его можетъ быть менѣе, чѣмъ кто-нибудь другой заслуживаютъ негодующихъ упрековъ автора „Войны и мира“ и „Анны Карениной“.

В. Поссе.

Digitized by Google

Книги, поступившія въ редакцію.

Шарль Сеньобосъ т. II Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ формъ 1814—1896 г. Перев. съ франц. подъ ред. В. Поссе. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898 г. Цѣна 4 р.

А. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки. Изд. книжн. скл. А. А. Муриновой. Москва. 1898 г. Цѣна 2 р.

Виндельбандъ. Исторія древней философіи съ приложеніемъ исторіи среднихъ вѣковъ. Переводъ слушательницъ Высшихъ женск. курсовъ подъ редакц. проф. А. И. Введенскаго. 2-ое изд. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Н. С. Тихонравовъ. Русская литература XVII и XVIII вв. т. II. Москва 1898 г. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ.

Карлъ Бюхеръ. Происхожденіе народнаго хозяйства. Перев. съ нѣмецк. подъ редакціей С. Н. Булгакова. Изданіе М. И. Водовозовой. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

В. Н. Харузинъ. Сказки русскихъ инородцевъ. Изданіе А. И. Мамонтова. Москва. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ст. О. Гулишамбаровъ. Всемірная торговля въ XIX вѣкѣ и участіе въ ней Россіи. Спб. 1898 г.

Петръ Вартъ. Поворотный моментъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Переводъ съ польскаго. Спб. 1897 г.

Л. Э. Новыя теченія въ польскомъ Обществѣ. Спб. 1898 г.

Д-ръ Ф. Л. Германъ. Заслуги женщинъ въ дѣлѣ ухода за больными и ранеными. Харьковъ. 1897 г. Изд. книжнаго магазина Брейтигама.

Д. Боханъ. Игорь князь сѣверскій, поэтическое переложеніе древнерусской поэмы. Минскъ. 1897 г.

П. Г. Мижуевъ. Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. Спб. 1898 г. Ц. 80 к.

Д-ръ Ѳ. Гольцъ. Сельско-хозяйственное счетоводство. Перев. съ 1-го нѣмецк. Изд. В. Брунстъ. Изд. К. Тихомірова. Москва. 1898 г. Ц. 50 к.

Общедоступная Богословская библіотека. Выпускъ 1-ый. Изданіе ред. ж. «Странникъ». Спб. 1898 г.

Д-ръ Максъ Рунге. Женщина въ своей половой индивидуальности. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

М. А. Поспѣлова. Методика женскихъ рукодѣлій. Съ 260 рисунками въ текстѣ. Спб. 1898 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Н. Цуриковъ. Диктанты-задачи. Изд. К. Тихомірова. Москва. 1898 г. Цѣна 60 к.

А. Н. Карасевъ. Нотная грамота. Опытъ самообученія пѣнію. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Его-же. Методика пѣнія, часть I и II. Руководство къ постановкѣ хороваго пѣнія въ народныхъ и церковно-приходскихъ школахъ. Изданіе 3-е. Пенза. 1898 г. Ц. 1 р.

Digitized by Google

Его-же. Музыкальная хрестоматія, ч. I и II. Изданіе 9-е ч. I. (Цѣна 40 к.) и 60 к. (II ч.).

Его-же. Уроки пѣнія ч. I. Изданіе 11-ое. Цѣн. 20 к.

Его-же. Уроки пѣнія ч. II. Цѣна 60 к.

Его-же. Объясненіе къ подвижнымъ нотамъ. Изданіе 3-е. Пенза. 1898 г. Ц. 10 к.

Д-ръ Любаръ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Переводъ съ чешскаго Ѳ. Волкова. Изд. Л. Пантелѣева. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.

А. Ф. Маккавѣевъ. Проэкціонное черченіе съ натуры. Пособіе при изученіи графической грамоты съ атласомъ изъ 19 таблицъ чертежей. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Б. Чихановъ. Учебникъ ариѳметики. Курсъ средне-учебныхъ заведеній. Люблинъ. 1897 г. Ц. 50 к.

И. С. Смирновъ. Географія Владимірской губерніи. Курсъ родиновѣдѣнія. Владиміръ. 1896 г. Ц. 65 к.

Артельная мастерская женскихъ рукодѣлій. Изданіе журн. «Техническое Образованіе». Спб. 1898 г.

Препод. А. Ершовъ. Двадцатипятилѣтіе Казанской земской школы. 1871—1896 г. Казань. 1897 г.

Общій очеркъ состоянія Народныхъ училищъ Таврической губ. за 189, 1896 г. Симферополь. 1897 г.

K. Schölsel. Deutsche Fibel oder erstes Lesebuch. I Teil Odessa. 1896.

Книжный листокъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: «С. И. Корытинъ, преподаватель методики ариѳметики въ С.-Пб. Елисаветинскомъ институтѣ. Обзоръ учебной литературы по ариѳметикѣ и геометріи съ руководящею статьею о преподаваніи ариѳметики въ начальныхъ школахъ. С.-Пб. 1897. Стр. II+III+150 Цѣна 1 р.»—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Брошюры: «1) Дифтеритъ или гнилая жаба. Какъ распознавать это болѣзнь и уберегаться отъ нея. Составлено женщиной-врачемъ М. П. Рашковичъ. № 139. Изданіе «Посредника». Москва. 1892. Стр. 30+1+V.— 2) Здоровье. Книжка первая: Бесѣды о томъ, какъ устроено человѣческое тѣло, и чѣмъ оно живетъ. Составилъ для школъ и грамотнаго народа врачъ П. Латышевъ. Съ приложеніемъ таблицы рисунковъ. Изданіе

Digitized by Google

И. Ѳ. Жиркова. М. 1890. Стр. 101. Цѣна 25 коп.—3) Для народнаго чтенія. О глазныхъ болѣзняхъ, ведущихъ къ слѣпотѣ, и о томъ, какъ отъ нихъ уберечься. Составилъ Д-ръ Сапѣжко. Изданіе общества Кіевскихъ врачей. Кіевъ. 1887. Стр. 24. Цѣна 10 коп.»—допустить для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюры: «1) Совѣты беременнымъ и бабкамъ повитухамъ. Съ прибавленіемъ наставленій объ уходѣ за новорожденными, кормленіи грудныхъ дѣтей и лѣченіи ихъ болѣзней. Составилъ земскій врачъ А. Коровaевъ. № 179. М. 1895. Стр. 106.—2) О дурной болѣзни. Ординатора Мясницкой городской больницы Н. С. Сперанскаго. Изданіе книжнаго склада П. К. Пряшникова. Изданіе первое. М. 1894. Стр. 32.»—допустить, какъ содержащія въ себѣ весьма полезныя и необходимыя для народа свѣдѣнія, въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ для свободнаго и широкаго распространенія ихъ народными учителями среди взрослаго сельскаго населенія.

— 15 книжекъ изданія Ф. Павленкова: «Иллюстрированная Пушкинская библіотека. 2-е изданіе—№ 2. Кавказскій плѣнникъ. Стр. 32. Цѣна 3 коп.—№ 6. Полтава. Стр. 69. Цѣна 6 коп.—№ 7. Галубъ. Стр. 12. Цѣна 2 коп.—№ 8. Сказка о царѣ Салтанѣ. Стр. 38. Цѣна 4 коп.—№ 10. Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ. Стр. 20. Цѣна 3 коп.—№ 12. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. Стр. 14. Цѣна 2 коп.—№ 14. Евгеній Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ. Стр. 231. Цѣна 20 коп.—№ 16 Домикъ въ Коломнѣ. Разсказъ въ стихахъ Стр. 12. Цѣна 2 коп.—№ 17. Мѣдный всадникъ. Стр. 23. Цѣна 3 коп.—№ 20. Скупой рыцарь. Драматическій очеркъ. Стр. 22. Цѣна 2 коп.—№ 23. Пиръ во время чумы. Драматическій очеркъ. Стр. 11. Цѣна 2 коп.—№ 26. Метель. Повѣсть. Стр. 25. Цѣна 3 коп.—№ 28. Станціонный смотритель. Повѣсть. Стр. 27. Цѣна 3 коп.—№ 29. Барышня крестьянка. Повѣсть. Стр. 37. Цѣна 4 коп.—№ 33. Капитанская дочка. Романъ Стр. 190. Цѣна 20 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе всѣ указанія особаго отдѣла ученаго комитета.

— Книги, изданныя Л. Ф Пантелѣевымъ: «1) А. Е. Мерцаловъ. Вологодская старина. Матеріалы для исторіи Сѣверной Россіи. С.-Пб. 1889. Стр. 124. Цѣна 1 р.—2) А. Е. Мерцаловъ. Историческія чтенія. Очеркъ изъ смутнаго времени. С.-Пб. 1895. Стр. 196. Цѣна 1. руб—3) Лесажъ. Исторія Жиль Блаза де Сэнтильяне. Переводъ съ французскаго. С.-Пб. 1895. Стр. XV+617. Цѣна 2 р. 50 коп.»—допустить къ обращенію въ безплатныхъ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ.

— Брошюру: «Новая русская азбука для малаго и стараго. Доктора Евгенія Гурина. Изданіе 2-е, дополненное. Кіевъ. 1897. Стр. 32. Цѣна 5 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Брошюру: «Дѣдушка Крыловъ. Чтеніе для народа и солдатъ. Составилъ П. Плаховъ. Кіевъ. Стр. 28. Цѣна не обозначена». допустить въ безплатныя народныя читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку: «Краткое руководство къ преподаванію ариѳметики въ начальныхъ сельскихъ и церковно-приходскихъ школахъ. Составилъ кн.

Digitized by Google

Б. А. Тенишевъ. С.-Пб. 1897. Стр. IV+88. Цѣна не обозначена.»—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ въ качествѣ пособія для учителей при преподаваніи ими ариѳметики.

— 5 книжекъ изданія Императорскаго православнаго Палестинскаго общества: „Чтенія о Святой Землѣ. Выпускъ XXXVI и XXXVII (Древнерусское пзломничество. А. Н. Пыпина. 36-е и (37-е чтеніе). С.-Пб. 1896—1897. Стр. 77+66.—Вып. XXXVIII—XL (Русскіе паломники Святой Земли В. Н. Хитрово. Чтеніе 38-е, 39-е и 40-е). С.-пб. 1896—1897. Стр. 33+44+39 Цѣна каждому выпуску 15 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку: «Ф. Орловъ. Письма молодого солдата. (Посвящается младшимъ офицерамъ). 2-е изданіе, дополненное. С.-Пб. 1898. Стр. 134. Цѣна 55 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюру: Дм. Яичковъ. Дѣтскій хоръ. Классовое пособіе при обученіи пѣнію въ народныхъ школахъ и младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Рига. 1897. Стр. 32. Цѣна 12 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Общепонятное законовѣдѣніе. Научно-практическое пособіе, съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ: прошеній, заявленій, жалобъ, договоровъ, завѣщаній, приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ и т. п. Н. П. Дружинина. М. 1898. Стр. XXVIII+262. Цѣна 1 рубль. (Для самообразованія)»—допустить, въ качествѣ справочнаго изданія, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: «Среди хозяевъ. Путевыя письма изъ поѣздки по выдающимся хозяйствамъ Средней Россіи. Сергѣя Шарапова. Редакція В. И. Шемякина. С.-Пб. 1896. Стр. 192. Цѣна 30 коп. (Приходская библіотека)»—допустить въ ученическія и учительскія библіотеки низшихъ училищъ, въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжки, изданныя товариществомъ И. Д. Сытина: «1) Робинзонъ Крузо, его жизнь и удивительныя приключенія. Съ 58 хромолитографированными картинами. Пересказъ Е. Урсыновичъ. М. 1897. Стр. 50. Цѣна не обозначена.—2) Волшебный міръ. Сказки Перро. Переводъ Ек. Урсыновичъ. М. 1897. Стр. 143. Цѣна 75 коп.»—допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-управляющимъ министерствомъ, постановлено:

Digitized by Google

— Брошюру: «Международная библіотека. Изданіе Г. Бейленсона и І. Юровскаго. № 28. Адольфъ Гацфельдтъ. Основы литературной критики. Переводъ Діонео. Одесса. 1895. Стр. 36. Цѣна 15 коп.»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюру: «Русская библіотека. Изданіе Г. Бейленсона и І. Юровскаго. № 4. Проф. Л. Камаровскій. Война или миръ? Одесса. 1895. Стр. 32. Цѣна 15 коп.»—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библіотекъ городскихъ училищъ, для учительскихъ библіотекъ народныхъ школъ и для безплатныхъ читаленъ.

— Книжку: «Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Вольтеръ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ А. Каренина. Съ портретомъ Вольтера., гравированнымъ въ С.-Петербургѣ К. Адтомъ. С.-Пб. 189.. Стр. 95. Цѣна 25 коп.»—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «Методика школьной дисциплины. По Бему изложилъ Вл. Фармаковскій. Изданіе второе. Книгопродавца-издателя потомственнаго почетнаго гражданина и кавалера Е. П. Распопова, въ Одессѣ. Одесса. 1898 Стр. 188+IV. Цѣна 1 р.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для учительскихъ библіотекъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, городскихъ училищъ и начальныхъ народныхъ школъ, а также для библіотекъ педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій.

— Книгу: «Элементарная геологія. Курсъ Уральскаго горнаго училища. Составилъ М. Соловьевъ, преподаватель Екатеринбургскаго Алексѣевскаго реальнаго училища и Уральскаго горнаго училища. Екатеринбургъ. 1897. Стр. II+VI+148 и 15 таблицъ чертежей. Цѣна не обозначена»—одобрить для учительскихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.

— Книгу: «Deutsches Lesebuch von Th. Anderson. I. Teil. 4. Auflage. Нѣмецкая хрестоматія Ѳ. К. Андерсона. І-я часть. 4-е изданіе. Исправленное и дополненное. С.-Пб. 1897. Стр. 207. Цѣна 60 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книги: 1) «Избранные нѣмецкіе писатели для школъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ Ѳ. К. Андерсона. Hauff's Märchen. I. Teil. 2. Auflage. Сказки Гауфа. I Часть. 2-е изданіе, исправленное и дополненное С.-Пб. 1897. Стр. 110. Цѣна 40 коп.» 2) То же. II часть. Спб. 1898. Стр. 104. Цѣна 40 коп.»—допустить первую въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи этой книги были приняты во вниманіе всѣ указанія ученаго комитета, а вторую въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Praktisches Elementarbuch der Russischen Sprache für Schule und Haus von J. W. Bulatow-Eichenholz. Erster Theil. Zweite

Digitized by Google

vermehrte Auflage. St.-Petersburg. 1896. Стр. 160. Цѣна не обозначена»—одобрить для употребленія при первоначальномъ обученіи нѣмецкихъ дѣтей русскому языку.

Книгу: «Ф. Вигуру. Руководство къ чтенію и изученію Библіи. Общедоступный и изложенный въ связи съ новѣйшими научными изысканіями курсъ Священнаго Писанія. Ветхій Завѣтъ. Томъ I. Общее введеніе. Пятикнижіе. Съ иллюстраціями по памятникамъ. Переводъ съ послѣдняго (9-го) французскаго изданія С. К. Б. Б. В. Вересцова. М. 1897. Стр. VIII+583. Цѣна 2 руб. 75 коп.»—допустить въ фундаментальныя и ученическія старшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Lectures choisies des meilleurs historiens francais munies, de notes et de résumés et appropriées à l'usage des établissements d'éducation par M-me Koschkine, Inspectrice à l'Orphelinat de l'Empereur Nikolas I. Livre premier. Depuis les origines Jusqu'à Jeanne d' Arc. Michelet, Fustel de Coulanges, Ampère, Augustin Thierry, Guizot, Chateaubriand, Mischaud, Barante... St.-Pétersbourg. 1898. Стр. 192. Цѣна 1 р.»—допустить къ употребленію въ качествѣ пособія во всѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «К. К. Случевскій. По сѣверо-западу Россіи. Томъ I. По сѣверу Россіи. Съ картою сѣвернаго края, отпечатанною въ 6 красокъ и 146 рисунками. С.-Пб. 1897. Стр. 456+XX. Томъ II. По западу Россіи. Съ картою западнаго края, отпечатанною въ 6 красокъ и 159 рисунками. С.-Пб. 1897. Стр. 608+XXII. Цѣна за оба тома 7 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для библіотекъ педагогическихъ курсовъ при женскихъ гимназіяхъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ, а также для раздачи воспитанникамъ учебныхъ заведеній въ видѣ награды.

— Журналъ: «Музыка и пѣніе. Ежемѣсячный музыкальный журналъ для пѣнія, одноголоснаго и хороваго, фортепіано и другихъ инструментовъ. Подписная цѣна 4 р., съ доставкой и пересылкой 5 р.»—одобрить за 1896 и 1897 годы для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и включить этотъ журналъ въ списокъ періодическихъ изданій, разрѣшенныхъ и впредь къ выпискѣ для означенныхъ заведеній.

— Книгу: «Г. Клейнъ. Астрономическіе вечера. Очерки изъ исторіи астрономіи. Солнечный міръ, звѣзды, туманности. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Изданіе 2-е. М. В. Клюкина. М. 1898. Стр. 507+IV. Цѣна 1 р.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «В. П. Авенаріусъ. Гоголь—студентъ. Вторая повѣсть изъ біографической трилогіи: «Ученическіе годы Гоголя». Съ 12 портретами и видами-фототипіями и автотипіями Ангерера и Гешля въ Вѣнѣ. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. С.-Пб. 1898. Стр. 334. Цѣна 1 р. 50 к.»—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжки, составленныя В. В. Огарковымъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова:

Digitized by Google

1) Воронцовы. Ихъ жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ князя М. С. Воронцова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С. Пб. 1892. Стр. 96. 2) Е. Р. Дашкова. Ея жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Дашковой, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1893. стр 78. 3) Демидовы. Основатели горнаго дѣла въ Россіи. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Акинфія Демидова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1891. Стр. 95. Цѣна каждой книжки 25 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книгу: «Фритіофъ Нансенъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Путешествіе норвежской экспедиціи на кораблѣ «Фрамъ» къ сѣверному полюсу. Ч. I. Полный переводъ со шведскаго М. Вечеслова. Ч. II. Полный переводъ съ англійскаго языка. Подъ редакціею Н. Березина. С.-Пб. Изданіе О. Н. Поповой. 1897. Стр. 337+304. Цѣна за обѣ части 4 р.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Брошюру: «Опытъ систематическаго сборника задачъ и темъ для письменныхъ упражненій по русскому языку, составленный примѣнительно къ требованіямъ инструкціи для городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 года, училищъ. Пособіе для учениковъ городскихъ, уѣздныхъ и двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія училищъ при работахъ въ классѣ и дома. Я. Канунова, завѣдывающій Макарьевскимъ городскимъ училищемъ. Лысково. 1897. Стр. VII+50 Цѣна 25 коп.»—допустить, въ качествѣ учебнаго пособія, въ городскія и уѣздныя училища, съ тѣмъ чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Книжки, изданныя Императорскимъ православнымъ Палестинскимъ обществомъ: 1) «По Святой Землѣ. Изъ палестинскихъ впечатлѣній 1873—1874. Второе дополненное и исправленное изданіе. С.-Пб. 1889. Стр. 196. Цѣна 50 коп.»—2) «Храмъ Воскресенія Господня въ Іерусалимѣ. Съ 8 рисунками. Протоіерея В. Я. Михайловскаго. 2-е изданіе. С.-Пб. 1887. Стр. VI+103. Цѣна 30 коп.»—3) «Сто видовъ Іерусалима и Святой Земли. С.Пб. 1896. Стр. IV+100 картинъ. Цѣна 50 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: «Практическая геометрія съ примѣненіемъ къ черченію и къ землемѣрію. Ар. Заблоцкаго. 312 чертежей въ текстѣ. Изд. Ф. Павленкова. С.-Пб. 1890. Стр. II+168. Цѣна 60 коп.»—допустить въ безплатныя

Digitized by Google

народныя библіотеки и читальни и въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книжку: «Изученіе природы дома. Разговоры въ сумерки. Книга для юношества, составилъ К. Крэпелинъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1897. Стр. II+186. Цѣна въ папкѣ 1 руб. 25 к.»—допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Питомникъ, плодовый садъ, огородъ и цвѣтникъ. Краткое руководство для воспитанниковъ учительскихъ семинарій и для сельскихъ учителей. Составилъ В. Сумскій, преподаватель садоводства и огородничества въ Поливановской учительской семинаріи, дѣйствительный членъ Россійскаго общества любителей садоводства. Изданіе редакціи газеты «Садъ и Огородъ». М. 1897. Стр. 120. Цѣна 26 коп.»—одобрить для учительскихъ семинарій въ качествѣ учебнаго руководства, для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній и допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжки, изданныя М. В. Клюкинымъ: 1) «И. А. Бѣлоусовъ. Моимъ дѣткамъ. Разсказы и стихи. Съ рисунками А. и П. Литвиненко. М. 1898. Стр. 29. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп.»—2) Елка въ царствѣ звѣрей. Разсказъ А. В. Круглова. Съ рисунками. Изданіе 2-е. М. 1896. («Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. № 18»). Стр. 32. Цѣна 5 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книжку: Е. А. Разина. Жизнь не для себя. Повѣсть для дѣтей. Съ рисунками. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1898. Стр. 46. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книги: «Ариѳметическій задачникъ для учениковъ. Вып. II (для учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходится полный курсъ ариѳметики). Составилъ С. Шохоръ-Троцкій. М. и С.-Пб. 1898. Стр. 156. Цѣна 35 коп.»—2) «Ариѳметическій задачникъ для учителей С.-Пб. 1898. Стр. XIII+367. Цѣна 75 коп.»—допустить первую въ качествѣ учебнаго пособія для городскихъ, уѣздныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ, а вторую въ учительскія библіотеки тѣхъ же училищъ.

— Книжку: «Азбука графической грамотности 410 чертежей въ текстѣ. Составилъ В. Корнаковъ. С.-Пб. 1897. Стр. VIII+152. Цѣна 85 коп.» - допустить въ учительскія и ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ для справокъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книги: «Пособіе для устройства промышленныхъ артелей съ проектомъ ихъ образцоваго устава и съ приложеніемъ утвержденныхъ уставовъ 22 артелей. Составилъ Н. О. Осиповъ. С.-Пб. 1897. Стр. IV+181. Цѣна 1 руб.»—2) «Образцовый уставъ кредитныхъ товариществъ, утвержденный министромъ финансовъ 19-го іюня 1896 г. съ разъясненіями Н. О. Осипова и съ приложеніемъ законоположеній, касающихся мелкаго кредита. (Изданіе неофиціальное). С.-Пб. 1897. Стр. III+96. Цѣна 80 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки сельскихъ школъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Digitized by Google

Хроника.

Надежды и ожиданія.

Какъ извѣстно читателямъ, со смертью графа И. Д. Делянова, управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія назначенъ Н. П. Боголѣповъ, бывшій до послѣдняго времени попечителемъ московскаго учебнаго округа. Съ перемѣной лица, стоящаго во главѣ какого нибудь учрежденія, всегда связывается представленіе о новыхъ мѣропріятіяхъ и преобразованіяхъ, отъ новаго лица невольно ждешь проявленія новыхъ взглядовъ, непочатой энергіи и стремленія внести поправки къ существующей системѣ, недостатки коей были со стороны виднѣе и осязательнѣе. Такія ожиданія, вполнѣ естественныя во всякой области, особенно могутъ имѣть мѣсто къ сферѣ народнаго образованія, какъ потому, что его интересы самой жизнью выдвинуты на первый планъ, такъ и въ виду того, что въ силу разныхъ условій эта сфера осталась позади жизни, выдвинувшей новыя задачи и требованія. Понятно, что назначеніе новаго главы министерства народнаго просвѣщенія даетъ законный поводъ ожидать реформъ на пути согласованія требованій жизни и условій современнаго состоянія у насъ народнаго образованія. Это ожиданіе находитъ себѣ подтвержденіе въ рѣчи, произнесенной Н. П. Боголѣповымъ при представленіи ему чиновъ министерства. Вотъ что мы читаемъ между прочимъ въ этой рѣчи: «я сознаю, что *во всѣхъ* областяхъ народнаго образованія жизнь выставила требованія усовершенствованій и нововведеній. Но я держусь того мнѣнія, что тѣ и другія должно производить съ большою осторожностью и постепенностью. Я не сторонникъ быстрой радикальной ломки».

И дѣйствительно, нѣтъ ни одной области народнаго образованія, которая не требовала бы усовершенствованій и нововведеній, подчасъ весьма значительныхъ. Всѣмъ извѣстно, что система управленія гр. Делянова была направлена къ возможному сохраненію существующихъ условій. Быть можетъ, по личнымъ свойствамъ своего характера, или по другимъ условіямъ, но несомнѣнно, что графъ Деляновъ тоже не былъ сторонникомъ быстрыхъ реформъ, которыя бы отвѣчали быстротѣ темпа всей современной жизни. Въ его управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, старанія учебной администраціи были направлены, если можно такъ выразиться къ сдержанію жизни и ея новыхъ требованій въ старыхъ рамкахъ, всегда давало

Digitized by Google

себя знать стремленіе помирить новое со старымъ, удовлетворить тѣ запросы народнообразовательнаго дѣла, которые, казалось, требовали новыхъ путей, старыми средствами. Конечно, такая система и привела ко многимъ несоотвѣтствіямъ условій дѣйствительности требованіямъ жизни и самаго образовательнаго дѣла, ею выдвинутаго. Этотъ фактъ и находитъ себѣ какъ бы подтвержденіе въ приведенныхъ выше словахъ новаго министра.

Мы не задаемся здѣсь цѣлью указать въ точности всѣ тѣ пункты, въ которыхъ жизнь и народное образованіе болѣе или менѣе далеко ушли другъ отъ друга. Это не входитъ въ задачу нашихъ текущихъ замѣтокъ, мы хотѣли бы только въ самыхъ общихъ чертахъ отмѣтить наиболѣе яркіе примѣры, такъ сказать иллюстраціи, въ подтвержденіе мысли, высказанной новымъ министромъ. Ограничиваемся сферой начальнаго образованія. Всякая страна нуждается во 1, въ распространеніи грамотности среди всего населенія, и во 2, въ средствахъ, содѣйствующихъ упроченію этой грамотности и полученію дальнѣйшаго хотя бы только элементарнаго образованія. Для первой цѣли необходимо достаточное количество хорошо организованныхъ школъ, для второй—широкая организація всѣмъ доступныхъ народообразовательныхъ учрежденій, какъ-то: народныхъ библіотекъ, читаленъ, народныхъ чтеній, воскресныхъ школъ, народныхъ театровъ. Для достиженія первой цѣли прежде всего необходимы матеріальныя средства, а между тѣмъ нашъ бюджетъ на народное образованіе непомѣрно малъ, уже много лѣтъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія почти не возрастаетъ, и нынѣшнее ассигнованіе въ $26^1/_2$ милл. рб. по отношенію къ общему государственному бюджету въ 1350 мил, рб. не составляетъ даже 1,9%. Вотъ первое отступленіе отъ требованій жизни, настойчиво указывающей на невозможность долго поддерживать то положеніе, при которомъ собственно на начальное образованіе ассигнуется въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія всего на всего 2090500 рб. Но недостатокъ правительственныхъ ассигновокъ на начальное образованіе еще не единственное препятствіе къ его распространенію. Не маловажное значеніе имѣютъ тѣ затрудненія, которыя ставятся на этомъ пути проявленію частной иниціативы, необходимость сношенія съ другими вѣдомствами, полученіе ихъ согласія на открытіе школы, тогда какъ жизнь требуетъ самаго широкаго простора въ этомъ отношеніи: пусть открываютъ возможно больше школъ гдѣ хотятъ и кто хочетъ, лишь бы лица, завѣдующія школой, удовлетворяли извѣстнымъ педагогическимъ требованіямъ, устанавливаемымъ разъ навсегда закономъ. Далѣе, переходя къ внутреннему строю нашей народной школы, нельзя не указать на главнѣйшіе ея, много разъ приводившіеся, недостатки: въ преподаваніи слишкомъ много формализма, курсъ весьма ограниченъ небольшими требованіями, предъявляемыми къ цѣлямъ и задачамъ народной школы: много времени посвящается изученію едва ли нужной крестьянскимъ дѣтямъ грамматики и очень мало или подчасъ совсѣмъ не сообщаются географическія, историческія и естественно-историческія свѣдѣнія, необходимыя каждому для озна-

Digitized by Google

комленія съ своей родиной, для сколько нибудь сознательнаго отношенія къ окружающимъ явленіямъ. Надо раздвинуть рамки нынѣшней народной школы, нужно увеличить продолжительность обученія въ ней, нужно оживить самый матеріалъ обученія. Это требованіе все болѣе и болѣе настойчиво выдвигается жизнью.

Есть еще одно условіе, отъ котораго въ весьма значительной степени, если не главнымъ образомъ, зависитъ успѣшность нашего школьнаго дѣла. Это составъ учительскаго персонала. Мы уже говорили въ прошлой хроникѣ, да и прежде не разъ, о томъ тяжеломъ матеріальномъ положеніи, въ которомъ находятся наши народные учителя, о той общественной несамостоятельности, зависимости его рѣшительно отъ всѣхъ, хотя бы и самыхъ низшихъ органовъ деревенской администраціи, наконецъ, о тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ протекаетъ ихъ умственная жизнь, запросы которой совершенно не находятъ себѣ удовлетворенія. Мы не будемъ вновь этого касаться здѣсь и перейдемъ къ тѣмъ требованіямъ жизни, которыя выдвигаются ею въ сферѣ распространенія образованія среди взрослаго населенія. Въ этой сферѣ до сихъ поръ, не взирая на все сочувствіе, съ которымъ относится къ этому важному дѣлу интеллигентное общество и самъ народъ, не достигнуто сколько нибудь замѣтныхъ результатовъ. Причиной тому стѣсненіе частной иниціативы и тѣ сложныя условія, которыми обставлено всякое ея проявленіе. Какъ извѣстно, на всякое, хотя бы самое маленькое дѣло, какъ, напр., устройство библіотеки или народныхъ чтеній требуется потратить много труда и времени. Полученіе разрѣшенія обставлено такими канцелярскими затрудненіями и проволочкой, что подчасъ не хватитъ никакой энергіи. Для подтвержденія приведемъ нѣсколько примѣровъ, которые находимъ въ «Рус. Вѣд.».

Звенигородское земство только черезъ три года могло получить разрѣшеніе на устройство при нѣкоторыхъ училищахъ воскресныхъ чтеній. Вяземское же земство и черезъ три года не добилось подобнаго разрѣшенія. Исторія этого дѣла особенно характерна. Три года назадъ, Вяземское земство возбудило ходатайство о разрѣшеніи учредить въ Вяземскомъ уѣздѣ комиссію по устройству народныхъ чтеній. Въ отвѣтъ на ходатайство отъ министра народнаго просвѣщенія послѣдовалъ запросъ, не представляется-ли возможнымъ устроить чтенія безъ учрежденія особой комиссіи, и въ такомъ случаѣ доставить ему списокъ мѣстностей, гдѣ предположено устроить чтенія, и списокъ лицъ, которыя будутъ наблюдать за чтеніями. Земство согласилось отказаться отъ устройства комиссіи, заручилось согласіемъ мѣстнаго уѣзднаго училищнаго совѣта взять на себя трудъ и наблюденіе по устройству чтеній и въ этомъ смыслѣ отправило отвѣтъ министерству. Но и послѣ этого ходатайство земства не получило дальнѣйшаго хода. Такимъ образомъ,—какъ, по словамъ «Смоленскаго Вѣстника», замѣчаетъ вяземская земская управа въ докладѣ смоленскому губернскому собранію,—земству, т.-е. учрежденію, которое Высо-

Digitized by Google

чайшей волею призвано заботиться о просвѣщеніи народа, отказываютъ въ правѣ открывать воскресныя чтенія, справедливо признаваемыя однимъ изъ лучшихъ средствъ для просвѣщенія, а училищный совѣтъ, призванный наблюдать за народнымъ образованіемъ въ уѣздѣ, признается некомпетентнымъ въ вопросѣ о чтеніяхъ для народа и во всемъ своемъ составѣ неспособнымъ слѣдить за правильнымъ ходомъ этихъ чтеній.

Но и съ полученіемъ разрѣшенія на открытіе того или иного образовательнаго учрежденія тѣмъ самымъ далеко не всегда обезпечено спокойное и нормальное развитіе дѣла. Практика въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ нерѣдко удивительныя вещи.

Газета напоминаетъ недоразумѣнія съ библіотеками, бывшія въ прошломъ году въ Вятской губерніи: на ревизію библіотекъ явились становые пристава, причемъ одинъ изъ нихъ призналъ «запрещенными» такія книги, какъ, напр., «Священная исторія» Д. Соколова, «Ариѳметическій задачникъ» г. Лубенца, поэма Пушкина «Русланъ и Людмила», «Руководство алгебры» Малинина. Памятенъ также циркуляръ инспектора народныхъ училищъ, предписывающій учить въ воскресныхъ школахъ исключительно механическому чтенію и счету не свыше тысячи и за обученіе чтенію сознательному угрожающій немедленнымъ закрытіемъ школы. Характерно также распоряженіе по Новоторжскому уѣзду, воспрещающее преподаваніе въ земскихъ училищахъ исторіи и географіи по извѣстнымъ учебникамъ Рождественскаго, Острогорскаго и Меча. Не менѣе выразителенъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ Пермской губерніи. Тамъ одно изъ попечительствъ о народной трезвости оффиціально возбудило вопросъ: «Можно-ли книги, разрѣшенныя для чтенія въ открытой попечительствомъ чайной, читать вслухъ?» и получило отвѣтъ, что этотъ вопросъ будетъ переданъ въ особую комиссію при министерствѣ финансовъ. Такимъ образомъ, вопросъ о правѣ читать вслухъ книгу, прошедшую черезъ двѣ цензуры и дозволенную къ чтенію «про себя», не можетъ быть разрѣшенъ на мѣстѣ, а требуетъ санкціи особой комиссіи, засѣдающей въ Петербургѣ. Всѣ эти и имъ подобные факты нельзя разсматривать какъ совершенно случайныя явленія. Напротивъ, они представляютъ, неизбѣжный результатъ дѣйствующихъ у насъ законоположеній. Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаютъ на себя вниманіе «Правила» о народныхъ чтеніяхъ. Согласно этимъ «правиламъ», публичныя народныя чтенія, какъ извѣстно, разрѣшаются по соглашенію трехъ вѣдомствъ: министерства народнаго просвѣщенія, министерства внутреннихъ дѣлъ и Святѣйшаго Синода. Каждое изъ этихъ вѣдомствъ, прежде чѣмъ дать то или иное заключеніе, обращается въ установленномъ порядкѣ къ мѣстнымъ властямъ. Эти послѣднія, собравъ на мѣстѣ требуемыя свѣдѣнія, препровождаютъ ихъ черезъ цѣлый рядъ инстанцій въ Петербургъ. Вся эта переписка тянется обыкновенно очень долго, нерѣдко цѣлые годы. Между тѣмъ судьба чтеній находится въ зависимости отъ тѣхъ заключеній, которыя будутъ даны мѣстными властями. Не проще-ли поэтому было бы и самое разрѣшеніе на

Digitized by Google

устройство чтеній предоставить власти мѣстныхъ установленій, напримѣръ, уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, какъ объ этомъ ходатайствовали нѣкоторыя земства? Извѣстно, что въ составъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ входятъ представители отъ всѣхъ трехъ упомянутыхъ выше вѣдомствъ, а потому и рѣшеніе совѣта едва-ли могло бы пойти вразрѣзъ съ намѣреніями послѣднихъ. Такой порядокъ, замѣчаетъ газета,—тѣмъ болѣе имѣетъ за собой основаніе, что роль устроителей чтеній ограничена и упрощена до чрезвычайности. По дѣйствующимъ «Правиламъ», она сводится къ чтенію нѣсколькихъ брошюръ точно перечисленныхъ въ особомъ каталогѣ изданномъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія. При этомъ никакихъ измѣненій и дополненій въ брошюрѣ не допускается. Мало этого, воспрещается даже изустное чтеніе брошюры: чтеніе обязательно должно быть по книгѣ.

Положеніе народныхъ библіотекъ и читаленъ также нельзя признать нормальнымъ. Особенно много страдаютъ онѣ отъ недостатка и неудовлетворительнаго подбора книгъ и періодическихъ изданій. Книгъ по общественнымъ и юридическимъ наукамъ почти нѣтъ, беллетристическій отдѣлъ страдаетъ отсутствіемъ новѣйшихъ писателей. Такъ, напримѣръ, изъ сочиненій Гл. Успенскаго, Н. Н. Златовратскаго, не допущено ни одного разсказа, Антонъ Чеховъ допущенъ только въ одномъ томѣ, Вл. Короленко—въ одномъ маленькомъ разсказѣ, изъ Некрасова допущено одно стихотвореніе, да и то давно вышедшее изъ продажи. Провинціальныя періодическія изданія почти всѣ недопущены. Исключеніе сдѣлано только для «Епархіальныхъ» и «Губернскихъ Вѣдомостей» да еще для четырехъ изданій, выходящихъ въ Кіевѣ и Варшавѣ. Но и этотъ скудный запасъ литературнаго матеріала не обладаетъ необходимою устойчивостью. Изъ разъясненія департамента министерства народнаго просвѣщенія, даннаго въ прошломъ году на имя вятскаго губернатора, явствуетъ, что могутъ найтись такія изданія, которыя хотя и были одобрены ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, тѣмъ не менѣе могутъ оказаться «недопущенными» и, слѣдовательно «запрещенными» для народныхъ библіотекъ и читаленъ. Таковы изданія, которыя получили одобреніе послѣ выхода въ свѣтъ министерскаго каталога. Одобреніе, данное въ этомъ случаѣ, сохраняетъ свою силу только до выхода въ свѣтъ новаго изданія каталога или прибавленія къ нему.

Если ко всему этому добавить, что послѣ распоряженія министерства народнаго просвѣщенія отъ 4 сентября 1891 года разрѣшеніе на открытіе воскресныхъ школъ дается исключительно духовнымъ вѣдомствомъ, а программа преподаванія въ нихъ, независимо отъ возраста учащихся, та же, что въ начальныхъ школахъ для малолѣтнихъ, то представится достаточно яснымъ, въ какой степени стѣснительны у насъ условія для развитія народнаго образованія, о насущной потребности котораго жизнь съ каждымъ днемъ заявляетъ все громче и громче.

Всѣ эти стѣсненія не вызываются, казалось бы, намъ необходимостью,

Digitized by Google

напротивъ того, жизнь требуетъ болѣе широкаго простора для доброй дѣятельности лицъ, приверженныхъ дѣлу народнаго образованія. Устраненіе всѣхъ этихъ препятствій могло бы произойти безъ всякой ломки, на нежелательность которой указывалъ министръ въ своей рѣчи: тутъ нѣтъ надобности ломать ту или иную систему, замѣнять одну другой, что трудно произвести сразу безъ всесторонняго разсмотрѣнія всѣхъ условій, какъ создавшихъ такую систему, такъ и дѣлающихъ ее непригодной. Здѣсь, намъ кажется, дѣло проще—мы желали бы въ данномъ случаѣ лишь снятія тѣхъ рогатокъ и перегородокъ, которыми излишне затруднена народообразовательная дѣятельность, мы желали бы въ этомъ первостепенной важности дѣлѣ пошире открыть двери жизни и ея насущнымъ запросамъ, дать ей свободно развиться и пустить здоровые ростки, ибо отъ этого зависитъ благо русскаго народа.

О положеніи учителей нашихъ гимназій.

Мы много разъ останавливали вниманіе нашихъ читателей на крайне тяжеломъ положеніи какъ матеріальномъ, такъ и общественномъ русскаго народнаго учителя. Насъ просятъ указать также на неприглядныя условія матеріальнаго обезпеченія учителей нашихъ средне-учебныхъ заведеній. И дѣйствительно, если сравнить жалованіе учителя гимназіи, которое народному учителю предоставляется недосягаемымъ богатствомъ, съ тѣмъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, которое получается при другихъ либеральныхъ профессіяхъ, то нельзя не придти къ безотрадному заключенію, что у насъ всего ниже цѣнится трудъ самый высокій, трудъ, требующій и большого нервнаго напряженія и для своей успѣшности предполагающій наличность до извѣстной степени таланта и увлеченія дѣломъ. По этому весьма интересному вопросу мы находимъ нѣсколько весьма удачныхъ сопоставленій въ одной газетѣ, которыя считаемъ не лишнимъ здѣсь привести въ сокращеніи:

Нормальный окладъ жалованья преподавателя гимназіи слишкомъ ничтоженъ: втеченіе первыхъ пяти лѣтъ службы штатный учитель получаетъ 750 р. за 12 штатныхъ уроковъ, а затѣмъ—900 р. и, наконецъ, послѣ многолѣтней службы, окладъ можетъ быть повышенъ до 1250 и даже до 1500 р., если на такой окладъ откроется вакансія; но очень многіе учителя дослуживаютъ до пенсіи и отставки, такъ и не получивъ высшихъ окладовъ. Жить и дѣйствовать при такомъ скромномъ вознагражденіи человѣку съ университетскимъ образованіемъ и съ повышенными духовными потребностями, особенно, если это—человѣкъ семейный, не представляется никакой возможности: слѣдуетъ имѣть въ виду, что гимназіи находятся обыкновенно въ городахъ съ значительнымъ населеніемъ и болѣе или менѣе значительною дороговизною. Изъ этого критическаго положенія нерѣдко выручаетъ нестроптивыхъ учителей въ большей или меньшей степени расположеніе начальника учебнаго заведенія: кромѣ нормальныхъ 12 уроковъ, есть еще такъ называемые до-

Digitized by Google

бавочные, изъ которыхъ каждый отдѣльный урокъ, обыкновенно, оплачивается 60 рублями въ годъ, а такихъ добавочныхъ уроковъ у большинства учителей набирается больше, чѣмъ нормальныхъ, и только при помощи этихъ добавочныхъ уроковъ и крайне тяжелаго, особенно въ многолюдныхъ классахъ, класснаго наставничества и удается учителямъ сводить концы съ концами.

Неудобство добавочныхъ уроковъ и классныхъ наставничествъ заключается въ томъ, что они распредѣляются не болѣе, какъ на одинъ учебный годъ, по истеченіи котораго (а иногда и раньше, безъ какой-либо вины со стороны учителя) они могутъ быть отобраны. Такимъ образомъ, учителю гимназіи гарантируется всего 75 рублей въ мѣсяцъ (мы имѣемъ въ виду обыкновенный окладъ въ 900 руб.) съ соотвѣтствующими вычетами, и это человѣку, нерѣдко прослужившему 10, 15, даже 20 лѣтъ, обзаведшемуся семьею (вѣдь нельзя же требовать отъ учителей обѣта безбрачія), обязанному по роду службы, если и не часто, то хоть изрѣдка запасаться новыми книгами. Какихъ же ожидать результатовъ для учебнаго дѣла отъ дѣятельности людей, вынужденныхъ постоянно дрожать за завтрашній день и всякими правдами и неправдами стараться удержать или вновь пріобрѣсти необходимые имъ добавочные уроки. Между тѣмъ педагогическій трудъ самъ по себѣ требуетъ страшнаго напряженія нервовъ, и поэтому создавать условія, усиливающія это напряженіе, едва-ли полезно и для учебнаго дѣла и для учащейся молодежи. Намъ могутъ возразить, что и безъ добавочныхъ уроковъ у учителя можетъ быть частный заработокъ и что, наконецъ, учителя вѣдь получаютъ особое вознагражденіе за исполненіе обязанностей секретаря педагогическаго совѣта, библіотекаря, за исправленіе письменныхъ работъ. Вѣрно! Посторонній заработокъ бываетъ иногда и у учителей, но частный заработокъ, если таковой найдется, можетъ быть, независимо отъ службы, почти у всякаго. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что дѣятельность учителя такова, что требуетъ всего человѣка; учитель, отвлекаемый отъ педагогической дѣятельности посторонними соображеніями и заботами, уже почти потерянъ для того дѣла, которому долженъ служить.

Что же касается вознагражденія за исполненіе обязанностей библіотекаря, секретаря совѣта (такихъ оплачиваемыхъ особо обязанностей, кромѣ классныхъ наставничествъ, всего 2 на весь учительскій персоналъ гимназіи), за исправленіе письменныхъ работъ, то это вознагражденіе не соотвѣтствуетъ труду (равно оно приблизительно рублямъ десяти въ мѣсяцъ) и можетъ играть замѣтную роль развѣ только въ скромномъ учительскомъ бюджетѣ. Какъ на преимущества учительской должности обыкновенно указываютъ на возможность возстановлять свои силы лѣтнимъ отдыхомъ и предоставленіе учителю, прослужившему 25 лѣтъ, полной пенсіи съ правомъ оставаться на учебной службѣ. Но вѣдь пенсія не велика, и не всѣ преподаватели оставляются на службѣ послѣ 25 лѣтъ, не говоря уже о томъ, что не всѣ доживаютъ до конца этого срока.

Digitized by Google

Всѣ эти условія и заставляютъ вмѣстѣ съ авторомъ приводимой статьи пожелать, чтобы были приняты мѣры къ улучшенію матеріальнаго положенія учителей нашихъ гимназій. Никто не будетъ отрицать того, что дѣло обученія и воспитанія можетъ идти успѣшно, если лица, коимъ ввѣрено оно, находятся въ условіяхъ, обезпечивающихъ имъ независимое, безбѣдное существованіе, и въ самомъ дѣлѣ какой можетъ быть *педагогъ* учитель, вынужденный изо всѣхъ силъ работать, чтобы снискать себѣ пропитаніе. Можно ли ожидать отъ него увлеченія своимъ дѣломъ, отдачи ему всѣхъ своихъ умственныхъ и душевныхъ силъ? Это вопросъ весьма серьезный и стоющій вниманія и обсужденія уже хотя бы и потому, что съ нимъ связаны весьма тѣсно интересы нашей школы и учащейся въ ней молодежи. Мы думаемъ къ нему еще вернуться, а пока будемъ надѣяться, что быть можетъ, и въ этотъ вопросъ будутъ введены тѣ улучшенія и нововведенія, которыя настоятельно выдвигаются жизнью.

Общеобразовательные курсы.

Однимъ изъ благодѣтельныхъ достояній нашего времени надо признать распространеніе, теперь уже почти повсемѣстное, идеи о томъ, что наука не можетъ и не должна быть привилегіей избранныхъ. Демократизація знанія, возможное приближеніе его къ народу есть несомнѣнное стремленіе лучшей части интеллигенціи во всѣхъ странахъ. Читатели наши уже не разъ имѣли случай ознакомиться съ различными проявленіями того движенія, которое заграницей извѣстно подъ именемъ university extension, т. е. движенія въ пользу распространенія университетскаго образованія въ народѣ. Мы не будемъ останавливаться на выясненіи этой замѣчательной организаціи, предполагая ее извѣстной, незнакомыхъ же съ ней отсылаемъ хотя бы къ недавно вышедшей въ русскомъ переводѣ книжкѣ Русселя «Народные университеты въ Англіи и Америкѣ». Въ Россіи это движеніе тоже получило свое выраженіе, хотя пока въ весьма слабой степени. Начало ему было положено въ Москвѣ, гдѣ по иниціативѣ проф. Милюкова мѣстными профессорами стали организовываться публичныя чтенія въ ближайшихъ провинціальныхъ городахъ. Къ сожалѣнію, это дѣло въ силу разныхъ условій не получило широкаго развитія и уступило мѣсто другой тоже весьма полезной организаціи—коммиссіи домашняго чтенія, съ которой читатели подробно могли ознакомиться изъ ст. В. Сторожева, помѣщенной въ прошломъ нумерѣ. Кромѣ Москвы распространеніе знаній въ народной средѣ путемъ публичныхъ лекцій получило нѣкоторымъ образомъ свое осуществленіе въ Одессѣ и Харьковѣ. Вотъ что мы узнаемъ объ этихъ лекціяхъ въ Одессѣ изъ «Рус. Вѣд.».

Въ концѣ января въ университетѣ началось чтеніе публичныхъ лекцій, устраиваемыхъ Новороссійскимъ Обществомъ естествоиспытателей. Эти лекціи, стяжавшія себѣ заслуженную популярность, должны были, по примѣру прежнихъ лѣтъ, начаться съ осенняго полугодія, но недостатокъ средствъ и малое число подписавшихся заставили лекціонный комитетъ

Digitized by Google

прекратить подписку и обратиться къ городскому общественному управленію съ просьбой о субсидіи. Это ходатайство въ концѣ прошлаго года было удовлетворено Думой, которая ассигновала 3,000 руб. на дѣло организаціи публичныхъ лекцій, сознавая серьезное значеніе популяризаціи знаній. Въ настоящее время лекціонный комитетъ дѣятельно ведетъ подписку на лекціи, стараясь дѣлать возможно большія льготы малосостоятельнымъ, особенно учащимъ и учащимся города Одессы, которые или вовсе освобождаются отъ уплаты или вносятъ половину требуемой суммы (плата, впрочемъ, назначена невысокая, по три рубля за каждый курсъ полугодіе). Съ этой же цѣлью роздано безплатно около 200 билетовъ, которые поступили въ пользованіе учителей и учительницъ народныхъ школъ, воскресныхъ и субботнихъ училищъ, учениковъ зубоврачебной школы, акушерокъ, фельдшерицъ и пр. Общее число записавшихся на лекціи доходитъ до внушительной цифры—616 человѣкъ, изъ которыхъ двѣ трети женщинъ; при этомъ 302 человѣка будутъ слушать лекціи безплатно. Главный контингентъ слушателей и слушательницъ состоитъ изъ лицъ, окончившихъ среднеучебныя заведенія (около $^3/_4$). Наибольшимъ интересомъ и вниманіемъ публики пользуются бактеріологія и анатомія человѣка; на эти предметы записались по 350 человѣкъ, такъ что пріемъ подписки уже пришось прекратить за полнымъ отсутствіемъ свободныхъ мѣстъ. На это полугодіе объявлены слѣдующіе пять отдѣловъ физико-математическихъ наукъ: математика, неорганическая химія, бактеріологія, анатомія человѣка и ботаника. Лекціи по этимъ предметамъ читаются въ актовой залѣ университета по вечерамъ (7—9 часовъ вечера) здѣшними профессорами и приватъ-доцентами, опытными и умѣлыми лекторами, которые тѣ же самые курсы читаютъ и студентамъ университета въ нѣсколько большемъ объемѣ. Необходимые для демонстраціи и опытовъ приборы, инструменты и реактивы находятся въ распоряженіи лекторовъ. Волшебный фонарь и тѣневыя картины служатъ отличнымъ подспорьемъ для лучшаго уясненія лекцій. Вообще, постановка дѣла не оставляетъ желать ничего большаго, а громадное значеніе подобныхъ лекцій для лицъ, не имѣющихъ доступа къ высшему образованію, заставляетъ надѣяться, что и другіе университетскіе города обратятъ вниманіе на благой починъ Одессы въ дѣлѣ устройства «народныхъ университетовъ».

И какъ это ни странно, Петербургъ, обладающій такой массой научныхъ силъ, оставался до послѣдняго времени почти совсѣмъ въ сторонѣ отъ этого просвѣтительнаго движенія. Этотъ дефектъ теперь нѣсколько восполненъ «курсами общеобразовательныхъ предметовъ», открытыми Спб. Педагогическимъ Обществомъ взаимопомощи. Курсы эти организованы слѣдующимъ образомъ *). Каждый курсъ по тому или другому предмету разбитъ на нѣсколько самостоятельныхъ отдѣловъ и каждый отдѣлъ пору-

*) Приводимыя свѣдѣнія заимствуемъ изъ брошюры К. И. Арабажина, одного изъ самыхъ энергичныхъ иниціаторовъ этого дѣла.

Digitized by Google

ченъ особому преподавателю. Каждый отдѣлъ представляетъ до извѣстной степени законченное цѣлое, напр. исторія Востока, Римъ, Греція или напр. въ русской литературѣ: Пушкинъ, Гоголь, или въ физикѣ: теплота, свѣтъ, электричество. Курсы открыты только для взрослыхъ, безъ различія пола. По объему и своему общеобразовательному характеру программы читаемыхъ курсовъ не превышаютъ программъ средне-учебныхъ заведеній.

Комиссіями спеціалистовъ, вырабатывавшими программы, предполагалось сдѣлать ихъ, при строгомъ соблюденіи научности, доступными для всѣхъ. Кромѣ такихъ лекцій, разсчитанныхъ на аудиторіи съ смѣшаннымъ составомъ слушателей, организованы по извѣстнымъ предметамъ также классы для отдѣльныхъ группъ, такъ напр. по всѣмъ отдѣламъ математики, зоологіи, ботаники и физики. Наплывъ желающихъ былъ такъ великъ, что пришлось сразу же организовать параллельные классы, при чемъ напр. по тригонометріи въ одномъ классѣ проходится подробный ея курсъ, а въ другомъ сокращенный, примѣнительно къ уровню знаній слушателей. Въ настоящее время лекціи читаются по слѣд. предметамъ: русская литература, русская и всеобщая исторія, математика и физика, общая географія, географія Россіи, различные отдѣлы естествознанія и гигіены. Въ будущемъ году предполагается открыть лекціонные курсы по химіи, по западно-европейской литературѣ, по педагогической психологіи, по законовѣдѣнію, по политической экономіи и классы по новымъ языкамъ.

Успѣхъ курсовъ съ самаго начала надо признать весьма значительнымъ. Къ 8 Января записалось на курсы 400 человѣкъ, къ 10 Янв.— число записавшихся дошло до 800, къ 18 Янв. оно превысило 1000, а въ настоящее время, какъ мы слышали, число ихъ доходитъ до 2000. Хотя это число и больше дѣйствительнаго числа лицъ, такъ какъ счетъ производится слушателямъ каждаго предмета отдѣльно, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что курсы, устроенные Спб. Педагогическимъ Обществомъ взаимнаго вспоможенія, пришли на встрѣчу весьма большой потребности. Эти курсы, если только дальнѣйшая организація ихъ будетъ совершенствоваться и сумѣетъ закрѣпить за собой симпатіи слушателей, составятъ громадное дѣло. А пока остается имъ пожелать всяческаго успѣха и порадоваться, что возникло большое просвѣтительное дѣло, сплотившее вокругъ себя около 200 лицъ, отдающихъ ему свое время и трудъ, а что это дѣлается не напрасно, о томъ свидѣтельствуетъ наплывъ слушателей, которыхъ не могутъ уже вмѣстить аудиторіи, открытыя нынѣ уже въ 4 пунктахъ города.—Повторяемъ, этому дѣлу можно желать только успѣха и дальнѣйшаго развитія.

Digitized by Google

изданія редакціи журнала

„ОБРАЗОВАНІЕ“:

1) **Счастье.** Популярные очерки по нравственной философіи проф. К. Гильти. перев. съ нѣмецкаго А. Острогорскаго: **4-е изданіе.** Ц. 50 к.
2) **Что такое нравственность?** Проф. Т. Циглера. Перев. съ нѣмец. А. Острогорскаго. **2-е изданіе.** Ц. 50 к.
3) **Воображеніе и память.** Ф. Кейра. Перев. съ французскаго Е. Максимовой. **2-е изданіе.** Ц. 40 к.
4) **Очерки начальнаго образованія въ скандинавскихъ странахъ.** Е. Страннолюбской. Ц. 30 к.
5) **Аффективная память,** Т. Рибо. Перев. съ франц. Е. Максимовой. Ц. 25 к.
6) **Этика и политическая экономія.** Проф. Ф. Іодля. **2-е изд.** Пер. съ нѣмецкаго. А. Острогорскаго. Ц. 20 к.
7) **Внушеніе и воспитаніе.** Ф. Тома. Перев. съ франц Е. Максимовой. Ц. 40 к.
8) **Объ утомленіи глаза.** Д-ра медицины Р. Каца. **2-ое изд.** Съ 2 рис. Ц. 20 к.
9) **Исторія первобытнаго человѣчества.** М. Гернеса. Пер. съ нѣм., съ пред. и примѣч. Н. Березина, съ 45 рис. **2-е изданіе** Ц. 50 к.
10) **Исторія человѣческой культуры.** І. Гонеггера. Пер. съ нѣм. М. Чепинской. Ц. 60 к.
11) **Чарльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе.** Проф. Г. Геффдинга. Пер. съ нѣм. М. Эльциной. Ц. 20 к. (съ портрет.).
12) **Очерки по философіи математики.** Ш. Фрейсинэ. Пер. съ франц. В. Обреимова. Ц. 60 к.
13) **Этюды по философіи наукъ.** А. Лаланда. Пер. съ французскаго. **2-е изданіе.** Ц. 75 коп.
14) **Мозгъ и душа** проф. П. Флексига, пер. съ нѣмец. Н. Березина. съ табл. въ 7 красокъ. Ц. 40 к.
15) **Гуманность въ исторіи человѣчества.** В. Штальберга пер. съ нѣм. Н. Леонтьевой. Ц. 80 к.
16) **Исторія политическихъ ученій.** Проф. Ф. Полока, перев. съ англ. А. Гердъ. Ц. 50 к.
17) **Денежное обращеніе и его общественное значеніе.** М. Шиппеля. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. **Петра Струве.** Ц. 50 к.
18) **О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ.** Томаса Гекели, пер. съ англ. съ прилож. біограф. очерка, портр. Гекели и 13 рис. Ц. 60 к.
19) **Исторія французской литературы XIX вѣка.** Проф. Г. Лансона пер. съ франц. подъ ред. П. О. Морозова. Ц. 1 р.

Digitized by Google

20) **Статистика и наука объ обществѣ.** Н. Рейхесберга, пер. съ нѣм. А. Струве. Ц. 50 к.

21) **Критика новѣйшихъ системъ морали.** Альфреда Фулье, перев. съ франц. О. Конради и Е. Максимовой. Цѣна 2 р.

22) **Очеркъ исторіи искусствъ.** М. Брекера съ 46 рис. перев. съ нѣмец. Н. Лемана. Цѣна 1 р. 50 к.

23) **Библіотека философовъ** (подробности см. ниже).

Выписывающіе изъ редакціи (**Спб. Басковъ пер., д. 13**) за пересылку не платятъ.

Изъ книжнаго склада журнала «ОБРАЗОВАНІЕ» можно выписывать слѣдующія **Новыя книги:**

Изданія Е. В. ЛАВРОВОЙ и Н. А. ПОПОВА:

БИБЛІОТЕКА НАШИХЪ ДѢТЕЙ:

Волшебныя сказки Перро. съ 23 иллюстр. перев. съ франц. Е. Лавровой.—Ц. 25 коп.

Пушокъ и Пушинка, или самъ себя выручай. Ж. Массона, пер. съ франц. Е. Лавровой съ 5 рис. Ц. 15 к.

Приключеніе маленькаго Вигга въ ночь подъ Рождество, В. Рюдберга, пер. со шведскаго Е. Лавровой. Ц. 10 к.

Козочка господина Сегена, А. Додэ пер. съ франц. Е. Лавровой. Ц. 5 к.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФІИ

Виндельбанда съ приложеніемъ исторіи философіи среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія

Переводъ слушательницъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго

2-е изд. исправленное по послѣднему нѣмецкому.

Цѣна 2 руб.

Редакторъ-издатель **Александръ Острогорскій.**

Digitized by Google

ОБРАЗОВАНІЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ
И
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

№ 4.

АПРѢЛЬ.

1898.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая ул., д. 15.
1898.

Digitized by Google

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 1 Апрѣля 1898 г.

Digitized by Google

Идеалы женскаго образованія.

(*Окончаніе* *).

IV.

Идеалъ истинно гуманнаго и реальнаго женскаго образованія.

Самое существенное дѣло при построеніи идеала истинно гуманнаго женскаго образованія заключается въ гармоническомъ удовлетвореніи всѣхъ духовныхъ потребностей женщинъ, въ соотвѣтствіи идеала какъ общечеловѣческимъ женскимъ свойствамъ, такъ и специфически женскимъ. Женщина и сходна съ мужчиной и отлична отъ него, она, будучи человѣкомъ, есть женщина. Стараясь построить идеалъ женскаго образованія примѣнительно къ свойствамъ женской природы, можно сосредоточиться на специфическихъ женскихъ свойствахъ, придать мало значенія общечеловѣческимъ. Получится строго реальная система спеціально женскаго образованія, но весьма односторонняя и узенькая, не охватывающая всей природы женщины, не удовлетворяющая всѣмъ ея потребностямъ. Она въ значительной степени будетъ напоминать прежнія системы женскаго образованія, имѣвшія въ основѣ эстетическій и утилитарный идеалы. Тѣ системы строились въ виду *положенія* женщинъ въ обществѣ, а эта будетъ основываться на нѣкоторыхъ специфическихъ свойствахъ женской *природы*. Такъ какъ подобныя системы имѣютъ съ внѣшней стороны научный видъ, а между тѣмъ въ корнѣ ошибочны, то мы разсмотримъ нѣсколько ближе одну изъ нихъ, принадлежащую французскому ученому (Тюльѣ) **).

A.

Цѣль воспитанія есть приготовленіе къ жизни. Воспитаніе должно дать и мужчинѣ, и женщинѣ всѣ тѣ знанія, которыя имъ необходимы въ ихъ жизни и дѣятельности, какъ органической, индивидуальной, такъ и соціальной. Мужчины и женщины должны знать все, что нужно въ борьбѣ за существованіе для своей защиты, для того, чтобы быть счастливыми. Съ этой точки зрѣнія

*) См. «Образованіе» № 8.

**) La Femme Essai de Sociologie physiologique par d-r. Thulié. Paris, 1885. стр. 482—507.

Digitized by Google

воспитаніе женщины должно имѣть своимъ предметомъ семью и въ особенности дитя, идея материнства должна составлять центръ. Организмъ женщины требуетъ отъ нея, чтобы она была матерью, и невыполненіе этого требованія или неприготовленность къ нему отзовутся глубокими неблагопріятными послѣдствіями на всей жизни женщины. Напротивъ, она будетъ носить въ самой себѣ источникъ счастья, если она въ свою материнскую функцію внесетъ элементы знанія и науки, если она серьезно и съ пониманіемъ дѣла будетъ заботиться и о себѣ и о своемъ дитяти, его правильномъ физическомъ и душевномъ развитіи.

Между тѣмъ этотъ-то кругъ знаній и отсутствуетъ въ женскомъ образованіи, идея материнства чужда уму дѣвушекъ. Когда онѣ были дѣтьми и играли въ куклы, тогда онѣ изображали изъ себя маменекъ, а куклы были дѣтьми, тогда онѣ няньчились съ куклами, какъ матери съ дѣтьми. Но какъ только дѣвочекъ начинаютъ учить, какъ только онѣ начинаютъ посѣщать школу, то сейчасъ же принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы изгнать изъ ихъ ума всякую мысль о материнствѣ, изъ учебнаго курса устранить все, что могло бы быть имъ полезно, какъ будущимъ матерямъ, какъ будто идея материнства есть какая-то противоестественная и позорная для дѣвушки.

Господствующая специфическая функція женщины—воспроизводительная—и должна стать центромъ, вокругъ котораго должны группироваться всѣ ея занятія, все ея обученіе. Давая удовлетвореніе инстинкту дѣвочки, обнаруживающемуся съ самаго ранняго возраста, дѣлая изъ игры въ куклы начало серьезнаго обученія, постепенно расширяющагося, можно создать наиболѣе твердую и наиболѣе глубокую систему женскаго образованія, лучше всего отвѣчающаго естественнымъ стремленіямъ женщины. Въ той мѣрѣ, какъ дѣвочка будетъ преуспѣвать въ возрастѣ и въ разумѣ, ее нужно учить, что предъ своимъ будущимъ потомствомъ она обязана заботиться о самой себѣ; что ея обязанность сдѣлать себя сильной и крѣпкой, чтобы приготовиться имѣть хорошихъ, здоровыхъ дѣтей; что она должна запастись свѣдѣніями о томъ, какъ оберегать жизнь и здоровье дѣтей; что, однимъ словомъ, она обязана пріобрѣсти сама всѣ физическія и нравственныя качества, которыя она мечтаетъ привить впослѣдствіи своимъ дѣтямъ; что ея награда и наиболѣе высокая радость будутъ заключаться въ исполненіи ея материнскихъ обязанностей. При такой постановкѣ образованія, дѣвочка будетъ заниматься гораздо лучше, чѣмъ при другихъ, такъ какъ она будетъ видѣть, что ея инстинктивное стремленіе—материнство—есть главный центръ ея обученія и конечная причина всѣхъ ея усилій.

Въ курсахъ женскихъ учебныхъ заведеній обыкновенно полагается физіологія, но изъ этого курса выпускаютъ отдѣлъ, самый важный для женщины, именно о функціяхъ воспроизведенія, о половой жизни. Считается совершенно неудобнымъ и неприличнымъ удержать такой отдѣлъ въ курсѣ, иначе пришлось бы за-

Digitized by Google

дѣть женскую стыдливость, наводить дѣвушекъ на такія мысли, возбуждать въ нихъ такія желанія, которыя сами собой, можетъ быть, и не возникли бы у нихъ и которыя имѣютъ совершенно чувственный характеръ. Такой отдѣлъ явно вреденъ. Но правда ли это?

Ничего неприличнаго въ наукѣ нѣтъ. Отдѣлъ о воспроизводительныхъ функціяхъ такъ же мало можетъ представлять опасность для добрыхъ нравовъ дѣвушекъ, какъ и другіе отдѣлы физіологіи и другія науки. Напротивъ, та таинственность, которою окружаютъ процессъ воспроизведенія, то обстоятельство, что о немъ говорятъ шопотомъ, полусловами, краснѣя, стараясь скрыть дѣло, возбуждаетъ нездоровое любопытство и фантазію дѣвушекъ, создаетъ призраки, вызываетъ въ юношествѣ странную мечтательность. Серьезное изученіе естественныхъ явленій никому повредить не можетъ. Физіологическій анализъ материнства, описаніе сопровождающихъ роды болей, картина вытекающей крови, глубокихъ разрывовъ могутъ вызвать въ молодой дѣвушкѣ только чувство ужаса. Когда будетъ удалена вся таинственность, окутывающая обыкновенно процессъ воспроизведенія, когда дѣвушка обстоятельно ознакомится съ половыми функціями, тогда она будетъ видѣть въ половомъ соединеніи обязанность, которую нужно исполнить, а не удовольствіе, которымъ нужно насладиться. Наука съ своею грубостью и своимъ реализмомъ окажется болѣе цѣломудренною, чѣмъ какою можетъ быть сама мать дѣвушки, трактующая съ нею о подобныхъ матеріяхъ. Исторія развитія яйца можетъ вдохнуть лишь удивленіе къ явленіямъ природы и столько же неспособна смутить духъ возбужденіемъ чувственныхъ желаній, сколько и исторія развитія міровъ.

Въ курсѣ женскаго образованія полезно ввести еще сообщеніе свѣдѣній о роли женщины въ семействѣ. Тутъ нужно сообщить все, касающееся не только гигіены перваго дѣтства, но еще объ опасности нѣкоторыхъ брачныхъ союзовъ и нѣкоторыхъ состояній при зачатіи, о предосторожностяхъ во время беременности, объ условіяхъ хорошаго кормленія ребенка, нѣкоторыя свѣдѣнія по медицинѣ, дающія возможность подать, въ случаяхъ заболѣванія, первую помощь до прибытія врача. Женщина должна проникнуться мыслью, что отъ состоянія ея тѣла и ея духа зависятъ здоровье и интеллигентность потомства, что если она желаетъ быть счастливой и имѣть хорошихъ дѣтей, она должна заботливо выбрать сильнаго физически и нравственно супруга. Этотъ курсъ о роли женщины въ семьѣ долженъ завершиться курсомъ педагогіи, чтобы женщина вполнѣ сознательно и разумно отнеслась къ одной изъ своихъ главнѣйшихъ обязанностей — воспитанію дѣтей.

Но женщина не только мать, она въ то же время и жена, желаетъ быть любимой, наслаждаться молодостью. А такъ какъ красота есть одинъ изъ возбудителей любви, то женщина должна культивировать красоту. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы ввести

Digitized by Google

курсъ кокетства, создать спеціальныя упражненія въ этомъ направленіи; но нужно внушить женщинамъ мысль о полной законности заботъ не только о своемъ здоровьи, но и о красотѣ, къ чему и побуждаетъ женщинъ врожденный инстинктъ.

«Такимъ образомъ направить все воспитаніе женщины въ смыслѣ ея органическихъ потребностей—вотъ что должно служить основой программъ женскаго образованія. Подобно тому, какъ мужчину нужно развить для борьбы за существованіе, такъ женщину нужно образовать для управленія хозяйствомъ, материнства и воспитанія дѣтей. Не нужно дѣлать изъ женщинъ докторесъ, инженеровъ, астрономовъ, но слѣдуетъ образовать изъ нихъ супругъ, вооруженныхъ знаніемъ, просвѣщенныхъ и любящихъ матерей,—вотъ цѣль, къ которой нужно стремиться и которой слѣдуетъ достигнуть. При этихъ условіяхъ образованіе будетъ легкимъ дѣломъ для женщины, потому что ея обученіе войдетъ въ порядокъ ея естественнаго развитія и ея органическихъ инстинктовъ».

«Ремесло матери»—вотъ главнѣйшее занятіе женщинъ, къ этой цѣли должно направляться все ихъ образованіе. Подари отечеству побольше и получше воспитанныхъ гражданъ и гражданокъ и затѣмъ умри съ миромъ, отложивъ попеченіе о всякихъ другихъ тріумфахъ—такова сущность взгляда, лежащаго въ основѣ изложенной системы женскаго образованія.

Эта система, несомнѣнно, глубоко реальнаго характера, въ основу ея положена мысль о пагубности для женщины и ея потомства научнаго незнакомства съ одной изъ важнѣйшихъ функцій женскаго организма. Таинственные разговоры о любви и рожденіи, шушуканье, усмѣшечки по поводу извѣстныхъ вопросовъ дѣйствительно раздражаютъ любопытство молодежи, заставляютъ ее всякими правдами и неправдами добиваться проникновенія въ тайну и полуправильное, полуфантастическое представленіе о ней глубоко затаивать въ себѣ. Такой порядокъ неудобенъ, нездоровъ, нежелателенъ и въ гигіеническихъ, и въ педагогическихъ видахъ.

Указывая совершенно справедливо всѣ неудобства замалчиванія и сокрытія того, что замолчать и скрыть невозможно, что всѣ узнаютъ, но только изъ источниковъ часто мутныхъ, могущихъ дать лишь фальшивыя представленія, изложенная система женскаго образованія, тѣмъ не менѣе, въ своей положительной части неудовлетворительна. Она не есть система вполнѣ естественнаго и всесторонняго воспитанія женщинъ, а воспитанія половаго, специфически женскаго; она построена не на всей совокупности свойствъ, представляемыхъ женщинами, а лишь на нѣкоторыхъ; общечеловѣческія свойства женщинъ въ изложеніой системѣ почти совсѣмъ не затрогиваются. А потому и вся система является узкой и односторонней.

Высшимъ мотивомъ, ultima ratio изложенной системы служитъ семья, ея интересы и потребности. Материнство—центръ, откуда

Digitized by Google

все исходитъ и куда все должно возвращаться. Что лежитъ за предѣлами семьи, какой міръ, какъ онъ живетъ—неизвѣстно, какъ будто на рубежѣ семьи обрывается вселенная, а дальше уже пустота, ничто. Но такія понятія, при разсужденіи о женскомъ образованіи, неудобны. За семьей стоитъ общество, за обществомъ—народъ, за народомъ—человѣчество. Развѣ справедливо и полезно въ какихъ либо видахъ весь кругозоръ женщины ограничить семьей? Семья, несомнѣнно, есть высшее начало по отношенію къ отдѣльной личности, но она сама является только элементомъ по отношенію къ болѣе сложнымъ и высокимъ образованіямъ, каковы общество, народъ, человѣчество. Задачи, цѣли и смыслъ семьи не могутъ быть уяснены и опредѣлены внѣ связи семьи съ обществомъ и народомъ. Семья не гнѣздо, его задачи и цѣли не исчерпываются имъ самимъ. Женщина есть не только жена и мать, но и человѣкъ, которому не должно быть чуждо ничто человѣческое. Рожденіемъ и воспитаніемъ дѣтей женщина не можетъ выполнить своего человѣческаго назначенія. Семья, заключая въ себѣ небольшое количество членовъ, имѣетъ интересы узенькіе и маленькіе, она легко замыкается въ себѣ самой и вслѣдствіе этого легко входитъ въ столкновенія съ другими семьями, преслѣдующими такіе же маленькіе интересы. Противорѣчіе семейныхъ интересовъ общественнымъ и гражданскимъ—заурядный, часто повторяющійся, фактъ. Было бы хорошо мнѣ, да моимъ дѣтямъ, думаетъ чадолюбивая мать, а до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла. Горе всего міра не выплачешь, не облегчишь. Это крайне узкая и эгоистическая мораль, мораль птичьяго гнѣзда, а не человѣческой семьи. Безъ общественныхъ и общечеловѣческихъ элементовъ семья лишается внутренняго достоинства и раціональности.

Нужно принять въ соображеніе и то обстоятельство, что не вся жизнь женщины наполнена рожденіемъ и воспитаніемъ дѣтей. Жизнь женщины гораздо продолжительнѣе ея половыхъ функцій и воспитательной дѣятельности. Когда женщина перевоспитаетъ всѣхъ своихъ дѣтей, что же ей дѣлать? Ложиться въ гробъ и помирать? По изложенной системѣ женскаго образованія, ей больше нечего дѣлать, она свершила все должное въ семъ мірѣ, ея право на самое существованіе прекратилось. Да и какъ будетъ чувствовать себя женщина, воспитанная исключительно въ идеѣ материнства, когда ей уже не къ чему приложить свои материнскія способности и расположенія? А вѣдь не всѣ дѣвушки и выходятъ замужъ, многимъ приходится жить безъ собственной семьи. Что же дѣлать этимъ дѣвушкамъ, когда имъ со всѣхъ сторонъ только и твердили о материнствѣ, о «ремеслѣ матери», какъ единственной естественной профессіи женщины?

По изложеннымъ соображеніямъ, такая постановка женскаго образованія, которая будетъ имѣть въ виду лишь материнство и около него все группировать, должна быть признана слишкомъ узкой и недостаточной. Женское образованіе должно быть поставлено шире.

Digitized by Google

Современный курсъ женскаго образованія, при всѣхъ его недостаткахъ, имѣетъ то существенное достоинство, что стремится развить въ женщинѣ ея общечеловѣческія свойства, пробудить въ ней сознаніе общественности, гуманности и широкіе культурные интересы. Онъ не можетъ быть уничтоженъ и замѣненъ образованіемъ специфически женскимъ, культурой материнства, онъ можетъ и долженъ быть дополненъ послѣднимъ. Не все, входящее въ нынѣшній курсъ женскаго образованія, должно быть удержано въ немъ и на будущее время; но основная его идея что образованіе должно развивать въ женщинѣ ея общечеловѣческія свойства, будить въ ней сознаніе общественности и широкой гуманности, обязательно должна быть принята въ идеалъ истинно гуманнаго женскаго образованія *).

Если первое основаніе истинной системы женскаго образованія должно получиться изъ стремленія къ серьезному удовлетворенію женскихъ свойствъ двухъ видовъ: общечеловѣческихъ и специфически женскихъ, то второе главное основаніе системы должно быть заимствовано изъ разсмотрѣнія историческаго, а отчасти и современнаго положенія женщины, въ обществѣ. До сихъ поръ женщина была существомъ зависимымъ, подчиненнымъ; теперь она совершенно справедливо и законно хочетъ быть существомъ самостоятельнымъ. Поэтому вторымъ основнымъ началомъ всей постановки женскаго образованія должна служить мысль, что женщина есть не добавленіе только къ мужчинѣ, но самостоятельное существо. Она должна выступить самостоятельною дѣятельницею въ культурѣ, внести въ нее свой собственный вкладъ, соотвѣтственный ея своеобразнымъ способностямъ. Союзъ съ мужчиной долженъ опредѣляться не принципомъ подчиненія, а началомъ взаимной помощи и зависимости, началомъ совмѣстной дѣятельности для достиженія общихъ цѣлей. Женщина должна быть въ состояніи вести самостоятельную независимую жизнь, должна имѣть опору въ самой себѣ. Конечно, большинство дѣвушекъ выйдетъ замужъ и сдѣлается матерями и хозяйками; но меньшинство не выйдетъ, а это меньшинство, взятое абсолютно, нужно считать милліонами; многія изъ вышедшихъ замужъ потеряютъ

*) «Русская дѣвушка, писалъ въ свое время Бѣлинскій, не женщина въ европейскомъ значеніи этого слова, не человѣкъ—она не что другое, какъ *невѣста*. Еще ребенкомъ она называетъ своими женихами всѣхъ мужчинъ, которыхъ видитъ въ своемъ домѣ; еще въ колыбели ей говоритъ весь окружающій ее людъ, что она невѣста, что у нея должны быть женихи. Удивительно ли послѣ этого, что она не умѣетъ, не можетъ смотрѣть на себя какъ на человѣка и видитъ въ себѣ только невѣсту? Удивительно ли, что съ раннихъ лѣтъ до поздней молодости, иногда даже и до глубокой старости, всѣ думы, всѣ мечты, всѣ стремленія, всѣ молитвы ея сосредоточены на одной idée fixe—на замужествѣ, что выйти замужъ—ея единственное желаніе, цѣль и смыслъ ея существованія, что внѣ этого она ничего не понимаетъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не желаетъ и на всякаго неженатаго мужчину смотритъ не какъ на человѣка, а какъ на жениха?».

Digitized by Google

мужей, останутся вдовами и должны будутъ жить самостоятельно; вслѣдствіе семейныхъ несогласій, мужъ и жена нерѣдко расходятся, и жена должна вести самостоятельный образъ жизни. Такимъ образомъ число женщинъ, отъ которыхъ жизнь потребуетъ совершенно самостоятельнаго существованія, весьма значительно, и угадать напередъ, какой жребій выпадетъ дѣвушкѣ въ жизни, невозможно.

Возьмемъ самый благопріятный случай—дѣвушка рано выходитъ замужъ, всю свою жизнь проживаетъ съ мужемъ и счастливые супруги умираютъ, почти въ одинъ день. Если женщина превратится только въ жену и мать, она никогда не можетъ быть увѣренно счастливой, никогда не можетъ перестать трепетать за себя, за свою участь. Мужъ и дѣти подвержены болѣзнямъ. А что если они умрутъ ранѣе времени? Женщина, превратившаяся въ жену и мать, теряетъ тогда всякую цѣль существованія, она становится лишней на землѣ и жизнь представится ей тогда какимъ то безполезнымъ бременемъ. Все, что было дорого и мило, все погибнетъ, и значитъ жить больше незачѣмъ. Только сохраняя постоянно свое человѣческое достоинство, оставаясь непрерывно дѣятельницею культуры, вступая въ союзъ съ мужчиной для совмѣстной работы на началахъ взаимной помощи и зависимости, а не исключительно для рожденія дѣтей и веденія хозяйства, только тогда женщина не будетъ трепетать за себя и свою будущность, въ случаяхъ болѣзни мужа и дѣтей, и неожиданной ихъ ранней смерти. Словомъ каждая женщина, каждая дѣвушка только тогда можетъ разсчитывать пройти жизненный путь спокойно и твердо, съ сохраненіемъ своего достоинства, когда она подготовится къ самостоятельной жизни, когда она постоянно будетъ имѣть и чувствовать опору въ самой себѣ, безотносительно къ тому, какую участь пошлетъ ей судьба, какъ сложатся ея жизненныя обстоятельства. Къ такой самостоятельности и должно готовить женщинъ получаемое ими образованіе.

Ставя такую задачу женскому образованію, мы должны требовать отъ него полной серьезности, основательности и въ то же время примѣнимости къ жизни. А указанными свойствами женское образованіе будетъ владѣть лишь подъ тѣмъ главнымъ условіемъ, если оно совершенно опредѣленно и ясно раздѣлится на двѣ составныя части: образованіе общее и образованіе профессіональное. Каждая женщина, каждая дѣвушка, если онѣ хотятъ жить самостоятельно и быть дѣятельницами въ развитіи культуры, должны непремѣнно получить общее и профессіональное образованіе. Общее образованіе необходимо для пониманія культуры и пріобщенія себя къ ней, для сознанія своихъ человѣческихъ правъ и обязанностей, для всесторонняго развитія своихъ способностей; профессіональное образованіе необходимо для того, чтобы имѣть свой кусокъ хлѣба, чтобы пользоваться хотя нѣкоторою матеріальною обезпеченностью и экономическою самостоятельностью. Одно общее образованіе, безъ профессіональнаго, даетъ уму хо-

Digitized by Google

рошія мысли, пробуждаетъ въ сердцѣ благородныя чувствованія, но не даетъ средствъ для выполненія благородныхъ замысловъ, оставляетъ человѣка въ экономической зависимости отъ другихъ, располагаетъ къ пустой мечтательности и отрѣшенію отъ дѣйствительной жизни; одно профессіональное образованіе, безъ общаго, дѣлаетъ человѣка узкимъ спеціалистомъ, рабочимъ, которому чужды высшіе культурные интересы и задачи, который дальше своей профессіи, внѣ ея, ничего не видитъ и не признаетъ, для котораго его мастерство—весь міръ. Необходимо получить общее и спеціальное образованіе, чтобы чувствовать себя дѣятельнымъ членомъ культурнаго общества и не впадать въ непріятную матеріальную зависимость отъ другихъ.

Современное женское образованіе въ значительной степени теоретично. Оно знакомитъ дѣвушекъ съ нѣсколькими науками и языками, съ литературами разныхъ народовъ, и этимъ почти ограничиваетъ все дѣло. Женскія общеобразовательныя школы стоятъ внѣ всякой связи съ профессіональными заведеніями. Дѣвушка, прошедшая гимназическій курсъ, возвращается въ семью и нерѣдко становится тягостью для нея. Дѣвушку нужно содержать, а семья часто не богата. Откуда взять средства? А сама дѣвушка ни къ какой практической работѣ не приспособлена, никакой профессіи, никакого мастерства не знаетъ. Даже шьетъ плохо и не любитъ шить. А если дѣвушка совсѣмъ не выйдетъ замужъ, что съ ней дѣлать? Школа не научила ее никакому мастерству, въ школѣ все говорили про высокіе предметы, про идеалы и идеи, про законы и формулы, про истину и красоту, а въ жизни требуется нѣчто другое, особенно женщинѣ, желающей быть самостоятельной. Первая самостоятельность женщины есть экономическая самостоятельность и ее то нужно прежде всего завоевать женщинѣ. Достигнуть женщинамъ экономической матеріальной независимости можно лишь путемъ профессіональнаго образованія.

Итакъ мы получаемъ слѣдующія основы истинно гуманнаго и реальнаго женскаго образованія: одно должно быть: 1) по своей сущности общечеловѣческимъ; 2) въ то же время примѣнимымъ къ специфическимъ женскимъ свойствамъ и затѣмъ 3) непремѣнно профессіональнымъ.

Имѣя въ виду эти основы, мы и постараемся очертить нѣсколько ближе и подробнѣе систему истинно гуманнаго и въ то же время вполнѣ реальнаго женскаго образованія.

Б.

При опредѣленіи состава и объема общеобразовательнаго курса, какъ и всего женскаго образованія, должно постоянно имѣть въ виду охрану здоровья учащагося юношества, не только сбереженіе физическихъ силъ организма, данныхъ природой, но и ихъ увеличеніе. Слабыя, изнуренныя матери дадутъ слабое потомство, наклонное ко всякимъ нервнымъ и инымъ заболѣваніямъ и

Digitized by Google

слабостямъ. Переутомленіе вредно, конечно, и для мальчиковъ, но еще вреднѣе для дѣвочекъ; ихъ организмъ, особенно въ критическій періодъ, гораздо болѣе склоненъ ко всякаго рода заболѣваніямъ, чѣмъ мужской. Стокгольмскій профессоръ Аксель Кей въ своемъ серьезно-научномъ докладѣ на X международномъ медицинскомъ конгрессѣ 1890 г. «О развитіи зрѣлости и отношеніяхъ ея къ болѣзненнымъ явленіямъ у школьнаго юношества», указывая на высокую болѣзненность учащихся дѣвушекъ, объясняетъ ее организаціей женскихъ школъ по строгому образцу мужскихъ. Съ точки зрѣнія умственной и физической гигіены, нужно требовать, прежде всего, устраненія изъ общеобразовательнаго женскаго курса всѣхъ не необходимыхъ вещей, педагогическая польза которыхъ сомнительна. Всѣ наши учебные курсы грѣшатъ однимъ общимъ недостаткомъ — чрезмѣрностью ученья, сложностью и обширностью программъ, излишнимъ множествомъ учебныхъ предметовъ. Курсы школъ строятся, какъ бы, въ томъ предположеніи, что человѣкъ будетъ учиться только въ школѣ, что, по окончаніи школьнаго курса, онъ и не заглянетъ въ серьезную книжку, что поэтому школа должна снабдить его знаніями на всю жизнь.

Ничего не можетъ быть ошибочнѣе этой мысли. Невозможно человѣка въ недѣлю накормить на годъ; невозможно въ школьный періодъ запастись человѣку знаніями на всю жизнь. Задача школы должна состоять не въ томъ, чтобы дать учащемуся какъ можно больше знаній—ихъ никогда нельзя дать столько, сколько потребуется потомъ въ жизни; все равно, придется пополнять разнообразные пробѣлы и недочеты. Школа должна пробудить и укрѣпить интересъ къ умственной работѣ, пріучить къ умственному труду, разъяснить, какъ нужно за него браться въ различныхъ сферахъ, какъ вести его, и снабдить необходимыми пособіями для такой самостоятельной работы. Нужно заботиться и разсчитывать на то, чтобы человѣкъ въ теченіе всей своей жизни пріобрѣталъ знанія, увеличивалъ свои умственныя сокровища, не боялся умственнаго труда, а находилъ бы въ немъ удовольствіе. Если школа не достигнетъ этой, самой главной и существенной цѣли, то сколько бы знаній она ни сообщила, все будетъ недостаточно и вообще мало полезно. Послѣ школы начнется немедленно процессъ забвенія усвоеннаго, умственная недѣятельность, которые развѣютъ прахомъ всѣ школьныя знанія, возвратятъ человѣка въ первоначальное состояніе необразованія, какъ такое превращеніе часто и наблюдается надъ многими, учившимися въ школѣ весьма прилежно, но не вынесшими изъ школы ничего, кромѣ различныхъ знаній. Существуетъ у насъ весьма печальный фактъ—рецидивизмъ безграмотности; существуетъ и еще болѣе печальный фактъ—рецидивизмъ необразованія, превращеніе дипломированнаго высшимъ учебнымъ заведеніемъ человѣка, въ необразованнаго.

Такимъ образомъ какъ собственно гигіеническія, такъ и педагогическія соображенія требуютъ не расширенія, а сокращенія учебныхъ курсовъ. Нужно, чтобы учащіеся проходили ученье

Digitized by Google

бодро, не изнурялись, чтобы у нихъ въ результатѣ получалось не отвращеніе или полное равнодушіе къ умственнымъ занятіямъ, а возникала бы охота къ умственному труду; нужно, чтобы во весь школьный періодъ у учащихся господствовало не подавленное, гнетущее настроеніе, побуждающее смотрѣть на окончаніе школьнаго курса, какъ древніе евреи смотрѣли на окончаніе блужданій въ пустынѣ аравійской, въ поискахъ за обѣтованной землей, а веселое, радостное, бодрое; нужно, чтобы учащіеся постоянно чувствовали, какъ новыя силы, физическія и духовныя, вливаются въ нихъ, а не выходятъ изъ нихъ, какъ они во всѣхъ отношеніяхъ крѣпнутъ, а не слабѣютъ. Поэтому загромождать учебный курсъ всякой всячиной, напримѣръ, обязательнымъ изученіемъ двухъ новыхъ языковъ, дѣйствіе которыхъ на развитіе ума совершенно одинаково, не подобаетъ, слишкомъ сложный и обширный курсъ ложится тяжелымъ бременемъ какъ на физическій организмъ учащихся, такъ и на ихъ умъ. Особенно энергично должно быть сокращаемо все, что касается лишь механическаго усвоенія и запоминанія, что не представляетъ необходимости для серьезной умственной работы. Такая механическая работа въ обиліи встрѣчается во всѣхъ учебныхъ предметахъ, особенно же въ географіи, исторіи и описательныхъ естественныхъ наукахъ. Въ учебномъ курсѣ должно быть оставлено лишь то, безъ чего никакъ нельзя обойтись при надлежащемъ развитіи ума.

Другое основное гигіеническое требованіе женскаго образованія есть раздѣленіе образовательнаго курса на три отдѣла, сообразно съ переломомъ въ физическомъ развитіи женщинъ. Этотъ переломъ играетъ видную роль не только въ физической, но и въ духовной жизни дѣвушки. Въ физическомъ отношеніи дѣвушка переживаетъ кризисъ, за которымъ слѣдуетъ цѣлый рядъ новыхъ органическихъ явленій, свидѣтельствующихъ о нѣкоторой физической зрѣлости организма. Послѣ кризиса организмъ мало по малу устанавливается на долго и быстро развивается, такъ что получается вполнѣ законченный женскій физическій типъ. Критическій періодъ легко можетъ сопровождаться разнообразными заболѣваніями, такъ какъ переломомъ организмъ ставится въ особое напряженное состояніе.

Органическій переломъ влечетъ за собой параллельный и психическій переворотъ. Сознаніе дѣвушки во время перелома и послѣ наполняется новыми, неизвѣстными доселѣ, ощущеніями и чувствованіями, въ ея умѣ появляются новыя мысли, возникаютъ новые образы, сердце переживаетъ новыя желанія и трепещетъ отъ наплыва новыхъ потребностей и волненій. Весь міръ, всѣ люди и людскія отношенія представляются дѣвушкѣ послѣ перелома въ новомъ свѣтѣ, словомъ, предъ нею открывается не прежній, старый міръ, а новый.

Не обратить вниманія, замолчать такой крупный фактъ въ исторіи развитія женской личности невозможно, онъ дастъ себя

Digitized by Google

знать непремѣнно. Поэтому его прямо нужно имѣть въ виду, нужно съ нимъ считаться и сообразовать планировку образовательнаго курса. Женская личность и физически и психически формируется послѣ кризиса, тогда отливается въ свой окончательный видъ, пріобрѣтаетъ сполна всѣ женскія особенности, и физическія, и духовныя. Отсюда понятно, что занятія до кризиса, во время кризиса и послѣ кризиса должны различаться по степени серьезности, напряженности и систематичности, а вмѣстѣ и весь образовательный курсъ долженъ раздѣлиться на три большіе отдѣла. Первый отдѣлъ—до перелома—долженъ носить приготовительный характеръ, быть чуждымъ отвлеченности, не гнаться за особою систематичностью. Это преимущественно наглядный періодъ образованія и усвоенія различнаго учебнаго матеріала, такъ какъ память за время до 12 лѣтъ дѣйствуетъ прекрасно, легко схватывая и удерживая самыя разностороннія знанія. Изученіе иностранныхъ языковъ, описательныхъ естественныхъ наукъ, знакомство съ матеріаломъ по географіи и исторіи должно падать на этотъ періодъ. Во время самаго перелома каждой дѣвушкѣ слѣдуетъ весьма значительно ослабить и сократить умственныя занятія, чтобы легче и лучше пережить наступившій кризисъ. Вполнѣ бросать всѣ занятія въ это время неумѣстно, такъ какъ полная праздность даетъ одностороннее направленіе мысли и чувству дѣвушки, сосредоточивая ея вниманіе исключительно на новыхъ ощущеніяхъ и чувствованіяхъ. Продолжительность ослабленія занятій будетъ опредѣляться временемъ, необходимымъ для того, чтобы установился организмъ дѣвушки въ новыхъ условіяхъ жизни, чтобы дѣвушка свыклась съ новымъ положеніемъ и почувствовала въ себѣ достаточный запасъ силъ и энергіи. Послѣ кризиса, въ надлежащей постепенности, образовательный курсъ долженъ получить вполнѣ систематическій и серьезный характеръ. Этотъ періодъ долженъ быть преимущественно періодомъ развитія разсудка, творчества, настоящихъ научныхъ упражненій.

Временный перерывъ и ослабленіе занятій въ критическій періодъ не задержатъ хода женскаго образовательнаго курса, такъ какъ женщины, какъ извѣстно, развиваются гораздо скорѣе мужчинъ. То, что дѣвушка понимаетъ быстро и прекрасно, то юноша ея лѣтъ еще неспособенъ такъ хорошо усвоять. Поэтому уменьшеніе занятій на нѣкоторое время будетъ вскорѣ вознаграждено новой энергіей работы послѣ необходимаго отдыха. Вообще женскій образовательный курсъ можетъ нѣсколько быстрѣе двигаться впередъ, чѣмъ мужской, не создавая тѣмъ никакихъ особенныхъ затрудненій. Женщина психически подвижнѣе мужчины, ея умъ быстрѣе, скорѣе и лучше схватываетъ, чѣмъ умъ мужчинъ. При совершенно одинаковыхъ условіяхъ занятій, женщина такихъ же способностей, какъ и мужчина, всегда опередитъ послѣдняго. Конечно, вопросъ идетъ не о томъ, чтобы вести женскій образовательный курсъ съ чрезмѣрною быстротою,

Digitized by Google

не отвѣчающею женскимъ силамъ; все дѣло сводится къ тому, чтобы не терять напрасно времени, не идти медленно тамъ, гдѣ вполнѣ удобно и хорошо можно идти быстро. Выигрываемое болѣе быстрымъ прохожденіемъ общеобразовательнаго курса дѣвушками время потребуется имъ на многія другія занятія, для нихъ существенно необходимыя.

Такимъ образомъ, по степени серьезности и напряженности, женскій образовательный курсъ распадется на три отдѣла:

приготовительный курсъ (приблизительно 11-й 12-й и 13-й годы)
время ослаблен. занятій (» . . . . . 14-й годъ)
періодъ серьзнаго и систематическаго образ. (» 15-й 16-й и 17-й годы)

Обращаясь отъ опредѣленія періодовъ въ женскомъ образованіи къ указанію его общей постановки, его тона и предметовъ, мы должны сослаться на двѣ характерныя черты женской психики: на несравненно большее значеніе въ жизни женщины чувствованій, по сравненію съ мужчинами, и на разносторонность женскаго ума. Этими двумя чертами весьма существенно опредѣляются какъ составъ женскаго общеобразовательнаго курса, такъ и общій своеобразный тонъ организаціи женскихъ учебныхъ заведеній.

Лучшіе педагоги требуютъ воспитательности отъ всего образованія. Образованіе, говорятъ они, должно улучшать всего человѣка, а не только развивать его умъ. Умственное развитіе, безъ соотвѣтственнаго развитія другихъ сторонъ человѣческаго существа, имѣетъ мало цѣны и легко можетъ быть направлено на злое. Другіе педагоги идутъ еще далѣе и утверждаютъ, что всякое образованіе, каково бы они ни было, непремѣнно имѣетъ воспитательную силу. Душевныя явленія такъ тѣсно связаны одно съ другимъ, что развитіе ума неизбѣжно влечетъ за собою развитіе и сердца, и воли. Постановка же особаго вопроса о воспитательности обученія просто обозначаетъ стремленіе выдвинуть этотъ элементъ, выяснить, поставить его совершенно опредѣленно и рѣшительно и тѣмъ усилить его въ образованіи.

Эти общія разсужденія о воспитательности всякаго образованія справедливы, воспитательное вліяніе, въ большей или меньшей мѣрѣ, есть неизбѣжная принадлежность всякаго образованія, даже самаго плохого. Но въ женскомъ образованіи воспитательный элементъ особенно долженъ быть выдвинутъ на первый планъ, къ развитію его должны быть приложены особыя старанія, въ виду характерныхъ свойствъ женской души.

Всѣ сердечныя волненія имѣютъ несравненно большее значеніе въ жизни женщины, чѣмъ мужчины; умственные же процессы не такъ сильно выступаютъ у женщинъ, какъ у мужчинъ. Поэтому сухость и схоластичность образованія, его отвлеченная и формальная постановка, весьма нежелательныя и вредныя вообще, особенно нежелательны и вредны въ женскомъ образованіи. Когда мальчикъ отъ мягкаго домашняго строя жизни, изъ теплой

Digitized by Google

семейной атмосферы переходитъ въ оффиціальную казенную школу, устроенную на казарменный ладъ, то его бываетъ жаль; но когда тотъ же переходъ совершается съ нѣжной дѣвочкой, будущей матерью и воспитательницею маленькихъ дѣтей, будущею представительницею и защитницею сердечности въ людскихъ отношеніяхъ, тогда ее бываетъ еще больше жаль, тяжеле, грустнѣе смотрѣть на нее. Это буквально нѣжное растеньице, которое вырвали съ корнемъ изъ взростившей его земли и пересадили въ несвойственную ему почву. Невольно, глядя на такую дѣвочку, выскажешь пожеланіе: не завянь, бѣдное растеньице, не засохни, нѣжный цвѣточекъ, на новомъ мѣстѣ!

Крайная сухость школьнаго образованія обусловливается многими причинами. Одна изъ главныхъ—потеря учащимся въ школѣ своей личности, превращеніе ея въ простой нумеръ. Въ семьѣ дитя пользуется самымъ тщательнымъ вниманіемъ ко всѣмъ своимъ личнымъ особенностямъ, его сильныя и слабыя стороны прилежно изучаются, семья примѣняется къ нимъ, по мѣрѣ возможности. Въ семьѣ такъ разсчитываютъ порядокъ дня, помѣщеніе, питаніе, удовольствія и пр., чтобы дитя въ такомъ строѣ жизни нашло себѣ полное удовлетвореніе, чтобы оно на каждомъ шагу видѣло и чувствовало вниманіе къ себѣ, заботы и попеченіе. Въ семьѣ близко къ сердцу принимаютъ всѣ радости и огорченія дитяти, во всѣхъ дитя находитъ къ себѣ самое живое участіе, его душа открыта. Въ семьѣ дитя живетъ всѣми особенностями своей личности и потому развивается болѣе или менѣе всесторонне. Но какъ только за нимъ захлопывается входная дверь въ школу, такъ оно сейчасъ же изъ своеобразнаго существа со множествомъ личныхъ свойствъ, превращается просто въ учащагося въ такомъ-то классѣ, тонетъ въ школьномъ морѣ. Никто уже не обращается къ нему по душѣ, никто не интересуется его внутреннимъ душевнымъ міромъ, его личными радостями и печалями; спрашиваютъ только уроки, да требуютъ, чтобы дитя не шалило, не нарушало школьной дисциплины, а тамъ живи, какъ знаешь, никому до тебя, по правдѣ сказать, дѣла нѣтъ, некогда возиться съ каждымъ, слишкомъ много учащихся.

Поэтому при организаціи женскаго образованія нужно особенно позаботиться о томъ, чтобы устранить условія, вызывающія исчезновеніе личности учащагося въ школѣ. Къ нимъ принадлежатъ:

1. Слишкомъ большое скопленіе учащихся въ одной школѣ, что придаетъ школѣ видъ фабрики, лишаетъ школу уютности и семейнаго характера, а для учебно-воспитательнаго персонала дѣлаетъ невозможнымъ сколько нибудь внимательное отношеніе къ личностямъ учащихся, ихъ индивидуальнымъ свойствамъ и особенностямъ семейнаго положенія. Для воспитанія дѣвочекъ чрезвычайно важно, чтобы школа носила печать семьи, хотя бы и большой. Поэтому желательно, чтобы въ классахъ не было болѣе 20—25 учащихся, чтобы женскія школы не помѣщались въ

Digitized by Google

громадныхъ домахъ, заключающихъ сразу сотни пансіонерокъ, десятки классовъ и спаленъ, а въ отдѣльныхъ небольшихъ домахъ, имѣющихъ большой центральный домъ для общихъ собраній; чтобы классы и спальни походили на дѣйствительно жилыя комнаты, украшались бы картинами, занавѣсками и прочими предметами домашняго обихода, а не представляли собою помѣщенія, наводящія унынie съ перваго же взгляда. Вообще школа не должна походить на казарму, а женская—тѣмъ паче. Въ большихъ женскихъ школахъ начальствующія лица иногда титулуются разными нѣжными наименованіями, въ родѣ maman, но по неволѣ ограничиваютъ свои материнскія обязанности наблюденіемъ лишь за внѣшнимъ порядкомъ и чистотой.

2. Недостаточное уваженіе къ дѣтской личности, недостаточное вниманіе къ ея запросамъ и интересамъ, свойственное многимъ дѣятелямъ школы. Послѣдніе нерѣдко какъ-то свысока смотрятъ на дѣтскую личность, считаютъ ее очень маленькой и неважной, ея интересы вполнѣ ничтожными, а потому витаютъ въ сферѣ, очень далекой отъ насущныхъ потребностей дѣтства. Въ большинствѣ взрослыхъ, въ томъ числѣ и педагоговъ, глубоко вкоренена мысль о томъ, что настоящій человѣкъ есть только взрослый человѣкъ, что дѣтство и юность не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія и могутъ быть разсматриваемы лишь какъ возрасты, подготовительные къ зрѣлости. Такой взглядъ совершенно ошибоченъ. Жизнь человѣческая слагается изъ возрастовъ, имѣющихъ каждый относительную самостоятельность. Признаніе за извѣстными возрастами лишь подготовительнаго значенія приноситъ много лишняго, напраснаго горя дѣтямъ, лишая ихъ настоящихъ удовольствій и радостей и взамѣнъ суля великое благо въ неизвѣстномъ будущемъ, въ зрѣломъ возрастѣ, который для многихъ дѣтей никогда и не настанетъ, такъ какъ многія дѣти не доживутъ до зрѣлости, покончатъ свое существованіе въ одномъ изъ подготовительныхъ возрастовъ.

3. Слишкомъ ранняя спеціализація, раннее обособленіе учебныхъ предметовъ. Лишь только дитя вступило въ школу, начало ученье въ низшемъ классѣ, какъ сейчасъ же оно встрѣчается съ цѣлымъ полкомъ учителей-спеціалистовъ: Законъ Божій преподаетъ одно лицо, русскій языкъ—другое, иностранный языкъ—третье, ариѳметику—четвертое, пѣніе—пятое, гимнастику—шестое. Сколько полагается въ классѣ учебныхъ предметовъ, столько и отдѣльныхъ учителей или учительницъ. Каждый учитель знаетъ дѣвочку только со стороны своего предмета и не знаетъ ее, какъ цѣльную личность. Каждый поэтому вліяетъ и можетъ вліять только на одну сторону дѣтскаго ума, а не на весь умъ. Воспитаніе же всей личности существенно затрудняется такой постановкой образованія. Вмѣсто настоящаго серьезнаго образованія является формалистическая учёба, не достигающая до корней личности, не переработывающая и не направляющая человѣка. Школа учитъ различнымъ обособленнымъ, не связаннымъ между

Digitized by Google

собою, занятіямъ, а воздѣйствовать на развитіе личности въ цѣломъ оказывается мало способной.

Между тѣмъ, въ сознаніи женщины идея личности имѣетъ огромное значеніе, занимаетъ центральное положеніе, отвлеченныя же начала кажутся женщинѣ чѣмъ-то бездушнымъ и далекимъ. Поэтому казарменный строй школы, недостаточное вниманіе къ своеобразнымъ запросамъ личности и раннее обособленіе учебныхъ предметовъ, затрогивающихъ лишь отдѣльныя сторонки дѣтскаго ума, отражаются крайне неблагопріятно на складѣ женской личности, болѣе губительны въ женской школѣ, чѣмъ въ мужской.

Видное значеніе чувства въ жизни женщины побуждаетъ обратить вниманіе на постановку двухъ предметовъ, обыкновенно входящихъ въ курсъ женскаго образованія: исторіи литературы и Закона Божія.

Исторія литературы, всеобщей и русской, можетъ существенно содѣйствовать просвѣтленію и облагороженію чувства. Литература заключаетъ въ себѣ весьма различные элементы; между прочимъ, она есть, несомнѣнно, лѣтопись человѣческаго сердца, человѣческихъ радостей и печалей, страстей, безконечная галлерея характеровъ, драгоцѣнное собраніе типовъ умовъ и вообще типичныхъ людей всѣхъ вѣковъ и народовъ. Обстоятельное изученіе литературы съ психологической и эстетической сторонъ обогатитъ умъ познаніями о человѣческой душѣ въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Въ литературѣ женскій умъ найдетъ родную себѣ сферу и близкіе интересные предметы. Между тѣмъ, литература нерѣдко такъ преподается, что ея благотворное вліяніе на весь складъ женскаго сердца далеко не исчерпывается.

Главный недостатокъ преподаванія литературы заключается въ изученіи литературы по учебникамъ и въ маломъ непосредственномъ знакомствѣ съ самыми произведеніями. Учащіяся могутъ сказать, когда написано извѣстное произведеніе, по какому случаю, передать его содержаніе и пр., но самого произведенія онѣ часто не читали, оно имъ неизвѣстно. Много-много, если онѣ читали изъ него въ хрестоматіи какой либо отрывокъ. Такимъ путемъ ознакомленія съ литературой, богатый и прекрасный предметъ превращаютъ въ схоластическое, мертвенное изученіе того, чего самая сущность остается неизвѣстной. Учащіяся сидятъ при источникѣ, умираютъ отъ жажды и не пьютъ. У нихъ подъ рукой, въ произведеніяхъ всемірной и русской литературы, изображенія всевозможныхъ треволненій человѣчества, всѣхъ его скорбей и радостей, самыхъ тайниковъ человѣческой души, а онѣ почти ничего не знаютъ о душевныхъ мукахъ и радостяхъ, не заглядываютъ въ глубину сердечной жизни, онѣ сидятъ и учатъ тощіе учебники о богатыхъ содержаніемъ произведеніяхъ. Произведенія допускаютъ разносторонній и въ высшей степени поучительный, глубоко жизненный, анализъ: психологическій, эстетическій, историко-литературный, бытовой, а въ настоящее время все

Digitized by Google

дѣло часто ограничивается кой-какими литературно-библіографическими замѣтками.

Преподаваніе литературы нужно поставить такъ, чтобы учащіяся извлекали изъ нея, по крайней мѣрѣ, часть той великой образовательной пользы, какую заключаетъ въ себѣ этотъ богатый предметъ. Для такой постановки необходимо выполнить два условія: 1) воспитанницы непремѣнно сами должны читать литературныя произведенія и 2) разбирать ихъ, подъ руководствомъ учителя, съ различныхъ точекъ зрѣнія. Пусть будетъ прочитано сравнительно немного произведеній, но прочитано и проанализировано отчетливо и основательно. Это немногое будетъ несравненно полезнѣе и плодотворнѣе того многаго, что изучается по учебнику. Другія непрочитанныя произведенія воспитанницы могутъ прочитать и обдумать сами. Важно возбудить интересъ къ чтенію и научить, какъ нужно толково и съ пользой читать, а не то, чтобы прочитать какъ можно больше. Если бы, затѣмъ, рѣчь зашла объ увеличеніи въ школѣ числа уроковъ на литературу, то скупиться въ данномъ случаѣ нечего, такъ какъ дѣло касается одного изъ важнѣйшихъ предметовъ въ курсѣ женскаго образованія.

Женщины, несомнѣнно, отличаются религіозностью. Просвѣтленіе ихъ религіознаго чувства, сообщеніе имъ правильныхъ и гуманныхъ идей о Богѣ, Отцѣ всѣхъ людей, укрѣпленіе серьезнаго религіозно-нравственнаго настроенія и широкой вѣротерпимости — задача весьма важная во всѣхъ отношеніяхъ. Такое или иное выполненіе ея непремѣнно отразится на всей жизни женщины. А между тѣмъ школа относится не серьезно къ такой важной задачѣ. Что она даетъ религіозному чувству дѣвочекъ? Какъ она удовлетворяетъ потребность въ глубоко жизненномъ религіозно-нравственномъ руководствѣ? Въ рядъ предметовъ учебнаго женскаго курса школа включаетъ, для удовлетворенія религіозныхъ потребностей, Законъ Божій. Въ какомъ духѣ преподается Законъ Божій, какъ онъ поставленъ? Какъ и другіе учебные предметы: его изучаютъ по учебникамъ; по этому предмету, какъ и по другимъ, ставятъ отмѣтки, производятъ экзамены; за неуспѣхъ по этому предмету могутъ не перевести въ слѣдующій классъ или оставить безъ отпуска. Экзаменъ по Закону Божію одинъ изъ самыхъ трудныхъ — слишкомъ много текстовъ и молитвъ приходится учить наизусть. Съ внутренней стороны въ преподаваніи Закона Божія замѣчаются отсутствіе сообщенія свѣдѣній о религіозномъ развитіи человѣчества, о религіяхъ другихъ народовъ, общая сухость постановки, слабость нравственныхъ элементовъ, т. е. выясненія руководящихъ началъ для дѣятельности, малая жизненность и практичность преподаванія. Библію и въ частности новый завѣтъ ученицы читаютъ мало, все учатъ учебники. Для ученицъ нашихъ школъ Законъ Божій это — груда учебниковъ, которые нужно одолѣть; онъ даетъ большую работу памяти, малую — уму и почти совсѣмъ не затрогиваетъ сердце, не просвѣтляетъ религіозное чувство. Сами законоучители чувствуютъ себя

Digitized by Google

чрезвычайно стѣсненными обязательными программами, необходимостью въ извѣстный срокъ пройти положенный курсъ. Поэтому воспитательное вліяніе Закона Божія на учениць чрезвычайно мало. Ученицы въ жизни руководятся не столько школьными уроками и наставленіями, сколько семейными религіозными впечатлѣніями и примѣрами своихъ матерей.

Преподаваніе Закона Божія должно быть измѣнено въ корнѣ, должно быть поставлено совершенно свободно. Форма изученія учебниковъ, обычныхъ уроковъ съ отмѣтками слишкомъ суха и безжизненна и должна быть оставлена. Законъ Божій долженъ быть не учебнымъ предметомъ, а живымъ руководствомъ учениць, просвѣтителемъ сердца, источникомъ жизненной мудрости. Онъ долженъ насаждать и укоренять въ сердцахъ будущихъ матерей широкую вѣротерпимость, гуманность, святость братскихъ людскихъ отношеній. Уроки Закона Божія желательно превратить въ часы чтенія евангелія и библіи, въ бесѣды по поводу прочитаннаго, въ выясненіе нравственныхъ началъ жизни, прежде всего самихъ учащихся, а потомъ и всѣхъ людей вообще. Всю школьную формалистику нужно совсѣмъ забросить. Всестороннее выясненіе идеи объ *Отцѣ Небесномъ*—вотъ что должно составлять самую сущность Закона Божія. *)

В.

Другая весьма важная черта женской души, существенно вліяющая на постановку всего образовательнаго женскаго курса, есть разносторонность женскаго ума.

Въ мужскомъ образовательномъ курсѣ преобладающее положеніе занимаютъ какъ извѣстно, языки и математика. Языковъ изучается много: русскій, церковно-славянскій, два древнихъ и одинъ или два новыхъ—пять или шесть языковъ. Математика изучается также усердно и на нее отводится много времени. По сравненію съ этими двумя преобладающими предметами, всѣ остальные занимаютъ второстепенное мѣсто. Такимъ образомъ весь курсъ мужского образованія является филолого-математическимъ.

*) Въ объяснительной запискѣ къ программѣ Закона Божія въ женскихъ гимназіяхъ выражены весьма здравыя мысли о постановкѣ преподаванія этого предмета, остающіяся, къ сожалѣнію, почти безъ исполненія на дѣлѣ. Въ запискѣ сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Первая изъ цѣлей преподаванія З. Б. заключается въ ознакомленіи учениць съ догматическою и историческою сторонами религіи, а вторая, *наиболѣе важная*, въ развитіи нравственно-религіознаго чувства... Вторая цѣль, конечно, одними уроками, какъ бы они ни были удовлетворительны въ педагогическомъ отношеніи, достигнута быть не можетъ. *Для этого нужны не уроки, а живое воздѣйствіе на нравственную природу дѣтей*, и въ этомъ отношеніи бесѣда или даже одно теплое слово законоучителя можетъ иногда сдѣлать больше, чѣмъ самое подробное богословское объясненіе того или другого факта изъ исторіи или догматики». Съ этою цѣлью въ трехъ старшихъ классахъ предполагалось сдѣлать обязательнымъ чтеніе и изъясненіе Евангелія.

Digitized by Google

Изъ такого характера курса неизбѣжно вытекаютъ: отвлеченность мужского образованія, его весьма чувствительная односторонность и отклоненіе дѣтей отъ природы, отъ живой связи съ нею, отъ наблюденій. Незнакомство гимназистовъ съ явленіями природы доходитъ иногда до колоссальныхъ размѣровъ. Насколько такой курсъ отвѣчаетъ истиннымъ потребностямъ мужского образованія—этотъ вопросъ мы оставимъ въ сторонѣ; одно несомнѣнно, что пытаться примѣнить его къ женскому образованію было бы большой ошибкой, такой курсъ совершенно не отвѣчаетъ складу и потребностямъ женскаго ума.

Женскій умъ отличается, по сравненію съ мужскимъ, большою разносторонностію, живостію, полнымъ вниманіемъ къ окружающей дѣйствительности, виднымъ участіемъ въ каждой ступени женскаго мышленія дѣятельности органовъ внѣшнихъ чувствъ. Женское мышленіе обыкновенно есть наглядное мышленіе. Поэтому предложить женщинамъ математическо-филологическій курсъ, отрѣшить ихъ отъ природы и осудить на изученіе мертвыхъ учебниковъ значитъ вполнѣ пренебречь природой женскаго ума, идти наперекоръ ей. Женскій образовательный курсъ никогда не можетъ быть ни столь сухимъ и отвлеченнымъ, какъ мужской, ни столь однообразнымъ и монотоннымъ (математика да языки, языки да математика), ни столь отрѣшеннымъ отъ живой дѣйствительности, какъ мужской. Онъ долженъ быть энциклопедичнѣе, наглядиѣе, жизненнѣе мужского учебнаго курса.

Сосредоточеніе всего учебнаго курса на языкахъ и математикѣ есть, безъ сомнѣнія, дѣло преданія, по преданію оно и держится, придавая гимназическому образованію необычайную сухость и безжизненность. Женскій умъ, какъ энциклопедичный и живой, наклоненъ къ разсѣянности. Но отсюда было бы совершенно несправедливо заключить, что слѣдовательно онъ еще болѣе, чѣмъ мужской, долженъ быть держимъ на однообразной и суровой математическо-филологической концентраціи. Сосредоточенность умственныхъ занятій въ каждое данное время необходима, но это не предполагаетъ однообразія учебныхъ упражненій. Преобладающее положеніе математики и языковъ въ курсѣ представляетъ собою чисто внѣшнее и механическое сосредоточеніе занятій, которое, вслѣдствіе своего крайняго и насильственнаго однообразія, вызываетъ естественную реакцію со стороны живаго ума—нерасположеніе къ занятіямъ и разсѣянность. Внутренняя духовная сосредоточенность заключается въ томъ, чтобы каждому предмету занятій и каждому отдѣльному моменту упражненій давать полное вниманіе и чтобы всѣ отдѣльные акты вниманія образовали связное и стройное цѣлое. Сосредоточеніе вниманія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не облегчается, а затрудняется утомительнымъ однообразіемъ занятій; образованіе стройнаго цѣлаго изъ отдѣльныхъ актовъ вниманія не предполагаетъ необходимо одного или двухъ главенствующихъ предметовъ, подавляющихъ всѣ прочіе. Нарисовать картину двумя красками

Digitized by Google

легче, чѣмъ восемью или шестью; но за то, при всѣхъ другихъ одинаковыхъ условіяхъ, первая картина выйдетъ грубою мазней по сравненію со второй. Если же кто скажетъ, что во второй картинѣ, при множествѣ ея тоновъ, нельзя достигнуть необходимаго единства и гармоніи, тотъ прямо заявитъ себя очень плохимъ живописцемъ, который лишь въ крайней скудости матеріала видитъ условіе цѣльности впечатлѣнія. Тоже и въ образованіи.

Педагогъ, торжественно заявляющій, что можетъ надлежащимъ образомъ сконцентрировать занятія лишь при условіи одного главнаго предмета, преобладающаго надъ всѣми другими, плохой педагогъ. Это такой звонарь, который можетъ звонить лишь въ одинъ большой колоколъ и достигать какой либо гармоніи лишь тогда, когда большой колоколъ заглушаетъ всѣ другіе колокола; если же ему дать цѣлую дюжину различныхъ колоколовъ и потребовать, чтобы изъ звона «во вся» выходила гармонія, безъ заглушенія какого либо колокола, то онъ заявитъ, что подобное требованіе невыполнимо, гармонія въ такомъ случаѣ невозможна. Источникъ всякой концентраціи заключается не столько вовнѣ, въ изучаемыхъ предметахъ, сколько внутри, въ изучающемъ духѣ. Гармонія достигнется не при единствѣ изучаемаго предмета, не при однообразіи занятій, а при соотвѣтствіи упражненій природѣ ума, при стройности впечатлѣній на умъ. Такое живое гармоническое впечатлѣніе на женскій умъ можетъ получиться лишь при разнообразномъ учебномъ матеріалѣ, отвѣчающемъ живому и разностороннему женскому уму, его различнымъ ступенямъ развитія и запросамъ, при необходимой сосредоточенности каждаго отдѣльнаго упражненія и стройности и гармоніи всѣхъ.

Въ женскомъ образовательномъ курсѣ видное мѣсто должно быть дано естественно-историческимъ занятіямъ, соединеннымъ съ самостоятельнымъ производствомъ простѣйшихъ физическихъ и химическихъ опытовъ, съ коллекціонированіемъ по ботаникѣ и минералогіи, съ обозрѣніемъ зоологическихъ садовъ, музеевъ и т. п. учрежденій, содѣйствующихъ наглядному усвоенію естественно-историческихъ предметовъ. Обыкновенно въ школахъ естественная исторія проходится въ небольшомъ объемѣ, по учебникамъ, довольно отвлеченно, такъ что лишается большей части своего образовательнаго вліянія на умъ учащихся. Такая постановка неправильна и небезраздѣльна съ самымъ существомъ предмета, хотя надлежащее преподаваніе естественной исторіи, а равно физики и химіи, не легкое дѣло. Въ женской школѣ при изученіи естественно-научныхъ предметовъ особенно слѣдуетъ настаивать на двухъ пріемахъ: самостоятельномъ производствѣ ученицами наблюденій и опытовъ, обусловливающемъ изученіе природы по самой природѣ, а не по книгамъ о природѣ, и на образовательныхъ экскурсіяхъ, которыя должны быть признаны существенною составною частью общеобразовательнаго курса

Digitized by Google

Послѣднія притомъ вносятъ такъ много свѣжести, оживленія, веселья, бодрости въ монотонную школьную жизнь, такъ поднимаютъ настроеніе и энергію учащихся, что каждый признаетъ ихъ серьезное воспитательно-образовательное значеніе. Экскурсія—это притокъ свѣжаго воздуха въ школу, это жизнь природы, врывающаяся въ искусственную школьную жизнь. Польза и даже необходимость обоихъ указанныхъ пріемовъ при изученіи естествознанія едва ли нуждаются въ дальнѣйшихъ теоретическихъ разъясненіяхъ и доказательствахъ; вопросъ лишь въ ихъ практическомъ осуществленіи.

Съ той же точки зрѣнія въ женской школѣ должны быть поставлены серьезнѣе и шире, чѣмъ въ мужской, искусства. Конкретность женскаго ума, болѣе тонкое развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ и большее значеніе ихъ дѣятельности во всей жизни женщины, ловкость женщинъ во всѣхъ ручныхъ работахъ—все это дѣлаетъ сферу искусства близкой и дорогой женщинѣ. Широкая постановка искусствъ въ женскомъ образованіи будетъ отвѣчать и эстетическимъ потребностямъ женщины, всегда болѣе тонкимъ и настоятельнымъ, чѣмъ эстетическія потребности мужчины. Поэтому черченіе, рисованіе, лѣпка, пѣніе, музыка, а равно разныя женскія ручныя работы и рукодѣлья, должны занять видное мѣсто въ женскомъ образовательномъ курсѣ.

Есть еще одна отрасль знаній, которая должна получить видное мѣсто въ курсѣ женскаго образованія—это гигіена, психологія ребенка и педагогика въ предѣлахъ семьи, причемъ каждая женская школа обязательно должна владѣть дѣтскимъ садомъ для практическихъ занятій ученицъ.

Едва ли нужно доказывать важность гигіеническихъ знаній для женщинъ, знаній, основанныхъ на анатомическихъ и физіологическихъ данныхъ. Эти знанія имѣютъ и образовательное значеніе, а между тѣмъ безъ нихъ многія женщины наносятъ существенный вредъ своему организму. Да и что это за образованіе, за школа, за учебный курсъ, дающій знаніе обо всемъ, но не сообщающій свѣдѣній о физическомъ организмѣ, его жизни, функціяхъ и условіяхъ сохраненія его въ надлежащемъ здоровьи?—Психологія и педагогика дѣтскаго возраста рѣшительно необходимы въ женской школѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по крайней мѣрѣ восьмидесяти процентамъ всѣхъ учащихся дѣвушекъ въ будущемъ предстоитъ сдѣлаться матерями и воспитательницами своихъ дѣтей; изъ остальныхъ двадцати процентовъ около десяти изберутъ педагогическую профессію, т. е. будутъ имѣть дѣло съ дѣтьми и все, относящееся до дѣтей, будетъ имѣть для нихъ большое значеніе. Останется всего около десяти процентовъ учащихся дѣвушекъ, которымъ психолого-педагогическія знанія о дѣтяхъ будутъ, повидимому, ненужны. Но это только повидимому. При каждой женской школѣ непремѣнно долженъ существовать дѣтскій садъ для практическихъ психологическихъ наблюденій надъ дѣтьми и опытовъ вліянія на нихъ, сообразно съ

Digitized by Google

пріобрѣтенными знаніями объ ихъ личныхъ особенностяхъ и свойствахъ ихъ натуры. Дѣтскіе сады должны быть для дѣвицъ экспериментальными школами психологіи и педагогики. Такія занятія имѣютъ глубокое теоретическое значеніе, раскрывая предъ наблюдателемъ дѣтскую душу и пріучая бережно и осторожно обходиться съ каждымъ, даже самымъ маленькимъ, человѣкомъ. Міръ дѣтей, изученіе ихъ наклонностей, пріобрѣтеніе навыка управлять разными характерами — прекрасная школа для женщинъ, такъ тяготѣющихъ по своему психическому складу во всемъ къ личности, такъ способныхъ къ пониманію всѣхъ ея нуждъ и запросовъ. Такія психолого-педагогическія занятія въ дѣтскомъ саду не слѣдуетъ смѣшивать съ изученіемъ способовъ школьнаго преподаванія, методикъ, плановъ, образцовыхъ уроковъ и пр., чѣмъ нерѣдко занимаются въ настоящее время ученицы VIII-хъ классовъ женскихъ гимназій. Изученіе методики преподаванія есть чисто профессіональное упражненіе, не имѣющее общеобразовательнаго значенія; мы же говоримъ теперь объ общеобразовательномъ курсѣ.

Такимъ образомъ существенныя черты женскаго общеобразовательнаго курса заключаются въ слѣдующемъ: 1) онъ долженъ быть поставленъ гигіенично, разбитъ на три послѣдовательные отдѣла, сообразно тремъ періодамъ въ развитіи женскаго организма, и сообщать обстоятельныя гигіеническія свѣдѣнія на основаніи анатомическихъ и физіологическихъ данныхъ; 2) онъ долженъ просвѣтлять и гуманизовать женское чувство, главнымъ образомъ разумными занятіями по Закону Божію и литературѣ. Къ той же цѣли долженъ быть направленъ весь строй женской школы, съ сохраненіемъ семейнаго характера и полнымъ вниманіемъ къ личнымъ свойствамъ дѣвочекъ; 3) женскій общеобразовательный курсъ долженъ быть энциклопедичнѣе мужского, давать широкое мѣсто естественно-историческимъ занятіямъ, искусствамъ, психологіи и педагогіи дѣтскаго возраста.

Мы не обсудили нѣсколькихъ важныхъ сторонъ въ общеобразовательномъ женскомъ курсѣ, именно: необходимости дѣлить общеобразовательный курсъ на предметы общеобязательные и частно-обязательные, о положеніи иностранныхъ языковъ и математики въ курсѣ и о самообразованіи. Но всѣ эти вопросы, по нашему мнѣнію, столько же касаются мужского курса, сколько и женскаго, это общіе педагогическіе вопросы, притомъ довольно обширные. Поэтому мы не считаемъ возможнымъ обсуждать эти вопросы въ настоящее время. *)

Къ такимъ же общимъ вопросамъ педагогіи принадлежитъ и высшее научное образованіе женщинъ. Но объ этомъ вопросѣ мы скажемъ нѣсколько словъ, такъ какъ взглядъ на высшее научное

*) Желающихъ подробно ознакомиться со всѣми вопросами, касающимися женскаго образовательнаго курса, мы отсылаемъ къ довольно толковой, но нѣсколько большой книгѣ (490 стр.), д-ра Ritter'a Erziehungs und Unterrichtslehre für höhere Mädchenschulen. Weimar, 1897.

Digitized by Google

образованіе женщинъ дополняетъ взглядъ на ихъ среднее образованіе.

Высшее образованіе, какъ мужское, такъ и женское, можетъ имѣть два вида: высшаго общаго образованія и спеціальнаго. Первое имѣетъ цѣлью расширеніе міровоззрѣнія человѣка, пріученіе къ сознательному и критическому отношенію къ окружающимъ явленіямъ, какъ въ природѣ, такъ и въ человѣческомъ обществѣ; высшее спеціальное образованіе имѣетъ цѣлью обогащеніе свѣдѣніями по группѣ родственныхъ предметовъ и пріученіе къ серьезному систематическому мышленію и изслѣдованію въ опредѣленной сферѣ явленій. Собственно курсовъ высшаго общаго образованія у насъ не существуетъ, оно можетъ быть плодомъ лишь самообразованія; въ высшихъ школахъ получается высшее спеціальное образованіе.

Къ высшему спеціальному научному образованію должна быть допускаема каждая женщина, чувствующая въ себѣ достаточно на то силъ и въ надлежащей мѣрѣ подготовленная. Высшія научныя школы должны быть одинаково открыты, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Психика мужчины и женщины различна, ихъ умы, взятые въ цѣломъ, различны. Поэтому воспитаніе женщины и образованіе ея ума, въ связи со всѣми другими свойствами ея душевной жизни и физической организаціи, должны быть различны отъ мужскихъ. Но та частная дѣятельность ума, которая заключается въ чисто научномъ мышленіи и изслѣдованіи, въ строгомъ изысканіи истины, провѣркѣ полученныхъ результатовъ, открытіи сдѣланныхъ ошибокъ, совершенно одинакова у мужчинъ и женщинъ. Если женщина пытается разрѣшить математическую, философскую или естественно-научную задачу, то въ ея размышленіи нѣтъ специфическихъ отличій пола. Она живетъ въ это время не какъ женщина, а какъ мыслящій умъ, какъ частичное воплощеніе міроваго разума. Въ моменты строго научнаго размышленія она отрѣшается отъ всѣхъ своихъ женскихъ специфическихъ качествъ и подчиняется лишь требованіямъ логики и правиламъ науки. Предъ чистой наукой, какъ предъ Богомъ, всѣ равны: варваръ и эллинъ, обрѣзанный и необрѣзанный, мужчина и женщина. Подобно тому, какъ психика вообще и умъ въ цѣломъ французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, русскихъ различны, а потому они и должны получать, при однихъ и тѣхъ же общечеловѣческихъ основахъ, нѣсколько различное, такъ называемое, національное образованіе и воспитаніе; но какъ при чисто научныхъ изслѣдованіяхъ всякія національныя особенности исчезаютъ и человѣкъ является не французомъ, нѣмцемъ, англичаниномъ, а размышляющимъ умомъ, результаты изысканій котораго пригодны и убѣдительны для всѣхъ людей; такъ бываетъ и съ мужчинами и женщинами при образованіи и при чисто научныхъ занятіяхъ. Пока они образуются, т. е. имѣется въ виду вся совокупность ихъ свойствъ, до тѣхъ поръ ихъ образованіе и воспитаніе, при одинаковости общечеловѣческихъ основъ, различны; какъ же скоро

Digitized by Google

они начинаютъ исключительно мыслить, разрѣшать научныя задачи, т. е. принимаются за чисто интеллектуальное, касающееся лишь ихъ ума, дѣло, тогда они дѣйствуютъ только какъ мыслящіе умы. Съ этой точки зрѣнія намъ представляется совершенно излишнимъ создавать особые женскіе университеты, заводить отдѣльныя медицинскія академіи, устроять высшіе женскіе курсы; женщины могутъ учиться наукѣ вмѣстѣ съ мужчинами, въ тѣхъ же аудиторіяхъ, у тѣхъ же профессоровъ. Возраженія противъ этого могутъ быть сдѣланы не принципіальныя, не теоретическія, но практическія, да и они не особенно убѣдительны. Мы полагаемъ, что серьезное научное дарованіе, расположеніе къ серьезному занятію наукой есть даръ сравнительно рѣдкій, какъ между мужчинами, такъ и между женщинами. Людей съ божьей искрой въ душѣ, съ прекраснымъ серьезнымъ стремленіемъ къ научной истинѣ немного, а разъ въ комъ либо — все равно, въ мужчинѣ или въ женщинѣ—эта искра загорѣлась, тому щедро нужно давать всѣ средства развить въ себѣ дивный даръ, а не ставить искусственныя препятствія.

Г.

За общимъ образованіемъ должно слѣдовать профессіональное. Главнѣйшихъ группъ профессіональнаго труда, отвѣчающаго природѣ женщинъ, можно указать шесть: педагогическая, медицинская, искусство, торгово-счетная, сельско-хозяйственная и ремесленная.

Одна изъ наиболѣе подходящихъ для женщинъ профессій есть педагогическая дѣятельность. Соотвѣтствіе этой профессіи съ природой женщины заключается въ томъ, что въ женскомъ сознаніи идея личности имѣетъ громадное значеніе и все, что есть личность и стоитъ съ нею въ тѣсной связи, близко и понятно женщинѣ. Въ частности въ умѣньи обращаться съ маленькими дѣтьми женщины всегда превосходятъ мужчинъ. Педагогическая профессія требуетъ терпѣнія, любви къ дѣтямъ, аккуратности въ работѣ, а всѣ эти качества природа отпустила въ большей мѣрѣ женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ. Поэтому распространеніе женскаго труда, въ педагогической сферѣ, въ высшей степени желательно, особенно въ примѣненіи къ такимъ школамъ и классамъ, въ которыхъ обучаются маленькія дѣти. Такія школы, такіе классы суть преимущественно сферы примѣненія женскаго педагогическаго труда. Что касается школъ и классовъ съ составомъ учащихся болѣе старшаго возраста, то въ нихъ женщины должны быть допускаемы наравнѣ съ мужчинами, при удовлетвореніи соотвѣтствующихъ необходимыхъ требованій.

Вторая профессія, отвѣчающая природѣ женщинъ, медицинская въ ея разнообразныхъ формахъ: собственно медицинская, фельдшерская, акушерская, аптечная и т. п. Въ этой профессіи особенно дорога способность женскаго сочувствія къ страдаю-

Digitized by Google

щимъ, нѣжность женскаго чувства, мягкость и ловкость ухода за больными. Нѣкоторыя формы болѣзней и разстройствъ, преимущественно болѣзни женскія и дѣтскія, должны бы сдѣлаться прямою спеціальностію женщинъ-врачей. Свои способности въ сферѣ педагогики и медицины женщины доказали уже достаточно и потому распространяться о соотвѣтствіи этихъ профессій женской натурѣ нѣтъ нужды.

Сфера искусства, какъ женская профессія, разнообразна, она включаетъ пѣніе, музыку, живопись, скульптуру, сценическую драматическую дѣятельность, танцы (балетъ). Соотвѣтствіе между искусствомъ и женской психической природой заключается въ томъ, что женщины постоянно стремятся къ наглядному, образному, что потребность выражать вовнѣ свои психическія состоянія у нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ, что вообще онѣ живы, подвижны и въ то же время весьма ловки во всякой ручной работѣ, что для искусства весьма важно.

Торгово-счетная профессія включаетъ занятія торговлей собственно, къ чему женщины, при своей практичности, способности находить самыя близкія и вѣрныя средства для достиженія цѣли, при быстромъ пониманіи свойствъ личности, весьма пригодны, и занятія бухгалтеріей, веденіе разныхъ счетовъ, письменной части. Сюда же можно бы отнести и чиновничью профессію. Аккуратность женщинъ въ работѣ ручается, что вся эта счетоводная и письменная часть въ ихъ рукахъ пойдетъ прекрасно.

Сельско-хозяйственная профессія удовлетворяетъ двумъ виднымъ свойствамъ женской природы: желанію наблюдать окружающія явленія, постоянно въ широкой мѣрѣ пользоваться органами внѣшнихъ чувствъ въ своей дѣятельности, и практичности женщинъ.

Наконецъ ремесленная дѣятельность женщинъ извѣстна давно и развилась широко. Въ этой сферѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ швейное мастерство съ его многочисленными частными видами, потомъ другія занятія въ этомъ родѣ, какъ то изготовленіе нарядовъ, разныхъ предметовъ домашняго обихода, занятія поварскимъ искусствомъ и т. п.

По всѣмъ поименованнымъ отдѣламъ нужно устроить соотвѣтственные курсы и школы, чтобы возможность профессіональнаго образованія для женщинъ была вполнѣ обезпечена. Въ противномъ случаѣ, съ однѣми общеобразовательными школами, женщины долго еще не достигнутъ самостоятельнаго положенія и волей-неволей будутъ лишь спутницами мужчинъ, будутъ отъ нихъ зависѣть и имъ подчиняться. Равноправная совмѣстная общественная дѣятельность мужчины и женщины безъ профессіональнаго образованія женщинъ невозможна.

П. Каптеревъ.

Digitized by Google

Къ вопросу о народныхъ чтеніяхъ.

Одно изъ главныхъ затрудненій, съ какими чаще всего приходится встрѣчаться устроителямъ народныхъ чтеній, заключается въ томъ, что количество книгъ и брошюръ, разрѣшенныхъ для прочтенія въ народныхъ аудиторіяхъ, крайне ограничено. На это указываетъ и Бронницкая (Москов. губ.) уѣздная земская управа, предлагающая ходатайствовать объ увеличеніи числа разрѣшенныхъ книгъ по естествознанію, и Клинская, считающая необходимымъ возбудить ходатайство о разрѣшеніи чтеній по всѣмъ книгамъ, допущеннымъ въ безплатныя, народныя библіотеки-читальни, учреждаемыя на основаніи правилъ 15-го мая 1890 года, и масса другихъ земствъ, коммиссій нар. чтеній и т. п. учрежденій.

Бѣдность каталога разрѣшенныхъ книгъ еще рѣзче бросается въ глаза, если обратить вниманіе на количество допущенныхъ произведеній нашихъ лучшихъ, пользующихся извѣстностью авторовъ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ каталогѣ гораздо больше посчастливилось произведеніямъ анонимныхъ авторовъ или же именамъ, пользующимся малою извѣстностью. Напримѣръ, въ каталогѣ, изданномъ въ 1891 году, одобрено для народныхъ чтеній и дѣтскихъ библіотекъ 11 произведеній Толычевой, а изъ сочиненій Лермонтова допущена только одна «Пѣсня про купца Калашникова»; одобрено 5 произведеній И. Хрущова, а изъ сочиненій Островскаго допущена только одна комедія «Бѣдность не порокъ»; очень посчастливилось Сѣтковой [одобрено 7 сочиненій], Сысоевой (4 сочиненія) и крайне бѣдно представленъ Гоголь, изъ сочиненій котораго допущенъ только Тарасъ-Бульба. Впереди Островскаго, Лермонтова, А. Толстого и Гоголя стоятъ и такіе, едвали кому извѣстные писатели, какъ Де-Витте, Лапинъ, Поповъ, Сорокинъ, Хребтовъ, Потто, и на сотни книжекъ, принадлежащихъ перу разныхъ Свзевыхъ и Тягуновыхъ, приходится по одной тощей книжечкѣ нашихъ лучшихъ писателей. То же мы видимъ и въ отдѣлѣ книгъ духовнаго содержанія. Достаточно книгъ, не пользующихся любовью слушателей, и мало книгъ, которыя бы имѣли несомнѣнный успѣхъ

Digitized by Google

въ народныхъ аудиторіяхъ. Еще С. А. Рачинскій въ своихъ «замѣткахъ о сельскихъ школахъ», изданныхъ въ 1883 году, писалъ, что въ министерскомъ каталогѣ того времени не значилось ни часослова, ни псалтиря, ни ветхаго завѣта и, стало быть, эти книги не должны были допускаться для народныхъ школъ, а новый завѣтъ былъ одобренъ, но не рекомендованъ.

Бѣдность каталога еще болѣе поражаетъ при его отсталости отъ современной дѣтской и народной литературы. Простой подсчетъ показываетъ, что, напримѣръ, изъ 64 книгъ для дѣтскаго чтенія, одобренныхъ въ 1892 году для низшихъ училищъ, только 13 вышло въ свѣтъ въ томъ же году. Извѣстно, что дѣтскія, народныя и вообще дешевыя книги очень не долго живутъ на рынкѣ: нѣкоторыя изданія расходятся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, другія въ годъ—два. Только изданія, не пользующіяся сколько нибудь значительнымъ спросомъ, можно найти въ продажѣ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ихъ выхода въ свѣтъ. При самомъ бѣгломъ обзорѣ и безъ того бѣднаго книгами каталога легко насчитать около 120 одобренныхъ изданій, которыхъ въ настоящее время совсѣмъ нѣтъ въ продажѣ. При этомъ счетѣ книгъ, не существующихъ въ продажѣ, совсѣмъ не принималось въ расчетъ требованіе, чтобы книги покупались лишь въ тѣхъ изданіяхъ, въ которыхъ онѣ одобрены. Эта запоздалость одобренія еще болѣе увеличивается для сельскихъ аудиторій, такъ какъ для нихъ недоступны журналъ М. Н. Пр. и циркуляры по учебнымъ округамъ, гдѣ своевременно печатаются опредѣленія Ученаго Комитета, а министерскіе каталоги выходятъ въ свѣтъ только черезъ 4—5 лѣтъ.

Правда, что въ послѣдніе годы Министерство Народнаго Просвѣщенія одобряетъ значительно больше книгъ, чѣмъ оно дѣлало это въ прежніе годы. Но и эта усиленная дѣятельность Министерства почти не отразилась на допущеніи произведеній нашихъ лучшихъ писателей. Напротивъ, въ новыхъ изданіяхъ каталога, мы иногда не встрѣчаемъ тѣхъ, дѣйствительно, образцовыхъ произведеній, какія помѣщались въ прежнихъ изданіяхъ. Такъ наприм. въ каталогѣ 1887 г. мы находимъ изъ многочисленныхъ произведеній гр. Л. Н. Толстого только четыре допущенныхъ разсказа: «Богъ правду видитъ», «Гдѣ любовь тамъ и Богъ», «Кавказскій плѣнникъ» и «Разсказы о Севастопольской оборонѣ», а въ каталогѣ, изданномъ въ 1891 г., мы уже не встрѣчаемъ ни книжки «Богъ правду видитъ» ни «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ», и Толстой здѣсь представленъ только двумя вышепомянутыми произведеніями.

Если сравнить Министерскій каталогъ 1891 года съ указателемъ Пономарева, составленнымъ на основаніи оффиціальныхъ данныхъ за разные годы, то окажется, что въ первомъ пропущено около $^1/_2$ части всѣхъ одобренныхъ въ разное время книгъ. Изъ Жуковскаго, напримѣръ, «Спящая Царевна» и «Царь Берендѣй», одобренныя раньше Ученымъ Комитетомъ, изъ А. Тол-

Digitized by Google

стого «Былины и стихотворенія», изданіе С.-Петербургскаго Комитета грамотности, изъ Гоголя «Ночь предъ Рождествомъ» и «Майская ночь», пропущены одобренные раньше разсказы Коваленской: «Баранчикъ», «Исаевна» и «Дядя Власъ», нѣкоторые разсказы Погожевой, Погосскаго, Бахметьевой, Григоровича, С. Максимова, одинъ разсказъ Бестужева-Рюмина, нѣкоторыя изданія журнала «Досугъ и Дѣло» и проч.

Крайняя ограниченность выбора народныхъ чтеній, по мнѣнію всѣхъ близко изучившихъ это дѣло, является причиною охлажденія мѣстнаго населенія къ чтеніямъ. Приходится повторять одни и тѣ же чтенія по нѣсколько разъ, что не можетъ не надоѣсть слушателямъ. При столь частомъ повтореніи одного и того же, многіе изъ слушателей заучиваютъ наизусть почти весь небольшой репертуаръ народныхъ аудиторій и часто сами вслухъ подсказываютъ лектору во время чтенія. Именно этою ограниченностью выбора и можно только объяснить себѣ пониженіе посѣщаемости чтеній. Въ Московскомъ уѣздѣ, напримѣръ, не смотря на то, что число устраиваемыхъ чтеній съ 1887 — 1888 г. и до нашихъ дней возрастало, хотя и съ колебаніями, среднее число слушателей на каждое чтеніе въ послѣдующіе годы меньше, нежели въ первый изъ зарегистрованныхъ годовъ. Начиная съ 1887 — 1888 г., оканчивая 1895—1896 г., рядъ среднихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: 181, 175, 177, 153, 157, 162, 160, 165.

Если крайній недостатокъ книгъ, разрѣшенныхъ для народнаго чтенія, вредно отзывается на количествѣ слушателей, то еще печальнѣе его вліяніе на характеръ чтеній. Всѣ лекторы выражаютъ понятное стремленіе внести нѣкоторую систему въ подборъ брошюръ для чтенія народу. Но существующій каталогъ разрѣшенныхъ книгъ не даетъ никакой возможности систематизировать чтенія. Каталогъ этотъ представляетъ рядъ случайныхъ ничѣмъ не связанныхъ статей, изъ которыхъ совершенно невозможно составить систематическій курсъ чтеній ни по какой отрасли знаній. Пересматривая репертуаръ аудиторій, мы видимъ, какъ, въ силу необходимости, распорядители чтеній въ области естествовѣдѣнія переходятъ отъ каменнаго угля къ хлѣбному жуку, отъ апоплексіи мозга, Глинскаго къ Черной семьѣ, Кайгородова, въ области исторіи отъ нашествія татаръ къ Уніатамъ въ Холмской Руси и отсюда къ паденію Плевны, въ области географіи отъ г. Пскова къ Голландіи, затѣмъ къ Египту и Ладожскому озеру.

Само Министерство Народнаго Просвѣщенія признало этотъ недостатокъ въ каталогѣ книгъ, одобренныхъ для народнаго чтенія, и г. управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, отъ 17 іюля 1896 г., за № 17728, сдѣлалъ распоряженіе о включеніи въ IV отдѣлъ каталога, т. е. въ число книгъ для публичныхъ народныхъ чтеній, всѣхъ книгъ, помѣщенныхъ въ II-мъ отдѣлѣ каталога, т. е. одобренныхъ для ученическихъ библіо-

Digitized by Google

тѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній. «Принимая во вниманіе (говорится въ распоряженіи г. Управляющаго министерствомъ), что при посредствѣ такого мѣропріятія число книгъ, вполнѣ подходящихъ къ чтенію, значительно увеличилось бы, равно какъ устранились бы, до извѣстной степени, жалобы устроителей народныхъ чтеній на недостаточность одобреннаго для нихъ Министерствомъ матеріала, я призналъ цѣлесообразнымъ включить въ отдѣлъ IV упомянутаго каталога и книги, помѣщенныя въ отдѣлѣ II. «Не вполнѣ понятно въ этомъ распоряженіи только одно. Въ IV отдѣлъ каталога внесены книги, назначенныя для публичныхъ чтеній народу,—книги, имѣющія въ виду взрослыхъ слушателей изъ народа — обычныхъ посѣтителей народныхъ аудиторій; а въ отдѣлѣ II-мъ помѣщаются книги, предназначенныя для дѣтей, обучающихся въ первоначальныхъ училищахъ.—книги, расчитанныя на читателей въ возрастѣ отъ 7 до 11 лѣтъ. Трудно допустить, чтобы интересы, развитіе и вкусы семилѣтняго ученика и 70-лѣтняго старца были одинаковыми. Едва ли понравятся взрослымъ слушателямъ такія книги, помѣщенныя во II-ой отдѣлъ каталога, какъ напримѣръ: «Разсказы моимъ дѣтямъ», «Между дѣтьми» (иллюстрированный сборникъ), «Книжка для маленькихъ дѣтей», «Шарикъ» (разсказъ для дѣтей младшаго возраста), «Илюша Горбунчикъ» (разсказъ для дѣтей), «Макаръ» (разсказъ для дѣтей младшаго возраста) и т. п.

Само Министерство Народнаго Просвѣщенія признаетъ эту разницу въ психологіи взрослаго и малолѣтняго читателя, когда издаетъ два совершенно отдѣльныхъ каталога: одинъ для дѣтской библіотеки начальныхъ училищъ и другой для взрослыхъ читателей безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ, устраиваемыхъ на основаніи правилъ 15 мая 1890 г. Оно игнорируетъ эту разницу только по отношенію къ народнымъ аудиторіямъ. Однако казалось бы, что требованія, съ одной стороны дѣтей, а съ другой взрослыхъ остаются тѣ же и тогда, когда они берутъ книгу для чтенія на дому, и тогда, когда они слушаютъ ее въ школѣ или въ публичной аудиторіи. Книга, которая удовлетворяетъ ребенка, но не удовлетворяетъ взрослаго читателя, если онъ читаетъ ее на дому, одинаково не удовлетворитъ послѣдняго и тогда, когда ему будутъ читать ее въ народной аудиторіи. Трудно понять, почему книга, одобренная Министерствомъ для народнаго чтенія въ безплатной народной библіотекѣ-читальнѣ и помѣщенная въ каталогъ для сихъ послѣднихъ, не признается удобной для произнесенія въ народной аудиторіи. Цѣлымъ рядомъ статистическихъ изслѣдованій доказано, что, какъ посѣтители устраиваемыхъ въ селахъ народныхъ библіотекъ-читаленъ, такъ и слушатели сельскихъ народныхъ аудиторій, принадлежатъ къ одному и тому же уровню развитія, однимъ и тѣмъ же группамъ по соціальному положенію и т. д. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти люди идутъ съ одинаковыми запросами и въ библіотеку, и въ аудиторію, и ихъ очень удивляетъ, что книга, понравившаяся

Digitized by Google

имъ въ библіотекѣ и признанная полезною Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, тѣмъ же самымъ Министерствомъ признается недозволенною къ прочтенію для тѣхъ же самыхъ посѣтителей въ народныхъ аудиторіяхъ. Хорошо извѣстно, съ какою осмотрительностью Министерство допускаетъ книги и въ низшія учебныя заведенія, и въ народныя библіотеки - читальни. «Тарасъ Бульба» Гоголя, напечатанный отдѣльнымъ изданіемъ въ 1874 году, былъ одобренъ только въ 1883 году, т. е. черезъ 9 лѣтъ; «Дѣдушка Крыловъ» А. Филонова, изданный въ 1873 году, былъ одобренъ черезъ 10 лѣтъ; повѣсть Григоровича «Четыре времени года», изданная въ 1871 г., была одобрена въ 1882 г.; поэма Жуковскаго «Агасферъ» въ изданіи 1870 г., была одобрена черезъ 17 лѣтъ послѣ ея выхода въ свѣтъ; на одобреніе полнаго собранія сочиненій протоіерея Путятина понадобилось 14 лѣтъ, книжки Ростовской «Крестьянская школа»—17 лѣтъ.

Пользуясь указателями одобренныхъ книгъ гг. Пономарева и Гинца, мы найдемъ, что за время, обнимаемое этими сборниками, Министерство одобряло среднимъ числомъ около 30 книгъ для школьныхъ библіотекъ. Чтобы судить о чрезвычайной строгости, съ какою Министерство относится къ одобренію книгъ, стоитъ сопоставить названную цифру съ числомъ названій, выпускаемыхъ въ свѣтъ въ ближайшіе къ намъ годы. На страницахъ Историческаго Вѣстника Л. Н. Павленковымъ ежегодно печатаются статистическія данныя о книгоиздательной дѣятельности въ Россіи. Пользуясь этими данными, мы увидимъ, что въ 1887 г. вышло въ свѣтъ 7366 сочиненій (названій), въ 1888 г.—7424, въ 1889 г.—8699, въ 1890 г.—8638, въ 1891 г.—9053, въ 1893 г.—10242 названія. Изъ нихъ духовно-богословскихъ 1088, учебныхъ 675, дѣтскихъ 244, дешевыхъ народныхъ 233, лубочныхъ 202, педагогическихъ 104, историческихъ 307, беллетристическихъ 629, біографическихъ 187, географическихъ 95, по исторіи словесности 81, естествознанію 189, не говоря уже о математикѣ (36), языкознаніи (34), сельскохозяйственныхъ книгахъ (238), справочныхъ (701), и другихъ, пригодныхъ для той или другой библіотеки, тѣхъ или другихъ учебныхъ заведеній, не считая педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ, не вошедшихъ въ изслѣдованіе г. Павленкова. Если принять въ соображеніе, что на обязанность Ученаго Комитета возложена еще оцѣнка книгъ для дешевыхъ и безплатныхъ библіотекъ и читаленъ, то, признавая даже, что не всѣ духовныя, учебныя, дѣтскія, народныя, лубочныя и т. п. изданія предназначаются для школъ и читаленъ, количество книгъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Комитета, надо будетъ считать отъ 2000 до 3000 названій въ годъ, по отношенію къ каковой цифрѣ количество книгъ, одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ, представитъ собой очень незначительный процентъ. Что же касается собственно до книгъ, пригодныхъ для дѣтскихъ библіотекъ и безплат-

Digitized by Google

ныхъ читаленъ, то изъ нихъ одобряется Ученымъ Комитетомъ еще меньшій процентъ, нежели изъ отдѣла учебниковъ.

Разные взгляды существуютъ на книгу для народа. Лично мы ближе стоимъ къ взгляду, высказанному еще покойнымъ Достоевскимъ, который писалъ: «прежде непремѣнной, немедленной пользы народныхъ книжекъ, кромѣ всѣхъ солей, искорененій и нравоученій, очень бы не худо было имѣть въ виду просто распространеніе въ народѣ чтенія, постараться заохотить народъ къ чтенію—занимательностью книги, и потому пусть вещь будетъ хоть и безъ соли, да если чуть-чуть занимательна и положительно невредна, (надѣюсь поймутъ, что мы подразумѣваемъ подъ словомъ «невредна»), такъ и спасибо за нее».

Но мы понимаемъ, что можно предъявлять и гораздо болѣе строгія требованія къ литературѣ для народа. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ многое, что издается съ этою цѣлію, можетъ быть забраковано. И однако же, какъ бы пессимистически мы не смотрѣли на нашу современную литературу, ни съ какой точки зрѣнія нельзя защищать предположеніе, будто бы изъ 10000 книгъ нельзя найти болѣе 3-хъ, 4-хъ десятковъ изданій, пригодныхъ для школъ и библіотекъ, и притомъ въ то время, когда русская литература начинаетъ обращать на себя вниманіе Европы и Америки. Можно было бы думать, что Ученый Комитетъ разсматриваетъ лишь книги, представляемыя ему авторами, издателями и т. п. Но этотъ взглядъ отнюдь не оправдывается существующими узаконеніями. Исторія Ученаго Комитета, состоящаго при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и разсматривающаго книги для школъ и народныхъ библіотекъ, должна убѣдить насъ, что Министерство разсматриваетъ всѣ книги и пособія, предназначаемыя для названной цѣли, а не ограничивается только изданіями, представляемыми отъ учрежденій и лицъ, заинтересованныхъ въ распространеніи своихъ изданій.

Центральный органъ для разсмотрѣнія учебныхъ и дѣтскихъ книгъ помимо общей цензуры, существовавшій съ 1817 г. и упраздненный въ 1831 г. по представленію Министра Народнаго Просвѣщенія князя Ливена, былъ возстановленъ вновь 13 марта 1850 г. по слѣдующему поводу. Генералъ-адъютантъ Анненковъ препроводилъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія, удостоенный утвержденія Государя Императора Николая I, журналъ комитета, учрежденнаго 2 апрѣля 1848 г. о «руководствѣ по всеобщей исторіи» проф. Лоренца. При этомъ комитетъ полагалъ, по особенной важности въ видахъ образованія и всей будущности народа такихъ сочиненій, которыя издаются подъ именемъ учебниковъ, руководствъ и проч. и по самому своему имени преимущественно покупаются и употребляются для чтенія юношества, предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія обсудить, не слѣдуетъ ли подобнаго рода книги, хотя бы онѣ были составлены и не прямо для общественнаго преподаванія, подвергать сверхъ обыкновенной цензуры особому разсмотрѣнію. Послѣдствіемъ такого сооб-

Digitized by Google

щенія было учрежденіе при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, въ видѣ опыта на два года, особаго комитета для разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ. На комитетъ этотъ возложено было разсматривать всѣ помянутыя выше книги, за исключеніемъ сочиненій, относящихся къ закону Божію и потому зависящихъ исключительно отъ духовной цензуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ было установлено, чтобы гражданскіе цензурные комитеты, получивъ отъ частныхъ лицъ предполагаемыя къ печатанію рукописи, книги и вообще произведенія учебной словесности, препровождали ихъ въ комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ и не прежде приступали къ цензурованію, какъ по возвращеніи ихъ съ одобрительнымъ заключеніемъ послѣдняго (Сб. пост. по М. Н. Пр. т. 2 стр. 960—962).

Но на практикѣ очень скоро выяснилось крайнее неудобство совмѣщенія цензурныхъ обязанностей съ педагогическими, вызывавшее пререканія между цензурою и комитетомъ, почему 8 марта 1856 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору о преобразованіи главнаго управленія училищъ и объ учрежденіи при Министерствѣ ученаго комитета, полагалъ возложить на этотъ послѣдній обязанности комитета для разсмотрѣнія руководствъ, но съ тѣмъ, чтобы цензурныя обязанности, на него возложенныя, отошли къ общей цензурѣ, которая будетъ въ состояніи преграждать входъ въ публику всякому вредному въ цензурномъ смыслѣ сочиненію, часть же педагогическая и учебная была сосредоточена въ ученомъ комитетѣ, который обязанъ «подробно слѣдя за ходомъ всей нашей ученой и педагогической литературы, объявленіемъ своего мнѣнія объ особенно безполезныхъ или плохихъ сочиненіяхъ этого рода, еслибы таковыя паче чаянія появились въ печати, препятствовать ихъ распространенію въ публикѣ». Мѣра эта, по мнѣнію Министра, сдѣлается тѣмъ дѣйствительнѣе, что ученый комитетъ будетъ состоять преимущественно изъ такихъ лицъ, кои по своей учености пользуются уже авторитетомъ. Всѣ эти предположенія Министра были Высочайше утверждены 5 мая 1856 года (Сб. пост. по М. Н. Пр. т. III.), при чемъ на комитетъ возложено также объявленіе конкурсовъ на составленіе учебниковъ. Оба вышеизложенныя положенія о разсмотрѣніи книгъ для учебныхъ заведеній имѣли одно несомнѣнное достоинство: они возлагали на комитетъ обязанность разсматривать всѣ книги, предназначенныя для распространенія въ учебныхъ заведеніяхъ и для чтенія юношества и подробно слѣдить за ходомъ всей нашей ученой и педагогической литературы.

При такихъ условіяхъ не могло бы встрѣтиться никакихъ препятствій къ распространенію въ школахъ хорошихъ книгъ и учебниковъ, а всѣ изданія, составленныя людьми, преслѣдующими только корыстныя цѣли и недостаточно ознакомленными съ задачами и правилами воспитанія, объявленныя плохими или безполезными отъ имени такого авторитетнаго учрежденія, какъ уче-

Digitized by Google

ный комитетъ, не могли бы имѣть сколько-нибудь широкаго распространенія въ обществѣ. Путемъ объявленія конкурсовъ и выдачею премій за лучшіе учебники и руководства, комитетъ могъ содѣйствовать обогащенію нашей учебной и педагогической литературы хорошими книгами. Такой порядокъ не отмѣняется и закономъ 18 іюня 1863 г. объ измѣненіяхъ въ учрежденіи М. Н. П., вошедшемъ и въ послѣднее изданіе свода законовъ 1893 г. безъ всякихъ измѣненій въ той его части, которая касается разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, книгъ, періодическихъ изданій и проч. Въ положеніи 18 іюня говорится: «ученый комитетъ имѣетъ назначеніемъ разсматривать, по порученію Министра, книги, сочиненія и періодическія изданія, которыя предполагаются для распространенія въ учебныхъ заведеніяхъ». И далѣе: «ученый комитетъ, по предложенію Министра, назначаетъ конкурсы на составленіе лучшихъ учебныхъ руководствъ и присуждаетъ преміи. Обѣ эти статьи, со ссылкою на время Высочайшаго утвержденія положенія, вошли въ новѣйшее изданіе Свода законовъ безъ всякихъ измѣненій (ст. 448 и 449 т. I ч. 2 Св. зак. изд. 1893 г.). Чтобы точнѣе опредѣлить задачи, возлагаемыя названными статьями на ученый комитетъ, мы обращаемся къ представленію Министра въ Государственный Совѣтъ, куда онъ вноситъ вышеупомянутый проектъ. По словамъ Министра, на ученомъ комитетѣ лежитъ «разсмотрѣніе и оцѣнка учебныхъ руководствъ, разсмотрѣніе другихъ книгъ и рукописей». И далѣе: «постоянное наблюденіе за тѣмъ, въ какихъ руководствахъ нуждаются учебныя заведенія для болѣе успѣшнаго и соотвѣтственнаго цѣли своей преподаванія и изысканія средствъ къ удовлетворенію этой потребности переводомъ ли образцовыхъ въ этомъ отношеніи иностранныхъ учебниковъ, или изданіемъ новыхъ въ Россіи; предупрежденіе распространенія въ публикѣ, такихъ издаваемыхъ частными людьми, всякаго рода учебныхъ книгъ и руководствъ, со включеніемъ сочиненій и переводовъ для дѣтскаго чтенія, кои по своему достоинству не заслуживаютъ одобренія и не обѣщаютъ той пользы, какой отъ изданій сего рода ожидать надлежитъ». Въ заключеніи своемъ Министръ писалъ, что ученый комитетъ имѣетъ цѣлью разсмотрѣніе предположеній по педагогической и учебной частямъ съ обязательностью притомъ подробно слѣдить за ходомъ всей нашей учебной и педагогической литературы». (Сборн. пост. по Мин. Нар. Пр. т. 3 стр. 902—906).

Представленіе Министра въ этой своей части не вызвало никакихъ возраженій въ Государственномъ Совѣтѣ, какъ это видно изъ журналовъ Совѣта, напечатанныхъ въ Сб. пост. по М. Н. Пр. 3 т. 886.

Очевидно, что и этотъ законъ, обязательный и для настоящаго времени, въ виду его переизданія въ 1893 году, возлагалъ на ученый комитетъ разсмотрѣніе всѣхъ учебниковъ и книгъ для дѣтскаго чтенія безъ всякихъ исключеній и ограниченій. А обязанность его предупреждать распространеніе безполезныхъ книгъ

Digitized by Google

въ публикѣ могла лучше всего быть исполнена тѣмъ же путемъ, какой указанъ былъ предыдущими узаконеніями, т. е. опубликованіемъ его авторитетнаго мнѣнія о такихъ книгахъ.

Всѣ вышеозначенныя законоположенія касаются всего ученаго комитета, но при немъ Высочайшимъ повелѣніемъ 19 мая 1869 года образованъ особый отдѣлъ, на который возложенъ надзоръ исключительно за книгами для народнаго чтенія и для народныхъ училищъ. И въ этомъ, позднѣйшемъ изъ всѣхъ перечисленныхъ выше Высочайшихъ повелѣній, на особый отдѣлъ возложено разсмотрѣніе опять таки всѣхъ книгъ и при томъ не только издаваемыхъ со времени учрежденія отдѣла, но и изданныхъ за истекшее десятилѣтіе. При этомъ на само Министерство возложено было войти въ сношеніе съ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ о доставленіи Министерству Народнаго Просвѣщенія изъ главнаго управленія по дѣламъ печати списковъ всѣхъ бывшихъ на разсмотрѣніи его книгъ, предназначенныхъ для народнаго чтенія.

Правда, 23 марта 1865 г. обнародованы были временныя правила, ограничивающія работу ученаго комитета только тѣми изданіями, какія будутъ представлены ему авторами, издателями и т. п., но эти правила, какъ временныя, не вошли въ послѣднее изданіе свода законовъ и потому не могутъ въ настоящее время оказывать никакого вліянія на дѣятельность ученаго комитета. Онъ по прежнему разсматриваетъ всю педагогическую, народную и учебную литературу, и если при этомъ онъ изъ массы изданій, изъ коихъ многія вызываютъ восторженные отзывы и въ журналистикѣ, и въ обществахъ, поставившихъ цѣлью разсматривать педагогическую, народную и учебную литературу, одобряетъ только самую незначительную часть, то это свидѣтельствуетъ только объ его, можетъ быть, даже чрезмѣрной строгости и осторожности въ допущеніи книгъ.

При такомъ тщательномъ просмотрѣ книгъ трудно думать, чтобы въ каталогъ народныхъ библіотекъ-читаленъ попала хотя бы одна книга сомнительнаго содержанія. И потому Министерство, признавши основательность жалобъ на недостаточность матеріала, одобреннаго для народныхъ аудиторій, поступило бы вполнѣ послѣдовательно и въ то же время крайне осторожно, еслибы допустило для публичныхъ народныхъ чтеній книги, одобренныя для народныхъ безплатныхъ библіотекъ читаленъ.

Что никакихъ злоупотребленій въ этомъ случаѣ не можетъ быть, за это ручается строгость мѣстныхъ наблюдателей за чтеніями. Ихъ отношенія къ своимъ обязанностямъ еще болѣе строги, нежели отношенія центральнаго управленія Учебнаго вѣдомства.

Эти отношенія настолько общеизвѣстны, что здѣсь достаточно привести лишь нѣсколько иллюстрацій. По словамъ г. Пругавина, «одинъ чиновникъ особыхъ порученій при мѣстномъ губернаторѣ обратился къ попечителю рижскаго учебнаго округа съ просьбой дозволить ему, какъ члену мѣстной коммиссіи для устройства народныхъ чтеній, прочесть въ обыкновенномъ помѣщеніи этихъ

Digitized by Google

чтеній статью врача Мендельсона: «Что такое зараза», помѣщенную въ № 33 «Сельскаго Вѣстника» за 1892 г. «Сельскій Вѣстникъ»—изданіе правительственное, выходитъ при «Правительственномъ Вѣстникѣ», выписывается обязательно и безплатно всѣми волостными правленіями Россійской Имперіи. И вотъ статью, помѣщенную въ такомъ изданіи, вознамѣрился, въ виду приближенія холеры, прочесть для народа чиновникъ особыхъ порученій при мѣстномъ губернаторѣ... На его просьбу отношеніемъ отъ 19 февраля 1893 года за № 1121, канцелярія попечителя увѣдомила просителя, что его превосходительство не нашелъ возможнымъ разрѣшить прочесть эту статью для народа, «такъ какъ къ публичному прочтенію народу, на основаніи § 5 Высочайше утвержденныхъ 24 декабря 1876 г. правилъ для устройства народныхъ чтеній въ губернскихъ городахъ, допускаются только сочиненія, одобренныя для этой цѣли ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ числѣ которыхъ не значится упомянутой статьи доктора медицины Мендельсона». Напрасно проситель указывалъ на то обстоятельство, что онъ именно потому и обратился къ попечителю за разрѣшеніемъ, что эта статья не помѣщена въ спискѣ 1876 г., иначе бы онъ прочелъ ее, не спрашивая ни у кого разрѣшенія, напрасно правителю попечителя высказывалось въ частномъ разговорѣ, что списокъ 1876 г. исключилъ изъ числа дозволенныхъ къ чтенію только тѣ сочиненія, которыя появились не позже 1876 года, вслѣдствіе чего статья, появившаяся въ 1892 г., не можетъ считаться какъ бы «отреченной» только потому, что она въ этомъ спискѣ «не значится»... Ничто не помогло: статья доктора Мендельсона, помѣщенная въ правительственномъ изданіи, спеціально назначенномъ для распространенія въ народѣ, такъ и не была разрѣшена для прочтенія въ народной аудиторіи».

Въ газетахъ то и дѣло сообщается, какъ мѣстное начальство не допускаетъ къ прочтенію какой нибудь сказки Жуковскаго или разсказа Толстого, только потому, что въ рукахъ лектора находится эта сказка въ изданіи 90-годовъ, а она была одобрена Ученымъ Комитетомъ въ 1885 г. Начальству прекрасно извѣстно, что въ новомъ изданіи не измѣнено ни единаго слова; но такова ужъ строгость русскаго даже маленькаго чиновника въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, что онъ никогда не позволитъ себѣ отступить отъ буквы своихъ инструкцій.

При такихъ условіяхъ, очень часто приходится отказываться отъ чтенія какой-нибудь хорошей книжки только потому, что ея изданіе, заслужившее одобреніе Ученаго Комитета, распродано, а новое не помѣщено въ министерскій каталогъ. Кромѣ того нѣкоторыя книжки оказываются одобренными въ болѣе дорогихъ изданіяхъ и не одобренными въ дешевыхъ. Такъ было, напримѣръ, съ «Пѣснею про купца Калашникова». Она была одобрена въ 10-ти копѣечномъ изданіи и не одобрена въ 1½ копѣечномъ. Также стоитъ дѣло съ двумя разсказами Л. Толстого, удостоившимися

Digitized by Google

одобренія Ученаго Комитета. Въ такомъ же положеніи находятся наиболѣе дешевыя изданія изъ Пушкина, нѣкоторыя житія святыхъ и проч.

Если съ этою обычною, всѣмъ извѣстною строгостью мѣстнаго начальства сопоставить ограниченность книгъ, одобренныхъ для безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ, то не останется никакихъ опасеній за то, чтобы намѣченная нами мѣра могла принести что нибудь кромѣ пользы. А польза отъ нея была бы большая. Лекторамъ не пришлось бы повторять изъ году въ годъ одни и тѣ же чтенія, интересъ слушателей поддерживался бы разнообразіемъ репертуара и число посѣтителей не убывало бы, а росло; можно было бы ввести систематическія чтенія и по закону Божію, и по русской исторіи, и по географіи, и по гигіенѣ и проч. Большая успѣшность чтеній вызвала бы въ образованномъ обществѣ больше интереса къ этой формѣ народопросвѣтительной дѣятельности. И народныя аудиторіи не были бы, какъ теперь, рѣдкими оазисами на темномъ фонѣ довольно еще распространеннаго индифферентизма къ вопросу о томъ, гдѣ и какъ проводитъ свои досуги простой русскій человѣкъ, чѣмъ онъ живетъ въ духовномъ смыслѣ, какъ удовлетворяетъ онъ свои духовныя потребности.

В. Вахтеровъ.

Западникъ Петровскаго времени.

Эпоха Петра вмѣстѣ съ допетровской стариною давно уже стала предметомъ тщательныхъ научныхъ изслѣдованій. Невѣрные, односторонніе взгляды на нее сами отошли въ область исторіи. По строгому безпристрастному приговору науки преобразовательная дѣятельность Петра I является въ нашихъ глазахъ естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ предшествовавшаго ей многовѣковаго хода народнаго развитія. Однако въ нашемъ обществѣ до сихъ поръ еще слышатся нерѣдко странныя мнѣнія о событіяхъ и лицахъ этого времени,—мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ твердо установленными научными взглядами и свидѣтельствующія чаще всего о плохомъ знакомствѣ съ исторіей эпохи. У насъ вообще мало возбужденъ интересъ къ историческому знанію. Мы еще со школьной скамьи привыкаемъ смотрѣть на свою даже не особенно далекую старину, какъ на что-то скучное, безжизненное, давно канувшее въ вѣчность и не имѣющее никакой связи съ тѣми живыми вопросами, которые волнуютъ наше время. У насъ до сихъ поръ не выработалось привычки искать надежной

Digitized by Google

опоры для нашей дѣятельности въ историческомъ знаніи, и мы смѣло думаемъ, что можно жить и дѣлать исторію, не зная ея. И это неудивительно. Нашему равнодушію къ этой важной области знаній не мало способствуетъ та мыслебоязнь и неразлучные съ нею пробѣлы, которыми издавна отличаются наши общеобразовательныя историческія программы и учебники. Въ нихъ зачастую отсутствуютъ необходимыя свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ дѣятеляхъ, а иногда и о цѣлыхъ періодахъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такихъ умолчаній является односторонность знаній и неправильность выводовъ, что ведетъ къ извращенному пониманію родной исторіи, а иногда убиваетъ въ самомъ началѣ всякій интересъ къ ея изученію. И это тѣмъ болѣе печально, что даже, при сильномъ желаніи пополнить эти пробѣлы, для огромнаго большинства образованныхъ русскихъ людей, нѣтъ почти никакой возможности этого достигнуть: у насъ для этой цѣли слишкомъ мало наличныхъ средствъ. Необходимыя свѣдѣнія большею частію разбросаны въ разныхъ, часто старыхъ и очень рѣдкихъ, періодическихъ изданіяхъ или погребены въ толстѣйшихъ фоліантахъ ученыхъ изслѣдованій, доступныхъ только спеціалистамъ.

Какъ на разительный примѣръ важнаго упущенія въ историческомъ курсѣ, мы хотимъ указать на непростительное невниманіе программъ и историческихъ учебниковъ по русской литературѣ къ дѣятельности писателя, который занимаетъ центральное мѣсто въ литературѣ петровскаго времени. По всей справедливости, не кто другой, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ является самымъ яркимъ, талантливымъ представителемъ высшихъ духовныхъ интересовъ этой эпохи. А между тѣмъ, въ учебникахъ о немъ говорится два, три слова, и наша школа, часто съ излишнею ревностію изучающая реторическія упражненія Кирилла Туровскаго или такіе хотя и характерные памятники, какъ Домострой и Стоглавъ, но представляющіе исключительно взгляды охранителей старины, ничего не знаетъ о «Духовномъ Регламентѣ» и другихъ произведеніяхъ Ѳеофана, отъ которыхъ вѣетъ новымъ духомъ.

Руководясь этими соображеніями, мы и предлагаемъ общественному вниманію настоящій очеркъ, стремящійся посильно содѣйствовать пополненію свѣдѣній объ этой замѣчательной эпохѣ. На нашъ взглядъ, жизнь и дѣятельность этого знаменитѣйшаго сподвижника Петра I представляется въ высокой степени поучительнымъ и полнымъ драматизма эпизодомъ изъ той многовѣковой культурной борьбы, которая въ нѣсколько иныхъ формахъ и съ иными средствами ведется и въ наше время.

Старая, до-петровская Русь, отходя въ область исторіи, завѣщала эпохѣ Петра I свою многовѣковую трудную борьбу. Это была борьба отживавшихъ свой вѣкъ понятій, на которыхъ держался весь строй древнерусской жизни, съ понятіями новыми, сложившимися подъ вліяніемъ Запада,—борьба, начавшаяся еретическими движеніями еще въ концѣ XIV вѣка. Древнерусская жизнь была глубоко проникнута церковно-религіознымъ духомъ;

Digitized by Google

люди стараго склада мыслей привыкли всякое жизненное явленіе подводить подъ мѣрку церковно-догматическую и оцѣнивать съ точки зрѣнія исповѣдной, и потому естественно, что борьба велась главнымъ образомъ на почвѣ вопросовъ вѣроисповѣдныхъ. Русскому грамотнику петровскаго времени отъ этихъ вопросовъ и дѣваться было некуда: онъ съ ними встрѣчался и въ жизни и въ книгѣ, и при томъ не только въ русской, но часто и въ переводной, иностранной. Въ началѣ XVIII вѣка и въ образованной Европѣ шла еще страстная вѣроисповѣдная полемика, и тамъ не часто встрѣчались люди, которые были способны отдѣлять чистые интересы науки отъ вопросовъ богословскихъ. Филологическое отдѣленіе Берлинской Академіи наукъ собралось 19-го ноября 1711-го года въ особое засѣданіе, по поводу предстоявшаго брака царевича Алексѣя съ Вольфенбютельскою принцессою, и его занималъ главнымъ образомъ вопросъ, какъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ для успѣховъ лютеранскаго вѣроисповѣданія. Парижская Сорбонна, увидавъ въ 1717 году въ своихъ стѣнахъ русскаго царя, начала заманчиво толковать ему о слiяніи русской церкви съ римскою, соблазняя славой миротворца-соединителя вѣрующихъ христіанъ во едино стадо. Очевидно, что вѣроисповѣдные вопросы для большинства тогдашнихъ ученыхъ стояли на первомъ планѣ и такихъ, какъ Лейбницъ, который въ своихъ сношеніяхъ съ Петромъ преслѣдовалъ исключительно просвѣтительныя и научныя цѣли, было немного. Въ умственной жизни Европы еще раньше рѣзко обозначились два противоположныя направленія: католическое и протестантское. Отличительною чертою перваго было господство церковнаго авторитета, стремившагося стать выше авторитета свѣтской власти и распространить свое вліяніе на всѣ сферы жизни, стѣсняя свободу мысли и совѣсти. Второе же, напротивъ, отличалось отсутствіемъ такихъ притязаній со стороны духовной власти: ея положеніе въ государствахъ протестантскихъ было болѣе, чѣмъ скромное, вполнѣ подчиненное свѣтской власти, и на этой почвѣ выросло уваженіе къ правамъ человѣческаго разума, явилась свобода научнаго изслѣдованія. Такое положеніе дѣлъ въ Европѣ, въ періодъ нашего сближенія съ нею, неизбѣжно должно было отразиться и у насъ, въ Россіи. И дѣйствительно, оба направленія европейской мысли проникали къ намъ различными путями: частію черезъ іезуитскія школы въ Польшѣ, гдѣ обучалось большинство малороссійскаго духовенства, частію путемъ книжнымъ, частію путемъ живого общенія съ иностранцами разныхъ вѣроисповѣданій, проживавшими тогда въ Россіи. Петру съ его стремленіемъ править неограниченно, безъ помѣхъ, съ его широкими преобразовательными замыслами, конечно, не по душѣ было католическое направленіе, напоминавшее старинный московскій порядокъ вещей, съ которымъ у него были порваны всѣ связи, и онъ, естественно, склонился на сторону протестанства.

И не одинъ Петръ симпатизировалъ въ этомъ смыслѣ послѣд-

Digitized by Google

нему направленію, а все передовое мыслящее меньшинство образованныхъ русскихъ людей той эпохи, тогда какъ люди, которыхъ тянуло назадъ, къ допетровскимъ порядкамъ, чувствовали болѣе склонности къ католичеству. Къ этому разряду принадлежали многіе изъ получившихъ образованіе въ іезуитскихъ коллегіяхъ, гдѣ умы ихъ запутывались въ средневѣковой схоластикѣ, какъ въ паутинѣ. Но, сочувствуя католическимъ или протестантскимъ общественнымъ отношеніямъ, научнымъ пріемамъ, ни тѣ, ни другіе, развѣ за самыми рѣдкими исключеніями, не принимали догматовъ чужихъ вѣроисповѣданій и оставались всегда вѣрными православію. Если случались иногда богословскія ошибки (а любовь къ богословствованію была сильно распространена въ то время), то это происходило чаще всего по неумѣнію разобраться въ богословскихъ вопросахъ, а главнымъ образомъ по невѣжеству. Однако, не смотря на то, что въ такихъ отношеніяхъ нашихъ къ Западу для чистоты нашей вѣры не представлялось ни малѣйшей опасности, закоренѣлая привычка сводить всякій вопросъ на вѣроисповѣдную почву заставляла людей старины видѣть у своихъ противниковъ именно измѣну вѣрѣ, обвинять въ «лютерской» или «кальвинской» ереси. Къ чести людей новаго направленія, тогдашнихъ западниковъ, надо сказать, что они въ борьбѣ съ противной партіей не употребляли этого пріема и если попрекали иногда «папежскимъ духомъ», по тогдашнему выраженію, то въ смыслѣ только ихъ клерикальныхъ стремленій, т. е. стремленій къ усиленію церковной власти, что и было вполнѣ справедливо.

Среди западниковъ петровскаго времени первое мѣсто безспорно принадлежитъ знаменитому епископу псковскому, Ѳеофану Прокоповичу. Европейски образованный человѣкъ, сторонникъ новаго направленія, онъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности, еще задолго до знакомства съ Петромъ, выступаетъ защитникомъ его преобразованій, безпощадно разбивая старыя понятія. Всѣ сочиненія его проникнуты критическимъ духомъ, и очень многія мѣста въ нихъ являются чистой сатирой на современные ему нравы. Но кромѣ этой отрицательной стороны въ его дѣятельности есть и другая, положительная. Какъ авторъ «Духовнаго Регламента», онъ является главнымъ дѣятелемъ церковной реформы, способствовавшей освобожденію русской мысли отъ авторитета, который долго тормозилъ ея движеніе. Борьба за право думать, учиться, говорить, за право, такъ сказать, духовнаго существованія составляла задачу его жизни. Его взгляды отличались строгою опредѣленностью и выдержанностью, и онъ не измѣнилъ своему направленію до конца своей жизни. Въ большую заслугу должна быть поставлена также его педагогическая дѣятельность: какъ талантливый преподаватель онъ привлекалъ слушателей не однимъ искуснымъ изложеніемъ, но и совершенно новымъ содержаніемъ своихъ лекцій; а нѣкоторые изъ составленныхъ имъ учебниковъ имѣли очень широкое распро-

Digitized by Google

страненіе и издавались даже въ началѣ нашего столѣтія. Безъ преувеличенія можно сказать, что, за исключеніемъ Ломоносова и Новикова, врядъ ли въ XVIII вѣкѣ найдется писатель, который такъ много поработалъ на пользу русскаго просвѣщенія, какъ Ѳеофанъ.

Въ тѣсныхъ рамкахъ предлагаемаго очерка нѣтъ возможности представить во всей полнотѣ эту сложную жизнь и эту разнообразную дѣятельность, обильную событіями, полную труда и душевныхъ тревогъ, и мы ограничимся ея существенною, идейною стороною, укажемъ только на главные литературные факты, изобразимъ важнѣйшіе моменты той культурной борьбы, въ которой этому, по выраженію Кантемира, «дивному первосвященнику» принадлежитъ такая выдающаяся роль.

Ѳеофанъ родился въ Кіевѣ въ 1681 году и названъ при крещеніи Элеазаромъ. Отецъ его былъ мелкій кіевскій торговецъ. Вскорѣ послѣ рожденія, мальчикъ лишился сначала отца, а потомъ матери и попалъ на воспитаніе къ своему дядѣ Ѳеофану Прокоповичу, ректору Кіевской Академіи. Онъ поступаетъ уже въ академію, но на одиннадцатомъ году теряетъ и этого послѣдняго родственника. Къ счастію, кто-то изъ кіевскихъ жителей, сжалившись надъ круглымъ сиротою, принимаетъ на себя всѣ заботы по воспитанію его и даетъ полную возможность продолжать ученіе. У мальчика обнаруживаются выдающіяся способности; онъ легко преодолѣваетъ тогдашнюю схоластическую науку и блестяще оканчиваетъ курсъ въ академіи. Но самое цѣнное, что пріобрѣтаетъ онъ здѣсь, это—та страстная любовь къ наукѣ, которая заставляетъ его искать дальнѣйшаго образованія и тянетъ на Западъ. Онъ отправляется сначала въ Польшу.

Той широкой вѣротерпимости, какою отличаются образованнѣйшія государства Европы въ наше время, тогда еще не существовало нигдѣ; поэтому неудивительно, что двери польскихъ училищъ были закрыты для людей восточнаго исповѣданія. При поступленіи въ нихъ, бывшіе воспитанники кіевской академіи были вынуждаемы, какъ пишетъ одинъ изъ нихъ, «наукъ ради учинять отступство отъ благочестивыя вѣры». Случаевъ такого временнаго отступничества отъ вѣры «едиными усты, но не сердцемъ», если вѣрить словамъ того же лица, было не мало. Уніатами въ молодости были многіе изъ кіевскихъ ученыхъ монаховъ, достигшихъ потомъ высокихъ степеней въ русской церковной іерархіи; такъ, напримѣръ, въ числѣ ихъ былъ и извѣстный Стефанъ Яворскій, мѣстоблюститель патріаршаго престола. По возвращеніи на родину ихъ обыкновенно разрѣшали отъ данной клятвы и снова принимали въ лоно православной церкви.

Такъ случилось и съ Элеазаромъ. Но онъ недолго оставался въ Польшѣ. Его способности были замѣчены и вѣрно оцѣнены тамошними іезуитами. На него, какъ видно, возлагали большія надежды, потому что вскорѣ нашли нужнымъ отправить его въ Римскую Академію св. Аѳанасія, основанную папой Григоріемъ

Digitized by Google

XIII для грековъ и славянъ въ видахъ распространенія католицизма на Востокѣ. Воспитанники этой академіи обучались безплатно, содержались на счетъ папы и обязывались клятвою заботиться, по окончаніи курса, о соединеніи Восточной церкви съ Западною.

Элеазаръ вскорѣ, по поступленіи въ академію, сдѣлался любимцемъ начальника ея, іезуита, и былъ даже принятъ въ его домъ. Покровительство такого вліятельнаго лица сдѣлало доступными для Элеазара всѣ библіотеки Рима, не исключая и самой богатой, Ватиканской, и онъ широко пользовался этими благопріятными для пріобрѣтенія знаній обстоятельствами. Онъ изучалъ и творенія отцовъ Западной и Восточной церкви, и писателей классическихъ, которые для іезуитскихъ школъ издавались весьма тщательно, безъ искаженій, не оставилъ безъ вниманія и новыхъ итальянскихъ писателей. Все, что было лучшаго для того времени въ области богословія, философіи, исторіи, краснорѣчія и поэзіи было изучено имъ основательно. Онъ работалъ съ горячимъ увлеченіемъ молодости, съ жадностію, «денно и нощно, иногда отказываясь отъ пищи», говоритъ его біографъ. Результаты серьезной умственной работы не замедлили обнаружиться: онъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ средневѣковымъ схоластикомъ, въ родѣ Ѳомы Аквината, и ко всему католическому. Ученіе Ѳомы о непогрѣшимости папы, о господствѣ его власти надъ свѣтскими властями, доведенное іезуитами съ помощію натяжекъ и искаженій Св. писанія до послѣднихъ крайностей; ихъ казуистическая теорія нравственности, допускающая обманъ, ложь, подавляющая благородныя побужденія; отсутствіе свободы личнаго изслѣдованія въ католической наукѣ—все это отталкивало его, какъ даровитаго и развитаго человѣка. Надежды ласкавшихъ его іезуитовъ не оправдались: изучивши все, что было достойно изученія, не исключая и замѣчательныхъ памятниковъ искусства, Элеазаръ бѣжалъ изъ Рима. Разсказываютъ, что ему пришлось пробираться окольными опасными путями, такъ какъ это случилось во время войны за испанское наслѣдство. Но зато онъ побывалъ въ нѣкоторыхъ протестантскихъ странахъ, познакомился съ многими протестантскими учеными и всѣхъ, говорятъ, очаровалъ своею образованностью, живостью ума и замѣчательнымъ остроуміемъ.

По возвращеніи въ Кіевъ, Элеазаръ былъ разрѣшенъ отъ клятвы, принятъ православнымъ монахомъ и назвался въ память покойнаго дяди Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Та самая академія, которая заронила въ него первую искру любви къ наукѣ, призвала теперь его самого потрудиться на пользу русскаго просвѣщенія, въ качествѣ преподавателя. Отсюда начинается его довольно разнообразная педагогическая дѣятельность, имѣвшая, какъ мы уже сказали, значеніе для цѣлой Россіи, а не для одного только Кіева. Преподавая поочередно піитику, реторику, философію, богословіе, онъ уже обнаруживаетъ необыкновенную для своего

Digitized by Google

времени смѣлость мысли и жажду обновленія, которыми отличается вся дальнѣйшая его дѣятельность. Онъ не мирится съ рутинными, схоластическими пріемами тогдашняго преподаванія, въ каждомъ предметѣ пролагаетъ новые пути. Своихъ слушателей приводитъ въ восторгъ; въ кругу образованныхъ людей кіевскаго общества становится желаннымъ гостемъ, пріобрѣтаетъ друзей, а между сослуживцами, какъ замѣтный дѣятель новаго направленія, наживаетъ вскорѣ и враговъ.

Въ пінтикѣ вмѣсто того, чтобы сообщать ученикамъ схоластическія правила поэзіи ариѳметической, квадратной, змѣевидной,— рисовать стихи въ видѣ яица, бокала, пирамиды, куба, звѣзды, круга, какъ это дѣлалось учеными наставниками тогдашнихъ академій, Ѳеофанъ осуждаетъ эти стихотворные фокусы, рекомендуетъ имъ изученіе образцовыхъ писателей греческихъ и римскихъ и особенное значеніе придаетъ практическимъ упражненіямъ учащихся въ собственныхъ сочиненіяхъ. Какъ преподаватель поэзіи, по заведенному обычаю, онъ пишетъ школьную драму, въ которой изображаетъ введеніе христіанства въ Россіи Владиміромъ Святымъ. Но изъ подъ пера его выходитъ не обычное школьное «дѣйство», а совершенно новое и по духу и по пріемамъ драматическое произведеніе. Ѳеофанъ развивалъ свое эстетическое чувство, литературный вкусъ, какъ мы сказали, на изученіи классическихъ поэтовъ; весьма естественно, что ему давно опротивѣли тѣ правила и пріемы, которыми руководствовались сочинители школьныхъ драмъ въ іезуитскихъ и нашихъ академіяхъ. Онъ возстаетъ, напримѣръ, противъ обычнаго тогда злоупотребленія символами и аллегоріями, и внутренняя борьба въ героѣ его драмы, Владимірѣ, изображается естественно въ монологѣ, а не выводится, какъ тогда было принято, въ отдѣльныхъ лицахъ, представляющихъ олицетворенія отвлеченныхъ понятій: гордости, смиренія, злобы, любви и т. п. Обычай вставлять между дѣйствіями комическія бытовыя сцены (интермедіи), которыя не имѣли никакой связи съ самой драмой, ему также не нравится: у него комическій элементъ представленъ въ дѣйствующихъ лицахъ его драмы, языческихъ жрецахъ, и слитъ въ одно цѣлое съ серьезнымъ элементомъ, это нововведеніе заставило его назвать свою драму трагедокомедіей. Она соотвѣтствуетъ тому виду драматическихъ произведеній, который мы называемъ теперь драмой въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Въ выборѣ сюжета есть также отступленіе отъ существовавшаго въ то время обычая: онъ взятъ не изъ библейской или греческой исторіи, а изъ русской. И потому въ прологѣ авторъ находитъ нужнымъ оправдаться и пояснить зрителямъ причины, побудившія его взять русское содержаніе и избрать мѣстомъ дѣйствія родной городъ Кіевъ. «Кіевъ—городъ Владиміра, а собравшіеся—его чада, крещеніемъ святымъ отъ него рожденныя: воспоминанія о Владимірѣ имъ такъ же свойственны, какъ свойственна сыновьямъ память о далеко уѣхавшемъ отцѣ». Но всего

Digitized by Google

поразительнѣе въ этой драмѣ—смѣлость замысла. Въ такомъ отдаленномъ по времени историческомъ событіи, какъ принятіе Владиміромъ христіанства и Крещеніе Руси, авторъ необыкновенно искусно и остроумно представляетъ современное ему положеніе дѣлъ въ Россіи; рисуетъ нравы современнаго общества, изображаетъ борьбу своего времени. Владиміръ—преобразователь древней Россіи; кромѣ борьбы съ собственными языческими вкусами, привычками, взглядами, ведетъ борьбу съ языческими жрецами, врагами реформы, съ ихъ умственною закоснѣлостью и невѣжественнымъ самомнѣніемъ. Яснѣе сказать, на сценѣ, передъ зрителями представлена та самая борьба, которая происходила на ихъ глазахъ въ дѣйствительной жизни между молодой и старой Россіей и въ которой самъ авторъ уже принялъ дѣятельное участіе, явно ставъ въ своей драмѣ на сторону новаго направленія. Особенно характерна сцена, гдѣ изображается споръ главнаго жреца съ греческимъ философомъ. Жрецъ начинаетъ грубой бранью, а когда Владиміръ замѣчаетъ ему, что онъ ведетъ себя неприлично, онъ задаетъ философу рядъ глупыхъ вопросовъ.

Чтобы сильнѣе подѣйствовать на князя, жрецы прибѣгаютъ ко лжи и обманамъ. Главный жрецъ разсказываетъ, какъ въ ночномъ видѣніи явился ему богъ Купало: «худъ, сухъ, кость и кожа едина» и укорялъ въ беззаконномъ прекращеніи чествованія «многотучными жертвами». Философъ, выслушавъ разсказъ, замѣчаетъ, что «сонніи сѣни» не пугаютъ людей «трезвыхъ», и учитъ, что истинный Богъ невидимъ и лучшая жертва ему—«духъ сокрушенный». «Трезвый разумъ» Владиміра одерживаетъ въ концѣ пьесы побѣду надъ врагами. Идолы сокрушены, и Русь крещена. Драма заключается хоромъ апостола Андрея съ ангелами, заканчивающимся умѣреннымъ и искреннимъ панегирикомъ современнымъ автору дѣятелямъ.

Указанными чертами драма Ѳеофана выходитъ изъ ряда тогдашнихъ безжизненныхъ школьныхъ «дѣйствъ», которыя писались по извѣстному рецепту учителями академій. Гнѣдичъ въ письмѣ къ гр. Румянцеву, говоря о «Владимірѣ» Прокоповича, видитъ въ авторѣ человѣка, котораго идеи выше круга идей того времени, и справедливо удивляется его мужеству, съ которымъ онъ «выражаетъ мысли, какія въ тотъ вѣкъ и на ухо говорить иные страшились». При этомъ важно отмѣтить, что «Владиміръ» написанъ и представленъ ранѣе первой встрѣчи Ѳеофана съ Петромъ, когда Ѳеофанъ не зналъ, что станетъ впослѣдствіи близко къ царю, займетъ высокое мѣсто въ государствѣ и будетъ играть важную роль въ преобразовательной работѣ Петра.

Не менѣе новизны и самостоятельности обнаружено было имъ и въ преподаваніи реторики въ слѣдующемъ году. Природное остроуміе, живая наблюдательность, умѣнье схватить и живо изобразить уродливое и смѣшное въ окружающей жизни несомнѣнно свидѣтельствуютъ о его недюжинномъ сатирическомъ талантѣ. Съ особенною безпощадностью онъ преслѣдуетъ злыми насмѣшками

Digitized by Google

близко знакомыхъ ему іезуитовъ и ихъ русскихъ послѣдователей, воспитанныхъ въ духѣ лицемѣрія и ханжества. Въ учебномъ руководствѣ по реторикѣ имъ помѣщена, какъ примѣръ характеристики, очень мѣткая и живая на нихъ сатира. Мы позволимъ себѣ привести изъ нея нѣкоторыя мѣста въ переводѣ на современный языкъ, какъ онъ сдѣланъ въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи». «Они всецѣло», говоритъ Ѳеофанъ, «созданы для пріобрѣтенія благосклонности, являются въ обществѣ въ черной, но изящной одеждѣ, отличаются бѣлизною кожи,—красавцы съ головы до ногъ: тихо принимаютъ веселый видъ, придаютъ лицу пріятное выраженіе, складываютъ губы поженски, поднимаютъ и опускаютъ брови, мастерски потупляютъ глаза, говорятъ ломаннымъ (т. е. дѣланнымъ) голосомъ, пріятно и часто улыбаются. А сколько мастерства въ томъ, что они имѣютъ обыкновеніе, какъ нѣкоторые протеи, почти въ одно и то же время измѣнять свое лицо для выраженія самыхъ противоположныхъ душевныхъ движеній. Сейчасъ ты его слышалъ веселаго и забавнаго, но если попадется въ рѣчи одно словечко сколько-нибудь печальнаго содержанія, вотъ онъ и вздыхаетъ, и стенаетъ, и слезки каплютъ, и все это дѣлаетъ онъ съ такою нѣжностью и пріятностью, какую можно видѣть въ молоденькихъ дѣвушкахъ... Я подозрѣваю, что лучшіе учителя у нихъ тѣ, которые обучаютъ искусству кокетничать». Далѣе также мастерски изображаются отношенія іезуитовъ къ дѣтямъ, женщинамъ, поддавшимся ихъ вліянію, и бѣднымъ. «Это люди, всѣ слова и дѣла которыхъ проникнуты развращающимъ элементомъ подложности и фальшивости. Они изобрѣтаютъ новыя и пустыя церемоніи; они постоянно шутятъ въ священныхъ собраніяхъ. Этими авторами выдуманы тѣ нѣжныя басенки для дѣтей и женщинъ, будто Св. Дѣва поручила прилежному мальчику носить на рукахъ младенца Іисуса, что будто, когда была въ банѣ,—отдала его вымыть одной дѣвочкѣ, будто ангелъ когда будилъ какую-то дѣвицу къ утренней молитвѣ, тихо пощипалъ ее за ушко».. «Но самый благопріятный случай выпадаетъ имъ, если они слышатъ, что какая-нибудь богатая женщина лежитъ въ постелѣ; если больная, поддавшись ихъ суетнымъ внушеніямъ, откажетъ имъ или часть наслѣдства, или большія деньги, тогда іезуиты значительно увеличиваютъ обѣщанное больной вѣчное блаженство и, кромѣ того, подарятъ ей четки, какъ вѣрнѣйшій залогъ спасенія. Впрочемъ, чтобы не оставить безъ вниманія и бѣдныхъ, скорымъ шагомъ обходятъ и тѣ дома, въ которыхъ жаренымъ не пахнетъ». Помѣщая подобную характеристику въ учебникъ, Ѳеофанъ, конечно, преслѣдовалъ не учебныя только цѣли, но, какъ истинный педагогъ, заботился и о нравственномъ вліяніи на своихъ слушателей. Съ такою же безпощадностью онъ нападаетъ на іезуитскихъ проповѣдниковъ, которые считались у насъ образцовыми и имѣли послѣдователей. Онъ осмѣиваетъ ихъ за схоластическое пустословіе, грубыя, неумѣстныя шутки, нелѣпыя аллегоріи. У знаменитѣй-

Digitized by Google

шаго изъ польскихъ церковныхъ ораторовъ того времени, Млодзяновскаго, нѣтъ, по мнѣнію Ѳеофана, ни ораторскаго искусства. ни здравыхъ доказательствъ, ни остроумія. Онъ приводитъ изъего рѣчей курьезные разговоры, которыми тотъ пересыпаетъ свои поученія. «Давидъ Святой, что дѣлаешь? Любишь ли Бога? Люблю, говоритъ. Полно, любишь ли? — Самарянка, куда идешь? Вѣроятно, повидаться съ друзьями? Но не за водой съ вердромъ»? и т. п.

Собственныя проповѣди Ѳеофана отличаются необыкновенною простотою и живостью. Безъ излишнихъ разсужденій, безъ реторической напыщенности, онъ обыкновенно прямо приступалъ къ предмету рѣчи. А предметами его рѣчей были всегда живые современные вопросы общественной и государственной жизни.

Въ 1705 году Ѳеофанъ въ первый разъ увидѣлъ Петра, пріѣхавшаго въ Кіевъ. Ему пришлось привѣтствовать его въ Кіевскомъ Софійскомъ Соборѣ. Рѣчь, произнесенная имъ при этомъ случаѣ, была выраженіемъ искренняго сочувствія къ царю преобразователю. Упомянувъ о «непреодолѣнномъ мужествѣ царя во брани», онъ особенно подчеркиваетъ его «любомудріе», уподобляетъ Ярославу, который перевелъ «божественныя и иныя многія книги отъ языка еллинскаго на словенскій», указываетъ на его заботы о Московской Академіи, которая, какъ извѣстно, была преобразована по образцу Кіевской въ 1701 году, и на стремленіе вообще «разширяти мудрость» «людьми учительными», отмѣчаетъ улучшеніе въ тогдашнемъ правосудіи и въ большую заслугу ставитъ ему умѣнье цѣнить и выдвигать людей по ихъ внутреннимъ достоинствамъ, а не по происхожденію или богатству. Рѣчь Ѳеофана не походила на обыкновенный панегирикъ, какихъ много въ то время приходилось слышать Петру съ церковной каѳедры. Въ ней была справедливая оцѣнка его дѣятельности, слышалось неподдѣльное гражданское чувство человѣка живущаго общими интересами и искренне сочувствующаго обновленію русской жизни.

Петръ, конечно, замѣтилъ и талантъ и симпатіи просвѣщеннаго проповѣдника и, вѣроятно, уже намѣтилъ его, какъ сотрудника въ церковной реформѣ, но военныя тревоги этого времени надолго отвлекли его вниманіе отъ церковныхъ дѣлъ, и Ѳеофанъ оставался въ Кіевѣ до 1716 года; только въ 1711 году онъ временно покинулъ свое мѣсто, чтобы сопровождать царя въ Прутскомъ походѣ. По возвращеніи изъ похода, Ѳеофанъ получаетъ мѣсто игумена Кіевобратскаго монастыря и назначается ректоромъ академіи. Петръ, очевидно, не забывалъ о немъ, да и Ѳеофанъ не упускалъ случая, чтобы напоминать о себѣ. Онъ оказываетъ какую то услугу правительству передъ Полтавской битвой; послѣ битвы встрѣчаетъ пріѣхавшаго въ Кіевъ побѣдителя блестящимъ панегирикомъ; говоритъ похвальное слово вліятельному любимцу царскому, Меншикову. Короче сказать, хлопочетъ объ упроченіи своего положенія. Вѣроятно, въ его головѣ уже складывались планы широкой дѣятельности, и скромная роль учителя переставала удовлетворять его честолюбіе.

Digitized by Google

Но справедливость требуетъ сказать, что это настроеніе не вредило его педагогической дѣятельности. Лекціи по богословію, которыя онъ читалъ въ это время, имѣли такой успѣхъ, что привлекали слушателей даже съ отдаленнаго сѣвера, изъ лѣсовъ Олонецкихъ. Ѳеофанъ и здѣсь отвергнулъ старые авторитеты богословской католической науки и ввелъ въ изученіе богословія новый методъ, выработанный протестантскою наукою. Этотъ методъ основывался на филологическомъ и историческомъ изученіи церковной древности, при чемъ знаніе греческаго и еврейскаго языковъ признавалось необходимымъ для правильнаго пониманія и толкованія св. писанія. Написанное имъ руководство по богословію, изъятое изъ употребленія въ реакціонный періодъ, при преемникахъ Петра, введено было вновь при Екатеринѣ II и съ нѣкоторыми измѣненіями дожило до нашего столѣтія въ изданіи 1805 года. Ѳеофанъ написалъ еще нѣсколько богословскихъ трактатовъ. Но кабинетная работа была ему не по характеру.

Живой, подвижной, практическій умъ его не питалъ склонности къ отвлеченнымъ разсужденіямъ. Его тянуло къ такой дѣятельности, которая бы давала больше простору, больше возможности прямо, непосредственно вліять на окружающую дѣйствительность, измѣняя ее къ лучшему. Свободный отъ схоластической рутины, отъ всякихъ предразсудковъ, онъ разумно, безъ фанатизма и суевѣрій относился къ религіи и, будучи человѣкомъ религіознымъ, для котораго небо не было «пустымъ мѣстомъ» и который возмущался «аѳеизмомъ» нѣкоторыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ревностнымъ сторонникомъ прогресса. Наука, по его взгляду, была наилучшимъ и сильнѣйшимъ средствомъ поднять нравственность и благосостояніе народа. Съ этой точки зрѣнія самыми злѣйшими своими врагами онъ справедливо считалъ «папежскій духъ», не допускавшій свободы научнаго изслѣдованія, темное невѣжество и самомнительное полузнаніе, подозрительно относящіяся ко всякому движенію мысли. Онъ испробовалъ свое перо во всѣхъ извѣстныхъ тому времени литературныхъ формахъ: въ проповѣди, богословскомъ трактатѣ, драмѣ, силлабическомъ стихотвореніи, и вездѣ проводилъ однѣ и тѣ же идеи, которымъ остался вѣренъ до конца жизни. Талантъ его преимущественно сатирическій: что бы онъ ни писалъ, у него почти всюду пробивалась сатирическая струйка. У него южная, пылкая натура, горячее сердце; оно мѣшаетъ спокойному отношенію къ окружающимъ: онъ не въ силахъ сдерживаться при встрѣчѣ съ врагами своихъ идей, выраженія его становятся рѣзки, когда онъ бичуетъ этихъ «прекословцевъ», «сумасбродовъ», «неуковъ», не знающихъ даже того, «ремеслишка», которымъ хвастаются, этихъ «школяриковъ, латиною губы примаравшихъ», «шаленыхъ головокъ», «до дна глупыхъ». Его особенно возмущаетъ мнимая ученость этихъ «школяриковъ» и высокомѣрное отношеніе къ толпѣ. Онъ какъ истинно образованный человѣкъ, былъ чуждъ такого отношенія къ простымъ, необразованнымъ людямъ и умѣлъ сдѣлать имъ доступными свои мысли,

Digitized by Google

умѣлъ говорить съ ними. Такимъ популярнымъ изложеніемъ отличается большинство его проповѣдей, имѣющихъ чисто публицистическій характеръ: въ нихъ онъ выясняетъ смыслъ той или другой правительственной мѣры; съ помощію удачныхъ сравненій, простыхъ примѣровъ, взятыхъ изъ повседневной жизни, стремится сдѣлать доступнымъ пониманію простолюдина значеніе того или другого государственнаго событія. Таковы же его «Разговоры гражданина съ селяниномъ и дьякомъ» и «Разговоры древодѣля съ купцомъ», въ которыхъ онъ касается между прочимъ излюбленной темы, о преимуществѣ знанія надъ невѣжествомъ.

Человѣкъ съ такими выдающимися способностями, съ такою энергіею и жаждою дѣятельности въ горячую пору петровскихъ преобразованій не могъ оставаться долгое время въ сторонѣ, на Вкромномъ мѣстѣ архимандрита монастыря и ректора академіи. съ 1715 году его вызываютъ въ Петербургъ.

Но Ѳеофанъ, давно и, можетъ быть, съ нетерпѣніемъ ожидавшій этого вызова, ѣдетъ туда неохотно, съ какою-то робостью, хотя знаетъ заранѣе, что тамъ ожидаетъ его высокій санъ. Въ письмѣ къ своему другу Марковичу онъ пишетъ: «я люблю дѣло епископства, и хотѣлъ бы быть епископомъ, еслибы, вмѣсто того, не пришлось разыгрывать комедіи». Очевидно, что Ѳеофанъ боялся предстоявшей борьбы: онъ отлично зналъ неустройство церковныхъ дѣлъ, зналъ взгляды, степень образованія и настроеніе тогдашняго духовенства и предвидѣлъ заранѣе всѣ тѣ трудности, съ которыми ему придется встрѣтиться на епископскомъ мѣстѣ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ дѣлаетъ попытки отклонить отъ себя эту честь и выражаетъ желаніе возвратиться въ Малороссію. Но его не пускаютъ. Въ ожиданіи государя, который въ это время находился за границей, Ѳеофанъ остается въ Петербургѣ и говоритъ одну проповѣдь за другою. Въ нихъ онъ открыто высказываетъ свои взгляды: заявляетъ свое сочувствіе реформамъ, защищаетъ царскую власть отъ стремленій къ ограниченію ея со стороны духовенства и преклоняется передъ цивилизаціей той самой Европы, которой такъ боялась и даже гнушалась въ то время бородатая Русь.

На Ѳеофана давно уже косились за нѣкоторыя богословскія толкованія, находили ихъ неправильными и возражали противъ нихъ. Ѳеофилактъ Лопатинскій, ректоръ Московской Академіи, считалъ ихъ прямо неправославными. Одного пріѣзда Ѳеофана въ Петербургъ было достаточно. чтобы встревожить охранительную партію. Царевичъ Алексѣй, на которомъ сосредоточивались всѣ надежды тогдашнихъ консерваторовъ, былъ тотчасъ извѣщенъ о пріѣздѣ подозрительнаго кіевлянина, отъ котораго не ожидали ничего хорошаго. А то, что сталъ говорить новопріѣзжій съ церковной каѳедры, окончательно всполошило партію, подняло на ноги и заставило дѣйствовать.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Ѳ. Нелидовъ.

Digitized by Google

Англійскіе писатели XIX столѣтія*).

Проф. Ч. Тернера.

Общая характеристика литературы въ періодъ царствованія королевы Викторіи.

Въ біографіи лорда Теннисона разсказывается, что, прочтя извѣстіе о смерти Байрона въ Мисалунгахъ, онъ выпустилъ изъ рукъ газету и со слезами на глазахъ убѣжалъ въ садъ. Тамъ его нашли два часа спустя сидящимъ на скамейкѣ въ слезахъ. Онъ чертилъ на пескѣ концомъ палки число роковаго 1824 г. и все время говорилъ тихимъ голосомъ: «Байронъ умеръ, Байронъ умеръ!» Юноша поэтъ почувствовалъ, что съ преждевременной смертью главнаго представителя, закончился блестящій періодъ въ поэзіи, вызывавшій лучшія надежды своей необычайной силой и блескомъ; онъ предвидѣлъ, что за этимъ должно было наступить длинное и мрачное время застоя. Годы между смертью Байрона и вступленіемъ на престолъ королевы Викторіи (1837 г.) отмѣчены той бѣдностью интеллектуальныхъ произведеній высшаго порядка, которая обыкновенно наступаетъ послѣ крайняго оживленія. Лучшіе романы Вальтеръ-Скотта были уже написаны, и англійскій романъ очутился въ рукахъ второстепенныхъ писателей Джемса и Бульверъ Литтона. М-ссъ Гемансъ и Летиція Ландонъ были самыми любимыми и извѣстными поэтами того времени. Правда, что Карлейль и Маколей—первый своимъ глубокомысленнымъ очеркомъ о Жанъ-Поль Рихтерѣ и второй своей блестящей защитой Мильтона и пуританства подавали надежды на будущій расцвѣтъ. Но сочиненія, наиболѣе ихъ прославившія, т. е. «Исторія французской революціи» и «Исторія Англіи» въ то время еще не были задуманы.

Личныя качества м-ссъ Гемансъ не могутъ возмѣстить слабости ея поэзіи. Тотъ успѣхъ, которымъ она пользовалась, объя-

---

*) Этимъ очеркомъ открывается продолженіе статей, печатавшихся въ „Образованіи“ въ 1897 году (№№ 1, 2, 4, 7—8, 10 и 12) и посвященныхъ англійскимъ поэтамъ XIX ст. Въ послѣдующихъ очеркахъ имѣется въ виду дать характеристику англійскихъ прозаиковъ XIX ст *Ред.*

Digitized by Google

сняется, ея банальнымъ воспѣваніемъ домашнихъ добродѣтелей а въ ея «Домашнихъ очагахъ Англіи» («Homes of England») столь же банальнымъ воззваніемъ къ самодовольству и пошлому патріотизму. Современники часто называли ее «своей милой поэтессой,» и этотъ пустой эпитетъ лучше всего обозначаетъ ея литературное положеніе. Нѣкоторыя изъ ея короткихъ поэмъ «Casabianca» и другія встрѣчаются еще иногда въ христоматіяхъ но, въ общемъ, совершенно забыты. Самыя лучшія произведенія м-ссъ Ландонъ, ставшей впослѣдствіи женой Маклина, губернатора въ колоніяхъ, никогда не поднимались выше уровня обычныхъ альманахныхъ стиховъ. Но ея ранняя смерть, послѣдовавшая отъ случайнаго отравленія ціанистымъ кали, вызвала сочувствіе и симпатіи большаго числа читателей, чѣмъ этого заслуживаютъ ея ходульные и сантиментальные стихи.

Прозаическія произведенія м-ра Джемса доходятъ приблизительно до двухсотъ томовъ. Большинство изъ нихъ историческіе романы, въ которыхъ авторъ, очевидно, подражаетъ Вальтеру-Скотту, но, не обладая талантомъ своего учителя, онъ рисуетъ только чисто внѣшія картины историческихъ временъ, къ которымъ пріурочены фабулы его разсказовъ. Всѣ они написаны одинаково легкимъ и гладкимъ стилемъ. Лица, выведенныя въ одномъ романѣ, отличаются только именами отъ героевъ другихъ, и самый снисходительный критикъ быстро утомляется отъ всѣхъ битвъ, турнировъ, засадъ и сраженій, составляющихъ главный историческій матеріалъ романиста. Было бы несправедливо отвести Бульверу Литтону мѣсто наряду съ писателями вродѣ Джемса и его многочисленныхъ подражателей. Въ произведеніяхъ Бульверъ Литтона есть мѣста, озаренныя почти геніальнымъ воодушевленіемъ. Въ концѣ своей дѣятельности онъ почти совершенно освободился отъ манерности и шаржа, портившихъ его первые романы. Большинство его произведеній непріятно поражаютъ приподнятостью тона и претензіями на философскую глубину. Слѣдующая короткая выдержка можетъ служить примѣромъ ходульности его языка: «Истинный геній—наиболѣе практичное изъ всѣхъ человѣческихъ свойствъ. Для Аполлона, которому греки поклонялись, какъ типу геніальности, даже Аркадія мѣсто изгнанія, а не родина генія: наскучивъ скоро прязабать въ Темпійской долинѣ, геній поднимается къ своему призванію, становится стрѣлкомъ изъ серебрянаго лука, возницей колесницы міра». Это то, что сэръ Эвансъ въ Шекспировской комедіи назвалъ бы «славными словами». Но только если спросить себя, что они значатъ, мы увидимъ, что, несмотря на большое употребленіе прописныхъ буквъ, въ словахъ этихъ нѣтъ никакого смысла. И въ томъ же приподнятомъ стилѣ Бульверъ разсказываетъ самыя обыкновенныя происшествія будничной жизни. Онъ постоянно напоминаетъ тѣхъ французскихъ писателей, которые, по словамъ Вольтера, вмѣсто того чтобы сказать: le roi vient! произносили фразы, въ родѣ того, что «ce grand roi roule, ici ses

Digitized by Google

pas impérieux!» Привычка неумѣреннаго употребленія самыхъ трескучихъ и тяжелыхъ словъ въ языкѣ сильно портитъ изображеніе характеровъ у Бульвера. Большинство его героевъ—геніи, хотя въ своихъ рѣчахъ и въ своихъ поступкахъ они выказываютъ себя глупыми и несносными фатами. Такъ, напр., про одного изъ героевъ, Эрнеста Мальтраверса, говорится, что онъ посвятилъ полтора года серьезнымъ научнымъ занятіямъ, послѣ чего, какъ насъ увѣряетъ авторъ—«онъ владѣлъ знаніями безсмертныхъ людей прошлаго, какъ роднымъ языкомъ. Поэзія, философія, образъ мыслей, жизненныя привычки граціозныхъ грековъ и избалованныхъ римлянъ были частью его собственныхъ идей и особенностей мысли. Онъ впиталъ въ себя золото Пактола и съ каждой новой струей къ нему стекало золото съ классическаго Тмола». Знаменитый Криктонъ блѣднѣетъ рядомъ съ этимъ удивительнымъ 20-лѣтнимъ юношей, который уже овладѣлъ всѣмъ золотомъ Пактола въ томъ возрастѣ, когда люди рады, если имъ удалось безконечнымъ трудомъ добыть самыя маленькія крупинки сокровища. Изъ многихъ романовъ Бульвера «Послѣдніе дни Помпеи» и «Ріенци» наиболѣе извѣстные, и въ двухъ его послѣднихъ произведеніяхъ «Какстоны» и «Мой романъ» есть описанія англійской деревенской жизни, напоминающія юморъ Стерна.

Преобладаніе прозы—столь же характерная черта литературы въ царствованіе королевы Викторіи, какъ преобладаніе поэзіи было основной чертой англійской литературы во времена Байрона и Шелли. Еслибы требовалось назвать главныхъ англійскихъ писателей первой четверти вѣка, пришлось бы насчитывать почти исключительно поэтовъ, между тѣмъ, какъ имена поэтовъ времени Викторіи могутъ быть пересчитаны по пальцамъ; самые же блестящіе успѣхи литературы относятся къ области прозы. Эпоха разума смѣнила время вѣры. Люди уже не вѣрятъ съ прежней легкостью, умы заняты научными изслѣдованіями и отъ всего требуется научная провѣрка. Поэтамъ внимаетъ теперь уже менѣе многочисленная аудиторія, болѣе критически настроенная, и самые выдающіеся представители новаго поколѣнія отдали, по крайней мѣрѣ, на время свои силы научнымъ изслѣдованіямъ по біологіи, улучшенію парового сообщенія по сушѣ и водѣ и усовершенствованію электрическаго телеграфа.

Литературное возрожденіе англійской націи начинается съ 1837 г., со вступленія на престолъ королевы Викторіи, и слѣдующія за тѣмъ двадцать лѣтъ отмѣчены образцовыми произведеніями въ двухъ значительныхъ областяхъ художественной литературы. Чтобы дать приблизительное понятіе о томъ, что было создано въ этотъ небольшой періодъ времени, достаточно только упомянуть имена Браунинга, Теннисона, Диккенса, Теккерея, Рескина, Маколея и Бронте.

Сообразно съ общимъ закономъ, управляющимъ духовнымъ міромъ, такъ же, какъ и физическимъ, въ литературной жизни

Digitized by Google

каждаго народа замѣчается постоянная смѣна приливовъ и отливовъ. Жизнь въ опредѣленный моментъ смѣняется смертью, съ тѣмъ, чтобы въ должное время опять проявить себя съ возобновленной силой. И такимъ образомъ этотъ короткій, но блестящій періодъ лѣтняго расцвѣта смѣнился осеннимъ увяданіемъ и зимнимъ безплодіемъ. Великія реформы, осуществленныя во второмъ десятилѣтіи царствованія Викторіи выдвинули въ политическомъ отношеніи новый классъ гражданъ, и представители этого класса воспитаны были въ традиціяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ духовной стороной человѣческихъ стремленій. Они признавали только одну цѣль въ жизни—погоню за богатствомъ, и все, что не было связано съ матеріальнымъ процвѣтаніемъ, вызывало лишь презрѣніе или въ лучшемъ случаѣ встрѣчало равнодушное къ себѣ отношеніе. Благодаря этому мертвящему вліянію промышленное благосостояніе достигло небывалой высоты, но не сопровождалось развитіемъ духовной стороны жизни. Принципъ «сторублевыхъ домовладѣльцевъ» осуществилъ очень полно политико-экономическій идеалъ, но никогда не могъ удовлетворить стремленіямъ тѣхъ, которые вѣрятъ, что люди не могутъ жить однимъ насущнымъ хлѣбомъ. Наступила пора пустого филистерства, и напрасно немногіе мыслители, какъ Рескинъ или Арнольдъ протестовали противъ всеобщей погони за наживой золота. Правда, Теннисонъ въ то время уже усердно работалъ надъ своими «Идилліями короля» (Idylls of the King), Джорджъ Элліотъ придала 1859 году большое значеніе въ исторіи литературы—издавъ въ теченіи его романъ «Адамъ Бидъ,» а Робертъ Браунингъ пять лѣтъ спустя написалъ свою знаменитую поэму «Кольцо и книга» (The Ring and the Book). Но эти произведенія интересовали только очень немногихъ людей и долго были неизвѣстны большой публикѣ. Упрямыхъ буржуа не легко было отклонить отъ поклоненія всему пошлому въ литературѣ, и Мартинъ Туперъ продолжаетъ быть любимымъ публикой поэтомъ, которому въ области романа соотвѣтствовали столь же популярные Антоній Тролопъ, Вильки Коллинсъ и миссъ Бреддонъ.

Тѣ, которые имѣютъ счастье не знать «Философію въ пословицахъ» «Proverbial Philosophy» Тупера, съ трудомъ поймутъ, какъ принижена въ этомъ произведеніи поэзія. Нельзя себѣ представить ничего болѣе нелѣпаго и пошлаго, чѣмъ идеи, стиль и языкъ этой такъ называемой философской поэмы, популярность которой была однако, столь велика, что поэма выдержала сорокъ изданій. О томъ, какъ авторитетные критики относились къ этому произведенію, можно судить по одному любопытному мѣсту въ „Капиталѣ“ Маркса. Исчерпавъ всѣ обычныя выраженія презрѣнія по адресу какого-то несчастнаго писателя, на котораго онъ обрушился, Марксъ заканчиваетъ полемику, называя своего противника настоящимъ Тупером въ философіи. Популярность такого пошлаго произведенія является яркимъ примѣромъ литературнаго безвкусія англійскаго средняго класса. Безконечный рядъ

Digitized by Google

нравоучительныхъ плоскостей, разбитыхъ на стихи, часто безъ размѣра,—таково содержаніе книги, составлявшей излюбленную духовную пищу тѣхъ самыхъ читателей, которые упорно не признавали Браунинга и смѣялись надъ «Оріономъ», изданнымъ авторомъ по грошу за экземпляръ, съ тѣмъ, чтобы показать, какъ низко стали цѣнить поэзію. Эти же читатели возмущались свободными мелодичными поэмами Свинборна и очень холодно встрѣтили Теннисоновскаго «Лукреція».

Несомнѣнно, что романы Антонія Троллопа обязаны своей необычайной извѣстностью литературнымъ достоинствамъ, которыхъ совершенно не было у Тупера. Болѣе раннія повѣсти Троллопа, въ которыхъ пересказываются старыя хроники Барсетшайра, можно еще теперь читать съ интересомъ и удовольствіемъ. Они обнаруживаютъ въ авторѣ знаніе англійской провинціальной жизни. Но Троллопъ зналъ только одинъ классъ англійскаго общества и его онъ зналъ только съ чисто внѣшней стороны. Даже лучшія изъ его произведеній нельзя сравнить съ «Картинами изъ жизни духовенства» Джорджъ Элліотъ. Въ послѣднихъ съ замѣчательной силой передается скрытый трагизмъ и пафосъ обыденной жизни какого-нибудь Амоса Бартона или м-ра Гильфиля, Содержаніе повѣстей Троллопа заключается исключительно въ механическомъ повтореніи однихъ и тѣхъ же сценъ и происшествій, такъ что позднѣйшія повѣсти уже лишены всякой свѣжести и оригинальности. Троллопъ самъ разсказываетъ, какъ онъ писалъ свои сочиненія. Каждый день онъ считалъ своимъ долгомъ написать десять страницъ—не болѣе и не менѣе. Такого рода произведенія непремѣнно должны быть лишены всякаго вдохновенія, и писатель, подчиняющій себя такому, механическому правилу, никогда не можетъ быть художникомъ и останется навсегда лишь опытнымъ ремесленникомъ, И, однако, чѣмъ болѣе онъ писалъ и чѣмъ хуже, тѣмъ многочисленнѣе становился кругъ его читателей. Его единственными соперниками были Вильки Коллинсъ и Миссъ Брэддонъ. Вильки Коллинсъ отличался остроуміемъ и загадочностью своихъ фабулъ; интриги его повѣстей искусно приводятъ къ неожиданнымъ, хотя совершенно логически вытекающимъ изъ событій катастрофамъ. Самый знаменитый романъ Вильки Коллинса, «Женщина въ бѣломъ» (The Woman in White), написанъ былъ на пари: авторъ побился объ закладъ, что никто не догадается о развязкѣ, пока онъ самъ не разскажетъ ее въ заключительной главѣ. Романистъ выигралъ пари. Для любителей разсказовъ о полицейскихъ сыщикахъ эти романы представляютъ интересъ; но если считать психологическій анализъ и литературность языка необходимыми качествами романиста, то романы Вильки Коллинса и успѣхъ, которымъ онъ пользовался, приходится считать доказательствомъ испорченнаго литературнаго вкуса. Главное, и быть можетъ, единственное достоинство романовъ миссъ Брэддонъ то, что они написаны художественнымъ и сильнымъ языкомъ. Но, какъ и многіе изъ ея со-

Digitized by Google

временниковъ, она не считала будничную жизнь людей пригодной для интересныхъ романтическихъ фабулъ. Она выдумывала поэтому романтическія фигуры, невозможныя въ жизни. Міръ, который она описываетъ, не похожъ на дѣйствительность. Дѣйствующія лица въ ея произведеніяхъ отличаются во всѣхъ отношеніяхъ отъ людей когда либо жившихъ. Ихъ судьба противорѣчитъ всему жизненному опыту и они участвуютъ въ событіяхъ, которыя никогда не могли бы произойти даже среди самыхъ исключительныхъ и рѣдкихъ обстоятельствъ. Они возбуждаютъ поэтому мало интереса, не представляютъ ничего общаго съ нашей жизнью; ихъ невозможные подвиги и страшныя преступленія слишкомъ чудовищны, чтобы вызвать въ насъ сочувствіе или возмущеніе. Въ образахъ, которые она изображаетъ, нѣтъ ни выпуклости, ни оттѣнковъ, и тѣмъ самымъ они лишены всякаго значенія. Они не вдохновляютъ на добродѣтель, не удерживаютъ отъ дурныхъ поступковъ и не рѣшаютъ никакихъ психологическихъ задачъ. Въ большинствѣ случаевъ героини ея такъ дьявольски коварны, что въ сравненіи съ ними самые ужасные злодѣи Марло, невинныя дѣти. Такъ, напр., лэди Андлэй становится двоемужницей, топитъ своего мужа въ колодцѣ, поджигаетъ гостинницу и совершаетъ еще нѣсколько мелкихъ преступленій, уже безъ нужды, только для практики въ своемъ искусствѣ. Въ романѣ «Аврора Флойдъ» героиня является еще болѣе феноменальнымъ существомъ; несмотря на то, что она сбѣжала съ конюхомъ, жила цѣлые мѣсяцы въ самомъ низкомъ обществѣ, женила на себѣ человѣка разными хитростями, обманывала отца,—авторъ все-таки рисуетъ ее благородной женщиной, защищенной отъ сознательнаго позора своей гордостью и душевной чистотой.

Пріятно обратиться отъ этой ничтожной трескучей литературы къ произведеніямъ истиннаго художника, понявшаго, что нужно искать вдохновенія въ окружающей реальной жизни. Вмѣсто фабрикаціи сенсаціонныхъ разсказовъ о разныхъ преступленіяхъ, Чарльсъ Ридъ въ своемъ романѣ «Исправленіе никогда не бываетъ слишкомъ позднимъ» (It is never too late to mend) обличалъ, жестокость тюремнаго законодательства въ Англіи, въ «Альтонъ Локѣ» Чарльсъ Кингслэй возсталъ противъ эксплуатаціи рабочихъ съ необычайной убѣдительностью и рѣзкостью; этимъ онъ вооружилъ противъ себя фарисеевъ, но и пробудилъ въ другихъ надежду и вѣру въ то, что близорукая жадность, порабощающая уже цѣлые вѣка народныя массы, уступитъ мѣсто болѣе широкому отношенію къ людямъ и болѣе благороднымъ цѣлямъ. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ писателей романъ сталъ содѣйствовать проведенію разныхъ соціальныхъ реформъ; онѣ еще далеко не осуществлены вполнѣ, но всетаки за послѣднія тридцать лѣтъ кореннымъ образомъ измѣнили нравственную жизнь англійской націи. Вслѣдъ за ними романисты стали писать не только для развлеченія читателей, а для того чтобы обличать лицемѣрныхъ богачей и указывать на страшныя страданія, создаваемыя невѣже-

Digitized by Google

ствомъ и бѣдностью народныхъ массъ. Они усвоили урокъ, преподанный Альтону его шотландскимъ пріятелемъ Маккэ: «Истинная поэзія, какъ и настоящее милосердіе», говоритъ шотландецъ, «начинается въ родномъ углу. Если ты поэтъ и живешь въ городѣ, то чѣмъ бы ни были люди вокругъ тебя, пиши какъ старый Іеремія, плачь и скорби о грѣхахъ людей. Если же хочешь быть настоящимъ народнымъ поэтомъ, возьми библію, читай старыхъ еврейскихъ пророковъ. Если хочешь усвоить настоящій языкъ, читай Бёрнса съ утра до ночи, а если хочешь знать правду, открой глаза и смотри передъ собой, тогда все увидишь».

Вскорѣ болѣе здоровый и мужественный духъ овладѣлъ англійской литературой. Идя по стопамъ назаріанцевъ—прозвище, которое было дано школѣ Овербека и его друзей,—маленькая, но смѣлая и предпріимчивая группа молодежи, среди которой выдавались Россетти, Миллэ, Гентъ и Моррисъ, образовала прерафаэлитское братство. Члены его ополчились противъ всего избитаго и условнаго въ искусствѣ. Они взяли за образецъ предшественниковъ Рафаэля. Этому движенію, которое они начали и которое Моррисъ хотѣлъ распространить на область промышленной и домашней жизни, пришлось долго бороться противъ предразсудковъ и невѣжества. Но въ концѣ концовъ прерафаэлиты одержали верхъ, и мы обязаны имъ развитіемъ болѣе правильныхъ принциповъ въ искусствѣ. Но, конечно, есть еще и теперь и будутъ всегда люди, предпочитающіе пошлость такихъ картинъ, какъ «Скачки въ Дерби» Фрита, одухотворенному реализму Гентовской картины «Свѣтило міра».

Данте Габріэль Россетти достигъ одинаковаго совершенства въ двухъ различныхъ искусствахъ. Онъ былъ итальянецъ по происхожденію, родился въ 1828 г., былъ сыномъ итальянскаго патріота, котораго несчастія 1821 г. заставили бѣжать изъ Италіи и укрыться въ Англіи, гдѣ онъ прожилъ около тридцати лѣтъ въ качествѣ учителя итальянской литературы въ Лондонскомъ King's College. Д. Г. Россетти съ дѣтства одинаково любилъ поэзію и искусства. 19 лѣтъ онъ написалъ «Блаженную дѣву» (Blessed Damozel) и спустя очень немного лѣтъ написана была его первая картина «Дѣтство Дѣвы Маріи». Свинборнъ справедливо назвалъ первую поэму Россетти «цвѣткомъ пышной юности». Никакой поэтъ не воспѣвалъ въ болѣе благородныхъ или болѣе совершенныхъ стихахъ любовь истинной женщины, душа которой не въ состояніи вкушать полнаго блаженства въ царствѣ радости, пока тотъ, съ кѣмъ слита ея душа, не будетъ соединенъ съ нею, и, облеченный въ бѣлыя одежды, не вознесется, чтобы раздѣлить ея блаженство. Въ каждой строфѣ поэмы чувствуется странное сочетаніе мистической глубины мысли и высоты языка. Ни въ какой другой современной поэмѣ нельзя встрѣтить такую гармонію фантазіи и формы, какъ въ слѣдующихъ изумительныхъ стихахъ:

«Съ мѣста, опредѣленнаго для нея на небѣ, она слѣдила за

Digitized by Google

біеніемъ времени по всей вселенной. Взоръ ея стремился проникнуть въ глубину, и она стала говорить такъ, какъ поютъ звѣзды въ своихъ сферахъ. Солнце зашло, колеблющійся мѣсяцъ походилъ на легкое перышко, разстилающееся высоко надъ пропастью, и опять она говорила среди всеобщаго покоя, и голосъ ея былъ подобенъ голосу звѣздъ, если бы онѣ запѣли согласную пѣснь. О, дорогая, даже теперь, среди этого пѣнія, развѣ она не старалась только о томъ, чтобъ быть услышанной. Когда звонъ раздавался въ полуденномъ воздухѣ, шаги ея стремились приблизиться ко мнѣ, спускаясь по лѣстницѣ звуковъ. «О, еслибъ онъ уже былъ со мной—а онъ придетъ навѣрное»,—говорила она.—Развѣ я не молилась на небѣ? развѣ на землѣ, о Боже, не молился онъ? Развѣ двѣ молитвы не есть полная сила? Неужели я должна еще страшиться?»

Живопись Россетти похожа на его поэзію. Иногда рисунокъ его слабъ, потому что онъ мало учился рисованію, но этотъ недостатокъ выкупается исключительной силой его колорита. «Такихъ красокъ»,—пишетъ одинъ критикъ, «не было въ Европѣ со времени великихъ венеціанцевъ, умѣвшихъ передавать на полотнѣ пышность заката и пестроту восточныхъ красокъ, такой сильной индивидуальности въ искусствѣ, такого поэта-живописца не было въ Англіи со времени величайшаго англійскаго живописца Вильяма Тернера». Многія изъ его картинъ близко связаны съ его поэзіей. Онъ разсказалъ въ стихахъ исторію «Женни» (Jenny) съ ея «праздными лилейными руками, прекрасными, хотя ихъ никогда не украшали кольцами и не защищали перчатками», она дѣвочкой праздно отдыхала на поляхъ въ своей деревушкѣ и, глядя въ даль на далекій городъ, мечтала о томъ, чтобы узнать когда нибудь самой городскія радости и диковинки. Нѣсколько лѣтъ проходитъ; мечта ея осуществилась, и она слишкомъ хорошо знаетъ одиночество и суету проклятаго города, «гдѣ покупается и продается то, что не должно быть рыночнымъ товаромъ». Ту же исторію мы находимъ въ картинѣ Россетти «Найденная» (Found). Тѣ, кто видѣлъ эту картину, никогда ея не забудутъ: при блѣдномъ свѣтѣ наступающаго дня крестьянинъ, который привезъ товаръ въ Лондонъ, находитъ жалкую дѣвушку, прижавшуюся къ холодной стѣнѣ городского кладбища. Онъ подходитъ, чтобы поднять ее, и когда она обращаетъ на него изумленный и смущенный взоръ, какъ бы удивляясь, что о ней могутъ заботиться, онъ къ ужасу своему узнаетъ въ этихъ впалыхъ щекахъ и лихорадочныхъ глазахъ, окруженныхъ еще богатымъ золотымъ ореоломъ волосъ, черты лица его прежней невѣсты, которая много лѣтъ тому назадъ убѣжала изъ деревни, увлеченная мечтой о Лондонѣ. Пьянство и порокъ довели ее теперь до смерти.—Одинаковые сюжеты повторяются и въ другихъ поэмахъ и картинахъ Россетти. Такъ, первая картина Россетти представляетъ иллюстрацію въ краскахъ сонета, который онъ написалъ о дѣтствѣ Дѣвы Маріи (Mary's Girlhood).

Digitized by Google

«Это блаженная Марія, избранная Богомъ Дѣва. Много времени тому назадъ она жила въ Назаретѣ, въ Галилеѣ. Она принесла на служеніе Богу благочестивое почитаніе, глубокую простоту ума и великое терпѣніе. Покорная и радостная, мудрая въ благодѣяніяхъ, сильная и спокойная, осмотрительная въ милосердіи—такой она была въ своемъ дѣтствѣ, похожая на лилію, которую взращиваютъ ангелы и которая спокойно растетъ въ Божьей близости; однажды, рано на зарѣ она проснулась въ своей бѣлой постели и не чувствовала страха, но плакала до восхода солнца и вся трепетала, ибо наступило ея время».

О главныхъ представителяхъ этого новѣйшаго возрожденія въ искусствѣ мы еще позже будемъ говорить въ подробностяхъ. Теперь же достаточно кратко отмѣтить ихъ цѣли и стремленія. Три черты наиболѣе выдаются въ англійской современной литературѣ: стремленіе къ научности, расширеніе области романа и большое количество женщинъ-писателей.

Нѣтъ болѣе общераспространеннаго убѣжденія, чѣмъ то, что наука и поэзія не уживаются вмѣстѣ, и что расцвѣтъ одной ведетъ къ упадку другой. Въ извѣстномъ смыслѣ, какъ мы уже показали, это вѣрно. Новыя открытія въ наукѣ, совершенно противоположныя теоріямъ, которыя держались въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ развили сомнѣнія и невѣріе. Но конечный результатъ науки подтверждаетъ инстинктивную увѣренность въ совершенствѣ и полной гармоніи природы. Тотъ, кто совершенно не знаетъ или не интересуется стремленіями и надеждами своего вѣка, никогда не можетъ оказать вліянія на своихъ современниковъ. Истинный же поэтъ, напротивъ того, дополняетъ дѣло науки, открываетъ духовныя истины, скрывающіяся за каждымъ научнымъ фактомъ. Законъ эволюціи, медленное и постепенное развитіе жизни черезъ раннія ступени бытія до наступленія полнаго, если не конечнаго, человѣческаго развитія,—все это принято и одухотворено истинной поэзіей. Браунингъ въ своемъ «Парацельзѣ» говоритъ о томъ, какъ Богъ

«пребываетъ во всемъ, начиная отъ самыхъ первыхъ проявленій жизни до послѣдняго звена жизни человѣка, въ которомъ завершается цѣль твореній. Свойства человѣка разбросаны были повсюду въ видимомъ мірѣ, искали сочетанія, какъ смутные обрывки, созданные для единенія въ какомъ то дивномъ цѣломъ. Несовершенныя качества въ созданіи указываютъ на то, что должно быть создано какое-то иное существо, что долженъ быть пунктъ, въ которомъ встрѣтятся всѣ эти разбросанные лучи—что они сойдутся въ свойствахъ человѣка».

Не трудно также выбрать мѣста изъ другихъ поэтовъ, гдѣ новѣйшія научныя изслѣдованія и открытія вводятся въ область высшей поэзіи, которая «торжествуетъ надъ каждой тайной, отвоеванной у скупой природы»; поэзія облекаетъ возвышенными выводами самые сухіе труизмы науки. Суевѣрные миѳы старины открыли свое внутреннее значеніе и очищены отъ своихъ сказоч-

Digitized by Google

ныхъ наростовъ. Но диковины окружающаго насъ міра не потеряли своей чарующей красоты съ тѣхъ поръ, какъ законы, управляющіе ими, стали намъ извѣстны. Поэтъ, который живетъ исключительно чувствами, не можетъ отразить вполнѣ душевную жизнь нашего времени, и не безъ основанія Киплингъ требуетъ болѣе тѣснаго единенія между поэзіей и наукой:

«Романы! Пассажиры перваго класса любятъ читать ихъ переплетенными въ небольшія изящныя книжки, но почему же поэты не нравятся теперь? Какъ надоѣли ихъ жалобы и любовныя мечты. Боже, пошли намъ поэта, подобнаго Бернсу, который пропѣлъ бы пѣснь пара».

Англійскіе новые романисты вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ Киплинга. Всякій вопросъ дня, научный, богословскій или общественный, непремѣнно разрабатывается въ формѣ художественныхъ произведеній. Развитіе этой области литературы не было никогда такимъ широкимъ, какъ теперь, и хотя совершенно естественно, что многія изъ этихъ произведеній представляютъ недостатки въ замыслѣ и въ исполненіи, всетаки нельзя отрицать, что общій уровень этого рода произведеній довольно высокій. Нельзя ожидать одинаковаго превосходства литературныхъ произведеній въ наше время, когда въ одномъ Лондонѣ издается отъ 30—40 романовъ въ недѣлю. Развитіе образованія значительнымъ образомъ увеличило число людей, умѣющихъ писать изящно и красиво, между тѣмъ какъ эти качества въ прежнее время принадлежали лишь избраннымъ; если демократическое торжество нашего времени содѣйствовало сильному развитію литературныхъ способностей, то оно же привило много уже чисто демократическихъ недостатковъ. Многіе современные романы отмѣчены вульгарной сенсаціонностью, уродливымъ реализмомъ и отсутствіемъ чувства мѣры, которое составляетъ самый необходимый признакъ генія. Романы эти ищутъ успѣха у некультурной массы; ея интересъ возбуждается лишь картинами романтическихъ преступленій, а смѣхъ самыми грубыми пріемами. Отталкивающія и пошлыя темы, лежащія внѣ области искусства, разрабатываются многими современными романистами съ болѣзненнымъ любопытствомъ, какого мы никогда не встрѣтимъ въ произведеніяхъ англійскихъ великихъ писателей.

Вліяніе этого демократизма замѣтно въ исчезновеніи прежнихъ ограниченій, создававшихъ женщинѣ подчиненное положеніе въ обществѣ и въ домашнемъ кругу. Съ тѣхъ поръ, какъ имъ открыты либеральныя профессіи, женщинамъ удалось отвоевать себѣ мѣсто среди соперниковъ-мужчинъ въ медицинѣ, въ филологическихъ наукахъ, въ математикѣ, музыкѣ, поэзіи, живописи. Онѣ постоянно идутъ въ уровень, а иногда одерживаютъ верхъ надъ своими товарищами и соперниками мужчинами. Въ лондонскомъ университетѣ, въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ, въ консерваторіи, такъ же какъ на экзаменахъ географическаго общества въ теченіи многихъ лѣтъ первыя награды выдавались именно

Digitized by Google

женщинамъ. Наибольшаго же торжества женщины достигли въ области писанія романовъ. Это вполнѣ естественно. Женщины большею частью очень вѣрно судятъ о характерѣ людей, рѣдко теряютъ вѣру въ идеалы, къ которымъ стремятся, и съ изумительной настойчивостью идутъ къ намѣченной ими цѣли. Это придаетъ особую жизненность и правду характеру Линдаля въ романѣ м-ссъ Шрейнеръ «Исторія африканской фермы», или Мэгги Туливеръ въ «Мельницѣ на Флосѣ», Джорджъ Эліотъ, или, наконецъ, Дженни Эйръ въ романѣ Шарлотты Бронте.

Предоставленіе женщинамъ правъ, которыхъ онѣ до сихъ поръ не имѣли, имѣло, однако, и оборотную сторону. Многія обнаружили свою эмансипацію шумнымъ и вызывающимъ образомъ и вмѣсто того, чтобы устранять то, что можетъ быть устранено въ общественномъ строѣ, стали нападать на весь общественный строй и требовать полнаго уничтоженія основъ семейной жизни и общественнаго порядка. Вопросъ о свободной любви въ противоположность браку разбирался въ нѣкоторыхъ надѣлавшихъ шумъ романахъ, какъ бы съ единственнымъ желаніемъ обратить на себя вниманіе, а не потому, что авторъ глубоко убѣжденъ въ защищаемыхъ имъ принципахъ. М-ссъ Сара Грандъ—самая рѣзкая и настойчивая изъ эманципированныхъ романистокъ. Она убѣждена, что счастье женщинъ состоитъ въ полномъ освобожденіи отъ всякихъ нравственныхъ обязанностей въ бракѣ; она постоянно возвращается къ разсужденіямъ о брачной жизни и налагаемыхъ ею обязанностяхъ. Этого рода вопросы имѣютъ для нея странную притягательную силу, и она разбираетъ ихъ съ той свободой рѣчи, которую нельзя было бы допустить въ самыхъ свободныхъ разговорахъ холостой компаніи. Въ романѣ «Небесные близнецы» героиня Анжелика каждый вечеръ переодѣвается въ мужское платье, чтобы съ большей свободой проводить время въ обществѣ молодого и красиваго музыканта. Съ полной безсердечностью она обманываетъ довѣріе и любовь своего мужа. Ея настоящій полъ открывается случайно вслѣдствіе несчастнаго случая во время катанья на лодкѣ, и сцена, изображающая это, одна изъ самыхъ смѣлыхъ во всей новѣйшей англійской беллетристикѣ.

Къ счастью, циничность г-жи Грандъ и ея подражателей не оказали большого вліянія на современную литературу. Этого рода романы пишутся только для извѣстнаго класса читателей, любящихъ приправу пикантности въ романахъ. Пока общая масса читателей не пойметъ задачъ истиннаго искусства, до тѣхъ поръ, конечно, найдутся любители произведеній, написанныхъ разнузданнымъ языкомъ и нарушающихъ традиціонные литературные идеалы. Благоразумный критикъ не долженъ останавливаться на этихъ отдѣльныхъ исключеніяхъ; гораздо важнѣе отмѣтить успѣхъ, котораго достигло у англійскихъ читателей блестящее творчество Роберта Стивенсона, Джорджа Мередита и Томаса Гарди. Изъ нихъ тотъ, который умеръ самымъ молодымъ — всего тридцати

Digitized by Google

восьми лѣтъ—Стивенсонъ—имѣлъ наиболѣе сильное вліяніе. «Мы всему учились у него!—воскликнулъ Мередитъ, когда извѣстіе о смерти Стивенсона дошло до Англіи. Сила воображенія, тонкость характеристикъ и удивительная мелодія языка даютъ Стивенсону первенствующее мѣсто въ современной литературѣ. Даже въ самомъ слабомъ изъ своихъ произведеній «Д-ръ Джемсъ и м-ръ Гайдъ», гдѣ онъ уклоняется отъ истиннаго пути въ погонѣ за сенсаціонностью, безупречная строгость его стиля и нервность языка въ значительной степени выкупаютъ неестественность самого разсказа.

Посколько мы ограничиваемся критикой того или другого отдѣльнаго писателя, наша задача сравнительно легкая. Настоящая трудность наступаетъ вмѣстѣ съ необходимостью произнести заключительный приговоръ о писателяхъ цѣлаго періода; и трудность эта становится еще большей, когда дѣло идетъ о современныхъ намъ писателяхъ. Великіе писатели, подобно великимъ горамъ, обнаруживаютъ всю свою красоту и величіе только тѣмъ, кто видитъ ихъ издалека. Мы же, стоящіе къ нимъ близко, подвергаемся опасности преувеличивать ихъ достоинства или, напротивъ, придать слишкомъ большое значеніе ихъ недостаткамъ. Многое, что намъ кажется величественнымъ, наши потомки будутъ считать только реторикой и аффектаціей. Но признавая, что многіе изъ нашихъ новѣйшихъ писателей впадаютъ въ крайности, чтобы льстить вкусу публики, было бы всетаки безумiемъ отрицать, что за послѣднія нѣсколько лѣтъ въ литературѣ чувствуется свѣжее и здоровое вліяніе. Вопросы, близко касающіеся высшаго духовнаго развитія націи, становятся теперь сюжетами романистовъ и разбираются чрезвычайно серьезно и обстоятельно. Легко найти недостатки—изложенія и стиля въ произведеніяхъ, подобныхъ романамъ м-ссъ Гемфри Уордъ: «Робертъ Эльсмиръ», «Давидъ Гривъ», «Марцелла». Они слишкомъ длинны, извѣстные обороты рѣчи повторяются утомительнымъ и ненужнымъ образомъ, авторъ слишкомъ занятъ своими теоріями. Но всетаки эти романы возбуждаютъ дѣятельность мысли и несомнѣнно приносятъ пользу. Ихъ значеніе въ томъ, что они разсматриваютъ трудные вопросы нравственности и вѣры, занимающіе мыслящихъ людей нашего времени. И затѣмъ они учатъ вѣротерпимости и помогаютъ намъ освободиться отъ мертвящихъ нравственныхъ и иныхъ предразсудковъ. Возьмемъ, напр., исторію Джона Сторма, разсказанную Голль Кэномъ (Hall Caine) въ его послѣднемъ романѣ „Христіанинъ“. Критики, по обыкновенію, указываютъ на многочисленные недостатки этого произведенія съ художественной стороны. Но читая сцену, гдѣ вдохновенный священникъ объявляетъ о своемъ намѣреніи отправиться миссіонеромъ къ прокаженнымъ и не слушаетъ очевидно протестовъ, исходящихъ изъ стремленія согласовать требованія совѣсти съ несправедливостью окружающей жизни, сердце читателей на сторонѣ человѣка, говорящаго слова истины.

Digitized by Google

Нѣтъ никакого основанія опасаться за будущее англійской литературы, пока есть писатели, вдохновленные такимъ яснымъ сознаніемъ своего долга и своей миссіи.

Перев. съ рукописи **З. Венгерова.**

Народъ и нація.

Два момента характеризуютъ XIX вѣкъ: во первыхъ, неудержимо быстрая эволюція общественной жизни, во вторыхъ, господство надъ жизнью идей, опредѣляющихъ характеръ общественныхъ явленій.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ XIX вѣкѣ больше движенія, больше *исторіи*, чѣмъ въ нѣсколькихъ, взятыхъ вмѣстѣ, предыдущихъ вѣкахъ. По мнѣнію извѣстнаго англійскаго писателя Мэна, нашъ вѣкъ—рѣдкое явленіе въ исторіи міра; ибо консервативность и неподвижность народовъ—правило; прогрессивное движеніе ихъ—исключеніе. Мнѣніе это, конечно, парадоксально; но оно объясняется, именно, тѣмъ, что въ сравненіи съ быстронесущимся XIX вѣкомъ предыдущіе вѣка не могутъ не *казаться* неподвижными. Сравните начало вѣка съ его концомъ: разрушеніе и возникновеніе государствъ, политическія революціи и непрерывная смѣна правительственныхъ формъ, перерожденіе соціальнаго и экономическаго строя,—всюду и вездѣ, какъ въ калейдоскопѣ, быстрое движеніе, яркія краски, новыя, до неузнаваемости, сочетанія цвѣтовъ.

Съ глубокимъ вниманіемъ остановится будущій историкъ на изученіи нашей эпохи; и когда онъ попытается выяснить тѣ скрытыя силы, которыя создаютъ общественную эволюцію и обусловливаютъ интенсивность и экстенсивность ея,—онъ увидитъ, что эти силы—идеи. XIX вѣкъ, по справедливости, можетъ быть названъ вѣкомъ идей; ибо всякое новое теченіе общественной жизни создается и направляется соотвѣтственнымъ умственнымъ теченіемъ, соотвѣтственнымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія,—т. е. мнѣнія той части общества, которая творитъ исторію и живетъ въ ней. Политическимъ и соціальнымъ революціямъ, которыми такъ богато наше время, всегда и вездѣ предшествуютъ революціи умственныя,—революціи идеаловъ и идей.

Раціонализмъ и объективно-историческое (реакціонное) міросозерцаніе, идеи политической свободы и соціальнаго равенства, національная идея,—таковы тѣ силы, которыми созданъ настоящій и на нашихъ глазахъ создается будущій соціальный строй.

Къ изученію этихъ силъ долженъ обратиться всякій, кто хочетъ осмыслить и понять ту жизнь, въ которой и которой онъ жи-

Digitized by Google

ветъ; выясненію одной изъ нихъ, а именно національной идеи — мы посвящаемъ настоящую статью.

I.

Magis ex errore quam ex confusione oritur veritas.

Необходимо, прежде всего, разграничить два смежныхъ, но, тѣмъ не менѣе, существенно другъ отъ друга отличныхъ понятія: *народъ и націю*.

Подъ народомъ, въ противоположность націи, понимается всякая организованная группа людей, объединенная и обособленная отъ смежныхъ группъ государствомъ. Государство является, такимъ образомъ, индивидуализирующимъ моментомъ въ понятіи народа.

Народъ—понятіе юридическое; признаемъ ли мы его объектомъ или субъектомъ государственнаго господства, во всякомъ случаѣ, онъ является существенно-необходимымъ элементомъ юридической конструкціи государства. И точно также, какъ бы мы ни смотрѣли на международное общеніе, во всякомъ случаѣ, народъ существенно необходимый элементъ юридической конструкціи международнаго союза.

Было время—и еще не такъ давно—когда народъ являлся высшей и единственной, въ своемъ родѣ, формой политическаго общенія. Въ настоящее время человѣчество, независимо отъ дѣленія на народы, дѣлится на множество родственныхъ группъ, границы которыхъ не всегда и не обязательно совпадаютъ съ границами государствъ. Кромѣ народовъ, существуютъ націи. Итальянцы въ эпоху своего политическаго раздробленія, распадаясь на нѣсколько народовъ, являлись, однако, одной національностью. Наоборотъ, австрійцы, будучи однимъ народомъ, распадаются на нѣсколько отдѣльныхъ и даже враждебныхъ другъ другу національностей. Говоря о полякахъ, мы различаемъ австрійскихъ, германскихъ и русскихъ поляковъ; это значитъ, что одна и та же національность входитъ въ составъ трехъ различныхъ народовъ.

По справедливому замѣчанію Лорана, отрицать существованіе націй значитъ отрицать дневной свѣтъ.

Но вотъ вопросъ: что такое нація? Въ чемъ заключается ея индивидуализирующій моментъ,—то начало, которое насъ заставляетъ множество людей, живущихъ на большомъ пространствѣ, видимо ничѣмъ не объединенныхъ, принадлежащихъ, можетъ быть, къ различнымъ государствамъ, подводить подъ одну категорію, признавать однородною, *родственной* группой.

Какъ справедливо указываетъ проф. Даневскій, существуетъ около ста различныхъ опредѣленій начала національности. Одни писатели конститутивнымъ элементомъ ея считаютъ общее происхожденіе, другіе—единство территоріи, третьи—религію, четвертые—языкъ и т. д.

Digitized by Google

Нисколько не сомнѣваясь въ значительномъ вліяніи, оказываемомъ этими факторами на созданіе національнаго чувства, мы, тѣмъ не менѣе, никоимъ образомъ не можемъ признать за ними значенія конститутивнаго, индивидуализирующаго момента. Вообще, нѣтъ ни одного *внѣшняго* признака, которымъ бы всегда и необходимо, опредѣлялась національность.

Признаки, выдвигаемые различными писателями, отнюдь не создаютъ національности; въ лучшемъ случаѣ, они поддерживаютъ и укрѣпляютъ уже существующее національное чувство...

Что касается прежде всего общности происхожденія или расы, то необходимо замѣтить, что происхожденіе современныхъ націй теряется во тьмѣ временъ и съ точностью наукѣ неизвѣстно. Независимо отъ того, самая *общность* происхожденія — понятіе относительное. Съ одной стороны, не смотря на наличность рѣзкихъ національныхъ особенностей, всѣ европейскіе народы принадлежатъ къ одной и той же арійской расѣ; съ другой стороны, ни одинъ изъ европейскихъ народовъ, хотя бы и съ наиболѣе рѣзко выраженной національной индивидуальностью, не можетъ сослаться на общность своего происхожденія въ собственномъ, или *тѣсномъ* смыслѣ этого слова. Всѣ, безъ исключенія, западноевропейскіе народы произошли изъ смѣшенія германскихъ и кельтическихъ элементовъ. Не смотря на рѣзкую оригинальность англійскаго національнаго типа, населеніе современной Англіи создано сліяніемъ множества чуждыхъ другъ другу національностей,— бриттовъ, саксовъ, датчанъ и нормандцевъ. Въ жилахъ современнаго француза течетъ кровь кельтовъ и германцевъ, иберовъ и лигуровъ, грековъ и римлянъ.

По словамъ одного изъ современныхъ французскихъ писателей, французская, германская и, въ особенности, итальянская національность образовались изъ шести или семи нѣкогда чуждыхъ другъ другу расъ.

Наконецъ, не слѣдуетъ преувеличивать значенія расоваго начала. Негры Ямайки въ настоящее время стоятъ гораздо ближе къ англичанамъ, нежели къ неграмъ Золотого берега. На Антильскихъ островахъ негры говорятъ по французски, по англійски и по испански; негры-французы считаютъ своими соотечественниками бѣлыхъ французовъ, а отнюдь не негровъ англичанъ (Новиковъ).

Итакъ, степень вліянія, оказываемаго общностью происхожденія или расой на созданіе націй, съ точностью неизвѣстна; во всякомъ случаѣ, конститутивнымъ элементомъ націи общность происхожденія служить не можетъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію слѣдующаго момента, будто бы, характеризующаго національность,—а именно, *единства территоріи*. Теорія, выдвигающая на первый планъ единство территоріи, какъ отличительный признакъ національности, извѣстна подъ именемъ теоріи *естественныхъ границъ*.

Согласно этой теоріи, естественныя границы—рѣки и моря,

Digitized by Google

пустыни и горы — затрудняя международныя сношенія, ведутъ къ образованію обособленныхъ національныхъ группъ. Группы эти пріобрѣтаютъ постоянный и неподвижный характеръ вслѣдствіе постоянства и неподвижности естественныхъ границъ. Замкнутая въ самой себѣ и обособленная отъ сосѣдей, постоянная соціальная группа и есть не что иное, какъ нація.

Ученіе о естественныхъ границахъ дипломатическаго происхожденія: во время Вѣнскаго конгресса—самаго безпринципнаго и, тѣмъ не менѣе, или, можетъ быть, именно потому, самаго щедраго на принципы—теорія эта пущена была въ оборотъ Бональдомъ для того, чтобы подкрѣпить притязанія Франціи на лѣвое побережье Рейна. Уже одно такое происхожденіе теоріи заставляетъ насъ отнестись къ ней съ большой осторожностью; ибо дипломатическіе принципы обыкновенно придумываются ad hoc и рѣдко переживаютъ ту цѣль, для прикрытія которой они предназначены служить стыдливымъ фиговымъ листкомъ. И дѣйствительно, не требуется много труда для того, чтобы убѣдиться въ чрезвычайной шаткости основныхъ положеній разсматриваемой теоріи.

Такъ, прежде всего, врядъ ли можно признать опредѣленность и постоянство отличительнымъ и необходимымъ свойствомъ естественныхъ границъ. Конечно, естественныя границы, въ географическомъ смыслѣ этого слова, отличаются опредѣленностью и постоянствомъ. Но политика—не географія; подъ естественными границами, въ политическомъ смыслѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Инама-Штернеггъ, слѣдуетъ понимать лишь такія границы, которыя затрудняютъ сношенія и облегчаютъ оборону,— другими словами, способствуютъ замкнутости и обособленности націй. Если это, дѣйствительно, такъ, то въ виду усовершенствованія путей и средствъ сообщенія, въ виду прогресса въ военномъ искусствѣ, о постоянствѣ и неподвижности естественныхъ границъ, въ политическомъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть и рѣчи.

Тѣ самые географическіе моменты, которые нѣкогда служили стѣной, отдѣлявшей страну отъ страны, въ настоящее время не только не препятствуютъ, но, наоборотъ, иногда даже способствуютъ сношеніямъ между ними. Во времена великаго переселенія народовъ море несомнѣнно являлось неодолимымъ препятствіемъ для движенія племенъ; въ настоящее время море, раздѣляя враговъ, служитъ мостомъ для друзей. Еще не такъ давно нуженъ былъ геній Суворова для того, чтобы перевести войска черезъ Альпы; въ настоящее время мчащійся поѣздъ перебрасываетъ ежедневно тысячи людей чрезъ водораздѣльныя высоты Бреннера. Нѣкогда пустыни, лежавшія между странами, являлись непреодолимымъ барьеромъ, отдѣлявшимъ ихъ другъ отъ друга; наше время объявило рѣшительную войну всему, что называется *пустыней*, и человѣчество съ каждымъ годомъ одерживаетъ новыя и новыя побѣды надъ нѣкогда непобѣдимой приро-

Digitized by Google

дой. Но можно ли, въ такомъ случаѣ, говорить о постоянствѣ и опредѣленности естественныхъ границъ, и имѣютъ ли эти границы хоть какое нибудь значеніе для современной группировки націй? Географическій моментъ, говоритъ Ришаръ, матеріализируетъ идею національности; онъ является предлогомъ для завоевателей,—и только.

Въ эпохи религіознаго фанатизма и религіозной нетерпимости религія, дѣйствительно, являлась объединяющимъ и обособляющимъ началомъ національности. Въ настоящее время религія, въ лучшемъ случаѣ, поддерживаетъ сепаратизмъ уже существующихъ націй; вести къ образованію новыхъ она, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ. Христіанство, по своей природѣ, имѣетъ характеръ міровой, а не національной религіи. Для вѣрующей части современныхъ обществъ христіанство является религіей общечеловѣческаго братства и любви; для невѣрующей или индифферентной—религія вообще, никакого политическаго значенія имѣть не можетъ. Можно ли говорить о національномъ характерѣ современныхъ религій, когда сплошь и рядомъ различныя національности исповѣдуютъ одну и ту же религію и различныя религіи исповѣдуются одной и той же національностью?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что изъ всѣхъ перечисленныхъ факторовъ наиболѣе сильное и наиболѣе глубокое вліяніе на выработку и развитіе національности оказываетъ національный языкъ. Общность языка всего болѣе сближаетъ людей точно такъ же, какъ различіе языковъ всего болѣе разобщаетъ ихъ. Еще блаженный Августинъ училъ, что люди, говорящіе на разныхъ языкахъ, не смотря на сходство природы, совершенно чужды другъ другу; такъ что человѣку ближе его собака, нежели другой человѣкъ, говорящій на непонятномъ языкѣ.—И тѣмъ не менѣе, являясь могучимъ средствомъ сближенія людей, равно какъ обособленія ихъ, общій языкъ по многимъ причинамъ не можетъ быть признанъ конститутивнымъ элементомъ національности.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что въ высшей степени трудно, а можетъ быть и невозможно рѣшить, какой, именно, языкъ долженъ быть признанъ критеріемъ національности,—народный ли діалектъ, или же литературный и научный языкъ. Вопросъ этотъ отнюдь не является исключительно теоретическимъ; знаменитый споръ о національности эльзасцевъ лучше всего доказываетъ его огромную практическую важность. Какъ извѣстно, эльзасцы говорятъ на діалектѣ германскаго происхожденія, тогда какъ литературнымъ языкомъ ихъ является французскій. И вотъ французскіе писатели (Ренанъ и др.), ссылаясь на литературный языкъ, доказываютъ французскую національность эльзасцевъ и, наоборотъ, нѣмецкіе писатели (Кремеръ, Бонъ и др.), ссылаясь на народный діалектъ,—германскую національность ихъ.

Если мы признаемъ критеріемъ національности народный діалектъ, въ такомъ случаѣ придется допустить въ предѣлахъ од-

Digitized by Google

ного и того же народа столько національностей, сколько существуетъ въ предѣлахъ одного и того же языка діалектовъ. Врядъ ли, однако, это возможно. Въ одной Германіи около 23-хъ главныхъ діалектовъ; аборигены Мексики говорятъ на 700 діалектахъ. Неужели въ Германіи, или Мексикѣ—столько націй, сколько діалектовъ? Признавая народный діалектъ конститутивнымъ элементомъ національности, мы должны были бы допустить существованіе швабской, саксонской, померанской, нормандской, бургундской, каталанской, венеціанской, сицилійской и другихъ, тому подобныхъ, націй (Новиковъ). Но возможно ли это?...

Съ другой стороны, врядъ ли возможно привести какія либо вѣскія основанія въ пользу признанія критеріемъ національности литературнаго языка. Бываютъ времена, когда литературный языкъ совершенно чуждъ и непонятенъ народу. Въ эпоху Возрожденія литературнымъ языкомъ Италіи былъ латинскій языкъ. До 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія тотъ же латинскій языкъ былъ литературнымъ и научнымъ языкомъ Венгріи. Да и вообще, литературный языкъ всегда и вездѣ, въ большей или меньшей степени, чуждъ народной массѣ; признавая его основаніемъ національности, мы должны eo ipso признать, что классы общества, не владѣющіе литературнымъ языкомъ, стоятъ внѣ націи, лишены національнаго чувства. Между тѣмъ, нерѣдко наблюдается явленіе діаметрально-противоположное: въ высшихъ классахъ господствуютъ космополитическія тенденціи и только въ низшихъ, темныхъ массахъ живетъ національная идея.

Независимо отъ выше изложеннаго, нельзя не признать вмѣстѣ съ Этвешемъ, что языкъ является средствомъ для сохраненія національной обособленности лишь въ той мѣрѣ, въ какой различіе нарѣчій влечетъ за собою различіе понятій и идей. Между тѣмъ, въ настоящее время цивилизованный міръ все въ большей и большей степени пріобрѣтаетъ характеръ одной и единой «республики идей». Шекспиръ и Байронъ, Гете и Шиллеръ, Пушкинъ и Толстой составляютъ общее достояніе всѣхъ народовъ; каждая новая истина съ быстротою молніи облетаетъ міръ. При такихъ условіяхъ различіе нарѣчій не имѣетъ, да и не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ дѣлѣ объединенія и обособленія націй.

И дѣйствительно, если мы припомнимъ національную группировку современнаго человѣчества, мы легко убѣдимся, что общій языкъ далеко не всегда является необходимымъ конститутивнымъ элементомъ національности. Не ясно ли, что о значеніи національнаго языка можно говорить лишь въ томъ случаѣ, если этотъ языкъ совершенно непонятенъ и чуждъ другимъ націямъ. Такъ, напримѣръ, есть основаніе думать, что мадьярская нація, окруженная могущественными и враждебными сосѣдями, обязана своимъ существованіемъ, главнымъ образомъ, мадьярскому языку. Но съ другой стороны, о національномъ языкѣ не можетъ быть и рѣчи въ тѣхъ случаяхъ, когда двѣ различныя націи говорятъ

Digitized by Google

на одномъ и томъ же языкѣ, или наоборотъ, одна и та же нація говоритъ на разныхъ языкахъ.

Игралъ ли хоть какую нибудь роль языкъ въ образованіи сѣверо-американской, бельгійской или бразильской націи? Жители Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ говорятъ языкомъ ихъ прежней метрополіи и, тѣмъ не менѣе, чужды и даже враждебны ей. Южно-американскія республики, бывшія испанскія колоніи, гораздо ближе Соединеннымъ Штатамъ единоплеменной, но далекой Англіи. Если бы въ настоящее время Франція попыталась инкорпорировать Бельгію, развѣ бельгійцы не возстали бы противъ такой попытки во имя національнаго принципа,—во имя свободы и независимости націи?...

Швейцарскій профессоръ Гильти, и вслѣдъ за нимъ профессоръ Блунчли справедливо доказываютъ, что въ національномъ характерѣ швейцарскаго народа не можетъ быть никакихъ сомнѣній. А между тѣмъ, швейцарцы говорятъ на разныхъ языкахъ, согласно Швейцарской Конституціи «три главныхъ языка Швейцаріи, нѣмецкій, французскій и итальянскій, признаются *національными языками* и конфедераціи». Въ Бельгіи валлоны говорятъ по французски и фламандцы по нѣмецки, и тѣмъ не менѣе валлоны—не французы и фламандцы—не нѣмцы.

Такимъ образомъ, не только въ теоріи, но и de facto, общій языкъ отнюдь не является конститутивнымъ элементомъ національности.

Различіе происхожденія, религіи, языка существовало вездѣ и всегда; между тѣмъ еще въ XVIII вѣкѣ,—въ эпоху, такъ называемаго, стараго порядка,—понятіе о націи, въ противоположность понятію народа, оставалось неизвѣстнымъ политической мысли. Собирая землю, абсолютные монархи не считались съ національнымъ принципомъ, потому что они не знали его. Государства слагались путемъ завоеваній, браковъ, даренія, мѣны, купли-продажи и т. д. и т. д.

Разноплеменные народы охотно подчинялись одному и тому же скипетру; если и бывали революціи, то онѣ вызывались отнюдь не національной идеей, а политическимъ угнетеніемъ или религіознымъ фанатизмомъ.

Еще король Стефанъ Венгерскій и, гораздо позднѣе, Карлъ VI полагали, что государство одного племени и одного языка безсильно и ничтожно. *). Австрійскій Императоръ Францъ уже въ нашемъ столѣтіи слѣдующими словами охарактеризовалъ свое отношеніе,—т. е. отношеніе абсолютнаго монарха стараго режима—къ національному вопросу: «Мои народы, сказалъ онъ однажды французскому дипломату, чужды другъ другу и тѣмъ лучше. Они не заболѣваютъ одновременно одной и той же болѣзнью. Когда лихорадка начинается во Франціи, она охватываетъ всѣхъ васъ. Я же ввожу венгровъ въ Италію; итальянцевъ въ Венгрію.

*) Unius linguae uniusque moris regnum imbecille et fragile est.

Digitized by Google

Каждый стережетъ своего сосѣда; всѣ не понимаютъ и ненавидятъ другъ друга. Изъ этихъ антипатій рождается порядокъ; изъ ихъ ненависти—всеобщій миръ» *).

Французская революція, выросшая на почвѣ естественнаго права и вѣрная его абсолютнымъ и универсальнымъ категоріямъ по самому своему духу, чужда была національной идеи. Законодательныя собранія революціонной Франціи издаютъ свои законы не для французовъ, а для человѣка вообще; вспомнимъ знаменитую декларацію правъ гражданина и *человѣка*. Конституція 1793 г. объявляетъ французамъ de plein droit всякаго иностранца, прожившаго во Франціи годъ; причемъ натурализація такого иностранца отнюдь не обусловлена согласіемъ или просьбой его. Это согласіе и просьба презумируются; ибо можно ли сомнѣваться въ томъ, что каждый иностранецъ почтетъ за счастіе и честь для себя стать французомъ?...

Декреты Конвента заявляютъ, что Франція готова оказать братскую помощь всѣмъ народамъ, которые захотятъ ввести у себя свободу. Французы считаютъ себя освободителями міра: весь міръ долженъ стать свободнымъ,—другими словами, весь міръ долженъ стать Франціей. Когда я смотрю на географическую карту, говоритъ Анахарсисъ Клоотцъ, мнѣ кажется, что всѣ прочія страны исчезли и я вижу одну только Францію!... Бареръ въ своей рѣчи въ Конвентѣ объявляетъ невыносимымъ федерализмъ, основанный на отсутствіи свободы въ сообщеніи мыслей. «Мы революціонировали, восклицаетъ онъ, правительство, законы, обычаи, нравы, одежды, торговлю и самую мысль. Революціонируемъ же языкъ, орудіе повседневной жизни!... Федерализмъ и суевѣрье говорятъ по бретонски, эмиграція и ненависть къ республикѣ—по нѣмецки, контръ-революція—по итальянски, фанатизмъ—на языкѣ басковъ. Уничтожимъ эти языки,—это орудіе вреда и заблужденій».

Завоевательная политика Наполеона является прямымъ результатомъ анти-національныхъ тенденцій революціи. Не смотря на пышныя фразы своихъ декларацій, Наполеонъ презиралъ независимость государствъ и игнорировалъ независимость націй. Еще будучи первымъ консуломъ, онъ обратился къ представителямъ Швейцарскаго народа со слѣдующей повелительной рѣчью: «необходимо, чтобы во всемъ, что касается Франціи, Швейцарія была *французской*, подобно *всѣмъ странамъ*, сопредѣльнымъ Франціи». Въ этихъ словахъ—вся политика Наполеона. Его система федеративныхъ республикъ есть не что иное, какъ замаскированная система инкорпорацій. Идеаломъ Наполеона была всемірная Монархія. Послѣ Іенскаго сраженія войска привѣтствовали императора крикомъ: «да здравствуетъ Императоръ Запада!» Самъ Наполеонъ однажды сказалъ о себѣ «Я—Императоръ Континента».—(Лоранъ).

*) Цитир. Град. въ Сб. Г. Зн.

Digitized by Google

Военные успѣхи Наполеона объясняются, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ теченіе долгаго времени ему приходилось вести войну съ правительствами, а не съ націями. Къ началу вѣка абсолютныя монархіи Старой Европы находились въ состояніи совершенной дезорганизаціи и безсилья; что касается націй, то ихъ еще не было, онѣ не выступили еще на сцену исторіи. Еще не родилась та сила, которой вскорѣ суждено было потрясти Европу,—та сила, которую зовутъ національной идеей.

Извѣстныя слова Меттерниха: «Италія—географическій терминъ», являясь анахронизмомъ для того времени, когда они были сказаны, вполнѣ примѣнимы къ Италіи начала вѣка. Въ теченіе долгаго времени лучшіе нѣмцы отчаявались въ возможности возсозданія германской націи. Отличительное свойство германскаго народа, говоритъ Лессингъ, заключается въ томъ, что онъ не имѣетъ національнаго характера. Фр. Шлегель считалъ анархію истинной конституціей Германіи, какъ цѣлаго... Знаменитый Гёте однимъ словомъ характеризуетъ состояніе Германіи къ началу вѣка: Германія, говоритъ онъ, не нація.—И для своего времени эти писатели были правы. Конечно, и въ началѣ вѣка Германія обладала племеннымъ единствомъ; она говорила на одномъ языкѣ, но въ ней не было того, что, въ дѣйствительности, образуетъ націю: сознанія общихъ интересовъ и стремленій, національнаго самосознанія, національной души.

Это сознаніе родилось и окрѣпло подъ тяжелымъ гнетомъ иноземнаго владычества.

Медленно и незамѣтно, долгимъ историческимъ процессомъ создается національность; но до тѣхъ поръ, пока объективныя, матеріальныя основы ея не претворятся въ духовную потенцію, въ національное самосознаніе—національность существуетъ, какъ возможность, но пока еще не какъ фактъ. Она не ἐνέργεια, а δύναμις Аристотеля. Люди должны себя сперва почувствовать націей, чтобы затѣмъ стать таковой. Дѣло натуралиста классифицировать растенія и животныя по различнымъ родамъ сообразно природѣ ихъ; но мы спрашиваемъ у самого человѣка, къ какой національности онъ принадлежитъ. Безъ національнаго самосознанія нѣтъ и не можетъ быть націи. Каждая нація, говоритъ вслѣдъ за Манчини, проф. Градовскій, начинаетъ существовать съ того момента, какъ она можетъ сказать о себѣ: cogito ergo sum!

Тяжелый гнетъ Наполеоновскаго режима послужилъ тѣмъ ударомъ, той искрой, благодаря которымъ въ Испаніи, Италіи и Германіи проявилась во-внѣ скрытая энергія національнаго чувства. Наполеонъ вызвалъ къ жизни новую силу, отъ которой ему суждено было пасть. Восторжествовавшій надъ коаліціями почти всѣхъ европейскихъ государствъ, онъ оказался ничтожнымъ и безсильнымъ предъ лицомъ націй. Съ его паденіемъ начинается новая эра въ исторіи Европы,—эра національностей.

И такъ, національное самосознаніе,—чувство національнаго родства, съ одной стороны, и національной обособленности съ

Digitized by Google

другой—таковъ конститутивный элементъ національности. Чувство это создается общей исторіей,—исторіей культурной, вообще, и политической, въ особенности. Національная литература, національное искусство, будучи проявленіями національнаго генія, являются въ то же время вѣчнымъ источникомъ, питающимъ національный духъ. Отвергнувъ всемірный языкъ, латинскій, создавъ для Италіи особый языкъ и написавъ на немъ одно изъ своихъ безсмертныхъ произведеній, составляющихъ драгоцѣнное достояніе націи, Данте,—непроизвольно и можетъ быть, безсознательно,—положилъ начало будущему національному объединенію Италіи.

Общія воспоминанія въ прошломъ, общіе идеалы въ будущемъ связываютъ людей невидимой, но крѣпкою связью, которую мы называемъ національнымъ чувствомъ.

Бываютъ націи, которыя говорятъ на разныхъ языкахъ и молятся въ разныхъ храмахъ, но нѣтъ и не можетъ быть націи, которая не имѣла бы общихъ героевъ и общихъ враговъ, не пережила бы въ прошломъ и торжества побѣдъ и горечи пораженій.

Теперь, кажется, можно попытаться отвѣтить на вопросъ: что такое нація?

Подъ націей мы понимаемъ совокупность людей, сближенныхъ сознаніемъ общности душевнаго, умственнаго и отчасти физическаго склада,—общности исторически выработанной и ставшей наслѣдственной.

Національное самосознаніе, конститутивное начало національности, слагается изъ двухъ элементовъ: съ одной стороны, оно является чувствомъ національнаго родства; съ другой—чувствомъ національной обособленности.

Такимъ образомъ, національная обособленность требуется самой природой націи. Съ того момента, какъ та или иная соціальная группа, хотя бы даже сохранивъ свой особый языкъ, свою религію и т. д., сливается съ сосѣдней группой въ одно не только политическое, но и культурное цѣлое, такая группа перестаетъ быть націей. Истина эта всецѣло подтверждается исторіей; въ свою очередь она лучше всего доказываетъ, что сущность націи не въ объективныхъ факторахъ этнографіи, а въ субъективномъ факторѣ психологіи.

Послѣ вышеизложеннаго различіе между народомъ и націей очевидно. Конститутивнымъ началомъ народа является внѣшній, объективный моментъ,—государственная связь. Конститутивнымъ началомъ націи—моментъ внутренній, субъективный,—національное самосознаніе.

Отсюда—полная опредѣленность понятія народа и крайняя неопредѣленность понятія націи. Психическія основы національности, какъ всѣ, вообще, психическіе феномены, въ значительной степени, неуловимы; наличность или отсутствіе ихъ не всегда могутъ быть установлены съ достаточной увѣренностью и опредѣленностью. Въ предѣлахъ одной и той же національности всегда существуютъ группы болѣе тѣсныя и родственныя, сближенныя

Digitized by Google

общностью мѣстожительства, профессіональныхъ интересовъ или принадлежностью къ одной и той же религіи. Такія группы иногда почти невозможно отличить отъ національностей, существующихъ въ государствѣ. Одна и та же нація нерѣдко слагается изъ частей нѣкогда чуждыхъ или даже враждебныхъ другъ другу. Такія части въ теченіе долгаго времени сохраняютъ остатки прежняго сепаратизма и шовинизма. Можно ли, однако, считать ихъ какими то sous-nationalités, какими-то «національностями въ національности»?!

Существуетъ ли баварская національность? Конечно, нѣтъ. А между тѣмъ, стоитъ только почитать баварскихъ публицистовъ,—хотя бы такихъ, какъ извѣстный Максъ Зейдель—для того, чтобы убѣдиться, что между «баварскимъ самосознаніемъ» и «самосознаніемъ національнымъ» трудно провести какую нибудь отчетливую и рѣзкую грань.

Необходимо, однако, замѣтить, что указанная нами неопредѣленность никакъ не можетъ быть поставлена въ упрекъ опредѣленію національности, данному выше.

Эта неопредѣленность имманентна національности, какъ факту; она не привносится опредѣленіемъ, а только отражается въ немъ.

Выше уже было указано нами, что народъ—понятіе юридическое: въ отличіе отъ народа, нація—культурное понятіе (Culturbegriff).

Давно разоблаченная критикой ошибка итальянской національной школы, во главѣ съ Манчини, заключается, именно, въ томъ, что она разсматриваетъ націю, какъ юридическую категорію государственнаго и международнаго права. По ученію этой школы, нація—и только нація служитъ субстратомъ настоящаго, правомѣрнаго государства! точно также лицомъ или субъектомъ международнаго права является не государство, не народъ, а нація.

Теорія Манчини и его послѣдователей стоитъ въ очевидномъ противорѣчіи съ неопровержимыми фактами дѣйствительной жизни. Ни государственное, ни международное право не знаетъ націй. Лицомъ публичнаго права, или, другими словами, субъектомъ публичныхъ правъ, признается подданный: совокупность подданныхъ образуетъ народъ, а не націю. Австрійскій нѣмецъ является въ Германіи такимъ же иностранцемъ, какъ итальянецъ или французъ. Сплошь и рядомъ люди одной и той же національности входятъ въ составъ различныхъ народовъ, и наоборотъ, люди различной національности образуютъ одинъ и тотъ же народъ. Дурно ли это, или хорошо,—другой вопросъ; во всякомъ случаѣ, это—фактъ. Въ виду такого факта не можетъ подлежать сомнѣнію, что основнымъ элементомъ *современнаго* государства является не нація, а народъ. И точно также не нація, а народъ является субъектомъ международнаго права. Нужно ли доказывать, что современное международное право не знаетъ польской націи, не считаетъ ее членомъ международнаго общенія, субъектомъ международныхъ правъ? Для того, чтобы стать такимъ субъектомъ

Digitized by Google

нація должна, прежде всего, стать народомъ, государствомъ.. (Бульмерингъ, Мартенсъ и др.). Національный вопросъ—вопросъ политики, а не права. Именно потому, что нація не народъ, возможенъ вопросъ: не должна ли нація стать народомъ?

II.

И такъ, въ настоящее время понятія народа и націи не совпадаютъ другъ съ другомъ. Наряду съ національными государствами т. е. такими, въ которыхъ народъ является въ тоже время націей, существуютъ государства, составленныя изъ нѣсколькихъ націй, равно какъ націи, входящія въ составъ нѣсколькихъ государствъ.

Естественно рождается вопросъ: нормально-ли, желательно-ли такое явленіе? Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, признать нормальнымъ и желательнымъ, чтобы каждый народъ былъ націей и каждая нація народомъ?

На послѣдній изъ поставленныхъ вопросовъ необходимо отвѣтить *утвердительно*,— но не во имя, такъ называемыхъ, естественныхъ правъ національности, а во имя реальныхъ и существенныхъ интересовъ государственнаго и международнаго общенія.

Въ современной публицистикѣ, къ несчастью, еще живутъ традиціи естественнаго права. Къ запоздалымъ переживаніямъ этой философіи относится, между прочимъ, ученіе о священныхъ и неприкосновенныхъ правахъ національности, о *неправомѣрномъ* характерѣ государствъ, созданныхъ путемъ завоеванія и т. д., и т. д. Между тѣмъ, давно уже пора перенести безплодные споры о національномъ вопросѣ изъ туманныхъ областей метафизики на твердую почву положительной науки, именуемой политикой. Для того, чтобы выяснить нормальное отношеніе народа и націи, прежде всего, необходимъ внимательный анализъ явленій государственной и международной жизни,—анализъ, свободный отъ какихъ-бы то ни было предвзятыхъ теорій. Къ такому анализу мы и намѣрены приступить.

Механическое воззрѣніе на государство, какъ на случайный (договорный) аггрегатъ изолированныхъ и чуждыхъ другъ другу индивидовъ, отвергнуто современной наукой. Въ настоящее время государство разсматривается какъ органическое единство, одаренное единою и общей волей. Если народъ лишенъ національнаго единства, если онъ слагается изъ нѣсколькихъ чуждыхъ и даже враждебныхъ другъ другу національностей,—такое воззрѣніе на государство представляется безсодержательной фикціей, ложнымъ измышленіемъ теоріи.

Для того, чтобы государство дѣйствительно было единствомъ, народъ долженъ быть націей. Этимъ то именно и объясняется тотъ фактъ, что большинство государствовѣдовъ, признавая государство органическимъ единствомъ, *лицомъ* публичнаго права, опредѣляетъ народъ такъ, *какъ будто бы* онъ былъ націей.

Digitized by Google

Подъ народомъ, говоритъ, напримѣръ, фонъ-Герберъ, понимается не сумма отдѣльныхъ, нынѣ живущихъ людей, но *духовно-связанное въ исторической общности цѣлое*, которое въ нынѣ живущей генераціи находитъ только временное свое выраженіе.

Политическое общество, говоритъ извѣстный англійскій политикъ Корнваль Льюсъ, по существу своему (essentially), національно.

Итакъ самая природа современнаго государства категорично требуетъ національзаціи народа.

Французскій ученый Ипполитъ Пасси въ своей книгѣ: «О формахъ правленія» убѣдительно доказываетъ, что чѣмъ сильнѣе въ государствѣ религіозная или національная рознь,—вообще, чѣмъ меньше единства въ народѣ, тѣмъ больше единства въ организаціи верховной власти,—тѣмъ абсолютнѣе и неограниченнѣе эта власть. И дѣйствительно, только абсолютизмъ можетъ сдержать сепаративныя стремленія чуждыхъ другъ другу національныхъ элементовъ, и, такимъ образомъ, спасти хотя бы внѣшнее единство, безъ котораго немыслимо государство.

Въ своей книгѣ «О представительномъ правленіи» Д. С. Милль подробно останавливается на вопросѣ объ отношеніи національности къ представительной формѣ правленія. По его мнѣнію, свободныя учрежденія почти невозможны въ странѣ, составленной изъ различныхъ національностей, у народа, не связаннаго общими симпатіями,—въ особенности, если этотъ народъ пишетъ и говоритъ на разныхъ языкахъ. Въ такой странѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія, у такого народа нѣтъ общей воли, которую можно было бы признать волей государства.

При наличности въ государствѣ разныхъ національностей, парламентарный режимъ неизбѣжно приводитъ къ одному изъ двухъ: либо господствующая нація пользуется властью въ своихъ интересахъ, и слѣдовательно, въ ущербъ другимъ, болѣе слабымъ націямъ,—какъ это мы видимъ въ Венгріи; либо столкновеніе непримиримо-враждебныхъ, національныхъ интересовъ въ нѣдрахъ самой власти, обезсиливая власть, приводитъ къ анархіи,—какъ это мы видимъ въ Австріи.

Примѣръ Австріи—этого «политическаго арлекина»,—краснорѣчиво подтверждаетъ вышеприведенное мнѣніе англійскаго философа. Въ безобразныхъ сценахъ кулачнаго обструкціонизма, свидѣтелемъ которыхъ такъ недавно былъ австрійскій рейхсратъ, виноватъ, конечно, не парламентарный режимъ. Причина этихъ сценъ—въ національномъ вопросѣ,—или, точнѣе, въ несовмѣстимости парламентаризма съ національной борьбою. Необходима желѣзная рука абсолютной власти для того, чтобы въ государствѣ, созданномъ тою же желѣзною рукой, сдержать національную рознь цѣпями государственнаго единства.

Но не только форма государственнаго устройства, и содержаніе государственной дѣятельности непосредственно зависитъ отъ болѣе или менѣе полнаго осуществленія національнаго начала въ организаціи государствъ. Такъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ

Digitized by Google

искусственно составленъ изъ различныхъ національностей, главная задача власти заключается, прежде всего, въ поддержаніи самаго существованія государства. Борьба съ сепаративными тенденціями національностей требуетъ много усилій и средствъ. Главный интересъ правительства сосредоточенъ на вопросахъ самосохраненія. Весь организмъ государства медленно и незамѣтно подтачивается хронической лихорадкой. Въ нѣдрахъ народной жизни, какъ огонь подъ остывшимъ пепломъ, тлѣетъ ежеминутно готовая вспыхнуть междоусобная война. При такихъ условіяхъ положительныя задачи государственной дѣятельности,—содѣйствіе духовному и матеріальному благосостоянію народа необходимо отступаютъ на задній планъ. По справедливому замѣчанію Гизо, чѣмъ слабѣе государство, тѣмъ больше оно требуетъ съ народа, и тѣмъ меньше оно даетъ ему.

Независимо отъ вышеизложеннаго, не-національное государство, въ лучшемъ случаѣ, относится, пассивно и безразлично къ великимъ національнымъ задачамъ, дающимъ идеальное содержаніе человѣческой жизни. Интересы науки, искусства, народнаго образованія—ему чужды; вся его дѣятельность отмѣчена въ большей или меньшей степени ограниченнымъ и одностороннимъ матеріализмомъ; она не проникаетъ въ глубину народной жизни; она остается поверхностной и, не смотря на свой абсолютизмъ, безсильной.

Между правительствомъ и народомъ нѣтъ той органической связи, того взаимодѣйствія, которое Гнейстъ не безъ основанія считаетъ conditio sine qua non совершеннаго государства. Не-національное государство-мундиръ, одѣвающій тѣло, а не тѣло, облекающее духъ!

Современная жизнь ставитъ государству рядъ чрезвычайно сложныхъ и трудныхъ проблемъ. Индивидуалистическія теоріи, отводившія ему ничтожную, второстепенную роль, отживаютъ свое время. Съ каждымъ днемъ крѣпнетъ убѣжденіе, что такъ называемый соціальный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ активнаго участія государства. Но рѣшеніе соціальнаго вопроса предполагаетъ не только улучшеніе матеріальнаго состоянія низшихъ классовъ, не только поднятіе умственнаго уровня ихъ, но и, вообще, нравственное перевоспитаніе всего общества. Государство необходимо должно вліять не только на матеріальныя условія народной жизни, но и на самую психику народа. Его задача—содѣйствіе прогрессу народной культуры, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Для того, чтобы государство *захотѣло и сумѣло* исполнить свое назначеніе, народъ долженъ быть націей. Прислушиваясь къ запросамъ народной жизни и опредѣляясь ими, національное государство—и только оно—въ свою очередь, воздѣйствуетъ на народную жизнь и опредѣляетъ ее. Государство, лишенное національнаго характера, достигло апогея своего развитія въ полицейскомъ государствѣ XVIII вѣка; культурное государство (Culturstaat) должно быть національнымъ.

Digitized by Google

Рѣшеніе національнаго вопроса въ смыслѣ постепеннаго слія-нія культурнаго понятія націи съ политическимъ понятіемъ на-рода представляется необходимымъ постулатомъ прогрессивнаго развитія не только государственной, но и международной жизни.

Всѣ европейскія войны съ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія—кромѣ, быть можетъ, одной только Крымской—вызваны исключи-тельно или, главнымъ образомъ, такъ называемымъ, національ-нымъ вопросомъ,—т. е. стремленіемъ націй къ образованію на-ціональныхъ государствъ.

На почвѣ того же національнаго вопроса возникаетъ совре-менный милитаризмъ, отрывающій отъ производительной дѣятель-ности и ставящій подъ ружье 6 милліоновъ человѣкъ, ежегодно поглощающій средства, достаточныя для того, чтобы дать среднее образованіе всему подростающему поколѣнію Европы. (Новиковъ).

Національный вопросъ необходимо вызывается самымъ су-ществованіемъ анти-національныхъ государствъ, созданныхъ за-воевательной политикой стараго режима. До тѣхъ поръ пока такія государства существуютъ, будетъ существовать національный вопросъ; ибо сознаніе національной обособленности и, вслѣдствіе этого, стремленіе къ обособленности политической,—составляетъ essentiale самаго понятія націи. А до тѣхъ поръ, пока суще-ствуетъ національный вопросъ, необходимо будетъ длиться то па-тологическое состояніе международной жизни, которое именуется вооруженнымъ миромъ. Современная Европа стоитъ, по выраженію Мольтке, на пороховой минѣ, и достаточно искры, чтобы произ-вести взрывъ.

А между тѣмъ еще никогда человѣчество не стремилось къ миру такъ единодушно и сознательно, какъ именно теперь. Нрав-ственное чувство современнаго человѣка возмущается противъ убійства, хотя бы и ненаказуемаго, себѣ подобныхъ. Анализи-рующій и критическій разумъ разбиваетъ вѣковые предразсудки, отдѣлявшіе народы другъ отъ друга китайскою стѣной недовѣ-рія и вражды. Привязанность къ матеріальнымъ благамъ, столь сильная въ современныхъ обществахъ, дѣлаетъ ненавистной войну, которая все разрушаетъ и ничего не создаетъ. Благодаря невѣ-роятнымъ успѣхамъ военной техники грядущая европейская война оказалась бы несравненно гибельнѣй и ужаснѣй всѣхъ предъиду-щихъ войнъ. Что удивительнаго, если человѣчество стремится къ миру и ненавидитъ войну?

Конечно, и націонализація государствъ не можетъ устранить окончательно возможности войны; тѣмъ не менѣе, съ упраздне-ніемъ одной изъ наиболѣе важныхъ причинъ международной розни, миръ необходимо станетъ болѣе устойчивымъ и война, по крайней мѣрѣ, болѣе рѣдкой. Во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія націо-нальнаго принципа, отторженіе части территоріи отъ одного го-сударства и присоединеніе ея, по праву завоеванія, къ другому представляется вполнѣ и безусловно невозможнымъ. Вмѣстѣ съ причиной, такимъ образомъ, отпадаетъ и цѣль—если не всѣхъ,

Digitized by Google

то, по крайней мѣрѣ, большинства когда либо предпринимавшихся войнъ.

Единственно возможнымъ, съ точки зрѣнія національнаго государства, средствомъ приращенія государственной территоріи является, такъ называемый *плебисцитъ*.

Въ литературѣ много разъ указывалось на неудовлетворительность этого средства,—и даже на полную непригодность его къ рѣшенію важныхъ вопросовъ государственной жизни. Казалось бы, однако, что говоря о плебисцитѣ необходимо отличать народный плебисцитъ отъ плебисцита національнаго.

Конечно, обращеніе къ темной и политически незрѣлой народной массѣ, несвободной въ соціальномъ и подвластной въ политическомъ отношеніи, съ вопросомъ о предпочтительности той или иной формы правленія, въ большинствѣ случаевъ является постыдной комедіей и ложью. Истина говоритъ устами народа лишь тогда, когда народъ умѣетъ говорить.

Иное дѣло плебисцитъ національный.

Сознательное отношеніе къ государству, пониманіе его интересовъ и нуждъ отнюдь не служитъ существеннымъ и необходимымъ свойствомъ каждаго, безъ исключенія, народа. И аѳиняне во времена Перикла, и испанцы во времена Филипповъ, въ одинаковой степени, являются народомъ.

Наоборотъ, національное самосознаніе составляетъ essentiale, существенный и необходимый моментъ въ самомъ понятіи націи. Гдѣ нѣтъ самосознанія, тамъ нѣтъ и націи. Допустивъ существованіе націи, мы ео ipso должны допустить, что каждый изъ индивидовъ, ее образующихъ, способенъ сознательно отвѣтить на вопросъ: къ какой націи ты принадлежишь и, слѣдовательно, къ какому государству ты хочешь принадлежать?

Такимъ образомъ, при существованіи однихъ только національныхъ государствъ, плебисцитъ необходимо будетъ играть въ международной жизни ту самую роль, какую при существованіи современныхъ государствъ играетъ и должна играть война.

До тѣхъ поръ, говоритъ Лоранъ, пока государства создаются, расширяются и взаимно уничтожаютъ другъ друга путемъ завоеваній, война—естественное состояніе человѣчества. Но съ того момента, какъ каждый народъ станетъ націей, идеалъ вѣчнаго мира будетъ осуществленъ въ предѣлахъ возможнаго.

Не грозитъ ли, однако, торжество національнаго принципа началу солидарности народовъ, духу общенія, связывающаго народы въ одну общечеловѣческую семью,—однимъ словомъ, единству человѣческаго рода?

Конечно, нѣтъ.

Единство не предполагаетъ однообразія; наоборотъ, въ сферѣ соціальныхъ отношеній, именно, разнообразіемъ создается единство. Если бы всѣ люди были похожи другъ на друга, какъ одна капля воды на другую, органическое соединеніе людей, именуемое *обществомъ*, было бы невозможнымъ; ибо общество создается не чѣмъ

Digitized by Google

нымъ, какъ взаимною зависимостью людей другъ отъ друга, обусловливаемой различіемъ пола и возраста, способностей и знаній, богатства и силы, рода занятій и образа жизни.

Чѣмъ примитивнѣе типъ, тѣмъ незначительнѣй и бѣднѣе индивидуальныя различія особей. По словамъ Джаксона, индѣйцы поразительно похожи другъ на друга; именно потому общественная жизнь дикарей стоитъ на столь низкой ступени развитія, такъ бѣдна содержаніемъ и такъ несовершенна по формѣ.

Никто не скажетъ, что единство государства отрицается индивидуальностью человѣка; но можно ли, въ такомъ случаѣ, утверждать, что единство международнаго союза отрицается индивидуальностью націй.

Подобно индивиду, только чрезъ самосознаніе каждая нація приходитъ къ сознанію своей зависимости отъ другихъ націй, своей солидарности съ ними. *Неудовлетворенность* національнаго чувства, а отнюдь не самое чувство, ведетъ къ забвенію общечеловѣческихъ идеаловъ, къ узкому и близорукому шовинизму. Итальянцамъ временъ австрійскаго владычества «Великая Италія» могла казаться обѣтованною страной, конечной цѣлью стремленій и надеждъ; современному итальянцу общечеловѣческіе интересы понятнѣй и роднѣй, нежели поляку, венгерцу или ирландцу.

Въ наше время интенсивность международныхъ сношеній достигла небываларо развитія; духовныя и матеріальныя связи, соединяющія народы другъ съ другомъ, становятся день ото дня многочисленнѣй и тѣснѣй. Французскія драматическія произведенія или англійскіе романы, говоритъ Ридигеръ, служатъ такою же обыденной пищей нашему уму, какъ арабское кофе или китайскій чай—нашему тѣлу. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакого основанія серьезно опасаться какого бы то ни было разобщенія народовъ, вслѣдствіе торжества національнаго принципа. Для того, чтобы достигнуть такого разобщенія, пришлось бы порвать телеграфныя сѣти, разрушить желѣзнодорожные пути, уничтожить богатый и сложный аппаратъ современныхъ знаній, загасить яркій свѣточъ современной морали,—однимъ словомъ, срыть до основанія великолѣпный храмъ духовной и матеріальной культуры. Не смѣшно ли, однако, думать, что торжество національнаго принципа грозитъ вандализмомъ современному человѣчеству?!

Итакъ резюмируя вышеизложенное, мы приходимъ къ слѣдующему выводу:

Въ интересахъ прогрессивнаго развитія государственной и международной жизни желательна націонализація государствъ. Политическое понятіе народа должно слиться съ культурнымъ понятіемъ націи. Нація должна быть народомъ; народъ долженъ быть націей.

Но осуществима ли эта цѣль и, если осуществима, то какимъ образомъ?!.

В. Гессенъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

Какъ примѣръ педагогической рутины. Ппреподаваніе исторіи въ нашей средней школѣ.

Въ ряду вопросовъ, выдвинутыхъ современной жизнью и ждущихъ еще своего разрѣшенія, не маловажное мѣсто занимаетъ вопросъ о постановкѣ нашей средней общеобразовательной школы. По-видимому, сомнѣніе въ безупречности ея постановки не нуждается уже болѣе въ оправданіи—недостатки ея стали слишкомъ выпуклы и бросаются въ глаза даже самому поверхностному наблюдателю. Особыя условія, въ которыхъ находится русское общество, бѣдное возможностью и, скажемъ, даже еще стремленіемъ получить высшее образованіе—побуждаютъ только съ еще большимъ вниманіемъ отнестись къ этому больному мѣсту нашего просвѣщенія. Русскій средній человѣкъ, въ которомъ сама природа такъ мало способствовала развитію стремленія къ широкому замыслу и дальновидному расчету, изстари привыкъ ограничивать свои надежды завтрашнимъ днемъ и со спокойной совѣстью любитъ отдать предпочтеніе близкой синицѣ передъ далекимъ ястребомъ. Быть можетъ оттого и запросъ на среднее образованіе у него далеко не пропорціоналенъ его стремленію къ высшему. Въ частности, русская женщина лишена при этомъ почти совершенно и самой возможности осуществить подобное стремленіе, по крайней мѣрѣ у себя на родинѣ. Исторія, оставившая насъ такъ далеко позади нашихъ западныхъ сосѣдей, можетъ намъ только объяснить и оправдать эти явленія, но разумѣется, не сумѣетъ насъ примирить съ ними.

Каковы бы однако ни были психологическія и историческія причины, обусловившія указанные факты, они ничего не мѣняютъ въ самихъ фактахъ. Упорядоченіе нашей средней общеобразовательной школы остается насущной потребностью нашего просвѣщенія, далеко оставляющей за собой многія другія второстепенныя его задачи. Направленіе, въ которомъ эта работа должна идти, не составляетъ загадки—оно указано самой жизнью. И, если справедлива мысль, что школа призвана оказывать извѣстное воздѣйствіе

Digitized by Google

на направленіе жизни современнаго ей общества, то справедливо конечно и то, что она должна стоять въ тѣснѣйшей связи съ общественной жизнью, что она должна принять во вниманіе и въ свою очередь постараться отвѣтить на тѣ запросы, которые ей предъявляетъ эта жизнь. Очевидно, только та школа отвѣтитъ своему дѣйствительному общественному назначенію, которая сумѣетъ отличить въ современной жизни здоровое зерно прогресса отъ сорныхъ примѣсей и, тщательно культивируя его, сумѣетъ подготовить самостоятельныхъ, здравыхъ и развитыхъ работниковъ, которыхъ не приходилось бы переучивать вновь по выходѣ изъ нея для того, чтобы дать приложеніе ихъ силамъ въ жизни. Силою обстоятельствъ, именно средняя школа, какъ мы упоминали выше, даже для привилегированныхъ классовъ нашего общества слишкомъ часто представляетъ тотъ единственный источникъ, изъ котораго можетъ быть почерпнута эта нужная русскому человѣку подготовка. Нравственная отвѣтственность, лежащая поэтому на средней школѣ передъ обществомъ, которому она призвана служить, чрезвычайно велика; ей придется осторожно изслѣдовать и точно взвѣсить сложный вопросъ о томъ, *что* можно и нужно сообщить изъ общей суммы человѣческаго знанія своимъ питомцамъ, *что* въ данный моментъ изъ этого запаса можетъ быть признано наиболѣе существеннымъ и необходимымъ для жизни—и *какъ* то, *что* она сочтетъ нужнымъ, передать по назначенію. Два условія должна, повидимому, принять въ соображеніе при этомъ средняя школа. То, *что* она сообщитъ, должно отличаться извѣстной полнотой и научностью знанія, а то, *какъ* она будетъ сообщать, должно отличаться возможной простотой и доступностью. Принимая въ свои руки дѣтей, она не можетъ забыть, что это не взрослые, и, выпуская людей зрѣлыхъ, она должна помнить, что это уже не дѣти. Задача несомнѣнно гораздо болѣе трудная, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда, и для рѣшенія ея необходимо внимательно изучить и тщательно обдумать поставленный вопросъ. Здоровый плодъ современной жизни представляетъ безъ сомнѣнія общая тенденція къ научно обоснованному знанію, но возможно ли необходимое для жизни научное знаніе вложить въ рамки доступнаго изложенія—иначе элементарность формы не обусловливаетъ ли элементарность содержанія — таковъ основной вопросъ, требующій въ данномъ случаѣ предварительнаго разрѣшенія. Впрочемъ, новѣйшая педагогика и психологія разрѣшаютъ его кажется вполнѣ удовлетворительно, не признавая возможнымъ существованія двухъ истинъ, одной для дѣтей, другой для взрослыхъ. Глубокая мысль всегда проста и всякому доступна,—нѣтъ надобности поэтому обходить ее въ школѣ изъ опасенія задать непосильную работу дѣтскому мозгу. Школа, на обязанности которой лежитъ образованіе и воспитаніе современнаго человѣка, должна научить его осмысленному отношенію къ себѣ и къ жизни, должна вооружить его положительнымъ знаніемъ и такимъ образомъ подготовить его для жиз-

Digitized by Google

ненной борьбы, день ото дня требующей все больше и больше подобной подготовки и научнаго закала.

Вопросъ о характерѣ школьнаго преподаванія не можетъ однако считаться вполнѣ разрѣшеннымъ однимъ установленіемъ необходимости научной его постановки. Сказать, что преподаваніе въ средней школѣ не должно быть инымъ, какъ научнымъ, слишкомъ мало. Этимъ нисколько не рѣшается еще цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ, касающихся взаимнаго отношенія преподаваемыхъ предметовъ, ихъ объема, цѣли преподаванія, способовъ его и т. п. Впрочемъ, въ нашу задачу и не входитъ систематическій обзоръ школьнаго преподаванія во всемъ его объемѣ, такъ какъ мы имѣемъ въ виду сосредоточить наше вниманіе лишь на части его и именно на образованіи историческомъ, которое можетъ и должна дать средняя школа своему ученику.

Жизнь соткана изъ противорѣчій—и быть можетъ именно въ этомъ афоризмѣ слѣдуетъ искать объясненія странной прихоти случая, пожелавшаго, чтобы всѣ волнующія общество движенія не оставили ни малѣйшаго слѣда въ той области, которой они, казалось, должны были бы всего болѣе касаться. Изучая дѣйствующія программы нашихъ гимназій, тщетно ищешь въ нихъ отголоска на потребности современной жизни, тщетно ищешь ту необходимую связь, которая должна была бы скрѣпить ихъ съ окружающей дѣйствительностью, и еще меньше начинаешь понимать въ нихъ что либо при малѣйшей попыткѣ обратиться къ ихъ теоріи. Какъ общій выборъ предметовъ преподаванія, такъ и относительный объемъ ихъ мѣнялись часто, но, кромѣ совершенно постороннихъ соображеній, для всѣхъ этихъ перемѣнъ трудно подыскать какое либо основательное оправданіе. Чѣмъ объяснить напр. необязательность одного изъ новыхъ языковъ, вошедшую въ программу даже 1890 г. Или чѣмъ оправдывается изгнаніе съ 1871 г. естественной исторіи изъ учебныхъ предметовъ мужскихъ гимназій, тогда какъ въ женскихъ она преподается и сейчасъ? Впрочемъ, это общій вопросъ, касающійся всей постановки нашей средней школы и потому лежащій внѣ нашей задачи, но и по отношенію къ интересующему насъ предмету найдется достаточно матеріала для самыхъ грустныхъ размышленій.

Изъ плана 1828 г. *) можно видѣть, что на общее число учебныхъ часовъ въ недѣлю—равнявшееся 240, на долю исторіи падало во всѣхъ 7 классахъ гимназій, какъ съ греческимъ языкомъ, такъ и безъ греческаго языка—19½ часовъ, и что исторія занимала такимъ образомъ пятое мѣсто въ ряду учебныхъ предметовъ, стоя послѣ латинскаго, русскаго и греческаго языковъ (въ гимназіяхъ безъ греческаго—послѣ нѣмецкаго) и математики.

*) Показаны часы, урокъ продолжался 1½ часа

Digitized by Google

Недѣльное распредѣленіе уроковъ по плану 1828 г. *).

Учебные предметы.	Гимн. съ греч. языкомъ. I	II	III	IV	V	VI	VII	Всего	Гимн. безъ греч. языка. IV	V	VI	VII	Всего.
1. Законъ Божій.	3	3	3	3	1½	1½	1½	16½	3	1½	1½	1½	16½
2. Россійская словесность и логика.	6	6	6	4½	4½	4½	3	34½	4½	4½	4½	3	34½
3. Латинскій языкъ.	6	6	6	6	6	4½	4½	39	6	6	4½	4½	39
4. Греческій языкъ.	—	—	—	7½	7½	7½	7½	30	—	—	—	—	—
5. Нѣмецкій языкъ.	3	3	3	4½	4½	4½	4½	27	тоже				27
6. Французскій языкъ.	—	—	—										18
7. Математика.	6	6	6	1½	1½	1½	—	22½	4½	4½	4½	3	34½
8. Географія и статистика.	3	3	3	1½	1½	—	3	15	1½	1½	—	3	15
9. *Исторія.*	—	—	3	3	4½	4½	4½	19½	3	4½	4½	4½	19½
10. Физика.	—	—	—	—	—	3	3	6	—	—	3	3	6
11. Чистописаніе.	6	6	3	—	—	—	—	15	—	—	—	—	15
2. Рисованіе.	3	3	3	1½	1½	1½	1½	15	1½	1½	1½	1½	15
Итого	36	36	36	33	33	33	33	240	33	33	33	33	240

*) Таблица заимствована нами изъ Энц. Слов. Брокгауза и Эфрона т. VIII стр. 700 и слѣд.

Digitized by Google

Планъ 1864 г. *) отодвинулъ исторію на шестое мѣсто, удѣливъ при этомъ на ея долю лишь 14 часовъ изъ общей суммы въ 184 часа, а планъ 1890 г. **) нашелъ возможнымъ помѣстить ее и еще дальше, на седьмое мѣсто уступивъ ей изъ 206 (для обучающихся одному новому языку, для обучающихся обоимъ изъ 225) только 13 часовъ въ недѣлю на всѣ 8 классовъ ([illegible] приготовительнаго). Въ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства Импер-

*) Недѣльное распредѣленіе уроковъ по плану 1864 г.

Предметы	Классы I	II	III	VI	V	VI	VII	Всего Час.	Урок.
1. Законъ Божій.	2½	2½	2½	2½	2½	2½	2½	17½	14
2. Русск. яз. съ церк. слав. и словесность.	5	5	3¾	5	3¾	3¾	3¾	30	24
3. Латинскій языкъ.	5	6¼	6¼	6¼	6¼	6¼	6¼	42½	34
4. Греческій языкъ.	—	—	3¾	3¾	7½	7½	7½	30	24
5. Французскій или нѣмецк. языкъ	3¾	3¾	2¼	3¾	3¾	3¾	2½	23¾	19
6. Математика.	3¾	3¾	3¾	3¾	3¾	3¾	5	27½	22
7. *Исторія*,	—	—	2½	3¾	3¾	3¾	3¾	17½	14
8. Географія	2½	2½	2½	2½	—	—	—	10	8
9. Естествен. исторія.	2½	2½	2½	—	—	—	—	7½	6
10. Чистописаніе, рисов. и черченіе.	5	5	3¾	2½	—	—	—	16¼	13
Итого.	30	31¼	33¾	33¾	33¾	33¾	33¾	230	184

**) Недѣльное распредѣленіе уроковъ по плану 1890 г.

Предметы.	Приг. класс	Классы I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Общее число ур. въ 8 классахъ.
1. Законъ Божій.	4	2	2	2	2	2	2	2	2	16
2. Русскій яз. съ церк. слав. и логика.	6	5	4	4	3	3	3	3	4	29
3. Латинскій языкъ.	—	6	6	5	5	5	5	5	5	42
4. Греческій языкъ.	—	—	—	4	5	6	6	6	6	33
5. Математика.	6	4	4	3	4	4	4	3	3	29
6. Физика.	—	—	—	—	—	—	2	3	2	7
7. *Исторія*.	—	—	—	2	2	3	2	2	2	13
8. Географія.	—	2	2	2	2	—	—	—	—	8
9. Французскій языкъ.	—	—	3	2	3	3	2	3	3	19
10. Нѣмецкій языкъ.	—	—	3	3	3	3	3	2	2	19
11. Чистописаніе и рисованіе.	6	4	4	2	—	—	—	—	—	10
Итого	22	23	28	29	29	29	29	29	29	225
(для обучающихся 2 нов. языкамъ).										
Для обучающихся 1 нов. языку.										
Французскому	22	23	25	26	26	26	26	27	27	206
Нѣмецкому	22	23	25	27	26	26	27	26	26	206

Digitized by Google

трицы Маріи *) для исторіи не оказалось удобнымъ отвести даже и такого скромнаго мѣста. Занимая девятое мѣсто въ ряду учебныхъ предметовъ, она стоитъ послѣ обоихъ новыхъ языковъ, русскаго языка, математики, естествовѣдѣнія, Закона Божія, даже послѣ рисованія и рукодѣлія съ гимнастикой. Изъ общей суммы въ 205 часовъ на ея долю отведено только 12 часовъ въ недѣлю.

Цифры всегда краснорѣчивы своей категоричностью и опредѣленностью и подчасъ умѣютъ сказать короче и больше, чѣмъ самая многословная рѣчь. Мы и не будемъ поэтому углубляться въ дальнѣйшія подробности нашихъ учебныхъ плановъ, считая вполнѣ достаточнымъ для выясненія дѣла приведенныхъ цифровыхъ данныхъ. Если, въ самомъ дѣлѣ, не смотря на всю интенсивность, съ которой выказывается за послѣднее время въ нашемъ обществѣ жажда научнаго знанія вообще и историческаго въ частности, общеобразовательная средняя школа исключаетъ изъ своихъ программъ предметы первостепенной важности, бережно охраняя въ то же время предметы давно отжившіе, если она считаетъ возможнымъ свести преподаваніе исторіи до совершенно невѣроятнаго минимума—то такая школа, очевидно, порвала всякія связи съ современной жизнью.

Въ настоящее время, кажется, трудно уже утверждать, что задачей школьнаго изученія исторіи можетъ служить только укрѣпленіе памяти учащихся и нравственное воздѣйствіе великихъ историческихъ событій и лицъ. Исторія уже давно пережила свой лѣтописный періодъ, ея содержаніе и методъ успѣли подняться на научную высоту, перемѣнились цѣли, которыя ставятъ себѣ изучающіе ее и перемѣнились плоды, которыхъ можно ожидать отъ ея изученія. Занявъ опредѣленное мѣсто среди другихъ общественныхъ наукъ, она сумѣла не только упрочить его за собой, но и

*) Недѣльное росписаніе уроковъ.

Предметы.	Классы. VII	VI	V	IV	III	II	I	Всего.
1. Законъ Божій.	2	2	2	2	2	2	2	14
2. Русскій языкъ и словесность.	4	4	3	3	3	3	3	23
3. Французскій языкъ	6	5	4	4	4	4	4	31
4. Нѣмецкій языкъ	3	4	6	6	5	3	3	30
5. *Исторія.*	—	—	—	2	2	4	4	12
6. Географія.	2	2	2	2	2	2	—	12
7. Математика	3	3	3	3	3	3	3	21
8. Естествовѣдѣніе и физика.	2	2	2	2	2	3	3	16
9. Педагогика.	—	—	—	—	—	—	2	2
10. Рукодѣліе и гимнаст.	2	2	2	2	2	2	2	14
11. Чистописаніе:	2	2	2	—	—	—	—	6
12. Рисованіе.	2	2	2	2	2	2	2	14
13. Пѣніе.	1	1	1	1	2	2	2	10
Итого	29	29	29	29	29	30	30	205

Digitized by Google

оказать самое благотворное вліяніе на всѣ другія, соприкасающіяся съ ней области научнаго знанія. Сообразно съ этимъ появилась возможность предъявить къ исторіи новыя требованія и какъ къ предмету школьнаго обученія. Отъ нея потребовались уже не столько событія, сколько пониманіе этихъ событій, не имена и годы, а усвоеніе идеи закономѣрности историческаго процесса, «развитіе историческаго отношенія къ дѣйствительности, ясное представленіе о томъ, какъ создались современныя отношенія, какъ совершаются вообще историческія перемѣны и въ какомъ направленіи движется историческая жизнь» *). По странному недоразумѣнію, однако, упомянутые успѣхи исторической науки оказываются какъ будто не существующими вовсе для нашей средней школы. Они не существуютъ для нея, какъ не существуетъ и вся вообще современная дѣйствительность со своими задачами и подробностями, со своими вкусами и развитіемъ. Тамъ, во глубинахъ нашихъ учебныхъ плановъ, мы найдемъ всѣ тѣ же давно отжившіе взгляды, по которымъ изученію исторіи ставились постороннія исторической наукѣ цѣли, превращавшія ее «въ одинъ изъ способовъ развитія памяти или въ одно изъ средствъ внушенія ученикамъ «любви къ отечеству» или «нравственныхъ правилъ» **).

Здѣсь, впрочемъ, врядъ-ли не слѣдуетъ видѣть отчасти слѣдовъ того не совсѣмъ вразумительнаго предубѣжденія, по которому школьный возрастъ признается недостаточнымъ для надлежащаго усвоенія научной истины. И надо сознаться, что современная дѣйствительность въ значительной степени способствуетъ укорененію такого, въ сущности совершенно ложнаго, взгляда. Странно только, что его придерживается та же школа, которая санкціонируетъ зрѣлость оканчивающихъ въ ней курсъ молодыхъ людей. Говоря вообще, трудно, правда, понять, на какихъ основаніяхъ можетъ покоиться мысль о недостаточной воспріимчивости къ научному знанію исторіи 15-ти или 16-тилѣтняго возраста, признаваемаго достаточно зрѣлымъ для вполнѣ правильнаго усвоенія стилистическихъ тонкостей образцовъ классической литературы или для сложнаго анализа математическихъ формулъ. Даже болѣе того, по дѣйствующему законодательству, 16-ти лѣтній возрастъ признается возрастомъ, дающимъ право женщинѣ на вступленіе въ бракъ и слѣдовательно является достаточной гарантіей яснаго сознанія ею своихъ правъ и обязанностей, какъ жены и матери—и между тѣмъ этотъ же возрастъ, какъ оказывается, служитъ существеннымъ препятствіемъ для усвоенія ею самыхъ элементарныхъ научныхъ истинъ. Насколько страненъ указанный взглядъ, можно видѣть, впрочемъ, еще изъ того, что въ настоящее время даже для народнаго чтенія спеціалисты не признаютъ

*) См. статью проф. Н. И. Карѣева, помѣщен. въ т. XIII Словаря подъ словомъ «Исторія», стр. 505.

**) См. ibid.

Digitized by Google

цѣлесообразнымъ предлагать исторію въ томъ видѣ, въ какомъ она изучается въ нашей средней школѣ, и требуютъ, при всей простотѣ изложенія ея, серьезнаго научнаго содержанія. Въ своей статьѣ озаглавленной: «Что можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи» и помѣщенной въ сборникѣ въ пользу недостат. студ. М. Унив. подъ редакціей В. А. Гольцева—проф. М. С. Корелинъ подробно останавливается на изслѣдованіи вопроса о томъ, какія цѣли могутъ быть поставлены для распространенія историческаго знанія въ народѣ и приходитъ къ совершенно основательной мысли, что, кромѣ воспитательнаго значенія своего, популярная исторія можетъ и должна передать читателямъ изъ народа основные выводы исторической науки. Такъ напр. онъ полагаетъ, что не только основной принципъ науки—принципъ закономѣрности историческаго процесса, но и трудный вопросъ о роли личности въ ходѣ историческаго процесса, возможно выяснить въ популярной, общедоступной формѣ, не превышающей пониманіе простого читателя. Если спрашивается, можно ставить подобныя цѣли для исторіи, расчитанной на нашего простолюдина, то какъ объяснить антинаучную постановку ея въ нашей средней школѣ, общія задачи и образовательныя средства которой неизмѣримо выше того, что можетъ предложить своимъ питомцамъ простая сельская школа.

И тѣмъ не менѣе съ небольшой поправкой указанный выше взглядъ представляется заслуживающимъ тщательнаго изученія и не можетъ не имѣть самаго серьезнаго вліянія на дѣло. Современному педагогу приходится дѣйствительно наталкиваться на цѣлый рядъ затрудненій со стороны воспріимчивости учащейся среды при всякой попыткѣ поставить изученіе своего предмета на научныя основанія, но только еще большой вопросъ, гдѣ слѣдуетъ искать причинъ этому явленію—въ школьномъ-ли возрастѣ или въ какихъ нибудь другихъ условіяхъ школьнаго дѣла.

Отчего въ самомъ дѣлѣ тотъ же возрастъ не представляетъ никакихъ препятствій въ указанномъ отношеніи въ тѣхъ случаяхъ, когда является возможность для внѣкласснаго обученія и воздѣйствія? Отчего даже одинъ и тотъ же школьникъ, въ жизни смышленный и сообразительный, становится подчасъ такимъ глупымъ, какъ только усядется на классную скамью? Здѣсь нѣтъ уже мѣста для соблазнительныхъ ссылокъ на возрастъ, а между тѣмъ одно изъ существенныхъ затрудненій для единичныхъ попытокъ упорядочить педагогическое дѣло—имѣется на лицо. Въ жизни кому не случалось слышать,—а можетъ быть и испытать самому,—того, какъ долго преслѣдуютъ тревожные сны разстроенное воображеніе многострадальныхъ питомцевъ нашей школы, уже давно отдавшихъ свой долгъ труда и здоровья? Снятся неудачные отвѣты, плохіе баллы, административныя взысканія, экзамены—снятся словомъ всѣ тѣ страхи, въ тискахъ которыхъ должна была расти и развиваться дѣтская душа.

Digitized by Google

Страхъ—ненадежное средство педагогическаго воздѣйствія и еще гораздо менѣе надежное подспорье для основательнаго усвоенія научнаго знанія. А между тѣмъ всѣ эти дурные сны продолжаютъ и до сихъ поръ оставаться идеаломъ нашей оффиціальной педагогической мудрости. Не трудно сообразить, какъ больно должны отзываться подобные пріемы на нравственномъ чувствѣ и нервной организаціи учащихся, если иногда черезъ многіе годы, пригрезившись во снѣ, они способны нарушить душевное спокойствіе и оживить тотъ осадокъ горечи, который они въ свое время оставили на сердцѣ. Не трудно сообразить такъ же и то, какъ страшно должна понижать такая педагогическая система воспріимчивость учащейся среды и какое непреодолимое зло должна представлять она для всякой единичной попытки переставить школьное преподаваніе на разумныя основанія. Здѣсь, слѣдовательно, дѣло въ системѣ обученія, а не въ возрастѣ учащихся; въ плохихъ педагогическихъ пріемахъ, а не въ чрезмѣрной недоступности научнаго знанія.

Говорятъ, что взрослые люди считаютъ обыкновенно дѣтей болѣе глупыми, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ оказываются—и повидимому подтвержденіе этой старой истины мы находимъ и въ данномъ случаѣ. Наблюденіе показываетъ, что ребенокъ, попавъ въ школу, можетъ быть безсознательно, но очень быстро усвоиваетъ ту сущность, къ которой сводится вся постановка школьнаго преподаванія, и какъ то ужъ очень ловко умѣетъ подсмотрѣть тѣхъ китовъ, на которыхъ покоится наша педагогическая рутина. Въ результатѣ, добросовѣстному преподавателю остается только краснѣть, когда какое нибудь хитрѣйшее имя историческаго героя вродѣ Навуходоносора или Верцингеторикса оказывается отчетливо выученнымъ, а самый элементарный обобщающій выводъ преподносится ему въ небрежно искаженномъ, измятомъ видѣ. Причины ясны: «на экзаменѣ потребуются имена и года, слѣд. остальное не можетъ имѣть никакого значенія».—вотъ простой, но очень логичный школьническій аргументъ, противъ котораго труднѣе возражать, чѣмъ кажется.

Разсужденіе и вообще отдѣляется всегда очень отчетливо отъ точнаго факта въ сознаніи учащихся нашихъ среднихъ школъ. Подъ угрозой плохой отмѣтки за неудачный нескорый отвѣтъ у учениковъ быстро образуется привычка не расчитывать на свои способности соображать и догадываться, замѣняя ихъ гораздо болѣе надежной способностью запоминать выученное. Оттого такъ трудно бываетъ добиться подчасъ самаго простенькаго заключенія изъ разсказаннаго и такъ легко получить почти буквальную передачу выученнаго. Безпокойно-озирающійся взглядъ и безпомощный видъ вымучивающаго изъ себя какую нибудь простую житейскую истину ученика или ученицы пріобрѣтаютъ тотчасъ же удивительную ясность и спокойную увѣренность, какъ только вопросъ удается подвести подъ ту или другую страницу или параграфъ учебника. А между тѣмъ, пройдетъ положенный часъ, и та же

Digitized by Google

оробѣвшая душа оказывается способной придумывать вещи, куда посложнѣе и помудренѣе отвѣта на заданный вопросъ. Здѣсь опять причину надо искать, очевидно, не въ возрастѣ учащихся, а въ томъ общемъ архаическомъ направленіи школьнаго преподаванія, которымъ проникнута наша дѣйствующая педагогическая система. Тутъ очевидное недоразумѣніе; и недоразумѣніе это заключается въ томъ, что результаты, вызванные неправильной постановкой школьнаго дѣла, приписываются для болѣе убѣдительнаго торжества педагогической рутины независящему отъ нея обстоятельству—возрасту учащихся въ средней школѣ.

Наряду однако съ указанными явленіями педагогическая практика выясняетъ еще цѣлый рядъ другихъ существенныхъ затрудненій, препятствующихъ успѣшной борьбѣ съ несовершенствами дѣйствующихъ программъ и плановъ въ нашей средней школѣ. Среди нихъ прежде всего приходится отмѣтить чрезвычайную скудость въ учащейся средѣ какъ необходимаго запаса общихъ идей, такъ и тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній изъ сферы современной общественной и государственной жизни, безъ которыхъ преподаваніе исторіи становится особенно затруднительнымъ. По существующимъ программамъ, преподаваніе исторіи въ нашихъ гимназіяхъ ведется въ хронологическомъ порядкѣ, причемъ изученію русской исторіи предпосылается прохожденіе курса исторіи всеобщей, и именно, древнѣйшаго періода ея (Востока, Греціи и Рима). Трудно понять, на какихъ соображеніяхъ можетъ быть основано предпочтеніе подобнаго порядка передъ всякимъ другимъ, но очень легко догадаться, къ какимъ непреодолимымъ затрудненіямъ должно привести его практическое осуществленіе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что знакомство съ античной жизнью совершенно необходимо для правильнаго усвоенія исторической судьбы человѣчества, но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что знакомству съ бытомъ, такъ далеко отстоящимъ отъ насъ, и такъ сильно разнящимся отъ современной дѣйствительности, должно предшествовать установленіе живой связи между давно минувшимъ и текущей жизнью и слѣдовательно прежде всего знакомство съ этой текущей жизнью, отсутствующее у нашего тринадцатилѣтняго школьника. Если мы хотимъ, чтобы онъ не только выучилъ курсъ того или другого отдѣла всеобщей исторіи, но и понялъ его, мы должны ему дать въ руки надежный критерій для правильной оцѣнки мірового историческаго процесса. И прежде чѣмъ увлекать вниманіе ребенка въ темныя дали прошлаго человѣчества, необходимо также разъяснить ему, зачѣмъ его туда увлекаютъ, какой живой интересъ можетъ и долженъ его къ тому побуждать, а для этого опять необходимо предварительно многое разъяснить ему изъ того, что его окружаетъ въ жизни, и что заслонено отъ него еще съ 9-ти или 10-ли лѣтняго возраста школьной стѣной и учебникомъ.

Эта мысль нашла себѣ примѣненіе между прочимъ въ работахъ американскаго педагогическаго «Комитета Десяти», уже

Digitized by Google

обратившихъ на себя вниманіе въ нашей педагогической литературѣ. Слишкомъ практическій общій характеръ, отличающій программу, составленную этимъ комитетомъ, не отнимаетъ отъ нея однако цѣлаго ряда серьезныхъ выдающихся достоинствъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и указанная выше мысль, выразившаяся въ томъ, что систематическому изученію всемірно-историческаго процесса, по плану комитета, должно быть предпослано знакомство съ біографіями выдающихся лицъ и общимъ очеркомъ исторіи Америки. И въ свою очередь изученіе государственнаго строя и экономическаго быта должно быть тѣсно связано съ изученіемъ исторіи.

Нашимъ учебнымъ планамъ въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, еще очень далеко до американскихъ программъ, а между тѣмъ зло, вытекающее отсюда, больше, чѣмъ могло бы показаться постороннему наблюдателю. Стѣсненный временемъ и общими бѣдами нашей педагогической системы, добросовѣстный преподаватель вынужденъ чрезвычайно осложнять какъ свою задачу, такъ и работу учащихся частными экскурсами въ область общественныхъ отношеній и порядковъ современной жизни, чтобы хоть нѣсколько осмыслить механическій процессъ затверживанія на память непонятныхъ именъ и давно исчезнувшихъ формъ жизни. Печальныя послѣдствія такого ненормальнаго положенія дѣла—понятны сами собой. Учебный курсъ исторіи, быть можетъ, очень точно приноровленный къ отведенному ему времени для механическаго усвоенія его памятью, при первой же попыткѣ поставить его на научныя основанія, превращается въ громоздкую, трудно перевариваемую смѣсь, въ которой равновѣсіе между фактическимъ матеріаломъ и его научной обработкой неизмѣнно нарушается, и нужно прибавить, требуется имѣть много педагогическаго мужества, чтобы предпринять такое рискованное превращеніе. Оттого такъ часто опускаются руки у самыхъ здравомыслящихъ учителей, и съ другой стороны такъ сильно приходится разочаровываться въ доброкачественности пріобрѣтенныхъ познаній прошедшимъ нашу среднюю школу студентамъ.

Источники указаннаго явленія, на первый взглядъ, ясны; но ясны впрочемъ, какъ оказывается не всѣ, а только ближайшіе изъ нихъ. Другіе, и притомъ самые значительные, скрыты отъ глазъ наблюдателя и могутъ быть обнаружены только при изслѣдованіи всего школьнаго механизма въ полномъ его объемѣ. Въ этомъ сложномъ тѣлѣ, какъ во всякомъ живомъ существѣ, нѣтъ такого явленія, которое обусловливалось бы одной какой-либо причиной; здѣсь все связано другъ съ другомъ, каждая частица въ немъ живетъ и опредѣляется всѣми остальными и въ свою очередь даетъ жизнь и опредѣляетъ остальныя.

Трудно думать поэтому, чтобы такія частичныя мѣры какъ напр. увеличеніе числа учебныхъ часовъ, отведенныхъ для исторіи и преобразованіе историческихъ программъ въ интересахъ науки, могли бы послужить раціональнымъ средствомъ для подня-

Digitized by Google

тія общаго уровня развитія учащихся въ нашей средней школѣ. Это конечно весьма необходимая реформа, но она можетъ принести дѣйствительную пользу лишь какъ часть другой гораздо болѣе необходимой, а именно общей реформы нашего педагогическаго дѣла.

За послѣднее время особенно оживилось въ сферахъ близко стоящихъ къ нашему учебному дѣлу отрицательное отношеніе къ существующей учебной литературѣ. Въ частности учебники по исторіи вызывали, кажется, самыя ожесточенныя нападки, и, надо согласиться, вызывали ихъ вполнѣ заслуженно. На смѣну имъ появился даже цѣлый рядъ новыхъ историческихъ руководствъ, рѣзко разнящихся отъ старыхъ какъ по своему общему характеру, такъ и нѣкоторымъ частнымъ свойствамъ своимъ. Опытъ показалъ, однако, что недостатки старыхъ учебниковъ не могутъ быть отнесены всецѣло на счетъ злонамѣренности и недомыслія ихъ авторовъ, и что устранить эти старые недостатки гораздо легче, чѣмъ избѣжать ихъ замѣны новыми. Выигравъ въ научности, учебникъ проигралъ въ краткости и, натолкнувшись на скудость времени отведеннаго исторіи, оказался неудобнымъ. Потребовавъ размышленія, вмѣсто механической памяти, онъ пересталъ соотвѣтствовать настоящему развитію учащихся,—показался тяжелымъ, подчасъ и вовсе недоступнымъ. Впрочемъ сдѣланныя до сихъ поръ по крайней мѣрѣ попытки реформировать нашу учебную литературу, и помимо неудобствъ въ своемъ примѣненіи при господствующихъ порядкахъ, врядъ ли могутъ быть признаны безусловно удачными. Составить учебникъ не трудно, но составить хорошій учебникъ быть можетъ труднѣе, чѣмъ написать самое ученое изслѣдованіе. Причина простая: отъ составителя учебники требуется совсѣмъ не то, что отъ ученаго изслѣдователя. Оттого не всегда почтенное имя ученаго можетъ служить надежной гарантіей въ доброкачественности составленнаго имъ школьнаго руководства. Мы, конечно, получимъ отъ него глубокія и вѣрныя мысли, но въ интересахъ учащихся не всегда быть можетъ останемся довольны его изображеніемъ своихъ мыслей. Кромѣ того школьный учебникъ уже по самому характеру своему сильно разнится отъ университетскихъ лекцій, представляя по большей части для преподавателя нѣчто извнѣ данное, чужой курсъ, къ которому предстоитъ приспособить свой собственный, или который, въ свою очередь, надо примѣнить къ своему. Надо думать поэтому, что по крайней мѣрѣ регламентація тѣхъ требованій, которымъ долженъ отвѣчать учебникъ,—есть общая педагогическая задача, наиболѣе удачнаго разрѣшенія которой всего вѣрнѣе слѣдовало-бы ожидать отъ коллективной разработки ея.

Напомнимъ *) здѣсь кстати тѣ выводы, къ которымъ пришелъ

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ комитетѣ можно найти въ статьѣ «Новыя педагогическія движенія на Западѣ» г-жи Страннолюбской, напечатанной въ № 1 журнала «Образованіе» за 1896 г., а также въ

Digitized by Google

въ этомъ отношеніи упомянутый нами выше американскій «Комитетъ Десяти»: по его мнѣнію, учебникъ «долженъ заключать только существенно важное и долженъ быть иллюстрированъ хорошими картами и картинами; долженъ имѣть указатели и оглавленія для возможности легкой и быстрой оріентировки по всѣмъ вопросамъ; онъ долженъ заключать въ себѣ всѣ свѣдѣнія могущія помочь внѣклассному чтенію; наконецъ, содержаніе учебника должно быть интереснымъ для средняго ученика и удовлетворять требованіямъ строгой литературной критики».

Таковы требованія, предъявляемыя американцами къ учебнику исторіи. Надо впрочемъ замѣтить, что въ глазахъ «Комитета Десяти» учебникъ совсѣмъ не играетъ той роли, которая присвоивается ему у насъ, являясь для него далеко не единственнымъ школьнымъ пособіемъ. Прежде всего Комитетъ рекомендуетъ пользоваться даже не однимъ, а нѣсколькими руководствами для того, чтобы «достигнуть сознательнаго критическаго отношенія къ книгѣ и ея содержанію со стороны учащихся. Затѣмъ учебникъ вообще сводится имъ только на степень простого справочнаго пособія, причемъ указывается на необходимость, чтобы вслѣдъ за каждымъ урокомъ ученикъ долженъ былъ прочитать или выучить что-нибудь изъ иного источника, чѣмъ учебникъ», а по отношенію къ преподавателямъ высказывается желаніе, чтобы «сами учителя прониклись убѣжденіемъ, что учить безъ исторической библіотеки такъ же невозможно, какъ учить химіи безъ стекла и каучука». Наконецъ, не говоря уже о спеціальномъ изученіи избранныхъ отдѣловъ исторіи по классическимъ сочиненіямъ исторической литературы и источникамъ, Комитетъ признаетъ необходимымъ цѣлый рядъ дополнительныхъ пособій, вродѣ напр. картъ, картинъ, волшебнаго фонаря, посѣщенія историческихъ мѣстъ и политическихъ учрежденій и т. п.

Разумѣется все это очень далеко отъ нашей современной дѣйствительности, но несомнѣнно также и то, что тутъ есть надъ чѣмъ подумать и, есть чему поучиться. Впрочемъ американскій комитетъ затрогиваетъ въ своихъ постановленіяхъ и еще одинъ вопросъ, первостепенной важности, безъ разсмотрѣнія котораго картина нашей школьной жизни оказалась бы слишкомъ неполна,—мы разумѣемъ вопросъ о преподавательской средѣ и о господствующихъ преподавательскихъ пріемахъ. Любопытно сопоставить въ данномъ случаѣ нѣкоторые изъ взглядовъ, высказанные американскими педагогами, съ тѣми, которые такъ часто прорываются наружу у насъ. Прежде всего нужно отмѣтить при этомъ, что по представленію американцевъ преподаваніе исторіи должно быть поручено непремѣнно лицамъ, получившимъ «достаточную спеціальную и общую педагогическую подготовку». Что

статьѣ, подписанной С. П. «Къ вопросу о преподаваніи исторіи», въ Апрѣльской книжкѣ «Вѣстника Воспитанія», за 1897 годъ, изъ котораго мы и беремъ приводимыя ниже выдержки.

Digitized by Google

же касается до методовъ преподаванія, то Комитетъ полагаетъ нужнымъ предпочесть тѣ, которые всего лучше могли бы содѣйствовать развитію въ учащихся самостоятельнаго мышленія, пріучили бы ихъ сопоставлять историческіе факты, сравнивать одинъ рядъ событій съ другимъ рядомъ и исторію одной страны съ исторіей другой».

Такой цѣли могъ бы служить напр. слѣдующій, рекомендуемый Комитетомъ, пріемъ: «преподавателю предлагается задавать учащимся вопросы, преимущественно касающіеся взаимной связи между извѣстными историческими событіями, ихъ причинъ и слѣдствій; ученики должны при этомъ имѣть право сначала справиться въ учебникѣ и уже затѣмъ отвѣчать. Этимъ путемъ коммиссія надѣется пріучить учащихся къ быстрому и умѣлому пользованію книжнымъ матеріаломъ. Быстрое выспрашиваніе, расчитанное лишь на память, категорически осуждается Коммиссіей».

Общая идея, лежащая въ основѣ указанныхъ инструкцій, не требуетъ, кажется, особыхъ поясненій. Американская школа ставитъ своей задачей развить учащихся въ ней, выработать въ нихъ характеръ и подготовить ихъ къ самостоятельному труду. Осуществленіе этой разумной задачи и возлагается имъ на преподавательскій персоналъ,—причемъ все то, что можетъ дѣйствовать угнетающимъ образомъ на человѣческую душу, все, что отзывается дисциплинарной выправкой и превращаетъ школу въ казарму, должно отсутствовать въ ихъ педагогическихъ пріемахъ. Къ сожалѣнію наша школа находится совершенно въ иныхъ условіяхъ. Позаимствовавъ большинство своихъ учрежденій у нашихъ западныхъ сосѣдей, мы рѣдко умѣли удачно выбрать образцы, съ которыхъ снимали копію. И, какъ кажется, образецъ, которымъ мы воспользовались въ данномъ случаѣ, оказался наименѣе удачнымъ изъ самыхъ неудачныхъ. Недурной иллюстраціей этому можетъ служить, повидимому, изданный въ прошломъ году «Календарь» Московскаго Лицея въ память Цесаревича Николая на 1896—7 г., въ которомъ помѣщенъ подъ заглавіемъ «катехизисъ молодого педагога» рядъ правилъ педагогическаго и отчасти дидактическаго характера, разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ на конференціи саксонскихъ директоровъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ правилъ, рисующія въ очень характерномъ свѣтѣ тотъ общій складъ, который и сейчасъ еще признается классическимъ со стороны многихъ изъ нашихъ педагоговъ. Не начинай урока, говорится напримѣръ въ § 12 упомянутаго катехизиса, пока всѣ ученики не сядутъ прямо, положивъ руки на столъ, держа спокойно ноги; слѣди за этимъ также и при всякой перемѣнѣ, происходящей во время урока, при уборкѣ или доставаніи книгъ, тетрадей и т. п. —§ 45 дополняетъ эти предписанія, указывая на тѣ пріемы, которыми слѣдуетъ пользоваться при этомъ преподавателю. Постоянно наблюдай, не спуская глазъ, за всѣми учениками: при этомъ, однако, не перебѣгай глазами отъ одного

Digitized by Google

ученика къ другому: нужно умѣть быть всегда на сторожѣ, сохраняя внутреннее и наружное спокойствіе и сдержанность.

Не расхаживай по классу, поясняетъ также § 39, но выбери себѣ разъ навсегда опредѣленное мѣсто, откуда и ученики могутъ тебя всѣ видѣть и ты можешь видѣть всѣхъ учениковъ, а также и ихъ руки. Это мѣсто обыкновенно находится около каѳедры или на самой каѳедрѣ. Не стой, однако, какъ прикованный на одномъ и томъ же мѣстѣ: всякій ученикъ долженъ быть увѣренъ, что ты во всякую минуту, если захочешь, можешь очутиться около него и т. д.

Вотъ превосходный рецептъ вѣрно и сильно дѣйствующаго лѣкарства, изготовленный саксонскими директорами. И нетрудно догадаться, какъ подѣйствуетъ на организмъ нашихъ учащихся это лѣкарство. Іезуитски поставленная дисциплина только въ очень рѣдкихъ случаяхъ оказывается въ состояніи успѣшно выработать тотъ изумительный типъ механическаго болванчика, въ который призвана превратить наша школа всякаго живого ребенка. Всего же чаще,—подъ вліяніемъ естественнаго біологическаго закона, по которому слабый всегда стремится обмануть сильнаго въ его хищническихъ инстинктахъ, изъ учащагося, подвергнутаго указанной попыткѣ вивисекціи, вырабатывается совершенно послѣдовательно—типъ отъявленнаго мошенника, для котораго безсовѣстный обманъ по отношенію къ школьному начальству является долгомъ, а краска стыда на лицѣ—позорной слабостью.

Нравственный ущербъ не поддается строгому математическому учету, но это конечно не должно давать права безпрепятственно наносить его, тѣмъ болѣе возводить его въ систему. И тѣмъ не менѣе указанный порядокъ благополучно продолжаетъ свое существованіе въ нашей школѣ, питая громадное зло обмана и лжи въ дѣтской душѣ, о которомъ врядъ ли кому, изъ пережившихъ его, не вспоминается иногда съ тоскливой горечью. Мы впрочемъ умѣемъ какъ то даже благодушно относиться къ подобнымъ явленіямъ, смотря на состязаніе въ взаимномъ обманѣ учащихъ и учащихся—съ чисто спортсмэнской точки зрѣнія. Герои наиболѣе изощренной ловкости въ этомъ плачевномъ искусствѣ—вызываютъ подчасъ даже нѣчто вродѣ почтительнаго удивленія къ своимъ подвигамъ, мало задѣвая наше притупившееся нравственное чувство. Съ одной стороны «надуть», а съ другой «изловить»—вотъ одинъ изъ тѣхъ глубокихъ принциповъ, на которыхъ не смотря ни на что, покоится наша педагогическая рутина.

Но, если подобная система отзывается наиболѣе гибельнымъ образомъ на учащейся средѣ, то это еще далеко не означаетъ, чтобы она не дала себя почувствовать и на средѣ педагоговъ.

Нашъ педагогъ тоже въ своемъ родѣ типъ и типъ, не лишенный извѣстной оригинальности. Въ немъ, какъ и во всемъ школьномъ дѣлѣ у насъ, самымъ удивительнымъ образомъ пе-

Digitized by Google

переплетается и смѣшивается трагическій элементъ съ комическимъ. Эти благодушные старички—учителя съ душкомъ бурсы, безъ злобы въ сердцѣ дающіе прозваніе «чертовой куклы» провравшемуся ученику и, болѣе поздней формаціи, учителя-чиновники по нѣмецкому рецепту; черствые педанты—все это знакомыя черты для всякаго прошедшаго нашу среднюю школу современнаго человѣка. Равнодушіе къ своему дѣлу, болѣзненная раздражительность и мелочная придирчивость—обычныя, для всякаго извѣстныя, качества нашего рядового педагога. И наряду съ этимъ, въ домашней обстановкѣ, нищенская необезпеченность, тоскливая безысходная борьба за самый скудный кусокъ хлѣба, каторжный трудъ и вѣчная мелкая, сосущая сердце забота. Тутъ есть надъ чѣмъ погоревать, хотя подчасъ не мало и такого, надъ чѣмъ принято смѣяться.

Жизнь часто идетъ въ разрѣзъ съ самыми основными требованіями справедливости, и, надо правду сказать, человѣкъ не всегда спѣшитъ принять на себя благородную роль устраненія замѣченной несправедливости. Нужно имѣть, дѣйствительно, большой запасъ самой странной неблагодарности, чтобы равнодушно отнестись къ бѣдамъ той среды, которой всякій изъ насъ чѣмъ нибудь обязанъ; нужно притомъ быть и очень эгоистичнымъ, чтобы не поправить то зло, послѣдствія котораго должны отразиться на нашихъ же дѣтяхъ. Впрочемъ, по свойственному человѣку легкомыслію, мы не всегда умѣемъ достаточно хорошо разобраться въ самомъ значеніи того или иного, посторонняго намъ дѣла. Въ частности именно педагогическая дѣятельность еще для очень многихъ изъ насъ представляется, правда очень скучной, но совсѣмъ не трудной по достиженію намѣченной цѣли, службой. Счастливые завѣты старины, «когда мы всѣ учились понемногу, чему нибудь и какъ нибудь» продолжаютъ и сейчасъ для многихъ казаться довольно вѣрной формулировкой, какъ сути дѣла, такъ и той степени усилія, которая потребна для осуществленія своей педагогической цѣли. Но взгляды многихъ,—по счастью, еще не всегда бываютъ тѣми, которые направляютъ и развиваютъ жизнь. И среди лучшихъ изъ нашихъ педагоговъ уже зародились совершенно иные взгляды, иное пониманіе школы, и иныя цѣли для педагогической дѣятельности.

Школьное преподаваніе—задача трудная, серьезная по своему содержанію и тяжелая по своей отвѣтственности. Добросовѣстность и знаніе дѣла при обыкновенныхъ способностяхъ вполнѣ гарантируютъ пригодность работника на всякомъ другомъ поприщѣ общественной дѣятельности. Но хорошій чиновникъ далеко еще не можетъ ручаться за то, что будетъ хорошимъ педагогомъ. И это прежде всего уже потому, что преподавательская дѣятельность всего меньше можетъ быть разсматриваема съ общепринятой точки зрѣнія службы. Живая душа человѣческая, служащая объектомъ этой дѣятельности, не поддается регулярному воздѣйствію и обращенное къ ней живое слово далеко не

Digitized by Google

всегда доходитъ до нея, но крайней мѣрѣ далеко не всегда вызываетъ въ ней то дѣйствіе, на которое оно расчитано. Въ призмѣ ума и развитія учащихся должна преломиться всякая идея, сообщаемая съ каѳедры и притомъ должна преломиться въ каждомъ изъ нихъ различно въ зависимости отъ различій, непремѣнно присущихъ всякой болѣе или менѣе многочисленной группѣ дѣтей даже одного возраста. Нужно угадать слѣдовательно тотъ уголъ, подъ которымъ преломятся слова преподавателя и, руководствуясь имъ, построить идею такимъ образомъ, чтобы отраженіе ея въ умахъ учащихся не исказило ея смысла. Внимательное изученіе той среды, въ которой приходится преподавателю дѣйствовать, и осторожный анализъ и выборъ сообщаемаго матеріала, должны поэтому составить главную задачу разумной педагогической дѣятельности. Но, чтобы успѣшно рѣшить эту задачу—добросовѣстности и знанія своего предмета слишкомъ еще недостаточно—для этого нуженъ большой запасъ наблюдательности, нужно не только знать, что можно сказать въ данной средѣ—нужно еще и съумѣть сказать то, что считаешь нужнымъ. Здѣсь уже, впрочемъ, область педагогическаго таланта, отсутствіе котораго можетъ искупаться лишь огромнымъ трудомъ и большимъ тактомъ. Вотъ почему на этомъ поприщѣ такъ легко принести очень много вреда и такъ трудно оказать хотя бы маленькую пользу.

Въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ мы не имѣли возможности затронуть болѣе широко различныя стороны нашего школьнаго дѣла, не имѣли возможности и глубже изучить тѣ изъ нихъ, которыя нами затронуты. Нашей цѣлью было отмѣтить только въ самыхъ главныхъ чертахъ наиболѣе существенные, какъ намъ казалось, недочеты въ постановкѣ преподаванія исторіи въ связи съ нѣкоторыми общими несовершенствами нашей образовательной средней школы. Изученіе этого вопроса, какъ мы старались показать, приводитъ къ весьма неутѣшительнымъ заключеніямъ. Современная школа мало способствуетъ развитію надлежащей воспріимчивости въ учащейся средѣ, искусственно притупляя ея самодѣятельность—и этимъ въ свою очередь чрезвычайно затрудняетъ возможность раціональнаго преподаванія въ особенности исторіи. Она не считается притомъ съ современнымъ состояніемъ науки, и потому оттѣсняетъ исторію на дальній планъ, уродуя ея содержаніе какъ учебнаго предмета, ставитъ ей пустыя цѣли и рекомендуетъ устарѣлые, предосудительные съ научной точки зрѣнія пріемы.

У насъ кромѣ того нѣтъ хорошихъ учебниковъ, и очень мало хорошихъ учителей. И все это зависитъ ближайшимъ образомъ отъ той, системы, которая господствуетъ.

Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка знаменитый основатель «дѣт-

Digitized by Google

скихъ садовъ» Friedrich Fröbel провозглашалъ ту несомнѣнную истину, что человѣкъ есть по преимуществу творческое существо, и на основаніи этого принципа строилъ свою, быть можетъ, черезчуръ ученую, но все же замѣчательную, систему дѣтскаго воспитанія. Онъ, впрочемъ, не далъ этой мысли надлежащаго развитія, ограничивъ свою задачу упорядоченіемъ одного домашняго воспитанія и даже противопоставивъ взаимно цѣли дѣтскаго сада и школы. Въ школѣ, по его мнѣнію, «на первомъ планѣ предметъ, его изученіе и знаніе, а не дитя, тамъ программа, прохожденіе въ положенное время опредѣленнаго курса, выше всего.

Самое ученіе въ школахъ бываетъ довольно отвлеченнымъ, а положеніе учащихся страдательнымъ — они только усвоютъ да учатъ, они въ школѣ не творческія существа» *).

Трудно понять, почему творческая сила можетъ быть присуща только самымъ крошечнымъ дѣтямъ и должна исчезнуть съ поступленіемъ ребенка въ школу, — но надо согласиться, что въ качествѣ характеристики дѣйствительнаго положенія учащихся въ школѣ, замѣчанія Fröbel'я могутъ быть цѣликомъ отнесены и къ окружающей насъ современности.

Вмѣсто того, чтобы развить дальше принципъ Fröbel'я и выработать самостоятельность и характеръ въ подростающихъ поколѣніяхъ, (какъ это пытаются сдѣлать напр. американскія программы) мы наоборотъ дѣйствительно стараемся ихъ обезличить, порываемъ непосредственную связь школы съ жизнью, портимъ способности и налагаемъ тяжелое ярмо на самодѣятельность учащагося юношества. Никакіе дипломы и аттестаты, которыми мы награждаемъ «претерпѣвшихъ до конца», — не могутъ поэтому замѣнить намъ той утраты «творческой способности», — которая служитъ одной изъ высокихъ цѣлей нашей педагогической системы.

Въ литературѣ за послѣднее время не разъ упоминалось о давно назрѣвшей потребности въ устройствѣ педагогическаго съѣзда—и надо думать, что осуществленіе подобнаго предпріятія могло бы оказать дѣйствительную пользу нашему школьному дѣлу, дало бы возможность выяснить всесторонне и безпристрастно современное его положеніе, воспрепятствовать его дальнѣйшему ухудшенію и быть можетъ посодѣйствовать болѣе правильной его постановкѣ. Во всякомъ случаѣ съѣздъ съумѣлъ бы лучше разобраться въ темныхъ сторонахъ нашей школы, чѣмъ то доступно единичному, быть можетъ не всегда свободному отъ предубѣжденій, наблюдателю.

А. Галяшкинъ.

---

*) См. статью г. Каптерева: „Основатель дѣтскихъ садовъ, его послѣдователи и противники“ въ № 12 ж. Образованіе за 1896 г. стр. 32.

Digitized by Google

Лѣтніе вакаціонные курсы въ Парижѣ и Марбургѣ.

(Окончаніе).

Марбургскіе курсы, какъ и парижскіе, обязаны своимъ возникновеніемъ частной иниціативѣ, съ тою только разницей, что парижскіе курсы организованы большимъ обществомъ въ городѣ, располагающемъ огромными средствами и представляющемъ самъ по себѣ притягательный центръ, тогда какъ марбургскіе призваны къ жизни однимъ человѣкомъ, профессоромъ французскаго языка и литературы въ Марбургѣ, Кошвицемъ, взявшимъ на себя инициативу ихъ учрежденія, и поддерживаются небольшою группою профессоровъ мѣстнаго университета. Само собою разумѣется, что собственно курсы французскаго языка, составляющіе часть марбургскихъ курсовъ, не могутъ имѣть того международнаго значенія, какое имѣютъ парижскіе. Они интересны для насъ какъ образецъ того, что между прочимъ считаютъ нужнымъ дѣлать нѣмцы для цѣлей подготовки и усовершенствованія своего педагогическаго персонала, и могутъ, какъ и парижскіе курсы, служить показателемъ и мѣриломъ потребностей этой подготовки.

Марбургскіе курсы состояли изъ двухъ частей — курсовъ французскаго языка для преподавателей — нѣмцевъ и нѣмецкаго языка—для иностранцевъ. Изумительна дешевизна этихъ курсовъ (20 марокъ за оба курса), особенно если принять во вниманіе, что они не пользовались никакой субсидіей отъ правительства. Единственная поддержка, оказанная прусскимъ министерствомъ, была рекомендація ихъ учебнымъ заведеніямъ и поощреніе преподавателей посѣщать курсы, поощреніе въ большинствѣ совершенно платоническое. Профессоръ Кошвицъ, бывшій прежде въ Грейфсвальдѣ, устроилъ тамъ въ первый разъ курсы въ 1894 г. при содѣйствіи связаннаго съ нимъ тѣсною дружбой аббата Русселло. Послѣдній былъ единственнымъ французомъ, читавшимъ на этихъ курсахъ. Профессоръ-юристъ читалъ курсъ объ учрежденіяхъ Франціи, другой профессоръ — новѣйшую исторію Фран-

Digitized by Google

ціи, оба на нѣмецкомъ языкѣ. Самъ Кошвицъ читалъ два курса—о произношеніи и о путешествіи во Францію съ научною цѣлью (Studienreise nach Frankreich). Преподаватель французскаго языка въ Берлинѣ Г. Марелль (M. Marelle) пріѣзжалъ на курсы, чтобы дать нѣсколько образцовъ выразительнаго чтенія. Слушателей было 100, изъ нихъ ¾ дамы. Изъ иностранцевъ было нѣсколько человѣкъ. Въ слѣдующемъ, 1895 г., въ Грейфсвальдѣ первый разъ открылись параллельные курсы французскаго и нѣмецкаго языковъ, число лекцій было увеличено, курсы привлекли уже около 80 человѣкъ шведовъ, норвежцевъ и финляндцевъ, изъ которыхъ опять ¾ дамы. По переходѣ проф. Кошвица въ Марбургъ курсы въ Грейфсвальдѣ продолжались, но уже безъ всякого участія природныхъ французовъ. Наконецъ, проф. Кошвицъ организовалъ въ 1897 году курсы въ Марбургѣ при содѣйствіи своего коллеги проф. В. Фитора, и эти курсы во всѣхъ отношеніяхъ поставлены были значительно шире. Они привлекли уже 200 слушателей, изъ которыхъ дамы составляли приблизительно половину. На курсахъ были слушатели изъ Швеціи, Норвегіи, Голландіи, Англіи, Швейцаріи и три человѣка изъ Россіи — двѣ преподавательницы училища Петра и Павла въ С.-Петербургѣ,—г-жи Кольбе и Флейшхутъ, и авторъ этой статьи.

Программа марбургскихъ курсовъ слѣдующая:

I. *Французскій курсъ.*

1. Общія понятія о французскомъ правѣ (16 лекцій)—проф. Лескеръ (Lescoeur), докторъ правъ, licencié ès lettres, профессоръ римскаго права въ католическомъ университетѣ въ Парижѣ.

2. Форма снобизма въ XVII вѣкѣ: le faux Précieux; les Précieuses ridicules de Molière (8 лекцій) — проф. Дутрепонъ (M. Doutrepont), docteur ès lettres, лекторъ французскаго языка и литературы въ Марбургскомъ университетѣ.

3. Три поэта философа: Альфредъ де-Виньи, Леконтъ-де-Лиль, Сюли-Прюдомъ—(8 лекцій)—проф. Мерсье, licencié ès lettres, читающій французскій языкъ и литературу въ университетѣ въ Гласго.

4. Основанія общей фонетики по экспериментальному методу (8 лекцій)—проф. аббатъ Руссело, docteur ès lettres, профессоръ романской филологіи и экспериментальной фонетики въ католическомъ университетѣ въ Парижѣ, директоръ лабораторіи экспериментальной фонетики въ Collège de France.

5. Французское произношеніе по экспериментальной методѣ (8 лекцій)—проф. аббатъ Руссело.

6. Упражненія въ дикціи и въ устномъ изложеніи (8 лекцій)—проф. Г. Дутрепонъ.

7. Разборъ письменныхъ работъ (8 лекцій)—проф. Мерсье.

8. Выразительное чтеніе (4 лекціи)—проф. Мерсье.

Лекціи и упражненія утромъ отъ 9 до 1 часа пополудни. Послѣ обѣда и вечеромъ упражненія въ разговорѣ по группамъ подъ руководствомъ

Digitized by Google

тѣхъ же профессоровъ, въ томъ числѣ и проф. Кошвица, а такъ же нѣкоторыхъ изъ принимавшихъ участіе въ курсахъ преподавателей французскаго языка.

II. *Нѣмецкій языкъ.*

1. Ученіе Гербарта о воспитаніи и современныя задачи педагогики (8 лекцій)—проф. Наторпъ.
2. Религіозныя идеи нѣмецкихъ мыслителей XVIII вѣка, въ особенности классиковъ (8 лекцій) – приватъ-доцентъ Кюнеманъ.
3. Теорія и практика нѣмецкаго произношенія (8 лекцій) – проф. Фиторъ.
4. Строй нѣмецкой рѣчи, какъ выраженіе нѣмецкаго міросозерцанія (8 лекцій),—д-ръ Финкъ.
5. Упражненія въ переводахъ съ французскаго и англійскаго на нѣмецкій (8 лекцій)—д-ръ Шелленбергъ.
6. Упражненія въ стилѣ (8 лекцій)—д-ръ Финкъ.
7. Упражненія въ декламаціи (4 лекціи)—декламаторъ Г. Миланъ.

Лекціи и упражненія нѣмецкаго курса происходили отъ 4 до 7 часовъ вечера. Кромѣ того упражненія въ разговорѣ подъ руководствомъ различныхъ лицъ.

Главный интересъ французскаго курса сосредоточивался на лекціяхъ аббата Руссело, нѣмецкаго—на лекціяхъ проф. Фитора. Насколько на парижскихъ курсахъ фонетика игнорировалась, настолько здѣсь она выдвигалась на первый планъ. Наиболѣе практичными были лекціи проф. Фитора, который по просьбѣ многихъ слушателей придалъ своимъ лекціямъ вполнѣ элементарный характеръ. Проф. Фиторъ изложилъ генезисъ звуковъ нѣмецкаго языка и, при помощи своей таблицы, познакомилъ слушателей съ терминологіей и съ транскрипціей Association phonétique, которой онъ придерживается. Каждая лекція сопровождалась упражненіями въ чтеніи, причемъ проф. Фиторъ, какъ я уже выше упомянулъ, опредѣлялъ весьма удачно, wessen Landes Kind iest. По утвержденію проф. Фитора Durchschnittsdeutsch, который онъ заставляетъ опираться на Bühnendeutsch, не признаетъ употребительныхъ въ русско-нѣмецкомъ нарѣчіи звуковъ *eu* и *ei*, замѣняя ихъ звуками *oi* и *ai*. Heu. treu. Fräulein, mein, dein, sein принадлежатъ діалекту, — а Hoi, troi. Froilain, main, dain, sain — собственность Durchschittsdeutsch. Элементарность лекцій проф. Фитора соотвѣтствовала, какъ мнѣ кажется, средней подготовкѣ слушателей; но между послѣдними выдѣлялись нѣкоторые голландцы которыхъ свѣдѣнія по фонетикѣ были настолько обширны, что лекціи профессора ихъ не удовлетворяли. Оказывается, что въ Голландіи фонетика пріобрѣла такое значеніе, какого она еще нигдѣ не имѣетъ: приготовляющійся на экзаменъ учителя обязательно долженъ проштудировать Grundzüge der Phonetik проф. Сиверса.

Что касается до большинства слушателей, то врядъ-ли уро-

Digitized by Google

вень ихъ свѣдѣній по фонетикѣ многимъ превосходилъ уровень парижскихъ слушателей, о которыхъ упоминаетъ Г. Акерхіехтъ въ своемъ отчетѣ. Аббатъ Руссело нѣсколько измѣнилъ планъ своихъ чтеній, намѣченный въ программѣ, т. е. онъ не читалъ отдѣльныхъ лекцій по экспериментальной фонетикѣ и по произношенію, а посвящалъ послѣднему часть каждой лекціи и лекціи три сплошь подъ конецъ курса. Сама по себѣ экспериментальная фонетика, т. е. фонетика съ аппаратами, которые были однажды демонстрированы въ нео-филологическомъ обществѣ при С.-Петербургскомъ университѣ, ученикомъ аббата, Н. С. Усовымъ, имѣетъ интересъ чисто научный. Для практика учителя данныя экспериментальной фонетики важны только въ смыслѣ констатированія закономѣрности генезиса звуковъ методомъ вполнѣ объективнымъ. Для него важно усвоить себѣ тотъ общій выводъ, что различіе звуковъ языка *можетъ* быть отмѣчено посредствомъ аппаратовъ, записывающихъ соотвѣтствующія колебанія органовъ рѣчи, хотя-бы слухъ и не въ состояніи былъ схватить эти различія. Для того же, чтобы сознательно отнестись къ методамъ экспериментальной фонетики, надо изучать механику, физику, физіологію и быть къ тому же филологомъ. Это превосходитъ очевидно силы преподавателя языка, и вотъ почему естественно, что преподаватели или смотрятъ на эту новую отрасль знанія съ суевѣрнымъ ужасомъ, или, если пробуютъ заглянуть въ нее, выносятъ чувство неудовлетворенности и разочарованія.

Лекціи аббата Руссело, поскольку онѣ относились собственно къ экспериментальной фонетикѣ, должны быть разсматриваемы большинствомъ учителей, не дѣлающихъ изъ этого предмета своей спеціальности, съ той точки зрѣнія, что ихъ полезно прослушать и вывести изъ нихъ общее понятіе о пріемахъ и содержаніи науки, не задаваясь цѣлью вработаться въ эту трудную и вполнѣ спеціальную область. Что касается до лекцій по произношенію, то я повторю здѣсь мнѣніе, высказанное выше по поводу парижскихъ курсовъ. Предметъ этотъ чисто практическій и требуетъ практическихъ занятій, опирающихся на теоретическія объясненія. Его надо изучать группами, способъ изученія еще не выработанъ, а между тѣмъ пока это не будетъ сдѣлано, мы не можемъ съ точностью сказать, что и какъ можно сдѣлать съ фонетикой въ преподаваніи языка дѣтямъ. Я предлагалъ аббату Руссело пріемъ занятій, который намъ не удалось осуществить, такъ какъ за множествомъ другихъ дѣлъ некогда было его организовать. Потомъ я думалъ испытать этотъ пріемъ здѣсь, въ Петербургѣ, и надѣюсь еще это сдѣлать. Въ краткихъ словахъ пріемъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: берутся напримѣръ звуки *е*, устанавливается способъ ихъ воспроизведенія, участники упражняются въ ихъ воспроизведеніи и затѣмъ каждый участникъ произноситъ звукъ, не предупреждая, какой именно онъ имѣлъ въ виду, а всѣ пишутъ транскрипцію звука, каковыя записи потомъ сравниваются; отъ отдѣльныхъ звуковъ переходъ къ словамъ, а

Digitized by Google

затѣмъ къ сочетанію словъ въ чтеніи. Для практиковъ-учителей особенно важно знать способъ воспроизведенія звуковъ и развить свой слухъ настолько, чтобы улавливать звуковыя различія.

Аббатъ Руссело на своихъ лекціяхъ произношенія послѣдовательно разсмотрѣлъ всѣ гласные французскаго языка и иллюстрировалъ ихъ произношеніе примѣрами. Это безспорно было очень цѣнно и интересно для слушателей, но имѣетъ тотъ неизбѣжный недостатокъ, что испаряется въ пространствѣ, не можетъ оставаться въ памяти слушателей. Безъ систематическихъ упражненій, и притомъ коллективныхъ и подъ хорошимъ руководствомъ, ничего прочнаго здѣсь не можетъ быть достигнуто.

Двѣ лекціи аббатъ посвятилъ ознакомленію слушателей съ любопытной книгой проф. Кошвица Les parlers parisiens *). Врядъ-ли на свѣтѣ можетъ существовать человѣкъ, кромѣ нѣмецкаго профессора, способный написать подобную книгу. Профессоръ Кошвицъ, въ бытность свою въ Парижѣ, обратился къ нѣсколькимъ выдающимся представителямъ науки, литературы и театра съ просьбою прочитать ему вслухъ отрывки изъ ихъ собственныхъ и чужихъ произведеній и записалъ эти чтенія посредствомъ фонетической транскрипціи. На вопросъ мой, какимъ образомъ это удалось ему исполнить, проф. Кошвицъ любезно объяснилъ, что въ большинствѣ случаевъ онъ нѣсколько разъ слушалъ чтеца на лекціяхъ или въ театрѣ и, изучивъ предварительно особенности его произношенія, приносилъ уже записанный текстъ, въ которомъ дѣлалъ во время чтенія соотвѣтственныя исправленія. Нѣкоторые отрывки, какъ напр. прочитанный Гастономъ Парисомъ, были проредактированы самими чтецами. Эти фонетическія записи прочитанныхъ отрывковъ проф. Кошвицъ снабдилъ многочисленными примѣчаніями относительно варіантовъ произношенія, съ указаніями, какимъ лицамъ принадлежатъ варіанты.

Въ книгѣ имѣются чтенія слѣдующихъ лицъ: А. Додэ, Э. Зола, Е. Родъ, Г. Парисъ, Е. Ренанъ, патеръ Гіацинтъ, Ф. Коппе, Сюлли Прюдомъ, Леконтъ де-Лиль и другихъ.

Если сама книга свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ прилежаніи и настойчивости ея составителя, то успѣхъ книги, вышедшей въ 1896 году вторымъ изданіемъ, служитъ доказательствомъ того, что знакомство съ фонетической транскрипціей распространяется и что это вспомогательное средство для усвоенія произношенія находитъ сочувствіе. Въ истекшемъ году эта литература обогатилась еще двумя любопытными изданіями международной фонетической ассоціаціи: 1) Dictionnaire phonétique de la langue française par H. Michaelis et P. Passy, avec préface de Gaston Paris. Paris. H. Le Soudier. 2) Chrestomathie française. Morceaux choisis

*) Les parlers parisiens. Anthologie phonétique par E. Koschwitz 2-me édition. Paris. Welter. 1896.

Digitized by Google

de prose et de poésie avec prononciation figurée à l'usage des étrangers par J. Passy et A. Rambeau. Paris. H. Le Soudier.

Для лицъ, незнакомыхъ съ тѣмъ, что такое фонетическая транскрипція, замѣчу здѣсь, что этимъ именемъ называется записываніе словъ не согласно употребительной орѳографіи, а согласно тому, какъ слова дѣйствительно произносятся. Въ виду того, что въ обычномъ правописаніи одна и та же буква служитъ для изображенія совершенно различныхъ звуковъ и, наоборотъ, одинъ и тотъ же звукъ изображается иногда различными буквами, для фонетической транскрипціи употребляется особый алфавитъ. Этотъ послѣдній довольно разнообразенъ у различныхъ авторовъ, но наибольшее распространеніе имѣетъ алфавитъ международной фонетической ассоціаціи, органъ которой — Maître phonétique—выходитъ въ Парижѣ подъ редакціей П. Пасси (P. Passy).

По мнѣнію аббата Руссело, а равно и проф. Кошвица, транскрипція Association phonétique internationale не удовлетворяетъ своему назначенію, не передавая всѣхъ оттѣнковъ произношенія. Онъ конечно совершенно правъ, утверждая, что «un alphabet phonétique ne saurait être trop compliqué», но это именно и указываетъ на необходимость остановиться на какомъ-нибудь одномъ. Въ то время, когда аббатъ читалъ свои лекціи въ Марбургѣ, вышелъ первый томъ его книги «Principes de phonétique expérimentale», увѣнчанной парижской академіей преміей Вольне. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ: акустическіе элементы рѣчи; естественныя средства наблюденія и экспериментированія; искусственныя средства экспериментированія; физическій анализъ рѣчи (тэмбръ); органы рѣчи. Второй томъ, обѣщанный къ началу этого года, но еще не вышедшій, будетъ заключать въ себѣ: физіологическій анализъ рѣчи; приложеніе экспериментальнаго метода къ рѣшенію различныхъ задачъ фонетики; различныя приложенія (анализъ кривыхъ по теоремѣ Фурье, изложенный въ формѣ, доступной для лингвистовъ); экспериментальный методъ въ приложеніи его къ обученію языкамъ и къ исправленію недостатковъ произношенія. Эта книга уважаемаго аббата, по крайней мѣрѣ, 1-й ея томъ, предназначена исключительно для спеціалистовъ экспериментальной фонетики. Лицамъ, которыя не собираются посвятить годы на изученіе этой спеціальности, я не совѣтую пріобрѣтать сочиненіе аббата.

Итакъ, фонетика—въ формѣ элементарной и практической у проф. Фитора, въ формѣ изящно изложеннаго экспериментальнаго метода и въ формѣ обстоятельнаго резюме правилъ произношенія у аббата Руссело—составляла центральный пунктъ марбургскихъ курсовъ. Я отнюдь не хочу сказать этимъ, будто тамъ ничего не было, кромѣ фонетики. Напротивъ, тамъ было много другого интереснаго, но фонетика явнымъ образомъ преобладала.

Лекціи самого директора курсовъ, проф. Кошвица, имѣли цѣлью ввести слушателей въ пріемы историческаго изученія морфологіи французскаго языка. Въ печатной программѣ курсовъ, которую можно было получать задолго до ихъ открытія, слуша-

Digitized by Google

тели предупреждались, что нужно запастись 5 изданіемъ Extraits de la Chanson de Roland въ изданіи G. Paris и изучить въ немъ литературное и грамматическое введеніе. Указано было также, что курсъ предполагаетъ знаніе элементовъ латинскаго языка (фонетики и морфологіи) и назначается главнымъ образомъ для преподавательницъ, приготовляющихся къ экзамену на учительницъ средней женской школы. Предупрежденіе это повидимому не возымѣло своего полнаго дѣйствія. Большинство аудиторіи было слабо приготовлено къ тому, чтобы слѣдить за лекціями, а дамы подъ конецъ отсутствовали почти совершенно. Что касается до дамъ, то явленіе это объясняется ихъ полною неподготовленностью, но съ другой стороны оно все таки заслуживаетъ вниманія, такъ какъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у слушательницъ марбургскихъ курсовъ вкуса къ научнымъ пріемамъ работы. Слушательницы очень усердно посѣщали другія лекціи, приготовляли устныя и письменныя изложенія, декламировали. Во всѣхъ этого рода упражненіяхъ, польза которыхъ казалась имъ вполнѣ осязательной, онѣ участвовали съ гораздо большимъ рвеніемъ и добросовѣстностью, чѣмъ мужчины. Если отношеніе ихъ къ упражненіямъ въ старо-французскомъ языкѣ было иное, то причину надо искать не только въ неподготовленности, но и во внутреннемъ убѣжденіи, что изученіе исторіи языка къ ихъ дѣлу не относится, что имъ надо знать только современный языкъ и владѣть имъ устно и письменно. Съ воззрѣніемъ этимъ надо считаться, такъ какъ оно очень распространено, и филологамъ надо серьезно потрудиться надъ тѣмъ, чтобы побѣдить укоренившійся предразсудокъ и вполнѣ выяснить неспеціалистамъ необходимость историческаго изученія языка для разумѣнія современнаго. Это и есть центральный пунктъ борьбы неофилолога съ Sprachmeister'омъ.

Собственно Chanson de Roland играла весьма мало роли на лекціяхъ проф. Кошвица. Въ ней мы не ушли дальше 1-й страницы, такъ какъ профессоръ посвятилъ свои лекціи преимущественно исторіи различныхъ формъ глаголовъ avoir и prendre.

Я вынесъ такое впечатлѣніе, что надъ постановкою на курсахъ исторической грамматики, которая именно составляетъ спеціальность проф. Кошвица, слѣдуетъ серьезно призадуматься съ цѣлью лучшаго приспособленія занятій къ уровню и потребностямъ слушателей.

Но излагая подробно содержанія лекцій проф. Лескера, укажу однако здѣсь еще разъ на то обстоятельство, что лекціи объ учрежденіяхъ страны, объ ея соціальныхъ, политическихъ и правовыхъ условіяхъ, входятъ въ программу не случайно, а обязаны своимъ существованіемъ взгляду проф. Кошвица на задачу подобныхъ курсовъ. Это видно уже изъ того, что, какъ упомянуто выше, лекціи подобнаго рода были введены имъ на курсахъ въ Грейфсвальдѣ, хотя тамъ не нашлось для нихъ французскаго лектора. Преподавателю нужно дать возможность познакомиться со всѣмъ кругомъ жизненныхъ интересовъ страны, языкъ ко-

Digitized by Google

торой онъ преподаетъ. Вотъ почему и въ программу нѣмецкихъ курсовъ входили первоначально 8 лекцій проф. Ратгена подъ общимъ заглавіемъ. «Современная хозяйственная жизнь Германіи». Эти лекціи не состоялись по обстоятельствамъ случайнымъ. Той-же цѣли соотвѣтствовали лекціи проф. Наторпа о Гербартѣ — какъ творцѣ психологической теоріи, имѣвшей и имѣющей доселѣ наи большее вліяніе на построеніе теоретической педагогики въ Германіи и слѣдовательно представителѣ преобладающаго въ ней направленія педагогической мысли. Къ той же цѣли наконецъ примыкали лекціи выдающагося по своимъ ораторскимъ способностямъ молодого приватъ-доцента Кюнеманна о развитіи философской мысли Германіи въ области религіозныхъ идей. Несомнѣнно, что всѣ эти лекціи никакого отношенія ни къ ремеслу преподавателя, ни къ вопросамъ методики преподаванія не имѣютъ. Въ глазахъ организаторовъ марбургскихъ, а также и парижскихъ курсовъ, этого рода лекціи содѣйствуютъ тому, чтобы ввести слушателей путемъ живого слова въ складъ міросозерцанія изучаемаго ими народа, насколько это возможно въ краткій періодъ одного мѣсяца.

Помимо этой общей идеи, въ планахъ нѣмецкаго и французскаго курсовъ не видно никакого единства. Лекціямъ проф. Кошвица по исторической грамматикѣ не было соотвѣтственныхъ въ нѣмецкомъ курсѣ. Представителемъ ученой филологіи явился на послѣднемъ д-ръ Финкъ, лекціи котораго представляютъ изслѣдованіе въ области сравнительнаго языкознанія и психологіи рѣчи *). На французскомъ курсѣ были лекціи по исторіи литературы (Дутрепонъ и Мерсье), на нѣмецкомъ послѣдняя совсѣмъ не была представлена.

Нельзя не замѣтить, что нѣмецкій курсъ, предназначенный для иностранцевъ, игралъ скорѣе роль придатка французскаго, а на послѣднемъ сосредоточилось главное вниманіе организаторовъ. Тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью сказать, что для иностранца, желающаго усовершенствоваться въ нѣмецкомъ языкѣ, марбургскіе курсы дадутъ очень много. Съ этой стороны имѣетъ огромное значеніе вся окружающая обстановка. Помимо лекцій, слушателю открыта возможность постояннаго общенія съ профессорами, которые съ полною готовностью и привѣтливостью отвѣчаютъ на всѣ вопросы и даютъ совѣтъ и указанія. Лекторъ англійскаго языка, Г. Тиллей, любезно приглашалъ слушателей, интересующихся методикой преподаванія, на свои уроки въ университетѣ, которые ведутся имъ при помощи наглядныхъ пособій и безъ употребленія нѣмецкаго языка. Когда среди нѣкоторыхъ слушателей возникла мысль устроить отдѣльныя занятія по фонетикѣ и они обратились за совѣтомъ къ проф. Фитору, послѣдній направилъ ихъ къ молодому спеціалисту, докторанту Г. Мейеру, и тотъ посвятилъ нѣсколько часовъ этимъ занятіямъ, наотрѣзъ отказав-

*) Эти лекціи появились теперь въ Neuere Sprachen (B. V, H. 5, 6 и f).

Digitized by Google

шись взять за нихъ какое-нибудь вознагражденіе. Слушатели, составлявшіе группу, сдѣлали небольшой взносъ въ пользу библіотеки нео-филологической семинаріи.

Самъ проф. Фиторъ—одинъ изъ симпатичнѣйшихъ представителей нѣмецкой науки, человѣкъ, который съ глубокими знаніями и обширной опытностью соединяетъ изумительную скромность и простоту обращенія. Слушатели—учителя разныхъ странъ и разныхъ типовъ учебныхъ заведеній, — имѣютъ столько общихъ интересовъ, что легко сближаются между собою. По вечерамъ собираются они небольшими кружками и за кружкой пива бесѣда продолжается за полночь. При наличности этихъ условій являются даже излишними спеціальные часы для упражненій въ нѣмецкомъ разговорѣ. Эти послѣднія страдаютъ вообще искусственностью и врядъ-ли достигаютъ цѣли. Впрочемъ и они имѣли въ Марбургѣ такой непринужденный характеръ, что слушатели охотно принимали въ нихъ участіе. Упражненія какъ въ французскомъ, такъ и въ нѣмецкомъ разговорѣ вели сами лекторы и, въ виду большого числа группъ, еще нѣкоторыя лица. Аббатъ Руссело, сойдя съ высоты своей каѳедры, окруженной многочисленной аудиторіей, являлся въ роли милаго привѣтливаго собесѣдника. Человѣкъ разносторонне-образованный и въ то-же время общительный и словоохотливый, лишенный всякаго педантизма, скромный и умѣренный въ своихъ сужденіяхъ, аббатъ доставилъ группѣ своихъ собесѣдниковъ не мало отрадныхъ часовъ. Д-ръ Шелленбергъ собиралъ группу бесѣдующихъ въ своей виллѣ, живописно расположенной около самаго марбургскаго замка, т. е. на высотахъ, господствующихъ надъ всѣмъ городомъ. Здѣсь слушатели проводили вечера въ обществѣ молодыхъ людей-пансіонеровъ почтеннаго доктора, учениковъ старшихъ классовъ мѣстной гимназіи и студентовъ университета. Благодаря любезности и гостепріимству хозяина, бесѣда гостей его,—шведовъ, голландцевъ, англичанъ—лилась неудержимымъ потокомъ, и каждый изъ нихъ навѣрное увезъ на родину сознаніе, что въ практическомъ владѣніи языкомъ онъ сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать въ короткое время.

По субботамъ и воскресеньямъ лекцій не было, и устраивались обыкновенно прогулки въ окрестностяхъ города, въ которыхъ принимало участіе большинство профессоровъ.

Въ Марбургѣ была устроена во время курсовъ въ книжномъ магазинѣ Elwert и С. выставка книгъ и учебныхъ пособій по преподаванію иностранныхъ языковъ. Эта выставка совершенно однако не отвѣчала тѣмъ надеждамъ, которыя можно было на нее возлагать. Организаторамъ курсовъ надо посовѣтовать или совсѣмъ не упоминать объ ней въ программѣ, или устроить ее совершенно иначе. Въ томъ видѣ, какъ она была, она представляла случайный складъ книгъ. Устройство подобной выставки необходимо поручить педагогу, хорошо знакомому съ учебной литературой и съ наглядными пособіями. Учебныя книги и наглядныя пособія должны быть расположены въ извѣстной системѣ и долженъ быть составленъ

Digitized by Google

каталогъ—тогда выставка представитъ большую цѣнность и за посѣщеніе ея можно брать входную плату, которая окупитъ расходы на ея устройство. Я не сомнѣваюсь, что при дальнѣйшемъ развитіи курсовъ найдутъ возможнымъ приложить къ устройству выставки тѣ старанія, которыхъ она заслуживаетъ въ интересахъ не только слушателей иностранцевъ, но и нѣмецкихъ учителей: выставка должна достойнымъ образомъ представить ту дѣйствительно огромную работу, которая вложена въ преподаваніе иностранныхъ языковъ въ Германіи.

Изъ сдѣланнаго мною очерка парижскихъ и марбургскихъ курсовъ видно, что эти курсы имѣютъ нѣчто общее и отличаются другъ отъ друга по направленію. Общее обоимъ курсамъ, отличающее ихъ отъ другихъ, устраивавшихся и устраивающихся теперь въ Германіи, есть сосредоточеніе подготовки преподавателей на изученіи собственно матеріала преподаванія, т. е. языка и его литературы, и полное исключеніе вопросовъ методики. При преслѣдованіи этой общей обоимъ курсамъ задачи, парижскіе курсы выдвигаютъ на первый планъ практическое владѣніе современнымъ языкомъ, въ научной-же области—литературу и сравненіе современнаго языка съ языкомъ непосредственно предшествующаго періода (начиная съ XVI столѣтія), тогда какъ марбургскіе курсы отводятъ широкое мѣсто фонетикѣ и затрагиваютъ область старо-французскаго языка. На парижскихъ курсахъ есть школьная грамматика, на марбургскихъ она отсутствуетъ совершенно. Для оцѣнки значенія тѣхъ и другихъ курсовъ въ системѣ подготовки преподавателей-неофилологовъ необходимо съ одной стороны освоиться съ точкой зрѣнія, на которой стоятъ въ настоящее время представители прогрессивнаго движенія въ преподаваніи новыхъ языковъ вообще и въ Германіи въ особенности, а съ другой стороны знать условія, въ которыхъ находится подготовка преподавателей новыхъ языковъ въ странахъ Западной Европы, и уровень этой подготовки.

Чтобы дать понятіе о взглядахъ на задачи преподавателя—неофилолога, которыхъ придерживаются представители реформы въ Германіи, приведу здѣсь выдержку изъ упомянутой уже выше брошюры Ветцольда Die Aufgabe des neusprachlichen Unterrichts und die Vorbildung der Lehrer.

«Чтобы въ такой работѣ, какъ преподаваніе французскаго или англійскаго языка въ средней школѣ, находить удовольствіе и внутреннее удовлетвореніе, чтобы вполнѣ отдаться ей съ воодушевленіемъ и съ бодрой увѣренностью, что служишь хорошему и достойному дѣлу, чтобы не смотрѣть на нее только, какъ на работу изъ за куска хлѣба, отъ которой сейчасъ отвернешься, какъ только внѣшнимъ образомъ исполнишь свой долгъ,—для этого учитель новыхъ языковъ долженъ поставить себѣ высшую цѣль, *идеальную задачу*, онъ долженъ быть движимъ руководящею мыслью, которая поднимала бы его надъ ежедневными нуждами, и представителемъ которой онъ являлся бы въ своей школьной средѣ передъ своими учениками и передъ коллегами, работающими въ другихъ

Digitized by Google

областяхъ. Чтобы жизнь неофилолога, посвятившаго себя педагогической дѣятельности, не распадалась на двѣ раздѣльныя сферы, чтобы она пріобрѣла и сохранила внутреннее единство, характеризующее цѣльнаго человѣка,—для этого упомянутая идеальная задача не можетъ состоять только въ отвлеченной научной работѣ, которой онъ посвятилъ-бы себя рядомъ съ преподаваніемъ. Задачи эта должна стоять въ ближайшей внутренней связи съ самимъ преподаваніемъ, какое *имѣть* отъ него требуется, она должна съ перваго же урока представляться ему какъ конечная естественная цѣль его работы съ учениками. И въ ученикѣ, подвинувшемся уже на столько, что онъ не только воспринимаетъ то, что даетъ ему школа, но начинаетъ уже задаваться вопросомъ о цѣли своего ученія, должно быть пробуждено сознаніе, что преподаваніе французскаго и англійскаго языка въ конечной своей задачѣ стремится къ чему-то высшему, чѣмъ только научить его кое-какъ говорить, писать и понимать, что оно, какъ и все другое обученіе, должно проявлять свою образовательную силу. До сихъ поръ въ преподаваніи новыхъ языковъ мало было рѣчи объ этой идеальной задачѣ, которая поставлена въ ея чистомъ и возвышенномъ видѣ преподавателямъ нѣмецкаго языка, исторіи и древнихъ языковъ. Я не нахожу ее и въ новыхъ учебныхъ планахъ и въ объяснительной къ ней запискѣ. Конечно весьма благоразумно, если требуется только ближайшее, только непосредственно необходимое: особенно благоразумно поступаетъ офиціальное учрежденіе, ограничиваясь въ своихъ требованіяхъ только достижимымъ; но безъ высшей цѣли не стоитъ быть учителемъ, безъ нея учитель дѣлается ремесленникомъ. При направленіи, въ которомъ отнынѣ пойдетъ преподаваніе новыхъ языковъ, конечная цѣль не можетъ быть филологической въ узкомъ смыслѣ этого слова.

«По поводу чтенія въ старшихъ классахъ реальныхъ школъ въ учебныхъ планахъ сказано слѣдующее:

Здѣсь нужно ознакомить учащихся съ жизнью, нравами, обычаями и главнѣйшими умственными теченіями обоихъ народовъ, и для этой цѣли остановиться преимущественно на современныхъ авторахъ». Въ этихъ словахъ просвѣчиваетъ уже та высшая задача, ради которой, въ концѣ концовъ, мы, учителя новыхъ языковъ, существуемъ, учимся и преподаемъ.

«Образованный человѣкъ долженъ своимъ пониманіемъ охватить три стихіи: свой народъ, исторію человѣчества и окружающій міръ.

Общее образованіе должно раскрыть учащемуся разумѣніе общечеловѣческаго въ трехъ направленіяхъ, должно установить три великихъ духовныхъ связи: съ отечествомъ, съ древнимъ міромъ *) и съ современными культурными народами. Учитель связываетъ подростающаго человѣка, какъ послѣднее сознательное звено длинной цѣпи, съ этими

*) Замѣтимъ, что здѣсь, несмотря на всю широту взгляда, въ цитируемомъ авторѣ сказался по преимуществу филологъ: мѣсто древняго міра, какъ отдѣльной самостоятельной сферы, въ идеалѣ современнаго общаго образованія должны неминуемо занять элементы современнаго научнаго міросозерцанія, т. е. элементы естествознанія.

Digitized by Google

тремя духовными мірами. Міръ его отечества въ прошедшемъ и настоящемъ раскрываетъ ему учитель нѣмецкаго языка и исторіи, духовный міръ древности—классическій филологъ; учитель же французскаго и англійскаго языковъ устанавливаетъ связь учащагося съ культурой современности, какъ она проявилась внѣ отечества; онъ дополняетъ національное образованіе до образованія мірового; онъ воспитываетъ въ учащемся сознательнаго сотрудника въ великихъ общихъ задачахъ человѣчества, стараясь посредствомъ чужого языка и произведеній на этомъ языкѣ дать ему свободное пониманіе особенностей духовной и матеріальной культуры, отечества, жизни и нравовъ обоихъ величайшихъ современныхъ ему народовъ. Это задача стоитъ на одинаковой высотѣ съ прочими задачами средней школы. Ради нея стоитъ конечно жить и учить. Всѣ упражненія, которыя ведетъ учитель, отъ произнесенія перваго связнаго предложенія на иностраномъ языкѣ до объясненія Декарта и Виктора Гюго, все, что изучаетъ студентъ отъ самаго отдаленнаго по времени и по мѣсту до ближайшаго къ намъ, все должно быть проникнуто и руководимо идеей: учиться и учить французскому и нѣмецкому языкамъ, значитъ изучать Францію и Англію; въ конечной цѣли не языкъ но народъ и его культура есть объектъ изученія Языкъ и его литература есть только наилучшее и необходимое средство, чтобы всего ближе подойти къ цѣли—познанію духа и жизни другого народа. Въ формы языка народъ выливаетъ свои представленія объ окружающемъ мірѣ; его языкъ содержитъ въ себѣ весь духовный его капиталъ, накопленный медленной работою столѣтій; онъ есть хранилище его мыслей и мечтаній отъ временъ отдаленнѣйшихъ предковъ до настоящей минуты.

Но на ряду съ языкомъ и его литературой должно изучать реальные предметы; мудрость лежитъ въ предметахъ, а не въ словахъ: географія политическая и культурная исторія, искусство и народная жизнь. Если учитель такъ посмотритъ на свою высшую задачу, то онъ не легко подвергнется опасности погрузиться въ педагогическія и филологическія мелочи, потерять изъ виду жизнь и ея требованія, онъ будетъ чувствовать высоту своего призванія и тогда, когда ему придется пробираться черезъ тони элементарнаго обученія и полу-механическихъ упражненій. Мы, учителя новыхъ языковъ, являемся на нашемъ скромномъ посту посредниками взаимнаго пониманія націй, работниками на пользу мира народовъ. Культурная задача человѣчества не можетъ быть рѣшена однимъ народомъ, хотя бы онъ былъ самый благословенный Богомъ; матеріально и духовно мы столь-же мало можемъ жить безъ Англіи и Франціи, какъ и онѣ безъ насъ. Только тотъ, кто это понялъ, чья ежедневная работа облагораживается этой высшей идеальной задачей, тотъ будетъ настоящимъ учителемъ новыхъ языковъ; по существу это не остроумный лингвистъ, не ученый историкъ литературы, не фонетикъ, не методикъ и не педагогъ, а знатокъ и истолкователь чужой народности, другой идущей по тому-же пути прогресса національности, ея страны, ея исторіи и ея духа. Въ противовѣсъ ходульному тевтонству мы обязаны будить и укрѣплять мысль, что для достиженія культурной цѣли необходимы многіе языки и народы, что на ряду со старой политической и промышленной наслѣдственной враждой существуетъ и столѣтіями продолжающееся наслѣдственное брат-

Digitized by Google

ство идей и интересовъ, которымъ мы связаны съ Англіей и Франціей. Съ такой точки зрѣнія задача неофилологическаго изученія и преподаванія новыхъ языковъ является несравненной и единственной: требуется познать и объяснить не прошлое, готовое и переданное намъ въ обломкахъ, а живое, дѣйствующее, которое развертывается передъ нами во всей полнотѣ, непосредственно рядомъ и вмѣстѣ съ нами дышетъ и работаетъ. Что далъ-бы старо-филологъ за то, чтобы хотя на одинъ день форумъ или агора снова наполнились и античная жизнь заговорила бы съ нимъ не только изъ однѣхъ развалинъ, чтобы тонъ греческой рѣчи дошелъ бы до него не изъ дали столѣтій въ неясномъ и искаженномъ видѣ, а хотя-бы одинъ разъ непосредственно раздался въ его ушахъ, чтобы все воскресло, ожило и пришло въ движеніе и чтобы онъ могъ наблюдать это. Все это дано намъ—неофилологамъ. Что для старо-филологовъ Римъ и Эллада, то должны быть для насъ Англія и Франція—предметомъ изученія до послѣднихъ мелочей внѣшней и внутренней жизни. Это дѣйствительно высокая задача—познакомиться съ такимъ сложнымъ организмомъ, какъ Англія или Франція, наблюдать его во всѣхъ мелочахъ, свободно понимать и оцѣнивать его по всѣмъ условіямъ его бытія въ настоящемъ и прошедшемъ, явиться посредникомъ въ этомъ пониманіи путемъ преподаванія англійскаго и французскаго языковъ и ознакомленія съ ихъ литературами. Пусть не возражаютъ мнѣ, что это далеко переходитъ предѣлы задачъ филологіи, которая ограничивается изслѣдованіемъ языка и отлившихся въ немъ произведеній духа. Если высшей задачей классической филологіи представляется реставрація всего перешедшаго къ намъ въ видѣ развалинъ античнаго міра, то задачей новой филологіи должно являться изслѣдованіе всей англійской и французской (или романской) культуры; въ обоихъ случаяхъ рядомъ съ чисто филологическимъ изученіемъ должны быть знанія географическія, политическія, культурно историческія. Послѣдней задачей преподаванія въ средней школѣ не можетъ быть равнымъ образомъ пріобрѣтеніе извѣстныхъ практическихъ навыковъ. Насколько слѣдовательно неофилологъ предназначаетъ себя въ учителя, настолько онъ напередъ долженъ расширить кругъ своихъ интересовъ за узкіе предѣлы языка и литературы *) въ тѣсномъ смыслѣ.

Въ другомъ мѣстѣ своей замѣчательной брошюры Ветцольдъ говоритъ слѣдующее:

«Во Франціи долженъ побывать по меньшей мѣрѣ каждый учитель, которому поручено преподаваніе въ старшихъ классахъ, и это нужно еще болѣе для знакомства съ страною, чѣмъ для знакомства съ языкомъ. Кто не видѣлъ Мольера и Расина на сценѣ Comédie Française, не можетъ объяснять ихъ ученикамъ выпускного класса, какъ они должны быть имъ объясняемы; кто знаетъ народъ и страну только изъ книгъ, тотъ можетъ наполовину только понимать французскихъ поэтовъ и беллетристовъ и коментировать ихъ содержаніе неполно; кто не наблюдалъ политической и общественной жизни на мѣстѣ, тому и для пониманія прошедшаго недостаетъ существенныхъ элементовъ».

---

*) Waetzold. Стр. 11—15.

Digitized by Google

Авторъ настоящаго очерка не рѣшился бы высказывать приведенныхъ въ этихъ отрывкахъ мыслей отъ своего имени, справедливо опасаясь, что у насъ нашлось бы не мало трезвыхъ мыслителей, которые назвали бы его за то фантазеромъ. По счастью для него и для дѣла, цитированный энтузіастъ-неофилологъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ прусскій Schulrat, т. е. по нашему окружной инспекторъ, бывшій кромѣ того однимъ изъ офиціальныхъ комиссаровъ прусскаго правительства на выставкѣ въ Чикаго. Идеи, высказанныя въ его брошюрѣ, не принадлежатъ ему одному, а есть выраженіе всего прогрессивнаго направленія въ методикѣ преподаванія новыхъ языковъ. Дальнѣйшее развитіе и практическое приложеніе этихъ взглядовъ на характеръ подготовки преподавателей-неофилоговъ мы находимъ между прочимъ въ упомянутой выше книгѣ проф. Кошвица — Anleitung zum Studium der französischen Philologie, русскій переводъ которой имѣетъ появиться въ непродолжительномъ времени. и въ книгѣ проф. Фитора—Einführung in das Studium der englischen Philologie.

При той широко и глубоко поставленной задачѣ для преподавателя неофилолога, какъ ее понимаютъ нынѣ образованные педагоги Германіи, нельзя конечно ожидать, чтобы устраивая вакаціонные курсы для преподавателей, люди, какъ Кошвицъ, смотрѣли на нихъ, какъ на учрежденія, *приготовляющія* преподавателей. При самыхъ скромныхъ требованіяхъ, какія можно поставить послѣднимъ, нельзя думать, чтобы они могли къ нимъ подготовиться въ теченіе мѣсяца пребыванія на курсахъ. Тѣмъ не менѣе вакаціонные курсы составляютъ несомнѣнно одну изъ мѣръ, совокупность которыхъ есть то, что слѣдуетъ понимать, какъ подготовку преподавателей. Прежде всего слѣдуетъ остерегаться, чтобы при словѣ «подготовка преподавателей» не являлась у насъ сейчасъ мысль о казенномъ зданіи, въ которомъ, какъ въ ретортѣ въ Фаустѣ изготовляются homunculus'ы.

Въ задачу настоящей статьи не входитъ разсмотрѣніе вопроса о всей организаціи подготовки преподавателей. Я желаю только ознакомить читателя съ вакаціонными курсами, какъ учрежденіемъ, которое имѣетъ значеніе, какимъ-бы образомъ подготовка преподавателей ни была организована, и значеніе котораго будетъ расти, соотвѣтственно видоизмѣняясь, по мѣрѣ расширенія и углубленія этой подготовки.

Само собою разумѣется, что для подготовки преподавателей требуется или имѣть особыя учрежденія, или приспособить къ ней тѣ, въ которыхъ люди теперь учатся, т. е. университеты, устроивая въ нихъ цѣлесообразнымъ образомъ неофилологическія семинаріи. Но во первыхъ, дѣло стоитъ теперь во всей Западной Европѣ такъ, что ни средняя школа, ни университеты, не даютъ достаточной подготовки въ практическомъ владѣніи иностранными языками и забота о томъ, чтобы они давали такую подготовку въ возможно высокой степени, возникла только въ самое послѣднее время. Пока эти заботы приведутъ къ практическимъ результа-

Digitized by Google

тамъ, дѣйствующій контингентъ учителей далекъ отъ того идеала, который поставленъ ему современными требованіями.

Всѣ мѣры, могущія помочь учителямъ совершенствоваться въ практическомъ владѣніи языкомъ, являются необходимыми этапными пунктами прогресса въ преподаваніи языковъ, и въ ряду этихъ мѣръ вакаціонные курсы занимаютъ видное мѣсто, какъ оно неопровержимо доказывается ихъ ростомъ.

Во вторыхъ, и это самое существенное, ни средняя школа съ университетомъ, ни средняя школа съ спеціальнымъ институтомъ (то и другое конечно въ связи съ необходимой при этомъ командировкой по крайней мѣрѣ на годъ за границу) не дадутъ учителей, подготовка которыхъ могла бы считаться этими циклами законченной. Въ такомъ дѣлѣ, какъ владѣніе живымъ языкомъ, всегда будетъ необходимо усовершенствованіе и періодическое освѣженіе навыковъ и впечатлѣній, и потому вакаціонные международные курсы не только сохранятъ свое значеніе въ дѣлѣ подготовки преподавателей при дальнѣйшемъ прогрессѣ этого дѣла, но они будутъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. По мѣрѣ того, какъ люди будутъ являться болѣе и болѣе подготовленными, и вакаціонные курсы будутъ видоизмѣняться въ своихъ программахъ и требованіяхъ. Не случайнымъ, а вполнѣ закономѣрнымъ представляется мнѣ то обстоятельство, что на описанныхъ курсахъ отсутствуетъ методика, хотя курсы назначены для подготовки и усовершенствованія учителей.

Такіе курсы, въ которыхъ методика занимаетъ центральное мѣсто, тоже существуютъ въ Германіи, они были во Франкфуртѣ на Майнѣ подъ руководствомъ М. Вальтера, директора мѣстной Musterschule (реальная гимназія) и учителя von Gottes Gnaden, какъ говорятъ нѣмцы, они устраиваются въ Майнцѣ или Кобленцѣ (не помню хорошенько) подъ руководствомъ Schulrat Мюнха, автора одного изъ лучшихъ руководствъ по методикѣ преподаванія французскаго языка *). Подобные курсы есть, и они преслѣдуютъ тоже цѣли подготовки учителей, но въ другомъ направленіи. Однако дѣло прежде всего въ томъ, чтобы люди знали тотъ предметъ, который преподаютъ, и въ немъ совершенствовались. Если предмета не знаютъ, а это именно въ живыхъ языкахъ часто бываетъ, то никакая методика не поможетъ: тогда единственное средство — заставить ихъ преподавать подъ названіемъ языка нѣчто другое, ничего общаго съ нимъ не имѣющее, что и составляло весьма долго предметъ преподаванія, но отъ чего прусская школьная администрація отказалась съ героическимъ мужествомъ, рискуя остаться безъ учителей, или рискуя тѣмъ, что всѣ его добрыя намѣренія останутся на бумагѣ.

Въ дѣйствительности, ни того ни другого не будетъ. Въ Германіи работаютъ надъ этимъ дѣломъ съ желѣзной энергіей и съ

*) Münch. Französisch.—одинъ изъ выпусковъ сочиненія Baumeister. Handbuch der Erziehungs-u. Unterrichtslehre für höhere Schulen.

Digitized by Google

разумной послѣдовательностью, не покладая рукъ, не задаваясь цѣлью сдѣлать все однимъ почеркомъ пера и не пренебрегая никакими средствами, какъ бы они ни казались ничтожными. Въ средней школѣ работаютъ какъ умѣютъ и могутъ надъ тѣмъ, чтобы научить живому языку; въ неофилологическихъ семинаріяхъ работаютъ въ томъ-же направленіи; учителя ѣздятъ со стипендіями и безъ стипендій, на свой счетъ, во Францію и въ Англію, посѣщаютъ вакаціонные курсы у себя и за границей; устраиваются неофилогическіе ферейны; устраиваются періодическіе съѣзды учителей и профессоровъ неофилологовъ (Neuphilologentage), на которыхъ разрабатываются вопросы преподаванія и и его постановки. Одновременно съ живой дѣятельностью по преподаванію и по усовершенствованію наличнаго персонала учащихъ разнообразными путями, идетъ энергичная работа въ литературѣ какъ учебниковъ, такъ и изданій авторовъ для курсорнаго чтенія и наконецъ руководствъ и брошюръ по общей методикѣ новыхъ языковъ и по частнымъ ея вопросамъ. Литература эта возрасла до такихъ предѣловъ, что понадобились спеціальныя для нея библіографіи *). Въ этой литературѣ мы встрѣчаемъ работы, какова напримѣръ заслуживающая особаго упоминанія книга Гартмана, цитированная выше. Авторъ ея былъ командированъ Саксонскимъ правительствомъ на полгода во Францію: онъ методически собралъ тамъ и въ Швейцаріи матеріалы по преподаванію новыхъ языковъ, которыхъ у него составилось до 7 томовъ, и извлеченіе изъ нихъ издалъ подъ упомянутымъ выше заглавіемъ. Вся эта совокупность мѣръ—курсы, ученыя общества и ферейны, съѣзды, литература—составляютъ атмосферу, въ которой создается современный преподаватель-неофилологъ, создается медленно, не сразу, но вытѣсняетъ мало по малу старый типъ Sprachmeister'a.

Вопросъ о подготовкѣ нашихъ преподавателей и преподавательницъ новыхъ языковъ настолько самъ по себѣ обширенъ и имѣетъ столько особенностей, собственно намъ принадлежащихъ, что ему должно быть посвящено особое изслѣдованіе Въ послѣднее время проявилось и у насъ нѣкоторое оживленіе въ разработкѣ методики новыхъ языковъ въ самой преподавательской средѣ. Многіе, особенно преподавательницы, съ живымъ интересомъ обратили свои взоры на то, что дѣлается въ этой области за предѣлами нашей родины. Отрадно уже то, что убѣжденіе въ полной удовлетворительности, чуть-ли не въ совершенствѣ достигаемыхъ нами результатовъ, сильно поколебалось, и надъ дѣломъ стали призадумываться. Призадумываться начинаютъ также надъ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что достигаемое у насъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ относительно хорошее практическое владѣніе иностранными языками покупается цѣною владѣнія род-

*) 1. Breymann. Die neusprachliche Reformlitteratur von 1876—1893. 2. Его-же. Die phonetische Litteratur von 1876—1895.

Digitized by Google

пымъ и, слѣдовательно, общаго развитія и самаго дорогого достоянія человѣка—самостоятельности мысли.

Всѣ эти спасительныя сомнѣнія заставляютъ мыслящихъ представителей преподаванія искать новыхъ путей и совершенствоваться. Пока у насъ дѣло подготовки преподавателей и преподавательницъ не получило стройной организаціи, вакаціонные курсы, подобные парижскимъ и марбургскимъ, въ высокой степени полезны для всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ совершенствоваться въ своемъ призваніи такъ, какъ это краснорѣчиво выразилъ Ветцольдъ. По соображеніямъ, выше высказаннымъ, курсы эти и впослѣдствіи сохранятъ свое значеніе. Для преподавательницъ французскаго языка, которыя могутъ включить въ планъ своей подготовки посѣщеніе тѣхъ и другихъ курсовъ, я не могу не посовѣтовать посѣтить сначала марбургскіе, а потомъ парижскіе. Первые имѣютъ значеніе не въ смыслѣ усовершенствованія во французскомъ языкѣ (для этого русскому человѣку странно было бы ѣхать въ Марбургъ), а въ смыслѣ нѣкотораго ознакомленія съ методологіей языкознанія и съ характеромъ стремленій, одушевляющихъ преподавательскія сферы той страны, гдѣ работа по преподаванію идетъ всего настойчивѣе и систематичнѣе.

Въ связи съ указаннымъ выше движеніемъ у насъ педагогической мысли въ области методики новыхъ языковъ находится фактъ открытія при Неофилологическомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ Университетѣ Педагогическаго Отдѣленія. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе отраденъ, что иниціатива открытія исходитъ изъ среды самого Комитета Общества, отчего новая секція уже при самомъ возникновеніи вооружается всего силою научнаго авторитета. Открытіе секціи служитъ свидѣтельствомъ того, что научныя силы Неофилологическаго Общества готовы повидимому придти на помощь намъ, практическимъ педагогамъ, въ разработкѣ одной изъ трудныхъ задачъ нашего вообще труднаго дѣла. Что педагогическое дѣло—трудное, это стало общимъ мѣстомъ, повторяемымъ часто безъ яснаго пониманія того, въ чемъ именно состоятъ трудности. Онѣ на самомъ дѣлѣ никогда не будутъ преодолѣны, т. е. педагогическое дѣло никогда не сдѣлается легкимъ. Суть только въ томъ, чтобы проторены были пути, которымъ надо слѣдовать въ изученіи этого труднаго дѣла, чтобы пути эти были освѣщены и постоянно освѣщаемы яснымъ свѣтомъ знанія. Эта задача можетъ быть выполнена только совокупными и планомѣрными усиліями людей науки и опыта. Только когда послѣдніе, т. е. практическіе дѣятели, отрѣшатся отъ часто выражаемаго ими скептическаго отношенія къ теоріи, какъ къ синониму неосуществимаго, и постараются вникнуть въ эту теорію и изучить ее, и когда люди науки съ своей стороны откажутся отъ часто проявляемаго ими высокомѣрнаго отношенія къ потребностямъ жизни и дадутъ себѣ трудъ вникнуть въ эти потребности и изучить ихъ, только тогда установится плодотворная связь теоретической и практической мысли и поднимется

Digitized by Google

уровень той и другой. Необходимое условіе въ осуществленіи ихъ плодотворнаго взаимодѣйствія мы видимъ въ ясномъ пониманіи обѣими сторонами того несомнѣннаго уже á priori факта, что каждая сторона не находится въ обладаніи всего знанія и что каждой сторонѣ есть чему поучиться у другой.

Опираясь на то, что люди науки открываютъ двери ученаго общества изученію вопросовъ практическаго преподаванія, я пытаюсь намѣтить въ заключеніе настоящей статьи нѣкоторые изъ способовъ, которыми Общество могло бы, по моему мнѣнію, принести дѣлу преподаванія нецѣнимыя услуги.

Я сомнѣваюсь, чтобы въ настоящее по крайней мѣрѣ время могли быть устраиваемы у насъ вакаціонные курсы: это слишкомъ мало соотвѣтствуетъ условіямъ нашей жизни. Но что Общество могло-бы организовать и что отвѣчало бы дѣйствительной потребности большого числа учащихъ и готовящихся къ преподаванію, это постоянные курсы, общедоступные, въ которыхъ могли бы принимать участіе всѣ лица, желающія совершенствоваться въ своей подготовкѣ. Въ Петербургѣ есть такое средство для усовершенствованія въ практическомъ владѣніи французскимъ языкомъ, какого нѣтъ кажется нигдѣ, кромѣ самой Франціи, есть постоянный французскій театръ. Этимъ средствомъ и пользуются настойчиво всѣ, кому это нужно. Нечего говорить, что средство это еще недостаточно и односторонне. Организація же чтеній избранныхъ произведеній французскаго театра, сопоовождаемыхъ объяснительными лекціями, какъ это дѣлается въ Парижѣ, вызвала бы несомнѣнно большой интересъ, привлекла-бы много слушателей и сослужила бы большую пользу всему персоналу, имѣющему такъ или иначе соприкосновеніе съ преподаваніемъ французскаго языка. Весьма возможно, что подобныя же чтенія были бы осуществимы на нѣмецкомъ языкѣ. Если-бы въ устройствѣ такихъ чтеній Общество приняло на себя роль иниціатора, то была бы надежда на ихъ осуществленіе, тѣмъ болѣе, что мысль эта можетъ вѣроятно разсчитывать на поддержку въ высшей училищной администраціи, такъ какъ чтенія служили бы на пользу учащейся молодежи. Такія чтенія на русскомъ языкѣ устраиваются въ послѣднее время, какъ извѣстно, администраціей учебнаго округа, а также въ педагогическомъ музеѣ. Рядъ подобныхъ чтеній, при надлежащей выработкѣ программы, составилъ бы въ высшей степени интересный и поучительный курсъ классическаго и современнаго театра французскаго и нѣмецкаго.

Персоналъ лицъ, занимающихся у насъ преподаваніемъ языковъ, нуждается еще въ гораздо большей степени въ расширеніи и углубленіи теоретическихъ познаній, чѣмъ собственно въ усовершенствованіи практическихъ навыковъ. У насъ весьма мало распространено пониманіе значенія историческаго изученія языка, еще меньше свѣдѣнія о результатахъ, получаемыхъ въ области физіологіи и психологіи рѣчи. Нечего говорить, что Общество могло бы выработать и осуществить программу чтеній

Digitized by Google

научнаго характера, которыя въ своей совокупности дали-бы сводъ того существеннаго, что надо знать людямъ, приготовляющимся къ преподаванію и занимающимся имъ. Я не буду перечислять здѣсь того, что, по моему мнѣнію, было бы существенно необходимо включить въ программу подобныхъ лекцій. Вновь открытая секція обратитъ навѣрное вниманіе на эту потребность и собраніе спеціалистовъ лучше всего можетъ рѣшить, что именно нужно и безъ чего можно обойтись, и направить такимъ образомъ самостоятельную работу большого числа лицъ, которыя ищутъ возможности учиться и не находятъ ее. Опытъ съ общеобразовательными курсами, устроенными въ этомъ году С.-Петербургскимъ Педагогическимъ Обществомъ взаимной помощи, докажетъ повидимому то, что ясно впрочемъ само собою, т. е. что самая благодарная аудиторія есть та, въ которой собираются люди, свободно ищущіе знанія. Такіе люди есть, ихъ много.

Другое дѣло, въ которомъ труды новой секціи Общества могутъ принести большую пользу, это разработка нормальной программы преподаванія новыхъ языковъ въ общеобразовательной школѣ. Всякому, кто знаетъ, что это такое, понятно и то, какой это большой и многосложный трудъ и какъ важно привлеченіе къ нему возможно большого числа и научныхъ и практическихъ силъ. Я глубоко убѣжденъ, что если такимъ образомъ педагогическое отдѣленіе Неофилологическаго Общества съ самого же начала поставить себѣ широкія и плодотворныя задачи, то оно завоюетъ себѣ глубокія симпатіи и найдетъ многочисленныхъ и усердныхъ сотрудниковъ *).

В. Струве.

---

*) Когда настоящая статья печаталась, я получилъ программу марбургскихъ курсовъ 1898 года. Курсы раздѣляются на двѣ серіи, какъ и парижскіе. На второй серіи присоединяется англійскій языкъ. Въ программѣ сдѣлано нѣсколько интересныхъ измѣненій.

Digitized by Google

На Западѣ.

Современный нѣмецкій театръ.

II *).

Въ день столѣтія, исполнившагося со времени рожденія Шилля, 9 Ноября 1859 года, тогдашній прусскій принцъ-регентъ положилъ основаніе премін въ 1000 золотыхъ талеровъ, предназначавшихся для награды за лучшее драматическое произведеніе, появляющееся въ трехлѣтній періодъ. Въ 60-хъ годахъ послѣдовательно были награждены этой преміей три нѣмецкихъ автора: Геббель въ 1863 году за свою драму «Нибелунги», въ 1866—Альбертъ Линднеръ за драму «Брутъ и Коллатинъ» и въ 1869—Эмануилъ Гейбель за «Софонисбу». Но затѣмъ прошло три трехлѣтія, въ теченіе которыхъ шиллеровская премія оставалась безъ употребленія **).

Статуты шиллеровской премін не были расчитаны на какое либо соперничество между драматическими писателями въ виду полученія премін. Согласно этимъ статутамъ изъ среды ученыхъ, драматурговъ и сценическихъ дѣятелей назначалась на пять лѣтъ комиссія, которой предоставлялось изъ массы появившихся въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ на книжномъ рынкѣ или на сценѣ произведеній выбрать по мнѣнію комиссіи самую достойную драму и представить ее прусскому королю, какъ заслуживающую шиллеровской премін. Трудно себѣ представить нѣчто болѣе обидное для національнаго самолюбія нѣмцевъ, чѣмъ тотъ фактъ, что въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за военными и національными тріумфами, комиссія добросовѣстныхъ и компетентныхъ литературныхъ судей вынуждена была два раза собираться и разойтись, не найдя въ массѣ продуктовъ умственнаго творчества за цѣлый рядъ годовъ ни одного произведенія, которое можно было бы признать достойнымъ премін. А когда наконецъ, по истеченіи трехъ трехлѣтій, снова

*) См. «Образованіе» № 3.

**) См. Prof. Berthold Litzmann: «Das deutsche Drama in den litterarischen Bewegungen der Gegenwart» Hamburg 1894 г. 1-е Изданіе. Стр. 27 и слѣд.

Digitized by Google

была распредѣлена шиллеровская премія, то это произошло въ такой формѣ, которая, по словамъ проф. Лицмана, равносильна была признанію совершеннаго литературнаго банкротства. Дѣло въ томъ, что въ этотъ разъ премія была выдана не одному, а тремъ авторамъ сразу и при томъ не каждому автору за его собственное произведеніе, какъ того требовали статуты, а совершенно противно статутамъ со слѣдующей мотивировкой: «Изъ признанія къ ихъ (трехъ авторовъ) художественнымъ заслугамъ, проявленнымъ за послѣдніе годы на пользу нѣмецкаго драматическаго искусства»... Это былъ, конечно, мало отрадный выходъ изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ очутилась коммиссія благодаря упадку нѣмецкой драматургіи,—да и три награжденные авторы,—Адольфъ Вильбрандтъ, Людвигъ Анценгруберъ и Францъ Ниссель,—могли утѣшиться развѣ только тѣмъ, что въ виду скопившейся отъ неупотребленія призовой суммы на долю каждаго досталась шиллеровская премія въ полномъ размѣрѣ 1000 талеровъ.

Тотъ фактъ, что за десятилѣтіе отъ 1870 до 1880 года въ области драмы не появилось ни одного произведенія, способнаго привлечь вниманіе читателей или сцены, тѣмъ болѣе поразителенъ, что именно въ это время дѣлалось все возможное для поощренія и воспособленія драматическому творчеству. Такъ, напр., когда въ 1878 г. наступилъ срокъ распредѣленія преміи Грильпарцера, то не нашлось ни одного достойнаго претендента... Въ 1877 году мюнхенское театральное интендантство объявило премію на очень благопріятныхъ условіяхъ,—премію въ размѣрѣ 2400 марокъ за трагедію, столько же за драму по возможности изъ національной жизни и такую же сумму за комедію болѣе высокаго порядка. Премія вызвала на свѣтъ 436 драматическихъ произведеній: 182 трагедіи, 129 драмъ и 125 комедій. Но результатъ всего этого массоваго производства былъ самый жалкій: премированная трагедія Гирнта «Dankelmann» оказалась лишенной всякой сценичности, предложенная къ постановкѣ драма Вильбрандта «Die Tochter des Herrn Fabricius» была послѣ постановки признана недостойной премія... Въ 1878 году то же мюнхенское интендантство повторило опытъ объявленія премія. На этотъ разъ требовались: 1) трагедія на сюжетъ изъ нѣмецкой исторіи съ избѣганіемъ неразрѣшенныхъ вопросовъ политической и религіозной борьбы партій; 2) драма на сюжетъ изъ нѣмецкой исторіи или изъ соціальной жизни современности, но такие съ избѣжаніемъ партійныхъ тенденцій и 3) комедія. Въ распорядительный комитетъ поступило всего 97 драматическихъ произведеній; 28 трагедій, 31 драма и 38 комедій. Мы видимъ такимъ образомъ, что вмѣсто ожидавшагося эффекта, практика премированія повліяла въ смыслѣ пониженія творческаго рвенія. На этотъ разъ не только вообще было представлено меньше произведеній, но спеціально отдѣлъ трагедій, столь многочисленный въ 1877 году, теперь оказался наиболѣе слабымъ. Но и среди всѣхъ этихъ произведеній не нашлось ничего достойнаго объявленной премія.

Digitized by Google

Въ виду этихъ повторявшихся неудачъ въ литературныхъ кругахъ нѣмецкаго общества появилось убѣжденіе, что драматурги не въ силахъ болѣе приспособиться къ задачамъ героической трагедіи и драмы, что для этого рода творчества прошло уже время и что данная эпоха требуетъ другого искусства, требуетъ воплощенія въ искусствѣ современныхъ людей и современной жизни.

Каковы же были представители «современной» драматургіи въ это время?

Среди властителей думъ въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую послѣ рокового 1870—71 года, первымъ выдѣляется Паулъ Линдау. Въ настоящее время со скандаломъ оставившій германскую столицу и успокоившійся на лаврахъ интенданта провинціальной сцены, Линдау тогда былъ первымъ застрѣльщикомъ въ литературномъ мірѣ. Своими острыми и ядовитыми критическими стрѣлами онъ еще въ 60-хъ годахъ безъ всякой пощады билъ по слабымъ мѣстамъ своей литературной братіи и, ненавидимый этой послѣдней, онъ сумѣлъ завоевать расположеніе публики, которая готова была видѣть въ немъ литературнаго новатора, призваннаго совершить своего рода миссію новаго Лессинга. Онъ и въ самомъ дѣлѣ казался наиболѣе отзывчивымъ на новые вопросы жизни. Въ 1872 году онъ основываетъ еженедѣльный журналъ «Die Gegenwart» (Современность) и, привлекши къ своему изданію самыхъ талантливыхъ писателей того времени, задается цѣлью создать органъ, дѣйствительно отражающій назрѣвшія потребности эпохи. Къ сожалѣнію, слишкомъ скоро пришлось убѣдиться, что для выполненія взятой на себя задачи у Линдау не оказалось самаго главнаго: ни подходящихъ дарованій, ни надежныхъ нравственныхъ устоевъ. Вся литературная кампанія Линдау оказалась расчитанной главнымъ образомъ на то, чтобы выдвинуть свою собственную личность. Для болѣе успѣшнаго достиженія этой своей цѣли Линдау вскорѣ оставляетъ амплуа критика и дѣлается драматическимъ писателемъ. При его обширномъ вліяніи ему конечно не трудно было завоевать своимъ пьесамъ сцену, а публика, набившая оскомину на плохихъ представленіяхъ классиковъ, радовалась возможности развлечься пикантнымъ и остроумнымъ переплетеніемъ дѣйствій «современной комедіи». Ликованіе было тѣмъ больше, что комедія есть вообще слабое мѣсто нѣмецкой драматической литературы, и, вопреки тогдашнимъ ожиданіямъ, ни Линдау, ни другіе авторы-современники, не дали ничего, кромѣ фарса, когда хотѣли дать настоящую комедію.

Преобладающій успѣхъ Линдау какъ драматическаго писателя объясняется тѣмъ, что свою драматическую выучку онъ получилъ въ Парижѣ. Онъ зналъ, конечно, что Берлинъ не Парижъ и его соотечественники не французы, способные смаковать на сценѣ всю пестроту явленій изъ жизни полусвѣта, всю атмосферу супружеской невѣрности и всѣ переливы безшабашной жизни золотой молодежи и высокихъ слоевъ. Необходимо было поэтому дѣйствовать съ нѣкоторой опаской и нѣсколько щадить «пред-

Digitized by Google

разсудки» нѣмецкой публики. Копируя по своему французскіе образцы, Линдау бралъ разныя элегантныя явленія изъ жизни современнаго общества и, нисколько не заботясь объ ихъ самостоятельномъ внутреннемъ значеніи, связывалъ ихъ какой нибудь хорошо придуманной фабулой. Поставленные съ помощью такого аппарата на сцену, персонажи пьесъ Линдау болтали между собою о томъ и о семъ, чисто на французскій манеръ и забавляли публику, не оставляя по окончаніи представленія никакого слѣда и впечатлѣнія. Совершенно естественный и крайне популярный на французской сценѣ комизмъ обманутыхъ мужей, трагизмъ семейныхъ катастрофъ—все это приходилось нѣмецкой публикѣ предлагать подъ болѣе скромнымъ соусомъ. Полученный такимъ образомъ суррогатъ щекоталъ нервы зрителей лишь впродолженіе вечера, а на болѣе серьезныхъ людей дѣйствовалъ отталкивающимъ способомъ.

Тѣмъ не менѣе репертуаръ нѣмецкой сцены въ теченіе 70-хъ годовъ почти всецѣло заполненъ драматическими произведеніями Пауля Линдау и его ближайшихъ сподвижниковъ. Внѣшніе успѣхи этой заимствованной у французовъ драматургіи, пропаганда газетно-фельетонными критиками французской драмы какъ послѣдняго слова театральнаго искусства разжигали коммерческія страсти театральныхъ директоровъ по отношенію къ продуктамъ чужеземнаго театра и порождали въ самой публикѣ потребность вкусить прелести французской сцены по возможности въ ихъ подлинной оригинальности. На этотъ спросъ вскорѣ послѣдовало и предложеніе: французскій товаръ, который Линдау съ товарищами рѣшались предлагать нѣмецкой публикѣ лишь въ сравнительно скромной переработкѣ, теперь началъ появляться въ плохихъ нѣмецкихъ переводахъ и имѣлъ такой огромный успѣхъ, что грозилъ рѣшительно вытѣснить піонеровъ французскихъ художественныхъ вкусовъ. Фривольности французской драмы не могли, конечно, не вызвать вскорѣ реакціи со стороны ходячей морали, но литературное выраженіе этой моральной реакціи стояло на еще менѣе низкомъ художественномъ уровнѣ, чѣмъ фривольности бульварной парижской драматургіи. Это была прежде всего доморощенная мораль такихъ драматурговъ, какъ Адольфъ Ларонжъ, которыхъ значеніе могло быть преувеличено лишь въ эту пору совершеннаго помраченія вкусовъ и крайней путаницы художественныхъ принциповъ. Объ этомъ крайнемъ пониженіи вкусовъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и то обстоятельство, что съ первымъ десятилѣтіемъ послѣ великой войны совпадаетъ и наибольшее процвѣтаніе оперетки. Дарованная съ общей свободой промысловъ свобода театровъ, послужила на пользу прежде всего тѣмъ категоріямъ театральныхъ предпріятій, которыя не только были расчитаны на низкіе инстинкты массъ, но и служили еще большему пониженію этихъ инстинктовъ.

Въ общемъ положеніе вещей было таково, что можно бы придти въ отчаяніе за будущность нѣмецкаго театра. Къ счастью однако среди этой вакханаліи эпохи грюндерства начали появляться симптомы рѣшительнаго поворота, какъ въ сторону лучшихъ традицій нѣмецкаго искусства, такъ

Digitized by Google

точно и въ направленіи коренныхъ реформъ въ этой области. Эти симптомы художественнаго обновленія были именно тѣмъ замѣчательнѣе, что они появились въ такое время, когда съ одной стороны всѣ интеллигентныя силы націи были поглощены задачами политической и военной организаціи вновь объединеннаго отечества, а съ другой стороны широкіе слои нѣмецкой аристократіи и плутократіи были охвачены дикой погоней за золотымъ тельцомъ, быстрой наживой въ грюндерскихъ предпріятіяхъ и тѣмъ самымъ совершенно оттѣснили на задній планъ всѣ высшіе умственные и духовные интересы жизни.

Среди всеобщей оргіи этого времени яркой звѣздой выступаетъ художественный геній Рихарда Вагнера, который своей рѣдкой мощью сумѣлъ привлечь вниманіе праздныхъ и равнодушныхъ массъ. Нынѣ, спустя болѣе двухъ десятилѣтій послѣ перваго знаменательнаго выступленія Вагнера, мы являемся свидѣтелями широкаго новаторскаго движенія въ области музыки, и наблюдаемъ чрезвычайно любопытную борьбу партій, сосредоточивающихся около принциповъ Вагнера и антивагнеріанскихъ тенденцій. Эта борьба партій распространяется и на вопросъ о художественномъ значеніи знаменитыхъ вагнеровскихъ представленій въ Байрейтѣ, который сдѣлался въ значительной степени Меккой для паломниковъ-толстосумовъ... Какъ бы то ни было, но въ первую пору своего существованія Байрейта,—пору, совпавшую съ указаннымъ выше временемъ разгара низменныхъ страстей, основаніе этого театра было событіемъ громадной важности. Правда, этотъ театръ былъ въ значительной степени дѣломъ моды; туда каждый годъ направлялись по преимуществу тѣ-же толстосумы, для которыхъ идеи Вагнера были болѣе чѣмъ безразличны. Но уже важно то, что эти господа тратили свои деньги на идеальное дѣло, а затѣмъ постепенно широкіе слои нѣмецкаго общества научились понимать, что есть еще нѣчто интересное и важное, помимо заботъ о военномъ всемогуществѣ Германіи. Движеніе, вызванное геніемъ Вагнера и сосредоточенное на одной музыкѣ, тѣмъ не менѣе послужило на пользу нѣмецкому искусству вообще. Спеціально нѣмецкая драма, которая такъ долго была оттѣснена почти неограниченнымъ господствомъ оперы, очень много выиграла отъ общаго подъема художественной жизни. Мы и въ самомъ дѣлѣ видимъ, что высшая степень энтузіазма передъ музыкальными идеями Вагнера совпадаетъ съ первыми тріумфами того предпріятія, которое призвано было сослужить большую службу сценическому искусству.

Въ прошлый разъ, говоря о правовомъ положеніи артистическаго персонала, я отмѣчалъ, что въ этомъ отношеніи персоналъ поставленъ на одну ступень съ домашней прислугой. Слѣдуя буквальному смыслу промысловаго устава, полиція нѣсколько лѣтъ тому назадъ потребовала, чтобы актеры, подобно всей прочей наемной прислугѣ, вели у себя особыя служебныя книжки. Это полицейское предписаніе и создало обычай тѣхъ любопытныхъ актерскихъ вечеровъ, на которые какъ бы демонстративно всѣ звѣзды берлинскихъ театровъ являются въ костюмахъ горничныхъ,

Digitized by Google

кухарокъ, прачекъ и т. п. и которые принадлежатъ къ числу остроумнѣйшихъ и блестящихъ событій бальнаго сезона. «Gesinde» называется по нѣмецки домашняя прислуга, отсюда и артистическій балъ носитъ названіе «Gesindeball».

Я упомянулъ здѣсь опять объ этомъ предметѣ по слѣдующему поводу: недавно праздновалась серебряная свадьба герцога Саксенъ-Мейнингенскаго. Ровно двадцать пять лѣтъ тому назадъ владѣтельный герцогъ не погнушался взять себѣ въ жены одну изъ тѣхъ дамъ, которыхъ промысловый уставъ подводитъ подъ категорію домашней прислуги. Это была Елена Францъ, актриса при придворномъ театрѣ въ Мейнингенѣ.

Торжество серебряной свадьбы герцогской четы получаетъ общій интересъ лишь тогда, когда припомнишь, какую громадную роль герцогъ и его супруга сыграли въ развитіи и подъемѣ нѣмецкаго сценическаго искусства.

Рихардъ Вагнеръ, видя страшный упадокъ современнаго ему театра, задумался надъ радикальнымъ его преобразованіемъ. Слѣдуя своему музыкальному и художественному дарованію, онъ представлялъ себѣ идею этого преобразованія въ видѣ объединенія музыки, пѣнія, сценическаго искусства и живописи. Это объединеніе всѣхъ искусствъ въ новой художественной формѣ должно было создать музыкальную драму будущаго, которая заключала бы въ себѣ совокупность всѣхъ художественныхъ эффектовъ. Для тѣхъ художественныхъ твореній, которыя онъ хотѣлъ подарить своему народу, ему казались недостаточными обыкновенная сцена и обыкновенная публика. Онъ мечталъ о томъ, какъ одушевленныя, торжественно настроенныя массы будутъ черезъ извѣстные промежутки времени слѣдовать призыву своего маэстро, чтобы вдали отъ людской сутолоки, въ спеціально для этой цѣли построенномъ театрѣ внимать звукамъ высокаго искусства будущаго. Двери этого театра должны быть открыты разъ въ годъ и представленія въ немъ служить своего рода національнымъ торжествомъ... Такова приблизительно первоначальная идея вагнеровскаго Байрейта, который, увы! далеко не отвѣчаетъ мечтаніямъ своего творца, такъ какъ, являясь крайне дорогой роскошью, менѣе всего доступенъ «одушевленнымъ и торжественно-настроеннымъ массамъ» народа.

Нѣсколько сходная идея родилась и въ головѣ мейнингенскаго герцога, который, не будучи самъ профессіональнымъ артистомъ, обладалъ тѣмъ не менѣе чрезвычайно развитыми художественными инстинктами. Задумываясь надъ созданіемъ музыкальной драмы, Вагнеръ исходилъ изъ того взгляда, что ни драма, ни опера сами по себѣ не обладаютъ достаточной жизнеспособностью. Это былъ односторонній взглядъ, въ противуположность которому молодой герцогъ полагалъ, что именно разговорная драма имѣетъ еще будущее, но что она находится теперь въ крайнемъ упадкѣ и требуетъ обновленія.

Для того времени, начала 70-хъ годовъ, это утвержденіе было особенно вѣрно по отношенію къ классической драмѣ, которая въ сокращенной, жалкой и безцвѣтной постановкѣ предлагалась вниманію нѣмецкой публи-

Digitized by Google

ки. Въ этомъ пунктѣ и сосредоточилъ свое вниманіе герцогъ со своимъ компетентнымъ художественнымъ штабомъ, организовавъ ту знаменитую труппу «Мейнингенцевъ», петербургскія гастроли которыхъ вѣроятно еще свѣжи въ памяти каждаго, кто сподобился тогда видѣть въ ихъ исполненіи Шекспира и Шиллера *).

Та крайне возбужденная литературная полемика, которая была поднята изъ за художественныхъ принциповъ Мейнингенцевъ, уже давно забыта, но громадная польза, оказанная знаменитыми гастролями этой труппы по всей Германіи, осталась прочнымъ достояніемъ нѣмецкой сцены. Заслуга этой труппы не только въ томъ, что она старалась вдохнуть жизнь въ до того мертвыя массы сценическихъ статистовъ и не только въ томъ, что она обставляла драму съ тѣмъ блескомъ, который раньше былъ принадлежностью одной оперы. Выше всего этого та заслуга Мейнингенцевъ, что благодаря имъ серьезная драма и трагедія снова сдѣлались популярными и любимыми среди нѣмецкой публики, что восторгъ передъ превосходной игрой отдѣльнаго артиста былъ расширенъ до наслажденія всей совокупностью художественныхъ прелестей игры и самаго произведенія, что уровень оцѣнки сценическаго представленія вообще значительно повысился и представленія серьезной драмы и классиковъ не только перестали считаться скучными и устарѣлыми, но, напротивъ того, сдѣлались очень серьезнымъ дѣломъ.

Театральный сезонъ весною 1874 года былъ почти къ концу, когда по настоянію преданныхъ театру лицъ мейнингенскій герцогъ согласился отпустить свою труппу на гастроли и прежде всего въ германскую столицу. Впечатлѣніе, произведенное въ Берлинѣ первымъ представленіемъ Мейнингенцевъ—давали Юлія Цезаря—было, по разсказамъ Лицмана и извѣстнаго артиста Людвига Барная, прямо ошеломляющее. Поражалъ прежде всего ослѣпительный блескъ обстановки: декораціи были проникнуты сказочнымъ волшебствомъ формъ и красокъ; на всемъ лежала печать художественнаго вкуса и гармоническаго сочетанія. Все это поражало тѣмъ болѣе, что до выступленія Мейнингенцевъ постановкѣ классиковъ удѣлялось со стороны декораціи наименьшее вниманіе. Сверхъ того режиссеры нѣмецкихъ сценъ держались того взгляда, что именно для постановки классическихъ драмъ менѣе всего необходимъ ансамбль. Достаточно было найти хорошаго исполнителя для заглавной роли, а остальной составъ и статистовъ можно пополнить всякимъ сбродомъ, или откомандировать для этой цѣли роту солдатъ изъ ближайшей казармы... Мейнингенцы показали, что они иначе смотрятъ на дѣло,—и уже послѣ первыхъ представленій въ Берлинѣ мѣстные театралы изумлялись тому несомнѣнному факту, что въ сущности говоря, посредственные таланты гастроли-

*) О Мейнингенцахъ подробнѣе см.: L'Arronge: «Deutsches Theater und deutsche Schauspielkunst, Стр. 57 и слѣд. Berthold Litzmann: «Das deutsche Drama и т. д.» Стр. 43—60.

Digitized by Google

рующей труппы своей игрой достигаютъ гораздо большаго эффекта, чѣмъ привилегированная и патентованная труппа Берлинскаго королевскаго театра.

Это и понятно: Мейнингенцы держались того взгляда, что прежде всего само произведеніе и его авторъ, а ужъ на второмъ планѣ — актеры въ полномъ подчиненіи духу пьесы. Мейнингенцы не знали привилегированныхъ исполнителей первыхъ ролей; у нихъ были актеры, которые сегодня играли одну изъ главныхъ ролей, а въ слѣдующій вечеръ должны были мириться съ ролью нѣмого лица, если того требовала гармонія постановки. Ревностная, до послѣднихъ деталей осмысленная отдѣлка фигуръ и сценъ, проходившихъ до того въ полной безцвѣтности, порождала новый, еще невѣдомый источникъ поэзіи, и потому всякая старая пьеса, поставленная Мейнингенцами, дѣйствовала какъ чудная новинка. Даже такая заигранная вещь, какъ «Разбойники» Шиллера, и по языку, и по всему духу своему наименѣе соотвѣтствующая вкусамъ современной публики, въ исполненіи Мейнингенцевъ произвела на берлинскую публику впечатлѣніе перваго представленія. Казалось, что мысли и мечты, занимавшія Шиллера при составленіи его массовыхъ сценъ, лишь теперь, спустя 100 лѣтъ, нашли себѣ достойное выраженіе и воспроизведеніе.

Средства, которыми Мейнингенцы пользовались для достиженія своей цѣли, были въ сущности тѣ же, которыми пользовался Вагнеръ для построенія своей музыкальной драмы. И тамъ и здѣсь всѣ помыслы были направлены на достиженіе гармоническаго эффекта. Вмѣсто жалкой, лишенной всякой поэзіи и опредѣленнаго стиля обстановки, сцена обставлялась такой декораціей, которая строго соотвѣтствовала духу данной пьесы и тому настроенію, которое необходимо было вызвать въ зрителяхъ. Вызвать это настроеніе съ самаго начала съ помощью всей обстановки, а затѣмъ сохранить его на надлежащей высотѣ съ помощью игры—было ближайшею цѣлью Мейнингенцевъ. Это обусловливало подчиненіе частностей цѣлому и предупрежденіе всякаго выступленія отдѣльной индивидуальности изъ рамокъ, предусмотрѣнныхъ авторомъ данной пьесы. Этимъ съ другой стороны достигалось, что данная пьеса предлагалась вниманію зрителей въ томъ высшемъ совершенствѣ, которое соотвѣтствовало высшимъ требованіямъ и ожиданіямъ автора.

Мейнингенцы не сидѣли на одномъ мѣстѣ, а въ теченіе 16 лѣтъ странствовали изъ города въ городъ. Куда ни пріѣзжали, они были всюду дорогими и страстно ожидаемыми гостями, ихъ игра была такимъ исключительнымъ явленіемъ, что приводила въ движеніе все сколько нибудь художественно-заинтересованное населеніе. Ихъ представленія носили поэтому такой же торжественный и возвышенный характеръ, какъ представленія въ Байрейтѣ, какъ онѣ по крайней мѣрѣ рисовались въ идеалѣ Р. Вагнера. Разница была лишь въ томъ, что Вагнеръ собиралъ гостей у себя дома, а Мейнингенцы сами ѣздили по гостямъ. Публика, посѣщавшая ихъ представленія, составлялась преимущественно изъ людей, кото-

Digitized by Google

рые въ обычной жизни не располагали ни достаточными средствами, ни временемъ для правильнаго посѣщенія театра, но которые тѣмъ не менѣе носили въ себѣ сильную потребность въ художественныхъ наслажденіяхъ. Разъ побывавши въ театрѣ, они долго питались вынесеннымъ оттуда впечатлѣніемъ, и потому вдвойнѣ жаль, что съ прекращеніемъ въ началѣ 90-хъ годовъ мейнингенскихъ представленій, эта благодарная публика снова была предоставлена на произволъ судьбы. Современные постоянные театры не могутъ вознаградить ее за эту потерю, такъ какъ въ большихъ городахъ театры обыкновенно очень дороги, а въ мелкихъ и среднихъ городахъ они стоятъ на такомъ уровнѣ, который чрезвычайно удаленъ отъ искусства Мейнингенцевъ.

Репертуаръ Мейнингенцевъ принадлежалъ главнымъ образомъ классическимъ, или уже не жившимъ авторамъ. Изъ 41 пьесы, игранныхъ Мейнингенцами въ теченіе ихъ 16 лѣтней дѣятельности, на долю жившихъ авторовъ пришлось лишь 9 произведеній. Въ первоначальныхъ намѣреніяхъ Мейнингенцевъ отнюдь не было играть однихъ классиковъ, но не совсѣмъ блестящіе результаты, добытые опытомъ постановки современныхъ авторовъ, и есть тотъ слабый пунктъ, который отличалъ программу Мейнингенцевъ во второй періодъ ихъ дѣятельности. Изъ арсенала драматическихъ произведеній брались не рѣдко вещи, которыхъ сценическія достоинства были болѣе чѣмъ сомнительны, какъ, напр., произведенія Гейзе, писателя совсѣмъ слабаго въ области драматическаго творчества. Въ колебаніяхъ между Гейзе съ одной стороны и такими благодарными современными драматургами, какъ Ибсенъ (Die Kronprätendenten). Бьернсонъ (Zwischen den Schlacuten) и испанецъ Эшегаррей, сказывалась наступившая съ теченіемъ времени неустойчивость въ общемъ руководствѣ дѣломъ. Въ виду этого не приходится сожалѣть, что эта знаменитая труппа, сознавши, что выполнила свою миссію, добровольно прекратила свою дѣятельность. Эта дѣятельность тѣмъ не менѣе составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи современнаго нѣмецкаго театра и въ томъ литературномъ движеніи, которое непосредственно примкнуло къ натуралистическимъ тенденціямъ Мейнингенскаго искусства.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Гроссманъ

Digitized by Google

Парламентскіе нравы и обычаи въ Англіи.

Разсказываютъ, что одинъ только что избранный въ парламентъ ирландскій депутатъ, спросилъ Парнелля, какъ ему изучить всѣ парламентскія правила.—«Нарушая ихъ!» отвѣчалъ ему Парнелль. Знаменитый ирландскій вождь—«некоронованный король Ирландіи», какъ его называли, говорилъ это по собственному опыту, такъ какъ онъ дѣйствительно часто нарушалъ парламентскіе обычаи и крикъ «къ порядку! къ порядку!» (Order! Order!) постоянно раздавался въ его ушахъ. Но такова судьба многихъ изъ парламентскихъ дѣятелей, и нѣкоторые изъ нихъ въ теченіе всей своей парламентской жизни постоянно навлекаютъ на себя призывы къ порядку. Впрочемъ дѣйствительно не легко изучить порядки англійскаго парламента или «Дома» (House), какъ его называютъ въ Англіи. Когда лордъ Пальмерстонъ, назначенный первымъ министромъ, сдѣлался «лидеромъ» парламента, то онъ тогда убѣдился, что совсѣмъ не знакомъ съ обычаями «Дома» и чтобы изучить ихъ, онъ не пропускалъ ни одного засѣданія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, отъ самаго начала до конца, и тщательно слѣдилъ за всѣми подробностями парламентской процедуры. Впрочемъ другого способа изучить обычаи «Дома» не существуетъ, такъ какъ правила «дома» нигдѣ не записаны, но тѣмъ не менѣе они обязательны для каждаго члена и нарушеніе ихъ немедленно навлекаетъ кару и строгое внушеніе со стороны «Спикера» (президента палаты общинъ) и всего «Дома». Англичане, несмотря на то, что представляютъ самую передовую націю въ мірѣ, въ высшей степени дорожатъ своими вѣковыми традиціями и обычаями старины, такъ что въ этомъ отношеніи Англія—страна всевозможныхъ противорѣчій и несообразностей. Въ англійскомъ парламентѣ это въ особенности бросается въ глаза, такъ какъ тамъ благоговѣйно соблюдаются правила, установленныя много вѣковъ назадъ. Очень любопытно наблюдать, какъ англичане строго соблюдаютъ весь декорумъ давно отжившихъ временъ и англійскій парламентъ—предшественникъ всѣхъ европейскихъ парламентовъ и послужившій для нихъ образцомъ, гордится своими старинными обычаями и традиціями, не допуская въ нихъ никакихъ измѣненій. Даже зала засѣданій, хотя она давно уже стала тѣсна и съ трудомъ вмѣщаетъ всѣхъ членовъ, остается все та же и сохраняетъ весь свой старинный декорумъ, хотя уже не мало вѣковъ пролетѣло съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ собрались представители англійскаго народа для совмѣстнаго обсужденія дѣлъ и вопросовъ, интересующихъ націю. Каждый, вступающій въ первый разъ въ англійскій парламентъ, невольно долженъ чувствовать, что тутъ господствуетъ духъ давно исчезнувшихъ поколѣній и какъ ни смѣшны теперь эти парламентскіе обычаи, отъ которыхъ такъ отзываетъ сѣдою

Digitized by Google

старинной, но тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ повѣствуютъ исторію парламентскаго могущества и его постепенный ростъ.

Каждая парламентская сессія непремѣнно начинается церемоніей, въ основѣ которой лежитъ историческое событіе. Въ 10 часовъ утра, въ день открытія парламента, начальники парламентской полиціи и отрядъ гвардейской стражи, въ средневѣковыхъ мундирахъ и вооруженный аллебардами, отправляется торжественно въ подвалы Вестминстерскаго дворца. Прошло уже больше трехъ вѣковъ, съ тѣхъ поръ какъ былъ открытъ пороховой заговоръ, но тѣмъ не менѣе ежегодно, передъ открытіемъ сессіи, осматриваются подвалы Вестминстерскаго дворца. Несмотря на то, что подвалы давно перестроены и что въ подвалахъ совершенно свѣтло, вся процессія отправляется съ фонарями въ рукахъ, такъ какъ въ старинномъ постановленіи, которое остается въ силѣ, сказано, что «каждый долженъ идти съ фонаремъ въ рукахъ», но такъ какъ въ постановленіи ничего не сказано о томъ, чтобы фонари были зажжены—вѣроятно это подразумѣвалось само собой—то, соблюдая въ точности постановленіе, парламентскій отрядъ запасается фонарями, но не зажигаетъ ихъ.

Пройдясь по подваламъ, процессія возвращается и докладываетъ Спикеру, что «тамъ, внизу, нѣтъ никакого заговорщика». Вслѣдъ за этимъ въ парламентъ собираются депутаты, министры, журналисты и проч. и тогда раздается возгласъ: «Way for the Speaker; Hats off strangers!» (Дорогу Спикеру! Шапки долой, посторонніе!) Но шапки снимаютъ не одни только посторонніе посѣтители, а и всѣ депутаты при появленіи Спикера. Спикеръ, впрочемъ, является не какъ простой смертный. Онъ олицетворяетъ собою могущество парламента, и поэтому его появленіе обставляется очень торжественно. Впереди идетъ такъ называемый «Sergeant at Arms» въ старинномъ придворномъ одѣяніи, при мечѣ, и несетъ на плечѣ вызолоченный скипетръ палаты общинъ, за нимъ слѣдуетъ Спикеръ въ огромномъ парикѣ, падающемъ на плечи, черныхъ, узкихъ, короткихъ панталонахъ, шелковыхъ чулкахъ, башмакахъ и бѣлыхъ кружевныхъ манжетахъ. На плечахъ у него накинута черная шелковая мантія, ниспадающая широкими складками, шлейфъ которой несутъ. За спикеромъ идетъ парламентскій священникъ, такъ какъ каждое засѣданіе начинается молитвой. Двери залы запираются, и никто изъ постороннихъ не впускается туда въ это время. Замѣчательно, что двѣ переднія скамьи, гдѣ засѣдаютъ бывшіе министры и офиціальные вожди оппозиціи, всегда бываютъ пусты во время молитвы; никто изъ этихъ господъ не является до начала засѣданія, но за то чаще всего на молитвѣ присутствуютъ представители крайней лѣвой, радикальной партіи и вообще большинство непримиримыхъ членовъ оппозиціи, въ то время какъ самые почетные представители консервативной партіи блещутъ своимъ отсутствіемъ. Ларчикъ впрочемъ открывается очень просто. Палата общинъ состоитъ изъ 670 членовъ, но не

Digitized by Google

больше половины депутатовъ могутъ найти въ ней мѣсто для сидѣнія и чтобы не было борьбы изъ за мѣстъ, то придуманы извѣстныя правила. Депутатъ, явившійся чтобы присутствовать на молитвѣ, получаетъ маленькій билетикъ со словами «At prayers» (на молитву) и подписываетъ подъ этими словами свою фамилію; затѣмъ онъ опускаетъ этотъ билетикъ въ нарочно устроенное для этого мѣсто на спинкѣ скамьи, тамъ гдѣ выбираетъ для себя мѣсто, и это мѣсто уже остается за нимъ на весь вечеръ засѣданія. Такимъ образомъ благочестіе въ палатѣ общинъ тотчасъ же получаетъ свою награду, и депутатъ, присутствовавшій на молитвѣ, можетъ съ комфортомъ слушать длинныя пренія. Поэтому то во времена особенно сильнаго парламентскаго оживленія, когда предвидятся большіе дебаты, среди депутатовъ возникаетъ настоящее состязаніе въ набожности и тогда огромное большинство ихъ является на молитву.

Важную роль въ парламентской жизни и обычаяхъ играетъ шляпа, какъ это ни кажется странно съ перваго взгляда. И шляпа вноситъ не мало оживленія въ парламентскую процедуру. Дѣло въ томъ, что согласно обычаю, имѣющему въ Англіи какъ всегда силу закона, члены парламента должны сидѣть въ шляпахъ во время засѣданія. Но лишь только депутатъ встаетъ, чтобы говорить, онъ немедленно снимаетъ свою шляпу и кладетъ ее сзади себя на сидѣніе. Не разъ случалось, что какой нибудь депутатъ, послѣ произнесенной имъ пылкой рѣчи, увлекшись, забываетъ, что шляпа лежитъ на сидѣніи и прямо садится на нее. Это ничтожное обстоятельство разрушало порою все впечатлѣніе и эффектъ, произведенный искусно составленною рѣчью. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ лондонскій депутатъ, только что вступившій въ парламентъ, усѣлся послѣ своей блестящей вступительной рѣчи (Maiden spuch) на свою новую шелковую шляпу, спеціально купленную имъ для этого торжественнаго случая. Когда, сконфуженный этимъ обстоятельствомъ, онъ вытащилъ измятую шляпу и положа ее на колѣни пробовалъ ее расправить, чтобы надѣть на голову, какъ того требовалъ обычай, то одинъ изъ его оппонентовъ, ирландскій депутатъ, поднялся со своего мѣста и сказалъ: «Мистеръ Спикеръ, позвольте мнѣ поздравить почтеннаго депутата съ тою счастливою случайностью, что его голова не была въ шляпѣ, когда онъ сѣлъ на нее». «Order! Order!» провозгласилъ Спикеръ, среди всеобщаго хохота и съ тѣхъ поръ бѣдный оплошавшій депутатъ сдѣлался извѣстенъ какъ «депутатъ, который сѣлъ на свою шляпу», и эта кличка оставалась за нимъ до тѣхъ поръ, пока подобный же случай не произошелъ съ другимъ депутатомъ.

Но члены Палаты не имѣютъ права надѣвать шляпу не только тогда, когда говорятъ рѣчь, но и тогда, когда они выходятъ изъ залы или проходятъ по ней. Иногда какой нибудь новичекъ, еще не освоившійся съ парламентскою жизнью, нарушаетъ нечаянно этотъ обычай, и

Digitized by Google

тогда вся палата призываетъ его къ порядку. Съ однимъ изъ депутатовъ недавно произошелъ такой казусъ, онъ не снялъ своей шляпы, выходя изъ залы. Послышались гнѣвные возгласы: «Hat! Hat!» (Шляпа! Шляпа!) Депутатъ растерялся, такъ какъ никакъ не могъ понять, къ чему относятся эти возгласы. Онъ сталъ осматривать и ощупывать себя, поглядѣлъ даже на носки своихъ сапогъ, но никакъ не могъ догадаться снять свою шляпу. Тогда какой то ирландскій депутатъ подошелъ къ нему, вѣжливо снялъ съ него шляпу и съ глубокимъ поклономъ подалъ ее сконфуженному депутату, среди всеобщаго громкаго хохота.

Однако депутаты не всегда снимаютъ шляпу, когда говорятъ рѣчь. Бываютъ случаи, когда депутатъ долженъ говорить не иначе какъ сидя и въ шляпѣ; это тогда, когда онъ желаетъ предложить, по окончаніи преній, формулу перехода къ дѣламъ. Какъ только заканчиваются пренія и приступаютъ къ голосованію, то раздается электрическій звонъ, созывающій всѣхъ депутатовъ въ залу. Звонъ этотъ одновременно раздается во всѣхъ покояхъ дворца, на террасахъ и въ помѣщеніи клуба св. Стефана, соединеннаго съ дворцомъ подземными ходами. Звонъ продолжается двѣ минуты и время измѣряется песочными часами. Какъ только срокъ миновалъ, двери залы затворяются, и вотъ въ это самое время депутатъ, желающій сдѣлать какой нибудь запросъ относительно перехода къ дѣламъ, долженъ говорить сидя и сохраняя свою шляпу на головѣ. Если онъ забудетъ объ этомъ и встанетъ, то немедленно со всѣхъ сторонъ палаты раздадутся негодующіе возгласы противъ такого нарушенія этикета. Даже старымъ парламентскимъ дѣятелямъ случается забывать объ этомъ, какъ это случилось съ Гладстономъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Бывшіе министры, занимающіе мѣсто на передней скамьѣ оппозиціи, обыкновенно не носятъ шляпъ, а Гладстонъ, въ особенности, придерживается этого обыкновенія, но когда онъ обращался съ вопросомъ къ Спикеру передъ началомъ голосованія, то всегда долженъ былъ надѣвать шляпу. Однажды онъ забылъ свою шляпу и чтобы имѣть право говорить ему пришлось взять шляпу одного изъ своихъ сосѣдей. Но голова Гладстона отличается небывалою величиной и онъ всегда долженъ спеціально заказывать для себя шляпу, между тѣмъ тотъ, у кого Гладстонъ взялъ шляпу, какъ нарочно имѣлъ маленькую голову и шляпа его приходилась Гладстону только на макушку головы, такъ что вся палата дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобы удержаться отъ смѣха при видѣ стараній Гладстона сохранить шляпу въ равновѣсіи на своей головѣ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, пока онъ дѣлалъ свои заявленія Спикеру палаты.

Палата общинъ собирается пять разъ въ недѣлю, и засѣданія начинаются въ 3 часа, за исключеніемъ среды, когда парламентъ открывается въ 12 часовъ. Для того чтобы засѣданіе было открыто, необходимо присутствіе 40 членовъ. Депутаты, явившіеся на молитву, и тѣ, которые

Digitized by Google

явились потомъ, не выпускаются изъ залы до тѣхъ поръ, пока не соберется необходимые 40 человѣкъ. Иногда имъ приходится такимъ образомъ высидѣть въ залѣ часа четыре, до положеннаго срока, когда, за неявкою нужнаго количества членовъ, засѣданіе откладывается.

Когда собралось требуемое количество членовъ, то засѣданіе открывается и продолжается непрерываясь до извѣстнаго часа, хотя бы всѣ члены ушли и въ залѣ остались только спикеръ да какой нибудь депутатъ произносящій рѣчь. Спикеръ не долженъ обращать вниманія на пустую залу, если только кто нибудь изъ депутатовъ не укажетъ ему на отсутствіе quorum'a. Обыкновенно желающій почему либо обратить вниманіе Спикера на это обстоятельство, встаетъ и говоритъ: «Мистеръ Спикеръ, обращаю ваше вниманіе на тотъ фактъ, что въ залѣ нѣтъ сорока членовъ», какъ только это сказано, то Спикеръ въ свою очередь поднимается со своего мѣста и произноситъ слѣдующую сакраментальную фразу: «замѣчено, что здѣсь нѣтъ сорока членовъ; посторонніе будутъ удалены». Затѣмъ онъ надавливаетъ пуговку электрическаго звонка, призывающаго депутатовъ въ залу и ждетъ двѣ минуты, по истеченіи которыхъ онъ беретъ въ руку свою черную трехъугольную шляпу и медленно считаетъ, дѣйствуя ею какъ указательнымъ перстомъ, число явившихся въ залу членовъ. Дойдя до 40, онъ громко выкрикиваетъ это число и затѣмъ садится на свое мѣсто и засѣданіе продолжается отъ того пункта, на которомъ оно было прервано замѣчаніемъ депутата. Если же не окажется 40 членовъ, то Спикеръ, не говоря ни слова, покидаетъ залу и засѣданіе откладывается.

Отсутствіе членовъ теперь не навлекаетъ на нихъ такихъ строгихъ выговоровъ, какъ въ прежнія времена, особенно въ XVIII вѣкѣ. Однажды Лордъ Соудсгемптонъ навлекъ на себя строгій выговоръ отъ Спикера Энслоу, такъ какъ явился въ палату слишкомъ поздно, чтобы составить quorum. Лордъ оправдывался тѣмъ, что онъ былъ дежурнымъ при королѣ. «Не говорите мнѣ о дежурствѣ, строго замѣтилъ ему Спикеръ; здѣсь ваше мѣсто и вашъ первый долгъ присутствовать здѣсь на преніяхъ». Смѣлыя слова, особенно если принять во вниманіе, что они были сказаны во времена Георга III.

Спикеръ можетъ оставить свое мѣсто, лишь послѣ того какъ онъ сосчиталъ число присутствующихъ членовъ и не оказалось сорока. Послѣ полночи, когда покончено съ вопросами, поставленными на очередь въ этотъ день, одинъ изъ Министровъ встаетъ и вноситъ предложеніе о закрытіи засѣданія. Пока не будетъ произнесена эта формула, Спикеръ не можетъ оставить своего мѣста. То же самое правило соблюдается и въ палатѣ лордовъ. Однажды Министръ забылъ произнести сакраментальную формулу и вышелъ изъ палаты вмѣстѣ съ прочими пэрами. Но Лордъ канцлеръ не могъ послѣдовать ихъ примѣру и остался сидѣть одинъ въ залѣ, на своемъ шерстяномъ мѣшкѣ, пока наконецъ въ залу не вошелъ одинъ изъ сторожей и понялъ въ чемъ дѣло, отправился и разыскалъ

Digitized by Google

одного изъ пэровъ и привелъ его обратно въ залу, чтобы онъ произнесъ форму, особождающую почтеннаго Лорда изъ его заключенія.

Прежде каждый изъ депутатовъ имѣлъ право потребовать удаленія постороннихъ изъ парламента; ему стоило только встать и заявить: «Мистеръ Спикеръ, я усматриваю постороннихъ» (Mr Speaker, Jespy Strangers) и тотчасъ же Спикеръ отдаетъ приказаніе, и галлереи очищаются отъ публики. Теперь такое заявленіе должно быть сдѣлано формальнымъ порядкомъ и даже, въ случаѣ нужды, подвергнется голосованію, послѣ того какъ однажды такимъ образомъ въ числѣ прочей, далеко не знатной публики, были удалены изъ парламента принцъ Уэльскій и многіе изъ представителей высшей аристократіи, собравшіеся въ этотъ день въ палату общинъ, такъ какъ обсуждалось предложеніе одного изъ членовъ, касающееся коннозаводства. Одинъ изъ хорошо извѣстныхъ ирландскихъ депутатовъ, замѣтивъ такую блестящую публику въ залѣ, гораздо больше интересующуюся лошадьми, нежели людьми и поэтому не посѣщающую обыкновенныя засѣданія, обратился къ Спикеру съ сакраментальной фразой, и Спикеръ долженъ былъ приказать освободить залу отъ постороннихъ.

Депутаты никогда не называютъ другъ друга по имени и всегда обращаются со словами: «Достопочтенный (Honourable) членъ такого то округа» или «высокопочтенный» (Right honourable), при обращеніи къ членамъ королевскаго совѣта, пэрамъ и т. п. Вообще въ парламентѣ не принято ни титуловать, ни называть по имени; послѣднее даже навлекаетъ строгій выговоръ на нарушителя этого обычая. Только Спикеръ одинъ имѣетъ право назвать по имени депутата и то лишь въ томъ случаѣ, если его призывы къ порядку не производятъ желаемаго дѣйствія. Тогда онъ называетъ по имени непокорнаго члена, и это такъ странно и непривычно звучитъ въ стѣнахъ парламента, что производитъ всегда даже болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ какое бы то ни было внушеніе самаго строгаго характера. Всякій членъ парламента, разъ онъ переступилъ порогъ залы засѣданія, какъ бы теряетъ свои личныя преимущества и качества и становится только представителемъ такого то избирательнаго округа. Быть можетъ въ этомъ обстоятельствѣ кроется отчасти причина того, что ни въ одной странѣ политическіе противники не относятся другъ къ другу съ такою вѣжливостью и вниманіемъ, какъ въ Англіи. Никогда въ парламентѣ никто изъ нихъ не позволитъ себѣ какой либо дерзкой или неприличной выходки, и, не называя другъ друга по имени, противники какъ бы показываютъ этимъ, что они видятъ другъ въ другѣ не то или иное лицо, а только представителя извѣстнаго избирательнаго большинства.

Что касается Спикера, къ которому также никогда не обращаются иначе какъ со словами «Мистеръ Спикеръ», каковъ бы ни былъ его титулъ внѣ стѣнъ парламента, то онъ, какъ только вступилъ на свой высокій постъ президента палаты, долженъ отказаться отъ всякой пар-

Digitized by Google

тійности, каковы бы ни были его политическіе взгляды прежде,—какъ только онъ сдѣлался Спикеромъ, онъ уже никогда ни при какихъ случаяхъ, даже у себя дома, не высказываетъ никакихъ политическихъ сужденій. Онъ уже принадлежитъ всему «Дому» (House), а не той или другой партіи и никогда не долженъ забывать этого. Предшествующій Спикеръ, Сэръ Уэльслей Пиль (Peel) былъ прежде членомъ либеральной партіи, до ея раскола, вызваннаго вопросомъ объ «Homerule'ѣ» въ Ирландіи и когда онъ сдѣлался Спикеромъ, то именно и начались самые жаркіе дебаты по Ирландскому вопросу. Но никогда никто не узналъ, какого былъ мнѣнія Пиль объ этомъ вопросѣ, который не могъ не интересовать его, какъ бывшаго члена либеральной партіи. Такъ и до сихъ поръ никто этого не знаетъ!

Каждый изъ членовъ Парламента, принадлежащій къ Министерской партіи, получаетъ съ утреннею почтой билетикъ съ приглашеніемъ явиться на засѣданіе, но онъ смотритъ лишь на то, сколько разъ подчеркнуты краснымъ карандашомъ эти слова, такъ какъ это указываетъ насколько необходимо его присутствіе. Обязанность разсылать эти извѣщенія лежитъ на старшемъ секретарѣ Государственнаго казначейства, котораго на парламентскомъ нарѣчіи называютъ «Whip» (погонщикъ). Обязанность «Whip»'а нелегкая; онъ долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы въ Парламентѣ, на случай важныхъ дебатовъ, всегда находилось правительственное большинство. У него есть два помощника, которые вмѣстѣ съ нимъ ведутъ списокъ всѣмъ, находящимся на лицо, членамъ палаты. Если «Whip» замѣтитъ, что партіи складываются неблагопріятно для Министерства, то онъ немедленно разсылаетъ во всѣ стороны посланныхъ, чтобы набрать нужное количество членовъ и вернуть равновѣсіе партій въ парламентѣ. Члены могутъ и не сидѣть въ залѣ, но лишь бы они находились въ зданіи Парламента; въ нужную минуту электрическій звонокъ призоветъ ихъ. «Whip» долженъ обладать большимъ тактомъ, настойчивостью и умѣньемъ убѣждать нерадивыхъ членовъ не пренебрегать своими обязанностями. Если какой нибудь изъ членовъ пожелаетъ совсѣмъ уйти изъ парламента, то ему придется вынести цѣлый перекрестный допросъ отъ «Whip»'а, который отпускаетъ его на волю лишь въ томъ случаѣ, если членъ сообщитъ ему свой подробный адресъ, гдѣ его можно найти въ случаѣ надобности и, главное, заявитъ ему, что «онъ въ палатѣ». Это означаетъ, что онъ сговорился съ какимъ нибудь членомъ противоположной партіи, который также уходитъ, такъ что они оба не будутъ принимать участія въ голосованіи и слѣдовательно ни та, ни другая партія не выиграетъ и не проиграетъ отъ ихъ ухода, и равновѣсіе не будетъ нарушено.

Членъ палаты общинъ никогда не можетъ сложить съ себя свои полномочія до распущенія парламента и новыхъ выборовъ. Только смерть, банкротство, сумасшествіе или же позорный поступокъ освобождаютъ его отъ парламентскихъ обязанностей. Впрочемъ, и назначеніе на

Digitized by Google

какую нибудь казенную должность также немедленно освобождаетъ его. Къ этому способу и прибѣгаютъ тѣ изъ членовъ, которые желаютъ освободиться отъ парламентскихъ полномочій и отвѣтственности. Такой депутатъ обращается къ Лорду-канцлеру, и тотъ назначаетъ его на одну изъ должностей, имѣющихся у него въ распоряженіи, напр. на должность смотрителя чальтернскихъ лѣсовъ и т. п. Всѣ такія должности представляютъ чистѣйшія фикціи, такъ какъ уже и лѣса давно исчезли, такъ же какъ и дикіе звѣри и разбойники, отъ которыхъ смотритель долженъ былъ охранять окрестныхъ жителей, но въ спискѣ государственныхъ должностей онѣ состоятъ по прежнему. Депутатъ, назначенный на такую должность, немедленно слагаетъ свои полномочія, но на другой же день послѣ избранія другого депутата на его мѣсто отказывается отъ своей обязанности смотрителя несуществующаго лѣса. И этотъ обычай, корни котораго надо искать въ далекомъ прошломъ, когда въ особенности заботились сохранить полную независимость членовъ парламента отъ короны, строго соблюдается и теперь, и ни одинъ изъ членовъ парламента не можетъ занимать казеннаго мѣста и получать отъ казны жалованье.

Когда послѣ полночи оканчиваются наконецъ парламентскія занятія, то въ корридорахъ Вестминстерскаго дворца раздается звонкій возгласъ: «Кто идетъ домой»? Никто не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, но онъ непремѣнно предлагается каждый вечеръ во время парламентской сессіи. Это также отголосокъ очень давнихъ временъ. Нѣкогда возвращеніе домой ночью изъ Вестминстерскаго дворца, стоящаго внѣ города, было сопряжено даже съ опасностями и депутаты отправлялись партіями въ сопровожденіи стражи. Но и теперь, когда во дворѣ ожидаютъ депутатовъ изящные экипажи, а на станціи подземной городской желѣзной дороги приготовлены спеціальные ночные поѣзда для возвращающихся депутатовъ, подъ сводами парламентскаго дворца, въ этомъ царствѣ вѣковыхъ традицій, неизмѣнно раздается возгласъ «Who goes home»? (Кто идетъ домой) и невольно вызываетъ воспоминаніе о давнопрошедшихъ временахъ и великой исторіи Англійскаго парламента.

Digitized by Google

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Вырожденіе» Франціи.

Вопросъ объ увеличеніи и уменьшеніи народонаселенія уже съ давняго времени составляетъ одну изъ важныхъ задачъ общественной науки. До появленія книги Мальтуса писатели вообще держались того мнѣнія, что приростъ населенія не обгоняетъ увеличенія средствъ къ существованію; Мальтусъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи, изданномъ ровно сто лѣтъ тому назадъ, какъ извѣстно, выступилъ представителемъ противоположнаго мнѣнія. Дарвинъ соглашается съ Мальтусомъ относительно его основного положенія, но замѣчаетъ, что приростъ населенія встрѣчаетъ много матеріальныхъ препятствій, какъ разрушительныхъ—бѣдность, болѣзни, войны и пр.,—такъ и предупредительныхъ—нравственное обузданіе и пороки; изъ этого Дарвинъ выводитъ ученіе о «борьбѣ за существованіе», которая въ свою очередь, приводитъ къ теоріи эволюціи. Въ примѣненіи къ житейской практикѣ эта теорія сводится къ принципу laissez faire: Дарвинъ порицаетъ всякія предупредительныя мѣры, направленныя къ ограниченію роста населенія, считая этотъ ростъ выгоднымъ для человѣческаго вида вообще и для каждаго народа въ отдѣльности. Спенсеръ, также признавая естественную тенденцію человѣческаго размноженія перегнать приростъ рессурсовъ, изучаетъ колебаніе размноженія для различныхъ видовъ человѣческой породы и доказываетъ, что эти колебанія находятся въ зависимости отъ «индивидуаціи», а именно, что коэффиціентъ размноженія обратно пропорціоналенъ качественному развитію отдѣльной личности. Это положеніе также приводитъ Спенсера къ заключенію laissez faire, но онъ дополняетъ этотъ принципъ другимъ: «индивидуализируйтесь», т. е. развивайте личность и такимъ путемъ вы получите возможность умѣрить ростъ населенія. Извѣстно, что развитіе личности составляетъ общественный идеалъ англійскаго философа, отрицающаго всякую государственную опеку.

Въ странахъ сравнительно новыхъ народонаселеніе возростаетъ въ весьма быстрой прогрессіи, наоборотъ, въ странахъ старой культуры и

Digitized by Google

болѣе утонченной и индивидуализированной цивилизаціи наблюдается постоянно усиливающееся стремленіе къ ограниченію роста населенія.

Въ особенности рѣзкія формы принимаетъ это стремленіе во Франціи, и французская печать, время отъ времени, постоянно возвращается къ вопросу о причинахъ и возможныхъ слѣдствіяхъ этого явленія. Опубликованныя въ прошломъ году статистическія данныя за 1895 г. показываютъ, что въ этомъ году число рожденій во Франціи составляло только 834,000, между тѣмъ какъ число смертей дошло до 852,000 т. е. было на 18 тысячъ больше. Такое превышеніе смертности надъ рождаемостью наблюдается во Франціи въ послѣднее время чуть не ежегодно; въ 1895 г. цифра рожденій оказалась наименьшею за 25-лѣтній періодъ, въ продолженіе котораго она колебалась около 900,000 въ годъ. Что касается смертности, то въ 1895 г. она страшно возрасла, превысивъ на цѣлыя 20000 цифру предшествовавшаго года, хотя все таки, оказалась меньше, чѣмъ въ періодъ 1890—93 г., когда во Франціи особенно свирѣпствовала инфлуэнца.

Выходитъ такимъ образомъ, что народонаселеніе Франціи уменьшается, примѣрно, тысячъ на двадцать въ годъ.

Есть ли это явленіе временное, или его слѣдуетъ считать постояннымъ? вотъ вопросъ, обсужденіемъ котораго дѣятельно занимается французская печать.

Большая часть статей, посвящаемыхъ этому предмету, приходятъ, къ неутѣшительному заключенію, что французамъ грозитъ постепенное вымираніе, если только не удастся значительно ослабить смертность, которая во Франціи гораздо сильнѣе, чѣмъ, напр., въ Англіи или Бельгіи. Что касается усиленія рождаемости, то, не смотря на всѣ старанія различныхъ филантропическихъ и національныхъ союзовъ, усердно проповѣдующихъ дѣторожденіе, какъ патріотическій долгъ каждаго гражданина, не смотря на проекты обложенія особымъ налогомъ холостыхъ и бездѣтныхъ людей,—дѣло это нисколько не подвигается впередъ. Очевидно,—если люди не хотятъ имѣть дѣтей, то никакими средствами ихъ къ этому принудить невозможно.

Въ чемъ же заключается причина этого уменьшенія рождаемости во Франціи?

Извѣстный экономистъ Поль Леруа-Болье, въ статьѣ, посвященной этому вопросу въ Journal des Debats, высказываетъ мнѣніе, что главнѣйшей причиной этого явленія слѣдуетъ признать демократическій характеръ современной цивилизаціи, который выражается въ постоянно возростающемъ общемъ стремленіи къ довольству и достатку, въ нежеланіи примиряться съ тягостями жизни, въ честолюбивомъ исканіи высшаго общественнаго положенія, достигнуть котораго можно только путемъ значительныхъ затратъ времени и труда. У всѣхъ народовъ, которые находятся подъ вліяніемъ подобныхъ стремленій, рождаемость постепенно и довольно быстро уменьшается. Это явленіе можно наблю-

Digitized by Google

дать и въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ Австраліи и Новой Зеландіи, въ Англіи, Бельгіи, Швейцаріи, въ государствахъ Скандинавскаго полуострова, словомъ,—повсюду, гдѣ народъ проникается современными демократическими идеалами.

Уменьшеніе рождаемости въ Соединенныхъ Штатахъ—фактъ несомнѣнный, подтверждаемый статистическими данными послѣдняго ценза, показавшаго, что процентъ рождаемости въ Штатахъ, въ общемъ, въ послѣдніе годы сильно понизился. Такъ же сильно съ каждымъ годомъ падаетъ онъ и въ Англіи: въ 1874—76 гг. тамъ насчитывали 34 или 35 рожденій на тысячу, а въ 1894—уже менѣе 30-ти. Сами англичане сознаются, что ихъ отечество «стремится къ постоянной цифрѣ населенія», хотя смертность въ Англіи очень слаба и значительно уступаетъ рождаемости. Ежегодные отчеты Registrar general констатируютъ какъ уменьшеніе процента рождаемости, такъ и уменьшеніе числа браковъ въ Англіи.

Одинъ изъ выдающихся англійскихъ экономистовъ, Маршаллъ, въ своемъ сочиненіи Economics of Industry указываетъ, что въ Англіи, среди наиболѣе способной и интеллигентной части рабочаго класса замѣчается, съ нѣкотораго времени, стремленіе избѣгать большихъ семей. Другіе писатели прибавляютъ, что уменьшеніе процента рожденій и числа браковъ совпадаетъ съ развитіемъ рабочихъ ассоціацій и tradés unions.

Бельгійская статистика также показываетъ значительное уменьшеніе процента рождаемости: съ 32—35 на тысячу въ періодъ 1830—40 гг. онъ упалъ теперь до 28. Аналогичное явленіе наблюдается также въ Швейцаріи, Голландіи и скандинавскихъ государствахъ. Австрія и Германія представляютъ, какъ будто, исключеніе изъ этого общаго правила,—но это потому, что тамъ современныя демократическія вліянія еще не успѣли глубоко проникнуть въ народъ. Въ Германіи,—въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ эти вліянія чувствуются всего сильнѣе, наблюдается и уменьшеніе числа рожденій: такъ, число это достигаетъ максимума въ восточныхъ провинціяхъ,—Познани, Пруссіи, Силезіи, гдѣ оно доходитъ до 43 на тысячу; за то въ герцогствѣ Баденскомъ оно составляетъ уже только 32,9, въ курфиршествѣ Гессенскомъ—32,5, въ Нассау—32, а въ Эльзасѣ—всего 30,4.

Но если такое уменьшеніе числа рожденій въ самомъ дѣлѣ находится въ связи съ развитіемъ демократическихъ идей—въ томъ смыслѣ, какъ объясняетъ Леруа Болье,—то никакіе налоги и штрафы за бездѣтность и никакія оффиціальныя поощренія многосемейности, очевидно, горю не помогутъ. Здѣсь, повидимому, мы имѣемъ дѣло просто съ естественнымъ закономъ, въ силу котораго развитіе потребностей вызываетъ обостреніе борьбы за существованіе и уменьшаетъ количество индивидовъ, могущихъ пользоваться жизнью. Чѣмъ въ прежнее время удовлетворялись тысячи, тѣмъ теперь не удовлетворяются и сотни. По-

Digitized by Google

нятно, что при такихъ условіяхъ ростъ населенія не можетъ увеличиваться; онъ или обращается въ нуль, или идетъ на убыль.

Леруа-Болье видитъ только два средства, которыя, по его мнѣнію, могли бы отдалить роковое для Франціи вырожденіе: усиленную заботу объ уменьшеніи смертности и открытіе широкаго доступа для натурализаціи иностранцевъ. Трудно, конечно, сказать, насколько эти мѣры практически осуществимы,—но, во всякомъ случаѣ, онѣ обѣщаютъ больше успѣха, чѣмъ всякіе сентиментальные проекты объ увеличеніи плодородія...

По мнѣнію Альфреда Фуллье, помѣстившаго недавно статью о томъ же насущномъ для Франціи вопросѣ въ Revue Bleue и обѣщающаго заняться имъ подробнѣе въ приготовляемой имъ книгѣ: «Психологія французскаго народа»,—причинъ явленія, о которомъ идетъ рѣчь, слѣдуетъ искать преимущественно въ области психологіи и физіологіи. Представители такъ называемаго «историческаго матеріализма», какъ извѣстно, не допускаютъ введенія психологическихъ и нравственныхъ элементовъ въ истолкованіе экономическихъ и соціальныхъ явленій, полагая, что эти понятія, какъ чисто «субъективныя», неприложимы къ «объективнымъ результатамъ» исторіи. Послѣдователи этой школы возстаютъ противъ тѣхъ «идеалистовъ, которые все еще продолжаютъ приписывать нравамъ, воспитанію и предразсудкамъ вліяніе на ходъ историческихъ событій и на складъ общественнаго механизма», между тѣмъ какъ движеніе народонаселенія должно быть объясняемо, будто бы, соображеніями исключительно экономическаго характера. Въ подтвержденіе этого мнѣнія указываютъ на то, что законъ народонаселенія не есть законъ постоянный и неизмѣнный, а напротивъ, подвергается весьма значительнымъ измѣненіямъ въ примѣненіи къ различнымъ классамъ общества и къ различнымъ экономическимъ условіямъ ихъ существованія. Это, разумѣется, справедливо: но вѣдь именно эти самыя «условія существованія» и вызываютъ извѣстнаго рода предусмотрительность, боязнь дѣторожденія, эгоизмъ или альтруизмъ, т. е. тѣ самыя *чувства*, которыми опредѣляются извѣстные *нравы* и которыя, по мнѣнію марксистовъ, не должны быть принимаемы во вниманіе при разсмотрѣніи историческихъ и соціальныхъ вопросовъ. Развѣ можно утверждать, что воля, какъ элементъ «субъективный», въ данномъ вопросѣ не имѣетъ никакого значенія, и что дѣти рождаются сами собою, безъ всякаго участія воли родителей, подъ вліяніемъ однихъ только «экономическихъ условій?»

Въ эпоху развитія въ той или иной странѣ мануфактурной промышленности, но еще не дошедшей до «машинизма», выгоды, получаемыя отъ лишняго числа рабочихъ рукъ, перевѣшиваютъ рискъ пауперизма среди рабочаго сословія; каждая семья считаетъ выгоднымъ развиваться потому что каждый лишній ребенокъ даетъ и лишній заработокъ. Это и было главною причиною значительнаго прироста населенія въ Англіи

Digitized by Google

въ «мануфактурный періодъ» съ 1840 по 1870 г., когда населеніе съ 30,2 на тысячу дошло до 36. Но это же обстоятельство лучше всего иллюстрируетъ вліяніе психологическихъ побужденій, безъ которыхъ экономическія условія не произвели бы такого дѣйствія. При развитіи мануфактурной промышленности, чѣмъ рабочая семья многочисленнѣе, тѣмъ больше у нея способовъ добывать достаточныя средства къ существованію,—и населеніе увеличивается, потому что отецъ не видитъ неудобства производить новыхъ дѣтей; но это—факторъ чисто психологическій, а не механическій. Затѣмъ наступаетъ періодъ «машинизма»: количество людей, занятыхъ ручнымъ трудомъ, быстро уменьшается, настаетъ безработица, въ мастерскихъ мужчины все больше и больше уступаютъ мѣсто женщинамъ, и въ результатѣ мы видимъ уменьшеніе рождаемости, увеличеніе смертности среди дѣтей, пониженіе роста населенія. А такъ какъ въ Англіи бѣдные классы населенія гораздо многочисленнѣе средняго и высшаго классовъ, обладающихъ извѣстнымъ достаткомъ, то отсюда и дѣлается выводъ, что уменьшеніе рождаемости въ бѣдной части народа, и спеціально—въ рабочемъ сословіи, вліяетъ на пониженіе роста населенія во всей Англіи вообще. Но Фуллье указываетъ, что именно богатые то классы, и въ особенности—среднее сословіе, гораздо больше заботятся объ уменьшеніи своей плодовитости, чѣмъ бѣдняки. Во Франціи собственно рабочій классъ, дѣйствующій «при машинахъ», далеко не такъ значителенъ, чтобы оказывать замѣтное вліяніе на общій ростъ населенія; уменьшенію этого роста всего болѣе содѣйствуютъ крестьяне и буржуа, стоящіе «далеко отъ машинъ»; такимъ образомъ, одною изъ главнѣйшихъ причинъ слабой рождаемости во Франціи слѣдуетъ признать не бѣдность, а благосостояніе. Часть населенія, достигшая извѣстной степени достатка, не желаетъ уменьшать своихъ рессурсовъ и подвергать своихъ дѣтей лишеніямъ, которыя очевидно, будутъ тѣмъ больше, чѣмъ больше будетъ число дѣтей. Такимъ образомъ и эгоизмъ и альтруизмъ въ данномъ случаѣ одинаково побуждаютъ къ воздержанію.

Къ этому надо еще прибавить недостатокъ нравственнаго воспитанія, развитіе скептицизма и совершенно отрицательныхъ вѣрованій, ведущихъ молодое поколѣніе къ нравственной распущенности,—свободу грязной печати и торговли спиртными напитками. Всѣ эти обстоятельства благопріятствуютъ развитію въ обществѣ разнаго рода пороковъ, которые часто являются физіологической причиной безплодія. Но главною, основною причиною воздержанія, все-таки, остается предусмотрительность, т. е. причина чисто психологическая. Возрастаніе потребностей, жизнь большихъ городовъ, обострившаяся конкурренція во всѣхъ областяхъ дѣятельности—все это заставляетъ опасаться появленія въ семьѣ большого количества дѣтей. Наконецъ, пониженіе процента, уменьшеніе доходности капитала также приводитъ къ ограниченію числа дѣтей. Деньги становятся дешевле, ихъ покупная сила уменьшается, а

Digitized by Google

потребности, между тѣмъ, возрастаютъ въ гораздо большей прогрессіи, чѣмъ возможность ихъ удовлетворенія; воинская повинность ведетъ къ болѣе позднему заключенію браковъ и, кромѣ того, отрываетъ молодыхъ людей отъ сельской жизни и бросаетъ ихъ въ города, гдѣ безплодіе роковымъ образомъ увеличивается... Таковы общія причины уменьшенія народонаселенія во всѣхъ странахъ, и особенно—во Франціи, причины, объясняемыя не столько такъ называемымъ физіологическимъ или этническимъ «вырожденіемъ», сколько совокупностью соціальныхъ и психологическихъ условій.

Но если уменьшеніе народонаселенія и не есть еще «вырожденіе», то въ концѣ концовъ, оно можетъ привести къ этому печальному результату. Въ этомъ и заключается, по мнѣнію Фуллье, величайшая опасность для Франціи.

Прежде всего, онъ обращаетъ вниманіе на международное значеніе этого положенія дѣлъ. «Въ настоящее время», говоритъ онъ, «мы переживаемъ послѣдствія нашихъ нравственныхъ и политическихъ ошибокъ: Франція, сдѣлавшись соучастницею несправедливостей двухъ Бонапартовъ, сама явилась виновницею уменьшенія своего политическаго могущества. Республика дала намъ границами Рейнъ и Альпы: цезаризмъ привелъ насъ къ утратѣ этихъ естественныхъ границъ. Послѣ первой имперіи Франція оказалась меньше, чѣмъ была во времена королей; вторая имперія своими пораженіями искалѣчила Францію, а своими побѣдами создала ей сильную соперницу въ лицѣ новой великой державы,—Италіи. Таковы были результаты 18 брюмера и 2 декабря».

«Но если нынѣшнее положеніе Франціи объясняется отчасти причинами политическими, то не менѣе, а пожалуй—еще и болѣе существенная его причина заключается въ недостаточности населенія. Около 1850 г. Франція и Германія—въ нынѣшнихъ границахъ—имѣли почти одинаковое число жителей; въ настоящее время Германія имѣетъ лишнихъ 15 милліоновъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе 45 лѣтъ Франція, по сравненію съ Германіей, девять разъ потеряла населеніе, равное населенію Эльзаса и Лотарингіи! Въ настоящее время Франція, занимая пространство почти равное Германіи и будучи богаче ея, была бы въ состояніи прокормить по крайней мѣрѣ столько же жителей; а между тѣмъ, въ послѣдніе три года въ Германіи рождается ежегодно 1.900.000 человѣкъ, а во Франціи—только 900,000; слѣдовательно, на каждаго родившагося француза приходится болѣе двухъ нѣмцевъ. Такимъ образомъ, «французы каждый день проигрываютъ по сраженію», какъ говорилъ Мольтке.

«Конечно, для прироста населенія Германіи есть извѣстный предѣлъ; но до этого предѣла она еще далеко не дошла. Италія также становится все болѣе и болѣе опасной для Франціи, потому что она почти вовсе не знаетъ двухъ самыхъ страшныхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ Франція,—систематическаго безплодія и алкоголизма...

Digitized by Google

«Всѣ эти успѣхи нашихъ сосѣдей должны служить для насъ предостереженіемъ. Удачный союзъ съ Россіей не долженъ ослѣплять насъ и поддерживать нашу апатію: если въ будущемъ мы сдѣлаемся, по сравненію съ Россіей и Германіей, маленькой націей, то кто же станетъ обращать на насъ вниманіе? Будетъ ли имѣть тогда какую-нибудь цѣну наша дружба, которой теперь ищутъ? Союзъ можетъ быть сколько-нибудь дѣйствительнымъ только до тѣхъ поръ, пока мы будемъ сильны, ибо никакое нравственное обязательство не можетъ заставить Россію жертвовать собой ради Франціи. Великая славянская нація, очень положительная въ своихъ стремленіяхъ, конечно, такъ же мало способна увлечься въ отношеніи къ намъ политикой чувства, какъ и Германія — въ отношеніи къ Греціи. Слѣдовательно, мы должны разсчитывать исключительно на самихъ себя. Съ достоинствомъ Франціи несогласно было бы, если бы она, въ одинъ прекрасный день оказалась вассаломъ какой бы то ни было иной націи...

«Всякая держава, въ которой, вслѣдствіе стеченія событій или дурного направленія народной воли, населеніе будетъ уменьшаться въ то время, когда населеніе сосѣднихъ странъ увеличивается, будетъ естественнымъ или искусственнымъ путемъ приведена къ тому самому положенію, въ какое историческая судьба поставила теперь Грецію. Вотъ чего намъ, французамъ, не слѣдуетъ забывать!»

Но, кромѣ этой внѣшней опасности, систематическое безплодіе развиваетъ внутри самой страны, такъ сказать, дарвинизмъ на изнанку,— формированіе населенія путемъ подбора типовъ низшихъ и слабѣйшихъ. Семьи, достигшія, благодаря своему труду и умственному превосходству, извѣстной степени благосостоянія, сами намѣренно исключаютъ себя изъ состава націи путемъ воздержанія отъ потомства; съ другой стороны, плодородіе остается почти исключительнымъ достояніемъ той части населенія, которая отличается своею непредусмотрительностью, необразованностью, лѣностью, пьянствомъ, однимъ словомъ—духовной и матеріальной нищетой. Отсюда-то преимущественно и пополняется убыль націи. Если бы по той же системѣ дѣйствовалъ скотоводъ, то развѣ онъ не дошелъ бы вскорѣ до «вырожденія» своихъ быковъ или лошадей?

Отъ количества населенія зависитъ не только матеріальное, но и умственное богатство страны, такъ какъ чѣмъ больше населенія, тѣмъ больше производительныхъ силъ какъ въ области труда физическаго, такъ и въ области труда умственнаго, художественнаго, литературнаго. Слѣдовательно, «вырожденіе» можетъ коснуться также и умственныхъ силъ Франціи. Злые языки, вродѣ Нордау, увѣряютъ даже, что оно уже и началось...

Указавъ на всѣ эти печальныя послѣдствія уменьшенія населенія Франціи, Фуллье переходитъ къ вопросу о тѣхъ средствахъ, съ помощью которыхъ можно было бы если не совсѣмъ остановить, то, по крайней мѣрѣ, хоть задержать этотъ разрушительный процессъ. По мнѣнію марк-

Digitized by Google

систовъ, всѣ средства, предлагаемыя для этой цѣли,—нравственныя, религіозныя, юридическія, финансовыя,—совершенно безсильны, потому что «все происходитъ въ области экономической». Конечно, говоритъ Фуллье, нельзя отрицать ни важности въ этомъ дѣлѣ капитала, ни полезности реформъ, особенно—на большихъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ торжество механической силы унижаетъ человѣка и дѣлаетъ его безплоднымъ,—ни необходимости принять дѣйствительныя мѣры противъ злоупотребленія фабричнымъ трудомъ дѣтей, молодыхъ дѣвушекъ и матерей; но, при всемъ томъ, вовсе нѣтъ необходимости опрокидывать весь общественный строй для того, чтобы постепенно поднять уровень прироста населенія. А ради этой цѣли не слѣдуетъ пренебрегать никакими средствами. Потому Фуллье разсматриваетъ, съ точки зрѣнія философа, психолога и моралиста, всѣ мѣры, какія только предлагались и предлагаются литературой для достиженія болѣе или менѣе благопріятныхъ результатовъ.

Первое положеніе, выставляемое сторонниками этихъ мѣръ, заключается въ томъ, что «каждый гражданинъ обязанъ содѣйствовать увеличенію населенія своего отечества, точно такъ же, какъ обязанъ и защищать отечество». Фуллье признаетъ это положеніе, въ смыслѣ нравственнаго долга, вполнѣ правильнымъ, но останавливается на вопросѣ о томъ, вытекаетъ ли изъ этой обязанности гражданина какое нибудь право для государства? Имѣя надобность въ войскѣ для своей защиты, государство вводитъ воинскую повинность и призываетъ всѣхъ родившихся мужчинъ къ обязательной военной службѣ по достиженіи ими извѣстнаго возраста; но государство не можетъ заставить гражданъ производить дѣтей. Потому остается только признать за государствомъ право на нѣкоторую пеню, на нѣкоторое возмѣщеніе убытковъ, наносимыхъ ему тѣми, кто—намѣренно или ненамѣренно — не принимаетъ участія въ увеличеніи народонаселенія. Этимъ соображеніемъ оправдывается болѣе высокій налогъ на бездѣтныхъ.

Второе положеніе состоитъ въ томъ, что «воспитаніе ребенка должно быть разсматриваемо какъ эквивалентъ платежу налога». Дѣйствительно, платить налогъ значитъ—нести извѣстную матеріальную повинность ради поддержанія или прогресса цѣлой націи; но именно такую повинность несетъ отецъ, воспитывая ребенка. А такъ какъ для поддержанія населенія страны на одномъ постоянномъ уровнѣ необходимо, чтобы въ каждой семьѣ было не менѣе трехъ дѣтей, то очевидно, что семья, не воспитывающая этого количества дѣтей, не несетъ минимума тѣхъ повинностей, которыхъ требуетъ отъ нея благосостояніе государства, и наоборотъ,—семья, воспитывающая болѣе трехъ дѣтей, несетъ лишнія тягости, которыя слѣдуетъ принимать въ расчетъ для справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія налоговъ. Въ настоящее же время выходитъ какъ разъ наоборотъ: люди, имѣющіе много дѣтей, вынуждены за все платить гораздо больше, чѣмъ люди бездѣтные. Потому Фуллье

Digitized by Google

рекомендуетъ преобразовать систему налоговъ въ смыслѣ извѣстной компенсаціи въ пользу семейныхъ людей, какъ это уже отчасти и практикуется въ Пруссіи, Саксоніи, Сербіи, Норвегіи, Швеціи и во многихъ швейцарскихъ кантонахъ.

Далѣе Фуллье настаиваетъ на необходимости различныхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью возможное уменьшеніе смертности, особенно—среди дѣтей, и облегченіи натурализаціи иностранцевъ. Въ отношеніи этихъ мѣропріятій онъ совершенно раздѣляетъ воззрѣнія Леруа-Болье. Свою статью онъ заключаетъ призывомъ всѣхъ членовъ общества къ энергической дѣятельности въ указанномъ направленіи, напоминая, что зло «стоитъ у дверей» и что необходимо, поэтому, какъ можно скорѣе и какъ можно активнѣе ему противодѣйствовать. Всю надежду онъ возлагаетъ на разумныя законодательныя мѣры, въ нравственное вліяніе которыхъ онъ твердо вѣруетъ...

Письма изъ провинціи.

Культурно-просвѣтительныя начинанія.

(Изъ г. Смоленска).

Не смотря на многія неблагопріятныя условія, въ провинціи въ послѣднее время замѣчается ростъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденій, имѣющихъ своей ближайшей задачей облегчить бѣднѣйшимъ слоямъ населенія доступъ къ первоначальному образованію. И во многихъ губернскихъ городахъ Россіи небольшія группы интеллигентныхъ людей добровольно и безвозмездно взяли на себя обязанность осуществить эту задачу путемъ созданія цѣлаго ряда культурно-просвѣтительныхъ учрежденій. При той инертности, при томъ индифферентизмѣ, которые уже издавна характеризуютъ собой отношенія большинства органовъ городского самоуправленія къ запросамъ населенія на образованіе, значенію частной иниціативы и участію общественнаго элемента въ дѣлѣ народнаго образованія принадлежитъ важная роль. Это общее положеніе хорошую иллюстрацію получаетъ въ лицѣ Смоленска.

Десять лѣтъ тому назадъ въ Смоленскѣ, кромѣ обычныхъ городамъ казенныхъ учебныхъ заведеній, не существовало ни одного просвѣтительнаго учрежденія, и безграмотная темная масса для удовлетворенія чувства любознательности имѣла въ своемъ распоряженіи кабакъ, трактиръ, балаганъ и т. п. россійско-образовательныя заведенія. Первымъ культурно-просвѣтительнымъ начинаніемъ въ Смоленскѣ явилась *женская воскрес-*

Digitized by Google

ная школа, существующая уже восемь лѣтъ. Школа содержится на частныя пожертвованія, никакихъ опредѣленныхъ суммъ нѣтъ, нѣтъ даже субсидіи отъ города или земства; сборъ суммы, необходимой для содержанія школы, всецѣло зависитъ отъ энергіи преподающихъ въ ней лицъ. Школа все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ сочувствіе со стороны населенія: въ первые годы ея существованія въ ней было учащихся *менѣе ста*, за два послѣднихъ года *около трехъ сотъ*. Въ первые годы приходъ выражался цифрой менѣе 100 руб., въ послѣдніе годы приходъ школы достигъ уже 500—600 руб. Сочувствіе къ школѣ видно и изъ слѣдующаго движенія, отмѣченнаго въ одномъ изъ отчетовъ школы: «среди окончившихъ городскія школы и не имѣющихъ средствъ дальше продолжать образованіе есть стремленіе къ своему развитію,—на это указываетъ то, что переставши посѣщать воскресную школу, онѣ продолжаютъ брать книги изъ библіотеки, а также и то, что послѣ перерыва на нѣсколько мѣсяцевъ или на годъ, онѣ снова поступаютъ въ нее». До послѣдняго времени воскресная школа посѣщается преимущественно дѣтьми школьнаго возраста. Такъ изъ таблицъ послѣдняго отчета видимъ, что изъ 286 учащихся 78,7% или $^4/_5$ всѣхъ учащихся были въ возрастѣ отъ 10 до 13 лѣтъ включительно. Такое преобладаніе въ воскресной школѣ дѣтей школьнаго возраста несомнѣнно указываетъ на недостатокъ ежедневныхъ школъ, а также и на отрицательные результаты отступленія отъ того основного принципа, по которому право и возможность получить первоначальное образованіе должны быть предоставлены каждому безплатно. Обращаясь къ отчетамъ воскресной школы за весь восьмилѣтній періодъ ея существованія, мы находимъ полное подтвержденіе высказанному нами предположенію: при поступленіи 10 и 11-ти-лѣтнихъ дѣвочекъ въ воскресную школу, на вопросъ—«почему дѣвочки не поступаютъ въ начальную школу», онѣ или ихъ родители отвѣчали: «не принимаютъ въ школы за недостаткомъ мѣста», или—«родители не въ состояніи платить 3—4 руб. въ годъ». Послѣднее объясненіе вполнѣ подтверждается составомъ ученицъ воскресной школы, среди котораго преобладающее мѣсто принадлежитъ дочерямъ мелкихъ ремесленниковъ, извозчиковъ, сторожей и т. п. Такимъ образомъ и въ Смоленскѣ нашлась группа интеллигентовъ, взявшихъ на себя выполненіе тѣхъ обязанностей, которыя и по духу, и по буквѣ городового положенія лежатъ на органахъ городского самоуправленія, но къ которымъ послѣдніе относятся далеко не съ должнымъ вниманіемъ. Мало этого,—смоленская городская управа не позаботилась даже о соотвѣтствующемъ помѣщеніи для воскресной школы: школа помѣщается въ зданіи одного изъ городскихъ училищъ; въ прежніе годы въ распоряженіе школы было предоставлено все зданіе училища, но въ послѣднее время школа имѣетъ возможность пользоваться только однимъ верхнимъ этажемъ. Сокращеніе помѣщенія, по словамъ отчета, крайне вредно отзывается на успѣхахъ занятій: въ каждой комнатѣ приходится заниматься 3—4 учительницамъ, ученицы развлекаются, прислушиваясь, что дѣлается въ сосѣд-

Digitized by Google

ней группѣ; въ классѣ происходитъ неизбѣжный гулъ, что заставляетъ учительницъ громко говорить,—отсюда излишнее утомленіе. Приходится встрѣчаться школѣ и съ другого рода терніями. Въ 1894—5 учеб. году школа попробовала было пользоваться волшебнымъ фонаремъ, но на слѣдующій годъ получила увѣдомленіе отъ мѣстнаго директора народныхъ училищъ, что волшебный фонарь *незаконное* учебное пособіе. Такъ и пришлось воскресной школѣ отказаться отъ объяснительнаго чтенія съ демонстраціей картинъ волшебнаго фонаря. Оказывается, что даже вопросъ о наглядныхъ пособіяхъ рѣшается по личному усмотрѣнію провинціальной школьной администраціи; въ результатѣ же получается хорошо извѣстная россійскому дѣятелю путаница: что законно въ Москвѣ или въ Нижнемъ, то считается школьной администраціей того же московскаго учебнаго округа незаконнымъ для Смоленска или Тулы.

Вторымъ культурно-просвѣтительнымъ начинаніемъ въ Смоленскѣ явились *воскресныя народныя чтенія*. Исторія ихъ возникновенія интересна и поучительна, а потому мы и остановимся на ней. Первыя народныя чтенія были устроены въ Смоленскѣ 16 лѣтъ тому назадъ, но организаторы ихъ, проработавъ всего лишь пять мѣсяцевъ, охладѣли къ этому дѣлу и бросили его, не позаботившись даже о пріисканіи замѣстителей. Такъ чтенія и погибли. Въ 1891 году группа учителей съ инспекторомъ реальнаго училища г. Никульцевымъ во главѣ организовала вновь народныя чтенія. Этой группѣ пришлось употребить массу энергіи, чтобы получить постоянное, притомъ болѣе или менѣе сносное помѣщеніе для чтеній; много труда было вложено и на сборъ средствъ, необходимыхъ для обезпеченія чтеній. На этотъ разъ чтенія не погибли и функціонируютъ и до настоящаго времени. Съ цѣлью сдѣлать чтенія болѣе доступными, цѣна на входъ понижалась нѣсколько разъ; высшая плата дошла, наконецъ, до 20 коп., а низшая, по которой отдавалось почти семь восьмыхъ мѣстъ,—спустилась до 3 коп. Не смотря на это, наплывъ публики былъ не великъ. Предполагая поэтому, что даже трехкопѣечный сборъ кажется обременительнымъ для публики изъ простого народа, организаторы чтеній рѣшили наконецъ оставить плату только для первыхъ пяти рядовъ, т. е. для 40 мѣстъ, а остальные ряды, заключающіе болѣе 200 мѣстъ, были предоставлены публикѣ безплатно. Первое время чтенія посѣщались преимущественно интеллигентной публикой, которую привлекала новизна дѣла, но мало по малу публика эта стала рѣдѣть, увидя, что самыя чтенія приноровлены къ развитію и знаніямъ простого народа; стала появляться «сѣрая» публика, количество которой дѣлается на чтеніяхъ все болѣе и болѣе значительнымъ; очень охотно посѣщаютъ чтенія учащіеся городскихъ школъ. Не смотря на энергію участниковъ этихъ чтеній, не смотря, наконецъ, на самый успѣхъ чтеній, положеніе ихъ весьма шатко, а будущее—неопредѣленно. Но въ этомъ нельзя винить ни организаторовъ, ни участниковъ. Дѣло въ томъ, что устройство чтеній не

Digitized by Google

имѣетъ до сихъ поръ правильной организаціи. Чтенія разрѣшены лично г. Никульцеву. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ участники, изъ которыхъ большинство являются учителями правительственныхъ учебныхъ заведеній, возбудили ходатайство о разрѣшеніи организовать въ Смоленскѣ комиссію по устройству народныхъ чтеній, но прошли цѣлые годы, а отвѣта на ходатайство нѣтъ какъ нѣтъ. Между тѣмъ каждому вполнѣ понятно, что безъ организаціи невозможны ни прочное существованіе этихъ чтеній, ни развитіе ихъ, ни болѣе или менѣе гарантированное будущее. Семилѣтній опытъ народныхъ чтеній въ Смоленскѣ достаточно опредѣленно показалъ, какимъ тормазомъ въ дѣлѣ распространенія знаній среди народныхъ массъ путемъ чтеній являются нѣкоторые пункты правилъ о народныхъ чтеніяхъ. Судя по отчетамъ, всего меньше бываетъ посѣтителей на естественно-историческихъ и физико-географическихъ чтеніяхъ. Это печальное явленіе устроители чтеній объясняютъ тѣмъ, что для изложенія свѣдѣній по этимъ отраслямъ одного чтенія по книгѣ недостаточно,—необходимо присоединить еще и «непринужденное живое слово». Даже религіозно-историческія чтенія не могутъ достигнуть надлежащей высоты; «почти всѣ чтенія изложены сухо», а между тѣмъ отступленія отъ текста, по существующимъ правиламъ, не дозволяются. «Между литературными произведеніями», отмѣчаютъ устроители чтеній въ отчетѣ за послѣдній годъ, «нельзя набрать большого числа пригодныхъ для прочтенія вслухъ: многія изъ нихъ слишкомъ велики и теряютъ свои достоинства въ сокращеніи, многія не иллюстрированы, многія не могутъ быть предложены для народныхъ чтеній по ихъ сюжетамъ, многія не разрѣшены. *Все это неблагопріятно отзывается на веденіи чтеній и препятствуетъ имъ пріобрѣсти то значеніе, какое они могли бы имѣть*».

Однимъ изъ позднѣйшихъ культурныхъ начинаній въ Смоленскѣ явилось открытіе *общедоступной задънѣпровской библіотеки*, находящейся въ центрѣ кварталовъ, населенныхъ городской бѣднотой. Общедоступная библіотека открыта 8 декабря 1896 года. И она явилась результатомъ частной иниціативы, результатомъ участія общественнаго элемента въ дѣлѣ просвѣщенія народныхъ массъ. То прочное положеніе, которое заняла библіотека послѣ перваго же года своего существованія, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, сколько энергіи можетъ проявить сравнительно небольшая группа истинно-просвѣщенныхъ людей, одушевленныхъ желаніемъ вступить въ упорную борьбу съ мракомъ и темнотой. Библіотека имѣетъ свой уставъ. По уставу дѣлами библіотеки завѣдуютъ члены ея сотрудницы, затѣмъ библіотечный комитетъ, составляющійся изъ членовъ библіотеки, по выбору собранія, и непремѣнныхъ членовъ—директора классической гимназіи и ректора духовной семинаріи. Плата за чтеніе книгъ съ правомъ брать ихъ на домъ такова: 1 р., 1. 50 к. и 2 руб. въ годъ за одну, двѣ и три книги; мѣсячная плата—15 к., 25 к. и 35 к. Подписчики пользуются безплатно читальней, но посторонніе пла-

Digitized by Google

тятъ за посѣщеніе читальни по 1 коп. Въ теченіе перваго года своего существованія библіотека имѣла 1,006 подписчиковъ (656 муж. и 350 женщ.). Подписчиковъ на 1 книгу было 722 чел. (69%), на 2 книги—212 чел. (21%) и на 3 книги 72 чел. (7%). Главную массу подписчиковъ составляли подростки и дѣти—40%, приказчики и купцы—10%, служащіе въ разныхъ учрежденіяхъ—9%, рабочіе, прислуга, учителя и учительницы, врачи и фельдшера по 6%. Посѣщавшихъ читальню было maximum въ мартѣ—113 чел. среднимъ числомъ въ день и minimum въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ по 9—12 чел. среднимъ числомъ въ день. Къ концу перваго же года своего существованія библіотека состояла изъ 2,833 томовъ книгъ и 670 томовъ старыхъ журналовъ. Приходъ денежныхъ суммъ выразился 3,116 руб. Всѣхъ членовъ библіотеки было 192.

Общедоступная заднѣпровская библіотека свою культурно-просвѣтительную дѣятельность не ограничила предоставленіемъ возможности пользоваться бѣднымъ жителямъ Смоленска книгами: въ лицѣ своихъ сотрудницъ и комитета она явилась единственнымъ въ городѣ учрежденіемъ, сдѣлавшимъ попытку дать народу рядъ разумныхъ развлеченій. Стремясь увеличить свои средства, библіотека остановилась на мысли организовать рядъ *общедоступныхъ вечеровъ*, какъ на одномъ изъ источниковъ пополненія библіотечной кассы. Къ сожалѣнію, программа общедоступныхъ вечеровъ пока ограничена музыкально-вокальной частью. Вечера начались въ сентябрѣ 1897 года; программа ихъ заключалась въ пѣніи солистовъ, солистокъ и хора и игрѣ на инструментахъ. Всѣ исполнители мѣстные жители, принявшіе участіе въ общедоступныхъ вечерахъ совершенно безплатно. Общедоступные музыкально-вокальные вечера съ перваго же раза стали привлекать массу публики. Вначалѣ преобладала такъ называемая «чистая» публика, но затѣмъ она постепенно вытѣснялась рабочимъ людомъ: мастеровыми, ремесленниками, мелкими приказчиками, прислугой и т. п. Не смотря на низкую плату (отъ 5 коп. до 1 руб.), первые же восемь вечеровъ дали чистой прибыли въ среднемъ по 35—40 руб. при безплатномъ помѣщеніи. Въ настоящее время комитетомъ библіотеки возбуждено ходатайство о расширеніи программы вечеровъ внесеніемъ въ нее литературнаго отдѣла. Если это ходатайство будетъ уважено, общедоступные вечера привлекутъ еще больше рабочаго люда.

Группа интеллигентныхъ смолянъ, отнесясь съ такимъ сочувствіемъ къ умственнымъ запросамъ народа, не могла не остановиться на томъ тяжеломъ положеніи, въ которое поставлены непосредственные работники по просвѣщенію народа, и съ 1896 года возникаетъ въ Смоленскѣ мысль объ организаціи *общества взаимовспомоществованія учителямъ и учительницамъ*. Въ декабрѣ 1896 года было созвано первое учредительное собраніе, на которомъ постановлено ходатайствовать о разрѣшеніи открыть общество по Нижегородскому уставу. Въ декабрѣ 1897 года былъ полученъ отъ министерства народнаго просвѣщенія отвѣтъ: министерство высказалось противъ нижегородскаго устава и предложило свой

Digitized by Google

«нормальный» уставъ, выработанный для обществъ взаимопомощи учителямъ и учительницамъ. Этимъ уставомъ, какъ извѣстно, не предусматривается попытка придти на помощь умственнымъ и духовнымъ запросамъ учительскаго персонала; кромѣ того даже оказываніе матеріальной помощи ограничено выдачей пособій съ воспрещеніемъ выдавать ссуды. Въ заключеніе своего отвѣта министерство предложило точно указать, какіе именно учителя и учительницы будутъ считаться дѣйствительными членами общества, мотивируя это тѣмъ, что «дѣятельность нѣкоторыхъ учителей трудно контролировать». 20 января нынѣшняго года было вновь созвано учредительное собраніе, которому, во избѣжаніе новыхъ проволочекъ, пришлось принять «нормальный» уставъ. На предложеніе же министерства народнаго просвѣщенія указать опредѣленно, кто можетъ считаться дѣйствительнымъ членомъ общества, собраніе отвѣтило: учителя и учительницы среднихъ, низшихъ и народныхъ училищъ Смоленской губерніи.

Всѣ указанныя нами культурно-просвѣтительныя учрежденія, какъ уже мы говорили, созданы частными лицами, на частныя средства, безъ какой бы то ни было помощи со стороны правительственныхъ органовъ. Наоборотъ, небольшой группѣ общественныхъ дѣятелей приходилось встрѣчаться съ различнаго рода преградами, нежелательными осложненіями и препятствіями.

Изъ оффиціальныхъ учрежденій проявилъ стремленія къ культурно-просвѣтительной дѣятельности пока только уѣздный Смоленскій комитетъ попечительства о народной трезвости. Комитетомъ разработанъ вопросъ объ устройствѣ въ Смоленскѣ *зданія народныхъ развлеченій*—театра, аудиторіи, чайной, библіотеки и т. п.; проектъ въ недалекомъ будущемъ долженъ осуществиться. Здѣсь интересно будетъ отмѣтить отношеніе городскаго головы Н. П. Возненко къ вопросу о постройкѣ зданія для народныхъ развлеченій. Въ Смоленскѣ городскаго театра нѣтъ, и голова хотѣлъ воспользоваться мыслью комитета: онъ много и долго говорилъ на засѣданіи о вредѣ обособлять народъ отъ другихъ общественныхъ классовъ, и въ результатѣ предложилъ построить сообща такой театръ: народъ въ него будутъ пускать два раза въ недѣлю, но не на всѣ мѣста (партеръ и ложи въ въ это время должны быть закрыты особыми чехлами); въ подвальномъ этажѣ театра (на 2 слишкомъ аршина ниже земли) голова рекомендовалъ помѣстить чайную и библіотеку. Въ случаѣ несогласія съ его планомъ голова грозилъ не дать мѣста подъ зданіе народныхъ развлеченій въ удобной и подходящей части города. Однако комитетъ отъ такого «объединенія» отказался и постановилъ устроить особое зданіе для народнаго театра и образовательныхъ учрежденій.

Вотъ тѣ культурно-просвѣтительныя начинанія, которыми Смоленскъ обязанъ сравнительно весьма небольшой группѣ истинно интеллигентныхъ людей.

Н. А. Скворцовъ.

Digitized by Google

Изъ Тамбова.

Странные порядки въ просвѣтительномъ обществѣ.

У дѣйствующаго въ предѣлахъ Тамбовской губ. «Общества по устройству народныхъ чтеній, библіотекъ и читаленъ» въ числѣ прочихъ функцій занимаетъ видное мѣсто устройство публичныхъ библіотекъ при сельскихъ школахъ. Хотя дѣятельность эта началась сравнительно не особенно давно: съ 1894—95 г., но результаты ея уже и теперь съ количественной стороны довольно значительны. Причинъ этому три: 1) вообще пробужденіе умственныхъ интересовъ, наблюдающееся за послѣдніе годы въ Тамб. губерніи, какъ въ самомъ народѣ, такъ и среди «культурныхъ одиночекъ» изъ интеллигенціи, 2) симпатичное отношеніе къ дѣлу внѣшкольнаго образованія народа мѣстныхъ земствъ и 3) богатство самого «общества нар. чтеній», прогрессивное развитіе дѣятельности котораго обезпечено громаднымъ пожертвованнымъ капиталомъ въ 250 тыс. руб. Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ средствъ, затраченныхъ въ разные годы на устройство публичныхъ библіотекъ при школахъ.

	189⁴/₅ г.	189⁵/₆ г.	189⁶/₇ г.	Всего.	%
Отъ частн. лицъ . . .	473 р.	455 р.	1672 р.	5535	23%
» сельск. об—въ . .	1795 —	1150 —			
» уѣздн. земствъ . .	1700 —	2230 —	2330 —	6260	26½
» губ. земства . . .	1200 —	2400 —	2400 —	6000	25½
» об—ва нар. чт.	1992 —	1815 —	2079 —	5886	25
Итого. .	7160 р.	8040 р.	8481 р.	23681	100%

Итакъ, всего разослано библіотекъ за три года болѣе чѣмъ на 23½ тыс. руб. Общее число ихъ 382, въ среднемъ каждая по 72 р. Наибольшее количество библіотекъ стоимостью въ 50 р. (275 или 72%), затѣмъ въ 60—90 р. (70 или 18%), затѣмъ въ 100 р. (16 или 4%), затѣмъ въ 120—190 р. (11 или 3%), затѣмъ въ 200—360 р. (6 или немного болѣе 1½%) и, наконецъ, въ 25 р. (4 или немного болѣе 1%). Первое мѣсто по числу библіотекъ принадлежитъ Моршанскому у., 2-е—Тамбовскому, 3-е—Кирсановскому, 4-е—Козловскому и Борисоглѣбскому; послѣднее—Елатомскому, два предпослѣднихъ—Спасскому и Темниковскому.

Такова количественная сторона дѣла. Обратимся къ качественной. Кто завѣдуетъ подборомъ книгъ въ эти библіотеки? Номинально—особая «редакціонная коммиссія», состоящая при обществѣ. На стр. 34 отчета Об—ва за 1894—95 г. мы читаемъ: «по мысли Правленія книжный складъ Об—ва не долженъ носить характера обыкновенной книжной лавки, въ немъ должны находиться только книги, разсмотрѣнныя и одобренныя для народнаго чтенія, а такъ какъ опытъ показываетъ, что на чужое мнѣніе, какъ бы оно ни казалось компетентнымъ, поло-

Digitized by Google

житься нельзя,—то... «въ томъ же собраніи образовалась комиссія изъ 19 членовъ «для разбора брошюръ».

Далеко уступая и въ численности, и въ компетентности аналогичнымъ комиссіямъ при Спб. и Московскомъ Ком. Грам., при Харьковскомъ Об—вѣ распр. грам., или комиссіи, работающей надъ книгою «Что читать народу» (третій томъ которой скоро выйдетъ въ свѣтъ) наша комиссія однако съ самаго начала смѣло рѣшила передѣлать съизнова всю ихъ работу, совершенно не считаясь съ ихъ трудами. Скромнѣе и благоразумнѣе было бы, конечно, отмежевать себѣ болѣе тѣсный уголокъ — напр., разсмотрѣть тѣ брошюры, которыя остались неразсмотрѣнными этими комиссіями, и въ особенности тѣ, которыя вновь разрѣшаются для библіотекъ и читаленъ опредѣленіями Ученаго Комитета М. Н. П., публикуемыми ежемѣсячно въ Журналѣ Министерства. Вмѣсто этого наша слабая и малочисленная комиссія взвалила на себя цѣлую гору труда и, придавленная ея тяжестью, проявляла признаки жизни лишь какимъ то слабымъ барахтаньемъ подъ своею непосильною ношей. Лишь по истеченіи трехъ лѣтъ ея существованія изъ разсмотрѣнныхъ ею книгъ можно было составить что-то вродѣ нормальнаго каталога библіотечки цѣною въ 50 р., тогда какъ въ это время 25—30 % библіотекъ составлено было на значительно большую сумму, а нѣкоторыя были даже цѣною отъ 200 до 360 р.

Между тѣмъ редакціонная комиссія по мысли ея основателей должна была не только руководить составленіемъ библіотекъ при сельскихъ школахъ, но и вообще пріобрѣтеніемъ книгъ въ складъ. На стр. 7 отчета за 94—95 г. мы читаемъ, что рѣшеніе этого вопроса «Правленіе считало невозможнымъ взять на себя, въ виду чрезвычайной сложности и трудности этого дѣла». Эта трудность и сложность еще увеличились впослѣдствіи, когда книжный складъ началъ вообще торговать народными изданіями и снабжать ими цѣлый рядъ филіальныхъ отдѣленій для торговли книгами. Тогда какъ покупка книгъ для публичныхъ библіотекъ стѣснена узкими рамками министерскаго каталога, для книжной торговли не существуетъ такихъ рамокъ. И что же оказывается? Редакціонная комиссія общества не только не руководитъ книжнымъ складомъ, а сама находится въ полной отъ него зависимости: она разбираетъ тѣ книги, которыя случайно ей присылаютъ изъ книжнаго склада. Правленіе давно уже отказалось отъ руководства подборомъ книгъ «въ виду чрезвычайной сложности и трудности этого дѣла». Но кто же считаетъ себя достаточно компетентнымъ, чтобы держать въ своихъ рукахъ непосильное для правленія, да, очевидно, и для редакціонной комиссіи? Просто завѣдующій книжнымъ складомъ, который никому не отдаетъ отчета въ характерѣ этого завѣдыванія, и за дѣйствія котораго несетъ потомъ нравственную отвѣтственность все общество.

Въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ въ мѣстной газетѣ нерѣдко появлялись жалобы на неудовлетворительное положеніе книжнаго склада.

Digitized by Google

Указывалось, что въ немъ почти никогда нѣтъ книжныхъ новинокъ; да и изъ старой литературы постоянно не хватаетъ многихъ лучшихъ изданій; что онъ почему то подвергаетъ самому строгому остракизму народные расказы такихъ писателей, какъ Г. Успенскій, Н. Златовратскій и Л. Толстой; что онъ точно задался цѣлью отбивать покупателей у склада епархіальнаго, Казанско-Богородичнаго Миссіонерскаго Братства; что на конкуренцію съ ними у склада есть деньги, а скудость многими изданіями лучшихъ нар. фирмъ оправдывается постоянно недостаткомъ денежныхъ средствъ. Вообще высказывались предположенія, что въ складѣ накопилось порядочно всякой завали. Вѣрны или невѣрны были эти нареканія, справедливы или несправедливы, сказать было трудно, такъ какъ ревизіонная комиссія общества ни разу не входила въ разсмотрѣніе положенія дѣлъ въ книжномъ складѣ съ этой точки зрѣнія.

Похоже было однако на то, что въ нареканіяхъ заключалась порядочная доля правды. Повидимому, жалобы на книжный складъ повели къ тому, что его стали освобождать отъ завали, сваливая ее въ народныя библіотеки. По крайней мѣрѣ, спустя нѣкоторое время вмѣсто жалобъ на скудость склада начинаются жалобы на неудовлетворительный составъ присылаемыхъ библіотекъ. Оказалось, что туда двинулись такія вещи, какъ «Россіада» Хераскова, «Душенька» Богдановича, сатиры Кантеміра, Пѣсни о Роландѣ, Слово о полку Игоревѣ, лѣтопись Нестора, избранныя сочиненія Ломоносова, Державина, Екатерины II, Иліада Гомера, сочиненія Марлинскаго и т. п. произведенія. Однако, не во вкусѣ правленія было сознаваться въ какихъ бы то ни было промахахъ—и вотъ, на скорую руку фабрикуется цѣлая теорія для оправданія его дѣйствій. На стр. 36 отчета Общества за 1896—97 г. мы встрѣчаемся со смѣлою гипотезой, что «народъ въ развитіи своего литературнаго вкуса долженъ пройти тѣ же стадіи, которыя прошло и русское общество XVIII—XIX столѣтій». Это напоминаетъ того анекдотическаго схоластика-педагога, который пробовалъ ребенка пріобщать къ человѣческой культурѣ въ исторической послѣдовательности, начиная съ вѣка каменныхъ орудій, звѣриныхъ шкуръ и ѣды сырого мяса и зелени, и въ результатѣ не добился ничего, кромѣ разстройства желудка у бѣднаго объекта своего интереснаго «опыта». Правленіе общества народныхъ чтеній также оправдывалось тѣмъ, что ему просто «пришлось сдѣлать опытъ и въ этомъ направленіи» (ibid.) Да и какъ же было не предпринять его, когда у правленія вездѣ и во всемъ—опытъ, опытъ и опытъ, когда оно во всемъ только и умудряется опытомъ: напр., ему «опытъ перваго года показалъ, что произведенія нашихъ новѣйшихъ писателей мало понятны народу» (стр. 44 того же отчета). Вполнѣ естественно было избрать другое направленіе «опыта» и провѣрить имъ новое предположеніе, «что народу, воспитанному на часословѣ и на чтеніи церковно-славянскихъ Четьихъ Миней, будутъ

Digitized by Google

ближе и понятнѣе писатели прошлаго столѣтія, которыхъ слогъ ближе къ строю церковно-славянской рѣчи, а нѣкоторая напыщенность въ выраженіяхъ, восхищавшая ихъ современниковъ, придется по вкусу народу». (Тамъ же.) Suum cuique, по Сенькѣ и шапка...

Характерно то, что когда литературно-педагогическая философія правленія въ засѣданіи членовъ общества встрѣтила оппозицію и была подвергнута уничтожающей критикѣ, вопросъ этотъ все таки замяли и соотвѣтственныя замѣчанія объявили придирками къ стилистикѣ отчета. Нѣкоторые члены требовали строгой отчетности по разсылкѣ библіотекъ, но и эти требованія остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

А между тѣмъ еще въ 1894 году мѣстная газета усиленно требовала приложенія къ отчету списковъ названій книгъ, вошедшихъ въ составленныя обществомъ библіотеки; позднѣе, въ засѣданіи 4 дек. 1895 г., по предложенію С. А. Строгонова, общее собраніе постановило: «печатать списки книгъ, вошедшихъ въ народныя библіотеки, если постановленіе тамбовскаго губернскаго земскаго собранія разрѣшитъ безплатное печатаніе въ своей типографіи». Постановленіе это впослѣдствіи отмѣнено не было, и, стало быть, должно бы считаться обязательнымъ для правленія, если бы оно уважало волю общаго собранія. Этого мало. Въ осеннюю сессію 1897 г. Тамбовское уѣздное земское собраніе постановило просить общество нар. чт. сообщать ему списки книгъ, разсылаемыхъ въ библіотеки уѣзда. Еще ранѣе, въ декабрьской сессіи 1896 г., губернское собраніе, по предложенію Козловскаго предв. дворянства Ю. А.Ознобишина, постановило просить общество нар. чтеній печатать списки книгъ, вошедшихъ въ библіотеки, безплатно въ земской типографіи, гдѣ ему уже около года разрѣшено безплатное печатаніе всѣхъ отчетовъ. Но ничто не могло исторгнуть у правленія согласія на это, и составъ библіотекъ продолжалъ оставаться тайною между небомъ и завѣдующимъ книжнымъ складомъ М. Т. По повымъ.

Вмѣсто списковъ книгъ, вошедшихъ въ библіотеки, въ отчетѣ общества былъ опубликованъ какой то предположительный, проблематическій списокъ, въ которомъ, между прочимъ, не значилось громаднаго большинства книгъ, вызывавшихъ жалобы. Конечно, такой суррогатъ отчетности никого удовлетворить не могъ. Губернское земство потеряло терпѣніе, и тотъ же козловскій гл. Знобишинъ предложилъ вновь потребовать отчетности отъ правленія об—ва нар. чт., не исполнившаго просьбы земскаго собранія, такъ какъ «приблизительный» каталогъ книгъ, повидиму, часто расходится съ дѣйствительнымъ, не всегда доброкачественнымъ. Поддерживали его гласные и др. уѣздовъ — усманскаго г. Шингаревъ и тамбовскаго г. Комсинъ, но съ особенно рѣзкимъ осужденіемъ отнесся къ дѣйствіямъ «Общества» предсѣдатель борисоглѣбской уѣздной земской управы В. В. Измайловъ. «По своей должности — говорилъ послѣдній — я успѣлъ ознакомиться съ этой стороной

Digitized by Google

дѣятельности «Об—ва нар. чт.» на практикѣ. Въ теченіи двухъ слишкомъ лѣтъ чрезъ меня разослано было об—вомъ по нашему уѣзду 38 библіотекъ, каталоги которыхъ находятся при дѣлахъ управы. Подборъ книгъ въ этихъ библіотекахъ крайне плохъ и это, очевидно, не что-то такое случайное: нѣтъ, подборъ книгъ преднамѣренный, видна опредѣленная тенденція: многія лучшія произведенія исключаются, а набираются главнымъ образомъ книги въ узко морализирующемъ духѣ. Я довольно хорошо знакомъ съ народной литературой и могу сказать, что подборъ книгъ прямо таки никуда не годится! Объясняется все это, повидимому, тѣмъ, что до самаго послѣдняго времени все дѣло было сосредоточено въ рукахъ очень узкаго и тѣсно сплоченнаго кружка нашихъ оффиціальныхъ педагоговъ, очевидно, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о народѣ, его запросахъ и условіяхъ жизни... Помилуйте, въ этой самой редакціонной комиссіи возможны такіе эпизоды, какъ признаніе всѣхъ разказовъ Л. Толстого вредными, а одинъ изъ членовъ общества нар. чт. проповѣдывалъ даже, что Крыловъ — вредный писатель, а басня «Листы и Корни» возбуждаетъ раздоръ сословій... Между тѣмъ ежегодная разсылка въ села болѣе сотни библіотекъ составляетъ въ рукахъ Об—ва нар. чт. могущественнѣйшее оружіе воздѣйствія на массы, и земство сильно заинтересовано въ томъ, какого сорта будетъ это воздѣйствіе!»

Въ виду этого собраніе *единогласно* постановило: снова просить правленіе печатать списки книгъ, посланныхъ или посылаемыхъ въ народныя библіотеки и 2) обусловить дальнѣйшую выдачу субсидій «Об—ву» — введеніемъ въ составъ правленія одного члена, по выбору губернскаго земства.

Между прочимъ, многими гласными была выражена надежда, что вскорѣ положеніе дѣлъ въ обществѣ нар. чт. измѣнится къ лучшему, ибо въ составъ правленія уже вошло одно новое лицо—бывшій земскій дѣятель С. Н. Чичеринъ—который, можно ожидать, внесетъ свѣжую струю въ пріостановившееся и застоявшееся теченіе дѣлъ общества.

И вотъ на дняхъ состоялось общее собраніе членовъ общества нар. чт., первое при новомъ предсѣдателѣ С. Н. Чичеринѣ. Однако нельзя сказать, чтобы этотъ первый дебютъ новаго предсѣдателя былъ особенно удаченъ. Мы не сомнѣваемся въ добрыхъ намѣреніяхъ г. Чичерина, но послѣднее засѣданіе показало, что старыя традиціи слишкомъ прочно въѣлись, вошли въ плоть и кровь большинства членовъ правленія, и что одному человѣку слишкомъ трудно въ такое короткое время перевернуть то, что складывалось годами. Требуется время уже для одного того, чтобы оріентироваться въ сущности дѣла, затемненной массой мелочей и техническихъ подробностей, которыя легко могутъ запутать человѣка, не принимавшаго ранѣе прямого, непосредственнаго участія въ ходѣ дѣлъ. За деревьями иногда бываетъ не видно лѣса. С. Н. Чичеринъ—homo novus въ практикѣ внѣшкольнаго образованія народа и его по-

Digitized by Google

ложеніе среди членовъ правленія довольно затруднительно. Трудно ожидать, чтобы послѣдніе стали очень торопиться поставить его вполнѣ въ курсѣ дѣла; такая тактика была бы черезчуръ самоубійственной со стороны людей, къ которымъ новый предсѣдатель призванъ общественнымъ мнѣніемъ «привнести новую, свѣжую струю». Болѣе шансовъ было ожидать, что при такихъ обстоятельствахъ правленіе будетъ держать передъ предсѣдателемъ дверь познанія всего механизма дѣла настолько полураскрытой, чтобы онъ не чувствовалъ себя чуждымъ тому, что передъ нимъ происходитъ, и въ то же время настолько полузакрытой, чтобы онъ всегда чувствовалъ нѣкоторую потребность въ совѣтахъ, разъясненіяхъ, указаніяхъ, словомъ—въ «рукѣ помощи» со стороны старыхъ заправилъ правленія. Понимая это, никто не приступалъ къ С. Н. Чичерину на первыхъ же порахъ съ какими нибудь преувеличенными требованіями. Самое большее, чего отъ него ждали—это соблюденія осторожнаго нейтралитета, между партіей стараго правленія, которую сила вещей заставляетъ дѣлать уступку за уступкой, и новыми элементами, стремящимися обновить почти всѣ нынѣшніе порядки завѣдыванія дѣлами общества. Насколько удовлетворилъ новый предсѣдатель этимъ ожиданіямъ, на этотъ вопросъ отвѣтитъ за насъ отчетъ о преніяхъ по вопросу, затронутому губернскимъ земствомъ.

Съ запросомъ по этому поводу выступилъ бывшій городской голова, прис. пов. Дм. Ив. Тимофеевъ.—«Безконтрольное распоряженіе разсылкою и пополненіемъ библіотекъ, которое въ настоящее время зависитъ лишь отъ правленія, а можетъ быть даже отъ одного завѣдывающаго книжнымъ складомъ,—сказалъ онъ—какъ извѣстно, возбудило неудовольствіе сначала со стороны отдѣльныхъ лицъ, что и проявлялось на нашихъ общихъ собраніяхъ,—затѣмъ въ печати—наконецъ, то же неудовольствіе проявилось и въ земствѣ. Я полагаю, что такъ этого оставить нельзя,—нельзя замалчивать столь многочисленныхъ отзывовъ и предоставлять общему ходу дѣлъ идти такъ, какъ будто бы ничего новаго не случилось. Я полагаю, что мы должны пойти навстрѣчу предъявляемымъ къ намъ требованіямъ, исправить допущенныя ошибки. Мое предложеніе таково: слѣдуетъ выработать нормальные списки этихъ библіотекъ на разныя суммы, принявъ къ свѣдѣнію тѣ указанія и упреки, которые были сдѣланы; и пусть списки эти будутъ утверждены общимъ собраніемъ.

Тов. предсѣд. правленія М. Т. Поповъ *) возразилъ, что при составленіи библіотекъ руководились работами редакціонной коммиссіи «общества», но въ виду того, что разсмотрѣнныхъ коммиссіей книгъ было недостаточно, приходилось пользоваться указаніями опыта, разсылая различныя другія книги и подвергая ихъ оцѣнкѣ самихъ читателей. Это не исключаетъ желательности извѣстныхъ поправокъ — пусть только

*) Онъ же завѣдывающій книжнымъ складомъ.

Digitized by Google

земство дастъ опредѣленныя указанія, какія книги не нравятся ему и какими ему хотѣлось бы ихъ замѣнить. Когда намъ говорятъ, высылки какихъ книгъ отъ насъ желаютъ, мы всегда въ точности слѣдуемъ указаніямъ *).

Предсѣдатель правленія С. Н. Чичеринъ подтвердилъ, что по его-мнѣнію *вина падаетъ на получающихъ библіотеки*, когда они, не сообщая обществу нар. чтеній о своихъ желаніяхъ, получаютъ не то, чего хотятъ...

«Если вы будете такъ относиться къ критическимъ замѣчаніямъ, обращаемымъ къ вамъ—гласила краткая отповѣдь Д. И. Тимофеева—то не удивляйтесь, когда вновь встрѣтитесь съ самымъ рѣзкимъ осужденіемъ вашей дѣятельности. Оно будетъ вполнѣ естественно. Повторяя свое предложеніе составить нормальные каталоги, онъ обратилъ вниманіе собранія на то, что, въ сущности порядокъ составленія библіотекъ какой то совершенно темный, неясный и неизвѣстный. Кто регулируетъ выписку книгъ въ складъ и распространеніе ихъ по библіотекамъ? Ужъ не книжные ли торговцы? Можетъ быть, регуляторъ наплыва книгъ дѣйствительно находится въ чужихъ рукахъ, и въ книжный складъ тамбовскаго общества сваливается нерѣдко просто заваль, которая неидетъ съ рукъ?

Предположеніе Дм. И. Тимофеева подтвердила А. Н. Чернова (Слетова) которая привела въ подтвержденіе этого цѣлый рядъ фактовъ. Она состоитъ членомъ редакціонной комиссіи и ей приходилось получать для рецензіи изъ склада изданія 70-хъ годовъ, причемъ одно изъ нихъ было по естествознанію. Конечно, полнѣйшій абсурдъ теперь, когда такъ разрослась научно-популярная литература естествознанія, обращаться къ такой старинѣ. На дняхъ А. Н. Чернова видѣла у другого члена редакціонной комиссіи присланную для рецензію книжку по географіи также начала 70-хъ г. «Говорятъ, что при разсылкѣ библіотекъ и составленіи ихъ отчасти руководятся работами редакціонной комиссіи. Дѣйствительно первоначальная цѣль комиссіи была руководить выпиской книгъ въ складъ, но теперь прежде всего сама комиссія зависитъ отъ склада: она рецензируетъ то, что ей присылаютъ оттуда».—«Это очень характерно, замѣтилъ предсѣдатель тамбовсковской уѣздной управы М. П. Колобовъ: не комиссія завѣдуетъ складомъ, а складъ завѣдуетъ комиссіей!»

---

*) М. Т. Поповъ, повидимому, въ этотъ моментъ совершенно позабылъ про заявленіе на губ. земск. собраніи усманскаго гласнаго Шингарева, который, между прочимъ разсказалъ, какъ Демшинская библіотека усм. уѣзда, въ отвѣтъ на свою просьбу о высылкѣ допущенныхъ въ библіотеки 11 томовъ соч. Л. Н. Толстого получила полное собр. соч. Майнъ-Рида и никакъ не могла ихъ обмѣнить. Забылъ это и самъ почтенный предсѣдатель правленія С. Н. Чичеринъ, присутствовавшій на этомъ засѣданіи земскаго собранія.

Digitized by Google

Такъ какъ дебатировать вопросъ на этой почвѣ оказывалось не совсѣмъ удобнымъ, то правленіе и его сторонники поспѣшили перемѣнить фронтъ. Сначала М. Т. Поповъ, а за нимъ слѣдомъ А. Н. и С. Н. Чичерины стали доказывать невозможность разсматривать въ общемъ собраніи списки книгъ для библіотекъ, которые представили бы для членовъ лишь массу неизвѣстныхъ заглавій. А. Н. Чернова и Д. И. Тимофеевъ указали на самый простой способъ—отпечатать нормальные каталоги библіотекъ и разослать ихъ на предварительный просмотръ всѣмъ членамъ Общества. Тогда начались возраженія противъ самой возможности составленія нормальныхъ каталоговъ. В. И. Протасовъ указалъ на то, что ежегодно выходитъ много новыхъ книгъ, и это является, будто бы, непреодолимымъ препятствіемъ для составленія каталоговъ. Онъ позабылъ, что изъ вновь выходящихъ книгъ лишь весьма небольшая часть разрѣшается для библіотекъ, только небольшая часть этой небольшой части оказывается пригодной для разумнаго чтенія, а небольшія перетасовки въ нормальныхъ каталогахъ всегда возможны. С. Н. Чичеринъ развивалъ темную мысль, что онъ за нормальный каталогъ, но противъ нормальныхъ библіотекъ, ибо не вѣритъ въ неподвижную регламентацію. Предсѣдатель земской управы М. П. Колобовъ и А. Н. Чернова указали на цѣлый рядъ нормальныхъ каталоговъ—Харьковскаго общества грам. Спб. Комитета, книги «Что читать народу», въ которой есть нормальные каталоги на самыя разнообразныя суммы – на 5, 10, 25 р. и т. д. Правленіе всегда могло пользоваться этими каталогами, чтобы избѣжать сдѣланныхъ ошибокъ, не ожидая результатовъ разныхъ рискованныхъ «опытовъ». Членъ Общества Д. В. Ильченко *) подалъ сторонникамъ правленія «блестящую» мысль: разослать земствамъ каталоги Мин. Нар. Просв., чтобы они отмѣтили тѣ книги, которыя желаютъ получать въ библіотеки. С. Н. Чичеринъ. А. Н. Чичеринъ и др. горячо ухватились за эту болѣе чѣмъ странную идею; А. П. Тимофеевъ, М. П. Колобовъ и А. Н. Чернова энергично ее оспаривали. Тамбовское общество народныхъ чтеній является спеціалистомъ по внѣшкольному образованію и болѣе чѣмъ странно было бы съ его стороны сваливать свою прямую работу на плечи земствъ, у которыхъ и безъ того достаточно обязанностей. Въ такомъ случаѣ земству нечего и обращаться къ обществу народныхъ чтеній съ субсидіей; земство само распорядится со своими

*) Д. В. Ильченко пытался съиронизировать надъ нормальными каталогами, коварно замѣтивъ, что еще неизвѣстно, будутъ ли съ точки зрѣнія М. Н. П. «нормальными» библіотеки, составленныя по нормальнымъ каталогамъ харьковскаго и др. обществъ. Какъ оказывается, онъ и не подозрѣвалъ что существуютъ нормальные каталоги, составленные въ рамкахъ министерскаго каталога что и поспѣшили, любезно разъяснить ему критики дѣйствій правленія Д. В. Ильченко—директоръ народныхъ училищъ и наблюдатель отъ учебнаго вѣдомства при обществѣ нар чтеній.

Digitized by Google

средствами. Весь смыслъ передачи денегъ обществу заключается въ томъ что оно—спеціалистъ, имѣющій цѣлью сконцентрировать работу по народному образованію. Въ министерскомъ каталогѣ отъ 3 до 4 тыс. названій книгъ; разобрать ихъ и выдѣлить лучшія—работа очень сложная и трудная. Что же будетъ, если она сразу станетъ производиться въ двѣнадцати мѣстахъ губерніи, каждымъ земствомъ порознь? Эта задача, очевидно, должна быть сосредоточена въ рукахъ одного наиболѣе компетентнаго учрежденія, каково общество народныхъ чтеній. Если до сихъ поръ его работами въ этомъ отношеніи земство недовольно, то только потому, что самыя работы были плохи. Исполни общество народныхъ чтеній свою задачу хорошо, оно не получило бы ничего, кромѣ благодарности. Хорошо, что работы общества подверглись критикѣ; этой критикой нужно дорожить; надо благодарить и печать, и земство за ихъ указанія и воспользоваться ими.

В. И. Протасовъ попытался было вступиться за старый составъ библіотекъ, полемизируя съ губ. земствомъ. Говорятъ, что наши библіотеки плохо составлены, сказалъ онъ; но я этого не вижу. Я знаю только, что они пришлись не по вкусу губернскому земству, но это еще не значитъ, что онѣ не хороши. Можетъ быть земству нравится одно, а *намъ* другое!

Это было любезностью по отношенію къ гласнымъ земства, состоящимъ членами общества нар. чтеній: всѣ они заранѣе какъ бы выключались изъ состава общества... *). Открыто поддержать В. И. Протасова не рѣшился никто, хотя очевидно, многіе были очень и очень довольны его вылазкой.

Послѣ долгихъ преній, Д. И. Тимофеевъ еще разъ формулировалъ свое предложеніе о выработкѣ редакціонной комиссіей нормальныхъ каталоговъ для библіотекъ на разную цѣну, и оно собраніемъ было принято. Это едва ли не самое важное постановленіе за все послѣднее время и крупнѣйшее завоеваніе оппозиціи, сосредоточивающей свои силы именно въ редакціонной комиссіи, гдѣ ей послѣднее время принадлежитъ большинство.

Этимъ постановленіемъ рѣшался и вопросъ объ отчетности на будущее время. Что же касается старыхъ грѣховъ правленія по составленію библіотекъ, то ихъ перетряхивать общее собраніе не захотѣло. Вопросъ объ отчетности за старые годы рѣшено предать волѣ Божіей, или проще говоря, — оставить его на совѣсти завѣдывающаго книжнымъ складомъ.

Чѣмъ объясняется такой бюрократизмъ въ просвѣтительномъ обще-

*) Такихъ членовъ не мало: губ. предводитель дворянства кн. Н. Н. Чолокаевъ, уѣздный предв. В. М. Петрово-Соловово, губ. предс. управы И. Х. Палеологъ, уѣздн. предсѣд. управы М. П. Колобовъ, С. И. Комсинъ, В. И. Комсинъ и др.

Digitized by Google

ствѣ? Подробнѣе мы объяснимъ это обстоятельство въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же ограничимся немногими словами.

Вовсе не свободная общественная инициатива вызвала къ жизни наше «общество по устройству народныхъ чтеній». Оно было создано не снизу а сверху. Въ спискѣ его учредителей нѣтъ ни одного лица изъ какой либо свободной общественной профессіи. Уставъ новосозданнаго общества открывалъ доступъ въ его составъ лишь тѣмъ лицамъ, кого соглашались утвердить начальникъ губерніи и наблюдатель учебнаго вѣдомства, т. е. директоръ народныхъ училищъ. Но и этого двойного фильтра показалось для узкаго, замкнутаго кружка педагоговъ недостаточно; и они произвольно ввели въ практику баллотировку членовъ, о которой нѣтъ въ уставѣ ни единаго слова. Эта баллотировка сначала производилась правленіемъ общества, что гарантировало уже вполнѣ абсолютную вѣрноподданность правленію со стороны общихъ собраній, члены которыхъ фильтровались трижды; когда численный составъ общества достигъ порядочной величины, составляясь, за рѣдкими исключеніями, изъ безусловныхъ сторонниковъ правленія, дальнѣйшее избраніе новыхъ членовъ было передано общимъ собраніямъ. Какъ они пользовались этимъ новымъ правомъ—отвѣтитъ одинъ примѣръ. На второй же баллотировкѣ новыхъ членовъ не была пропущена въ составъ общества завѣдующая женской воскресной школой Ѳ. Я. Мягкова, а на предпослѣдней,—избранъ учитель К. Афанасьевъ, одинъ изъ наиболѣе скомпрометированныхъ въ извѣстномъ тамбовскомъ «процессѣ тринадцати»...

На послѣднемъ общемъ собраніи нѣкоторые изъ ранѣе забаллотированныхъ вновь поставили свою кандидатуру въ члены. Правленіе молча положило подъ сукно ихъ прошенія. Это обнаружилось лишь благодаря тому, что аналогичное прошеніе подано было въ день собранія лично однимъ изъ кандидатовъ, не прошедшихъ ранѣе. Оказалось, что правленіе домашнимъ образомъ, помимо общаго собранія, порѣшило было считать всякую забаллотировку или окончательной, или сохраняющей силу на какой нибудь продолжительный срокъ. Такимъ образомъ, къ баллотировкѣ, законность которой уже сама по себѣ болѣе чѣмъ сомнительна, прибавлено еще новое незаконное «примѣчаніе». Случайно узнавши объ этомъ, нѣсколько членовъ обратились съ частнымъ запросомъ къ предсѣдателю, но, несмотря на ихъ настоянія, этотъ послѣдній не только не счелъ возможнымъ поставить спорныхъ кандидатовъ на баллотировку, но даже запросить объ этомъ общее собраніе. Только по окончаніи баллотировки безспорныхъ кандидатовъ, когда часть членовъ, и не подозрѣвавшихъ о случившемся, разошлась, предсѣдатель надумался было справиться съ волею общаго собранія, но нѣсколько поздно: не было законнаго числа членовъ...

Что члены правленія очень хотѣли бы изобрѣсти еще не одно, а двадцать одно примѣчаніе къ несуществующей статьѣ устава о баллотировкѣ, съ цѣлью затруднить доступъ въ «общество» неугоднымъ чле-

Digitized by Google

намъ,—неудивительно. Неудивительно и то, что открытому способу дѣйствій и обращенію къ волѣ общихъ собраній они предпочитаютъ келейныя, домашнія рѣшенія. Но что въ столь мало лойальныхъ дѣйствіяхъ принимаетъ участіе, хотя бы пассивное, новый предсѣдатель, С. Н. Чичеринъ, на котораго возлагалось и еще возлагается столько надеждъ—это дѣйствительно странно.

Викторъ Черновъ.

Изъ жизни и литературы.

В. М. Гаршинъ.

(По поводу десятилѣтія со дня его смерти).

Десять лѣтъ тому назадъ, 19 марта 1888 года, молодой человѣкъ, всѣми любимый и уже имѣвшій громкое литературное имя писатель, рано поутру тихонько вышелъ изъ своей квартиры въ четвертомъ этажѣ большого петербургскаго дома и бросился внизъ головой въ пролетъ лѣстницы. Его подняли съ разбитыми ногами и поврежденнымъ мозгомъ, отвезли въ больницу... Онъ ненадолго очнулся, затѣмъ впалъ въ забытье и, уже не возвращаясь къ сознанію, скончался—24 марта. Ему было всего 33 года.

Гаршинъ давно предчувствовалъ этотъ трагическій исходъ своей тяжкой жизни,—тяжкой не внѣшними условіями, которыя, повидимому, складывались для него благопріятно, а мучительными, неисцѣлимыми страданіями чуткаго сердца, вдумчивой мысли, истерзанной житейскими противорѣчіями и «проклятыми вопросами» души... Ему привѣтливо улыбалась литературная слава, его окружала общая любовь и вниманіе... но онъ не умѣлъ и не могъ пользоваться радостями бытія: «въ его сердцѣ лежалъ тяжелый, холодный камень, давившій это бѣдное сердце и заставлявшій его стонать отъ боли. Камень давилъ его сердце, и онъ хотѣлъ умереть...

И какъ часто, еще задолго до рокового утра 19 марта, повторялъ онъ, съ тяжелымъ предчувствіемъ, свое любимое лермонтовское стихотвореніе:

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою:
Я зналъ,—ударъ судьбы меня не обойдетъ
. . . . . .
Но я безъ страха жду довременный конецъ:
Пора мнѣ міръ увидѣть новый...

Литературное наслѣдство Всеволода Гаршина очень невелико: всего

Digitized by Google

десятка два очерковъ и разсказовъ, собранныхъ въ три маленькія, сѣренькія книжки. Но вчитайтесь въ эти книжки, вдумайтесь въ простое, вовсе не замысловатое содержаніе этихъ разсказовъ, въ которыхъ, по замѣчанію одного критика, нѣтъ почти никакой «выдумки»,—до такой степени они просты и правдивы и свободны отъ всякихъ прикрасъ «беллетристики»;—припомните то время, когда писались эти произведенія,—и передъ вами раскроется цѣлый міръ душевный, въ которомъ реальная личность писателя неотдѣлима отъ вымышленныхъ его героевъ,—міръ, въ которомъ всѣ, не только люди, но и животныя, и растенія, страдаютъ, по извѣстному выраженію Гл. Успенскаго, «болѣзнью сердца, мысли и совѣсти», болѣзнью «сущей правды». Возстановите въ памяти все то, чѣмъ жило, волновалось, мучилось наше общество семидесятыхъ годовъ и въ особенности—тогдашнее молодое поколѣніе, сверстники Гаршина, его братья по духу,—и вы поймете, отчего человѣкъ, одаренный сильною впечатлительностью, живою, нервною отзывчивостью на всѣ проявленія добра и зла, мыслью, постоянно обращенной къ тревожному исканію основъ нравственнаго бытія, не могъ быть «нормальнымъ», спокойнымъ, уравновѣшеннымъ, не могъ принудить себя смотрѣть на жизнь иными глазами, чѣмъ смотрѣлъ на нее Гаршинъ, не могъ иначе жить, чувствовать и писать,—да, пожалуй, не могъ иначе и умереть...

Семидесятые годы были эпохой тяжкихъ испытаній. Писатель, переживший и прочувствовавшій всѣ оттѣнки настроеній этой эпохи, замѣчаетъ, что «среди насыщенной всевозможною тяготою дѣйствительности» русскій человѣкъ никогда такъ не болѣлъ *сердцемъ*, какъ именно въ эти годы тревогъ и разочарованій, внѣшней войны и внутренней смуты. «Большого художника, съ большимъ, въ два обхвата, сердцемъ, ожидаетъ полчище народа, заболѣвшаго новою, свѣтлою мыслью, народа немощнаго, изувѣченнаго и двигающагося волей-неволей по новой дорогѣ», говорилъ упомянутый писатель *). Сколько тутъ фигуръ, прямо легшихъ пластомъ, отказавшихся идти впередъ; сколько тутъ умирающихъ и жалобно воющихъ на каждомъ шагу; сколько бодрыхъ, смѣлыхъ, настоящихъ, сколько злыхъ, оскалившихся отъ злости зубовъ! И все это, рвущееся съ пути, разбѣшенное, немощное, все это рвется съ дороги только потому, что это—новая дорога, новая мысль, и злится только потому, что не можетъ и не хочетъ помириться съ новой мыслью. Словомъ, все это скопище терзается или радуется и смѣло идетъ впередъ потому только, что надо всѣмъ тяготѣетъ одна и та же болѣзнь сердца, боль вторгнувшейся въ это сердце правды, убивающая и мучащая однихъ и наполняющая душу другихъ несокрушимой силой»...

Пріостановка реформъ, измѣнившихъ складъ общества и расшатавшихъ его прежніе устои; тревожное исканіе новыхъ путей, новыхъ устоевъ и той «новой правды», которая должна была лечь въ основу человѣче-

*) Гл. Успенскій («Хочешь—не хочешь»).

Digitized by Google

скихъ отношеній; обращеніе къ народу и проповѣдь безкорыстнаго и самоотверженнаго служенія ему во имя «идеи»; война, въ которой одни видѣли великое дѣло освобожденія страдающихъ братьевъ,—зарю свободы для всего славянскаго міра, а другіе—жестокое наслѣдіе той варварской поры, когда человѣкъ человѣку былъ звѣремъ; мучительные, страстные порывы къ свѣту—и отчаяніе при видѣ надвигавшейся тьмы; ожесточенная борьба за неясную мечту, жажда подвига ради далекой грезы, вѣра въ наступающее торжество правды—и саркастическій хохотъ сатирика, убѣждающаго, что «торжествующая свинья» эту правду уже «слопала»... А надо всѣмъ этимъ, словно набатный колоколъ, страстная, болѣзненно-нервная, припадочная проповѣдь «великаго юродиваго» Достоевскаго,—проповѣдь возрожденія міра Христовой любовью и уничтоженіемъ личности —и первые призывы Толстого къ новой жизни...

Въ такую-то пору выступилъ въ литературѣ юноша, едва перешагнувшій грань совершеннолѣтія, надѣленный крупнымъ, непосредственнымъ дарованіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и роковымъ даромъ чуткости и нервной впечатлительности, которыя стали проявляться у него уже въ раннемъ дѣтствѣ. Въ 18 лѣтъ, въ ту пору, когда человѣкъ только что начинаетъ всматриваться въ окружающій его міръ Божій и сознательно относиться къ нему, масса нахлынувшихъ впечатлѣній до такой степени подавляюще подѣйствовала на воспріимчивую душу Гаршина, что у него стали обнаруживаться* первые признаки того нервнаго недуга, который впослѣдствіи, повторяясь неоднократно и каждый разъ—все съ большею и большею силой, привелъ его къ роковому концу. На первый разъ его помѣстили въ лѣчебницу, гдѣ онъ скоро оправился, могъ продолжать свое гимназическое ученье, окончить его и поступить въ Горный институтъ. Но тутъ вскорѣ нахлынули новыя, еще болѣе тревожныя и мучительныя впечатлѣнія окружающей жизни. Изо дня въ день запросы дѣйствительности били его по нервамъ, и юноша, осматриваясь вокругъ, могъ повторить слова несчастнаго датскаго принца: «Міръ вышелъ изъ пазовъ... Почему же *я* долженъ его вправлять»?

Уйти отъ этихъ запросовъ куда-нибудь,—хотя бы въ науку или въ сферу «чистаго искусства» Гаршинъ, при своей натурѣ, не могъ, и они продолжали неотступно терзать его душу, и вся его писательская дѣятельность есть не что иное, какъ рядъ болѣзненныхъ откликовъ, вызываемыхъ этими постоянными ударами все по одному и тому же больному, мѣсту,—по сердцу, по совѣсти... Въ ряду фигуръ, созданныхъ его воображеніемъ, есть страшная фигура рабочаго «глухаря», который сидитъ въ котлѣ и держитъ заклепку клещами, что есть силы напирая на нихъ грудью, а снаружи мастеръ колотитъ по заклепкѣ молотомъ и выдѣлываетъ шляпку. Постоянно повторяющійся страшный ударъ обрушивается на котелъ и заставляетъ несчастнаго глухаря напрягать всѣ свои силы... И художникъ, которому этотъ образъ не даетъ покоя, съ лихорадочнымъ одушевленіемъ переноситъ его на полотно и видитъ, въ страшномъ кош-

Digitized by Google

марѣ, какъ «странное, безобразное существо корчится на землѣ отъ ударовъ, сыплющихся на него со всѣхъ сторонъ». Цѣлая толпа бьетъ, кто чѣмъ попало. Тутъ всѣ мои знакомые съ остервенѣлыми лицами колотятъ молотами, ломами, палками, кулаками это существо, которому я не прибралъ названія. Я знаю, что это—все онъ же. Я кидаюсь впередъ хочу крикнуть: «перестаньте! за что?—и вдругъ вижу блѣдное, искаженное, необыкновенно страшное лицо, страшное потому, что это—мое собственное лицо. Я вижу, какъ я самъ,—другой я самъ—замахивается молотомъ, чтобы нанести неистовый ударъ»...

Да, Всеволодъ Гаршинъ самъ былъ такимъ «глухаремъ», на котораго со всѣхъ сторонъ сыпались страшные удары нервнаго времени, «проклятые» вопросы, не дававшіе ему ни минуты отдыха, и который часто самъ на себя замахивался тяжелымъ молотомъ душевной тревоги, сомнѣнія, горькаго, безотраднаго разочарованія, безысходнаго пессимизма. Этотъ пессимизмъ проникаетъ собою всю его натуру, становится его плотью и кровью; въ немъ нѣтъ ничего дѣланнаго, намѣреннаго, показного, ни малѣйшаго слѣда того, иногда невольнаго, кокетства лирической міровой скорбью, отъ котораго не свободенъ ни Гейне, ни Байронъ; его пессимизмъ неисцѣлимъ, потому что онъ коренится въ неисцѣлимыхъ и неотвратимыхъ условіяхъ времени и собственной душевной организаціи писателя. Для того, чтобы вынести на своихъ плечахъ весь трагизмъ положенія своихъ мыслящихъ и чувствующихъ сверстниковъ въ эпоху мучительной болѣзни сердца, нужна была сила огромная, которой у Гаршина не было,—какъ не было ея и у многихъ другихъ, такихъ же какъ онъ, «глухарей», разбитыхъ безпощаднымъ молотомъ жизни... Рана въ его душѣ становится все глубже и глубже, «камень» на сердцѣ—все тяжелѣе и тяжелѣе; онъ не въ силахъ забыться, порадоваться свѣтлому солнцу, личному счастью, потому что они не могутъ примирить его съ рѣзкими диссонансами окружающей жизни,—съ ничтожествомъ и безцѣльностью искусства, съ ужасами и безуміемъ человѣческой бойни, съ незаслуженными мученіями больной души, съ слѣпою случайностью смерти... Онъ не можетъ закрыть на все это глаза,—и не только не можетъ не видѣть всей этой тяжкой несправедливости, но, по сущности своей натуры, только ее одну и можетъ видѣть во всѣхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Если бы онъ былъ въ состояніи смотрѣть на жизнь глазами Диккенса, котораго онъ такъ любилъ, но съ которымъ не имѣлъ ничего общаго, то онъ, конечно, не бросился бы отъ этой жизни внизъ головой съ лѣстницы. Но онъ не хотѣлъ остаться между живыми въ этомъ мірѣ, въ которомъ видѣлъ только господство неправды и слѣпого случая,—въ мірѣ, гдѣ все шло такъ, какъ въ его символической сказкѣ «То, чего не было» и гдѣ даже достигнутая цѣль стремленія къ свободѣ могла разрѣшиться, какъ въ «Attalea prinсeps», лишь горькимъ вопросомъ: «Только-то?»...

И онъ добровольно отказался продолжать эту жизнь, не находя въ себѣ силы уклониться отъ ея назойливаго приставанья, закрыть глаза и

Digitized by Google

уши, обратить себя въ «уравновѣшенную натуру», довольствующуюся личными интересами и лѣнивымъ переползаньемъ изо дня въ день. Говорятъ,—Гаршинъ покончилъ съ собой оттого, что онъ былъ сумасшедшій и въ то же время сознавалъ это свое сумасшествіе и боялся, что оно станетъ неизлѣчимымъ. Въ этомъ—большая доля правды; но, во первыхъ, кто докажетъ, что роковой прыжокъ съ площадки не былъ дѣломъ «свѣтлаго промежутка», а во вторыхъ, кто укажетъ грань, гдѣ высокій подъемъ духа и крайнее нервное напряженіе переходитъ въ несомнѣнное, подлинное «сумасшествіе»? Вѣдь «сумасшедшими» поступками, съ точки зрѣнія обычной, тихо-смирной морали нашей, были и зачисленіе студента Гаршина въ ряды дѣйствующей арміи, въ которую никто его не тянулъ, и тѣ страстныя мольбы о «всепрощеніи», съ которыми онъ явился ночью къ всемогущему министру, и горячее заступничество на улицѣ за оскорбленную женщину, за которую никто не просилъ его вступаться и которая, въ глазахъ блюстителей общественной нравственности, даже и не заслуживала заступничества, и многое другое, о чемъ только отчасти разсказали въ печати люди, близко знавшіе этого «сумасшедшаго». До такого «сумасшествія» часто доводила Гаршина современная жизнь, ударовъ которой не вынесъ и другой, родственный ему по натурѣ писатель,—Глѣбъ Успенскій, и многіе изъ его сверстниковъ, людей 70-хъ годовъ, съ нервами, натянутыми, какъ струны, и заставлявшими часто бросаться, очертя голову, прямо въ омутъ, безъ надежды выплыть... Сколько прошло передъ нами такихъ людей—и въ литературѣ, и въ жизни, сколько силъ—и какихъ силъ!—потрачено на эту безплодную борьбу съ неумолимой дѣйствительностью, пока, наконецъ, не настали переживаемыя нами теперь сѣрыя сумерки, въ которыхъ слились и потонули всѣ оттѣнки мысли, всѣ идеалы, всѣ надежды и стремленія, и прежнее нервное возбужденіе смѣнилось общей вялостью, апатіей и повальной безцвѣтностью. Гаршинъ уже видѣлъ начало этой «новой эпохи», съ ужасомъ прислушивался къ ея обѣщаніямъ,—и его больная, истерзанная подъ молотомъ жизни душа не могла вмѣстить въ себѣ мысли о возможности такого существованія. Когда же къ этому присоединился еще ужасъ передъ надвигающимся безуміемъ,—судьба его была рѣшена уже безповоротно, и первая мелкая случайность легко подтолкнула его къ роковому концу... Неразрѣшимый вопросъ: «зачѣмъ все это зло, зачѣмъ вся эта неправда»? уступилъ мѣсто другому вопросу: «для чего жить»?—на который отвѣтила смерть.

Мы остановились такъ долго на личности Всеволода Гаршина и на характерѣ его времени потому, что все, имъ написанное, неразрывно связано съ этими существенными элементами. Во всей русской литературѣ, не исключая и лирической поэзіи, едва ли можно отыскать писателя, въ произведеніяхъ котораго съ такой искренностью и полнотой обнаруживалась бы его собственная природа. Въ этихъ маленькихъ разсказахъ передъ нами—весь ихъ авторъ, со всѣми своими мечтами и трево-

Digitized by Google

гами, любовью и ненавистью, надеждами и разочарованіями, безъ всякихъ условныхъ, искусственныхъ прикрасъ, безъ всякаго «беллетристическаго» аппарата. Недаромъ любимой формой его разсказовъ были дневники и записки: эта форма давала ему возможность, не стѣсняясь «творчествомъ», говорить отъ своего лица устами своихъ героевъ. По этимъ дневникамъ мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить, какъ отражалась на писателѣ внѣшняя жизнь, какіе изъ ея ударовъ заставляли всего больнѣе сжиматься его сердце. Гаршинъ ни мало не рисовался (это качество вообще во всемъ и всегда было ему совершенно чуждо), когда говорилъ: «Я въ самомъ дѣлѣ писалъ своими несчастными нервами, и каждая буква стоила мнѣ капли крови». Созданія его воображенія глубоко его волновали, какъ волновалъ художника Рябинина (въ разсказѣ «Художники») задуманный имъ «глухарь»; онъ часто заливался горькими слезами, описывая страданія имъ же самимъ выдуманныхъ людей,—конечно, потому, что эти выдуманные герои были частью его собственнаго существа, его собственнаго сердца. Оттого ихъ мысли и чувства—это мысли и чувства самого Гаршина, только, такъ сказать, отвлеченныя отъ его личности, поставленныя особнякомъ отъ него самого, чтобы и ему легче было за ними наблюдать. Но въ этихъ созданіяхъ воображенія нѣтъ ничего постороннято натурѣ создавшаго ихъ писателя: въ нихъ живетъ онъ самъ.

Вспомнимъ эти главныя фигуры разсказовъ Гаршина.

Уже первый этюдъ молодого писателя, съ которымъ онъ выступилъ въ 1877 году и сразу обратилъ на себя общее вниманіе,—«Четыре дня»—носитъ на себѣ яркіе слѣды впечатлѣній, пережитыхъ авторомъ въ бытность его «рядовымъ изъ вольноопредѣляющихся» во время болгарскаго похода. Молодой добровольцъ, съ раздробленными осколкомъ гранаты ногами, лежитъ въ кустахъ, недалеко отъ нимъ же убитаго турка и терпитъ страшныя муки боли, голода, жажды и еще болѣе страшныя муки ужаса при мысли о своемъ безпомощномъ состояніи, пока его не спасаетъ случайно наткнувшійся на него отрядъ товарищей. И среди этихъ мученій, при видѣ убитаго имъ врага, передъ нимъ встаетъ во всей своей грозной простотѣ вопросъ: «зачѣмъ»?

«Передо мною лежитъ убитый мною человѣкъ. За что я его убилъ? Зачѣмъ судьба пригнала его сюда? Кто онъ? Быть можетъ, и у него, какъ у меня, есть старая мать. Долго она будетъ по вечерамъ сидѣть у дверей своей убогой мазанки, да поглядывать на далекій сѣверъ,—не идетъ ли ея ненаглядный сынъ, ея работникъ и кормилецъ»...

«Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что и мнѣ придется убивать людей, какъ-то уходила отъ меня. Я представлялъ себѣ только, какъ я буду подставлять *свою* грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ.

«Ну, и что же? Глупецъ, глупецъ! А этотъ несчастный феллахъ (на немъ египетскій мундиръ)—онъ виноватъ еще меньше. Прежде, чѣмъ ихъ посадили, какъ сельдей въ бочку, на пароходъ и повезли въ Константи-

Digitized by Google

нополь, онъ и не слышалъ ни о Россіи, ни о Болгаріи. Ему велѣли идти,—онъ и пошелъ... Мы напали, онъ защищался. Но, видя, что мы страшные люди, не боящіеся его патентованной англійской винтовки Пибоди и Мартини, все лѣземъ и лѣземъ впередъ, онъ пришелъ въ ужасъ. Когда онъ хотѣлъ уйти, какой-то маленькій человѣкъ, котораго онъ могъ бы убить однимъ ударомъ своего чернаго кулака, подскочилъ и воткнулъ ему штыкъ въ сердце».

«Чѣмъ же онъ виноватъ»?

«И чѣмъ виноватъ я, что убилъ его»?..

Какъ же попалъ на эту человѣческую бойню этотъ «смирный, добродушный молодой человѣкъ, знавшій до сихъ поръ только свои книги, да аудиторію, да семью и еще нѣсколько близкихъ людей, думавшій черезъ годъ—два начать иную работу, трудъ любви и правды... привыкшій смотрѣть на міръ объективно, привыкшій ставить его передъ собою, думавшій, что всюду понимаетъ въ немъ зло и тѣмъ самымъ избѣгаетъ этого зла»? Объ этомъ разсказываетъ намъ Гаршинъ отъ лица своего «Труса»:

«Нервы, что ли, у меня такъ устроены, только военныя телеграммы съ обозначеніемъ числа убитыхъ и раненыхъ производятъ на меня дѣйствіе гораздо болѣе сильное, чѣмъ на окружающихъ. Другой спокойно читаетъ: «потери наши незначительны, ранены такіе-то офицеры, нижнихъ чиновъ убито 50, ранено 100», и еще радуется, что мало, а у меня при чтеніи такого извѣстія тотчасъ появляется передъ глазами цѣлая кровавая картина. Пятьдесятъ мертвыхъ, сто изувѣченныхъ,—это незначительная вещь! Отчего же мы такъ возмущаемся, когда газеты приносятъ извѣстія о какомъ-нибудь убійствѣ, когда жертвами являются нѣсколько человѣкъ? Отчего видъ пронизанныхъ пулями труповъ, лежащихъ на полѣ битвы, не поражаетъ насъ такимъ ужасомъ, какъ видъ внутренности дома, разграбленнаго убійцей? Отчего катастрофа на тилитульской насыпи, стоившая жизни нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ, заставила кричать о себѣ всю Россію, а на аванпостныя дѣла съ «незначительными» потерями,—тоже въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, никто не обращаетъ вниманія»?..

И вотъ, эти возмущенные нервы подсказали ему, что нечестно сидѣть дома и наслаждаться спокойствіемъ въ то время, когда братья подставляютъ свою грудь подъ пули. И онъ пошелъ вслѣдъ за другими—и сдѣлался «убійцей»...

— Убійство, убійца... и кто же? Я!

— Когда я затѣялъ идти драться, мать и Маша не отговаривали меня, хотя и плакали надо мною. Ослѣпленный идеею, я не видѣлъ этихъ слезъ. Я не понималъ (теперь я понялъ), что я дѣлалъ съ близкими мнѣ существами...

«А какое странное отношеніе къ моему поступку явилось у многихъ знакомыхъ! «Ну, юродивый! Лѣзетъ, самъ не зная, чего»! Какъ могли

Digitized by Google

они говорить это? Какъ вяжутся такія слова съ *ихъ* представленіями о родинѣ и прочихъ такихъ вещахъ? Вѣдь въ *ихъ* глазахъ я представлялъ всѣ эти доблести. И, тѣмъ не менѣе, я—юродивый»...

Неотвязный вопросъ: «зачѣмъ»? мучитъ его и не даетъ ему успокоиться.

«...Въ этомъ страшномъ дѣлѣ я помню и вижу только одно: гору труповъ, служащую пьедесталомъ грандіознымъ дѣламъ, которыя занесутся на страницы исторіи. Можетъ быть, это необходимо; я не берусь судить, да и не могу; я не разсуждаю о войнѣ и отношусь къ ней непосредственнымъ чувствомъ, возмущаемымъ массою пролитой крови»...

Мы видимъ, съ какой непримиримой серьезностью ставитъ Гаршинъ этотъ роковой для него вопросъ, на который онъ тщетно будетъ ждать отвѣта отъ окружающей его жизни. Не поставить же его онъ не можетъ по своей натурѣ,—потому что только этотъ вопросъ и представляетъ для него жизненный интересъ. И въ его неразрѣшимости въ примѣненіи ко всѣмъ формамъ и сферамъ жизни заключается глубокій трагизмъ положенія мыслящей и чувствующей души...

Война оставила въ душѣ писателя сильное, глубокое впечатлѣніе: онъ возвращается къ ней въ нѣсколькихъ разсказахъ,—«Трусъ», «Деньщикъ и офицеръ», «Изъ воспоминаній рядового», «Аясларское дѣло». Затѣмъ онъ обращается къ другимъ областямъ жизни, и передъ нимъ снова встаетъ все тотъ же вѣчный, неизбѣжный вопросъ: «зачѣмъ»?

Передъ нами—два художника. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ «счастливцевъ», которые нашли свою «линію» и беззаботно идутъ по ней. Не особенно даровитый, но очень старательный, онъ твердо вѣритъ въ свой талантъ и въ свое призваніе и является представителемъ той общераспространенной теоріи, въ силу которой искусство должно изображать одно прекрасное и гармоническое, избѣгая всего «низкаго», неизящнаго, всякой боли и страданія,—должно быть красивой идиллій, примирительно дѣйствующей на созерцающихъ ее людей. Другой художникъ гораздо талантливѣе, но его не удовлетворяетъ искусство само по себѣ, ни идиллическое, ни трагически-реалистическое; онъ спрашиваетъ себя: «зачѣмъ искусство»? желаетъ знать, дѣйствуетъ ли оно въ самомъ дѣлѣ на людей какъ нѣчто очищающее, облагораживающее душу,—и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Онъ много читалъ объ искусствѣ, но—«изъ Тэновъ, Карьеровъ, Куглеровъ и всѣхъ, писавшихъ объ искусствѣ, до Прудона включительно, не явствуетъ ничего. Они все толкуютъ о томъ, какое значеніе имѣетъ искусство, а въ моей головѣ, при чтеніи ихъ, непремѣнно шевелится мысль: если оно имѣетъ его. Я не видѣлъ хорошаго вліянія хорошей картины на человѣка; зачѣмъ же мнѣ вѣрить, что оно есть»?...

Слова этого художника о картинѣ можно съ такимъ же правомъ отнести и ко всякому художественному произведенію,—къ статуѣ, поэмѣ, симфоніи, драмѣ,—и спросить: имѣли онѣ когда нибудь на человѣка не

Digitized by Google

эстетическое только, но и нравственное вліяніе, и притомъ—не мимолетное, а прочное? Вообще,—стало ли человѣчество, подъ вліяніемъ искусства, болѣе нравственнымъ? и не слѣдуетъ ли поставить передъ собою другую нравственную цѣль, другой идеалъ, несравненно болѣе важный, чѣмъ всякое художество? Художникъ Рябининъ, болѣвшій душой о «глухарѣ» и сдѣлавшій его страданія предметомъ своей картины, бросаетъ искусство и идетъ въ народные учителя,—хотя и на этомъ поприщѣ «не преуспѣваетъ». Герой разказа «Ночь» приходитъ къ заключенію, что «не все еще пожрано идоломъ, которому онъ столько лѣтъ поклонялся,—что осталась еще любовь и даже самоотверженіе,—что стоитъ жить для того, чтобы излить этотъ остатокъ. Куда, на какое дѣло,—онъ не зналъ, да въ ту минуту (когда онъ готовъ былъ покончить съ собою) ему и не нужно было знать, куда снести свою повинную голову. Онъ вспомнилъ горе и страданіе, какое довелось ему видѣть въ жизни, настоящее житейское горе, передъ которымъ всѣ его мученія въ одиночку ничего не значили, и понялъ, что ему нужно идти туда, въ это горе, взять на свою долю часть его,—и только тогда въ душѣ его настанетъ миръ...

«Страшно! Не могу я больше жить за свой собственный страхъ и счетъ; нужно, непремѣнно нужно связать себя съ общей жизнью, мучиться и радоваться, ненавидѣть и любить не ради своего я, все пожирающаго и ничего взамѣнъ не дающаго, а ради общей людямъ правды, которая есть въ мірѣ, что бы я тамъ ни кричалъ, и которая говоритъ душѣ, не смотря на всѣ старанія заглушить ее»... Нужно «отвергнуть себя», убить свое я, бросить на дорогу»...

Въ этомъ отношеніи Гаршинъ сходится съ Толстымъ и Достоевскимъ,—писателями, несомнѣнно имѣвшими вліяніе на идейное содержаніе его произведеній, точно такъ же, какъ Тургеневъ имѣлъ вліяніе на ихъ форму,—простую и ясную. По складу своего таланта онъ, можетъ быть, ближе всего подходитъ именно къ Достоевскому, этому великому мастеру въ изображеніи больной души современнаго русскаго человѣка. Но Гаршинъ гораздо проще и гораздо ближе къ дѣйствительной жизни; у него нѣтъ галлюцинацій, онъ изображаетъ настоящую, реальную дѣйствительность и не любитъ пускаться въ отвлеченныя философскія разсужденія; у него нѣтъ также и какой-нибудь опредѣленной тенденціи; его разсказы не пропаганда той или другой идеи, а только отзвукъ тѣхъ чувствъ и мыслей, которыми болѣло его сердце...

«Происшествіе» и его продолженіе—«Надежда Николаевна», самое крупное по объему, но едва ли не наименѣе удачное изъ всего, написаннаго Гаршинымъ, отчасти отзываются манерой Достоевскаго. Съ другой стороны, «Сигналъ» и «Сказаніе о гордомъ Аггеѣ» написаны въ стилѣ Толстого, которому Гаршинъ, вообще, больше симпатизировалъ. Но эти разсказы, въ которыхъ Гаршинъ не оригиналенъ, не выражаютъ вполнѣ и его основного душевнаго настроенія.

Идея необходимости «связать себя съ общей жизнью», пожертвовать

Digitized by Google

собою, если окажется нужнымъ, для блага ближнихъ, сознаніе невозможности жить только собой и для себя, вѣра въ торжество любви и правды,— все это, конечно, жило въ душѣ Гаршина; но это была—мечта поэта, бредъ сумасшедшаго героя «Краснаго цвѣтка», безумца, желавшаго цѣной собственной жизни уничтожить все зло въ мірѣ и спасти жалкое, бѣдное человѣчество... Дѣйствительность была далека отъ идеала; своей грубой рукой она наносила мечтателю только ударъ за ударомъ и скоро сломила его...

Русская литература потеряла въ Гаршинѣ крупнаго художника,— можетъ быть, самаго замѣчательнаго изъ всѣхъ, выступившихъ на писательскомъ поприщѣ одновременно съ нимъ. Но мы затруднялись бы сказать, чѣмъ могъ бы сдѣлаться этотъ писатель теперь, въ наше сѣрое, тоскливое, безъидейное время. Едва ли такая натура могла бы приспособиться къ нынѣшнему «положенію». Скорѣе всего, онъ пришелся бы теперь «не ко двору» и ушелъ бы отъ нынѣшней «словесности», какъ ушелъ его художникъ Рябининъ отъ искусства. Но, подобно тому же Рябинину, онъ бы и въ другой сферѣ дѣятельности «не преуспѣлъ»... Такіе люди и вообще не принадлежатъ къ разряду преуспѣвающихъ, а въ наше время—въ особенности.

П. Морозовъ.

Къ воспоминаніямъ о Всеволодѣ Гаршинѣ, 1888—1898 г.

Это было давно, болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, въ стѣнахъ бывшей гимназіи, затѣмъ преобразованной въ Первое Реальное училище.

Однажды, въ одномъ изъ старшихъ классовъ вышеназванной гимназіи, преподаватель русской словесности, В. П. Г. (нынѣ, кажется, уже не состоящій на службѣ) предложилъ своимъ ученикамъ написать въ классѣ сочиненіе на Тургеневскую тему—о томъ какъ умираетъ русскій человѣкъ. Желающимъ предоставлено было—воспользоваться и собственными наблюденіями въ «житейскомъ морѣ».

Возвращая рукописи, В. П. выразилъ, въ общемъ, свое недовольство работами класса. Только два «сочиненія» призналъ онъ достойными лучшей «участи»—отмѣтокъ 4 и 4 $^1/_2$. Въ одномъ авторъ трактовалъ Тургеневскій матеріалъ съ нѣкоторыми разсужденіями «отъ себя»; въ *другомъ*—пересказанъ былъ «случай изъ жизни»—его написалъ Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ. Нижеподписавшійся тутъ же въ классѣ, по пересланной черезъ товарищей запискѣ, выпросилъ и прочиталъ маленькій Гаршиновскій очеркъ. На томъ же урокѣ прислалъ онъ Гаршину на клочкѣ бумаги и «собственное заключеніе» о работѣ. Самъ—уже тогда—со слабостью къ «сочинительству» авторъ этого «заключенія» не безъ торжественности, въ какомъ-то повышенномъ настроеніи, хвалилъ Гаршиновскій разсказъ, находилъ въ немъ что-то и даже что то предсказывалъ. Въ извѣстномъ туманѣ проносится это теперь передъ нашими духовными очами, но отлично помнимъ и

Digitized by Google

собственную возбужденность и какую то *необычайность* той минуты: словно что-то *блеснуло* и *выдѣлилось* на знакомомъ сѣромъ фонѣ школьной обстановки и жизни. Памятный намъ «урокъ русскаго языка», повидимому, не внесъ никакого движенія въ обиходъ гимназическихъ дней—ни для преподователя, ни для класса. Имѣющіеся печатные біографическіе матеріалы не выясняютъ, по нашему мнѣнію, вопроса, какую роль сыграло это »сочиненіе» и для самого Всеволода Михайловича. Въ Сборникѣ «Памяти В. М. Гаршина» на 9 стр. сказано: «Вотъ это юношеское произведеніе В. М. въ полномъ видѣ» И затѣмъ приводится разсказъ «Смерть». И далѣе: «На этомъ сочиненіи учитель словесности поставилъ отмѣтку $4^1/_2$. *Повидимому*, съ этого времени В. М. *серьезно* задумалъ сдѣлаться писателемъ». И—только. Къ слову замѣтимъ, что въ Сборникѣ вкралась весьма своеобразная опечатка—«reine Glaube» вмѣсто «keine Glaube». Юношамъ «авторамъ», какъ извѣстно, свойственны часто—погоня за эффектными прилагательными, за звучными синонимами. безсознательные подчасъ перепѣвы чего-нибудь особенно излюбленнаго, наконецъ нѣкоторое рѣшительное, импонирующее резонерство. Этого не замѣчалось и въ первой теперь «печатной вещи» Гаршина. Думается въ этотъ моментъ, уже на разстояніи многихъ-многихъ годовъ конечно, что и *юная* писательская душа Гаршина сильнѣе всего восприняла Тургенева и Толстого—Тургенева, столь изумительно *красиваго*, безъ малѣйшихъ слѣдовъ фразы — и Толстого, который всегда такъ мало заботился о виртуозности и такъ силенъ художественными *эмоціями*. Насколько знали мы Всеволода Михайловича, а знали, слѣдовательно, съ гимназической скамейки—онъ никогда не казался намъ *пессимистомъ* *).

Но, еще въ гимназическую пору, у него подчасъ вырывались слова, полныя глубокой печали.

Печальное онъ выразилъ и въ поэзіи своей—просто, но художественно проникновенно.

Еще будучи гимназистомъ, вотъ что писалъ намъ Всеволодъ Михайловичъ (онъ остался на второй годъ въ выпускномъ классѣ, переживъ тяжкую душевную болѣзнь).

2 Іюля, 1873 г.

«Прибылъ я сюда (въ Малороссію) совершенно благополучно, живу здѣсь также благополучно, пользуюсь благорастворѐніемъ воздуховъ, купаньемъ и полнѣйшимъ ничегонедѣланіемъ. Даже ботанику бросилъ, лѣнь ужасная. Съ ужасомъ помышляю о необходимости явиться къ началу учебнаго года въ Петербургъ. Боюсь и Гришина и Розе и Позоровскаго (уже покойные преподаватели матем., нѣм. и франц. яз.) Почитываю немножко; «От. Зап.» у насъ есть; только сегодня получили 5 кн. Вообще скучно У насъ случилось совсѣмъ обыкновенное проис-

*) Но такимъ его, къ сожалѣнію, сдѣлала дальнѣйшая жизнь. *Ред.*

Digitized by Google

шествіе. Изъ мѣстнаго тюремнаго замка бѣжало трое арестантовъ. Послали за ними 33-хъ солдатъ, верстахъ въ семи отъ города ихъ настигли, схватили и начали бить съ непонятнымъ озлобленіемъ, такъ что пришлось ихъ везти въ городъ замертво. У одного было переломлено семь реберъ, у другого на тѣлѣ оказалось болѣе 30 поврежденій, оба они умерли въ тотъ же день, третій остался живъ. Со всякимъ нарушителемъ закона хохлы поступаютъ точно также: вора поймаютъ—не довольствуются тѣмъ, что свяжутъ его и представятъ къ начальству, а начнутъ бить всею деревнею, такъ что часто убиваютъ на смерть. Въ общемъ съ великороссомъ сравнить нельзя, злой, мрачный, лѣнивый и очень глупый народъ: просто чортъ знаетъ что такое. Вотъ вамъ и «свѣжій воздухъ», котораго въ Питерѣ нѣтъ. Эхъ батюшки, у васъ все-таки какая ни на есть, а интеллигенція, а здѣсь ссылка хлѣба и больше ничего. Мертвечина такая что ужасъ. Недавно узналъ я только, что братъ мой Викторъ (что въ Питерѣ осенью былъ) умеръ, застрѣлился (еще 30 Декабря). *Благую часть избралъ. Прямо въ сердце, не мучился нисколько.* Сегодня хочу на кладбище сходить, посмотрѣть его могилку (похоронили похристіански). Теперь я *обрѣтаюсь въ крайнемъ уныніи*; да это пройдетъ, можетъ быть, нелегкая вывезетъ. А теперь скверно. Пишите ко мнѣ. Мое письмо очень безсодержательно, извините за это, а все таки писать еще къ вамъ буду по полученіи письма вашего, котораго нетерпѣливо ждетъ Вашъ

Всеволодъ Гаршинъ».

А. Налимовъ.

Digitized by Google

Критика и библіографія.

Кальдеронъ. «Жизнь есть сонъ» комедія. Переводъ съ испанскаго Д. К. Петрова. Петербургъ 1898 г. Ц. 1 р.

Театръ Кальдерона сохранилъ въ теченіе вѣковъ не только свое историко-литературное значеніе, но и свое непосредственное художественное обаяніе. Впрочемъ, этого нельзя сказать относительно всѣхъ драмъ Кальдерона. Значительная часть ихъ состоитъ изъ такъ называемыхъ «священныхъ драмъ» (autos sacramentales) и чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, нужно разсматривать ихъ исторически, въ связи съ положеніемъ Испаніи въ XVII вѣкѣ, съ развитіемъ въ ней суроваго, безпощаднаго католицизма. Въ пьесахъ, вродѣ знаменитаго «Поклоненія Кресту», Кальдеронъ является католическимъ священникомъ, для котораго вѣрность церкви и поклоненіе ея символамъ оправдываютъ всякіе поступки, даже самые безнравственные. Конечно, и въ этихъ пьесахъ—Кальдеронъ написалъ ихъ несчетное множество—проявляется великій талантъ драматурга; онъ всегда дѣлаетъ центромъ дѣйствія не внѣшнюю борьбу съ обстоятельствами, а душевный міръ человѣка. Все творчество Кальдерона тѣсно связано съ личнымъ его характеромъ и съ направленіемъ всей его жизни. Читая его произведенія, нужно помнить, что онъ былъ воинъ и священникъ. Твердая воля сочеталась въ немъ съ очень развитымъ чувствомъ долга. Онъ рано пріобрѣлъ знаменитость. Когда ему было девятнадцать лѣтъ, и онъ только что кончилъ Саламанкскій университетъ, онъ уже одерживалъ побѣду въ поэтическихъ состязаніяхъ, и его драмы разыгрывали по всей Испаніи. Потомъ онъ поступилъ на военную службу, въ которой отличался не менѣе другихъ и сдѣлался вскорѣ приближеннымъ короля Филиппа IV, участвовалъ въ качествѣ рыцаря ордена св. Іакова въ усмиреніи Каталонскаго возстанія, но этимъ и закончилъ свою военную дѣятельность. Всецѣло отдавшись поэзіи и размышленію, онъ затѣмъ проявилъ свою склонность къ созерцательной жизни тѣмъ, что сталъ священникомъ. Родившись въ самомъ началѣ XVII вѣка, въ 1600 году, Кальдеронъ умеръ почти на склонѣ его въ 1681 году; сохранились свѣдѣнія о правдивости его жизни и о его мирномъ концѣ, озаренномъ великой славой среди современниковъ.

Эта праведная жизнь, основанная на твердомъ служеніи долгу въ

Digitized by Google

общепринятомъ смыслѣ, отразилась главнымъ образомъ въ священныхъ драмахъ Кальдерона. Въ нихъ все построено на жизненномъ идеалѣ, чисто испанскаго характера: преданность королю, охрана чести, рыцарское служеніе женщинѣ—вотъ всѣ мотивы дѣйствій его героевъ. Столкновенія между ними ведутъ къ тѣмъ болѣе сильной борьбѣ, что въ цѣльныхъ натурахъ героевъ Кальдерона нѣтъ мѣста для отступленія или колебанія. Они люди дѣйствія, съ непреклонной сильной волей, съ очень ясной психологіей. Отсюда прозрачность Кальдероновскихъ драмъ, сгущенный драматизмъ положеній. Тамъ, гдѣ не можетъ быть компромиссовъ, гдѣ поступки рѣшаются твердыми, для всѣхъ одинаковыми требованіями условной нравственности, тамъ рѣзче проявляются характеры, и сама жизнь становится болѣе яркой—хотя и менѣе глубокой.

Но если Кальдеронъ сохранилъ свое обаяніе для читателей нашего времени, то, очевидно, не этими, чисто испанскими пьесами, въ которыхъ узость католическо-феодальнаго идеала искупается только художественными достоинствами. Но есть у Кальдерона другія чисто поэтическія пьесы, и тѣмъ самымъ вѣчныя. Онѣ не чужды недостатковъ, въ нихъ сказывается то же узкое пониманіе долга чести, феодальная вѣрность государю, замѣняющая чувство личнаго достоинства, наконецъ напыщенность красивыхъ тирадъ на разныя нравоучительныя темы. Но эти недостатки сами собой обособляются въ пьесахъ, оставляя ихъ неприкосновенными во всей красотѣ и глубинѣ замысла. Одна изъ самыхъ совершенныхъ поэтическихъ комедій Кальдерона «Жизнь есть сонъ». Она появляется теперь въ новомъ русскомъ переводѣ, дающемъ случай русскимъ читателямъ или познакомиться или вновь прочесть съ великимъ наслажденіемъ одно изъ самыхъ прекрасныхъ твореній всемірной литературы. «Жизнь есть сонъ» названа комедіей, очевидно, въ виду благополучной развязки пьесы, но ко всему характеру пьесы болѣе подходило бы названіе мистеріи, потому что въ ней рѣчь идетъ о самомъ таинственномъ и самомъ трагичномъ въ человѣческой жизни—о смыслѣ человѣческихъ дѣяній и жизненныхъ происшествій. Самое заглавіе объясняетъ идейный замыслъ пьесы, но пьеса гораздо глубже ея заглавія. Ученіе о томъ, что жизнь есть сонъ, исповѣдуется всѣми пессимистами и ведетъ къ чисто отрицательному отношенію къ жизни, къ пренебреженію нравственнымъ долгомъ или къ успокоенію въ Нирваннѣ—словомъ, къ отрицанію жизни вслѣдствіе ея призрачности. Совершенно иначе понялъ эту философскую истину испанскій поэтъ. Въ его пьесѣ страннымъ, но, по истинѣ геніальнымъ путемъ совершается переходъ отъ пессимистическаго пониманія жизни къ высочайшему идеализму. Какъ вывести изъ пессимистическаго пониманія жизни проповѣдь высокаго нравственнаго идеала — этому учитъ Кальдеронъ въ прекрасномъ сказочномъ вымыслѣ, захватывающемъ читателя по драматизму и трагичности всѣхъ отдѣльныхъ элементовъ драмы. Помимо своего внѣшняго дѣленія на три акта, пьеса внутренне распадается на двѣ части: въ первой на жизненномъ примѣрѣ раскрывается истинность того, что жизнь есть сонъ. Кальдеронъ пользуется для своего замысла довольно распространеннымъ въ литературѣ мотивомъ—перенесеніемъ человѣка въ настолько чуждую для него обстановку, что онъ не

Digitized by Google

можетъ разобраться, дѣйствительность ли это или сонъ. Бокаччіо воспользовался этимъ мотивомъ въ одной изъ своихъ веселыхъ новеллъ о проказахъ каноника, которому нужно было удалить на время мужа приглянувшейся ему женщины. Кальдеронъ же воспользовался этимъ мотивомъ, для того чтобы на жизненномъ примѣрѣ показать дѣйствіе судьбы на жизнь людей. Въ пьесѣ Кальдерона роль судьбы играетъ отдѣльный человѣкъ, и благодаря этому, таинственное дѣйствіе рока становится на минуту осязательнымъ и понятнымъ. Борьба человѣка съ судьбой приближена къ читателю съ тѣмъ, чтобы онъ могъ присмотрѣться къ ея теченію, и на частномъ примѣрѣ убѣдиться въ той таинственности, неуловимости и фатальности той силы, которая движетъ жизнью людей. Роль управителя судебъ играетъ въ пьесѣ польскій царь Василій, а объектъ его сужденій и рѣшеній—его собственный сынъ. Рожденіе этого сына сопровождалось въ свое время разными угрожающими примѣтами, гороскопы показывали, что царевичъ выростетъ на погибель страны, что онъ будетъ кровожаднымъ тираномъ и навлечетъ великія бѣдствія на свой народъ. Чтобы побороть рѣшеніе судьбы, Василій заточилъ своего сына въ одинокую башню въ лѣсу. Юноша не знаетъ своего происхожденія, выростаетъ въ лѣсу среди природы и дикихъ звѣрей подъ присмотромъ преданнаго отцу его царедворца и ропщетъ на свою судьбу, на свое заточеніе, даже и не зная, сколь многое у него отнято невѣдомымъ ему слѣпымъ произволомъ. Но мудрый отецъ царевича Сигизмунда не можетъ успокоиться на совершенномъ имъ насиліи. Онъ пытался спасти страну, но имѣетъ ли онъ право мѣнять рѣшеніе судьбы и принести въ жертву сына. Онъ рѣшается еще разъ испытать судьбу. Сигизмунда, усыпленнаго снотворнымъ зельемъ переносятъ въ дворецъ; просыпаясь, онъ видитъ себя окруженнымъ почестями и полновластнымъ королемъ. Клотоальдо, его прежній воспитатель, объясняетъ ему его права и разсказываетъ также о причинахъ его прежняго заточенія. Нужно испытать нравъ принца и посмотрѣть, въ состояніи ли онъ стать мудрымъ правителемъ, а не тираномъ, какого предвѣщала судьба. Сигизмундъ правитъ одинъ лишь день, облеченный царской властью и обнаруживаетъ дикій стихійный нравъ, оправдывающій предсказаніе оракула; онъ убиваетъ одного изъ приближенныхъ, собирается казнить своего воспитателя, отнять невѣсту у гостя и родственника и т. д. Мудрый царь Василій, огорченный неудачной попыткой испытать судьбу, снова заточаетъ Сигизмунда въ темницу, гдѣ онъ просыпается въ прежней обстановкѣ.

Этимъ заканчивается первая часть—иллюстраціей положенія «Жизнь есть сонъ». Проснувшійся въ темницѣ Сигизмундъ не знаетъ, прожилъ ли онъ предыдущій день во снѣ или въ дѣйствительности и философствуетъ на эту тему. Но вотъ дальнѣйшій и болѣе глубокій выводъ изъ пессимистическаго объясненія жизни и сна. Во время своей кратковременной грезы о власти онъ проявилъ всю стихійность необузданной природы. Но тогда же въ немъ зародилось благодѣтельное чувство любви, которое и спасетъ его. Въ тиши онъ обдумываетъ смыслъ того, что съ нимъ было, и это излѣчиваетъ его отъ суетныхъ желаній:

«И кто же царствовать захочетъ,
Когда онъ знаетъ напередъ,

Digitized by Google

Что въ смертный часъ проснется онъ...
И самъ я сплю, и самъ я грежу,
Что заключенъ въ темницѣ я.
И грезилъ лишь, когда увидѣлъ
Себя въ блистаніи царя.
Что наша жизнь? одно безумье,
Одна иллюзія она.
Она лишь тѣнь, мечты созданье,
И въ ней великое ничтожно.
Вся наша жизнь лишь сновидѣнье,
И сновидѣнье также сонъ.

Убѣжденіе въ суетности желаній совершило нравственный переворотъ въ Сигизмундѣ: все, что судьба приноситъ ему послѣ того, онъ принимаетъ уже совершенно по иному. Среди призрачныхъ картинъ жизни онъ понялъ то, что нетлѣнно. Любовь научила его вѣрить въ то, что за событіями, въ то, что нетлѣнно. Пусть жизнь призракъ, но понимая это, нужно всетаки поступать, какъ будто бы все въ жизни было важно, и всегда стремиться творить добро, хотя бы и во снѣ. Въ отвлеченномъ велѣніи нравственнаго долга—та сила, которая управляетъ сномъ жизни.

Онъ не хочетъ искать земныхъ благъ, которыя, будь они даже дѣйствительны, становятся прошлымъ, т. е. опять таки сномъ:

Я буду къ вѣчному стремиться
Оно—живительная сила,
Передъ которой прахъ ничтожный,
Величіе и блескъ людей.

Такимъ образомъ пессимизмъ, осуждающій жизнь, приводитъ просвѣтленнаго царевича къ исканію высшей правды на землѣ. Съ другой стороны событія показываютъ, что не въ человѣческой волѣ управлять судьбой, и царь Василій, взявшій на себя роль судьбы, оказывается не въ силахъ остановить начатое имъ движеніе. Напрасно онъ снова ввергъ Сигизмунда въ темницу, его освобождаетъ народъ, и Сигизмундъ снова на престолѣ и борется съ отцомъ. Но Сигизмундъ уже иной, постигшій мудрость жизни. Онъ такъ же какъ отецъ, ежеминутно чувствуетъ великую тайну, разлитую въ жизни, и думаетъ только о ней, о призрачности кажущагося и о вѣчности невидимой сущности бытія. Это постоянное напоминаніе о таинственности всего, даже самаго простого въ жизни, атмосфера непонятнаго величія, окружающая всѣ поступки людей, и корыстные и великіе, составляетъ очарованіе мистеріи Кальдерона. Все разрѣшается благополучно, любовь является источникомъ всеобщаго счастья, и мудрость разрѣшаетъ всѣ кажущіяся трудности жизни. Жизнь есть сонъ, но онъ ведетъ къ познанію блага, и въ немъ возможно счастье, которымъ можно наслаждаться, понимая, что оно и призракъ, и отраженіе нетлѣннаго.

Зин. Венгерова.

Digitized by Google

Проф. **Н. И. Стороженко.** Вольнодумецъ эпохи Возрожденія. М. 1897 г.

Интересная брошюра проф. Стороженко посвящена памяти казненнаго въ Парижѣ 3-го августа 1546 года французскаго гуманиста Этьена Доле, одного изъ ранних представителей эпохи Возрожденія, столь богатой « личностями, которыя возвышенностью своихъ стремленій и энергіею своего нравственнаго характера, поддерживаютъ въ насъ угасающую вѣру въ человѣческое достоинство, возбуждаютъ въ насъ новыя силы для жизненной борьбы». Къ числу такихъ личностей принадлежитъ и Этьенъ Доле. Онъ еще въ молодости выдвинулся своими блестящими способностями и талантомъ.

Вся недолгая жизнь Доле (онъ казненъ 37 лѣтъ) протекла въ занятіяхъ наукой и упорной борьбѣ съ остатками средневѣковыхъ предразсудковъ, невѣжествомъ, суевѣріемъ и нетерпимостью. Преслѣдованіямъ, которымъ онъ подвергался со стороны инквизиціи,—не было конца.

Ему весьма рано пришлось познакомиться съ тюрьмой и изгнаніемъ. Но ничто не могло сломить гордаго духа Доле, и почти наканунѣ казни онъ могъ написать свою знаменитую Cantique, послѣднія строфы которой прямо поразительны по силѣ неземного величія:

«...Теперь иль въ будущемъ плоть наша станетъ прахомъ,
Природѣ эту дань съ болѣзнію и страхомъ
Мы всѣ должны отдать на склонѣ нашихъ дней.—
Таковъ удѣлъ людей!
Но ты, безсмертный духъ, надеждой окрыленный,
Повѣдай предъ людьми, ихъ злобой отягченный,
Что сила, мужество отважнаго бойца
Не покидаютъ до конца»...

Доле былъ сожженъ, какъ еретикъ, вмѣстѣ съ изданными имъ книгами. Передъ казнью онъ былъ подвергнутъ пыткѣ; отъ него хотѣли добиться выдачи сообщниковъ. Но усилія оказались тщетными. „По словамъ очевидца, палачъ подъ угрозой вырѣзать у Доле языкъ, принудилъ его произнести обычную формулу отреченія отъ своихъ заблужденій и призвать на себя милосердіе Божіей Матери и Св. Стефана. Только благодаря этому, Доле претерпѣлъ менѣе жестокую казнь: онъ былъ предварительно повѣшенъ, а потомъ уже сожженъ". (стр. 36).

Доле обвиняли въ атеизмѣ и матеріализмѣ. Но на самомъ дѣлѣ, онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. «Въ лицѣ его, справедливо заключаетъ Н. И. Стороженко, была осуждена свободная мысль, осужденъ былъ человѣкъ, стоявшій выше своего времени, для котораго споры о преимуществѣ одной религіозной секты предъ другой были безплодной контроверсой. Въ эпоху напряженія религіозныхъ партій такіе нейтральные свободномыслящіе люди кажутся хуже всякихъ еретиковъ. Какъ человѣкъ либеральный, какъ гуманистъ, стоявшій внѣ теологической сферы мысли, Доле долженъ былъ погибнуть въ XVI вѣкѣ, долженъ былъ быть осыпанъ проклятіями фанатиковъ, но потомство, въ судъ котораго онъ вѣрилъ, воздало ему должное и причислило его къ свѣтлой фалангѣ вож-

Digitized by Google

дей свободной мысли и страдальцевъ за святыя права человѣческой личности»...

Такимъ образомъ, на примѣрѣ Доле еще разъ подтверждаются глубоко вѣрныя слова нашего поэта, сказавшаго, что

«Для святыни убѣжденья
Полезнѣй казни и гоненья,
Чѣмъ славы суетный успѣхъ»...

В. Леоновичъ.

Т. Циглеръ. Нѣмецкій студентъ конца XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева.. Спб. 1898. in 8-vo. Стр. 2 нен.+IV+224. Ц. 50 к.

Названная книжка принадлежитъ Теобальду Циглеру, профессору философіи въ Страсбургскомъ университетѣ, уже извѣстному русской читающей публикѣ по переводу его сочиненія «Что такое нравственность?» въ изданіи редакціи журнала «Образованіе». Для русскаго читателя она представляетъ въ данную минуту двоякій интересъ: во первыхъ, какъ цѣлый профессорскій курсъ *), читанный студентамъ о нихъ самихъ, а во вторыхъ, въ виду оживленія у насъ университетскаго вопроса, когда идетъ рѣчь о реформѣ нашей высшей школы, страшно упавшей за послѣднее время. Правда, у насъ больше говорятъ объ уставѣ и преподавательскомъ персоналѣ, чѣмъ о студентахъ, больше интересуются куполомъ зданія, чѣмъ основаніемъ послѣдняго, но, быть можетъ, тѣмъ болѣе любопытнымъ является курсъ Циглера о студентахъ. Ничего нѣтъ общаго, конечно, между нѣмецкими университетомъ и студенчествомъ и русскими, исключая того, что можетъ быть примѣнено ко всякому студенческому быту. Однако, справедливо замѣчаетъ г. Карѣевъ въ предисловіи, «русскому студенту не мѣшаетъ знать о томъ, какъ живетъ студенчество въ другихъ странахъ». Приступая къ изложенію своей темы, авторъ подчеркиваетъ, что «мы живемъ въ переходное время», что «мы не только фактически переживаемъ это переходное время, но мы чувствуемъ себя людьми переходной эпохи», что «наши мысли и чувства—все стало двойственно». Эта двойственность не обошла, разумѣется, университета съ группирующимся возлѣ него студенчествомъ; девятнадцатый вѣкъ оказалъ на нихъ особенное вліяніе: прежнее понятіе объ академической свободѣ «пало жертвой идеи равенства», идеалы студенчества стали неясны. «Какимъ идеаламъ служитъ теперешній студентъ?», спрашиваетъ авторъ и сейчасъ же отвѣчаетъ, что «яснаго, опредѣленнаго отвѣта, какой мы могли дать въ 1860—1870 г., дать теперь нельзя». По этому то поводу собираются **) студенческіе конгрессы, совѣщаются объ участіи студенчества въ соціальныхъ задачахъ нашего времени. Изъ Англіи пришло такъ называемое движеніе (University Extension), которое указывало на обязанности тамъ, гдѣ студентъ до сихъ поръ видѣлъ только права и, чувствуя себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ, какъ бабочка порхалъ въ жизни съ

*) При изданіи въ свѣтъ сохранена форма лекцій неприкосновенной.
**) Писано въ 1894 г.

Digitized by Google

цвѣтка на цвѣтокъ». Съ точки зрѣнія историка всякій моментъ въ процессѣ исторической эволюціи будетъ переходнымъ; идея закономѣрности историческаго процесса пріучила насъ къ пониманію того, что въ исторической дѣйствительности никогда не было, нѣтъ и не можетъ быть ничего случайнаго или сверхъестественнаго. Какъ бы «переходное время» ни было рѣзко выражено, мы совсѣмъ не придемъ отъ этого въ унынiе: этимъ оптимизмомъ вѣетъ и отъ книжки Циглера, только онъ исходитъ у автора не изъ должнаго основанія, не изъ знанія, а изъ вѣры. А мало ли во что люди вѣрятъ, часто вѣрятъ въ такую правду, что хуже всякой лжи. Всесокрушающая сила знанія у автора какъ будто остается въ сторонѣ, а констатировавъ двойственность, переживаемую даннымъ моментомъ, онъ остановился на полдорогѣ: рѣчь, думается, можетъ идти не о приближеніи новой эпохи, а о наступленіи новой эры. Авторъ не былъ рѣшительнѣе, ибо онъ философъ-моралистъ. Люди другихъ спеціальностей не стѣсняясь говорятъ о наступленіи именно новой эры. Антонъ Менгеръ въ своей рѣчи, произнесенной 24 октября 1895 г. при вступленіи въ должность ректора Вѣнскаго университета и трижды *) переведенной на русскій языкъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «при господствѣ въ нашу эпоху опытнаго изслѣдованія, интересъ къ философіи въ значительной мѣрѣ изсякъ, и представляется весьма сомнительнымъ, чтобы эмпирическій характеръ, который она приняла въ послѣднее время, послужилъ къ оживленію этого интереса». «Но зато существуетъ предметъ, къ которому въ наше время всѣ культурные народы относятся съ глубокимъ интересомъ и большой страстностью, которые напоминаютъ великое движеніе, происходившее двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ эпоху возникновенія христіанства: этотъ предметъ есть соціальная проблема. Здѣсь дана основа для духовнаго объединенія всѣхъ мыслящихъ людей; а жизненность этого интереса является вознагражденіемъ за то, что соціальная наука, центральный пунктъ которой составляетъ соціальная юриспруденція, не занимается подобно прежней философіи разрѣшеніемъ всѣхъ теоретическихъ и практическихъ задачъ, но изслѣдуетъ только важнѣйшія практическія задачи человѣческаго существованія» (по изд. Юровскаго, стр 22; по изданію Гредескула, стр. 15). Менгеръ ставитъ свои положенія рѣшительно и смѣло, игнорируя вопросъ о переходности момента; Циглеръ чуетъ новое, силится во что бы то ни стало идти въ уровень съ вѣкомъ, но у него не хватаетъ ни силъ, ни рѣшимости провозгласить наступленіе новой эры. Въ своемъ курсѣ Циглеръ не мало морализируетъ, говоритъ, по выраженію г. Карѣева, «съ спокойствіемъ ученаго и искренностью хорошаго человѣка», не выходя изъ предѣловъ исканія «внутренняго духа студенчества», порою договаривается до очень хорошихъ наивностей, но онъ совсѣмъ далекъ отъ категорической формулировки той работы, какую предстоитъ

*) Одинъ разъ въ толстомъ журналѣ и въ двухъ отдѣльныхъ изданіяхъ, которыя мы очень усердно и настоятельно рекомендуемъ читающей публикѣ: 1) Антонъ Менгеръ. Общественныя задачи правовѣдѣнія. Спб. 1896. Ц. 15 коп. (составляетъ № 43 «Международной библіотеки» Юровскаго) и. 2) А. Менгеръ. Соціальныя задачи юриспруденціи. Переводъ съ нѣм. Н. А. Гредескула. Харьковъ. 1896 (оттиски изъ «Записокъ Харьковскаго университета»).

Digitized by Google

взять на себя нынѣшнимъ студентамъ, будущимъ дѣятелямъ двадцатаго вѣка. И здѣсь Менгеръ сильнѣе нашего автора: его оптимизмъ шире и разумнѣе, онъ призываетъ не къ простому нравственному усовершенствованію, а къ энергичной реформаторской дѣятельности по пути соціальнаго прогресса. «Эта важная задача—сыграть руководящую роль среди культурныхъ странъ въ законодательно-реформаторской дѣятельности—выпадаетъ главнымъ образомъ на вашу долю, мои юные друзья, говорилъ обращаясь къ вѣнскимъ студентамъ Менгеръ». «Кто въ атмосферѣ, наполненной противоположными духовными стремленіями, распространяетъ новыя идеи, стоящія въ противорѣчіи съ унаслѣдованными предразсудками, тотъ долженъ ожидать, что его личное существованіе подвергнется всякимъ оскорбленіямъ и непріятностямъ. Но вы найдете подготовленную почву. Вы, большая часть жизни которыхъ протечетъ не въ этомъ столѣтіи и которыхъ, поэтому, можно разсматривать, какъ гражданъ XX вѣка, будете въ состояніи работать на поприщѣ великихъ реформъ, не подвергая опасности свое личное существованіе. Можетъ быть, среди васъ есть личности, которыя своимъ духовнымъ свѣтомъ озарятъ ближайшую къ нимъ эпоху, можетъ быть они станутъ историческими личностями по положенію своему въ государствѣ, обществѣ или наукѣ. Пусть эти избранники, отъ которыхъ въ такой значительной степени зависитъ прогрессъ человѣчества, пусть они никогда не забудутъ, что ихъ личныя цѣли должны имѣть общую идеальную почву въ стремленіи сдѣлать государство и общество удобнымъ обиталищемъ для *всѣхъ* классовъ народа» (стр. 26 и 17). Сопоставьте эти слова Менгера съ моральными сентенціями Циглера, и вы увидите всю разницу основныхъ настроеній того и другого. Если Циглеръ предсказываетъ и вѣритъ въ будущее, то Менгеръ, если позволительно такъ формулировать нашу мысль, уже изучилъ и знаетъ это будущее. Кто прочитаетъ книжку Циглера (а кто ея не прочтетъ), тотъ обязанъ заглянуть въ брошюру Менгера, которая сразу выяснитъ полученныя впечатлѣнія и поможетъ разобраться въ той очень пріятной, но недостаточно ярко освѣщенной атмосферѣ создаваемой знакомствомъ съ Циглеромъ. Послѣдній точно также сознаетъ значеніе великой идеи равенства, восторжествовавшей въ XIX в., но послѣдствія ея торжества у него въ значительной мѣрѣ скрыты: идея демократизаціи знаній, создавшаяся на почвѣ подготовленной идеей равенства, не нашла въ курсѣ Циглера должнаго выраженія, хотя не одна лекція занята у него вопросами о студенческихъ дуэляхъ, пьянствѣ, отношеніяхъ къ женщинамъ легкаго поведенія. Циглеръ очень много силъ потратилъ на изображеніе отживающаго студенческаго быта, соотвѣтствовавшаго извѣстному міровоззрѣнію, и на совѣты, какъ жить въ нарождающемся новомъ быту; однако новое міровоззрѣніе, которое должно создать и новый бытъ, не удостоилось его пристальнаго вниманія... Книжку Циглера вы прочтете съ удовольствіемъ, но останетесь очень неудовлетворенными въ смыслѣ установки общихъ точекъ зрѣнія. Это главный ея недостатокъ, его нужно сразу понять и оцѣнить и найти въ чемъ либо поправку; эта поправка дается русскому читателю брошюрой Менгера. «Студенческая жизнь, говоритъ Циглеръ, или нравственна или безнравственна,—и нравственность образованныхъ людей нашего народа зависитъ отъ того, каково было ихъ

Digitized by Google

поведеніе въ юности». Эта фраза—все для книги Циглера, ею проникнута она отъ начала до конца: это тѣмъ неудобнѣе для читателя, что моральныя положенія автора, на основаніи которыхъ онъ судитъ и рядитъ, далеко не всегда вытекаютъ изъ опредѣленныхъ, устойчивыхъ посылокъ. Останавливаться подробно на содержаніи курса Циглера не станемъ, онъ самъ очень точно опредѣлилъ въ первой же лекціи, когда обѣщалъ говорить обо всемъ, что касается студента, что его волнуетъ, касаясь какъ возвышеннаго, такъ и низкаго, въ смыслѣ столько же внѣшнемъ, сколько и внутреннемъ,—говорить объ идеалахъ студента, о его колебаніяхъ, о студенческихъ религіи, политикѣ, чести, о лекціяхъ, кутежахъ, дракахъ, объ его задачахъ и стремленіяхъ принимать участіе въ современной жизни, объ его нравственности и опасностяхъ, которыя ей угрожаютъ, etc. Обо всемъ этомъ мы, дѣйствительно, находимъ въ курсѣ Циглера тѣ или другія данныя, не мало красивыхъ и прочувствованно написанныхъ страницъ, которыя, несомнѣнно производятъ впечатлѣніе. Разставаясь съ интересной книжкой Циглера и усердно рекомендуя ее читающей части нашего студенчества и публики, отмѣтимъ своеобразное и одностороннее отношеніе автора къ вопросу *о школьномъ переутомленіи*. «Я буду говорить прямо и рѣшительно, читаемъ у него въ пятой лекціи (всего семнадцать лекцій): не школа, не ученье виновны въ нервозности нашихъ дѣтей, какъ это охотно утверждаютъ мягкосердечные родители, врачи и власти (рѣчь идетъ только о Германіи), а всего больше виновато пьянство и непотребныя женщины, играющія такую роль въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ. Ученіе и солидное прилежаніе никому не вредили, но грѣхи отцовъ взыскиваются съ дѣтей до третьяго и четвертаго поколѣнія». Для насъ достаточно отмѣтить эту фразу Циглера: входить въ обсужденіе значило бы писать цѣлую статью.

Вас. Сторожевъ.

I. **Янсенъ**. Экономическое, правовое и политическое состояніе Германскаго народа наканунѣ реформаціи. Переводъ съ 16-го нѣмецк. изданія. Ц. 1 р. 25 к. СПБ. 1898. Изд. О. Н. Поповой. (Культурно-историческая библіотека).

Трудъ Янсена пользуется очень большою извѣстностью за-границей. Въ подлинникѣ онъ выдержалъ 17 изданій; часть его переведена на французскій языкъ. Нашей же публикѣ, напротивъ, имя этого писателя мало знакомо, и поэтому мысль дать понятіе русской публикѣ о его главномъ трудѣ заслуживаетъ вниманія. Но именно въ виду малоизвѣстности Янсена у насъ дѣло это представляетъ нѣкоторыя осложненія, являющіяся слѣдствіемъ особенностей самаго характера Янсена, какъ писателя. Янсенъ—писатель очень талантливый. Онъ эксплоатировалъ въ своемъ сочиненіи весьма значительный матеріалъ. Изображая исторію реформаціи, онъ очень широко понялъ свою задачу,—всѣ стороны общественной жизни затронуты въ его работѣ. Описанію экономическаго, соціальнаго и политическаго строя Германіи, изображенію культурнаго состоянія германскаго общества—всему этому Янсенъ удѣляетъ много мѣста. Онъ—одинъ изъ первыхъ историковъ реформаціи, оцѣнившихъ значеніе соціальныхъ

Digitized by Google

факторовъ въ реформаціонномъ процессѣ: значительная часть I тома его сочиненія посвящена характеристикѣ экономическихъ и соціальныхъ отношеній въ Германіи XV и начала XVI в.в.; не мало мѣста во II томѣ отведено исторіи крестьянской войны. Изложеніе Янсена—весьма живо и занимательно: стройность плана при разнообразіи затрогиваемыхъ сюжетовъ, масса конкретныхъ примѣровъ и иллюстрацій, характерныхъ выписокъ изъ источниковъ,—всѣ эти свойства его изложенія увлекаютъ читателя и заставляютъ въ то же время работать мысль. Но Янсенъ—писатель тенденціозный. Онъ изображаетъ исторію реформаціи съ католической точки зрѣнія, онъ очень часто является прокуроромъ, прикрывающимъ свое званіе обликомъ историка. Реформаціонное движеніе нанесло значительный ущербъ Германіи во всѣхъ сферахъ общественной жизни—такова въ общемъ главная мысль его труда. Иногда даже Янсенъ несовсѣмъ добросовѣстенъ въ обращеніи съ источниками: онъ цитируетъ тѣ мѣста источниковъ, которыя болѣе подходятъ къ его идеямъ. Но, говоря вообще, упрекать его въ искаженіи отдѣльныхъ фактовъ приходится не такъ часто. Тенденціозность его работы проявляется болѣе въ распредѣленіи фактическаго матеріала и въ толкованіи взаимной связи фактовъ. Такъ напр., Янсенъ изображаетъ въ очень розовомъ свѣтѣ бытъ нѣмецкаго крестьянина до-реформаціонной эпохи и рисуетъ мрачную, но вѣрную въ общемъ, картину ухудшенія этого быта въ XVI столѣтіи. Это противоположеніе имѣетъ нѣкоторыя основанія: ухудшеніе въ бытѣ крестьянъ дѣйствительно приблизительно совпадаетъ съ реформаціоннымъ временемъ. Но въ толкованіи причинъ этого явленія тенденціозность автора проглядываетъ съ значительною силой: онъ видитъ въ этомъ процессѣ не столько результатъ дѣйствія самостоятельныхъ экономическихъ силъ, экономическаго переворота въ жизни Германіи, аналогичнаго подобнымъ же переворотамъ въ жизни другихъ европейскихъ странъ, сколько вліяніе реформаціи. Изображая причины крестьянскихъ возстаній XV в. Янсенъ на первый планъ выдвигаетъ роль гусситизма. Въ группировкѣ фактовъ также проявляется тенденціозность автора: Янсенъ, напр., не скрываетъ того, что крестьянскія возстанія имѣли мѣсто и до реформаціи, въ XV в., но онъ изображаетъ ихъ не въ I т., гдѣ набросана картина соціальныхъ отношеній Германіи до реформаціи, а относитъ это изображеніе во II т. и связываетъ его съ исторіей крестьянской войны 1525 г., вслѣдствіе чего общая окраска очерка крестьянскаго быта XV в. остается весьма оптимистической, а темныя стороны эпохи отступаютъ на задній планъ и служатъ лишь для усугубленія мрачныхъ тоновъ, которыми отличается въ изображеніи Янсена реформаціонный періодъ.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ особенности Янсена, какъ историка и писателя. Вотъ съ этими то его свойствами и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, очень и очень считаться при ознакомленіи русской публики съ трудами Янсена. Къ сожалѣнію, мы не видимъ, чтобы въ русскомъ переводѣ было обращено вниманіе на эту сторону дѣла. Въ переводѣ отсутствуетъ введеніе, которое бы ознакомило читателя не спеціалиста съ особенностями Янсена, какъ писателя. А между тѣмъ безъ такого введенія неподготовленный читатель теряетъ очень много: онъ не знаетъ, что къ Янсену нужно относиться осторожно. Но одного введенія

Digitized by Google

было бы мало: нѣкоторыя части изложенія Янсена требовали бы пояснительныхъ примѣчаній, въ которыхъ были бы указаны наиболѣе существенные пункты, неправильно освѣщенные авторомъ. Такое изданіе перевода Янсена дало бы возможность русскому читателю ознакомиться съ Янсеномъ, какъ съ выдающимся писателемъ, и въ то же время позволило бы неспеціалисту отличить въ его изложеніи матеріалъ, цѣнный въ научномъ смыслѣ (а такого у Янсена не мало) отъ тенденціозныхъ толкованій автора. Ничего подобнаго мы не видимъ въ лежащемъ передъ нами изданіи. Это изданіе есть переводъ 2 части I тома большого сочиненія Янсена и представляетъ, какъ видно изъ заглавія перевода, очеркъ экономическихъ, юридическихъ и политическихъ отношеній Германіи XV и начала XVI в. Здѣсь читатель найдетъ описаніе положенія германскаго земледѣльческаго класса, быта ремесленниковъ, купцовъ въ связи съ состояніемъ германской промышленности и торговли; далѣе слѣдуетъ сжатый очеркъ государственнаго строя Германіи; значительная глава посвящена рецепціи римскаго права въ Германіи; заканчивается книжка характеристикой правленія Максимиліана I и избраніемъ Карла V.

Кромѣ отсутствія введенія и пояснительныхъ примѣчаній въ русскомъ переводѣ есть и нѣкоторые другіе существенные недочеты. Можетъ быть, стремленіемъ смягчить тенденціозность Янсена объясняются многочисленные пропуски въ переводѣ. Но такой способъ смягченія тенденціозности представляется очень страннымъ: тенденціозность автора этимъ не устраняется, а между тѣмъ читатель, думая, что онъ знакомится съ сочиненіемъ Янсена, на самомъ дѣлѣ читаетъ его переработку (нужно замѣтить, что *пропуски нигдѣ не оговорены*). Такъ, напр., пропущенъ очеркъ христіанско-германскихъ воззрѣній на собственность и трудъ, пропущена характеристика взаимныхъ отношеній папской и императорской власти, не хватаетъ въ русскомъ переводѣ очень существенной страницы объ отношеніи церкви къ римскому праву. Всѣ эти мѣста очень характерны для писательской физіономіи Янсена, а часто заключаютъ въ себѣ мысли, цѣнныя по существу. Нѣкоторые пропуски въ русскомъ переводѣ остаются для насъ совершенно непонятными. Прежде всего пропущены *всѣ* примѣчанія Янсена, часто очень цѣнныя. Непонятенъ пропускъ отрывковъ изъ Фальца и С. Бранта (Подлин. 4. Aufl., s. 385—386, соотв. стр. 125 рус. перев.), характерная присяга нѣмецкаго короля передана сокращенно (рус. пер., стр. 137), на стр. 125 пропущено имя Фуггеровъ. Всѣ эти пропуски также нигдѣ не оговорены. Должны мы также пожалѣть о множествѣ ошибокъ (или опечатокъ) въ собственныхъ именахъ. Гейлеръ (Geiler von Kaisersberg) неоднократно именуется Гейперомъ (стр. 109 дважды, стр. 110) и даже Гейденомъ (стр. 110). Геймбургъ (Gregor von Heimburg) именуется Гейльбургомъ (стр. 171). Городъ Ueberlingen названъ Иберлинденъ, Kaufbeuren—Каубэйренъ (стр. 152).

Внѣшность изданія очень удовлетворительна и цѣна не высока. Эти свойства присущи многимъ изданіямъ О. Н. Поповой.

М. М. Хвостовъ.

Digitized by Google

В. Е. Романовскій. Государственныя учрежденія древней и новой Россіи, 229 стр. Тифлисъ. Цѣна 1 р. 1897. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста средне-учебныхъ заведеній.

По словамъ автора, цѣль его изданія—«дать ученикамъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній возможность въ доступномъ ихъ возрасту изложеніи ознакомиться съ отечественными государственными учрежденіями, какъ нынѣ дѣйствующими, такъ и дѣйствовавшими въ прежнее время. Книга предназначается для домашняго чтенія учениковъ. Смѣемъ думать, что гг. преподаватели исторіи могутъ ею пользоваться для разъясненія на урокахъ различныхъ вопросовъ по русскому государственному праву, затронутыхъ въ учебникѣ».

Задавшись столь симпатичною цѣлью, отвѣчающей дѣйствительно потребности учащагося юношества и читающей публики, авторъ, повидимому, прекрасно понимаетъ, съ какими трудностями сопряжена, при современномъ состояніи науки государственнаго права въ Россіи, эта, на сколько намъ извѣстно, вполнѣ новая задача. Въ заключеніе своего предисловія авторъ замѣчаетъ: «Въ нашемъ трудѣ найдутся, конечно, погрѣшности, которыя, надѣемся, критика обстоятельно укажетъ». Мы, конечно, не станемъ утомлять нашего читателя тою обстоятельною критикою, о которой говоритъ авторъ, но и ограничиваясь одною общею характеристикою книги, быть можетъ до нѣкоторой степени исполнимъ высказанное авторомъ желаніе.

Прежде всего отмѣтимъ, что въ своемъ, въ высшей степени разумномъ стремленіи дать исторію каждаго описываемаго имъ учрежденія, авторъ, хотя перечиталъ не мало книгъ, но далеко не воспользовался всей имѣющейся даже учебной литературой. Такъ онъ повидимому, никогда не обращается къ работамъ проф. Сергѣевича; говоримъ это не столько потому, что не встрѣчаемъ въ книгѣ ссылокъ на этого ученаго, сколько потому, что авторъ затрудняется въ пониманіи значенія такихъ событій и юридическихъ институтовъ, юридическая природа и историческое значеніе которыхъ вполнѣ выяснены проф. Сергѣевичемъ. Укажемъ наприм. на вопросъ о порядкѣ престолонаслѣдія. Г. Романовскій (стр. 54) считаетъ, что торжественнымъ чиномъ назначенія Федора Алексѣевича своимъ наслѣдникомъ Алексѣй Михайловичъ «торжественно освятилъ установившійся уже въ Россіи порядокъ престолонаслѣдія». Сергѣевичъ показалъ, что именно въ этомъ назначеніи надо видѣть доказательство того, что въ Москвѣ не установилось идеи правильнаго, законнаго престолонаслѣдія (Лекціи и изслѣдованія. Изд. 1888 г. стр. 351).

Затѣмъ историческіе очерки автора страдаютъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторой неправильностью исторической перспективы, что, повидимому слѣдуетъ отнести, главнымъ образомъ, на счетъ нѣкоторой небрежности изложенія, особенно нежелательной въ книгѣ предназначенной для домашняго чтенія воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній. По словамъ автора предоставленное при Грозномъ нѣкоторымъ областямъ право самоуправленія было строго контролируемо правительствомъ (147). Организація контроля надъ самоуправленіемъ есть дѣло огромной трудности, и съ перваго взгляда очевидна невѣроятность, чтобы во времена Грознаго

Digitized by Google

эта задача могла быть разрѣшена *). На стр. 176 говорится о «правѣ предложенія государю новыхъ законовъ» при Петрѣ I. Неужели въ такія эпохи, какъ Петровская, при ея крайне несовершенномъ правительственномъ механизмѣ, при полномъ смѣшеніи суда, администраціи и законодательства, можно говорить о какомъ то особомъ правѣ предложенія новыхъ законовъ.

Для пониманія нашего государственнаго строя крайне важно помнить, что начало раздѣленія властей проникло къ намъ лишь съ царствованія Александра I. Между тѣмъ, изъ книги г. Романовскаго читатель не можетъ не вынести того впечатлѣнія, что это начало проводилось у насъ при Павлѣ (101) или даже при Екатеринѣ (75).

Весьма блѣдно и даже странно охарактеризована преобразовательная дѣятельность Александра I и Сперанскаго, являющаяся поворотнымъ пунктомъ въ исторіи нашихъ центральныхъ государственныхъ учрежденій и потому крайне важная для правильнаго пониманія не только исторіи, но и современнаго устройства и взаимнаго соотношенія органовъ русской высшей администраціи. Въ первую половину своего царствованія, говоритъ г. Романовскій, Александръ I «чувствовалъ вообще большую склонность къ различнымъ (?) преобразованіямъ» (73). Не къ «различнымъ», а къ преобразованіямъ во вполнѣ опредѣленномъ направленіи. Крайне тускло охарактеризована дѣятельность Александра I въ первые дни царствованія, когда онъ отмѣнялъ разныя странныя мѣры Павла Петровича, о чемъ г. Романовскій говоритъ нѣсколькими строчками ниже. Рисуемый имъ образъ Александра I въ эту эпоху блѣденъ до невѣрности. Относительно реформъ Сперанскаго, у читателя получаются совершенно сбивчивыя и неточныя представленія. Не вѣрно даже самое заглавіе проекта. Онъ назывался «планомъ государственнаго образованія», а не «преобразованія», какъ пишетъ г. Романовскій (74, 180). Невѣрно изложена и судьба проекта. Планъ Сперанскаго былъ, дѣйствительно, какъ говоритъ авторъ, осуществленъ не во всѣхъ частяхъ (74), но совершенно ошибочно, будто была осуществлена реформа Сената. Указываемъ на эту неточность въ виду того, что для пониманія отношенія современнаго намъ Сената къ другимъ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ необходимо помнить, что Сенатъ остался при своей старой Екатерининской организаціи и не согласованъ съ Александровскимъ учрежденіемъ министерствъ, построенныхъ на совершенно новыхъ началахъ централизаціи и раздѣленія властей.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на Гос. Совѣтѣ, Сенатѣ и Министерствахъ, какъ учрежденіяхъ, имѣющихъ наибольшее значеніе для новой Россіи **). Прежде всего авторъ слишкомъ преувеличиваетъ законосовѣща-

---

*) Вообще съ самоуправленіемъ у автора не совсѣмъ ладно; напр. онъ противополагаетъ земское начало государственному, какъ будто земство и городское самоуправленіе не учрежденія государственнаго управленія.

**) На мѣстныхъ учрежденіяхъ, какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ, авторъ не останавливается вовсе. Для книги, желающей дать представленіе о государственномъ строѣ современной Россіи, это является существеннымъ пробѣломъ.

Digitized by Google

тельный характеръ Гос. Сов. въ ущербъ его другимъ функціямъ, административнымъ и судебнымъ. Поэтому онъ противополагаетъ Гос. Совѣту Боярскую думу, какъ такое учрежденіе, которое обсуждало дѣла законодательства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и административныя, и судебныя (69). Противоположеніе неправильное, ибо и Гос. Сов. вѣдаетъ дѣла этихъ категорій. По нашему мнѣнію, совершенно неправильно, расплывчато и неточно характеризовать Государственный Совѣтъ какъ учрежденіе съ «опредѣленнымъ характеромъ». Этимъ признакомъ, по мнѣнію автора, (71, 73), Государственный Совѣтъ отличается отъ разныхъ совѣтовъ прошлаго вѣка. Съ этимъ трудно согласиться: тѣ учрежденія отличались отъ Государственнаго Совѣта не своимъ неопредѣленнымъ характеромъ а тѣмъ, что являлись органомъ извѣстной политической партіи, или же предназначались главнымъ образомъ для дѣлъ иностранной политики, въ то время какъ Государственный Совѣтъ есть, такъ сказать, регулярный органъ внутренняго государственнаго управленія. Совершенно непонятна мысль, встрѣчаемая, впрочемъ, не у одного г. Романовскаго, что назначеніе Гос. Совѣта, какъ учрежденія по дѣламъ законодательнымъ, есть установленіе законности (75). Понятіе законности сводится не къ наличности законовъ, надъ чѣмъ однимъ только и можетъ работать учрежденіе законодательное, но къ твердому исполненію законовъ, относительно чего учрежденіе, призванное къ обсужденію законовъ, совершенно безсильно. Законность въ управленіи можетъ быть обезпечена лишь организаціею надзора за администраціей, а Гос. Совѣтъ никогда не былъ органомъ этого надзора.

Особенно неладно дѣло обстоитъ у нашего автора съ Сенатомъ, какъ этого и слѣдовало ожидать въ виду крайней сложности и неразработанности его исторіи. Когда Сенатъ становится чисто судебнымъ органомъ, утрачивая административныя свои функціи? На стр. 101 видно, что это было при Павлѣ. Но на стр. 103 оказывается, что въ Сенатѣ, унаслѣдованномъ Александромъ I отъ Павла господствовало смѣшеніе властей судебной и административной. Второе, конечно, вѣрнѣе. Авторъ упоминаетъ о томъ, что въ царствованіе императора Александра II Сенатъ былъ окончательно преобразованъ (104). Такая фраза по своей крайней неточности можетъ легко внушить самыя невѣрныя мысли юнымъ читателямъ г. Романовскаго. Что касается Министерствъ, то авторъ говоритъ о нихъ весьма немного. Напр. на внутренней ихъ организаціи онъ не останавливается вовсе, на отношеніи къ мѣстнымъ властямъ тоже. Характеристика же правъ и юридическаго положенія Министерствъ въ системѣ органовъ центральнаго управленія дана путемъ краткой выписки изъ Свода Законовъ. Вообще такими выписками постановленій Свода, неясными, часто юридически весьма несовершенными, авторъ заполняетъ иногда подрядъ нѣсколько страницъ (77—80; 104—110; 182—185), которыя, по нашему мнѣнію, ничего кромѣ тоски читателю не внушатъ. Въ книгѣ, подобной настоящей, гораздо важнѣе дать общую характеристику компетенціи того или другого Департамента Сената, чѣмъ выписывать, къ тому же искажая ихъ, крайне мало вразумительныя для гимназиста постановленія Свода (106).

Въ заключеніе повторимъ, что признаемъ поставленную себѣ авто-

Digitized by Google

ромъ задачу весьма и весьма удачно избранною; въ работѣ автора всюду видно добросовѣстное отношеніе къ ней; въ томъ, что касается нашихъ центральныхъ учрежденій, авторомъ сдѣлано очень и очень многое, а указанные выше недостатки вполнѣ объясняются и оправдываются трудностью совершенно новой задачи.

Н. Лазаревскій.

Основы Землевѣдѣнія. Руководство для студентовъ университета, преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія А. Н. Краснова, Доктора землевѣдѣнія, магистра ботаники, дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географич. общества, Московскаго общества любителей Естествознанія, общества Испытателей природы при СПБ., Московскомъ и Харьковскомъ университетахъ, Gesellschaft für Erdkunde въ Берлинѣ, Geological Society въ Вашингтонѣ и Крымскаго Альпійскаго клуба.

Выпускъ I. Исторія картографіи, форма земли, распредѣленіе суши и ея строеніе.

Выпускъ II. Атмосфера, ея дѣйствіе на сушу и море, климаты суши и явленія на морѣ, ею создаваемыя.

Выпускъ III. Формы суши и дѣятели, ихъ создающіе.

Профессоръ Харьковскаго университета г. Красновъ составилъ курсъ землевѣдѣнія, который онъ предназначаетъ «для студентовъ университета, преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія». Трудъ этотъ носитъ характеръ компилятивный, при чемъ пособіемъ для автора служили главнымъ образомъ иностранные, а иногда и русскіе учебники. Нынѣ вышло 3 выпуска, содержаніе которыхъ явствуетъ изъ приведенныхъ выше заголовковъ. Ожидается еще 4-й выпускъ. «Географія организмовъ, человѣчество, законы, управляющіе его разселеніемъ, и условія, вліяющія на создаваемыя имъ культуры. Основы научной географической классификаціи». Введеніе къ своему курсу авторъ начинаетъ съ опредѣленія географіи. «Географія есть наука, занимающаяся изученіемъ современнаго состоянія земной поверхности. Она стремится найти причинную связь между формами и явленіями, сочетанія коихъ обусловливаютъ несходство различныхъ частей этой поверхности, и изслѣдуетъ ихъ характеръ, распредѣленіе и вліяніе на жизнь и культуру человѣка». Опредѣленіе это неясно. Что понимаетъ авторъ подъ поверхностью земли? Одну неорганическую поверхность, или же и то, что на ней находится, т. е. растительный и животный міръ? Если такъ, то почему же не относитъ онъ къ ней и человѣка?

Въ послѣдующихъ 20-ти строчкахъ авторъ отвергаетъ научное значеніе за географіей организмовъ, называя послѣднюю лишь «географическаго характера обобщеніемъ естественныхъ наукъ» и заявляя, что ближе всего къ нему по своимъ воззрѣніямъ на географію Рихтгофенъ, но и онъ ограничиваетъ географію лишь «геологическимъ изслѣдованіемъ тектоники суши, а другимъ элементамъ: растительности, климату и человѣку отводитъ второстепенное мѣсто». Такимъ образомъ проф. Красновъ къ

Digitized by Google

поверхности земли относитъ вѣроятно и ея органическое населеніе. Дальше онъ утверждаетъ что, «географу должно изучать» *законность* въ *сочетаніяхъ* тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ область другихъ наукъ, примыкая т. о. къ опредѣленію, данному проф. Петри въ его «Методикѣ» еще въ 1892 году: «Географія земной поверхности есть ученіе о неорганическихъ и органическихъ явленіяхъ на землѣ и ихъ *соотношеніяхъ* (стр. 49) и далѣе: «географъ долженъ указывать на *законосообразность* изучаемыхъ имъ фактовъ, приводя ихъ въ естественную связь» (стр. 53) Отсюда же вѣроятно заимствуетъ проф. Красновъ и свой взглядъ на отношеніе ученаго географа къ путешественнику (Красновъ стр. 8. Петри стр. 53—54). Но у проф. Петри это опредѣленіе относится лишь къ одному изъ 6-ти подотдѣловъ географіи, и проф. Красновъ т. о. остальныхъ 5-ти или не признаетъ или быть можетъ включаетъ ихъ въ свое опредѣленіе, но во всякомъ случаѣ выражаетъ крайне неясно. Это весьма прискорбно, такъ какъ отъ взгляда на науку зависитъ и планъ курса.

Первая глава, занимающая всего 10 страницъ, посвящена ученію о формѣ земли и отличается необычайной сжатостью изложенія; при томъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ, начиная съ Бесселя, посвященъ всего одинъ листикъ (стр. 15—16) да и здѣсь даже такія простыя данныя какъ величина земли совершенно искажены. Большая ось сферонда земли, цитируемая по Бесселю, оказывается равной 6.377.397 метровъ, т. е. ровно въ два раза меньше. Дѣло въ томъ, что авторъ очевидно пользовался въ данномъ случаѣ нѣмецкимъ руководствомъ, и слово «Halbmesser» (радіусъ) смѣшалъ съ «Durchmesser» (поперечникъ), подобно тому какъ при описаніи гномона на стр. 11 нѣмецкое «gleich» у него получаетъ совершенно искажающее въ данномъ случаѣ смыслъ значеніе «подобный» вмѣсто «равный», что и вызвало поправку самого автора въ опечаткахъ. Удивительно, какъ при провѣркѣ авторъ не замѣтилъ и многихъ другихъ просто поразительныхъ вещей, тѣмъ болѣе, что одна неважная поправка «градуса долготы» вмѣсто «градуса» дана для той же 75-й страницы. Не говоря уже о томъ, что цифры невѣрны, мы встрѣчаемъ здѣсь напримѣръ такого рода данныя: «одинъ градусъ экватора = 15 географ. милямъ или 7,420 метр.» между тѣмъ какъ 7.420 : 4 есть величина одной мили. Нѣсколько строкъ далѣе и оказывается, что земля имѣетъ форму шара сплющеннаго у экватора и пріостреннаго у полюсовъ, потому что „экваторіальный поперечникъ земнаго эллипсоида короче (!) полярнаго на 2,88 мили“. Даже самая цифра 2,88 здѣсь не вѣрна, ибо не поперечникъ, а радіусъ на столько короче, и конечно не экваторіальный короче полярнаго, а наоборотъ. Поэтому и всѣ дальнѣйшія сопоставленія величины сжатія съ другими величинами теряютъ свое значеніе. Еще нѣсколько строчекъ, и мы встрѣчаемъ на той же страницѣ формулу Клеро, при чемъ, во первыхъ, сжатіе земли въ ней обозначается то d то a, а во вторыхъ авторъ упускаетъ изъ вида самое главное, что сжатіе по этой формулѣ было вычислено лишь тогда, когда эмпирически было опредѣлено $\Delta\vartheta$, т. е. законъ приращенія силы тяжести отъ экватора къ полюсамъ, безъ чего у автора оказываются въ этой формулѣ двѣ неизвѣстныхъ величины. Еще нѣсколько строкъ, и на той же 16-й страницѣ, являющейся

Digitized by Google

сокращеніемъ страницъ 46—56 физической геологіи проф. Мушкетова, авторъ дѣлаетъ еще нѣсколько грубыхъ ошибокъ.

Такъ даже геоидъ Листинга онъ считаетъ «нѣкоторымъ неправильной формы тѣломъ, выражающимъ истинную форму земли». Между тѣмъ какъ геоидъ есть та поверхность, которую принялъ бы уровень воды въ океанахъ и каналахъ, прорѣзывающихъ материки по всѣмъ направленіемъ и сообщающихся съ моремъ — двѣ вещи совершенно различныя. О столь важномъ для пониманія морскихъ трансгрессій вздутіи океана у материковъ сказано всего нѣсколько словъ, а между тѣмъ это вздутіе есть явленіе сложное, результатъ дѣйствія многихъ силъ, которыя и опредѣляютъ форму кривой поверхности, образуемой океаномъ. Данныя о плотности и магнетизмѣ земли совершенно отсутствуютъ. Авторъ просто заявляетъ, что детальное опредѣленіе формы земли принадлежитъ будущему, не указывая тѣхъ путей, которымъ оно можетъ быть достигнуто. Въ то время какъ ученіе о формѣ земли, которыми обыкновенно начинается всякое научное землеописаніе, является у автора скомканнымъ и искаженнымъ, картографіи онъ посвящаетъ 66 страницъ, при чемъ изъ нихъ 20 уходятъ на исторію картографіи. На слѣдующихъ 46 авторъ знакомитъ читателей съ инструментами и пріемами съемокъ и черченія карты, при чемъ результаты всѣхъ изложенныхъ пріемовъ являются у него не всегда правильными и неполными. Такъ на 64-й страницѣ авторъ пересказывая 88-ю страницу Физич. Геологіи Мушкетова даетъ цифру возвышенія суши надъ моремъ 682 метра какъ maximum, между тѣмъ это есть средняя высота изъ всѣхъ наблюденій, maximum же данъ Пенкомъ и равенъ 705 метр. На 67-й страницѣ авторъ даетъ лишь небольшую табличку, показывающую распредѣленіе суши и воды подъ различными широтами, а наиболѣе интересные выводы изъ всѣхъ геодезическихъ работъ у него неясны.

Мы разумѣемъ здѣсь напримѣръ кривую поверхности земли Зупана, свидѣтельствующую о томъ, что горы не суть «ossatura mundi», что они не дали начала континентамъ, и что послѣдніе суть нѣчто искони существующее. У автора этому основному выводу посвящено на стр. 98 всего двѣ строчки. На стр. 95 мы находимъ другой весьма неясный выводъ: «такимъ образомъ земная кора представляетъ изъ себя высокую материковую выпуклину съ расположенными по окраинамъ ея возвышенностями и такую же систему связанныхъ между собою пучинъ, окруженныхъ меньшими глубинами».

Описанія приборовъ также какъ теодолита, планиметра, горнаго компаса постоянно отвлекаютъ автора и не вяжутся съ его обѣщаніемъ дать лишь выводы естественныхъ наукъ, поскольку они нужны для его цѣлей. Къ тому же описанія эти изобилуютъ неясными и подчасъ совершенно ненаучными выраженіями напр. 47 стр.: «зеркало прикрѣплено подъ такимъ угломъ, подъ которымъ одно изъ наблюдаемыхъ свѣтилъ, если оно отражается въ зеркалѣ, *пошло бы въ трубу*»... Въ послѣднихъ главахъ перваго выпуска авторъ излагаетъ классическій трудъ Зюсса и относится къ нему прямо кощунственно. Многотомное (2 тома по 600—700 стр. и 3-й) сочиненіе знаменитаго геолога «Das Antlitz der Erde» пролило совершенно новый свѣтъ на исторію развитія континентовъ и имѣетъ по-

Digitized by Google

этому громадное значеніе и для геолога и для географа. Съ первыхъ же страницъ его творенія на васъ вѣетъ изяществомъ и проницательностью мысли. Такъ объясненіе ассирійскаго сказанія о потопѣ, данное Зюссомъ, и до сихъ поръ считается единственно вѣроятнымъ, хотя и было подвергнуто критикѣ такихъ ученыхъ, какъ Соласъ въ Англіи, Жераръ во Франціи и Шмидтъ въ Германіи. Проф. Мушкетовъ посвящаетъ изложенію основныхъ принциповъ Зюсса 50 страницъ in 4°, а въ курсѣ г. Краснова ему отведено страничекъ семь и при томъ соотношеніямъ и внутренней связи между исторіею, тектоникой, очертаніями и пластикой материковъ посвящается менѣе двухъ страницъ (157—158), при чемъ проф. Красновъ то называетъ твореніе Зюсса «попыткой очень смѣлой, могущей претендовать на столь же малую точность, какъ карты временъ Колумба», то говоритъ, что «ликъ земли, возстановленный Зюссомъ, проливаетъ глубокій смыслъ въ картину распредѣленія суши и моря» (стр. 107 и 157).

Вслѣдствіе такого неопредѣленнаго отношенія и комканія ученіе Зюсса изложено весьма неясно и читается съ большимъ трудомъ. Столь же небрежно изложеніе и другихъ важныхъ вещей. Такъ на стр. 152 гипотезамъ Канта и Лапласа посвящается ровно 6 совершенно неправильныхъ въ стилистич. отношеніи строчекъ, да и въ нихъ авторъ погрѣшаетъ противъ истины, ибо Кантъ никогда не утверждалъ, что образованіе планетъ шло параллельно образованію солнца. Онъ принималъ лишь самостоятельное образованіе (см. напр. *Хандриковъ*. Описательная астрономія 520 *). О новѣйшей гипотезѣ Фая авторъ не говоритъ ни слова. Главы о землетрясеніяхъ и вулканахъ заключаютъ въ себѣ много черезчуръ элементарныхъ вещей, какъ напр. описаніе изверженія, и изложены они главн. образомъ по Мушкетову, откуда позаимствована и добрая половина рисунковъ, такъ что если не считать вышеупомянутаго обзора картографіи, да V-й главы о глубоководныхъ изслѣдованіяхъ (стр. 87—106), то всё остальное, о чемъ трактуетъ проф. Красновъ въ I вып., русскіе читатели, стремящіеся къ самообразованію, могутъ найти изложеннымъ гораздо болѣе полно, стройно, понятно и главное правильно въ I томѣ Физическ. Геол. проф. Мушкетова. Что касается втораго выпуска, то пособіемъ для автора служило главн. образомъ классич. сочиненіе Гана «Handbuch der Klimatologie», изъ котораго авторъ заимствуетъ напр. описаніе морскихъ круговоротовъ, климатовъ, потоковъ атмосферы, цѣлый рядъ таблицъ и т. д. Къ сожалѣнію, авторъ опять таки относится недостаточно критически къ заимствуемому матеріалу, онъ обыкновенно просто переводитъ подлинникъ, напр. на стр. 71 онъ заимствуетъ описаніе морской бризы Вальпарайсо изъ «Handbuch der Klimatologie Hahn'a», стр. 103 описаніе данное здѣсь по Maury, при чемъ проф. Красновъ не считаетъ даже нужнымъ оговориться подобно Hahn'у, откуда онъ взялъ его. Изъ 138 стр. II-го выпуска стр. 1—20 и 63—138 представляютъ пересказъ вышеупомянутаго сочиненія Гана, которое въ старомъ изданіи содержало 700 съ лишнимъ страницъ, а въ новомъ вышло уже въ трехъ томахъ. Остальныя же

*) «Та причина, которая вызвала изъ хаоса солнце... *произведетъ* новые центры скопленія матеріи, и изъ нихъ *потомъ* возникнутъ планеты.

Digitized by Google

40 стр. являются такимъ же скомканнымъ пересказомъ одной, двухъ океанографій.

И при пересказѣ Гана авторъ не относится критически къ заимствуемому матеріалу и порою впадаетъ въ весьма грубыя ошибки, такъ на стр. 7-й своего труда онъ, переводя 69-ю страницу Гана, говоритъ, что «свѣтовые лучи гораздо меньше поглощаются атмосферою, чѣмъ тепловые или химическіе», совершенно упуская изъ виду знаменитые опыты Ланглея надъ нормальнымъ спектромъ, произведенные въ 81 году и помѣщеные еще въ первомъ изданіи „Метеорологіи“ проф. Лачинова (1889), опыты, которые доказали, что именно темные лучи гораздо легче пропускаются атмосферою, чѣмъ свѣтлые, перенесли въ спектрѣ мѣсто теплового максимума и совершенно измѣнили величину солнечной постоянной, о которой у автора не говорится ни слова. Въ концѣ II-го выпуска авторъ предлагаетъ свою классификацію климатовъ, которую онъ считаетъ удобной, потому что въ нее «укладываются типы климатическихъ областей установленныхъ другими *спеціалистами*, какъ Ганъ, Воейковъ, Зупанъ».

Третій выпускъ составленъ по Вальреру, въ чемъ авторъ и самъ признается, и составленъ нѣсколько удовлетворительнѣе двухъ первыхъ, хотя тоже страдаетъ неясностью изложенія, а отчасти и неполнотой. Такъ на стр. 8 говоря о таяніи снѣга, авторъ не указываетъ роли ледяной корки, которой проф. Воейковъ придаетъ столь большое значеніе въ этомъ процессѣ. Давая границы снѣгового покрова по Гану (стр. 6), авторъ забываетъ упомянуть, что приводимыя имъ цифры относятся къ уровню моря, описывая таяніе ледниковъ, онъ упускаетъ таяніе отъ тренія и т. д.

О многочисленныхъ стилистическихъ искаженіяхъ, опечаткахъ и неправильной передачѣ именъ авторовъ, на которыя своевременно было указано критикой «Русск. Мысль» 95, VIII, мы за недостаткомъ мѣста распространяться не будемъ. Они встрѣчаются и въ двухъ послѣднихъ выпускахъ. Такъ данныя о составѣ морской воды на стр. 19 содержатъ какія то несуществующія соединенія $Ca\,C_2\,O_4$ и т. д. Въ III вып. на стр. 84 встрѣчается фраза «въ Африкѣ у Tademayt'a» между тѣмъ, какъ Tademayt есть цѣлое обширное плато; на стр. 184 авторъ описываетъ перемѣщенія рѣки въ руслѣ совершенно неясно. Но если даже мы исключимъ всѣ эти погрѣшности, мы все же получимъ впечатлѣніе скомканности и нестройности. Авторъ даже мѣняетъ первоначальный планъ курса. Такъ въ I-мъ и II-мъ выпускѣ онъ обѣщаетъ излагать въ III-мъ «Морфологію земной поверхности, воды, суши, географію почвъ, растеній и животныхъ», а по выходѣ III-го выпуска, онъ названъ: «Формы земной поверхности и дѣятели, ихъ создающіе».

Въ то время какъ изложенію многихъ важныхъ вопросовъ посвящено всего нѣсколько строкъ, авторъ иногда цѣлыя страницы посвящаетъ картинамъ климатовъ, заимствуя ихъ у Гана. Но въ обширномъ трудѣ они вполнѣ умѣстны, ибо, служа иллюстраціями, составляютъ лишь незначительную часть его и не нарушаютъ цѣлостности изложенія; тамъ же, гдѣ климатологіи посвящено меньше 100 страницъ, едвали удобно переносить ихъ цѣликомъ изъ обширнаго трактата. Авторъ любитъ также длинныя заглавія и эффектныя цитаты. Такъ въ концѣ перваго выпуска онъ переноситъ въ свой небольшой курсъ опять таки изъ многотомнаго

Digitized by Google

сочиненія Зюсса, къ которому раньше относился столь снисходительно, цѣлую страницу заключительныхъ текстовъ о вдохновенномъ пѣвцѣ Jalmiki, о Рамѣ, смотрящемъ на океанъ временъ, во 2-мъ выпускѣ мы находимъ цѣлую поэтическую страницу мелкаго шрифта (37) о бурѣ, испытанной самимъ авторомъ при его поѣздкѣ по Атлантическому океану; это характерный примѣръ тѣхъ усилій автора выражаться высокимъ слогомъ, которыя дѣлаютъ изложеніе неяснымъ. Здѣсь мы видимъ „бѣловерхія вершины", „бездны то чернильно синія, то бутылочно зеленоватыя" и т. д. Такія описанія приличны болѣе журнальнымъ статьямъ, чѣмъ серіозному курсу, и разумѣется способны лишь увеличить нестройность послѣдняго.

Что касается внѣшней стороны изданія, то рисунки его не выдерживаютъ критики; въ I и II выпускахъ они взяты отчасти изъ Геодогіи Мушкетова, отчасти изъ нѣмецкихъ изданій и потому снабжены или нѣмецкими подписями, или буквами и значками, не имѣющими никакого отношенія къ тексту г. Краснова; въ III выпускѣ мы находимъ цѣлый рядъ какихъ то самодѣльныхъ цинкографій, изображающихъ ландшафты, на которыхъ иногда ничего нельзя понять (стр. 34, 35, 37, 39, 40, 42, 44....).

Повидимому, авторъ и самъ призналъ, что написать курсъ землевѣдѣнія, преслѣдуя столь широкія цѣли, задача не легкая: На заголовкѣ III-го выпуска и длинный титулъ автора и рекомендація своего курса для студентовъ и проч. уже отсутствуютъ.

Такъ какъ проф. Красновъ собственно ботаникъ, то надо надѣяться что IV-й вып., въ которомъ будетъ помѣщена географія организмовъ, будетъ наиболѣе удачнымъ.

Е. Чепурковскій.

Э. Гофманъ. Атласъ бабочекъ Европы и отчасти русско-азіатскихъ владѣній. Обработалъ и дополнилъ примѣнительно къ русской фаунѣ проф. Н. А. Холодковскій. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1897, 4°. 356+XXXXII стр., 72 табл. хромол. рис.

Нельзя не отмѣтить въ печати появленія столь интереснаго для нашихъ любителей природы и этого новаго изданія А. Ф. Девріена, который за послѣднее время выпустилъ въ свѣтъ столько популярно-научныхъ книгъ, весьма доступныхъ по цѣнѣ и образцово изданныхъ со стороны выполненія рисунковъ и хромолитограф. таблицъ. Вся книга стоитъ 14 рублей, снабжена прекрасно исполненными (заграницей) таблицами рисунковъ (которыхъ всего до 2000 на 72 таблицахъ). Но нельзя умолчать и объ недостаткахъ этого изданія, которые всѣ однако легко могли-бы быть устранены. Во первыхъ, самый переводъ далеко не лишенъ неточностей.

На стр. XXXIII рекомендуется обмазывать деревья *«съ западной стороны»* приманкою для привлеченія ночныхъ бабочекъ.. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ сказано, что надо обмазывать передъ закатомъ солнца (*vor Sonnenuntergang*).

На стр. 2. оригинала при описаніи одного рода (*Thais*) говорится: «...Raupen mit mehreren Reihen behaarter *Fleischzapfen*»; въ переводѣ

Digitized by Google

проф. Холодковскаго (стр. 3): «...Гусеницы съ рядами волосистыхъ *бородавокъ*»... Ряды волосистыхъ бородавокъ присущи очень многимъ гусеницамъ (напр. большинству шелкопрядовъ), а у гусеницъ *Thais* какъ разъ не бородавки, а довольно длинные *мясистые выросты*, по которымъ и легко отличить ее отъ прочихъ сородичей. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 16) авторъ сокращеніе Брамсона «der Mtf.»—переводитъ «срединное поле» (Mittelfeld) вмѣсто «срединнаго пятна» (Mitfelfleck), забывая, что въ такомъ случаѣ стояло-бы не *der*, а *das*.

На стр. 21, при описаніи гусеницы *Limenitis populi* сказано: «иногда *встрѣчается* и на ольхѣ». Въ оригиналѣ-же авторъ очень осторожно выражается такъ: «должна ѣсть и ольху», а это еще не значитъ, что она водится на приведенномъ растеніи. «Einschitte»—(перехваты между членниками тѣла гусеницъ)—повсюду переданы словомъ «вырѣзы». Въ другомъ мѣстѣ «mit gelben Seitenstreifen» переведено съ «бѣлой боковой полосой».

Теперь посмотримъ, въ чемъ выразились обѣщанныя въ предисловіи исправленія «разныхъ промаховъ и неточностей нѣмецкаго оригинала». Во введеніи нѣмецкаго оригинала упоминается цѣлый рядъ названій бабочекъ, которыя отсутствуютъ далѣе при описаніи ихъ, такъ какъ замѣнены болѣе принятыми теперь или старѣйшими названіями. Ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ не сдѣлано поправокъ въ русскомъ переводѣ. Въ нѣмецкомъ изданіи число европейскихъ дневныхъ бабочекъ ошибочно опредѣлено въ 456 видовъ, тогда какъ оно доходитъ только до 300. Числа каталога Штаудингера (который приводится какъ источникъ) относятся къ *палеарктической* фаунѣ, а не только къ европейской. И эта ошибка перешла въ русское изданіе. (Стр. XXIV введ.) Даже не исправлены между прочимъ погрѣшности, которыя исправилъ въ «Zusätze и Berichtigungen» самъ Гофманъ; именно, на стр. X перевода, о развитіи бабочки по выходѣ изъ куколки сказано: «она, двигая своими еще вялыми и висячими крыльями, вгоняетъ въ ихъ жилки *воздухъ*, причемъ крылья довольно скоро расправляются, растягиваются». . Гофманъ на стр. 221 оригинала исправляетъ: «вмѣсто воздуха—кровяная жидкость». Пр. Холодковскій оставляетъ это исправленіе безъ вниманія. Вообще-же можно привести цѣлый рядъ неточностей, которыя были исправлены самимъ Гофманомъ, но остались не исправленными у проф. Холодковскаго.

Говоря о значеніи температуры для развитія окраски (стр. XXXII), проф. Холодковскій упоминаетъ опыты Дорфмейстера, Вейсмана и Фишера (въ подлинникѣ, XXX стр., приведены только 2 первыхъ) и совершенно умалчиваетъ о Штандфусѣ (см. Успѣхи Естествозн. Октябрь 1897. Образованіе), изслѣдованія котораго считаются образцовыми.

Кажется нѣсколько страннымъ также и то, что редакторъ приводитъ мѣстами литературу изъ малодоступныхъ заграничныхъ спеціальныхъ журналовъ, когда можно было-бы привести русскіе источники, напр., статьи Гюбера въ «Трудахъ Русск. Энтомол. Общ.» или-же указанія въ руководствѣ Гинтервальднера и «Программахъ и Наставл. Спб. Общ. Ест.».

Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть о тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто исправленій внесены прямо-таки искаженія оригинала. Такъ, на стр. XVI

Digitized by Google

при разборѣ рисунка крыла характеристика поперечныхъ линій неясна и отчасти невѣрна, не смотря на то, что она въ нѣмецкомъ оригиналѣ (стр. XIV) вполнѣ опредѣленна и правильна. На стр. XVII находимъ, «на внѣшнемъ краѣ... *волоски* образуютъ бахромку;—это невѣрно, и въ нѣмецкомъ текстѣ этого не говорится (бахромка образуется длинными, расширенными къ концу *чешуйками*). Можно было бы привести и еще нѣсколько такихъ примѣровъ.

Подборъ представителей гусеницъ на дополнительной таблицѣ 72-ой—удаченъ, только гусеница Papilio machaon не имѣетъ тѣхъ красныхъ бородавокъ, которыя представлены на рисункѣ. Въ приложенномъ-же опредѣлителѣ гусеницъ для *Crocallis* и *Amphidasys* надо допустить какъ разъ противоположныя формы ихъ головъ.

Но проф. Холодковскій обѣщаетъ въ предисловіи дать не только переводъ сочиненія Гофмана, а переработку его примѣнительно къ русской фаунѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какъ измѣняется книга Гофмана подъ рукой редактора. Проф. Холодковскій выпускаетъ описанія нѣкоторыхъ видовъ, которые не представлены на рисункахъ—(и именно поэтому-то нуждались-бы въ особенно хорошемъ описаніи, прибавимъ отъ себя,)—или-же которые по его мнѣнію недостаточно охарактеризованы,—(хотя и не исключаютъ возможности болѣе полнаго описанія).—За то обѣщается вставить:

1) описанія «нѣкоторыхъ спеціально-русскихъ видовъ и видоизмѣненій *весьма немногихъ* (такъ какъ русская фауна чешуекрылыхъ вообще весьма полно представлена и въ нѣмецкомъ текстѣ)».

2) изъ бабочекъ «русскихъ азіатскихъ владѣній привести только тѣ, которыя встрѣчаются и въ Европейской фаунѣ (включая Кавказъ)».

И дѣйствительно, противъ оригинала въ русскомъ изданіи прибавлено къ числу дневныхъ бабочекъ (Rhopalocera), доходящему до 300, всего *десятокъ* видовъ, почти исключительно закавказскихъ. Не включено-же около 25 видовъ такихъ-же бабочекъ, приводимыхъ даже у Брамсона, которымъ пользовался редакторъ при своей обработкѣ; изъ этихъ видовъ 4 принадлежатъ фаунѣ Европейской Россіи, остальные—закавказскіе. Но если прибавить русско-азіатскія владѣнія, то число *не*приведеныхъ видовъ окажется колоссально-огромнымъ. Для примѣра можно взять амурскихъ и уссурійскихъ (дневныхъ бабочекъ): изъ 206 водящихся тамъ видовъ—106 видовъ *не* водится въ Европѣ; изъ нихъ у проф. Холодковскаго упоминается почему-то только *одинъ*. Если опредѣлить все количество Macrolepidoptera Россійской Имперіи въ 2000 видовъ (въ дѣйствительности навѣрное значительно больше), получимъ болѣе 500 недостающихъ т. е. ¼.

Интересно, что съ окончаніемъ дневныхъ бабочекъ, прекратились совсѣмъ и «дополненія» русскими видами, что становится весьма понятнымъ, если предположить, что авторъ пользовался исключительно однимъ источникомъ,—Брамсономъ, откуда почерпалъ свѣдѣнія о кавказскихъ дневныхъ бабочкахъ. А между тѣмъ среди другихъ бабочекъ (Heterocera) чрезвычайно много видовъ (оставимъ въ сторонѣ Азіатскую Россію).

Digitized by Google

весьма интересныхъ, водящихся въ Европейской Россіи или на Кавказѣ. Такія же упущенія сдѣланы при описаніи гусеницъ, а равно почему-то исключенъ цѣлый рядъ видовъ, водящихся въ Россіи и приводимыхъ Гофманомъ.

Проф. Холодковскій на стр. 354 говоритъ, что «Атласъ бабочекъ»... «служитъ какъ-бы *каталогомъ*, по которому любитель можетъ расположить свою коллекцію въ систематическомъ порядкѣ». Но какъ расположить свою коллекцію русскому любителю по каталогу, въ которомъ недостаетъ четверти всѣхъ видовъ?

Укажемъ также на чрезвычайную неточность географическихъ терминовъ пр. Холодковскаго. Напр. Сѣверо-Западная Россія въ одномъ случаѣ надо понимать «Остзейскія провинціи, а въ другомъ—мѣстности къ сѣверу отъ Финскаго залива, и т. п. (см. описаніе видовъ р. Argynnis). Вообще же обозначенія»: Ю. Россія, С. Россія—и т. п. слишкомъ широки и не всегда понятны.

Посмотримъ-же, на основаніи какихъ данныхъ проф. Холодковскій приходитъ къ такимъ обозначеніямъ. На стр. XXV введенія (вып. 2-ой) приводятся названія пяти «каталоговъ» между которыми попался зачѣмъ-то списокъ бабочекъ окрестностей Вѣны 1776 г.), да кромѣ того упоминаетъ на стр. II объ рукописномъ каталогѣ бабочекъ Олонецкой губ. г. Гюнтера, которымъ онъ воспользовался въ интересахъ изданія. Такое ничтожное количество каталоговъ,—которое легко можно было увеличить *въ шесть разъ*, (если бы редакторъ заглянулъ хотя-бы въ послѣднее изданіе (4-ое) «Программъ и наставленій для собиранія естественн-истор. коллекцій» (Изданіе И. Общ. Естествозн. въ СПб.),—совершенно не даетъ никакого права на тѣ обобщенія, которыя редакторъ обозначаетъ выраженіями: «Южная Россія» и т. п., не говоря уже о томъ, что подобные термины не имѣютъ никакого научнаго значенія.

Затѣмъ въ русскомъ переводѣ выкинуты всѣ литературныя цитаты, какъ «не необходимыя русскимъ любителямъ» (ст. IV введенія). Но почему то, что необходимо для всякаго натуралиста заграницей, для русскаго не нужно? Нѣмецкій оригиналъ этого атласа въ короткій срокъ вышелъ двумя изданіями, считается очень хорошей книгой только благодаря своимъ прекраснымъ рисункамъ, а текстъ его слишкомъ сжатъ и потому не всегда удовлетворителенъ; поэтому-то Гофманъ и снабдилъ его (правда очень немногими) литературными цитатами, чтобы каждый, кто пожелаетъ узнать подробности объ нѣкоторыхъ видахъ, могъ-бы по цитатѣ найти соотвѣтственное болѣе подробное описаніе. Такимъ образомъ это средство «увеличить пригодность книги для русскихъ любителей» въ сущности сводится къ уменьшенію ея научнаго достоинства.

Указаніемъ же вышеприведенныхъ погрѣшностей мы надѣемся достигнуть того, чтобы второе изданіе этой полезной книги болѣе соотвѣтствовало современнымъ требованіямъ.

Г. Якобсонъ.

Digitized by Google

Вѣра Богдановская. Начальный учебникъ химіи. СПБ. 1898 годъ. Ц. 35 к.

Нельзя не признать, что наша научно-популярная литература оставляетъ желать очень многаго. Въ изданіяхъ такого рода чувствуется настоятельная потребность, а, между тѣмъ, ихъ выходило очень мало, да и имѣющіяся въ обращеніи рѣдко удовлетворяютъ своему назначенію. Среди естественныхъ наукъ въ этомъ отношеніи болѣе другихъ обижена химія, да это и не трудно объяснить, принявъ во вниманіе отвлеченность ея положеній, хотя эти послѣднія и основываются на вполнѣ реальныхъ данныхъ. Надо приложить много старанія, чтобы придать предмету этой науки достаточно удобопонятную форму и въ то же время избѣгнуть излишней пространности изложенія.

Въ виду сказаннаго появленіе книги г. Богдановской кажется намъ очень подходящимъ къ требованіямъ времени; будемъ надѣяться, что она хотя отчасти заполнитъ пробѣлъ этой части научной литературы. Что касается внѣшней стороны этой книги, то она состоитъ изъ $5^1/_2$ печатныхъ листовъ довольно крупнаго шрифта; къ тексту приложено нѣсколько хорошо выполненныхъ рисунковъ и вообще это изданіе отличается изящностью, столь несвойственной въ большинствѣ случаевъ нашимъ книгамъ такого рода. По содержанію эта работа раздѣляется на два отдѣла—введеніе и описательную часть. Опредѣливъ предметъ химіи, авторъ указываетъ на раздѣленіе химическихъ тѣлъ на двѣ главныя группы,—тѣла простыя и сложныя,—и затѣмъ выводитъ отдѣльно свойства каждой изъ этихъ группъ, опираясь на примѣръ кислорода, какъ простого, и воды, какъ сложнаго тѣла. Въ первой части дается также понятіе о кристаллическомъ и аморфномъ веществѣ, о физическомъ состояніи тѣлъ и раздѣленіи элементовъ на металлы и металлоиды. Давъ общее представленіе о свойствахъ сложныхъ тѣлъ, авторъ приводитъ раздѣленіе ихъ на окиси, основанія, кислоты и соли, опредѣляетъ каждый изъ этихъ видовъ химическихъ соединеній и даетъ примѣры ихъ. Въ первой же части разъясняется употребленіе химическихъ знаковъ, примѣненіе ихъ для изображенія реакцій, а также излагаются попутно и главнѣйшіе химическіе законы.

Описательная часть посвящена обзору девятнадцати важнѣйшихъ элементовъ, въ число которыхъ не входитъ кислородъ, довольно подробно изученный въ первой части. При разсмотрѣніи каждаго элемента приводятся главнѣйшія соединенія его, наиболѣе часто встрѣчаемыя въ природѣ, указываются способы добыванія этихъ веществъ, техническое и агрономическое значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Приводятся также характерныя реакціи, которыми можно опредѣлить данное вещество.

Какъ было указано выше, объемъ этой книги невеликъ, и въ виду этого обстоятельства трудно предположить, чтобы она могла дать читателю, мало знакомому съ естественными науками вообще, сколько нибудь полныя свѣдѣнія о всемъ содержаніи такой сложной науки, какъ химія. Изученіе химіи по этому руководству, рекомендуемому для сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній, при надлежащихъ разъясненіяхъ и дополненіяхъ преподавателя, можетъ дать ученикамъ только довольно поверх-

Digitized by Google

ностное знакомство съ предметомъ; вполнѣ понятно, что для нихъ будетъ очень затруднительно, не имѣя необходимаго навыка, понять такую, напримѣръ, вещь, какъ изображеніе уравненіями химическихъ реакцій, частичныя отношенія входящихъ въ соединенія элементовъ и пр. Этотъ учебникъ имѣетъ, однако, нѣсколько большихъ достоинствъ; однимъ изъ нихъ слѣдуетъ признать то, что автору удалось, не прибѣгая къ примѣняемымъ въ такихъ случаяхъ упрощеніямъ, искажающимъ самый предметъ изложенія, дать вполнѣ научные выводы и опредѣленія въ каждомъ частномъ случаѣ. Точно также слѣдуетъ признать удачнымъ методъ, которымъ авторъ приводитъ читателя къ выводу общихъ положеній, хотя бы понятію о простыхъ и сложныхъ тѣлахъ при помощи наведенія, выяснивъ предварительно разсматриваемый вопросъ на частномъ случаѣ. Такой способъ изложенія облегчаетъ до нѣкоторой степени трудъ учащагося, такъ какъ имѣя передъ глазами примѣръ, легче перейти къ отвлеченному опредѣленію. Въ описательной части дается нѣкоторое представленіе о прикладной части химіи, а именно, при описаніи многихъ химическихъ тѣлъ указываются способы ихъ производства, а также примѣненіе ихъ къ обыденной жизни и сельскому хозяйству; такія свѣдѣнія, конечно, полезны всякому, имѣющему дѣло съ подобными веществами, и вполнѣ умѣстны въ этомъ курсѣ, предназначенномъ для сельскохозяйственныхъ школъ. Не смотря на указанныя достоинства этого руководства, оно можетъ быть болѣе удобно примѣнено, какъ справочная книга для преподаванія краткаго курса химіи, чѣмъ въ качествѣ пособія для самихъ учащихся, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ послѣднимъ недоступны практическія работы химіи.

Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о личности автора этой работы. Вѣра Евстафьевна Богдановская воспитывалась въ Смольномъ институтѣ; уже тамъ обнаружились ея выдающіяся способности и преобладающая склонность къ естественнымъ наукамъ. По окончаніи института, она поступила на С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы, а затѣмъ продолжала свои занятія въ женевскомъ университетѣ, гдѣ и получила степень доктора физическихъ наукъ. Возвратившись въ Россію, она посвятила себя изслѣдованію одного изъ спеціальныхъ вопросовъ органической химіи. Несчастный случай во время работы послужилъ причиной ея смерти, лишившей науку талантливаго работника, какимъ, несомнѣнно, была покойная Вѣра Евстафьевна.

О. М. Прокофьева.

1) **Федо.** Научныя забавы. Явленія и опыты основанные на обманѣ чувствъ. Переводъ съ франц. Е. Предтеченскаго. Съ 128 рис. Изданіе Ф. Павленкова.
2) **Вагнеръ Фрейеръ.** Развлеченія изъ міра науки. Переработано по Герману Вагнеру. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія Комаровскаго. Изданіе М. М. Ледерле.

Соединить пріятное съ полезнымъ не всегда удается, тѣмъ болѣе, что второе въ большинствѣ случаевъ является только результатомъ упорныхъ трудовъ и извѣстной системы, обезпечивающей плодотворность занятій.

Digitized by Google

Авторы приведенныхъ сочиненій именно имѣютъ въ виду соединить удовольствіе съ пользой, а описаніемъ опытовъ стараются доставить читателю возможность заполнить часы досуга интересными занятіями; научныя забавы Федо открываютъ много интересныхъ явленій, на которыя мы обыкновенно не обращаемъ вниманія, хотя они его и заслуживаютъ тѣмъ болѣе, что въ нихъ играетъ видную роль чисто субъективное состояніе. Авторъ неоднократно указываетъ на обманы чувствъ, благодаря которымъ мы приписываемъ окружающимъ предметамъ такія качества, которыми они на самомъ дѣлѣ не обладаютъ. Не ходя далеко за примѣрами, многочисленными въ сочиненіи, упомянемъ хотя бы о ходѣ часовъ, который въ силу лишь утомленія слуха кажется намъ то усиливающимся, то ослабѣвающимъ, на самомъ же дѣлѣ постоянство его будетъ внѣ всякаго сомнѣнія—достаточно лишь произвести опытъ вдвоемъ.

Федо не разъ обращаетъ вниманіе на громадную роль нашего воображенія, которое зачастую совершенно перевираетъ факты и приводитъ до курьеза интересные опыты съ фигурами, которыя двумъ субъектамъ кажутся не одинаковыми. Высота зданій, размѣры предметовъ, удаленныхъ отъ насъ, зачастую совершенно не сходятся съ истиной. Достаточно упомянуть о томъ, что весьма многихъ уже интересовали вопросы о видимомъ діаметрѣ луны, который инымъ кажется чуть не въ аршинъ,—другимъ—(напримѣръ степнымъ жителямъ) не превышающимъ діаметра мелкой серебряной монеты—случаи подобныхъ заблужденій Федо разсматриваетъ весьма подробно какъ въ области оптики, такъ и въ другихъ: относительно температуры, вкуса, обонянія. Особенно хорошо изложенъ отдѣлъ объ оцѣнкѣ на глазъ разстояній и формъ предметовъ.

Изданіе обильно снабжено рисунками—въ общемъ—весьма удовлетворительными, и большинство изъ нихъ приложено для непосредственныхъ опытовъ изъ области зрительныхъ обмановъ. Въ книгѣ Вагнеръ-Фрейера приложены еще цвѣтныя таблицы для наблюденія дополнительныхъ цвѣтовъ. Сочиненіе Федо вышло уже 3-мъ изданіемъ—это одно говоритъ о ея распространенности, (въ свое время такой же пользовалась и книга Тиссандье) и разсмотрѣнному нами можно пожелать только распространенія. Не говоря уже о внѣшности и содержаніи,—все изложено тѣмъ яснымъ и толковымъ языкомъ, которымъ вообще щеголяютъ французскіе популяризаторы. Переводчику нельзя не вмѣнить въ заслугу тѣ нѣкоторыя измѣненія, которыя облегчаютъ чтеніе и опыты; замѣна предметовъ другими, которые всегда подъ рукой у русскаго читателя только желательна. Часто противъ этого вполнѣ умѣстнаго требованія грѣшатъ, переводя совершенно дословно.

Федо задался цѣлью содержаніемъ своимъ удовлетворить интересу всѣхъ возрастовъ; не то имѣетъ въ виду Вагнеръ-Фрейеръ; послѣдній культивируетъ любознательность только младшаго возраста, въ которомъ первоначальные простѣйшіе физическіе опыты могутъ дать толчекъ настоящему интересу къ изученію естественныхъ наукъ; физическіе опыты, какъ требующіе нѣкотораго навыка въ обращеніи съ простыми инструментами для конструированія, отнесены на послѣднія страницы книги. Первые отдѣлы посвящены коллекціонерству или такимъ безобиднымъ скорѣе занятіямъ, какъ ухаживанію за животными, которыя, развиваютъ наклон-

Digitized by Google

ности, но какъ то мало вяжутся съ нѣсколько громкимъ заглавіемъ «изъ міра науки».

Дѣтская литература у насъ, къ сожалѣнію, даже своимъ незначительнымъ количествомъ не искупаетъ качества, а потому мы позволимъ себѣ привѣтствовать новинку; она можетъ имѣть даже косвенное значеніе—вызвать охоту къ ручному труду, изгнанному изъ обихода дѣтей, но тѣмъ не менѣе крайне полезному и желательному.

Т. Петрусевичъ.

Карлъ Бюхеръ. Происхожденіе газеты. Перев. съ нѣмецк. В. Чумикова. Изд. І. Юровскаго. СПБ. Ц. 15 к.

Вопросъ о происхожденіи газеты К. Бюхеръ разсматриваетъ съ политико-экономической точки зрѣнія. Зарожденіе газеты онъ, какъ и многіе другіе изслѣдователи древней культуры, относитъ еще къ временамъ римскаго владычества.

Возникнувъ первоначально въ видѣ сжатаго списка новыхъ извѣстій, преимущественно дѣлового или оффиціальнаго характера, газета, вѣрнѣе—зародышъ газеты, мало-по-малу, въ XII—XIV вѣкахъ, принимаетъ форму листка объявленій и разныхъ свѣдѣній и только къ концу XVIII столѣтія превращается въ настоящій литературно-политическій органъ.

Превращеніе это совершилось въ первые годы великой французской революціи, и однимъ изъ первыхъ истинныхъ журналистовъ былъ видный дѣятель ея—Камиллъ Демуленъ. Съ этого времени періодическая печать—не смотря на всевозможныя предпріятія—все крѣпла, развивалась и добилась, наконецъ, того вліятельнаго положенія, въ какомъ находится въ настоящее время.

Характеризуя формы этого положенія, К. Бюхеръ категорически заявляетъ, что современная газета—капиталистическое предпріятіе, такъ сказать фабрика новостей, въ которой занято, за извѣстную плату, подъ единымъ руководствомъ, многообразно раздѣленной работой, большое число лицъ (корреспонденты, редакторы, наборщики, корректоры, машинисты, собиратели объявленій, экспедиторы, разсыльные и т. д.) и которая производитъ товаръ для неизвѣстнаго ей круга читателей, отдѣленнаго отъ нея иногда еще другими лицами (разносчики, почтовыя учрежденія)».

Съ приведеннымъ мнѣніемъ К. Бюхера можно согласиться только послѣ весьма значительныхъ оговорокъ. Конечно, внѣшняя сторона изданія можетъ вестись капиталистически и даже зачастую такъ ведется, но вѣдь не она опредѣляетъ физіономію той или иной современной газеты, ибо въ противномъ случаѣ послѣдняя не являлась бы «средствомъ духовнаго и научнаго общенія», а была бы просто справочнымъ листкомъ, приноровленнымъ къ интересамъ буржуазіи.

Очевидно, на современную газету, какъ на «капиталистическое предпріятіе», можно смотрѣть только съ внѣшней стороны ея, со стороны техники, да и то—не всегда. Направленіе газеты опредѣляется не техникой изданія, а другими стимулами, о которыхъ К. Бюхеръ не говоритъ ни слова.

Digitized by Google

«Не хотѣлось бы вѣрить, замѣчаетъ онъ въ заключеніе, что газета, въ ея настоящемъ видѣ, составитъ высшую и послѣднюю форму передачи извѣстій». Но во что же «хотѣлось бы вѣрить» объ этомъ у него умалчивается.

Въ общемъ, брошюра К. Бюхера при всей своей краткости, въ силу интереса темы, можетъ быть прочтена не безъ пользы.

В. Ангарскій.

Э. Садовниковъ. Наши землепроходцы. (Разсказы о заселеніи Сибири) (1581—1712). Изд. второе. М. 1899. 8°, стр. 198. Цѣна 1 р.

Извѣстно, какою популярностью пользуются у подростковъ романическія приключенія въ дикихъ и полудикихъ странахъ героевъ Майнъ-Рида и Жюля Верна. Этой фантастической литературѣ разумная педагогика стремится противопоставить общедоступно, разумно составленныя описанія дѣйствительныхъ путешествій, которыя нерѣдко далеко превосходятъ вымыселъ грандіозностью борьбы человѣка съ природою, культурнаго человѣка съ дикаремъ. Въ настоящую минуту надо ожидать наплыва на книжный рынокъ обработокъ недавняго путешествія Нансена. Русскимъ путешественникамъ въ отношеніи обработокъ ихъ странствованій посчастливилось у насъ какъ то менѣе, чѣмъ иностранцамъ. Книга Д. Садовникова одна, конечно, не заполняетъ этого пробѣла, но появленіе ея вторымъ изданіемъ во всякомъ случаѣ очень пріятно, такъ какъ она давно вышла изъ продажи. Первое изданіе, съ котораго перепечатано безъ перемѣнъ второе, внесено въ каталогъ книгъ мин. нар. просвѣщенія для среднихъ учебн. заведеній и безплатныхъ народныхъ библіотекъ. При относительной бѣдности этого каталога, въ ряду книгъ для народныхъ библіотекъ и народныхъ чтеній, «Наши землепроходцы» займутъ не послѣднее мѣсто. Содержаніе ея—странствованія и приключенія русскихъ авантюристовъ-казаковъ, покорившихъ Сибирь. Книга написана тщательно, упрощеннымъ языкомъ (что иногда даже производитъ впечатлѣніе вычурности, т. к. мѣстами авторъ говоритъ прямо языкомъ казацкихъ «отписокъ»), и даетъ массу интересныхъ фактовъ и свѣдѣній, страдая лишь нѣкоторою суховатостью. Изъ множества книгъ, «одобренныхъ для народнаго чтенія» эти разсказы замѣтно выдѣляются полнымъ отсутствіемъ фальшивой идеализаціи русскихъ авантюристовъ и якобы патріотической фразеологіи. Эпиграфъ «рыба ищетъ—гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше»—вполнѣ выражаетъ освѣщеніе, подъ которымъ рисуется движеніе русскихъ на дальній Востокъ, и отрицательныя стороны колонизаціи Сибири—дикіе нравы самихъ колонизаторовъ, истребленіе инородцевъ—ни мало не затушевываются. Заключительная «бесѣда о прочитанномъ» пытается выяснить читателю кое-какія общія положенія исторіи культуры. Если не ошибаемся, первоначально разсказы были напечатаны въ журналѣ для народнаго чтенія «Грамотей», издававшемся въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда составленіе доступныхъ мало подготовленному читателю книгъ было еще въ зародышѣ. Теперь выработались кое какіе пріемы популяризаціи, современный толковый составитель сумѣлъ бы можетъ быть ярче изо-

Digitized by Google

бразить матеріалъ, которымъ пользовался Д. Садовниковъ, но можетъ быть пострадала бы широта замысла. Мало ли, въ самомъ дѣлѣ, у насъ «одобренныхъ» книгъ, авторы которыхъ намѣренно освѣщаютъ излагаемые ими факты съ самой ребяческой и наивной точки зрѣнія. Особенно желательнымъ мы считаемъ, чтобы на второе изданіе книги Садовникова обратили вниманіе мастерскія для приготовленія картинъ къ волшебному фонарю. Тщательный подборъ видовъ мѣстностей, гдѣ странствовали Ермакъ и его преемники, отъ южныхъ предѣловъ Сибири до Ледовитаго океана, и отъ Урала до Камчатки и Амура,—картинъ, изображающихъ быть всевозможныхъ сибирскихъ инородцевъ, съ которыми рѣзались колонизаторы; сценъ изъ ихъ странствованій, богатыхъ эпизодами драматической борьбы съ суровою природою при самыхъ скудныхъ для этой борьбы средствахъ, и т. д.—такой подборъ картинъ оживилъ бы изложеніе, гдѣ оно страдаетъ уже указанною суховатостью, и книга принесла бы всю пользу, какую можно ожидать отъ затронутыхъ ею предметовъ. Цѣна книжки, однако, дороговата.

Ч. Вѣтринскій.

В. П. Авенаріусъ. Гоголь-студентъ. Вторая повѣсть изъ біографической трилогіи «Ученическіе годы Гоголя». Съ 12 портретами и видами—фототипіями и автотипіями Ангерера и Гешля въ Вѣнѣ. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. С.-Петербургъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Степень культурности націи всегда выражается въ ея отношеніи къ тѣмъ великимъ людямъ, которые оказали ей несомнѣнныя услуги. Хотя въ этомъ намъ еще далеко до Запада, гдѣ съ такимъ благоговѣніемъ собираютъ и хранятъ, какъ драгоцѣнныя реликвіи, все то, что остается послѣ замѣчательныхъ представителей науки, литературы и искусства, однако, и мы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе научаемся цѣнить нашихъ лучшихъ дѣятелей, все усерднѣе и усерднѣе работаемъ надъ ихъ біографіями. Но что касается подростковъ, то говоря словами г. Авенаріуса (см. предисловіе къ книгѣ «Гоголь-студентъ»), для нихъ особенно полезенъ великолѣпный разсказъ, гдѣ все существенное возможно согласуется съ дѣйствительностью, и вымыселъ подчиняется правдѣ. Въ такомъ разсказѣ, проникнутомъ одушевленіемъ и живымъ сочувствіемъ разсказчика къ описываемому лицу, лицо это является ярче, цѣльнѣе да, пожалуй, въ общемъ, и вѣрнѣе, чѣмъ въ «достовѣрномъ», но сухомъ изложеніи ученаго біографа». Положимъ, въ научно составленной біографіи приводятся только «подлинные» разговоры, но вѣдь о степени достовѣрности послѣднихъ тоже поднимался вопросъ въ нашей критикѣ, особенно по поводу мемуаровъ Головачевой и Смирновой, и, разумѣется, въ дословности ихъ всегда можно сомнѣваться, достаточно, если рѣчи, вложенныя авторомъ въ уста историческаго дѣятеля, «могли быть» имъ сказаны. Во всякомъ случаѣ, въ этой второй повѣсти о Гоголѣ великій писатель является симпатичнѣе, чѣмъ въ предыдущей: мы ясно видимъ здѣсь его привязаннымъ къ родной Украйнѣ.

По справедливому замѣчанію его біографа Шенрока, эта любовь осо-

Digitized by Google

бенно отличала Гоголя въ годы его ранней юности. «Въ эту пору это чувство было въ немъ гораздо свѣжѣе и интенсивнѣе, чѣмъ впослѣдствіи, когда оно мало по малу утрачивало свою исключительность и уступало мѣсто болѣе широкимъ симпатіямъ, охватившимъ наконецъ всю обширную Русь». Такое явленіе понятно: въ дѣтствѣ и ранней юности Гоголь и не зналъ Великороссіи: проводя зиму въ Нѣжинѣ, а лѣто въ родной Васильевкѣ, онъ такимъ образомъ не выѣзжалъ изъ Малороссіи. Зато, потомъ подъ вліяніемъ Петербурга, Москвы, Италіи и ея вѣчнаго Рима, его украйнофильство значительно ослабѣло, сгладилось, благодаря массѣ новыхъ интересовъ и впечатлѣній.

И такъ, обративъ вниманіе на этнографическія стремленія Гоголя, авторъ заставляетъ его записывать пѣсни кобзарей и старательно изучать характеръ соотечественниковъ. Лучшей сценой повѣсти мы считаемъ продолжительную бесѣду Гоголя съ молодицей - Оксаной. Она обидѣлась на его шутку, и вотъ юноша, желая смягчить ее, начинаетъ рисовать ей будущую судьбу ея ребенка и сулитъ ему золотыя горы, такъ что ему удается положительно обворожить свою собесѣдницу. Гоголю и тогда были хорошо извѣстны впечатлительность малоросса и его способность фантазировать; онъ и тогда уже умѣлъ вліять на людей и пріобрѣтать надъ ними ту власть, которая гораздо позже подчиняла ему людей пожилыхъ и умныхъ, безропотно выслушивавшихъ нѣсколько высокомѣрныя нравоученія геніальнаго сатирика. Странное впечатлѣніе зато производитъ вторая глава повѣсти, изображающая попытку Гоголя вступить послѣ смерти отца въ роль сельскаго хозяина; онъ пускается поэтому въ длинные разговоры съ плутоватымъ приказчикомъ и читаетъ ему цѣлую лекцію о кочевомъ бытѣ древнихъ и о постепенномъ переходѣ ихъ къ жизни осѣдлой. Эта сцена, немного напоминающая «Утро помѣщика» Толстого, едва ли возможна для такого умнаго юноши, какъ Гоголь, тѣмъ болѣе, что онъ здѣсь же, по волѣ автора, и иронизируетъ надъ собой.

Въ общемъ, повѣсть задумана серьезно, но въ ней разговоры и разговоры преимущественно литературнаго содержанія преобладаютъ надъ дѣйствіемъ, такъ что эта книга доступна для развитаго юноши. Это мы говоримъ не въ осужденіе автору, а только констатируемъ фактъ.

Н. Леонтьева.

Разсказы Гнома Сказочника. Сочиненіе Анны Линдбергъ (Карчъ-Карчевской). Собственность издательницы. Картины по тексту нарисованы М. Михайловымъ. СПБ. 1898, стр. 102.

«Милыя дѣтки! можетъ быть, вамъ интересно узнать, какъ появились на свѣтъ новыя сказки, напечатанныя въ этой книжкѣ? Предупреждая ваше желаніе, я сообщу вамъ объ этомъ пару словъ.—Вообще я очень люблю дѣтокъ, и бесѣда съ ними доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Особенно же много приходится мнѣ разсуждать обо всемъ возможномъ съ моимъ собственнымъ восьмилѣтнимъ сыномъ и его шестилѣтней сестрой.

Люблю я съ ними поболтать и въ разговорѣ не только позабавить

Digitized by Google

ихъ, но и незамѣтно, пріятнымъ образомъ, научить ихъ чему нибудь полезному»...

Такъ говоритъ авторъ въ своемъ «вмѣсто предисловія» къ предлагаемой книгѣ и сообщаетъ далѣе читателямъ, какія у него развитыя и понятливыя дѣти, и какое большое удовольствіе и пользу они извлекли изъ его разсказовъ.

Все это весьма вѣроятно, понятно и даже похвально, но будетъ ли имѣть книга г-жи Линдбергъ и на всѣхъ постороннихъ слушателей такое же благотворное вліяніе—это весьма сомнительно, и вотъ почему:

Судя по содержанію предлагаемыхъ сказокъ, онѣ предназначаются для дѣтей младшаго возраста, а въ эту пору для ребенка въ разсказѣ главную роль играетъ языкъ, и врядъ ли г-жа Линдбергъ тѣмъ же тяжелымъ слогомъ съ успѣхомъ передаетъ эти сказки своимъ дѣтямъ, какимъ онѣ изложены въ ея книгѣ. Затѣмъ, бесѣдуя съ собственными дѣтьми, авторъ очевидно имѣетъ возможность отвѣчать имъ на всѣ вопросы и разъяснять различныя недоумѣнія, между тѣмъ, какъ постороннему читателю становится прямо непонятно, что это напр. за «индивидъ Макарка сонный» (сказка «Въ гостяхъ у гномовъ») и почему это всѣ гномы при одномъ только его имени становятся чуть-ли не во фронтъ и объясняютъ мальчику, попавшему къ нимъ въ гости, все его интересующее. Г-жа Линдбергъ забываетъ также, что малыши небольшіе охотники до описаній и отвлеченностей, которыми она нерѣдко потчуетъ ихъ. Идеи о добрѣ, правдѣ честности и прочихъ добродѣтеляхъ, предлагаемыя ею въ сказочной формѣ, для нихъ если и не преждевременны (никогда не рано внушать ребенку добрыя чувства), то въ изложеніи ея нѣсколько туманны, а образы, олицетворяющіе ихъ, равно какъ и олицетворенія природы не всегда вполнѣ доступны ихъ пониманію. Не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ противорѣчій, встрѣчающихся въ «разсказахъ Гнома», какъ напр. въ сказкѣ «Огневица и водяница». «Давнымъ давно, *когда еще земли не существовало*, жили были двѣ феи. Одну изъ нихъ звали Водяницей, а другую Огневицей. Они летали въ пустомъ пространствѣ и вдругъ налетѣли *на землю*, т. е. на *нашъ земной шаръ*. Да какъ же?—невольно спроситъ ребенокъ, «вѣдь земля еще не существовала, откуда же она явилась? Или вотъ напр. такая фраза въ сказкѣ (одной изъ лучшихъ) «Бабочка и цвѣты»:

«Мамочка, отчего ты смѣешься, когда плачешь объ умершемъ братѣ?

Въ заключеніе намъ остается пожалѣть, что первые, кажется, литературные шаги сдѣланы авторомъ въ области дѣтской литературы, области, только весьма ошибочно считающейся многими болѣе легкой для писателя.

О. Лорисъ-Меликова.

Г. К. Дорофеевъ. Кавказскія сказки и преданія. Тифлисъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Въ первой книжкѣ «Образованія» за текущій годъ, въ статьѣ Г. Н Потанина «О необходимости собиранія сказокъ» уже говорилось о значеніи устныхъ памятниковъ народнаго творчества для этнографіи и фольклористики.

Digitized by Google

Тамъ же было указано на необходимость возможно скорѣйшей организаціи провинціальныхъ фольклористическихъ кружковъ для спасенія этихъ памятниковъ отъ быстраго и безслѣднаго исчезновенія. И какъ на примѣръ такой организаціи указывалось на дѣятельность кавказскихъ народныхъ учителей, записавшихъ по иниціативѣ г. Яновскаго, огромное количество мѣстныхъ сказокъ, преданій и т. п. Всѣ эти записи потомъ были собраны и изданы въ 23 выпускахъ весьма цѣннаго «Сборника матеріаловъ по описанію мѣстностей и племенъ Кавказа».

Лежащая передъ нами книжка г. Дорофеева почти цѣликомъ составлена по матеріаламъ названнаго «Сборника». Составитель, по словамъ предисловія, «имѣлъ цѣлью дать дѣтямъ въ возрастѣ 9—16 лѣтъ интересное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полезное въ воспитательномъ отношеніи чтеніе». Для этого при обработкѣ сказокъ, онъ «устранялъ изъ нихъ все грубое, жестокое, исключилъ эпизоды и подробности, затемняющія идею сказокъ, старался выразить ее ярче въ самомъ разсказѣ, которому вездѣ придавался большій драматизмъ изложенія сравнительно съ оригиналомъ».

Г. Дорофеевъ предполагаетъ, что «юные читатели найдутъ здѣсь (т. е. въ сказкахъ) указаніе на превосходство ума надъ грубою физическою силою, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они должны вынести убѣжденіе, что и умъ приноситъ людямъ прочное счастье лишь тогда, когда его силы направлены на общее благо».

Таковы были планы и предположенія составителя. Осуществить же ихъ ему не удалось. Въ обработкѣ г. Дорофеева кавказскія сказки потеряли ту особенность, которая также дорога въ памятникахъ народнаго творчества, а именно: непосредственность своеобразной поэзіи. Въ составъ книжки вошли сказки осетинскія, имеретинскія, армянскія, кабардинскія и др., но всѣ онѣ въ изложеніи г. Дорофеева получили какой то оттѣнокъ однообразности. Даже характерный признакъ, присущій всѣмъ этимъ сказкамъ и выражающійся въ грандіозности дѣйствующихъ персонажей—у него освѣщенъ слабо. Такимъ образомъ, книжка г. Дорофеева почти не даетъ представленія о кавказскомъ эпосѣ. Не представляетъ она и самостоятельнаго труда, являясь какою то «серединкой на половинкѣ», какъ, впрочемъ, и всѣ подобные продукты чужеяднаго творчества съ «исключеніями» и «измѣненіями». Кромѣ того, нѣкоторыя изъ составленныхъ г. Дорофеевымъ для дѣтскаго назиданія сказокъ—положительно вздорны и по мысли; напр., сказка о поѣздкѣ нартовъ куртатинцевъ въ Петербургъ, послѣдствіемъ которой было водвореніе на всемъ Кавказѣ: мира, закона и просвѣщенія... Это что-то невѣроятнѣе сказки!..

Въ общемъ—книжка написана прилично и если не отличается особенными достоинствами, то и не имѣетъ также особенныхъ недостатковъ.

В. Ангарскій.

Digitized by Google

Книги, поступившія въ редакцію.

Изданія Л. Пантелѣева. Спб. 1898 г.

ТЕНЪ-БРИНКЪ. Шекспиръ. Лекціи. Переводъ П. И. ВЕЙНБЕРГА. Ц. 75 к.

АЛЬБЕРЪ-МЕТЕНЪ. Соціализмъ въ Англіи. Переводъ съ англійск. Ц. 1 р. 50 к.

БЛЕЗЪ ПАСКАЛЬ. Письма къ провинціаламъ Переводъ подъ редакціей А. И. Попова. Ц. 2 р.

ЛЕВЕСЪ. Женскіе типы Шекспира. Переводъ съ нѣмецкаго А. Страхова. Ц. 2 р.

КЛЕЙНЪ. Астрономическіе вечера. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія. Подъ редакціей проф. Глазенапа. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 2 р.

Э. МЕЙЕРЪ. Экономическое развитіе древняго міра. Изданіе М. И Водовозовой. Спб. 98. Ц. 60 к.

Сборникъ статей ВЪ ПОМОЩЬ САМООБРАЗОВАНІЮ, составленъ кружкомъ преподавателей. Выпускъ II. Москва. 98. Ц. 1 р. 20 к.

ИВ. ИВАНОВЪ. Люди и факты западной культуры. Москва 1898 г. Ц. 1 р. Изд. Т-ва И. Д. Сытина.

Ф. ПОЛЛОКЪ. Изд. маг. „Книжное Дѣло. Исторія Политическихъ ученій. Перевод съ Англійскаго. Цѣна 40 к. Москва 1898 г.

Р. АНДЕРСОНЪ. Исторія вымершихъ цивилизацій востока переводъ съ англійскаго. Ц. 50 р.

Иллюстрированная ИСТОРІЯ РЕЛИГІЙ. Переводъ съ нѣмецкаго послѣдн. изд подъ редакц. В. Н. Линдъ, выпускъ второй.

ИВ. ИВАНОВЪ. Исторія русской критики часть I и II. Изданіе журнала „Міръ Божій“ Спб. 1898 г. цѣна 2 р.

С. С. АРНОЛЬДИ. Задачи пониманія исторіи. Изданіе М. Ковалевскаго. Москва 1898 г. Ц. 2 р.

М. КРУКОВСКІЙ. Самоучитель фотографіи. Спб. 1898 г., цѣна 60 к.

Л. ШАХОВСКАЯ. Левъ-Побѣдитель. Романъ. Москва. 1898 г.

Л. А. ПРОТОПОПОВЪ. Литературно-критическія характеристики. Изданіе второе Спб. 1898 г. цѣна 2 р.

П. Л. ЛУГОВСКОЙ. На помощь дѣтямъ. Нѣсколько мыслей по школьному вопросу. Новгородъ 1898 г. Ц. 60 к.

Д. А. КОРОПЧЕВСКІЙ. Времена года. Изданіе библіотеки „Дѣтскаго чтенія“. Москва 1898 г. цѣна 45 к.

ДЖОНЪ МОРЛЕЙ. Воспитательное значеніе литературы. Переводъ съ англійскаго Гольдмерштейна. Спб. 1898 г. цѣна 15 к.

І. ШЕРРЪ. Переселеніе народовъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. А. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.

ПОЛЬ БУРЖЕ. О возрастахъ любви. Переводъ съ франц. Спб. 98. Ц. 20 к.

МАКСЪ НОРДАУ. Литературное воображеніе. Изданіе Н. Зинченко. Спб. 98. Ц. 25 к.

Digitized by Google

ГЕРБ. СПЕНСЕРЪ. Этика половыхъ сношеній. Перевелъ съ англійск. Гольдмерштейнъ. Спб. 98. Ц. 35 к.

ГЕРБ. СПЕНСЕРЪ. Цѣломудріе, бракъ и родительство. (Этика половыхъ сношеній). Переводъ и изданіе Л. А. Золотарева. Москва. 98. Ц. 30 к.

Изданія Ф. Павленкова. Спб. 98.

ПАОЛО МАНТЕГАЦЦА. Будущее человѣчество. Переводъ съ итальянскаго. Ц. 40 к.

Л. КЕНО. Вліяніе среды на организмы. Переводъ съ франц. В. К. Агафонова. Ц. 40 к.

Д-ръ АНТОНЪ ЛАМПА. Силы и законы природы. Перевелъ съ нѣм. Г. Паперна. Ц. 1 р.

ГЕВЛОКЪ ЭЛЛИССА. Мужчина и женщина. Перев. съ англ. А. Николаева и И. Шмурло. Ц. 1 р.

Н. В. ЯКОВЛЕВА. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

К. ФЛАММАРІОНЪ. Стелла, астрономическій романъ. Ц. 80 к.

„ „ Множественность населенныхъ міровъ. Ц. 1 р.

В. ВОЛЖИНЪ. Физическіе парадоксы и софизмы. Ц. 25 к.

Д. НОРДЕНЪ. Итоги XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецк. Эл. Зауеръ. Ц. 40 к.

Изданія Ф. Павленкова. Спб. 98.

П. ГИРШЪ. Преступленія и проституція, какъ соціальныя болѣзни. Переводъ съ нѣмецк. Ц. 30 к.

Ф. ФЭДО. Химикъ-любитель. Переводъ съ французск. В. Обреимова. Ц. 1 р.

Я. В. АБРАМОВЪ. Популярно-юридическая библіотека. № 5. Заемъ, закладъ и залогъ. Ц. 25 к.

С. ВОРИСГОФЕРЪ. Образовательное путешествіе. Переводъ съ нѣмецкаго В. Писаревой. 3-е изданіе. Ц. 1 р.

Иллюстрированная сказочная библіотека №№ 84, 85, 86. Англійскія сказки. Ц. по 15 к.

Иллюстрированный словарь общеполезныхъ свѣдѣній. Подъ редакціей Эльпе. Изданіе Суворина. Спб.

Д. С. МИЛЛЬ. Положительная логика. Общедоступное изложеніе подъ редакціей Федорова. Спб. 98. Ц. 75 к.

Два посѣщенія дѣтьми Третьяковской галлереи. Состав. Орлова. Москва 98. Ц. 25 к.

П. А. АНТРОПОВЪ. Финансово-статистическій атласъ Россіи 1885—1895. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. 98. Ц. 5 р.

ТЕОДОРЪ ГЕРЦЛЬ. Еврейское государство. 2-е изданіе. Одесса. 98. Ц. 40 к.

Н. ЖЕДЕНЕВЪ. Краткія свѣдѣнія по огородничеству (для земледѣльческихъ пріютовъ и сельскихъ школъ) Спб. 98. Ц. 15 к.

Н. БОРИСОВЪ. Результаты выпускныхъ испытаній въ одно-классныхъ земскихъ школахъ Херсонской губ. въ 1897 г. Херсонъ 98.

ОТЧЕТЪ по народн. чтеніямъ въ г. Самарѣ за 1897 г. Самара. 1898 г.

Digitized by Google

Журнальное обозрѣніе

«Міръ Божій» и «Русская Мысль» о литературѣ минувшаго года.—Женскіе типы В. Микуличъ.—Символизмъ г. Елпатьевскаго.—Пробы пера.

Вошло въ моду говорить о современной русской литературѣ въ заунывномъ тонѣ. Ни талантовъ, ни животрепещущихъ темъ! Полное оскудѣніе и въ беллетристикѣ, и въ публицистикѣ, и въ критикѣ!

Особенно мрачно настроенъ критикъ «Міра Божьяго» г. А. Б. «Тускло, хотя и не безъ шума прошелъ»—заявляетъ онъ—«минувшій годъ въ литературѣ и «малое наслѣдство оставилъ по себѣ». Ни въ области мысли, ни жизни оно не остановитъ особливаго вниманія будущаго историка».

Указавъ лишь на два произведенія, сосредоточившихъ «на время общее вниманіе» — «Мужиковъ» Чехова и «Инвалидовъ» Чирикова, г. А. Б. «не знаетъ, что еще можно отмѣтить?» Онъ вспоминаетъ вопросъ о литературной конвенціи, но и о немъ, по словамъ критика, «поговорили какъ-то вяло и безъ достаточнаго интереса».

И г. А. Б. еще разъ съ ожесточеніемъ восклицаетъ: «ничтожны итоги минувшаго года, хотя»—прибавляетъ онъ—«самъ по себѣ годъ былъ далеко не ничтоженъ». Но что значитъ эта прибавка? Въ чемъ же значеніе минувшаго года, если, выражаясь языкомъ г. критика, его малое наслѣдство «ни въ области мысли, ни жизни не остановитъ особливаго вниманія будущаго историка?» Это загадка, и мы готовы вмѣстѣ съ г. А. Б. звать на помощь мудраго Эдипа.

Мрачно настроенъ и журнальный обозрѣватель «Русской Мысли», по словамъ котораго текущая литература «ко всѣмъ вопросамъ, глубоко затрагивающимъ сердце и совѣсть, считаетъ возможнымъ приложить холодную мѣрку узкой формальности и «при обсужденіи почти всѣхъ вопросовъ она способна возвыситься только до болѣе или менѣе умнаго, болѣе или менѣе дѣльно разработаннаго доклада», однимъ словомъ, въ ней «не замѣчается энтузіазма, этого необходимаго условія умственнаго творчества. Она какъ будто устранила эту творческую способность, какъ будто лишилась тѣхъ могучихъ крыльевъ, которыя когда-то возносили ее за предѣлы непосредственно окружающей ее дѣйствительности въ сферу дѣйствительности болѣе отдаленной, соприкасающейся съ идеальнымъ».

Въ этихъ словахъ много правды, какъ и въ томъ объясненіи, которое авторъ даетъ «временной утратѣ творческой силы въ нашей литературѣ». Онъ пытается объяснить этотъ «чисто-литературный фактъ его отношеніемъ къ жизни, накопленіемъ выраженныхъ и еще больше оставшихся безъ выраженія требованій общества, подлежащихъ осуществленію раньше, чѣмъ будетъ возможна новая творческая дѣятельность въ литературѣ».

Всё это не мѣшаетъ однако журнальному обозрѣвателю «Русской Мысли» замѣтить въ литературѣ и жизни минувшаго года кое-что и кромѣ «Мужиковъ», «Инвалидовъ» и споровъ о конвенціи. Онъ знаетъ то, чего какъ будто не знаетъ г. А. Б. Онъ говоритъ объ оживляющемъ вліяніи

Digitized by Google

споровъ и обсужденій по поводу «того направленія, которое называется обыкновенно экономическимъ или діалектическимъ матерьялизмомъ», онъ говоритъ объ «успѣхѣ разныхъ «новыхъ словъ», успѣхѣ несомнѣнномъ», который и обусловливается именно тѣмъ, что за ними извѣстный и довольно крупный общественный фактъ».

Мы съ своей стороны можемъ лишь пожелать, чтобъ текущій годъ оставилъ не меньшее наслѣдство, чѣмъ минувшій...

Изъ мелкихъ беллетристическихъ произведеній, *законченныхъ* въ нервыхъ книжкахъ нашихъ журналовъ за текущій годъ, наиболѣе талантливымъ намъ кажется разсказъ В. Микуличъ «Черемуха» (Сѣверный Вѣстникъ №№ 1 и 2). Микуличъ—писательница еще молодая, но уже составившая себѣ прочное литературное имя своей превосходной трилогіей о Мимочкѣ («Мимочка-невѣста», «Мимочка на водахъ», «Мимочка отравилась»).

Мимочка—во всѣхъ мелочахъ ярко очерченный, до конца исчерпанный типъ женщины-куклы изъ того военно-бюрократическаго слоя петербургскаго общества, въ который снизу пробиваются выслужившіеся дѣти разночинцевъ, а сверху падаютъ оскудѣвшіе аристократы.

У Мимочки нѣтъ никакихъ умственныхъ интересовъ, ни капли сознательнаго отношенія къ жизни.

Какъ ея туго стянутый корсетъ принаровленъ къ тому, чтобы не дать развиться ея грудной клѣткѣ, такъ все ея воспитаніе принаровлено къ тому, чтобы оставить въ зародышевомъ состояніи ея и безъ того не богатую духовную природу. Въ ея хорошенькой головкѣ все такъ же смутно неясно, какъ въ головѣ дикаря, ребенка или дремлющаго человѣка.

Въ 30 лѣтъ, имѣя нѣсколько человѣкъ дѣтей, она все еще избалованная дѣвочка, кушающая chocolat mignon, играющая съ болонкой и читающая легкіе французскіе романы. Она не способна проникнуться сознаніемъ какого-бы то ни было долга, хотя бы долга матери къ своимъ дѣтямъ, но въ ней не убито половое влеченіе, не нашедшее себѣ удовлетворенія въ бракѣ со старымъ, уродливымъ мужемъ. Въ окружающей Мимочку средѣ всегда довольно охотниковъ, спѣшащихъ ради нѣсколькихъ пріятныхъ часовъ воспользоваться этимъ влеченіемъ, и Мимочка отдается сначала красивому женатому адвокату, флиртирующему на водахъ, затѣмъ племяннику мужа и, наконецъ, французу гувернеру. Къ послѣднему Мимочка привязывается довольно искренно, въ ея стянутой душѣ просыпается нѣчто похожее на страсть, и, когда французъ бросаетъ ее, она отравляется, не сознавая серьезности своего поступка. Для созданія (мы не рѣшаемся сказать—человѣка), которое ни одной минуты не жило серьезно, и смерть не можетъ казаться чѣмъ-то серьезнымъ, трагическимъ. Такое созданіе не въ силахъ вынести страданія, и готово отравиться изъ за пустяка. Мимочка отравилась изъ-за измѣны Жюля, но, вѣроятно, она точно также отравилась бы, если бы лишилась возможности красиво одѣваться и ѣсть chocolat mignon.

Мимочки не живутъ, онѣ дремлютъ, и авторъ прекрасно характеризуетъ ихъ внутреннее состояніе, заканчивая повѣсть вопросомъ, подымающимся въ головкѣ спасенной Мимочки:

«Жила она или не жила, любила или не любила, отравилась или не отравилась?».

Digitized by Google

Игрушечныя женщины типичны для той среды, которую описываетъ Микуличъ, но въ этой средѣ встрѣчаются женскія натуры и иного склада, чѣмъ Мимочка, натуры болѣе одаренныя, болѣе сильныя, въ которыхъ не удается зашнуровать и задушить всѣ умственныя стремленія, натуры, которыя протестуютъ противъ окружающей пошлости, которыя самостоятельно расширяютъ свой жизненный горизонтъ и требуютъ настоящей, человѣческой, а не игрушечной жизни. Микуличъ замѣчаетъ эти натуры и старается нарисовать ихъ рядомъ съ Мимочкой, но это ей не совсѣмъ удается. Уловить внутреннее содержаніе личностей болѣе или менѣе исключительныхъ всегда труднѣе, чѣмъ обрисовать типы обычные, большею частью отрицательные. Яснѣе и полнѣе другихъ у ней вышла Маша, героиня «Черемухи».

Маша—не кукла, Маша — человѣкъ и при томъ человѣкъ, одаренный чуткою душою, религіознымъ чувствомъ и художественнымъ талантомъ. Она способна работать, способна любить, способна страдать и понимать страданія другихъ, но она все же оказывается слабѣе окружающей среды, она подчиняется ея вліянію, ея законамъ и становится женой сухого бюрократа, способнаго любить только самого себя. Она, видя передъ собой опасность, бросилась въ религіозный экстазъ, въ аскетизмъ, но это не спасло ее отъ «практичной и расчетливой Леокадіи Николаевны».

Маша не измѣняетъ своему мужу, Маша не отравляется, но въ ея судьбѣ есть трагизмъ, котораго нѣтъ въ судьбѣ Мимочки. Въ Машѣ гибнетъ человѣкъ, гибнутъ человѣческія думы и чувства, гибнутъ, потому что аскетизмъ, которымъ она старалась защититься отъ напиравшей на нее со всѣхъ сторонъ пошлости, не только не далъ ей силы для активнаго протеста, а напротивъ усилилъ ея покорность и самоуничиженіе.

Въ Машѣ человѣкъ *гибнетъ*, но мы не знаемъ, *погибъ* ли онъ? Если Микуличъ вернется еще разъ къ своей новой героинѣ, какъ она нѣсколько разъ возвращалась къ Мимочкѣ, то мы, быть можетъ, увидимъ возрожденіе Маши, увидимъ ея освобожденіе отъ цѣпей пошлости и покорности.

Подобно героинямъ Ибсена, она разорветъ опутавшія ее сѣти предразсудковъ, она сброситъ, какъ тяжелую ношу, все, что суживаетъ и грязнитъ ея жизнь, она пойметъ свои священнѣйшія обязанности, обязанности по отношенію къ себѣ самой, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что называютъ обязанностями, всѣ эти тетушки, всѣ эти добродѣтельныя Леокадіи Николаевны. Ей стоитъ разорвать только одинъ стежекъ этого сложнаго сплетенія должнаго, принятаго, приличнаго, и она увидитъ, какъ увидѣла ибсеновская Елена, что «все это лишь машинное шитье», которое порется само собой, разъ разорвана хоть одна ниточка.

Микуличъ при ея несомнѣнно крупномъ талантѣ сумѣла бы, вѣроятно, нарисовать картину этого освобожденія, тѣмъ болѣе, что она поняла, до конца поняла все ничтожество «нравственнаго» кодекса той среды, гдѣ живутъ Мимочки и Маша. Она поняла, потому что иначе она не могла бы такъ ядовито и такъ тонко осмѣять всѣхъ этихъ тетушекъ, всѣхъ этихъ Леокадій Николаевенъ.

Изъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ первыхъ книжкахъ «Русскаго Богатства», обращаетъ на себя вниманіе «Спирька» Елпатьевскаго. «Спирька» — разсказъ символическій. «Спирька», превратившійся послѣ ряда злодѣйствъ

Digitized by Google

изъ мелкаго кабатчика въ крупнаго фабриканта, оказывающаго вліяніе на общественную жизнь, олицетворяетъ собою классъ современныхъ русскихъ промышленниковъ, а иногда и просто русскій капитализмъ; «мировой» же, руководитель думской оппозиціи, представляетъ собою русскую интеллигенцію, борющуюся съ капитализмомъ. Спирькѣ, по словамъ автора, страшна одна только интеллигенція. Мировой, олицетворяющій ее, снится Спирькѣ въ видѣ святого «столпника» и говоритъ угрожающія слова. Спирьку, по словамъ автора, интеллигенція злила тѣмъ, что «говорила и думала не о своемъ дѣлѣ и путалась туда, куда, по естественной логикѣ вещей, ей не было никакого основанія путаться. И вотъ, эти непонятные ему мотивы дѣятельности, эта всегдашняя неизвѣстность и неувѣренность, что она скажетъ и сдѣлаетъ,—было единственное, что мѣшало Спирькѣ, чувствовавшему себя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ хозяиномъ положенія вещей, успокоиться, единственное, что наполняло его душу, повторяю, не вполнѣ формулированнымъ чувствомъ тревоги и страха, и вполнѣ формулированнымъ чувствомъ глубокой и лютой ненависти».

Но не вся интеллигенція противъ Спирьки, часть ея и часть значительная, въ лицѣ ловкаго дѣльца Рачинина, учившагося въ одномъ изъ петербургскихъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній и выступавшаго не безъ успѣха въ судѣ, стоитъ всецѣло на сторонѣ Спирьки. И такъ, съ одной стороны мировой, напоминающій столпника, говорящаго укоризненныя слова, съ другой Спирька и Рачининъ съ ихъ хищническою наглостью и дьявольскою хитростью, съ ихъ деньгами, съ ихъ авторитетомъ въ глазахъ квартальнаго, стоящаго передъ нимъ на вытяжку. Силы неравныя, и, кажется, самъ авторъ сомнѣвается, чтобъ укоризненнымъ словамъ столпника-мироваго удалось превратить Спирьку въ «прежняго купца», купца стараго, добраго времени, купца, «нелишеннаго нѣкоторой романтической окраски». Этого романтическаго купца г. Елпатьевскій описываетъ тепло и любовно. «И робкій былъ, боязливый... Барина боялся по старой крѣпостной привычкѣ, квартальнаго, который всякую минуту могъ ему салазки на сторону свернуть, боялся закона и памятовалъ старую поговорку: отъ сумы да отъ тюрьмы не зарекайся... Много значило, что всегда передъ нимъ человѣкъ вертѣлся... Разъ онъ полъ-аршина не домѣряетъ, другой разъ не домѣряетъ, а глядишь третій разъ и полнымъ аршиномъ отпуститъ. Вдову иной разъ пожалѣетъ, сиротскія слезы разжалобятъ. Потомъ все на знати было,—и онъ всѣхъ зналъ, и самъ у всѣхъ на глазахъ былъ, въявь-то грабить и неловко было.

«А главное, смертный часъ помнилъ... Станетъ поясницу прихватывать, къ сердцу подкатывать, омокъ ошибать, и начнетъ купецъ задумываться. Про могилу темную думать, про страшный судъ, про воздаянія «коемуждо по дѣламъ его», ночью сны сниться станутъ.

«Вспомнитъ онъ всю жизнь свою, сколько вдовъ по міру пустилъ, сколько дѣтей сиротами сдѣлалъ, какъ у матерей дочерей покупалъ, смотришь, нажитое людскими слезами и отпишетъ на дѣла богоугодныя,—нищей братіи, сиротамъ безпріютнымъ, бездомнымъ старымъ людямъ богадѣльню устроитъ, дѣвицъ безприданницъ не забудетъ,—капиталъ оставитъ, чтобы проценты на приданое невѣстамъ шли...».

Digitized by Google

Спирька же «давно уже потерялъ всякій страхъ» и «лишенъ былъ всякой романтичности».

Для своего родного города Загорска Спирька въ совокупности съ желѣзной дорогой оказался хуже чумы, хуже погрома татарскаго.

«Какъ тараканы передъ пожаромъ, разбрелись обыватели; а наши исконные купцы сидѣли въ пустыхъ магазинахъ и смотрѣли, какъ уходитъ отъ нихъ жизнь, какъ мимо нихъ несутся ихъ покупатели, ползутъ товарные поѣзда и увозятъ отъ нихъ и хлѣба, и мерзлаго судака, и свиныя туши, и битую птицу, и новый товаръ—Спирькинъ лѣсъ, Спирькины дрова...».

Свой разсказъ г. Елпатьевскій заканчиваетъ описаніемъ торжества Спирьки и Рачинина на Нижегородской выставкѣ. Торжество это, разумѣется, символическое, и Спирька здѣсь окончательно фигурируетъ въ качествѣ русской промышленности или, если хотите, русскаго капитализма.

«Рачининъ былъ обворожителенъ. Въ безукоризненномъ фракѣ, — изящный джентльменъ, переходя отъ пафоса къ язвительнымъ насмѣшкамъ надъ своими противниками, онъ въ блестящей, пространной рѣчи доказывалъ, что честь, достоинство и счастье Россіи заключаются въ томъ чтобы скверные Спирькины товары продавались втрое дороже хорошихъ иностранныхъ... Иванъ Александровичъ съ трогательной нѣжностью увѣрялъ собраніе, что Спирька совсѣмъ еще маленькій, только что учится ходить и въ большихъ хлопотахъ, и потому ему некогда подумать о техническомъ усовершенствованіи производства...». И Спирька съ своей стороны произнесъ рѣчь, при чемъ въ концѣ ея «устроилъ фортель, — поднялъ бокалъ за рабочихъ и за русскій народъ». Это, кстати сказать, чуть ли не единственное мѣсто въ разсказѣ, гдѣ упоминается о существованіи русскихъ рабочихъ.

Лучше бы самому г. Елпатьевскому, а не его Спирькѣ вспомнить въ своемъ разсказѣ о рабочихъ и отбросить въ сторону всѣ эти тенденціозные и символическіе фортели, оставаясь на почвѣ безпристрастнаго изображенія жизни, въ которой всегда имѣется своя настоящая, а не выдуманная тенденція. Г. Елпатьевскій несомнѣнно талантливый писатель, но символически-тенденціозные фортели ему совсѣмъ не удаются.

Изъ другихъ беллетристическихъ вещей первыхъ книжекъ «Русскаго Богатства» укажемъ на очерки «Фонтанъ» и «Николай Николаевичъ», принадлежащіе перу двухъ писательницъ Е. Богровой и Е. Грековой, имена которыхъ впервые появляются въ литературѣ. Оба очерка относятся къ категоріи «пробъ пера» и помѣщены, вѣроятно, исключительно для поощренія молодыхъ авторовъ.

Мы говоримъ это отнюдь не въ осужденіе редакціи «Русскаго Богатства», напротивъ, ея вниманіе къ начинающимъ писателямъ и писательницамъ заслуживаетъ полнаго признанія. Лучше, по нашему мнѣнію, не принять плохой разсказъ писателя извѣстнаго, чѣмъ отвергнуть произведеніе писателя начинающаго, разъ въ этомъ произведеніи замѣтна хоть искра дарованія. Несомнѣнно, что въ обоихъ очеркахъ редакція нашла эту искру, и можно только пожелать, чтобъ она не ошиблась. Мы же подождемъ высказывать свое мнѣніе о дарованіи молодыхъ писательницъ

Digitized by Google

до слѣдующихъ пробъ пера, а пока посовѣтуемъ г-жѣ Богровой писать проще, не прибѣгая чуть не на каждомъ словѣ къ искусственнымъ сопоставленіямъ и метафорамъ, не только не облегчающимъ, но затрудняющимъ возможность представить ту или другую изъ рисуемыхъ авторомъ картинъ.

На первыхъ же страницахъ при описаніи внѣшней картины нефтяныхъ промысловъ г-жа Богрова для изображенія буровыхъ пустила въ ходъ и самонадѣянную молодежь, и новобранцевъ, и разжирѣвшихъ бюрократовъ, и янтарь, и персики, и скачку, и трепетанье, но вотъ, хоть убейте, никакой картины у насъ отъ всего этого не рисуется, и мы представляемъ себѣ буровыя нисколько не яснѣе, чѣмъ до чтенія набора этихъ пышныхъ сравненій.

Разсказъ г-жи Богровой много бы выигралъ, если бы редакторскій карандашъ удалилъ всѣхъ этихъ разжирѣвшихъ бюрократовъ, похожихъ, если я не ошибаюсь, на янтарь и персики, да кстати нѣсколько успокоилъ бы «бѣлую сорочку, которая выползла изъ растегнутаго пеньюара и билась на груди, какъ будто ее рвалъ сильный вѣтеръ».

Въ отношеніи простоты и естественности стиля для г-жи Богровой могла бы послужить прекраснымъ примѣромъ г-жа Грекова, но зато тема «Фонтана» оригинальнѣе, шире и смѣлѣе слишкомъ уже затасканнаго сюжета «Николая Николаевича».

О крупныхъ произведеніяхъ, о «Тягѣ» Боборыкина (Вѣстникъ Европы) и «Въ сумеркахъ» Эртеля (Русская Мысль) поговоримъ другой разъ.

В. Поссе.

Въ прошломъ «Журнальномъ обозрѣніи» осталась неисправленной слѣдующая опечатка на стр. 91, 20 строка сверху:

напечатано:	слѣдуетъ читать:
Это единственно важный путь	Это единственно вѣрный путь

Digitized by Google

Книжный листокъ

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-управляющимъ министерствомъ постановлено:

— Книжки, изданныя В. С. Спиридоновымъ: 1) «Ѳомка-дуракъ. Разказъ Анны Догановичъ. Съ рисунками. Изданіе 2-е. М. 1897. Стр. 62. Цѣна 20 коп.»—2) «В. Калымовъ. Сборникъ разказовъ и стихотвореній. Книжка I-я. Изданіе 2-е, съ рисунками. М. 1898. Стр. 72. Цѣна 25 коп.»—3) «Геніальный Поморъ. Очеркъ жизни М. В. Ломоносова, для дѣтей школьнаго возраста. Сост. А. В. Кругловъ. 2-е, дополненное изданіе. М. 1897. Стр. 67. Цѣна 25 коп.»—4) Новая звѣздочка. Три разказа А. В. Круглов... М. 1897. Стр. 45. Цѣна 20 коп.»—5) «Въ городѣ и деревнѣ. Сборникъ разказовъ для дѣтей. Сост. А. Ивинъ. М. 1897. Стр. 72. Цѣна 30 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ, книжку же А. В. Круглова «Геніальный Поморъ» допустить также и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: «Первоначальная географія съ картинами. Содержаніе: краткое описаніе Россіи и свѣдѣнія изъ математической, физической и всеобщей географіи. Составила М. Т. Ярошевская. М. 1897. Стр. 176. Цѣна 80 коп.»—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго руководства, въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты авторомъ во вниманіе всѣ указанія ученаго комитета.

— Брошюру: «А. Александровъ. Черногорка въ жизни частной и общественной. Страничка изъ бытовой исторіи Черногорья. Изданіе Казанскаго общества трезвости. Казань. 1897. Стр. 18. Цѣна не обозначена»—допустить для народныхъ чтеній и безплатныхъ читаленъ.

— Книжку: «Назарычъ. Разсказъ А. Г. Коваленской. Изданіе 2-е. М. 1897. Изданіе магазина «Сотрудникъ школъ». Стр. 63. Цѣна 15 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: Библіотека «Дѣтскаго Чтенія»: 1) Съ Поволожья. Родныя картинки. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Съ рисунками художниковъ Андреева, Гугунавы, Праотцева, Тишина, Литвиненко и Рамазановой. М. 1897. Стр. 200. Цѣна 60 коп.»—2) «Изъ пѣсенъ о трудѣ. Стихотворенія И. А. Бѣлоусова. Со многими рисунками. М. 1897. Стр. 4... Цѣна 25 коп.».—3) «Бѣлое золото. Повѣсть Д. Н. Мамина-Сибиряка. М. 1897. Стр. 137. Цѣна 50 коп.»—первую и вторую одобрить, а третью допустить

Digitized by Google

въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Изданія Н. С. Аскарханова: 1) «Священное Коронованіе Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. С.-Пб. 1896. Стр. 78».—2) То же на веленевой бумагѣ. Цѣны не обозначены — одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книжку: «И. Пономаревъ. Родная земля, книга для чтенія дома и въ народныхъ училищахъ (съ рисунками въ текстѣ), годъ III-й. С.-Пб. 1897. Стр. 148+4. Цѣна 50 коп.»—одобрить для класснаго употребленія въ низшихъ училищахъ, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Книжку: «Достопримѣчательности С.-Петербурга. Чтеніе для народа съ 124 картинками. Составилъ поручикъ Д. Н. Ломанъ. С.-Пб. 1898. Стр. 184. Цѣна 30 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также для народныхъ читаленъ и публичныхъ чтеній.

— Книги: 1) «А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Изданіе Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1898. Стр. 134. Цѣна 1 р. 25 коп.».—«То же. Дешевое изданіе. Стр. 167. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 25 коп.» – допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Книгу: «Д. Садовниковъ. Наши землепроходцы. (Разказы о заселеніи Сибири). 1581 — 1712 гг. М. 1898. Изданіе 2-е. Стр. 198. Цѣна 1 р.»— одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для публичныхъ народныхъ чтеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Брошюру, изданную К. И. Тихомировымъ: «Туркестанъ. Но дорогѣ къ Туркестану. Завоеваніе Туркестана. Земледѣліе въ Туркестанѣ: рисъ и хлопокъ и какъ ихъ выдѣлываютъ. М. 1897. Стр. 30. Цѣна 5 коп.»— допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: «Милотъ китве гакодешъ. Библейское слово. Вокабулы къ еврейскому тексту Священнаго Писанія съ приложеніемъ, содержащимъ краткія свѣдѣнія изъ грамматики древне-еврейскаго языка и таблицы измѣненія именъ и глаголовъ. Выпускъ I. Книга Бытія. Составилъ Л. М. Кохановскій. Вильна. 1897. Стр. 57+19. Цѣна 25 коп.»—допустить къ употребленію въ начальныхъ еврейскихъ училищахъ.

— Брошюру: «М. Васильевъ. Наша бабушка Анна Максимовна. (Изъ разказовъ о быломъ). М. 1898. Изданіе М. В. Клюкина. Стр. 16. Цѣна 5 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюрки, изданныя С.-Петербургскимъ Обществомъ Трезвости: 1) «Русскимъ матерямъ. Въ защиту вина. С.-Пб. 1894. Стр. 8».—2) «Защитникамъ умѣреннаго употребленія вина. С.-Пб. 1894. Стр. 8».—3) «Отцы-благодѣтели. Пѣсни о пьяной зельѣ-мухѣ. С.-Пб. 1894. Стр. 8».—4) «Отчего

Digitized by Google

гибнутъ люди. С.-Пб. 1891. Стр. 11».—5) «Пьянство и его гибельные плоды. Павла Никольскаго. С.-Пб. 1894. Стр. 24».—6) «Слова противъ пьянства Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадтскаго). С.-Пб. 1894. Стр. 15. Цѣны не обозначены»—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: «Слово и слогъ. Учебное руководство къ постепенному изученію русскаго языка въ школѣ и дома. Годъ первый. Букварь и первая книжка для чтенія. Съ образцами рисованія по сѣткѣ, письменными упражненіями и картинками въ текстѣ. Составилъ по наглядно-звуковому способу. И. Штейнгауеръ. Изданіе второе, исправленное. С.-Пб. 1897. Стр. VI+VI табл.+17—104 Цѣна 20 коп.»—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ и въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Учебное пособіе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ар. Турцевичъ, преподаватель Виленской 1-й гимназіи и Виленской рим.-кат. духовной семинаріи. Вильна. 1892. Стр. XII+776. Цѣна 2 р. 50 коп.»—одобрить, какъ весьма полезное чтеніе, для ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: «Царь-Освободитель, Преобразователь и Просвѣтитель Россіи, Императоръ Александръ II. Чтеніе проф. А. И. Александрова. Изданіе второе Казанскаго Общества Трезвости Казань. 1897. Стр. 25. Цѣна 20 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ и ученическія библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Книжку: «Колокольчикъ. Разсказы и стихи для дѣтей. Княгини М. А. Львовой. М. 1898. Стр. 41. Цѣна не напечатана»—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: «Учебникъ русской грамматики (этимологія и синтаксисъ) для церковно-приходскихъ школъ. Сост. П. Смирновскій. С.-Пб. 1897. Стр. 42. Цѣна 12 коп.»—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Брошюру: «Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Составила В. Колокольникова. М. 1897. Стр. 57. Цѣна 10 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Сочиненія Всеволода Соловьева, изданныя А. Ф. Марксомъ: 1) «Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. Въ 2-хъ частяхъ. Четвертое изданіе. С.-Пб. 711. Цѣна 3 р.»—2) «Старый домъ. Историческій романъ начала царствованія Императора Николая I (хроника четырехъ поколѣній). Въ 2-хъ частяхъ. С.-Пб. 1894. Стр. 69. Цѣна 3 р.»—3) «Изгнанникъ. Историческій романъ (хроника четырехъ поколѣній) въ 2-хъ частяхъ. С.-Пб. 1885. Стр. 634. Цѣна 3 р.»—4) «Капитанъ Гренадерской роты. Романъ-хроника XVIII вѣка въ двухъ частяхъ. Третье изданіе. С.-Пб. 1886. Стр. 327. Цѣна 2 р.»—5) «Царь-дѣвица. Романъ-хроника XVII вѣка.

Digitized by Google

Въ трехъ частяхъ. Второе изданіе. С.-Пб. 1885. Цѣна 2 р.»—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «Басни И. А. Крылова. Съ біографіею и съ 26 рисунками. Изданіе товарищества И. Д. Сытина. М. 1897. Стр. 269+II. Цѣна не обозначена»—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюру: «О томъ, какъ воевали въ старину и какъ теперь воюютъ. Чтеніе для народа. Составилъ Іоанникій Малиновскій. Кіевъ. 1897 Стр. 36. Цѣна 5 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюры, изданныя В. А. Березовскимъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Солдатская библіотека»:—А) «К. Тхоржевскаго: № 76. На чужое добро не зарься. Стр. 10. Цѣна 3 к.—№ 73. На оторванной льдинѣ. Стр. 16. Цѣна 4 к.—№ 77. Русская смѣкалка. Стр. 12. Цѣна 3.—№ 74. Великимъ постомъ. Стр. 12. Цѣна 3 к.—А. Васильковскаго: № 94. Фуражиръ. Стр. 20. Цѣна 5 к.—№ 81. Лукавый попуталъ. Стр. 16. Цѣна 4 к.—№ 69. Перемиріе. Стр. 24. Цѣна 6 к.—Л. Герасимова: № 95. Погулялъ. Стр. 28. Цѣна 8 к.—№ 96. Два поѣзда спасъ. Стр. 20. Цѣна 6 к.—Н. Бутковскаго: № 100. Знаменщикъ Иванъ Матвѣевъ. Стр. 16. Цѣна 4 к.—Д. Логофета: № 71. Не дался въ обиду. Стр. 16. Цѣна 4 к.—В. Потто: № 81. Подвигъ Платова. Стр. 9. Цѣна 3 к.—№ 88. Гибель города Быстрянска. Стр. 8. Цѣна 2 к.—№ 87. Дѣдъ генерала Бакланова. Стр. 8. Цѣна 2 к.—№ 85. Геройская оборона Наура. Стр. 7. Цѣна 2 к.—А. Пушкина: № 99. Мѣдный всадникъ. Стр. 29. Цѣна 5 к.»—допустить въ библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя читальни и для публичныхъ чтеній:—Б) «К. Тхоржевскаго: № 79. Чудеса въ рѣшетѣ. Стр. 12. Цѣна 3 к.—№ 78. Заколдованная утка. Стр. 15. Цѣна 4 к.—А. Васильковскаго: № 72. Ефимъ калѣка. Стр. 16. Цѣна 4 к.—Бамбука: № 89. Василій Ивановичъ. Стр. 16. Цѣна 4 к »—допустить въ библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя читальни и—В) «В. Потто: № 82. Первый походъ на Хиву. Стр. 9. Цѣна 3 к.—№ 83. Петръ I на берегу Каспійскаго моря. Стр. 12. Цѣна 3 к.—№ 86. Суворовъ на Кавказѣ. Стр. 22. Цѣна 6 к.—№ 90. Кавказъ до Петра. Стр. 16. Цѣна 4 к.—Д. Иванова: № 92. Въ обходъ Шипки. (Зимой черезъ Балканы). Изд. 3-е, испр. Стр. 38. Цѣна 15 к.—№ 91. Послѣдній бой подъ Шипкой. (Зимой черезъ Балканы). Изд. 3-е, испр. Стр. 49. Цѣна 15 к.—(безъ обозначенія автора): № 97. Штурмъ Никополя. Стр. 27. Цѣна 10 к.»—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ его превосходительствомъ г. временно управлявшимъ министерствомъ, постановлено:

— Книжку Владиміра Сумскаго: «Питомникъ, плодовый садъ, огородъ и

Digitized by Google

цвѣтникъ. Москва, 1897. 120 стр., въ 8-ку. Цѣна 25 коп.»—одобрить для учительскихъ семинарій въ качествѣ учебнаго руководства, для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній и допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— „Популярное руководство къ изученію перспективы и теоріи тѣней по курсу рисованія д'Андріэ. Съ 93 рисунками и чертежами въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное. С.-Пб. 1896. 129 стр. въ 8-ку. Цѣна 1 р. 50 коп. Изданное, въ переводѣ съ французскаго, г-жею В. С. Стемпевичъ"—допустить для пріобрѣтенія въ библіотеки техническихъ училищъ.

— Составленную В. Карнаковымъ книгу, подъ заглавіемъ: „Азбука графической грамотности, съ 410-ю чертежами въ текстѣ. С.-Пб. 1897. VIII+152 стр., въ 8-ку. Цѣна 85 коп."—допустить для употребленія въ низшихъ профессіональныхъ школахъ и на воскресныхъ или вечернихъ курсахъ въ качествѣ руководства или же учебнаго пособія по линейному черченію въ зависимости отъ размѣровъ обученія и имѣющихся въ распоряженіи матеріальныхъ средствъ, а также допустить въ учительскія и ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ для справокъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Сочиненіе г-жи Вѣры Богдановской, подъ заглавіемъ: „Начальный учебникъ химіи. съ 15-ю рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1897. 88 стр., въ 8-ку, безъ обозначенія цѣны"—одобрить какъ пособіе для низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ (кромѣ спеціально химическихъ).

— Брошюру священника Владиміра Веселицкаго, подъ заглавіемъ: „Простое руководство къ разумному пчеловодству. Казань. 1897. 48 стр., въ 8-ку; съ 8 табл. рис. Цѣна 30 коп."—одобрить для библіотекъ учительскихъ семинарій, а также сельскихъ двухклассныхъ и начальныхъ школъ.

— Брошюру Милицына, подъ заглавіемъ: „О возведеніи дешевыхъ огнеупорныхъ сельскихъ построекъ. Москва. 1897. 59 стр., въ 16-ю дл. Цѣна 10 коп., изд. К. И. Тихомирова"—допустить въ начальныя и двухклассныя сельскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Статистика образованія.

О положеніи народнаго образованія въ Самарской губ.

Начальныхъ народныхъ школъ, состоящихъ въ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ въ Самарской губ., числилось къ 1 му января 1897 года всего 845, изъ которыхъ 539 подвѣдомственны училищнымъ совѣтамъ, а остальныя 306 подвѣдомственны непосредственно министерству народнаго просвѣщенія, включая сюда 143 церковно-приходскихъ училищъ, находящихся въ поселеніяхъ бывшихъ нѣмецкихъ колонистовъ и

Digitized by Google

переданныя въ названное министерство 2-го мая 1887 г. министерствомъ государственныхъ имуществъ, и 146 татарскихъ школъ.

Если прибавить къ этому числу 15 частныхъ учебныхъ заведеній, то общее количество начальныхъ училищъ въ губерніи, не считая 1005 церковно-приходскихъ школъ епархіальнаго вѣдомства, за отсутствіемъ данныхъ о нихъ, выразится цифрой 860, причемъ по уѣздамъ эти училища распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Уѣзды	Количество училищъ подвѣдомственныхъ М. Н. Пр.	Училищ. совѣт.	Частныхъ учеб. зав.
Бугульминскій	54	20	—
Бугурусланскій	22	64	—
Бузулукскій	12	80	—
Николаевскій	46	102	3
Новоузенскій	116	119	1
Самарскій	27	97	11
Ставропольскій	29	57	—

Во всѣхъ училищахъ, за исключеніемъ частныхъ учебныхъ заведеній, числилось къ началу текущаго года 77313 учащихся (изъ нихъ 51807 мал.—67% и 25506 дѣв.—33%), составляющихъ по отношенію къ общему числу дѣтей школьнаго возраста въ Самарской губ. (400000 чел.) всего лишь 19,4%. Причину столь незначительнаго процента учащихся отчетъ усматриваетъ всецѣло въ ограниченномъ количествѣ начальныхъ школъ въ губерніи, а въ частности также въ тѣснотѣ ихъ помѣщеній.

По даннымъ отчета на 1 училище въ губерніи приходится 3453,8 жителей. Подобное среднее само по себѣ даетъ уже достаточно ясное представленіе о степени нужды въ школахъ въ самарской губ.; но нужда эта сдѣлается еще болѣе очевидной, если количество наличныхъ школъ распредѣлить по національностямъ учащихся. Такъ, степень удовлетворенія въ народномъ образованіи среди нѣмцевъ-колонистовъ, проживающихъ въ 4-хъ уѣздахъ губерніи, выразится количествомъ 1688 жителей нѣмцевъ на одно училище ; тогда какъ соотвѣтственное показаніе по отношенію къ остальнымъ жителямъ губерніи опредѣлится крупной цифрой въ 3914 чел. на одно не нѣмецкое училище.

Тѣснота школьныхъ помѣщеній составляетъ общее явленіе въ губерніи, но и въ этомъ отношеніи нѣмцы терпятъ сопряженныя съ этимъ неудобства въ гораздо меньшей степени, чѣмъ остальная часть населенія. По словамъ отчета, у нѣмцевъ «школьныя зданія въ большинствѣ случаевъ отличаются обширностью и прочностью и составляютъ въ своемъ родѣ украшеніе нѣмецкихъ колоній». На сколько они дѣйствительно обширны, можно судить по тому, что нерѣдко въ нихъ помѣщается отъ 200 до 500 учащихся, и въ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, въ Звонарево-Кушеномъ, Гуссенбахскомъ, Вальскомъ и Красноярскомъ—даже гораздо больше этого (500—800).

Не такъ обстоитъ дѣло съ остальными школьными помѣщеніями.

Digitized by Google

Между ними есть значительное количество не только тѣсныхъ, но и вообще «мало или совсѣмъ не удовлетворяющихъ требованіямъ школьной гигіены». Къ числу ихъ отчетъ относитъ 4-ое приходское мужское училище въ г. Самарѣ, 5 училищъ въ самарскомъ уѣздѣ, 34—въ бугурусланскомъ, 15—въ бузулукскомъ, 15—въ николаевскомъ, 5—въ ставропольскомъ, столько-же въ бугульминскомъ и 18—въ новоузенскомъ. Вообще «главнѣйшимъ недостаткомъ школьныхъ зданій», по словамъ отчета, нужно «признать малопомѣстительность, отсутствіе въ достаточномъ количествѣ воздуха и ветхость ихъ». Въ этомъ отношеніи не представляетъ исключенія даже Самара, гдѣ есть училище вмѣстимостью всего лишь въ 8,1 куб. арш., воздуха на одного ученика, а въ бузулукскомъ, напр., уѣздѣ, по вычисленію инспектора народныхъ училищъ, на каждое училище въ общемъ приходится лишнихъ учащихся 18 челов., если принять за норму для пріема учениковъ площадь въ 2 квадр. аршина. Впрочемъ трудно сказать, что болѣе вредно отзывается на школьномъ дѣлѣ въ настоящее время—неудовлетворительность ли школьныхъ помѣщеній въ гигіеническомъ отношеніи, вызываемая отчасти самымъ устройствомъ ихъ, а отчасти ихъ переполненіемъ—или непомѣрно высокое количество учащихся, приходящихся на каждаго учащаго. Въ среднемъ отношеніе первыхъ къ послѣднему равно по губерніи 87:1. Но и въ данномъ случаѣ, какъ въ другихъ, приведенная средняя не даетъ яснаго представленія о переполненіи наличныхъ школъ учащимися, если не прибавить, что есть училища (нѣмецкія), въ которыхъ на одного учителя приходится отъ 200—500 учениковъ! Подобныя цифры говорятъ сами за себя, и въ нихъ надо искать причины того, напр., факта, что въ $18^{96}/_{97}$ учебномъ году окончило курсъ съ правомъ на льготу 3-го и 4-го разрядовъ всего лишь 4,7% общаго числа учившихся въ этомъ году.

Неудовлетворительная постановка учебнаго дѣла въ Самарской губ. обнаруживается еще и въ образовательномъ цензѣ преподавательскаго персонала. Изъ 890 общаго числа учителей и учительницъ (не включая сюда законоучителей) 22% окончили курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ первые представлены въ этомъ числѣ лишь въ количествѣ 2%; контингентъ учащихъ, окончившихъ учительскую семинарію, выражается величиной въ 43,5% (въ томъ числѣ 18,8% учителей и 24,7% учительницъ), а остальные $34{,}5^0/_0$ пополняются лицами окончившими низшее учебное заведеніе, пріобрѣтшими право преподаванія по спеціальному экзамену и наконецъ—совсѣмъ не имѣющими правъ на преподаваніе (послѣдніе составляютъ $8{,}1^0/_0$ общаго числа, и всѣ служатъ въ нѣмецкихъ школахъ). Столь значительный процентъ учащихъ, мало подготовленныхъ и даже совсѣмъ неподготовленныхъ къ педагогической дѣятельности, объясняется отчасти тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ школѣ предъявляются главнымъ образомъ узко-спеціальныя требованія, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., въ нѣмецкихъ школахъ, гдѣ таковыя должны прежде всего подготовить дѣтей къ конфирмаціи,—во-

Digitized by Google

обще-же причину подобнаго явленія надо искать въ ничтожномъ вознагражденіи учительскаго труда. Только въ самарскомъ уѣздѣ учителя и учительницы и ихъ помощники получаютъ по 300 руб. въ годъ; изъ прочихъ уѣздовъ лишь въ двухъ—бугульминскомъ и новоузенскомъ, существуютъ подобные же оклады, но уже для однихъ учителей и учительницъ, тогда какъ содержаніе ихъ помощниковъ колеблется въ предѣлахъ отъ 200 до 250 руб.; въ остальныхъ-же уѣздахъ учителя получаютъ 200—300 руб. Едва-ли можно сомнѣваться, что если бы женскій трудъ въ настоящее время стоялъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ по отношенію къ труду мужскому,—то веденіе школьнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ Самарской губерніи было бы сосредоточено почти исключительно въ рукахъ лицъ, мало пригодныхъ для такого дѣла. Для большей полноты представленія о положеніи народнаго образованія въ Самарской губ., надо сказать еще нѣсколько словъ о народныхъ библіотекахъ. По словамъ отчета, дѣло открытія безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ по правиламъ 15-го мая 1890 года подвигается очень быстро, встрѣчая полное сочувствіе со стороны всѣхъ сословій и учрежденій губерніи»... О сочувствіи крестьянъ къ этому дѣлу можно судить уже по одному тому, что частными лицами и сельскими обществами одного николаевскаго уѣзда пожертвовано на учрежденіе народныхъ библіотекъ 1670 руб.». Въ новоузенскимъ уѣздѣ на средства сельскихъ обществъ существуютъ 10 библіотекъ, въ ставропольскомъ 3 и кромѣ того одна библіотека на средства частнаго лица. Земства Самарской губерніи въ послѣднее время также начали сочувственно относиться къ вопросу объ открытіи библіотекъ. Самарское земство содержитъ на свой счетъ 10 библіотекъ и 1 читальню, для которыхъ въ 1896 г. выписало 627 экземпляровъ разныхъ книгъ. Бугульминское недавно открыло библіотеки при всѣхъ 15 школахъ уѣзда; въ ставропольскомъ уѣздѣ на земскія средства существуютъ 3 библіотеки-читальни и 1 библіотека. Вообще отчетъ, исходя изъ своихъ свѣдѣній, категорически выражаетъ увѣренность, что «въ самомъ непродолжительномъ времени Самарская губернія покроется цѣлою сѣтью народныхъ библіотекъ-читаленъ». Не менѣе категорически отчетъ высказывается и по поводу тѣхъ мѣропріятій въ области народнаго образованія, какія вызываются самой жизнью и настоятельно требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія.

«Число желающихъ учиться въ земскихъ школахъ», говоритъ отчетъ годъ отъ году растетъ и увеличивается; сознаніе необходимости образованія все болѣе и болѣе крѣпнетъ и развивается въ крестьянскомъ населеніи; наплывъ новичковъ въ школы такъ великъ, что многимъ приходится отказывать въ пріемѣ по недостатку мѣстъ...

Предстоитъ поэтому неотложная нужда въ открытіи новыхъ и новыхъ школъ для удовлетворенія насущной потребности населенія въ образованіи, составляющемъ краеугольный камень будущаго внѣшняго благосостоянія и нравственнаго преуспѣянія.

Digitized by Google

Земству, стоящему на стражѣ мѣстныхъ интересовъ, не слѣдуетъ смущаться предстоящими громадными расходами на развитіе народнаго образованія въ губерніи; оно должно помнить, что потраченный имъ капиталъ въ недалекомъ будущемъ принесетъ существенную пользу краю, пробудитъ населеніе отъ лѣни (?!), апатіи, возвыситъ крестьянъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, выведетъ изъ облегшей ихъ тьмы невѣжества совсѣми его дурными послѣдствіями; откроетъ имъ глаза на свѣтъ божій, на свое назначеніе и призваніе, дастъ имъ средства къ лучшей обработкѣ своихъ полей, научитъ ихъ разнаго рода ремесламъ и тѣмъ будетъ способствовать улучшенію ихъ матеріальнаго благосостоянія». Мы не сомнѣваемся, что призывъ отчета не останется безплоднымъ; мы думаемъ, что самарское земство, какъ и многія другія, въ самомъ недалекомъ будущемъ приступитъ къ выработкѣ рѣшительныхъ мѣропріятій въ области народнаго образованія въ цѣляхъ развитія этого послѣдняго. Приступитъ не потому, конечно, что какъ это говорится въ отчетѣ, «число желающихъ учиться ростетъ и увеличивается», что сознаніе необходимости образованія крѣпнетъ и развивается въ крестьянскомъ населеніи; не потому, что наличныя школы переполнены, и что многимъ желающимъ приходится отказывать въ пріемѣ...

Если въ данномъ случаѣ и можно говорить о «сознаніи», то лишь о сознаніи того, что при современныхъ условіяхъ земледѣльческаго хозяйства нужны болѣе умѣлые, болѣе толковые рабочіе, нужны разные приказчики и старосты, совсѣмъ не похожіе на приказчика Затрапезной. Подобное сознаніе въ послѣдніе годы все замѣтнѣе сказывается у представителей нашего земскаго самоуправленія, крупныхъ и мелкихъ земельныхъ собственниковъ, и выражается весьма опредѣленно въ томъ, напр., вниманіи, какое оказываютъ разныя земства вопросу о сельскохозяйственномъ образованіи,—низшемъ, среднемъ и высшемъ.

Улучшится-ли, какъ думаетъ составитель отчета, матеріальное благосостояніе сельско-хозяйственнаго рабочаго въ зависимости отъ увеличенія числа народныхъ школъ, безплатныхъ библіотекъ и прочихъ средствъ народнаго просвѣщенія,—это еще вопросъ, но что отъ всего этого выиграютъ наши землевладѣльцы,—это несомнѣнно, и въ этомъ надо видѣть единственно надежный и прочный залогъ того, что всеобщее обученіе въ скоромъ времени сдѣлается совершившимся фактомъ.

А. Ш—ръ.

Digitized by Google

Педагогическое Отдѣленіе

Неофилологическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Неофилологическое Общество, существующее при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ уже съ 1885 г., учредило въ Январѣ текущаго года Педагогическое Отдѣленіе для спеціальной разработки вопросовъ, касающихся преподованія новыхъ языковъ, какъ родного, такъ и иностранныхъ, и также соотвѣтствующихъ исторій литературъ.

Всѣмъ педагогамъ-филологамъ извѣстно, что въ области отмѣченныхъ вопросовъ давно уже возникло движеніе, настойчиво требующее коренныхъ реформъ въ преподаваніи языковъ, реформъ, сводящихся, въ принципѣ, къ перенесенію центра тяжести преподаванія на практическую почву. На Западѣ и въ Америкѣ это движеніе вполнѣ уже упрочилось, и, достигнувъ ясной формулировки своихъ требованій, завоевало себѣ видное мѣсто въ методикѣ преподаванія.

Наша русская средняя школа, въ общемъ, заняла по отношенію къ нему выжидательное положеніе, не успѣвъ еще убѣдиться въ правильности новыхъ воззрѣній и въ примѣнимости ихъ у насъ.

«Дѣйствительно *) то, что вполнѣ примѣнимо на Западѣ, можетъ оказаться непригоднымъ въ нашей школѣ, или пригоднымъ лишь съ значительными ограниченіями и измѣненіями. Излишняя поспѣшность въ проведеніи какихъ бы то ни было реформъ можетъ отразиться гибельно на общемъ ходѣ преподаванія. Школьное дѣло слишкомъ серьезно, и отвѣтственность, лежащая на педагогахъ, слишкомъ велика, чтобы можно было превратить классъ въ поля для экспериментовъ». Съ другой стороны, однако, требованія реформеннаго движенія формулируются такъ отчетливо и занимаютъ такое видное мѣсто въ постановкѣ дѣла внѣ Россіи, что съ нимъ нельзя не считаться и намъ.

«Желательно-ли, чтобы наша школа приняла такъ называемый «новый» методъ во всемъ его объемѣ или съ извѣстными ограниченіями? Желательно и возможно-ли у насъ примѣненіе фонетики въ преподованіи?

---

*) Поставленное въ ковычкахъ заимствовано изъ »Предложенія», выработаннаго Комитетомъ Неофилологическаго Общества и принятаго общимъ собраніемъ 22-го Декабря 1897 г.

Digitized by Google

Слѣдуетъ ли сохранить теоретическую грамматику, или ограничить ее лишь однимъ изъ старшихъ классовъ или, наконецъ, совсѣмъ исключить ее? Желательно-ли перенесеніе центра тяжести преподаванія на практическую почву? Возможно-ли совершенно исключить объясненія на родномъ языкѣ при преподаваніи языковъ иностранныхъ? Въ какихъ размѣрахъ могутъ быть удержаны прежніе пріемы обученія? А въ случаѣ, еслибы введеніе коренныхъ реформъ оказалось желательнымъ въ томъ или иномъ объемѣ, то какія измѣненія должны онѣ повлечь за собой въ общемъ строѣ нашей средней школы въ смыслѣ распредѣленія матеріала, времени, и т. д.? Таковы основные общіе вопросы, подлежащіе серьезному всестороннему обсужденіе, не говоря уже о множествѣ частныхъ вопросовъ, связанныхъ съ ними.

Среди нашихъ педагоговъ эти вопросы неоднократно поднимались и нерѣдко они обсуждались уже въ небольшихъ кружкахъ спеціалистовъ и въ педагогическихъ совѣтахъ того или другого учебнаго заведенія. Но этого недостаточно. Обсужденіе должно быть поставлено на болѣе широкій базисъ, оно должно быть перенесено въ такую среду, въ которой сходились-бы какъ теоретики языка, такъ и практическіе педагогическіе дѣятели всѣхъ филологическихъ дисциплинъ для всесторонняго обмѣна мыслей. Лишь при такой постановкѣ дѣла можно надѣяться, что обсужденіе приведетъ къ результатамъ надежнымъ, къ разумному прогрессу, избѣгающему всякія вредныя крайности и не теряющему изъ виду тѣхъ условій, въ которыхъ живетъ и развивается наша средняя школа».

Неофилологическое Общество «въ большей степени, чѣмъ всякое другое призвано сдѣлаться такимъ органомъ общенія, такъ какъ въ немъ имѣются на лицо именно тѣ условія, которыя отмѣчены выше какъ необходимыя для успѣшнаго хода дѣла и безпристрастнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся преподаванія какъ языковъ такъ и литературъ. Въ немъ сходятся филологи всѣхъ спеціальностей, какъ теоретики, такъ и практики; а органическая связь его съ Императорскимъ С. Петербургскимъ Университетомъ, налагая на него серьезную отвѣтственность, съ другой стороны даетъ ему тотъ научный авторитетъ, который справедливо присвоивается ученому обществу при одномъ изъ важнѣйшихъ центровъ научной жизни нашего отечества...

Наконецъ, Неофилологическое Общество пользуется нѣкоторыми очень важными и цѣнными правами. § 3 Устава даетъ ему право устраивать публичныя собранія, открывать платныя и безплатныя публичныя чтенія, печатать свои труды и т. д, т. е. оно имѣетъ въ своемъ распоряженіи такія прерогативы, которыя даютъ ему возможность непосредственно вліять на широкіе круги интеллигентнаго общества и на педагогическій міръ въ частности.

Включеніе въ программу Отдѣленія вопросовъ, касающихся преподаванія русскаго языка и словесности, вызвано тѣмъ соображеніемъ, «что и въ этой области возникло не мало сомнѣній въ правильности постановки

Digitized by Google

дѣла у насъ, поднято не мало вопросовъ, настоятельно требующихъ всесторонняго обсужденія... Совмѣстная работа неофилологовъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, съ спеціалистами по русскому языку и словесности скажется въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, не менѣе благотворно, чѣмъ въ области чистой науки».

Организація отдѣленія предоставляетъ дѣятельности послѣдняго самый широкій просторъ и полную независимость въ смыслѣ программы и выбора средствъ къ выполненію ея. Педагогическое Отдѣленіе избираетъ изъ своей среды, на три года, предсѣдателя, который считается непремѣннымъ членомъ Комитета Общества. Онъ созываетъ засѣданія Отдѣленія независимо отъ общихъ собраній, назначаетъ доклады, руководитъ преніями и т. д. Зависимость-же отъ Общества выражается лишь въ томъ, что право голоса въ Отдѣленіи имѣютъ только лица, избранныя въ дѣйствительные члены Общества въ одномъ изъ общихъ собраній послѣдняго *); и въ томъ еще, что Отдѣленіе входитъ черезъ своего предсѣдателя въ Комитетъ по всѣмъ вопросамъ, рѣшеніе которыхъ уставомъ Общества предоставлено комитету, каковы: вопросы финансовые, сношенія съ Совѣтомъ Университета, всякаго рода ходатайства и т. д. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія, вмѣстѣ съ отчетомъ Общества, печатается ежегодно въ оффиціальномъ университетскомъ Отчетѣ.

Что касается протоколовъ засѣданій отдѣленія, то они, вслѣдствіе любезно выраженнаго согласія со стороны редакцій, будутъ печататься въ «Образованіи» и «Русской Школѣ» за подписью предсѣдателя или секретаря. Въ нижеслѣдующемъ предлагаются протоколы двухъ первыхъ засѣданій.

I.

Первое, предварительное, засѣданіе Педагогическаго Отдѣленія Неофилологическаго Общества состоялось 26-го Января 1898 г. подъ предсѣдательствомъ акад. проф. А. Н. Веселовскаго въ присутствіи 23 членовъ Общества и многочисленныхъ гостей.

По прочтеніи, секретаремъ Общества, проэкта организаціи Отдѣленія, выработаннаго Комитетомъ и принятого Общимъ Собраніемъ 22-го Декабря 1897 г., приступлено было къ выбору предсѣдателя Отдѣленія путемъ закрытой баллотировки. Большинствомъ голосовъ избраннымъ оказался лекторъ и приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго Университета Ѳедоръ Александровичъ Браунъ.

Затѣмъ, В. Б. Струве прочелъ докладъ «О вакаціонныхъ курсахъ для неофилологовъ въ Парижѣ и Марбургѣ, въ связи съ вопросомъ о подготовкѣ преподавателей». Докладъ этотъ цѣликомъ напечатанъ въ мартовской

*) Членами Общества могутъ быть и дамы. Гости допускаются въ засѣданія не иначе какъ съ разрѣшенія комитета или предсѣдателя.

Digitized by Google

и апрѣльской книгахъ «Образованія» текущаго года, вслѣдствіе чего протоколъ ограничивается указаніемъ преній, возникшихъ по поводу доклада. Въ этихъ преніяхъ принимали участіе А. Н. Веселовскій, С. С. Григорьевъ, Е. А. Леве, Е. В. Балобанова и другіе. А. Н. Веселовскій, оспаривая нѣкоторыя изъ частныхъ положеній референта, отрицалъ желательность того, чтобы наши преподаватели и преподавательницы посѣщали вакаціонные курсы въ Парижѣ и Марбургѣ. По его мнѣнію, вакаціонные курсы вообще не могутъ подготовить преподавателей языковъ, вслѣдствіе своей отрывочности, безсистемности и кратковременности. Подготовка преподавателей—вопросъ, о которомъ оппонентъ думаетъ уже давно—должна быть поставлена на совершенно иную почву. Если же курсы имѣютъ цѣлью лишь освѣжить практическое знаніе языка, произношеніе и т. под., то эта цѣль, по мнѣнію оппонента, достигается лучше посѣщеніемъ салоновъ, театровъ и т. д.

Докладчикъ возразилъ оппоненту, что онъ, конечно, не могъ имѣть въ виду эти курсы, какъ могущіе дать достаточную подготовку вполнѣ еще неподготовленнымъ лицамъ. Они имѣютъ значеніе лишь какъ дополненіе и повтореніе уже извѣстнаго.

— Изъ остальныхъ участниковъ въ преніяхъ нѣкоторые стали на сторону перваго оппонента, тогда какъ другіе поддерживали своими доводами мнѣніе докладчика.

За позднимъ временемъ, пренія были прекращены, не давъ отчетливаго результата.

II.

Второе засѣданіе Педагогическаго Отдѣленія Неофилологическаго Общества состоялось 16 февраля 1898 г. подъ предсѣдательствомъ Ѳ. А. Брауна.

1. Предсѣдатель заявилъ, что, на основаніи 3 пункта проэкта организаціи отдѣленія, онъ избралъ секретаремъ отдѣленія приватъ-доцента СПБ. университета по каѳедрѣ русскаго языка и словесности, А. К. Бороздина, который уже изъявилъ свое согласіе на это.

2. Предсѣдатель предложилъ отдѣленію печатать протоколы его засѣданій ежемѣсячно, по мѣрѣ того, какъ они будутъ составляться, чтобы установить болѣе живое общеніе между отдѣленіемъ и остальнымъ педагогическимъ міромъ. Собраніе единогласно приняло это предложеніе и, выразивъ желаніе, чтобы протоколы печатались одновременно въ нѣсколькихъ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ, поручило предсѣдателю, войти по этому поводу въ сношенія съ г.г. редакторами «Русской школы» и «Образованія».

Присутствовавшій въ засѣданіи редакторъ-издатель «S.-Petersburger Zeitung» П. К. фонъ Кюгельгенъ изъявилъ готовность печатать въ издаваемой имъ газетѣ краткіе отчеты о состоявшихся засѣданіяхъ.

3. Предсѣдатель заявилъ, что несостоявшееся за позднимъ временемъ

Digitized by Google

обсужденіе двухъ предложеній, высказанныхъ В. Б. Струве въ концѣ доклада на первомъ засѣданіи, онъ полагаетъ отложить до одного изъ апрѣльскихъ засѣданій отдѣленія, такъ какъ къ этому времени весь рефератъ будетъ напечатанъ и постановка вопросовъ выяснится отчетливѣе.

Затѣмъ,

І. Р. И. Бойль прочелъ докладъ «Die Resultate der neusprachlichen Bewegung in Deutschland». Докладчикъ подводитъ результаты реформеннаго движенія, достигнутые въ Германіи, въ области преподаванія новыхъ языковъ, подъ три категоріи.

Къ первой категоріи принадлежатъ общія условія, признанныя необходимыми при проведеніи реформъ въ преподаваніи языковъ. А именно:

1. Преподаватель долженъ давать не болѣе 18 уроковъ въ недѣлю.

2. Поурочная плата учителямъ должна быть замѣнена опредѣленнымъ окладомъ жалованья, достаточно обезпечивающимъ ихъ.

3. Начинающіе преподаватели должны быть вводимы въ преподаваніе постепенно, подъ руководствомъ директора заведенія или опытнаго преподавателя.

4. Указанія по методикѣ преподаванія должны быть просты, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, иначе молодой преподаватель не вынесетъ изъ нихъ той пользы, которую они имѣютъ въ виду.

5. Число учениковъ въ каждомъ классѣ не должно превышать 25.

Вкратцѣ обосновавъ каждый изъ этихъ пунктовъ, докладчикъ перешелъ ко второй категоріи, которую сооставляютъ, по его опредѣленію, тѣ окончательные методологическіе выводы, полученные реформеннымъ движеніемъ, которые уже болѣе не оспариваются.

Референтъ предпослалъ имъ замѣчаніе, что на Западѣ, гдѣ иностранные языки преподаются обыкновенно мѣстными уроженцами, а не иностранцами какъ у насъ, и гдѣ подготовка учителей, вслѣдствіе этого, хуже чѣмъ у насъ, въ смыслѣ практическаго владѣнія и произношенія преподаваемаго языка, фонетика имѣетъ большее значеніе, чѣмъ въ нашей средней школѣ.

Ко второй категоріи докладчикъ относитъ 3 положенія:

1. Въ центрѣ преподаванія, какъ главное его орудіе, стоитъ чтеніе. Грамматика должна примыкать къ чтенію.

2. Грамматика изучаемаго языка должна преподаваться не иначе, какъ индуктивнымъ способомъ.

3. Очень важнымъ пріемомъ преподаванія служатъ практическія упражненія въ свободномъ разговорѣ.

Преподаватель долженъ искать случаевъ разговаривать съ учениками и внѣ класса, независимо отъ классныхъ занятій.

Наконецъ, третью категорію составляютъ вопросы, почти, но не вполнѣ еще рѣшенные, такъ какъ о нихъ еще идетъ споръ. А именно:

1. Когда, именно, т. е. въ какой моментъ преподаванія въ послѣднее

Digitized by Google

должна быть введена книга? Долго ли преподаваніе должно ограничиваться устными упражненіями безъ книги и письма? Вопросъ этотъ находится въ связи съ вопросомъ о томъ, какую роль играетъ зрѣніе съ одной, и слухъ съ другой стороны въ дѣлѣ усвоенія иностранной рѣчи. По мнѣнію референта, соглашеніе по этому пункту еще не состоялось потому, что основной вопросъ, пока, не рѣшенъ теоретически, научно.

2. Какую выгоду представляетъ, въ преподаваніи, фонетика и фонетическая транскрипція? Докладчикъ, не отрицая, принципіально, пользу фонетики и транскрипціи, полагаетъ, однако, что предложенные доселѣ способы транскрипціи и выясненіе фонетическихъ частностей настолько сложны, что они на практикѣ почти не примѣнимы, въ особенности въ дѣтскомъ возрастѣ. Притомъ, переходъ отъ фонетическаго письма къ историческому такъ труденъ, что затрудненія эти не искупаются выгодами, представляемыми этимъ пріемомъ. На основаніи своего многолѣтняго опыта, докладчикъ полагаетъ, что серьезное шестинедѣльное преподаваніе безъ книги, при которомъ центръ тяжести лежитъ на фонетическихъ упражненіяхъ, вполнѣ можетъ замѣнить пріемы, предлагаемые сторонниками чистой фонетики.

3. Какую роль должны играть въ преподаваніи переводы? Можно ли, и слѣдуетъ ли, уничтожить ихъ совершенно? Слѣдуетъ ли вообще совершенно изъять употребленіе родного языка изъ преподаванія языковъ иностранныхъ? Докладчикъ, признавая безусловную безполезность переводовъ какъ съ иностраннаго, такъ и на иностранный языкъ, полагаетъ, однако, что употребленіе родного языка *вполнѣ* исключить изъ преподаванія языка иностраннаго нельзя, потому что многіе слова и обороты не могутъ быть выяснены только при помощи иностранныхъ же словъ, или объясненіе ихъ отняло бы слишкомъ много времени. Употребленіе родного языка должно быть, однако, по возможности, ограничено и должно мало по малу совершенно исчезнуть по мѣрѣ приближенія къ старшимъ классамъ. Докладъ г. Бойля вызвалъ оживленную бесѣду, въ которой принимали участіе Ѳ. А. Браунъ, С. К. Буличъ, А. Н. Веселовскій, Р. О. Ланге, Е. А. Лёве, Е. П. Нусбаумъ, В. Б. Струве и др.

В. Б. Струве полагалъ, что пункты, выдѣленные докладчикомъ въ первую категорію, въ одинаковой степени относятся ко *всѣмъ* предметамъ преподаванія, а не къ однимъ только иностраннымъ языкамъ. Къ этому мнѣнію примкнуло большинство присутствовавшихъ. Кромѣ того, докладчику было замѣчено, что онъ упустилъ изъ виду одинъ очень важный результатъ реформеннаго движенія въ Германіи, результатъ, который принимается теперь уже за аксіому, а именно, что преподаваніе языковъ должно начинаться съ *одного* языка, а не съ двухъ, какъ это часто практиковалось до настоящаго времени. Лишь послѣ того, какъ первый языкъ будетъ усвоенъ учениками въ своихъ основныхъ фонетическихъ, морфологическихъ и лексическихъ чертахъ, лишь тогда возможенъ переходъ ко второму языку. Всѣ присутствующіе единогласно признали это

Digitized by Google

за основную аксіому и за необходимое условіе успѣшнаго хода преподаванія иностранныхъ языковъ.

А. Н. Веселовскій выразилъ сомнѣніе въ необходимости фонетики и фонетической транскрипціи на первыхъ-же порахъ преподаванія, и полагалъ, что центръ тяжести долженъ лежать на другой сторонѣ дѣла: на практическомъ усвоеніи лексическаго и морфологическаго матеріала. Такъ какъ дальнѣйшія пренія выяснили, что основныя положенія реформеннаго движенія, его цѣли и сущность, не одинаково понимаются присутствующими, и что для успѣшнаго хода дѣла необходимо, прежде всего, придти къ полному и ясному соглашенію по этимъ основнымъ вопросамъ, то предсѣдатель прекратилъ обсужденіе, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ засѣданіи эти вопросы были выдвинуты на первый планъ и ясно формулированы. Чтобы облегчить эту задачу, присутствующіе тутъ же намѣтили рядъ вопросовъ, которые имъ казалось желательнымъ выяснить. А именно: 1) цѣли и сущность такъ называемаго новаго метода. 2) Что значитъ и съ какого момента должна быть введена въ преподаваніе индуктивная грамматика? 3) Какую роль должно играть чтеніе? 4) Какое мѣсто должно быть отведено переводамъ? 5) Какъ относится, съ точки зрѣнія «новаго» метода, преподаваніе иностранныхъ языковъ къ преподаванію родного языка и другихъ предметовъ въ смыслѣ распредѣленія часовъ, матеріала и т. д.?

II. Проф. С. К. Буличъ доложилъ о новомъ учебникѣ русскаго языка, не появившемся еще въ продажѣ, но присланномъ издателемъ предсѣдателю общества (Original-Methode Toussaint-Langenscheidt für das Selbststudium der russischen Sprache. 1 Lieferung. Berlin s. a.) Не входя въ оцѣнку метода Toussaint Langenscheidt'a, достаточно всѣмъ извѣстнаго, докладчикъ остановился лишь на критикѣ присланнаго перваго выпуска, содержащаго, главнымъ образомъ, фонетику русскаго языка. Указавъ на сбивчивость и непослѣдовательность транскрипціи, принятой въ учебникѣ, референтъ отмѣтилъ рядъ курьезныхъ промаховъ и ошибокъ, въ которыя впадаетъ авторъ, г. Арсеній Гарбовъ. Эти промахи объясняются, по мнѣнію докладчика, тѣмъ, что авторъ, очевидно, вноситъ въ свою книгу массу особенностей южнорусскаго произношенія и что онъ недостаточно владѣетъ современнымъ литературнымъ языкомъ. Онъ, несомнѣнно, желалъ дать подробное и точное представленіе о звуковой сторонѣ русскаго языка, но это ему не удалось, такъ какъ онъ не имѣетъ достаточной фонетической подготовки.

Ѳ. Браунъ.

Редакторъ-издатель. Александръ Острогорскій.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Новыя изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

„Образовательная Библіотека"

Серія 2-я (1898 года).

ЗАДАЧА „*Образов. Библ.*"—дать рядъ общедоступно составленныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ научнаго знанія. Естествознаніе во всемъ его объемѣ, философія и ея исторія, психологія, этика и эстетика, исторія культуры и соціологія, политическая экономія и правовѣдѣніе, исторія литературы и искусства—всѣ эти отрасли будутъ представлены въ „Образов. Библ.". Редакція будетъ стремиться къ тому, чтобы въ выпускаемыхъ ею книгахъ научность содержанія сочеталась съ живымъ и легкимъ изложеніемъ. Изъ послѣдовательнаго ряда сочиненій получится систематическое въ извѣстной степени цѣлое, но эта систематичность цѣлаго отнюдь не будетъ чисто внѣшней и не помѣшаетъ читателю свободно выбирать то, что въ данный моментъ всего болѣе соотвѣтствуетъ его интересамъ и образовательному уровню.

Во 2-ую серію (1898 г.) войдутъ, между прочимъ, слѣдующія сочиненія:

Гумпловичъ. ОСНОВАНІЯ СОЦІОЛОГІИ. Перев. съ нѣмецкаго подъ ред. прив.-доц. В. М. Гессена.

Болинъ В. СПИНОЗА, ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФІЯ. Перев. съ нѣм. З. Н. Журавской.

Парвусъ. МІРОВОЙ РЫНОКЪ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРИЗИСЪ.

Мильталеръ. ЧТО ТАКОЕ КРАСОТА. Введеніе въ эстетику. Перев. З. А. Венгеровой.

Чемберсъ. СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА.

Ланглуа и Сеньобосъ. ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИЗУЧЕНІЕ ИСТОРІИ. и др.

2-я серія (1898 г.) составитъ

около 100 печатныхъ листовъ

(до 1600 страницъ)

небольшого размѣра плотной печати.

Подписная цѣна на ВСЮ СЕРІЮ **4 р.**, съ перес. **5 р.**,

Подписка принимается въ конторѣ изданій *О. Н. Поповой*—Спб. Невскій, 54 и въ книжн. магаз. «ТРУДЪ» Москва, Тверская, д. Спиридонова.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

С. С. ШАШКОВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Въ 2-хъ томахъ. (Стр. 894+666) Спб. 1898 г.

Ц. ЗА ОБА ТОМА 4 Р.

Содержаніе: Т. I. Историческія судьбы женщины, дѣтоубійство и проституція. Исторія русской женщины. Т. II Историческіе очерки.—Старая и новая Испанія. Судьбы Ирландіи. Эдмундъ Боркъ. Газетная пресса въ Англіи. Историческіе этюды:—Русскія реакціи. Поучительная исторія о нѣмцахъ. Рабство въ Сибири. Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи. Россійско-Американская Компанія. Иркутскій погромъ въ 1758—1760 г.

Элизе Реклю.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

(ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ).

Изданіе это представляетъ собою переводъ извѣстнаго сочиненія—Geogr-Universelle—Реклю въ той его части, которая заключаетъ въ себѣ полное описаніе всѣхъ европейскихъ государствъ. (Германія, Франція, Великобританія, Италія, Швейцарія, Австро-Венгрія, Испанія, Португалія, Бельгія, Голландія, Швеція, Норвегія, Данія и государства Балканскаго полуострова) и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, ихъ географіи, населенія, происхожденія его и быта, государственнаго устройства и общественной жизни.

ИЗДАНІЕ будетъ выходить отдѣльными выпусками, отъ 15 до 25 листовъ плотной печати въ каждомъ, съ многочисленными иллюстраціями, дающими представленіе о пейзажахъ страны, типахъ населенія и великихъ явленіяхъ природы.

Каждый выпускъ будетъ снабженъ дополнительнымъ подробнымъ описаніемъ государственнаго устройства, библіограф. указателемъ лучшихъ книгъ и журнальныхъ статей, имѣющихся на русскомъ языкѣ по вопросамъ географіи, этнографіи, статистики, исторіи, полит. устройства, хозяйственной и общественной жизни и изящной литературы каждой страны, а также всѣми необходимыми примѣчаніями и добавленіями. (Статистическія цифры населенія, торговли и пр. будутъ доведены до послѣдняго времени).

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Вып. I. Швеція и Норвегія, перев. съ франц. П. КРАСНОВА, 76 рисунковъ, съ прилож. очерка государ. устройства и библіографич. указат. СПБ. 1896 г. ц. 1 руб. Вып. II. Бельгія и Голландія, перев. съ франц. П. КРАСНОВА, 67 рисунковъ и 9 чертежей. Съ приложен. очерка государств устройства обоихъ государствъ и статистическихъ свѣдѣній, составл. Д. ПРОТОПОПОВЫМЪ и библіографич. указателемъ. СПБ. 1897 г. ц. 1 руб. Вып. III. Соединенные штаты. Часть первая. Перев. съ франц. подъ ред. Н. БЕРЕЗИНА, 70 рисунковъ и 12 схематическихъ картъ въ текстѣ. СПБ. 1898 г. Ц. 1 р 50 к.

Желающіе пріобрѣсти изданіе полностью, могутъ заявить въ контору и имъ каждый выпускъ по выходѣ будетъ отсылаться наложеннымъ платежемъ (за каждый наложенный платежъ почта взимаетъ 10 коп. комиссіонныхъ).

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ПРУГАВИНЪ, А. С.

ЗАКОНЫ И СПРАВОЧНЫЯ СВѢДѢНІЯ
по начальному народному образованію.

Общія положенія.—Начальн. народныя училища.—Дополнительн. постановленія и распоряженія относительно училищныхъ Совѣтовъ.—Участіе въ дѣлѣ народн. образов. земствъ, городовъ и сельскихъ обществъ.—Инструкція для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ Мин. Нар. Просв.—Инструкція директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ.—Народныя училища въ Западномъ краѣ, на Кавказѣ, въ Остзейскихъ губерніяхъ и Царствѣ Польскомъ.—Уѣздныя и городскія училища.—Городскія начальныя училища въ С.-Петербургѣ.—Положеніе о начальныхъ городскихъ училищахъ въ Москвѣ.—Воскресныя школы.—Частныя учебныя заведенія и домашнее обученіе.—Фабричныя школы.—Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ Мин. Нар. Просв. и для публичныхъ народныхъ чтеній.—Церковно-приход. школы и школы грамоты.—Учительскіе институты, семинаріи и школы.—Педагогическіе курсы для учителей и учительницъ народныхъ училищъ.—Статистическія свѣдѣнія о начальномъ народномъ образов. въ Россіи.—Городскія и и общественныя публичныя библіотеки.—Безплатныя народныя читальни.—Публичныя чтенія для народа.—Изданіе книгъ, журналовъ и газетъ.—Типографіи и литографіи.—Книжная торговля.—Общества, содѣйствующія начальному народному образованію.—Общества трезвости.—Попечительства о народной трезвости.—Театръ и литературно-музыкальные вечера для народа.—Дополненіе: Программы начальныхъ народныхъ училищъ Мин. Нар. Просв.

СПБ. 98. **Цѣна 3 р. 50 к.**

Выписывающіе изъ склада за пересылку **НЕПЛАТЯТЪ.**

Каталогъ изданій по требованію **безплатно.**

Контора и складъ изданій О. Н. ПОПОВОЙ—Спб., Невскій пр., 54.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

ICLF (N)

LIBRARY USE MAR 3 '86

MAR 09 1996
RECEIVED
MAR U 2 1996
CIRCULATION DEPT.

LD 21A–60m-3,'65
(F2336s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

Digitized by Google

YC 23069

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C008395584

Digitized by Google

Digitized by Google